

11
к30

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. Б. КАФЕНГАУЗ

ИСТОРИЯ
ХОЗЯЙСТВА ДЕМИДОВЫХ
В XVIII-XIX вв.

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

*

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

9(с)13+621.7

К30

Б. Б. КАФЕНГАУЗ

ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА ДЕМИДОВЫХ В XVIII—XIX ВВ.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—Ленинград

1949

3

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик
С. Г. СТРУМИЛИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская металлургия достигла в XVIII в. замечательных успехов. В. И. Ленин отметил ее великое историческое прошлое, указав на «высшее процветание Урала и господство его не только в России, но отчасти и в Европе» в XVIII в.¹

Возникновение уральской промышленности, ее развитие в XVIII столетии и ее мировые успехи, достигнутые еще в условиях крепостного труда, неоднократно освещались историками и экономистами. Но при этом авторы оставили недостаточно освещенным ряд вопросов и почти не привлекали покоящийся в наших архивах материал или использовали его слишком скупо. В настоящей работе я поставил перед собой задачу повести исследование вглубь; поэтому я ограничился изучением одного частного предприятия Демидовых, которое было наиболее крупным в XVIII в. и дало затем начало целому ряду самостоятельных предприятий.

В основу настоящего исследования положены неизданные архивные источники. Необходимость восстановить давно исчезнувшую жизнь по архивным материалам привела к тому, что работа неизбежно должна была разрастись. Настоящая книга является первым томом задуманного труда, она охватывает историю предприятий Демидовых в течение большей части XVIII в.

Глубокую признательность выражаю академику С. Г. Струмилину, выдвинувшему задачу изучения демидовских архивных материалов и помогавшему мне своими указаниями. Работа велась в большей своей части в трудных для научных занятий условиях военного времени. Книга могла быть написана лишь благодаря Институту истории Академии Наук СССР и содействию ряда архивных учреждений, их руководителей и сотрудников. Считаю приятным долгом отметить здесь помощь, оказанную мне сотрудниками Центрального гос. архива древних актов в Москве в лице его директора В. З. Джинчирадзе и научных сотрудников: В. Н. Шумилова, содействие которого было особенно ценно, Е. Ф. Желоховской

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 424.

и др. Постоянное внимание я встречал со стороны директора Свердловского областного государственного архива, ныне покойного Г. П. Хитродумова, сотрудников Нижнетагильского филиала Свердловского государственного архива и Нижнетагильского музея краеведения. Ценные указания сделали мне покойный академик В. И. Пичета, профессора К. В. Сивков, А. И. Андреев и В. К. Яцунский, любезно ознакомившиеся с работой в рукописи, а также сотрудница издательства Академии Наук СССР В. И. Корж. Выражаю им мою глубокую благодарность.

Б. Кафенгауз

Часть первая

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ
УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ**

Г Л А В А I

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Более сорока лет назад В. О. Ключевский отметил, что наш XVIII век еще остается в «научной полутьме».¹ Из истории этого столетия наиболее прочный интерес возбуждала эпоха Петра Великого, надолго ставшая темой горячих споров. В русской науке накануне революции уже наметился поворот в направлении более пристального изучения также и послепетровского периода, но внимание историков при этом направлялось преимущественно на историю государственных учреждений, армии, военного искусства, финансов и местного самоуправления, наконец, на екатерининскую законодательную комиссию. В меньшей степени историков привлекали вопросы социально-экономического развития России XVIII в., и труды В. Семевского по истории крестьян и крестьянского вопроса остались почти одиночными. Великая Октябрьская социалистическая революция изменила направление научных интересов. Советская наука поставила новые проблемы и решает их на основе исторического метода Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Но и теперь изучение XVIII в., за исключением эпохи Петра Великого, привлекает относительно меньше научных сил, чем другие эпохи нашей истории.

Настоящее исследование посвящено истории русской металлургии и заводских крестьян. При этом в нем рассматривается не вся данная отрасль крупной промышленности и не отдельный завод, а крупнейшее предприятие, включавшее многочисленные заводы, деревни, транспортные средства и конторы. Выдающаяся роль хозяйства Демидовых в уральской горной промышленности делает его изучение достаточно показательным, а ограничение рамками этого крупнейшего предприятия позволяет глубже охватить ряд вопросов. История предприятия Демидовых рассматривается в настоящей работе как часть социально-экономической истории нашей страны. Изучение его истории должно способствовать более углубленному общему пониманию социально-экономической истории России за XVIII в.

На примере хозяйства Никиты Демидова сделана попытка осветить вопрос о возникновении крупного производства на Урале, в какой мере была подготовлена для него почва, откуда черпался для первых заводов

¹ В. О. К л ю ч е в с к и й. Памяти С. М. Соловьева (1904).— «Очерки и речи». 2-й сб. статей, П., 1918, стр. 55.

технический и организационный опыт, как складывалась рабочая сила, какова была роль государственной власти. Перед исследователем стоит также задача выяснения объема производства, численности заводов, размера и состава продукции. Существенное значение имеют организационные формы мануфактуры XVIII в., степень разделения труда и т. п. Уральские заводы, и демидовские в том числе, обслуживались крепостными и приписными крестьянами, а на первых порах был значителен приток «пришлых», или беглых помещичьих, монастырских и казенных крестьян. Впоследствии в результате ряда указов они были закрепощены заводовладельцами. Освещение этой стороны приводит к основам феодально-крепостнического строя и к изучению кипевшей в то время классовой борьбы. Восстание Пугачева захватило уральские заводы, и участие в нем приписных крестьян и работных людей прослеживается и на истории демидовских заводов.

Мощное развитие русской металлургии в XVIII в. привело к росту экспорта уральского железа в Англию и в другие страны Западной Европы. Демидовское железо особенно ценилось на внешнем рынке. Это помогает уяснению характера внешнеторговых связей России. Демидовские заводы работали на армию и флот, наряду с казенными поставками отчетливо выявляются потребности внутреннего рынка, спрос на железо со стороны народного хозяйства. Перевозки железа с Урала к Москве и Петербургу по водным путям связаны с развитием русского судоходства, с образованием рынка труда в приволжских городах, где нанимались на суда многочисленные бурлаки и лоцманы. Наконец, рассмотрение финансовых итогов предприятия Демидовых связано с недостаточно освещенными вопросами о структуре бюджета крупного крепостного хозяйства.

Круг затронутых вопросов ведет к более общей проблеме — сложной социально-экономической структуре России в XVIII в., когда феодально-крепостнический строй уже сочетался с зарождавшимися внутри него капиталистическими отношениями.

Чтобы сделать задачи настоящей работы более ясными, следует кратко остановиться на литературе, относящейся к нашей теме.

Современники проявили значительный интерес к блестящим успехам русской металлургии в XVIII в. Еще в 1727 г. обер-секретарь Сената И. Кирилов составил общее статистико-географическое описание страны под характерным названием, указывающим на высокую оценку итогов петровской эпохи: «Цветущее состояние Всероссийского государства». Эта книга оставалась в рукописи и была издана лишь в XIX в. Вслед за ней, в 1735 г. В. Генниным, петровским инженером, строившим олонекские и уральские заводы, было составлено описание уральских заводов («Абрисы»), где приведены сведения и о демидовских заводах. Это сочинение также распространялось в рукописи и было издано лишь после Октябрьской революции.² Великий русский ученый М. В. Ломоносов в 1763 г. выпустил свою знаменитую работу «Первые основания русской металлургии» и затем выступил с обширным планом исследования нашей родины в минералогическом отношении. Смерть оборвала работу великого ученого по составлению «Российской минералогии». Конкретный статистический и описательный материал о горной промышленности был опубликован во второй половине XVIII в. М. Чулковым («Историческое описание российской коммерции»), И. Голиковым, знаменитыми путешественниками академиками Лепехиным, Палласом и другими, посещавшими уральские и сибирские заводы. Большое значение для истории уральской

² В. Г е н н и н. Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937.

промышленности имеют многочисленные работы начальника екатеринбургских горных заводов и члена Академии Наук И. Германа, изданные в конце XVIII и в начале XIX в.; в них содержится, наряду со статистическими данными, законодательный материал и приведены сведения по истории отдельных заводов.³ В XIX в. продолжали издаваться описательные работы и материалы по статистике горной промышленности (работы Зябловского, Попова, статьи в «Горном журнале» и др.).⁴ В Полном собрании законов (1830) было опубликовано также законодательство по горнозаводской промышленности. На основе этого богатейшего законодательного материала А. Семеновым написано трехтомное «Изучение исторических сведений о русской внешней торговле и промышленности» (1859), где автор остановился и на горной промышленности.

Во второй половине XIX в. впервые в книге А. Корсака «О формах промышленности» была высказана отрицательная оценка усилий Петра по развитию крупной промышленности, в частности горнозаводской. Автор считал мануфактуры искусственно созданными при помощи исключительных льгот и привилегий и при условии применения в них крепостного труда. «Новая форма промышленности была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни», — говорит Корсак. Он отдает предпочтение мелкой крестьянской промышленности перед мануфактурой и фабрикой.⁵ Эта ошибочная точка зрения отразилась и в последующей литературе. Вместе с тем продолжалось накопление конкретного материала по истории горной промышленности; например, в статьях В. Рожкова, помещенных в «Горном журнале» 80-х годов, были опубликованы архивные данные о деятельности Татищева на Урале и некоторые сведения о Демидовых.

Следует отметить пробуждение интереса к истории рабочего класса в связи с развитием капитализма и быстрым формированием пролетариата. Знаменитая книга Флеровского «Положение рабочего класса» (1869), привлекавшая внимание К. Маркса, содержит главу об уральском горном рабочем.⁶ Историк-народник В. Семевский в своей работе по истории крестьян дал также краткое исследование образования и закрепощения горнозаводских посессионных рабочих и приписных крестьян на Урале,⁷ при этом Семевский не отделяет еще рабочих людей от крестьянства. Из общих сводных работ отмечу «Материалы» А. Кеппена (1896), в которых собраны и систематизированы статистические данные преимущественно о внешней торговле металлом за XVIII и XIX вв. с анализом таможенной политики и роста продукции.⁸

Ошибочное представление о крупной промышленности как искусственно созданной при Петре отразилось в очерке истории уральской промышленности В. Белова. Он утверждал, что «насильственные реформы» Петра отклонили развитие русской промышленности «от ее естественного пути»

³ Об этих трудах как источнике для истории заводов Демидовых говорится в следующем параграфе настоящей главы.

⁴ Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи, СПб., 1808, кн. 2; [П о п о в]. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804, ч. 1—2.

⁵ А. К о р с а к. О формах промышленности вообще и значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России, М., 1861, стр. 126—131.

⁶ Н. Ф л е р о в с к и й (В. В. Берви). Положение рабочего класса в России, М., 1938, стр. 309—339.

⁷ В. С е м е в с к и й. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, СПб., 1881; т. II, 1901.

⁸ А. К е п п е н. Материалы для истории и статистики железной промышленности России, т. I. Внешняя торговля и тариф; т. II. Общий обзор железной промышленности, СПб., 1896.

и что крупная промышленность XVIII в. не имела исторических корней.⁹ эта неверная, пренебрежительная оценка крупной промышленности XVIII в. была затем развита П. Н. Милюковым, будущим идеологом империалистической буржуазии. Крупное производство при Петре, по его мнению, не развилось органически, а было создано «искусственными средствами», перенесено готовым с Запада, заводы вырастали «в стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей». Он считал петровскую промышленность непрочной; по его мнению, основанные в то время заводы и фабрики будто бы не дожили до второй половины XVIII в.¹⁰ М. И. Туган-Барановский, тогда «легальный марксист», прибавлял к этому, что не только в России, но и в Западной Европе крупное производство возникало «искусственно», в силу правительственного принуждения. Ниже мы увидим, насколько ошибочна эта точка зрения в применении к уральской промышленности. Извращая историческую действительность, он уверял в своей книге «Русская фабрика», будто успехи русской промышленности после Петра «были невелики» и что «техника производства совсем не прогрессировала», ему принадлежит неправильное утверждение, что в XVIII в. «главным потребителем продуктов крупного производства оставалось государство». Туган-Барановский считал, что источником крупной промышленности явился «торговый капитализм».¹¹ Эти глубоко ошибочные взгляды перешли от Милюкова и Туган-Барановского в «Русскую историю с древнейших времен» М. Покровского (впервые вышла в 1910—1914 гг.). Эта точка зрения, усвоенная Покровским, является антимарксистской, так как в основе каждой общественно-экономической формации лежат изменения в способе производства, а не в сфере обращения, и «торговый капитализм» никогда не существовал. Буржуазные историки вместе с тем исходили из неправильного представления о крайней отсталости русского XVIII века, где будто бы движущей силой являлась только государственная власть. Еще В. О. Ключевский, признавая заслуги Петра в создании уральского промышленного района, говорил, однако, о «казенно-парниковом воспитании промышленности». Россия второй половины XVIII в. рисовалась ему как хозяйственно отсталая страна: «Со времени Екатерины вся внутренняя история России превратилась в историю крепостного права», — говорит он.¹² Вслед за ним Н. Чечулин считал, будто на протяжении этого столетия «страна не развила сколько-нибудь заметно своей экономической деятельности» и находилась «в состоянии экономического застоя».¹³ В настоящей работе на примере металлургии XVIII в. выясняется ошибочность этого взгляда.

Иной взгляд на русскую хозяйственную историю был высказан Е. В. Тарле в статье: «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной?» (1910). Русские промышленные предприятия XVIII в., как указывал Е. В. Тарле, были много крупнее, чем, например, немногочисленные французские мануфактуры. Россия отставала лишь по сравнению с Англией, переживавшей тогда промышленный переворот.¹⁴ Статья

⁹ [В. Белов.] Исторический очерк уральских горных заводов, СПб., 1896.

¹⁰ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, СПб., 1898, ч. 1, стр. 80.

¹¹ М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, М., 1922, стр. 23, 51 (1-е изд. 1898).

¹² В. О. Ключевский. Курс русской истории, М., 1915, ч. 4, стр. 155; ч. 5, М. 1921, стр. 99.

¹³ Н. Чечулин. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, СПб., 1906, стр. 258—259, 376—378.

¹⁴ Статья Е. В. Тарле первоначально носила название «Показания иностранца-современника о русской торговле и промышленности в конце XVIII века»; доложена 14 октября 1909 г. в Историческом об-ве при СПб. ун-те; напечатана под другим заглавием, приведенным выше в тексте, в журн. «Современный мир», 1910, № 5, и затем перепечатана в сб. статей Е. В. Тарле: «Запад и Россия», П., 1918.

Е. В. Тарле почти не вызвала отклика в литературе, вероятно, в связи с недостаточностью известного тогда материала для освещения поставленного в ней вопроса. На ней остановился Г. В. Плеханов, но отнесся отрицательно к намечавшемуся автором решению: он считал, что «Е. В. Тарле так перегнул палку, что истина, вероятно, более далека от его мнения, нежели от мнения Чечулина».¹⁵ Основной недостаток статьи Е. В. Тарле, наряду со скудостью материала, заключается в том, что вопрос обсуждался вне связи с проблемой смены типов производственных отношений.

Буржуазная наука оставила по истории уральской промышленности разрозненный, несистематизированный материал; буржуазные историки преувеличивали отсталость России в XVIII в. и низко оценивали ее ведущую отрасль промышленности — русскую металлургию.

Новая постановка вопроса была сделана после Великой Октябрьской социалистической революции. Труды классиков марксизма-ленинизма дали толчок к разработке истории рабочего класса и промышленности, в том числе и истории уральской металлургии. Попытка дать общую историю уральского рабочего класса была сделана в книге Ю. Гессена «История горнорабочих» (1926), где использован архивный материал по истории уральской горнозаводской промышленности в XVIII в.¹⁶

Еще ранее К. А. Пажитнов (1923) дал общую картину истории рабочего класса, не выделяя отдельно горнорабочих, за XVIII и первую половину XIX в., останавливаясь на заработной плате, рабочем дне, жилищных условиях и т. д.¹⁷ Большое значение имели крупные документальные публикации по истории русской промышленности XVII—XVIII вв. — «Крепостная мануфактура в России».¹⁸ Эти сборники не включали материал по уральской промышленности, но в опубликованных здесь документах была раскрыта внутренняя организация русской мануфактуры того времени с применением разделения труда и использованием движущей силы воды. Непосредственное отношение к нашей теме имеет издание оставшегося в рукописи сочинения Геннина об уральских заводах (1937).

Новая тематика отразилась и в работах историков, не являвшихся марксистами, как И. Кулишер¹⁹ и П. Любомиров. В «Очерках по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв.» (1930) П. Любомиров показал, что фабрика XVIII в. «была построена по типу централизованной мануфактуры с большой концентрацией производства, с далеко проведенной специализацией».²⁰ Автор указывал, что работа на дому особенно распространяется во второй половине века. Это ценное исследование имеет вместе с тем и существенные недостатки. Любомиров рассматривал историю промышленности изолированно от господствовавшего феодально-крепостнического строя; он не исходил из марксистско-ленинского учения об общественных формациях и не мог дать научного анализа сущности мануфактуры. Любомиров неправильно считал наиболее характерным признаком мануфактуры централизацию производства. Он не исходил из марксистского учения о мануфактуре и не видел ее признаков в рассеянной форме, которую продолжал называть «кустарной» промыш-

¹⁵ Г. В. П л е х а н о в. История русской общественной мысли, т. III, гл. IV. Взаимная борьба общественных сил в эпоху Екатерины II, М., 1919, стр. 44—53.

¹⁶ Ю. Г е с с е н. История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., М., 1926.

¹⁷ К. П а ж и т н о в. Положение рабочего класса в России, П., 1923, т. I.

¹⁸ «Крепостная мануфактура в России», изд. АН СССР, М.—Л., 1930—1935, т. I—V.

¹⁹ И. М. К у л и ш е р. Очерк истории русской промышленности, П., 1922.

²⁰ П. Г. Л ю б о м и р о в. Очерки по истории русской промышленности XVIII и начала XIX вв., изд. «Прибой», 1930, стр. 33. Переиздано в его книге: «Очерки по истории русской промышленности», Госполитиздат, 1947.

ленностью, несмотря на указания Ленина на ненаучность этого термина. Применение описательного метода без широких обобщений особенно сказалось в другой работе Любомирова по географическому размещению русской металлургии XVII—XVIII вв.²¹

Академик С. Г. Струмилин в книге «Черная металлургия в России и в СССР» (1935) останавливается на росте производительности труда и анализирует данные об объеме продукции металлургии, о продуктивности уральских домен, о лесозаготовках в условиях XVII—XVIII вв. и т. п. Струмилин подчеркивает, что в XVIII в. русская металлургия занимала в Европе ведущее место, обогнав Англию.²² Уральской промышленности посвящена книга С. Сигова, охватившего ее историю, начиная с петровской эпохи и кончая советским периодом, именно успехами первой пятилетки. Автор мог остановиться на XVIII столетии лишь в одной главе своей книги, где дает заново критически проверенные сведения о числе заводов, построенных на протяжении столетия, о размерах выпуска металла и т. д.²³

Особенно ценным трудом является «История металлургии Урала» Д. Кашинцева (1939). Автор показывает общую динамику продукции чугуна, железа и меди в XVIII в. и выделяет «эпоху мирового первенства» Урала в 70—80-х годах XVIII в. Он ставит вопрос о предшественниках крупных уральских заводов, усматривая их в мелких крестьянских промыслах. Как эта выдающаяся работа, так и советские публикации документов по истории мануфактуры в других отраслях, отмеченные выше, поднимают вопрос о пересмотре общих представлений о русской мануфактуре того времени. По своей организации, наличию значительного разделения труда и по технике уровень русской мануфактуры XVIII в. рисуется теперь значительно более высоким. Это проявилось и в ряде работ по истории техники. Н. Бакланов показал с большой наглядностью специализацию и разделение труда на мануфактурах XVIII в., где число отдельных цехов было много больше, чем в XVII в.²⁴ Высокий уровень русской гидротехники в XVIII в., выразившийся в создании оригинальных типов заводских плотин, приспособленных к русским условиям, был отчетливо выявлен в исследовании В. В. Данилевского. Им же были изучены труды и жизнь гениального изобретателя паровой машины И. И. Ползунова и затем дана широкая картина развития русской технической мысли в книге «Русская техника». Автор с большим вниманием отнесся к новаторам XVIII в. и наглядно показал первенствующее значение русской металлургии в Европе того времени.²⁵

Советская историческая наука внимательно изучает проявления классовой борьбы. К нашей теме имеет отношение ценный сборник документов «Пугачевщина», изданный Центрархивом, где содержатся материалы о распространении восстания Пугачева на заводах Урала. Следует отметить также изданный Академией Наук сборник материалов о волнениях на мануфактурах XVIII в., в котором напечатаны документы

²¹ П. Г. Любомиров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, М.—Л., 1937.

²² С. Струмилин. Горнозаводский Урал петровской эпохи (к итогам политики Петра Великого). Лекция, М., 1945.

²³ С. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск, 1936. См. также М. Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I, Свердловское обл. гос. издательство, 1948.

²⁴ Н. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, 1935.

²⁵ В. Данилевский. История гидросиловых установок в России до XIX века, 1940; Е. Г. же. И. И. Ползунов. Труды и дни первого русского теплотехника, 1940; Е. Г. же. Русская техника, 1948.

о волнениях крепостных одного из Демидовых, владельца Дугненского завода в Тульской губернии.²⁶ В предисловии к этому изданию А. Предтеченский отметил, что заводские рабочие уже отличались от крестьянства, их требования «носят рабочий характер» и они «не мыслят добывать себе средства к существованию иными способами, чем работой на мануфактуре».

В советской литературе поставлен вопрос о социально-экономической природе мануфактуры XVIII в., но отчетливого решения его еще не дано. П. И. Лященко в «Истории народного хозяйства» начинает мануфактурный период в России с петровской эпохи и даже признает с некоторыми оговорками мануфактуры XVIII в. предприятиями «капиталистического типа». Вместе с тем для его понимания русского экономического развития характерно, что он считает его запоздавшим на полтора — два столетия против передовых стран Западной Европы, с чем в особенности трудно согласиться в отношении петровской эпохи и XVIII в.²⁷ В книге Е. И. Заозерской «Мануфактуры при Петре I» систематизирован значительный не только печатный, но и архивный материал, на основании которого автору удалось уточнить численность мануфактур, основанных при Петре I, и дать точный их список, включая и уральские заводы. Автор приходит к ценному выводу о значительном распространении наемного труда наряду с крепостной рабочей силой на петровских мануфактурах. «Мы не знаем ни одного предприятия, — говорит автор, — где бы не имелся известный контингент русских наемных людей».²⁸ Е. И. Заозерская, однако, не делает определенного вывода о социально-экономической природе мануфактуры и не отделяет крупных предприятий от мелких вопреки методологическим указаниям Ленина. В другой своей работе Е. И. Заозерская отметила «переплетение феодальных и капиталистических элементов» в русской мануфактуре, начиная с Петра, и середина XVIII столетия, по ее словам, является временем «дальнейшего роста» буржуазных элементов.

В статье Н. Л. Рубинштейна о зарождении капиталистических отношений в середине XVIII в. дано неточное представление об экономическом развитии России. Вопреки указанию Ленина на огромное значение русской металлургии не только у нас, но и для Западной Европы в XVIII в., Рубинштейн не говорит о мощном развитии крупной промышленности, в том числе и уральской металлургии. В этом проявилось принижение автором отечественных достижений. Крупную крепостную промышленность он называет лишь «придатком к помещичьему крепостному хозяйству»,²⁹ игнорирует указания Ленина об огромном значении переноса тульских металлургических промыслов на Урал и в Сибирь. В дискуссии, вызванной этой статьей, были высказаны более правильные взгляды в статьях Е. И. Заозерской, К. А. Пажитнова и акад. С. Г. Струмилина, отметивших двойственный характер крепостной мануфактуры XVII—XVIII вв., в которой переплетались феодальные и капиталистические элементы.³⁰

В советской исторической литературе, таким образом, выяснены круп-

²⁶ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», изд. АН СССР, М.—Л., 1937.

²⁷ П. Л я щ е н к о. История народного хозяйства СССР, М., 1947, т. I, стр. 386—398.

²⁸ Е. Заозерская. Мануфактуры при Петре I, изд. АН СССР, 1947, стр. 114.

²⁹ Н. Р у б и н ш т е й н. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке.— Уч. зап. Моск. гос. ун-та, М., 1946, вып. 87, стр. 112.

³⁰ Е. И. Заозерская. К вопросу о развитии крупной промышленности. Вопросы истории, 1947, № 12; К. П а ж и т н о в. К вопросу о переломе в мануфактурной промышленности XVIII в.— Вопросы истории, 1948, № 3; С. Струмилин. Экономическая природа первых русских мануфактур.— Там же, 1948, № 6; И. Б а к. К вопросу о генезисе капиталистического уклада.— Там же, 1948, № 4.

ные достижения русской металлопромышленности в XVIII столетии, ее организационные особенности как мануфактуры, поставлен вопрос об отношении ее к господствующему феодально-крепостническому строю и зарождавшимся капиталистическим отношениям. Настоящей работой имеется в виду помочь в разработке и углублении поставленных проблем. Ее задачей является выявить успехи в XVIII в. ведущей отрасли промышленности — металлургии и показать, как мануфактура развивалась в крепостнической стране, в каком взаимодействии она состояла с рынком внутренним и внешним, с крепостной деревней, как закрепощались заводские рабочие и как они боролись против крепостного гнета. На этой основе должно быть прослежено переплетение крепостнических и буржуазных отношений. То обстоятельство, что данная работа ограничивается частью русской промышленности, что она посвящена изучению крупнейшего предприятия, давшего затем начало нескольким отдельным предприятиям, дает возможность углубить исследование и сделать изложение затронутых вопросов более конкретным.

2. ИСТОЧНИКИ

Источниками для настоящего исследования послужили как печатные материалы, так, в особенности, неизданные, извлеченные из архивов. Печатные источники по истории демидовских предприятий можно разделить на три группы: 1) статистико-экономические материалы, 2) законодательство и 3) биографические сведения. Отдельный статистический материал о русской промышленности, включая сведения по демидовским заводам, стал публиковаться еще в XVIII в. Первой публикацией такого рода следует признать ведомости о горных заводах за 1766—1767 гг., напечатанные М. Чулковым (1786). К петровскому времени относятся сведения, собранные Ив. Кириловым в 1727 г., но опубликованные лишь в XIX в. (1831). Следует также отметить рукописную книгу В. Крамаренкова с перечнем заводов за 1770 г.; эти сведения были использованы в наше время Ю. Гессеном в его работе по истории горнорабочих. Статистические таблицы за 1777 г. по уральским заводам опубликованы Н. Баклановым (1935). Статистика горных заводов за 1782 г. была опубликована начальником горных заводов Ив. Германом еще в конце XVIII в.; ценные сведения о состоянии уральских заводов приводятся в ряде его работ.³¹ В этих материалах содержатся перечни заводов, указано их местоположение, число домен и молотов, приведены цифры продукции чугуна и железа, число рабочих и приписных крестьян. Они основаны на официальных данных, собиравшихся правительственными учреждениями, прежде всего Берг-коллегией; не всегда они полны и нередко не могут быть сопоставлены друг с другом ввиду их неоднородности. Ниже я остановлюсь на значении и степени достоверности этого материала.

К указанным источникам приближаются до некоторой степени описания заводов, сделанные современниками, путешественниками, учеными и др. На первом месте по точности и подробности сведений следует поставить «Абрисы» В. Геннина, содержащие подробное описание каждого из уральских заводов, в том числе и демидовских. Сочинение Геннина

³¹ И. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, М., 1831, ч. 1—2; М. Чулков. Историческое описание российской коммерции, СПб., 1786, т. VI, кн. 2; И. Герман. Сочинение о сибирских рудниках и заводах, СПб., 1797; Е. Гоже. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих, Екатеринбург, 1808; Е. Гоже. Историческое начертание горного производства Российской империи, Екатеринбург, 1810; Ю. Гессен. Цит. соч., стр. 78—82; Н. Бакланов. Цит. соч., приложение III.

составлено в 1735 г., долго распространялось в рукописи и было издано только в наше время.³² Затем следует отметить описания отдельных демидовских заводов, сделанные участниками академических экспедиций или отдельными учеными XVIII в. Это — работы академиков Гмелина, Лепехина, Палласа, Георги и экономико-географическая работа о Пермской губернии Попова. Сюда же следует отнести книжку шведского инженера Норберга, содержащую подробные данные о выплавке чугуна на Нижнетагильском и других заводах.³³ Сочинения ученых-путешественников, ценные своей конкретностью, нуждаются, однако, в проверке и по своему значению уступают статистическим ведомостям, перечисленным выше.

Законодательные акты, указы о строительстве заводов, о передаче казенного Невьянского завода Никите Демидову и пр. имеют существенное значение для установления даты постройки заводов, условий, на которых они эксплуатировались, и для выяснения характера привилегий Демидовых. Значительная часть этих указов помещена в Полном собрании законов (1-е издание), в «Актах исторических», «Сенатском архиве», «Материалах по истории русского флота» и др. В особенности следует отметить акты, напечатанные в сборниках, составленных местными исследователями, книгу Шишонко «Пермская летопись» и др.

Необыкновенное возвышение тульского кузнеца Никиты Демидова привлекло внимание современников и породило много рассказов, объясняющих, каким образом его потомки превратились в богатейших людей XVIII в. Биографические сведения о первом Демидове сообщает современник Екатерины II Ив. Голиков в своем многотомном сборнике документов «Деяния Петра Великого». Здесь изложены указы о пожалованиях Демидовым, приведены рассказы о первом знакомстве Петра с Демидовым и о подарке, сделанном первым уральским заводчиком царю по случаю рождения царевича (100 тыс. руб. и драгоценности). Голиков указывает в качестве источника этих сведений устные рассказы «почтеннейших старцев времен Петровых».³⁴ От Голикова эти сведения перешли к другим авторам (Бантыш-Каменский, Вейдемейер и др.). Биография Акинфия Демидова была изложена в книге Г. Спасского (1833). Позднее многие материалы бытового и биографического характера, а также письма некоторых Демидовых были напечатаны в «Русском архиве» и других журналах.³⁵ Особенно интересным источником такого рода является дневник путешествия Н. А. Демидова по Западной Европе, изданный им в 1786 г. На нем я остановлюсь подробно в дальнейшем изложении.³⁶

Биографические данные о Демидовых, разбросанные по различным изданиям, были сведены в работе К. Головщикова по генеалогии Демидовых.³⁷

³² В. Г е н н и в. Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937.

³³ I. G m e l i n. Reise durch Sibirien, 1761, Bd. I—III; П. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Российского государства, СПб., 1786, т. I—II; Л е п е х и н. Дневные записки путешествия, 1775, т. I—II; П о п о в. Хозяйственное описание Пермской губернии, Пермь, 1804, т. I—II; N o r b e r g. Über die Production des Roheisens in Russland, 1805; Н е г м а н, Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebirges, 1789; Е г о ж е. Die Wichtigkeit des russ. Bergbaues. 1810.

³⁴ И. Г о л и к о в. Дополнения к «Деяниям Петра Великого», СПб., 1790, т. XVII, стр. 348. Голиков издал свое сочинение при материальном содействии Демидовых (см. И к о н н и к о в. Русская историография, Киев, 1908, т. I, стр. 127).

³⁵ Русский Архив, 1873, кн. 2; здесь помещены письма Прокофия Демидова 1770-х годов; см. т а м ж е, 1880, и др.; Русская старина, 1883, № 4 («Всепоподданнейшие письма Прокофия Демидова к Екатерине II из Амстердама с проектом устройства коммерческой конторы»).

³⁶ «Журнал путешествия... Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам», М., 1786.

³⁷ К. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых, Ярославль, 1881.

В некоторых работах первой половины XIX в., касающихся в той или иной степени истории металлургии и демидовских заводов, уже использованы были отдельные архивные материалы (И. Гамель, И. Рябов, Г. Спасский, Сахаров, Н. Бранденбург).³⁸ Из более поздних работ следует отметить серию статей горного инженера В. Рожкова, помещенных в «Горном журнале», в которых впервые для освещения истории горной промышленности были привлечены материалы архива Берг-коллегии. Рано умерший историк И. Соколовский в статье по истории русской промышленности изложил отдельные документы из сборника указов и материалов о Демидовых из собрания Румянцевского музея (ныне Гос. библиотеки им. Ленина).³⁹ Однако эти работы, имеющие характер отдельных этюдов, не нашли своих продолжателей. Последующие авторы почти не привлекали для своих работ по истории горной промышленности богатейшие материалы правительственных учреждений, ведавших горным делом в центре и на Урале, так же как оставался совершенно не использованным вотчинный архив Демидовых. В советской исторической литературе надо отметить ценную книгу Д. Кашинцева «История металлургии Урала» (М., 1939) и интересную публикацию материалов по истории волнений демидовских крестьян.⁴⁰

Настоящее исследование основано на изучении неизданных архивных материалов. Важнейшим источником для него послужили материалы вотчинного архива Демидовых, владельцев Нижнетагильского и других заводов, тесно с ним связанных. Архив этой ветви Демидовых сохранился с XVIII в. до 1917 г.; он идет главным образом с момента раздела наследства Акинфия Демидова в середине XVIII в. между его сыновьями (1745—1757), когда Нижнетагильские заводы перешли к его младшему сыну Никите Акинфиевичу. В руках его потомства они оставались в течение следующих более полутора столетий до революции. В этот архив входят также немногочисленные отдельные материалы за первую половину XVIII в., большей частью за 40-е годы. Но несмотря на исключительно обширные размеры архивных богатств, фонд этот все же не является полным, в особенности за XVIII в. Кроме того, эти архивные материалы разделены в настоящее время между различными архивохранилищами Москвы, Свердловска и Нижнего Тагила.

О неполноте дошедшего до нас архивного фонда можно судить по следующим данным. В конце XIX в. нарастание архива стало беспокоить демидовскую администрацию. В 1881 г. в главной петербургской конторе Демидова-Сан-Дonato была составлена докладная записка об устройстве архива и подыскании для него помещения.⁴¹ Из нее мы узнаем, что еще в 1855 г. назначена была комиссия для приведения архива в порядок, которая полтора года занималась составлением алфавита и реестров дел,

³⁸ И. Р я б о в. Былина и временность Нижнетагильского завода.— Уч. зап. Казанск. ун-та, 1848, кн. 1; И. Г а м е л ь. Описание Тульского оружейного завода, М., 1826; Са х а р о в. История общественного образования Тульской губернии, М., 1832; Н. Б р а н д е н б у р г. Приказ артиллерии, СПб., 1876.

³⁹ И. С о к о л о в с к и й. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и в первой половине XVIII в.— Уч. зап. Казанск. ун-та, 1890, кн. 3; В. Р о ж к о в. А. Н. Демидов на своих Колывано-Воскресенских заводах.— Горный журнал, 1891, т. III; Е г о ж е. Деятельность В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого.— Там же—1884, № 7 и 8; Е г о ж е. Доносы фискалов на Никиту Демидова.— Русская старина, 1887, № 54; Е г о ж е, Берг-компания на Магнитной горе Сибири.— Горный журнал, 1885, т. II.

⁴⁰ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», изд. АН СССР, М.— Л., 1937. Большая часть этого издания занята материалами по восстанию крестьян Ромодановской волости Н. Н. Демидова в 1752 г.

⁴¹ Центр. гос. архив древних актов в Москве (ЦГАДА), ф. Демидовых (Сан-Донато), без №. Обзор состояния архива Демидовых, 30 марта 1881 г.

но успела включить в них лишь небольшую часть. В то время (1881) архив находился в полном беспорядке; дела из него брались и часто не возвращались. Накопляясь массами, «они впоследствии до того перемешались, что под конец уже не было никакой возможности находить в них нужную бумагу». Дела предшествовавших лет, до 40-х годов XIX в., как указывается в докладной записке, «находятся на чердаках, и только небольшая часть из них помещается на полках, остальные свалены в кучу, как мусор, и давно уже покрылись плесенью, а некоторые, может быть, поедены мышами». В той же записке указано, что «всех дел с 40-х годов наберется примерно до 10 тысяч номеров», но это только часть имеющихся дел, и «можно допустить без преувеличения, что с основания главной конторы их должно быть около того же». Таким образом, автор этой записки, приглашенный в качестве архивариуса, считал, что весь петербургский архив должен был включать около 20 тыс. дел. Кроме того, существовали архивы заводской конторы в Нижнем Тагиле и на отдельных заводах, а также в демидовских конторах в Москве и в других городах.

В Центральном гос. архиве древних актов в Москве обширный фонд Демидова — Сан-Дonato охватывает период с середины XVIII в. до 1917 г. Он содержит преимущественно материал за XIX в.; отдельные книги и дела за XVIII в. перемешаны с более поздними документами. Интересующие нас документы XVIII в. имеются лишь за вторую половину столетия и относятся главным образом к петербургской конторе. Сохранилось немного разрозненных дел, относящихся к московской конторе, которая занимала центральное место, находясь в непосредственном ведении владельца; имеются также дела нижнетагильской заводской конторы.

Другая часть того же фонда находится в Свердловском государственном областном архиве; она насчитывает 324 номера и также в большей своей части относится к XIX в. Для предшествующего периода здесь имеются тоже главным образом дела и книги петербургской конторы, но встречаются и отдельные дела из московской конторы. Нередко однородные дела за один год находятся в Свердловске, а другая часть их — в Москве, в ЦГАДА, что, разумеется, затрудняет их изучение.⁴²

Третьей частью того же демидовского архива являются материалы Нижнетагильского филиала Свердловского облархива. Сюда входит обширный фонд нижнетагильской заводской конторы Демидовых, и здесь же хранятся отдельные фонды по другим заводам этой группы (Лайские, Черноисточинский, Висимо-Шайтанский, Висимо-Уткинский, Выйский заводы). Из материалов XVIII в. лучше представлена и здесь вторая половина столетия, но имеются также отдельные документы за 40-е годы. Отсутствие среди демидовских фондов материалов за первую половину столетия является существенным пробелом.

Для настоящей работы мною изучались все три части демидовского архива, хотя и не в одинаковой степени: меньше всего пришлось использовать нижнетагильский архивный фонд. Наличие материалов петербургской и частью московской контор, занимавших руководящее место, позволило обозреть в целом и с важнейших сторон жизнь этого демидовского предприятия. С наибольшей полнотой изучены материалы 50—70-х годов XVIII в.; следующий, второй том работы должен охватить историю хозяйства Демидовых с конца XVIII и за первую половину XIX в.

Материалы демидовского вотчинного архива включают разнообразную деловую переписку приказчиков с владельцами и с центральной конторой в Москве. Особенно важное значение имеют донесения и отчеты заводской

⁴² В Свердл. облархиве хранятся также фонды Кыштымского и некоторых других заводов, принадлежавших другим ветвям разросшегося рода Демидовых.

конторы, высланные из Нижнего Тагила; они касаются главным образом производства. Заводская контора выслала также отчетный статистический материал, полугодовые ведомости и двухнедельные рапорты, позволяющие вскрыть динамику производства. В донесениях заводских приказчиков ярко отразились и отдельные важные события — волнения рабочих и приписных крестьян, сношения с горным начальством, сопровождавшиеся взятками, и т. п. Петербургская демидовская контора ведала экспортными операциями, и ее материалы с исключительной яркостью отражают переговоры с английскими фирмами, закупавшими уральское железо, приведены договоры с ними и т. п. Петербургские приказчики вели также сношения с центральными государственными учреждениями, как Берг-коллегия и Сенат, по вопросу о казенных поставках и подробно доносили владельцу о каждом своем шаге в этом отношении. Дела московской конторы сохранились, как указано, лишь в небольшом количестве. Сюда стекались не только донесения и отчеты от контор и караванных приказчиков, находившихся на судах с демидовским железом, но присылались также для счета и контроля денежные документы и книги других контор. Немногие сохранившиеся дела городских контор XVIII в., находившиеся в Твери, Ярославле, Казани, Нижнем Новгороде, при Дубенской пристани, все же позволяют представить их коммерческую деятельность по сбыту железа на внутреннем рынке и по содействию караванам судов с железом, пливших по Каме, Волге и каналам до Петербурга. Сохранились караванные книги с подробными отчетами приказчиков о расходах по перевозке железа с заводов до центра. Могли быть использованы лишь отрывочные данные о вотчинном хозяйстве Демидовых, которые извлекались из донесений местных городских приказчиков. Центром вотчинного управления было с. Фокино на Волге, в Нижегородском уезде. Кроме того, некоторые приказчики, сидевшие в городских пунктах, также ведали демидовскими вотчинами, где находились старосты и бурмистры, сносившиеся с московской конторой. Весь этот материал, далеко не полный, все же позволяет представить предприятие в целом, не ограничиваясь лишь тем или иным заводом или отдельной конторой. Но некоторые вопросы, как, например, движение заработной платы и рабочее время, освещаются в нем недостаточно; для изучения их нужно более полное использование нижнетагильского архивного материала, чего не удалось сделать для настоящего тома.

Наконец, надо отметить жалованные грамоты и указы, относящиеся к Демидовым, начиная с грамоты о пожаловании Никите Демидову Невьянского завода. Они дошли до нас в многочисленных копиях в демидовском архиве, а также в архивных фондах правительственных учреждений — в сенатских делах и фонде Берг-коллегии.

Материалы демидовского архива положены в основу при изучении истории предприятия за вторую половину XVIII в. На них главным образом основана третья часть исследования, где выясняется организация предприятия и состав рабочих. Для первой половины столетия вотчинный архив отсутствует, за исключением отдельных документов. Для этой ранней истории демидовского хозяйства пришлось обратиться преимущественно к архивным фондам правительственных учреждений, именно использованы были дела Берг-коллегии, дела Сената, бывшего Госархива, Сибирского приказа, Портфели Миллера и экономические примечания генерального межевания. Кроме этих фондов, хранящихся в ЦГАДА, мною использован ряд материалов отделения рукописей Госбиблиотеки им. Ленина, архива Гос. исторического музея, а также фонды Свердловского областного архивного управления и Нижнетагильского музея краеведения. Особенно следует отметить переписку Сибирского

приказа с верхотурскими и тобольскими воеводами о горных заводах за 1700—1703 гг., выделенную в особый фонд — дела о горных промыслах и заводах (ЦГАДА) и позволившую восстановить почти день за днем строительство первых уральских заводов и первые шаги Никиты Демидова. Большой интерес представляют также материалы о разделе наследства Акинфия Демидова (1745—1757) из фонда Госархива (ЦГАДА). В связи с разделом была произведена по распоряжению правительства тщательная опись и оценка имущества Акинфия Демидова, его заводов, вотчин и движимости; сохранились краткие итоговые «экстракты» из этих описей и разнообразные документы, связанные с разделом, как, например, завещание Демидова, переписка членов его семьи и т. п.

ГЛАВА II

РУССКАЯ МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РЫНОК МЕТАЛЛОВ в КОНЦУ XVII в.

1. МАНУФАКТУРА И РЕМЕСЛО В РУССКОЙ МЕТАЛЛОПРОМЫШЛЕННОСТИ в КОНЦЕ XVII в.

Первые уральские заводы, выстроенные в самом начале XVIII в., как увидим ниже, стояли в генетической связи со старыми заводами центра страны, выросшими на протяжении предшествующего XVII в. При строительстве Невьянского и Каменского заводов, первых крупных предприятий на Урале при Петре I, были использованы заводской опыт XVII в. и навыки ремесленников. Заводы строились мастерами, взятыми из Москвы и Тулы, даже оборудование для них завозилось вначале с тех же старых заводов, несмотря на огромное расстояние, их разделявшее. Без тульских и подмосковных заводов и без их ремесленников не могли бы так легко и быстро возникнуть уральские заводы. Не следует считать предшественниками уральской промышленности только отдельные, большей частью недолговечные, крупные заводы на Урале в XVII в. Крестьянская металлопромышленность на Урале сыграла свою роль в отношении разведки руд и отчасти передала будущим заводам кадры кузнецов. Вместе с тем прямым и непосредственным предшественником крупной уральской промышленности XVIII в., как это будет показано в дальнейшем изложении, явилась металлургия центра, тем более, что наряду с Уралом металлопромышленность в XVIII в. продолжала развиваться и в центре страны.

В этой связи прежде чем перейти к истории первых уральских заводов и к первым предпринимательским шагам Демидова на Урале и в центре, необходимо бросить взгляд на состояние металлопромышленности в России к концу XVII в.

Экономическая политика русского правительства в XVII в. была проникнута началами меркантилизма не только в отношении торговли, но и в области промышленности. При возникновении в XVII в. первых русских мануфактур, принадлежавших иностранным и русским предпринимателям, правительство предоставляло им привилегии и монопольные права; оно передавало земли, обеспечивало сбытом и вместе с тем регулировало производство, устанавливая цены и ставя молодую крупную промышленность на службу государству.

Первый тульский завод был основан голландцем А. Д. Виниусом в 1632 г. Впоследствии в компанию с ним вошел боярин Б. И. Морозов, глава правительства первых лет царствования царя Алексея. Однако

Б. Морозов скоро вышел из предприятия, и в дело вступили голландец Филимон Акема и датчанин Петр Марселис. Построенные ими заводы дважды за короткое время отбирались в казну, но затем были вновь возвращены владельцам. Вслед за своими тульскими, каширскими и алексинскими заводами Марселис и Акема приступили к строительству на севере олонецких заводов. В конце XVII в. тульские и каширские заводы перешли к боярину Л. К. Нарышкину, дяде Петра I и «премьер-министру» после свержения царевны Софьи.

Самой ранней из жалованных грамот этих заводчиков является грамота, выданная П. Марселису и Ф. Акеме 5 апреля 1644 г. Эти иноземцы получили право учредить на свои деньги железные заводы и освобождались от уплаты в казну оброка в течение 20 лет; им разрешалось также экспортировать их продукцию беспошлинно в течение того же срока. Монопольное право выражалось в том, что в уездах, где они основали свои заводы, было запрещено другим лицам строить такие же заводы. Железо и другие изделия должны были от них поступать в казну по определенной, установленной в жалованной грамоте цене. Излишек, сверх поставок государству, заводчики могли свободно продавать и вывозить за море, с тем чтобы полученная иностранная валюта (серебряные «эфимки») сдавалась ими в казну. По истечении 20-летнего срока владельцы должны были вносить по 100 руб. в год с каждой плавильной печи и платить при продаже изделий обычные торговые пошлины. Они лишены были права без разрешения правительства продавать и закладывать свои заводы и устраивать новые, принимать новых компаньонов, не могли покупать земли или брать их в качестве залога; им разрешалось только арендовать («наймовать или на оброк имать погодно») частные земли. Заводчики могли нанимать русских рабочих только «по доброту, а не в неволю» и обязаны были обучить их мастерству, именно «ковать и плавить в печи и строить мельничные колеса» для использования двигательной силы воды.

В этой первой сохранившейся жалованной грамоте содержатся важнейшие привилегии заводчиков. Те же условия, но более кратко, были изложены свыше 20 лет спустя в жалованной грамоте 1667 г. Ф. Акеме на его заводы в Малоярославецком и Оболенском уездах.¹

Значительно более подробно преимущества и обязанности заводчиков изложены в жалованной грамоте трем братьям Марселисам, выданной 15 марта 1674 г. Кроме тульских, каширских и алексинских заводов, Марселисы владели в это время также Соломенской волостью с крестьянами и рудокопными местами в Дедиловском уезде. В добавление к прежним условиям о 20-летнем сроке безоброчного владения и беспошлинной продаже установлены размеры поставок в казну (20 тыс. пуд. железа) и определены цены по казенным поставкам (16 алт. 4 деньги за пуд железа прутового и связного). В случае понижения цен на рынке казна уплачивает заводчикам по сниженным против указанных в грамоте ценам. Если за отсутствием руды заводы должны будут остановиться, казна обязуется принять их вместе с крестьянами и уплатить владельцам по их стоимости. Если заводская работа будет нарушена пожаром, прорывом плотины или вследствие недостатка руды, заводчикам обещаны милостивый указ и облегчение в поставках. С их крестьян взимаются казенные сборы, стрелецкие и ямские деньги и прочие налоги не более чем со «всей земли». Владельцы, их мастера и крестьяне ведаются судом в Посольском приказе, т. е. изымаются из суда местных властей. В остальном

¹ «Крепостная мануфактура в России», изд. АН СССР, Л., 1930, ч. 1. Тульские и каширские заводы, стр. 260—262. Далее цит.: «Крепостная мануфактура».

эта жалованная грамота повторяет содержание более ранних грамот. Жалованная грамота такого же содержания была выдана спустя еще 20 лет (23 мая 1695 г.) Анне Меллер на заводы в Малоярославецком и Боровском уездах и на Вышгородскую волость. По сравнению с грамотой, выданной Марселисам, она отличается лишь иными цифрами поставок в казну; в ней устанавливается также подсудность владелицы Пушкарскому приказу вместо Посольского.²

Другому заводчику, Андрею Бутенанту, 22 марта 1696 г. была выдана жалованная грамота на олонекские железные заводы и на крестьян Кижского погоста. Здесь первоначально были устроены медные заводы, но за израсходованием медной руды перешли на выплавку железа. При устройстве медных заводов владельцы получили право не платить оброка и не вносить торговых пошлин в течение 7 лет. По истечении семилетнего срока они должны были сдавать в казну $\frac{1}{10}$ выплавленной меди, а в случае нахождения драгоценных металлов, золота, серебра или драгоценных камней — $\frac{1}{8}$ добычи. Они могли устроить новые железные заводы с 20-летней льготой в уплате оброка и пошлин, после чего также должны были вносить ежегодно по 100 руб. с каждой плавильной печи и уплачивать торговые пошлины при продаже своих изделий. Заводчики имели право строить заводы на дворцовых землях или на арендованных частных землях и могли возить руду и железо по дорогам через чужие владения. Казна получала право на определенную долю их продукции; излишки сверх этой доли они могли свободно продавать на сторону с тем же, как и другие заводчики, обязательством сдавать в казну иностранную монету. В добавление к олонекским заводам заводчики, как указывалось, получили Кижский погост со всеми селами, деревнями и угодьями. Крестьяне, верстаясь по тяглу, обязаны были работать на заводах, за что владельцы уплачивали за них в казну все сборы и налоги. Владельцы, заводские рабочие и крестьяне, были изъяты из подсудности местному воеводе и ведались судом в Пушкарском приказе.³

Другой привилегированный заводчик, Л. К. Нарышкин, получивший тульские и каширские заводы Марселиса, приобрел еще большие преимущества. Именным указом 29 января 1692 г. было предписано при стройке и починке казенных зданий в Москве покупать железо только у Нарышкина; приказано было также воеводам в уездах и боярам в полках кроме его заводов «нигде, ни у кого не покупать».⁴ Нарышкины тем самым обеспечили за собой сбыт и монополию на этот род казенных поставок.

От одной грамоты к другой переходят, таким образом, одни и те же основные права и обязанности заводчиков. С некоторыми дополнениями, постепенно осложняясь и развиваясь, они составляют определенный стандарт, перешедший затем в следующий, XVIII в. Основными при этом являются: монопольное право устраивать заводы с исключением возможных конкурентов в данном уезде, право беспошлинной продажи продукции и безоброчного владения заводами в течение определенного срока, право на принудительный труд крестьян, переданных к заводам. Государство гарантирует заводчикам размер сбыта и определенные цены, т. е. обеспечивает определенную доходность, а в случае убыточности и полной остановки завода должно выкупить его в казну. Право распоряжения ограничено, однако, запрещением продажи и заклада завода. Казна получила право на приобретение нужной ей продукции в виде пушек, ядер и обеспечила обучение русских мастеровых людей и т. п.

² «Крепостная мануфактура», стр. 303—310.

³ Там же, ч. 2. Олонекские медные и железные заводы, Л., 1931, стр. 143—150.

⁴ Полное собрание законов (ПСЗ), т. III, № 1433. Указ 29 января 1692 г.

Все это мы встретим и в привилегиях XVIII в. В жалованных грамотах отчетливо выразилась меркантилистическая политика XVII в. с ее покровительством крупным заводчикам, обеспечением интересов казны наряду с детальным регламентированием жизни предприятия.

В XVII в. можно различать следующие районы крупной металлургической и металлообрабатывающей промышленности: 1) тульско-каширская группа заводов; 2) заводы в Малоярославецком и Боровском уездах; 3) московские и подмосковные заводы; 4) заводы в Олонецком уезде; 5) заводы на Урале (в Сибири — согласно тогдашней терминологии); 6) заводы на юго-востоке страны, в районе Воронежа.

Старейшей из них была тульско-каширская группа заводов. В конце XVII в. здесь существовали следующие заводы. В 15 верстах от Тулы, на р. Тулице, находилось 2 завода: доменный и железоделательный (Верхне- и Нижнетулицкий); поблизости от них, в Каширском уезде, разместились 4 завода (Елтинский, Ченцовский, Соломыковский, Ведменский); в Алексинском уезде был завод на р. Вепрее (Вепринский завод); наконец, в том же Алексинском уезде строился завод на р. Дугне, в Любецком стане. Все эти 8 заводов принадлежали семье Марселиса, а с 1690 г. перешли к Л. К. Нарышкину. На р. Тулице, близ впадения ее в р. Упу, у самой Тулы возник в 1696 г. завод Никиты Демидова. Таким образом, в этой группе было 9 заводов.

Вторая группа заводов находилась к северо-западу от первой и снабжалась рудой из района близ р. Поротвы, у Малого Ярославца. В середине XVII в. здесь, в Оболенском уезде, был поставлен боярином И. Д. Милославским Поротовский доменный завод; он перешел затем к Марселису, но к 70-м годам был заброшен. Тем же предприимчивым иностранцем были построены еще два завода: на р. Угодке, в Верейском уезде, и на р. Истье (Угодский и Истенский заводы). Угодский завод первоначально был молотовым, но после закрытия Поротовского завода на нем была поставлена домна.⁵

В самом центре страны, под Москвой, был построен в 50-х годах боярином Б. И. Морозовым Павловский доменный завод в Звенигородском уезде (в с. Павловское), на р. Белой, притоке Истры; после смерти Морозова завод этот отошел в казну. На той же р. Белой устроены иностранцами, мастерами Марселиса, еще два завода: Обушковский и Бородниковский (или Брезгинский). Все три звенигородских завода перешли в казну и вошли в состав вотчинного хозяйства царя Алексея. В 1681 г. они были переданы на 25 лет гостю Влад. Воронину. При нем заводы были перестроены и даже перенесены на другое место, на верховья той же р. Белой; их было уже не три, а два, и назывались они Павловскими (или Сорокинским и Казминским).

В конце XVII в. возник оружейный и, вероятно, доменный завод Елизара Избранта в 30 верстах от столицы, на р. Воре, где у Избранта в 1698 г. был также пороховой завод. Оружейный завод Избранта был настолько известен, что сюда присылали мастеров и подъячих для изучения дела, для выяснения норм расхода железа и заводской калькуляции. В самой Москве находилось крупное металлообрабатывающее предприятие — казенный Пушечный двор⁶ на р. Неглинке. На Яузе был завод ружейных стволов иноземца Акина. Всего, следовательно, в центре было 5 заводов.

⁵ Однако по материалам Сибирского приказа видно, что еще в 1699 г. один из мастеров просит оставить его до отъезда на Урал на Поротовском заводе.— ЦГАДА, Дела о горных промыслах и заводах, ф. 190, д. № 48, л. 320.

⁶ В Москве были Старый и Новый Пушечные дворы и Гранатный двор, которые можно рассматривать как самостоятельные мануфактуры.

На севере, в Олонецком уезде, гость Семен Гаврилов поставил в 60-х годах XVII в. выплавку меди при помощи иностранных специалистов. Его преемником был все тот же Марселис. Выплавку меди он затем оставил и занялся разработкой железной руды. Здесь были два железных завода в Маймогубской волости и один в Шунгском погосте, на берегу Онежского озера. Они перешли к иноземцу Бутенанту, действовавшему вместе с сыном Марселиса; в самом конце столетия (1699 г.) здесь же был выстроен еще завод в Лижемском погосте; у заводчиков было 2 домны и 3 молотовых. На р. Ваге в 1648 г. Марселисом и Акемой был основан завод для выделки снарядов, впоследствии, повидимому, закрытый. Соловецкому монастырю принадлежал мелкий завод, расположенный на запад от Белого моря, в Сумской области; в нем была домница с 4 печами и 2 кузнечных горна. Таким образом, на севере известно тоже 5 заводов.

На Урале еще с 30-х годов XVII в. делались попытки поставить сколько-нибудь крупное производство железа и меди, но возникавшие здесь заводы были примитивными и скоро закрывались. Еще в 30-х годах XVII в. на Среднем Урале, на р. Нице, возник казенный Ницынский завод; он не был доменным, и железо получалось сыродутным способом — прямо из руды, в горнах или домницах; он просуществовал полстолетия. На западном склоне Урала тогда же, в 30-х годах, был поставлен иностранцами казенный Пыскорский медный завод близ Соликамска; впоследствии он был передан в частные руки и в 60-х годах также закрылся.⁷ В конце XVII в. на Урале, на р. Железянке, существовал мелкий железный завод, принадлежавший Далматову монастырю. В начале XVIII в. на этом месте возник крупный казенный Каменский завод. Недолговечным был и медный завод в Казани. Попытки поставить выплавку меди в XVII в., как видим, были неудачны: заводы, построенные в Олонецком крае, на Урале и в Поволжье, вскоре прекратили свое существование.

На юге, в Липецко-Воронежском районе, около 1694 г. был построен железный завод недалеко от г. Романова, на р. Белый Колодец, притоке р. Воронежа. Он принадлежал дьяку К. Борину и «москвитину гостиной сотни» Н. Аристову. Это был доменный и железоделательный завод.

Как видно из сказанного, заводы были основаны казной или иноземцами или принадлежали виднейшим представителям знати — Б. Морозову, И. Милославскому, Л. Нарышкину; реже в них участвовало крупнейшее купечество — гости С. Гаврилов, В. Воронин и др., а также монастыри — Соловецкий и Далматов.

Итак, в конце XVII в. можно насчитать 21 завод (не считая мелких монастырских 2 заводов), в том числе не менее 6—7 чугуноплавильных заводов; домны были на заводах: Вспринском, Верхнетулицком, Угодском (после закрытия Поротовского), Павловском, Олонецком, на заводе Борина (в Воронежском районе); мелкие домницы имелись, кроме того, на заводах Соловецкого и Далматова монастырей; свое железо и уклад (среднее между железом и сталью) были у Избранта.⁸

Организация заводов, поскольку это позволяют сделать имеющиеся материалы, рисуется в следующем виде. Группировка заводов гнездами отчасти связана с комбинированием чугуноплавильного про-

⁷ Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, 1939, стр. 27—38.

⁸ См.: «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 108—145 (1690), ч. 2, стр. 143—150; П. Г. Л ю б о м и р о в. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, М.-Л., 1937, гл. I; Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, гл. II; И. Г а м е л ь. Описание Тульского оружейного завода, М., 1826. Оставляем в стороне денежные дворы, также являвшиеся мануфактурами.

изводства с металлообрабатывающими заводами. Немногие доменные заводы давали чугун для нескольких железодельных заводов. Здесь уже встречаем то явление, которое затем повторится на Урале: заводы располагаются на мелких речках, служивших источником энергии, и, ограниченные в силу этого по своим размерам, строятся поблизости друг от друга, комбинируя производство.

Наиболее подробно освещают организацию производства «отказные книги», составленные в 1690 г. при передаче тульских, каширских и алексинских заводов Л. К. Нарышкину. На этих 7 заводах имелось 2 домны, 8 молотовых мастерских; в них было 9 действующих молотов и столько же запасных, 14 кричных горнов, 30 водяных колес, приводивших в движение молоты и мехи. Последние были в большинстве случаев деревянные, т. е. более усовершенствованные, нежели кожаные примитивные мехи, впрочем также еще применявшиеся на этих заводах. Домны имели высоту 4 саж., их производительность, по расчетам академика С. Г. Струмилина могла составлять (по двум домнам) 50 тыс. пуд. чугуна, а в переводе на железо — 33 тыс. пуд. железа.⁹ При заводах были мучные мельницы, складские помещения и т. п.

Наряду с домнами, молотовыми и кузницами на предприятиях Нарышкина имелись сверлильня для отделки пушек и точильный амбар, где делались ружья. Руда добывалась для всех этих заводов из одного района, около Дедилова. Тогда же, в 1690 г., Марселис начал строить новый завод в Алексинском уезде, в Любецком стане, где в то время стояла кузница и был заготовлен дубовый лес для построек. В 60-х годах XVII в. Марселису и Акеме принадлежали также в Малоярославецком и Оболенском уездах Поротовский и Угодский заводы. Из них Поротовский имел 2 домны, 1 молотовую, 5 горнов, 2 молота и 7 водяных колес. В 4 верстах от него стоял Угодский завод, без домны; он имел 2 молотовых, 3 больших горна, 2 колеса и снабжался чугуном, очевидно, с Поротовского завода. Оба завода должны были ставить в казну 15 тыс. пуд. железа.¹⁰ Поротовский завод был впоследствии, вероятно, заброшен.¹¹

Павловский завод гостя Воронина в Звенигородском уезде интересен для нас тем, что опыт его был впоследствии использован на первых уральских заводах. К сожалению, сведения о Павловском заводе довольно скудны. Он был основан боярином Б. И. Морозовым в 1651 г. Морозов сообщал об этом в одном из своих писем к приказчику своей Нижегородской вотчины: «А из-за рубежа ко мне мастер рудного дела приехал, кой на мельнице водою железо кует, и ныне у меня в Павловском на мельнице рудню заводит».¹² Год спустя имеются сведения, что в Павловском приказчик осматривал рудню с мастером, который хвалил руду, но один рудник был отчасти затоплен водою.¹³ После Морозова Павловский завод перешел в казну, в ведение Тайного приказа, управлявшего дворцовым хозяйством царя Алексея. Завод был перестроен и стал изготавливать не только железо, но и пушки. В это время здесь было три завода (Павловский, Обушковский и Брезгинский), расположенные поблизости друг от друга по р. Белой, притоку Истры. На Павловском заводе была домна, врытый в землю чан для отливки пушек, молотовая, где имелись молот, 2 горна, 3 водяных колеса, сверлильный амбар с водяным колесом для сверления пушек, «медный» амбар для отливки медных форм, кузница,

⁹ С. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, 1935, стр. 144.

¹⁰ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 262.

¹¹ Там же, ч. 2, стр. 148.

¹² «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», изд. АН СССР, Л., 1936, ч. 2, стр. 160.

¹³ Там же, 1933, ч. 1, стр. 72.

угольный сарай и т. д. Два других завода были молотовыми; на них перерабатывался чугун с Павловского завода.¹⁴

В 1681 г. Павловский завод был сдан в аренду гостю Влад. Воронину на 25 лет. Воронин вел крупную торговлю, поставляя продовольствие на армию, а также продавал казне заграничные товары. Он, вероятно, перестроил заводы и перенес их на новое место поблизости от прежнего. Строительством плотины, домен и молотовой руководил его компаньон Семен Киприанов сын Викулин, будущий руководитель строительством Невьянского завода на Урале. На заводе Воронина в 1686 г. работало 30 человек. Позднее завод, вероятно, значительно расширился: в 1695 г. на нем работают наемные люди, русские и иноземцы; для мастеровых и рабочих людей имеется 50 дворов и, кроме того, два двора для приезжих; следовательно, постоянный персонал составлял не менее 50 человек.

С Павловского завода многие мастера были взяты при Петре I на строительство первых уральских заводов — Каменского и Невьянского. Один из этих мастеров говорил в Сибирском приказе, что он плавит на заводе из чугуна железо, и утверждал, что из одной домны выходит в год 50 тыс. пуд. чугуна, или 30 тыс. пуд. прутowego железа; повидимому, такова была продукция Павловского завода на грани XVII и XVIII вв.¹⁵

По своей организации заводы XVII в. были мануфактурами с делением завода на мастерские или цехи, с применением разделения труда. Выплавка чугуна производилась не на всех заводах: из 7 заводов Марселиса только 2 были доменными. Домна того времени давала лишь по 100—120 пуд. чугуна в сутки. При доменных заводах кроме отливки чугунных «штыков», предназначенных для дальнейшей переработки в железо, производилась также отливка чугунных пушек, для чего имелся особый дубовый чан, куда помещали пушечные формы. Отделка пушек, их сверление происходило в особом помещении — в «сверлильне», или «сверлильном амбаре», где при помощи водяного колеса вертели сверло для пушек.

Переработка чугуна в железо, или «кричный» процесс, происходил в молотовой мастерской в особых горнах, где образуется ком ноздреватого железа, или крица, весом в $1\frac{1}{2}$ —3 пуда. Крица поступала затем на наковальню под молот, также приводившийся в движение водяным колесом.

Мелкие железные изделия, а также ружейные стволы и замки к ружьям, латы и холодное оружие выделывались в отдельных кузницах, большей частью без применения водяного колеса. Для ружейных стволов употреблялись железные доски, выделываемые в молотовой мастерской, затем в особой кузнице они заворачивались под ручным молотом и сваривались в горнах. Для отделки стволы поступали в особую мастерскую «вертельню», где находились станки для сверления стволов и точила для их «отбелки». На заводах делали и деревянные части ружья — ложе, а также ружейные замки и прибор. Затем происходила сборка ружья, выпускавшегося с завода вполне готовым.

Связное и прутовое железо выделывалось из крицы в молотовой и шло в дальнейшую переработку в заводские кузницы или поступало прямо на рынок. На заводах производилось также необходимое для них оборудование и инструменты, молоты, наковальни, мехи (в особых избах); плотники были заняты сооружением плотины, ее починкой и производством колес.

Расчленение производственного процесса выражалось в специализации отдельных заводов по выплавке чугуна, ковке железа, производству

¹⁴ Н. Б а к л а н о в а. Звенигородские железные заводы в XVIII в.— «Московский край в его прошлом», М., 1929, вып. 2, стр. 91 и сл.

¹⁵ ЦГАДА, дела о горных промыслах, д. № 48, л. 266.

готовых изделий, в связи с чем разделение труда имело место и внутри завода, в отдельных его цехах. В соответствии с этим рабочая масса была разделена по отдельным специальностям и по квалификации.

Заводы XVII в. имели квалифицированные кадры специалистов, мастеров и подмастерьев. Вот, например, как проведена специализация труда в соответствии со стадиями производства на Ченцовском заводе. Мастер с двумя работниками «преж сего делал из тянутого саженого железа, выбивал на мушкетные стволы по 50 досок на день». Первая стадия в производстве ружей — выковка досок. Следующая стадия — заварка ружейных стволов — также имела своих специалистов: «заваривают мушкетные стволы тульские ствольные казенные кузнецы, переменяясь помесечно. Пять человек заваривают, всякой человек с двумя работниками по 3 ствола в день». Сверлением стволов были заняты 8 человек за 8 станками: «высверлит 1 человек на день по 3 ствола». Точно так же отделка стволов имела особых мастеров; одни из них были заняты только отбелкой вдоль, другие — отбелкой поперек, например: «1 человек волостной же крестьянин точит по 30 стволов на день».¹⁶ Производство деревянных частей ружья, ложка, также было делом особых специалистов: «ложного дела мастер — иноземец с братом своим Ян да Питер делают в неделю по 30-ти станков к мушкетным стволам».

На заводе Избранта под Москвой ружейные стволы просверливали и оттачивали при помощи водяного колеса на четырех станках («в те станки кладут по стволу и вертят одним колесом»); у каждого станка стояло по человеку, один мастер просверливал в день по 2 ствола. Отделка стволов производилась другими мастерами, причем один мастер отделывал по 8 стволов в день. Между тем в ручной работе у ремесленников лучший мастер высверливал по 1 стволу за день, при этом над каждым стволом работали 3 мастера; ручная отточка требовала работы одного мастера и двух работников, которые отделывали по 8—10 стволов. Эти данные, собранные ремесленником Никифором Пиленком, специально посланным в 1701 г. на завод Избранта для ознакомления, показывают, в какой мере труд на мануфактурах с разделением труда и применением водяного колеса был производительнее ручного труда ремесленника. «И та же работа ручной работы гораздо лехче и поспешнее», сделал правильный вывод этот мастер.¹⁷

Заводы того времени можно отнести к органической форме мануфактуры, при которой продукт «своей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций»,¹⁸ причем один и тот же продукт в процессе производства проходит последовательно ряд стадий. Однако разделение труда в XVII в. еще далеко от своего высшего развития; в нашей литературе выяснено, что имелось еще смешение функций: мастерские совмещали различные специальности, выполняя по несколько стадий производственного процесса. На Ведменском заводе 2 мастера с 2 работниками обычно выбивали железные доски; в другое время они же были заняты тем, что тянули прутное железо на мелкие кузнечные поделки. На Поротовском заводе мастер, работавший над сверлением пушек (по 2 пушки в день), занят вместе с тем и сверлением запалов (на 3—4 пушки за день).¹⁹ Лигейщики нередко работали и в качестве

¹⁶ Цит. по кн.: Н. Б а к л а н о в, В. М а в р о д и н, И. С м и р н о в. Тульские и калишские заводы в XVII в., М.-Л., 1934, стр. 85.

¹⁷ ЦГАДА, Дела Сибирского приказа, д. № 1310, л. 3; об этом же заводе см. ф. о горных пром., д. № 49, л. 166—171. О заводе Избранта в литературе имеются лишь краткие сведения у Гамеля (Цит. соч., стр. 32), повторенные Любомировым.

¹⁸ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 325.

¹⁹ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 24—25; Н. Б а к л а н о в, В. М а в р о д и н, И. С м и р н о в. Цит. соч., стр. 85.

кузнецов. Ян Лавринов назван в нашем источнике «плавильного горна мастером», т. е. он был доменщиком; в то же время о нем говорится: «а будет у плавильного горна делает прежний мастер, и он в то время делает в молотовой кузнице». Таким образом, разделение труда проведено весьма неполно. «Ремесленность, привычка производить вещь целиком еще очень сильна, например, у латников. Получив железную доску, он выделывает из нее и переднюю и заднюю половины лат, и детали к ним, и шишак, и его части, и собирает все части до полной готовности. Это еще целиком ремесленная техника, выделена только первая операция — изготовление доски», говорит исследователь техники того времени.²⁰ Разделение заводов на цехи, или на «амбары», и мастерские в XVII в. также показывает еще недостаточную расчлененность производства. Обычно имелось три цеха: доменный, молотовый и кузница для мелких изделий. Во всяком случае на заводе XVII в. было не более 9 цехов, тогда как в течение последующего, XVIII в., из них выросло 32 цеха.²¹ Из молотового амбара и кузницы для мелких работ впоследствии, в XVIII в., выделились жестяная фабрика, лудильня, проволочная и др., из кузницы — слесарная и т. п.

Не имеется, к сожалению, достаточных сведений о внутренней организации казенного Пушечного двора в Москве. Это было крупное предприятие, где отливались пушки, а также колокола, паникадила, посуда и др. Пушечный двор находился в Москве, на р. Неглинной. Им заведывали два дворянина из Разряда, под начальством которых в 1637 г. состояло 5 пушечных литцов и 37 учеников, 2 колокольных литца и 10 учеников, 6 паникадиленных мастеров и 14 учеников, 1 плавильный мастер с 5 учениками, 7 паялышников, 2 пильника, 3 канатчика, 14 пушечных кузнецов, 8 плотников, 20 кузнечных извозчиков, всего 134 человека. Кроме того, в помощь им привлекались для работы на Пушечном дворе кузнецы московских слобод; так, кузнецы Мещанской слободы жаловались, что они беспрестанно заняты на Пушечном дворе и не получают за свою работу жалованья, что их держат в тюрьме в железах без вины и бьют батогами. Ученики набирались из вольных людей, но переход в мастера был затруднителен: требовался длительный стаж в 10—20 лет и выполнение образцовой работы. Малые казенные пушечные дворы были в то время также в Устюжне, Устюге, Вологде, Новгороде и Пскове. В Москве был еще Гранатный двор, где выделывались снаряды специалистами — гранатными мастерами, среди которых также были иноземцы.²²

На заводах XVII в. число производственных рабочих было невелико, большая часть их относится к необученному труду; они были заняты ломкой руды, сечкой дров, углежжением и перевозкой сырья, топлива и готовых изделий. Эти функции исполнялись большей частью крестьянами деревень, приписанных к заводам из состава государственных или дворцовых земель. К тульским и каширским заводам Марселиса была приписана Соломенская волость, перешедшая вместе с заводами к Л. К. Нарышкину. В нее входили 5 сел с 34 деревнями, в которых было 734 двора с населением в 2466 душ; в волости имелось 9299 четей пахотных земель в одном поле, или около 14 тыс. десятин в трех полях, лесу 26 дес. и 1066 дес. лугов.²³ К Поротовскому и Угодскому заводам в Верейском уезде принадлежала Вышгородская волость в составе 2 сел, приселка и

²⁰ Н. Бакланов, В. Мавродин, И. Смирнов. Цит. соч., стр. 73.

²¹ Н. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, 1935, стр. 158—160.

²² С. К. Богоявленский. О Пушкарском приказе.— Сб. статей, посвященных М. К. Любавскому, М., 1917, стр. 371—373.

²³ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 185; ч. 2, стр. 149.

9 деревень, в них был 171 двор с 646 душами м. п. К олонецким заводам был приписан Кижский погост; в нем, по описанию, относящемуся к 30-м годам XVII в., насчитывалось 1197 дворов.²⁴

В обязанности приписных крестьян входила прежде всего рубка дров. В переписной книге 1647 г. сказано, что крестьяне Соломенской волости должны заготовить на каширские заводы 900 саж. дров за год. Они заготовили 786 саж., а за остальное уплатили деньгами по 12 алтын за сажень; таким образом, эта повинность частично могла заменяться деньгами.²⁵ Однако наряду с приписными крестьянами работали на рубке дров также и «сторонние прибылые люди» или работали те же заводские крестьяне сверх своего тягла. Приписные крестьяне являлись также резервом, откуда заводчики черпали дополнительную рабочую силу, используя этих крестьян в качестве наемных рабочих.

Заготовка дров имела важное значение, так как лес служил источником топлива: металлургия того времени применяла древесный уголь. На тех же заводских крестьян была возложена транспортная повинность, они должны были перевозить на своих лошадях дрова, руду, уголь на заводы, подавать чугун в кузницы и везти готовые изделия в Москву. О размерах этой повинности можно судить из того, что одна лишь возка руды с Дедиловских рудников требовала 3000 подвод в год. Крестьяне работали конными или пешими. В их обязанность входила также погрузка железа на суда для отправки водой, а также починка плотины в случае прорыва ее вешней водой и вообще строительные работы. Кроме того, они должны были пахать пашню на Марселиса (12 дес.) и поставлять ему сено. Работа на заводчика была отработочной феодальной рентой, определявшейся, однако, особым договором заводчика с крестьянами. Повинности эти отбывались крестьянами в соответствии с казенным тяглом.

Соответствие этих повинностей с казенными платежами выражено в словах: «у которых больши тягла, тем больши и работать». Крестьяне работали посменно, «понедельно», при этом заводская барщина составляла $\frac{1}{6}$ часть их времени: «а с четверть осминника работать им на себя 5 недель, а 6-ую неделю работать на заводах». Половина из них должна была являться конными, другая — пешими; последние работали в полтора раза дольше конных: «а которые крестьяне безконные и тем работать за полную неделю полторы недели пеших». Казенные платежи и поборы хлебом и деньгами (стрелецкие, ямские и полонянничные деньги) вносились за крестьян заводчиками. Их работа шла в зачет казенных платежей, заводчики уплачивали их своей продукцией, «железом и разными запасы».²⁶ Таким образом, уже в XVII в. были вполне разработаны основания для использования труда приписных крестьян на заводской работе, что уже в самых широких размерах применялось в последующем столетии.

В Олонецком уезде по указу 1694 г. к железным заводам Бутенанта был отдан Кижский погост, и заводчик также должен был платить казенные сборы: «Им, крестьянам и бобылям, ево, Андрея, и прикащиков велено слушать и работу всякую на железных его заводах работать, верстаясь меж себя по землям и угодыям и по прежнему тяглу; а наши великого государя всякие доходы с того погоста по окладу сполна платить ему, Андрею, и денежного на Москве в Новгородском приказе, а хлеб на Олонце по вся годы без доимки».²⁷

²⁴ «Крепостная мануфактура», ч. 2, стр. 149.

²⁵ Там же, ч. 1, стр. 11—12.

²⁶ Там же, ч. 1, стр. 144—145.

²⁷ Там же, ч. 2, стр. 149.

Перевозка пушек и железа возлагалась не только на заводских крестьян, но была обязанностью сел и даже городов, расположенных на их путях. Дедиловский воевода в 1673 г. затребовал подводы «с посацких и уездных людей» для отправки до Ельца пушек и снарядов, предназначенных донским казакам. Вместе с тем для перевозок применялся и наемный труд.²⁸

Из среды тех же «волостных крестьян», принадлежавших заводам, отчасти вербовались и производственные рабочие. На Ченцовском заводе было 42 человека волостных крестьян, на Ведменском — 2 работника. Работа их зачитывалась вместо других повинностей приписных крестьян. Так, о занятых по отбелке ружейных стволов сказано, что «вместо конные работы почитают 3 дня за 2 дня», т. е. 2 дня конной работы крестьян приравнены к 3 дням заводской работы.²⁹

Копка руды также производилась в порядке повинности, возлагавшейся на казаков и стрельцов Дедиловского уезда, где находились рудники, в 40 верстах от заводов. Работа на рудниках была одной из повинностей казаков и стрельцов, наравне со строительством стругов на р. Воронеже и десятинной пашней на государя. Они должны были выделить из своей среды 50 рудокопов, или «ровщиков» (т. е. работающих на «рвах»), из числа желающих отбывать именно этот вид повинностей. Рудокопы получали заработную плату по договору, однако они жаловались, что заводская администрация не сполна уплачивает им за работу. Рудокопы делились на 5 групп во главе с десятниками и заняты были по очереди, «по перемене». ³⁰ Здесь имело место сочетание принуждения и повинности с заработной платой и договором.

В XVII в. заводские крестьяне уже настойчиво сопротивляются установлению этих повинностей; их борьба является предшественницей многочисленных волнений приписных крестьян в следующем, XVIII в. В 1672—1673 гг. крестьяне отказались везти руду с Дедиловских рудников, говоря, что «ни единого воза не вывезим», а также «многие дров не досекали и угля не довели». Марселисы обвиняли в этом «трех старых бунтовщиков», из которых Васька Титов, по прозвищу Кобель, уговаривал плотников, занятых на стройке дома заводчика, отказаться от работы. «Что де вы делаете хоромы? Государь нас пожаловал прочь от заводов, мы де хоромы позжем и пепел развеем, а иноземцам де здесь не быть», говорил он. Тот же Титов советовал им уходить на старые родные места. В ответе его собеседника выразилось страстное желание крестьян избавиться от заводской работы: «Мы б де ноги твои мыли и руду пили, тако б так сталось». «Бунтовщики» были схвачены и посажены «в железах» в Пушкарский приказ в Москве. Немало крестьян разбежалось из деревень, жили «в похоронках», в Серпухове и в Москве.³¹

Волнения крестьян Кижского погоста, отданных к олонецким заводам, привели к отправке воинской силы из 335 стрельцов для их подавления. При длительных земельных спорах крестьян с заводчиками крестьяне использовали привычные для населения нашего севера приемы действия сообща, товариществом: они заключили письменный договор между собою, чтобы «друг друга не выдавать, стоять друг за друга крепко», и даже постановили взимать с нарушителей этого договора неустойку в 30 рублей.³²

В противоположность заготовке дров, работы по углежжению выполнялись в XVII в. наемными рабочими, а не в порядке повинности при-

²⁸ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 347—348; см. примеры: Н. Б а к л а н о в, В. М а в р о д и н, И. С м и р н о в. Цит. соч., стр. 121.

²⁹ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 36—38.

³⁰ Т а м ж е, стр. 198, 206—207, 325.

³¹ Т а м ж е, стр. 335, 339, 343, 345.

³² Т а м ж е, ч. 2, стр. 165—166.

писных. Угольные работы требовали квалифицированных рабочих и нуждались в руководстве со стороны специалистов. На Вепринском заводе, например, в 1690 г. имелся «двор иноземца свицкие ж земли угольного мастера Тусея Иванова, жалованья ему по 70 р. на год; у него сын Ивашка угольного дела в подмастерьях, жалования ему по 25 руб. на год». На том же заводе находился «двор иноземца французские земли угольного мастера Вилима Иванова сына Одарта». Но были и русские специалисты: «у угольного же зжения русские польные люди мастера Кузька да Стенька Емельяновы сказали, что... работают по договору без записи Кузька 10 лет, Стенька 5 лет, корму им дают Кузьке по 8 гривен, Стеньке по 20 алтын на день». Среди угольных мастеров значится крепостной боярина Милославского; последний получал за него с заводчика по 10 руб. и, кроме того, мастеру уплачивалось по 25 руб. в год; столько же получали пленные поляки — «рудники».³³

Производственные рабочие состояли большей частью из наемных людей. Среди мастеров преобладали иностранцы, но большинство подмастерьев были русские. В жалованной грамоте Марселису отмечено в качестве заслуги, что он тайным образом вывез из-за границы мастеров; в описании заводов того времени имеются указания, что работа ведется «по-свицки» (т. е. по шведскому образцу) или «по-французски».

Иноземные мастера обязаны были обучить своему мастерству русских рабочих, без чего их не отпускали на родину. Так, о французе Мишке Дегилляре, прожившем на каширских заводах 2 года, сказано, что он выучил «гвоздейному делу» в свое место ученика, крестьянского сына Меркушку Савельева, и поэтому француз был беспрепятственно отпущен обратно на родину. В 1690 г. на заводах Марселиса число русских мастеров, подмастерьев, работных людей и служащих составляло 47 человек (66%), а иноземцев было 24 человека (34%).³⁴

Число производственных рабочих, занятых в плавильном деле, в молотовых мастерских, плотниками и т. п., было невелико, если исключить приказчиков, портных, лекаря, а также лиц, занятых на угольных работах, добыче руды и перевозках. На 7 тульских, каширских и алексинских заводах в 1690 г. значится 72 постоянных производственных рабочих, из которых большинство было занято в молотовых и кузницах (табл. 1).³⁵

Т а б л и ц а 1

Число производственных рабочих на заводах

С п е ц и а л ь н о с т ь	
Плавильное и литейное дело	7
Молотовое и дощатное дело	45
Мелкое кузнечное дело	14
Замочное дело	1
Производство кузнечных мехов	3
Плотники	2
И т о г о . . .	72

³³ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 12, 28, 135.

³⁴ Там же, ч. 2, стр. 313—320; приложение, стр. 49, табл. IV.

³⁵ Там же, приложение, табл. IV.

Мастера-иноземцы получали по 100—120 руб. в год (только мастер-замочник получал 35 руб.), подмастерья — от 70 до 95 руб. Наряду с повременной платой производилась также сдельная оплата; например, русские мастера получали по 8 денег с пуда, подмастерья-иностранцы по 4 д. с пуда, работники, русские и иноземцы, — по 2 д. Кроме денежной оплаты, производилась выдача натурой — хлебом и солью, хотя такого рода указания не часты: может быть, это условие не было постоянным. Заварщики на Ченцовском заводе, вольные люди, получали на день по 2 гривны и сверх денег по полпуда соли на год. В другом случае отдельный заварщик получал, кроме денег, 2 четверти ржи и 2 пуда соли на год.³⁶ Натуральная оплата хлебом, как увидим, впоследствии была неизменным условием при приглашении рабочих на первые уральские заводы.

Среди производственных рабочих складывались уже постоянные кадры, имелись рабочие с длительным производственным стажем в 20—30 лет. В двух случаях имеются указания, что молотовый подмастерье и работник родились на заводе, а отцы их жили на заводе по 40 лет; о мастеровых Вепринского завода сказано, что они живут на нем «истари, как заводы заведены».³⁷ Эти рабочие были вольными людьми, работавшими по найму. Но среди производственных рабочих также имелась категория людей несвободного труда, отбывавших повинность в принудительном порядке. Таковы были, во-первых, тульские казенные кузнецы, которых правительство посылало на железные заводы. На Ченцовском заводе в 1662 г. находились ствольные (т. е. делающие ружейные стволы) казенные кузнецы из Тульской оружейной слободы; они работали в порядке повинности, чередуясь в течение месяца — «переменяясь помесечно 5 человек». В 1664 г. 12 казенных кузнецов были присланы на завод делать «колесные крепи».

К той же категории несвободного труда среди производственных рабочих относятся «волостные крестьяне» из принадлежавших заводам волостей, работавшие на заводе в порядке повинности, как это отмечено было выше. Отдельные указания имеются о работе на заводах чужих крепостных крестьян, например, крепостной крестьянин боярина И. Д. Милославского был отдан им на завод с условием уплаты не только жалованья рабочему, но и оброка, который платился заводчиком боярину, собственнику крепостного.

Сведения о рабочей силе в общем показывают, что на заводах XVII в. имелись как вольные рабочие, так и работавшие в силу внеэкономического принуждения. К последним относятся приписные крестьяне, занятые рубкой дров, перевозками и т. п., казаки и стрельцы, отбывавшие повинность на заводских рудниках, тульские казенные кузнецы, мастеровые люди из приписных крестьян и купленные крепостные люди. Но все производственные рабочие, независимо от того, были ли они вольными или работали в порядке повинности, получали заработную плату. Большинство их было вольнонаемными людьми. Часть подсобных рабочих, как, например, дедиловские рудокопы из стрельцов, также получала заработную плату, несмотря на принудительную работу.

Общий размер продукции крупной промышленности XVII в. в области металлургии и металлообработки неизвестен, но он не мог быть особенно большим, если судить по данным о размерах производства на отдельных заводах. Филимон Акема с Угодского и Поротовского заводов, тесно связанных между собой, с домной и молотовыми кузницами, должен был

³⁶ «Крепостная мануфактура», ч. 2, приложение, стр. 58, табл. IX; ч. 1, стр. 31.

³⁷ Там же, приложение, стр. 61, табл. XI.

поставить в казну в год 15 тыс. пуд. прутowego и связного железа.³⁸ Марселис должен был сдавать в казну со своих 7 каширских и тульских заводов, где было 2 домны, в год по 20 тыс. пуд. железа, 5 тыс. пуд. кованых досок, 20 пушек кованых, 6 тыс. ядер, 10 тыс. гранат, 100 тыс. гвоздей и др. Марселис сбывал часть изделий сверх казенных поставок на вольный рынок внутри страны и, кроме того, отправлял на экспорт за границу. Он послал за море через Архангельск в 1675 г. 116 пушек чугунных весом в 1982 пуд., 13 218 ядер по 1—2 фунта весом, 20 614 ядер общим весом в 3456 пуд., 2934 гранаты, 2356 ружейных стволов, 9614 пуд. прутowego железа и т. д.³⁹ Для 1668 г. имеются довольно полные сведения о его поставках в казну. К июню этого года Марселис сдал в казну 10 тыс. пуд. связного и прутowego железа (в счет обязательных 20 тыс. пуд.), 2 тыс. пуд. дощатого железа (из 5 тыс. пуд.) и т. д., но при этом он оговаривался, что остальные «делаем и изготовим»; в ноябре того же года он поставил на московский Гранатный двор 3400 пуд. связного и прутowego железа, 415 пуд. железных досок, 270 лопат и т. д.⁴⁰ Это составит за 1668 г. около 30 тыс. пуд. железа прутowego и в кованых досках. Это согласуется с приведенными выше расчетами академика С. Г. Струмилина, сделанными на других основаниях, считавшего, что общий размер производства 7 заводов Марселиса с двумя доменными заводами составлял 50 тыс. пуд. чугуна, что при переводе в железо даст 33 тыс. пуд. железа. Академик С. Г. Струминин считает, что общая продукция чугуна к 1670 г. составляла 150 тыс. пуд.,⁴¹ но к концу столетия она могла несколько подняться. В первые годы XVIII в. доменный мастер с Павловского завода, переведенный на Урал, указывал из опыта подмосковных заводов, что домна выплавляет 50 тыс. пуд. чугуна, из которых выходит 30 тыс. пуд. железа.⁴² Такова была, вероятно, максимальная выплавка чугуноплавильного завода в центре страны на рубеже обоих столетий. Несколько снижая поэтому эти показатели, можно признать, что на 6 крупных доменных заводах (Ведменский и Верхне-тулицкий, Павловский, Угодский, завод Борина в Воронежском районе, Олонецкий завод и Тульский завод Демидова) могло, примерно, выплавляться в самом конце XVII в. около 250 тыс. пуд. чугуна или 170 тыс. пуд. железа.

О характере той части продукции тульских и каширских заводов, которая не имела оборонного значения, можно судить по покупке для дворцового хозяйства с. Измайлова 1003 сох и 1000 отрезков сошных; строительство стругов для дворцового ведомства потребовало заказа на 3150 пуд. железа; церковное строительство в дворцовых селах — Коломенском, Измайлове и др. также снабжалось железом с заводов Марселиса, как и стройка городских укреплений и гостиного двора в Архангельске.⁴³

Пушки и снаряды отправлялись не только в Москву, но и в Киев, Чернигов, Переяславль, Нежин, Астрахань, Смоленск и на Дон. Отпуск на Украину и на Дон состоял в 1673—1674 гг. из 10 пушек весом в 228 пуд. и большого количества ядер и гранат. На тульских заводах в 1673 г. находилось 50 пушек по 17 пуд. в каждой.⁴⁴

Заводская металлургия привела в XVII в. к значительному снижению цен по сравнению с импортными товарами. Об этом свидетельствует Марселис, указавший в 1668 г., что прежде ратные запасы покупались за

³⁸ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 262.

³⁹ Там же, стр. 301.

⁴⁰ Там же, стр. 220, 362, 366.

⁴¹ С. Струминин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 180.

⁴² ЦГАДА, Дела о горных промыслах, д. № 48, л. 266.

⁴³ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 364, 402, 423, 424.

⁴⁴ Там же, стр. 391, 397, 409, 413, 418.

границей «дорогою ценой»; именно, за прутовое железо платили по 25 алт. и больше за пуд, «а мы ставили по полтине», прибавляет Марселис. Дощатое и «оконешное» железо (на переплет окон), доставлявшееся из-за границы, стоило по 1 р. 20 к. — 1 р. 50 к. за пуд, а Марселис брал по 30 алт.; импортные гранаты обходились в 90 коп. или в 1 руб., а он поставлял их в казну по 10 алт. за пуд.⁴⁵ Но цены устанавливались франко завод, без учета транспортных расходов.⁴⁶ Казна, однако, требовала, снижения цен, особенно на полупилы, топоры, заступы, сохи, и Марселис, не снижая расценок, соглашался снизить общую сумму за казенные поставки на 1500 руб.⁴⁷ В связи с вопросом о ценах Марселис высказал характерные для меркантилизма воззрения: «и те деньги, которые за ратные запасы прежд того за море посланы, и ныне останутца в Московском государстве и пойдут в мир, и многие люди от того прокормятца».

С этими мануфактурами центра не могут идти в сравнение заводы Соловецкого и Далматова монастырей, которые были мелкими предприятиями, производившими железо в сыродутных печах, без чугуна; они стояли ближе к крестьянским мелким промыслам, чем к привилегированным заводам, доменным и железным.

Отмечу также большое развитие мелкой металлопромышленности к концу XVII в. Изучение ее показывает, как и следовало ожидать, что вместе с появлением новых форм в виде мануфактуры, происходили также глубокие процессы перерождения ремесла. Из типичного мелкого производства ремесленная мастерская сплошь и рядом превращалась уже в мелкую мануфактуру с наемным трудом. В металлических промыслах XVII в. происходил процесс разложения; выделялись предприниматели и скупщики, с одной стороны, и эксплуатируемая ими, лишенная средств производства масса кузнецов и другого рода наемных людей — с другой. Эта сторона дела отчасти уже изучена в советской литературе, и я могу ограничиться лишь немногими сведениями. Кузнецы имелись повсюду, как об этом свидетельствуют писцовые книги; особенно много их было в наиболее крупных центрах. Широко распространено было мелкое производство железа из руды сыродутным способом, без промежуточного полуфабриката в виде чугуна. О многочисленных кузнецах Москвы и Тулы я скажу ниже. В Тульском, Алексинском и Крапивенском уездах дожили до начала XVIII в. плавильные ручные домны, т. е. кустарная выплавка железа сыродутным способом. Кузнечное дело было развито и в соседней Калуге, но оно шло здесь на убыль под давлением конкуренции крупных железных заводов. Серпухов был известен выработкой стали и уклада; из Серпухова в 1701 г. был переведен на уральские заводы укладный мастер с двумя сыновьями-кузнецами.⁴⁸ В районе Нижней Оки славились кузнецы Муромы и особенно с. Павлова; впрочем, неизвестно, выплавляли ли павловские кузнецы железо из руды или они работали на привозном железе. В Нижегородском уезде разрабатывались железные руды в с. Лыскове. В Костромском уезде производилась плавка болотной руды, и кузнечное дело было распространено в самой Костроме, а также в Галиче и Кинешме. Ярославль славился производством гвоздей, замков и ружейных стволов, притом не только из местного железа, но также из привозного, шведского. Из Ростовского уезда при Петре были вызваны в Сибирь оружейники из дворцового с. Велюцкого и дер. Перлово на р. Которосли. Они делали фузеи и пищали. Углич и Тверь настолько славились своими кузнецами, что последних

⁴⁵ «Крепостная мануфактура», стр. 220.

⁴⁶ Там же, стр. 233.

⁴⁷ Там же, стр. 253—254.

⁴⁸ ЦГАДА, Дела о горных промыслах, д. № 48, л. 301 об. и 339.

брали оттуда на тульские и каширские заводы. Из Суздальского уезда целая партия кузнецов-оружейников была впоследствии, как увидим ниже, переведена на первые уральские заводы. Это были крепостные Глебовых. Были кузнецы и среди монастырских крестьян суздальских монастырей.⁴⁹

Шире было развито производство железа и железных изделий на северо-западе страны. В Копорском и Ямском районах, примыкающих к Финскому заливу, издавна было много мелких крестьянских домниц; производством уклада особенно славились Тихвинский уезд и Карельский район; в Белоозере производились на широкий рынок гвозди, скобы; в Новгороде и Пскове было поставлено литье колоколов из импортной меди. В XVII в. развивается железное производство в Устюжне, а также в Уломском районе, между Мологой и Шексной, и в Олонецком крае, в Заонежье, где делаются первые опыты использования медных руд. Устюжна Железопольская издавна была известна железными изделиями; правительство вызывало оттуда мастеров для посылки на Урал и в Сибирь.

На севере имелись домницы, и кузнечное дело развивалось в Вологде и Устюге в связи с тем, что здесь проходила большая торговая дорога из Москвы к Белому морю. В Приуралье и за Уралом была распространена мелкая выплавка железа, и с 30-х годов XVII в. уже делались попытки строительства более крупных заводов. Развито было кузнечное дело в Соли Вычегодской. Многочисленные кузнецы по р. Нейве и местные «заводчики», т. е. те же кузнецы, но более зажиточные, привлекались правительством в самом конце XVII в. для «досмотра» рудных месторождений Урала и выбора мест для сооружения первых крупных заводов. За Невьянским Богоявленским монастырем жили в слободах кузнецы, они кормились «собой, своими малыми доменными горнами».⁵⁰

На Урале для подыскания места строительства первого завода при Петре I были привлечены местные кузнецы. В районе р. Нейвы в «досмотре» участвовали 44 кузнеца и «заводчика», у р. Алапайхи — 14 кузнецов, в двух соседних районах обследование производили 23 кузнеца. На работы к Каменскому заводу были привлечены из Багарятской слободы 12 кузнецов, из Колчеданского острога — 5, Арамильской слободы — 24 кузнеца. Они были обложены в пользу завода повинностью сдавать по 2 пуда железа и 3 пуда в крицах; эти слободы должны были также поставлять на заводы кузнецов.⁵¹ В Сибири, в Тобольске, были колокольные мастера, знавшие также производство металлической посуды. Из Кузнецка в 1703 г. выслались образцы железа; по словам тобольского воеводы, «кузнечное железо зело мякко». На юге страны заметными пунктами кузнечного дела были Темников на р. Мокше и Елец; в районах Ельца и на запад, у Брянска, производилась кустарная плавка железа. На Украине, кроме кузнечного дела, славились литьем колоколов Киев, Чернигов и Глухов.⁵² Таким образом, кустарная выплавка железной руды и производство железных изделий наиболее широко были развиты в центральном районе (Тула, Серпухов и др.) и на северо-западе страны (Устюжна, Олопец).

В центральном районе надо выделить Москву и Тулу как пункты, вокруг которых располагались наиболее крупные для того времени мануфактуры, а также как центры мелкой промышленности. Специализация московских ремесленников в первой половине XVII в. достигла, по словам

⁴⁹ ЦГАДА, Дела о горных промыслах, д. № 48, л. 294 об. и 339 об.

⁵⁰ Там же, л. 374.

⁵¹ Там же, л. 63 об.

⁵² См. П. Г. Л ю б о м и р о в. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, 1937, стр. 10—29, где дан обзор мелкой промышленности, частично использованный мною.

М. В. Довнар-Запольского, «поразительных размеров»: среди них насчитывалось до 250 различных специальностей. Наиболее велика была дифференциация среди ремесленников-металлистов, которые представляли до 50 специальностей. Кроме названий кузнецов, пушкарей и денежных мастеров — этих наиболее общих терминов для металлистов того времени, документы выделяют среди оружейников, или самопальных мастеров, специалистов-ствольников, станочников и замочников, а в выработке холодного оружия встречаются сабельники, латные мастера, бронники. Пушечники, вероятно, работали на Пушечный двор, хотя указанный исследователь причисляет их также к ремесленникам. Среди мастеров по выработке предметов домашнего обихода были медники, железники, котельники, паяльщики, оковщики и наряду с ними узкие специалисты — замочники, игольники, шильники, пуговичники, ножевщики, скобсники, кирочники, подковщики, удильщики, пряжники, решеточники, мисники, булавочники, трубники, колокольники, паникадильщики. В Москве в 1638 г., согласно произведенной в этом году переписи, было 2367 различных ремесленников. В числе их 497 человек, или 21 %, принадлежали к ремесленникам-металлистам; однако в это число не вошли дворцовые ремесленники, не обязанные тяглом; неполностью были зарегистрированы также кузнецы и пушечные мастера, так как они отказались дать сведения, «учинились сильны». Среди охваченных переписью 497 металлистов было 113 кузнецов, 248 пушкарей, 17 самопальных мастеров, 20 котельников, 14 паникадильщиков, 8 пуговичников, 7 игольников, 5 колокольников, 3 плавильных мастера, 7 паяльщиков, по одному часовнику, пряжнику, оковщику и т. д. Спустя три года, в 1641 г. была проведена в Москве специальная перепись кузниц, как посадских, так и у беломестцев; всего оказалось 152 кузницы, из которых 24 были пустыми. В остальных действующих 128 кузницах насчитывалось 172 кузнеца — как хозяев, так и наемных рабочих. О начавшейся классовой дифференциации среди металлистов в первой половине XVII в. свидетельствуют следующие данные. Из числа действующих 128 кузниц в 83 работали сами владельцы, в 6 кузницах владелец-мастер работал при помощи наемных работников, в том числе в 5 было по одному наемному рабочему и в одной кузнице 2 рабочих. В остальных 39 кузницах сами владельцы не работали, но в 15 из них были наемные кузнецы; остальные 24 кузницы сдавались в аренду, причем в одной из них было 2 рабочих, в других — по одному. Таким образом, часть кузнецов не имела возможности приобрести собственную мастерскую и орудия производства. Работа производилась и на заказ и на широкий рынок.⁵³ В первой четверти XVIII в. число московских ремесленников-металлистов значительно увеличилось. При введении цехового устройства в 1722 г. насчитали в Москве кузнецов, оружейников и других металлистов (не считая ювелиров) — 643 человека из общего числа 6271 ремесленника всякого рода, из которых лишь треть была самостоятельными мастерами.⁵⁴ В 1703 г. житель Мещанской слободы М. Морысейнов обратился в Сибирский приказ с жалобой, что у него отнимают мастеров, хотя он подрядился делать 10 тыс. «фузейных астрадамских»⁵⁵ замков. Этот московский мастер должен был иметь значительную мастерскую, чтобы выполнять столь большой заказ, или раздавал работу на сторону.⁵⁶

⁵³ М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв., М., 1910, стр. 61—73, 84—90; отдельно и в издании «Москва в прошлом и настоящем», вып. 6.

⁵⁴ Г а й с и н о в и ч. Цехи в России.— Изв. АН СССР (Отд. общественных наук), 1931, № 5.

⁵⁵ Т. е. амстердамских, голландских.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 190, д. № 50, л. 62 об.

Крупным пунктом металлообработки была тульская Оружейная слобода. Ленин отметил, что промыслы Тулы отличаются особой древностью и что «тульские оружейники образовывали особую кузнечную слободу, составляли особое сословие с особыми правами и привилегиями».⁵⁷ Входившие в нее казенные оружейники составляли корпорацию, отдельную от кузнецов Тульского посада. Они получили от правительства привилегии и за то обязаны были поставлять в определенном количестве оружие в казну. В конце XVII в. (1695 г.) в тульской Казенной слободе насчитывалось 195 кузнецов. В рядах на Тульском посаде было еще 57 кузниц и 25 кузнечных мест.⁵⁸ Среди тульских кузнецов наблюдалось значительное классовое расслоение. Рядом с самостоятельными ремесленниками писцовые книги еще в первой четверти XVII в. выделяют наемных работников, о которых говорится, что они «ярыжничают», или «наймутся» работать в кузницах. Грамоты конца XVII в., выданные Казенной слободе, также отмечают среди них кузнецов, которые «живут у мастеровых и у ремесленных людей или учнут кто у кого для работы найматься». Наряду с ними в Туле были «прожиточные люди», которые сами не делали ружей, а были заняты скупкой их у ремесленников и владели в рядах «лучшими лавками». Свою повинность выделки и поставки ружей в казну они «делали наймом», т. е. вместо себя нанимали кузнецов, или же сдавали в казну ружья, «покупаючи у своей братьи и у скудных людей».⁵⁹ Таким образом, мелких ремесленников эксплуатировали представители торгового капитала — скупщики, выделившиеся из той же Оружейной слободы. Из богатой верхушки тульских кузнецов выбирались старосты и представители для экстренных посылок в Москву и т. п.

Значительный интерес представляет неиспользованное до сих пор исследователями дело о сыске беглых рекрут в тульской Оружейной слободе в 1713 г. Хотя этот документ относится к началу XVIII в., но описанные в нем явления должны были возникнуть много ранее. В этом году отбирались у двух групп тульских кузнецов сведения об их составе. Староста Оружейной слободы Родион Владимиров и вместе с ним 64 кузнеца составляли одну опрашиваемую группу, среди них были 21 «рядовой» кузнец, 8 мастеров ствольного дела, 35 заварщиков. Все они названы «промышленниками». Они заявили, что нанимают на работу тульских кузнецов, «у которых в домах их никаких промыслов и для работы оружейного дела оружейных своих снастей нет»; кроме того, на лиц этой группы работают «и других чинов тульские ж жители посадские и ямщики, также и работные разных городов и уездов люди». Эти слова выразительно подчеркивают отсутствие у этих наемных рабочих всяких средств производства. Другая опрашиваемая группа включала «приемного» мастера Абакума Неклюдова и вместе с ним 21 замочных и рядовых мастеров, т. е. делающих замки к ружьям и имеющих кузницы в «рядах», кроме того, было 84 ремесленника станочного дела, т. е. вырабатывающих станки к оружию, 12 — ножевого дела и 16 — приборного дела (ружейный прибор); всего, следовательно, их было 112 чел. Они также заявили, что у них в домах работают «той же Оружейной слободы кузнецы, у которых

⁵⁷ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, гл. VI, § 2, стр. 371, изд. 4-е.

⁵⁸ Г. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв., Киев, 1915, стр. 129, 153—154; В. Кашин. Тульская Оружейная слобода в XVII в.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, стр. 87—97. Грамоты тульской Оружейной слободы приведены в кн.: И. Сахаров. История общественного образования Тульской губернии, М., 1832.

⁵⁹ В. Кашин. Цит. соч., стр. 86—87; И. Сахаров. Цит. соч., стр. 140—164.

своих снастей нет, также и ученики». Общее число самостоятельных мастеров в тульской Казенной слободе составляло в 1713 г. 167 чел.; сколько было наемных рабочих, остается неизвестным, но одних беглых рекрут обнаружено было среди них 40 чел. (к этому известию я еще вернусь в связи с биографией Никиты Демидова, так как у него также оказалось 4 беглых). Этот документ свидетельствует о большой специализации тульских мастеров и вместе с тем говорит о классовом расслоении среди тульских кузнецов. Из них выделились мастера — предприниматели и скупщики и наряду с ними кузнецы, не имеющие «снастей», т. е. средств производства, которые должны были вместе с пришлыми людьми заниматься к хозяевам.⁶⁰

Таким образом, крупное производство в металлопромышленности XVII в. носило характер типичной мануфактуры; во главе предприятия стояли крупные промышленники — представители русской аристократии и верхушки торгово-промышленного класса; на заводах применялось разделение труда, хотя и не всегда последовательно и полно проведенное. На заводах того времени имело место применение как не-свободного, так и наемного труда, в особенности среди немногочисленных квалифицированных производственных рабочих. Заводчики получали привилегии, освобождались от пошлин, имели монопольное право на данное производство и обеспечивались правительством рабочей силой. Вместе с тем правительство опекало и регламентировало производство, устанавливало виды продукции, определяло цены для сдачи в казну и т. п. Эти меры, выраженные в жалованных грамотах владельцам, носят типично-меркантилистический характер.

Мануфактура XVII в. выростала в недрах крепостного хозяйства, и эти первые ростки капитализма были крепко опутаны со всех сторон феодально-крепостническими отношениями. К проявлениям крепостного хозяйства относится применение в широких размерах не-свободного труда, в особенности использование крестьян на заготовках топлива, на рудниках и при перевозках, использование казенных кузнецов и стрельцов, работавших принудительно в порядке отбывания казенных повинностей, и т. п. Однако и этот принудительный труд в ряде случаев оплачивался заработной платой наравне с наемным (рудокопы, стрельцы, казенные кузнецы, крестьяне, работавшие на производстве), и здесь также имело место переплетение новых, буржуазных отношений с феодально-крепостническими. Наряду с предпринимателями нового типа (иноземцы и русские «гости») выступают вельможи, крупнейшие земле- и душевладельцы, как Б. Морозов, Л. Нарышкин, И. Милославский. Права заводчиков на земли и заводы были ограничены; они не могли продавать и закладывать их без разрешения правительства, т. е. не имели полного права собственности. Широко распространенное ремесло отличалось специализацией, а в Туле и Москве и наличием расслоения на предпринимателей и скупщиков, с одной стороны, и наемных рабочих — с другой. Это значит, что металлические промыслы также переживали переход к мануфактуре.

2. НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РЫНКЕ МЕТАЛЛОВ В КОНЦЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII вв.

Ремесло и мануфактуры в XVII в. обеспечивали страну черным металлом, за исключением высокосортного железа, которое доставлялось из-за границы. Острый недостаток ощущался лишь в цветных металлах. Швед

⁶⁰ «Доклады и приговоры Правительствующего Сената», СПб., 1888, т. III, кн. 2, стр. 714—717. Дело о доношении рекрута Козютина о беглых солдатах, находящихся в работе у кузнецов тульской Оружейной слободы.

Кильбургер в своем сочинении о русской торговле (1674) относил железо, сталь и красную медь к товарам, которые «Россия хотя сама имеет, но отчасти покупает от иностранцев». Он говорит, что «в настоящее время в Москве делается столько железа, что им можно достаточно снабдить целую страну». Импортное шведское железо, по словам Кильбургера, поступало через Архангельск для снабжения северных районов, а через Новгород шло в Москву.⁶¹

Состояние русского рынка металлов отчасти вскрыто в работе С. В. Бахрушина, изучившего записные книжки новгородцев Кошкиных, которые вели крупную торговлю со Швецией, закупаая там железо и медь и продавая туда лен, пеньку, сало и пр. В них сохранились сведения об общем отпуске из Швеции металлов в Россию в 1697 г., когда шведского железа было ввезено 41 400 пуд. и 17 118 пуд. меди разных сортов. Это составляет около 2.5% всего вывоза железа из Швеции в этом году в разные страны и 29% всего шведского отпуска меди. Особенно значителен, следовательно, был вывоз меди из Швеции в Россию. По сохранившейся единственной таможенной книге Большой Московской таможни за 1693—1694 гг., из Новгорода, Пскова, Тихвина и других пунктов с северо-запада страны было привезено в Москву главным образом ввозных, «из-за свейского рубежа», — 11 192 пуд. железа прутового и дощатого, 275 железных досок, 175 листов, 115 бочек железа белого;⁶² кроме того, меди красной, зеленой запрудной и в изделиях (медные котлы, тазы, проволока и др.) свыше 12 450 пуд.; сверх того ввезено было олово английское, свинец, а также 860 сабельных полос и 330 лопат. Торговля импортными металлами находилась в руках крупнейших торговцев, к которым принадлежали Кошкины. Это была специализированная торговля, уже утратившая черты коробейничества, свойственные торговле того времени.⁶³

Изучение той же таможенной книги Большой Московской таможни за 1693—1694 гг. дает возможность сделать также ряд наблюдений над организацией торговли металлами. Таможенная книга сохранила записи об оборотах с металлами 90 купцов, из которых многие привозили товары в Москву по несколько раз на протяжении года. Среди них 14 было родом из Новгорода, 12 — из Пскова, 13 — из Тихвина, 9 — из Олонца, 7 — из Ржева, по 3 — из Ростова, из Осташкова, из Устюжны и Ладоги, 8 крестьян, монастырских и дворцовых, и по одному купцу родом из Калуги, Твери, Углича и других городов. О привозе железа московскими купцами данные отсутствуют, может быть, потому что в своем городе они были освобождены от уплаты пошлин. Преобладание новгородцев, псковичей и олончан будет еще нагляднее, если выяснить, откуда шел товар. Оказывается, 28 купцов привезли металлы по новгородским таможенным выписям, 13 — из Пскова, 15 — из Тихвина и 7 — из Олонца. Надо иметь в виду, что подавляющая масса металла, занесенная в эту книгу, была импортной; об этом прямо говорится в таможенных явках, где отмечено, что железо или медь привезены «из-за свейского рубежа», хотя и записаны в Новгородской таможне. Такие указания имеются относительно 22 купцов, торгующих металлами; кроме того, у 30 купцов из самого обозначения товара видно, что он импортного происхождения («свицкое» железо, олово «аглинское» и т. п.). Но среди завезенного в Москву металла, зарегистрированного в Большой Московской таможне, был также металл отечественного производства,

⁶¹ Б. К у р ц. Сочинение Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 120.

⁶² Гос. историч. музей, отд. рукоп., собр. Щукина, № 415.

⁶³ С. В. Б а х р у ш и н. Торги новгородцев Кошкиных.— Уч. зап. Моск. гос. ун-та, 1941, вып. 41, стр. 37.

например, часто упоминается тихвинский уклад; железо и медь, привезенные из Олонецкого края и Устюжны, также могли быть русского происхождения.⁶⁴ Общая стоимость привозных металлов в 1693—1694 гг., по этому источнику, составляла около 70.3 тыс. руб. На деньги конца XIX — начала XX вв. это составит 1200 тыс. руб., считая по хлебным ценам. Но следует учитывать, что цены на хлеб за последующие два столетия выросли значительно сильнее, чем цены на железо: первые поднялись в 17 раз, тогда как цены на железо и железные изделия с XVII в. увеличились приблизительно в $4\frac{1}{2}$ раза в связи с развитием машинного производства с его массовой продукцией. Ввиду этого, если учитывать лишь изменения цен на железо, указанная сумма составит около 300 тыс. руб. на деньги новейшего времени.⁶⁵

Преобладание крупных купцов в привозе металла в Москву с северо-запада видно из табл. 2, где сведены произведенные мною подсчеты по той же таможенной книге.⁶⁶

Таблица 2

Привоз металлов из Новгорода, Пскова и других городов в Москву в 1693 — 1694 гг.

Привоз на одного купца (в рублях)	Число купцов	Сумма	% к итогу
До 500	53	9456 р.	13.5
500—999	10	7425 »	10.6
1000—2999.	15	26170 »	37.2
3000 и свыше	4	27253 »	38.7
Итого	82	70304 р.	100%

Крупными оборотами выделяются олончанин Лазарь Ананьин, привезший в Москву, главным образом, меди на 10 421 руб.; за ним следует Никита Кошкин, доставивший в январе и феврале 1694 г. металлов на 8195 руб.; Кирилл Зетиллов, родом из Ржева, привез товара на 4238 руб.; С. Образцов, оттуда же, — на 1500 руб. и т. п. Они выступают не в одиночку, а привозят с собой также товары других купцов, может быть, в порядке комиссионного поручения, окружены родственниками — братьями, племянниками; ручаются друг за друга в уплате торговых пошлин и т. п.

К. Зетиллов привез из Новгорода «привозного товару из-за свейского рубежа», как значится в таможенной записи. В октябре 1693 г. он отправил в Москву шведскую медь, именно 133 котла новых из красной меди, 442 таза зеленой меди, 20 кругов медной проволоки, 65 «плот», т. е. медных плит, употреблявшихся в Швеции в качестве денег, и ветоши меди в 2 коробах и 15 «збитках», всего около 422 пуд. меди. В феврале 1694 г. тот же К. Зетиллов привез снова две партии шведского железа; в марте он вновь доставил в Москву медь в котлах, кусках и ветоши, а также медные тазы

⁶⁴ Гос. историч. музей, отд. рукоп., собр. Щукина, № 415: «Новгородская записная книга привозных новгородских товаров Больш. Моск. таможи 202 года».

⁶⁵ См. «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 477, табл. «Уровень дороговизны в XVII в.».

⁶⁶ В табл. 2 в подсчет не вошли записи 8 купцов, сумма привоза которых не могла быть определена, так как не у всех показан привоз в денежном выражении; в 31 случае, большей частью мелких привозов сумма не указана и я исходил из цен того времени, по данным той же таможенной книги, поэтому итоги носят приблизительный характер.

и сталь.⁶⁷ В общей сложности он привез металлов и металлических изделий на 3714 руб. Он торговал не один: однажды привез с собой товар своего родственника Ф. Ф. Зетилова, крупного торговца, торговавшего также самостоятельно, но импортной медью и сталью; в этот раз он завез в Москву металлов на 1032 руб.⁶⁸ Наряду с медью в Москве был большой спрос на импортное олово, свинец, жесть и т. п. Ростовец Козьма Гогин специализировался на торговле железом и оловом: он привез три партии товара из Швеции в течение года на 347 руб. и т. п.

Мы видим, таким образом, что наряду с тихвинским укладом и устюжским железом в конце XVII в. завозилось также шведское железо, медь и изделия в виде тазов, котлов, труб, паникадил, замков и т. п. Торговля наиболее крупных купцов была специализированной.

Ценные сведения, характеризующие привоз железа из-за границы и служащие для некоторой проверки приведенных данных, содержатся в делах Сибирского приказа. Строительство уральских заводов при Петре I должно было восполнить острый дефицит в металлах, возникший в связи с военными потребностями и прекращением ввоза из Швеции с начала Северной войны. При сооружении первых крупных заводов на Урале правительство затребовало в 1703 г. сведения о размере импорта из Швеции в мирное время. В Сибирский приказ были доставлены соответствующие справки из Приказа Большой казны и из Ратуши, составленные по московским таможенным книгам. Согласно сведениям Приказа Большой казны, привоз в Москву шведского железа составлял в 1693 (201) г. 11 468 п. 18 ф. по цене 14 алт. 1½ д., в 1694 (202) г.—12 963½ пуд. по цене 14 алт. 2 д.⁶⁹

Эти цифры близки к приведенным выше данным по сохранившейся московской таможенной книге о привозе железа в 1693—1694 гг.

Та же справка Приказа Большой казны содержит дополнительные сведения за те же годы по новгородским книгам об отпуске шведского железа из одного только Новгорода в Москву:

Г о д ы		
1693 (201)	8040 п. 14 ф.
1694 (202)	8469 » 20 »
1695 (203)	24232 » 25 »

Эти цифры за первые два года значительно ниже, чем по предыдущим данным, заимствованным из книг Большой Московской таможни, что, может быть, следует объяснить тем, что отпуск из Новгорода в Москву составлял лишь часть общего привоза шведского железа с северо-запада в Москву: оно могло поступать и из других городов, как Тихвин, Ладога и др. Тем более интересным является утроение ввоза железа за 1695 г. по сравнению с предыдущими двумя годами. Этот скачок, вероятно, связан с усилением спроса на лучшее железо, каким было шведское, во время Азовских походов и строительства флота на Воронеже.

Тот же Приказ Большой казны доставил позже новые сведения о привозе в Москву железа из Новгорода и Пскова за 1695—1697 гг.⁷⁰

Г о д ы	Полосного железа	Дощатого железа
1695 (203) 20132 п. 13 ф.	1225 п. 19 ф.
1696 (204) 8173 » 11 »	2218 » 25 »
1697 (205) 18360 » 35 »	3309 » 30 »

⁶⁷ Гос. историч. музей, отд. рукоп., собр. Щукина, № 415, л. 14, 83, 87, 95.

⁶⁸ Там же, л. 65 об., 92 об.

⁶⁹ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 49, л. 59.

⁷⁰ Там же, д. № 49, л. 134.

Наконец, для следующих трех лет (1698—1700) были присланы из Ратуши в Сибирский приказ сведения, также основанные на справке Большой Московской таможни о привозе в Москву шведского железа:⁷¹

Г о д ы	Полосного железа	Дошатаго железа
1698 (206)	30128 п. 12 ф.	3019 п. 7 ф.
1699 (207)	27185 » 3 »	2425 » 10 »
1700 (208)	32748 » 9 »	1924 » 20 »

Эти данные представляют большой интерес. Если допустимо сопоставление этих цифр с предыдущими, хотя они доставлены различными учреждениями, то они свидетельствуют о росте привоза шведского железа, хотя абсолютные размеры его невелики. Выше приводились сведения из записных книжек новгородских купцов Кошкиных, ездивших ежегодно в Стокгольм для закупки железа и меди; они записали, что в 1697 (205) г. всего было вывезено из Швеции в Россию 41 400 пуд. прутового и дошатаго железа. Это довольно хорошо согласуется с данными Ратуши о привозе шведского железа в Москву. Москва, разумеется, поглощала лишь часть, хотя, может быть, наиболее крупную долю всего импорта. Эти цифры говорят о значительном скачке ввоза железа за последние годы XVII в.

С начала Северной войны, т. е. с конца 1700 г., импорт железа и меди из Швеции на Русь прекратился. Это должно было привести к острому дефициту на лучшие сорта этих металлов. Острый недостаток высококачественного металла в начале Северной войны в связи с прекращением ввоза из Швеции привел к резкому повышению цен. Записные книжки Кошкиных показывают, что в первую половину 1700 г. железо прутовое еще стоило в Москве 4 р. 30 к. за берковец, т. е. 43 коп. за пуд, а в сентябре—декабре 1701 г. цена поднялась почти вдвое, до 8 руб. В 1704 г. отмечены резкие скачки цен: в январе проходили сделки по 6 руб. за берковец, в марте также по 6 руб.—6 р. 55 к. и даже по 11 руб., в июне — по 9 руб. Дошатае железо стоило в 1701 г. 12—14 руб., а в 1702 г. поднялось до 16 и даже до 20 руб. за берковец. Медь красная в котлах продавалась в 1701 г. до 6 руб. пуд (вместо прежней цены — около 4 руб.), латунь и тазы из зеленой меди в 1701—1702 гг. — по 7 руб., ветошь красная в 1702 г. — 5 р. 70 к. и запрудная медь — 4 р. 60 к.⁷²

В указанных справках из Приказа Большой казны и Ратуши наряду с размерами импорта приведены также цены на железо. По каждому году указаны все цены, но, к сожалению, без данных о степени распространенности той или иной цены.⁷³

Полосное железо стоило в 1694 г. от 37 1/2 до 60 коп. за пуд, в 1700 г. — от 35 до 42 1/2 коп.; дошатае в первом случае колебалось в цене от 65 коп. до 1 р. 22 1/2 к., во втором — от 75 до 95 коп. за пуд.

По другой справке Сибирского приказа, также составленной по данным Большой Московской таможни, в 1700 г. шведское дошатае железо у торговцев было в продаже по 7 1/2 руб., 7 р. 25 алт., 8 руб., 8 р. 10 к., 8 1/2 руб., 9 руб., 9 1/2 руб., 9 р. 30 алт. за берковец. Прутовое шведское железо тогда же стоило по 3 1/2 руб., 3 р. 20 к., 3 р. 25 алт., 3 р. 28 алт., 4 руб. 4 1/5 гривны, 4 р. 8 алт. 2 д. А после начала войны в 1701 г.,

⁷¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 49, л. 266, 267 об.

⁷² С. В. Бахрушин. Торги новгородцев Кошкиных.— Уч. зап. Моск. гос. ун-та, 1940, вып. 41, стр. 65.

⁷³ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 47, л. 25; д. № 49, л. 134. За 1695—1697 гг.— по данным Приказа Большой казны, за 1700 г.— по данным Ратуши.

с 1 января по 25 ноября, по данным Большой Московской таможни, шведского железа «в явке не явилось», т. е. в продажу совсем не поступало.

В 1703 г., в связи с испытанием присланного в Москву железа с первых уральских заводов, староста Железного ряда в Москве указывал в Сибирском приказе на отличные качества уральского полосного и четверо-гранного железа и прибавлял, что «ныне свицкого железа в привозе нет, а свицкое де железо ныне из ряду продают по 40-ку алтын за пуд»,⁷⁴ т. е. по 1 р. 20 к. вместо 35—50 коп., как было до войны.

Через год после начала Северной войны, в ноябре 1701 г. Сибирский приказ торопит строительство первых крупных уральских заводов, Каменского и Невьянского, и объясняет необходимость спешки недостатком железа: «на Москве доброе свицкое железо в цене большой».⁷⁵ В качестве одной из причин передачи Невьянского завода Никите Демидову в 1702 г. выставлен был недостаток в хорошем металле для вооружения: «нынешнего ради со шведами воинского случая железу ис той земли вывозу нет, и такому доброму и мяхкому железу учинилась скудность, что взять негде и в цене стали близ рубля покупать».⁷⁶

При передаче Невьянского казенного завода Н. Демидову думный дьяк Сибирского приказа А. А. Виниус писал ему: «ныне в случае настоящей со шведами войны оттоль железа не возят, и на Москве которое сыскалось к оковкам пушечных колес и станков и во всяком ружье, в цене зело поднялось и сыскать ево на Москве и в Новгороде и во Пскове кроме малого числа было трудно, а московских, тульских, каширских, истенских и прочих заводов железа кропки (т. е. ломки, хрупки. — *Б. К.*) и в пушечных и в колесных оковах ломались, и тем в промыслах воинских и намерениях удобных артиллерии многая помеха и остановка».⁷⁷

То относительное благополучие на рынке металлов, которое застал в 70-х годах XVII в. Кильбургер, когда страна удовлетворялась своим железом и небольшим количеством привозного высококачественного железа и цветных металлов, было нарушено к концу века. Уже Азовские походы и начало строительства военно-морского флота потребовали значительного увеличения производства вооружения и повысили импорт шведского железа. Северная война прекратила доступ шведского железа и меди и вместе с тем должна была повысить спрос на металлы в связи с требованиями армии. В этой обстановке голода на металлы и роста цен на высококачественный металл правительство усиливает строительство заводов и переносит его на Урал.

Прежде чем перейти к истории возникновения первых уральских заводов, подведем итоги тому, что отмечено было выше о состоянии русской металлургической промышленности к концу XVII в. В стране имелись крупные металлургические и металлообрабатывающие предприятия в форме мануфактуры. Во главе их стояли представители русской знати или иностранцы, к концу века появляются русские заводчики из торгово-промышленного класса. На этих заводах применялось разделение труда; заводы делились на мастерские, или цехи, правда, немногочисленные; производственный процесс был расчленен, но это расчленение и специализация рабочих не были проведены широко и полно: нередко рабочие совмещали несколько специальностей и легко переходили от одной стадии производства к другой. В организации труда и в технике оставалось еще много от мелкой ремесленной мастерской. Заводы были вододействующими. В центре заводских сооружений находилась плотина, у которой располагалась домна

⁷⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 48, л. 203.

⁷⁵ Там же, д. № 47, л. 14.

⁷⁶ Там же, л. 137.

⁷⁷ Там же, д. № 48, л. 129.

(там, где она была), затем — молотовая, кузницы и т. п. Учение Маркса и Ленина о развитии промышленности проливает свет на эти явления. «Мануфактура вводит разделение труда, вносящее существенное преобразование техники, превращающее крестьянина в мастерового, в «детального рабочего». Но ручное производство остается, и на его базисе прогресс способов производства неизбежно отличается большой медленностью».⁷⁸

Уже в XVII в. сложилась группировка или комбинирование нескольких железных заводов с одним чугуноплавильным, домна которого снабжала остальные заводы чугуном. Крупные заводы работали преимущественно на государственный спрос, выделявая пушки и снаряды, однако наряду с этим производили металлические изделия (сохи, гвозди и т. п.) и на широкий рынок. Заводчики получали от правительства привилегии, грамоты на монопольное владение заводами с запрещением кому-либо строить такие же заводы в тех же уездах; они имели льготы в уплате оброка, могли вести беспошлинную торговлю. Наряду с этим правительство предъявляло определенные требования к промышленникам в отношении характера и размера продукции, требуя казенных поставок пушками, железом и другими изделиями. Правительство обеспечивало заводы в известной мере рабочей силой, приписывая к ним деревни и обязывая крестьян работать на заготовках дров, на перевозке руды, дров и изделий. Частично из этих же приписных крестьян набирались заводские рабочие. Состав производственных рабочих вообще был весьма пестрым; среди них преобладали наемные люди, но наряду с ними были крепостные крестьяне и приписные.

Наряду с немногими крупными заводами, доменными и железными, снабжавшими преимущественно государство, дворцовое ведомство и церковное строительство, наряду с ними прочно и широко распространялось кузнечное дело и мелкое производство железа и уклада. Ремесло уже обнаруживает черты «разложения»: выделяются богатые кузнецы, на которых работают другие, лишенные инструментов («снастей») и других условий для самостоятельного производства. Торговля металлами была ареной деятельности крупных купцов, специалистов по торговле металлами, ездивших даже за границу и снабжавших страну шведским железом, английским оловом, импортной медью.

Война с Турцией, приступ к строительству флота и, наконец, Северная война значительно изменили положение. Спрос на металлы для нужд обороны повысился именно тогда, когда ввоз «свейского» железа и меди должен был прекратиться. Возросший спрос, рост цен и голод на металлы потребовали сооружения новых заводов как в центре страны, так и, в особенности, на Урале. В этих условиях был широко использован при Петре I опыт русского промышленного развития XVII в.

⁷⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 477, изд. 4-е.

ГЛАВА III

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВЫХ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ

1. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕРВЫХ ЗАВОДОВ НА УРАЛЕ

При изучении первых шагов уральской промышленности следует прежде всего выяснить ту базу, на которой строились первые уральские заводы. Выросли ли они «искусственно» в качестве иноземной новинки, пересаженной властной рукой преобразователя на Уральские горы, как думали буржуазные историки, или более правы советские исследователи, выдвинувшие в качестве предшественника крупных уральских заводов местную крестьянскую промышленность, широко развитые на Урале металлические промыслы, а также те первые местные опыты создания более крупных предприятий, какие делались на Урале еще с 30-х годов XVII в. Мы увидим, что и эти новейшие взгляды требуют существенных дополнений и оговорок. Второй задачей, более частного порядка, является вопрос об обстоятельствах, вызвавших передачу казенного уральского завода в частные руки. Первый из демидовских заводов на Урале, Невьянский завод, первоначально возник в качестве казенного и лишь затем был передан Никите Демидову. Чем вызвана была эта перемена?

Освещение указанных вопросов требует некоторого расширения нашей темы. Прежде всего напомним общие условия Урала в конце XVII в. и степень его хозяйственного освоения накануне петровского промышленного строительства. Наиболее заселенным был Средний Урал, где и возникли первые петровские заводы. Здесь проходили в XVII—XVIII вв. важнейшие пути в Сибирь. Река Чусовая, верховья которой находятся в горном районе Урала, впадает в Каму, и благодаря ей устанавливается с древнейших времен сплошной водный путь, соединяющий центр страны с Уралом и Сибирью по Волге, Каме и Чусовой. По р. Чусовой, несмотря на неудобство этой горной и быстрой реки, совершался проезд торговых людей; строгановские крестьяне везли по той же реке хлеб на продажу; этим же путем пробирались в Сибирь беглые крестьяне и «гулящие люди». Путь вверх по Чусовой шел до устья р. Утки, где путешественники высаживались в Уткинской слободе и продолжали путь на восток сушей, направляясь к р. Режу; далее они шли через слободы — Аятскую и Арамашевскую на р. Нейву, в Невьянскую слободу, откуда, также водой, подвигались далее, к Тюмени.¹ Обратное, с Урала на запад, этим путем —

¹ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири, М., 1928, стр. 101—102.

по Чусовой, Каме, Волге и Оке — впоследствии сплавляли пушки и железо в XVIII—XIX вв.

Другая, более северная дорога из Европейской части государства в Сибирь шла от Соли Камской на Верхотурье через дер. Павдинскую вдоль мелких речек, как р. Мостовая и др. Этим путем пользовались в зимнее время. Верхотурье являлось «воротами» в Сибирь, и движение купцов, их приказчиков, чиновников и гонцов было здесь очень значительным. Никита Демидов тотчас после пожалования ему Невьянского завода этой дорогой направил по зимнему пути первую партию мастеров в марте 1702 г. Им была дана проезжая грамота и предоставлены были подводы Ямским приказом по маршруту: Москва — Переяславль Залесский — Ярославль — Вологда — Тотьма — Устюг Великий и далее — Соль Вычегодская — Кайгородок — Соль Камская — Верхотурье.

Третий путь шел через уральские степи и далее по Кунгурскому уезду к верховьям р. Чусовой, откуда дорога раздваивалась: одно направление шло на северо-восток к рекам Утке и Режу на Арамашевскую слободу и далее — к Ирбиту с его ярмаркой; другое шло на юг от Чусовой на р. Исеть к Арамильской слободе и к Далматову монастырю. Впоследствии, с основанием при Петре I города Екатеринбурга, именно этот путь стал основным для едущих в Сибирь, заменив верхотурскую дорогу. Этим направлением в XVII в. также ездили воеводы и купцы, шли «гуляющие люди». Этой дорогой, например, выехал Демидов в свою третью поездку на Невьянский завод весной 1704 г., когда он отправлялся с женой, сыновьями, внуками и с работниками; он просил дать ему 20 подвод и указывал маршрут: с Тулы на Переяславль Рязанский, на Касимов, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Казань, оттуда Казанским, Уфимским и Кунгурским уездами до Невьянского завода.² Летом значительная часть этого пути до Казани совершалась водой по Оке и Волге. Таким образом, три пути, сухопутных и водных, соединяли Средний Урал как с Европейской частью страны, так и с Сибирью, давали возможность оживленных сношений в зимнее и летнее время и способствовали заселению края.

Средний Урал изобилует мелкими речками; на них стояли мельницы и удобно было поставить плотину для крупного завода. Вместе с тем это район, удобный для земледелия, и давнее заселение его создавало необходимые условия для снабжения заводов рабочей силой и продовольствием. Средний Урал входил в Верхотурский уезд и частично захватывался Тобольским уездом. До русского завоевания Зауралье делилось на сотни и последние — на юрты, а с покорением русскими возникли волости, центрами управления которых являлись слободы. Крестьянская колонизация края шла не только самотеком; она направлялась в известной мере правительством, которое вызывало сюда «охочих людей» для занятия земледелием или селило «переведенцев» из других городов и наряду с их «собинными» крестьянскими землями заставляло их пахать «государеву десятинную пашню». Для защиты от нападения башкир и калмыков слободы окружались укрепленным острогом. Военно-административная и экономическая задачи шли рука об руку. Начальниками слобод были приказчики; иногда на эту должность назначались те же, кто приводил сюда первых поселенцев; к каждой из слобод принадлежало в административном отношении множество деревень. В острогах за деревянными стенами и башнями, окружавшими слободы, располагался гарнизон из беломестных казаков, получавших за свою службу земельный надел. Приказчики, являвшиеся начальниками гарнизона, в свою оче-

² ЦГАДА, Дела о горных промыслах и заводах, д. № 47, л. 168; т а м ж е, Дела Сибирского приказа, д. № 1399, л. 301.

редь подчинялись воеводам, управлявшим уездами из центра, т. е. из Верхотурья, Тобольска, Кунгура. Крестьяне, селившиеся здесь, наряду с государевой пашней облагались денежными и натуральными сборами, должны были поставлять в казну муку, солод, толокно, крупу, возить дрова, выполнять «изделье».

В Верхотурском уезде в 1624 г. было 2 слободы — Невьянская и Ямская и 149 деревень; в них находилось 273 двора и в городе Верхотурье было 109 дворов. Всего в уезде было 387 дворов крестьянского и посадского населения и служащих людей; население уезда состояло из 1273 душ м. п. и 49 бобылей и половников. Колонизация края шла быстро. По переписи 1666 г. в Верхотурском уезде насчитывалось 1040 дворов и в городе Верхотурье — 196 дворов. А в 1680 г. в Верхотурском уезде было 13 слобод, 338 деревень, 2 села, 6 погостов с деревнями, 1 заимка, 2 монастыря, всего 362 населенных пункта. В них писцы насчитали 1954 двора и 26 дворов промышленных людей, всего 1980 дворов, в которых жило 6218 душ м. п. За 14 лет с предыдущей переписи рост был огромный — почти вдвое, а с 20-х годов XVII в. число дворов и население уезда увеличилось почти в 5 раз.³

Вместе с этой волной крестьянской и военно-административной колонизации на Средний Урал пришли представители крупного феодального землевладения в лице вотчинника-монастыря. Приемы заселения и хозяйственные методы уральских монастырей вскрываются документами по земельным спорам монастырей с крестьянами. Примером может служить спорное «дело» Невьянского Богоявленского монастыря, основанного еще в 1622 г., с крестьянами Арамашевской слободы. Спор между ними возник около 1677 г. В этом году монастырь предъявил верхотурским властям претензии на земли по р. Режу, занятые крестьянами Арамашевской слободы. Арамашевские крестьяне уверяли, что земли эти являются их наследственным владением, и заявляли властям, что у них имелись и документы, «отводные» грамоты, на спорные земли, но при нападении башкир дома их были сожжены и грамоты сгорели.

Монастырь противопоставил словесным заявлениям крестьян «данную» грамоту, в которой вся спорная земля была обозначена, или, как выразительно говорили крестьяне, «вся объявилась» монастырской, отведенной монастырю будто бы взамен другой земли, отнятой у него в казну. Спорная земля была обширной территорией, распашка которой едва только начиналась, и по словам производивших обследование служилых людей составляла свыше 9 тыс. дес. Верхотурские власти отвергли устные доводы крестьян и поверили лишь письменному документу. Спорные земли по р. Режу были признаны монастырской, а не крестьянской собственностью. Но этим дело не кончилось. Арамашевские крестьяне, исчерпав мирные средства, решительно отказались вернуть землю монастырю и продолжали и после суда обрабатывать ее на себя. В следующем, 1678 г. монастырь жаловался на «озорничество» крестьян, которые на спорной земле «ярь взорали и хлебом своим посеяли и сенные покосы, как приспеет время, косить хотят».⁴

³ А. Д м и т р и е в. Пермская старина, вып. 7. Верхотурский край в XVIII в., Пермь, 1897, стр. 57, 98, 102. Большой материал для изучения процесса колонизации Урала напечатан в «Актах исторических», т. III, № 121, 148, 152, 153, 172, 211, 222; т. IV, № 5, 33, 65, 217; т. V, № 267; см. также Ш и ш о н к о. Пермская летопись; «Памятники Сибирской истории XVIII в.», СПб., 1882. Новые данные см. в кн.: В. И. Ш у н к о в. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., изд. АН СССР, 1946.

⁴ Нижнетагильский музей краеведения. Рукописи библ. музея, д. № 1; напечатано в ст. Б. Б. К а ф е н г а у з а. Из истории колонизации Урала в XVII столетии.— Докл. и сообщ. истфака Моск. гос. ун-та, 1948, вып. 7.

Спустя 7 лет, в 1685 г. крестьяне другой слободы, Невьянской, также терпели насилия от того же Богоявленского монастыря и также жаловались, что монахи пахут на их земле, а монастырские крестьяне насильно захватили их пашни.⁵ Правительственные органы защищали притязания монастыря против крестьян.

На этой же территории, поблизости от оживленных торговых путей, на землях, пригодных для заселения, под пашни и для устройства мельниц, возникли впоследствии чугунолитейные заводы, в том числе и Невьянский завод, отданный затем тульскому заводчику Демидову. Казна и частный заводчик пришли сюда далеко не случайно. Их привлекали руда, лесные массивы, сплавные реки; они должны были также учитывать наличие рабочих рук в лице крестьянского населения и благоприятные условия для земледелия.

Борьба за землю и рабочие руки продолжается в новых условиях: на этот раз не только крестьянам, но и монастырю приходится защищаться от притязаний более сильного землевладельца, каким оказался заводчик Демидов. В следующей главе мы увидим, что Демидов получил к своему заводу монастырское село Покровское. Село с деревнями было приписано к заводу вместе с крестьянами «в работу», а монахам Невьянского Богоявленского монастыря предписано было переселиться отсюда в Далматов монастырь в Тобольском уезде или в Никольский монастырь Верхотурского уезда. Характеризуя процесс первоначального накопления, Маркс указывал, что «промышленные капиталисты, эти новые владетельные особы, должны были со своей стороны вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства».⁶

То же самое можно проследить в отношении Далматова монастыря. Он захватывал крестьянские земли, судился из-за них, но сам в конце концов должен был уступить перед новой силой, появившейся на уральских просторах в лице завода и заводской администрации. Игумен Успенского Далматова монастыря Исаак с братьей еще «в давние годы», вероятно в 80-х годах XVII в., «били себе челом во владенье о речке Железянке». В связи с этой просьбой приезжали тогда же тобольские власти для отвода земель монастырю, но крестьяне и казаки «у отводу не были и к межевым книгам руку не прикладывали и тое речку спорили, что та речка Каменка, а не Железянка и насильством [монахи.— Б. К.] построили монастырской двор и крестьян поселили 40 дворов». Монастырь не ограничился захватом земель по р. Каменке и устройством на спорной земле слободы. В 1682 г., по словам жалобщиков, казаков и крестьян, игумен Далматова монастыря Исаак с братьей обратились к властям с просьбой пожаловать монастырю новые земли. Он писал, что «во 189 (1681) году приискали они в Сибири вверх по Исете реке на правой стороне выше Колчеданского острогу 15 верст в пустых местах на речке Железенке руду железную, а та речка никому русским людям и иноземцам не в даче, лежит в пугте». Неизвестно, получили ли на этот раз монахи новые земли, но они действительно построили небольшой железный завод. Об этом споре крестьян с монастырем вспомнили в 1699 г., когда поднят был вопрос о строительстве казенных заводов на Урале. Теперь власти не хотели считаться с явно сомнительными правами монастыря и использовали доводы крестьян в интересах зарождавшейся крупной промышленности. Из Сибирского приказа полетела грамота в Тобольск к воеводам, и, пересматривая спорное земельное дело, происходившее 20 лет назад,

⁵ Ш и ш о н к о. Пермская летопись, Пермь, 1885, V период, ч. 1, стр. 141. Здесь же другие данные грамоты на земли крестьянам Невьянской слободы и ямским охотникам по рекам Ташау и Туре (стр. 127 и 129).

⁶ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, М., 1937, т. I, стр. 671.

Далматову монастырю запретили владеть землей, крестьянами и заводами. Монастырская слобода была отнята в казну: «а Далматова монастыря игумену с братьею тою слободою и землями, и заводом владеть не велено, потому что те земли и речка им в дачах не явились». ⁷ Сибирский приказ потребовал описать слободу и монастырский завод и выслать в Москву образцы руды и железа. Здесь был построен затем большой казенный Каменский завод.

Железная руда на Урале привлекала в течение XVII в. не только хозяйственников в монашеской рясе. С заселением края здесь стала распространяться мелкая выплавка железа. Наиболее раннее найденное мною свидетельство относится к 20-м годам XVII столетия; оно показывает деятельное участие правительства царя Михаила в развитии на Урале и в Сибири мелких металлических промыслов.

Это известие дополняет имеющиеся в литературе сведения о поисках руды на р. Нице, за которыми последовало основание первого казенного завода на Урале, просуществовавшего короткое время; ⁸ наши сведения относятся к тому же времени.

В сентябре 1628 г. царю Михаилу Федоровичу было доложено, что в Верхотурском уезде отыскивали железную руду в 7 верстах от Невьянского острога. Тобольский воевода отправил на дальнейшие поиски открывшего руду невянского кузнеца Богдашку Колмогора вместе с мастером по железному делу из гулящих людей в сопровождении сына боярского. Они нашли железную руду также и в другом месте, в 15 верстах от того же Невьянского острога, и произвели опытную плавку из найденной руды: «Тое железную руду варили и железо плавил на Верхотурье и в Тобольску на опыт». Образцы уральского железа были отосланы в Москву, при этом была определена его себестоимость, оказавшаяся весьма низкой — «по гривне и в 5 алтын». Кроме того, были еще найдены залежи руды в 5 верстах от Верхотурья. Известиями об уральском железе правительство настолько заинтересовалось, что царской грамотой, посланной в Тобольск, было предложено отыскать в сибирских городах «рудознатца» и 2—3 кузнецов для посылки на Урал, к Нейве.

Это не было первым мероприятием такого рода: еще ранее «для железного дела» были посланы в Томск 2 кузнеца из Устюжны Железопольской Ивашко Бармин вместе с семьей и Вихорко Иванов. Они отправились «со всею кузнечною снастью» и получили довольно крупное жалованье и «подможные» деньги. Однако выплавка железа в Томске оказалась невыгодной по дороговизне рабочих рук. Согласно первоначальным сведениям, пуд железа обходился в Томске в 1 р. 4 алт.; затем оказалось, что стоимость его будет еще выше, а именно, если нанимать в Томске «гулящих людей из воли не в страдную пору», то надо платить им по 3 алт. в день, и железо обойдется еще дороже — по 3 р. 14 алт. 3 д. (3 р. 43¹/₂ к.). В «страдную пору» нанимают гулящих людей по 5 алтын в день, и с учетом жалованья казенным кузнецам пуд железа будет стоить даже 5 р. 24 алт. 1 д. (5 р. 72 к.). Вследствие этого решено было отказаться от плавки железа в Томске и было приказано отпустить к Москве или на родину посланных туда устюженских кузнецов. Но теперь, в 1628 г., получив сведения об уральском железе, найденном близ Невьянской слободы, правительство указало послать этих кузнецов, если они еще из Сибири не выехали, в Верхотурье «в прибавку» к тем кузнецам, которые будут вызваны из сибирских городов, чтобы «на Невье железную руду варити и

⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром. ф. 190, д. № 48, л. 293, 332—333 об. (Выписки о Каменском заводе).

⁸ Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, 1939, стр. 27.

железо плавить и в том железе в сибирские города пушки и всякое железное дело делати».⁹

Таким образом, еще до основания в центре страны первых крупных железных заводов, тульских и каширских, правительство царя Михаила в 20-х годах XVII в. уже принимало меры для разработки сибирских и уральских железных руд, собирало сведения о залежах руды, приказывало производить опытную плавку и выясняло издержки производства на местах. При этом ставились широкие задачи вплоть до производства пушек, но препятствием являлся недостаток в кузницах, и правительство вынуждено было посылать опытных кузнецов из центра в Сибирь и на Урал. Позднее, в 1645 г. из грамоты верхотурскому воеводе Стрешневу узнаем о находке невьянскими и ирбитскими крестьянами медных руд; причем испытание руды производили иноземные мастера в Москве.¹⁰

Попытки устроить на Урале заводы в XVII в. были малоуспешны. Первым уральским заводом был Ницынский завод, основанный в 1631 г. на берегу р. Ницы. Он был сыродутным, т. е. не отличался от крестьянских домниц; относительно организации и оборудования его можно только делать предположения; возможно, что он просуществовал около полувека. В 30-х годах XVII в. возник первый на Урале медный Пыскорский завод — на р. Камбарке близ Соликамска. В выборе места для него принимал участие саксонец А. Петцольд. Этот завод трижды переносили с места на место, но все неудачно; он действовал как казенный до 1656 г., затем был отдан, в аренду Тумашевым, но в 60-х годах был ими закрыт. Позднее, при Петре I, здесь снова возник завод. В Чердынском уезде, к юго-западу от г. Чердыни, находился Краснобарский железный завод, в нем было две сыродутных печи, из которых непрерывно работала лишь одна; его существование было также кратковременным. После ликвидации медного Пыскорского завода владелец его Дм. Тумашев построил в 1669 г. железный завод на р. Нейве, который существовал не дольше 90-х годов. Выше упоминалось о заводе, принадлежавшем Далматову монастырю и явившемся предшественником казенного Каменского завода. По сведениям, относящимся к 1691 г., этот завод не был доменным: железо плавилось прямо из руды в горнах и домницах сыродутным способом, т. е. монастырский завод не отличался от крестьянских промыслов; он не был также и вододействующим, так как в описании его не упомянута плотина.¹¹

Эти заводы, возникшие в XVII в. на Урале, были мелкими и примитивными предприятиями, мало отличавшимися от крестьянских кузниц; они не были вододействующими и оказались недолговечными. Некоторые из них, как Пыскорский и Каменский, возобновились при Петре I, вернее, они были тогда заново построены. Значение их состояло, повидимому, в том, что они помогли найти подходящие точки для будущих крупных петровских заводов; их возникновение в определенном пункте указывало на наличие руды и других благоприятных условий.

К концу XVII в. на среднем Урале уже было немало кузнецов и мелких промышленников. В Москве хорошо об этом знали, и в одном из указов 1697 г. верхотурскому воеводе, содержащем приказание подыскать подходящее место для большого завода, ему поручено также описать, «где небольшие железные заводы у мужиков были и ныне есть».¹² В другом указе, от 1 июня того же года и по тому же поводу, воеводе предписывалось «собрать лутчих» тамошних железных мастеров и с ними «удобные

⁹ ЦГАДА, Д. Сибирского приказа. Столбцы № 15—16, л. 187—190.

¹⁰ «Акты исторические», т. III, 403.

¹¹ Ш и ш о п к о. Пермская летопись, V период, ч. 1, стр. 515.

¹² «Акты исторические», т. V, № 267, стр. 491.

места к большим заводам близ больших рек осмотреть и описать и чертеж учинить». ¹³

На местах так и поступили. В 1699 г. в досмотре и описании рудных мест, удобных под заводы, принимали участие в районе Невьянской слободы «железные заводчики Архипка Пятого с товарищи 17 человек, да рудоплавители Степан да Логинко Пятого с товарищи 27 человек». К досмотру в другом районе, у Краснопольской слободы, были привлечены «кузнецы и рудоплавщики Левка Новоселов с товарищи 4 человека, да крестьяне Микишка Кочин с товарищи 10 человек». Район Аятской слободы обследовала другая группа «железные заводчики и рудоплавщики Савка Копаев с товарищи 16 человек». При осмотре района рек Тагила и Выи также принимали участие уже упомянутые выше «кузнецы и рудоплавщики Леонтий Новоселов с товарищи 7 человек». Всего, следовательно, досматривали рудные места не менее 75 местных кузнецов, заводчиков и рудоплавщиков. ¹⁴

При строительстве Каменского завода «для дела железа» были собраны кузнецы из шести слобод (Багарятской, Катайской, Арамашевской, Камышевской, Колчеданской и Каменской). В 1700 г. работали 326 чел., в 1701—587 чел., но, вероятно, далеко не все они были кузнецами. ¹⁵ Верховтурский воевода в 1703 г. отослал к Демидову на Невьянский завод учиться 40 слободских кузнецов, при этом он «велел собрать всех» кузнецов с Верховтурского уезда. ¹⁶ Точно определить число кузнецов невозможно, все же из этих данных можно видеть, что к тому времени на Урале их было довольно много. Имелись кузнецы и среди монастырских крестьян Невьянского Богоявленского монастыря, и, когда приступлено было к строительству Каменского завода, им было «велено до указу кормитца собою своими малыми доменными горнами, а исподволь, как заводы поспеют, тогда велено им кормитца у тех заводов в молотовой и у доменной и у прочих надлежащих к заводам надобных дел».

Итак, к концу XVII в. на Урале были кузнецы и мелкие металлопромышленники. Их привлекали к обследованию рудных мест, с ними вместе выбирали место для постройки казенных заводов, их использовали при стройке заводов и посылали учиться на первые крупные петровские заводы, чтобы расширить кадры квалифицированных рабочих.

Мелкие сельские промыслы, как увидим далее, также сыграли известную роль в разведке руд, а также как источник кадров для будущих крупных заводов. Но уральским кузнецам надо было переучиваться на первых заводах XVIII в., чтобы стать квалифицированными заводскими мастерами. Крупным заводам нечего было перенимать у кустарей, нечему было учиться у них в области техники или организации. Это обстоятельство, а также примитивность и недолговечность мелких заводов на Урале в XVII в. показывают, что нельзя преувеличивать значение местной уральской мелкой металлургии XVII в. для создания крупной петровской промышленности, хотя и сбросить ее со счетов также не следует.

Надо отметить значение для Урала другого фактора — промышленности центра, крупных заводов — тульских, каширских, подмосковных и других, выросших в течение XVII в., а также значение высококоразвитого ремесла Тулы и ремесленников других центральных районов. Отсюда вышли руководители — строители первых уральских петровских заводов, мастера и другой персонал, перенесший на Урал свой

¹³ ЦГАДА, Д. о горных пром., № 48, л. 258.

¹⁴ Там же, л. 260 об., 262 об. Ниже я остановлюсь с большей подробностью на этих данных.

¹⁵ Там же, д. № 49, л. 292.

¹⁶ Там же, д. № 50, л. 178 об.

опыт; отсюда же вначале возили на Урал даже оборудование и железо. Значение этого передвижения производства из центра на Урал становится ясным при изучении архивных материалов о возникновении Невьянского, Каменского и других первых уральских заводов. Но прежде чем перейти к ним, следует остановиться на организационной стороне строительства первых уральских заводов при Петре Великом.

Строительством первых уральских заводов в эпоху Петра руководил Сибирский приказ. Во главе его в конце XVII в. и в первые годы XVIII в. стоял думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, один из ближайших сотрудников Петра в эти годы. А. А. Виниусу было около 60 лет (родился в 1641 г.), он был обруселым голландцем, сыном заводчика Андрея Денисовича Виниуса, основателя первого крупного железного завода под Тулой (осн. 1632 г.), как и отец, он был православным; начал карьеру с должности переводчика Посольского приказа. Тридцати лет он был отправлен послом за границу с предложением союза против турок (1672). А. А. Виниус представлялся в Лондоне английскому королю Карлу II, в Мадриде испанскому королю и был в Париже, но его дипломатическая миссия большого успеха не имела, так как эти державы не были склонны воевать с турками. По возвращении в Москву Виниус был пожалован в московские дворяне и поставлен во главе почтового ведомства, которым он управлял затем в течение более 25 лет. К почтовым делам присоединилось заведывание Аптекарским приказом и впоследствии — Сибирским, а также Приказом артиллерии. Петр I делал через Виниуса заграничные покупки и состоял с ним в оживленной переписке, он пишет ему из-под Азова, из Воронежа и во время первого заграничного путешествия. Б. Куракин в своей «Истории о царе Петре Алексеевиче» называет Виниуса «человеком умным и состояния доброго». Сибирский приказ А. А. Виниус получил в 1694—1695 гг., и эта должность давала ему большой доход. Впоследствии, после плена под Нарвой начальника Пушкарского приказа царевича Александра Арчиловича, Виниус назначается также надзирателем Приказа артиллерии. Ему поручено было возместить потерю всей артиллерии под Нарвой; для этого он начал строить сибирские заводы и с этой целью побывал на Урале и в Сибири. Его усилия увенчались полным успехом. Но он проявил медлительность в доставке пушек и снарядов на фронт, а также задержал доставку лекарств для армии и оказался нечист на руку.¹⁷ Петр из Шлиссельбурга писал Ф. Ю. Ромодановскому, что Виниус «отпотчевал меня московским тотчасом», т. е. до крайности запаздывал. Царь поручил страшному князю-кесарю, тому же Ромодановскому, ведавшему Преображенским приказом, допросить Виниуса. Это было началом конца его карьеры. Он попытался пустить в ход свое богатство и задобрить Меншикова подарками, золотом и обещанием больших денег, но тот написал тотчас же об этом Петру. В 1703 г. Виниус получил отставку, Сибирский приказ у него был отнят, но управление Пушкарским приказом еще оставалось некоторое время за ним. В 1706 г. во время Гродненской операции он уехал из-под Гродно без разрешения за границу и пробыл в Голландии два года. Несмотря на требования русского правительства, голландцы его не выдали. Но Виниус сам выпросил у Петра прощение, вернулся в 1708 г. в Москву и получил обратно свое имущество. Теперь

¹⁷ С. Соловьев. История России, кн. IV, стр. 3; И. Козловский. Андрей Виниус — сотрудник Петра Великого, СПб., 1911, стр. 29; Е. Г. Желе. Первые почт. и первые почтмейстеры в Московском государстве, Варшава, 1913, т. 1, стр. 204; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в., изд. АН СССР, 1946, стр. 162

ему было поручено надзирать за деятельностью украинского гетмана, но вскоре он заболел и доживал свой век в Петербурге. Он умер в 1717 г.

Корыстолюбивый и ловкий сановник, Виниус был вместе с тем одним из образованных людей того времени. С именем Виниуса связана замечательная карта Сибири, недавно найденная.¹⁸ Он был коллекционером, и до нас дошел принадлежавший ему альбом рисунков и гравюр голландских и русских художников, в том числе превосходные произведения школы Рембрандта.¹⁹ Он имел значительную библиотеку, в которую входили книги на голландском, латинском, немецком, французском и польском языках. Это были политические трактаты по естественному праву, сочинения Гуго Гроция, Томазия и Вигелия.²⁰

В изученных мною материалах имеются весьма интересные статьи, данные новому верхотурскому воеводе 8 декабря 1702 г. В них мы найдем уже выраженными те задачи, которые вскоре поставит перед полицией «как душой гражданства» Петр I. В заключительных словах этих статей обещаны воеводе награда государя и похвалы от народа, если он выполнит все предписанное и даже приложит что-либо сверх того — «во славу божию и в прибыль великого государя и в пользу общую всех православных христиан».²¹ Таким образом, в воеводские статьи, предназначенные для далекого захолустья, вошла идея «общего блага» как задача государственной власти, известная, впрочем, и до того русским деятелям. В какой мере передовые идеи наложили уже свою печать на эти статьи, видно из того, что в них предписывается воеводе «построить детям училище, где бы градских людей отроков учить словесному и буде мочно и грамматики, дабы положили первое основание своего жития», так как без наук лишь «воспитаются в слепоте многой»; мальчиков надо посылать в училища, а девочек учить в монастыре. Наряду с этим воеводе поручается выстроить больницу и богадельню для престарелых. В этих статьях большое место занимают поручения, связанные с развитием промышленности. Воевода должен стараться, чтобы «молодые ребята» обучались «кузнечным, оружейным, плотничьим, столярным, токарным делам», чтоб никто «даром не гулял и хлеба чужого не поедал»; предписывается заботиться о построенных уже железных заводах и заводить новые. Эти статьи выделяются своей необычностью, особенно если сопоставить их с обычным традиционным наказом верхотурскому воеводе 1697 г., опубликованным в Полном собрании законов.²² Во время своей поездки на Урал, на которой я остановлюсь в следующей главе, Виниус выразил типично меркантилистические идеи, указав, что новые заводы должны способствовать прекращению импорта и сохранению денег в стране: «чтобы из других государств покупать и на то деньги истощать было не надобно».²³ В письме Виниуса к Петру, отправленном с Урала в тот же день, когда был подписан им воеводский наказ (8 декабря 1702 г.), он сообщает, что рассчитывает завести на Урале 10 домен, «которые в год чугуна дадут, буде помешек не явится, с 1 400 000 пуд».

Незадолго до отставки он писал, что при его управлении

¹⁸ А. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в., изд. Главсевморпути, Л., 1940, стр. 24—25.

¹⁹ М. Доброклюнский. Книга Виниуса. Памятник русского собирательства XVII—XVIII вв. Изв. АН СССР (Отд. гуманитарных наук), 1929, № 35.

²⁰ А. Лаппо-Данилевский приводит эти сведения по непзданному каталогу библиотеки Виниуса. См. его статью «Идея госуларства и главнейшие моменты его развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразования». — Голос минувшего, 1914, № 12, стр. 23.

²¹ ЦГАДА. Дела о горных промыслах, ф. 190, д. № 48, л. 120.

²² ПСЗ, т. III, № 1595.

²³ ЦГАДА, Дела о горных промыслах, ф. 190, д. № 48, л. 115 об. и 134.

Сибирским приказом, за два года при нем вылиты 400 пушек, выстроено два завода и ведется стройка еще трех заводов, а «когда все устроится, то можно чугуны быть в год 1 500 000 пуд».²⁴

Обширные экономические и административные задачи Сибирский приказ должен был выполнять через местную власть, посредством воевод. Управление Сибирью на местах было в известной мере централизовано еще до деления страны на губернии. Среди сибирских воевод первую роль играл тобольский воевода и, хотя приказ сносился непосредственно и с воеводами других уездов, но предпочитал подчинять их тобольскому.²⁵ Это проявилось существенным образом в строительстве первых заводов, так как верхотурский воевода, который ведал строившимся Невьянским заводом, был подчинен тобольскому воеводе. В соответствии с различным объемом власти воеводские посты занимали люди, различающиеся положением в обществе. В Тобольске долго правил кн. Михаил Яковлевич Черкасский, член родовитой и богатейшей семьи, состоявшей в близком родстве с царской фамилией. Он начал службу стольником при дворе Петра, затем состоял воеводой в Новгороде, а в 1697 г. попал на воеводство в Тобольск, сменив на этом месте Андрея Фед. Нарышкина. Его товарищами по воеводскому управлению были его сыновья: сперва — Петр, а после его смерти — еще совсем молодой Алексей. Впоследствии Алексей Михайлович Черкасский²⁶ сделал большую карьеру; он был женат первым браком на двоюродной сестре Петра I Нарышкиной и, несмотря на лень и посредственный ум, сумел выдвинуться, заняв в событиях 1730 г. место в рядах защитников самодержавия от происков «верховников». При Анне он сделался кабинет-министром, затем был сенатором и вице-канцлером, т. е. ведал иностранными делами; он был очень богат, имел свыше 70 тыс. крестьян.

С Черкасскими не могли равняться верхотурские воеводы, которыми были сперва Дм. Протасьев,²⁷ затем Козьма Козлов; последнего сменил зять Винуса Алексей Калитин. Это отразилось, как увидим, и на строительстве заводов. Тобольский воевода непосредственно ведал строительством Каменского завода, расположенного на его территории, а также частично распорядился через верхотурского воеводу стройкой Невьянского завода, находившегося в ведении Верхотурья. Нетрудно предвидеть, что из этого могло выйти. Черкасские сделали все возможное, чтобы скорее отстроить и пустить в ход Каменский завод даже в ущерб Невьянскому.

Часть переписки Сибирского приказа с воеводами о железных заводах сохранилась не среди обширного делопроизводства этого приказа, а в особом фонде Посольского приказа о горных промыслах и заводах. Это дело состоит из четырех томов, но их общая старинная пагинация свидетельствует, что некогда они составляли одно огромное целое, объемом свыше тысячи трехсот нумерованных листов, лишь впоследствии разбитых в архиве на отдельные томы. Оно имеет современное заглавие, явно относящееся ко всем томам и указывающее, что в первое время строительства заводов переписка Сибирского приказа о железных заводах

²⁴ «Письма и бумаги Петра Великого», т. II, стр. 413.

²⁵ С. В. Бахрушин. Воеводы Тобольского разряда в XVII в.— Уч. зап. Института истории, М., 1927, т. II, стр. 179.

²⁶ «Русский биографический словарь» (Чаадаев — Швитка), СПб., 1905, стр. 183, 219. Наказ тобольскому воеводе см. в ПСЗ, т. III, 1594.

²⁷ Стольник Дм. Протасьев, состоявший в 1695—1698 гг. верхотурским воеводой, приходился родным братом «адмиралтейцу» Ал. П. Протасьеву, ведавшему строительством флота и организацией «куманств». За многие злоупотребления «адмиралтеец» Протасьев попал под следствие и вскоре умер.— «Русский биографический словарь» (Приствиц — Рейс), СПб., 1910, стр. 86. Наказ верхотурскому воеводе К. П. Козлову см. в ПСЗ, т. III, № 1595.

группировалась и сшивалась отдельно от других дел: «Книга о делах железных заводов с 700-го [года] декабря з 20-го, декабря по 29-е число 703-го году».²⁸ Эта книга застаёт стройку в полном разгаре, она начинается с переписки о распределении между двумя первыми заводами, Невьянским и Каменским, присланных из Москвы мастеров, специалиста по устройству плотин и доменного мастера.

Здесь содержатся регулярные и обстоятельные донесения верхотурских воевод о строительстве Невьянского завода и донесения кн. Черкасских из Тобольска о Каменском и других заводах, о сыске руды и т. п. Эта входящая почта вызывала в приказе обсуждение со стороны Виниуса с товарищами, в результате чего появлялась дьячья помета, на основании которой затем писалась «память» в Сибирь. Наряду с этой перепиской направлялись в Сибирский приказ мастера для новых заводов, их опрашивали и давали определенное назначение. В приказе подготавливали материал для доклада Петру, и отсюда рассылались указы с его повелениями. К концу строительства Невьянского и Каменского заводов были составлены о каждом из них записки ретроспективного характера, начиная с изложения первых указов о разведке руд на Урале при Петре I. Наряду с этим в том же деле имеются «описные» и «отдочные» книги по Невьянскому заводу, содержащие его описание перед сдачей из казны Демидову, сведения о населении слобод, приписанных к этому заводу, интереснейшие сведения о поездке Виниуса на Урал для осмотра заводов. Имеющееся здесь же большое число челобитий Никиты Демидова и его сына, в особенности за 1702—1703 гг., т. е. за первые два года после передачи ему завода, значительно пополняют прежний, известный до того материал о начальных шагах их деятельности. Это обширное дело использовано мною в дальнейшем изложении.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕВЬЯНСКОГО И КАМЕНСКОГО ЗАВОДОВ

Летом 1696 г., когда Петр находился еще под Азовом, предписано было 26 июня из Сибирского приказа верхотурскому воеводе осмотреть, «в которых местах камень магнит и железная добрая руда есть ли». Эти изыскания заняли у местных властей полгода, и 23 января следующего, 1697 г. верхотурский воевода Дм. Протасьев мог сообщить об их результатах. Магнитную руду нашли в горе в 2 верстах от р. Тагила, у Краснопольской слободы, а простая железная руда разведана была в четырех местах: в 20 верстах от Невьянской слободы, в горе, поросшей сосняком и мелким березняком, на площади в 150 саж. в длину и на 20 саж. в ширину; вверх по р. Зыряновке, также в лесных местах; по левому берегу р. Нейвы, в 15 верстах от Невьянской слободы, с указанием, что река в этом месте имеет в ширину 35 саж., в глубину 2 саж. и весной не заливают рудных мест; у той же р. Нейвы, в двух верстах от дер. Федьковки, где река была шириной лишь 5 саж. и глубиной 1 саж.²⁹ Это было только началом. Взятые образцы руды сперва были подвергнуты испытанию на Верхотурье, где выплавили около фунта железа и вместе с рудой (1 пуд магнитной и 4 п. 35 ф. железной руды) отправили в Москву, где руда стала объектом подробной экспертизы.

20 февраля того же 1697 г. московским мастерам-бронникам, Тимошке с товарищами, было поручено «отведать, годитца ли те

²⁸ ЦГАДА, Д. о горных пром., д. № 47, л. 2.

²⁹ Там же, д. № 48, л. 256 сл.

железа в оружейное дело». Они сделали из присланного железа два ружейных (пищальных) винта и сказали, что «те железа против тульского, а свицкого пожесточе», т. е. что сибирское железо сходно или одинаково («против») с тульским и лишь труднее в плавке («пожесточе») шведского. Испытание образцов руды дало еще более благоприятные результаты. Тот же Тимошка заявил, что то железо «будет против свицкого», т. е. одинаково со шведским, и «во всякие оружейные стволы и замки годитца». Камень-магнит был послан в Голландию к амстердамскому бургомистру Николаю Витцену. А присланная из Верхотурья в Москву железная руда (4 п. 35 ф.) была отдана 5 марта 1697 г. для испытания «тульскому железных заводов мастеру Никите Антуфьеву», будущему знаменитому Никите Демидову. Он переплавил сибирскую руду и получил 2 пуда железа, сделал из него два ружья (фузеи) с ружейными замками и два копья, и заявил: «железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого».³⁰ Ответ из Голландии гласил, что Николай Витцен подыскал уже для службы в России мастера в «Свейской земле», т. е. из Швеции, который «будет годен быть у железных заводов» и охотно поедет в Москву. На вопрос о качестве железа Витцен сообщил, что «сибирское железо в деле так преизрядно, что отнюдь лутче того добротой и мяхкостью быть невозможно». Железо оказалось «ровно» с лучшими сортами шведского железа, а также «из верхотурской магнитной руды лутчую сталь делать возможно».

А. Виниус писал 7 апреля 1697 г. Петру I (находившемуся за границей) в ответ на повеление строить заводы, что он сыскал «зело добрую руду из магнита, железную, и такова, что писали из Голанской земли, лутче быть невозможно». Он просит Петра достать за границей «самого доброго мастера», который умел бы делать из той руды сталь, лить пушки, гранаты и бомбы. Виниус считает, что когда будет выстроен завод на Урале, «от того места во все русские и сибирские города всякое ружье и железо мочно водою спровадить. К тому та магнитная руда, сказали опытки, такова богата, что из 100 фунтов руды выходит 30 или 40 фунтов самого доброго железа. И то дело будет в такое диво, что во всей вселенной не бывало, чтоб из магнита железо плавить».³¹

Указы от 10 и 15 июня 1697 г., изданные в «Актах исторических» и в Полном собрании законов, содержат кроме того некоторые дополнительные сведения. Николай Витцен прислал из Амстердама письмо мастера-испытателя («опытного» мастера, от слова «опыт» — экспертиза, испытание) Андрея Гаплусгринга, который писал, что из 100 фун. уральской магнитной руды выйдет 45 фун. «самого доброго железа» и что ввиду богатства этой руды железом «с прибылью заводы заводить мочно». Из Риги Иоган Миллер сообщал, что из 100 фун. уральской руды вышло 30 фун. самого лучшего железа и в железной руде обнаружена была некоторая примесь серебра. В тех же июньских указах 1697 г. говорилось о том, что в Верхотурском уезде по р. Режу имеются серебряная, медная и иные руды и что Сибирский приказ распорядился послать с Верхотурья на указанные выше места по рекам Нейве и Тагилу боярского сына Михаила Бибикова для подыскания места, пригодного под строительство большого завода. Условия выбора точки для завода состояли, во-первых, в наличии «малых текучих речек для постройки плотины»; завод надо было строить на малой реке, чтобы плотина могла выдержать напор внешней воды; затем, завод должен был находиться поблизости от сырья,

³⁰ Эти сведения содержатся также в указах на Верхотурье 10 и 15 мая 1697 г., напечатанных в «Актах исторических», т. V, стр. 487—491.

³¹ «Письма и бумаги Петра Великого», т. I, стр. 623, 629.

железной руды, а также вблизи леса как источника топлива. Столь же важны были благоприятные транспортные условия для будущего завода. Предписано было выяснить расстояние от судоходной реки Чусовой и от Уткинской слободы, стоявшей на берегу ее, а также отписать, каков путь — сухой и водный — имеется в восточном направлении, к Тобольску. Место будущего завода должно быть перенесено на чертеж.³² В июньских указах 1697 г. предписывается также учитывать близость слобод и требуется прислать сведения о количестве дворов и о ценах на хлеб в этих местах и т. п.

После установления отличных качеств руды и других благоприятных для завода условий надо было выбрать определенную точку, или площадку, для будущего завода. Но было приказано не приступать к постройке плотины и завода впредь до особого распоряжения об этом и до присылки мастеров. Это необходимо запомнить для определения даты сооружения или закладки первого завода, о чем я скажу ниже.

Верхотурский воевода после этих указов сделал новое обследование, или досмотр, рудных мест. На этот раз обследование было произведено в еще более широких размерах и охватило четыре района, причем были привлечены местные кузнецы и крестьяне, как это было предписано из Москвы. Местные люди могли указать наиболее удобные места для будущих заводов и сумели удовлетворить требованиям Сибирского приказа относительно сведений о ценах на хлеб, о заработной плате, о населенности слобод и т. п. Обследование определило пункты, где действительно и были вскоре выстроены первые уральские заводы. В этой разведывательной работе надо признать весьма крупную заслугу уральских властей и мелких промышленников и кузнецов. Она заняла довольно много времени и лишь спустя полгода после изложенных только что июньских указов, 26 декабря 1697 г. верхотурский воевода Дм. Протасьев выслал результаты досмотра.

Район рек Нейвы и Алапаихи близ Невьянской слободы был обследован при содействии 44 «железных заводчиков и рудоплавщиков». Они указали в 15 верстах от слободы железную рудную гору у дер. Кобаки, затем отметили рудную гору у Сухого лога при впадении Алапаихи в Нейву; здесь находилась деревня, было много леса и можно было выстроить плотину. Кроме того, была отыскана руда также поблизости от дер. Алапаихи, по другую ее сторону, в 31 версте от Невьянской слободы. Далее было выяснено, что в Невьянской слободе имеется 539 дворов, цены на хлеб держатся в 48 коп. за четверть, работникам платят по 10 денег за день. От Невьянской слободы суда, груженные железом, летом могут идти до Тобольска с грузом до 1500 пуд., а зимний путь идет через Верхотурье на Соликамск и с воза берут по 1 руб. — 1 р. 20 к. Местные люди указали, что завод можно строить у Алапаихи, где имеется довольно леса и откуда суда могут идти водой по р. Нейве. Здесь действительно впоследствии был выстроен Алапаевский завод.

Другое обследование было произведено с группой из 14 кузнецов и крестьян. Они указали место, богатое рудой, у дер. Федьковки, по р. Нейве, в 20 верстах от Краснопольской слободы. Было выяснено, что здесь «для железного заводу и молотовых больших мехов подъему плотину построить мочно и угодно». Отсюда зимой можно ездить в Тобольск и до Соликамска. Судоходная река Чусовая отстоит от дер. Федьковки в 35 верстах, за подвоз к ней грузов уплачивают летом по 4 деньги с пуда, а по зимней дороге по 2 деньги. В Краснопольской слободе с округом имеется 50 дворов, хлеб здесь стоит 8 денег за пуд, работникам платят по 2 алтына за день. Удобные транспортные условия и невысокая заработная плата

³² «Акты исторические», т. V, стр. 487; ПСЗ, т. III, № 1588. Указ 10 мая 1697 г.

представляют преимущества по сравнению с предыдущим районом. Так был намечен пункт для будущего Невьянского завода, который в первое время нередко называли также Федьковским заводом. Третья группа местных «заводчиков и рудоплавщиков» из 16 человек указала район вверх по р. Нейве в 30 верстах от Аятской слободы. Они также привели все необходимые сведения о числе дворов в слободе (90 крестьянских дворов), о ценах на хлеб, заработной плате, отметили в качестве преимущества «удобные леса» и пришли к выводу, что «плотину на р. Нейве строить мочно».

Наконец, при четвертом досмотре с группой кузнецов был указан район будущего Нижнетагильского завода. Он описан следующим образом: «Гора магнитная в ясашных вотчинах вверх Тагильской волости вниз Тагила реки на левой стороне; гора поверх длиннику 300 сажен, поперек 30 сажен, в вышину от Тагила реки 70 сажен, з другую сторону тож, а среди горы пуговина чистого магнита...» Магнитная гора расположена в полуверсте от р. Тагила и в расстоянии одной версты от вогульских юрт. К северу от горы Магнитной (ныне Высокой) течет р. Выя, приток Тагила. По берегам этих рек были тогда «леса темные и боры, и горы каменные и круг горы бор большой». Досмотр производили 7 кузнецов и рудоплавщиков — Леонтий Новоселов с товарищами; они сделали заключение о полной возможности поставить плотины на реках Тагиле и Вые; транспортные условия также были признаны удобными для перевозки железа зимой до Тобольска и летом до Чусовой, а оттуда водным путем до Казани и Нижнего.

Этот интереснейший материал досмотров показывает значительную роль местных мелких промышленников, так сказать, в геологических исследованиях того времени и в определении места будущих заводов. Эти работы производились сибирским боярским сыном Михайлом Бибиковым. Сделанное им описание, сводка показаний промышленников, или «доезд», вместе с чертежом были отосланы 26 декабря 1697 г. в Москву. Этого Бибикова мы встретим впоследствии в качестве руководителя стройки Невьянского завода. Таким образом, организованные в Верхотурском уезде разведки, руководимые воеводой Д. Протасьевым и осуществленные М. Бибиковым и местными кузнецами, наметили пункты будущих заводов.

Вслед за этими разведками правительственные учреждения в Москве должны были вынести соответствующие решения о месте будущего завода и сроках постройки. Однако с делом, повидимому, не торопились. Возможно, что задержка связана была с отсутствием Петра, находившегося за границей, в первом знаменитом своем путешествии в составе «великого посольства». Находясь за границей, Петр живо интересовался проектами железных заводов в Сибири, и в 1698 г. Виниус послал ему за границу чертеж Магнитной горы у р. Тагила с указанием жил, лесов и водных путей, что, по его мнению, способствует устройству здесь заводов.³³ На связь задержки строительства с отсутствием Петра и приближением срока его возвращения указывает следующее обстоятельство. Петр вернулся в Москву 25 августа 1698 г. после полуторагодичного отсутствия, и уже спустя две недели он слушал только что мною изложенные «выписки» о мерах, принятых по подготовке железных заводов, и принял определенное решение о приступе к стройке завода: «И сентября в 11 день великий государь, слушав выписки, указал по именному своему в. г. указу в тех вышеписанных местах, где пристойнее и к железным рудам ближе и дров больше не в дальнем расстоянии от магнитной руды... завод завести».³⁴

³³ «Письма и бумаги Петра Великого», т. I, стр. 728 и 732.

³⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 315.

Для осуществления этого решения Петр I распорядился набрать с по д-московных заводов мастеров для отправки их на Верхотурье. Им поручался прежде всего осмотр мест, а также, повидимому, и окончательное определение подходящей точки для завода; при этом надо было выделить на месте и руководителя над ними. Эти задачи следующим образом записаны в изложении приказного дьяка: «А для того заводу указал великий государь взять добрых и нужных мастеров, доменного с подмастерьем, в молотовую два или три человека, да мехового (для выделки воздуходувных мехов.— *Б. К.*) доброго мастера, да которой бы был искусен лить пушки и гранаты большие и малые, а иного чтоб сталь и уклад делал, одного человека угольника. А тех мастеров взять з железных тульских, каширских, Ярославца Малого, с Ыгоцких, с Павловских заводов, и тех мастеров по зимнему пути сего 207 (1698) году послать на Верхотурье, и там угодные места велел осмотреть. А приставить к тому делу с Верхотурья доброго сына боярского и грамотного, которого бы с такое дело стало...»³⁵

Это была целая программа, утвержденная царем, в которой важнейшее место занимает привлечение мастеров с крупнейших заводов центра, здесь перечисленных. Ее осуществление должно было начаться с посылки соответствующих распоряжений в приказы, которые, повидимому, несмотря ни на что, действовали медленно. По крайней мере только четыре месяца спустя, в январе 1699 г., был сделан следующий серьезный шаг: он состоял в присылке в Сибирский приказ мастеров с подмосковных заводов. Их расспрашивали в приказе о стаже и специальности каждого, о размерах оплаты, денежного и хлебного оклада и советовались с этими специалистами о том, какие меры надо принять и как вести строительство новых заводов. Опрошенные мастера вслед за тем должны были и сами отправиться на стройку сибирских заводов.

Заводчик Вахрамей Меллер прислал 19 января 1699 г. в Сибирский приказ доменного мастера Филиппа Дементьева, 1 февраля другой знатный заводчик, Л. К. Нарышкин, прислал со своего Соломенского (в Тульском уезде) завода «мехового» мастера Ивана Янвера. Кроме того, по распоряжению Сибирского приказа и приказа Большого дворца с подмосковных заводов, находившихся в Звенигородском уезде и принадлежавших вдове гостя Владимира Воронина, также следовало прислать несколько человек, именно мастера по выделке железа, угольного мастера, специалиста по строительству плотин (плотинный мастер), доменщиков, несколько молотовых мастеров с подмастерьями и др. Опрос их, повидимому, занял много времени; он начался раньше этой даты и продолжался не менее полугода. Но в этот день — 19 января 1699 г. был сделан «указ о заводе вновь Верхотурских железных заводов и о посылке на те заводы вышеписанных мастеров».³⁶ Одновременно с этими мерами было решено выписать иностранных мастеров — специалистов по стали, саблям и пушкам и обратиться с этой целью к польскому королю Августу II. В Польшу «к резиденту к дьяку Алексею Никитину» было послано, «чтобы он доносил королевскому величеству о присылке к Москве мастеров к железным заводам и которые б умели делать сталь и сабли и копыя и палаши и лить пушки и гранаты и бомбы». Резидент ответил 24 марта, и в его грамоте, полученной 18 апреля 1699 г., сообщалось, что в Москву уже посланы из Саксонии три таких специалиста.

К весне 1699 г. (без точного обозначения времени) относится докладная выписка и приговор по ней думного дьяка Никиты Зотова, учителя Петра, известная нам только в кратком изложении. В ней содержатся сведения

³⁵ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 263.

³⁶ Там же, л. 316 об.

о железных заводах, предполагаемых к стройке на реках Тагиле и на Высе. Важно отметить принятое постановление по этой докладной записке: «а под тою выпиской приговор, велено те заводы заводить и о посылке выше писанных мастеров на те заводы, а к тем в прибавку велено взять с разных заводов мастеровых по человеку или по два».³⁷ Приговор состоял, следовательно, в подтверждении решения о заведении заводов и о добавочном наборе мастеров по 1—2 человека с завода.

С этим приговором почти совпадает изданный документ, датированный 23 апреля 1699 г., с которого Д. Кашинцев датирует основание или закладку Невьянского завода.³⁸ Однако этот указ является не более как повторением или напоминанием прежнего решения (1698 г.) — «завесть завод» и скорее свидетельствует о том, что строительство в этот момент еще не было начато; едва ли следует придавать этому указу столь большое значение.

Позднее, в связи с передачей Невьянского завода Демидову, был произведен подсчет денежных расходов на оплату крестьян и мастеров, работавших на строительстве завода. Эти книги охватывают время с 16 марта 1700 г. как начало расходов и, следовательно, начало работ, до момента передачи завода из казны в частные руки — 20 мая 1702 г.³⁹ Следовательно, действительное начало работ можно датировать мартом 1700 г. Заготовка леса на месте для стройки началась ранее, вероятно, отчасти еще летом 1699 г., как это будет видно ниже.

Вернемся к происходившей в Москве подготовке, выразившейся в опросе и наборе мастеров. Эти меры охватили все крупные железные заводы; упоминаются в этой связи заводы тульские, каширские, малоярославецкие, угодские, Павловский завод и завод К. Борина.⁴⁰ Позднее, в связи с приглашением иностранных мастеров вспомнили и об олонецком заводе Бутенанта, хотя мастеров с него обычно не брали. В этих беседах с мастерами получены были важные для будущего завода сведения: о заработной плате, о возможных размерах производства, о необходимой квалифицированной рабочей силе и ее специализации и, наконец, о себестоимости будущей продукции.

Начинали с биографии мастера. Так, 19 января 1699 г. доменный мастер Филипп Дементьев сказал о себе в Сибирском приказе: «В прошлых де годах отец его Дементей выехал из Свицкой земли и по указу в. г. заводил Павловские и на Поротве и в Соломенской волости железные заводы, а жил на Павловских заводах, делал всякие снасти, домны и молотовые и колеса и мельницы и железо плавил. И в прошлых де годах, тому лет 20, отец его умре, а он де, Филипп, после отца своего жил на тех же Павловских заводах, а после того с тех заводов шел на Поротовские заводы и живет у иноземца у Вахрамея Меллера. А умеет де он, Филипп, делать домны, гранаты и пушечные станки, на что льют пушки и гранаты, и железо плавит, а мельниц и молотовых и колес и мехов и иных каких дел не делает. А имел он на тех заводах у него, Вахрамея, от того дела по 70 руб. на год. А он, Филипп, в Сибирь на Верхотурье поедет, а жалованья ему, Филиппу, на год по чему в. г. укажет».

³⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 317.

³⁸ «В 207 [1699] апреля 23 числа, по именному в. г. указу и по выписке за пометою дьяка Никиты Зотова велено в Верхотурском уезде на реках Тагиле и Нейве, где сыскана железная руда, завесть вновь железные заводы, а мастеровых людей взять с разных русских заводов по человеку или по два, смотря, чтоб на тех заводах в мастеровых людях скудности не было и тех заводов не остановить». Ш и ш о н к о. Пермская летопись, Пермь, 1887, V период, ч. 2, стр. 248—249; Д. Кашинцев. Цит. соч., стр. 48.

³⁹ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 309.

⁴⁰ Там же, д. № 48, л. 308.

С Соломенского завода Л. К. Нарышкина явился 1 февраля специалист по воздуходушным мехам иноземец Иван Янвер. Через переводчика он рассказал, что выехал из Швеции «тому лет с сорок» и работал на разных заводах, а теперь на Соломенском заводе «надсматривает над мастерами мехового мастерства, а сам мехового мастерства за старостью делать не может и мало видит».

Мастера с Павловского завода, принадлежавшего вдове гостя Вл. Воронина, сообщили целый список мастеров, необходимых для будущего нового завода в Сибири. При этом Степан Петров сказал, что на железных заводах «делает он из криц, рассекает и кует связное и прутовое железо, а иного одричь того мастерства не делает». Он же чинит горны и молоты, получает по 6 денег с пуда. Другой специалист, присланный с того же завода, Артемий Здор оказался угольным мастером, «знает уголь и плетет коробки для носки угля», получает по 3 алт. 2 д. (10 коп.) за день. Плотинный мастер Ермола Яковлев, также с Павловского завода, показал, что он «делает плотины, колеса и молотовую всякую починку», получает по 2 гривны в день, а за починку по гривне в день. Плотинный мастер был весьма видной фигурой в тогдашнем промышленном строительстве, ввиду важнейшего значения плотины в качестве гидросиловой установки. Доменный мастер Яков Фадеев сказал, что на Павловском заводе «делал он домны и переплавливал из рулы чугунос железно, а иных дел не делает». Не буду перечислять других вызванных в Сибирский приказ угольных, молотовых и прочих мастеров. Они называли по именам других мастеров, участие которых в сооружении нового завода считали необходимым. Так, Семен Петров дал список из 34 имен, включающий доменного мастера, молотовых мастеров и подмастерьев, кузнецов, угольщиков и других работников. Он просил, чтобы в Сибирь были посланы именно названные им лица, которых он знает. Тюменский мастер, сын боярский, Елизар Колокольников заявил в Сибирском приказе, что он берется делать «образцы (т. е. формы), во што пушки лить», но пушек делать не умеет.

Кроме мастеров, нужны были материалы и оборудование. Доменщик Павловского завода Яков Фадеев заявил, что «надобно сначала к заводам 200 пуд железа связного да доменной порог чугунный, тенпан кованный в 3 пуда, 2 трубы железных да в доменный вал 2 шипа, 2 подшпника весом 10 пуд». Другой павловский мастер, Аверкий Тумаков, специалист по связному и прутовому железу, говорил, что если железо, надобное для постройки сибирских заводов, не удастся закупить в Верхотурье, то надо везти его в Сибирь из Москвы. Он дал расчет необходимого числа рабочих на завод с одной домной; производительность его он определял в 50 тыс. пудов. чугуна, из которого на 5 или 6 молотах можно сковать 30 тыс. пуд. прутового железа. Для этого нужны к домне 20 человек, в том числе 1 доменный мастер с окладом в 60 руб. в год, 2 подмастерья с платой по 5 алт. на день, 4 рудника, 2 угольных мастера, 2 молотовых мастера, 2 работника и 2 подмастерья, 1 меховой мастер и 1 подмастерье к нему, 2 человека жечь уголь и 1 кузнец. Он подсчитал, что на заработную плату им выйдет 3288 р. 26 алт. 4 д., не считая дров и добычи руды и т. п. Издержки по оплате труда на пуд железа составят 3 алт. 4 д. (или 11 коп.). Не был забыт даже мелкий инструмент, необходимый для завода. Доменный мастер, уже упомянутый Ф. Дементьев, сказал, что для домны нужны 10 ломов железных, 8 кочерег, железная доска для формы и т. п. Наконец, от них запрашивались сведения о стоимости провоза от будущего завода до Москвы, а также до Архангельска через Верхотурье, Соликамск, Нижний Новгород и т. д.

До лета 1699 г. на месте будущего Невьянского завода, вероятно, еще не приступали к каким-либо работам. 31 июля этого года к верхотурскому

воеводе была послана грамота из Сибирского приказа о заготовлении леса для плотины и дров на уголь. Эти работы, очевидно, начинались этим летом или осенью, и в октябре воевода сообщил сведения «о заготовлении лесу для строения железных заводов соснового, елового, лиственного и для зжения угля и о строении изб мастеровым». О том же сообщал воевода и в январе 1700 г., но подробности остаются нам неизвестными.

Сборы мастеров также шли медленно; не видно, чтобы с ними особенно спешили. Для отъезда мастеров в Сибирь был назначен определенный срок: они должны были собраться в Москву для отъезда к 6 декабря 1699 г. (т. е. к Николину дню). Многие, однако, не явились в приказ, несмотря на вызов, и приказчик Павловского завода («который за дела ходит») допрашивался в приказе относительно неявки ряда мастеров: но были также мастера, которые отправлялись охотно.

Хотя сбор мастеров был назначен к 6 декабря 1699 г., но отправка в Сибирь началась значительно позднее. Только в январе 1700 г. последовал соответствующий указ: «И в 1700-м году генваря в 19 день в. г. указал мастеров з женами и з детьми для железных заводов послать на Верхотурье, а с Верхотурья в те места, где железным заводам быть пристойно и они сами согласно выберут. А как вода скроется, велеть руды копать и в груды большие для воски метать и на анбары и строение плотников с слобод собрать на поденщины... и построя плотину, и колеса и анбары и всякой камень и известь им давать, чтоб без оstonовки вскоре завезть. А на тех заводах горн и домну и всякие снасти, что на те заводы надобно, построить, а построя, из руд из магниту железо плавить и делать им, мастером, всякому мастеру хто что умеет». В этом указе были определены подъемные деньги, именно мастерам, доменщику, трем молотовым, одному кузнецу и мастеру дочатого железа установлен был высший оклад в 10 руб. человеку; подмастерьям на подъем дана была половинная сумма, работникам и «рудникам» — треть; по приезде на место женатым полагалось по осмине ржи и столько же овса в месяц; холостым назначался половинный паек, и по 10 денег в день — мастерам, подмастерьям — по 6 денег, холостым — по 4 деньги. Эта оплата устанавливалась временно, пока не будет пущен завод, после чего они должны получать жалованье в том же размере, что на подмосковных заводах: «и тогда им будет дача, также применяясь к таким же мастером, как дают годового и с пуда на иных заводах русских городов».

Насколько крупное значение имел этот указ от 19 января 1700 г. для строительства уральских заводов, видно из того, что позднее, когда хотели опереться на руководящие распоряжения по этому вопросу, то ссылались на него, а также на предшествующие указы от 1 июня 1697 г. и 11 сентября 1698 г.⁴¹ Это свидетельствует вместе с тем, что апрельский указ 1699 г., на который указывал Д. Кашинцев как на начало строительства, не имел такого значения.

В том же указе 19 января предписывалось «взять» с Нарышкинского завода мехового мастера (Ив. Янвера) с его сыном, молотовым мастером. а с завода Меллера — доменного мастера (Ф. Дементьева); очевидно, ехать в далекую Сибирь они не желали. С отъезжавших надо было брать «поручные записи» в том, что они не сбегут: «и собрать по ним поручную

⁴¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 47, л. 150: «В Сибирском приказе вы писано: в прошлом в 205-м июня в 1 день да в 207 годах сентября в 11 день генваря в 19-м числа в. г. [титул] указал в Сибири в Верхотурском уезде на реках Тагиле, на Вые, где сысканы железные руды да магнитная гора, завезть железные заводы. А на тех заводах делать железо и лить пушки, бомбы, гранаты и всякое ружье для обороны Сибирского государства и привозу к Москве и в Сибирь и в иные низовые и верховые города и о том посланы в Тобольск на Верхотурье в. г. грамоты».

запись, что, взяв государево жалованье, з дороги не збежать, а вместо себя иных не посылать». Они должны работать без всякой хитрости, делать железо самое доброе. Мастерам обещан лес на избы и земли под огороды; предписано также выстроить церковь и обеспечить ее священником. Во главе строительства должен быть поставлен дворянин, которому будет дан наказ, и мастера должны во всем его слушать, а до его приезда должен быть послан с Верхотурья сын боярский. Теперь приказано «со всяким радением спешить, чтоб лес был на те места, где заводам по их осмотру быть доведется, был привезен, и на уголье был привезен, и угольников заставить свое дело делать и готовить, а сколько извести надобно и жернового камня и что достать мочно, велеть привезть по нынешнему зимнему пути неотложно, чтоб ни за чем тому заводу остановки не было».⁴²

Мастера начали выезжать из Москвы 21 февраля 1700 г.; первыми отправились меховой мастер Иван Янвер и доменщик Ф. Дементьев с подмастерьем и работником; 2 марта поехали еще четверо — доменный подмастерье, горновой, кузнец и «рудник». С ними было отправлено оборудование: молот весом свыше 20 пуд., «пятник» для молота весом 8 пуд., 4 шипа в 19¹/₄ пуда, 6 подшипников и 2 шипа в 35 пуд., 3 пары труб, 11 лопат, доска весом в 7 п. 5 ф., 10 ломов, 9 кочерег, крюк, лопата, 2 медных фурмы в 2³/₄ пуда, 2 подножни в 1 п. 35 ф.; всего было послано «снастей» не менее 150 пуд. весом. Сверх того было послано для будущего завода 300 пуд. прутowego железа на оковку валов. Этим было положено начало тому потоку людей и материалов, который стал направляться с этого момента из Москвы на Урал.

Первая партия мастеров и рабочих из Москвы, в числе 22 человек, приехала на заводы 14 марта. В числе их были доменной мастер Яков Фадеев, молотовый мастер и подмастерья, угольные мастера, «рудники», кузнец и др. С ними было привезено указанное выше оборудование. 29 марта на заводы прибыла еще партия мастеров, в том числе меховой мастер Иван Янвер и «доменной и пушечного и гранатного дела мастер» — Ф. Дементьев, а также подмастерья и работники, всего 8 чел. с женами и детьми. Они привезли также оборудование — молот с «хомутом» в 22 пуда и т. п., из которого молот был оставлен в Невьянском заводе, а «хомут» отослан на Каменский завод; туда же была передана часть привезенного с Москвы прутowego железа.⁴³

Приехавшие мастера должны были получать «хлебного жалованья с ближних слобод», поэтому верхотурский воевода по приезде 22 мастеров описывал в донесении 23 марта в Москву «ближние пашенные хлебные слободы» — Арамашевскую и Невьянскую. Первая отстоит в 60 верстах от места будущего завода (дер. Федьковка на р. Нейве), в ней 326 дворов, вторая — в 90 верстах и в ней 493 двора; сверх того имеется 45 дворов, несущих лишь денежный оброк. В обеих слободах, следовательно, было 864 двора. Других пашенных слобод поблизости нет, но имеются оброчные Краснопольская (72 двора) и Аятская слободы (102 двора). Воевода доносил, что в слободах имеется казенного хлеба — 842 четв. ржи и 3168 четв. овса, которым можно прокормить приехавших мастеров. В Сибирском приказе подсчитали, что мастерам следует получить на год 459 р. 22 алт. 4 д. и 210 четв. ржи и столько же овса, и предписали воеводе отпускать им хлеб и деньги, чтобы мастеров не разогнать.⁴⁴ Тогда же, в марте 1700 г.

⁴² ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 48, л. 270 об.— 271.

⁴³ Там же, д. № 47, л. 310—312.

⁴⁴ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», СПб., 1882, кн. 1, стр. 31. Отписка верхотурского воеводы о средствах для продовольствия мастеров, присланных из Москвы и т. д. 23 марта 1700 г.

верхотурский служилый человек Михаил Бибилов назначен был ведать строительством Невьянского завода.⁴⁵

Со строительством Верхотурского, или Невьянского, завода действительно не спешили, и только с начала 1700 г., после январского указа Петра I, происходит сдвиг. Но теперь подготовительные мероприятия, а затем и строительные работы на Невьянском заводе стали вестись одновременно с другим заводом. Каменским, который также нуждался в мастерах и рабочих, в оборудовании и материалах. И то и другое теперь предназначено для обоих заводов. Строительству Каменского завода предшествовали следующие обстоятельства.

В сентябре 1699 г., как уже было сказано, Виниус распорядился по именному указу послать грамоту в Тобольск к воеводе М. Я. Черкасскому с сыном. В связи со старым спором Далматова монастыря с казаками и крестьянами о землях по р. Каменке монастырю было запрещено владеть землей, крестьянами и устроенным здесь монастырским железным заводом. Завод и монастырская слобода брались теперь на государя, и одновременно велено было выслать образцы руды. Будущий Каменский завод должен был находиться на территории Тобольского уезда и состоял в ведении М. Я. Черкасского, тогда как строительство Невьянского завода подчинено было верхотурскому воеводе.

Из числа вызванных в Сибирский приказ в 1700 г. мастеров с Павловских заводов плотинный и колесный мастер Ермола Яковлев едва ли не раньше всех был отправлен на Камску. Он должен был озаботиться заготовкой леса, надобного для плотин, а также заранее делать колеса и валы. «Для поспешения» он мог взять плотников из бывшей монастырской слободки. Завод должен был иметь одну домну, число молотов заранее не было установлено. Те же крестьяне обязаны были возить дрова и руду, готовить уголь, ставить лес. Работы по заготовке леса начались на Каменке 15 февраля 1700 г., когда крестьяне Каменской слободы приступили к рубке дров для завода. В феврале работало лишь 20 пеших крестьян, в марте — 45, но в апреле на работах состояло уже 335 человек.⁴⁶

Из Сибирского приказа в Тобольск 12 марта 1700 г. была направлена грамота относительно нового завода на р. Каменке с предписанием «заводы большие заводить около тех мест». При этом предписано было использовать местных кузнецов, но поставив их под начало московских мастеров. Это обстоятельство следует особенно подчеркнуть, так как оно указывает на недостаточную подготовку сибирских кузнецов. Было предписано, чтобы «сибирякам у московских мастеров — у доменного, у мехового, у молотовых и плотинных и колесных и угольников мастерствам учиться перенимать». 23 апреля 1700 г. в Москве получен был из Тобольска чертеж местам на р. Каменке вместе со сказкой плотинного мастера Е. Яковлева, уже успевшего приехать, осмотреться и составить роспись того, что необходимо на 2 молотовых: 150 пуд. железа, 60 ломов, 200 лопат, 60 заступов, 8 тыс. кирпичей, 100 саж. веревок, на стройке должны быть 100 работников с лошадьми, 100 работников пеших, 60 плотников, 10 кузнецов. Он обещал, что с таким количеством людей заводское строение «построено будет декабря к 6-му числу 1700 г.», т. е., как водится, открытие приурочивалось к большому празднику, к Николину дню. Он же писал, что в слободке оказалось не 40, а 67 дворов, и что крестьяне заявляют, что одним им «из того строения быть не в мочь»; им было приказано готовить лес для стройки. В ответ на это через три дня, 26 апреля, из Сибирского приказа

⁴⁵ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 324.

⁴⁶ Там же, д. № 49, л. 282. Сметный список Каменского железного завода.

в Тобольск идет предписание строить Каменский завод «с поспешением». ⁴⁷ Этот завод действительно строился быстро.

Строительные работы и такие мероприятия, как посылка мастеров, были тесно связаны по обоим заводам: Невьянскому, или, как его чаще называли вначале, Верхотурскому, и Каменскому. Тобольский воевода извещал осенью 1 октября 1700 г., что «те заводы строятся», что на заводе кроме Ермолы Яковлева имеются еще переведенные с Невьянского завода доменный и меховой мастера и что воеводы прислали в помощь плотинному мастеру ссыльного мельника. 27 ноября 1700 г. в Москву приехал из Тобольска от воевод сын боярский Иван Салманов, который сказал, что тобольский воевода «зело радеет и тот железный завод заведен вельми». Салманов, по его словам, сам «на тех заводах был и плавку и всякой завод видел». Оказывается, из присланных из Москвы мастеров были заняты только 6 человек и притом лишь тем, что надзирали за сибиряками. Они ссорились между собою, так как местные кузнецы не хотели работать по-московски, и работали на старой домне, очевидно доставшейся еще от монастырского завода, так как новая домна еще не была выстроена. В результате этих сведений кн. М. Черкасский получил «похваленье» от правительства. Каменский завод, как и строившийся в то же время Невьянский завод, все еще нуждался в московских мастерах. Сибирский приказ усиленно искал и посылал их на стройку на восток.

Впоследствии в Сибирском приказе подсчитали общее число мастеров, посланных «в Сибирь на Верхотурские железные заводы (т. е. к Невьянскому заводу), а с Верхотурья велено послать в Тобольск, на Каменские заводы». За 1700 и 1701 гг. их оказалось 43 чел.; им дано было на подъем 219 руб. и кормовых денег от 4 до 10 д. на день, всего 489 р. 3 алт. 2 д., хлеба — 204 четв. ржи, столько же овса и 6 четв. муки ржаной на год. Среди них были мастера следующих специальностей: 1 доменный мастер и 4 доменных подмастерья, 2 плотинных мастера и 1 плотинный подмастерье, 3 молотовых мастера, 1 меховой мастер и 1 меховой подмастерье, 1 — дощатого дела, 1 пушечный и гранатный мастер, 3 кузнеца, 1 «засыпка», 7 «рудников», 2 — «которые сыплют в домну уголь», 4 угольных мастера и работники — 3 молотовых, 1 пушечный, 1 горновой, 1 кузнечный, 1 плотник. Здесь были, кажется, все необходимые специалисты, кроме дровосеков, очевидно, в достаточном количестве имевшихся на месте. ⁴⁸ Из перечисленных мастеров 20 рабочих изменили свой первоначальный маршрут, так как вместо Невьянского завода были посланы на Каменский завод. Еще в самом начале посылки мастеров, 5 марта 1700 г. Виниус сделал помету на очередной грамоте в Тобольск относительно Каменского завода: «завод заводить исподволь, как бы людям не в большую тягость, а мастеров взять по рассмотрению ис тех, как ныне в Сибирь посланы, по самой нужде, без которых быть не можно, чтоб Верхотурских заводов не остановить». ⁴⁹

Одновременно с выездом на Урал мастеров в марте 1700 г. был назначен ведать и надзирать за строительством Невьянского завода сибирский дворянин Михаил Бибилов. О нем известно, что он участвовал в строительстве Ирбитского острога и затем состоял невянским таможенным

⁴⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 293—307 об. К началу 1700 г. относится также попытка отыскать серебряную руду под Москвой и в Смоленском уезде. 28 февраля 1700 г., «из приказа Большого двора в приказ княжества Смоленского написано, велено иноземцев рудокопателей, которые были в селе Коломенском у рудокопного дела Кашпара Баура, который в ямы лазит, Михайла Ларенца, Христиана Барта, которой слозою ходит, послать в Смоленск для опытыванья и копанья серебряные руды», д. № 46, л. 1.

⁴⁸ Там же, д. № 48, л. 344—345; д. № 47, л. 109 об., 110 об.

⁴⁹ Там же, д. № 48, л. 334.

приказчиком.⁵⁰ Он руководил, как отмечено выше, досмотром рудных мест, удобных для устройства завода. 19 апреля Бибииков сообщал, что без плотинного мастера другие мастера не идут на заводы (очевидно, с Верхотурья). Имевшийся плотинный мастер Ермола Яковлев был послан на Урал, с тем чтобы работать на обоих заводах, Невьянском и Каменском, «буде возможно», как неуверенно предписали об этом из Москвы. Точно так же меховому мастеру велено было делать мехи на оба завода.

Недостаток мастеров, в особенности отсутствие плотинного мастера, тормозило работы на Невьянском заводе, и строительный сезон лета 1700 г. прошел для него с ничтожными результатами. Стройка на Каменском заводе шла успешнее. Плотинный мастер приехал с Каменского завода на Верхотурский завод (т. е. Невьянский) лишь «в поздних числах», заявил, что нынешним летом заготовить необходимые материалы «и заводы завести некоторыми мерами невозможно и некогда, и плотины сего лета у Верхотурских железных заводов сделать не поспеть», потому что «время за плотинным мастером опоздало». Наконец, 2 февраля следующего, 1701 г. послали на Угодский завод за плотинным мастером Петрушкой Павловым и его братом кузнецом Ганкой, чтобы доставить их в Москву в Сибирский приказ для последующей отправки на уральские заводы.⁵¹

Мастера и подмастерья с самого приезда жили без работы, «ни в какое дело без плотинного мастера не вступали» и лишь получали жалование «сполна без дела». Поэтому верхотурский воевода Козьма Козлов распорядился отослать их 6 июля 1700 г. с Верхотурского завода в Тобольск, а затем на Каменский завод. Это были присланные из Москвы доменные мастера Я. Фадеев, Ф. Дементьев, молотовые С. Петров с товарищами, горновой и угольный мастер с подмастерьями и работниками, с женами и детьми. С ними послан и плотинный мастер Ермола Яковлев. Но он заявил, что «на обоих заводах, переезжая, плотины и домны и молотовые строить ему, Ермошке, некоторыми делами невозможно».

Мих. Бибииков, управляющий стройкой Верхотурского (Невьянского) завода, должен был готовить «всякие припасы» без плотинного мастера и выполнить работы при помощи крестьян, наряженных из слобод.

В сентябре Бибииков сообщил, что «деревянные припасы», необходимые «к плотинному и доменному и молотовых строений», все готовы, но вместе с тем, по его словам, к заводам везут лишь «нетяжелый лес», а тяжелый лес вести нельзя за неимением веревочных «выровых снастей», которых на Верхотурье купить невозможно и «сделать некому»; зато сделано 111 тыс. кирпича на будущие домны, молотовые и горны. Бибиикову приказано все оборудование, привезенное мастерами из Москвы, отправить с Невьянского завода также на Каменский (200 пуд. прутowego железа, 20-пудовый молот и др.).

Тесная взаимосвязь в строительстве обоих заводов и указанные затруднения побудили Сибирский приказ внести изменения в административную сторону дела. 20 декабря 1700 г. приказано тобольским воеводам М. Я. Черкасскому с сыном ведать вместе с Каменским также и Тагильским заводом (речь шла о новом предполагаемом заводе по р. Тагилу). Вслед за тем грамотой от 30 декабря Сибирский приказ, повторяя приведенные только что сведения о затруднениях на Невьянском заводе, предписывает «для лучшево устроения» ведать в Тобольске не только Каменский, но также Верхотурский (т. е. Невьянский) завод.

В Москве было известно, что по р. Тагилу есть удобные места, что

⁵⁰ О нем см. Ш и ш о н к о. Цит. соч., V период, ч. 1, стр. 209.

⁵¹ ЦГАДА, там же, д. № 48, л. 324—325.

на горе Магнитной имеется железная руда, выход железа из которой составляет свыше половины веса руды. Тобольским воеводам было предписано «здесь завод завести против Каменского завода», т. е. по тому же образцу. Управляющим предлагалось назначить М. Бибикова, сняв его с Невьянского завода. Этот проект тогда не осуществился, и завод на Тагиле возник лишь 25 лет спустя (Нижнетагильский завод Демидова основан в 1725 г.).

Как упоминалось, из Москвы вместе с мастерами посылали на строящиеся заводы железо, молоты и другое оборудование. Это показывает, что уральские и сибирские кузнецы и рудоплавщики давали ничтожную продукцию или не были достаточно искусны. Об этом свидетельствует особая справка в делах Сибирского приказа о посылке железа из Москвы в Сибирь и о заказах оборудования для вновь строящихся уральских заводов на заводах центра. И прежде в Сибирь посылались из центра железо, пушки и снаряды. Так, в 1698 г. с Малоюрославецкого завода Вахрамея Меллера было взято для отправки в Тобольск 2 тыс. ручных гранат по 1—2 фун. весом, причем уплачено было из приказа соболями. В том же году на тульских, алексинских и каширских заводах Л. К. Нарышкина было вылито для отсылки в Сибирь 97 чугунных пушек, весом 1795¹/₂ пудов, к ним 19 400 ядер весом 1090 пуд. и 10 пуд. дощатого железа. С Соломенского завода было отослано в Тобольск 1700 пуд. связного железа и 700 пуд тонкого полосного.⁵²

Зная эти данные за предшествующие годы, перестаешь удивляться, что на Урал, который полвека спустя станет мировым поставщиком железа, при строительстве первых заводов приходилось завозить даже 300 пудов прутowego железа. Очевидно, тамошние мелкие ремесленники были слишком слабы. В 1700 г. специально для посылки на строящиеся уральские заводы тульским заводам Нарышкина было заказано сделать молоты железные кованые в 16 и 20 пуд., хомут к ним в 5¹/₄ пуд., пятник и т. п. В том же году на Истенском и Угодском заводах делают 4 шипа в 19 пуд. и 6 подшпишников; в 1701 г. Меллером завезено 8 кованых подшпишников для Урала. Кроме заказов на своих заводах, для Сибири покупалось и заграничное железо. 8 января 1700 г. перед отправкой мастеров закуплено «свицкое» железо, медь и куб с трубами для посылки в Сибирь.⁵³

1700 год в отношении постройки заводов закончился получением тобольским воеводой похвалы от правительства за успешное строительство Каменского завода. Милостивый указ М. Я. Черкасскому интересен тем, что в нем уже сквозит новая нотка, связанная с начавшейся Северной войной, когда резко повысился спрос на металл. В указе 23 декабря 1700 г. было сказано: «донесено нам, в. г., какое крайнее вы имеете и прилежное радение о устройении великих заводов железных, каковых в Сибири никогда не бывало, ко многой пользе и утверждению в случающую оборону против всякого наступающего неприятеля». О затруднениях в снабжении страны железом в это время свидетельствуют несколько справок о ценах на железо, собиравшихся в Сибирском приказе, которые приведены в предыдущей главе. Приказ запрашивал Ратушу о ценах на шведское железо. Сведения были представлены из таможни за 1700 и предшествующие годы; при этом отмечено, что с января 1701 г. шведского железа в Москве «в явке не явилось», т. е. не было зарегистрировано в таможне и не поступало в продажу.

⁵² ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 26—27.

⁵³ Там же, л. 223 об.— 224, черновик указа 23 декабря 1700 г.

Следующий, 1701 г. принес много нового. В связи с войной дальнейшее промедление стало невозможным, и принимаются меры для ускорения строительства.

Вместо сибирского дворянина М. Бибикова руководить стройкой будущего Невьянского завода послан был из Москвы Семен Киприянов сын Викулин, родом из Садовой слободы в Москве, человек с большим заводским опытом. Он работал на Павловском железном заводе гостя Воронина, и при его назначении имелось в виду использовать опыт этого завода. «1701-го генваря в 24 день в. г.... указал в Сибирь в Тоболеск для надсмотру и указыванья всякого мастерства на Каменские и Камышенские заводы послать с Москвы садовника Семена Киприянова для того, что он, Семен, и наперед сего был на железных же заводах гостя Володимера Воронина и то дело ему в обычае».⁵⁴ Две недели спустя Семен Викулин бил челом, чтобы снять с его дома в Садовой слободе воинский постой, так как он должен «ехать в сибирские города строить железные заводы».⁵⁵ Гость Вл. Воронин, по происхождению из тяглицев той же Садовой слободы в Москве, был видной фигурой среди московских гостей конца XVII в. Он вел крупную торговлю с Востоком, брал откупа, занимался подрядами на поставку продовольствия для армии, а также поставлял в казну западноевропейские товары совместно со своим компаньоном голландцем Т. Кельдерманом. В 1695 г. у него было два железных завода в Звенигородском уезде за с. Павловским, которые даны были ему из казны на 25 лет. Его компаньоном по заводам состоял Семен Киприянов Викулин, который производил все строительные работы при переносе заводов с одного места на другое, более удобное. С. Викулин строил плотину, доменную печь, молотовой амбар, но впоследствии был отстранен владельцем от заводов. Воронин умер в 1696 г., но заводы перешли к его жене и продолжали действовать.⁵⁶ Семен Викулин, как можно видеть из приведенных выше данных, предназначался для Каменского, а не для Невьянского завода, куда был назначен лишь позднее, в середине 1701 г. Еще в Москве он готовит все необходимое для будущей своей деятельности.

Невьянский завод должен был перейти в ведение тобольского воеводы кн. М. Я. Черкасского, который и должен был прислать нового управляющего для приема завода. В феврале 1701 г. верхотурский воевода, обеспокоенный медленностью дел, писал в Тобольск, что «приходит время вешнее», и если не принять необходимых мер, то строительство заводов остановится. В марте М. Черкасский снова передал Невьянский завод в ведение верхотурского воеводы. Он предписал ему «Верхотурские железные заводы ведать и строить... безо всякой оплошки, для того, что тем заводом удобнее быти в строении ведомостию на Верхотурье» и М. Черкасский извещал его, что из Тобольска «в присылке никого не будет» для приема завода. Верхотурский воевода приказал ведать Невьянский завод попрежнему Мих. Бибикову, и тот продолжал управлять стройкой до приезда из Москвы С. Викулина. Надо сказать, что ответ тобольского воеводы вовсе не означал отказа его от руководства Невьянским заводом: он продолжал вмешиваться в ход строительства и принимал меры, общий смысл которых сводился к тому, чтобы при строительстве обоих заводов, Невьянского и Каменского, предпочтение отдать второму.

⁵⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 232.

⁵⁵ Там же, л. 229.

⁵⁶ Н. Б а к л а н о в а. Звенигородские железные заводы в XVII в.— Труды Об-ва изуч. Моск. обл., сб. «Московский край в его прошлом», М., 1930, ч. 2, стр. 99—101. Архивные данные Сибирского приказа показывают, что завод продолжал действовать и после смерти Воронина, о чем не имела сведений Н. Бакланова.— ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, л. 67—69 об.

Это видно уже из следующего. Посланное в Сибирь оборудование («доменные снасти»), как оказалось, было взято вместо Невьянского завода на Каменский. В феврале приказчик с Каменского завода писал в Тобольск, что угольный мастер не может один поспеть с заготовкой угля, и тобольский воевода послал в Верхотурье распоряжение снять с Невьянского завода угольного мастера Пашку Иванова, который там «без дела живет», и отослать его на Каменский завод.⁵⁷

Поток мастеров и материалов из Москвы в Сибирь продолжался попрежнему. В феврале 1701 г. Семен Викулин делает приготовления к отъезду из Москвы. Вместе с ним едет плотинный мастер Петр Павлов, взятый с Угодского завода Малоярославецкого уезда, принадлежащего Меллеру. В Сибирский приказ 7 февраля была сделана заявка на необходимое для строящегося завода оборудование, материалы и мастеров. Викулин требовал отправить на Верхотурский (Невьянский) завод 300 пуд. «доброто свецкого» железа для оковки валов, молотового стана и т. п. и 200 пуд. связного железа, 200 саж. канатов и железную бабу для забивки свай. Вместе с тем он просил послать на Верхотурский завод необходимых мастеров: плотинного мастера Петра Павлова, его брата кузнеца Гаврилу Павлова, доменного подмастерья и угольного мастера. Кроме того, он предлагал взять с Исетского завода Меллера плотника Симку Свешникова.

В связи с этой заявкой было послано 10 февраля в Купецкую палату поручение закупить 200 пуд. самого лучшего шведского железа, 200 пуд. связного железа и канаты. В тот же день в Пушкарском приказе владелец олонецкого завода датчанин Андрей Бутенант (названный «комиссаром») сказал, что у него на московском дворе имеется с 200 пуд. олонецкого железа. Тем временем Семен Викулин присмотрел канаты на казенном прядильном дворе.⁵⁸

Из Москвы выехали 18 февраля на Верхотурский (Невьянский) завод 12 мастеров, в том числе плотинный мастер Петр Павлов с братом кузнецом Гаврилой Павловым, плотник, плотинный подмастерье, кузнечный и доменный подмастерья, 2 угольных мастера и 4 «рудника». Им даны были подъемные деньги, установлено жалованье по приезду на заводы деньгами и хлебом, — женатым побольше, холостым поменьше. С ними послано 300 пудов шведского железа для оковки валов и молотового стана и 200 пудов связного железа, предназначенного на связи при сооружении доменной печи и больших молотовых горнов. Отправлена также чугунная ступа, «чем бить свай», весом 28 пуд. и канаты разной толщины и веса длиной 220 саж. Все это заняло 28 саней.⁵⁹ Вслед за ними 12 марта отправился на Верхотурский завод Семен Викулин «для надзору над мастерами и всякого строения». С ним были посланы заводские снасти, 8 шипов, 10 ломов, 10 кочерег, рак-крючок, 6 досок железных на трубы, 10 лопат, всего весом в 105 п. 35 ф., 2 пуда меди и бочка стали.

Вместе с тем продолжалось устройство Каменского завода. Еще в начале года 14 января 1701 г. в Сибирский приказ был прислан из Ратуши укладного дела мастер, серпуховской посадский человек Яков Беляев. Он имел 3 сыновей-кузнецов, нанимался на работу «у своей братьи» кузнецов, следовательно, они были не самостоятельными ремесленниками, а наемными рабочими, лишенными средств производства. Он заявил, что ему необходимы большие мехи с трубами, балды железные и т. п. Он был отправлен из Москвы 8 февраля. На Каменский завод были также посланы 28 февраля «станочного дела к ружью» 4 мастера с семьями, с поручением делать

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, л. 73.

⁵⁸ Там же, л. 56, 61.

⁵⁹ Там же, л. 322.

там ружейные станки и обучать мастерству других рабочих. Эти оружейники были суздальскими монастырскими крестьянами.⁶⁰

Среди мастеров, вытребованных в Сибирский приказ был Никифор Пиленок, заслуживающий особого внимания. Это был суздальский крестьянин-ремесленник, мастер оружейного дела, который вместе со своими многочисленными родственниками делал охотничьи ружья и продавал их на Макарьевской ярмарке. Теперь он был затребован в Сибирский приказ (по указу 19 января 1700 г.) и отослан на Каменский завод. Н. Пиленок и его родня были крепостными суздальских помещиков Глебовых, и взамен их владельцам были даны крестьяне из дворцовых деревень. Тобольские воеводы поручили Н. Пиленку по приезде построить ружейный завод в 10 верстах от Тобольска. Здесь должны были быть выстроены две избы по 6 саж. для общей работы, вокруг них — насыпан вал с острогом, каменной стеной и башнями, чтобы рабочие не выходили с делового двора. Для этого «мастерского дела» должно было использоваться железо с Каменского завода. С родней в 47 человек Н. Пиленок выехал в Сибирь и повез с собой оставшиеся у него от прежнего суздальского производства 300 охотничьих ружей. Эти суздальские ремесленники, уже работавшие прежде на довольно широкий сбыт, создали завод по производству ружей в Сибири. Никифор Пиленок, возглавлявший это предприятие, не раз приезжал оттуда в Москву. Показательно, что опыта ремесленника было недостаточно в новых условиях крупного производства за Уралом. Он встретился с рядом затруднений, прежде всего с более высокой себестоимостью заводского железа по сравнению с суздальским. В январе 1701 г. он был послан из Сибирского приказа на подмосковный железный завод Елизара Избранта. Там он наблюдал работу мастеров на станках с применением водяного колеса и видел, как они проводили разделение труда. Заварка ружейного ствола, как и его просверливание и окончательная отделка, производилась у Избранта отдельными рабочими. Н. Пиленок отметил, что «та де работа ручной работы гораздо лехче и поспешнее», и предлагал построить такой же завод за Тобольском.⁶¹ Перед нами прошел любопытный пример превращения ремесленников или, скорее, кустарей, работавших на рынок, в рабочих мануфактуры. Но они должны были перенимать опыт крупных мануфактур центра.

Для изучения процесса перенесения на Урал и в Сибирь опыта русских мануфактур деятельность Никифора Пиленка представляет несомненный интерес. В декабре 1702 г. он обратился в Сибирский приказ с просьбой поднять цену на сделанные им фузеи (ружья) при сдаче их в казну. Он приводил детальную калькуляцию с указанием расхода железа и других материалов и их стоимости и просил назначить цену 23 алт. 2 д. (вместо прежней цены 16 алт. 4 д.), а с замком и ложеи фузея должна была обойтись в 1 р. 3 алт. Сибирский приказ запросил для проверки сведения у Никиты Демидова.⁶²

Для разрешения этого вопроса приехавшего в 1702 г. в Москву Пиленка снова направили из Сибирского приказа вместе с подьячим на завод Ели-

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, л. 294 об.; д. № 49, л. 165.

⁶¹ ЦГАДА, Дела Сибирского приказа, кн. 1310, л. 3—5, 17.

⁶² «А тулянин Никита Антифеев сказал: на фузейный де ствол пойдет железа свицкого на 6 а. 4 д., да от дела мастеру по 6 д. от ствола, 2-м чел. работникам по 3 д. человеку, стали с пилами на 4.; д., да на всякой ствол уголья на 8 д., ствол вывертеть и с ручными сверлами 2 а. 2 д., мастеру выправить 4 д., верх у ствола опиловать 10 д., присечь — 2 д., замки шкочкие добрые купят у них по 5 алт., а от лож мастерам дают за работу по 2 а. 4 д. от ложи, вотки крепкой на деньгу, да прибор и оковка к ложе 2 д., итого станет фузея с ложею и з замком и с прибором 23 алт. 5 д. — ЦГАДА. Д. о горн. пром., д. № 49, л. 166 об.

зара Избранта, расположенный в 30 верстах от Москвы на р. Воре. На этом заводе, как выяснил Н. Пиленок, на каждый ружейный ствол выходило по 15 фун. доброго железа или 16—18 фун. плохого. Мастера-заварщики с 2 помощниками выделывали в месяц по 48 ружейных стволов и получали денежную плату (без хлебного пайка — «пьют и едят из тех же денег»): мастер — по 3 руб., работники — по 40 алт. в месяц; другой мастер с меньшей оплатой делал с 2 работниками по 40 ружейных стволов. Уклад и железо производились на том же заводе, а ружейный прибор, т. е. замок, покупался на стороне. На заводе Избранта, как мы видели, было проведено разделение труда. В Сибирском приказе на основании собранных на этом подмосковном заводе сведений сочли возможным поднять цену для Пиленка до 21 алт. 4 д. за сданный в казну ствол без замка и без ружейного станка (вместо 16 алт. 4 д.), и Пиленку было поручено сдавать в казну по 100 ружей в неделю. Его предприятие под Тобольском являлось централизованной мануфактурой и состояло из «делового двора», окруженного каменной стеной, где должны были работать все мастера, лишь уходя ночевать домой;⁶³ ему было позволено расширить этот ружейный завод и поставить вторую мельницу.

Пиленок сделал в этот приезд заявку на большое число рабочих: ему нужны были 54 мастера и 39 работных людей. При этом на заводе он предполагал провести довольно строго разделение труда и среди мастеров назвал ряд специалистов, или частичных рабочих. Так, ему необходимо было иметь: 7 мастеров трубы тянуть, по одному мастеру на горн, следовательно, имелось 7 горнов; при каждом горне надобно по 3 чел. бить молотом; на заварку стволов требовалось 9 мастеров и к ним по 2 работных людей; 8 мастеров нужны были к вертельным станкам; 4 мастера должны были точить стволы, 8 — править стволы; 9 мастеров — «всекать и ставить замки», 9 — «делать клепань на станки», т. е. приделывать ружейные ложа и т. д. На основании этого перечня можно судить, что ствол и ружье переходили из рук одного мастера к другому, с тем, чтобы проводить специализацию, аналогично тому, что Пиленок видел на заводе Избранта. Это та форма мануфактурного разделения труда, которую Маркс называет органической мануфактурой, но сборка ружья (ствол, прибор, ложе), вероятно, соответствовала гетерогенной форме.

Для набора мастеров Пиленку было разрешено отправиться в Суздальский уезд за мастерами из монастырских крестьян для перевода их в Сибирь. Он привез с собою ученика-оружейника, знавшего грамоту и поэтому полезного ему при поездке в Москву, но тот при помощи московских родственников скрылся от него. Побег этого ученика вызвал распоряжение Сибирского приказа о запрещении отпускать рабочих с заводов.⁶⁴ Это произошло уже в 1703 г. Никифор Пиленок и его многочисленная родня пустили корни в Тобольске. Двадцать лет спустя в Тобольске значился оружейный двор во главе с надсмотрщиком, тем же Никифором Ивановым сыном Пиленком. На нем работали 67 оружейных и замочных мастеров, в том числе 8 с фамилией Пиленок; кроме того было 10 палашных мастеров,

⁶³ Там же, Д. о горн. пром., № 49, л. 173. об. Из постановления Винцуса: «И на деловом дворе... велено огородить стенкою каменною, мастеровых людей и работников в работные дни [зачеркн.: запираеть], для пьянства и гульбы никуды не пускать, опричь воскресных дней и великих праздников и государских ангелов, а в те дни выпускать с порукою, что никуды им от того дела не отстать и оружейному делу остановки не учинить. А буде которые мастера люди добрые и живут домами своими с женами и з детьми, а похотят ночевать ходить в дома свои и тех мастеров добрых людей в дома их начевать отпускать, а только работать им и фузеи и всякие снасти держать на том же деловом дворе во всякой бережке, а з двора без указа ничего бы носить им не велеть, и к тому двору надзирателя приставить радетельного доброго и верного человека...»

⁶⁴ Там же, л. 163—181; д. № 50, л. 45—55.

2 проволочных мастера, 19 кузнечных, 22 столяра и станочных мастера, 18 медного дела мастеров, 6 — оловянного дела, 5 пороховых мастеров и т. д. Общее число рабочих на заводе составляло 154 чел.⁶⁵ В 1749 г. главным мастером в кузнечном ряду значился Михаил Пиленок, и в конце столетия в Тобольске были богатые купцы Пиленковы.⁶⁶

Эпизод с Н. Пиленком показывает, что суздальский ремесленник-оружейник нуждался в усвоении опыта крупного заводского строительства, который он заимствовал на подмосковном заводе. Сибирский приказ проводит довольно систематично перенесение опыта крупных заводов в Сибирь.

Возвратимся к событиям начала 1701 г. Со строительством Невьянского и Каменского заводов сильно спешили: из Москвы шли неоднократные напоминания закончить стройку и пустить их «вскоре», потому что в Москве в связи с военными затруднениями и потребностями «доброе свицкое железо в цене большой». С весны 1701 г. на Невьянском заводе энергично принялись за дело. Плотинный мастер П. Павлов присмотрел другое плотинное место, расположенное ниже прежнего. Он заготовил на стройку длинного леса 43 дерева. Для постройки плотины ему необходимо было 200 чел. с топорами и веревками, 500 чел. с топорами и деревянными лопатами и 300 чел. с лошадьми и телегами, с лопатами и лычными веревками по 10 саж. длины. Работники должны были быть на заводе после пасхи, к 29 апреля. Верхотурский воевода распорядился выслать на завод к назначенному сроку затребованное число рабочих (200 плотников, 200 пеших верхотурских крестьян с топорами и лопатами и др.).

С 1 мая 1701 г. на Невьянском заводе начали строить плотину и бить сваи на р. Нейве, здесь работали 900 пеших и конных крестьян и 100 ямских охотников. Плотинный мастер приготовил деревянное оборудование, вал боевой и стан молотовый, «на чем станет молот ходить», а также столбы и брусья на вешняки и лари и велел заготовить 3500 саж. дров, предназначенных на уголь. Для плотинного мастера, а также для склада снастей и припасов выстроены были две избы белые «о два житья». Было приказано сделать сверх прежнего еще 110 тыс. кирпичей и на горны 25 тыс. кирпичей большого размера, над этим работали 30 чел. Для строения домны посланы были с Верхотурья московские каменщики. На заводе находились 20 кузнецов, 2 подъячих, 10 стрельцов и 20 беломестных казаков «для рассылки и надсмотру», т. е. в качестве полиции и рассыльных. Управляющему М. Бибикову приказано было построить заводы нынешним летом, «не испустя времени совсем наготове».⁶⁷

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, д. № 634, л. 996—1000 об. Ведомость о мастеровых людях 1720 г.

⁶⁶ Вестник имп. Русск. географич. об-ва, 1860, ч. 30, стр. 183—194; Н. А б р а м о в. О железных и оружейных заводах в Сибири в XVII и первой половине XVIII в. Автор пользовался отдельными документами Тобольского губернского архива и приводит указ тобольского воеводы 1700 г. о переводе из Москвы в Тобольск оружейных мастеров, именно о том, что посланы сюда «оружейного дела мастера в трех семьях со всеми их детками всего 47 душ и со всею их рухлядю». Они должны делать по 6 тыс. ружей в год по цене 16 алт. 4 д., без замка и станов; предписывается построить по избе для семьи и «для мастерового дела им же построить две избы на шести саженьях» и огородить их земляным валом с воротами и башнями, «чтоб никто без указа в дома не ходил и никакого оружия и ничего из того острогу не вывозили»; для защиты от прихода «всякого неприятеля» на башнях должны быть поставлены «пушечки железные». В Тобольск были посланы также кузнецы из Тулы, и впоследствии среди тобольских кузнецов различали «тулят» и «пилят». Автор статьи считает, что последнее название произошло от «опиливания ружейных стволов», однако отмечает, что в середине века был известен мастер кузнечного ряда Мих. Пиленок, а позднее в Тобольске были богатые купцы Пиленковы. Очевидно, это были потомки суздальского кузнеца Никифора Пиленка и его братьев.

⁶⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 97—98, 100—100 об.

Одновременно со строительством плотины шли и другие работы. Для обоих заводов были сделаны мехи мастером Иваном Янвером. Он был уже стар, плохо видел и хотел вернуться в Москву, когда выучит мастерству своего подмастерья. Он работал на тульских, каширских и алексинских заводах и получал 100 руб. в год; подмастерье его работал прежде на Соломенском заводе Марселиса, где получал 50 руб.; они просили, чтобы им платили столько же и на Невьянском заводе. Петрушка Павлов с товарищами работал прежде на Угодском и Истенском заводах Нарышкина и получал 65 руб.

Известия о разворачивании работ на Невьянском заводе пришли в Москву в Сибирский приказ только 10 августа 1701 г. Думный дьяк А. А. Виниус с товарищами 23 августа слушали выписки из писем верхотурских воевод, остались довольны и приказали послать на Верхотурье ответ к воеводе Козьме Козлову «с милостивым словом», напоминая вместе с тем, чтобы заводы скорее «в ходу были». Виниус настаивает на скорейшем производстве уклада, ввиду «такой большой укладной дороговизны»; предписывается делать уклад, «хотя в малых горнах», и «тамошних кузнецов тому укладному делу учить безотложно».⁶⁸

Тем временем в течение лета 1701 г. на заводе произошли значительные перемены. Семен Викулин принял Верхотурский завод от своего предшественника М. Бибикова со всеми строениями, оборудованием и запасами. К этому моменту на заводе была выстроена плотина, помещение для молотовой, два угольных сарая и ряд других строений, но домна еще не была готова. По своим размерам и характеру эти сооружения напоминали подмосковные заводы. Мастера строили, очевидно, по тому же образцу и как бы перенесли на Урал то, к чему привыкли по предыдущей работе под Тулой, Каширой, Малоярославцем или под Москвой. Плотина будущего Невьянского завода в этот момент имела в длину до «ларя» 30 саж., под ларем был сделан «обруб» в 4 саж., по другую сторону ларя, к заречной стороне плотины, было 25 саж.; высота плотины — 1 саж., ширина — 15 саж. Молотовая имела площадь 9 × 7 саж., высоту — 2 саж.;⁶⁹ было два угольных сарая, один — площадью 12 × 6 саж., другой — 10 × 5 саж. Через ров, по которому пойдет вода из ларя, построен мост. На берегу против плотины уже стояли «хоромы» — две белые избы, соединенные сенями; здесь же были другие хоромы в две горницы с сенями, амбар, 2 избы и 2 бани. Мастер Иван Янвер уже сделал три пары деревянных воздуходувных мехов, одни — доменные большие, длиной 6 арш. и шириной 2 арш. и двое других мехов — длиной 5 арш. и шириной 1³/₄ арш.

На заводе имелась кузница размером 5 × 3 саж., снабженная 3 горнами, подле кузницы были еще 2 горна, имелись 3 плавильные печи, а в них 6 домен. Это были обычные кузнечные домницы, выплавлявшие железо сыродутным способом. Не перечисляя оборудования в «малых кузницах»: как наковальни, клещи и т. п., отметим здесь лишь молот с хомутом «московской присылки» и сделанные на самом заводе 74 лома, 168 заступов и др. В трех «сараях» для производства кирпича уже было сделано в предыдущем году 61 433 шт. кирпича, а в 1701 г. — еще 44 500 шт., вывезено к заводу 2700 возов руды. В житницах хранился хлеб — 109 четв. ржи, 126 четв. овса и пр. На заводе заготовлен строевой лес (2000 бревен «оследей» и др.), дрова для выжига угля (202 саж.); кроме того, имеется 34 пуда уклада, 56¹/₂ железных пластин и пр.

Квалифицированный персонал завода состоял из 10 чел., присланных из Москвы в 1700 г., и 12 чел., приехавших в 1701 г. В числе их были:

⁶⁸ Там же, л. 103—103 об.

⁶⁹ Там же, л. 19.

меховой мастер, доменный мастер, молотовые мастера, плотинный мастер, подмастерья, кузнецы и угольные мастера. В момент приема завода на нем работали крестьяне — верхотурские и слободские и всякие «работные люди» — 178 плотников, 169 чел. с телегами и лошадьми, 487 пеших работников, 15 рудных плавщиков с работниками и т. д. Следует отметить, что местное население, крестьяне, дали не только чернорабочих, но и плотников, кузнецов и рудоплавщиков.⁷⁰ Однако они отделены от присланных из Москвы, и, вероятно, имели низкую квалификацию.

Семен Викулин, присланный из Москвы управлять Верхотурским заводом, вначале действовал дружно вместе с М. Бибиковым и плотинным мастером П. Павловым. Бибиков писал верхотурскому воеводе 28 мая 1701 г., что Викулин требует для постройки заводов 300 пуд. железа и в добавление к прежним рабочим (1000 чел.) еще 100 чел. с телегами и 100 чел. для всзки камня для домны, а также плотников и каменщиков. Подле домны предположено было построить чан для литья пушек.

Верхотурский воевода распорядился послать на завод 3 лучших плотников для «чанного дела», 4 московских каменщиков и 3 учеников для стройки домны; больше послать было некого, так как на Верхотурье осталось лишь 5 каменщиков и 3 ученика. Воевода велел удовольствоваться имеющимися 1000 рабочих, так как все крестьяне работают на железных заводах, и вскоре «пахать будет некому» и «крестьянам будет разоренье». Чтобы не разогнать рабочих, воевода приказывает повысить плату с 6 алт. с 1000 шт. кирпича до 12 алт. и сверх того давать «хлебное жалованье» по пол-осьмины ржи на человека в месяц, так как завод строится «на пустом месте». К приезду Викулина на завод, к 29 мая 1701 г., уже была выстроена плотина от берега до берега, под домну и молотовую забиты сваи. Однако вскоре появились первые признаки будущих затруднений и размолвок.

Месяц спустя, 24 июня, верхотурский воевода сообщил в Москву, что Семен Викулин требует еще 2000 рабочих сверх работающих у него и заявляет, что на заводе нет многих необходимых припасов. Из Верхотурья распорядились разослать во все слободы «послушные памяти», чтобы крестьяне «поголовно» явились на работы, «сколько ему, Семену, понадобится». Заслушание воевода грозил им «жестоким наказанием, бить их кнутом нещадно». Однако он указывает на трудность и даже невозможность выполнения заявки Викулина на добавочных рабочих, так как, по его словам, во всем Верхотурском уезде, по всем слободам по переписным книгам «3000 крестьянских дворов не будет». Вслед за тем оказалось, что число рабочих-кирпичников, присланных на завод, также недостаточно.⁷¹ Воевода смог послать еще 17 кирпичников, чтобы на заводе не было какой-либо «мешкоты и остановки», но после этого в городе не оставалось больше мастеров и некому было делать кирпич.

Рабочая сила требовалась на обоих строившихся заводах, и тобольские и верхотурские власти не могли договориться между собой. На Верхотурский завод прибыл из Тобольска подьячий Гр. Стрежнев и отпустил с завода работавших на нем крестьян Тобольского уезда. Он требовал, чтобы воеводы присылали на завод крестьян лишь своего, Верхотурского уезда. Оба воеводы, тобольский и верхотурский, очевидно, старались переложить тяжелую строительную повинность со своих крестьян на соседний уезд. К тому же тобольский воевода и его подчиненные, чувствуя свою силу, действовали бесцеремонно и в ущерб Невьянскому заводу усиленно заботились о Каменском заводе.

⁷⁰ ЦГАДА, Д. о горн. пром., Д. № 47, л. 18—24.

⁷¹ Там же, л. 88—89.

Уход всех тобольских крестьян привел к тому, что на Невьянском заводе даже сторожей не осталось, и в результате 6 октября 1701 г. на заводе вспыхнул пожар, после которого завод остался «покинут пуст», работать было некому, между тем как до этой остановки, по словам Викулина, «было все добро». Тогда верхотурский воевода послал во все слободы «распоряжение с жестоким подкреплением» выслать из слобод крестьян на заводскую работу. Работать должны были «беспременно», т. е. не смеяясь, до окончания строительства. Насколько эта повинность была тяжела, видно из донесения приказчика Арамашевской слободы, что все крестьяне поголовно живут на железных заводах. В сентябре власти были вынуждены отпустить по домам с заводов 500 человек и вновь преслать столько же из Тобольска.⁷²

Семен Викулин жаловался в сентябре 1701 г. в Верхотурье на непослушание мастеров. Плотинный мастер, самое влиятельное лицо на стройке, Петрушка Павлов «забунтовал» и вместе с братом кузнецом Ганкою учинились «противны и непослушны» при заготовке дров. Ссора разгорелась до того, что плотинный мастер вместе с Бибиковым уехали с завода в Верхотурье. Воевода допрашивал прибывшего мастера; в своих показаниях тот указывал, что сделал очень много на заводе еще до приезда Викулина и Бибикова: выстроена плотина, молотовая, поставлены избы, бани, «да сделана домна каменная» в вышину с бутом 4 саж., длиною 5 саж. без полуаршина,⁷³ отстроена вторая молотовая и т. д. Все это сделали верхотурские крестьяне, присланные еще по требованию плотинного мастера, а не по наряду С. Викулина. Всего с 1 мая по 1 сентября работало 975 чел. конных и пеших и 20 кузнецов по месяцу, 100 ямских охотников и 15 чел. в продолжение двух месяцев. Эти данные свидетельствуют о значении для строительства заводов внеэкономического принуждения, характерного для феодально-крепостнического строя.

«Остановка и всякая поруха» на заводе, по словам плотинного мастера, возникли вследствие того, что с Невьянского завода был отозван на Каменский завод доменный мастер Филипп Дементьев. Плотинный мастер заявил далее, что он не может работать без доменного, а при условии совместной работы домна начала бы плавить чугун с Семенова дня, т. е. с осени. Другой доменный мастер, Якушка Фадеев, также уехал с завода, так как Викулин держал его в тюрьме. В результате этого допроса верхотурский воевода послал в Тобольск требование вернуть доменного мастера, и тот в ноябре вернулся на завод. Он сложил в домне горн, и предположено было произвести засыпку руды в домну 6 декабря того же 1701 г.⁷⁴

По мере развития военных событий запросы к военной промышленности возрастали. В августе 1701 г. было приказано «на Каменских и Верхотурских железных заводах для опыта пушек и фузей и железа и уклад, сколько возможно наделать и по осеннему и зимнему путям прислать к нам, великому государю, к Москве». Это требование будет повторяться вслед за тем, как припев, почти в каждой грамоте, направлявшейся в Сибирь. В ноябре того же года верхотурскому воеводе приказано стараться о скором пуске завода и «на образец» прислать литого и кованого железа «по сему зимнему пути для усмотрения и опыта». К черновому проекту грамоты, содержащей это распоряжение, имеется помета Вивинуса, где сказано, что «за нынешним воинским случаем со Швецией... железа в при-

⁷² Там же, л. 14 об. — 15.

⁷³ Для сопоставления можно указать близкие сведения о домне на Венрипском заводе Л. Нарышкина в Алексинском уезде в 1690 г. См. «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 133.

⁷⁴ ЦГАДА, там же, д. № 47, л. 81 об. Донесение верхотурского воеводы в Москву от 30 ноября 1701 г.

возе нет».⁷⁵ Как сказано выше, с возвращением в ноябре с Каменского завода доменного мастера была закончена домна, и верхотурский воевода смог сообщить в Москву, что засыпка руды на Невьянском заводе будет произведена к 6 декабря. Против намеченного срока произошло опоздание лишь на 5 дней: руда была засыпана в домну 11 декабря, а 15 декабря 1701 г. пошел чугуун.

Начало плавки чугуна в домне, т. е. пуск завода, как крупное событие, отмечено в деловой переписке необычно торжественными, приподнятыми, можно даже сказать, взволнованными словами: «Милостию божьею и твоим, в. г. ц. и. в. к. Петра Алексеевича [титул], счастием, а нашею, холопей твоих, к тебе, в. г., службою и всеусердным радением твоим, в. г., Верхотурские железные заводы в совершенство приведены и руда в домну засыпана декабря 11 числа и мехи дуть почали, а из домны чугуун пошел декабря в 15 день».⁷⁶

Спустя три недели (8 января 1702 г.) было выковано из этого чугуна первое железо, о чем Викулин писал с завода в торжественной форме: «Милостию божиею и твоим, великого государя [титул], счастием на тех Верхотурских железных заводах из чугунного железа в молотовом анбаре у молотовых мастеров прутовое железо в дело пошло генваря в 8 день». Из нового железа сделали к 19 января «заводские снасти», т. е. инструменты, и в качестве образца прислали в Верхотурье 10 прутьев железа в 14 п. 35 ф. весом. Новое прутовое железо было выделано «на свицкую руку», т. е. по шведскому образцу. Сообщая об этом в Москву, верхотурский воевода считает необходимым назвать также имена мастеров: «а то железо работы обоих молотовых мастеров Сеньки Петрова, Оверчки [Аверкия.— Б. К.] Тумакова и за их мастерскими клеймами».

Пуск завода, повидимому, окрылил надеждами его руководителей и вселил уверенность в дальнейших успехах. Верхотурский воевода, посылая 30 января 1702 г. донесение о первой плавке чугуна и выделке первого железа, передает также заключение Викулина, что производство «мочно учинить и держать ево полным и большим заводом и теми заводами связным и прутовым и всяким железом и ратными разными литыми, чугунными припасы твои в. г. [титул] Московское и Сибирское государство полнить».

При этом Викулин развивает план дальнейшего расширения завода: по его мнению, надо выстроить вторую доменную плавильную печь, сделать «вертельню», чтобы сверлить пушки, и поставить третью молотовую вдобавок к имеющимся двум молотовым, но третью молотовую поставить негде, так как для нее пришлось бы «перекопывать» плотину, и тогда будет на заводе «простой великий».

Для предположенного расширения Невьянского завода нужны были добавочно «добрый доменный мастер» с одним подмастерьем, мастер и подмастерье «к делу и литию пушек» и еще 26 мастеров и подмастерьев к домнам, молотовым и к угольному делу.

В конце января 1702 г. Викулин смог сообщить более подробные сведения о работе завода. Из домны в сутки выходит «по 14 и по 13 колош, а во всякую колошу железной руды в домну сыплют по 30 корыт, а в корыте железной руды весом по пуду, итого всего той руды в 14 колошах выйдет 420 пуд», что составит в сутки 3 выпуска; из одного выпуска вышло чугунного железа 124 пуда, а в трех выпусках, т. е. в сутки — 372 пуда.⁷⁷ Чугуун был отдан в молотовую, где мастер Петров сделал из 14 пуд. чугуна

⁷⁵ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 54 об.— 55.

⁷⁶ Там же, л. 126 об. Известие об этом послано с завода Бибиковым и передано воеводой Козловым в Москву.

⁷⁷ Там же, л. 129.

6 прутков железа весом $9\frac{1}{2}$ пуд. Эти показатели по чугуна в 3 раза превышают выход чугуна в подмосковных заводах, где за сутки горн перерабатывал 200 пуд. руды и ввиду плохого качества тульской руды из нее выходило лишь 100—120 пуд. чугуна.⁷⁸

Сообщая все эти сведения в Москву, верхотурский воевода Козлов запрашивал Сибирский приказ, надо ли строить третью молотовую и, следовательно, перекапывать вновь плотину, что составит для крестьян «великую тягость и разорение». Он уже приказал выслать из слобод на заводы людей, просит прислать из Москвы мастеров и подмастерьев, запрашивает относительно уплаты мастерам полного жалования, «так как в Верхотурской казне денег нет».

Вместе с донесением от 30 января 1702 г. пришли в Москву из Верхотурья образцы железа. В тот же день, когда они были получены в Москве, 23 февраля, происходило испытание этих образцов уральского железа. Староста и кузнецы Кузнечного ряда в Москве, что за Варварскими воротами, сказали, что это железо «против свейского самого доброго железа мягкостью не будет, а иные прутья будут и против свицкого, только не против самого доброго; а тульского и иных заводов верхотурское железо мягче и лутче, а в деле каково будет, того они не знают, а к сварке де то железо будет упруго». На московском Пушечном дворе верхотурское «новоопытное» железо было «ломано и переломленное сварено», и кузнечный мастер с товарищами заявили, что оно «в ломке мягко и в сварке в деле будет хорошо». В тот же день в Сибирском приказе в качестве эксперта выступил человек тульского мастера Никиты Демидова Афанасий Абрамов, который показал, что присланное железо «мягкостью лутче свейского самого доброго железа».

Но когда в Москву пришло донесение воеводы с хорошими вестями о заводе и в то время, как эксперты снова давали свои отзывы об отличных качествах первого выпущенного железа, в Сибирском приказе заново решалась судьба Невьянского завода. Только что упомянутый Никита Демидов 10 февраля бил челом в Сибирском приказе, словесно прося о передаче ему Верхотурского (Невьянского) железного завода. Его допрашивал сам А. А. Виниус; 3 марта переговоры с ним продолжались, а 4 марта вышел указ Петра о передаче заводов во владение Демидова. Переговоры, начатые до получения последних вестей от верхотурского воеводы, были закончены после них, и благоприятные итоги истекшего 1701 г. на заводе не внесли никаких изменений.

В указе, данном Демидову, передача завода в частные руки объяснялась ссорами и неудачами на заводе. Далее в указе отмечалась потеря времени, и в укор «приставникам» было поставлено их желание перекопать плотину и перенести ее на новое место. Наконец, был выдвинут в пользу передачи завода довод военного порядка: «нынешнего ради со шведами воинского случая железу ис той земли вывозу нет», и железо вздорожало.

Остановимся на том, что сделано было за 1701 г. на Каменском заводе. Как мы видели, тобольские воеводы М. Я. Черкасский с сыном приказывали перевозить на Каменский завод присланное из Москвы оборудование и туда же переводили мастеров с Невьянского завода. В ноябре 1701 г. из Сибирского приказа предписали отлить на Каменском или Невьянском заводе две мортиры по присланным образцам и прислать зимой в Москву. Невьянский завод, как указывалось выше, лишь в декабре и январе выпустил первый чугун и дал железо. Каменский завод оказался впереди,

⁷⁸ Н. Бакланов, В. Мавродин, И. Смирнов. Тульские и каширские заводы в XVII в., М.-Л., 1934, стр. 38.

и М. Черкасский мог сообщить в Москву, что в декабре 1701 г. на этом заводе отлито 3 пушки и 2 мортиры, которые, однако, остаются нечищенными и несверленными, так как на заводе еще не выстроена «вертельня».

Плотинный мастер, уже знакомый нам Петр Павлов, заявил, что нужно выписать на Урал мастеров с подмосковного Истенского завода, и перечислил поименно 12 молотовых мастеров, подмастерьев, рабочих, а также специалистов по литью пушек, мортир и снарядов. Вертельню же на Каменском заводе Павлов обещал построить вместе со своим братом-кузнецом.⁷⁹ Донесение и планы тобольского воеводы встретили полное согласие со стороны Виниуса, и в Тобольск было послано из Сибирского приказа предписание отделать и высверлить отлитые пушки и мортиры и затем прислать их в Москву; было приказано также строить вертельню и обещано навести справки о нужных мастерах.

Сделаем некоторые выводы. Первые уральские заводы были начаты стройкой лишь в 1700 г., но особенно быстро они строились в 1701 г. в связи с военными событиями — началом Северной войны, — потребовавшими большое количество высококачественного металла, который мог бы заменить шведское железо и потерянные под Нарвой пушки. Оба завода строились одновременно, но Каменский завод находился в привилегированных условиях в связи с усиленным вниманием к нему тобольских воевод, властно распоряжавшихся не только в Тобольском уезде, но и в Верхотурском. Кня. М. Я. Черкасский, получив под свое руководство оба завода, старался в большей мере обеспечить материалами, оборудованием и рабочими тот из них, который находился на территории Тобольского уезда, в его непосредственном ведении. К тому же смена управляющих на Верхотурском заводе (М. Бибииков и С. Викулин), ссоры их между собой и с плотинным мастером, выполнявшим роль технического руководителя, или, по-современному, главного инженера на строительстве завода, также сыграли свою роль. Именно эти неполадки были выдвинуты в указе о передаче завода Демидову; они обычно и приводятся в литературе.

К концу 1701 г. оба завода были пущены в ход, хотя строительство на них не было полностью закончено. На Каменском заводе были отлиты уже первые пушки и мортиры, тогда как Невьянский завод дал только первый выпуск чугуна и железа и выслал в Москву лишь образцы прутowego железа. Итак, было бы не вполне точным называть первым уральским заводом Невьянский. Это верно лишь в отношении времени указа о приступе к строительству, но самая стройка шла одновременно с другим заводом, а выпуск продукции был произведен ранее на Каменском заводе.

В переписке Сибирского приказа с воеводами можно найти также обильный материал для освещения другого поставленного в начале настоящей главы вопроса — для выяснения той исторической базы, из которой выросла петровская металлургия, или, точнее говоря, первые уральские заводы. Изученные материалы говорят о том, что уральская металлургия, крупнейшие заводы того времени, явились плодом предшествующего промышленного развития и притом не только местной уральской мелкой промышленности, но промышленности всей страны, в первую очередь мануфактур центральных районов. Можно различать три слагаемых, или три предпосылки, обусловивших прочные результаты петровской промышленной политики в деле создания крупной металлопромышленности: местные уральские промыслы, а также ремесло и мануфактуры центра.

⁷⁹ ЦГАДА, там же, д. 47, л. 239—242 об.; д. № 48, л. 304—305.

Средний Урал к концу XVII в. был уже заселен земледельческим населением; через него проходили оживленные торговые пути; сюда вслед за крестьянами и казаками направились также монастыри, стремившиеся не только к земельным захватам, но и к хозяйственной разработке пашен и железных руд. На Урале имелись в то время многочисленные кузнецы, рудоплавщики, мелкие заводчики. Они привлекались петровским правительством для предварительного исследования рудных месторождений и определения точек для будущих заводов. Они давали впоследствии также рабочую силу на заводы — кузнецов, плотников и чернорабочих, пеших и конных. Однако уральские кузнецы были недостаточно квалифицированы для работы на крупных мануфактурах, их еще надо было обучить работать по-московски. Мелкие промыслы на Урале до основания здесь крупных заводов были настолько слабы, что оборудование и даже железо сотнями пудов надо было возить из центра. Через полвека Урал станет мировым поставщиком железа, а пока несложное оборудование надо заказывать на подмосковных и тульских заводах, и целые обозы из десятков саней, груженых железом и инструментами, тянутся в 1700—1701 гг. из Москвы в восточном направлении, вместо того, чтобы везти железо с востока на запад, с Урала к центру. Попытки завести на Урале крупное производство с 20-х годов XVII в. оказались неудачными, и основанные заводы через более или менее продолжительный срок прекращали свою деятельность. Исключением явился железный завод Далматова монастыря, но он был мелким предприятием, с сыродутными горнами вместо домны, и сыграл некоторую роль в качестве предшественника возникшего на его месте казенного Каменского завода.

Вместе с оборудованием и железом с «русских» заводов — тульских, каширских, алексинских, подмосковных — были взяты квалифицированные мастера и технические руководители первых петровских уральских заводов. Брели мастеров не только с крупных заводов, но также из числа ремесленников. Примером может служить Никифор Пиленок со своей многочисленной родней. Но характерно, что этим ремесленникам пришлось переучиваться для работы в Сибири, перенимать опыт тех же крупных подмосковных заводов.

Мануфактуры, выросшие в течение XVII столетия в центре страны, дали большой вклад в дело создания первых уральских заводов. Это было перенесение или передвижение в буквальном смысле слова зачатков крупной промышленности на восток, с бедных руд Подмосковья на богатые отличной рудой и лесом Уральские горы. Отдельные иностранные мастера привлекались или с тех же подмосковных заводов, или приезжали на производившуюся уже стройку и должны были не только приносить новые методы, но и учитывать русский опыт, как мы увидим на отдельных примерах ниже.

Теория «искусственного» возникновения крупного производства при Петре I, если позволительно расширить наши выводы, сделанные на основании лишь начальных шагов петровской промышленности, эта теория должна быть заменена отчетливым представлением о наличии глубоких предпосылок в экономических условиях предшествующего XVII столетия. В экономической области происходило то же, что и в других петровских преобразованиях. С замечательных статей Добролюбова о Петре⁸⁰ и с «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева и его «Публичных чтений о Петре Великом» надо начинать серьезную разработку истории эпохи Петра I. С этого

⁸⁰ Н. Д о б р о л ю б о в. Первые годы царствования Петра Великого.— Избр. философск. соч., 1945, т. I.

времени каждое исследование вскрывало органиченность петровских преобразований, их тесную связь с предшествующим развитием. Боярская дума, это аристократическое учреждение, постепенно меняя и численно сокращая свой состав, превратилось при Петре в «консилию министров», заседавшую в ближней канцелярии и явившуюся прямой предшественницей петровского Сената, одного из наиболее характерных учреждений чиновничье-дворянской империи Петра. Численный состав Боярской думы с 186 членами в 1691 г. сократился до 112 в 1699 г.; при этом в наличности в Москве было не более 65—78 чел., а участвовали в заседаниях 30—40; это было еще до превращения ее в «консилию». Из имевшихся в эти же годы 44 «приказов» уже выделились 7 групп, или объединений приказов, управление которыми было сосредоточено в руках одного начальника; это — отдаленные признаки перехода к немногочисленным петровским коллегиям.⁸¹ Эти перемены происходили одновременно с начавшейся также еще в XVII в. бюрократизацией административного аппарата. На этой подготовленной почве действовала реформаторская воля Петра I. В городской реформе Петра I, в создании Ратуши и бурмистерских изб, а в последующем, — магистратов, исследователи усматривают не только новизну, но и московскую стародавнюю старину; новые городские учреждения строились и возвышались на очень старом фундаменте в виде посадского схода, сохранившегося и после реформы; на посадском сходе избирались новые должностные лица, бурмистры, ратманы и т. д. Не следует усматривать здесь вслед за буржуазными историками лишь постепенное и медленное развитие. Петровские преобразования означали перелом, поворот на новую широкую дорогу, и реформы далеко превзошли слабые ростки, им предшествовавшие.

Изученный материал заставляет поставить вопрос, не имеем ли мы и в области промышленности то же самое явление. В отношении крупной промышленности Россия к концу XVII в. не была уже «чистым листом бумаги», на которой будто бы начал писать только Петр Великий. Поколение Петра получило в свои руки от XVII в. наследство в виде мануфактур, широко развитого ремесла и сельских промыслов, и преобразователь и его сотрудники при помощи типичных, передовых для того времени методов меркантилизма использовали имеющийся в стране промышленный опыт для строительства уральских заводов; на этой базе шло и дальнейшее привлечение иностранной техники.

Россия конца XVII столетия не была страной «без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей», где новая форма производства будто бы «могла держаться только искусственными средствами» и перенесена была государственной властью уже готовой из Западной Европы, как полагал П. Миллюков.⁸² Тот же неправильный взгляд находим у историка уральской промышленности Белова. «В истории нашей промышленности, — говорит он, — XVIII век не был продолжателем исторических судеб предшествовавших веков. Властная, могучая воля Петра, круто порвав со всем прошлым, указала ей иной, им самим начертанный путь... Это были насильственные реформы, отклонившие движение нашей промышленности от ее естественного пути ради скорейшего достижения результатов, требовавшихся общей государственной по-

⁸¹ М. Богословский. Административные преобразования Петра Великого, ч. 1. Боярская дума; ч. 2. Приказы и местное управление. — Изв. АН СССР, 1928, № 4—7; 1929, № 2; Е г о ж е. Петр I, 1948, т. IV, стр. 243—282.

⁸² П. Миллюков. Очерки по истории русской культуры, изд. 7-е, 1918, ч. 1, стр. 86.

литикой».⁶³ Неправ был также М. Туган-Барановский, недалеко ушедший от этого взгляда и считавший, что только торговый капитал явился предшественником и создателем петровской промышленности; в накопленных в купеческой среде денежных средствах он усматривал единственную предпосылку петровских заводов. Этот взгляд воспринял М. Покровский с его теорией «торгового капитализма» и пренебрежительной оценкой петровских мануфактур, по его мнению, переживавших лишь «кризис» и даже «крах».

Советские историки пытались глубже изучить проблему, и в последней работе по истории уральской металлургии, принадлежащей Д. Кашицеву, подчеркнуто значение в качестве предшественников уральских заводов таких ранних уральских заводов XVII в., как Ницынский и Красноборский заводы, вскоре закрывшиеся, а также отмечена роль местных уральских кузнецов. Автор упоминает также о перенесении опыта металлургии из центра на восток, но не подтверждает этот тезис конкретными данными, у него отсутствующими. Но следует отметить, что указанные уральские заводы XVII в. были сыродутными, т. е. не отличались по технике от крестьянских горнов, тогда как подмосковные заводы были уже доменными и «вододействующими».

Изученный мною архивный материал показывает, что первые уральские заводы особенно обязаны промышленности XVII в. Именно в «русских» мануфактурах и затем в ремесле и сельских промыслах надо усматривать предпосылки возникновения петровских металлургических заводов Урала, мост, соединяющий в развитии промышленности оба столетия.

Строительство заводов проводилось Петром I при помощи местных и центральных властей, применявших типичные методы меркантилизма. Это было перерастанием старых мануфактур XVII в. в новую мощную уральскую промышленность, и экономические преобразования Петра I в этой области явились столь же органическим развитием предпосылок, заложенных в предшествующем развитии хозяйства страны, как и другие петровские преобразования. Отмеченные наблюдения будут подтверждены и развиты в дальнейшем изложении на материале следующих двух глав настоящей работы.

⁶³ [В. Белов.] Исторический очерк уральских горных заводов, СПб., 1896, стр. 20—21.

ГЛАВА IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ДЕМИДОВЫХ

1. НИКИТА ДЕМИДОВ И ЕГО ПЕРВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ

В исследовании хозяйства Демидовых главное место должно быть отведено изучению производства, организации труда и характеру сбыта изделий. Вместе с тем, представляет научный интерес изучение истории первого частного уральского предприятия и деятельности его владельцев.

Основатель этого колоссального предприятия Никита Демидов происходил, как известно, из семьи тульских кузнецов. При недостатке источников обычно судят о первых шагах Демидова в предпринимательстве по многочисленным рассказам анекдотического содержания о том, как Петр I познакомился с тульским кузнецом.¹ Не буду полностью приводить всех этих рассказов. В них подчеркивается плебейское происхождение Демидова и огромное расстояние, отделяющее безвестного тульского кузнеца не только от царя, но и от последующего положения Демидова, ставшего дворянином и богатейшим уральским заводчиком. Но если перейти к источникам документального порядка, правда, немногочисленным, то приходится отказаться от этих рассказов.

Биографы называют основателя демидовских предприятий Никиту Демидова сыном Демида Григорьевича Антуфьева, крестьянина с. Павшина. Он работал кузнецом или молотобойцем в Туле, и сын его Никита также начал свою работу в качестве работника у мастера-кузнеца.² Ака-

¹ Согласно одному из них, Петр хотел сдать Демидова за высокий рост и большую физическую силу в гвардию, но Демидов упрямился оставить его кузнецом, обещав выполнить большой заказ оружия для армии. По другой версии, Петр I (или Шафиров) отдал Демидову для починки заграничный пистолет. Тот исправил и, подавая его царю, сказал: «Что ж, авось и мы супротив немца постоим». За это хвастовство Петр будто бы ударил Никиту по щеке и крикнул: «Сперва сделай, мошенник, потом хвались». В ответ на это Демидов сказал: «А ты, царь, сперва узнай, потом дерись». И он вынул другой пистолет, сказав, что отданный царю сделан им, а этот — заграничный, тот самый, который был дан ему для починки. Один от другого ничем не отличался. Петр обнял его, извинился, пришел к кузнецу в гости и поручил ему устроить в Туле оружейный завод. По другому варианту, имеющемуся у Гамеля, Петр дал Демидову лошечку за то, что тот угощал его вместо водки виноградным вином, что не соответствовало состоянию простого кузнеца. См.: К. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых, Ярославль, 1881, стр. 2—4; Е. К а р н о в и ч. Замечательные богатства частных лиц в России, СПб., 1874; В. О г а р к о в. Демидовы, 1891, стр. 15—16; И. Г а м е л ь. Описание Тульского оружейного завода, М., 1826, стр. 30, прим. Манштейн сообщает, будто Демидов был кузнецом не в Туле, а в Москве при Пушкарском приказе, но убежал оттуда к калмыкам и там стал заниматься разработкой руды тем стал известен Петру. См. Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 110.

² К. Г о л о в щ и к о в. Цит. соч., стр. 1—3.

демид И. Гамель, писавший в начале XIX столетия и пользовавшийся архивными источниками, также сообщает о его происхождении из с. Павшина. Он называет отца Никиты в одном месте Демидом Антуфьевым, в другом — Демидом Клементьевым. «Отец его Демид Клементьев жил прежде в деревне Павшине в 20 верстах от Тулы, а потом переселился в Тулу»,³ говорит И. Гамель.

Обратимся к материалам документального характера. Село Павшино еще в начале XVII столетия славилось железом и укладом.⁴ Известие о Демиде Клементьеве находит себе подтверждение в изданных позднее материалах о населении Тулы в XVII столетии, которые оставались неиспользованными биографами Демидова. В «сметных росписях» 1669 г. по городу Туле перечислено мужское население, способное носить оружие, с указанием, с каким оружием каждый должен явиться в случае военной опасности. Здесь среди кузнецов тульской казенной слободы, или среди «тульских казенных ствольных заварщиков», т. е. специалистов по выработке ружейных стволов, можно отыскать также «Демидко Клементьева».⁵ Никита Демидов был, следовательно, сыном этого тульского казенного кузнеца Демиды Клементьева, по другим данным — Антуфьева.

Источники не дают основания видеть в Никите Демидове кузнеца-рабочего, а скорее позволяют сделать вывод, что он был богатым тульским предпринимателем по производству и сбыту оружия. Тульская Оружейная слобода получила от правительства ряд привилегий, за что казенные оружейники выполняли казенные заказы. Еще в конце XVI столетия по грамоте царя Федора, подтвержденной царем Борисом, тульские казенные кузнецы были освобождены от податного тягла, взамен которого обязаны были выполнять на казну «самопальное дело». Но они не имели права выхода из состава слободы и в случае ухода возвращались как беглые обратно в слободу.

У тульских кузнецов наблюдалась классовая дифференциация. Наряду с самостоятельными хозяевами кузниц уже были и наемные рабочие, которые «наймутся работать», или «ярыжничают в кузницах». В грамотах конца XVII в. отмечаются кузнецы, которые живут у мастеровых и ремесленных людей или «учнут кто у кого для работы найматься». Наряду с ними имелись богатей, «прожиточные люди», уже не делавшие сами ружей, а занятые скудкой их у ремесленников.⁶

Большой интерес представляет дело 1713 г. о сыске беглых рекрут в тульской Оружейной слободе, не привлекавшее внимания ни исследователей истории Тулы, ни историков промышленности. Выше, в главе II, я отмечал на основании этого дела классовое расслоение у тульских кузнецов начала XVIII столетия. Среди них имелись «промышленники»-хозяева; к ним нанимаются на работу кузнецы, лишенные уже своих средств производства. В этом «деле» указана численность самостоятельных мастеров-оружейников: общее число их было 195 чел. Число наемных рабочих не указано, но одних беглых рекрут среди них оказалось 40, в том числе 4 беглеца значились «у кузнеца Никиты Демидова».⁷

³ И. Г а м е л ь. Цит. соч., стр. 30.

⁴ Ю. А р с е н ь е в. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче, СПб., 1903, стр. 8.

⁵ «Тула. Материалы для истории города XVI—XVII вв.», М., 1884, стр. 114.

⁶ И. С а х а р о в. История общественного образования Тульской губернии, М., 1832, ч. 1, стр. 140, 164; см. также: В. К а ш и н. Тульская Оружейная слобода.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, стр. 86—87; Б е л о д е р к о в с к и й. Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв., Киев, 1915, стр. 109, 129, 153—154. Новая работа: В. А ш у р к о в. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—XIX вв. Тула, 1947.

⁷ «Доклады и приговоры Правит. Сената», СПб., 1888, т. III, кн. 2, стр. 714—717.

Наиболее ранние данные о Никите Демидове относятся к 1691 г. За год до этой даты стольник М. Арсеньев захватил под свой двор часть торговой площади в тульской Оружейной слободе, и возникший в связи с этим спор разрешен был указом 1691 г. В нем дважды упомянут Никита Демидов, о котором сказано, что «тульские казенные кузнецы, староста Микишка Орехов, Никишка Демидов, Исай Мосолов в Оружейную палату дали сказку» по этому земельному делу. Для этого они приезжали в Москву в качестве представителей Оружейной слободы. Демидов не назван старостой, но стоит рядом с ним в качестве выборного от казенных кузнецов.⁸ Надо вспомнить, что старосты избирались обычно из богатой верхушки.

Ценное известие о Никите Демидове передает Гамель, имевший возможность пользоваться архивом Тульского оружейного завода: «До 1696 года тульские кузнецы делали завесное ружье в год по 2000 пищалей и платилось им... по 22 алтына по 2 деньги за пищаль, а тогда велено вместо завесного ружья делать фузеи со шкочкими замками. В год положено было изготовить также 2000, а в намет делали еще не малое число стволов. Сверх того,— говорит Гамель,— могли тульские кузнецы за положенные цены ставить стволы, замки и даже готовое ружье, сколько кто хотел в Оружейную палату, а на сторону продавать строго было запрещено. Таким образом, от себя ставили в Москву ружья казенные кузнецы Исай Мосолов, Никита Орехов, Максим Мосолов, а более всех Никита Демидов Антуфьев (или Антуфеев)».⁹ Гамель не указывает точно, к какому времени относится эта деятельность Демидова в качестве крупнейшего поставщика оружия: только ли с 1696 г. или, как можно полагать, и до этой даты. Передавая анекдоты о первом знакомстве царя с Демидовым в 1696 г., Гамель тут же говорит, что Демидов в этот момент имел уже «небольшую фабрику».¹⁰

Таким образом, Никита Демидов, судя по приведенным данным, принадлежал к зажиточной верхушке казенных тульских оружейников, выполнявших крупные казенные поставки и, очевидно, переходивших от ремесла к мануфактуре.¹¹ Трудно представить, чтобы по отношению к богатому тульскому оружейнику могли иметь место те сцены первого знакомства его с царем, которые содержатся у биографов Демидова. Он приезжал в Москву еще в 1691 г. и мог стать известным царю уже тогда. В свои приезды в Тулу Петр также должен был встретиться с выдающимися представителями Оружейной слободы.

Петр I был в Туле на заводах в ноябре 1695 г., возвращаясь с первого Азовского похода. Генерал Патрик Гордон записал в своем дневнике под 15 ноября этого года о поездке с царем на заводы.¹² Спустя год, уже после взятия Азова, в сентябре 1696 г. Петр снова заезжал на тульские заводы и неделю работал на Поротвинском заводе.¹³ Тот же Гордон сообщает: «11 сентября [1696 г.] в 10 часов утра я приехал на железные заводы в 50 верстах от Тулы, где я нашел его величество и множество дворян». Даже за границей год спустя, во время работы на верфи Ост-Индской компании, Петр не забывает о тульских кузнецах. В письме к Ф. Ю. Ромодановскому 31 августа 1697 г. Петр говорит: «Андрей Винуус

⁸ И. Сахаров. Цит. соч., ч. 1, стр. 147.

⁹ И. Гамель. Цит. соч., стр. 29.

¹⁰ Там же, стр. 30, прим. 2.

¹¹ П. Г. Любимов считает себя «вправе усомниться в прочно укоренившемся предании, выставляющем Никиту Демидова именно тружеником-кузнецом». См. его «Очерки по истории русской промышленности XVIII и начала XIX в., 1947, стр. 545.

¹² М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, М., 1940, т. I, стр. 269.

¹³ Там же, стр. 343.

велел милости твоей побить челом о Марчке кузнеце; ему зело нужна. Благоволи ево отдать, а там мочно проняться и без него». По словам комментаторов писем Петра, речь идет здесь о кузнеце Марке Евсееве, ученике тульского мастера Никиты Антуфьева.¹⁴ Винус занят был строительством заводов и нуждался в опытном кузнеце.

Приведу еще одно известие о Демидовых, оставшееся неотмеченным в литературе. В 1710 г. в Сенате слушалось донесение тульского кузнеца Семена Демидова Евтифьева, признавшегося в двоеженстве, а также в незаконном беспощинном провозе товаров. Он жаловался на сына Никиты Демидова, Никиту Никитича, также названного Евтифьевым. Тот пришел к Семену на его наемный двор в Москве со многими людьми, схватил его с женой, забрал пожитки и представил Семена Демидова в Приказ артиллерии, хотя за ним не было никакой вины. Тот же Никита Никитич отобрал у Семена в Туле 1100 пудов железа и продал его.¹⁵ Семен Демидов — несомненно брат первого уральского заводчика, знаменитого Никиты. Это известие, хотя и более позднее, интересно указанием на принадлежность Демидовых к богатым тульским промышленникам, ездившим в Москву и имевшим большие запасы товаров и металла.

Приведенные сведения могут иметь значение и для более широких выводов. Демидов не был исключением. Тульские ремесленники-оружейники дали ряд крупных металлозаводчиков. Таким был Иван Баташев и Мосолов, вышедшие из богатой верхушки тульской Оружейной слободы и ставшие крупными заводчиками. Академик Гамель, писавший в 1826 г., приводит список 46 бывших тульских оружейников, уже имевших в первой четверти XIX в. свои заводы.¹⁶

Для петровского времени тульские ремесленники также не были исключением среди тогдашних заводчиков. Стоит вспомнить Ивана Посошкова, автора «Книги о скудости и богатстве» (1724). Он принадлежал к старинной семье ремесленников серебряного дела, но сам перешел от ремесла к разнообразным предпринимательским опытам, имел серный прииск, затевал фабрику карт, владел деревнями и винокуренным заводом. К концу жизни он хлопотал об устройстве текстильной фабрики, и только его арест и смерть задержали осуществление этого замысла, но эту коломенскую фабрику открыл уже его сын Николай Посошков.¹⁷ Это пример превращения в заводчика и предпринимателя представителя привилегированного ремесла, каким были московские серебряники. Приведенные примеры заставляют несколько отойти от распространенного до сих пор взгляда, что петровская крупная промышленность выросла лишь «в среде крупных торговцев».¹⁸ Не отрицая основного значения купечества для образования русской промышленной буржуазии XVIII в., следует обратить внимание на то, что крупнейший заводчик петровской эпохи, Демидов, был выходцем из ремесленников, и это не было исключением. История крупной русской промышленности в этом отношении соответствует тому, что происходило и в Западной Европе. «Генезис промышленного

¹⁴ «Письма и бумаги Петра Великого», СПб., 1887, т. I, стр. 187 и 643; М. Б о г о л о в с к и й. Цит. соч., т. II, стр. 159—160.

¹⁵ «Доклады и приговоры Правит. Сената», т. III, стр. 355. У Никиты Демидова было два брата — Семен и Григорий. К. Г о л о в щ и к о в. Цит. соч., приложения, стр. 268.

¹⁶ И. Г а м е л ь. Цит. соч., стр. 67.

¹⁷ Б. К а ф е н г а у з. Посошков, его жизнь и социально-экономические воззрения, в кн.: И. Г. П о с о ш к о в. Книга о скудости и богатстве, М., 1937, стр. 8—10.

¹⁸ М. Т у г а н - Б а р а н о в с к и й. Русская фабрика в прошлом и настоящем, 1922, стр. 16, 18; П. Л я щ е н к о. История народного хозяйства СССР, М., 1939, т. I, стр. 240.

капиталиста, — говорит Маркс, — не отличается той постепенностью, какой характеризуется генезис фермера. Без сомнения некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились сначала в зародышевых капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопления капитала, в капиталистов...»¹⁹ Но Маркс отмечает «необычайную медлительность этого метода». Русское ремесло, в данном случае — мелкие металлические промыслы также перерастали в мануфактуру и были одним из источников создания крупных предприятий.

В. И. Ленин, рассматривая данные по истории тульских промыслов и демидовских заводов, говорит: «Здесь, следовательно, мы видим непосредственное преемство и связь между старыми цеховыми мастерами и принципами позднейшей капиталистической мануфактуры».²⁰

Архивный материал позволяет значительно расширить наши сведения о первых шагах Никиты Демидова. Наиболее раннее известие о нем относится к марту 1697 г. Это хорошо известное в литературе указание на испытание Демидовым уральской руды, привезенной в этом году в Москву. Испытание было поручено московским мастерам-бронникам, а также Никите Демидову.²¹ Я приводил его в предыдущей главе. Однако в делах Сибирского приказа сообщение об этой экспертизе сопровождается весьма существенным известием о переговорах в приказе с Демидовым относительно его переезда уже тогда на Урал. Вот это сообщение: «Да марта в 5 день [1697 г.] вышписанные железные руды 4 пуда 35 фунтов для переплавки отданы туленину железных заводов мастеру Никите Антуфьеву. И Никита Антифьев сказал: сибирскую де железную руду он переплавил, а железа вышло из нее пуда 3 два, и ис того железа зделал 2 фузеи з замки, да два копыя,²² а железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого.²³ А для железных заводов в Сибирь самому ему, Никите, на житье ехать немочно, потому что у него на Туле дом и деревни и железных и мельнишных заводов и снастей железных и оружейных заведено не малое число и многие заводы не довершены. А на сибирские де заводы буде он, Никита, здумает ехать, дать бы из государевы казны денег 1000 рублей, да пищалей зделать за денги, сколько мочно по договору, да из сибирских жителей 100 или 50 человек, а он де их железному и оружейному мастерству выучит, и буде мочно построить против тульского кузнецкую слободу. А держать бы ему те заводы 10 лет на себя, а после со всякими снастями взять в государеву казну. А всяких снастей к тому делу надобно вести много, подводях на 100 едва вклетца».²⁴

Это сообщение содержит неизвестные прежде данные. Как оказывается, уже в марте 1697 г., как только поднимался вопрос о строительстве новых заводов на Урале, шла речь о переезде Демидова и о передаче ему завода или о постройке им самим завода на Урале. Это происходит за 5 лет до того, как Невьянский завод был ему действительно передан.

¹⁹ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 701.

²⁰ В. И. Л е н и н. Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 371.

²¹ См. об этом в «Актах исторических», т. V, стр. 490, 491, и Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 2, стр. 190.

²² В указах 1697 г., помещенных в «Актах исторических» под тем же числом, сказано несколько иначе: «и этого железа сделано 2 доски на ружейные стволы и один ствол с замком, да копые он зделал, а железо...»

²³ Далее до конца абзаца идет текст, отсутствующий в «Актах исторических» и у Шшонко (в указах 1697 г.).

²⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 257 об. (Выписки о Верхотурских и Невьянских заводах).

Второй не менее важной чертой этого сообщения является ясное указание на существование в то время, в 1697 г., у Демидова железного завода в Туле. Это был вододействующий завод, т. е. достаточно крупное предприятие. Демидов, как видно из текста, имеет даже деревни, и его заводы еще «не довершены», т. е. находятся в процессе стройки. Никита Демидов вырисовывается здесь как крупный и предприимчивый заводчик, хорошо известный правительству.

Поднимая уже тогда вопрос о передаче ему будущего завода, Демидов ставит определенные условия: он хочет получить денежные средства и рабочих, просит о выдаче ему 1000 руб. и предлагает передать ему на выучку 50—100 человек; заводы должны перейти к нему на определенный срок в 10 лет. Любопытно, что уже тогда Н. Демидов считал необходимым перевезти на Урал значительное количество оборудования, для чего требовалось 100 подвод (т. е. около 2¹/₂ тыс. пуд.). Это, вероятно, значительно превышало то, что было перевезено на заводы до 1701 г., до передачи ему Невьянского завода, как это мы видели в III главе.

Три года спустя, в январе 1700 г., Никита Демидов снова был привлечен в качестве эксперта, когда в Сибирском приказе допрашивали суздальского оружейника Никифора Пиленка перед отправлением последнего в Сибирь для устройства нового завода. При этом Никиту Демидова запросили об издержках производства и себестоимости ружья, и он в своих ответах привел данные по собственному заводу. Демидов указал, во что обойдется фузея (ружье) с ложем, замком и прибором (в 23 алт. 2 д.), и добавил, что «шпаги и багинеты ценою по чему становятца, он не ведает, потому что у него не делают, а пушечного дела мастеров у него нет, а преж сего лил у него пушки ученик его Оружейной палаты казенный кузнец Степан Баташев и работает он на Туле у кузнецов из найму». Демидов дал также свое заключение о качестве уральского железа, присланного на этот раз из Тобольска: «Оружейной мастер туленин Никита Демидов, смотря того железа в Сибирском приказе, сказал, что то железо самое оно доброе и с сталью будет лутче свийского. А то де железо дело ручное, а естли бы делано было железными большими заводами, и то б железо было лутче и того, и в оружейное и во всякое дело годитца. А буде то железо пойдет на пушечное литье, и то железо будет в пушках крепко против медных, только были [бы] у чюгунского дела добрые мастера, от того пушечного литья прибыль великая живет».²⁵

Этот отзыв Демидова позволяет представить, каков был тогда его Тульский завод. У него не было пушечного мастера, но пушки на его заводе делались, и отливал их его ученик Степан Баташев. Не было у него и производства шпаг и багинетов (штыков). К этому можно прибавить показания Н. Демидова, сделанные им год спустя, в марте 1701 г.; его допрашивали в Сибирском приказе относительно заработной платы, какую следует платить переведенным на Урал мастерам. Сами мастера давали сведения об их прежней заработной плате на московских заводах, и здесь же записано мнение Демидова, выступающего на этот раз в качестве эксперта по вопросам оплаты труда. Так, доменный мастер Яков Фадеев получал на прежних заводах по 80 руб. «да по сукну в год». На полях против этого записано, что «Никита Демидов допрашиван» и в допросе сказал, что на его заводах «подмастерьям дается 3-м человеком по 16 а. 4 д. на неделю, когда работают, а мастеров у него нет». Мы узнаем из этих слов самого владельца, что на его заводе имеется домна и при ней 3 подмастерья. В ответ на указание, что рабочие, которые сыплют в домну

²⁵ Там же, л. 296.

уголь, получают на сибирских заводах по 2 алт. в день, Демидов сказал, что он «на тульских заводах по 10 а. на неделю дает, они же и камень бьют».

Когда Демидова спросили относительно заработной платы «дошатога мастера», он отозвался незнанием, «потому что дошатога железа у него не делают». При запросе об оплате плотинного мастера ответил, что «у него плотинных мастеров нет». Меховой мастер на заводе Демидова получал 27½ руб. в год, тогда как Ивану Янверу платят в Сибири 100 руб. Пушечный и гранатный мастер на заводе Меллера получал по 70 руб. в год, а у Демидова по 16 алт. 4 д. в неделю за то время, когда работает. Демидов дал ряд справок такого же рода, из которых можно судить, что на его заводе преобладала сдельная или поденная оплата, тогда как у других владельцев чаще встречали годовые оклады; при этом ставки заработной платы у него были ниже, чем у других привилегированных заводчиков. Позднее, в 1702 г., он говорил, что на Тульском его заводе выплавляют сталь и что силами учеников-оружейников он дает 5 тыс. ружей в год.²⁶ Он заявил также в пику верхотурским воеводам, что у него на Тульском заводе запасено угля достаточно «на две домны и на две молотовые».²⁷

В Туле у Демидова, судя по этим данным, имелись две домны и две молотовые, была налажена, хотя, может быть, и не в виде постоянного производства отливка пушек и гранат.²⁸ Завод Демидова был построен на р. Тулице; время основания его в точности неизвестно, но он существовал уже в 1697 г.

К кануну Северной войны относится сообщение о предложении Демидова передать ему заказ на пушки, которые он берется делать на своем Тульском заводе. В 1700 г., 11 июня, из Москвы писали Петру в Воронеж, что ведутся переговоры с заводчиком Вахрамеем Меллером об отливке 500 пушек: «Да о тех же пушках оружейный мастер тулянин Никита Демидов сын Антуфьев принес челобитную июня в 8 числе, что те пушки он на тульских своих заводах, против немецкого литья и против образца и чертежа, каков ему дан будет из приказа адмиралтейских дел, просит по полтине за пуд. И о том, как воля милости твоей, благоволи государь прислать пушкам чертеж». Месяц спустя, 17 августа 1700 г. из Воронежа был получен ответ: «Тулянину Никите Демидову, который принес челобитную о литье пушек, велеть сделать образцы против росписи, какова послана к милости твоей наперед сего длиною и по чему весом ядро и чтоб были в литье гладки и не тяжелы».²⁹

Указ 2 января 1701 г. содержит признание за Демидовым полного права собственности на его Тульский завод, который, очевидно, был в этот момент на полном ходу. Указ этот известен был лишь в изложении Н. Бранденбурга.³⁰ Он оказался среди материалов демидовского архивного фонда, а также в сборнике копий с указов Демидовым, хранящемся в Гос. библиотеке им. Ленина и происходящем, вероятно, также из архива одного из Демидовых.³¹ Из этого указа мы узнаем, что завод под Тулой был основан Демидовым «своими деньгами и проторьми без вспоможения и дачи дворцовых крестьян, как преж сего давали к таким же заводам

²⁶ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 127—128.

²⁷ Там же, л. 117—118; из текста нельзя с уверенностью сказать, значат ли эти слова, что на заводе имеются 2 домны или лишь количество угля столь велико, что вообще может обеспечить работу 2 домен и 2 молотовых.

²⁸ Там же, л. 150—151.

²⁹ Елагин. История русского флота, СПб., 1864, ч. 2, приложения, стр. 169.

³⁰ Н. Бранденбург. Приказ артиллерии, СПб., 1876, стр. 355.

³¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, № 4003; Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., № 6693. Книга копий и указов, относящихся до железных заводов Демидова, л. 1—5.

в разных местах и в городех иноземцом». Это значит, что Демидов был уже достаточно богат, чтобы выстроить завод на свои средства без денежной помощи казны и без приписки крестьян. Сверх того в указе сказано, что он сбавил цены за воинские «припасы» при поставках в казну ниже цен иноземцев-заводчиков. Завод дан был ему, жене и его детям на определенный срок в 20 лет. Но по указу 1701 г. этот завод был предоставлен ему «впредь впрок безсрочно», на праве полной наследственной собственности.

Демидов получил теперь право покупать земли и, что особенно важно, также право покупать крепостных к этому заводу, что он без указа, как не дворянин, прежде не мог бы делать. В указе говорится: «пожаловали мы, в. г., ... велели ему, Никите, ... где может, приискать к тому своему железному заводу какой угодной у вотчинников земли или крестьян и ему, Никите, покупать волно». Он может совершать купчие «на те земли и на крестьян». Вероятно, это право покупать крестьян ограничивалось только потребностями тульского завода, так как впоследствии, при передаче ему Невьянского завода, он снова должен был ходатайствовать о разрешении приобретать крестьян, и это право тогда дано ему не было. Эти привилегии мотивируются не только тем, что он построил завод без помощи казны и сбавил цены. Ему предоставлены преимущества с целью содействовать дальнейшему росту промышленности — «для того железного дела, чтоб всегда множилось, и когда из ыных государств не привезут, чтоб скудости на воинские припасы и недостатку не было». При закреплении за ним завода, следовательно, ставилась задача освободить страну от импорта иностранного металла.

В указе предусмотрена необходимость перестройки плотины на его Тульском заводе: «старую свою плотину на тех заводах повысить ему и прибавить и привести к Ямской горе свободно». Завод Демидова должен быть обеспечен лесом и рудой. Ему предоставляется лес в Тульском уезде, в Щегловской засеке, на 5 верст в длину и в ширину и пожалован ряд полянок против Старого Городища и Ямской слободы. Лес в этой округе дан ему безоброчно: «и теми вышеписанными оброчными полянками и засечною землею ему, Никите, и жене сво и детям и наследником владеть безоброчно». Он может копать железную руду не только на этих землях, но и в Малиновой засеке, причем это право дается только ему, с исключением всех других заводчиков: «а кроме его, Никиты, в тех его дачах и в Малиновой засеке железной руды иным никому не копать и в оброк не отдавать». Наконец, Демидову позволено строить новые заводы в тех же местах.

Эта первая привилегия Демидова содержит в зародыше те преимущества, о которых речь пойдет в последующих указах об уральских заводах.

Предположение Н. Бранденбурга, что сооружение этого завода заняло время с 1696 по 1701 г., весьма вероятно. Может быть, и до этого, как писал Гамель, Демидов уже имел «небольшой завод» и занят был поставками в казну.

Итак, Никита Демидов, тульский казенный оружейник, принадлежал к богатой верхушке тульской Оружейной слободы, владел мастерской и заслужил благоволение царя поставками оружия по низким ценам. Ему было позволено за это завести более крупный доменный и пушечный вододействующий завод на р. Тулице. Он построил его на свои деньги, без помощи казны, и с наемными работниками, без приписных или крепостных крестьян. При этом он поставлял в казну снаряды и, вероятно, пушки по низким ценам. Правительство в награду за это превратило 20-летний срок владения заводом в бессрочное владение, дало ему право

покупать крестьян и земли и предоставило ряд других преимуществ. Заслужив этим путем одобрение Петра, Демидов в качестве знатока привлекался неоднократно для испытания уральской руды и выступал экспертом по вопросам заработной платы мастерам будущего Невьянского завода.

Методы, уже примененные Н. Демидовым для его Тульского завода, были использованы им для получения в свои руки Верхотурского (или Невьянского) завода, положение на котором могло ему быть хорошо известно. Эти методы заключались в использовании высокой военной конъюнктуры, в расширении производства для удовлетворения военного спроса; особое значение имело снижение цен при казенных поставках по сравнению с другими заводчиками.

В том же 1701 г., 21 июня, у Демидова было отнято право на рубку леса в Щегловской засеке, так как в ней было много дуба и других деревьев, пригодных для кораблестроения. Лишение Тульского завода топлива явилось толчком к ходатайству Демидова о получении завода на Урале.

Как указывалось выше, еще в 1697 г. при первой экспертизе уральской руды уже шла речь о переезде Демидова на Урал и устройстве им там завода. Известия из Верхотурья о ссорах и неполадках на заводе также сыграли свою роль, как об этом сказано в привилегии Демидова.

Указ о пожаловании Демидову Невьянского завода от 4 марта 1702 г. достаточно известен (он напечатан у Шишонко в его «Пермской летописи»), но дела Сибирского приказа помогают установить, как составлялась эта привилегия Демидова. Указ появился не сразу, а в результате ряда запросов и переговоров с Демидовым об условиях передачи ему завода. Записи этих обсуждений протокольного характера и были включены в один указ. Анализ этого материала даст возможность выделить наиболее существенные части указа о пожаловании.

«В нынешнем 1702-м году февраля в 10 день бил челом великому государю [титул], а в Сибирском приказе перед думным дьяком Андреем Андреевичем Вилюсом с товарищи в словесном челобитье тулений оружейного и железного дела мастер Никита Демидов сказал: на Туле де у него железные заводы, и на тех заводах льют на в. г. всякие воинские припасы...»³² Далее Демидов говорил о запрещении рубить дубовый лес около Тулы, что приведет к недостатку угля и остановке его завода, а поэтому просил отпустить его в Сибирь и отдать ему Верхотурский железный завод. Он обещал поставлять в казну воинские припасы по сниженным вполуполу ценам, «с убавкою и вполы» против цен заводов Нарышкина и Меллера; за бомбы обещал брать по 5 алт. за пуд, за ядра — по 4 алт. 1 д. и т. п. Это были заводские цены на месте производства, а за провоз из Верхотурья до Москвы он хотел брать по 10 денег с пуда. Он просил позволения сечь дрова в Верхотурском уезде при помощи местных крестьян, обязался платить им за работу столько же, сколько он платит на своем Тульском заводе, т. е. по 4 алт. за сажень березовых дров. Он просил также разрешить ему покупать крепостных крестьян для заводской работы на Урале. Затем Демидов выговорил себе неподсудность по отношению к верхотурскому воеводе; как его, так и заводских рабочих должны были судить в Сибирском приказе, а «в малых делах» он сам хотел наказывать их; он просил также предоставить ему право «разобрать» мастеров и рабочих: одних оставить, других, непослушных

³² ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 138, 139 об.

ему, отпустить с завода. Излишки продукции за вычетом казенных поставок Демидов желал свободно продавать на сторону «по вольной цене». Он просил, чтобы в случае нужды местные государственные крестьяне помогали ему «государевыми сошными подводами», т. е. выполняли транспортную повинность. За перевозку угля и дров он устанавливал крестьянам определенную плату — по 16 алт. 4 д. за перевозку 20 саж. дров в кучи для углежжения. После этого стоит подпись, удостоверяющая эти словесные заявления Демидова; за его неграмотностью расписалось другое лицо: «К сей сказке вместо тулинина Микиты Демидова по его велению кузнецкой сын боярской Гоцевский руку приложил».

Словесное челобитье, записанное в приказе, вошло затем в указ о передаче Демидову завода в качестве основной, важнейшей части. В нем Демидов обязуется поставлять в казну заводскую продукцию по значительно сниженным заводским ценам на месте производства, выговаривает за это себе право свободной продажи излишков и т. п. Он устанавливал довольно высокую провозную плату по сравнению с заводской ценой изделий. Пункт о ценах и провозной плате имел, повидимому, важное значение в переговорах.

Вслед за челобитьем Демидова в делах приказа стоит помета дьяка, может быть, сделанная Винусом: «буде случится ему ратных де запасов поставить во Тверь и в Ярославль, в Астрахань... или в Нижний, по чему сверх цен поставить провозу, и о мортирах положит... по чему возмет?» Этот вопрос был поставлен Демидову, вероятно, позднее; об этом свидетельствует то, что в ответной сказке подписалось за него уже другое лицо и запись, хотя и не обозначенная датой, сделана другими чернилами. Демидов отвечал, что, если государь укажет ему ставить железо и другие изделия в упомянутые города, то он возьмет по 10 д. с пуда при поставке в Тверь, по 2 алт. — в Царицын, по 5 д. — в Астрахань и по 6 д. с пуда — в Нижний. Перевозка сухим путем с завода до р. Чусовой должна производиться на казенных (крестьянских) подводах и потребует отдельной оплаты. Он берется также лить мортиры по присланным чертежам ценою по 11 алт. за пуд, ввиду «многой лишней работы». Здесь же стоит подпись: «к сей скаске вместо Никиты Демидова работник ево Афанасий Аврамов по ево велению руку приложил», и вслед за тем значится: «вписать к великому государю в доклад».

Итак, в двух беседах выяснены были условия и обязательства Демидова, связанные с предстоящей передачей ему завода, причем важнейшим условием, интересовавшим приказ, был пункт о ценах и стоимости перевозки. Эти сведения, запрашиваемые у Демидова, предназначались для доклада Петру I.

Вместе с тем в Сибирском приказе для сравнения и проверки собирались данные о ценах, по которым ставили в казну свои изделия другие заводчики. Оставался еще невыясненным вопрос, возьмется ли Демидов делать также кровельное железо, бердыши, латы и шишаки и какие цены за них потребует. Речь об этом шла 3 марта. Это была уже третья беседа, что показывает, как тщательно готовился приказ к делу, в особенности в связи с предстоящим докладом Петру.

«Да марта в 3 день в Сибирском приказе Никита Демидов сказал: кровельное железо ставить он будет по двадцати по пяти алтын, по четыре деньги за пуд; а лат и шишаков и бердышей делать он не будет, потому что на заводах у него, Никиты, таких мастеров нет». Если мастера найдутся, то он возьмется и за это производство, но не указывает заранее цену, соглашаясь на то, «по чему великий государь укажет». Он ссылается на свой прежний договор с Приказом артиллерии и просит запретить ставить мельницы на тех реках, где будут его заводы.

Эти три записи в приказе — устное челобитье Демидова и два дополнительных запроса со стороны властей с его ответами — вошли полностью в указ о пожаловании ему Невьянского завода.

Здесь же, в приказных делах помещена отдельная справка о ценах на казенные поставки с тульских, каширских, Истенского и Угодского заводов; справка получена была еще в сентябре и составлена на основании жалованных грамот на эти заводы.³³ Для наглядности приведем ее в сопоставлении с ценами, предложенными Демидовым. Последние берем из его показаний, частично приведенных выше (табл. 3).

Таблица 3

Цены на казенные поставки

И з д е л и я	«Уговорная указная цена» по жалованным грамотам на тульские, каширские, Истенский и Угодский заводы	Цены, предложенные Демидовым
Связное и прутовое железо (за пуд) . . .	16 алт. 4 д.	11 алт. 4 д.
Доски кованые к дверям (то же)	30 » —	26 » 4 »
Пушки литые (то же)	8 » 3 »	10 » —
Латы с шишаками рейтарские (за латы) .	2 руб.	—
Мушкетные стволы (за ствол)	20 алт. —	—
Шаги с крышками и с ножнами (за шагу)	20 » —	—
Гранаты ручные (за гранату)	3 » 2 д.	10 д.
Бердыши (за бердыш)	5 » —	—
Доски кованые тонкие на кровли (за пуд)	1 р. 16 алт. 2 д.	—
Пара сох с палицами (за соху)	6 » 2 »	—
Отрезы (за отрез)	3 » 2 »	—
Полупики (за штуку)	4 »	—
Топорик пудный против бердышей (то же)	5 алт. —	—
Ядра малые в 1/4 ф. 30 зол., 1/2 ф. и 3/4 ф. (за ядро)	2 д.	2 д.
Ядра в 1 ф., 1 1/4 ф., 1 3/4 ф. и 2 ф. (то же)	3 »	4 алт. 1 д. (за пуд)
Мелкое всякое железо на гвозди и на оговы колесные и к телегам (за пуд)	23 алт. 2 д.	—
Сабельные полосы (за полосу)	20 » —	—
Лопаты и заступы (за штуку)	6 » —	—
Ручные хлебозолотные железные мельницы (то же)	5 руб.	—

Табл. 3 показывает, что наибольшее снижение цен против иноземных заводчиков («вполы») предложено Демидовым только на ручные гранаты (10 д. против 3 алт. 2 д., или 5 коп. против 10 коп.); снижение в 1 1/2 раза намечалось по связному и прутовому железу, а на дощатое железо оно составило лишь 10 коп. (с 90 к.). Значительным было снижение цен по ядрам (4 алт. 1 д. за пуд у Демидова против 3 д. за ядро в 1—2 ф. или 20—10 алт. за пуд на других заводах). Пушки у Демидова оценены даже дороже, чем у других заводчиков. На остальные изделия демидовские цены не отклонялись от цен на других заводах. Цена на прутовое и связное железо по жалованным грамотам других заводчиков была настолько высокой, что еще 9 февраля 1683 г. и 25 апреля 1695 г. именным указом она была аменена другой — 15 алт. с пуда, включая провоз вместо 16 алт. 4 д. по

³³ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 140 об., 141.

жалованным грамотам. Цена, предложенная Демидовым, значительно ниже, даже если прибавить транспортные расходы.³⁴

Этот пункт об издержках по провозу требовал уточнения и, как мы видели выше, Демидов заявил, что он возьмет за провоз по воде по 10 денег с пуда с доставкой в Тверь, по 2 алт. — в Царицын, по 5 денег — в Астрахань и по 6 денег — в Нижний. Присоединив к его цене на месте производства (франко завод — 11 алт. 4 д.) наиболее высокую стоимость провоза (10 денег) при доставке в Тверь, получим цену в Твери на демидовское железо — 13 алт. 2 д. против 15 алт. на других заводах.

Демидовские цены на железо следует считать пониженными против цен Меллера и Нарышкина, хотя снижение и не достигало половины, как это обещал Демидов. Вопрос о ценах привлек особое внимание в Сибирском приказе. Но, кроме цен, были и другие преимущества за сибирским железом: прежде всего — его качество, не уступающее шведскому железу, тогда как железо центрального района было значительно хуже; к тому же в условиях войны ощущался острый недостаток в железе; наконец, неполадки в строительстве Верхотурского (Невьянского) завода, может быть, в преувеличенном виде доведенные до сведения правительства, также должны были сыграть свою роль. Эти доводы отразились в окончательном тексте привилегии Демидова.

Результаты обсуждения вопроса с Демидовым были доложены Петру: «1702-го марта в 4 день великий государь, сеи выписки слушав и допущения туленина Никиты Демидова, по именному своему в. г. указу указал Верхотурские железные заводы на Нейве реке, и буде приищет по той и иных реках и Тагиле у магнитной руды, Верхотурского уезду заводы отдать во владение ему, Никите, и ставить ему с тех заводов в его в. г. казну на всякие обиходы воинские припасы, пушки, мартиры, бомбы, гранаты и что писано выше сего, по тем вышепоименованным ево Никитиным ценам перед иноземскими³⁵ с убавкою, опричь пушек и мортир, которые ставить по тем ценам, как он уговаривал».

Этим указом Демидов получил те привилегии, о которых он просил в своем челобитье. Ему было позволено свободно продавать излишки своей будущей продукции, он изымался из ведения воеводы и становился подсудным лишь Сибирскому приказу и т. д.

В указе 4 марта 1702 г. приведено следующее объяснение, чем вызвана передача казенного завода в частные руки: «А те заводы Верхотурские

³⁴ Там же, л. 142. Бранденбург (цит. соч., стр. 177) дает следующую таблицу, в которой сопоставляет цены Демидова и других заводчиков:

И з д е л и я	На заводах Нарышкина (1674)	На заводах Меллера (1695 г.)	На Тульсь заводе Демидова (1701 г.)	На Верхотур- ском заводе Демидова по указу 1702 г. (без олова)
	(в копейках за пуд)			
Железо связанное и прутковое	50	45	35	35
То же в нованых досках	90	90	80	80
Ручные гранаты	10	10	5	5
Гердыши	15	—	15	—
В литых пушках	—	30	30	30
В ядрах и плитах	—	25	15 ¹ / ₂	—
В больших всяких гранатах	—	30	15	—
Ядра	—	—	12 ¹ / ₂	—

³⁵ Под иноземцами здесь разумеют заводчиков: Меллера и др.

ему, Никите, для того мы, в. г., отдать указали, что нерадением и многими сварами и крамолами приставников чинилось тому доброму и полезному делу остановка и уездным людям премногая тягость» и заводу угрожало «совершенное разорение, потому что говорить учили, что и плотину переносить на иное место». Этот первый довод состоял, таким образом, из указания на неудачи строительства. Второй причиной выдвинуты были военные обстоятельства и повысившийся в связи с войной спрос на железо. Демидову поручалось умножить заводы, он должен был также обучать русских людей на тех заводах всякому мастерству.

Царский указ был прочитан Демидову в Сибирском приказе, что и было удостоверено соответствующей подписью: «великого государя именной указ тулеин Никита Демидов слышал; по его велению работник ево Григорий Садовников руку приложил».

Привилегия Демидова явилась, таким образом, результатом: словесного челобитья Демидова 10 февраля, записанного в Сибирском приказе, вторичного допроса относительно провозных цен до Твери, Ярославля и других городов и допроса 3 марта о возможности производства лат, бердышей и шишаков и о ценах на кровельное железо. После доклада Петру был составлен соответствующий указ 4 марта 1702 г. о передаче завода, который и был «сказан» в Сибирском приказе Демидову.

Из этих отдельных частей был составлен проект грамоты. Однако в представленный проект был внесен еще ряд вставок, добавлений и редакционных поправок, и в этой второй редакции указ о передаче Невьянского завода Демидову был отправлен 8 марта в Тобольск М. Я. Черкасскому и в Верхотурье к воеводе Козьме Козлову. Он сохранялся в копии в вотчинном архиве Демидовых в качестве важнейшей «хартии», на которую потомки Демидова продолжали ссылаться и сто лет спустя; имеются копии указа и в делах Берг-коллегии, и в других рукописных сборниках и материалах, как Портфели Миллера и др.

Из поправок, внесенных в окончательную редакцию указа, отметим вставку, содержащую подтверждение повинности государственных крестьян выполнять вспомогательные заводские работы и признание за Демидовым права «принудить» к этому посланных к нему крестьян: «И за дрова и уголье и воску платить ему мужикам по тем же ценам, как в ево уговоре написано. А буде мужики учнут противиться и покажут в том свое упрямство, и их к воске и сечке дров принудить, чтобы тех заводов не остановить и не привести в разорение. А деньги им у него, Никиты, имать по тем же ценам, как писано выше сего...» Другая вставка также усиливает права Демидова над крестьянами: «а крестьянскую работу буде им для заводской работы была в чем льгота и наши в. г. пашни или какие с них поборы отставлены, и то выложу, особ писать о том к Москве в Сибирский приказ». Из других вставок, сделанных в последний момент, отметим запрещение продавать железо и оружие «татарам и уездным иноземцам» и указание, что дела об убийстве должны рассматриваться в Тобольске, «а по розыску чинить по Уложению». В конце указа, где говорится о нерадении приставников, как об одной из причин передачи завода, добавлено указание на «времени медление», т. е. затяжку ими строительства.

Эти вставки показывают расположение правительства к Демидову и расширение его прав за счет усиления эксплуатации крестьян.³⁶

Но если сравнить последующую часть указа с его началом, т. е. с челобитьем Демидова, легко заметить, что правительство далеко не пол-

³⁶ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, л. 147—147 об.

ностью удовлетворило его условия, не по всем пунктам пошло ему навстречу. Вопреки просьбам Демидова в указ не было включено право покупать крепостных крестьян. Как бы взамен этого уже после утверждения указа царем Сибирский приказ вставил в последнюю редакцию указание на право заводчика «принудить» крестьян к возке и сечке дров, о чем первоначально в указе не говорилось. Но при этом подчеркивается обязанность оплачивать эту принудительную работу в установленном размере. Перевозка железа с завода к пристани также должна выполняться местными крестьянами («уездными людьми»). Однако сплав по Чусовой, Каме и Волге должен проводиться Демидовым «своими людьми».

В соответствии с феодально-крепостническим строем Демидову предоставлено право суда и наказания мастеровых и работных людей, кроме дел об убийстве, разбое и краже. Указ запрещает ему обижать работающих у него государственных крестьян: «а нашим в. г. слободским крестьянам никакой обиды ему чинить не велеть». Демидов и заводские рабочие находятся в ведении Сибирского приказа.

Этот указ не говорит о приписке крестьян к заводам для регулярной работы, в нем идет речь лишь о работе на заводе крестьян, мобилизованных властями и в порядке государственной повинности направляемых на заводы для сечки дров, перевозок и т. п. Демидов должен оплачивать их труд деньгами. Так именно протекала стройка Невьянского завода — при помощи посылаемых на завод воеводской властью крестьян; то же самое имело место и в первое время после передачи завода Демидову, когда для рубки леса, перевозок и т. п. присылались к нему местные крестьяне. Но здесь нет еще приписки определенных слобод и деревень для регулярной ежегодной работы, как это будет происходить впоследствии. Указ, напротив, говорит о наемных людях на заводской работе. Демидову пришлось вскоре после этого снова добиваться приписки крестьян ближайших селений.

Труднее поддается выяснению вопрос, было ли предоставлено Демидову право покупать крестьян. Когда он это право получил? Он просил правительство позволить ему покупать крепостных, но в именном указе 4 марта 1702 г., в его резолютивной части, такого разрешения нет, и это, конечно, не случайно. Очевидно, правительство не дало этого разрешения, предоставляя Никите Демидову действовать наемными людьми и местными крестьянами. Между тем в отношении Тульского завода Демидов еще год назад получил право покупать и крестьян и земли. Включение в грамоту о пожаловании завода челобитья Демидова с этой просьбой могло быть истолковано в желательном для заводчика смысле. Имеется указание, что Демидов так и хотел истолковать этот указ. В 1720 г. Демидов купил у графа Головина с. Фокино в Нижегородском уезде на берегу Волги. Здесь у него был позднее железный завод, и отсюда он вывозил крестьян на уральские заводы. Покупка была произведена еще до выхода знаменитого указа 18 января 1721 г., разрешавшего «как шляхетству, так и купеческим людям к тем заводам деревни покупать невозбранно», хотя с известными ограничениями, именно с тем, чтобы крестьяне всегда оставались при заводе. В связи с нахождением в этой вотчине беглых крестьян приказчик Демидова давал объяснения в Берг-коллегии. Для подтверждения своих прав он ссылаясь при этом не только на закон 1721 г., но и на указ 1702 г. о пожаловании Демидову Невьянского завода. Приказчик заявлял, что его господин комиссар Никита Демидов купил в 1720 г. у графа Головина с. Фокино с деревнями и «взял у него, графа, при Санкт-Петербурхе купчую со всякою очисткою, и обнадеясь на тое купчую и на именные е. и. в. указы, первое по данному господину ево Демидову из Сибирского приказу в 702-м году, что велено ему, в русских городах у вот-

чинников покупая крестьян, перевозить и селить на сибирских Невьянских его железных заводах для размножения и обучения заводского мастерства и отправления военных и протчих припасов, второе по состоявшему в сенате генваря 18 дня 721 году, что велено как шляхетству, так и купечеству для размножения заводов деревни покупать невозбранно».³⁷ Может быть, эта ссылка на закон о праве купечества покупать деревни, вышедший после произведенной сделки, свидетельствует о шаткости прав Демидова. Вместе с тем он желал (скорее неправильно) опереться также и на свою привилегию 1702 г. Но в ней, как указано выше, содержится лишь просьба Демидова дать ему право покупать крестьян. Демидов мог сослаться лишь на факт включения своей просьбы в этот указ.³⁸

Первые земельные приобретения Демидова происходили в 1700—1709 гг., они были невелики и ограничивались Тульским и ближайшими к нему уездами. В 1700—1702 гг. пятью покупками он приобретает в Крапивенском уезде в дер. Понарыной от разных владельцев 35 четей и 14 д. м. п., оцененных всего в 90 р. 80 к.; в 1707 г. в том же Крапивенском уезде Демидов купил у Хрущовых 30 четей пустой земли за 72 р. 35 к.; в 1710 г., в Тульском уезде — 5 четей пашенной земли за 10 р. 28 к. Эти покупки могли быть сделаны на основании приведенного указа 1701 г., которым разрешалось покупать деревни и крестьян к его Тульскому заводу. Только много позже делаются новые приобретения, более крупные: сначала тоже поблизости от Тулы, а затем и в отдаленных уездах. В 1718 г. в Старогородищенском стане, в Тульском уезде, куплена им пустошь Кистенка — 304 чети, со всеми угодьями и с мельницами; здесь был построен Демидовым новый завод. В 1720 г. в Нижегородском уезде куплено у графа Головина с. Фокино с деревнями — 3388 четей и 2668 душ за 33 045 руб. Об этой крупной покупке и шла речь выше; за ней последовал в 20-х годах ряд других приобретений.³⁹ Таким образом, в течение первых двух десятилетий XVIII в. Демидов имел купленные деревни лишь в Тульском и в соседнем — Крапивенском уездах и только с 1720 г. перешел к крупным приобретениям в других районах. Для этого повнадобились хлопоты с его стороны и ссылки на указы, в том числе и на указ 1721 г. о праве заводчиков на приобретение деревень и крестьян. Все это скорее указывает, что он не получил этого права в полном объеме по указу 1702 г., за исключением еще раньше предоставленных ему прав покупать земли и крестьян к его Тульскому заводу.

В указе 1702 г. обращает на себя, таким образом, внимание неполное удовлетворение пожеланий Демидова. Надо отметить, кроме того, некоторую неопределенность условий, на которых передается завод; не сказано, имеет ли Демидов право продать завод; подчеркиваются обязанности Демидова относительно поставки военных припасов по определенным ценам и в определенные пункты; устанавливаются цены, но не содержится точных указаний о порядке и размере поставок. Затем правительство настаивает на производстве уклада, стали, шпаг, лат, хотя Демидов в своем челобитье заявлял, что их не делает.

Петровское правительство выступает здесь с широкими задачами. Оно ставит перед Демидовым цель — содействовать расширению заводов

³⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, л. 600.

³⁸ М. Мартынов в статье «Уральская промышленность в эпоху Петра Великого» (Исторический журнал, 1944, № 9, стр. 19) считает, что Демидов в 1702 г. получил право приобретать крепостных, но может привести лишь отмеченное место привилегии 1702 г., т. е. его челобитье.

³⁹ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95. О разделе наследства Акинфия Демидова 1757 г., л. 386 сл.

для обеспечения страны отечественной продукцией, чтобы освободиться от ввоза.

Если сравнить эту демидовскую привилегию с жалованными грамотами Марселису, Акеме и Меллеру, следует прийти к выводу, что Демидов получил меньше, чем эти привилегированные заводчики XVII в.; к тому же их права и обязанности формулированы были более отчетливо, жалованные грамоты их были значительно более разработаны. Там правительство обеспечило за собой определенное количество продукции, более подробно регламентировало цены, предоставляло им безблочное владение заводом на определенный, обычно 20-летний срок, после которого заводчики-иноземцы должны были вносить по 100 руб. в год с каждой домны. При этом права заводчиков были шире и установлены точнее: к заводам приписаны были в XVII в. целые волости, которые перечислены в жалованных грамотах, тогда как Демидову не были переданы крестьяне. Прочие заводчики в XVII в. получили право свободной продажи излишков продукции и право вывоза за границу и притом право беспошлинной торговли, между тем об этом ничего не сказано в пожаловании Демидову.

Однако в привилегии Демидова и в жалованных грамотах заводчиков XVI в. имеются и общие черты: изъятие из суда местных воевод и передача завода в ведение центрального ведомства; право на труд местных крестьян, хотя и не в столь определенной форме, без приписки; право свободной продажи излишков сверх казенных поставок. Эти общие черты как бы перешли к Демидову из предыдущего периода; в остальном ему еще предстояло, после многих усилий, добиться от правительства не менее широких льгот. Борьба за расширение прав и преимуществ Демидова началась, можно сказать, почти тотчас после пожалования.

Демидов обещал поставлять в казну железо и военные припасы по ценам более низким, нежели цены Нарышкина и Меллера, тульский заводчик выступал в качестве конкурента этих привилегированных предпринимателей. В конкуренции при помощи низких цен можно усматривать новые хозяйственные методы. Хотя правительство прибегало к торгам при поставках пороха, но влияние конкуренции на снижение цен при этом совершенно не было заметно; даже после того как в 1707 г. «уговорщики сбили цену пороха до 2 р. 60 к., тем не менее заводчик Стельс продолжал ставить порох по прежней цене 2 р. 90 к.⁴⁰ В середине XVII в. шведский агент в России де-Родес упрекал русских купцов в том, что они оставляли в Архангельске в течение пяти лет партию шелка, не желая продать ее по сниженной цене.⁴¹ И. Т. Посошков рекомендовал продажу русских товаров иноземцам лишь по высоким, «двойным», ценам и даже советовал прекратить с ними торговлю на несколько лет, если иностранцы не согласятся на эти цены, т. е. он предлагал действовать так же, как во времена де-Родеса. Посошков был противником конкуренции и во внутренней торговле. Он говорил: «Купцов от чужих лавок не перебивай, а товару своего, аще и добр, не весьма выхвалявай».⁴² Меркантилисты Западной Европы, подобно Посошкову, также были сторонниками высоких цен и противниками конкуренции;⁴³ в хозяйственных кругах Западной Европы того времени признавали недопустимым сбивание цены, «ловлю покупателей» и рекламу. В свете этих данных конкуренция Де-

⁴⁰ Бранденбург. Цит. соч., стр. 121.

⁴¹ Де-Родес. Донесение о русской торговле.— Чтения Об-ва истории и древн. российских, 1915, кн. 3, стр. 161.

⁴² И. Посошков. Завещание отеческое сыну, изд. 2-е, СПб., 1893, стр. 157.

⁴³ Е. Нескшег. Merkantilismus, Jena, 1932. Bd. II, S. 205—208 (перев. со шведского).

мидова, назначение им сниженных цен, является, повидимому, новаторским шагом в хозяйственной жизни. И позднее, как увидим, он держался тех же присмов: бил своих привилегированных конкурентов низкими ценами на свои изделия.

Но вопрос о ценах не был решающим при пожаловании Демидову завода, во всяком случае не был единственным условием; столь же, если не более важной, была проблема увеличения производства, усиления военной продукции, увеличение выпуска артиллерии и снарядов и выработка для этого лучших сортов железа («не хуже свицкого»), выплавка стали, уклада и меди. Эта продукция должна была в военных условиях производиться в крупных, на масштаб того времени, можно сказать, в массовых размерах. Тотчас вслед за указом о переходе Невьянского завода Демидову идут к нему из Сибирского приказа предписания по отливке сотен пушек, тысяч ружей и снарядов. Тем самым принимала конкретные очертания основная мысль указа Демидову — мысль об увеличении выпуска продукции. Первые заводы были построены; теперь они должны были по заданию правительства быстро, в большом количестве и по низким ценам давать металл, орудия, ружья и снаряды для ведения войны. Передача завода Демидову была связана с обширными планами развития русской металлургии и военной промышленности, как это будет показано ниже.

Остановимся еще на одном эпизоде. Сибирским и тобольским митрополитом короткое время состоял Дмитрий (будущий знаменитый ростовский митрополит). Он старался освободиться от этого тягостного для него назначения и был назначен в Ростов вместо Тобольска. Ожидая этого назначения, он с 23 марта 1701 г. по 4 января 1702 г. провел в Москве, в Чудовом монастыре. Здесь его посетил Никита Демидов с сыном. Митрополит напутствовал Демидовых стихами, которые были вырезаны на иконе, подаренной им Никите и сохранявшейся еще в XIX в. в Нижнетагильской церкви.⁴⁴

Этот эпизод свидетельствует, что Демидов был человеком хорошо известным, так как едва ли митрополит дарил бы икону и писал стихи простому кузнецу, каким представляли Демидова его прежние биографы. Но важна и другая черта. Дмитрий называет себя в виршах тобольским архиереем, значит посещение Демидова могло состояться до его назначения в Ростов, т. е. до января 1702 г. Следовательно, это происходило еще до пожалования Демидову Невьянского завода. Демидов мог просить благословенья у митрополита еще до того указа, может быть, даже в надежде на его ходатайство перед властями. Следует вспомнить отмеченное выше указание на переговоры Демидова с Сибирским приказом о постройке им завода еще в 1697 г. Эти указания свидетельствуют о давних и прочных сношениях правительства с Демидовым, что привело к мартовскому указу 1702 г. о пожаловании ему Невьянского завода.

Подытожим приведенные нами данные. Никита Демидов принадлежал к богатой верхушке тульских оружейников, имел под Тулой завод, основанный в 1696—1697 гг., рано стал известен Петру и с самого начала заводского строительства на Урале уже вел переговоры о своем участии в нем и переезде на Урал. Пожалование ему Невьянского завода лишь отчасти может быть объяснено неполадками и неурядицей на заводе; скорее это был лишь последний толчок к давно уже решенному делу — к еще раньше предполагавшемуся участию опытного тульского заводчика в уральском строительстве. Правительство ставило при этом широкие задачи, имея в виду расширение военной промышленности.

⁴⁴ Вирши приведены у Шишонко (Пермская летопись, V период, ч. 2, стр. 643).

2. ПЕРЕДАЧА НЕВЬЯНСКОГО ЗАВОДА НИКИТЕ ДЕМИДОВУ

На другой день после «сказывания» Демидову петровского указа о пожаловании нового завода, 5 марта 1702 г., Сибирский приказ извещал верхотурского воеводу о скорейшей, без всякой помехи, передаче завода новому владельцу. При этом воеводе выражалась благодарность: «Вас, стольников наших и воеводу Козьму Петрова [Козлова] с товарищи, мы, в. г., похваляем»; в качестве награды было обещано разрешить ему скорый проезд в Москву. 18 марта воеводе снова была выслана грамота об отдаче завода Демидову с похвалой за присылку в Москву железа и за то, что «заводы на-ходу учинили».⁴⁵

В Москве, следовательно, были довольны деятельностью воевод, как верхотурского, так и тобольского, несмотря на ту резкую оценку строительства Невьянского завода, какая была выражена в указе о пожаловании его Демидову. Это показывает также, что не столько эти трудности и неполадки на заводе явились причиной перехода его из казны, сколько главной причиной было расширение производственных планов правительства и желание привлечь для их осуществления предприимчивого тульского заводчика.

Грамота верхотурскому воеводе Козлову от 18 марта 1702 г., только что упомянутая, связана со следующим обстоятельством. Воевода, ничего еще не зная о передаче Невьянского завода, велел 22 февраля управляющему Невьянским заводом Семену Викулину выехать с работными людьми к Магнитной горе, чтобы взять образцы руды, согласно предписанию из Москвы. Они стали рыть гору глубоко «дудками» на 3—4 сажени, по выражению воеводы, «по-московски, как на заводах водится», однако встретили воду и камень и взяли руду с боков и с верху горы. В Москву было отослано 10 п. 35 ф. магнитной руды. Характерно, что на восток переносили приемы устройства рудников, принятые на заводах центра, и на Урале стремились работать «по-московски». В это время на заводе отмечалось, что «у железного дела работа мала», и мастеровые объясняли это тем, что «мочи их нет», так как они «оскудали и обдолжали и наги и босы», и воевода Козлов должен был выслать для уплаты им жалованья 100 руб.⁴⁶

Между тем в Москве тотчас же после пожалования началось уточнение заданий новому заводчику на ближайшее время. Демидов стал готовиться к отправке своих работников. Он запрашивал Сибирский приказ, «лить ли ему на тех заводах пушки и, вылив, где и кому ставить». Тогда же, 5 марта, была сделана Винусом помета, что «даден Никите указ, чтобы он лил пушки, можары [мортиры. — В. К.] и делал фузей по московским образцам и отправлял их к Москве». На основе этой пометы была составлена в приказе «память», в которой предписывалось Демидову отлить по 40 пушек 5 различных калибров, т. е. всего 200 пушек и по десятку из них послать к Москве (остальные предназначались для Тобольска); приказано было также сделать 10 mortir и тысячу фузей с замками и станками и приготовить 100 пуд. кровельного железа.

Месяц спустя, 4 апреля была отправлена грамота на Верхотурье к воеводе Козлову, вскрывающая обширные планы правительства в отношении Невьянского завода. На следующий день такого же содержания «память» была послана Демидову. В ней указывалось, что на Невьянском заводе (последнее название с этого момента все чаще заменяет прежнее наименование его — Верхотурский завод) надо отлить 200 пушек с ядром

⁴⁵ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 49, л. 165—175.

⁴⁶ Там же, л. 174—175.

18 фунтов и 200 пушек 12-фунтового ядра, «а буде мочно и больше», ко всякой пушке надо сделать по 1000 ядер. Они должны быть доставлены к Москве, или куда будет указано, «в предбудущую весну по полой воде без всякого отложения и мешкоты». Таким образом, срок выполнения наряда устанавливался на весну следующего, 1703 г. Для выполнения этого задания на заводе должна была быть отстроена вторая домна и надо было заранее готовить суда для отправки пушек водой. Заказ был затем еще более увеличен, и на Невьянский завод посланы были 4 чертежа пушек. Одновременно на Каменский завод также отправлены 8 чертежей пушек меньших калибров (от 8- до 3-фунтовых).

Вместе с чертежами и с милостивым словом верхотурскому воеводе была отослана «образцовая фузея с багинетом» (т. е. ружье со штыком). Ее прислал незадолго до того, 28 марта, в Сибирский приказ Демидов, сделав ее из железа, полученного с Урала, позднее (6 мая) он представил еще 2 фузеи. Почти одновременно (30 марта) доставили фузею, сделанную также в виде опыта из уральского железа на подмосковном заводе Избранта, но ее не отослали на завод, как демидовскую, а лишь положили «в верхних полатах» Сибирского приказа.

Заслуживает внимания, что из центра посылали не только задания, чертежи и образцы ружей, но и попрежнему отправляли рабочих. Демидов усиленно высылал небольшими партиями мастеров из Тулы, со своего Тульского завода; одновременно правительство, со своей стороны, также посылало мастеров, русских и иностранных, на Каменский завод. Передача Невьянского завода еще усилила этот поток по сравнению с предыдущим периодом. Шесть дней спустя после указа о пожаловании, 10 марта, Демидов просил о подорожной для работников, которых он собирался послать на завод. Через месяц после этого Демидов прислал из Тулы для отправки в Сибирь двух мастеров, пушечного мастера Степана Баташева и доменного строителя Степана Трегубова — для постройки второй домны и пушечной вертельни на Урале. Демидов писал, что пока будет строиться домна, эти мастера смогут отливать ядра. Мастера должны были, как водится, дать о себе сведения в Приказе артиллерии. Оказалось, что Степан Баташев уже имел опыт по отливке пушек, бомб и ядер, работая на тульском заводе Демидова, и «ныне может лить всякие пушки по чертежам и размер пушечный знает». Степан Трегубов также был «искусен к строению домен и в литье пушек, бомб, ядер и гранат по чертежам и образцам». Они договорились с Демидовым об оплате их труда: пушечный мастер должен был получать 45 руб. в год, доменный — 40 руб. Хотя на Тульском заводе Демидова не делали мортир и гаубиц, но сын его Акинфий знал в совершенстве мортирное и пушечное литье, и по его приезду на заводе предположено было поставить и это производство. Однако нужны были еще токарный мастер и специалист по лужению пушек, которых на Тульском заводе Демидова не было.

Таким образом, передача завода должна была даже усилить передвижение квалифицированных мастеров из Тулы на Урал. Сибирский приказ считал необходимым наряду со второй домной строить также пиловальню для отделки пушек, чтобы их «пиловать водой», т. е. при помощи водяного колеса. На Невьянский завод надо было отправить также 10 пуд. железной проволоки, 100 пуд. шерсти, 50 пуд. говяжьего сала, 10 пуд. черной смолы и 50 пуд. пеньки — все это требовалось для форм и приспособлений для литья пушек.⁴⁷

⁴⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром. д. № 47, л. 185—186 об. Отчетливое представление о технике литья пушек дает статья Н. Бакланова в сб. Н. Бакланов, В. Мавродин, И. Смирнов. Тульские и каширские заводы в XVII в., М.-Л., 1935.

Эти предложения и заявка Н. Демидова, сделанные им в Сибирском приказе, показывают, что передача завода в частные руки вовсе не означала устранения правительственных органов от руководства заводом. Новый владелец получает заказы на определенную продукцию, носящие характер скорее предписаний или приказаний. Так, ему предписано (или во всяком случае с согласия правительства владелец намерен расширить завод) выстроить вторую домну, вертельную и пиловальню, он должен прислать в приказ мастеров, которых он направляет на завод, и в приказе допрашивают этих мастеров и проверяют их производственную годность. Со своей стороны, Демидов сообщает о недостающих ему мастерах и просит снабдить его необходимыми материалами. Это вмешательство правительственных органов в деятельность переданного из казны завода, система покровительства и опеки являются характерными чертами эпохи. Эти методы были первоначально выгодны новому владельцу, но затем он постарается освободиться от некоторых проявлений властной опеки, по крайней мере, от опеки со стороны местного воеводы; покровительство центрального правительства Демидов, однако, сохранял, так как нуждался еще во многом, что мог получить только от казны.

Демидов должен был выехать на Невьянский завод с мастерами, работными людьми и с их семьями. В начале мая 1702 г. он прислал в Сибирский приказ челобитье на имя государя, где сообщал: «Я, холоп твой, на те Верхотурские заводы ехать ныне готов». Он просит о подорожной, о гребцах, лошадях, подводах и пище на дорогу и сообщает, что с ним поедут 20 мастеров с семьями. Путь идет до Казани водой, оттуда до Верхотурья отправляются сухим путем. До Казани должны плыть в одном струе, а оттуда до завода поедут сначала на 40 подводах, затем на 50. Демидов просит Сибирский приказ о предоставлении ему плотников, работных людей и землекопов из местных сибирских жителей, которые должны будут работать на заводе попеременно по 100—200 чел.

В эти приготовления к отъезду нового владельца, в неторопливую ведомственную переписку о будущей продукции внезапно врывается, подобно буйному ветру, стремительная воля Петра I. Он прежде всего предписывает более короткие сроки для отливки и сдачи пушек и требует немедленного приступа к делу. С этого слова начинается указ 26 мая 1702 г.: «Великий государь указал послать немедленно свои в. г. грамоты в Тобольск к боярину и воеводе и к дьякам и на Верхотурье железные заводы, чтоб однолично у железных пушек прибыли велели лить четвероугольные, а самые пушки по прежнему выливали круглые...» Устанавливались определенные сроки: «И приготовить литье к августу месяцу в малых пушках, или бомбах или гранатах литье, а кованное в прутьях и стволах и в укладе или стали, чтоб от того опыту мочно знать, каковое то железо и лутче ль или плоше того, что ис простой руды...» Далее предписывалось выковать «на образец» две пары пистольных стволов, сделать из березы пистолетные станы и «замки шкотские» и выковать на образец доску, латы и шишак. Эти приказания относились не только к Невьянскому заводу, но были повторены также для Каменского завода.⁴⁸ Указ был послан к воеводам в Тобольск, а также отдан Никите Демидову. Петр I, таким образом, сам входит во все детали дела, и прежде всего требует скорейших сроков — пушки должны быть отлиты и высланы в Москву уже в августе 1702 г.

От Демидова потребовали безотлагательного выезда на завод, тем более, что летом намеревался отправиться на Урал для осмотра заводов

⁴⁸ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. 47, л. 195—196 об.

начальник Сибирского приказа А. А. Виниус, и Демидов должен был быть к тому времени на заводе. Демидову было направлено 5 июня 1702 г. следующее предписание: «Как к тебе ся память придет, и ты б, взяв на Туле мастеров фузейных добрых, ехал в Сибирь, не мешкая ничего, чтоб там до приезду думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса наделать фузей добрых число большое и по образцам и чертежам вылить сколько цушек возможно». Отъезд Виниуса был назначен на 12 июня, и Демидов должен был там «за многое время» до того и «показать немалое раденье» в производстве железа и оружия. Ему вновь настойчиво напоминают 16 июня, чтоб он без промедления выехал на заводы, и в случае невыполнения грозят опалой, наказанием и «разорением пожитков без всякой пощады».

Но Демидов не выехал: его задержали новые поручения правительства. В тот же день, 16 июня, он прислал в Оружейную палату в качестве образца еще две фузеи, сделанные из сибирского железа, которые также давно требовал с него Сибирский приказ. Фузеи отлично выдержали испытание и даже превосходили по качеству иностранное оружие. Они были «свидетельствованы и простреливаны» мастерами оружейного дела, которые сказали, что «те стволы мастерством с лица против немецкого доброго ружья [т. е. одинаковы с немецкими.— *В. К.*], а внутри чищены и правлены на струну и немецкого направленного ружья лутче, потому что немецкого ружья нутря неправильны. А замки против немецких добрые работы замков во всем сходны, а станки краскою подведены против немецких же, а работою лутчи и немецких по тому места, где кладетца шонпол, пространнее, и шомполы толстые, а не тонкие, и к военному делу немецких шомполов в набивке надежнее. И по пристреле те стволы ничем не вредились, и приборы у тех фузей мастерства доброго и в винтах надежны, потому что не мелки, а весом те фузеи стволы по шти фунтов) (со станком и прибором весом 9 фунтов). Демидову предложено было теперь делать фузеи с «нарежными» шомполами, по высланным образцам. Через три дня, 19 июня, Демидов вновь прислал два ружейных ствола, они тоже были освидетельствованы и пристрелены и также оказались «надежны». 30 июня Демидов прислал стволы работы «новоприписанного» мастера, и тот оказался «надежным и мастерства доброго».

С этим связано было новое поручение Никите Демидову; тульская Оружейная слобода обязана была сделать 8 тыс. фузей с замками и станками по иноземным образцам, однако староста Петр Федоров с товарищами выполняли это поручение медленно и плохо, давали ружья кривые, непрочные и не соответствующие образцам; тульские багинеты пришлось даже переделывать в Москве. В этих недостатках оказался виновен староста своим «неусмотрением», так как он вместе с другими богатыми тульскими кузнецами сами ружья не делали, а заняты были скупкой их у кузнецов по дешевой цене; они только ставили свои клейма и сдавали ружья в Оружейную палату, получая с них большую прибыль.⁴⁹ Обо всем этом правительство узнало из доношения Никиты Демидова, и присланные им образцы ружей также послужили «для обличения в неправости старостинных с товарищи подрядов». Результатом доношения Демидова явился указ из Оружейной палаты за подписью дьяка Алексея Курбатова, знаменитого первого «прибыльщика», сделавшего карьеру благодаря предложенному им проекту введения в России гербовой бумаги. Никите Демидову поручалось по этому указу осуществление казенного подряда

⁴⁹ Ср. с этим приведенные выше данные (стр. 37) об организации работы тульских кузнецов и классовом их расслоении по документам 1713 г. из «Докладов и приговоров Правит. Сената».

в обход старосты тульской Оружейной слободы и даже с подчинением его Демидову. «Великий государь указал тебе, Никите, — писал Курбатов из Оружейной палаты, — выбрать к себе в помощь из лутчих оружейных дел мастеров трех человек, без всякого порока ведомых». Демидов должен был раздать тульским мастерам железо и деньги, записать все это в книги, учесть, сколько уже сделано ружей в счет подряда в 8 тыс., а «достальные фузеи роздать тебе, Никите с товарищи, в дело мастерам прежним и ново-приписным мимо старосты и ево товарищей»; делать их следовало «со всяким поспешением по присланным образцам».

Из этого указа мы получаем ценные сведения об организации тульских оружейников. У них практиковалась скупка оружия богатыми кузнецами для сдачи их в казну. Власти предлагали организовать раздачу кузнецам материалов на дом для выполнения подряда. Такого рода раздаточную контору с мирским подьячим и тремя помощниками из кузнецов и должен был организовать Никита Демидов. Для выполнения подряда и в целях расширения производства он должен был пересмотреть мастеров и отдать молодежь в ученье лучшим мастерам. Все это делалось в порядке повинности, принудительно, как для тульских кузнецов, так и в отношении Демидова. Староста Оружейной слободы Петр Федоров с товарищами обязан был «во всем быть послушным и чинить помощь» Никите, под угрозой вечной ссылки их в Азов. Демидов должен был заботиться обо всем, «не боясь своей братьи». ⁵⁰ Перед нами пример мануфактуры в виде работы на дому кустарей, очевидно, явившейся предшественницей будущего казенного оружейного завода (1712 г.), который был организован также в виде рассеянной мануфактуры. Гамель передает кое-какие отрывочные сведения об этом или, может быть, более раннем аналогичном задании Демидову. ⁵¹

Два месяца спустя, 3 августа 1702 г. Демидов извещал Сибирский приказ о том, что он выбрал в Туле трех человек для наблюдения за порученными ему оружейниками, переписал новоприписанных кузнецов, роздал их в обучение опытным мастерам и распорядился делать ружья по присланным образцам. Он сообщал также сведения, полученные им с Урала: посланный им для приема завода приемщик Емельян Ксенофонов приехал на Верхотурье еще 2 мая и принял 13 мая Невьянский завод «на ходу», т. е. в действии. Он отмечал, что там имеется ряд недостатков: на заводе нехватает материалов, плотинный мастер хочет уйти с завода, воевода не пропускает в Сибирь «гулящих людей», из которых можно было бы набрать работников, за недостатком угля остановилась домна.

Демидовские мастера Баташев и Трегубов были отправлены на Урал в конце апреля вместе с партией других мастеров, предназначенных для Каменского завода. Кроме того, выехали также пушечные литвы Петр Харитонов и Никита Пантелеев и четверо пушечных учеников. Они посылались для работы на обоих заводах, Невьянском и Каменском, им предписывалось «быть на тех заводах пополам». ⁵²

Вместо себя за недосугом Демидов отпустил 13 июля на Урал сына Акинфия. Только в начале августа он и сам мог выехать на завод. ⁵³ С ним выехало несколько мастеров.

Н. Демидов отправил на Урал приказчика и первую партию работников в марте; в апреле выехали два мастера — доменный и пушечный; в июле выехал сын его Акинфий Демидов с мастерами, а в августе отпра-

⁵⁰ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 212—217.

⁵¹ И. Гамель. Цит. соч., стр. 32.

⁵² ЦГАДА, там же, д. № 47, л. 250—252.

⁵³ Там же, л. 218—221.

вился на завод и Никита Демидов, также с мастерами. Формирование кадров квалифицированных рабочих первого из демидовских уральских заводов продолжается за счет мастеров с его Тульского завода и за счет тульских ремесленников. Перенесение опыта заводов и ремесленников центра, начатое правительством, теперь продолжается частным заводчиком.

Одновременно с мероприятиями, связанными с передачей Невьянского завода, продолжались заботы о расширении Каменского завода. В декабре 1701 г., как мы видели, на Каменском заводе отлили 3 пушки и 2 мортиры— первые отлитые на Урале пушки, но они оставались несверленными и нечищенными за отсутствием на заводе соответствующего цеха, или «вертельни». Плотинный мастер, уже знакомый нам Петр Павлов, заявлял, по словам тобольского воеводы, что для этого нужны опытные мастера.

В феврале 1702 г. из Сибирского приказа в Тобольск к воеводам идет распоряжение выслать с Каменского завода в Москву зимой или в крайнем случае весной уже отлитые пушки. При этом прибавлено, чтобы лишних мастеров не просили, и вместе с тем сообщалось, что к ним отправлен мастер, иноземец из Курляндии Эрик Депре и укладный мастер Яцов Беляев. Этот приказ о высылке пушек был в точности выполнен. Пушки с Каменского завода пришли в Москву в марте 1702 г., т. е. еще по зимнему пути. Это были первые пушки, доставленные с Урала. Первая уральская артиллерия, присланная в Москву в марте 1702 г., состояла из 5 пушек, еще не отделанных (нечищенных и несверленных), 56 ядер к ним и 2 мортир с 19 бомбами; вместе с ними были присланы 6 ружей и 6 мушкетов.⁵⁴

В Приказе артиллерии каменные пушки и мортиры были освидетельствованы, и их одобрили. Тобольский воевода кн. М. Черкасский тогда же получил похвалу: «Мы, в. г., за те тщательные и прилежные труды и радение, что при таких добрых рудах заводы заведены и для опыту пушки, мортиры, железо кованное и сталь прислано,— милостиво и премилостиво тебя, ближнего нашего боярина и воеводу кн. Михаила Яковлевича, похваляем»⁵⁵. Этим правительство подчеркивало, какое крупное значение придавалось первому выпуску пушек и снарядов с уральского завода.

Пробная стрельба из новых пушек произведена была довольно торжественно, и она подробно описана в записях Сибирского приказа. Испытание состоялось 8 апреля на Пушечном дворе в присутствии думного дьяка Винуса; здесь же были два дьяка из Сибирского и Пушкарского приказов, присутствовали иноземец Карлус Хатуверх, 8 сибиряков, приехавших с пушками, и выборные от Пушечного двора. Из двух пушек стреляли без ядер пыжами, и результаты оказались отличными. «И те пушки от той стрельбы устояли и повреждению никакова не учинилось». Затем опытная стрельба была перенесена в другое место, для испытания ядрами. В тот же день «по указу в. г. ... была стрельба на поле ядрами в мишень». На этот раз было сделано 5 выстрелов из двух пушек; в трех случаях из них ядра попали в мишень, два раза пролетели мимо, а одним выстрелом «убило в правую сторону немчина в руку».⁵⁶

Вернемся к тому, что происходило на Невьянском заводе. Верховтурский воевода 9 мая 1702 г. писал о приезде демидовского приказчика Емельяна Ксенофонтова. Для передачи ему Невьянского завода был послан с Верховтурья дьяк Гаврила Деревнин. Прием завода

⁵⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 47, л. 241—242.

⁵⁵ Там же, л. 247.

⁵⁶ Там же, л. 257.

происходил 20 мая 1702 г., на эту дату составлены «описные и отдаточные» книги с перечислением строений, оборудования, материалов и мастеровых людей.⁵⁷ Это описание представляет интерес в двух отношениях. Его можно сравнить с состоянием Невьянского завода почти год назад, 26 июня 1701 г., когда происходила смена управляющих и Семён Викулин принял от своего предшественника Бибикова строящийся завод (см. III главу). Это сопоставление покажет, какие успехи сделало с тех пор строительство завода. Во-вторых, описание позволяет еще полнее представить долю привозных московских материалов и оборудования, что вместе с присланными из Москвы мастерами и самым типом завода обнаруживает степень зависимости уральского заводского строительства в начальной его стадии от опыта мануфактур и ремесла центра.

После перечисления икон, находящихся в мастерских, описание начинается с большой заводской земляной плотины с вешняками и ларем, через который перекинут по плотине мост. Плотина имеет в длину 101 саж. с аршином, поперек 15 саж., в высоту 3 саж.; около нее стоит караульная изба с волоковыми окнами.⁵⁸

Домна сложена из жженого кирпича с известью; в высоту домна 4 саж., в длину 5 саж., в ширину $4\frac{1}{2}$ саж. В домне «колоша» высотой в $1\frac{1}{2}$ арш. и горн, обложенный чугунными литыми досками; в домну и горн заложены железные сваи «московской присылки». Доменный амбар имеет в длину 13 саж., в ширину 11 саж. В нем вделан в землю большой чан для литья «ратных припасов» в 8 арш. высоты и 8 арш. ширины по дну, над ним помещается «ворот». Под домной имеется вал с 15 железными обручами с шипами, также «московской присылки», с водяным колесом в $4\frac{1}{2}$ арш. в высоту; здесь же находятся мехи, окованные железом, в $5\frac{1}{2}$ арш. В том же доменном амбаре приготовлено место для второй домны; для нее заготовлен камень, сосновый вал и т. п.

На заводе уже выстроены две молотовых. Молотовый амбар имеет в длину 10 саж., в ширину $7\frac{1}{2}$ саж., в высоту 2 саж.; в нем помещается «вал боевой, чем мслот поднимают», с водяным колесом, стан молотовый, при этом молоты и «хомуты» к ним «московской присылки». Затем перечислены: чугунная наковальня весом 41 пуд и «баба», также «московской присылки». В молотовой кроме того находятся 2 горна с высокими трубами, в них железные связи как «московской присылки», так и из железа верхотурской покупки. Пол в молотовой выложен 23 чугунными плитами («досками») весом в 273 пуда. Здесь же имеются 2 мехов с 2 валами, обручи на которых и клинья также «московской присылки»; на этих валах имеются 2 водяных колеса. Вторая молотовая состоит из такого же амбара (10×8 саж.), но она еще не вполне закончена; в ней уже находятся стан молотовый, «на чем молот стоит», а также валы и колеса водяные. Против домны и молотовых расположены 2 угольных сарая и сарай для всяких деревянных припасов и колес, имеются 60 косяков для колес будущей «вертели», т. е. для мастерской, где будут сверлить пушки. Под домнами, сараями и молотовыми забиты сваи при помощи чугунной бабы в 28 пуд., присланной из Москвы. На заводе есть кузница для выковки инструментов ручными молотами, с 3 горнами и 4 кожаными мехами, с наковальнями и прочим кузнечным инструментом; эти кузница и мехи являются ручными, т. е. они не обслуживаются движущей силой воды. Для третьей молотовой, только предположенной в буду-

⁵⁷ Там же, л. 205, 276, 283—308.

⁵⁸ Волсковое окно — маленькое задвижное оконце; в курных избах в него выходил дым; через боковое волоковое окно хозяин мог наблюдать, кто стучится в ворота (Даль).

щем, уже заготовлены валы, брусья, доски, теснина, оследи (длинные бревна).

Невьянский завод в это время дает уже готовую продукцию. На нем имеется чугуны в штыках — 34 278 пуд., и пушки: чугунная пушка несверленная в $2\frac{1}{2}$ арш. длины, весом $19\frac{3}{4}$ пуда и 3 чугунных пушки также несверленных по $1\frac{1}{2}$ арш.

Заготовлены запасы железной руды, дрова, уголь, песок, известь и т. п. материалы. Железной руды имеется 22 842 пуда и 1081 пуд магнитной руды, 150 коробов угля (по 20 пуд.), 33 пуда железа красного, 11 пуд. железа пруткового, 25 фун. стали, 1 пуд укладу, немного проволоки, белого листового железа; есть инструмент: лопатки, напарья,⁵⁹ долота, кулаки, кирки, точила, решетки, коробка плетеные и т. д. Против плотины выстроен «государев двор», где живут приказчики; двор имеет в длину 43 саж. и 22 саж. поперек, на нем 2 избы белых жилых, соединенных сенями, с волоковыми окнами и кирпичными печами; здесь же — ворота решетчатые, изба приворотная, амбар, баня; на заднем дворе — конюшня, изба большая и кладовая для заводских деревянных припасов. На заводе поставлено производство кирпича в 3 сараях, в них имеется 17 500 кирпичей жженных и 31 тыс. необожженного кирпича. При сараях поставлена жилая изба для кирпичных мастеров, 34 станка для кирпичного дела, 34 скамьи кирпичные, 10 ушатов. Для жилья мастеровым людям выстроено 10 изб с сенями и 3 избы для приезда работных людей; для них же построена баня.

В момент приезда демидовского приказчика на Невьянском заводе было 27 человек производственного персонала. Из них 22 человека были «московской присылки», в том числе плотинный мастер Павел Петров, меховые мастера, доменный мастер, молотовые, кузнецы, угольники, «рудники» и др., остальные пятеро были из «гулящих людей», принятых на завод Сем. Викулиным.⁶⁰ В заключение описи сказано, что Невьянский завод «в добром ходу и в целости» передан дьяком Г. Деревниным демидовскому приказчику Емельяну Ксенофонтову.

Сопоставление с предшествующей описью 1701 г. показывает, что за истекший год сделано было много. Тогда еще не было домны, теперь она выстроена и приготовлено место и материал для второй домны. К прежней одной молотовой присоединилась вторая и заготовлен материал для проектируемой третьей молотовой. Было два угольных сарая; построен третий — для деревянных припасов и колес с материалами для будущей «вертели». Надо иметь в виду, что заводское оборудование того времени в значительной степени было деревянным (станы, водяные колеса и т. п.), кроме того, роль цеха по выработке собственных средств производства играла кузница. Значительно увеличилось количество и разнообразие железных инструментов и оборудования — от тяжелых больших наковалов до ломов и клещей. Выстроены жилые избы для мастеров и рабочих; прежние «хоромы» из двух белых изб теперь окружены строениями, забором с решетчатыми воротами и дали начало «государеву двору», где пока живет приказчик, т. е. управляющий заводом. Количество кирпича на кирпичном заводе сильно сократилось против прошлого года, так как он использован на строительство домны, горнов и кирпичных печей.

Обращает на себя внимание наличие собственной продукции — готовых изделий, полуфабрикатов и запасов сырья, что свидетельствует о действующем уже предприятии. На заводе имеется большое количество чугуна в штыках, а также пушки, еще незаконченные отделкой, чугунные

⁵⁹ Напарье — бурав.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, л. 307, 310—313.

плиты, связи и т. п. Заготовлена железная руда, но угля и дров, повидимому, недостаточно. Большое количество леса в досках и бревнах указывает на подготовку к дальнейшему строительству.

О перенесении опыта заводов центра свидетельствует то, что Невьянский завод в 1702 г., принятый Демидовым «на ходу», отличается обилием оборудования «московской присылки»; подавляющее число мастеров и подмастерьев также прислаано из Москвы. Завод в этот момент близок к обычной картине завода XVII в., хорошо знакомой нам по сохранившимся от того времени описаниям каширских, тульских или других заводов центра. Однако новый уральский завод с самого начала был несколько больше, чем каждый в отдельности из 7 тульских, каширских, алексинских заводов Марселеса и Нарышкина, которые стояли близко друг к другу; они были связаны в производственном отношении и не все имели домны, так как чугун с доменного завода поступал в молотовые остальных заводов. Так, Вепринский завод в Алексинском уезде в 1690 г. имел плотину длиной 50 саж., а домны его были такого же размера, как на Невьянском заводе (4 саж. вышины), была на заводе 1 молотовая (8 × 6 саж.), 2 кладовых амбара, 1 кузница и т. д.; мастеров и работников было 19 человек. На Ведменском заводе в Каширском уезде была плотина в 105 саж., т. е. такая же, как на Невьянском заводе, 1 молотовая с 2 горнами и 9 рабочих.⁶¹

При передаче Демидову Невьянского завода к нему переходил значительный постоянный капитал, состоявший как из основного капитала (здания и оборудование), так и из материалов (руда, чугун, известь, строительные материалы). Кроме того, Демидов получил в свое распоряжение рабочую силу в лице 27 производственных рабочих и право на использование труда крестьян.

При этой передаче и тщательной инвентаризации не было сделано оценки всего сданного имущества, но зато власти одновременно со сдачей завода произвели тщательный подсчет затраченных казной денежных сумм. Материалы сами по себе, дерево, руда и т. п., очевидно, не оценивались, и стоимость завода составлялась главным образом из затрат на рабочую силу. Деньги были истрачены преимущественно на оплату труда крестьян; будучи мобилизованы на строительные работы, они работали «из найму», получали наемную плату; мастера и подмастерья, вывезенные из Москвы или нанятые на месте, также получали денежную и отчасти натуральную плату (хлебом). Затраты сделаны были также на покупку в Сибири и в Москве железа и некоторой части оборудования и на покупку хлеба, но основную часть расходов составляла оплата труда по строительству завода.

Общая сумма расходов за два года, с 16 марта 1700 г. по 20 мая 1702 г. на оплату труда и частью на материалы составила 11 887 р. 31 алт. 5½ д.⁶² Эта сумма (11 887 руб.) и должна была явиться долгом Демидова. В жалованной грамоте (4—8 марта 1702 г.) было велено учесть «расходы на дачу мастеровым людям и работникам и возки дров и плотинное дело». В уплату от Демидова следовало зачесть железом и рассрочить ее на 5 лет. Таким образом, можно видеть в этой сумме цену или, вернее, себестоимость завода; она свидетельствует о стоимости всех построек и оборудования, т. е. о сумме денежных расходов казны на строительство. Наименьший расход пошел на оплату производственного заводского персонала. За указанные два с лишком года (с марта 1700 г. по 20 мая 1702 г.) на оплату их «в даче у заводов всяким мастеровым людям» пошло

⁶¹ «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 130, 132.

⁶² ЦГАДА, Д. о горн. пром., ф. 190, д. № 47, л. 309—359 об.

1541 р. 5 алт. 2¹/₂ д. Основной расход составил «наем»; или заработная плата крестьянам, «работникам пешим и с лошадьми и плотникам и кузнецам со всех слобод», работавшим «порозвытно». За этот промежуток времени работало 4635 крестьян, сверх того «жили на заводе и в посылках были» 84 человека и было нанято 1894 подводы, за которые, вероятно, платили отдельно. В книгах припеден расход на оплату крестьянского труда отдельно по каждой из слобод, население которых было привлечено к работам в принудительном порядке. Имеются весьма подробные перечни отдельных рабочих партий, по 3—4 чел., иногда по 20—40 и более, пославшихся на строительство завода, и приводится суммарно по каждой слободе итоговая цифра расхода. Попытка дать сводку этим цифрам сделана мною в табл. 4, однако она неполна, и к полученной нами итоговой цифре 8827 руб. следует добавить оплату отдельно высланных партий людей из Чусовской, Белоярской и других слобод, оплату казаков, а также расход на покупку хлеба, железа и оборудования.

Таблица 4

Крестьяне, работавшие на стройке Невьянского завода, и оплата их (с 16 марта 1700 г. по 20 мая 1702 г.)

Слободы и виды работ	Число человек за весь период	Оплата
Тагильская	510	1014 р. 23 алт. 2 д.
Невьянская	820	1914 » 15 » —
Нипынская	126	350 » — » —
Ирбитская	224	496 » 20 » 4 »
Арамашевская	662	1306 » 11 » 4 »
Белослудская	335	933 » 24 » 2 »
Алтская	265	218 » 20 » —
Краснопольская	243	191 » 15 » 2 »
Белоярская	256	433 » 30 » —
Новопышминская	188	570 » 22 » —
Камышловская	186	571 » 6 » 4 »
Тамакульская	—	— » — » —
Красноярская	243	363 » 6 » —
Верхотурские ямские охотники . .	—	98 » 13 » 2 »
Работники из Краснопольской, Камышловской, Новопышминской и других слобод за 1702 г.	181	247 » 3 » 2 »
Оплата 1894 подвод	—	117 » 8 » 2 »
Итого	4239	8827 р. 20 алт. —

Из общей суммы 11 887 р. 31 алт. 5¹/₂ д. лишь 13% (1541 р. 5 алт. 2¹/₂ д.) было израсходовано на оплату труда заводских мастеров и подмастерьев; почти вся остальная сумма истрачена на оплату строительных работ и транспорта, осуществлявшихся местными крестьянами.

Крестьяне работали небольшими партиями, неравное время, от 2 недель до 2 месяцев. Так, крестьяне Невьянской слободы работали на заводе партиями от 20 до 140 человек (были партии по 4 и по 10 чел.) с 26 апреля 1701 г. сроком от 1¹/₂ мес. и 3 недель до 4 мес. Всего работало 820 чел. и получало от полтины до 40 алт. Это характерный пример внеэкономического принуждения в феодально-крепостнической стране.

В процессе первоначального накопления особенно крупную роль в «превращении общественного богатства в капитал» и в эксплуатации

наемных рабочих играла государственная власть. Маркс говорит, что «на европейском континенте процесс этот с легкой руки Кольбера был еще более упрощен. Первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства».⁶³ Передача Невьянского завода Демидову, с такой подробностью освещенная в изученных документах, позволяет представить, как происходил этот процесс в России, где, так же как и во Франции при Кольбере, средства притекали в руки частного заводчика в значительной мере прямо из государственной казны. Предпосылкой при этом является наличие денежного богатства, на которое можно купить труд, исходным пунктом — «богатство, существующее в форме денег».⁶⁴ И если труд уральских крестьян был принудительным, то все же необходимость крупных денежных средств на его оплату является показателем новых хозяйственных явлений, переплетающихся с феодально-крепостническими отношениями.

Рабочая сила для первых заводов на Урале комплектовалась посредством переселения мастеров из центра и принудительного труда государственных крестьян, т. е. с применением некапиталистических методов наряду со свободным наймом. Указанные методы являются все же методами первоначального накопления, т. е. создания крупного производства во главе с частным предпринимателем, оторвавшим труд от прежних условий и соединившим орудия и труд в мануфактуре при помощи денежного богатства. Этот процесс совершается при содействии казны и в обстановке феодально-крепостнического строя с применением методов внеэкономического принуждения.

В качестве итогов настоящей главы следует также отметить, что Никита Демидов принадлежал к группе богатых и предприимчивых тульских кузнецов; еще задолго до передачи ему Невьянского завода он был известен правительству, ему принадлежал завод под Тулой, он выступает в качестве эксперта при испытании руды и при собирании сведений о заработной плате. Ему поручается провести выполнение правительственного заказа на ружья тульской Оружейной слободы путем раздачи мастерам на дом. Переход к нему уральского завода не был неожиданностью, напротив, он был задолго подготовлен и при этом имелось в виду с его помощью расширить производство для военных целей. Неустройства, имевшиеся первоначально на Невьянском заводе, пока он был казенным, не могли при этом играть решающую роль.

Передача ему Невьянского завода была этапом на том же пути перенесения опыта «русских» заводов, а также их мастеров и оборудования на новые места, на восток, и является показателем перерастания заводов и ремесла центра, в том числе Тулы, в новую уральскую металлургию. Напомню меткое указание В. И. Ленина. Упоминая о Никите Демидове как о «выдающемся тульском кузнеце», Ленин говорит, что из Тулы «промысел переходит на Урал и в Сибирь».⁶⁵

⁶³ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, М., 1937, т. 1, стр. 708.

⁶⁴ Из неопубликованных рукописей К. Маркса.— Пролетарская революция. 1939, № 3, стр. 179.

⁶⁵ В. И. Л е н и н. Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 371.

ГЛАВА V

ПЕРВЫЕ ЗАВОДЫ НА УРАЛЕ И НАЧАЛО УРАЛЬСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

1. ПОЕЗДКА ДУМНОГО ДЬЯКА А. А. ВИНЮСА В СИБИРЬ И НОВЫЕ ПРИБРЕТЕНИЯ НИКИТЫ ДЕМИДОВА

Думный дьяк А. А. Виниус летом 1702 г. отправлялся из Москвы по именному указу «в Сибирь, в Тобольск, на Верхотурье, и с тех городов в уезды для досмотру новопостроенных железных заводов и установления в литье пушечных и мортирных и иных полковых припасов». Отъезд начальника Сибирского приказа (должность, соответствующая в позднейшее время должности министра) был вызван строительством железных заводов; он должен был на месте принять меры с целью усилить и ускорить выпуск артиллерии и снарядов. О том, что делалось в это время на заводах, можно судить по обширному донесению верхотурского воеводы Козьмы Козлова от 14 июля 1702 г., которое уже не застало Виниуса в Москве и было оттуда отправлено ему вслед. Воевода сообщал дурные вести. На Невьянском заводе остановилась домна за отсутствием угля, и новый демидовский приказчик требует добавочных рабочих для заготовки дров и выжига угля. Воевода распорядился выслать из слобод 200 дровосеков и отрядил на завод 60 чел. с лошадьми, заявив при этом, что отныне работы должны идти «за его, Никитины, деньги по договору».

На заводе демидовский приказчик пересматривает мастеров: одним отказывает, других оставляет, и к воеводе на Верхотурье прибыли с Невьянского завода кузнец и плотинный подмастерье с жалобой, что приказчик «не рядился с ними» о работе и выгнал их из избы. Обиженные мастеровые просят обратнo в Москву. Другие сидят на заводе без дела и также, не выдержав, являются к воеводе с жалобой.

Воевода послал из Верхотурья на завод подьячего. Тот должен был проведать, приступлено ли к сооружению второй домны и начали ли работать по высланным московским чертежам. Подьячий по возвращении доложил, что демидовский приказчик, приняв завод «на ходу», т. е. действующим, в тот же день остановил домну, до сих пор не приступил еще к ее починке и намерен строить вторую домну, вопреки указаниям воеводы во всем подобной первой домне, тогда как воевода считает, что стены ее должны быть для прочности сделаны толще, чем у первой; молотовая построена, но в ход не пущена, «вертельня» для сверления пушек остается недостроенной. Приказчик сваливает все на отсутствие искусных мастеров, но власти считают его доводы ложными, так как на завод приехали

новые мастера и приходят наниматься «охочие люди», но их не хотят брать. Прежний управляющий Семен Викулин напрасно пытался уговорить приказчика пустить домну и объясняет его действия лишь глупостью и нерадением. Демидовский приказчик неодобрительно относится к вмешательству воеводы и заявляет, что тот напрасно пишет к нему. На все упреки он отвечает, что заготовка материалов и новая стройка начнутся, когда приедет на завод хозяин, Никита Демидов.¹

Из этого можно видеть, что Невьянский завод и после передачи его частному заводчику не перестал быть предметом усиленного внимания и опеки со стороны воеводской власти. Верхотурский воевода не только пересылал Демидову и его приказчику полученные из центра распоряжения об отливке пушек и попрежнему направлял к нему прибывших из Москвы мастеров, но и сам посылал туда подьячих для контроля и понуждения.

Только с приездом сына Демидова, Акинфия, положение на заводе несколько изменилось, однако столкновения с воеводой продолжались. Акинфий Демидов прибыл на завод 8 сентября, и уже 11 сентября возобновилась работа в обеих молотовых, начала действовать домна; он приступил к строительству второй домны и обещал в отписке к верхотурскому воеводе, что она скоро «поспеет» к литью пушек и других воинских припасов. На заводе, однако, нехватало угля, и Акинфий просил воеводу выслать на завод крестьян на рубку леса. В подтверждение этого требования Акинфий Демидов напомнил, что его отцу было обещано при сдаче завода давать для сечки дров местных крестьян, «сколько на тот завод понадобится».²

Последующий приезд Никиты Демидова, повидимому, оживил строительство, но еще более обострил отношения с местной администрацией. В конце октября 1702 г. Демидовы в донесении в Сибирский приказ подчеркивали свою энергичную деятельность и обвиняли воеводу в стремлении получить с них взятку и в нежелании помочь им присылкой рабочих. В это время была отстроена вторая домна и вторая молотовая, но на заводе было еще много недостатков, тормозивших работу. Литье пушек даже не было еще начато, так как пушечный чан с формами для пушек «поставлен незнаемо каким небрежением, худ». Хотя вторая домна уже была готова, но обе домны и молотовые вскоре должны были прекратить действие за недостатком угля. В этом был виноват, по словам Демидова, верхотурский воевода К. Козлов, не выславший крестьян на заводскую работу. Демидовы заготовили с наемными рабочими лишь 2 тыс. саж. дров., тогда как заводу требовалось 20 тыс. саж. Эта большая цифра так поразила верхотурского воеводу, что ее «поставили в смех и оплошку», соглашаясь обеспечить работниками рубку только 300 саж. дров. Без присылки рабочих заводы должны будут остановиться, и ему, Демидову, «без дела жить будет не у чего». Он сравнивает это затруднительное положение, к невыгоде для Урала, с состоянием его тульского завода: «А на Туле, государь, и скудно лесами, только на тульских у меня заводах купленного угля работать на двое домны и на две молотовые на год будет, и болши». В том же донесении Демидов вновь подтверждает прекрасные качества уральского железа: «из немецких земель такова мяхкова железа никогда к Москве не бывало, да и в чюгуне такова мяхкова железа не слыхано».³

¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., д. № 47, л. 276—281.

² «Памятники Сибирской истории XVIII в.», 1882, кн. 1, стр. 202—203.

³ ЦГАДА, там же, д. № 48, л. 127—128 об.

Виниус выехал с целым штатом подьячих и провожатых, в помощь ему был назначен стольник Алексей Калитин, зять Виниуса, «для рассылки и осмотра и описи в Сибирских городах по разным местам железных руд». Выезд начальника приказа в далекое путешествие потребовал немалых усилий со стороны Ратуши и Ямского приказа для обеспечения их подводами, гребнями и кормщиками. От Москвы до Казани надо было плыть водой на 3 стругах, а в Казани пересаживаться на подводы.

На местах спешно готовились к приезду Виниуса. Так, в Арамильскую слободу было послано в сентябре распоряжение изготовить 250 подвод с проводниками (очевидно, для чередования подвод) и делать мосты и гати на речках, болотах и топких местах в двух направлениях от Арамильской слободы — к Уфимскому уезду и к Верхотурью.⁴

Когда Виниус находился еще в дороге, на р. Чусовой, к нему 27 сентября явился крестьянин Мих. Селин и заявил, что знает залежи магнитной руды у Волчьей горы, вниз по Чусовой. В тот же день Виниус послал туда находившегося с ним стольника Алексея Калитина с рудокопщиками, чтобы снять чертеж. Они взяли 2 пуда руды; гора оказалась на р. Чусовой близ р. Ревды.⁵ С приездом Виниуса оживились поиски руд на Урале. Виниус долго прожил на казенном Каменском заводе, оттуда выехал в Тобольск и затем побывал на Невьянском заводе и в Верхотурье.

На Каменский завод Виниус прибыл, вероятно, 30 сентября, и с 2 октября по 8-е в его присутствии происходили испытания уже отлитых на заводе пушек. В этот момент на заводе имелось 12 304 пуда чугуна, 364 пуда прутowego и связного железа, а также широкого прутья «в московскую посылку» 73 п. 16 ф., четверогранного — 46 пуд., уклада — 76 пуд. и 196 железных криц для выделки уклада, 75,8 тыс. шт. кирпича. Было отлито 70 пушек, из них 23 оставались нечищенными и несверленными. Из остальных 47 пушек была произведена пробная стрельба. Мишень была поставлена в 114 саж., часть выстрелов попала метко в цель, но часть била мимо мишени, вправо или влево, а 3 пушки при стрельбе разорвало.

В какой мере работа Каменского завода была успешной, видно из того, что вскоре после этого, в ноябре 1702 г. и в январе 1703 г., с него будут отправлены в Москву новые партии пушек, мортир и гаубиц. Об этом подробнее я скажу ниже.

Виниус приказал допросить всех мастеровых людей Каменского завода об их личных нуждах, а также относительно числа добавочных рабочих, необходимых на заводе в связи с его расширением и предполагаемым строительством второй домны. Опрошены были 36 мастеров и подмастерьев, в том числе и иноземцы. Все они горько жаловались. «Кормовые» деньги, т. е. заработная плата или не выдавалась совсем или выплачивалась в меньшем размере, чем на «русских» заводах, где они работали прежде. У одних совсем не было жилья и надо было строить избы, у других избы стояли недоделанными и т. д.

Приведем некоторые из этих показаний. Доменный мастер Яков Фадеев прежде работал на Павловском заводе в Звенигородском уезде, под Москвой. Он рассказал, что на Каменском заводе ему платят по 10 денег на день и выдают в месяц осьмину ржи и столько же овса, между тем на «русских» заводах доменный мастер получает 60 руб. в год и 2 четв. хлеба в месяц. Касаясь производительности домны, он указал, что она дает в сутки 2 выпуска по 90—120 пуд. чугуна в выпуск, т. е. 180—240 пуд. за сутки; руды кладут 200 пуд. и 24 короба угля; это вдвое превышает

⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. 48, л. 50.

⁵ Там же, л. 75 об., 80.

производительность тульских заводов, дававших по 100—120 пуд. чугуна в сутки. Указанное количество чугуна в сутки (180—240 пуд.) выходит из 400 пуд. руды, что следует признать отличным показателем.

У плотинного мастера Ермолы Яковлева «работа непрерывная»: он выстроил плотину и делает в момент опроса водяные колеса и чинит плотину; получает 6 денег в день и по 2 пуда муки в месяц, а с 1702 г. жалованье ему повышено до 2 алт. в день и по четверику ржаной муки. Но Яковлев просит платить ему по 2 гривны в день, указывая, что у гостя Владимира Воронина на Павловских заводах он получал по 3 алт. в день и хлебный паек.

Пушечный мастер Петр Харитонов с 2 учениками сделали с приезда на завод с июня по 1 октября 1702 г. 66 пушек, а жалованья еще не получили и просят об уплате денег.

Меховой мастер С. Пахомов, переведенный на Каменский завод с Невьянского, сделал 6 мехов для второго и 3 меха для первого завода и занят теперь починкой мехов. Он получает 40 руб. в год и просит прибавить ему до 100 руб. — столько же, сколько получает на «русских» заводах, меховой мастер. Он хочет также выписать на завод жену, оставшуюся на Верхотурье, и просит дать в помощь ему подмастерье.

Молотовой мастер Дмитрий Бакиш сделал 775 п. 25 ф. железа (в день делает от 8 до 11 пуд. связного железа); ему назначено жалованье по 6 денег с пуда, но заработанных денег он не получил, ничего еще не уплачено ему и за выделку нового молота и за починку, тогда как на «иных заводах» за починку платят по 10 алтын в день.

Молотовые подмастерья заявили, что сделали 100 железных досок для посылки в Тобольск, и просят платить им по уговору по 4 деньги с пуда, хотя за такую работу, по их словам, на «русских» заводах дают по 2 гривны на день. Резчик Дм. Оксенов, приехавший летом, режет к пушкам ручки, гербы, дельфины, получает 4 деньги в день, но лишь в рабочие дни, и просит прибавить кормовых денег. Мастера бронного дела Тимофей и Дм. Юрловы и Ив. Уравнов «зубрят пилы, да к пушечным запалам сверла и насекают на пушках нумры» (т. е. номера), получают 6 денег на день без выдачи им хлеба. Они также просили прибавить кормовые деньги.

Укладного дела мастер Яков Беляев обещает ставить с сыном по 300 пудов укладу и даже больше, но просит дать ему кузнеца-подмастерья и 5 работников. Ему назначен оклад по 4 деньги в день и по 2 пуда ржи и овса в месяц, но он просит платить ему сдельно по 3 алт. 2 д. (т. е. по 10 коп.) с пуда.

Совершенно иным было положение иноземца Эрика Депре, недавно приехавшего из Курляндии. Он получил еще в Москве 20 руб. подъемных, и в Тобольске ему выдали 10 руб.; по условию он должен получать 300, «ефимков» в год, но на Каменском заводе ему еще ничего не уплачено. Он просит дать ему «что ни есть из живности» и предоставить лошадь для перевозки дров, а также разрешить курить вино на себя, а не на продажу. При нем состоит переводчик Яков Вальдер, и он просит об уплате ему жалованья.

Опрошенные 36 мастеров и подмастерьев нарисовали достаточно выразительную картину. Все жалуются на низкую оплату; за исключением привилегированного, только что приехавшего иностранца, и для всех более заманчивой представляется оплата труда на «русских» заводах. Подобно тому как в техническом и организационном отношении первые уральские заводы были близки к заводам центра, так и рабочие, большей частью переведенные оттуда, желали получать те же оклады.

Перед Виниусом прошли также местные крестьяне, заявлявшие о своих нуждах. Староста Каменской слободы Яков Жуков жаловался на множество повинностей, возложенных на крестьян: они рубят лес, предоставляют подводы, возят дрова и уголь, держат караулы. Староста просил возложить эти повинности и на крестьян других слобод, Багарятской, Камышевской и Колчеданской, потому что «одним им подводы гонять не вмочь». Но и крестьяне этих трех слобод заявили, что они не только сами работают на заводе, но и вынуждены нанимать за свой счет работников к угольным мастерам и издержали на это по 81 руб., 71 руб. и 109 руб. по каждой слободе.

Слободские кузнецы жаловались на тяжесть своих повинностей. В трех слободах кузнецов было — 41, и из них обязаны работать на заводе по 18 и по 20 человек. Заводской приемщик брал с них по 2 пуда чистого железа и по 3 пуда железа в крицах. Кроме того, им приходилось нанимать за свой счет работников и учеников к укладному и угольному мастеру; они держали одного кузнеца в течение 3 месяцев, другой их наемный кузнец также занят на заводе в течение месяца. Наряду с этим они должны вместе с другими крестьянами, «с миром в ряд», платить подати и оброки. Эти сведения указывают, что заводская администрация широко использовала местные железные промыслы, кузнецов, которые плавят руду в кричное железо.⁶

Сведения, добытые путем опроса мастеров, послужили материалом для определения потребного числа работников. В это время, осенью 1702 г., на Каменском заводе было 25 московских мастеров и на Невьянском заводе — 20. По «сказкам» мастеров, на Каменском заводе необходимы были дополнительно еще 63 чел., в том числе 20 чел. для литья пушек. сверх этого числа требовалось 267 работников, работающих по неделе; таким образом, вместе с работающими постоянно, нужны были дополнительно 330 чел.

С меньшим вниманием отнесся Виниус к жалобам рабочих на материальные условия, хотя их пожелания были записаны и против некоторых имеется помета Виниуса «выписать», т. е. удовлетворить, но значительная часть их оставлена без пометы, иногда же написано «отказать». Иностранцу Эрику Дебре был дан ответ, что «в вывозе его (из-за границы. — Б. К.) многая издержка учинилась» и поэтому Виниус распорядился до указа из Москвы «не давать ему ни деньги, покамест покажет плод науки своей». Того же Эрика Дебре Виниус допрашивал, может ли он делать сталь. Тот «жег уклад с солью» и выплавил сталь, которая была дана на испытание мастерам-оружейникам для выделки палаша. Они заявили, что сталь «против немецкой малым поплоче», но что окончательный ответ смогут дать лишь, когда «палаш выточат».

Виниус ставил также своей задачей усилить разведку руд, особенно медной руды, и подыскивал места для будущих новых заводов. Плотинный мастер Ермола Яковлев был послан с Каменского завода на р. Уктус; он выбрал место вблизи залежи руды, с обилием лесов и удобное для устройства плотины, где можно было поставить 2 молотовые.⁷

⁶ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 49, л. 56—63.

⁷ Несмотря на видную роль на заводе плотинного мастера, с ним не особенно церемонились. Виниусу стало известно, что он получил взятку с крестьян Арамьинской слободы, чтобы утаить от правительства «угожие» места. Яковлев признался, что взял с них 5 руб., но уверял, что, несмотря на это, он ничего не утаил от властей. У него отобрали полученные им деньги и назначили наказание: «снем рубаху бить плетями».

Двое крестьян с драгуном из Арамильской слободы объявили о наличии руды на р. Полевой; туда был послан приказчик, который подыскал место для завода на реках Исети и Уктусе. Так были намечены точки нового заводского строительства.

Пребывание Вiniusа на Урале привело к уточнению правительственных заданий Никите Демидову. Челобитья Демидова, поданные им Вiniusу, его показания перед думным дьяком и данные ему в ответ «памяти» значительно пополняют известный прежде материал о первых шагах Демидовых. Вinius во время пребывания на Каменском заводе дал Демидову ряд поручений, показывающих, что именно этот казенный завод находился в центре его внимания; судьба обоих заводов попрежнему тесно была связана, но, повидимому, как и прежде, не к выгоде Невьянского. 2 октября Вinius подписал «память», адресованную «Верхотурских Федьковских железных заводов уговорщику Никите Демидову или сыну его». В ней сказано, что на казенном Каменском заводе будут строить вторую домну и новые молотовые и для этого строительства Демидову предписывается прислать с своего завода московских доменных молотовых и других мастеров, «без которых на Федьковских заводах управиться вам можно». Кроме того, указано выслать с Невьянского завода семью мехового мастера Пахомова, живущего на Каменском заводе, а также прислать всякие снасти для того же мехового дела. В заключение Вinius вызвал самого Демидова на Каменский завод «для допроса и справки, сколько у вас на Федьковских заводах пушек и мозжер вылито и всякого железа наготовлено».⁸

Осмотрев Каменский завод, Вinius отправился в Тобольск. Здесь в присутствии Вiniusа Никифор Пиленок свидетельствовал о качестве уральской руды, показывал пилу и зубила, сделанные из уральского железа, которое, по его мнению, столь же хорошо или даже лучше, чем заграничное железо. Оттуда он поехал, наконец, на Невьянский завод.

На Невьянском заводе Вinius приступил к выяснению причин отставания завода и его неустойчивости и начал с допроса Демидова. Об этом имеется следующая выразительная запись: «И ныне на те Никитины заводы Демидова приехав и слыша многие споры с прежними людьми, которые те Невьянские заводы заводили, усмотрел, что противно желанию в. г. пушек, мортиров и гаубиц лить не почато и прутowego железа изготовлено малое число. И за непослушанием слободских к тем заводом облегающих крестьян и многого их ради затейного и лживого челобитья те Невьянские заводы (которые построены в таких доброугодных местах и в. г. стали во многие тысячи рублей) учали приходить в крайней упадок и разорение».

Обо всем этом Вinius распорядился допросить Демидова, и ему было предъявлено 10 вопросов.⁹ Вinius хотел знать, какие меры необходимы для увеличения продукции завода, чтобы он давал «довольное число» пушек, снарядов, ружей и железа, и он запрашивал Демидова, что он затребует для основания новых заводов. Первый вопрос был самого общего характера. Демидов должен был сказать, что ему надобно для исправления и расширения Невьянского завода, «каких потребностей и для работы всяких людей и в протчих статьях споможения востребуется». Во вторых, Демидова спрашивали, может ли он поставить на своем заводе сверх выплавки железа и пушек также и производство стали, уклада и

⁸ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 75—76.

⁹ Там же, л. 113.

холодного оружия — шпаг, сабель, тесаков, палашей, копий, а также лат и пишаков и дощатого и кровельного железа. Речь шла о расширении ассортимента продукции и о превращении металлургического завода в металлообрабатывающий оружейный завод с собственной металлургической базой.

Третий вопрос касался себестоимости, издержек, прибыли и цены. Потребовали, чтобы Демидов ознакомился с калькуляцией будущей продукции, в особенности ружей, с учетом расходов по провозу до Москвы. В-четвертых, его запрашивали, сколько ему нужно, кроме мастеров, также служилых людей для полицейских функций, «для страха» рабочих и для рассылки. Пятый вопрос касался того, возьмет ли он на свое содержание священника и церковный причт, так как на заводе должна быть отстроена церковь.

Особенно интересен следующий, шестой вопрос, касающийся причин отставания завода: «Те заводы ему, Никите, отданы по именному в. г. указу для того, что учили меж приставниками и мастеровыми людьми проходить крамолы, свары и ссоры многие и почали друг на друга поносить, клеветать и доводить и на Верхотурье к воеводе х Козьме Козлову и к Москве писать». Заводы «разорялись и пришли было в остановку и в совершенную пагубу», и до сих пор ни пушек, ни mortar вопреки приказанию, «ничего не вылито». Демидов должен правдиво сказать, «от кого такое ему медление до его приезде и при нем учинилось и кто тому причинен помехою ль какою или чьим непослушанием или вымыслом». Виниус хотел знать, какова будет военная продукция завода при пуске второй домны, сколько пушек и железа он сможет дать к следующей весне 1703 г., и может ли теперь же отпустить тысячу пудов прутowego железа. Затем его спрашивали, где он считает возможным поставить новые заводы и сколько рабочих ему для этого нужно. Седьмой вопрос касался рабочей силы и производительности труда. Виниус интересовался, каков уровень заработной платы на Невьянском заводе, сдельной и повременной, и сколько у Демидова мастеров и работников, постоянных и временных. Вместе с тем он должен был дать сведения о суточном выпуске чугуна и железа, каково качество чугуна из магнитной руды и умеют ли его мастера делать кованые, т. е. железные, а не чугунные пушки. В восьмом вопросе Демидова запрашивали, может ли он поставить производство стали, проволоки, жести и белого железа, указывалось, что в Москве особенно необходима сталь, и нужно было знать, имеются ли у Демидова для этого дела мастера. Здесь же Виниус спрашивал, в какой срок Демидов сможет уплатить указанную выше сумму денежных казенных вложений в Невьянский завод; он считал, что «со всякой крестьянской работой» завод обошелся «в 12 тысяч или больше». Девятый вопрос относился к возможности поставить медноплавильный завод на р. Чусовой, где была найдена медная руда; Демидова спрашивали, возьмется ли он за это дело и «что себе просит»; хотели знать, согласен ли он при поездке в Москву заехать «для присмотру» на казенные «рудные заводы». Десятый вопрос состоял в том, надобно ли открыть при заводе ярмарку и следует ли на время ярмарки освободить торговлю от пошлины. В заключение Виниус спрашивал, что Демидов потребует для того, чтобы «так устроить, чтобы в пользу в. г. дел воинских и в потребу всего Московского и Сибирского государств в полном довольстве выходило, и из иных государств покупать и на то деньги истощать было ненадобно».

Этим была поставлена задача содействовать удовлетворению страны собственными изделиями без привозных из-за границы товаров, и притом была приведена характерная для меркантилистических воззрений формула, которую впоследствии так часто встретим в петровском законодательстве

и в тогдашней публицистике: «чтобы из иных государств покупать и на то деньги истощать было не надобно».¹⁰ В этих подробных вопросах хорошо выразились ожидания и пожелания правительства, связанные с передачей Невьянского завода Демидову. Вместо медленно строившегося и все еще не дававшего нужной продукции предприятия Демидов должен был в самом скором времени расширить производство Невьянского завода, построить кроме того новые заводы, железные и медные, и не ограничиваться выпуском чугуна, железа и пушек, но дать также сталь, уклад, медные и кованые железные пушки, ружья, снаряды, латы и т. д. При этом по военным обстоятельствам требовалось увеличить производство и ускорить выпуск изделий в самые сжатые сроки. От Демидова потребовали раскрыть, так сказать, его планы, расчеты и возможности и дать сведения относительно будущей продукции, определить потребное количество рабочих, установить заработную плату, наметить издержки и себестоимость, суточную выплавку и т. п. Можно подивиться широте этих вопросов, их конкретности и четкости.

Вопросы Винюса были даны им 30 ноября, а на следующий день, 1 декабря, Демидов отвечал на них. Его ответы ясны, конкретны и обстоятельны. Демидов отвечал устно, и протокольная запись была удостоверена «по его велению», т. е. по его безграмотности, заводским подьячим.¹¹ Он начал с подробного обсуждения состояния завода и причин продолжающихся неполадок. Остановку домны и малый выпуск продукции он объясняет недостатком угля и рабочих рук и плохой стройкой прежних руководителей завода. «И декабря в 1 день 1702-го году на Верхотурских железных заводах мастер тулений Никита Демидов против вышеписанных статей в допросе сказал: Пушек, мортир и гоубиц не вылито и прутавого железа малое число изготовлено, потому что де верхотурские воеводы в. г. именно-го указу, каков ему, Никите, о владении тех Невьянских железных заводов дан, не послушали и поставили то дело в смех, и для сечения угольных дров слобочких крестьян прикащикам моим не дали ж».

Демидов указывал, что недостаток угля уже привел к остановке домны. Затем он остановился на дефектах, допущенных в строительстве завода. «И что построено, и то в дело не годитца, незнаемо, нерадением или несмысленно, или крамолами. Тчан поставлен, в котором льют пушки, худо, плавал на воде, а как де ево они становили на место и угрожали в воду, и для огруски метали в него камень большие. И тем камением у тчана дно розбили и, погрузя, осыпали землю, не обив, и наклали его глиною. И как де сын ево, Никитин, на завод приехал и для пушечного литья стал тот тчан вычищать, и тот тчан подняло водою кверху, и в него натекло воды много. И около домны труба была зделана дощатая плотная, чтоб вода в него не шла, и брусья, где ходит конатное воротовое рыскало,¹² что таскают ис чана пушки, зделано не против тчана. И за тем вышеписанным учинилась пушечному литью остановка».

¹⁰ Ср. в «Изъявлениях» Федора Салтыкова (1714) о проектах сооружения бумажных и стеклянных заводов: «А ежели такие заводы заведутся, не малое число будет соблюдаться денег в российском государстве». См. Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записях современников Петра Великого, СПб., 1897, ч. 2, стр. 27, 28. То же говорил и Посошков: «А и сукон солдатских, мнитца мне, у иноземцев покупать не надобно же, потому что тыи деньги из царства вон не выдут. Того ради и сукнами нам потребно проиниматься своими ж, чтоб те деньги у нас в Руси были». — И. Посошков. Книга о скудости и богатстве, М., 1937, стр. 205.

¹¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 116—119. Встречавший Никиту Демидова В. Н. Татищев говорит о безграмотности его и сообщает, что «другие ему библию читали». — В. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ, под ред. Н. Попова, М., 1887, стр. 10.

¹² Воротовое рыскало — очевидно, ворот у чана.

Интересны замечания Демидова о дороговизне рабочей силы на Урале. Крестьяне здесь зажиточны и самостоятельны, не желают подчиняться суровому заводскому режиму и работать за низкую плату, к которой привыкли рабочие центра. «Да и к тому же сибирской необычности, к тем железным заводам за малолюдством плотников и работников, то дело вскоре не сделано за их дороговью. Работники наниманы по два алтына по четыре деньги на день, а плотники по три алтына по две деньги, и таких работников и плотников в Руси дорогих нет; а русские плотники, смотря на их сибирскую цену, имали и по пяти алтын на день, потому что они к заводам навичные. А впредь сибирские плотники и работники ненадежны, потому что милосердием божьим перед русскими в Сибири хлеб вельми родитца и скоту довольно и живут на воли, пашни и лугов по русскому не нанимают, и государевы поборы против русских с них лехчая. И затем, коли которой придет наняться поработать, и они работают дни по два и по три, то и много что неделю, и тут ко всякому надобно приставник, а бес приставника ничего не работает. А буде которого за худую работу молвишь жестокое слово, и он и с полудни, покинув работу, пойдет».

Далее Никита Демидов переходит к производственным планам на будущее, указывает на благоприятные условия для устройства новых заводов и в особенности подчеркивает необходимость рабочей силы в виде присылки крестьян для выжига угля и т. п. «А буде великий государь укажет заводы строить в прибавку, и заводы в прибавку строить мочно, потому что в русских городех в реках и в горах таких угожих мест нет. Лесу множественно, только надобно, чтоб того лесу не жгли, и места у заводов дикие, и обидников не будет. От заводов к востоку до Аяцкой слободы будет верст с тридцать, на полночь до Краснопольской слободы будет с тридцать же верст, а на денную сторону пошло до Уткинской Чюсовской слободы и до Строгановых сел место дикое, верст по пятьдесят и по сту, а к западу и больши. А то место дикое, все леса, и к завоцкому делу вельми угроже и мощно быть против немецких земель место лесу высечь и запустить, а другое сечь, и так оскудение лесу никогда не будет». Демидов сообщил, что он успел пристроить к существовавшей до него домне другую домну, молотовую и «вертельню» и собирается построить еще домну и 2 молотовые, а в 10 верстах отсюда желает построить новый завод на 3 домны. Но ему нужна рабочая сила для выжига угля, копки руды и перевозок.

Для расширения заводов Демидов желает получить к заводам четыре уральские слободы и монастырское село: «А в близости к заводам есть крестьян слободы Аяцкая, Краснопольская, а ведает их один прикащик, Тобольского уезду Мурзинская слобода, Верхотурского уезду монастырское село Покровское с деревнями, Верхотурского ж уезду Невьянская слобода, а в ней плотников много. И буде великий государь пожалует, чем ему бог по сердцу положит, и с тех слобод к тем заводам для вышешанных дел крестьян, и он де за них станет всякие их поборы и хлеб платить железом».

Демидов, соглашаясь строить новые заводы и давать в казну железо, шпаги, сабли и ружья качеством не хуже заграничных, желал получить своих учеников из Тулы и местных уральских крестьян для обучения и т. п. «Да мощно ж и еще заводы строить на Тагиле выше Магнитной руды от заводов к западной де стороне. А иного договору в цене против прежняго у него не будет. А будет де ему и по тому прежнему договору, а чтобы против прежнего договору сошным крестьянам на обои заводы сечь дров вц год по десяти тысяч сажень на завод». Демидов был согласен построить церковь на свой счет, но только деревянную, а не каменную, считал нужным устроить при заводе две ярмарки в год и просил о разрешении

торговать там беспошлинно. Затем Демидов обещал погрузить весной два судна железом для отправки по Чусовой.

Производительность завода Демидов определял довольно высоко — в 240 пуд. чугуна в сутки (по два выпуска) — и брался делать снаряды и железные пушки: «А в домню ходит руды на сутки зженой по пятьсот пудов и по пятисот по двадцати и по полшеста пудов, а чюгуну в сутки выходит по два выпуска; в выпуске выходит по сту по двадцати пудов в штыках, а чистого чугуна в ядрах и в бомбы в выпуску выдет по осми-десять и по девяносто пуд, а в ручных гранатах выходит по двадцати и по тридцати в сутки... А доведетца пушки кованные делать стеною ¹³ перед медными вполы, а стоять будут против медных. А работы над ними много, ценою будут становитца дороже медных...».

Он согласен уплатить за заводы в 5 лет ту сумму, которую затратила на них казна, т. е. те 11 887 руб., о которых сказано было выше. Он заявил также, что плотинный мастер П. Павлов с братом, уволенные им с завода и подавшие на него жалобы, обирали крестьян, отпускали их с завода, очевидно за взятки.

Ответы Демидова выпукло рисуют состояние завода к концу 1702 г., в результате первого полугодия хозяйственной деятельности заводчика. Завод достроен и расширился, отстроена вторая домна и вторая молотовая, сделана вертельня, поставлен чан для отливки пушек, начата подготовка к отпуску весной двух дощанников с железом и прочей продукцией. Вместе с тем, в ответ на запрос правительства относительно расширения производства и устройства новых заводов, Демидов просит о новых пожалованиях. В первую очередь он настаивает на обеспечении его рабочей силой, на приписке к заводам крестьян соседних слобод и сел (Аятской, Краснопольской, Мурзинской и Невьянской слобод и с. Покровского) и соглашается платить за них казенные сборы и другие повинности. Это явилось бы весьма существенным приращением по сравнению с условиями, выраженными в первом указе о пожаловании завода. Стремление расширить права, полученные им по первому указу, является центральным моментом в показаниях Демидова. На требование правительства увеличить производство Демидов отвечает встречным требованием расширить права заводчика на крестьянский труд.

Виниус пошел навстречу Демидову, и 6 декабря 1702 г., вероятно перед отъездом с Невьянского завода, он передал Демидову «память» из 10 статей, явившихся результатом предшествующего обсуждения заводских дел. Две основные черты надо отметить в этой грамоте: во-первых, удовлетворение, хотя и не в полной мере, требований Демидова о передаче ему уральских слобод с крестьянами и, во-вторых, данное ему Виниусом производственное задание — приступить к расширению завода и в кратчайший срок доставить в Москву пушки и железо.¹⁴ Эта грамота была опубликована, но вполне понятной она становится лишь в связи с неизвестными прежде вопросами Виниуса и ответами на них Никиты Демидова, только что приведенными мною.

Статьи от 6 декабря 1702 г. начинаются с указания на недостаток железа и на его дороговизну в Москве в связи с Северной войной: «ныне в случае настоящей со шведами войны, оттоль железа не возят, и на Москве которое сыскалось, к оковкам пушечных колес и станков и во всяком ружье в цене зело поднялось, и сыскать его на Москве и в Новгороде и во Пскове кроме малого числа было трудно». Железо московских и

¹³ Вероятно, имеется в виду толщина стенок пушки.

¹⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 129—135; там же, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 9—20. См. также Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, кн. 3, стр. 32—439; та же грамота в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп. муз., № 6693, л. 14—20.

других русских заводов ломко и «кропко» и вследствие этого в «промыслах воинских» настала «многая помеха и остановка». Десять статей Виниуса должны явиться постоянным наставлением и руководством для Демидова, он должен прочитывать их «почасту». В них предписано отлить на Невьянском заводе пушки, мортиры и гаубицы. Делать их надо по чертежам, присланным из Москвы; пушки должны быть дешевы и отличного качества, в противном случае мастерам грозят, что «быть из них кому повешену». Демидов обязан еще по зимнему пути отправить к Москве хотя бы одну 12-фунтовую пушку, 2 тыс. пудов прутowego железа и 10—20 пуд. стали; остальное должно быть отпущено летом, водой, по Чусовой и Волге. Демидову поручено поставить опыты с вторичной плавкой чугуна; он должен заботиться о постройке новых заводов и поставить у себя производство проволоки, стали и уклада, «чтоб сего из-за моря не покупать»; он должен выпускать ружья, копья, сабли, шпаги и палаши и даже поставить котлы для варки селитры на порох. Ему предписано возратить казне сумму, израсходованную на строительство завода (т. е. указанные выше 11 800 руб.), поставить выплавку чугуна на 2 домнах в 2 выпуска в сутки—по 400 пуд. в сутки, или 260 тыс. пуд. в год с одного завода.¹⁵ Он должен построить церковь, а также завести школы и больницу, поставить избы для работников и проложить дорогу до Чусовой или даже до Камы. Таковы были поручения и задания со стороны правительства, продиктованные военными обстоятельствами и острой нуждой в металле.

Вопрос об обеспечении завода рабочей силой решен Виниусом почти в полном соответствии с пожеланиями Демидова, хотя окончательный ответ мог быть дан только после доклада царю. Виниус распорядился, чтобы на Демидова пока работали крестьяне двух слобод, Аятской и Краснопольской, «без всякого прекословия». Демидов должен давать им «удобный и пристойный наем», т. е. достаточную заработную плату; вместе с тем он получил право суда над ними и наказания: «ленивых по вине сам наказывать батоги и плетями и железами, только в такой мере, чтобы тебе чрезмерною жесточью их в розни не разогнать» (п. 4).

Центральный вопрос о земле и приписке крестьян к заводу Демидова был разрешен думным дьяком следующим образом: «А владеть ему лесами и землями, угодьями всякими во все стороны по 30 верст и покамест земли и угодья Аятской и Краснопольской слободы безспорно. А об отдаче тех слобод и иных в близости жилых мест для работы против московских заводов, а за них бы тебе всякие подати и поборы платить, о том по докладу в. г. указ к тебе прислан будет с Москвы сей же зимы. А Невьянскую слободу тебе за дальностью отдать не мочно, и для того, что там свои рудные места есть, и, буде пристойно, особые государевы заводы построены будут».

Из этого пункта можно видеть, что Демидов получил землю на 30 верст вокруг Невьянского завода, вплоть до владений Аятской и Краснопольской слобод. Виниус соглашался также на отдачу Демидову этих двух слобод на тех же условиях, на каких производилась приписка крестьян к московским заводам. Эта ссылка Виниуса на опыт центральных заводов особенно характерна и вносит весьма существенную черту в общую картину перенесения на Урал опыта и приемов руководства промышленными предприятиями и передвижения мастеров и оборудования, о чем говорилось выше. Но Виниус мог обещать ему приписку лишь этих двух слобод и неопределенно говорил об «иных» слободах. Между тем Демидов

¹⁵ Согласно этому расчету каждая домна должна давать по 400 пудов в сутки или вместе 800 пуд., что, повидимому, в расчете на 325 дней составит 260 тыс. пуд.

просил о передаче ему четырех слобод (Аятской, Краснопольской, Мурзинской и Невьянской). Слободы отдавались ему «для работы», и Демидов должен был уплачивать за крестьян подати и казенные сборы.

Этими статьями был сделан крупный шаг в расширении привилегий Демидова по сравнению с указом 4 марта 1702 г. о пожаловании ему завода. Тогда он не получил права покупать крестьян, ему не были даны или приписаны деревни, но он получил возможность использовать труд крестьян, посылаемых в порядке повинности местными властями для работы на заводе, так сказать, посредством временной мобилизации. Теперь Виниус соглашался передать крестьян Демидову в качестве приписных. Этот пункт является важнейшим в ответных статьях Виниуса. Грамота кончается проникнутыми лиризмом словами о природных богатствах Урала: «А те заводы у таких построены добрых руд, каковы во всей вселенной лутче быть возможно, и при тех заводах какие воды, леса, земли, хлебы, живности всякие, что ни в чем за помощью божиею скудости быть не мочно».

Вместе с тем Демидову были предъявлены новые требования со стороны правительства. Спустя полторы недели, 17 декабря 1702 г. вместе с письмом Виниуса к Демидову пришло предписание тотчас приступить к выделке 1000 пуд. прутowego железа и не менее 10 пуд. стали и прислать в Москву вместе с двумя 12-фунтовыми пушками; они должны были быть «чистые, а не криворотные и не ноздреватые, без раковин и без всякой охулки». Демидову предписывалось прочистить и вымостить дорогу на р. Чусовую, поручалось провести опытную плавку посланной к нему медной руды и затем выслать 15—20 пуд. меди, прислать самый сильный магнит, а также обучить пушечному литью мастера, посланного с Каменского завода.¹⁶

Наряду с заводским строительством Виниус во время пребывания на Урале занят был также общими административными делами. Верхотурский воевода Козьма Козлов был отставлен за старостью и на его место назначен приехавший вместе с Виниусом стольник Алексей Калитин. Новому воеводе были даны 8 декабря «статьи», в которых отразились новые широкие задачи, поставленные петровской администрацией. В программе деятельности нового воеводы большое место занимают задачи развития промышленности. Ему поручалось переписать и собрать местных кузнецов и выстроить им для работы «деловой двор», где делать пицали, ружейные замки, сабли, шпаги и проволоку. Затем требовалось обучить слободских кузнецов и плотников делать колеса и телеги по московскому образцу и стараться «молодых ребят заставляя кузнечным, оружейным, плотничьим, столярным, токарным делам привыкать, чтоб никто даром не гулял и хлеба чужого не поедал, а кормился собою и иных учил, и тунеядцев отнюдь по улицам праздных шатунов не было».

Вместе с тем новому воеводе предписывалось оказывать содействие Невьянскому заводу. Воевода должен был дать Демидову плотников и 10 казаков и при отправке им 1000 пуд. железа в Москву снабдить его провожатыми, так как «то железо зело на Пушечном дворе надобно». Воеводе поручено разведывать залежи медной и серебряной руды и заботиться о постройке нового завода «повыше Невьянского монастыря».¹⁷ О всех делах ему рекомендуется сообщать в Тобольск к Черкасским и жить с ними мирно.

Приписка к демидовскому заводу слобод на Урале была решена самим Петром, и притом в более благоприятном для заводчика смысле, чем

¹⁶ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», кн. 1, стр. 205—207.

¹⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 120 об.— 126 об.

это намечал осторожный Виниус. В этом проявилось «содействие нарождавшемуся купеческому классу» (Сталин). Вероятно, тотчас по возвращении Виниуса в Москву он сделал доклад царю о сибирских делах; об этом можно судить из указа, в котором хорошо отразилась основная задача, занимавшая Петра в начале Северной войны после разгрома под Нарвой и последующих первых русских успехов, — создать новую армию и снабдить ее новой артиллерией и ручным вооружением:¹⁸ «1703 г. генваря в 9 день великий государь [титул], слушав доношения о сибирских железных заводах и о деле на тех заводах пушек и мортиров и фузей и всякого ружья, указал по имянному своему в. г. указу к Верхотурским заводам, которые по ево в. г. именному указу отдану туленину Никите Демидову для умножения железа... приписать и ему, Никите, в работу для тех вышеписанных дел отдать Верхотурского уезду Аяцкую, Краснопольскую слободы да монастырское Покровское село з деревнями и со всеми крестьяны и з детьми и з братьями и с племянники и землю и со всякими угоды. А что с тех крестьян в ево в. г. казну, также и в монастырь денег и хлеба и всяких поборов збиралось, и те все поборы денежные и за хлеб деньги, а за пашню деньгами ж¹⁹ по вся годы брать у него, Никиты, в ево в. г. казну железом по договорной цене или деньгами... А ему, Никите, теми крестьяном за их работу считаться в правде, зачитать за ево платеж, что за них в казну государеву платить учнет, а что сверх того работы их явится, платить им по правому рассмотрению деньгами, чтоб обиды и жалобы дельной от них не было. А кто ис тех крестьян явится ему не послушен, и ему, Никите, тех ослушников и ленивых, смотря по вине, смирать батогами и плетьюми и железами...».

Этим указом Демидову были отданы две слободы — Аятская и Краснопольская и с. Покровское, тогда как Виниус говорил во время пребывания его на Урале о приписке лишь двух первых слобод. Заводчик должен был вносить за них подати (железом). Крестьяне обязаны были работать на заводе за подать, а дополнительную работу Демидов должен был оплачивать деньгами. Ему предоставлялось также право суда над приписными крестьянами, между тем как в первом указе от 4 марта 1702 г. он получил право вотчинной юрисдикции только по отношению к заводским мастерам и рабочим. Все это было значительным расширением прав и владений Демидова.

В это время Демидов был в Москве или в Туле. В феврале 1703 г. он приехал из Тулы в Москву и просил в Сибирском приказе об уточнении повинностей приписных крестьян. Он предлагал, чтобы вместо казенного тягла крестьяне работали у него на заводе по неделе в месяц и давали по возу сена и по 5 возов соломы. Одновременно Демидов просил о подводах для перевозки на завод новой партии мастеровых с семьями. Он намерен был также перевезти 35 пудов проволоки и 2 мехов. Таким образом, Демидов продолжал отpravку из Тулы мастеров и материалов.

Приведенный выше указ Петра I от 9 января 1703 г. о приписке к Невьянскому заводу двух слобод и села с деревнями, а также февральская «сказка» Демидова об определении повинностей приписных крестьян легли в основу «памяти», направленной верхотурскому воеводе и Демидову 22 и 25 февраля 1703 г. Воеводе было приказано составить отлаточные книги на отходившие к Демидову слободы, и постановлено было, что крестьяне обязаны вместо казенных сборов деньгами и хлебом работать на Демидова.

¹⁸ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 211—211 об.

¹⁹ Слова «денежные... за пашню ж деньгами» вставлены над строкою, вероятно рукой Виниуса.

Права Демидова на труд приписных выражены в общей форме, дающей возможность весьма широко эксплуатировать крестьян: «И как к тебе сия память придет, и тебе б на тех крестьян наложить работу и поборы сенные и солому по своему рассмотрению, и тем крестьяном за их работу считаться в правеже за твой платеж, что ты за их в его, в. г., казну платить учнешь». При этом Демидову позволяется увеличить эти повинности, но платить крестьянам за эту сверхурочную работу он должен деньгами, с тем, чтобы не было обид и жалоб от них.²⁰

Путешествие думного дьяка в Сибирь показывает, что руководство строительством новых заводов не ограничивалось только собиранием «сказок», допросами и решениями, сделанными в московских палатах Сибирского приказа. Начальник приказа сам выезжал на место. Он побывал на заводах, допросил мастеров, присутствовал при испытании пушек, уточнил производственные задания, наметил сроки выполнения и отправки артиллерии и железа в Москву, сменил воеводу и дал его преемнику новый наказ для руководства. Он интересовался причинами отставания Невьянского завода, выслушал пожелания Демидова и дал на них ответ в 10 статьях. Обращенные к нему просьбы он удовлетворял весьма осторожно, и жалобы мастеров Каменского завода о голоде и невыплате им жалования привели лишь в отдельных немногих случаях к положительному ответу. Демидову он мог обещать приписку лишь двух слобод вместо четырех слобод и одного села, о которых просил новый владелец Невьянского завода. Только после специального доклада, сделанного Петру, было приписано к демидовскому заводу сверх двух слобод, обещанных Виниусом, также и монастырское село. Доклад царю показывает вместе с тем чрезвычайное значение, какое придавалось в этот острый момент Северной войны производству новых пушек и железа.

Остановимся в этой связи на размерах приобретений Демидова, которыми было положено начало его огромным владениям на Урале. Собранные мною данные о первых приписных к Невьянскому заводу деревнях несколько расходятся между собою, однако это расхождение не настолько значительно, чтобы лишить имеющиеся цифры их значения. В начале 1703 г., в связи с указом о приписке, в Москве наводились справки о населении этих слобод. В обеих слободах было 170 дворов и 564 д. м. п. Относительно монастырского с. Покровского, также приписанного к заводу, таких сведений в приказе не было. Эти цифры были явно неполны. Петр I 20 марта 1703 г. указал закрыть Невьянский Богоявленский монастырь и перевести монахов в Далматов монастырь в Тобольском уезде. Монастырские крестьяне, среди которых были и кузнецы, переходили к Невьянскому заводу.

Верхотурский воевода послал 1 мая 1703 г. подьячих для переписи отходивших к Демидову слобод. С июня 1703 г. все крестьяне только что приписанных Аятской и Краснопольской слобод уже поголовно работали на Невьянском заводе.

Переписная книга, составленная на 30 мая 1703 г. дает конкретное представление о приписанных к заводу селениях. Обе слободы были укреплены и являлись форпостами, направленными против не раз восстававших башкир. В Аятской слободе был «город рубленый», т. е. деревянные стены, с 2 башнями с проезжими воротами и 2 глухими башнями; имелись мирской двор и судная изба, амбар и 19 крестьянских дворов. В Краснопольской слободе находилась церковь, острог рубленый с одной проезжей башней (т. е. с воротами); за его стенами расположена была судная изба,

²⁰ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 212—212 об.; указ 25 февраля 1703 г. напечатан в кн.: Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 292—294.

мирской двор и амбар. В слободе было всего 9 крестьянских дворов. Монастырское село Покровское было крупным селением; здесь за оградой стояли церкви и «дворец» монастырский с 3 избами, сараями и конюшнями, келья посельского старца, 5 монастырских амбаров с 350 четв. хлеба и 2 мельницы; имелось 70 голов монастырского скота. В селе было 58 крестьянских дворов. Кроме того, к Аятской слободе были причислены 6 деревень, к Краснопольской — 9, к с. Покровскому — 4. Общее число крестьянских дворов и людей в слободах, селе и деревнях было следующим (табл. 5).²¹

Таблица 5

Число дворов и людей, приписанных к Невьянскому заводу

Состав приписного населения	Аятская слобода с деревнями		Краснопольская слобода с деревнями		Село Покровское с деревнями		Итого	
	дворов	людей	дворов	людей	дворов	людей	дворов	людей
Крестьян (дворохозяев) . . .	98	98	52	52	89	89	239	239
Детей, братьев, племянников, внуков	—	255	—	133	—	290	—	678
Итого . . .	98	353	52	185	89	379	239	917
Всяких чинов людей (духовенства, казаков и т. п.) .	23	24	32	32	5	12	60	68
У них детей, братьев и т. д.	—	51	—	58	—	17	—	126
Всего . . .	121	428	84	275	94	408	299	1111

Демидову, таким образом, было передано 239 дворов с 917 душами м. п., крестьян и бобылей, а вместе с духовенством и другими в приписных слободах и деревнях было 1111 душ м. п. Это было значительным пожалованьем. Для сравнения укажу, что Л. К. Нарышкин получил в 1690 г. вместе с 7 тульскими и каширскими железными заводами Соломенскую волость с 5 селами и 34 деревнями, в которых было 734 двора с населением 2466 чел.²²

Другие известия о приписных Демидовых сохранились в вотчинном архиве Демидовых, в их челобитьях, подававшихся в связи со спорами с Невьянским монастырем. Подсчеты, сделанные на основании этого материала, дают несколько иные цифры, чем приведенные выше, а именно: по двум слободам с деревнями, в с. Покровском и в монастырской заимке Пышме было вместе с теми, что оказались «не в записи» в 1703 г. («сверх дачи»), 315 дворов и 918 д. м. п.; кроме того, в спорных селениях — в с. Богоявленском, Кунгурской заимке и в Чусовских волостях — 94 двора и 271 д. м. п. Всего было 398 дворов с 1189 д. м. п.²³

В слободах, перешедших к Демидову, значится оружие; в Аятской было 14 мушкетов и 25 копий, здесь же 1 п. 34 ф. пороха и 2 п. 1½ ф.

²¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 50, л. 148—177. Книга переписная Аятской и Краснопольской слобод.

²² «Крепостная мануфактура», ч. 1, стр. 185.

²³ Обширное дело о спорах Демидова с монастырем имеется в Нижнетагильском филиале Свердл. обл. арх., ф. 13, д. № 93, л. 8—17.

свинца. В Краснопольской слободе при передаче Демидову было 20 мушкетеров, 8 копий, 2 бердыша, 15 кремней, 1 пуд пороха, 1 п. 33¹/₂ ф. свинца и свинцовые пули. Остроги, выстроенные вокруг слобод, и наличие оружия указывают, что Башкирия была еще далека от полной покорности и всегда можно было ожидать нападения на слободы или заводы. Вместе с тем сведения о монастырском хозяйстве и о слободах, перешедших к Демидову, рисуют картину относительно уже освоенного в хозяйственном отношении края, с обширными землями, пригодными для земледелия.

В следующем, 1704 г. вокруг монастырских владений в связи с передачей их Демидову загорелась тяжба и упорная борьба, затянувшаяся на много лет. Верхотурский воевода не отдал Демидову монастырскую заимку Пышму, дер. Курью и монастырских крестьян, живших подле с. Покровского. Монастырская братия добивалась сохранения монастыря и хотя бы части его земельных владений. В 1704 г. 4 апреля правительством была подтверждена отдача спорных деревень Демидову. Однако в 1706 г. монастырские власти добились восстановления закрытого было монастыря. Братии было приказано оставаться «неисходными», и монастырь получил обратно 34 крестьянских двора поблизости от с. Покровского, деревню Курью (2 двора), заимку Пышму, всего 60 дворов с 250¹/₂ десятин пашни и сенные покосы на 13 430 копен, а также 4 мельницы. Никита Демидов, а после смерти его Акинфий Демидов долго еще (в 1721 и 1736 г.) оспаривали этот возврат монастырю части его владений.

Вслед за Верхотурским и Тобольским уездами заводское строительство должно было охватить и соседний Кунгурский уезд. 9 января 1703 г. был дан именной указ о переходе Кунгурского уезда в ведение Сибирского приказа. Причинами этих административных перемен, во-первых, было то, что сил одной Чусовской слободы было бы недостаточно для перевозки пушек и железа с новых заводов на р. Чусовую, так как в слободе всего было 50 дворов. Кроме того, в Кунгурском уезде предположено было строить новые заводы. Кунгур в административном отношении был теперь приписан к Верхотурью. В Кунгурском уезде была проведена перепись и приказано сделать «чертеж уезду». Эта картографическая работа была поручена знаменитому в истории русской картографии Семену Ремезову. Уже в июле 1703 г. С. Ремезов вернулся из Кунгура в Тобольск и представил воеводам 5 «чертежей» и описание города Кунгура и уезда; чертежи были отосланы в Москву.²⁴

Эти сведения могут представить интерес для биографии С. Ремезова.²⁵

²⁴ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 236 об.—237, 241, 242; д. № 49, л. 280.

²⁵ Т а м ж е, д. № 48, л. 244 об. 10 февраля 1703 г. было предписано «зделать всему Кунгурскому уезду, селам и деревням и рекам чертеж тобольскому сыну боярскому ему ж Семену Ремезову, и для того послать его ис Тобольска в Кунгурский уезд и велеть ему тот чертеж зделать и описать, как тот Кунгурский уезд с Сибирским и с Уфимским уездами сошолся, и которая река и куды впала, и мочно ль какими судами по ней ходить и суды на ней делать, и много ль которою рекою будет ходу легкими и тяжелыми судами, и где какие пороги, и тот чертеж и опись за своею рукою прислать ему с Кунгура к Москве в Сибирской приказ, не замотчав, и ехать ему по прежнему в Тобольск». О том же см. л. 237—15 февраля, из Сибирского приказа А. Калитину. Т а м ж е, д. № 49, л. 280, из Тобольска от тобольского воеводы кн. Черкасского в Сибирский приказ: «В нынешнем 1703 г. по твоему, в. г., указу и по грамоте послали мы, холопи твои, из Тобольска на Верхотурье для описи и дела чертежа города Кунгура и уезда тобольского сына боярского Семена Ремезова с сыном Леонтием. И в нынешнем 1703-м году июля в 8 день он, Семен, приехал в Тобольск, в приказной палате подал нам, холопом твоим, и городу Кунгуру и уездом описание книги да пять чертежей за своею рукою». В настоящее время известен лишь один из этих чертежей. См. А. А н д р е е в. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв.—Сб. «Проблемы источниковедения», изд. АН СССР, М.—Л., 1940, т. III, стр. 116; е г о ж е. Очерки источниковедения Сибири, Л., 1940, стр. 75.

Работа его тесно связана с задачами промышленного строительства, что не было отмечено в новейших работах о знаменитом географе. Сибирский приказ предписал 15 февраля 1703 г. послать С. Ремезова на Кунгур и «зделать всему уезду, селам и деревням и рекам чертеж исправной с размером подлинным для удобного железу и иным статьям к Каме реке провозу». Эта же задача способствовать лучшей организации перевозки железа с новых заводов — отмечена тобольским воеводой Черкасским. Посылая на Верхотурье выполненный С. Ремезовым чертеж, воевода писал, что он сделан «для удобных з заводу перевозу припасов».²⁶

Строительство первых заводов вводило изменения в старое административное деление. Никита Демидов также проявил интерес к Кунгурскому уезду. Обеспечив Невьянский завод, он приступает к подготовке строительства нового уральского завода. «Державнейший царь, государь милостивейший! — писал 14 апреля 1703 г. Никита Демидов. — По твоему указу велено мне ехать в Сибирь на Верхотурские и Невьянские железные заводы для пушечного литья и для строения новых железных заводов, а ехать мне будет из Руси в Сибирь на Кунгур, а на Кунгуре есть железная руда и к железным заводам угожия места и реки. Всемилоуейший государь! Прошу вашего величества, вели, государь, мне на Кунгуре обыскать место к железному заводу и построить железные заводы в нынешнем 1703-м году и дать мне в Сибирь подводы десяти семьям мастерам».

Демидов раскрыл свои пожелания в более подробном заявлении. Он говорил в Сибирском приказе, что будет делать поставки железа и других изделий с будущего завода в Кунгурском уезде на тех же основаниях, что и поставки с Невьянского завода. Основное его требование заключалось в обеспечении его рабочей силой; для этого Демидов предлагал одновременно использовать три пути: 1) нанимать вольнонаемных людей; 2) если не будет вольных желающих, то «брать бы ему в неволю» и платить в соответствии с их работой и 3) получить к заводам уездных людей, за которых он будет платить подати в казну, т. е. он просит приписать к заводу государственных крестьян. С одной стороны, Демидов ссылается на опыт «русских» заводов, устанавливает оплату за сечку дров и имеет в виду также перевозку мастеров из центра на будущий завод; с другой стороны, он стремится использовать местных кузнецов, имеющих горны, и просит отдать их ему для обучения оружейному делу. Таким образом, он рассчитывает как на мастеров центра, так и на рабочую силу Урала — на местных крестьян и кузнецов.

В соответствии с этим челобитьем 18 апреля 1703 г. последовал указ, по которому Никита Демидов получил разрешение построить на свои

²⁶ См. также в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 302—306. Здесь помещены 7 документов из переписки Сибирского приказа, касающиеся С. Ремезова. 18 ноября 1701 г. шлют из приказа в Тобольск к Черкасским требование выслать чертежи «всей Сибири», порученные С. Ремезову. М. Черкасский спросил 14 января 1702 г. С. Ремезова, и тот ответил, что чертежи уже сделаны и давно отосланы им в Москву с ясашной казной. Ремезов должен был оправдываться в том, что не объявил во-время воеводе об окончании им работы и об отсылке чертежа. Он объясняет это забывчивостью, «забвением от недоумения». Сибирский приказ требовал, чтобы с чертежами выехал в Москву сам С. Ремезов. Но воевода и С. Ремезов указывают на невозможность его отъезда. Указы 11 и 15 февраля 1703 г. содержат распоряжения С. Ремезову выехать в Кунгур для составления новых чертежей; об этом я говорю в тексте. Он вернулся из этой поездки 6 июля 1703 г. и подал в Тобольске воеводам «городу Кунгуру и уездам описные книги да 5 чертежей». Кн. Черкасский отослал эти чертежи 11 июля 1703 г. в Москву, и одновременно копии с них были посланы на Верхотурье.

средства новый завод в Кунгурском уезде.²⁷ Однако завод здесь возник много позднее, лишь в 1729 г., когда в 42 верстах от гор. Кунгура на р. Суксуне был построен сыном его, Акинфием Демидовым, медный завод; еще позже, в 1736 г. в том же уезде был выстроен им же Бымовский медный завод.

Ходатайство Демидова о заводе в Кунгурском уезде не было изолированным или случайным; оно шло навстречу стремлению правительства соорудить новые заводы и поставить более широко разведку руд. Новому верхотурскому воеводе А. Калитину предписано было строить новый казенный завод на р. Нейве; речь идет, очевидно, об Алапаевском заводе, к которому была впоследствии приписана Мурзинская слобода, а оборудование должен был доставить Демидов с Невьянского завода. Сибирский приказ интересуется также железом далекого Кузнецкого уезда, и воеводе на Кузнецк пишут: «ведомо нам, в. г., учинилось, что кузнецкое железо zelo мякко и ко оружейному делу угодно»; воеводе приказано выслать в Москву образцы железа. Одновременно производятся поиски медной руды на Урале и в Сибири и серебра в Нерчинске.²⁸

После передачи завода Демидову происходила дальнейшая отправка из центра на Урал рабочих и материалов, и заводы достраивались и оборудовались. Вслед за несколькими партиями мастеров, подмастерьев и учеников, отправленных Демидовым еще в марте, апреле и летом 1702 г., он сообщил в октябре в Сибирский приказ, что без присылки работных людей завод остановится. В феврале 1703 г. из Москвы для кузнечного литья выезжают иноземец, русский мастер и трое учеников; летом из Серпухова посылают укладного мастера Беляева.²⁹

Свозвращением Винуса в Москву был дан новый толчок делу отправки мастеров на уральские заводы (вспомним, что одна заявка Каменского завода включала 63 потребных заводу мастера, а вместе с крестьянами 330 чел.). С этой целью снова используются кадры тульских оружейников. Сибирский приказ посылает 16 января 1703 г. подьячего В. Скурихина в Тулу, «наскоро, для привозу на сибирские железные заводы разных мастеров, чтоб их ныне ж зимою в Сибирь отпустить». Ему велено, «приехав в Тулу, сыскать Никиту Демидова и ему, Никите, говорить, чтоб он, Никита, приискал и призвал на сибирские железные заводы мастеров плотинного, доменного, да подмастерьев молотового, да подмастерье ж угольного, мехового, колесчатого, оружейного, человек 5 или 6, да замочных то же и иные с семьями или как похотят к тем заводам мастеров, которые приличны». Подьячий, приступив к вербовке рабочих, должен склонять мастеров к добровольному отъезду, указывая на преимущества новых мест, на то, что «Сибирская страна здоровая и хлебом и харчем, рыбным и мясным, и всем изобильная»; он должен также обещать мастерам жалованье «неоскудное». В случае нежелания мастеров ехать добровольно ему было предписано составить тайно списки мастеров с указанием причин отказа и прислать списки в Москву.³⁰

Поездка подьячего в Тулу была неудачна, так как там не имелось нужной рабочей силы. В отчете об этой командировке подьячий писал: «И он, Никита, со мною, Васильем, таких мастеров на Туле приискивали и мастеров доменного, плотинного, молотового, угольного, мехового при-

²⁷ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 49, л. 4—6 об.; ф. Демидовых, № 4003, л. 36—3; указ 918 апреля 1703 г. см. в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп.; ф. муз.; № 6693, л. 21—24 об.

²⁸ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 49, л. 28, 41, 72, 138, 141—155 сл.

²⁹ Там же, д. № 48, л. 128, 184—190.

³⁰ Там же, л. 205—207.

искать на Туле не могли, потому что таких мастеров на Туле ныне нет, а колесчатой, он же и ложный мастер³¹ да оружейные и замочные на Туле есть, а охотою своею на сибирские железные заводы за дальностью и за государевыми делами ехать не хотят». Списки их он обещал прислать в Москву с Демидовым. Еще в дороге подьячий встретил тульских оружейников, 30 семей с женами и детьми, переселявшихся по указу на железные заводы в Устюжну.

Демидов намеревался отправить на Урал 20 мастеров, но, повидимому, и он не сразу мог подобрать их. В Туле выборным Ивану Иванову с товарищами 4 февраля 1703 г. приказано было назначить для отправки в Сибирь «без всякого медления» 7 мастеров ствольных заварщиков и одного пушечного ученика с демидовского завода; их предписано выбрать «из жеребья» и выслать в Москву.³²

Месяц спустя, 3 марта, 10 мастеров были уже отосланы в Сибирь. Демидов мог сообщить 22 апреля, что им приисканы еще 20 мастеров, которые должны отправиться на восток с женами и детьми. Недостаток мастеров приводил к острым формам борьбы заводчиков из-за рабочих. В январе вместе с Демидовым приехал в Москву плотинный мастер С. Алексеев, отпущенный для свидания с родными, но был здесь схвачен и посажен под караул у Вахрамея Меллера. Последний отказался вернуть его как прежнего своего мастера и заявил, что отдаст его только по именному государеву указу.

В это же время знакомый уже нам Никифор Пиленок, устраивавший оружейный завод под Тобольском, был отправлен в Суздаль и в Шую «для прииску и найму и покупки» людей для завода.³³ В июле в Тобольск приехали из Москвы оружейники, замочные мастера, вероятно, для работы на заводе Никифора Пиленка.³⁴ Приглашенный из Курляндии Эрик Депре, о котором я уже говорил, на Каменском заводе отлил, по его словам, свыше 300 пушек. Из Англии через Андрея Стельса были приглашены два англичанина, Роберт Жартов и Вилим Панкурст, плавильный и железный мастера для того же Каменского завода, где они строили вторую домну. Во главе Каменского завода был поставлен в качестве приказчика иноземец Христофор Левенфельт, но вместе с ним управлял тем же заводом и другой, русский приказчик, Иван Астраханцев.³⁵ Привлечение иноземцев не было рядовым явлением, это были отдельные, редкие случаи; обычно же для уральских заводов пользовались своими мастерами.

Никита Демидов уже в это время обнаружил свойства сурового и алчного эксплуататора, не считавшегося с интересами работавших у него крестьян и мастеровых. На его Тульском заводе заработная плата была ниже, чем на других крупных заводах. С первых же месяцев после передачи ему Невьянского завода начались жалобы рабочих. В ноябре 1702 г., во время пребывания Винуса на Невьянском заводе, присланные из Москвы пушечный мастер с учениками показали, что они прибыли на завод в мае и что до приезда Демидова им не давали работы, а после его приезда они втроем получили за полгода лишь 7 руб., и «те деньги они издержали на харч, а ныне им пить и есть нечего и одеждою ободрались и обувью обносились». Угольные мастера также просились домой, в Москву, говоря, что жены их и дети там «бродят меж двор»; им также Демидов не платил

³¹ Т. е. по выработке ружейных лож.

³² ЦГАДА, там же, д. № 48, л. 221 об.

³³ Там же, д. № 49, л. 12.

³⁴ Там же, д. № 50, л. 58.

³⁵ Там же, д. № 49, л. 277—278.

денег. Один из учеников заявил, что он «от безмерных напрасных побой от Никитина прикащика Емельяна Ксенофонтова не много не умер». Никита Демидов должен был в Москве давать объяснения по этому поводу. В ответ на жалобы он заявлял, что мастера своих учеников учат плохо и они могут работать лишь как простые работники.³⁶

О значении мастеров, переведенных из центра на Урал, свидетельствуют, например, сведения, извлекаемые из материалов ландратской переписи 1717 г., подробно использованные мною ниже (в гл. XII). На Невьянском заводе из 516 рабочих почти четвертая часть (22.5%) составляли выходцы из центра. Их было 118 чел., в том числе из Тулы 52 чел., из Москвы, подмосковных, каширских и других заводов—66 чел. Это был наиболее квалифицированный персонал. На Невьянском заводе спустя 17 лет после его основания из 102 мастеров все еще более половины (55 чел.) приходится на выходцев из Тулы, Москвы и заводов центра.

Итак, после передачи ему Невьянского завода, на протяжении 1702 г. и первых месяцев 1703 г. Демидов добился для себя значительных преимуществ. Крупнейшим из них была приписка к первому демидовскому заводу на Урале слободских и монастырских крестьян, что создало условия для безудержной эксплуатации их заводчиком. Здесь он сделал крупный шаг по сближению своего положения с положением привилегированных заводчиков центра — Нарышкиных, Меллеров и др. Обеспечение завода квалифицированной рабочей силой идет тем же путем, что и прежде, — посредством перевода мастеров с «русских» заводов на Урал. Демидов набирает преимущественно тульских оружейников или мастеров своего Тульского завода; он стремится также использовать местных уральских кузнецов. На Урал переносится технический опыт центра, там стремятся работать «по-московски» и при помощи московских же мастеров. Вместе с тем казенный Каменский завод попрежнему остается в привилегированном положении по сравнению с Невьянским.

2. ПЕРВАЯ УРАЛЬСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ И ДОСТАВКА ЕЕ В МОСКВУ

Строительство завода и переезд мастеров из центра на восток дали свои результаты и привели уже с конца 1702 г. к отправке первых партий готовых изделий с Урала на запад. Каменский завод в этом отношении стоял впереди, он раньше выдал продукцию и в большем количестве, чем Невьянский завод, выслал в Москву пушек, снарядов и железа.

Осенью 1702 г. на Каменском заводе уже было отлито 70 пушек и 12 375 п. чугуна, кроме того, на нем имелось прутовое и связное железо (364 пуда) и заготовлены были крицы для выплавки уклада.³⁷ Две пушки, 33 пуда прутового железа и 20 фунтов стали были отосланы в Москву и прибыли в столицу 1 января 1703 г. Вслед за этим с Каменского завода была отправлена более крупная партия орудий и снарядов, направленных сначала в Верхотурье, когда на Урале еще находился Винус, откуда этот груз был отослан в Москву (через Ярославль) и прибыл 22 января 1703 г. На этот раз это были 6 мортир, 9 гаубиц, 18 пушек, среди которых две были крупные, по 60—65 пудов весом; с ними были посланы 66 ядер. Сверх этих 33 орудий было послано 191 п. 29 ф. прутового и четверогранного железа, 8 пудов стали, 2 п. 20 ф. уклада и 4 чугунные доски. Эту партию железа подвергли экспертизе московских мастеров, вновь подтвердивших отличное качество уральского железа. Кузнецы Мещан-

³⁶ Там же, л. 129—129 об.

³⁷ Там же, л. 124 об.

ской слободы, казенные кузнецы и оружейный мастер заявили после испытания, что сибирское железо «в деле мягче и лучше свицкого доброго железа и дельнее, и сталь сибирская лутче серпуховского и верховского укладу»; староста Железного ряда в Москве сказал, что сибирское железо «всех лутче и мягче» по сравнению с железом других заводов, и можно назначить ему цену ту же, что и шведскому (по 40 алт.). «потому что ныне свицкого железа в привозе нет»; наконец, англичанин мастер Ян Линзия сказал, что, хотя испанское железо лучше шведского, но «сибирское де железо гораздо лутче и мягче шпанского и свицкого железа».³⁸

Вскоре после этого в Москву была отправлена партия железа с Невьянского завода; на 21 возах с него было отослано 27 декабря 1700 г. 551³/₄ пуд. прутowego и связного железа, выкованного еще до передачи завода Демидову. Обоз этот прибыл в Москву 9 февраля 1703 г. Акинфий Демидов 2 января 1703 г. отправил с завода еще 2 пушки и 1045 пуд. железа. Железо пришло на Верхотурье раньше пушек, и воевода, не дожидаясь их, на 20 возах отослал около половины железа в Москву. Только 24 января с Верхотурья были отправлены подоспевшие 2 пушки и остальное железо. Этот груз прибыл в столицу лишь 9 марта. Тогда же, 9 марта, прибыли с Каменского завода еще 5 пушек, 2 мортиры с ядрами и бомбами. Кроме того Никифор Пиленок доставил на 4 подводах в Москву 17 марта железо с Невьянского завода (80 пуд.), пушку с Каменского завода и 208 фузей из Тобольска.

Но это были еще небольшие предварительные отправки, имевшие значение пробы, испытания производственных возможностей завода и качества уральского металла. Только к весне 1703 г. Урал смог оказать действительную помощь в войне со шведами, выдав, наконец, в большом количестве пушки, снаряды и железо.

Весной 1703 г. с Урала двинулся первый караван судов с новой артиллерией производства Каменского завода. К весне были построены дощаники для отправки водой пушек и железа и было предписано нанимать «приставников и провожатых» к судам до Лаишева, Нижнего и далее — до Коломны.³⁹ Этот первый караван с уральской артиллерией и железом заслуживает внимания.

Надо было спешно строить суда, чтобы не упустить высокой воды после половодья на р. Чусовой. Тобольский воевода кн. Черкасский отправил 16 марта в Уткинскую слободу Семена Резанова и служилого человека Ивана Станикеева. Они должны были выстроить силами тобольских крестьян 40 дощаников; другие 47 дощаников строились крестьянами Верхотурского уезда. Дощаники небольших размеров были сделаны в 4 недели. Каждый из них был длиной 7 саж., поперек 2 саж. и вмещал по 300 пуд. и более. По словам Резанова, суда могли бы выдержать и большую нагрузку, по 500—600 пуд., но опасались мелководья на Оке и возможных в связи с этим простоев. Впоследствии опыт первого каравана показал, по его мнению, что следует делать суда более крупные, по 10—12 саж. длины, а поперек по 8 арш., и грузить на них по 700 пуд. и более. Погрузили и отправили лишь 40 судов, т. е. менее половины; остальные за отсутствием кледи были оставлены пустыми на пристани на р. Чусовой.

С Каменского завода пушки, железо, сталь и уклад были заранее доставлены на пристань тобольскими крестьянами. Прислано было 900 крестьян в качестве гребцов (на 90 судов), из них были взяты на суда 400 человек, а остальные 500 отпущены назад. Крестьяне нанимали гребцов в «попутчики» (может быть, в помощь), платя по 1¹/₂—2 руб., сами они

³⁸ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 48, л. 195—203 об.

³⁹ Там же, д. № 49, л. 43.

также получали «наем», т. е. заработную плату, но размер ее нам неизвестен. 22 апреля на пристани стали грузить железо на суда. Груз оказался весьма значительным: отправлено было 323 пушки, 12 мортир, 14 гаубиц и, кроме того, железо. 40 дощаников с этим грузом отплыли 27 апреля, как только стала полая вода. Посланному с караваном приказчику Семену Резанову дано было на прогоны 1008 руб.

Отплыт от Чусовской слободы, шли медленно, так как ночью не плыли, опасаясь, чтобы суда не разбило о камни. «Чюсовая река каменистая, быстрая, крутолуковая, береги, утесы, каменные и в тех утесах есть многи бойцы каменные»,⁴⁰ выразительно писал начальник каравана С. Резанов, объясняя задержки на пристанях на ночь. «А тою Чюсовою рекою от порогов никакова повреждения им не было, для того, что де оне полой воды не упустили. А по той реке крутых каменистых поворотов до Строгоновых городков много, в которых с великим бережением и с трудностью ходят, чтоб об камень не розбило, и река Чюсовая вельми поката, что большая вода дни в два или в три вся збежит».⁴¹ Несмотря на принятые предосторожности, в действительности путешествие не прошло гладко: один струг разбило на Чусовой, и крестьянам пришлось его чинить.

На девятый день после отплытия суда вышли к Каме и плыли два дня до г. Осы. Работные люди были взяты на одну «перемену», и в Осе пришлось отпустить тобольских крестьян («тутошних городовых и уездных людей») и нанять новых кормщиков и гребцов по 10 человек на судно, им платили по 5 алт. каждому. Главная трудность путешествия заключалась в том, что на каждую перемену надо было нанимать по 400 человек на весь караван. В Сарагуле отпустили кормщиков и гребцов, прежде нанятых, и взяли новых до Елабуги с платой также по 5 алт., затем нанимали людей в Елабуге до Лаишева.

В Лаишеве задержались на 9 дней «за парусным шитьем», и здесь «недостало кормщиков гребцов 10-ти человек для того, что де Лаишевской городок самый малой». Пришлось платить дорожке, и 10 недостававших человек были наняты с платой по 9 алт. каждому до Казани. В Казани были наняты люди до Козьмодемьянска по 20 алт., а оттуда до Нижнего Новгорода платили по 11 алт. 4 д. В Нижнем наняли на суда нижегородских ямщиков до Мурома и от Мурома до Касимова. В Касимов прибыли 23 июня и отплыли оттуда 27 июня, наняв там ямщиков до Переяславля Рязанского (21 алт. 4 д.), где взяли ямщиков до Коломны (по 25 алт.).

С пути Семен Резанов писал в Сибирский приказ, что рассчитывает доплыть от Касимова до Коломны в две недели, а в Москве быть к средним числам июля.

Виниус приказал послать на караваны к Резанову распоряжение сдать суда с грузом и деньгами сопровождавшему вместе с ним караван служилому сибирскому человеку Ив. Станикееву, а самому Резанову ехать в обратном Тобольск; Черкасскому с сыном посылалось одобрение за «прилежное радение» по отпуску пушек. Посланный из Москвы подьячий прибыл на суда в пути между Переяславлем Рязанским и Коломной. В Коломну суда прибыли 9 июля. Здесь Резанов сдал дела и с двумя спутниками отправился в обратный путь к Тобольску.

На Коломенском яму взяли на суда 40 кормщиков и 360 гребцов, что превышало обычную повинность здешних ямщиков, и в связи с этим вскоре после проезда судов было предписано увеличить число коломенских ямщиков до 400 человек, взяв их из посада и из Коломенского уезда. Наконец, 18 июля 1703 г. караван прибыл в Москву. Весь путь от Чусов-

⁴⁰ Там же, л. 246 об.

⁴¹ Там же, л. 233.

ской слободы до Москвы занял 11 недель и 6 дней, причем «в ходу» находились 8 недель и 4 дня, а остальное время (3 недели и 2 дня) приходится на стоянки.⁴² Надо признать, что это был достаточно быстрый переход.

При отправке с Урала первого «железного каравана», как его впоследствии будут называть, опыта еще не имелось, поэтому было сделано вдвое больше судов, и притом мелких и отправленные суда были загружены лишь наполовину. Наибольшие трудности возникли в связи с получением рабочей силы в пути, так как в каждую «перемену» между крупными пристанями нужно было нанимать по 400 человек. Тем большей заслугой следует признать довольно благополучную доставку (лишь с одной аварией на Чусовой) всего груза. Привезены были в Москву следующие «припасы» прежде всего артиллерия (табл. 6):

Таблица 6

Орудия Каменского завода, привезенные в Москву⁴³

Орудия	Число	Вес (пуд.)	Общий вес
Пушки	117	17—19	1986 п. 18 ф.
»	46	24—29	1281 » 18 »
»	37	16—25	829 » 37 »
»	32	53—60	1756 » 9 »
»	28	59—67	1719 » 16 »
»	47	59—60	2914 » 36 »
»	16	23—25	304 » 15 »
Итого . . .	323	—	10789 п. 29 ф.
Мортиры	12	—	463 » 15 »
Гаубицы	15	—	193 » 25 »
Всего . . .	350	—	11446 п. 29 ф.

Здесь были чугунные пушки разных калибров, в том числе 216 пушек с 3-фунтовым ядром, 60 пушек с 6-фунтовым и 47 с 8-фунтовым; были пушки длиной 1 арш. без 2 верш. (117 пушек), 2 арш. и 3½ арш.

Сверх того было привезено «образцового» (т. е. в качестве образца) прутowego кованого железа 1058 пуд. и железа, оставшегося от оковки дощаников, 39 прутов, уклада 50 пуд., стали 8 п. 5 ф. На наем гребцов и кормщиков и на подводы было истрачено 458 р. 12 алт. Из ассигнований в 1008 руб., полученных из Тобольска, осталось, следовательно, к концу пути более половины — 549 р. 21 алт.

Прибытие 350 пушек и мортир первой продукции заводского строительства на Урале было большим достижением. Оно совпало с первыми крупными победами в Северной войне. Той же весной, 1 мая 1703 г., была взята при участии самого Петра шведская крепость Ниеншанц в устье Невы, и было приступлено 16 мая к строительству Петропавловской крепости — зерна новой столицы, С.-Петербурга. Русские войска достигли моря и прорубили окно в Европу. Летом Петр во главе четырех конных полков отражал с суши наступление шведского генерала Кронгиорта,

⁴² ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 49, л. 244—249.

⁴³ Там же, д. № 49, л. 237—241 (птог исправлен мною, в рукописи ошибка: 11 519 пуд.); д. № 50, л. 104; здесь имеется некоторое расхождение с цифрами о погрузке (напр., 14 гаубиц вместо 15).

одновременно Шереметев взял Ямбург и Копорье, и в русских руках оказалась шведская провинция Ингрия.

Суда прибыли в Москву 18 июля и стояли на Москве-реке у Тайницких ворот, прием пушек на Пушечном дворе затянулся до 24 августа. Неделью спустя через «бирюча» был объявлен указ о продаже разгруженных стругов, по которому «велено сибирские струги продавать всяких чинов людям все оптом или в рознь, сколько кто похочет купить, для сплавки на них, и досок и крючья и шестов и на дрова лесу будет не малое число, и кому те струги понадобятся и те люди тех стругов торговать шли, не мешкая, в Сибирский приказ». К этому указу имеется приписка: «и против сего в. г-ря указу бирючь кликал на Красной площади у Москворецких ворот по ту сторону у Николы Заяцкого на Новом Каменном мосту».

38 стругов были проданы по 2¹/₂—3 руб. за судно, остальные два дощаника были погружены всякой судовой снастью, собранной со всех судов, и отправлены 10 сентября вместе со служилыми людьми и казаками в обратный путь до Лаишева. Там суда должны были быть проданы, а снаряжение использовано для навигации будущего года, когда вновь пойдут суда с пушками и железом. Тогда же был послан воеводам Черкасским указ с новой похвалой и с напоминанием о дальнейшей присылке всяких воинских припасов.⁴⁴ Однако первые успехи уральской промышленности в виде новой артиллерии скоро показали и свою обратную сторону, связанную, вероятно, с чрезмерной спешкой и несовершенством заводской работы.

В Москве приступили к испытанию каменных пушек. 11 июля была проведена опытная стрельба из тех двух пушек, которые еще зимой доставлены были с Каменского завода. Одну из них разорвало на 20 частей. Чугун оказался поздреватым. Куски были посланы из Приказа артиллерии по распоряжению царя в Сибирский приказ для освидетельствования.

К опытной стрельбе из только что доставленных пушек приступили 18 сентября, в этот день им был «стрельбой чинен опыт ядрами». Эффект был, вероятно, неожиданный. Для первого заряда в трехфунтовые пушки положили по 1¹/₂ ф. пороха, «и от того выстрела разорвало 9 пушек ядром трехфунтовых, а шти- и осмифунтовые пушки от той стрельбы устояли». Для вторичной стрельбы заряд пороха был увеличен вдвое, «и от того выстрела разорвала восемьдесят шесть пушек ядром трехфунтовых, да шесть пушек ядром штифунтовых, одну [пушку] осмифунтовую. Итого рваных явилось 102 пушки». Выдержали испытание 221 пушка. Гаубицы и мортиры при первой стрельбе все устояли, но при вторичном опыте разорвало 5 гаубиц, а мортиры уцелели. С учетом не всегда удачного качества заводской продукции число выпущенных Каменским заводом орудий следует сократить до 243 пушек, гаубиц и мортир.

Петр приказал сообщить о результатах пробной стрельбы из Приказа артиллерии «для ведома» в Сибирский приказ. Виниус распорядился послать к Черкасским в Тобольск кусок от «рваной» пушки и писал им, чтобы впредь «пушки лить самым добрым мастерством» и испытывать на заводе двойным зарядом пороха.⁴⁵

Каковы же были результаты работы Невьянского завода, и где была его военная продукция, скорейшей отливки и доставки которой так настойчиво добивалось правительство?

Демидовы и верхотурские власти отставали не столько в производственных показателях, сколько в сбыте и организации. Первая отправка

⁴⁴ Там же, д. № 50, л. 30—38.

⁴⁵ Там же, л. 104—105 об., 107 об., 108.

с Невьянского завода происходила еще в январе, когда были посланы 2 пушки и железо, пришедшие в Москву в марте. Тогда же Акинфий Демидов писал с завода, что отправлять ему больше нечего. О том, что завод еще далек от совершенства и, в частности, не может взяться за производство ружей, докладывал в это же время Никита Демидов в Сибирском приказе в Москве в связи с порученной ему экспертизой ружейных замков. Демидову был показан «фузейный свейский замок, что сделан против фузен завоеванной», и Винуус приказал запросить его, сколько он сможет сделать фузей с багинетом (штыком). Но Демидов отказался от этого поручения: «И он, Никита, смотря того замка сказал, что де тот фузейный замок и не корыстен, а фузей де и багинетов делать ему, Никите, пегде, потому что Тульские заводы взяты у него на великого государя,⁴⁶ а на Верхотурских де заводах делать ему нельзя для того, что де те заводы в совершенство не приведены, и впредь на те заводы мастеров покамест те заводы в совершенство не придут и за ним утвердятся, завозить ему не для чего, чтоб напрасных проторей ему, Никите, не учинилось.⁴⁷

Отправка весной 1703 г. к Москве продукции Невьянского завода происходила следующим образом. Наряженные верхотурским воеводой в марте крестьяне перевезли с Невьянского завода к Чусовской слободе и ниже ее, к Харкиным юртам, по новой дороге 532 бомбы 9-пудовых, 12 760 ядер 18-фунтовых и 4475 ядер 12-фунтовых, кованого железа 995 п. и 2 пушки 12-фунтовых. Все эти воинские припасы весили 12 тыс. пуд., т. е. в весовом выражении столько же, как и продукция Каменского завода. Перевозка совершалась, по словам воеводы, с «нуждою великой», тем более что наряд от Акинфия Демидова, находившегося на заводе, пришел с опозданием. Это была не вся его продукция: он писал воеводе 1 апреля, что у него готовы к отпуску на Чусовую еще 1 пушка 18-фунтовая, 6 пушек 12-фунтовых, 130 бомб 9-пудовых, 2 тыс. ядер 12-фунтовых и одна мортира «большого чертежа» весом свыше 500 пуд. Ему необходимо было для перевозки более 300 подвод и дополнительно большое число людей. Но этой весной из-за распутицы везти пушки и ядра оказалось невозможным тем более, что у многих крестьян лошади пали в связи с бескормицей; к тому же «большой мортир» оставался не отделанным, не чищенным и не высверленным, так как на заводе не было мастеров. Вozить эти «припасы» некому, ибо крестьяне заняты рубкой леса для Невьянского завода (1000 чел.), стройкой нового Алапаевского завода и сооружением дощаников на Чусовой.

В ответ на это верхотурский воевода Ал. Калитин распорядился спешно грузить на суда 2 пушки, ядра и бомбы и напоминать Акинфию о необходимости спешить, чтобы не пропустить покой воды. На Чусовой были сделаны 2 дощаника, но один из них оказался непригодным, поэтому в один струг было погружено 6 тыс. ядер 18-фунтовых, 2520 ядер 12-фунтовых и 995 п. 10 ф. полосного и связного железа. «Нагрузя, поплыл с теми припасы к тебе, в г., к Москве», писал с завода Акинфий Демидов. Остальное, т. е. пушки и половина всего количества ядер и бомб, оставлено было на берегу.⁴⁸

Из донесения воеводы и присланных в Москву отписок Акинфия Демидова и в особенности из показаний крестьян, работавших на пристани, выясняется довольно отчетливая картина. На Невьянском заводе была произведена за зиму выплавка пушек, ядер, бомб и железа, несколько не уступавшая по весу выработке Каменского завода. Демидов-

⁴⁶ Об этом ниже см. в главе VI.

⁴⁷ ЦГАДА. Д. о горн. пром., д. № 49, л. 34.

⁴⁸ Там же, л. 305—308.

ская продукция отличалась крупными размерами снарядов и двух пушек и мортиры. Задержка произошла вследствие запоздания с подготовкой стругов; удалось отправить лишь часть груза в одном дощанике, а для отправки второго судна время было упущено. Мирской староста Чусовской слободы заявил 11 мая, что плыть по р. Чусовой уже невозможно, тем более что все проводники, или «вожи», ушли с судами Семена Резанова. Караван легких судов с каменскими пушками обогнал большой, тяжеловесный демидовский дощаник.

Только 4 сентября 1703 г. в Москву в Сибирский приказ явился приказчик Демидова Микита Афонасьев, сопровождавший два дощаника с демидовскими железными «припасами»; очевидно, груз был переложен в пути на два дощаника для прохода по Оке и Москве-реке. Суда стояли на мели на Москве-реке, но вскоре были сдвинуты с мели, и уже 9 сентября на Пушечный двор были приняты ядра и железо. Весь груз составил 4902 пуда. Сверх того удалось все же послать с Чусовой еще два больших струга с 2 пушками и ядрами. Они плыли с верхотурским боярским сыном Григорием Шубиным. Поздней осенью суда пришли в Переяславль Рязанский; здесь под Белоомутом «один дощаник налило водою и он погруз», а другой 12 октября отправился дальше. Зимой из отставшего и обмерзшего дощаника выгружали пушки, и только весной следующего, 1704 г. были доставлены в Москву пушки, бомбы и ядра.⁴⁹

Невьянский завод, судя по этим сведениям, работал довольно интенсивно: в течение зимы было сделано более 50 пушек крупного калибра, много железа, но затруднения возникли главным образом с погрузкой и отправкой продукции в Москву. Каменский завод, его руководство и тобольские воеводы оказались значительно впереди в соревновании с Невьянским заводом и Верхотурьем. При содействии тобольских властей заранее были сделаны дощаники, даже в большем числе, чем это было нужно, своевременно погружены и по высокой воде отпущены по Чусовой. Весь путь был сделан менее чем за 3 месяца, что следует признать большим успехом. Между тем Демидов и верхотурский воевода сумели отправить лишь меньшую часть продукции Невьянского завода и притом, несмотря на меньший груз, везли его свыше 5 месяцев.

3. УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЫ в 1703—1707 гг. и КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ

В то время, как пушки, снаряды и железо с первых уральских заводов шли к пристани и оттуда плыли на стругах на запад, Никита Демидов находился в Туле. Он приехал, вероятно, в январе 1703 г. одновременно с Виниусом, возвращавшимся из своей сибирской командировки. Из Тулы Демидов отправил на Урал мастеров-оружейников с их семьями, затем хлопотал об утверждении за ним уральских слобод и монастырского села и получил разрешение завести новый завод в Кунгурском уезде. Только в июне 1703 г. он начинает готовиться к отъезду и обращается в Сибирский приказ с просьбой выдать ему на «меховые фурмы» 5 пуд. красной меди и 5 пуд. пороха для «оберегательства в дороге от воровских людей». Эта просьба его была удовлетворена.⁵⁰

Демидов затем выдвинул новое предложение. У него на Невьянском заводе скопилось 50 тыс. пуд. чугуна, который он не мог скоро переработать в железо ввиду недостатка молотовых мастеров. Он предложил везти чугун в Москву, с тем чтобы на московских заводах перелить и пе-

⁴⁹ ЦГАДА, Дела Сибирского приказа, кн. 1426, л. 58—58 об.

⁵⁰ Там же, Д. о горн. пром. и зав., ф. 190, д. № 49, л. 136.

рековать его в прутковое железо. Демидов указал на выгодность этого предложения для казны и привел точную калькуляцию: за 1 пуд чугуна франко-завод без провоза он возьмет по 3 алт. 2 д., за провоз его до Москвы водой — 10 денег с пуда; из 1½ пуд. чугуна выйдет 1 пуд железа, т. е. чугуна пойдет на 7 алт. 3 д.; перековка в прутковое железо со всеми расходами на московских заводах будет стоить 5 алт. с пуда и, следовательно, себестоимость пруткового железа из уральского чугуна выразится в 12 алт. 3 д. (37½ коп.). Таким образом, он предлагал превратить уральские заводы исключительно в чугунолитейные, в металлургическую базу для последующей металлообработки на московских заводах. Это лишний раз указывает на крупное значение заводов центра, которые Демидов считал более подготовленными для переработки уральского чугуна, чем только что выстроенный Невьянский завод.⁵¹

Впоследствии он приобрел на Волге, в Нижегородской губернии, с. Фокино, где позднее была поставлена перековка в железо чугуна, доставлявшегося туда по Чусовой, Каме и Волге. Остается неизвестным, как отнеслось правительство к этому предложению Демидова. Под этим указом стоит лишь помета о присоединении его к демидовскому договору, т. е. к его привилегии: «Взять в переплет к Ми[ки]типу договору Демидова». Предложение не имело в этот момент практических результатов, и от Демидова вместо чугуна потребовали вновь присылки железа, пушек и снарядов. Но через полтора года, в январе 1705 г., действительно приказано было взамен пушек выковывать на уральских заводах только железо.

Тогда же, в июне 1703 г., от Демидова затребовали представить объяснение относительно задержки с отправкой весной железа в Москву. Вместе с тем ему было предписано приготовить к зиме, кроме пушек, мортир и бомб, также 10 тыс. пуд. железа, в особенности пригодного для оковки пушечных колес, и отослать все это будущей весной. Указ оканчивался угрозой в случае невыполнения его отобрать Невьянский завод у Демидова: «А буде ты по указом великого государя не учинишь, Верхотурские заводы взяты будут на великого государя и иному отданы».⁵²

В июле к Никите Демидову идет запрос по поводу его слишком продолжительной задержки в Туле, сопровождающийся грозным предписанием немедленно выехать на Урал.⁵³

После этого нажима Никита Демидов вынужден был в августе спешно выехать на Урал. Ему пришлось также давать объяснения на жалобы верхотурского воеводы по адресу Акинфия Демидова, управлявшего заводом в отсутствие отца. Верхотурский воевода А. Калитин не только жаловался на задержку с постройкой стругов и отправкой их к Москве, но писал также, что Акинфий Демидов отказывается выполнять заказ на 2 молота и 2 наковальни для строящегося Алапаевского завода. Воевода сообщил,

⁵¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., ф. 190, д. № 49, л. 157—158 об.

⁵² Там же, д. № 49, л. 147.

⁵³ Там же, д. № 49, л. 268: «В прошлых 701-м и 702-м и в нынешнем 1703-м годах по многим великого государя указом велено тебе на сибирских заводах лить всякие железные припасы и присылать к Москве водяным путем. А ныне ведомо в Сибирском приказе учинилось, что с Верхотурских заводов водою к Москве железных припасов идет малое число, а ты с Тулы на те заводы по се число не едешь не ведомо для чего. И как к тебе память придет, и ты бы с Тулы на Верхотурские заводы ехал тотчас без всякого мотчанья и отговорки и на тех заводах о литье пушек и иных воинских припасов и о деле кованого железа и о присылке к Москве чинил по прежним в. г. указам, каковы на те заводы посланы. А буде ты к сему в. г. указу учинишься ослушен, и тебе быть в великом разорении и бедстве. А с которого числа в Сибирь с Тулы ты поедешь, и о том тебе в Сибирский приказ отписать».

что Акинфий намерен остановить домну и хочет прекратить работу пушечных мастеров, ссылаясь на недостаток дров и руды.⁵⁴

Летом 1703 г. на Невьянском заводе произошла крупная авария, не редкая на вододействующих заводах: прорвало плохо сделанную плотину сильным весенним потоком воды, а так как плотина служила гидросиловой установкой, то это привело к бездействию завода. Вместе с плотиной вода снесла лес, доски и тес, предназначенные для постройки новой молотовой, а также «разнесло многое число» дров, заготовленных на уголь. С 18 июня по 4 июля вода в р. Нейве понемногу спадала, но «великие дожди» не позволяли чинить плотину. Сообщая об этой беде воеводе на Верхотурье, Акинфий Демидов, находившийся на заводе, прибавлял, что у него взяты на новый Алапаевский завод плотники и меховой мастер, и просил прислать к нему слободских крестьян для заготовки дров. Воевода писал об этом в Москву в Сибирский приказ, и в ответ 24 августа 1703 г. к нему была послана грамота с приказанием посылать попрежнему к Демидовым слободских крестьян для сечки дров на уголь и для перевозки железных припасов с завода до р. Чусовой. Демидов должен был платить крестьянам деньги за работу и кроме лесозаготовок и перевозок железа ни на что их не употреблять. Воеводе запрещалось брать у Демидова плотников и мехового мастера. Таким образом, ответ на жалобы воеводы был благоприятным для Демидова.⁵⁵

Никита Демидов 10 августа 1703 г. дал подробное объяснение по поводу обвинения его в заводских упущениях. Он сообщает, что с 6 декабря 1702 г. по 18 июня 1703 г. на заводе отлито 53 пушки и 1 мортира, правда, далеко не все они были просверлены и отделаны. Он приводит цифры производства снарядов и железа на заводе и размеры предполагаемой отправки в Москву. Демидов должен был признать, что с 2 апреля по 29 мая 1703 г., т. е. почти 2 месяца, домны на заводе бездействовали из-за ремонта, затруднявшегося мерами, принятыми тобольским воеводой: «а для починки домен камня ломать тобольские не дали». Прорыв плотины он объяснял тем, что вешняки оказались сделанными неправильно. Он послал на Урал еще 6 мастеров для починки плотины.⁵⁶

Столкновения между верхотурской администрацией и Демидовым тянулись летом и осенью 1703 г. Предметом разногласия явилась передача Демидову Аятской и Краснопольской слобод и монастырских крестьян. Крестьяне уже поголовно работали на завод, и воевода направил им «послушные грамоты» с предписанием покорности всем распоряжениям Демидовых. Однако Акинфий Демидов упорно отказывался официально принять крестьян и не желал до приезда на завод отца расписываться в приеме «отдаточных» книг, содержащих опись приписных селений.⁵⁷

⁵⁴ Там же, л. 301 и 307.

⁵⁵ Там же, л. 344—349. Грамота 24 августа 1703 г. имеется в Портфелях Миллера (№ 515, л. 67—70 об.) с пометой, что историограф получил ее из архива («Aus dem Archiv zu Catherinenburg»).

⁵⁶ Там же, д. № 49, л. 353: «Державнейший царь, государь всемилостивейший. По твсему государеву указу велено мне в Сибири на Верхотурских Невьянских железных заводах лить пушки и мортиры и бомбы и ядра и ручные гранаты и иные нужнейшие статьи к нынешним воинским случаем. И в нынешнем, государь, 1703-м году июня в — день волею божьею на тех заводах плотину промыло водою, и тем заводам учинилась остановка. И ныне, государь, для той плотинной починки на те вышепи-занные заводы посылаю я мастеровых людей да для письма на тех заводах всего шесть человек. Всемилоствейщий государь, прошу вашего величества, вели, государь, под тех людей и под детей дать подводы, и о подводях в Ямской приказ послать память вашего величества. Нижайший раб оружейного дела железных заводов уговорщик Никита Демидов. Августа в 16 день 1703-го году».

⁵⁷ Там же, д. № 50, л. 92 об.— 95, 144—146.

Воевода объяснял дело тем, что формальный прием ведет к уплате податей за текущий год за приписных крестьян (433 р. 27 алт.), от чего и уклонялся Демидов. Верхотурский воевода считал, что Демидов «не радует» в важном государственном деле, т. е. не торопится с отправкой пушки и железа.

Для обеспечения нового Алапаевского завода квалифицированной рабочей силой воевода велел собрать всех слободских кузнецов Верхотурского уезда и в мае послал 40 человек из них для обучения мастерству на Невьянский завод. Снова можно видеть хорошо знакомое нам явление—необходимость переучивания крестьянских кузнецов на крупной мануфактуре. Однако, по словам воеводы, Акинфий Демидов не оправдал его ожиданий: он не велел учить кузнецов, а приказал им «таскать из домны пушки и иную всякую заводскую работу работать». Воевода сам приехал на Невьянский завод 15 июня, и на его вопрос Акинфий отвечал, что у него на заводе «у всякого заводского мастера есть свои подмастерья и работники, и посторонних кузнецов Акинфий к себе не примет, для того, что у него сожгут много угля».

Воевода снова приехал на завод 29 августа 1703 г. и распорядился отправить 1000 п. связного и прутового железа на Чусовую к пристани по новой дороге, «которую проложил я, — писал воевода, — едуци с Кунгура», «та дорога блиска и ровна, больших гор нет и на речках намощены мосты». Однако, несмотря на все старания, новый воевода А. Калитин не смог осенью отправить железо «за мелкою водою» на р. Чусовой. Он отобрал 77 прутов железа и, погрузив его на 19 крестьянских подвод, отослал в Москву. Эти 19 подвод прибыли в столицу через полтора месяца, к 1 декабря 1703 г.⁵⁸

Поездки воеводы на демидовский завод показывают те методы регулирования и воздействия, которые применялись по отношению к предприятию, уже перешедшему формально из казны к частному владельцу. Для обеспечения казенных поставок верхотурский воевода посылает подьячего и едет сам на завод, отбирает железо и распоряжается его отправкой.

С Невьянского завода воевода Алексей Калитин поехал на стройку нового, Алапаевского казенного завода. Строительные работы на нем шли успешно. Воевода сообщает, что там уже построили плотину и за два месяца выстроены 44 двора, достраивают домну и молотовую и работают над сооружением второй домны, новой молотовой и трех «вертелен». В этом же сообщении, как бы в противопоставление этим успехам Алапаевского завода, верхотурский воевода передает челобитье Никиты Демидова, где тот сообщает о прорыве плотины и остановке домны на Невьянском заводе. Воевода послал в ноябре на Невьянский завод подьячего Гаврилу Деревнина, чтобы «досмотреть у него, Никиты, на заводах зачинки плотинной и пушечного литья и мортир».⁵⁹

Никита Демидов с Урала посылает в Сибирский приказ 6 ноября 1703 г. обширное донесение, в котором от оправданий переходит к обвинениям. Он указывает, что воевода утаил от Сибирского приказа сдачу железа им, Демидовым, ничего не уплатил ему за сданное железо и тем причинил ему «великие убытки». Кроме того, он упрекает воеводу, что тот свез «неведомо куды» с Невьянского завода тысячу пудов железа, а на заводе не осталось даже запаса металла, необходимого для починки и стройки. Никита Демидов сообщает и о других неправильных действиях воеводы. Так, он пишет, что воевода много раз

⁵⁸ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., ф. 190, д. № 50, л. 115—116, 119.

⁵⁹ Там же, л. 179—183 об.

приезжал на завод в его отсутствие и бранил его сына, Акинфия, «и угрожал бить кнутом, брал его с собой в Верхотурье и волочил много время напрасно». Между тем Демидов напоминает, что он и его работники неподсудны воеводе. Приезжая на завод, воевода жил там по 2—3 дня, требовал подвод, заставлял мастеров и рабочих работать на него и причинил Демидову «убытки и харчь многие».

В том же ноябрьском донесении Никита Демидов сообщает о продолжающемся бездействии своего завода, так как хотя он плотину починил, но ее прорвало во второй раз. В заключение он высказывает ряд пожеланий и прежде всего просит, чтобы воевода не ездил к нему на завод, отдал бы ему приписных крестьян и вернул взятых на другие заводы мастеров. Он просит выдать ему деньги на починку плотины, так как он «вельми издержался», и прислать крестьян для возки земли на плотину, рубки дров и возки их в кучи на уголь. Демидов заканчивает свою «сказку» категорическим указанием, чтобы его освободили от завода, если не произойдет в этом отношении перемены: «или вели, государь, те заводы у меня принять в свою, вел. государя, казну, а за лишнее мое строение, что я вновь построил на тех заводах, и за всякие изготовленные припасы вели, государь, выдать мне против того ж по чему, что стало».⁶⁰ Вслед за тем в новом челобитье Демидов извещал Сибирский приказ, что за недостатком рабочих он не смог починить плотины до наступления зимы и снова жаловался на частые приезды воеводы.

Таким образом, с момента перехода завода из казны в частные руки за истекшие 1—1½ года завод был распирен и выдал уже значительную продукцию. Но двукратный прорыв плотины и длительная остановка завода, так же как запоздание с отправкой железа и пушек в Москву, свидетельствуют о продолжающихся неполадках на заводе. Прежние «ссоры и свары», имевшие место при основании завода и послужившие отчасти поводом к его передаче в частные руки, сменились острыми столкновениями новых хозяев с местной властью, и ссоры, как и прежде, сопровождались жалобами в Москву и обоюдными обвинениями.

Выход из этого положения был найден скоро, и притом довольно неожиданный. Никита Демидов с семьей внезапно покинул бездействующий завод и уехал в Москву. Об этом сообщил воеводе подьячий Гаврила Деревнин, посланный на завод для «досмотра» и взятия у Демидова новых сведений о его будущей продукции. Приехав на завод 10 ноября, он уже не застал Демидовых: «до приезда ево за три дни Никита Демидов з детьми съехал з заводов к Москве, да с собою свел дву человек пушечных мастеров». Заводская плотина осталась невосстановленной, насыпанную землю «все пронесло». По его словам, на заводе «и домны не дуют, и молотовые не ходят и железа, государь, в готовности малое число». Оставшийся на покинутом владельцем заводе демидовский подьячий на запрос Деревнина отвечал, что он «в Микитины заводские дела» не вступается и без него ничего делать не будет.

Трудности, перед которыми стояли Демидовы и воеводские власти, касались не только Невьянского завода. Известные затруднения, хотя и не столь резко, проявлялись и на Каменском заводе, где дело шло не вполне гладко, чему отчасти виной были иностранные специалисты. На заводе работали англичане Роберт Жартов и Вилим Панкурст. Построив новую домну, они засыпали ее углем 25 октября и рудой 28 октября 1703 г., но она действовала немного больше недели, только до 9 ноября. В этот день чугун стал в горне застывать, «фурму заметало чугуном» и кирпич начал гореть в кладке. Роберт Жартов объяснял это тем, что он действовал

⁶⁰ Там же, л. 194—199.

по примеру Англии, рассчитывая, что каменный кирпич той же крепости, что и английский, но он оказался иного качества и стал гореть от чугуна и огня. Иноземцы приказали выломать горн и «бочку и трубу», и заново выложить вместо кирпича диким камнем. Домну сломали, и они обещали сделать ее через месяц. Может быть, в связи с этой неудачей англичане просят отпустить их с 15 февраля на родину через Архангельск, так как, по заявлению Роберта Жартова, у него «в своей английской земли за морем жена и дети».⁶¹

Во второй половине 1703 г. шли работы не только на новом, Алапаевском, но и на Уктусском заводе, строительством которого руководил приказчик Астраханцев. В этот момент усиленно искали не только железную руду, но особенно медную. Сохранился чертеж местности по рекам Чусовой и Уктусу и чертеж Арамильской слободы с обозначением мест, где найдена медная руда, и с указанием нового, Уктусского завода, а также чертеж района р. Полевой. Таким образом, в это время наряду с двумя действующими заводами, Каменским и Невьянским, строятся еще два казенных завода, Алапаевский и Уктусский, и ведутся изыскания для новых заводов. Вместе с тем продолжается вызов русских и иностранных мастеров; так, осенью 1703 г. были приглашены еще 3 саксонца: замочный, проволочный мастера и мастер по производству крыжей (рукоятка, перекрестка) к шпагам. Но несколько иноземцев, в числе их и знакомый нам Эрик Дебре, были отправлены с Урала на Олонецкую верфь.

Здесь, в конце 1703 г. нас покидает тот интереснейший источник, которым я преимущественно пользовался для воссоздания детальной истории строительства первых уральских заводов и первых шагов Никиты и Акинфия Демидовых. Обширные «Дела о горных промыслах и заводах» (4 тома), содержащие собранную вместе переписку Москвы с Верхотурьем и Тобольском о железных заводах, прерываются декабрем 1703 г. После этой даты можно привлечь отдельные документы из дел Сибирского приказа. Из них прежде всего отмечу весьма существенные данные, относящиеся к той же осени 1703 г. относительно денежных затрат Н. Демидова на заводское строительство. Он писал в Сибирский приказ (21 августа 1703 г.), что издержал на Невьянский завод 7 тыс. руб. и сверх того в июле 1703 г. послал на завод еще 4 тыс. руб., но и этих денег было недостаточно для обеспечения завода на зимнее время; поэтому он просит уплатить ему без задержки за сданные в казну воинские припасы.⁶²

Из этих сведений мы узнаем, что Демидов уже вложил за год с небольшим в новое предприятие 11 тыс. руб. Если к этому прибавить казенные денежные вложения, уже упомянутые выше, сделанные до передачи завода Демидову (11 887 руб.), то следует признать, что заводское строительство требовало крупных денежных средств. Вместе с тем это является отличной иллюстрацией создания денежных средств — одной из необходимых предпосылок мануфактуры. Денежные средства притекают как из казначейства, так и концентрируются предварительно в частных руках предпринимателя. К. Маркс указывает значение «денежного богатства» как предпосылки мануфактуры, в особенности для отраслей промышленности, требующих с самого начала большой концентрации рабочих сил и массового производства; к ним он причисляет и металлопромышленность.⁶³

⁶¹ ЦГАДА, Д. о горн. пром. и зав., ф. 190, д. № 50, л. 226 об.—229 об.

⁶² ЦГАДА, Дела Сибирского приказа, кн. 1311, л. 348—350 об.

⁶³ К. Маркс. — Формы, предшествующие капиталистическому производству. Из неопубликованных рукописей. — Пролетарская революция, 1939, № 3, стр. 183.

Демидов, как указывалось, должен был погасить свой долг поставками железом. Некоторые сведения, хотя и лишенные подробностей, содержатся в доношении, поданном в Берг-коллегию три четверти века спустя внуком и правнуками Никиты Демидова. В связи со спорами по поставкам железа в казну в 1776 г. они утверждали, что еще в 1728 г., 15 октября, Сенат приказал учинить счет тому, сколько Демидовы должны были уплатить и сколько с них взято. Счет был составлен, хотя и не носил окончательного характера, в нем указывалось, что «значится по оному к зачету отданных крестьян и за завод денег 36 763 руб.»⁶⁴ Потомки Демидова понимали дело так, что он уплатил за завод и за крестьян.

Как же был принят в Москве внезапный отъезд с завода Демидова с сыном, разгневанных действиями верхотурского воеводы? В Сибирском приказе уже не было Виниуса, уволенного в отставку, и, вероятно, некому было покровительствовать зятю его, верхотурскому воеводе А. Калитину. Взаимные жалобы и претензии Демидова и воеводы изложены в именном указе 4 апреля 1704 г. Мы узнаем о жалобах воеводы на отказ Демидова расписаться в приеме приписных крестьян; воевода прислал в Москву жалобы ясашных людей на различные притеснения со стороны Демидова. Демидов объяснял свои действия тем, что они — его «данные» крестьяне, тогда как сами они считали, что из состава переданных ему слобод и сел должны работать на Демидова только крестьяне, обязанные податями, а не ясашные люди. Из того же указа узнаем, что Никита Демидов в феврале 1704 г., со своей стороны, бил челом на притеснения воеводы Калитина. Эти споры и взаимные обвинения и были разрешены указом 4 апреля в пользу Демидова. Воевода получил строгое внушение, ему запрещено было приезжать на Невьянский завод, вновь подтверждалось, что Демидова, его мастеров и рабочих «во всем ведать в Сибирском приказе», а ему, воеводе, на Верхотурье, «ведать его ни в чем не велено». Воевода должен был вернуть на Невьянский завод взятых им плотников и мастера. Ясашные крестьяне из отданных Демидову слобод должны были работать у него, как и другие, а за ясак Демидов обязывался вместо них платить в казну железом. К Невьянскому заводу должны быть отведены леса и земли на 30 верст кругом завода. Интересно указание на военные обстоятельства, которые приводятся для подтверждения указа: приписные крестьяне должны быть переданы Демидову, взятые у него рабочие возвращены и слободские крестьяне посланы к нему на работу, «чтоб за неотдачею крестьян тем заводам не было остановки и воинским припасом в литье и в кованном железе для нынешняго воинского свеского случая».⁶⁵ Демидов получил полное удовлетворение. Согласно указу 4 апреля 1704 г., воеводская власть должна была отказаться от вмешательства и мелочной опеки демидовского завода.

В феврале, 1704 г. на Урал снова выехал сын Никиты Демидова Акинфий для постройки плотины, все еще не починенной, и для сооружения новых молотовых. С ним отправлялась новая партия мастеров; следовательно, поток квалифицированных рабочих и специалистов, направляющихся из центра на восток, продолжается даже 4 года спустя с основания завода. «Державнейший царь, государь милостивейший, — писал Демидов, — отпустил я сына своего Акинфея с женою и с детьми в Сибирь на Невьянские железные заводы, а с ними два человека подь-

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, № 115, Дело по нарядам железа 1771—1781 гг., л. 179.

⁶⁵ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 514, л. 70—76; тот же указ см. ф. Демидовых, д. № 4003 и Гос. библиот. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 25—32; неполностью приведен в кн.: Ш и щ о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 40.

ячих, да заводкова мастера да плотника з женою и з детми, да четырех человек работников, а один з женой и з детми, да для указыванья дорог провожатой. А ехать им с Тулы на Коломну и на Володимир и через Вязники и на Нижний до Казани, а Казанским и Уфимским и Кунгурским уездами до заводов». Далее следует обычная просьба о снабжении подводами.⁶⁶

Вслед за тем, в начале апреля 1704 г., Никита Демидов хлопотал о своем выезде из Тулы на завод. Вместе с ним отправлялись двое других сыновей, Григорий и Никита, из которых один, женатый, ехал также с семьей; они нуждались в 30 подводах.⁶⁷ Это было переселение большой семьи Никиты Демидова с женою и с сыновьями, внуками, с работниками и мастерами.

1704 год проходил для Демидова более успешно, чем предыдущий. Весной он мог отправить в Москву три струга со снарядами общим весом почти в 14 тыс. п. Здесь находилось 935 бомб 9-пудовых, 875 ядер.⁶⁸

Демидов отправил эти воинские припасы в Москву, как он писал, «водою в своих готовых стругах и сеюими наемными работными людьми». Суда дошли до Коломны, где из-за мелководья должны были остановиться. Их пришлось разгружать и везти груз к Москве уже зимой, и 12 февраля следующего, 1705 г. кн. Ф. Ю. Ромодановский слушал выписки и отписки Никиты Демидова и приказал присланные им снаряды «ис стругов выгрузить и перевезть по нынешнему зимнему пути в приказ артиллерии».⁶⁹

Весной 1705 г. Демидов снова отправил в Москву свою продукцию; на этот раз это были не только бомбы и гранаты, но и 22 пушки крупного калибра. Они были погружены на двух стругах. Отпуск Демидова в 1705 г. составил: 20 пушек 12-фунтовых, 2 пушки 18-фунтовых, 463 бомбы 3-пудовых, 1000 гранат ручных 2-фунтовых, 350 прутов кованого железа. Струги пришли в Москву в октябре 1705 г. На этот раз они смогли пройти несколько дальше по Москве-реке — до с. Кожухова, где накануне Азовских походов происходили грандиозные военные маневры. Никита Демидов писал в Сибирский приказ, что «ныне те струги дошли Москвою-рекою до деревни Кожуховой и за мелкою водою остановились и дойти до Москвы за мелкою водою никоими делы невозможно».⁷⁰

Пусковой период на Невьянском заводе кончился, и Демидов мог ежегодно отпускать значительную продукцию. Одновременно Каменский завод также отправлял в Москву пушки, ядра, железо и сталь; к нему присоединились казенные Алапаевский и Уктусский заводы.

В 1704 г. с Каменского завода было отправлено в Москву 11 дощаников и 10 набойных лодок. Они привезли 20 пушек 12-фунтовых (2087 пуд.),

⁶⁶ ЦГАДА, Дела Сибирского приказа, кн. 1399, л. 182, 188.

⁶⁷ Там же, кн. 1399, л. 301: «...По твоему, в. г., указу велено мне ехать в Сибирь в Верхотурской уезд на Невьянские железные заводы и дано мне десять подвод, а ныне велено ехать с женою и з детьми, а детей два сына, один женат, четвера ребят моих внучат. А падобно в прибавку к тем же десяти подводам дватцать подвод для того, что всякой домашней бутор и под работников и под работниц и под их бутор под платенной и под рубашной и под всякую одежду и под запас, чем сытым быть до Сибири и под всякие заводские снасти и под судовые парусы, под полатки, с ними ж будет одна корета. А ехать жене моей и детем с Тулы на Переславль-Резанскую, на Касимов да на Муром, на Нижней Новгород, на Козмодемьянск, на Казань, Казанским и Уфимским и Кунгурским уездами до Невьянских железных заводов. Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, великий государь, дать двадцать подвод под жену, и под детей, и под внучат моих, и под работников, и под работниц, и под всякую домашнюю рухлядь и под харч и под карету».

⁶⁸ Там же, кн. 1426, л. 373 об.— 374.

⁶⁹ Там же, л. 376—377.

⁷⁰ Там же, кн. 1426, л. 407 об., 409.

6 пушек 6-фунтовых (320 пуд.), 37 мортир (1937 пуд.), 10 станков мортирных (410 пуд.), 16 гаубиц (214 пуд.), 19 896 ядер картечных (154 пуд.); кроме того, было отправлено железо прутовое и четверогранное, уклад, сталь и 500 тесаков. До Москвы плыли 14 недель и 5 дней, и 3 августа 1704 г., остановились у дворцового села Нового подле Коломны; далее не могли пройти вследствие мелководья. В том же, 1704 г. с Алапаевского завода было послано на 30 подводах 750 пуд. прутового железа и для образца 2 пушки и 3 пуда проволоки. В следующем, 1705 г. была отправлена в Москву продукция двух казенных заводов, Каменского и Уктусского; было приказано на них не отливать пушки и мортиры, а посылать только железо, уклад, сталь, проволоку и т. п.; посланы были также 358 ружей, сделанных Никифором Пиленком. На этот раз караван судов дошел до Угрешского монастыря под Москвой и остановился у с. Копотки; когда вода прибыла, суда пошли далее и стали 22 июля 1705 г. на берегу Москвы-реки, выше Яузского моста.

О поставках Демидова за последующие годы имеются сведения в более поздних делах Берг-коллегии.⁷¹ В октябре 1705 г. были посланы Демидовым и «приплавлены» к Москве 2 струга. На Пушечном дворе в марте следующего года было принято у него 2 пушки 18-фунтовых и 10 пушек 12-фунтовых; пушки весили 2357 п. 30 ф.; кроме того, были доставлены гранаты, бомбы и железо. В следующем, 1706 г. навстречу демидовским дощаникам был послан из Сибирского приказа «водяным путем» подъячий. Он встретил 14 июня 4 струга с железом и воинскими припасами, но сведения о количестве и составе груза отсутствуют, и в 1707 г. на Пушечном дворе было принято 19 пушек, весом 2408 пуд., из них 10 пушек оказалось «с раковинами», и стрелять из них было признано опасным; железа было доставлено 21 817 пуд.

В июле 1707 г. было отправлено Демидовым с завода в Москву 4 мортиры, 26 пушек, железо, граваты, ядра и др. В марте и в июне следующего, 1708 г. этот груз в 25 937 пуд. был принят на Пушечном дворе. На этот раз качество пушек было отличным, они были «стрельбой опытованы и от той стрельбы устояли и впредь к стрельбе годны».

В том же, 1708 г. «для военного случая» казанский воевода Н. Кудрявцев взял в Казани с демидовских дощаников 5100 гранат, 1475 ядер и бомбы. То же повторилось и в 1709 г., когда снова часть демидовского груза, именно 11 пушек и 3358 пуд. железа, были взяты с судов в Казани «к корабельному делу» и «на иные многие государевы дела».

В октябре 1708 г. Демидов доставил в Москву на 4 судах-коломенках железо, снаряды и мортиру весом в 500 пудов. Из них одна коломенка осталась под Симоновым монастырем, другая застряла под Котлами, третья остановилась в с. Кожухове, один паузок с бомбами был выгружен в с. Мячкове, другой с гранатами стоял под Бронницами, и четвертая коломенка «замелела под Коломной — в Оке или в устье Москвы-реки». Всего привезено было в 1708 г. 24 309 пудов железа и снарядов. Мортира не была принята Приказом артиллерии, часть гранат и ядер «перебились в маловодье, а иные распропали», железо (7739 пуд.) было сложено у него, Никиты, на Коломне в анбары, для того, что за маловодьем того железа везти было невозможно».

Таким образом, Демидов доставлял в год по 20—25 тыс. пуд. железа, снарядов и пушек на 3—4 стругах, которые часто застревали, не доходя до Москвы. За привезенный в пять лет (1705—1709) груз ему следовало получить из казны 55 678 руб. Но деньги в Москве и на месте,

⁷¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 1057. О поставках и следствии о десятинном сборе 1733—1734 гг., л. 100, 116.

в Верхотурье и Кунгуре, выплачивались неаккуратно, по 1—3 тыс. руб., с вычетом того, что следовало в казну в уплату податей за приписных крестьян и т. п.

В 1709 г. Никита Демидов жаловался, что верхотурский воевода бьет его приказчиков «смертным боем», а приказчик казенной Мурзинской слободы бьет демидовских крестьян и не велит ездить через слободу. Очевидно, продолжались споры и пререкания, вызванные стремлением Демидова использовать труд казенных крестьян и поползновениями воевод на местах проявлять свою власть и на частном заводе.

Насильственный отрыв рабочих мануфактуры, полностью или частично, от сельского и лесного хозяйства и превращение их в придаток мануфактуры сопровождался насилиями, вызывавшими энергичный отпор со стороны населения. Уже с первых лет строительства мануфактур уральские крестьяне, попавшие под жестокую руку Демидовых, местных воевод и заводских приказчиков, переходили от единичных жалоб правительству к различным формам массовой борьбы. Эти два явления — процесс превращения крестьян и ремесленников в рабочих мануфактуры и борьба их против нового закабаления — отчетливо проявляются с самого возникновения уральской промышленности.

Как Демидов, так и руководство казенных заводов стремились поставить рабочих в худшие условия, чем те, которые они имели, живя в центре страны в качестве ремесленников и заводских рабочих. В особенности это относится к Демидовым. Мы уже видели, как рабочие Каменского завода жаловались А. А. Виниусу на тяжелые условия и неуплату заработной платы или низкий ее уровень. То же наблюдалось на Невьянском заводе.⁷² Впоследствии на Демидова жаловались плотники, делавшие дощаники для отправки пушек и железа; они сделали два дощаника, но демидовский приказчик Емельян Ксенофонтов не принял у них работу, требуя взятки. Притом «он, Емельян, нас, плотников, и работников наших бил и увечил на смерть».⁷³ По их словам, Н. Демидов не заплатил им и «оболгал» их, заявив в Сибирском приказе, будто они не сделали работу в срок.

Акинфий Демидов, как мы видели, отказывался платить казенные сборы за приписных крестьян, отданных ему в середине года. Он приказывал им платить самим, между тем все крестьяне приписных сел и деревень «поголовно» работали на заводе. Крестьяне действительно уплатили налоги, хотя и «с великою нуждою», отчего им «чинится разорение», так как «за работу их ничего им Акинфий не платит».⁷⁴

Демидов заставлял работать на заводе ясашных людей, русских и вогуличей, живших в приписных к Невьянскому заводу деревнях. Это были охотники, вносившие в казну ясак пушниной и не признававшие себя отданными заводчику. В жалобе, поданной в октябре 1703 г., «русские ясашные люди» Бабинов и Бородин из Краснопольской слободы писали, что «на тех Невьянских заводах Никита Демидов держит на чепи скованных моего отца Максима Бабинова, сына моего Тимофея, неведомо за что, и мучит напрасно и морит голодною смертью...» К Демидову были посланы два казака, чтобы взять у него Бабинова и Бородина, но это им не удалось: «он, Никита, говорил, люди де мои, а тебе де

⁷² ЦГАДА, Д. о горных пром., д. № 49, л. 129.

⁷³ Там же, л. 297—298.

⁷⁴ Там же, д. № 50, л. 93 об., 110. Той же осенью, 15 октября 1703 г. двое крестьян Арамашевской слободы подали челобитную, где жаловались, что Демидов отнял у них насильно лошадей.

их не отдам, — вывел он, Никита, на плотину тех ясашных людей и бил их в народе и при нем, Василие, плетью на смерть и, бив, де отдал под караул». Он говорил, что «вотчина и люди мои все ево, Никитины».

О том же говорится в изданной челобитной русских ясашных людей Аятской и Краснопольской слобод Максима Синбирцева, Ивана и Степана Бородиных и Максима Скоробогатова. В Чусовской слободе Демидов пришел в дом Максима Скоробогатова со многими людьми, выломал двери, но так как тот не сдался, то Демидов увез у него четырех лошадей с подводами и хомутами и у других крестьян взял подводы. От этой «изгони» крестьяне разорились и не могут полностью внести ясак. Демидов оправдывал эти насилия тем, что ясашные крестьяне отданы ему вместе с Аятской и Краснопольской слободами и обязаны работать на его заводе.⁷⁵

Аналогичные жалобы имеются также среди неизданных материалов. Двое русских ясашных людей и один вогулич из Краснопольской слободы заявляли, что Демидов принуждает их работать на заводе и приказывает своим казакам хватать их и сажать «за караул». Никита Демидов, по словам потерпевших, и сам к ним в вотчины «приезжает утайкою». Схваченных крестьян он «морит голодною смертью, пить и есть не дает и бьет их батожем и плетью на смерть».⁷⁶ Демидов бросил в тюрьму кузнеца, посланного к нему верхотурским воеводой с Алапаевского завода для обучения молотовому мастерству, и «скована держал многое время».⁷⁷ Так проявлялась на деле та вотчинная юрисдикция, которая предоставлена была Демидову указами о пожаловании ему завода, и приписке к нему деревень, где, однако, предписывалось избегать «жесточи».

Правительство в этих спорах стало на сторону заводчика. Оно защищало его от вмешательства воевод и предоставило ему полную возможность широкой эксплуатации уральских крестьян, как пашенных, так и ясашных. Перед отъездом Демидова из Тулы на завод весной 1704 г. именным указом 4 апреля верхотурскому воеводе угрожали взыскать с него все убытки от остановки завода, если он будет попрежнему ездить к Демидову и не вернет ему мастеровых людей и монастырских крестьян.

Конечно, наибольшее значение имела, кроме насилий и произвола, вся система поголовной обязанности местного населения работать на строительстве заводов или в подсобных производственных работах. Мануфактура для своего обеспечения рабочей силой потребовала применения самых диких форм внеэкономического принуждения; оно действовало в определенном направлении, заставляя самостоятельных кузнецов, охотников и земледельцев идти на новые заводы. Для мануфактуры необходимы еще меры произвола и насилия и только «крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия».⁷⁸

Уральское слободское крестьянство, пользовавшееся большим земельным простором и знавшее лишь денежные сборы, ясак и обязанность обрабатывать десятинную пашню, теперь приписывалось к заводам или независимо от приписки было мобилизовано для постройки

⁷⁵ Шишонко. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 39—40.

⁷⁶ ЦГАДА, Д. о горн. пром., д. № 50, л. 186—186 об.

⁷⁷ Там же, л. 191.

⁷⁸ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Соч., изд. 4-е, т. III, стр. 475.

заводов, сечки дров, углежжения, для тяжелых и дальних перевозок. При попытках избежать этих новых повинностей крестьян ждала тюрьма и плеть. Неудивительно, что строительство уральских заводов с первых же шагов привело к крестьянским восстаниям. В литературе отмечены волнения уральских крестьян в 1725—1727 гг., когда приписные крестьяне отказались работать на заводах и попытались уйти с прежних мест и переселиться дальше в степи.⁷⁹ Архивный материал позволяет внести и в эту сторону изучаемых явлений некоторую поправку. Можно утверждать, что борьба уральских крестьян против новых форм эксплуатации возникла много раньше, с начала сооружения здесь крупных железных заводов. Приказчики Каменского завода сообщили в июне 1703 г. воеводе в Верхотурье, что «бежали де Тобольского уезду армилльские, калиновские, мурзинские, камышевские, багарятские, катаяские, колчеданские крестьяне з женами и з детьми двести человек и больши». Беглые, находившиеся в Кунгуре, собрались в большом числе, и воевода опасался от них «межеусобия». В августе выяснилось, что беглецы «ныне ис Кунгурского уезду идут в степь на Яитские вершины, покиня дома свои и засеяные хлебы». Верхотурский воевода (управлявший и Кунгурским уездом) писал об этом в Тобольск к Черкасским, а также доносил в Москву, что он приказал кунгурским бурмистрам «беглых крестьян дворы и животы и населенные хлеба, описав», конфисковать.

В Москве об этих событиях узнали только 1 декабря 1703 г. от стрельца, посланного с Верхотурья с железом Невьянского завода. На допросе в Сибирском приказе стрелец рассказал, что в июле поднялись кунгурские крестьяне, недовольные тем, что их заставляют работать на заводах. Вооруженные луками они подступили к г. Кунгуру. В этот момент в городе находился воевода Алексей Калитин; он начал с увещания крестьян через попа, но затем выступил против них с пушками. Вот как это было записано в приказе со слов стрельца: «В нынешнем 1703-м году, июля в седьмомнадесять да в восмомнадесять числех кунгурские Торгувижского острогу да села Преображенского Сокольных гор да села Златоустовского и деревень, а которых деревень, того подлинно сказать не упомнит, пашенные крестьяне Авдей Пигелев с товарищи во многолюдстве к городу Кунгуру приходили, и у иных де у многих были луки и палки, а он де Фока (стрелец.— *Б. К.*) в то время был в городе. И верхотурской де воевода стольник Алексей Калитин посылал из города протопопа Ивана и земских бурмистров Евтифея Веселкова с товарищи к ним, крестьяном, для разговору. И что они, крестьяне, им, протопопу и бурмистром, сказали, того де он не ведает, а слышал де он, Фока, от них, протопопа и от бурмистров, что де они, крестьяне, пришли слушать государева указу про взятые их на Кунгур для прииску медных и иных руд и в Сибирские города к пушечному литью в работу. И ис тех де крестьян поймал Иван Текутьев, который послан к ним, крестьяном, для разговору в третьи крестьян двух человек Авдея Пигелева с товарищем с Тихоном Печерским. И воевода де Алексей Калитин на другой день июля в восмомнадесять числе для пристрастия стрелял к ним ис пушек пыжами, и чрез них ядрами, а сколько де выстрелов было, того сказать не упомнит. И после той стрельбы он же, Алексей Калитин, посылал для разговору кунгурца Фрола Шавкунова и велел им говорить, буде они, крестьяне, к городу приступать хотят, и они б де давали бой, а буде не хотят приступать, шли б от города прочь. И они де, крестьяне, услышав от него, Фрола,

⁷⁹ В. Г е н н и н. Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937. Вводная статья М. Ф. З л о т н и к о в а, стр. 56—58.

те речи, разошлись от города прочь. И после де того, он, воевода, тех пойманных крестьян Авдея и Тихона в том приходе пытал дважды. А что де они, Авдей с товарищем, с пытки сказали, того де он, Фока, не ведает, и пытав их, Авдея, увез с собою на Верхотурье. А больши де того он, Фока, ничего не знает, а его де, Алексея Калитина, они, крестьяне, убить хотели ль, того он, Фока, ничего не знает и ни от кого не слыхал».⁸⁰ Хотя конец дела остается нам неизвестен, но общая картина достаточно отчетлива. Верхотурские и кунгурские крестьяне, раздраженные мобилизацией на заводы, собираются вместе, и одни из них намереваются итти к верховьям Яика, а другие, вооруженные луками, даже приступили к Кунгуру, оказавшемуся в осаде. Воевода ведет с ними беседу, посылает для увещания протопопа, но в заключение действует против восставших иными средствами — пушками.

Напомним выводы и наблюдения, сделанные при изучении строительства уральских заводов за 1700—1704 гг. Новый, неизвестный прежде материал позволяет выяснить базу, на которой выросли первые заводы. Исключительно выпукло, со всеми подробностями выясняется процесс перенесения на Урал опыта металлопромышленности центра, в первую очередь тульских и каширских заводов Нарышкина и Меллера, подмосковных заводов Воронина, оружейного завода Избранта и Тульского завода Демидова. На этих мануфактурах уже был накоплен опыт, освоена в предшествующее время, в XVII в., передовая металлургическая техника и имелась квалифицированная рабочая сила — как русские мастера, подмастерья и ученики, так и долго жившие, частью обрусевшие иноземцы. Эти мастера и подмастерья и были передвинуты затем на Урал, где они построили первые заводы, подобные заводам центрального района. На следующем по значению месте следует поставить ремесло центральных районов, мастерство московских, тульских, суздальских ремесленников. Ремесло в области металлического производства переживало процесс разложения и преобразования в мануфактуру с наемными рабочими, лишенными уже собственных «снастей», и с выделением отдельных предпринимателей. Администрация, заводчики и мастера на Урале прямо ссылаются на технику и приемы «русских» заводов, стремятся работать «помосковский», что означало более высокий уровень труда.

Не следует также сбрасывать со счетов значение местных уральских промыслов. Возникшие здесь мелкие предприятия в отдельных случаях помогли созданию крупной мануфактуры, как это было в отношении Каменского завода, сооруженного на месте принадлежавшего монастырю сыродутного железного завода. Многочисленные местные кузнецы и рудоплавщики облегчили разведку руд, помогли выбрать места для заводов и, что особенно важно, влились в состав рабочих новых заводов. Правда, для этого уральским кузнецам пришлось переучиваться, заимствовать навыки доменного и молотового производства, и с этой целью они направлялись на первые же уральские заводы по мере их сооружения и пуска. Виниус предлагал построить для обучения местных кузнецов особый «деловой двор». При несомненной роли местных промыслов ведущее значение остается за передовой формой — мануфактурой в виде «русских» заводов. Выдвижение Никиты Демидова является частью этого процесса — создания мануфактур в центре страны и последующего перенесения их опыта на Урал. Он не был «простым кузнецом», но являлся

⁸⁰ ЦГАДА, Д. о горных пром., № 50, л. 89—90, 118—118 об. На это восстание белло указывает В. Семевский, неправильно относя его к 1700 и 1701 гг. См. В. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, СПб., 1901, т. II, стр. 321.

разбогатевшим ремесленником, предпринимателем, владельцем Тульского завода. Вместе с накопленным денежным богатством Демидов перенес на Урал опыт заводчика, а также привез своих мастеров, подмастерьев и учеников.

На этой основе действовало петровское правительство «помещиков и торговцев», его методы были типичными приемами меркантилизма. Правительство строило казенные заводы, частично передавало их в частные руки и тем перекачивало средства из казначейства в промышленность. Высшие правительственные органы, как Сибирский приказ, распоряжаются о проведении разведки на Урале, об испытании руды и железа, вызывают мастеров, допрашивают их по организационным вопросам, о заработной плате и т. п., приказ вербует рабочих или в принудительном порядке направляет их на Урал. Начальник приказа сам отправляется на уральские заводы, выслушивает жалобы рабочих и допрашивает их, уточняет производственные задания, подстегивает энергию местных властей, заставляет ускорить разведку недр и торопит строительство заводов. На местах воеводы наблюдают и контролируют каждый шаг частного заводчика, так же как и приказчиков казенного завода; они сами приезжают на заводы, понукают и требуют выполнения и отправки в срок готовой продукции. Этой властной опекой также имелось в виду обеспечение промышленности рабочей силой путем мобилизации местного населения на строительные работы и для перевозок или путем прииски крестьян.

Демидов сумел воспользоваться этими методами правительственной опеки: он получил в свои руки Невьянский завод и умело и настойчиво добивался расширения своих прав и привилегий. Он приобрел две слободы и монастырское село, множество земли и понимал свои права весьма широко, требуя работы на заводе даже со стороны ясашных людей.

Столкновение Демидова с местной администрацией является начальным моментом в цепи его усилий избавиться от тягостного контроля и надзора со стороны местных властей, сохранив, однако, и даже расширив приобретенные им привилегии. На этом пути Демидов достигает неизменных успехов, в которых выражается петровская политика «развития нарождавшегося купеческого класса» (Сталин).

Правительственная опека и покровительство распространяются неравномерно между первыми заводами: Каменский завод привлекает усиленное внимание по сравнению с Невьянским; сюда переводятся в большем количестве и более квалифицированные рабочие и приписные крестьяне. Покровительство тобольского воеводы, более влиятельного, чем верхотурский, обеспечивает лучшую работу Каменского завода.

Уральская металлургия сразу обогнала достижения центра. Уральские домы уже с самого начала давали в 2—3 раза более высокую выплавку чугуна, чем центральные заводы. Природные богатства сказались и на свойствах железа, которое было лучше «свейского».

Личная роль Петра I в создании уральской промышленности весьма значительна; его направляющая стремительная воля проявляется в каждый решающий момент. По его распоряжению в самом начале приняты меры по ускорению строительства заводов, он решает вопрос о передаче завода Демидову и после доклада Виниуса приказывает передать ему ряд уральских слобод и деревень. Военные потребности побуждают правительство торопить заводскую администрацию, так как отсутствие шведского металла на рынке и необходимость восполнить потери под Нарвой требуют ускорения выпуска продукции. С конца 1702 г. начинается отправка пушек с Урала, летом 1703 г. прибывает в Москву большая партия в 350

орудий с Каменского завода, и Урал становится «кузницей оружия». Эта связь уральской металлургии с потребностями обороны указана товарищем Сталиным: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выско- чить из рамок отсталости».⁸¹

В этих условиях осуществлялось создание и перенесение на восток денежного богатства из казны и частных средств Демидова, а также создание из многообразных источников рабочих кадров уральской ману- фактуры. Крупная промышленность организуется в виде централизован- ной мануфактуры с применением кооперации и разделения труда. Же- стокое методы первоначального накопления проявляются не только в на- сильственном переводе рабочих и принудительном труде крестьян, но и в истязаниях рабочих и приписных крестьян. Пользуясь пожалованным ему правом вотчинной юрисдикции, Демидов хватает крестьян по де- ревням, бросает в тюрьму уклоняющихся от работ, бьет их плетьюми. Тяжелые условия, созданные для того, чтобы всеми средствами за- гонять крестьян на заводы, вызывают уже в эти первые годы отпор с их стороны вплоть до вооруженных выступлений и массового бегства.

Восстание крестьян, осадивших в 1703 г. Кунгур и разогнанных пушками по приказанию воеводы, очевидно, явилось первым звеном в цепи восстаний и непрерывной борьбы крестьянства против завод- ского режима, наполняющих историю Урала за XVIII век.

Изучение возникновения предприятия Демидовых и строительства их первого уральского завода позволяет подойти к освещению более общей проблемы — происхождения крупной промышленности при Петре Великом. Пока историки пользовались преимущественно законо- дательным материалом, можно было удовлетвориться общими ответами на вопрос об искусственном или естественном ее возникновении. Но живой, конкретный материал о строительстве первых заводов на Урале рисует картину, которую можно назвать перерастанием старых мануфактур XVII в., ремесла и местных промыслов в новые крупные уральские за- воды. Это не были «насильственные реформы, отклонившие движение на- шей промышленности от ее естественного пути», как писал один из исто- риков Урала.⁸² Неправ был П. Милюков, считавший, будто петровские заводы возникли «в стране без капиталов, без рабочих, без предприни- мателей и без покупателей». В действительности для строительства пер- вых заводов нашлись предприниматели и капиталы, и притом средства шли не только из казенного сундука: Демидов, как мы видели, вложил в первые два года в Невьянский завод почти столько же (11 тыс. руб.), сколько и казна.

Решение вопроса должно лежать в выяснении связей петровской промышленности со всем ходом русского экономического развития. Советские историки видели предшественников петровских заводов в мелких крестьянских промыслах Урала и в отдельных заводах, работав- ших на уральской руде в XVII в. Предшествующее изложение пока- зывает, что база петровской промышленности, обусловившая ее проч- ность и дальнейшее блестящее развитие, заключалась не только в уральских кузницах, но, в особенности, в крупных железных подмосков-

⁸¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

⁸² [В. Белов.] Исторический очерк уральских горных заводов, СПб., 1896, стр. 20—21.

ных и тульских заводах, возникших еще в XVII в., отсюда пришли опыт, организация и квалифицированная рабочая сила.

Экономические преобразования Петра Великого, в том числе важнейшее из них — строительство крупной промышленности, являлись дальнейшим развитием предпосылок, которые даны были предшествующим ходом русской жизни. Исследователи петровской эпохи показали органическое развитие, наличие глубоких предпосылок для административных, финансовых и культурных преобразований Петра, для скачка вперед, сделанного в это время. Этот вывод должен быть распространен и на возникновение крупной промышленности.

Часть вторая

**РАЗВИТИЕ
ДЕМИДОВСКИХ ЗАВОДОВ
В ТЕЧЕНИЕ XVIII СТОЛЕТИЯ**

ГЛАВА VI

ЗАВОДЫ И РАСШИРЕНИЕ ПРИВИЛЕГИЙ ДЕМИДОВЫХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. ПРИВИЛЕГИИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ДЕМИДОВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

На Урале «горнопромышленники были помещиками и заводчиками», говорит В. И. Ленин.¹ Привилегии и жалованные грамоты Демидова подобно грамотам на земли и заводы в XVII в. носят служебный, или обязанный характер, «горный промысел стал службой», говорит исследователь посессионного права. В советской литературе М. П. Вяткин подчеркивает обязанный характер мануфактуры XVIII столетия. Во владельческом праве заводчиков петровского времени он справедливо отмечает феодальные черты, выразившиеся в сохранении за государством верховного права собственности на заводы.² Вместе с тем анализ жалованных грамот Демидовых показывает, как настойчиво и упорно стремились они расширить свои привилегии и ограничить контроль и опеку со стороны государства. Оставаясь в рамках крепостного строя с условным, феодальным правом на заводы, они вели успешную борьбу за возможно большую свободу и независимость промышленной деятельности, что обнаруживает переходные черты к далекой еще от них буржуазной частной собственности.

Для изучения борьбы Демидовых за льготы и привилегии имеется довольно обильный материал в виде правительственных указов и резолюций. Часть они напечатаны в Полном собрании законов, в сборниках документов Шишонко, в работах Германа и др., но главная часть их извлечена мною из архивов. Имеются четыре рукописных сборника указов, относящихся к Демидовым. Два из них оказались в вотчинном архивном фонде Демидовых. В той части этого фонда, которая находится в Свердловске, есть дело, содержащее в копиях важнейшие именные указы и пожалования Демидовым, начиная с указа 1702 г. о передаче Невьянского завода; наряду с указами петровского времени здесь имеются жалованные грамоты времен Анны и Елизаветы.³ В другой части

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 425.

² В. У д и н ц е в. Посессионное право, Киев, 1896, стр. 5—9, 24, 34; «Крепостная мануфактура», ч. 5. Московский Суконовый двор, М., 1935. Вводная статья М. П. Вяткина.

³ Свердлов. обл. арх., ф. 102, д. № 2.

демидовского архивного фонда, хранящегося в Москве, в ЦГАДА, также находится сборник с современным названием: «Копии с указов е. ц. в.». Сюда вошли не только именные царские указы, но и распоряжения Берг-коллегии, Адмиралтейства, артиллерийского ведомства и др., начиная с грамоты 1701 г. о переходе в собственность Демидова Тульского завода и кончая указами 1733 г.⁴ Близок к нему по содержанию сборник Гос. библиотеки им. Ленина («Сборник указов, относящихся до железных заводов г. Демидова с 1701—1737 г.»). В отличие от предыдущего сборника в нем имеются еще указы 1713—1715 гг., и он не только доведен до 1733 г. включительно, но и после этой даты еще имеются три указа за 1737 г. Сборник Гос. библиотеки им. Ленина отличается от предыдущего прекрасной сохранностью. Одна из его грамот (за 1702 г.) кончается указанием, что копия с нее в 1764 г., 5 марта, свидетельствована и отдана Никите Акинфиевичу Демидову (внуку петровского комиссара). Это значит, что сборник составлен после этого времени.⁵ Можно предположить, что и этот сборник первоначально принадлежал одному из Демидовых. В дальнейшем изложении будут показаны обстоятельства раздела демидовского богатства в 1757 г. между тремя сыновьями Акинфия Демидова. Старшему из них были переданы при разделе жалованные грамоты, остальные братья должны были получить копии с них. Этим, может быть, и было вызвано составление сборников копий с указов. В Гос. библиотеке им. Ленина, в собрании рукописей Ундольского, имеется, кроме того, рукописный сборник под названием: «Реестр указам и доношениям, приказным делам разных годов», также относящийся к Демидовым. Этот сборник преимущественно содержит материал за следующее десятилетие.⁶ В нем имеются правительственные указы и распоряжения о казенных поставках Демидова, завещание Акинфия Демидова о разделе его огромных владений между сыновьями, подробная жалоба приписных крестьян о «несносных и тяжких и напрасных обидах и во всяких непорядочных поступках» Ак. Демидова. Наконец, мною использованы Портфели Миллера, в которых содержатся также документы по экономической истории Урала и Сибири, в том числе относящиеся и к демидовским заводам.

Никита Демидов, как мы видели, покинул Невьянский завод в конце 1703 г., раздраженный назойливым вмешательством верхотурского воеводы в заводские дела. Но скоро он возвратился туда, получив указ 4 апреля 1704 г., поставивший первого уральского заводчика в более благоприятные условия и, что самое важное, делавший его независимым от местных властей. Это новое положение Демидова сказалось в том, что он счел возможным перейти по отношению к местной власти от обороны к нападению и предъявил новые требования. Никита Демидов жаловался в центр, что в 1702 г. первый управляющий заводом Мих. Бибилов при известии о предстоящей передаче Демидову Невьянского завода «снасти и точила и иные многие припасы свез и ухоронил по деревням» и тем учинил ему «великую остановку». В ответ на требование Демидова вернуть взятое с завода Бибилов «во всем ему отказал». Сибирский приказ стал в этом споре на сторону Демидова, и 15 января 1705 г. направил верхотурскому воеводе распоряжение немедленно выслать Бибилова в Москву для от-

⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003.

⁵ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 11.

⁶ Там же, собр. Ундольского, № 848. Несколько отдельных документов из сборников Гос. библ. им. Ленина использованы в статье: И. С о к о л о в с к и й. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и в первой половине XVIII столетия.— Уч. зап. Казанск. ун-та, 1890, кн. 3.

чета и проверки, не ожидая вторичного указа, чтоб «Никитиным заводам нарушения и остановки не учинилось».⁷

В том же 1705 г. осуществлено упомянутое выше предложение Демидова прекратить выплавку пушек на Невьянском заводе и ограничиться производством железа и снарядов. Это мероприятие, связанное, по-видимому, с наличием на заводах центра искусных мастеров, способных наладить на них производство ружей, пушек и т. д. из сибирского металла, было распространено также на казенный Каменский завод. Впрочем, впоследствии и эти заводы еще продолжали выплавлять пушки, а выпуск снарядов у Демидова производился в течение всего XVIII в., так же как и выделка железной и медной посуды. Указом 19 января 1705 г. Петр I приказал прекратить на Каменском и Невьянском заводах литье чугунных пушек, мортир и гаубиц ввиду того, что присланные сибирские пушки оказались непригодными к стрельбе.⁸ В этом указе сделан первый шаг на пути превращения этих заводов в преимущественно металлургические, с второстепенной ролью металлообработки. То же самое было подтверждено в 1710 г.

Вместе с тем Демидов ходатайствовал о разрешении ему приступить к выплавке меди. Тогда же, в январе 1705 г. он сообщал, что в Кунгурском уезде имеется медная руда на речках Быме, Турке и Бырме. Демидов просил позволить ему выстроить медный завод, обещая ставить в казну медь по низким ценам, и просил запретить медное производство в том же Кунгурском уезде другому заводчику, Федору Молодому.⁹

Просьба Демидова была полностью удовлетворена. Указом 14 мая 1705 г. «велено ему, Никите, на Кунгуре медную руду копать и опыт чинить и заводы завести и плавить ис той руды медь про его, в. г., обиход». Ему разрешалось строить заводы у названных выше рек в тех урочищах, где копал уже верхотурский воевода, нанимать на свои средства рабочих и вообще «владеть... теми заводами свободно». Демидов должен был поставлять медь в казну, а излишек имел право свободно продавать на сторону. Федору Молодому было запрещено устраивать там же рудники и заводы. Местным властям было приказано «никакой остановки и помешательства» Демидову при строительстве медных заводов не учинять.¹⁰ Таким образом, привилегии Демидова были расширены и распространялись не только на железные заводы, но охватили и медное производство.

Условия строительства нового завода были уточнены указом 14 марта 1707 г. Они были весьма своеобразны и отличались от того, что намечалось в предыдущем, только что отмеченном указе. Завод должен быть устроен на казенные деньги, заработная плата рабочим также должна идти от казны; кроме мастеровых, к работам должны быть привлечены

⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 51—52, указ 16 января 1705 г. Тот же указ в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 33—33 об.

⁸ Гос. библ. им. Ленина, там же, л. 34; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 1057, л. 103: «Да в прошлом 705-м году генваря в 19 день в указе в. г. ис приказы артиллерии в Сибирской приказ написано: в. г. указал по имянному своего в. г. указу в Сибири в Тобольску, на Каменских и Верхотурских железных заводах чугунных пушек, мортир, гаубиц лить не указал, для того по опытам прошлого 704 году присланные сибирские пушки явились зело плохи и к стрельбе негодны. А велено на тех свободских заводах делать прутковое, доброе железо, а из самого плохова, которое в ковку негодно, лить бомбы и гранаты всяких рук, присылать к Москве в приказ артиллерии. И о том в Тобольск и Верхотурье в. г. грамоты посланы в 22 день 705-го ж году». Там же, л. 114, указ 28 января 1710 г.; о таком же запрещении в Тобольске, на Каменском и Верхотурском заводах лить пушки, мортиры, бомбы и т. п.

⁹ Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 335. Указ 14 мая 1705 г. см. «Доклады и приговоры Правит. Сената», т. I, стр. 125.

¹⁰ Ш и ш о н к о. Цит. соч., стр. 335 сл.

крестьяне Кунгурского уезда. Никита Демидов должен получить «за труды его по полушке с пуда». Запрещалось медь и руду продавать на сторону под угрозой смертной казни.¹¹ Согласно этому указу, завод должен был оставаться казенным предприятием под совместным управлением воеводы и Демидова, который должен был получать определенный доход, в зависимости от размеров выплавки. Но завод не был выстроен, и эти условия были впоследствии изменены.

В 1709 г. Демидову было разрешено строить на свой счет медные и железные заводы. При этом он впервые был назван комиссаром. Пожалование этого чина Никите Демидову, может быть, объясняется предполагаемым его участием в строительстве медного завода. Комиссары имелись на казенных Уктусском и Екатеринбургском заводах.¹² В функции комиссара входило распределение работ, суд и расправа на заводе, управление канцелярией, закупка и продажа заводских «припасов», приход и расход денег, а также заботы о торговле при заводе, о школе и аптеке.¹³ В январском указе 1709 г. сказано, что «велено туленину Никите Демидову на Невьянских железных заводах за литье и за поставку к нынешнему воинскому случаю военных припасов быть камисаром, и ведать ему на тех заводах мастеровых и работных людей и крестьян всякою расправою и управлять всякое заводское дело и воинские припасы готовить и ставить с кованым железом по прежнему с великим радением и правдою».¹⁴ Пожалование Никиты Демидова чином комиссара рассматривается в другом указе, последовавшем в феврале 1709 г., как награда за верную службу и за поставку железа в казну. Поэтому с комиссарским чином связано было новое подтверждение подсудности его лишь Сибирскому приказу и изъятия его из ведения воевод. Местным властям предписано было не задерживать его и не чинить ему никаких препятствий.¹⁵

¹¹ Шишопко. Цит. соч., стр. 403.

¹² В. Р о ж к о в. Деятельность В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого, СПб., 1884, стр. 3, 12; то же см.: Горный журнал, 1884, № 7 и 8.

¹³ И. Г е р м а н. Историческое начертание горного производства в Российской империи, Екатеринбург, 1810, ч. 1, стр. 45—47.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 52—53, указ 11 января 1709 г.; Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 40.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 53; Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 41—42, указ 11 января 1709 г. Так как указ этот не был известен, привожу его полностью: «От в. г. ц. и в. к. Петра Алексеевича [титул] на Невьянские железные заводы камисару нашему Никите Демидову. В нынешнем 709-м году февраля в 9 день бил челом нам в. г. ты, Никита, нашего де ц. в. указом за твои к нам в. г. верные службы и ставку сибирского железа пожалован ты чином камисарским к железным сибирским Невьянским заводам. А на сибирских заводах и по городом тебе и детям и людем твоим бывает от воевод и посыльных столников наших и дворян и всякого чина людей у заводов и в проезде тебе и детям и людем твоим многие их приметки и задержки только для их срывков. И в том тебе и детям и людем твоим чинитца не только многие убытки и денгам потраата, но и наших ц. в. в провожании водяным путем воинских железных припасов и всякого кованого железа оstonовка, но и самое тебе содевают раззорение. И нам в. г. пожаловать бы тебя велеть на тот данной тебе камисарской чин дать нашу в. г. грамоту с прочетом, чтоб в Сибири и в проезде водяном ходу по городом никакова задержания и убытков тебе и детям и людем твоим никто не чинил. А ты де и дети твои никакими товары не торгуете и с Москвы в Сибирь и из Сибири к Москве заповедных товаров не возите, и, в указных городех и на заставах осмотра, пропускать без задержания. А буде до тебя кому в чем какое дело будет, велеть на тебя бить челом в Сибирском приказе, а в городех воеводам и приказным и всяким присланным людем мимо Сибирского приказу тебя и детей и людей твоих ни в чем не ведать. И по нашему в. г. указу тебя и детей и людей твоих в городех воеводам и приказным людем нигде ни в каких делех ведать не велено и ни зачем в проездех задержания и обид и налог и никакова разорения не чинить. А кому до тебя и до детей и до людей твоих какое дело, и тем людем бить челом нам, в. г., в Сибирском приказе, а мимо Сибирского приказу ни в которых городех никому отнюдь не судить и не держать. И как к тебе ся наша, в. г., грамота приидет, и ты б на Невьянских железных заводах в ковке железа и в

В тот же день, как был отправлен к Демидову на Урал этот указ, ему было дано разрешение построить завод в Кунгурском уезде, о чем упоминалось выше.¹⁶

Никита Демидов не называется более оружейным и железного дела мастером; с этого времени он именуется в документах комиссаром. Остается неизвестным, в чем заключалась его деятельность в качестве комиссара. Этот чин, дававшийся управляющим казенными заводами, показывает, что собственнические права Демидова не были вполне точны; во всяком случае его владельческие права были тесно связаны с его поставками в казну и обусловлены ими. Но правительственные поручения все же не составляли существенной стороны его деятельности, и предприимчивый и жадный заводчик в нем брал верх над комиссаром.

Медный завод и в 1710 г. еще не был выстроен, и 30 августа этого года последовал новый указ, названный в тексте «наказом». Комиссару Демидову было «велено в Кунгурском уезде завести медные заводы со всяким полным строением и довольством, чтоб в. г. от тех заводов в казне была прибыль немалая». При этом Демидову предписывалось: «работных людей к тому делу наймовать, сколько тебе будет надобно, ис казны в. г. казенными деньгами, и на строение тех заводов велено тебе выдать на Вятке денег тысяча рублей, да тебе ж велено дать государева жалованья денег 1 тыс. рублей... и за те твои труды и за радение и впредь по вся годы, покамест ты у тех заводов будешь, давать тебе государево жалованье по тысячи рублей на год». Из выплавленной меди Демидов обязан сдавать в казну $\frac{9}{10}$, а остальная $\frac{1}{10}$ идет заводчику, который должен, однако, и эту медь продавать лишь в казну по определенной цене. «А как ты заведешь завод, и за то тебе будет в. г. особое жалованье и до кончины твоей от того заводу и от жалованья, что велено давать, отторгнуто никем не будет».¹⁷ Этот наказ отражает особую заинтересованность правительства в выплавке меди. В то же время в нем установлены новые условия: выплавка должна поступать в казну, правительство отпускает денежные средства на строительство и на уплату рабочим, и установлено ежегодное жалованье Демидову. При этом подчеркнуто, что оно будет выдаваться, пока он останется «у тех заводов», и обещано, что завод, как и жалованье, не будут отняты у него до его кончины. Таким образом, заводчику обеспечивается лишь пожизненное владение предприятием, и в указе не говорится о передаче его детям или жене. Эти условия скорее свидетельствуют о государственном поручении, чем о праве собственности.

В «ведомство» Н. Демидова и его сына должен был отойти по указу 4 апреля 1710 г. казенный Алапаевский завод, но, повидимому, указ этот не был выполнен. Эти условия строительства медного завода, вероятно, не могли заинтересовать Демидова. Его заводы в Кунгурском уезде возникают много позднее, и притом без всяких условий. Суксунский медеплавильный завод возник в 1729 г., Бымовский — в 1733—1734 гг.¹⁸ Еще ранее, по указу 1720 г., возникает в Верхотурском уезде Выйский медный завод. Из переписки В. Геннина известно, что медное дело долго

литье воинских припасов и в присылке того железа и воинских припасов чинил радение, чтоб перед прежним железа и воинских припасов к Москве в присылке было с великим долблством. А сю нашу в. г. грамоту в городех и на заставах, в которых ему, Никите, на лышписанные заводы или з заводов к Москве путь надлежит, прочитав, отдавали ему, Никите. Писан на Москве, лета 1709-го, февраля в 11 день».

¹⁶ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 42—43; этот указ см.: Ш и ш о н к о. Цит. соч., V период, ч. 3, стр. 413—415.

¹⁷ Ш и ш о н к о. Цит. соч., стр. 509—511. Наказ 30 августа 1710 г. Н. Демидову.

¹⁸ В. Г е н н и н. Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937, стр. 622—623.

не удавалось Демидову, так как у него не было соответствующих знаний и опытных мастеров. Выплавка меди и производство медной посуды развернулись на демидовских заводах после устройства Колывано-Воскресенского завода на Алтае.¹⁹

В эти же годы Никите Демидову удалось избавиться от беды, угрожавшей его Тульскому заводу: он добился, хотя и не сразу, возвращения отнятого у него в казну его первого завода. Обстоятельства этого дела раскрываются в неизданном указе 1713 г. (26 января). Еще в 1703 г., 14 апреля, Ф. А. Головин послал из Шлиссельбурга ведавшему Адмиралтейским приказом Ф. М. Апраксину («адмиралтейцу») в Москву распоряжение Петра о закрытии Тульского завода Демидова. Ему было разрешено лишь израсходовать весь имевшийся на заводе запас угля, сделать 3 тыс. пуд. полосного железа, необходимого для выделки тульскими кузнецами ружейных стволов, а также позволено дать железо на строение кораблей. Демидов не мог более ни жечь нового угля, ни покупать его на стороне, а для точного выполнения указа, чтобы угля «вновь отнюдь не прибавлять», было предписано приставить особых целовальников. По израсходовании угля домны должны были быть сломаны, а завод — перейти в казну. Неделю спустя, 21 апреля 1703 г. елецкому воеводе было приказано взять в свое ведение Тульский завод Демидова и вместе с двумя «лучшими», т. е. богатыми, тульскими посадскими людьми поручалось описать имевшиеся там запасы угля, а по его израсходовании предписывалось «те заводы все разорить и домны разломать». В 1707 и 1709 гг. по челобитью Демидова ему было выдано в уплату за отнятый завод 4500 руб. Эта мера, повидимому, объясняется стремлением правительства остановить чрезмерную вырубку лесов в Тульском районе. С этими обстоятельствами, вероятно, связана также неизданная и не вполне ясная «память» Никите Демидову 5 августа 1706 г. о переходе в Оружейный приказ его заводов, которые прежде ведались в Адмиралтейском приказе; об этом упоминается и в приведенном выше указе, а так как Невьянский завод Демидова находился в ведении Сибирского приказа, то речь могла идти лишь о Тульском его заводе. Завод был в этот момент в запущенном состоянии; Демидову предписывалось починить и отстроить его, и было отправлено особое распоряжение «о свободном всяком на тех заводах строении».²⁰ Из этого можно судить, что Н. Демидов сумел уже скоро вновь получить в свои руки этот завод, наконец, в январе 1713 г. возвращение завода было оформлено указом Адмиралтейства.²¹

На Тульском заводе было в 1713 г. 36 рабочих, в том числе 1 пушечный мастер, 5 доменных мастеровых, 8 «литухов», 3 молотовых мастера и 6 подмастерьев, 1 меховой мастер, 4 «угольника», 5 работников и пр. При отобрании, хотя и на время, у Демидова его завода казна уплатила ему за завод деньги. Тем самым признавались его собственные права, и ему удалось получить завод обратно, возвратив полученную за него сумму.

Еще в 1701 г. Демидов приискал место для нового завода в Алексинском уезде, на р. Дугне, впадающей в Оку, на земле стольника Лодыженского. В 1707 г. он получил жалованную грамоту с разрешением отстроить завод и с обязательством поставлять в казну пушки, ядра, ружья и железо по прежним сниженным ценам.

Башкирское восстание 1708—1709 гг. охватило также Средний Урал

¹⁹ «Жизнеописание ген.-лейт. В. И. Геннина, основателя российских горных заводов» (сообщ. В. Берхом).— Горный журнал, 1826, кн. 4, стр. 110.

²⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 46; Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз. № 6693, л. 39.

²¹ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 44.

с его заводами. Восставшие заняли Верхний Уктус и держали в осаде Арамилскую слободу. 30 июля 1709 г. в Чусовскую слободу, в судную избу прибежал с Курьинской пристани, принадлежавшей Демидову, крестьянин Иван Гилев и заявил, что 28 июля в половине дня набежали к ним «в Кунгурскую деревню воровские воинские люди башкирцы 400 человек и дворы все крестьянские пожгли и Микиты Демидова на пристани дворы выжгли»; кроме того, башкиры разорили деревню в Сулемской слободе, одного крестьянина убили и пятерых взяли в плен. Акинфий Демидов и сам писал о том же властям, указывая, что башкиры держали в осаде Каменскую, Багарятскую и Арамилскую слободы и «развоевали» устье р. Межевая Утка.²²

Невьянский завод не был охвачен восстанием. В следующем, 1710 г. на этом заводе прибавилась вторая домна, увеличено было число молотовых, поставлена лесопильная мельница, завод окружен деревянной стеной, и поставлены жилые дворы.²³

В 1713 г., когда Демидову был возвращен его Тульский завод, он сумел получить новый заказ на поставку снарядов артиллерийскому ведомству в результате успешной борьбы с давними своими конкурентами — заводчиками Меллерами; как и прежде, он побивал их низкими ценами. Демидов подал в Сенат в 1712 г. заявление о своем желании поставлять в артиллерию с Невьянского завода чугунные пушки, разные снаряды и железо и притом по ценам ниже прежних поставщиков, Меллеров; снижение должно было составить на бомбы и ядра по 11 коп. за пуд, на гранаты по 5 коп. за штуку. Не получив «повелительного указа» на свое заявление,²⁴ Демидов вновь обратился в Сенат в ноябре 1713 г. Снижение по бомбам и ядрам достигало теперь 20 коп. против меллеровской цены, а на картечь — по 1—2 коп. на ядро²⁵; это снижение в итоге должно было составить «многие тысячи». Исключением были только чугунные пушки Демидова, за которые он назначил цены выше, чем у Меллера, именно на 12 коп. дороже за пуд.²⁶ Демидов соглашался ставить снаряды в Москву или в Петербург, отправляя их Волгой с отдачей приемщикам в Твери, а также посылать припасы к Киеву через Белев, к Смоленску р. Угрою и к Астрахани. Он просил вместе с тем, чтобы деньги выдавались без задержания; просил дать ему места под склады в Нижнем, в Коломне, Твери, Белеве и Коломенском, где он хотел строить за свой счет дворы для выгрузки снарядов, пушек и железа.

Он добился желаемого. Сенат 3 декабря 1713 г. постановил сдать заказ Демидову, «а у иноземцев Меллеров таких припасов в артиллерию впредь не принимать, потому он, Никита, перед ними учинил уступки многое число». Он получил заказ в обход Меллеров и положил основание будущей своей разветвленной сети дворов и складов, раскинутых по берегам сплавных рек, преимущественно по Волге и ее притокам, и предназначенных для сбыта железа на местах и для организации перевоза с Урала в Петербург, Москву и другие пункты.

В следующем, 1714 г. Меллеры должны были снизить свою цену на 17.5% по бомбам, а за ядра брать столько же, сколько и Демидов. Но в 1717 г., пользуясь отсутствием Демидова, Нарышкины и Меллеры отка-

²² Ш и ш о н к о. Цит. соч., V период, ч. 3, стр. 413—426.

²³ Н. Б р а н д е н б у р г. Приказ артиллерии, СПб., 1876, стр. 357, примеч.

²⁴ «Доклады и приговоры Правит. Сената», т. III, кн. 2, стр. 1245, № 1157.

²⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 5 об., указ Сената, декабрь 1713 г.

²⁶ Т а м ж е, л. 6, «Доклады и приговоры Правит. Сената», т. III, кн. 2, № 1157; тот же указ имеется в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 46—49; часть его помещена в ПСЗ, т. V, № 2746; он же приведен в изложении у Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 5.

зались понизить цены против старых своих жалованных грамот. Сенат тогда установил цены, средние между демидовскими и Нарышкиных, но последние вместе с Меллерами не соглашались и на них. Вскоре в Приказ артиллерии снова явился Никита Демидов и взялся выполнить подряд по ценам ниже Меллера, и подряд был передан Демидову. Однако Нарышкины все еще настаивали на прежних высоких ценах, что привело к изданию указа о сбавке цен и на их изделия. Важно отметить, что это понижение цен против жалованных грамот XVII в. мотивировалось успехами русской металлургии и удовлетворением спроса на железо; «в тех годах, как та государева грамота отдана, железо свейское бывало в покупке по осьми гривен и в рубль ценою пуд, а ныне такое железо покупают по полтине пуд и меньше, для того перед прежним железных заводов и мастеров умножилось».²⁷

На местах у Демидова еще происходили столкновения с властями, что побуждало его вновь обращаться в высшие правительственные учреждения с просьбами о защите и добиваться новых льгот. Так, он просил дать ему и его второму сыну, Никите, право самим чинить суд и расправу, кроме «татинных и убивственных дел».

Начиная с 1712 г. на Демидова поступило несколько доносов со стороны фискалов, выполнявших на местах роль прокуроров. Его обвиняли в беспощадном провозе железа. За доносами последовали допросы Демидова и его приказчиков и опечатание железа, приходившего в Москву. В марте 1715 г. фискал М. Нечаев подал новый донос на Демидова, в котором обвинял его в чрезмерно высоких ценах за железо, поставленное им в казну: «учинено великая передача напрасно (т. е. перерасход.— *Б. К.*), а именно: за полосное железо в выдаче ему, Никите, по 14 алтын за пуд, а я доподлинно уведомился, с вышечисанных заводов до Москвы и до Твери со всякими харчами и с мастерством, и с работными наемными людьми и в своих стругах станет железо истинною ценою по 10 алтын с пуда, а не по 14, итого в передаче 4 алт...». По этому поводу Демидова допрашивали в канцелярии кн. В. Долгорукова. Он ссылался на большой расход, потребовавшийся с его стороны для доставки с Невьянского завода, причем несомненно преувеличивал расходы и себестоимость железа. По его словам, железо обходится ему иногда и в 10 алт., но нередко происходит прорыв плотины или тонут струги с железом, что приводит к убыткам и удорожанию продукции, тем более что деньги из казны поступают с большим опозданием, спустя 3 года. Собранные Долгоруковым сведения свидетельствовали о более низких ценах у Демидова по сравнению с другими поставщиками. В апреле 1715 г. Демидову было предложено поставить в казну потребное для строительства кораблей тонкое железо и якоря. Он просил освободить это железо и военные припасы от пошлин и сборов, дать ему дворы в Рыбной слободе, Твери и в других городах для склада железа, подтвердить его права на Невьянский завод и ведать его судом только в Петербурге, в канцелярии кн. Долгорукова.²⁸

Эти условия были приняты и вошли в указ 12 мая 1715 г. Этим указом Демидову было поручено поставлять железо не только для артиллерии, но и в Адмиралтейство, и эта обязанность удержалась за Демидовыми в течение ряда десятилетий. Железо, предназначенное для строительства кораблей, должно было быть доставлено в Петербург, и в цену его включалась стоимость провоза. За полосное железо была установлена цена

²⁷ Н. Бранденбург. Приказ артиллерии, стр. 176—177.

²⁸ В. Рожков. Доносы фискалов на Никиту Демидова.— Русская старина, т. LIV, 1887, № 54, стр. 329—344.

в 45 коп., а за тонкое восьмигранное в $1\frac{3}{4}$ и $1\frac{1}{2}$ дюйма назначено 50 коп. за пуд; за уклад — 1 руб., с доставкой в Петербург.

Демидовское железо освобождается при провозе в Петербург от многочисленных внутренних таможенных пошлин как в пути и на Вышневолоцком канале, так и на месте назначения, в столице.²⁹ Оставшееся у Демидова железо после поставки в казну он мог продавать свободно, «повольною ценою», но уже с уплатой таможенных пошлин. При будущих поставках железа в Адмиралтейство и в артиллерийское ведомство Демидов должен был давать половину всего потребного количества, а другую половину обязаны были поставлять Нарышкины и Меллеры, притом по тем же ценам, что и Демидов, но с учетом качества железа («смотря железа») и расходов на перевозку при различии расстояния от сибирских и тульских заводов. Такие же условия установлены при поставках заводчиков — дьяка Борина и переяславца Рюмина, а также с заводов, которые будут построены. Это показывает, что условия расчета казны с Демидовым были распространены и на других заводчиков; Демидов сделался, так сказать, законодателем цен на железо.

В тесной связи с этим указом находилось новое крупное преимущество, полученное Демидовым, — освобождение от постоя войска. Указ о поставке железа в Адмиралтейство состоялся 14 апреля 1715 г., а 9 мая Демидов заявил, что «у него и у детей его ставят на дворы их многой постоя», что на этих дворах у него сложено «многое число ручных гранат и заводских всяких снастей», и что от воинского постоя происходят «пропажи, убытки и разорение». Согласно просьбе Демидова, именованным указом он был освобожден от постоянной повинности. Было приказано: «у него, Демидова, и у детей его и в доме их постою никакого не ставить».³⁰ Сохранилась грамота на отвод Демидову дворового места в Казани для устройства склада. Из текста грамоты, относящейся к 1717 г., можно заключить, что и в других городах дворы были отведены и склады уже устроены.³¹ К 1715 г. Демидов так разбогател, что, если верить И. Голикову, мог сделать подарок Петру I и Екатерине на рождение царевича Петра, преподнеся «на зубок» 100 тыс. руб.³² То значение, какое приобретали в то время демидовские заводы, видно из того, что в 1716 г. Петр Великий, будучи за границей, прислал из Данцига письмо (от 19 апреля), где выражал желание понизить цены на железо, чтобы как в подрядах, так и в продаже железо было «в малой цене», т. е. чтобы цены везде были одинаковы с демидовскими.³³

Поставки в Адмиралтейство на строение кораблей были уточнены в указе 1718 г., по которому определены сорта железа и установлены сроки. Цифры поставок, содержащиеся в этом указе, удержались на многие годы. Этот указ интересен также как результат личного руководства со стороны Петра I: «1718 году июля в 5 день в. г. [титул] Петр Алексеевич, ... будучи в адмиралтейской военного морского флота канцелярии,

²⁹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 7 об., 8 об. Указ 12 мая 1715 г., включающий именной указ 14 апреля 1715 г. См. также ПСЗ, т. V, № 2904, и Ш и ш о н к о. Цит. соч., V период, ч. 2, стр. 6—7, и Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 49—50.

³⁰ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 51, указ 20 мая 1715 г. Тот же указ в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 51.

³¹ Нижнетагильск. арх., д. № 28, рукоп. книга «Купчие крепости на калмыков, разных крестьян, дома...».

³² И. Г о л и к о в. Деяния Петра Великого, изд. 2-е, 1839, т. X, стр. 301—302. Отсутствуют другие известия, которые подтверждали бы это сообщение о подарке Демидова; историки обычно повторяют Голикова.

³³ И. Г е р м а н. Историческое начертание горного производства в Российской империи, Екатеринбург, 1810, стр. 17—18.

указал именованным своим ц. в. указом туленину Никите Демидову с сибирских Невьянских железных заводов железо к адмиралтейству ставить по образцам, каковы даны будут в адмиралтейство с нынешнего 1718 году с июля месяца впредь повсягодно». Общий размер поставок составляет 47 700 пуд. на 28 270 руб. Установлены два срока поставок: в июле 1718 г. и в августе и сентябре 1719 г. Те же сроки, очевидно, согласованные с движением судов по водным путям, приняты для последующих лет. По сравнению с прежней «уговорной» ценой с Демидовым теперь была произведена прибавка в 10 коп. на пуд полосного железа и в 5 коп. на пуд восьмигранного; прибавка эта в сумме должна была составить 2160 руб. Она объясняется тем, что все железо в Адмиралтейство должно было идти только с сибирских заводов Демидова, а «с других никаких заводов железа к адмиралтейству именованным е. в. указом за негодностью принимать не велено».³⁴

Этот указ означает следующий важный момент в развитии взаимоотношений Демидова, и правительства. Демидов добился устранения своих привилегированных конкурентов. Сначала, при основании своих заводов, он занял равноправное с ними положение благодаря понижению цен; теперь, пользуясь лучшим качеством сибирского железа, он берется поставлять в Адмиралтейство все потребное для кораблей железо, т. е. становится монополистом, и получает в связи с этим возможность доставлять по более высоким ценам. Что речь идет в этом указе о новых преимуществах и достижениях Демидова, видно из того, что вслед за указом как его последствие происходят изменения в отношениях Демидова с местными властями, а споры, возникавшие на местах, разрешаются в пользу Демидова, и притом центральной властью. Никита Демидов слушал этот указ 7 августа 1718 г., а уже 25 августа он обратился в Адмиралтейство с жалобой на препятствия при выполнении его новых обязательств: кунгурский комендант арестовал подрядчиков и работников, которых он подрядил на Кунгуре делать струги для отправки железа, местные откупщики не пропускают на его заводы по Чусовой работников, которые «для отправления железа на стругах ходят». Вслед за этим донесением Демидова Адмиралтейство 30 августа обратилось по этому поводу в Сенат, и сибирскому губернатору, комендантам и откупщикам предписано «Никите Демидову и подрядчиком и работным ево людям никаких обид и налог никому не чинить».³⁵ Вмешательство Петра I, личным распоряжением установившего размеры поставок Демидова, повидимому, привело и к этим важным последствиям.

Примеру Адмиралтейств-коллегии следовало также артиллерийское ведомство. Из артиллерийской канцелярии 25 июня 1719 г. был направлен Никите Демидову указ о поставке железа на оковку пушечных и мортирных станов, колес и т. п. Заказ состоял из 7600 пудов круглого и полосного железа и должен был быть выполнен в том же 1719 г. или в крайнем случае в 1720 г.³⁶

Демидов не ограничился железными заводами, а взял на себя поставку в Адмиралтейство корабельного леса. Новое дело сопровождалось новыми привилегиями. Указом 19 декабря 1720 г., подписанным самим Петром, Демидову поручалось из Казанской губернии сплавливать дубовый лес к Петербургу. Демидов получил право беспрепятственно нанимать для этого

³⁴ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 52—53; указ 5 июля 1718 г. кратко изложен у Ш и ш о в к о. Цит. соч., V период, ч. 3, стр. 7—8.

³⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 47; Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 54—55 об. Указ 11 сентября 1718 г. неизвестен в литературе.

³⁶ Гос. библ. им. Ленина, там же, л. 56—56 об.; указ 25 июня 1719 г., также до сих пор неизвестный.

рабочих в Казани, в Нижнем и вверх по Волге и мог свободно делать суда. При этом он освобождался от внутренних пошлин с леса, от уплаты оброков, канцелярских сборов и т. п. Губернаторам и другим местным властям запрещалось препятствовать сплаву и задерживать его суда. Свобода от пошлин и сборов, право нанимать рабочих и покровительство верховной власти распространялось также на новое дело Демидова.³⁷

Демидову поручалось поставить в Петербург дуб для сооружения трех военных кораблей. Он доставил лес на четыре больших корабля в 70 и 60 пушек и на два по 54 пушки, сверх того обеспечил строительство 5 галер и получил вперед крупную сумму денег — 50 тыс. руб. Лес отправлялся «с волжских и свияжских пристаней» из Казанской губернии в Петербург. Покровительство Демидову проявилось в поручении ему поставить фонтанные трубы и железо для вновь строившихся дворцов в Петербурге и Ревеле. Этот заказ, затянувшийся на ряд лет, вызвал переписку двора с Демидовым, и с ним связаны письма к нему Петра I. К напечатанным уже данным можно добавить некоторый новый материал, ценный тем, что он дает возможность датировать эти связи Демидова с двором несколько ранее, именно с 1718 г.,³⁸ когда он получил заказ на чугунные фонтанные трубы, выполненный в 1720—1721 гг.

Переписка по этому поводу происходила также во время персидского похода. «Никита Демидов! — писал Петр I из Астрахани 8 июля 1722 г. — За поставленные от тебя железные трубы в прошлом 1721 году в Петербург деньги велели мы тебе выдать из Соляной конторы...». Далее речь идет о новом заказе на трубы для петергофского и ревельского дворцов.

Девятого июля там же, в Астрахани, Петр подписал распоряжение об освобождении этих поставок от пошлин: «в провозе оных до Санкт-Петербурга водою по рекам нигде с него и с приказчиков его, которые с теми трубами поедут, привальных и отвалных и прочих мелочных сборов никаких, также и пошлин не спрашивать».³⁹ Поставка труб для царских дворцов продолжалась и в последующие годы. В 1725 г. 18 или 20 тыс. п. этих демидовских труб затонуло в Ладожском озере.⁴⁰ Всего за время 1722—1725 гг. Демидов поставил 81 300 пуд. труб и других изделий на 40 650 руб.⁴¹ Тогда же, из персидского похода, Петр прислал Никите Демидову из Кизляра свой портрет с письмом, заканчивающимся словами: «Лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию серебрянную руду».⁴²

Исключительное положение, занятое Никитой Демидовым, привело к пожалованию его в дворяне. Бывший тульский кузнец и оружейный мастер, затем комиссар на уральских заводах, становится потомственным нижегородским дворянином. Указ об этом, состоявшийся 21 сентября 1720 г., до нас не дошел, но в кабинетских делах сохранились более поздние указания на него. После смерти Никиты Демидова, в связи с перехо-

³⁷ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 101; указ 19 декабря 1720 г. напечатан в приложении к кн.: К. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых, стр. 4, примеч.

³⁸ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, 1721, Вход. письма, кн. 3, л. 778—778 об.

³⁹ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693. Книга копий 1702—1737 гг. Письма Петра и А. В. Макарова к Н. Демидову по тому же поводу из Астрахани от 8 июля имеются в копиях также в Нижнетагильском архиве (Рукописи, переданные из музея, № 20, св. 1).

⁴⁰ К. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых, прилож., стр. 45.

⁴¹ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 84, указ 2 апреля 1726 г.

⁴² К. Г о л о в щ и к о в. Цит. соч., стр. 42.

дом его наследства к сыну, в 1726 г. наводились соответствующие справки в Сенате. Было выяснено, что еще в 1720 г. был заготовлен особый диплом о пожаловании дворянства, который случайно, за отъездом Демидова, остался неподписанным Петром I.

Эти сведения (неизвестные до сих пор) дали основание для возобновления диплома уже при Екатерине I в 1726 г. Об этом речь идет в том же документе.⁴³ Диплом, составленный в торжественных выражениях, подписан императрицей 24 марта 1726 г.; он содержит подтверждение дворянского звания Демидова со ссылкой на указ о том же в 1720 г.⁴⁴

Достигнутое Демидовыми привилегированное положение и бесперомная их властность отчетливо проявились в столкновениях с В. Н. Татищевым, посланным на Урал в качестве начальника горных заводов.⁴⁵⁻⁴⁶ На Урале Татищев был дважды. Первое его пребывание здесь было коротким: он приехал в 1720 г. и уже в конце следующего, 1721 г. был вызван в Москву; причиной его отъезда послужили ссоры с Демидовым. Впоследствии преемник В. Татищева по управлению уральскими заводами В. Геннин говорил об Акинфий Демидове, жившем на уральских заводах дольше, чем отец его, что по приезде Татищева «никто не смел ему, боясь его, слова выговорить, и он здесь поворачивал, как хотел».⁴⁷

В Портфелях Миллера сохранился документ без даты, где перечислены «противности» Демидова и приведен против каждого пункта приговор Берг-коллегии. Акинфий Демидов поступал противозаконно, «преслушал» указ об уплате десятины и пренебрежительно назвал присланный ему указ «отпискою», запретил своим крестьянам давать Татищеву подводы, сбросил на дороге казенные канаты, которые везли через демидовский завод, чинит препятствия рудоискателям.

Татищев запретил ему без указа из Берг-коллегии строить лесопильную мельницу; он обвинял Демидова в том, что тот посылает множество рабочих ломать горновой камень, предназначенный для казенных заводов. В Берг-коллегию было сообщено также, что он нашел камень «амиант» (асбест), из которого делают «висон, или несгораемое полотно» и которое Демидов широко раздает, не обращая внимания, что «сия вещь дивная и драгоценная» и без позволения Берг-коллегии в этом отношении «дерзать ему ненадлежало».⁴⁸

Положение несколько изменилось, когда приехал Никита Демидов, наладивший более сносные отношения с Татищевым, чем его сын Акинфий. Берг-коллегия оставила в конце концов за Демидовым захваченные им спорные медные рудники, разрешила ему держать лесопильную мельницу на казенной пристани.⁴⁹

И. Герман сообщает, что лишь впервые в 1720 г. были затребованы от Демидова сведения о состоянии заводов и постановлено было брать десятую долю выплавки. Фискал Косов доносил, что Демидов, а также другие заводчики «пребывая в молчании, ничего не платили»; Демидов отвечал, что в данной ему в 1713 г. привилегии ничего не сказано об этом

⁴³ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, 1726. Вход. письма, кн. 77, л. 87 об.—88.

⁴⁴ Свердлов. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 17 об. Указ. 24 марта 1726 г. также напечатан у Ш и ш о н к о. Цит. соч., V период, ч. 3, стр. 111—113.

⁴⁵⁻⁴⁶ Н. П о п о в. В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 34.

⁴⁷ В. Р о ж к о в. Деятельность В. Н. Татищева на уральских заводах..., стр. 37—41; то же см.: Горный журнал, 1884, № 7 и 8.

⁴⁸ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 515, л. 233—236.

⁴⁹ В. Р о ж к о в. Цит. соч., стр. 44.

платеже.⁵⁰ В 1720 г., 16 января состоялся указ о взимании десятой доли продукции с железных заводов в казну и о представлении заводчиками дважды в год сведений о производстве.⁵¹ В это время Демидов просил о передаче ему казенных Алапаевского и Каменского заводов вместе с приписными крестьянами всей Чусовской волости, но получил отказ.⁵²

Татищева сменил на Урале в 1722 г. В. Геннин. Из переписки Геннина узнаем интересные сведения о демидовских заводах и их отношениях к казне. С казенных заводов были даны Демидову опытные мастера. Еще в 1716 г. с олонедких заводов по именному указу был послан на Невьянский завод Федор Казанцев «для доменного дела по английской препорации и пушечного литья». Но Демидов отослал его назад и «из той домны ему, Казанцеву, пушек лить не дал». Это не был единственный случай; в другой раз Геннин послал к Демидову мастера в качестве инструктора по кровельному железу.⁵³ Медное дело на первых порах не удавалось Демидову, и по его просьбе Геннин послал ему плавильного мастера, оказавшегося, однако, недостаточно знающим.⁵⁴

Геннину было поручено разобратить на месте ссору Демидова с Татищевым. Он писал, что Демидов — «мужик упрям» и что к нему ездили с запрещенными товарами. Геннин признал Татищева правым. Сообщение его было рассмотрено Петром I, Татищев был оправдан и даже взыскал с Демидова 6 тыс. руб. за неправильное обвинение и обиды. Но и Демидов все же был удовлетворен исходом дела, благодарил письмом Геннина.⁵⁵

Геннин шел навстречу Демидову: он не только давал ему мастеров, но и предоставил ему Курьинскую пристань на Чусовой, которую Татищев намеревался отнять у Демидова.⁵⁶

Демидов столкнулся с верхотурским воеводой еще при переходе к нему из казны Невьянского завода и добился изъятия его из ведения местных властей, затем ссорился с Татищевым, присланным для управления всеми горными заводами, но сумел отлично поладить с новым начальником горных заводов В. Генниным.

Интересны условия, включенные в указ 20 декабря 1720 г. о построении Демидовым медного завода за р. Выей в Верхотурском уезде. Высокие требования со стороны казны сопровождаются здесь предоставлением заводчику земли и ряда льгот. Демидову обещано, что завод «не возмется ни у него, ни у жены его», т. е. обеспечены в известной мере права собственности. Он освобождается на два года от вноса в казну десятого пуда с выплавки меди, но после двухгодичного срока должен вносить на Денежный двор или в артиллерийское ведомство $\frac{1}{10}$ ежегодной выплавки. Кроме того, он обязан половину всей чистой меди сдавать в казну по установленной цене в 6 руб. за пуд, но, когда дело размножится, обязательные поставки будут сокращены до трети. Другую половину или даже две трети

⁵⁰ И. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. 1, стр. 17—18.

⁵¹ Там же, стр. 24.

⁵² В. Рожков. Цит. соч., стр. 45. Н. Рябов говорит, будто Демидову был передан Алапаевский казенный завод и назначено жалованье в 1000 руб., но не сообщает источника этих сведений. См. Уч. зап. Казанск. ун-та, 1848, вып. 1, стр. 28.

⁵³ «Жизнеописание ген.-лейт. В. И. Геннина, основателя российских горных заводов» (сообщ. В. Берхом). — Горный журнал, 1826, кн. 2, прилож., стр. 123—124.

⁵⁴ Там же, кн. 4, стр. 126. Письмо Геннина Петру I от 17 сентября 1723 г.

⁵⁵ Н. Попов. В. Н. Татищев и его время, стр. 42—43; В. Рожков. Цит. соч., стр. 48—61.

⁵⁶ Горный журнал, 1826, кн. 5, стр. 118—120, 127.

меди он может свободно продавать на сторону по вольным ценам. К заводу отводится земля для копки руды.⁵⁷

Разработка асбеста, привлекая внимание Берг-коллегии во время столкновений Демидова с Татищевым, также вызвала особый указ Никите Демидову, интересный как пример пристального внимания Петра I ко всем, даже второстепенным сторонам производства: «По е. и. в. указу и по приговору госуд. Берг-коллегии велено тебе из незгорающего холста штуку, которой делаецца ис камня и объявил ты образец его и. в., прислать еще того полотна, хотя и с прибавкою для объявления е. и. в. немедленно, и при том ведомость обстоятельную, где оной камень беретца и много ль его и на какой реке и по чему выходит ис какого весу или штуки аршинов».⁵⁸

Двадцатые годы XVIII в. отличаются усиленным строительством казны и Демидовых на Урале. Присмотримся к тем условиям, которыми была обставлена выдача разрешений на новые заводы. В 1724 г. Берг-коллегия разрешила Никите Демидову выстроить новый чугуноплавильный завод на Урале, «в пустых и в диких местах на речке Ревде, где он обыскал магнитную железную руду в Волчьей горе». Одновременно с этим заводом он намерен строить на Волге в Галицком уезде, в его Ветлужской вотчине завод, предназначенный для передела чугуна с рединских домен в железо. Сооружение завода в таком отдалении он объяснял наличием достаточного количества в этой вотчине рабочих и крепостных крестьян. Заводчику предоставляется двухлетняя льгота в уплате десятого пуда с чугуна; ему разрешено нанимать вольных рабочих, но запрещается принимать беглых; губернаторы и воеводы обязаны пропускать к нему рабочих.⁵⁹

Строительство новых заводов сопровождалось весьма важной мерой. Для обеспечения их рабочей силой Демидову разрешалось удерживать у себя беглых крестьян. Именной указ 18 августа 1722 г. прекращал выдачу помещикам их беглых крестьян, состоящих на заводах Демидова мастерами и учениками. Указом повелевалось, чтобы рабочих и учеников, «чьи б они не были, хотя и беглые явятца, не отдавать, и взятых возвратили, а в которой фабрике чьи есть беглые люди, то их только велеть переписать».⁶⁰ На основании этого указа Н. Демидов мог оставить у себя многочисленных крестьян, скрывавшихся на его заводах; указ этот послужил началом дальнейшего законодательства по закреплению на уральских заводах пришлых крестьян. Это мероприятие открывало Демидову существенный источник пополнения числа мастеровых. Вместе с тем оставление беглых людей на заводах ставило их в полную зависимость от заводчика, было шагом к их новому закреплению.

Никита Демидов скончался 17 ноября 1725 г. 69 лет.⁶¹ Большую часть своих заводов он передал старшему сыну Акинфию, так как младшим, Григорию и Никите, отец не доверял в той мере, как Акинфию.⁶²

Берг-коллегия утвердила завещание Демидова со ссылкой при этом на второй пункт указа о единонаследии 23 марта 1714 г., по которому разрешалось оставлять недвижимость только одному из сыновей.⁶³

⁵⁷ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 58—59, указ 20 декабря 1720 г.; ЦГАДА, ф. Демидовых, № 4003.

⁵⁸ Гос. библ. им. Ленина. Там же, л. 67, указ 12 ноября 1722 г.

⁵⁹ Там же, л. 67—71 об., указы 19 июня 1724 г. и 28 февраля 1725 г.

⁶⁰ Там же, л. 66—66 об., указ 26 сентября 1722 г. (см. ПСЗ, т. VI, № 4055).

⁶¹ Головицков. Род дворян Демидовых.

⁶² В. Рожков. Берг-компания на Магнитной горе Сибири.— Горный журнал, 1885, т. II, стр. 293—294.

⁶³ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, 1726. Вход. письма, кн. 77, л. 87—87 об. «Приговором берг-коллегии 720 года декабря 23 дня в том его недвижимом имени по-

Еще при жизни отца его младшие сыновья, Никита и Григорий, владели заводами: первый — Дугненским (основан в 1707 г.) в Алексинском уезде, второй — Старогородищенским под Тулой (основан в 1719 г.). Дугненский завод оставался и впоследствии за Никитой, а Старогородищенский перешел в 1729 г. после смерти Григория к Акинфию.⁶⁴ Эти заводы, вероятно, с самого начала были закреплены за младшими сыновьями как основанные ими. Относительно движимой части наследства вскоре после смерти Демидова между двумя его сыновьями, Акинфием и Никитой, была заключена 15 февраля 1726 г. особая «зделочная запись». Братья обязались за себя, за жену, детей и за сестру не предъявлять иска друг к другу под страхом неустойки в 5 тыс. руб. У «зделочной записи» Демидовых подписалось шестеро свидетелей, все они были представителями знати и генералитета: трое графов Апраксиных — генерал-адмирал Федор Матвеевич, Петр и Андрей, генерал Иван Головин и генерал-майоры Антон Дивьер и Ульян Синявин.⁶⁵ Акинфий Демидов просил после смерти отца утвердить за ним деревни, купленные отцом, но оставшиеся не записанными в Вотчинной коллегии. Прося об утверждении за ним этого наследства, Акинфий заявил, что «мать де ево, вдова Авдотья, о четвертой части ис того недвижимого имения не челобитчица».⁶⁶ Речь шла о четвертой доле, согласно Уложению, наследовавшейся вдовой. Тульский воевода М. А. Шепелев получил из Вотчинной коллегии предписание допросить вдову Демидова, действительно ли она отказывается от своей доли в наследстве. Она подтвердила, что уступает ее сыну Акинфию.⁶⁷

Основатель предприятия Никита Демидов распорядился своими заводами и землями и передал их в наследство сыновьям. Обсуждение прав его вдовы обнаруживает, что в данном случае власти исходили из норм Уложения о праве жен на купленные вотчины. Попытка превратить Демидова в качестве комиссара лишь в участника казенного строительства, состоявшего на жалованье, не осуществилась, что также указывает на весьма широкий характер его владельческих прав. Они были связаны с рядом привилегий, как право беспошлинного провоза железа, свобода от постоя, право удерживать на заводах беглых крестьян и т. п. Наконец, из оружейного мастера и комиссара Никита Демидов превратился в дворянина.

2. ПРИВИЛЕГИИ ДЕМИДОВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Такой же хищный приобретатель и эксплуататор, как и отец, Акинфий отлично умел при помощи подкупов ладить с властями, и широкое строительство новых заводов сопровождалось новыми пожалованиями и приви-

мянутого сына ево Акинфия наследником учинить велено, чтоб впредь медным и железным заводам и крестьянам, кои к тем заводам приписаны, от несогласия (прочих детей ево) разорения, казне в десятом пуда утраты не было, и оной бы сын ево Акинфий, видя такую отеческую склонность, к тем бы заводам и происку рудному имел бы старание и охоту».

⁶⁴ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 147—148 об.

⁶⁵ Там же, л. 80—80 об.

⁶⁶ Там же, л. 98—101 об. Ср. в Уложении 1649 г., гл. XVII, ст. 1: «А женам тех умерших, которые останутся бездетны, давати им из животов их четверть, да приданое. А до родовых и до выслуженных вотчин им дела нет, опричь купленных вотчин».

⁶⁷ Гос. библ. им. Ленина, там же, л. 101 об. В 1737 г. Кабинет министров рассматривал прошение вдовы Евдокии Демидовой о подтверждении ее завещания, согласно которому ее имущество, движимое и недвижимое, переходило к Акинфию Демидову.— Сб. Русск. историч. об-ва (РИО), т. CXVII, стр. 500.

легиями. События эпохи дворцовых переворотов с их быстрой сменой правительств не помешали дальнейшему обогащению Демидова. Он сумел приблизиться к всемогущим временщикам и использовать к своей выгоде возвышение Миниха, Бирона и его креатуры саксонца бар. Шемберга. Они помогли ему замести следы в хищениях, нарушениях указов и в неуплате податей. Императрицы Екатерина I, Анна и Елизавета подписывали милостивые указы или ставили на его прошениях многозначительное «быть по сему».

Два месяца спустя после смерти отца Акинфий Демидов обратился в Берг-коллегию за разрешением выстроить сразу три завода на Урале и медный завод на Алтае. Уральские заводы должны были быть построены на реках Утке, Шайтанке и на Черном Истоке. Это ходатайство было подано 27 января 1726 г., и уже 9 февраля Берг-коллегия выдала ему соответствующий указ о дозволении нового строительства на Урале. Демидов писал, что при Невьянском заводе леса, потребные на уголь и на стройку, «обрубилась вокруг верст на 20 и более, отчего бывает в деле железа за воскою угля немалая остановка». Он намерен сохранить на Невьянском заводе только плавку чугуна, «а падлежит де при тех заводах только быть одним домнам», а молотовые должны быть устроены в другом месте. Для этого и должны быть выстроены три новых завода на указанных местах.⁶⁸

Прошение относительно алтайских заводов было подано 19 января 1726 г. Акинфий начинает его с указания, что Петром I было повелено Демидовым «к приискам медных и других руд иметь охоту» и строить заводы. «Таких заводов нетокмо в Швеции, но и во всей Европии не обретається». По поручению Акинфия Демидова в 1724 г. велась разведка руд в Томском и Кузнецком уездах, в диких местах, состоявших «в татарском владении». Из того же не изданного до сих пор прошения узнаем, что он привез образцы руд в Петербург и поднес их 10 января 1726 г. императрице и Я. В. Брюсу. Он просит разрешить выстроить завод, но без тех условий, какие заключались в прежних привилегиях, так как дело идет о «старых татарских пустых вотчинах», лежавших «впусте». Вероятно, поэтому он не говорит в этом прошении об обязательствах со своей стороны, ни о поставках, ни об уплате десятины. При этом Ак. Демидов указал 9 пунктов, где была обнаружена медная руда — по рекам Алею и Чарошу.⁶⁹ В дополнение к этому он подал 4 февраля новое заявление, в котором просил разрешения вступить в компанию с ним для постройки медного завода на Алтае не кому иному, как генералу Геннину, а также и другим лицам, «кого мы, впредь усмотря, и в компанию пожелаем».

Надо отметить, что в этом заявлении Ак. Демидов просит о разрешении добывать не только медные, но и серебряные и золотые руды. С самого начала имелась в виду добыча благородных металлов, и, следовательно, обнаружение их не могло явиться неожиданным для правительства, как это обычно рисуют историки. «И ежели же где приищутся впредь медные, серебрянные, золотые руды, чтоб нам копать их было не отводным же числом и заводы заводить не против привилегии, а другим в тех местах для копки руд и построению заводов мест не отдавать

⁶⁸ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 77—77 об.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 104, «Приказные дела», л. 86—88. Копия прошения Акинфия Демидова 19 января 1726 г. В списке мест, где обнаружены медные руды в Томском и Кузнецком уездах, значатся места: 1) в верховьях («сверх») р. Алея, 2) «между рек Чарошу и Алея», 3) «промеж рек Чарошу и Алея с Венинской горы» и т. д.

и не отводить». ⁷⁰ Он просит дать ему штейгера и шихтмейстера для копки руд, разрешить провоз туда хлеба и продовольствия, дать ружья и порох для охраны заводов, снабжать его и приказчиков подводами, когда «случится ехать в Русь или для осмотра руд». 16 февраля последовало разрешение на строительство. ⁷¹

Берг-коллегия соглашалась на участие Геннина в компании, несмотря на занимаемую им должность начальника горных сибирских заводов. ⁷² Однако заводы были сооружены без участия Геннина. С устройством этих заводов туда, на далекую окраину были отправлены шихтмейстер и берг-гешворен, которые должны были, состоя на жалованье Демидова, осуществлять правительственный надзор и контроль.

Вместе с разрешением основать новые заводы происходило оформление личных прав Ак. Демидова. Тогда же, 26 марта 1726 г., Екатерина I подтвердила торжественным дипломом пожалование Акинфия Демидова с его братьями и их потомством нижегородскими дворянами. При этом они были освобождены от дворянских служб. Освобождение от служб мотивировалось в дипломе заводской деятельностью Демидовых. ⁷³

В следующем, 1727 г. Демидову было разрешено построить завод в Кунгурском уезде, где он «обыскал» медную руду. Тогда же он просил об отводе ему земель для проезда на его алтайские заводы. Тобольские губернские власти распорядились, согласно его желанию, отвести Демидову незаселенные земли в Ишимском уезде. ⁷⁴ Еще в 1724 г. он просил о разрешении ему строить железный завод в его селе Фокине на Волге, в Нижегородском уезде, для передела чугуна с домны Ревдинского завода на Урале. В указе о Ревдинском заводе ему было позволено строить завод в Галицком уезде, в его Ветлужской вотчине. Но там не оказалось удобного места для молотовой, поэтому он снова просил в 1728 г. позволить выстроить завод близ с. Фокина на р. Чугунке. Вместе с тем ему было разрешено рубить дубовый лес для строительства завода на Волге и на реках Суре и Чугунке. Несмотря на указ, посланный из Казани, подьячие и солдаты препятствовали рубке леса, поэтому потребовался новый указ Берг-коллегии. Право рубить дубовый лес в еще более широких размерах было предоставлено Демидову артиллерийским ведомством в 1733 г. в Кунгурском уезде, где было разрешено вырубить 500 дубовых деревьев для потребностей его уральских заводов.

Для ломки «горнового» камня к Тульскому заводу Ак. Демидова была отведена частновладельческая земля, принадлежавшая дворянину М. Данилову. Берг-коллегия в 1729 г. (5 августа) обязала его, основываясь на берг-привилегии, в которой провозглашена была «горная свобода», предоставить Демидову место для ломки камня. Оказывается, что здесь же брали «горновой» камень для пяти заводов: «у тульских обывателей, имеющих водяные железные заводы, которые в вышеписанной Данилова даче горновой камень получают, имеется домен: Акинфия Демидова —

⁷⁰ Там же, л. 93 об.

⁷¹ Там же. Ответ Берг-коллегии на доношение Демидова и резолюция 16 февраля 1726 г.; указ 31 марта 1726 г. о разрешении строить Кольвано-Воскресенский завод, л. 96—99, 102, 103.

⁷² Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 77—77 об., 94, 102.

⁷³ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 17 об.—21. В протоколах Верховного тайного совета под 18 февраля 1726 г. сказано, что «приходил тайный кабинет-секретарь Алексей Макаров и напомнил о жалованной грамоте сыновьям комиссара Никиты Демидова... И по разсуждении определили помянутых Демидовых детей написать в той жалованной грамоте во дворяне по Нижнему Новгороду; а те слова, которые в дипломе были изъяснены, что ежели их кто не будет за дворян почитать, то будут наказаны, велено отставить». — Сб. РИО, т. LV, стр. 46.

⁷⁴ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 103—105.

одна, брата его Григория Демидова — одна ж, брата их Никиты Демидова — две, Ивана Баташева — одна, итого 5 домен».⁷⁵

Вместе с хлопотами, вызванными строительством новых заводов, происходило уточнение обязательств Демидова по казенным поставкам, что также сопровождалось получением новых льгот. В 1727—1728 гг. ему было разрешено продать медь «охочим людям» на сторону. Медь в это время имелась в избытке. Берг-коллегия разрешила ему продавать медь, «где похочет повольною ценою», так как «ныне монетная контора в меди нужды не имеет».⁷⁶ Еще в 1718 г. была установлена точная цифра поставок в Адмиралтейство (47 500 пуд. железа). В марте 1728 г. Адмиралтейств-коллегия постановила учинить с Ак. Демидовым «ординарии» о поставках. В следующие 2 года он был освобожден от поставок, а при поставках на 1731 г. была сделана прибавка в цене. Заявка на железо для казны должна была производиться за 2 года вперед, а пока поставки не требуются, ему разрешалось продавать по вольным ценам.⁷⁷

Ак. Демидов энергично отстаивал на деле свою привилегию быть подсудным лишь центральным учреждениям. Его приказчик, направлявшийся с его алтайских заводов в Москву, был схвачен казенными сибирскими приказчиками, державшими его под арестом 7 дней. Берг-коллегия по жалобе Демидова приказала расследовать дело и выслать виновного в центр под караулом.⁷⁸ Другого приказчика Демидову пришлось защищать от Тульского посада, требовавшего от него службы и налагавшего другие тяготы. Этот приказчик был тульский посадский человек Семен Пальцев; Ак. Демидов был женат на его сестре.⁷⁹ Демидов просил выключить шурина из Тульского посада и оставить его только на заводе. Берг-коллегия, ссылаясь на берг-привилегию 1719 г. и на инструкцию Мануфактур-коллегии, освободила Пальцева от посадского тягла и постановила, чтобы он находился в ведении только Берг-коллегии.⁸⁰

В одном из многочисленных донесений в Берг-коллегию в 1729 г. Ак. Демидов перечисляет некоторых из своих помощников; у него состояли «приказчики города Тулы Казенной слободы Федор Володимеров, Лукьян Марков, Иван Мураков, Семен Пальцев, которые де у него посылаютца ко отправлению в казну карабельного железа и военных припасов в Санкт-Петербург и в Москву». Из четверых перечисленных здесь приказчиков Ф. Володимеров числился тульским купцом и был зятем Демидова; Лукьян Марков, тульский кузнец, был женат на сестре Демидова; о Семене Пальцеве сказано выше. Демидовы окружали себя родственниками и людьми, вышедшими из тульских оружейников и посадских людей. Такой выбор доверенных лиц не был их личной особенностью: то же самое наблюдалось у купцов того времени, торговавших обычно вместе с сыновьями, племянниками и другими родственниками.

Следует остановиться на борьбе Демидова за весьма существенную привилегию, именно за освобождение от постоя войск, что входило в первые грамоты. По его просьбе Берг-коллегия также освободила от постоя дворы его приказчиков, если на них «имеется железо и какие железные

⁷⁵ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 134—137, указ Берг-коллегии 5 августа 1729 г.

⁷⁶ Там же, л. 106 об.—108 об., 119, указ Берг-коллегии 14 июня 1728 г.

⁷⁷ Там же, л. 110—112 об., указ Адмиралтейств-коллегии 6 марта 1728 г., л. 113—114; указ Берг-коллегии 30 марта 1728 г.

⁷⁸ Там же, л. 122—127 об., указы Берг-коллегии 13 и 19 марта 1729 г.

⁷⁹ В. Р о ж к о в. А. Н. Демидов на своих Колывано-Воскресенских заводах.— Горный журнал, 1891, т. III, стр. 357.

⁸⁰ Гос. библ. им. Ленина, там же, л. 120—121, указ Берг-коллегии 5 октября 1728 г.

и другие фабричные припасы и инструменты заводские». ⁸¹ Он получил также сенатский указ в 1732 г., подтверждавший освобождение его дворов, разбросанных по 18 городам, от постоя. Это было, повидимому, вызвано тем, что в прежнем указе 1715 г. шла речь лишь об освобождении от постоя его московского и тульского дворов. Теперь он говорит о своих дворах в Москве, Туле, Риге, Новгороде, Твери, Ярославле, в Нижнем, Араамасе, Казани, Царицыне, в Саратове, Чебоксарах, Лаишеве, в Кунгуре и Соликамске, в Верхотурье, Тобольске и в Ирбитской слободе. ⁸² Большая часть из названных здесь 18 пунктов находилась на водном пути, по которому шли его суда с железом, другие являлись крупными торговыми центрами, третьи были связаны с демидовскими вотчинами. Обращает внимание наличие у него двора в Риге, что находилось в связи с его экспортными операциями. Все эти дворы были освобождены в 1733 г. от постоянной повинности. Сенатский указ об этом рассылался на места губернаторам и воеводам; одновременно за подписью фельдмаршала Миниха из Военной коллегии последовал соответствующий указ генералитету, штаб- и обер-офицерам, в котором также отмечено, что Демидовы продают железо как внутри страны, так и отправляют на экспорт «в российских городах и при портах Санкт-Петербургском и Рижском». Необходимость нового распоряжения диктовалась частыми нарушениями прежнего указа об освобождении Демидова от постоя. У него имелись также соляные варницы в Соликамске и в Перми, и он напоминает, что в предшествующем 1732 г. все солепромышленники были освобождены от постоя. Военная коллегия подтвердила полное освобождение демидовских дворов от военного постоя. ⁸³

Столь же важной привилегией было освобождение от торговых пошлин и сборов. Демидов просил о сложении с его товаров «весчих» сборов, взимавшихся при продаже на ярмарках (по 1 деньге с пуда товара), и «перекушных» (по 1½ деньга). Сенатским указом 4 февраля 1732 г. он был освобожден от этих видов внутреннего таможенного обложения. ⁸⁴ Из других преимуществ отмечу, что для своих пермских солеварен Демидов просил о прибавке цены на соль при поставках ее в казну. В согласии с его ходатайством цена на пермскую соль была повышена по 1 коп. на пуд против цены Строгановых, под условием повысить поставку до 800 тыс. пудов соли. ⁸⁵

Земельные споры задержали строительство Ревдинского завода. Указ о нем был дан еще в 1724 г. Никите Демидову. Из-за мест под заводы, которых предполагалось поставить три, и возник спор между его сыновьями Акинфием и Никитой, рассматривавшийся Геншиным. В конце концов братья договорились, что Акинфий поставит новый завод на р. Ревде за р. Чусовой и руду будет брать с Волчьей горы, а Никита Никитич

⁸¹ Там же, л. 130—130 об., указ Берг-коллегии 1729 г.

⁸² Там же, л. 152—154, сенатский указ 28 марта 1733 г. Перечень дворов неполон, так как в нем не отмечен петербургский двор Демидова; он упомянут в указе о том же Военной коллегии. Сохранилась купчая Демидова на двор в Таре, приобретенный в 1731 г., т. е. до приведенных в тексте указов, и все же не упомянутый в перечне. Купчая эта хранится среди рукописей Нижнетагильского музея («Купчие крепости на калмыков, разных крестьян, дома...», л. 34—36). В Новгороде еще в 1713 г. Демидову было отведено место под склад на торговой стороне у Рыбного ряда, но в 1731 г. оно было отнято под дворец. Сенат по просьбе Ак. Демидова отвел ему другое место, на берегу Волхова, пригодное и для склада и для устройства пристани.— Там же, л. 151, сенатский указ 23 марта 1733 г.

⁸³ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 13—14 об., указ Военной коллегии 17 мая 1733 г.

⁸⁴ Гос. библ. им. Ленина, ф. муз., № 6693, л. 141; тот же указ в ПСЗ, т. II, № 5951.

⁸⁵ Там же, л. 154—155.

построит завод на р. Шайтанке, где у него будет и рудник. Разрешение на заводы было дано 10 июля 1730 г.⁸⁶

Надо отметить борьбу Демидова со своими сильными соседями Строгановыми. «Горная свобода», провозглашенная в берг-привилегии 1719 г., позволяла копать руду и строить заводы на чужих землях, и споры со Строгановыми показывают, к каким конфликтам это приводило.

Столкновения со Строгановыми оказались серьезными и длительными. Строгановские приказчики просили в 1730 г. разрешить строить заводы на реках Шайтанке или Билимбаихе. Однако на основании берг-привилегии с указанием на ее первый пункт, провозгласивший «горную свободу», было подтверждено (10 июля 1730 г.) разрешение Ак. Демидову выстроить в тех же местах Ревдинский завод, а Никите — Шайтанский завод. Год спустя, в 1731 г., Сибирский Обер-бергamt распорядился о разграничении между строящимся Шайтанским заводом Никиты Демидова и Билимбаевским заводом Строгановых.⁸⁷ Однако и 10 лет спустя Строгановы все еще продолжали спор и приводили жалованные грамоты, начиная с пожалований Ивана Грозного, для обоснования своих прав на земли, по их мнению, незаконно захваченные Демидовыми. Приказчики Строгановых считали, что им принадлежат земли по всему течению р. Чусовой, от «вершины до устья».⁸⁸

Эти столкновения тогда же привели к специальному обследованию на месте. Сначала расследование производил поручик Брант, затем на Чусовую был послан чиновник («гитен-фервальтер») Константин Гордеев. Он представил Геннину в Екатеринбурге в ноябре 1732 г. подробную «опись свидетельству и мере» района вверх по Чусовой от р. Межевой Утки до р. Ревды. По Межевой Утке, где в нее впадает р. Смородинка, в 49 верстах от Чусовой, стояло селение в 17 дворов и при устье ее еще 7 дворов с пашнями и санными покосами; вниз по р. Утке, в одной версте от Смородинки, находилось 13 дворов, и ниже, в одной версте, еще 5 дворов и т. д.

Этот горный чиновник отметил наличие в 1732 г. вдоль р. Чусовой 4 заводов Демидовых, 1 казенного завода, 3 пристаней и значительного числа селений. Наличие пустых и горелых дворов, обнаруженных им, могло бы служить подтверждением донесения строгановских приказчиков, что Демидов принуждал крестьян выселяться и жечь дома, чтобы показать, что места эти пусты и безлюдны. Тотчас после обследования Гордеева, в ноябре 1732 г. Строгановы подали новое челобитье. Ссылаясь на Бранта и Гордеева, они вновь говорили об «изломанных» дворах и слободах по р. Чусовой, откуда разбежались поселившиеся там крестьяне, которых демидовские приказчики укрывали от следствия на его заводах. Однако Строгановы не могли добиться благоприятного решения. Три года спустя они опять подали челобитье, где писали, что Демидов снова поселил на их землях с тысячу душ своих крестьян. Строгановы просили в 1735 г. о взыскании с Демидова денег за принесенные убытки и о запрещении ему впредь селить на их землях. Новое челобитье разбирал преемник Геннина Татищев; было запрещено селиться на спорных землях и приказано подготовить новое «рассмотрение дела». Уже эта резолюция показывает некоторый поворот в отношении к Демидову, связанный с деятельностью Татищева.⁸⁹ Таким образом, широко понимая «горную свободу», Демидовы селили крестьян на ближайших к заводам землях и

⁸⁶ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 515, т. II, л. 80—84.

⁸⁷ Там же, л. 202—206.

⁸⁸ Там же, л. 163—182 об. Челобитная стряпчего баронов Строгановых 20 ноября 1741 г. с изложением истории спора и с приложением копий с жалованных грамот.

⁸⁹ Об окончании этого дела сведения отсутствуют.

успешно спорили с крупнейшими землевладельцами Приуралья и Урала — Строгановыми.

Важнейшей проблемой для уральских заводов было обеспечение их рабочей силой, и в этом отношении Демидовы также добились многого. В том же 1732 г. производилась перепись мастеровых и работных людей на заводах Демидова для взимания с них подушных денег и рекрут. Демидов ходатайствовал об освобождении его мастеровых от рекрутчины; он писал, между прочим, что его заводы находятся на границе Башкирии и по соседству с калмыцкими улусами и есть опасение, что мастеровые разбегутся, если их станут брать в солдаты. Сенат указом 5 июня 1733 г. потребовал списки демидовских мастеровых и постановил освободить их от рекрутской повинности. В указе приведен обширный перечень должностей мастеровых, «без которых в заводском действии обойтись невозможно».⁹⁰ Еще в 1722 г. было запрещено возвращать помещикам беглых крестьян, укрывавшихся на демидовских заводах, и с этого времени они не подлежали рекрутской повинности. Это служило существенным средством для обеспечения заводов рабочими и вместе с тем отдавало их в руки заводчикам.

В 1734 г. (указом 17 марта) В. Геннина сменил В. Н. Татищев, назначенный начальником горных заводов. В составленной для него инструкции ему, между прочим, поручалось выяснить причины более успешной работы демидовских заводов по сравнению с казенными.⁹¹ В. Н. Татищев на этот раз пробыл на Урале с 1734 по 1737 г. Он преобразовал Обер-бергамт в Екатеринбурге в Главное правление горных заводов, собрал вокруг себя совет из знающих чиновников и специалистов, частью переведенных из Петербурга («целую Берг-коллегию», по выражению его биографа), и принялся энергично за дело, начав с разработки подробного горнозаводского устава. На частные заводы он послал чиновников-шихтмейстеров, дав им особый наказ. Шихтмейстер в качестве представителя горного начальства должен был наблюдать за строительством заводов, за качеством продукции и порядками отпуска на продажу и на поставки в казну и смотреть, чтобы заводчики не принимали беглых и давали бы правильные отчетные сведения о производстве.⁹²

Надзор со стороны горного начальства тяготил Ак. Демидова, и он старался от него избавиться. Кроме того, у него были и другие причины для недовольства: два мастера-иноземца, нанятые им в Петербурге, были взяты на казенные заводы; Татищев требовал, чтобы дети рабочих от 6 до 12 лет посещали заводскую школу; Демидова обязывали выплачивать мастеровым заработную плату за время частых простоев завода, а также

⁹⁰ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 159—164.

⁹¹ ПСЗ, т. VIII, № 6108. Правительство императрицы Анны заключило в 1733 г. контракт с иностранными купцами Шифнером и Вульфом на отправку за границу в течение 5 лет крупных партий железа. В связи с этим правительство стремилось усилить строительство новых заводов как казенных, так и частных. В качестве примера указывали на Демидова, подтверждая выгодность для частных заводов поставлять железо в казну. В указе говорилось, что Демидов получил «великую обширность земли, села и слободы и вошел в силу заводскую». В 1733 г., 30 июня, Берг-коллегия заявляла, что те же иностранные купцы недовольны железом с казенных заводов, так как оно имеет недостатки: «негладко, но в иных местах яко грубовато». Они ставили в пример демидовское железо как лучшее, «которое делается гладко»; Берг-коллегия предлагала делать железо подобно демидовскому («против Демидова»).

⁹² И. Г е р м а н. Историческое начертание горного производства в Российской империи, стр. 159. О характере этого надзора свидетельствует перечень пунктов в инструкции шихтмейстеру, направленному на Невьянский завод Демидова. Этот перечень приводится у Германа: «1. О принятии ведомостей. 2. О содержании книг. 3. О записке людей. 4. О пробе запасов. 5. О продаже и договоре. 6. О содержании заводов. 7. О заплате мастерам. 8. О строении вновь заводов. 9. О содержании церквей и школ. 10. О таможенных служителях и торгах. 11. О кабаках».

за время болезни рабочих. Татищев настоял на отобрании в казну Колывано-Воскресенских заводов вследствие незаконной выплавки серебра. Поводом для этого послужил донос в 1733 г. канцеляриста Гр. Капустина, который утверждал, что Демидов не платит десятины и торговых пошлин, и к этому прибавлял, что «найдена на тех заводах серебрянная руда... а ныне тое руду без указа плавить не велено». Согласно петровской берг-привилегии, добыча золота и серебра, действительно, не дозволялась частным лицам без особого разрешения правительства. Демидов обвинялся также в незаконном снабжении оружием калмыков и татар.

В связи с этим началось расследование, и на места были посланы ревизоры. Тульский приказчик Демидова на допросе показал, что уплата десятины производится Демидовым лишь с 1720 г. по 1 кол. с пуда чугуна, а других сборов (с молотов и т. п.) он не платит. На нем насчитали недоимок свыше 85 тыс. руб. Татищев забрал всю медь с его Выйского завода на монетное дело и обложил его рабочих-старообрядцев двойной подушной податью.⁹³ Доносили, что Демидов дал взятку президенту Коммерц-коллегии Шафирову в 3 тыс. руб. Хищник, казалось, сам попал в капкан. Следствие продолжалось с сентября 1733 г. по март 1735 г., т. е. 1½ года.

Однако Демидов сумел выпутаться. В этом ему помог, за крупную взятку, как это достаточно выяснено в литературе, всемогущий временщик Бирон. В октябре 1733 г. кабинет-министры А. Остерман и А. Черкасский писали, что императрица «изволила отпустить» Демидова в «дом его на те заводы» с тем, что когда он окажется нужен для следствия, ему будет приказано приехать.⁹⁴ Позднее, в марте 1735 г., имп. Анна вновь отпустила Ак. Демидова на заводы, так как они «в худом состоянии, затем что он давно отлучился от них и ныне удержан в Москве по комиссий следствия о заводах». ⁹⁵ Указ 12 декабря 1735 г. избавил Демидова от надзора шихтмейстеров и удовлетворил ряд других его требований. Этот указ является резолюцией кабинет-министров на поданное Демидовым доношение. Предписывалось «отставить» шихтмейстеров под тем предлогом, что они не знают арифметики и не могут поставить бухгалтерского учета; Демидову возвращены были также два мастера-иноземца, переведенные на казенные заводы.⁹⁶ В следующем, 1736 г. он получил удовлетворение во всех своих пожеланиях. Ему были возвращены алтайские заводы. Именным указом 15 апреля 1736 г. был дан ответ на «многие обиды», причиненные Демидову Татищевым. Акинфий Демидов просил впредь изъять его из ведения Татищева или екатеринбургских властей и подчинить его Коммерц-коллегии, т. е. центральному ведомству, согласно прежним его привилегиям и в соответствии с берг-привилегией, «а вам, — обращается указ к Татищеву, — за выпепоказанными на него нападками не ведать и взятых с завода его на казенные заводы и в другие места мастеров и подмастерьев и рабочих людей, каких ни есть чинов, всех возвратить на те же заводы».⁹⁷

Особенно значительные преимущества приобрел Демидов в том же

⁹³ Н. П о п о в. В. Н. Татищев и его время, стр. 152; В. Р о ж к о в. Берг-компания на Магнитной горе.— Горный журнал, 1885, т. II, стр. 243—246; его же. А. Н. Демидов на своих Колывано-Воскресенских заводах.— Горный журнал, 1891, т. III, стр. 343—344.

⁹⁴ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 170.

⁹⁵ Т а м ж е, собр. Ундольского, № 848, л. 147; сб. РИО, т. СХI, постановление 13 марта 1735 г.; см. также сб. РИО, т. СIV, стр. 335, т. CVI, стр. 351, 426, 447.

⁹⁶ ПСЗ, т. IX, № 6840, указ 12 декабря 1735 г.; Н. П о п о в. Цит. соч., стр. 150—151; И. Г е р м а н. Цит. соч., стр. 169.

⁹⁷ И. Г е р м а н. Цит. соч., стр. 171—172; ПСЗ, т. IX, № 6939, указ 15 апреля 1736 г.; тот же указ в Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 10, л. 6—6 об.; сб. РИО, т. СХIV, стр. 61, 63, 86, 173.

году по указу 12 ноября 1736 г., представлявшему собой резолюцию имп. Анны в ответ на его доношение. Этим указом Демидов был оправдан и получил удовлетворение после следствия. В нем же упоминается о новом учреждении, Берг-директориуме, которое было создано для руководства горными заводами; во главе его был поставлен проходимец, саксонец барон Шемберг, креатура Бирона; кроме того, Шемберг организовал частное предприятие — «Берг-компанию», в которой участвовали Бирон и сам Шемберг, несмотря на занимаемый им пост. С 1736 по 1740 г., когда «бироновщина» закончилась, эта компания занята была разворовыванием казенных заводов. В. Н. Татищев был уволен и переведен в 1737 г. на другой пост в Оренбург. Акинфий Демидов вошел в тесные сношения с Шембергом и Бироном, предоставил Шембергу свой дом на Васильевском острове в Петербурге⁹⁸ и дал Бирону 50 тыс. руб. Они были получены обратно его сыновьями от курляндского герцога только 30 лет спустя. Для близости его к временщику показательно, что когда мать Ак. Демидова подтвердила в 1737 г. свое завещание в его пользу, то свидетелем она пригласила оказавшегося в тот момент в Туле Густава Бирона, младшего брата фаворита.⁹⁹

Резолюция имп. Анны 12 ноября 1736 г. является ответом на его прошение. Согласно его желанию, другим заводчикам было запрещено добывать руду в тех же местах, где были его рудники. Ему было позволено строить медные заводы в Сибири по рекам Оби и Иртышу. Три наиболее важных пункта касались вопроса об оставлении на его заводах пришлых крестьян. Он просил, чтобы крестьяне, работающие у него на заводах, не возвращались на прежние места, а были оставлены там «вечно неотменно» с уплатой по 50 руб. за семью с малолетними детьми, а за холостых по 30 руб. с человека. На этот пункт последовала резолюция, что пришлых синодальных, монастырских и государственных крестьян, обучившихся на его заводах мастерству, следует оставить «при его заводах вечно и приписать к казенным слободам, которые к его заводам даны, и платить за них как подушные, так и четырехгривенные деньги». Взамен помещичьих крестьян Демидов обязан был отдать их владельцам то же число из своих крепостных крестьян, если они пришли до переписи рабочих 1732 г.; вновь разрешено было также освободить его рабочих от рекрутской повинности.

Этим было положено основание закрепощению пришлых рабочих, превращенных в новую категорию — «вечно-отданных» заводчикам. При возвращении собственникам крестьян, работающих у него «временно из найму», Демидову было позволено не платить владельцам «пожилых денег».

Остальные пункты демидовского прошения и резолюции имп. Анны, касались ряда разнообразных предметов. Он просил отвести к его заводам леса на 30 верст вокруг и получил резолюцию в общей форме, без точного указания отводимой площади: «Отвести столько, сколько к его заводам потребно, без излишества, и чтоб от того прочим имеющимся и впредь заводимым оскудения не было». Позволено было, согласно его просьбе, свободно привозить на заводы хлеб на продажу. Он просил при построении

⁹⁸ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 87—89. «Данная» на покупку дома 30 апреля 1726 г. Дом этот был куплен еще в 1726 г. у гр. П. Апраксина за 10 тыс. руб.; это были «каменные палаты» 26 саж. в длину и 20 саж. в ширину.

⁹⁹ Сб. РИО, т. СХVII, стр. 50; В. Р о ж к о в. Берг-компания на Магнитной горе Сибири.— Горный журнал, 1885, т. II, стр. 443. Позорная роль Шемберга вполне выяснена в русской литературе (С. С о л о в ь е в. История России, кн. 4, стр. 1434, и Н. Ф и р с о в. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. Изд. 2-е. 1922).

новых заводов дать льготный срок, в течение которого освободить от уплаты десятины, и ссылался на соответствующие указы; на это последовала благопринятая резолюция: «учинить по привилегиям».¹⁰⁰

Вслед за тем, в том же 1736 г., 21 декабря последовала столь же милостивая резолюция по делу о недоимках в попудном сборе с Демидова. Особая комиссия о заводах Демидова представила свое мнение, на которое он подал свои возражения. Демидов не платил десятины за 1 237 060 пуд. чугуна (к сожалению, неизвестно, за какое число лет). Он указывал, что не обязан был платить в течение льготных трех лет с построения Нижне- и Верхнетагильского заводов, на которых было выплавлено 781 120 пуд. чугуна. Комиссия возражала на это, что Демидов не просил своевременно о льготе, признала остальные 455 940 пуд. безусловно им утаенными и предложила конфисковать их. Резолюция имп. Анны разрешила ему не платить за первую часть; что касается конфискации, то последняя заменена была простым взысканием попудного сбора, по 1 коп. с пуда. Комиссия отказалась зачесть ему 3 тыс. руб., по словам Демидова, переплаченных им в прежние годы. Свой отказ комиссия объясняла тем, что тогда об этом не возникал спор, но резолюцией Анны, напротив, предписывалось зачесть эту сумму как переплаченную. Было выяснено, что Демидов дал неверные сведения о выплавке меди; комиссия предложила конфисковать медь, но императрица взамен этого постановила ограничиться взиманием с меди таможенных пошлин. Комиссия сообщила, что с 1733 по 1737 г. Демидов продал в лавки товаров на 104 401 р., но пошлины с них были взяты не полностью, и также предложила конфискацию. Анна заменила ее уплатой таможенных пошлин и притом только за время до 1726 г., т. е. до пожалования его в дворяне.¹⁰¹ Эти резолюции императрицы исключительно благоприятны, можно сказать, пристрастны к Демидову.

Еще важнее, что вопрос об уплате попудного сбора или десятины, возбуждавший столько споров и указов, был разрешен установлением точной суммы сборов, которую Демидов обязан был платить из года в год. Для этого был определен объем производства на его заводах посредством сохранения лишь шести действующих домен. Это было сделано в именном указе 29 марта 1738 г., которым было постановлено с чугуна брать со всех шести домен по 8478 р. и вместо таможенных и других сборов по 9834 р., итого по 18 352 р. в год, начиная с 1737 г. Это было весьма существенной льготой, с ней связано было также освобождение Демидова от представления каких-либо ведомостей и других отчетных сведений. Это давало ему возможность продавать свои изделия даже на вольном рынке без уплаты (сверх установленной общей суммы) внутренних таможенных пошлин.

В случае пожара или прорыва плотины и остановки завода указанная выше сумма попутного сбора и таможенных пошлин в соответствии с этим («по расчету за все это время») должна была быть сокращена. Для этого устанавливался раз в 3 года осмотр и освидетельствование заводов Демидова. Кроме того, в том же указе была повторена резолюция Анны от 12 ноября, т. е. закрепощение, пришлых крестьян.¹⁰²

¹⁰⁰ И. Герман. Цит. соч., стр. 178—179; ПСЗ, т. X, № 7548, указ 29 марта 1738 г., в котором изложено ходатайство Демидова и резолюция 12 ноября 1736 г.; тот же указ в Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 25.

¹⁰¹ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., собр. Ундольского, № 848. Сб. указов Демидову 1736—1742 гг., л. 8 об.—13 сб. Резолюция 21 декабря 1726 г. и предложения комиссии до сих пор были неизвестны.

¹⁰² Сверд. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 25—26, копия указа 29 марта 1738 г., ошибочно обозначенного 1736-м годом; см. ПСЗ, т. X, № 7548.

Этот указ представляет значительный шаг на пути освобождения Демидова от правительственной опеки: он избавлялся от уплаты при каждой сделке пошлин и сборов, откупаясь строго определенным взносом в казну, получая известную свободу производства и распоряжения своей продукцией. С этого времени, с освобождением от текущих сборов и от представления ведомостей, вместе с исчезновением с его заводов шихтмейстеров, отношения Демидова к государственной власти ограничивались, в сущности, обязательными поставками в казну, принявшими в это время также точно определенный характер.

Еще одного преимущества добился Демидов. По распоряжению Татищева была произведена в 1736 г. перепись старообрядцев на заводах и за них положено было брать с Демидова подушную подать в двойном размере. На заводах Демидова их оказалось 1250 д. м. п. и 611 д. ж. п., Татищев сообщил, что «у Демидова в лесу есть пустыня, где корень одного суеверия находится». Приказчик его заявил протест в Берг-директориум, указывая, что со стороны духовенства не было произведено никакого увещания старообрядцев; по его мнению, можно требовать двойные деньги лишь со старообрядцев-работников, которые могут их заработать своим трудом, а «за старых и малых, которые заработать не могут, то б оных денег на господина его не взыскивать». Между тем обычно подушная подать бралась со всех душ мужского пола без различия возраста и трудоспособности — и с грудного младенца, и с дряхлого старика. Берг-директориум, неизменно покровительствовавший Демидову, и на этот раз пошел ему навстречу. Была назначена перепись пришлым людям на демидовских заводах, с выяснением числа старообрядцев и постановлено направить духовенство для их увещания. Только после этого необратившихся из раскола в православие следовало обложить в двойном размере, а до переписи брать с них «одинокий» оклад.¹⁰³

Значительным ущербом для Демидова явилось вторичное и на этот раз окончательное отображение в казну Колывано-Воскресенского и других алтайских его заводов. Передача этих заводов в казну была начата еще самим Ак. Демидовым ввиду доноса о нахождении на алтайских его рудниках не только меди, но и серебра, но закончилась передача после его смерти, в 1747 г.¹⁰⁴

Вместе с тем Ак. Демидов сумел получить от правительства ряд дальнейших льгот. Ему был пожалован в 1740 г. чин статского советника «за размножение рудокопных заводов», а в 1742 г. — чин действительного статского советника с рангом генерал-майора.¹⁰⁵

Для изучения отношений Демидова с правительственными учреждениями может служить книга копий указов Демидову за 1741—1742 гг., находящаяся в собрании рукописей Гос. библиотеки им. Ленина.

В марте 1740 г. Демидову были возвращены мастера, взятые от него на казенные заводы. В июле 1740 г. Берг-директориум просил Сенат об оставлении у Демидова помещичьих крестьян, обучившихся мастерству, ссылаясь на резолюцию 12 ноября 1736 г., где ему разрешалось оставлять помещичьих крестьян, возвращая взамен такое же число своих крепостных. Демидов поставил производство латуни и медной посуды на Бын-

¹⁰³ ПСЗ, т. X, № 7663, резолюция кабинет-министра 28 сентября 1738 г.; сб. РИО, т. CXI, стр. 148.

¹⁰⁴ ПСЗ, т. XII, № 9403, именной указ 12 мая 1747 г.; сб. РИО, т. CXIV, стр. 536.

¹⁰⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 1б—16 об. Пожалование произведено 30 сентября 1742 г., известие об этом имеется в указе 21 января 1744 г. за подписью имп. Елизаветы и вице-канцлера Ал. Бестужева-Рюмина. О пожаловании Демидова статским советником см. сб. РИО, т. CXLVI, стр. 391, ходатайство об этом взята его Володимерова с резолюцией имп. Анны.

говском заводе при помощи выписанных из-за границы мастеров и считал, что он должен быть за это награжден «милостивою привилегией». Согласно его просьбе, Берг-директориум 8 декабря 1740 г. приказал при продаже Демидовым своих изделий из латуни освободить его от платежа пошлин на 5 лет, а также не ставить у него постоя. Его приказчик жаловался на нарушение указов Петра I 1715 и 1718 гг. о невзимании сборов с демидовских стругов с железом, и Адмиралтейств-коллегия в согласии с этой просьбой дала указ 22 января 1742 г. о том, что демидовское железо, направляемое в Архангельск, не подлежит никаким сборам и пошлинам.¹⁰⁶

На просьбу Ак. Демидова об отмежевании лесов к его заводам 8 августа 1740 г. последовала положительная резолюция имп. Анны.¹⁰⁷ Для поимки беглых рекрут Военная коллегия должна была, согласно сенатской резолюции, послать на демидовские заводы штаб-офицера с командой. Но Миних высказал опасение, что «через такую чрезвычайную посылку не могут ли мастеровые и работные люди от страха разбежаться», и было решено (5 февраля 1741 г.) избавить Демидова от очередной ревизии.¹⁰⁸ Демидовский приказчик просил не взимать пошлины при продаже медной посуды, колоколов и других медных изделий на том основании, что Демидов уже вносит десятину со всей выплавки и меди и чугуна. Берг-директориум согласился на эту просьбу и представил свое мнение в Кабинет, запрашивая его решения.¹⁰⁹ Столь же благоприятное отношение встретило со стороны Берг-директориума стремление Демидова не допускать других заводчиков обосноваться поблизости от его завода.¹¹⁰

Нижегородские власти послали в 1740 г. в принадлежащее Демидову с. Фокино на Волге чиновника для выяснения, много ли крестьян работает на его заводе, и чиновник, приехав туда, арестовал земского и выборного из крестьян. Демидов жаловался на незаконность этих действий, ссылаясь на то, что он находится в ведении центральных учреждений. Нижегородская губернская канцелярия должна была давать объяснения и вступить с ним в переписку. Дальнейшего хода этого дела мы не знаем, но важно отметить, как настойчиво Демидов защищал свое право не подвергаться суду местных властей, а лишь суду в центральных учреждениях.¹¹¹

Имп. Елизавета особым указом вновь подтвердила освобождение Демидова от постоянной повинности,—это было вызвано случаями нарушения соответствующих прежних указов. Предписано нижегородскому губернатору очистить занятые было демидовские дворы и запрещено вновь занимать их.¹¹²

Венцом этого потока распоряжений является указ, данный за 3 года до смерти Акипфия Демидова. В ответ на его жалобы на обиды, волокиту и разорение он был изъят не только из ведения местной власти, но даже Сенат и коллегии не могли самостоятельно рассматривать и решать дела, касающиеся Демидова, без ведома и доклада всякий раз императрице. Этот любопытный указ 24 июля 1744 г. ставил его в совершенно исключительное положение, отдавая его под непосредственную защиту верхов-

¹⁰⁶ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 16, 47, 50, 158.

¹⁰⁷ Там же, л. 59, 119, 161, 175.

¹⁰⁸ Там же, л. 167.

¹⁰⁹ Там же, л. 245.

¹¹⁰ Там же, л. 263 об. и сл.

¹¹¹ Там же, л. 250, 292—294.

¹¹² Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 10, л. 5, указ 2 июля 1744 г.

вой власти. В нем было сказано, что «ежели где до него, Акинфия Демидова, будет касаться, какие дела или от кого будет в чем на него челобитье, о том наперед доносить е. и. в., понеже е. и. в. за его верные е. и. в. службы в собственной протекции и защищении содержать имеет». Сенат, рассылая это распоряжение по всем учреждениям, объявлял, что, если где-либо будет поступлено не по силе этого указа, то они будут наказаны, как нарушители «е. в. высочайшей власти».¹¹³ Указ этот имел существенные последствия. По крайней мере в ноябре того же года Берг-коллегия, заслушав его, представила в Сенат перечень нерешенных дел Демидова, начиная с 1738 по 1744 г. Это были дела, связанные с земельными спорами со Строгановыми, дела об уплате различных сборов и об отсрочке по ним и т. п. Всего оказалось 27 таких нерешенных дел, главным образом за 1744 г. Не могу ничего сказать о дальнейшей их судьбе, но заслушивание их в Берг-коллегии и представление перечня в высшее учреждение—Сенат является прямым последствием июльского указа «о протекции и защищении».

Этот указ тесно связан с передачей Демидовым в казну его алтайских заводов. 8 февраля 1744 г. Демидов представлялся имп. Елизавете, поднес слиток серебра весом в 27 ф. 8 зол., выплавленный на Колывано-Воскресенском медном заводе, и предлагал послать на Колывань знающего чиновника. При этом он просил, «чтобы ему, Демидову, быть со всеми заводами и с детьми его и со всеми мастеровыми и работными людьми под ведением единственного высочайшего кабинета». Ответом на это в качестве награды или известной компенсации за отдачу заводов и явился приведенный именной указ. Демидов мог опасаться доносов со стороны своих мастеров-иноземцев, работавших в Колывани, и это обстоятельство заставило его самому предложить эти заводы императрице. Посланный туда бригадир А. Беер обнаружил большой запас серебряной руды и возвратился в Петербург с караваном, везшим 44 п. 32 ф. серебра и 12 ф. 32 зол. золота.¹¹⁴

В сохранившихся письмах к приказчикам Акинфий Демидов рисуется жестоким и энергичным дельцом, державшим в своих руках непосредственное руководство быстро разраставшимся огромным предприятием и входившим во все подробности каждого дела. Язык его писем резок и энергичен. Он полон недоверия к своим крепостным приказчикам, бранит их за «обманство» и «озорничество». В какой мере он входил во все подробности видно, например, из следующего. На Лайском заводе поставлено было производство кос, и Ак. Демидов посылает из Невьянска, где он обычно жил, в качестве образца немецкие косы, требуя их точного воспроизведения. «Делают у вас мастера косы очень тяжеловесные,— писал он 10 июля 1740 г.,— а Макар взял с собой косу немецкую; я скажи ему, чтобы он не приказал делать их тяжелее оной немецкой косы...». Через 3 месяца он получил с завода пять кос, но из них лишь одна удовлетворяла его требованиям: «одна на путь маленько набродит, а другая испорчена ручным молотком, а у третьей обушек испорчен». И вслед за этим он делает подробное указание, как улучшить производство кос. Через год выделка кос уже была поставлена на твердую ногу, и он пишет приказчику в ноябре 1741 г., что полученные с Лайского завода косы «делом и фасоном весьма хороши». Для лучшего обслуживания «косной фабрики» Акинфий приказывает ставить на Лайском заводе новую плотину. В письмах он дает подробные указания, назначает

¹¹³ Там же, л. 3—3 об. Этот указ приводит также В. Р о ж к о в. Ак. Демидов на своих Колывано-Воскресенских заводах.— Горный журнал, 1891, т. III, стр. 329.

¹¹⁴ В. Р о ж к о в. Цит. соч.— Горный журнал, 1891, т. III, стр. 327 и 332.

место под плотину, распоряжается о заготовке леса для стройки, о высылке плотников с другого завода и упрекает приказчиков, что они больше заботятся о постройке жилья, нежели о плотине. На тот же Лайский завод он выслал однажды 10 гвоздей для раздачи их кузнецам на образец с приказанием сделать по гвоздю и держать у себя. Столь же детальные предписания, сопровождающиеся бранью и понуканиями, содержатся в его письмах к приказчикам Нижнетагильского завода. Демидов постоянно подозревает рабочих в нерадении и лени. Когда надо выслать рабочих для починки дороги, он приказывает отправить «человек 20 лежней и трутней... за день им плату производите срослым по 7, а недороскам по 5 копеек человеку...». Для углежжения при каждой куче следует ставить по одному человеку вместо двух рабочих, так как «много в них лукавства и пронырства живет».¹¹⁵

Много места отведено в его письмах наиболее полной эксплуатации приписных крестьян и «заводских обывателей» на заготовке дров и углежжении, а также расценкам отдельных работ. Один из мастеров провинился, пустив в работу молот, не нагрев его предварительно, «и за то он озорничество здесь наказан без пощады», сообщает Акинфий на все другие заводы для сведения и острастки. Покидая на время Невьянский завод в апреле 1741 г., Акинфий Демидов оставил инструкцию, как должны вести себя его дворовые люди в его отсутствие. В 15 пунктах этой инструкции оживает перед нами повседневная жизнь наиболее обездоленной группы крепостных, всего более приближавшихся к положению рабов. Инструкция содержит сведения о вотчинной юрисдикции Демидова, о суде и расправе, чинимых Демидовым и его приказчиками.¹¹⁶

Подведем итоги изложенной мною, частью по неизданным материалам, борьбе Акинфия Демидова за свои привилегии при помощи подарков императрице, подкупов Бирона и т. п. Он получал неоднократные подтверждения прежних преимуществ, полученных еще его отцом, но теперь они распространялись на предприятие, чрезвычайно разросшееся по сравнению с хозяйством отца. Отец его Никита Демидов стремился избавиться от контроля и опеки местных властей, именно верхотурских воевод, и получил право быть в ведении Сибирского приказа; Акинфий Демидов также добился освобождения от надзора и вмешательства со стороны горного начальства на Урале. Еще Никита Демидов мог лично писать Петру I, а сын его в конце концов получил исключительную привилегию находиться под «протекцией» императрицы, к ней должно было восходить каждое его дело даже из коллегии. В этом была новизна, представлявшая дальнейшее расширение прежних привилегий. С его заводов были убраны чиновники-шихтмейстеры, осуществлявшие правительственный контроль. Свобода от воинского постоя, первоначально распространявшаяся на 2—3 имевшихся у него двора, теперь должна была охватить дворы, разбросанные в двух десятках городов. Он добился освобождения его рабочих от рекрутской повинности. Новой привилегией было право удерживать у себя пришлых и беглых крестьян, государственных, монастырских и помещичьих, превратившихся в «вечно-отданных». Существенной привилегией явилось также право уплачивать попудный сбор с заводов и таможенные пошлины общей суммой, в раз навсегда установленном размере, что освобождало его от взимания пошлин и сбора при каждой сделке и перевозке. Наконец, Демидовы получили право дворянства, а Акинфий Демидов также чин действительного статского советника и генерал-майора.

¹¹⁵ Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 4, л. 24—25; 52—56; 68—69.

¹¹⁶ Там же, д. № 12, л. 87—91.

Заводы и вотчины превращались в их наследственную собственность, но под условием выполнения казенных поставок, постепенно принявших строго определенные размеры; в этом выразился обязательный характер крупнейших мануфактур. Заводчик стремился приобрести ряд новых преимуществ, и вместе с тем первые привилегии, полученные с передачей Невьянского завода, надо было укреплять и добиться распространения их на новые заводы, дома и вотчины, входившие в состав быстро разраставшегося хозяйства.

В многочисленных указах, связанных с этими привилегиями, следует отметить две черты. Демидовы широко использовали крепостное право для расширения феодальной эксплуатации крестьян; они извлекали все, что могли, из системы правительственного покровительства, но старались избавиться от свойственных меркантилизму наиболее стеснительных методов надзора и контроля. Это расширение привилегий давало им известную свободу производства и сбыта, и в этом отношении их усилия шли по линии приближения к буржуазным методам, но в тесном переплетении с феодально-крепостнической эксплуатацией заводских рабочих и крестьянства.

ГЛАВА VII

ДЕМИДОВСКИЕ ЗАВОДЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. ЗАВОДЫ ДЕМИДОВЫХ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Для изучения предприятия Демидовых в первой половине XVIII в. отсутствует сколько-нибудь полный материал вотчинного демидовского архива, какой имеется для второй половины столетия. Только Нижнетагильский архив сохранил отрывочные материалы за вторую четверть века, но данных по всему предприятию в целом за этот период у нас нет. Однако в делах Сената и Берг-коллегии сохранились правительственные материалы, содержащие также сведения о заводах Демидовых за этот период. Но прежде чем перейти к их использованию, рассмотрим опубликованные статистические данные, которыми чаще всего пользуются для характеристики промышленности XVIII в. Прежде всего надо остановиться на сведениях, приведенных в работе Ив. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», составленной в 1727 г.

По крупной горной промышленности у Кирилова содержатся сведения о 63 заводах, в том числе о 48 доменных и железных и 15 медных как частных, так и казенных. Урал еще не занимал в то время первенствующего положения: на его долю приходится 25 заводов, в том числе 11 чугуноплавильных и железных и 14 медных (в Сибирской и Казанской губ.). У Демидовых, по сведениям, разбросанным в разных местах книги Кирилова, можно насчитать 11 заводов. Однако и эти данные не отличаются ни полнотой, ни точностью. Кирилов не указывает двух заводов, основанных в 1716 г., — Верхнетагильского и Бынговского. Он говорит о двух заводах — Федьковском и Невьянском, тогда как это были разные названия одного и того же завода; один из демидовских заводов назван у него Ташинским, хотя позднее подобного завода мы не знаем. Считая первые два завода за один и отбросив Ташинский, получим, по Кирилову, 9 демидовских заводов, из которых 4 были на Урале и 5 в других районах. Сколько-нибудь конкретные сведения имеются у Кирилова только об одном из них — Тульском заводе Демидова, для остальных же указано лишь их местонахождение.¹

¹ И. К и р и л о в. Цветущее состояние Всероссийского государства, М., 1831, ч. 2, стр. 71. О Тульском заводе Кирилов говорит после описания тульской Оружейной слободы: «Имеются же по Тулице реке близ слобод водяные железные заводы Демидовых. Заведены с 1701 года Никитою Демидовым, на которых две большие домны, и льют пушки и прочие артиллерийские припасы, да молотовые, которыми тянут прутное железо».

Неполны также и сведения, сообщаемые В. Генниным в его «Абрисах», или «Описании уральских и сибирских заводов», хотя они весьма ценны, так как он не только указывает число заводов, но и приводит число домен и молотов и дает расчет годовой продукции; они относятся к 1735 г.

Цифры продукции, приведенные Генниным, не являются точными, а только предполагаемыми; автор исходил из мощности оборудования, что, несомненно, вело к преувеличению против действительности. Все же эти неполные и не вполне точные сведения рисуют огромное предприятие с 13 домнами, 49 молотами и 21 медеплавильной печью, с общей возможной выплавкой в 620.8 тыс. пуд. чугуна, в том числе Нижнетагильский завод выплавлял 237 тыс. пуд., Невьянский — 179 тыс. пуд.² В то время, к которому относится «Описание» Геннина, демидовские уральские заводы еще переживали строительный период. В этот момент Акинфий Демидов строил медный завод на р. Быме близ Кунгура, но так как он еще не был достроен, то Геннин не может указать число плавильных печей в нем. Кроме того, по р. Сылве построен соляной завод. В 1731 г. при Бынговском заводе выстроена «косная фабрика» (т. е. цех по производству кос). При Уткинском заводе, по словам Геннина, строились две домны, еще не пущенные в ход; на Ревдинском заводе внешней водой промыло плотину, и сооружались заново плотина, две домны и молотовые «фабрики».

Ни данные Кирилова, ни сведения Геннина не являются достаточными для изучения демидовских заводов. Для этого надо обратиться к архивным материалам. Большой интерес представляют сведения, собранные Берг-коллегией и заключенные в рукописной «Книге партикулярных заводов... с 1720-го по 1736 год». Книга начинается с печатного манифеста 1719 г. (10 декабря) об учреждении Берг-коллегии, вслед за которым помещены указы о взятии десятинного сбора с заводов, что всего лучше объясняет происхождение книги. Согласно этим указам, велено брать в казну по 1 коп. с пуда заводского чугуна и по 1/2 коп. с ручных домен.³

Эта книга составила в результате присылаемых заводчиками сведений, которые собирались для взимания с них десятины, переведенной на деньги в указанном выше размере, поэтому в нее входят лишь частные, или «партикулярные», заводы. Заводчики обычно получали льготу, именно в течение трех лет с основания завода освобождались от уплаты десятины; за эти льготные годы ими не представлялись сведения о размере выплавки, поэтому такого рода данные в ряде случаев отсутствуют и в нашем источнике. Вообще книга эта еще характеризует младенческое состояние промышленной статистики; в ней отсутствует стандартность сведений, в одних случаях они более полны и подробны, в других — весьма кратки. Тесная связь с налоговыми задачами, с взиманием десятины с железозаводчиков привела к тому, что в эту книгу царяду с более крупными заводами включены и мелкие «ручные» железные заводы, которые были также обложены налогами, хотя и в половинном размере (1/2 коп. с пуда чугуна с ручных горнов вместо 1 коп.). Вместе с действующими заводами сюда вошли предприятия, уже закрывшиеся, и даже такие, на открытие которых было получено разрешение, но заводчик не смог его осуществить, и привилегия была затем взята обратно Берг-коллегией.

² В. Г е н н и н. Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937, стр. 605. Берем минимальные цифры из приведенных Генниным, который исходит не из точных отчетных данных, а из мощности заводов.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 980, л. 9—16. Этот материал любезно указан мне Е. И. Заозерской, которой приношу здесь свою благодарность.

При всех недостатках и неполноте этих сведений они все же представляют ценный источник для истории промышленности. В книгу включены сведения о 102 частных заводах, — не только железных и медных, но и серебряных, серных и красочных. В их числе было 56 чугуноплавильных и железных, 13 медных действующих, среди них указаны 17 демидовских заводов. Что сведения эти неполны, видно из того, что не указаны 4 демидовских завода, а из строгановских отмечен только один медный завод, не отмечены заводы Осокиных.

Цифры выплавки, охватывающие также не все заводы, все же свидетельствуют, что большая часть последних, за исключением демидовских, была более или менее мелкими предприятиями. Выделяются размерами своего производства Меллеры, которые выплавляли в 1720 г. 45 320 пуд. чугуна, в 1721 г. 59 020 пуд., в 1730 г. 55 060 пуд., и Мосолов, завод которого в Можайском уезде давал в 1734 г. 30 948 пуд., но другой его завод, в Тарусском уезде, выплавлял лишь 3233 пуда. Остальные частные заводы давали еще более скромную продукцию, даже Тульский завод И. Баташева выпускал в 1729 г. лишь 11 835 пуд. Другие заводы давали еще меньше, имелись даже владельцы, выплавлявшие по 300—700 пуд. в год.

Пятнадцать предпринимателей не смогли воспользоваться полученным разрешением на открытие железного или медного завода или, начав дело, вынуждены были закрыть его. В одном случае отмечено, что завод не мог быть выстроен за отсутствием капиталов, в другом — крестьяне отказались от строительства медного завода «за неимением медных мастеров, також за разорением его». Железный завод Ф. Шапошникова, основанный в 1721 г. в Шацкой провинции, оказался «пуст и никого в нем нет», про другой завод сказано, что он остановился «за разорением воровскими людьми». Капитан Аристов и отставной солдат Анучин «за пресечением медных руд» не могли построить разрешенный им завод в Казанском уезде. Все это говорит о том, что это были мелкие предприниматели, не сумевшие осуществить взятую привилегию на открытие завода. В целом «Книга партикулярных заводов» дает пеструю картину, где наряду со старыми крупными заводами Нарышкина, Меллеров и новыми заводами Мосолова, Баташева и Рюмина большинство частных заводчиков рисуется в качестве мелких предпринимателей, в массе своей сливающихся с владельцами ручных заводов. Демидовские заводы выделяются среди них своими размерами. По этим заводам в изученной «Книге партикулярных заводов» имеются наиболее подробные сведения (приводятся цифры выплавки чугуна), хотя и они неполны. Демидовские заводы не были единственным предприятием, наследство основателя Никиты Демидова в 30-х годах уже было разделено между тремя его сыновьями — Акинфием, Григорием и Никитой, причем важнейшая доля принадлежала Акинфию.

К 1736 г. относится другой интересный источник — «Реестр железным водяным заводам», находящийся в архивном деле об отдаче казенных заводов «в компанию охочим людям и бывшему генерал-бергдиректору барону Шембергу». Реестр включает список частных заводов, указывает число домен, размер выплавки и сумму уплаченной десятины в виде попудного сбора по 1 коп. с пуда.⁴ Эти сведения, к сожалению, даны не по всем заводам: так, они отсутствуют в отношении всех уральских заводов Акинфия Демидова, а данные о выплавке чугуна и сумме сборов приведены на разные даты — от 1726 по 1736 г.

Значительно более подробные и точные сведения о демидовских заводах содержатся в материалах Берг-коллегии за 40-е годы. Вероятно, отсут-

⁴ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, 1737—1742, д. № 1507, л. 55—58 об.

ствие до этого времени такого рода точных и полных данных побуждало теперь к тщательному их собиранию. Сенат постановил 30 января 1745 г. запросить от Берг-коллегии сведения о казенных и частных горных заводах и затем потребовал приступить к составлению «обстоятельной ведомости со всей России» о железных и медных заводах. В случае отсутствия необходимых сведений было предписано «на заводы послать из той коллегии нарочных немедленно». Исполнение этого постановления потребовало много времени, и только в апреле 1747 г., т. е. через два года, часть требуемых сведений была собрана Берг-коллегией и направлена в Сенат, а полностью соответствующая «ведомость» была составлена только в ноябре 1748 г., т. е. более чем 3½ года спустя.⁵ Тогда «ведомостью» называли всякого рода сведения, содержавшие цифровой и отчетный материал, и в данном случае ведомость представляет обширный том в несколько сот листов, содержащий таблицы и относительно небольшой текст. Всего труднее было собрать сведения по демидовским заводам, так как Акинфий Демидов был освобожден (резолуцией имп. Анны 12 ноября 1736 г.) от представления книг и других документов. Но Берг-коллегия все же старалась восполнить этот недостаток, тем более, что по той же резолюции Анны 1736 г. должно было раз в три года производиться освидетельствование выплавки чугуна у Демидова для проверки правильности уплачиваемой им десятины. Результаты этих освидетельствований сопоставлены были с цифрами, представленными Ак. Демидовым.

В этой ведомости Берг-коллегии содержатся сведения о выплавке чугуна и выковке железа по отдельным заводам, о себестоимости, ценах, и имеются некоторые указания на обеспеченность заводов лесами. В особенности следует отметить цифровые данные о числе приписных крестьян, а также о рабочих на уральских заводах.

Немного времени спустя Берг-коллегия снова приступила к собиранию статистических данных о заводах, на этот раз только о производстве и сбыте железа. В 1750 г. (14 августа) Сенат вновь затребовал от Берг-коллегии сведения о выработке железа, его себестоимости и сбыте по казенным и частным заводам; Берг-коллегия должна была на основании этого материала рассмотреть, в какой степени возможно дальнейшее расширение производства в целях усиления экспорта. Берг-коллегия энергично принялась за дело. Всем чиновникам было приказано находиться в коллегии «безотлучно» и приезжать для работы и в послеобеденное время. Значительная часть сведений, очевидно, имелась в коллегии но все же потребовалось также разослать нарочных в Екатеринбург, в Оренбург и на заводы.

Сыновья Акинфия Демидова (он к этому времени уже скончался) не могли ответить полностью на вопросы Берг-коллегии, они ссылались на отсутствие в невьянской конторе сведений о себестоимости и расходах за провоз. Однако Берг-коллегия настаивала на представлении всех необходимых сведений и приказала применить самые решительные меры к демидовским приказчикам, вплоть до ареста («взяв в ту канцелярию, держать под караулом безвыходно»), пока соответствующие ведомости не будут ими представлены.⁶ Полученные сведения оказались более исправными, но все же остались неполными в отношении «истинной цены», т. е. себестоимости, а также транспортных издержек. Они были доставлены уже в конце 1751 г., доложены Берг-коллегии в январе 1752 г. и затем отосланы в Сенат.

⁵ Там же, д. № 8/1510.

⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 227.

Первая ведомость Берг-коллегии упоминает следующие демидовские заводы, расположенные в центре страны:

1. Тульский, Акифья Демидова.
2. Дугненский, его брата Н. Н. Демидова, в Алексинском уезде, основан в 1707 г.
3. Брынский, Н. Н. Демидова, в Мещовском уезде, на р. Брыне, основан в 1726 г.
4. Выровский, Н. Н. Демидова, близ Калуги, в Ромодановской волости.⁷

Акифью Демидову принадлежали, кроме того, следующие уральские и сибирские заводы (продолжаем общую нумерацию):

5. Невьянский, построен по указу 1 апреля 1699 г. и передан Н. Демидову 8 марта 1702 г.
6. Бынгровский, построен в 1718 г. на основании того же указа 8 марта 1702 г.
7. Черноисточинский, по указу Берг-коллегии 9 февраля 1726 г., действует с 1726 г.
8. Нижнетагильский, по указу 8 марта 1702 г., действует с 25 декабря 1725 г.
9. Выйский, по указу Берг-коллегии 10 декабря 1720 г., действует с 23 ноября 1722 г.
10. Лайские (два завода): первый по силе указа 8 марта 1702 г., действует с 1722 г., второй построен в 1742 г.
11. Верхнетагильский, построен в 1726 г.⁸
12. Шуралинский (1716 г.)⁹
13. Уткинский, построен в 1726 г., действует с 1 сентября 1729 г., «позволятельный указ» о строении завода из Берг-коллегии дан в 1731 г.
14. Висимо-Шайтанский, начал строиться без позволения, указ о достройке его из Берг-коллегии дан 27 октября 1741 г., действует с 1744 г.
15. Шайтанский, по указу из Берг-коллегии 9 февраля 1726 г. построен в 1727 г., действует с 1 сентября 1727 г.
16. Ревдинский, начал строиться в 1732 г., действует с 1 сентября 1734 г.
17. Суксунский медный, в Кунгурском уезде, по грамотам 14 апреля 1705 г., 11 февраля 1709 г. и 19 января 1709 г. и по указам Берг-коллегии 22 апреля 1726 г. и 11 августа 1727 г., «построен в совершенстве и в действие пущен» 15 января 1729 г.
18. Шаквинский медный, там же, начат строением в 1739 г., до указа о позволении, действует с 6 августа 1740 г. (указ дан в 1743 г.).
19. Ашапский медный, там же, по указу 1 июня 1741 г. начат строением в 1741 г., а в действие пущен 30 октября 1744 г.
20. Бымовский медный, там же, по указу 1705 г. и указу Берг-коллегии 15 сентября 1733 г. начат строением в 1734 г., действует с 1736 г.
21. Колывано-Воскресенский, в Томском и Кузнецком уездах, по указу Берг-коллегии 16 февраля 1726 г., действует с 21 сентября 1729 г.
22. Барнаульский медный, там же, по именному указу 26 сентября 1727 г. начат стройкой в апреле 1740 г., время пуска неизвестно.
23. Шульбинский, там же, время постройки неизвестно (1744 г.).¹⁰

Последние три алтайских завода Ак. Демидова в 1747 г. были взяты в казну, о чем имеется указание в той же ведомости, составление которой, как сказано выше, было закончено лишь к концу 1748 г.

Кроме того, на Урале были еще три чугуноплавильных и железоделательных завода Никиты Никитича Демидова (продолжаем нумерацию)

24. Шайтанский, на р. Шайтанке, впадающей в Чусовую, по указу Берг-коллегии 10 июля 1730 г., построен 1 декабря 1731 г.

⁷ Выровский завод упомянут в делах Берг-коллегии, № 978, л. 129; тем самым опровергается замечание Любомирова (цит. соч., стр. 271), что Выровский завод основан не ранее 1752 г.; он находился в Ромодановской волости, на р. Вырке, впадающей в Оку, в 10 верстах от Калуги, и был построен вскоре после приобретения в 1739 г. Н. Н. Демидовым Ромодановской волости. См. «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.». Изд. Академии Наук СССР. 1937.

⁸ По другим сведениям, Верхнетагильский завод основан в 1718 или в 1716 г. См.: Геннин. Описание уральских и сибирских заводов; Н. Б а к л а н о в. Цит. соч., стр. 312.

⁹ Геннин (цит. соч., стр. 615) указывает, что Шуралинский железный завод построен в 1716 г., а в сенатской ведомости в списке заводов отмечено, что год основания его неизвестен. См. ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 403 об., 404.

¹⁰ П. Г. Л ю б о м и р о в. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, 1937, стр. 113.

25. Верхнесергинский, в Уфимском уезде, на р. Серге, впадающей в р. Уфу, по указу 1740 г., действует с 26 октября 1743 г.

26. Нижнесергинский, там же, действует с 13 ноября 1744 г.

Общее число демидовских заводов, перечисленных в этой ведомости 1745—1748 гг., составляет 26.

Но и этот перечень не является исчерпывающим. У Акинфия Демидова был упомянутый выше, по сведениям Геннина, завод в с. Фокине, в Нижегородском уезде. В завещании Акинфия и в последующем за ним правительственном акте о равном разделе его заводов между его сыновьями упомянуты даже три завода в Нижегородском уезде: Верхнечугунский, Нижнечугунский и Корельский. Кроме перечисленных по ведомости Берг-коллегии заводов, в завещании значится также Рождественский железный завод Акинфия Демидова (основан в 1740 г.), ниже г. Осы, на р. Ножовке, притоке Камы; кожевенный Тисовский завод на р. Тисе, впадающей в Сылву (основан в 1730 г.), где в 60-х годах был построен молотовый завод; наконец, ему же принадлежали соляные промыслы у Соликамска.

У Григория Демидова, брата Акинфия, наряду с перечисленными по ведомости Берг-коллегии, были следующие заводы: Старогородищенский, на р. Тулице, просуществовавший, кажется, до 1755 г., и другой завод в Алексинском уезде (в с. Сементине, основан в 1726 г.).¹¹ Другой брат, Никита Никитич, кроме указанных выше заводов, имел Давыдовский медный завод, на р. Давыдовке, впадающей в Каму близ г. Осы, основанный купцами Вяземскими и купленный у них Демидовыми до 1734 г.; впрочем, этот завод бездействовал. Ничего определенного, за отсутствием данных, нельзя сказать о Буйском заводе Никиты Демидова, упоминаемом Головщиковым (на р. Буе, в 50 верстах от Невьянского завода).¹²

Таким образом, перечень демидовских заводов первой половины XVIII в., составленный главным образом по данным Берг-коллегии, должен быть дополнен следующими заводами (продолжаем нумерацию):

27. Фокинский молотовый, Акинфия Демидова, в Нижегородском уезде (или 3 завода: Нижнечугунский, Верхнечугунский, Корельский), по указу 19 июня 1724 г., по «Книге партикулярных заводов» с 1730 г.

28. Рождественский молотовый, Акинфия Демидова, близ г. Осы (1740 г.).

29. Старогородищенский железный, Григория Демидова, на р. Тулице (1719 г.).

30. Алексинский, в с. Сементине, железный, Григория Демидова (1726).

31. Давыдовский медный, Никиты Ник. Демидова, близ г. Осы (до 1734 г.).

32. Тисовский кожевенный, Акинфия Демидова, на р. Тисе, притоке Сальвы (1730 г.); позднее — молотовый завод (1763 г.).

33. Солеварни Акинфия и Григория Демидовых.

Во второй четверти XVIII в. демидовские заводы распределялись между тремя братьями таким образом, что львиная доля находилась у Акинфия Демидова; ему принадлежали 22 металлзавода, 1 кожевенный завод и солеварни. У Никиты Никитича Демидова было 7 заводов, у Григория — 1 завод, перешедший затем к Акинфию (Старогородищенский), а с заводом в Алексинском уезде — 2 завода. Всего, следовательно, если отбросить 1—2 завода, о которых отсутствуют точные сведения, и считать в Нижегородском уезде 1 завод, общее число демидовских железных, чугунных и медных заводов составит не менее 31, а со всеми нижегородскими заводами — 33 и даже 34 (если считать Лайский за два завода).

¹¹ Об Алексинском заводе Г. Демидова в с. Сементине говорится в «Книге партикулярных заводов». ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, № 980, л. 59 и Госархив, IX, № 95. ч. 1, л. 301.

¹² К. Головщиков. Цит. соч., стр. 99; о нем же упоминает Любомиров.

Если исходить из приведенных выше сведений о построении и времени пуска в ход заводов, то развитие демидовского строительства представится в следующем виде. К 1720 г. имеется 6 заводов: 3 в центре (Тульский, Старогородищенский, Дунаевский) и 3 на Урале (Невьянский, Шуралинский, Быньговский); после этого строительство идет особенно быстрыми темпами, и в 1735—1736 гг. у всех Демидовых имелось 23 завода, а в 1750 г. — 34.

Основная часть этих заводов, расположенных на Среднем Урале, образовала компактную группу, в значительной мере связанную между собой производством (чугун с доменных заводов доставлялся на железные заводы). Расположенные на обширной территории вокруг Невьянска и Нижнего Тагила и западнее от них, они составили не только в производственном, но и в административном отношении особое «ведомство Акинфия Демидова». Сохранилась «ландкарта» этой территории,¹³ составленная, как значится на ней, в 1734—1736 гг. В «ведомство» Ак. Демидова входит территория по рекам Тагилу, Нейве и по р. Чусовой; к югу от него выделен из Екатеринбургского ведомства отдельный островок (с. Покровское), входящий в то же демидовское ведомство. Территория Демидова граничит на востоке с землями Строгановых, на севере — с частью Казанского уезда и Осинской «дороги», с запада и с юга — с Екатеринбургским ведомством. Исследователь истории Урала Н. Чупин, опубликовавший эту карту, выяснил, что она связана с вторичным приездом на Урал В. Татищева в качестве начальника горных заводов. Горный округ был выделен отчасти из общегубернского управления как по судебным делам, так и в отношении управления горными заводами. «Татищев мог считать себя, — говорит Чупин, — губернатором особой горной губернии». Губернские власти все же сохраняли в известной мере свои права также и над этой территорией, в особенности в сборе некоторых доходов. Горное начальство должно было через особых шихтмейстеров наблюдать и за районом, подчиненным Демидову. Правовое выделение территории Демидовых связано с пожалованными им привилегиями. Еще в самой начальной истории Невьянского завода мы встречаемся с этим выделением демидовской территории. В грамоте Петра I верхотурскому воеводе Алексею Калитину было сказано: «А буде ты, Алексей, на Невьянские заводы к нему, Никите, учнешь без нашего, в. г., указа и без послушных к нему, Никите, из Сибирского приказа памятей с Верхотурья для каких дел посыльщиков посылать или сам ездить и подводы имать, ...на тебе, Алексей, доправлено будет пеня большая и убытки все...» и т.д.¹⁴ Эта территория по сбору подушных денег и в судебном отношении управлялась Демидовым и его приказчиками как феодальными владельцами и подчинялась непосредственно лишь центральным учреждениям.

2. ОБЩИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПО ДЕМИДОВСКИМ ЗАВОДАМ в 20—40-х годах XVIII в.

Наиболее ранние сведения о продукции демидовских заводов содержатся в старшем из наших источников, в рукописной «Книге партикулярных заводов». В ней приводятся соответствующие цифры с 1720 по 1736 г., но далеко не по всем заводам и не за все годы. Эта неполнота указанной

¹³ «Ландкарта» хранится в Свердлов. обл. арх. (архив чертежей); там же имеется карта раздела между сыновьями Акинфия Демидова.

¹⁴ П. Чупин. Карта Екатеринбургского ведомства и провинции Соликамской с прилегающими к ним уездами и частями уездов других провинций 1734—1736 гг. — «Пермский край», сб. под ред. Д. Смышляева, Пермь, 1893, т. II, стр. 79—80.

Выплата чугуна и меди на демидовских заводах в 1720—1735 гг. (в пудах)

Годы	Продукция и вводы										Медь		
	Ч у г у н										Выйский	Суксунский	
	Невьянский	Верхнетагильский	Выйский	Нижнетагильский	Тульский	Дугнинский	Старогородищенский	Итого чугуна	Выйский	Суксунский			
1720	291 059 ^[1]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1721	} 697 789 ^[1]	—	—	—	} 110 782 ^[6]	—	—	—	—	—	—	—	—
1722		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—
1723	105 819	28 040	—	—	15 951	15 008	—	—	—	—	—	—	—
1724	165 351	84 366	—	—	—	16 704	—	—	—	—	—	—	—
1725	201 303	96 129	71 788	—	18 054 ^[7]	10 689 ^[8]	—	—	—	—	—	—	—
1726	139 399	26 455	27 813	—	19 314	28 325	—	260 320	—	—	—	—	—
1727	74 058	—	— ^[9]	—	29 008	17 724	—	—	—	—	—	—	—
1728	102 362	69 702	— ^[9]	—	20 100	10 684	—	—	—	—	—	—	—
1729	83 368	84 605	— ^[9]	26 724	29 498	— ^[9]	— ^[9]	—	—	—	—	—	—
1730	128 261	39 753	— ^[9]	— ^[6]	38 286	10 490	—	—	—	—	—	—	—
1731	139 426	78 630	56 522	183 755	38 674	12 700	—	549 802	277	—	—	—	—
1732	77 815	50 214	53 584	156 455	38 759	12 450	—	445 556	182	—	—	—	1718
1733	90 549	31 800 ^[2]	47 540 ^[4]	176 787	} 66 134	10 232	—	—	192	—	—	—	2016
1734	82 443	41 134	51 881	194 679		—	20 631	—	—	329	—	—	—
1735	—	—	—	—	—	22 458	—	—	—	—	—	—	—

[1] По двум заводам — Невьянскому и Верхнетагильскому вместо. [2] С 1 октября 1733 г. [3] Плавки не было за оскудением рабочих людей и за неимением угля. [4] За первую половину год. [5] Строилась новая домна. [6] Общая цифра за 1720—1725 гг. [7] С 10 мая 1721 г. и за 1725 г. [8] Завод в 1725 г. сгорел. [9] Завод бездействовал. [10] Общая сумма за 1727—1730 гг. [11] За первое полугодие 1734 г.

рукописи объясняется теми задачами, которые ставила перед собой Берг-коллегия при собирании сведений. За те годы, по которым десятинный сбор с заводов не взимался (то были льготные 3 года с основания железных заводов), сведения о выплавке не доставлялись. По медным заводам на Алтае льгота на освобождение от десятины предоставлялась даже на 10 лет. Общие цифры продукции демидовских заводов можно видеть из табл. 7, в которой мною сгруппированы данные, разбросанные по «Книге партикулярных заводов».

Наиболее полно эти сведения охватывают 1731—1732 гг., и по 7 заводам Демидовых они показывают выплавку в 549 800—445 500 пуд. чугуна в год. Если принять предположение Д. Кашинцева, что в 1733 г. общерусская продукция составляла около 2.5 млн. пуд., то доля только этих 7 заводов составляет $\frac{1}{5}$ часть всей выплавки страны, но по подсчетам М. Мартынова,¹⁵ общерусская продукция могла составлять в 1737 г. лишь 1.7 млн. пуд. чугуна, следовательно, на долю Демидовых приходилось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$. Выплавка меди в 1732—1733 гг. по двум заводам составляла 1900—2208 пуд., т. е. равнялась около $\frac{1}{10}$ всей выплавки меди в стране (19 500 пуд.).

Обращает внимание крайняя неустойчивость и неравномерность производства, резкие колебания выпуска чугуна по годам, особенно отчетливые, если выразить их в относительных цифрах (табл. 8).

Таблица 8

Колебания выпуска чугуна по годам (в % к 1723 г.)

Заводы \ Годы	Годы										
	1723	1724	1725	1726	1727	1728	1729	1730	1731	1732	
Дугненский . . .	100	—	—	119.3	128.5	128.5	200.9	460.9	251.4	352.8	
Невьянский . . .	100	156.2	190.2	131.7	70.0	93.7	78.7	122.2	131.0	73.5	

Скачкообразное движение производства с резкими подъемами и не менее глубоким снижением — одно из характерных явлений тогдашней промышленности, о чем будет сказано ниже.

Приведенные здесь цифры подтверждаются сведениями из рукописного «Сборника указов», хранящегося в Гос. библиотеке им. Ленина (на содержании его я останавливался в предыдущей главе). В помещенных в нем указах Берг-коллегии 1728—1730 гг. упомянуто о представлении Ак. Демидовым ведомостей о размерах выплавки чугуна на его заводах. Эти заводские данные почти совпадают с приведенными выше, если только просуммировать в них цифры трех уральских заводов — Невьянского, Верхнетагильского и Выйского (ср. табл. 7). Вот эти цифры:

Годы	Выплавка чугуна	Годы	Выплавка чугуна
1720	291 053 п. 20 ф.	1725	369 220 п. 10 ф.
1721	} 697 789 » 30 »	1726	194 167 » 20 »
1722		1727	74 058 » — »
1723		1728	172 070 » 20 »
1724	249 717 » —	Итого . . 2 181 935 п. 20 ф.	

Это совпадение может служить проверкой цифр в приведенных выше таблицах и является подтверждением, что «Книга партикулярных заво-

¹⁵ М. Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I, Свердловск, 1948, стр. 130.

дов» составлена действительно на основании ведомостей, доставлявшихся заводчиками. Кроме уральских заводов, такие совпадающие цифры даны также по Тульскому заводу Демидовых.¹⁶

Для общей характеристики демидовских заводов на Урале в 30-х годах имеется ценный материал, собранный историографом Миллером во время академической экспедиции в Сибири. Портфели Миллера включают также материал по истории заводов, который копировался для него в архивах уральских учреждений. На отдельных документах с заводов Демидова имеются пометы по-немецки: «Из Обер-бергканцелярии в Екатеринбурге» или даже: «Скопировано с актов, полученных от ст. сов. Демидова». Здесь я воспользуюсь имеющимися в Портфелях Миллера ведомостями по уральским демидовским заводам в 1734 г. Они составлялись поручиком А. Зубовым по поручению начальника горных заводов Урала В. Н. Татищева. В них содержится описание 11 заводов Акинфия Демидова и одного уральского завода его брата Никиты Никитича.¹⁷ Благодаря этим сведениям можно более конкретно представить внутреннюю организацию уральских заводов во второй четверти XVIII столетия и выяснить успехи, достигнутые по сравнению с заводами конца XVII и первых лет XVIII в. Ведомости Зубова значительно дополняют краткие данные о демидовских заводах, приведенные в «Абрисах» Геннина, относящихся к тому же времени (1735 г.).

В табл. 9 сведены разбросанные по ведомостям данные о чугуноплавильном производстве на отдельных заводах Акинфия Демидова.

Таблица 9

Чугуноплавильное производство на заводах Демидовых в 1734 г.

Заводы	Число домен	Выплавка чугуна в год на 1 домну (пуд.)	Загрузка в неделю на 1 домну		Выплавка чугуна в неделю на 1 домну (пуд.)	Выплавка чугуна в сутки (пуд.)	Число рабочих на 1 домну	Себестоимость 1 пуда чугуна (коп.)
			руды (пуд.)	угля (короб.)				
Невьянский	4	86 699	3286	312	1591	225	17	6
Нижнетагильский	4	122 087	3543	175	2459	351	15	5
Верхнетагильский	2	93 393	3235	130—135	1746	248	—	6
Выйский	2	102 250	3399	144	1872	267	17	5
Ревдинский	2	—	—	—	—	136	—	—
Шайтанский (Никиты Никитича Демидова)	1	(5300) [1]	—	—	—	—	—	5

[1] В течение полугода.

Надо иметь в виду, что домны (14 домен на уральских заводах Ак. Демидова и одна домна на Шайтанском заводе Никиты Никитича Демидова) действовали не все: из 4 домен Невьянского завода работала, по этим данным, лишь одна, а из 4 домен Нижнетагильского завода в действии были 2; на Выйском заводе работала одна домна, Ревдинский и Уткинский заводы еще не были достроены; на обоих заводах вступило в действие только по одной домне. Таким образом, из 14 домен действовали лишь 6.

¹⁶ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 131 и 132—133 об., указ Берг-коллегии 23 июля 1729 г. об уплате десятины.

¹⁷ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 515, л. 31.

На Шайтанском заводе Никиты Никитича Демидова одна домна действовала в 1732 г. лишь 19 дней, а в 1733 и 1734 гг. работала с большими перебоями. Годовая выплавка дана из расчета бесперебойной работы одной домны. Следует обратить внимание на суточную выплавку чугуна: всего выше она была на Нижнетагильском заводе — 351 пуд, на остальных составляла 225—251 пудов, а на недостроенном Ревдинском — 136 пудов. Эти цифры значительно выше суточной выплавки на тульских заводах XVII в., составлявшей 100—120 пуд., превышая ее приблизительно в 2—3 раза. Значительно превосходят они и выплавку по табели 1723 г. на казенных уральских заводах, равняющуюся 156—272 пуд. в сутки, между тем как суточная выплавка демидовских заводов приближалась к нормам выплавки В. Геннина (233—257 пудов).¹⁸ Общие показатели по выковке железа также говорят о значительных достижениях:

Таблица 10

Выковка железа в 1734 г.

Заводы	Железа в год [1] (пуд.)	Выход в неделю на 1 молот			Заработная плата на 1 пуд железа (коп.)	Себестоимость 1 пуда железа (коп.)
		чугун (пуд.)	уголь (короб.)	полосное железо (пуд.)		
Невьянский . . .	30 000	470	40—45	280—300	4 ¹ / ₄ —5 ¹ / ₄	24—25
Бынговский . . .	70 000	400	60	266	4	24—25
Нижнетагильский	19 985	456	64	325	4	23
Верхнетагильский	38 000	350 [2]	37 ¹ / ₂ —50	263	3 ¹ / ₂	24
Черноисточинский	40 000— —43 000	420—430	47—48	280—310	4	24
Выйский	—	470	56	32	4	—
Шайтанский . . .	10 000— —11 000	—	—	—	—	26
Уткинский	11 000— —18 000	—	—	—	—	25

[1] Из расчета мощности и числа молотов. [2] В ведомостях А. Зубова даны сведения на 4 молота (1401 пуд.), переведено мною на 1 молот.

На 1 молот приходилось от 263 до 325 пуд. полосного железа в неделю, причем на 1 пуд железа выходило 1.4—1.7 пуда чугуна и по большей части 4—5 пуд. угля (считая в коробе по 20 пуд.). Между тем по штатам 1723 г. на уральских заводах на 1 пуд железа выходило 2.14 пуд. чугуна и 6.4 пуд. угля.¹⁹

Железное производство имелось на 10 заводах Акинфия Демидова и на заводе его брата Никиты, причем чугун поступал на Бынговский, Черноисточинский, Шайтанский и Выйский заводы с других доменных заводов. На трех заводах производилась выплавка меди, именно на Нижнетагильском, Выйском и Суксунском. Медь выплавлялась в небольшом количестве из уральской руды или из черной меди, доставлявшейся с Колывано-Воскресенского завода. На Выйском заводе в 3 печах перерабатывали 58 740 пуд. руды, давшей 365 пуд. черной меди, из которой

¹⁸ В. Геннин. Описание уральских и сибирских заводов, стр. 168.

¹⁹ С. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, 1935, стр. 150—151.

выплавили 197 пуд. чистой меди по 7 руб.— 6 р. 16 к. На Бынговском заводе было поставлено производство кос, в неделю из 24 пуд. уклада выделялось 300 кос; работали 24 человека, заработная плата их составляла по 10 коп. на 1 косу.

Ведомости Зубова содержат также описание отдельных заводов.²⁰ На Невьянском заводе находилось 4 домны, из них в действии была одна. Для расковки железа имелось 6 горнов и 3 молота; выделка дощатого железа и медных досок производилась под 6 молотами и в 5 горнах, выделка уклада — в 6 горнах и под 2 колотушечными молотами. В «якорной фабрике» было 4 горна и 3 молота, здесь делали также молоты и накопальни. В общей сложности можно насчитать на Невьянском заводе 15 «пехов», не считая ручных кузниц, 25 горнов и 16 вододействующих молотов; кроме того, имелась медеплавильная аппаратура и ручные горны и молоты. При заводе было 2 рудника: один — в 8 верстах (Поперечный рудник), другой — в 30 верстах (Бродовский рудник), с магнитной рудой. Использовали также нижнетагильскую руду с знаменитой горы Высокой. На всех описанных демидовских заводах остро ощущался недостаток рабочей силы.

Возвратимся к указанным выше материалам Берг-коллегии, позволяющим представить довольно цельную картину заводов Демидова в следующем десятилетии, в 40-х годах. Сведения, собранные Берг-колlegией в 1747—1750 гг., наиболее полны. На 6 уральских заводах Акинфия Демидова в то время производилась выплавка чугуна, в том числе на одном заводе (Выйском), повидимому, лишь недолгое время, после чего выплавка прекратилась. Однако установить общие размеры выпуска чугуна не легко. Ведомость Берг-коллегии, составленная в 1745—1748 гг., приводит данные по Невьянскому, Нижнетагильскому и другим заводам, но они оказались явно преуменьшенными, и Берг-коллегия не удовлетворилась ими и собрала ряд других данных. На основании резолюции имп. Анны 14 ноября 1736 г. Ак. Демидов обязался иметь лишь 6 действующих домен и выплачивать с них определенную сумму десятины, соответствующую следующей выплавке чугуна: на Невьянском заводе (из одной домны) выплавлялось 86 395 п. 4 ф.; на Верхнетагильском (из одной домны) — 79 556 п. 26 ф.; на Нижнетагильском (из двух домен) — 219 284 пуд.; на Уткинском (из одной домны) 89 992 п. 21½ ф. В год выплавка из 6 домен составляла 565 220 п. 33 ф. Из этого количества чугуна выходило 376 814 пуд. железа, из которых 17 тыс. пуд. шло на содержание и починку инструментов, а остальные 359 814 пуд. оставались для продажи. Эти цифры не являются отчетными, а лишь проектировочными, но они вышли из рук самого Демидова и во всяком случае не могли страдать преувеличением. В ведомости Берг-коллегии приведены еще сведения, добытые поручиком Зубовым в 1734 г. на основании показаний демидовских приказчиков, представленных Татищеву. Они давали, однако, цифры проектировочной, или ожидаемой, выплавки, если на заводах не будет «внезапной остановки»; такая выплавка должна была составить 296 632 пуда чугуна, но здесь была преуменьшена продукция Нижнетагильского завода (123 тыс. пуд.). Этот разнобой в цифрах выплавки побудил Берг-коллeгию сопоставить приведенные данные с результатами освидетельствования демидовских заводов, которые в силу той же резолюции 14 ноября 1736 г. следовало производить раз в три года взамен представления книг и документов. Освидетельствование проводилось в течение одной недели офицерами, посланными из Екатеринбурга, из Главного правления горных заводов. Эта опытная плавка

²⁰ ЦГАДА, Портфели Миллера, № 515.

пересчитывалась на весь год с учетом неизбежной остановки завода в среднем на 2 месяца в год; проверка была проведена в 1740, 1743 и 1747 гг. Вот что она показала:²¹

Таблица 11

Чугуноплавильное производство по данным опытной плавки 1740—1747 гг.

Заводы	1740 г.		1743 г.		1747 г.		
	Выплавка чугуна (в пудах)						
	в неделю	в 10 мес. [1]	в неделю	в 10 мес. [1]	в неделю	в 10 мес. [1]	
Невьянский	} из 1 домны на каждом заводе	1982	86 075	2635	114 507	2024	95 700
Верхнетагильский		1548	67 227	2001	86 932	2250	97 718
Уткинский		1613	70 050	1837	79 825	2114	91 715
Ревдинский		1791	77 781	2146	93 243	1959	85 098
Нижнетагильский из 2 домен:							
верхней		2209	95 934	2573	111 816	3012	130 814
нижней		2306	100 146	2483	107 930	2868	124 559
Итого		11 449	497 214	13 675	594 253	14 407	625 681
«Из того чугуна имеет быть железа»		—	331 475	—	396 169	—	417 123
«Из того числа на заводские расходы потреблено»		—	17 000	—	17 000	—	17 000
«Останется в продажу»		—	314 476	—	379 169	—	400 113

[1] «За выключкою на починки и за остановками за материалами на 2 месяца придет выплавка в 10 мес.».

Первая опытная плавка 1740 г. по своим показателям (выплавка в неделю на 1 домну) приближается к данным Зубова 1734 г., приведенным выше, что может служить подтверждением их правильности. Эти сведения обнаруживают огромный перевес нижнетагильских домен, производительность которых была выше других заводов. Вместе с тем эти данные показывают неизменный рост производительности на протяжении 7 лет, с 1740 по 1747 г. С учетом ремонта и остановок завода выплавка дает непрерывный рост: 497 тыс. пуд. в 1740г., 594 тыс. пуд. в 1743г. и 625 тыс. пуд. в 1747 г. В Берг-коллегии сопоставили результаты этой пробной плавки с показаниями Демидова, приведенными выше. Результаты сопоставления представлены в табл. 12.

Это сопоставление весьма интересно; однако не следует забывать, что перед нами не отчетные сведения, а вычисленная по недельным данным возможная продукция, или цифры производственной мощности. С этой стороны — как показатель мощности демидовских домен — эти цифры и должны быть приняты во внимание. Недельная плавка по 6 домнам составляла от 11.4 до 14.4 тыс. пуд., или на 1 домну в среднем 272—343 пуда в сутки, а нижнетагильские домны давали даже по 315—430 пуд. в сутки. Достаточно сравнить эти цифры с теми 180—240 пуд. чугуна, которые

²¹ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 408—408 об.

Таблица 12

Сопоставление пробной выплавки с показанной Демидовым

Производство металлов	Выплавка по показаниям Демидова 1736 г.	Пробная выплавка		
		1740 г. (меньше—)	1743 г. (больше+)	1747 г. (больше+)
(в пудах)				
Выплавка чугуна .	565 220	—68 007	+29 032	+60 463
Выковка железа . .	376 814	—45 338	+19 355	+40 308

выдавали первые уральские домны Каменского и Невьянского заводов при их основании, чтобы отчетливо представить повышение мощности уральских домен в течение первой половины XVIII столетия.

Таким образом, выплавка чугуна в 30—40-х годах на уральских заводах Акинфия Демидова колебалась по одним данным (см. выше), от 243 до 501.6 тыс. пуд. в год, а по данным опытной плавки, в 40-х годах она должна была составлять 497—625 тыс. пуд. Насколько эти цифры значительны, можно видеть из сопоставления с выплавкой казенных заводов на Урале. В 1730—1740 гг. продукция всех 12 казенных уральских заводов составляла от 278 до 492.4 тыс. пуд., а в 1741—1745 гг. — 294—527.3 тыс. пуд. чугуна, т. е. демидовская выплавка значительно обгоняла казенные заводы. Приведем полностью данные по 12 казенным заводам Урала за 27 лет, с 1720 по 1746 г.:²²

Годы	Годы
1720 5 110 пуд.	1734 354 562 пуд.
1721 39 450 »	1735 492 392 »
1722 64 393 »	1736 369 210 »
1723 67 436 »	1737 294 906 »
1724 212 440 »	1738 333 504 »
1725 206 822 »	1739 335 707 »
1726 160 817 »	1740 415 719 »
1727 166 197 »	1741 330 810 »
1728 252 860 »	1742 359 211 »
1729 328 071 »	1743 294 071 »
1730 278 175 »	1744 307 978 »
1731 330 882 »	1745 443 431 »
1732 358 204 »	1746 527 264 »
1733 332 236 »	
	Итого . . . 7 561 310 пуд.

Выпуск железа, переделанного из этой массы чугуна на казенных заводах, составил за весь период 1720—1745 гг. 4433.7 тыс. пуд.; пушек чугунных в 1723—1746 гг. было отлито 34 853 пуда, мортир — 1964, кроме того гаубицы, бомбы, гранаты и т. п. При общей повышательной тенденции динамики продукции чугуна казенных заводов обращают внимание резкие скачки, падения и подъемы; особенно значительно поднялась продукция в 1724, 1729, 1732 гг., но резко упала в 1726—1727 гг. В последующие 13 лет выплавка чугуна в 1735 и в 1745—1746 гг. поднялась до 443—527 тыс. пуд., но в 1743 г. снова снизилась до 294 тыс. пуд.

²² Там же, д. № 8/1510, л. 372 об.—373; опускаем незначительные цифры «чугунных припасов, в формы литых», составивших за 27 лет всего 35 940 пуд.

Такие же резкие колебания в выпуске продукции происходили и на демидовских заводах. Данные опытной плавки за ряд лет весьма показательны для определения технического роста и усиления заводов, повышения их производственной мощности. Но для того времени надо внести

Простои заво

Заводы	Годы				
	1737	1738	1739	1740	1741
«Замосковные» заводы					
Дугненский:					
1-я домна	—	—	2 м. 19 дн.	—	—
2-я домна	—	—	4 » 28 »	—	—
Тульский	—	—	6 » —	5 м. 12 дн.	4 м. 29 дн.
Уральские заводы					
Шайтанский (Ник. Ник. Демидова)					
Нижнесергинский	—	—	5 » 20 дн.	6 » 10 »	6 » —
Ревдинский	1 м. 28 дн.	—	4 м. 29 дн.	—	—
Уткинский	7 » 6 »	2 м. 4 дн.	—	—	—

серьезную поправку с учетом неустойчивости и неравномерности производства, приводивших к длительным перерывам. Аварии и ремонт заводов чаще всего были связаны с капризами водного режима и климата, отражавшимися на работе гидроустановок — на плотине, ларях и водяных колесах. Выше были показаны отдельные примеры скачков и падений в динамике продукции и неустойчивость производства в первой половине XVIII в. Д. Капинцев отметил колебания продукции и правильно объясняет их метеорологическими условиями, колебаниями уровня воды и непрочностью плотин, их частыми прорывами.²³ Однако приводимые им сведения за 1780—1790-е годы дают уже картину известных достижений в этом отношении. Эти колебания были значительно сильнее в первой половине XVIII в. В тех же ведомостях Берг-коллегии весьма часты указания на «неравное» число выплавки чугуна и выпуска железа по годам, и на это указывала демидовская контора, направляя свои сведения в Берг-коллегию. Контора особенно предостерегала от использования средних чисел, так как «бывают неравные год против года остановки, яко в малодождевные и сухие лета от умаления в прудах воды, во время рекрутских наборов от разбегов людей, за неприготовлением угля, от взятия приказчиков, мастеровых и работных людей» и т. д.²⁴

В вотчинном архиве Демидовых среди более поздних бумаг сохранилась ведомость недоимок в уплате десятины с выплавленного чугуна по 20 с лишним уральским и «замосковным» различным заводам, в том числе и по демидовским, и притом по каждому заводу недоимка объясняется временной остановкой завода. В этой ведомости отмечены по месяцам и числам остановки заводов и приведены причины бездействия. Веду-

²³ Д. Капинцев. История металлургии Урала, стр. 170—171.

²⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 236 об.

мость имеет официальный характер; в ней указано относительно каждого завода, кто был послан из Берг-коллегии или местной канцелярии Главного правления горных заводов для проверки причин остановки. Обычно посылали бергмейстера или ассессора с мастером; они опрашивали рабо-

Таблица 13

дней по годам

1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749
—	—	5 м. 12 дн.	3 м. 1 дн.	2 м. 13 дн.	12 м. —	6 м. 14 дн.	6 м. 19 дн.
—	—	—	—	—	3 » 28 дн.	—	—
—	2 м. 14 дн.	9 » 20 »	—	—	—	—	—
10 м. 9 дн.	3 » 9 »	4 » 9 »	5 » 5 »	3 » 7 »	3 м. 8 дн.	—	—
—	—	— 8 »	5 » 29 »	9 » 2 »	Стоял	—	—
—	—	4 » 8 »	—	—	—	—	—
—	1 » 21 »	—	—	—	—	—	—

чих на заводе, выясняли характер повреждения и делали заключение, следует ли снизить цифры десятины за время бездействия домны.²⁵ Составленная не ранее 1754 г., она содержит данные, начиная с 1737 по 1754 г. Показания этой ведомости по демидовским заводам сведены в табл. 13.

Вероятно, не было года, когда бы 1—2 из демидовских заводов не стояли в течение нескольких месяцев, а в 1739 г. из 6 заводов 4 бездействовали по 2—6 мес.; остановки на полгода и более были частыми явлениями. По Дугненскому заводу в 1739 г. две домны бездействовали из-за починки горна и недостатка угля 2½ и 5 мес., в 1744 г. обе домны стояли свыше 5 мес. В 1745—1746 гг. домна остановилась «за непоставкою угля», в 1747 г. одна домна бездействовала целый год «за неприготовлением от тогдашней непостоянной и погодистой зимы руды», в 1748 г. одна из его домен стояла 6 мес. 14 дней «за недовольством в пруде воды», а в следующем, 1749 г. также простояла 6 мес. 19 дней «за переделом водяных ларей». При освидетельствовании оказалось, что «водой ларь одной домны разорвало».

На Тульском заводе Акинфия Демидова в 1739 г. не было плавки чугуна 6 мес. «за непривозом на завод угля и за разлитием внешней полой воды». В 1740 г. остановка длилась 5 мес. 12 дней «за разлитием полой воды и за неимением угля», в 1741 г. длительное бездействие происходило за «непривозом угля и за разорением в домне горнового камня и за починкою горна»; в 1743 г. остановка объяснялась «разлитием внешней воды» и повреждением доменного горна. В 1744 г. Тульский завод стоял 9 мес. и 20 дней по другой причине, уже не связанной с техническими условиями: он был остановлен Акинфием Демидовым «якобы за отягощением доменного оклада», т. е. из протеста против высоких цифр

²⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 646.

взимавшейся с него десятины. Кроме домны, останавливались и другие печи, или «фабрики». Посланный на этот завод чиновник сообщил, что «молотовая фабрика в остановке за непривозом на оный завод для продажи угля, который покупается дорогою ценою и привозится из дальних мест, а именно дубовых за 60, а еловых и осиновых за 100 верст».

На Шайтанском заводе Никиты Никитича Демидова в 1739 г. пяти-месячная остановка объяснялась «недовольством в пруде воды», а в 1740 и 1741 гг. полугодовое бездействие связано было с повреждением плотины и с вешней водой, в 1742 г. — с повреждением горна. В 1742 г., однако, завод стоял 10 мес. и 9 дней по другой причине — вследствие волнений и забастовок приписных крестьян: «за повреждением горна и невывозкою с рудников руды упрямством приписных к тому заводу крестьян». В 1743—1747 гг. завод останавливался ежегодно на срок от 3 до 5 мес., и среди причин указаны дважды недостаток воды в пруде, или, напротив, напор полой воды, кроме того, происходило повреждение трубы и горна.

Нижнесергинский завод на Урале, принадлежавший в 50-х годах сыну Никиты Никитича, Ивану Демидову, в течение 1745 и 1747 гг. по долгу бездействовал вследствие отсутствия годных руд, а затем стоял запечатанный целых 7 лет. Ревдинский и Уткинский заводы Акинфия Демидова остановлены были в 1737, 1738 и 1739 гг. в связи с «башкирскою шатостью», т. е. восстанием башкир. На Уткинском заводе в 1743 г. был пожар; Ревдинский завод в 1744 г. остановился на 4 мес. и 8 дней также по случаю пожара.

За остановки по 20 предприятиям за 1739—1751 гг. наша ведомость насчитала недоимок на сумму 172 847 руб. Но из этой суммы было исключено 162 937 руб., т. е. подавляющая часть (90%) недоимок, связанная с причинами остановок, которые были признаны законными. Сюда относились пожары на заводе, повреждения горнов и плотины, недостаток воды, наконец, недостаток рабочих рук, а также крестьянские восстания. За потерей десятины кроется потеря металла, выплавка которого имела бы место при отсутствии аварий и остановок. По 6 демидовским заводам невыплаченная десятина составила 44 787 руб., из которых большая часть была исключена, как происшедшая не по вине заводчика (пожары, восстания и т. п.), и взыскано лишь 18 459 руб. Эта интереснейшая ведомость свидетельствует о неравномерности и колебаниях в работе промышленности первой половины XVIII столетия, без учета которых нельзя ясно представить заводскую жизнь того времени.

Для Шайтанского завода Ник. Ник. Демидова имеются еще иные, более подробные сведения об остановках и перерывах в производстве. Они включены в ведомость Берг-коллегии, составленную на основании сенатского указа 1745 г. Расхождение между фактической выплавкой чугуна и опытной плавкой, произведенной при освидетельствовании завода властями (раз в 3 года), становится ясным из следующих данных о времени бездействия домны на Шайтанском заводе:²⁶

Годы	Годы
1732 346 дней	1740 193 дня
1733 281 день	1741 184 »
1734 182 дня	1742 314 дней
1735 365 дней	1743 101 день
1736 129 »	1744 131 »
1737 208 »	1745 158 дней
1738 307 »	1746 98 »
1739 335 »	

²⁶ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 471, «о действии завода»; месяцы и дни пересчитаны мною в дни.

На протяжении 15 лет (1732—1746 гг.) на заводе перерывы длились от 3 мес. 10 дней до года. Наиболее частые и длительные перерывы объясняются отсутствием руды, угля и недостатком рабочих рук, а также нехваткой денег и повреждением горна; в других случаях остановки связаны с недостатком воды и в двух случаях объясняются прорывом плотины. Одной из причин остановок являются волнения приписных крестьян и отказ их от выполнения работ.

Надо отметить также частые пожары на заводах. Бынгровский завод горел в январе 1738 г. Два года спустя, в 1740 г., его осматривал горный чиповник, ведавший сбором десятины с заводов, Конст. Гордеев. Он видел уже новые постройки и собрал сведения о последствиях пожара. Сгорели молотовая с мехами и инструментами, «ларь» в 22 саж. и даже выписанная «из-за моря» пожарная машина. Оставшиеся 3 молотовые, 2 дощатые «фабрики» и «косная фабрика» не работали в течение 5 недель, а сгоревшая молотовая бездействовала большую часть года — с января по сентябрь, или 34 недели; другая молотовая, у которой сгорел верх, стояла 7 недель и 2 дня.²⁷

На Тульском заводе Ак. Демидова также произошел пожар летом 1741 г., сгорело много приготовленного угля, «господский» дом и кладовые, но домна и молотовые были спасены.²⁸ Перед тем, в 1739 и 1740 гг. домна на Тульском заводе значительную часть года бездействовала «за неимением уголья и за разлитием внешней полой воды».²⁹ Дугненский завод горел в 1725 г., Выйский — в 1729 г. Колывано-Воскресенский завод горел в 1732 г., «и от того учинилась в заводах остановка и в правянте скудость, и для того работные люди с тех заводов выехали... в принадлежащие города и села и деревни».³⁰

Та же неравномерность производства наблюдается и на казенных заводах. Так, на заводе имени цесаревны Анны под Екатеринбургом молотовые «фабрики» стояли следующее число дней:

Годы		Годы	
1729	68 ¹ / ₂ дней	1738	18 ¹ / ₂ дней
1730	120 »	1739	81 день
1731	64 дня	1740	27 дней
1732	51 день	1741	29 »
1733	105 дней	1742	110 »
1734	55 »	1743	167 ¹ / ₂ »
1735	35 »	1744	143 дня
1736	28 »	1745	21 день
1737	14 »	1746	223 ³ / ₄ дня

Не менее длительны были остановки домен: особенно долго стояли они в 1742—1744 гг. Из-за выгорания камня в горне и вследствие перекладки последнего одна домна стояла в 1742 г. 241 день, другая — 58 дней; в 1743 г. одна из них бездействовала 198 дней. Выпуск из пруда воды для переделки вешняков повлек простой домен в 1743 г. еще в течение 167 дней; в 1744 г. первая домна простояла 119 дней, вторая — 162 дня.³¹

Надо отказаться от привычного для людей XIX в. представления о заводах, в особенности металлургических, как о непрерывно, безотказно

²⁷ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 22—23.

²⁸ Там же, л. 286 об.

²⁹ Там же, л. 198.

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, д. № 980, л. 115 об.

³¹ Там же, Дела Сената. по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 81.

действующем и отлично слаженном механизме. Работу современного крупного завода можно легко изучить по статистическим данным, обнаруживающим ту или иную закономерную тенденцию, повышательную или понижательную, причем явления случайного порядка почти исключены. Это — свойства крупной индустрии, с ее системой машин и научной организацией. Совсем иное встречается нас в металлопромышленности XVII и первой половины XVIII в., с вододействующими заводами, которые зависели от водного режима мелких и капризных рек, с их бурными весенними потоками и недостатком воды в сухое летнее время. Кроме того, оборудование заводов и большая часть зданий были деревянными и подвергались опасности пожаров; научные знания о сложных химических процессах плавки отсутствовали и заменялись эмпирическим опытом старых мастеров. Наконец, особенно важно отметить частые крестьянские волнения. Заводчики стремились застраховать себя от множества неожиданных случайностей тем, что ставили по две домны (одна находилась в действии, другая оставалась в запасе), а также посредством строительства ряда мелких и средних заводов поблизости друг от друга. Обилие заводов в одних руках давало возможность сводить концы с концами при авариях и остановках. Но вместе с тем это заставляет нас с осторожностью относиться к цифрам промышленной статистики того времени. Их не всегда можно обобщать, нельзя распространять на соседние годы; надо их принимать с учетом разнообразных условий и всегда помня, что выпуск продукции был «не по равному числу в год».

Домны в 40-х годах имелись лишь на 5 заводах Ак. Демидова (Невьянском, Нижнетагильском, Верхнетагильском, Ревдинском и Уткинском), но все 12 уральских его заводов, за исключением медных, имели молотовые и заняты были выковкой железа под большими молотами с последующей его обработкой под мелкими молотами в колотушечной и других «фабриках». Эти заводы снабжались чугуном с немногих доменных заводов.

Сведения о годовом выпуске полосного и прочего железа на уральских заводах Ак. Демидова, собранные в Берг-коллегии на основании указа 1745 г., показали продукцию в размере 247.1 тыс. пуд. за 1744 г. и лишь 129.4 тыс. пуд. в 1745 г. Близкие цифры добыл поручик Зубов в 1734 г. на основании показаний демидовских приказчиков. Но другие сведения, и прежде всего представленные самим Ак. Демидовым для определения общего сбора десятины с его завода, содержат более высокие цифры производства железа. Берг-коллегия, исходя из указанной Демидовым цифры выплавки чугуна в 565.2 тыс. пуд. и считая выход железа в $\frac{2}{3}$, от веса чугуна, высчитала выковку железа в размере 376.8 тыс. пуд., из которых после расходования на содержание и починку заводов (17 тыс. пуд.) остается для продажи 359.8 тыс. пуд. Освидетельствование заводов, как было показано выше, дало еще более высокие цифры выплавки чугуна, по крайней мере для последних двух лет, и более высокую выковку железа, именно: в 1740 г. — 331.5 тыс. пуд., в 1743 г. — 396.2, в 1747 г. — даже 417.1 тыс. пуд. железа. Эти сведения, повидимому, следует признать более правильными; согласно показаниям Демидова, продукция железа составила 376.8 тыс. пуд., а по данным освидетельствования — от 331.5 до 417.1 тыс. пуд.

Берг-коллегия в 1750 г. специально интересовалась производством и сбытом железа, и сведения собирались довольно тщательно и настойчиво, особенно по демидовским заводам. Они дали основание признать необходимым расширить Гороблагодатский казенный завод, чтобы увеличить экспорт железа с казенных заводов, но от дальнейшего расширения частных заводов решено было отказаться ввиду недостатка рабочих

рук.³² Собранные данные показали производство железа на казенных заводах в 1747 г. в размере 302,5 тыс. пуд. полосного железа (не считая колотушечного, досок и пр.). На экспорт через Петербург было вывезено с казенных заводов в 1747 г. 269 084 пуда железа.

Интересно сопоставить с этими цифрами данные по демидовским заводам. Уральские заводы Ак. Демидова давали больше железа, чем все казенные заводы. В табл. 14 представлены среднегодовые данные по демидовским заводам за три года (1747—1749).³³

Таблица 14

Среднегодовое производство железа (в пудах)

Заводы	Железо			
	полосное	четверо-гранное	восьми-гранное	связаное
Невьянский	40 129	2496	1322	820
Быньговский	70 088	2004	959	3284
Шуралинский	18 139	—	—	—
Нижнетагильский	38 057	847	304	175
Выйский	24 229	904	—	—
Лайский	9 488	—	45	—
Черноисточинский	53 261	1701	328	—
Висимо-Шайтанский	19 823	856	—	—
Шайтанский	9 799	—	—	—
Уткинский	35 740	347	1148	1660
Ревдинский	26 734	235	527	—
Верхнетагильский	28 843	—	—	—
Итого ^[1]	374 386	9394	4534	5940

[1] Итог мой.

Табл. 14 показывает, что полосного железа производилось 374,4 тыс. пуд. и четвероугольного, восьмигранного и связаного железа в год 19,9 тыс. пуд. Эти цифры значительно выше продукции уральских казенных заводов (302 тыс. пуд.). Вместе с тем следует отметить слабую роль металлообработки на уральских заводах; это были преимущественно металлургические, а не металлообрабатывающие заводы, производившие почти исключительно полосное железо.

Весьма интересным источником, рисующим объем продукции демидовских заводов, являются документы по разделу наследства Акинфия Демидова. Средний из трех его сыновей, Григорий, составил план раздела заводов между тремя братьями, на чем я остановлюсь в следующих главах. Теперь же приведу сведения, составленные Григорием Демидовым о производстве железа в 1750—1752 гг. (см. табл. 15). В среднем за год (из трех лет 1750—1752) на всех заводах наследников Акинфия выковывалось 491,8 тыс. пуд. железа, что соответствует 735 тыс. пуд. чугуна в год. Это далеко превосходит приведенные выше цифры. Рассматривая продукцию по отдельным заводам, следует отметить Быньговский завод (82 тыс. пуд.), из остальных — Нижнетагильский, Невьянский, Черноисточинский, Уткинский и нижегородские давали от 49 до 39,6 тыс. пуд. Очень невелика была продукция Тульского завода—

³² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 136 об., 151.

³³ Там же, л. 237—242 об.

Заводы Демидова в 1750—1752 гг.

Заводы	Среднегодовое производство железа и меди (1750—1752) (пуд.)	Себестоимость («истинная цена») 1 пуда продукции (ноч.)
Первая часть		
Железные заводы		
1. Нижнетагильский	39 636	31 ⁹ / ₁₆
2. Черноисточинский	49 032	34
3. Выйский	27 449	31 ⁹ / ₁₆
4. Висимо-Шайтанский	21 381	34 ³ / ₄
5. Лайский	10 925	31 ⁹ / ₁₆
Итого . . .	148 426	—
Вторая часть		
Железные заводы		
1. Ревдинский	27 286	38 ¹ / ₄
2. Рождественский	23 408	42 ¹ / ₂
Итого . . .	50 694	—
Медные заводы		
3. Суксунский	530	—
4. Бымовский	3 742	—
5. Ашапский	1 869	—
6. Шаквицкий	658	—
Итого . . .	6 799	—
Третья часть		
Железные заводы		
1. Невьянский	43 965	37 ¹ / ₄
2. Бынговский	82 127	37 ¹ / ₄
3. Шуралинский	21 319	37 ¹ / ₄
4. Верхнетагильский	32 736	35 ³ / ₄
5. Уткинский	39 277	39 ¹ / ₁₆
6. Шайтанский	11 267	39 ⁵ / ₈
7. Тульский	22 762	49 ¹ / ₂
Итого . . .	253 553	—
Железные заводы в нижегородских вотчинах		
8. Верхнечугунский		
9. Нижнечугунский	39 184	41 ¹ / ₂
10. Корельский		
Всего . . .	491 857 пуд. железа 6 799 » меди	

22 700 пуд. железа; еще ниже была выковка железа лишь на Лайском и Шайтанском заводах (10 — 11 тыс. пуд.). К середине XVIII в. Тульский завод, первый из демидовских заводов, был совсем незаметной величиной в общей массе заводов Акинфия Демидова. На остальных данных табл. 15 я остановлюсь ниже.³⁴

Из других показателей мощности уральских заводов остановимся на обеспечении лесом и на численности рабочих.

К Невьянскому заводу были приписаны по указу 6 декабря 1702 г. леса на 30 верст вокруг. Этими же лесами пользовались и другие 4 завода. В 1732 г. к демидовским заводам были отведены следующие лесные пространства, поражающие своими огромными размерами; они простирались вокруг заводов на 30—60—90 верст (табл. 16).³⁵

Т а б л и ц а 16

Отвод лесных урочищ к демидовским заводам

Заводы	Отвод лесов	Вырубка лесов с начала постройки заводов
Верхнетагильский . . .	56 в. —	22 в. 4 саж.
Нижнетагильский . . .	90 » 7 саж.	18 » —
Выйский	48 » 34 »	12 » 800 саж.
Черноисточинский . . .	44 » 5 »	5 » —
Шайтанский	30 » 448 »	4 » —
Уткинский	60 » 137 »	4 » —
Ревдинский	79 » — [1]	— —

[1] В рукописи значится, кроме того, 83 013 саж., что, вероятно, ошибочно.

К другим заводам лесов не было отведено, но для Нижнетагильского, Выйского, Лайского и прочих заводов 19 июля 1740 г. были получены Демидовым у ясапных новокрещеных вогуличей земли, леса и прочие угодья «в кортом» на 20 лет. Эта земля была уступлена вогуличами не-обмеренной, и Демидов обязался вместо ясака за вогуличей платить за эту землю деньгами в Верхотурскую воеводскую канцелярию всего по 50 р. 80 к. в год. Кроме того, в 1741 г. (11 апреля) Демидов скупил у татар и черемисов Бисертской волости Верхотурского уезда навечно их землю с лесами и другими угодьями за 150 руб. И эта земля была куплена без точного обмера, «а сколько той земли мерою, того не объявлено». Следовательно, путем обмана, за бесценок, за уплату ясака или за ничтожную покупную цену Демидов сумел приобрести у местных народов огромную площадь лесов и присоединить их к полученным из казны лесным урочищам.

Другим важнейшим показателем мощности заводов является обеспеченность их рабочей силой. Приведу лишь суммарные данные о числе рабочих в 40-х годах, прежде всего, собранные Берг-коллегией по указу 1745 г.; но имеются еще более полные сведения, собиравшиеся после указа 1750 г. и учитывавшие итоги второй ревизии (1746 г.). Общее число приписных, мастеровых и работных людей по первым данным по 12 ураль-

³⁴ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. IX, д. № 95, ч. 1, л. 319—320 об.; деление заводов на три части связано с разделом между тремя братьями. Опускаю имеющиеся в рукописи данные о стоимости железа (продажная цена принята в 50 коп.) и о прибыли: они будут рассмотрены ниже.

³⁵ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 422 об.— 423. К отведенному Ревдинскому заводу 2 июля 1742 г. лесу присоединен и лес, вырубленный прежде.

Годы	Суксунский			Шанвинский	
	Выплавлено чистой меди	Расковано в полосы и доски	Сделано посуды	Выплавлено штыков и меди	Из того числа расковано в полосы
1729	374 п. 36 ф.	373 п. 39 ф.	—	—	—
1730	744 » 9 »	742 » —	—	—	—
1731	1399 » 20 »	1336 » 6 ф.	—	—	—
1732	1918 » —	1913 » 8 »	—	—	—
1733	2016 » 10 ф.	2011 » 8 »	—	—	—
1734	1748 » —	1638 » 10 »	—	—	—
1735	1402 » 4 ф.	—	—	—	—
1736	1002 » 10 »	801 п. 15 ф.	—	—	—
1737	1562 » 29 »	1558 » 33 »	—	—	—
1738	2608 » 9 »	2601 » 29 »	—	—	—
1739	1999 » 49 »	1901 » 24 »	—	—	—
1740	1375 » 25 »	1109 » 23 »	122 п. 8 ф.	61 п. 36 ф. ^[1]	61 п. 30 ф.
1741	1865 » 29 »	1489 » 37 »	180 » 18 »	265 » 11 »	238 » 5 »
1742	1841 » 6 »	1531 » 2 »	118 » 32 »	324 » 2 »	290 » 36 »
1743	2407 » 36 »	2035 » 20 »	81 » 18 »	508 » 13 »	456 » 14 »
1744	1027 » 15 »	887 » 3¼ »	33 » 26 »	604 » 33 »	543 » 8 »
1745	1223 » 36 »	1087 » 29 »	10 » 30 »	702 » 19 »	630 » 26 »
Итого . .	26 457 п. 26 ф.	23 038 п. 20 ф.	547 п. —	2466 п. 35 ф.	2202 п. 39 ф.

[1] С 16 июля 1745 г. [2] Черная медь—268 п. 10 ф.—очищена на Суксунском

ским заводам Ак. Демидова составляет 8744 человека, из которых 36% приходится на крепостных.³⁶ Сведения, собранные в 1750 г., дают более крупные цифры:³⁷

Приписные (Аятская, Краснопольская слободы и с. Покровское)	3630 д. м. п.
Пришлые и отданные по указам	6728 » » »
Крепостные, купленные и переведенные из вотчин	3248 » » »

Итого . . . 13 606 д. м. п.

Если можно считать, что первая цифра (8744) отражает численность рабочих в более раннее время, то последняя, относящаяся к 1750—1751 гг. (13.6 тыс. чел.) показывает дальнейший рост ее. Обращает внимание, что половина рабочей силы, 6700 чел. из общего числа 13 600, приходится на крепостных, переведенных из многочисленных вотчин Демидова; приписные составляют 26.6%, остальные (около 24%) приходятся на пришлых, также уже прикрепленных к заводам по разным указам 30-х годов. Насколько велика была у Демидовых численность купленных крепостных и пришлых, можно видеть из сопоставления с казенными заводами. На 12 казенных уральских заводах числилось в 1750 г. приписных государственных крестьян 44 885 д. м. п. и мастеровых 2578,³⁸ тогда как у Ак. Демидова приписные составляли четвертую часть; почти столько же было пришлых, а крепостные составляли около половины всего числа.

³⁶ Там же, л. 418—419 об.

³⁷ Там же, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 343—347.

³⁸ Там же, л. 15.

Ак. Демидова

Ашапский			Бымовский		
Выплавлено чистой меди	Расковано в полосы и доски	Сделано посуды	Выплавлено чистой меди	Расковано в полосы	Сделано посуды
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—
—	—	—	125 п.—	124 п. 25 ф.	—
—	—	—	500 » 29 ф.	499 » 12 »	—
—	—	—	1051 » 5 »	1017 » 38 »	29 п. 13 ф.
—	—	—	2493 » 17 »	2005 » 37 »	29 » 25 »
—	—	—	1258 » —	1108 » 15 »	20 » 5 »
—	—	—	1228 » 20 ф.	1076 » 15 »	24 » 11 »
—	—	—	1939 » 38 »	1641 » 15 »	96 » 29 »
—	—	—	2251 » 10 »	1994 » 35 »	24 » 25 »
—	—	—	1902 » 18 »	1625 » 29 »	79 » 14 »
—	—	—	2287 » 25 »	1908 » 13 »	139 » 20 »
182 п. 19 ф. [2]	—	—	—	—	—
800 » 2 »	—	—	—	—	—
1022 п. 21 ф.	956 п. 28 ф.	64 п. 10 ф.	15 038 п. 4 ф.	13 000 п. 3 ф.	443 п. 19 ф.

заводе и за угаром осталось 222 п. 19 ф.

Наши источники содержат также ценные сведения о продукции медных заводов. Выплавка меди и производство медных изделий имели в первой половине XVIII в. большое значение для Демидова. Медные заводы были тесно связаны между собой в производственном отношении и находились в западной части Урала, на близком расстоянии один от другого. Это были: Суксунский медный завод Ак. Демидова в Кунгурском уезде, в 40 верстах от Кунгура, Бымовский — в 70 верстах от Суксунского, Ашапский — в 60 верстах от него и также в 60 верстах — Шаквинский завод. Суксунский завод (основан в 1727 г., пущен в ход в 1729 г.) имел 6 печей, здесь были фабрики: котельная и «меховая» (т. е. по выработке воздуходувных мехов); строения были каменные; выплавлялась чистая медь, а также расковывались полосы и доски и делалась медная посуда. На Шаквинском заводе, возникшем в 1739—1740 гг., выплавлялась только одна черная медь в 2 печах, а в чистку она отправлялась на Суксунский завод, где производилась также расковка меди в полосы и доски. На Ашапском заводе, основанном в 1744 г., было 6 печей и также выплавлялась черная медь, которая очищалась на Суксунском заводе. На Бымовском заводе, начавшем действовать в 1736 г., выплавка производилась в 4—6 печах, а для очистки медь также отправлялась на Суксунский завод. Таким образом, Суксунский, самый старый завод, занимал центральное положение, очищая медь с остальных заводов. Медь шла не только на полосы, доски и посуду, но из нее лились колокола; медь отправлялась также в Москву или сдавалась в Екатеринбург и на другие казенные заводы на монетное дело.³⁹ Производство этих 4 заводов представлено в табл. 17.

³⁹ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 426—464.

Эта таблица показывает быстрый рост производства в 30—40-х годах в 1745 г. выплавка меди на 4 заводах составляла 5013 пуд., из которых расковано в доски и полосы 3600 пуд., сделано медной посуды — 150 пуд. Для 1750—1752 гг. в табл. 15 по тем же 4 заводам указана более высокая продукция, а именно 6799 пуд. Неравномерность производства отмечена в наших материалах особенно в отношении Суксунского завода; на нем не всегда действуют все 6 печей, которые часто останавливаются на ремонт, а также ввиду отпуска рабочих на сенокос и вообще за недостатком рабочей силы.

Особенностью медных заводов являлась, повидимому, слабая обеспеченность их рудой. Рудники, общие для всех этих заводов, находились на расстоянии от 65 до 120 верст от Суксунского завода; на сколько лет хватит руды, «точно признать невозможно, ибо оные находятся гнездовые», а также «обысканы» другими промышленниками.⁴⁰

На медных заводах, как уральских, так и в особенности алтайских, остро чувствовался недостаток в рабочей силе. На Суксунском заводе относительно рабочих, занятых рубкой леса, кладкой дров в кучи и выжигом угля, сказано, что «за скудостью в работных людях» они употребляются и в прочих мастерских, где бывает нужда. Прежде нанимались «вольные работники с паспортами» для рубки и куренных работ «из обыкновенной заводской платы, а ныне к тем работам вольных работников ни за какую плату не сыскивается», вследствие этого на заводе происходит «немалая в действии остановка». Число рабочих на медных заводах было следующим:

Таблица 18

Число рабочих на медных заводах

Заводы	Число медеплавильных печей	Приписных гос. крестьян	Пришлых и отданных по указу	Купленных из крепостных	Всего	В том числе на работе	В том числе малолетних и старых [1]
Суксунский	6	—	66	342	408	270	138
Шаквинский	2	—	17	91	108	108	—
Ашапский	6	850	13	71	934	932	2
Бымовский	4—6	1732	25	187	1944	1900	44
Итого	—	2582	121	691	3394	3210	184

[1] Небольшие цифры малолетних и стариков, может быть, показывают, что здесь отмечено не все число их.

Из этих данных можно видеть, что к уральским медным заводам Ак. Демидова было приписано большое число крестьян; при этом пришлые и купленные крестьяне в значительном числе имелись лишь на Суксунском и Бымовском заводах, возникших ранее остальных. Приписные, очевидно, обслуживали всю эту группу заводов; к Ашапскому заводу были припи-

⁴⁰ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 434. Цифры продукции меди значительно ниже, чем имеющиеся в литературе; напр., по данным Чулкова, Суксунский завод в 1767 г. давал 4.4 тыс. пуд., Бымовский — 6.8 тыс. пуд. См. К а ш и н ц е в. Цит. соч., стр. 130—131.

саны (по указу 1 июня 1746 г.) государственные крестьяне 12 подгородных деревень, к Бымовскому заводу (в 1739—1740 гг.)— Ильинский острог с 14 деревнями и село.

Тесная связь этой группы заводов между собой ясна из указания на порядок отпуска меди. С Ашапского завода медь шла на Суксунский и лишь оттуда сплавлялась к Москве. С Бымовского завода черную медь также везли на Суксунский завод для приведения «в надлежащий сорт», а оттуда отправляли по рекам Сылве и Чусовой и далее — к Москве. Медь отправлялась также на Невьянский завод, в Екатеринбург и на казенный Ягошихинский завод. О Шаквинском заводе также говорится, что на нем выплавляется лишь черная медь, а в чистку и расковку она поступает на Суксунский завод.

В Сибири у Акинфия Демидова, как мы видели, было еще три медеплавильных завода: Колывано-Воскресенский (1729 г.)— в Томском и Кузнецком уездах, на р. Белой, Барнаульский (с 1740 г.)— в Кузнецком уезде близ р. Обь, на р. Барнаулке, и Шульбинский (с 1742 г.). Эти заводы были взяты в казну в 1735 г., затем возвращены Демидову в 1737 г., но вновь были отняты в казну в 1742 г. При первом отобрании их Колывано-Воскресенский завод был оценен в 3799 р. 67 ³/₄ к., а при возвращении его Демидову, с учетом произведенных казной работ, — в 4031 р. 16 ¹/₂ к.

Следующие данные о выплавленной на указанных заводах меди показывают крайнюю неравномерность и этого вида производства.⁴¹

Годы		Годы	
1731	3137 п. 25 ф.	1740	3235 п. 38 ф.
1733	237 » 4 ¹ / ₂	1741	5993 » 30 »
1734	525 » 10 »	1742 [1]	—
1735 [1]	—	1743	822 » 14 »
1736	3740 » 35 »	1744	391 » 22 »
1737	4941 » 12 »	1745	53 » 13 »
1739	310 » 14 »	1746	979 » 12 »

[1] Годы отобрания заводов в казну.

Относительно рабочих Колывано-Воскресенского и других сибирских заводов имеются лишь немногие сведения о приписных крестьянах. К Колывано-Воскресенскому и Барнаульскому заводам было приписано по 200 дворов к каждому с населением 1763 д. м. п.

О заводах Ак. Демидова, расположенных в центре страны, не имеется таких полных сведений, как об уральских. Относительно трех заводов у с. Фокина на Волге известно, что на них выполнялись заказы Адмиралтейства на якоря, выделывавшиеся из железа с уральских заводов, их собственная продукция составляла в 1750—1752 гг. 39,2 тыс. пуд. железа, которое выковывалось из уральского чугуна. Относительно Тульского завода выше приводились сведения о выплавке чугуна в 20—30-х годах, когда она колебалась от 19 до 38 тыс. пуд. Но к 1740 г. продукция Тульского завода значительно увеличилась. По требованию Берг-директориума демидовский приказчик представил в феврале 1740 г. ведомость, где значилось, что на Тульском заводе имеется 1 домна, которая в течение года, с 19 марта 1739 г. бездействует «от разлития вешней полой воды» и от недостатка в угле. В сутки производится 2 выпуска чугуна по 70 пуд. в выпуск, т. е. по 140 пуд. Это недалеко ушло от показателей XVII в. (100—120 пуд.) и в 2—2 ¹/₂ раза отстает

⁴¹ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 468 об.— 469.

от уральских норм того же времени. Годовая выплавка этого завода считалась властями в целях обложения в 51 000 пуд. чугуна, а по сведениям московской конторы, равнялась 58 502 пуд.⁴² Но в дальнейшем продукция Тульского завода снижается; в 1750—1752 гг. среднегодовая выковка железа составила 22.8 тыс. пуд., что соответствует лишь 33 500 пуд. чугуна. В 1755 г. Тульский завод был закрыт.

Имеются также сведения о заводах Никиты Никитича Демидова и его наследников. На Урале ему принадлежали Шайтанский и два Сергинских завода — Нижний (осн. 1745 г.) и Верхний (осн. 1744 г.). Первый находился на р. Шайтанке, впадающей в р. Чусовую, последние два — в Уфимском уезде Оренбургской губ., на р. Серге, впадающей в Уфу.

Шайтанский завод Н. Демидова, как показано было выше, отличался частыми и длительными остановками, особенно в 40-х годах, вследствие волнений приписных крестьян, а также прорыва плотины и т. п. По имеющимся за 80-е годы сведениям, выплавка чугуна на Шайтанском заводе из одной домны за 7 лет (1732 — 1738) составила в сумме 109 238 пуд.⁴³

В 40-х годах производительность Шайтанского завода была подвергнута проверке.⁴⁴ На основании полученных данных Берг-коллегия, учитывая действительное время работы домны, приняла следующую выплавку этого завода:

Т а б л и ц а 19

Выплавка Шайтанского завода по годам

Годы	Чугун	Железо
1739 (с 21 декабря)	2 998 п. 4 ф.	1 532 п. 4 ф.
1740	33 561 » 16 »	24 374 » 12 »
1741	38 441 » 20 »	25 627 » 24 »
1742	11 009 » 30 »	7 339 » 32 »
1743	56 130 » 2 »	37 420 » —
1744	49 869 » 13 »	33 246 » 10 ф.
1745	44 082 » 20 »	29 388 » 16 »
1746	56 777 » 27 »	37 851 » 30 »
Всего по двум освидетельствованиям	295 170 п. 12 ф.	196 780 п. 8 ф.

На Нижнесергинском заводе Никиты Демидова, по свидетельству 1745 г., домна дала в опытной плавке 903 п. 20 ф. чугуна в неделю, что показывает 39 257 пуд. чугуна и 26 тыс. пуд. железа за год (10 мес.). Однако этот выход чугуна был признан слишком малым,

⁴² Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 291 об.—203.

⁴³ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 474.

⁴⁴ Результаты освидетельствования были следующие: в 1741 г. домна Шайтанского завода дала в неделю 1490 п. 20 ф., что в год (считая 10 мес. работы) составило производственную мощность 64 766 пуд. чугуна, а в переделе в железо — 43 177 пуд.; за вычетом заводского расхода железа (1946 пуд.) это дает 41 231 пуд. железа; по второму освидетельствованию, в 1747 г., домна Шайтанского завода в неделю давала несколько больше, именно 1519 п. 7 ф. чугуна, или 65 975 п. 14 ф. за 10 мес., в переводе на железо — 43 983 пуд. и за вычетом внутривзаводского расхода — 41 999 пуд. железа.

и было приказано произвести вторичную проверку. Выплавка Нижнесергинского завода, с учетом действительной работы, оказалась следующей:

Т а б л и ц а 20

Выплавка Нижнесергинского завода по годам

Годы	Чугун	Железо
1744 (с 18 ноября)	5 234 п. 22 ф.	3 489 п. 28 ф.
1745	24 188 » 22 »	16 125 » 28 »
1746	8 991 » 17 »	5 994 » 10 »
Итого . . .	38 414 п. 21 ф.	25 609 п. 26 ф.

Все три завода были тесно связаны между собой; на обоих Сергинских заводах перерабатывался чугун с Шайтанского завода. Вся продукция их, по этим данным, составила, например, в 1745 г.— 68.2 тыс. пуд. чугуна, или 45.5 тыс. пуд. железа, а в 1746 г.— 65.7 тыс. пуд. чугуна, или 43.5 тыс. пуд. железа.

Заводы эти были обеспечены лесом в достаточном количестве. Шайтанский завод имел леса на территории в 132 кв. версты и 1 тыс. саж. и кроме того на 11 кв. верст лес был уже вырублен. У Нижнесергинского завода имелось леса даже на 265 кв. верст. Сын Ник. Ник. Демидова Евдоким объявил в 1742—1743 гг., что леса Сергинского завода куплены у татар, «а насколько положением верст измерить ни по которой мере за частым ельником и непроходимыми болотами невозможно».⁴⁵

У Ник. Ник. Демидова были еще заводы в центре; в ведомости 1750 г. у него или у его сына Евдокима значатся Дугненский, Брынский и Выровский заводы. О них известно, что они отправляли на внутренний рынок 19 тыс. пуд. железа и, кроме того, посылали значительное количество в Петербург, для «заморского отпуска». Но последний показан очень неопределенно: железо полосное отпускалось неравномерно, по 20—30 и 40—50 тыс. пуд.; кроме того, в небольшом количестве отправлялось плющильное железо, по 500—1000 пуд.⁴⁶ Для определения выплавки чугуна надо эти цифры увеличить на $\frac{1}{3}$, следовательно, продукция железа на 3 заводах могла составлять от 40 до 70 тыс. пуд., что соответствует выплавке чугуна около 60—100 тыс. пуд.

Попытаемся подытожить количественные результаты по этим известным нам заводам Акинфия и Никиты Никитичей Демидовых, сыновей основателя предприятия, имея в виду представить их продукцию в самых общих и грубых чертах. Для конца 40-х годов получим следующие неполные цифры, которые не охватывают всех демидовских заводов, но все же ценны и выразительны (см. табл. 21).

Если прибавить к этим цифрам выплавку Тульского завода Акинфия Демидова, определенную в 51—58 тыс. пудов, то общая выплавка поднимется до 760—860 тыс. п. чугуна.

Однако позднейшие данные за 1750—1752 гг., принятые сыновьями Ак. Демидова при разделе его наследства, свидетельствуют о более

⁴⁵ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 1/81.

⁴⁶ Т а м ж е, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 129.

Выплавка заводов Демидовых в 40-х годах XVIII в. (в тыс. пудов)

Заводы	Чугун	Железо
12 уральских заводов Ак. Демидова	565—625	376—417
3 уральских завода Н. Н. Демидова	(80)	(54)
3 центральных завода Н. Н. Демидова	(60—100)	(40—70)
Итого по 18 заводам . .	705—805	470—541

высокой продукции, именно, они дают 491 тыс. пуд. железа, что соответствует приблизительно 735 тыс. пуд. чугуна в год. Если прибавить к этим цифрам приведенные данные о продукции заводов Никиты Ник. Демидова (80 тыс. пуд. чугуна на его уральских заводах и 60—100 тыс. пуд. на заводах центра, или 94—124 тыс. пуд. железа на всех его заводах), то продукция всех заводов обоих Демидовых в середине XVIII в. может быть приблизительно определена количеством около 875—915 тыс. пуд. чугуна, или 585—616 тыс. пуд. железа.

Для уральских заводов Ак. Демидова имеются сведения о сбыте железа и распределении его по городам и на экспорт. Эти данные собирались Берг-коллегией вместе с другими сведениями от демидовских приказчиков и представляют среднегодовые за 3 года — 1748—1750 гг. Перевозка демидовской продукции к местам сбыта охватывала обширную территорию: с Урала его изделия шли на восток — в Сибирь, к Тобольску, а в Европейской части страны достигали Архангельска — на севере, Астрахани — на юге; они шли на Волгу, на Макарьевскую ярмарку, а также в Казань, Ярославль и далее — в Москву и в Петербург, откуда железо отправлялось за границу. Общий размер отпуска составлял 377.9 тыс. пуд. железа; главное место занимало полосное и связное железо, но отпускались также уклад, жечь, проволока, сковороды, котлы и др. Подавляющее количество — свыше 290 тыс. пуд. железа разных сортов направлялось в это время в Петербург и «в заморский торг»; около 38 тыс. пуд. шло в Москву, 12.5 тыс. пуд. поступало на Макарьевскую ярмарку, свыше 10 тыс. пуд. — в Ярославль, 8 тыс. пуд. — в Тулу; на месте, при Невьянском заводе, продано было свыше 9 тыс. пуд., по Волге и Каме — 4.5 тыс. пуд. и т. д. Эти данные не включают поставку пушек и снарядов, но из других сведений известно, что обязательные поставки железа в казну в 30—40-х годах составляли 47.7 тыс. пуд.; кроме того, в Адмиралтейство поступали якоря и другие изделия.

Ни в какое сравнение с этим отпуском Акинфия Демидова не может идти сбыт его брата Никиты Ник. Демидова. С уральских заводов последнего в конце 40-х годов шло на экспорт и в вольную продажу всего 54 тыс. пуд. Прибавляя отпуск с остальных заводов, получим, что весь сбыт Н. Н. Демидова составлял от 93 до 123 тыс. пуд.⁴⁷ Оба брата, Акинфий и Никита, сбывали, согласно этим данным, от 470 до 500 тыс. пуд. железа.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 62 об., 129.

Берг-коллегия собирала также сведения о себестоимости продукции, издержках и прибыли. Приведем эти данные по двум демидовским заводам — Невьянскому и Нижнетагильскому — за 1744 г. Себестоимость, или «истинная цена», 1 пуда на этих заводах в 1744 г. была следующей:

Т а б л и ц а 22

Себестоимость продукции на Невьянском и Нижнетагильском заводах

Продукция	Заводы	
	Невьянский	Нижнетагильский
	(руб. коп. за 1 пуд)	
Чугун	— .6 ³ / ₄	— .6
Железо полосное . . .	— .26 ³ / ₈	— .25 ¹ / ₈
» дощатое	1.10	—
» плющильное	— .35	—
Пушки 6- и 24-фунтовые	— .49 ¹ / ₄	— .26 ³ / ₄
Котлы	— .21	— .21
Горшки и треноги . . .	— .26	— .21
Якоря	— .77	—
Сковороды	— .67	—
Уклад	1.10	—
Жесть луженая	1.99	—
Медь чистая	—	6.75 ³ / ₄ [¹]

[¹] На Выйском заводе в 1734—1739 гг.

В этих данных следует отметить пониженную себестоимость на Нижнетагильском заводе по сравнению с Невьянским, что, вероятно, и обусловило дальнейшее прочное его развитие.⁴⁸ Берг-коллегия учитывала также весь расход по перевозке заводской продукции до конечных пунктов. Для демидовских заводов транспортные расходы составляли (в копейках за 1 пуд) до Москвы — 9¹/₄ коп., до Петербурга — 12¹/₂ коп. для Невьянского завода и несколько ниже — для Нижнетагильского. С приложением к «истинной цене» этой провозной платы получим себестоимость на месте назначения. Для полосного железа она составляла: для продукции Невьянского завода в Москве — 35⁵/₈ коп. за 1 пуд (26³/₈ + 9¹/₄), в Петербурге — 38⁷/₈ коп., на Макарьевской ярмарке — 30⁷/₈ коп. и т. д. Продажная цена железа в этих конечных пунктах составляла в том же 1744 г.: для полосного железа в Москве — 52 коп., в Петербурге — 60 коп. за 1 пуд.

Прибыль, вычисленная тогда же, составляла для полосного железа в Москве 16³/₈ коп., в Петербурге — 21¹/₈ коп. Соотношение заводской себестоимости, транспортных расходов и прибыли на изделия Невьянского завода представлена в табл. 23.

Структура продажной цены, вычисленная на основании данных табл. 23, показывает, что доля прибыли колебалась около ¹/₃ продажной цены, доля транспортных расходов составляла от 7.5 до 20.8%, и на заводскую себестоимость приходилось 44—53%. Отношение прибыли к себестоимости, включая «провозную цену», т. е. с учетом транспортных расходов

⁴⁸ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 484 об., 68.

*Себестоимость продукции, транспортные расходы и прибыль
по Невьянскому заводу*

Пункты назначения	Себестоимость на заводе	Провоз	Себестоимость в пункте назначения	Прибыль	Продажная цена
Москва	} 26 ³ / ₈	9 1/4	35 5/8	16 3/8	52
Петербург		12 1/2	38 7/8	21 1/8	60
Казань		3 3/4	30 1/8	19 3/4	50
Нижний Новгород		4 1/2	32 5/8	17 1/4	50
Ярославль		6 1/4	33 7/8	21 1/2	55
Тверь		7 1/2	30 7/8	19 1/8	50

до пункта назначения, является, может быть, всего показательнее. Во всех пунктах (за исключением Москвы) прибыль в процентах к себестоимости составляла более 50%, колеблясь от 54 до 65.5%:

Таблица 24

Отношение прибыли к себестоимости

Пункты назначения	Прибыль (в %)	
	к себестоимости с учетом транспортных расходов	к заводской себестоимости
Москва	45.95	62.0
Петербург	54.34	80.0
Казань	65.56	74.8
Нижний Новгород	52.9	65.8
Ярославль	63.4	81.5
Тверь	61.9	72.5

Таким образом, прибыль у Демидова в 1744 г. по основному виду продукции, полосному железу в результате крепостнической эксплуатации была огромной, превышала 50%.

Несмотря на требования Берг-коллегии в 1750—1751 гг., демидовские приказчики не дали определенных и точных сведений о размере прибыли. Они ссылались на отсутствие справок о расходах на строения, припасы и материалы и ограничились лишь некоторыми общими сведениями. Они считали «на настоящие истинные расходы по 10 процентов, да на заключенный при деле разных сортов железа в истинный расход капитал, который ис продажных припасов и чрез два года (яко из отпускаемых в Санкт-Петербург) не возвращается, по 10-ти ж процентов, ибо у заводо-держателей то почасту случаетца, что неимением на содержание заводов собственных денег займуют ис процентов: ис того должно получать господам Демидовым на содержание их домов и на всегдашние бываемые при заводах и фабриках починки». Из этих слов следует вывести заключение

о размере прибыли в 20%, при этом указывается, что капитал оборачивается в два года. Но эти сведения весьма преуменьшают действительную прибыль.

В том же деле Берг-коллегии имеется обстоятельное сообщение о размере прибыли с казенных заводов. Сбрав ведомости о состоянии казенных и частных железных заводов, Берг-коллегия рассматривала в 1751 г. вопрос «о способах к умножению заводов». В принятом постановлении говорилось об отличном состоянии русских заводов, но указывалось в качестве главных препятствий на недостаток рабочих рук и удаленность от заводов приписных крестьян. В связи с этим Берг-коллегия, не надеясь на строительство новых частных заводов, предлагала построить 1—2 новых домны при казенном Гороблагодатском заводе. Берг-коллегия в своих прогнозах сильно ошибалась: как раз следующие годы оказались временем наибольшего подъема строительства не только казенных, но и частных заводов. Высокая конъюнктура 50—60-х годов, очевидно, была для горного ведомства неожиданной.

Нас интересует та часть постановления, где говорится об уровне прибыли уральских заводов. «Сибирское казенное железо, когда оное з заводов в Питербург привозилось, по крайней мере по 37 коп. пуд обходился». Затем Берг-коллегия учитывала частые аварии судов с железом, а также «великие расходы» на строения и в особенности обращала внимание на медленность оборота: «годовой капитал, которой к произведению оных заводов нужно надобен, 2 года праздно остаетца прежде пока оной возвращается». С учетом всего этого Берг-коллегия установила прибыль в следующем размере: «будет немного, ежели 50% интересу на свой капитал положить. И для того сибирское казенное железо в Питербурхе, как по справкам оказалось, ниже 55 копеек продать невозможно...»⁴⁹

Из этих слов можно видеть, что при себестоимости привозимого в Петербург железа в 37 коп. цена на него установлена в 55 коп., что составит 50% прибыли. Демидовская контора сообщала о 20% прибыли, но едва ли прибыль Демидова была ниже прибыли казенных заводов, тем более что расчет относительно казенных заводов имеет в виду условия сбыта в Петербург. Двухгодичный оборот объясняется транспортировкой железа в Петербург, занимавшей, как мы увидим ниже, действительно, около $1\frac{1}{2}$ лет, так как она связана была с зимовкой каравана судов с железом в Твери.

Представляют интерес сведения о себестоимости, относящиеся к времени раздела наследства Акинфия Демидова, представленные средним его сыном Григорием (см. выше, табл. 15). Они относятся к 1750—1752 гг.⁵⁰ Себестоимость колебалась по заводам, составляя на Нижнетагильском и связанных с ним заводах $31\frac{3}{5}$ — $34\frac{3}{4}$ коп., на Ревдинском заводе — $38\frac{1}{4}$ коп., на Невьянском — $37\frac{1}{4}$ коп. за 1 пуд железа; выше была она на Уткинском и Шайтанском заводах — $39\frac{5}{8}$ коп., а на отдаленном, расположенном на Каме Рождественском заводе — $42\frac{1}{2}$ коп.; на этом заводе железо выковывалось из чугуна, доставлявшегося с уральских заводов. Всего дороже обходилось железо на старом Тульском заводе, где себестоимость составляла $49\frac{1}{2}$ коп. Таким образом, исключая эти крайности, большая часть уральского железа обходилась заводчику (без транспортных расходов) в $31\frac{3}{5}$ — $34\frac{3}{7}$ — $37\frac{1}{4}$ коп.

Подводя итоги нашим наблюдениям, следует отметить, что демидовское предприятие быстро расширялось на протяжении первой половины XVIII в. и составляло у двух братьев Демидовых, Акинфия и Никиты,

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 137 об.

⁵⁰ Представленные одновременно сведения о прибыльности явно преуменьшены и поэтому опущены мною.

32—33 завода. Этому бурному строительству свойственна была, однако, неустойчивость продукции в зависимости от ряда причин: от капризного режима уральских рек и недостатка воды, а также в связи с пожарами; к тому же остро ощущался недостаток в рабочих руках, а жестокая эксплуатация заводских рабочих и приписных крестьян приводила к их волнениям. Зависимость работы заводов от речек заставляла дробить производство по множеству заводов. Несколько крупных доменных заводов снабжали чугуном большое число передельных железных заводов, нередко отстоявших от домен на огромное расстояние, как, например, Рождественский завод на Каме или нижегородские заводы у с. Фокина. Это лихорадочное строительство должно было в известной мере обеспечить заводчику определенную продукцию, страховало от крупных потерь, и остановка того или иного завода должна была возмещаться работой остальных.

Уральские заводы в 30—40-х годах были описаны академиком Гмелиным, участвовавшим в Камчатской экспедиции вместе с Крашенинниковым и историографом Миллером. Его дневник «Reise durch Sibirien» содержит литературное описание крупных заводов. Он был издан после его смерти за границей и остался непереведенным на русский язык.

Направляясь в Сибирь, Гмелин и Миллер на пути из Куингура в декабре 1733 г. приближались к Шайтанскому заводу. Лошади сильно устали, и путешественники рассчитывали на приятный отдых, тем более, что на заводе находился владелец Акинфий Демидов. Однако надежды их не оправдались, так как Демидов не захотел встретиться с академиками («не пожелал быть дома», по выражению Гмелина), и им не удалось даже сменить лошадей. Они заметили, проезжая, лишь две домы и печь для плавки меди; отсюда путешественники направились в Екатеринбург, где встретились с Генниным и осматривали казенный Екатеринбургский завод, поразивший их своим отличным состоянием.⁵¹

Гмелин не доехал до Камчатки и повернул из Якутска обратно. 6 лет спустя, он оказался на демидовских заводах. Из Семипалатинска в августе 1739 г. он направился к Колывано-Воскресенскому заводу Демидова. Завод находился на Воскресенских горах, где руда была богата не только медью, но содержала также серебро. Это замечание Гмелина показывает, что наличие у Демидова серебряных руд не составляло тайны, вопреки обычным утверждениям его биографов.⁵²

Колывано-Воскресенский завод был окружен крепостными стенами, или острогом, и состоял из 5 цехов; в первом из них было 5 медеплавильных печей и один молот, в другом — 2 печи для очистки меди, 2 обжигальные печи и толчея, в третьем лудили медь, в четвертом помещении находилось 5 кузниц и т. д. Рабочие были присланы из Екатеринбурга и с Невьянского завода, а на рудниках работали приписные крестьяне, которые, отработав подушные, спешили скорее уйти с завода домой. На заводе ощущался острый недостаток в рабочей силе. Несколько демидовских деревень уже были построены у р. Чаруши, но в них было лишь 40—50 человек, тогда как заводу для полного обеспечения необходимо было не менее 800 рабочих. Здесь жили преимущественно старообрядцы, руководитель которых Кудрявцев давал Демидову сведения о рудах, открытых крестьянами. Гмелин заметил также принадлежавшие Демидову деревни на реках Локтевке и Барнауле, но заводы здесь возникли позднее.⁵³

⁵¹ I. G m e l i n. Reise durch Sibirien, Göttingen, 1751, Bd. II, S. 114.

⁵² К. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых, стр. 13, 62; О г а р к о в. Демидовы, изд. Павленкова, СПб., 1896, стр. 62—63.

⁵³ I. G m e l i n. Op. cit., Bd. I, S. 249—261.

Спустя 3 года, в 1742 г., Гмелин осматривал уральские заводы Демидова. Он начал с Невьянска, откуда Акинфий Демидов управлял и наблюдал за всеми заводами; владельца на заводе в этот момент не было, и делами ведали 5 приказчиков. Не буду приводить весьма подробное описание Невьянского завода, данное Гмелиным.⁵⁴ Из 4 невянских домен обычно действовала лишь одна;⁵⁵ Гмелин перечисляет многочисленные «фабрики», или цехи, Невьянского завода; наряду с выделкой полосного железа здесь было поставлено производство кос и велась очистка черной меди, доставлявшейся с Колывано-Воскресенского завода, имелась литейная по отливке колоколов до 200 пуд. весом. Завод был окружен четырехугольной крепостью с 7 башнями, 3 воротами и церковью. Высокая колокольня с часами уже в то время стояла не отвесно, а несколько наклонно, что Гмелин объясняет неопытностью местных каменщиков, строивших ее. За крепостью были расположены 800 «обывательских» домов. Отсюда Гмелин направился в Нижний Тагил. На этом заводе из 4 домен действовали 2; кроме молотовых, здесь находился медный завод, где очищалась медь с Колывани и отливались колокола. Связь с Сибирью поддерживалась на коломенках, ежегодно отправлявшихся из Нижнего Тагила в Тобольск и другие сибирские города. О степени эксплуатации свидетельствует то, что среди рабочих Нижнетагильского завода было множество детей, мальчиков и девочек 7—8—12 лет, которые работали на рудниках, собирая руду в кучи, а также заняты были производством посуды из латуни.⁵⁶

В полуверсте от Нижнего Тагила расположен Выйский завод Демидова. Наряду с выработкой железа в молотовых здесь были 2 цеха по выплавке меди. Сначала медная руда добывалась на месте, но затем перешли на очистку привозной колыванской черной меди. Прежде здесь были 2 домны, но за несколько лет до приезда Гмелина они были приостановлены, и железо выплавлялось на Выйском заводе из нижнетагильского чугуна. При заводе был рабочий поселок, состоявший из 200 домов. Производство кос в момент посещения Гмелина происходило на Лайском заводе. Первоначально здесь стояла лесопильная мельница, но за 4 года до приезда Гмелина (т. е. около 1738 г.) сюда было перенесено с Бынговского завода производство кос. Вверх по реке Лайе строилась вторая плотина, предназначавшаяся для будущего завода по выделке стали. Так же тесно связана была с Нижнетагильским заводом жизнь Черноисточинского завода. Он состоял из молотовой и фабрики по производству жести, каждая с 4 горнами и 3 молотами; чугун доставлялся из Нижнего Тагила. Гмелин особенно заинтересовался залежами асбеста у р. Тагила, из его волокон делали полотно и кошельки.

Ученый путешественник побывал на Верхнетагильском заводе, окруженном деревянной крепостной стеной для защиты от башкир. Здесь были 2 домны, из которых действовала только одна, имелись две молотовые, якорная, кузница, цех для сверления и обточки пушек, лесопильная мельница. На расстоянии 2 часов езды от этого завода располагался Шуралинский завод Демидова (в 2 верстах от впадения р. Шуралы в Нейву). Этот завод был первым, по словам Гмелина, вспомогательным заводом для Невьянского: из невянского чугуна на Шуралинском заводе выковывалось полосное железо. Этот небольшой завод (2 молотовых, по 2 мо-

⁵⁴ *I b i d.*, Bd. IV, S. 400—410.

⁵⁵ ПСЗ, т. X, № 7548, указ 29 марта 1733 г. «Об оставлении Демидову на сибирских его заводах 6-ти домен и о запечатании прочих».

⁵⁶ На заводах Демидова в это время работали даже дети 6 лет, как это можно видеть из резолюции Кабинета министров 12 декабря 1735 г., см. ПСЗ, т. X, № 6840.

лота каждая, и 30 жилых домов) был плохо обеспечен водой как источником энергии и часто останавливался. Гмелин был на нем в сентябре и слышал, что вследствие засухи завод может действовать еще лишь две недели.

Эти заводы были так близко расположены друг к другу, что после осмотра Верхнетагильского и Шуралинского заводов автор в тот же вечер успел возвратиться в Невьянск и отсюда выехал на Бынговский завод. На этом заводе было столько воды, что много ее пропадало даром, и для отвода избытка воды был проведен канал с сооружением в виде вала для регулирования падения воды. На Бынговском заводе, кроме 4 молотовых для выковки полосного железа, 3 мастерских для листового железа и мастерской для производства стали, было поставлено производство латуни в 2 печах, делались латунные плиты, листовая латунь и посуда, для чего существовала мастерская, выделывавшая глиняные плавильные формы. При Бынговском заводе имелись также кожевенный завод и лесопильная мельница. Он получал медь из Суксунского завода, а чугун из Нижнего Тагила. Гмелин отметил высокую выгодность производства латуни. Бынговский завод был последним из осмотренных Гмелиным демидовских заводов.⁵⁷

Это описание позволяет, так сказать, окинуть одним взглядом демидовское хозяйство на Урале и в Сибири как одно целое, части которого, отдельные заводы, тесно связаны друг с другом. Предприятие Акинфия Демидова продолжало развиваться; строительная горячка, начатая при Петре I, еще продолжается и в это время. Уральские заводы были близко расположены, немногие доменные заводы снабжали чугуном не только свои молотовые, но и другие железные заводы. Медь лишь в небольшой мере выплавлялась из местной руды, чаще перерабатывали черную медь с Колывано-Воскресенского завода. Интерес к медному делу в этот период надо особенно отметить, так как впоследствии оно окажется в забросе. Переброска черной меди с Колывано-Воскресенского завода объясняется, повидимому, недостатком рабочих на алтайских заводах Демидова. Когда колыванские заводы отошли в казну, то после смерти Акинфия Демидова медное дело сокращается и затем сосредотачивается на заводах, вновь возникших на западном склоне Урала. В описании Гмелина хорошо отразилось обилие на заводах отдельных цехов, что свидетельствует о развитом разделении труда.

Собранный в настоящей главе материал, извлеченный преимущественно из архивных фондов, позволяет прийти к выводу, что в первой половине XVIII в. заводы Демидовых быстро возрастали в числе; от первого Тульского завода, основанного Никитой Демидовым, к середине века их стало 34. Первые 10—15 лет небольшое число заводов делится поровну между центром и Уралом, но во второй четверти столетия Урал вместе с Сибирью решительно берет верх. Старый Тульский завод недалеко ушел от заводов XVII в. с их низкой производительностью, вполне понятной на бедных тульских рудах, тогда как уральские заводы превращаются в гигантов с мощными высокими домнами, обеспеченными топливом с колоссальной лесной территории. Уральские домны в 2—2½ раза производительнее тульских; они обрастают более мелкими заводами, переделывающими невянский, ревинский и тагильский чугун в железо разных сортов. Большое место занимает выплавка меди и медных изделий.

Итак, усиленное и быстрое строительство Демидовыми заводов является характерной чертой истории их предприятия за этот период. Вместе с тем приходится отметить колебания в производстве в зависимости от

⁵⁷ I. G m e l i n. Op. cit., Bd. IV, S. 434—446.

климатических или другого рода условий. Большое число заводов, видимо, позволяло возмещать эту неустойчивость. Уральские заводы в условиях крепостного труда отличаются низкой себестоимостью продукции и высокой прибыльностью. Этот быстрый рост предприятия шел параллельно с расширением привилегий Акинфия Демидова. Он был освобожден от стеснительных форм контроля. Заводы стали его наследственной собственностью, обусловленной обязательными поставками железа в казну. Демидов получил дворянское звание и состоял под протекцией самой императрицы. Эти привилегии обеспечили ему значительную свободу на производстве и при сбыте его продукции. Правительство закрепило заводских рабочих, превратив пришлых рабочих в «вечно-отданных», и Демидову была обеспечена полная возможность жестокой эксплуатации рабочих и крестьян. Горнопромышленник был вместе с тем крепостником-помещиком.

ГЛАВА VIII

ЗАВОДЫ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА в СЕРЕДИНЕ XVIII в.

1. ЗАВОДЫ И ВОТЧИНЫ

Концентрация производства как закон капиталистического хозяйства отлично выяснена в различных ее формах для времени полного развития капитализма и периода империализма. «Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях является одной из наиболее характерных особенностей капитализма», говорит В. И. Ленин.¹ В мануфактурном периоде также имелась своеобразная концентрация. Для изучения процесса концентрации в условиях феодально-крепостнического строя, демидовское хозяйство дает ценный материал.

Некоторая возможность представить это хозяйство в разнообразных его проявлениях имеется у нас благодаря сохранившимся материалам о наследстве Акинфия Демидова и разделе его огромного состояния между сыновьями. К этому моменту относится опись заводов и всего его имущества, позволяющая представить это хозяйство в целом. Документы по разделу включают не только данные о заводах, но также сведения о деревнях, домах, землях, денежной наличности и движимом имуществе Ак. Демидова, драгоценностях, утвари, нарядах и обстановке, т. е. говорят о тех сторонах его хозяйства, которых я не мог касаться в предыдущих главах. Описи его имущества, сделанные в связи с наследством, и другие документы, относящиеся к разделу, содержатся в материалах б. Госархива по кабинетским делам, так как дело велось по распоряжению императрицы и ей докладывалось.

Акинфий Демидов скончался в 1745 г., оставив завещание, по которому все заводы переходили к одному младшему сыну Никите, однако два месяца спустя последовал указ имп. Елизаветы, явившийся началом отмены завещания Демидова, в связи с чем президенту Берг-коллегии Томилову предписывалось составить опись демидовских заводов и деревень и «схаты в сибирские его [Демидова] заводы, где ныне обретается жена ево и бывший при нем меньший ево сын». Томилов должен был сначала отправиться в Тулу; в декабре он извещает Кабинет императрицы о наличном количестве серебряной посуды и денег у Демидовых в Туле и Москве и сооб.

¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Соч., изд. 4-е, т. 22, стр. 184.

щает о составлении им ведомостей по заводам и деревням. Для составления всей описи потребовался целый штат, и Томилов послал в вотчины и конторы 8 человек для описи демидовского имущества. Вслед за тем он отправился на Урал и на Невьянском заводе «в то дело свое вступил», т. е. приступил к составлению описи.² Работа затянулась на долгий срок.

Томилов вернулся в Москву в 1747 г. и в июле он писал в Кабинет императрицы барону И. Черкасову об окончании работы и об отсылке описей. Это были 34 «дела» и составленные на основании их 11 ведомостей, но до нас они не дошли; в кабинетских делах сохранились лишь сводные ведомости и отдельные «экстракты» из них. Они дают возможность представить довольно полно состав имущества Акинфия Демидова в 1745—1747 гг.

В наиболее общем виде имущество Демидова представлено в итоговой сводной ведомости, заключенной в двух тетрадах, под названием: «Опись генеральная заводам господ Демидовых». Первая тетрадь включает общие цифровые данные о заводах, деревнях, наличных деньгах, драгоценностях и утвари, оставшихся после смерти Ак. Демидова, вторая содержит такую же отдельную опись трех алтайских заводов, которые затем (в 1747 г.) были переданы в казну.³

«Опись генеральная» содержит главным образом данные цифрового характера по всему хозяйству Ак. Демидова. Эти данные довольно скупы и общи, опись напоминает чертеж или контурный рисунок, которому не хватает красок и теней, придающих форму изображению. Все имущество Ак. Демидова опись делит на три группы: 1) заводское, 2) городское и уездное и 3) вотчинное.

У Ак. Демидова было 22 железных и медных завода (в это число не вошли 3 алтайских завода), 2 кожевенных, 3 пристани; наряду с этим ему принадлежало 36 сел с многочисленными деревнями, 120 домов заводчика и 3661 дом служащих и рабочих. Опись перечисляет также в вотчинах и на заводах 29 церквей и 1 часовню, и на них 101 колокол. Для охраны заводы снабжены были пушками, ружьями, холодным оружием и запасом снарядов и пороха; всего в них было 156 пушек и мортир, при них бомбы, ядра и картечь; имелось 154 лучших штуцера и ружей, 1489 ружей солдатских и драгунских, 231 ствол ружейный, 881 ружейный замок, 1840 ножей, 113 алебард и т. д. Надо представить в соответствии с этим и крепости, окружавшие значительную часть заводов, с гарнизонами из солдат и канониров. Имущество Ак. Демидова, отраженное в описи, представлено в табл. 25.

На основании других ведомостей, составленных в связи с наследством, можно указать заводы, оставшиеся после Акинфия Демидова. Это были, во-первых, Тульский завод и 6 уральских, основанных или приобретенных его отцом Никитой Демидовым.⁴ К ним Акинфий Демидов прибавил 7 уральских заводов⁵ и, кроме того, на Волге, в 110 верстах от Нижнего.

² ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 404—409. За указание на это дело приношу благодарность В. Н. Шумилопу.

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 2, л. 367—394 или по отдельной пагинации л. 1—28. Подзаголовок ведомости с первых слов свидетельствует, что в основе ее лежат описи частного характера: «Ведомость общая из описей умершего действ. стат. советника Акинфия Демидова...».

⁴ 1) Под Тулой, на р. Тулице (1 домна и молотовые). На Урале: 2) Невьянский (1 домна и молотовые), 3) Верхнетагильский (1 домна и молотовые), 4) Нижнетагильский (2 домны и молотовые), 5) Шуралинский (молотовые) и 6) Бынгровский (молотовые), 7) Выйский (медный).

⁵ Уткинский (1 домна и молотовые), Ревдинский (молотовые), Черноисточинский (молотовые), Шайтанский, Нижнелайский (молотовые), Верхнелайский (молотовые), Висимо-Шайтанский (молотовые).

Имущество, оставшееся после смерти Акинфия Демидова по описям (1745—1747 гг.).

«Звание вещей»		На заводах	В городах и уездах	В вотчинах	Итого
Заводов	медных	4	—	—	224
	железных	18	—	—	
	кожевенных	—	2	—	
Пристаней	3	—	—	3	
Сел с присудствующими к ним деревнями	—	—	22	22	
Да особых деревень	—	—	14	14	
Домов и дворов заводчиковых с каменным и деревянным хоромным и всяким другим дворовым строением, с огородами, прудами и скотскими дворами	65	34	21	120	
[Домов] приказчиковых, подъячих, солдатских, мастеровых и рабочих людей и прочих жителей и обывателей.	3661	—	—	3661	
Базар, в нем рядов	3	—	—	3	
Лавок мясных, строения заводчиково	32	—	—	32	
Плотин с вешняками, ларями и караульниками	25	—	—	25	
Фабрик — доменных, молотовых, колотушечных и пр.	123	—	—	123	
Полотняная фабрика	—	—	1	1	
Кузниц	38	—	4	42	
Слесарных	6	—	—	6	
Каменных кладовых мест	10	—	—	10	
Каменных же и деревянных кладовых, кожевенных и пильных амбаров	112	1	—	113	
Сараев лесных, плотничьих, прядильных, винокурных, кирпичных и обжигальных	89	—	6	95	
Пильных мельниц	11	1	—	12	
Мельниц хлебных с поставы	7	16	41	64	
Житниц деревянных	—	—	142	142	
Мыловарных изб	1	—	—	1	

у с. Фокина имелось 3 молотовых завода; в Казанском уезде находился Рождественский завод (молотовые), в Кунгурском — 4 медных завода ⁶ и на Алтае 3 медных завода. На этих заводах, за исключением Старогородищенского завода, относительно которого шли споры с родней, по «Описи генеральной» указано 7 действующих и 8 запасных домен.

Согласно этой описи, на заводах имелось 25 плотин, 123 «фабрики», т. е. отдельных цеха, в том числе: доменные, молотовые и др.; имелась «фабрика» кос, 11 лесопильных мельниц, 64 хлебные мельницы, большей частью в вотчинах. Производственные процессы, повидимому, происходили также в большинстве сараев, перечисленных в описи (плотничьи, прядильные, винокурные, кирпичные и др.), их было 89 при заводах и 6— в вотчинах. Сверх того была 1 полотняная «фабрика» в вотчине, 38 кузниц при заводах и 4— в вотчинах, 6 слесарных при заводах.

На заводах имелось следующее оборудование:

Домен с водяными колесами, валами и мехами:	
действующих	7
запасных	8
Горнов молотовых и кричных с мехами и валами	118
» колотушечных и укладных с мехами и валами	18
» якорных	19
» дощатых	14

⁶ Суксунский, Бымовский, Шаквинский, Ашайский.

Горнов кузнечных с ручными кожее мехами	148
Печей в плющильных и резных фабриках и нагревательных к резке железа	4
» проволочных для обжигания проволоки	1
» обжигальных железа и меди	36
» плавильных медных с водяными колесами, валами и ме- хами	39
» меднодошчатых, меднокотельных, меднолитейных мелочных вещей	34
» гармахерских и штыкарных	16
» пробирных	10
» мыловарных	1
Молотов расковочных с водяными колесами и валами	87
» колотушечных и укладных с колесами и валами	6
» якорных	3
» плющильных (1) и дошчатых (13)	14
» рудобойных	4
Станков пушечно-сверленных с валами и колесами	14
» меднотокарных с валами и колесами	10
» плющильных, резных (4) и проволочных (11)	15
» пильных	27
» токарных ручных	17

Число водяных колес, приводившихся в движение водой, педшей по ларям от запруженных плотинами рек (25 плотин), не указано в описи, но должно было быть весьма значительным и исчислялось сотнями, судя по указанным здесь горнам, молотам и мехам с колесами и валами к ним.

На заводах и складах по городам находилось в момент описи большое количество готовой продукции и материалов. На заводах имелось 255 тыс. пуд. чугуна, что равнялось приблизительно 45% годовой продукции, а вместе с пушками, ядрами и тому подобными чугунными «припасами» запас их составлял свыше половины продукции заводов Ак. Демидова. Запас железа на заводах и в городах был еще больше — свыше 364 тыс. пуд. полосного железа и около 12 тыс. пуд. дошчатого железа, гвоздей и других изделий; это немногим менее годовой продукции его уральских заводов. Столь большие остатки свидетельствуют о медленном товарообороте. На заводах и складах находилась медь, а также материалы и другие цветные металлы, как свинец и олово для лужения. Количество наличной чистой меди — 3900 пуд. — составляло около 80% годовой продукции уральских заводов Ак. Демидова.

К демидовским заводам принадлежали 77 действующих медных и 18 железных рудников. На заводах имелось 920,8 тыс. пуд. железных и 192 тыс. пуд. медных руд; при рудниках находилось добытых 926 тыс. пуд. железных и 41 тыс. пуд. медных руд, имелось 73 тыс. коробов угля, что равнялось около 1,5 млн. пуд., было также свыше 900 тыс. шт. кирпича, 7186 бревен, 3898 шт. тесу ларевому, т. е. предназначенного на водяные лари, 10 515 шт. кровельного тесу и 100 шт. для сооружения коломенок, а также 7 ящиков стекол «оконичных» и 386 шт. стекол, 175 оконниц и 14 «полотен» слюды. Для перевозок руды, материалов и готовой продукции нужны были транспортные средства, из которых отметим суда для караванов, отправлявшихся по рекам к центру страны и к Петербургу: имелось 50 стругов, 279 коломенок и барок, 115 лодок. На заводах было 566 телег, 349 роспусков, 149 саней, 313 дровен и огромный запас колес (5501 шт.), 496 хомутов, 166 седел, у самого владельца были золоченые кареты и т. п. Множество строительных материалов было заготовлено как на заводах, так и на городских дворах и в вотчинах.

Алтайские заводы Ак. Демидова вошли в отдельную опись. Это были три медных завода: Колывано-Воскресенский, Барнаульский и Шульбинский; они защищались острогом, где было 16 чугунных пушек, 187 ружей

со штыками и без них, 217 копий и 1523 ядра. При первом из этих заводов было 325 домов рабочих, служащих и солдат, при втором — 75 дворов, при третьем — только 39, итого — 439. Заводы делились на «фабрики» со следующим оборудованием:

Т а б л и ц а 26

Медные заводы Кузнецкого уезда Сибирской губ.

«Фабрики» при заводах	Заводы			
	Колывано-Воскресенский	Барнаульский	Шульбинский	Итого
Фабрик плавильных, гармахерских, столярных, меховых и др.	6	7	—	13
Кузниц	2	4	1	7
Пильных мельниц	1	1	—	2
Хлебная мельница	1	—	—	1
В фабрике печей плавильных медных	7	6	—	13
обжигальных	9	—	—	9
Горнов гармахерских	—	5	—	5
» дощатых	1	—	—	1
» котельных и пробирных	4	—	—	4
» кузнечных с ручными мехами	6	6	3	15
Молотов расковочных и дощатых с водяными колесами	1	3	—	4
Мусорных пестов с водяным колесом	3	6	—	9

Из этих данных можно видеть, что на двух заводах была выплавка меди, а Шульбинский завод в то время состоял лишь из кузницы с простыми кузнечными горнами и с ручными мехами, он не давал еще продукции. При Колывано-Воскресенском заводе значится рудников: 1 серебряный, 6 свинцовых, 1 медно-свинцовый, 65 медных; на Барнаульском заводе рудников не было, а на Шульбинском было 4 медных и 16 рудников «признаков медных»; имелся запас медных руд (на Барнаульском заводе) в 58 070 пуд. Наличные запасы меди на первых двух заводах были следующие: меди гармахерской — 3268 пуд., зеленой — 3527 пуд., черной — 1840 пуд., 2 колокола весом в 32 пуда, криц медных — 1404 пуд. и т. д. Кроме того, было черной мази со свинцом, содержащей часть серебра, — 88 пуд., глета, который спускается при отделении серебра от свинца и содержит часть серебра, — 242 п. 3 ф. и герту, т. е. зернового золота, содержащего серебро, — 75 пуд. Эти сведения интересны указанием на присутствие серебра и золота; готовым продуктом можно считать лишь гармахерскую и зеленую медь (6800 пуд.), остальное является полупродуктом. Алтайские заводы не вошли в наследство, перешедшее к сыновьям Ак. Демидова, так как в 1747 г. были взяты в казну.

Наконец, имелись солеварные заводы, купленные у наследников гостя Филатова за 1 тыс. руб. и перешедшие по завещанию Акинфия Демидова его среднему сыну Григорию. Это были 4 соляные варницы, которые запустели и были оставлены еще в 1740 г. Хотя соляной промысел и был восстановлен, но, по словам Григория, «за плохостью рассолов к варенью соли не годен».⁷

⁷ ЦГАДА. ф. Госархив разр. XI, д. № 95, ч. 2, л. 257; ч. 1, л. 339 об., 381—382.

Для характеристики демидовских вотчин имеется в деле о наследстве разнообразный, но неполный материал. Наиболее полными являются перечни деревень с указанием числа душ (см. в приложении, стр. 495). Согласно этому списку, Акинфий Демидов имел в 10 уездах 215 сел и деревень и 13 135 душ м. п. В большей своей части они расположены были вблизи волжских и камских берегов в Нижегородском, Арзамасском, Казанском, Унженском, Царевосанчурском уездах, а также в Ярославском, Тульском и Дедиловском.⁸ Кроме того, в ведомости, подписанной президентом Берг-коллегии Томиловым, производившим опись, приводятся параллельно данные Вотчинной коллегии о земельных владениях, числе душ и стоимости имений Акинфия Демидова, рядом с ними приведены данные о числе душ по 1 и 2-й ревизиям, и здесь же проставлены цифры, взятые из тульской заводской конторы. Трудно предпочесть какой-либо один ряд из этих данных. На основании различных источников мною составлена табл. 27, в которой приводятся сравнительно более полные сведения о размерах землевладения Демидова — по данным Вотчинной коллегии и о числе душ и цене имений — по данным заводской конторы. Здесь значатся 15 316 четв. земли (в одном поле); сюда не вошли башкирские земли, которые упомянуты без количественного обозначения в чет-

Т а б л и ц а 27

Вотчины Акинфия Демидова

Местонахождение вотчин	Земли (в четвертях, по данным Вотчинной коллегии)	«По тульской заводской его конторы взятой ведомости»	
		число душ	цена (р. к.)
Московской губ., Тульской провинции: в Тульском уезде . . .	1199	184	7 050.96
в Дедиловском уезде	1162	537	14 916.39
в Соловском »	533	—	13 158.85
в Крапивенском »	100	—	—
Той же губ., Ярославской провинции:			
в Ярославском уезде	582	409	5699.99
в Романовском »	109	—	881.35
Архангелогородской губ., Галицкой провинции,			
в Галицком уезде	436	1505 [1]	21 165.67
Нижегородской губ.,			
в Нижегородском уезде	2892	5271	74 729.95
Той же губ., Арзамасской провинции,			
в Арзамасском уезде	235	1408	23 682.86
Воронежской губ.,			
в Елецком уезде	—	—	Нет свед.
Казанской губ.,			
в Казанском уезде	3908	1046	11 733.17
в Царевосанчурском »	4160	3592	37 451.37
в Симбирском »	—	—	44.18
в Козьмодемьянском » (сенные покосы и мучные мельницы)	—	—	349.53
Итого	15 316	13 952	210 865.—

[1] Сведения не полны.

⁸ Там же, ч. 2, л. 308—320.

вертях, но зато имеется их оценка, ничтожная по сравнению с огромными, несомненно, их размерами. Так, покупные у башкир земли в Осинском уезде по Каме, у дер. Березовки, были куплены за бесценок — за 198 руб.; земли, купленные в Кунгурском уезде у ясашных татар, стоили 121 руб., там же, в Кунгурском уезде, по р. Ашапу, — 386 руб.; в Уфимском уезде, на луговой стороне Камы, была куплена земля у башкир за 132 руб. и по р. Чусовой, также у башкир, — за 551 руб. Всего на приобретение земель у татар и башкир было затрачено 1389 руб. В имуществе Акинфия Демидова отцовские приобретения составляли 7.5 тыс. четв. земли с 4.4 тыс. д. м. п., что было оценено в 77 315 руб. К этому Ак. Демидов прибавил 7.8 тыс. четв. земли с 8.45 тыс. д. м. п. стоимостью 133 550 руб.

Общая стоимость вотчин Ак. Демидова, по данным тульской конторы, составляла свыше 210 865 руб. Наибольшую ценность составляла Царевосанчурская вотчина, оцененная тульской конторой в 37.4 тыс. руб.; в ней было 3.6 тыс. д. м. п.; следующее место занимали Нижегородские вотчины, именно, с. Фокино, стоившее 33 тыс. руб. и купленное еще отцом, и др. В Арзамасском уезде у Ак. Демидова было с. Саканы, оцененное в 17.6 тыс. руб., в Дедиловском уезде Тульской провинции — с. Румянино (14.9 тыс. руб.) и т. д.

Однако можно предполагать, что указанная выше цифра (210 865 руб.) значительно преуменьшает действительную стоимость вотчин Демидова. Это составляет в среднем немногим более 15 руб. за душу, между тем в середине столетия обычная цена была вдвое выше. По свидетельству Болтина, при Елизавете деревни ценились обычно по 30 руб. за душу; в екатерининской комиссии 1767 г. та же цена отмечалась как средняя.⁹ Таким образом, общую стоимость вотчин Ак. Демидова ко времени его смерти можно повысить более чем вдвое — до 400—420 тыс. руб.

Несколько позднее этой ведомости был составлен «экстракт» из описи Томилова с указанием, какие вотчины были назначены Акинфием Демидовым каждому из его сыновей. В экстракте имеются краткие указания на крестьянские повинности; это позволяет отметить также связи вотчинного хозяйства Демидова с его заводами.¹⁰

В деревнях, находившихся в Тульском и Дедиловском уездах, крестьяне «пашут на помещика пашню и бывают при Тульских заводах в работе с заплатою за заводскую работу денег». В Нижегородской вотчине, в с. Фокине, и в Арзамасской вотчине крестьяне «пашут на помещика пашню и вотчинную работу исправляют, да сверх того берутся столовые запасы и с нижегородских на сибирские заводы в работу по 125 чел. в каждый год с заплатою за заводскую работу против вольных заработных денег». Те же повинности отбывают крестьяне обширной вотчины в Царевосанчурском уезде, при этом сверх пашни и столовых запасов они посылают по 320 чел. в год на Невьянский завод, на суда и на нижегородские заводы; то же отмечено в Романовском уезде. В вотчине в Казанском уезде отмечена только барщина — «пашут на помещика пашню и работают вотчинную работу». Оброк значится в ярославской вотчине наряду с барщиной («пашут на помещика и сверх того собирают с них столовые запасы и деньги») и в Елецком уезде («збирается деньгами и хлебом»). Из галицкой вотчины Унженского уезда, крестьяне посылались работать на уральские заводы и, повидимому, не должны были платить оброка или пахать барскую пашню.

Эти данные, недостаточно определенные и лишенные подробностей, все же показывают, что в вотчинах Ак. Демидова имелась барская запашка

⁹ В. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, СПб., 1881, т. I, стр. 154 и 500.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 507—508 об.

и нередко она совмещалась с оброком и сбором столовых запасов. Позднее, во второй половине века, у сына Акинфия, Никиты, мы увидим перевод всех крестьян (кроме подмосковных) на оброк, наряду с которым важнейшее значение имела работа крестьян на заводах и на судах, посылаемых по Каме и Волге с железом. При разделе наследства средний сын Акинфия Григорий Демидов, вычисляя доходность отцовских заводов и вотчин, оценивал оброк в размере 2 руб. с души м. п. Вотчины оказываются тесно связанными с заводами. Крестьяне в деревнях Демидова, расположенных в Тульском и Дедиловском уездах, выполняют заводские работы на ближайшем Тульском заводе, крестьяне других крупных вотчин посылаются на сибирские заводы. При покупке одной из крупнейших демидовских вотчин, с. Фокина в Нижегородском уезде, еще отец Акинфия вывез 300 семейств на уральские заводы. В деле о наследстве приведены точные данные, сколько посылалось из каждой вотчины в 1744 г. на Сулемскую пристань на р. Чусовой для сопровождения караванов с железом, всего было взято 420 чел.,¹¹ но в это число не вошли направлявшиеся на заводскую работу и на выжиг угля. Таким образом, обширные села и деревни служили для Ак. Демидова весьма важным источником снабжения крепостной рабочей силой его заводов, судов и «курений» по выжигу угля.

Чтобы представить более конкретно хотя бы некоторые из вотчин Ак. Демидова, приведу отдельные сведения по материалам генерального межевания в конце XVIII в., когда они принадлежали его внукам. Села Фокино и Сомовка в б. Нижегородском уезде (затем — Васильевском уезде Нижегородской губ.) расположены на правой стороне Волги. В Фокине имеется господский деревянный дом и «сад с прешпектом», две церкви, каменная и деревянная, домовая контора; в с. Сомовке было 3 мучных мельницы по одному поставу. Крестьяне состояли на оброке; земля «серолинистая с песком, хлеба и травы — посредственные, лес дровяной». В этих двух селах по 5-й ревизии (1794—1796 гг.) значатся 349 дворов с 1032 д. м. п. и 4924 дес. пахотной земли, т. е. менее 5 дес. на душу, тогда как в соседних, также демидовских деревнях, обеспеченность землей значительно выше.

При описании соседнего села — Огневский Майдан — в «экономических примечаниях» к генеральному межеванию отмечен запустелый завод на р. Чугунке. Здесь при Акинфии Демидове было три завода, перерабатывавших уральский чугун. Это село расположено на правой стороне Волги, на мелких речках — Белавке, Огневке, Чугунке, Корелке и др. и «при двух больших дорогах: первая — из г. Василя в г. Нижний, вторая — в г. Сергач; здесь имеется мукомольная мельница о двух поставках; урожай хлеба хороший, сеньные покосы хорошие, имеется лес строевой и еловый и дровяной, завод «стоит впусе». Крестьяне состояли на оброке. Это — приволжские большие села, стоящие на большой дороге и, повидимому, мало связанные с земледелием.

Несколько иной характер носили вотчины в б. Унженском (Ветлужском) уезде, с селами Воздвиженским и Никольским и с 22 малонаселенными мелкими деревнями. Здесь крестьяне также состояли на оброке, но имели много пашни: на 168 дворов с 254 д. м. п. было свыше 3 тыс. дес. пахотной земли; главная же ценность этих вотчин заключалась, вероятно, в лесах, — их было 30.3 тыс. дес. Село Воздвиженское расположено на правом берегу р. Ветлуги, с. Никольское — на суходоле, при больших дорогах, идущих из Галича в Вятку и в Великий Устюг. Здесь в конце

¹¹ Там же, л. 512—513.

XVIII в. было 7 мукомольных мельниц; крестьяне также были на оброке; земля обозначена как «иловатая, хлеба и покосы средственные». ¹²

«Опись генеральная» демидовского имущества, составленная в связи с разделом наследства, содержит общие данные о вотчинах Ак. Демидова и сведения о землевладении и числе крестьян; при этом земли и леса, отведенные к заводам по жалованным грамотам, так обширны, что исчислялись не четвертями и десятинами, а сотнями верст (табл. 28). Пахотные земли Ак. Демидова составляли всего 21 790 четв. в одном поле, или в трех полях 66 тыс. четв., т. е. 33 тыс. дес.; кроме того, имелось 8 тыс. четв. пустоши и сенных покосов на 121 тыс. копен, что значительно больше приведенных выше данных Вотчинной коллегии.

Таблица 28

Леса и земли Акинфия Демидова

Угодья	Отведенные к заводам	В городах и уездах	В вотчинах	Итого
К заводам отводной земли и лесов вокруг заводов	271 в. 496 саж.	—	—	271 в. 496 саж.
Купленные и коротко-ленные земли	333 » 20 »	400 саж.	—	333 » 420 »
Пашни четвертные (в поле, а в дву по тому ж) (четв.) . . .	—	—	21 792	21 792
Сенные покосы (копен)	86906	400	34 937	121 343
Пустоши (четв.)	—	—	8 091	8 091
Рощи дубовые	—	—	22	22
Мельничные места . . .	—	—	3	3

Барская запашка в вотчинах Демидова по описи существовала в следующем размере:

Посеяно на помещика

Ржи	1863 $\frac{3}{8}$	четв.
Пшеницы	922 $\frac{1}{8}$	»
Овса	985 $\frac{5}{8}$	»
Ячменя	7	»
Гречихи	47 $\frac{1}{2}$	»
Проса	1	»
Гороху	6 $\frac{5}{8}$	»
Семя конопли	215	»

Если исходить из цифр посеянного, то они составляют для озимых и яровых около 4 тыс. четв., что с учетом пара дало бы в трех полях приблизительно 6 тыс. четв.

В документах о разделе наследства имеется указание на то, что вместо оброка крестьяне в нижегородских вотчинах заготавливали уголь для заводов, там расположенных (Чугунские заводы). В 1757 г., ко времени окончательного раздела наследства, на этих заводах имелось 17 793 коробов угля (т. е. 350 тыс. пуд.), приготовленных крестьянами вместо оброка. Это также указывает на тесную связь вотчинного крепостного хозяйства с заводами.

¹² ЦГАДА, Межевой архив, д. № 26, л. 10 об.; д. № 28, л. 5 об.

По данным описи, оброк в демидовских вотчинах собирался деньгами и натурой. Денежная рента составляла свыше 700 руб.

Помещичьи оброки. Денежные сборы

	(руб. коп.)	
Деньгами		117.10
С мельниц		377.40
С рыбных ловель		59.47 ³ / ₄
С пустошей		142—
С бортовых угодий		7.14

Натуральный оброк выражался, во-первых, в сборах от крестьянских промыслов — овчинами, сукном, хомутами и т. п.:

Натуральный оброк

Овчин бараньих деланных	106 шт.
Сукна сермяжного	281 арш.
Холста	5676 ¹ / ₂ арш.
Поскони белой	13 п. 20 ф.
Щетин свиных	1 пуд

Кроме того, крестьянами доставлялись «столовые запасы» в следующих размерах: масла коровьего — 36 п., свиных мяс — 230 п., птицы (гусей, уток, кур) — 46 шт. и др. Однако остается неизвестным, с какого числа душ шли эти доходы.

В момент описи в хозяйстве Ак. Демидова было весьма значительное количество хлеба в скирдах и в житницах, как на заводах, так и в вотчинах. Заскирдовано было 4015 ³/₈ четв. ржи и 88 ¹/₈ четв. пшеницы, 266 четв. овса, 80 ¹/₂ четв. гречихи, 15 четв. проса. Кроме заскирдованного хлеба, находилось в вотчинах в житницах 15.5 тыс. четв. ржи и 5.8 тыс. четв. пшеницы, свыше 4 тыс. четв. овса и около 600 четв. ячменя, гречихи и пр. Следовательно, общее число находившегося в вотчинах, в житницах и в скирдах хлеба составляло около 30 тыс. четв., или около 270 тыс. пуд. К этому следует прибавить хлеб, находившийся при заводах и в городах, где в житницах имелось около 35 тыс. пуд. ржи, овса, пшеницы, ячменя и круп; часть из этого количества могла быть и покупной. Общее количество хлеба как в вотчинах, так и при заводах достигало в момент описи около 300 тыс. пуд. Следует отметить наличие запасов толокна, конопляного и льняного семени, солода и пр.

Кроме наличного хлеба, было роздано крестьянам займы 945 четв., в том числе ржи — 155 четв., пшеницы — 134 ¹/₂ четв., ячменя — 103 четв., овса — 620 четв. и т. д. Отметим в демидовских вотчинах наличие пчеловодства: имелось 209 ульев, 10 бортей с пчелами и 290 порожних ульев.

Существенным показателем демидовского хозяйства является обеспеченность его рогатым скотом и лошадьми, предназначенными не только для перевозок на заводах, но и для сельскохозяйственных работ в многочисленных вотчинах. На заводах было 509 рабочих лошадей, 26 стоялых жеребцов и 128 жеребят, итого 663 головы; в вотчинах имелось 363 рабочих лошадей и жеребцов, в городах — 4 рабочие лошади; общее число составляло 1030 голов. Крупный рогатый скот состоял из 390 коров и быков при заводах и 357 голов в вотчинах, итого 748 голов; имелось большое количество мелкого скота и птицы. Наряду с этим в описи перечислены птицы и животные, не имевшие хозяйственного значения, а служившие украшением садов Демидова и его дома; там было 15 павлинов и пав, 84 лебедя, 7 журавлей, 39 маралов и даже 2 обезьяны.

В материалах по разделу имеются сведения о числе крестьян и мастеровых людей, позволяющие представить население демидов-

ских деревень и численность заводских крепостных и приписных крестьян.¹³

В «Описи генеральной» приведены следующие итоговые данные о числе душ м. п. у Ак. Демидова в вотчинах и на заводах:

При заводах, мельницах и пристанях

Мастеровых и работных людей:]

Завсдских	1003	д. м. п.
Крепостных	4727	»
По контрактам и паспортам	17	»
Пришлых и не знающих родства	6653	»

Итого . . . 12 400 д. м. п.

Крестьян:

В купленных вотчинах	13 376	д. м. п.
Приписных по указам	6 682	»
Приписных по нынешней ревизии и пришлых	178	»

Итого . . . 20 236 д. м. п.

Всего . . . 32 636 д. м. п.

Мастеровые и работные люди здесь отделены от крестьян. Общее население в деревнях и при заводах Ак. Демидова, включая крепостных, приписных крестьян и пришлых людей, составляет, по этим данным, 32.6 тыс. д. м. п. и, следовательно, с женщинами — около 65 тыс. чел. К этому следует добавить население алтайских заводов:

Мастеровых и работных людей и заводских обывателей:

Заводских	316	д. м. п.
Крепостных	166	»
Пришлых и не знающих родства	254	»

Итого . . . 736 д. м. п.

Крестьян в деревнях около заводов:

Крепостных	7	д. м. п.
Приписных	883	»
Пришлых и не знающих родства	3979	»

Итого . . . 4879 д. м. п.

Всего . . . 5605 д. м. п.

Присоединив это число к предыдущему, получим уже 38.2 тыс. д. м. п., или свыше 76.5 тыс. чел. обоого пола. Среди них были не только крепостные и приписные крестьяне, но в числе пришлых были и свободные, еще не закрепощенные люди.

Наряду с заводами и деревнями у Ак. Демидова имелись дворы и дома в различных городах как при крупнейших его заводах, так и в пунктах по пути отправления караванов судов с железом по Каме, Волге и Оке. Каменные дома были в обеих столицах, в Туле и в наиболее крупных го-

¹³ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 2, л. 308 сл.

родах. В Туле при заводе находились каменные палаты, конюшни, амбары, кладовая и даже стояла часовая башня с 8 колоколами; были также дома и лавки в городе. В Москве, в Садовниках, «вниз от Москворецкого моста, в приходе св. Георгия в Ендове» стоял каменный капитальный дом на погребах и со службами; другой находился «в той же линии близ одного с каменным же строением, купленный у бургомистра Василия Горского», поэтому второй дом назывался «горским»; к нему был прикуплен еще дом, называвшийся «бахинским»; был еще деревянный дом, носивший название мироновского, и, кроме того, на Балчуге стояла каменная палатка для продажи демидовского железа. В Коломенском уезде, у Голутвина монастыря, на берегу Москвы-реки были расположены у пристани деревянные амбары Демидова, в которые складывали железные и медные припасы с караванов, идущих к Москве. Склады стояли на монастырской наемной земле. В Петербурге имелось также два каменных дома: один из них находился на Васильевском острове — большое капитальное каменное здание «о двух апартаментах», со службами; другой — на Фонтанке, также каменный, на погребах, при нем было два малых деревянных дома.¹⁴ Дворы с каменными зданиями были также в Казани, в Нижнем, Ярославле и в Серпухове. Всего имелось 9 дворов с каменными домами, включая Тулу и обе столицы. Кроме того, у Ак. Демидова было 16 дворов с деревянными строениями, именно: в Казани (два деревянных дома), в Ярославле, Твери, Кунгуре, в Нижнем, Чебоксарах, Костроме, в Таре, Тобольске, Тюмени, в Екатеринбурге, при Ягошихинском заводе (Пермь) и в Лаишеве, важном пункте при сплаве железа.¹⁵

Попробуем хотя бы приблизительно представить недвижимое имущество Демидова в суммарной оценке. Вотчины Ак. Демидова были тогда же оценены президентом Берг-коллегии Томиловым по данным тульской конторы в 210 865 руб. по покупным ценам (см. выше). Для заводов и другого имущества таких данных не имеется, но можно воспользоваться другими косвенными сведениями. При разделе наследства средний брат Григорий Демидов представил данные о доходности заводов, но несомненно преуменьшил доходы. По его расчетам в среднем за три года (1750—1752 гг.) заводы давали 491.8 тыс. пуд. железа в год и 6.8 тыс. пуд. меди на сумму около 286.7 тыс. руб. по средним продажным ценам, но прибыль была вычислена Григорием Демидовым заведомо низкой (43 456 руб., или 15.2%). Я воспользуюсь этими данными только для установления доли каждого из трех братьев в доходах всего предприятия. При разделе наследства оно было разделено на три части, причем по ценности и доходности заводов эти части различались между собой и затем уравнивались вотчинами. Заводы Невьянской части по своей доходности составляли 40% в общей сумме; Ревдинская часть, включавшая два железных завода и 4 медных, давала наименьший доход — 15%, Нижнетагильская группа — 41.3% и нижегородские заводы — 3.5% общей суммы.

Далее мы увидим, что по «истинной цене», т. е. по себестоимости, около 1770 г. Невьянская часть, перешедшая к старшему сыну Прокофию, именно ее постройки и оборудование оценены были в 177 тыс. руб. Из этой суммы надо исключить стоимость построек и оборудования нового Верхнейвинского завода (22.5 тыс. руб.), строившегося после смерти Акинфия Демидова. Остальные 5 железных заводов и кожевенный завод, следовательно, были оценены в 155 тыс. руб. У нас нет подобной оценки по второй

¹⁴ Там же, ч. 1, л. 347 («О домах»), л. 383 («Ведение о домах»).

¹⁵ Там же, ч. 2, л. 249, 251.

и третьей частям наследства Акинфия Демидова, как это было сделано демидовскими приказчиками по Невьянской части, но грубо можно оценить их, пользуясь приведенными данными о доходности. Если допустить, что доходность находится в соответствии со стоимостью основного капитала, то легко вычислить общую стоимость всех заводов. Заводы Невьянской части были оценены в 155 тыс. руб.; в соответствии с доходностью можно принять их стоимость также в 40% от общей стоимости всех заводов. Тогда стоимость всех заводов Ак. Демидова (без алтайских) составит 380 тыс. руб. Оценка Невьянской части несколько преуменьшала действительную стоимость заводов, так как к этому времени многие здания сильно обветшали, поэтому следует несколько поднять общую стоимость заводов за счет других двух частей. Таким образом, стоимость всех строений и оборудования заводов Ак. Демидова (без алтайских заводов) составляла около 400 тыс. руб.

Невьянская часть, состоявшая из 6 заводов, была продана в 1768 г. Прокофием Демидовым С. Яковлеву за 800 тыс. руб. Огромную разницу между этими суммами (себестоимость зданий — 177 тыс. руб. и продажная цена — 800 тыс. руб.) следует объяснить тем, что в эту оценку вошла стоимость рабочей силы, лесов, недр с рудами и домов, а также учитывалась доходность производства. Если считать, что продажная стоимость этой части также составляла 40% от продажной цены всех заводов, то получим продажную стоимость всех их в сумме около 2 млн. руб. В ценах конца XIX в. это составит 3.6 млн. руб. по себестоимости зданий и оборудования заводов, или 18 млн. руб. по продажным ценам всего имущества, включая земли крестьян. При всей приблизительности этих подсчетов они все же помогают представить грандиозные масштабы заводского хозяйства Акинфия Демидова. Присоединим сюда стоимость демидовских вотчин (210.8 тыс. руб.). Однако выше отмечалось, что оценка вотчин также преуменьшена, и ее надо поднять вдвое, т. е. с 210.8 тыс. руб. до 400 — 420 тыс. руб. В итоге получим общую стоимость недвижимого имущества, деревень, заводов и многочисленных домов, по продажной цене около 2.5 млн. руб., или — в ценах конца XIX в. около 22 млн. руб.

В момент смерти Ак. Демидова налицо имелись значительные запасы металлов как в сырье, так и в изделиях, запасы хлеба и т. п. Тотчас после его смерти президент Берг-коллегии Томилов зимой 1745/46 г. писал, что из Сибири следует демидовский караван с железом, состоящий из 47 стругов. Часть каравана в этот момент зимовала в Твери. На суда было погружено 323 545 пуд. железа и других припасов, оцененных в 201.3 тыс. руб.¹⁶ Однако в сводной «Описи генеральной» прямые сведения о караване отсутствуют, но показаны запасы металлов среди заводского имущества (чугун) и городского и уездного (главным образом железо); может быть, сюда вошел и металл, находящийся на судах. По «Описи генеральной» на заводах имелось 255 тыс. пуд. чугуна, а среди городского и уездного имущества также на заводах значится 364 тыс. пуд. железа, не считая других изделий. К сожалению, в описи отсутствует денежная оценка этих остатков. Приблизительно их можно оценить по продажной цене в 50 коп. за 1 пуд железа, а чугун (по себестоимости) — в 8 коп., что составит 195 тыс. руб. Так же грубо можно представить стоимость запасов хлеба, составлявших, как было показано, около 300 тыс. пуд., считая для 1745 г. по 1 руб.—1 р. 10 к. за четверть; это составит около 35 тыс. руб. Таким образом, наличные запасы металла и хлеба составляли 230 тыс. руб.

¹⁶ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, № 95, ч. 1, л. 400—400 об.

2. ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО. ИТОГИ

Материалы о наследстве содержат также данные о другого рода движимом имуществе Демидова — о драгоценностях, мебели, утвари и посуде, нарядах и наличных деньгах.

Обстановка в доме Ак. Демидова отличалась богатством и вместе с тем свидетельствовала об известной культурности ее владельца. Так, наряду с иконами были книги, картины, стенные часы, зеркала, даже орган и коллекции минералов. «Опись генеральная» не выделяет отдельные дома и приводит сведения суммарно, отделяя лишь дома при заводах от прочих городских дворов и вотчин. Больше всего утвари приходится на заводские дома, к которым, вероятно, относятся не только дома при Невьянском заводе, но и в Туле. В них было множество икон и крестов, вместе с тем имелись 173 картины, 82 стенных зеркала. В домах Демидова было 30 часов «аглицких стенных с корпусами и столовых», 4 барометра и 76 магнитов, оправленных серебром и медью. Обстановка состояла из множества разных столов и стульев, имелось 25 кресел и «копоей» (т. е. диванов, канапе) и наряду с этим было 22 скамьи. Кроме того, в описи значится 15 «кабинетов», 132 шкафа, 61 кровать с постелями, сундуки, баулы, шкатулки и пр.; ручной орган, ящики с разными рудами и даже «рудная пирамида», очевидно, коллекция образцов руд. Надо отметить наличие русских и немецких книг; всего была 441 книга. При домах владельца имелось 4 кареты «под золотом», 4 «берлина» и «полуберлина», 52 коляски градские и дорожные, а также одноколки, сани и т. п.

Перечисленные в описи платье и уборы позволяют до некоторой степени представить внешний облик богатых людей того времени, носивших бархатные камзолы и поверх них епанчи или шубы, ходивших в чулках и башмаках, в парике, в бархатном картузе или в собольей шапке, с тростью с набалдашником в руке. Но вместе с этим европеизированным нарядом у Демидова были и кафтаны, казакины, тулупы, телогреи, рукавицы и т. п. принадлежности старого русского костюма. В описи у него значится 41 мужской кафтан, в том числе бархатные, шелковые и суконные, 49 камзолов и полукафтанов, 42 пары штанов, 13 казакинов и душегреек штофных, 7 епанчей суконных теплых на меху и холодных, 21 тулуп и шуб штофных, из парчи персидской и пр., шапки и картузы парчевые, бархатные, атласные, собольи, 7 париков, 53 пары рукавиц и перчаток, 51 пара чулок шелковых и валяных, 19 тростей и 5 набалдашников к ним.

Далее перечислен женский гардероб, состоявший из шлафоров, кафтанов и самар парчевых, штофных, шитых серебром, юбок, шуб и кунтышей, шапок собольих; кроме того, имелись платки, косынки, флеры, шитые золотом и серебром, муфты, 30 пар лайковых перчаток, 23 пары башмаков и туфель бухарских.

Много было мехов: 48 соболей и лисиц, 11 собольих и лисьих мехов, 29 беличьих и волчьих, 21 одеяло — холодные и теплые, на лисьем и других мехах, медведки, бобры, барсы, росوماхи и т. д. Перечислен и запас белья, состоявший из рубах мужских голландских и др., портов, женских рубах, 119 простынь и наволок, 103 занавески и т. п. Особенно велик был запас разнообразных тканей, исчислявшихся тысячами аршин сукон, полотен, шелковых и хлопчатобумажных тканей; здесь были: полотна швабского, шленского и бязи—41 кусок, флера—3 куска и 131 арш. из початых кусков, $9\frac{3}{4}$ арш. «каменного» полотна (т. е. из асбеста), 53 скатерти штуками и мерою 30 арш. Весьма значительно количество холста (41 штука скатертных травчатых холстов, в том числе 31—мерою в $996\frac{3}{4}$ арш. и 317 арш. средних расхожих холстов, 832 арш. салфеточных холстов, 106 арш. узкого тонкого полотна и т. п.); кроме

того, было 491¹/₂ арш. сукна, 1019 арш. караеи и т. д.¹⁷ 130 арш. кружев, и т. п.

Имелось большое количество медной посуды — шандалы, котлы, сервизы, жаровни и т. п. весом 1177 п. 21¹/₂ ф.; оловянной посуды — 121 пуд; много было железной посуды. Фарфоровой посуды насчитывалось 296 штук; особо отмечена посуда финифтяная, китайская ореховая и др.

Следует остановиться на денежной наличности и драгоценностях, оставленных Акинфием Демидовым. Деньгами (золотой и серебряной монетой) на заводах и в городах в наличности имелось 36 905 р. В долгах считалось 78 259 р., в том числе 50 тыс. руб. долга «на бывшем регенте», т. е. числилось за Бироном. Значительную сумму составляли драгоценности: «алмазных вещей, крестов бриллиантовых, алмазных и простых — 7, портрет золотой с розами — 1, складень бриллиантовый — 1». В росписи перечислено золото и серебро «в галантереех и медалях, в чашках водошных, ожерельях, лошках, в брусках» и т. д. В донесении императрице указано 26 фун. золотых вещей и 43 п. 20 ф. серебра, а также алмазных вещей и жемчуга на 10 тыс. руб.

Можно попытаться произвести приблизительную оценку этого богатства. В первой половине XVIII в. серебро стоило 790 руб. пуд, а золото ценилось в 15 раз выше.¹⁸ Серебро Демидова, исходя из этого, можно оценить в 34.5 тыс. руб., а золото — в 7500 руб.; к этому следует прибавить стоимость алмазов — 10 тыс. руб., итого 52 тыс. руб. Если присоединить сюда денежную наличность в 36.9 тыс. руб., то общая сумма золота, серебра, драгоценных камней и денег составит около 89 тыс. руб. При переводе на рубли конца XIX в. по хлебным индексам (рубль 1740—1750 гг. = 9 руб.), это составит свыше 800 тыс. руб. без учета стоимости медной и оловянной посуды, мехов, нарядов и т. п.

Среди бумаг Демидовых в Нижнетагильском архиве сохранились сведения о движимости, заключенной в сундуках, доставшихся на долю младшего сына Акинфия — Никиты Демидова. После раздела наследства выделенная ему часть в 19 запечатанных сундуках находилась на Невьянском заводе, откуда сундуки были перевезены в Нижний Тагил. В них заключалась доставшаяся Никите Ак. Демидову треть движимого имущества отца и, кроме того, некоторые вещи, уступленные ему племянниками.

В сундуках была серебряная и вызолоченная посуда, слитки серебра, золотые и серебряные часы, складень, украшенный бриллиантами, статуэтки, книги и такие громоздкие предметы, как винный куб из красной меди, «кабинет» английский из красного дерева с двумя зеркалами, настенные часы с курантами и т. п. Сундуки Ак. Демидова с драгоценностями заставляют вспомнить изображение страсти к накоплению сокровищ в «Скупом рыцаре» Пушкина:

Счастливей день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще не полный)
Горсть золота накопленного всыпать.

.....
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп...

¹⁷ Сверх того упоминается 4 куска канифаса и 86 арш. фаты, 20 кусков парусины, 5 арш. «брани», 4 обоев «берлинских полотен», 21 ковер; шерстяные и полушерстяные ткани, шелковые ткани: 177 арш. парчи золотой и серебряной, 540²/₄ арш. штофов, 53³/₄ арш. бархата, и др.

¹⁸ И. К а у ф м а н. Серебряный рубль в России, СПб., 1910, стр. 154.

Эту движимость в виде драгоценных металлов и украшений можно рассматривать не только как предметы бытового назначения, но и как накопления.¹⁹

Вместе со строительством заводов Демидовы приобретали вотчины и накапливали предметы роскоши, золото, серебро и драгоценности. Общую стоимость этого имущества к 1745—1747 гг. можно приблизительно выразить в следующих цифрах: стоимость вотчин — 210.8 тыс. руб., стоимость заводов (без алтайских) — около 400 тыс. руб., запасы металла — около 195 тыс. руб., запасы хлеба — 35 тыс. руб., денежная наличность — 36.9 тыс. руб.; в долгах находилось — 78.2 тыс. руб., драгоценности были выше оценены в 52 тыс. руб. Всего вместе с долгами это составит около 1 млн. руб. в ценах того времени. Сюда не вошли алтайские заводы, множество дворов и домов, неполностью оценено движимое имущество; наконец, при оценке вотчин, как и заводов, исходили из первоначальной покупной цены. Но если принять предложенные выше поправки относительно стоимости заводов и вотчин по продажным ценам, то эта оценка повысится следующим образом: заводы — 2 млн. руб., вотчины — 400 тыс. руб., запасы металла — 195 тыс. руб., хлеб — 35 тыс. руб., денежная наличность и долги — 115 тыс. руб., драгоценности — 52 тыс. руб., всего около 2.8 млн. руб. В ценах конца XIX в. это составит около 25 млн. руб. В хозяйстве Ак. Демидова перед нами прошел пример концентрации средств производства и накопления в условиях феодально-крепостнического строя.

¹⁹ О собирании сокровищ см. К. Маркс. Капитал. Партиздат, 1937, т. I, гл. III, стр. 125—129; его же. К критике политической экономии, ГИЗ, 1930, стр. 202—205.

Г Л А В А IX

ЗАВОДЫ ДЕМИДОВЫХ И ИХ РАЗМЕЩЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. РАЗДЕЛ ПРЕДПРИЯТИЯ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА

Хозяйство Акинфия Демидова после его смерти было поделено между тремя его сыновьями. В этом дроблении не следует видеть какого-либо упадка хозяйства. Маркс указывает, что концентрация средств производства, всякое накопление, становится средством нового накопления: «... от первоначальных капиталов отрываются отпрыски и начинают функционировать как новые самостоятельные капиталы. Крупную роль играет при этом, между прочим, раздел состояний в семействах капиталистов. Поэтому с накоплением капитала более или менее возрастает и число капиталистов».¹

Завещание Акинфия Демидова было окончательно составлено, подписано им и утверждено властями в 1743 г., за два года до его смерти (род. 1678 г., ум. 1745 г.). Но еще ранее этого срока Демидов составил челобитье на имя императрицы с планом раздела своего имущества между сыновьями. Сохранилось два текста челобитья, являющихся двумя вариантами или проектами раздела, они относятся к 1741 г.² Челобитье начинается с указания на хорошо известный указ 17 марта 1731 г., которым имп. Анна, идя навстречу дворянству, отменила петровский указ о единонаследии с его стеснительными требованиями передачи недвижимого имущества лишь одному из сыновей. Во втором пункте того же челобитья Акинфий старается показать неприменимость этого указа к его заводам. Он кратко перечисляет состав своего имения — то, что досталось ему от отца и заведено было им самим: железные и медные заводы и солеварни с крепостными и приписными крестьянами, вотчины и дома. Нельзя, по его мнению, разделить это имущество поровну, в особенности заводы, так как с них следует ставить военные припасы в казну. Кроме того, по его словам, старший сын Прокофий и средний — Григорий не имеют

¹ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, 1937, т. I, гл. XXIII, стр. 588.

² Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 221—225 и 273—275. Оба варианта челобитья не имеют даты, они находятся среди документов 1741 г.: первое челобитье — между документами от 18 февраля и 23 апреля 1741 г., второй вариант — перед указом 22 июля того же года. Дата подачи челобитья имеется в деле о наследовании, в связи с составлением окончательного завещания: «В прошлом 1741-м году в октябре месяце подано от меня, нижайшего, в бывший кабинет прошение о разделе детям моим движимого и недвижимого моего имения». — ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 294.

охоты к «размножению и содержанию заводов», несмотря на его увещания; они «и поныне в правление оных заводов не вступают». Зато третий сын, Никита, вместе с ним участвует в руководстве заводами и состоит «у отправления» железа и военных припасов в Адмиралтейство в Петербург. Ак. Демидов близко подходит к смыслу петровского указа о единонаследии, и все заводы передает в одни руки, младшему сыну. Старшему сыну Прокофию он оставляет в наследство вотчину в Царевосанчурском уезде, к нему же переходит каменный дом в Москве, сверх того он награждает его 30 тыс. руб. и серебряной посудой в 2 пуда весом, не считая драгоценностей и нарядов. Второму сыну, Григорию, оставлены солеварные промыслы в Соликамске, купленные Демидовым у гостя Филатьева, вотчины в Галицком и Малоярославецком уездах, дворы в Ярославле и Казани и также деньги и серебряная посуда.

К третьему сыну, Никите, должно перейти все, что остается после выдела двум старшим сыновьям, именно младший сын получает часть, состоящую из «медных и железных в Сибирской, в Казанской, в Нижегородской губерниях и Томском уезде и в Тульской провинции заводов и прочих фабрик, також вотчин и дворов и движимого имения». Из этого имущества младший сын должен выделить указную часть матери и незамужней сестре. Последний, четвертый пункт челобитья содержит указание, что уплата всех долгов, как и получение должных ему за поставки денег, предоставлены также младшему сыну. В заключение Акинфий Демидов обращается к императрице с просьбой о «милостивейшей апробации» этого раздела. Другой вариант челобитья имеет некоторые отличия. К вотчинам, отходящим к Прокофию, прибавлено еще одно село, денежная награда повышена до 50 тыс. руб. и прибавлено серебряной посуды. Второму сыну, Григорию, сверх солеварен и доходов, назначенных прежде, добавлено еще деньгами 20 тыс. руб. и посудой. Младший сын Никита и по новому варианту должен получить все заводы, остальные вотчины и движимое имущество за вычетом назначенного старшим братьям.

Челобитье Демидова было подано в Кабинет императрицы в октябре 1741 г., отсюда оно было перенесено в Сенат, где и пролежало без какой-либо резолюции полтора года. Завещание, повидимому, и было вызвано тем, что Демидов не добился утверждения своего прошения ни от Кабинета, ни от Сената.³ В 1743 г. им было составлено формальное завещание.⁴ По содержанию оно повторяет второй вариант челобитья относительно наследования двух старших сыновей, но вносит некоторые изменения в часть младшего сына. Демидов снова указывает на невозможность разделить заводы поровну, как этого требовал указ 1731 г. Необходимость поставок в казну приводит к тому, что «те заводы всегда должно содержать в прилежном смотреии». В этих целях он признает за лучшее, чтобы каждый из сыновей «особо определенное ему полною своею властью содержал, яко один хозяин». Основная, важнейшая часть наследства, состоящая из заводов, а также вотчин и домов, попрежнему назначена младшему сыну Никите.

Из этого наследства должна быть выделена часть матери и сестре. Эта доля установлена теперь более точно. Дочь Евфимия, названная в проекте раздела девицей, теперь уже состоит замужем за Ив. Мих. Сердюковым, сыном известного купца-калмыка, строившего Вышневолоцкий канал (этот купец был таким же «новым человеком», разбо-

³ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 294—295.

⁴ Там же, ч. 2, л. 302; в копии также ч. 1, л. 296.

гатевающим при Петре, как и комиссар Никита Демидов).⁵ Младший брат должен выделить сестре дополнительное приданое в 10 тыс. руб., а к матери, в случае ее желанья, переходят два завода и три крупные вотчины с крестьянами. Этим новым распоряжением доля младшего сына значительно сокращается. Вместе с тем часть старших братьев повышена в отношении денег и вотчин по сравнению с первым проектом. Акинфий Демидов завещал сохранить наследство в своем роду: «сторонним никому не продавать, а продавать другим своим братьям». Он завещает старшим сыновьям не бить челом на Никиту, не судиться и просит императрицу не принимать от сыновей прошений по разделу.

Завещание было совершено в Туле. Акинфий Демидов собственноручно скрепил его по листам своей подписью 24 марта 1743 г. Вместе с ним подписались 22 свидетеля. Этот обширный список свидетелей начинается подписью духовника завещателя, тульского попа, за ним подписались люди в чинах, военные и статские, вероятно, занимавшие посты в местной администрации, а также представители горного начальства.⁶ Это свидетельствует о видном положении Акинфия Демидова в тульском обществе, в его дворянской и служебной верхушке. За ними следуют 9 свидетелей из той среды, из которой вышли Демидовы и с которой, повидимому, не порывали связей. Под завещанием подписались: «железного дела промышленник» Т. Мосолов, тульские казенные кузнецы П. Плохой с братом, тульский купец И. Переславцев, «железного заводу содержатели» двое Мосоловых, Красильников и Данилов, оружейный мастер М. Леоных. Этот круг свидетелей показывает, что, став дворянином и действительным статским советником, Ак. Демидов остался тесно связанным с тульскими богатыми заводчиками, одновременно приобретя опору в видном чиновном и военно-служилом мире, среди местной тульской администрации.

Завещание было направлено в Юстиц-коллегию, которая в свою очередь послала в тульскую провинциальную канцелярию требование проверить правильность завещания. Затем состоялось постановление Юстиц-коллегии об утверждении завещания.⁷ Все необходимые условия, которые придавали завещанию законную силу, были выполнены. Оно задолго обдумывалось, его текст тщательно подготавливался; составление и оформление духовной было обставлено всеми надлежащими формальностями, она была утверждена высшим учреждением, наблюдавшим за законностью. Несмотря на это, ни одно требование завещателя не было осуществлено.

Акинфий Демидов умер 18 августа 1745 г. в дороге, направляясь на сибирские заводы,⁸ на р. Каме в с. Ицкое Устье.

Возражения против завещания возникли, повидимому, тотчас же вслед за смертью Акинфия. Через два месяца после его смерти последовал указ

⁵ О Сердюкове-отце см. «Русский биографический словарь» (Сабанеев-Смыслов), стр. 366. Сын его Иван Михайлович управлял после смерти отца Вышневолоцким каналом.

⁶ Это были действ. ст. сов. С. Т. Греков, ланд-милиции Севского драгунского полка пример-майор М. Мелентьев, Елецкого полка капитан И. М. Исаков, колл. сов. И. М. Колюпанов, бригадир А. В. Беер, начальник Тульского оружейного двора С. Ф. Секерин, тульский секретарь Ив. Кричевцев, берг-гешворен С. П. Бартев, гитенфервальтер И. Д. Улих, капитан кн. В. С. Мещерский, подпоручик М. В. Щепелев.

⁷ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 2, л. 302—304, копия — на л. 271—280, допросы тульской прав. канцелярии и утверждение Юстиц-коллегии — на л. 284—295. «Дело, производимое по имянному е. и. в. указу о разделе братьев Демидовых» относится к 1757 г., но содержит отдельные документы раньше и позже этой даты. Завещание напечатано без подписей в приложении к кн.: Г. С п а с с к и й. Жизнеописание Ак. Н. Демидова, изд. 2-е, СПб., 1871.

⁸ У Головщикова (цит. соч., стр. 86) дата его смерти не вполне точна (5 августа).

имп. Елизаветы от 30 сентября 1745 г., в котором сказано, что имения его «все суть государственная польза», и для того, чтобы избежать ссор и тяжб между наследниками, императрица намерена «о том их разделе собствен-но своею персоною всемилоостевейше рассмотреть».⁹

Вокруг раздела шла борьба и плелись интриги, связанные со слухами о приверженности Демидовых к расколу; не обошлось без попыток лишить младшего из сыновей Ак. Демидова и его вдову наследства. Демидовы должны были представить подробные сведения, когда и у кого они бывали на исповеди. Дело кончилось для них благополучно, но младший брат с матерью получили предупреждение, что будут лишены своей части имущества, если подтвердится в будущем их причастность к расколу.

Тогда же средним братом Григорием были расписаны все заводы и вотчины на три равные части, что и было принято всеми наследниками 30 апреля 1748 г. Это разделение имущества было утверждено императрицей, предписавшей в особом указе Сенату поделить поровну не только заводы, но и деревни и движимое имущество и крестьян. «Однако в разсуждении того, что заводы государственная польза суть, вдове содержания яко женской персоны неприличны». Предписано было выделить ей указную часть из недвижимого, из деревень и дворов, за исключением заводов и приписных деревень. В указе подчеркнуто, что отмена завещания Акинфия диктуется государственными интересами, чтобы «и нашему интересу вреда и ущерба не приключили».¹⁰ Эта мотивировка указа вместе с самим фактом отмены завещания свидетельствует, что правительство не признавало за заводчиком полного и неприкосновенного права собственности. В Кабинете были тщательно собраны все статьи Уложения 1649 г. о наследовании вотчин, в особенности об указной части жене (гл. XVI Уложения, ст. 13, 30, 31, 32, 34; гл. XVII, ст. 1, 2, 4, 6, 7); были приведены указ Анны 1731 г., пункты из берг-привилегии (п. 16) и регламента Мануфактур-коллегии (п. 17), где сказано, что заводы не будут отняты у заводчиков и их наследников и что они имеют право покупать деревни к заводам.¹¹ Власти, очевидно, находились в затруднении и подыскивали нормы для определения прав наследования на новый вид недвижимости — заводы. Уложение и большая часть других указов предусматривали наследование лишь поместий и вотчин. Права наследования на заводы не были еще точно установлены, и правительство старалось применить к ним старые феодальные нормы. Однако раздела на этот раз еще не последовало, и осенью 1748 г. было установлено временно общее управление всеми предприятиями Демидова. Братья должны были «иметь общую контору и приходы и расходы равно производить и все, что до той конторы касаться будет, чинить по общим же письменным определениям».¹²

В 1753 г. было составлено Григорием новое расписание заводов, по которому было подтверждено, что деление на равные части должно происходить так, чтобы каждая часть в производственном отношении составила нечто цельное. После ряда переделок и споров между братьями был составлен новый план распределения вотчин и приписных деревень, в котором проведено равенство трех частей. Раздел наследства происходил в октябре 1757 г. на основе именного указа с поручением Ал. Бор. Бутурлину произвести справедливый раздел между братьями Демидовыми. «Престарелый большой барин», как назвал его в своих записках Андрей

⁹ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 2, л. 364.

¹⁰ Там же, л. 315—316 об. Копия указа Сенату—без даты, но указ, несомненно, был издан после 30 апреля 1748 г., так как упоминает о состоявшемся тогда полюбовном согласии Демидовых.

¹¹ Там же, л. 321—324.

¹² Там же, л. 502.

Болотов, А. Б. Бутурлин состоял в это время фельдмаршалом и сенатором, впоследствии он был назначен главнокомандующим русской армией в Семилетней войне, но проявил медлительность и неспособность.¹³ Он провел три заседания с братьями Демидовыми, и 1 декабря они получили «раздельные грамоты». Об окончании долголетних споров по наследству было доложено Бутурлиным императрице. Несмотря на это, исполнение всеми принятого решения встретило затруднения и затянулось еще на годы. В августе 1759 г., т. е. почти два года спустя, Григорий и Никита жаловались на старшего брата Прокофия, обвиняя его в «ябеднических поступках» и «разорительных притеснениях», мешающих совершению раздела. В мае 1762 г. младший брат снова жаловался на Прокофия. Из этого челобитья узнаем, что братья вступили каждый в свои «особые владения» 1 мая 1758 г. Но с того времени в течение четырех лет они не могут разрешить свои споры вследствие препятствий со стороны старшего брата.¹⁴

Вернемся к тому, как поделены были заводы и вотчины Акинфия Демидова между его сыновьями. Окончательное распределение заводов и деревень было следующим.

В Невьянскую часть, отошедшую к старшему брату Прокофию, вошли 5 уральских железных заводов, 1 кожевенный, пристань на Урале и 3 железных завода на Волге (табл. 29).

Таблица 29

Невьянская часть Прокофия Демидова

Заводы и деревни	Число душ		
	припис-ных	крепост-ных	вместе
Невьянский завод и при нем деревни: Кунара, Осиповка, Тавалги и др.	2413	1049	3462
Бынгровский завод с дер. Тавалги и с кожевенным заводом	470	293	763
Шуралинский завод с дер. Федьковкой и Рассошной	414	27	441
Верхнетагильский завод с дер. Ломовским рудником, Черношимской и Шишимской . . .	429	436	865
Шайтанский завод с дер. при Сулемской пристани	226	7	233
Верхнечугунский завод в Нижегородском уезде	}	368	368
Нижнечугунский завод » »			
Корельский завод » »			
Курьянская пристань (без людей)	—	—	—
Итого	3652	2206	5858
Из этого числа переведены в Ревдинскую и Нижнетагильскую части	42	135	177
Остается при заводах	3610	2071	5681
Присоединены приписные Краснопольской слободы, дер. Растрепениной и др.	49	—	49
Всего заводских и в деревнях . . .	3659	2071	5730

¹³ С. Соловьев. История России, изд. «Общ. польза», кн. V, стр. 1208.

¹⁴ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 20, л. 208—215.

В вотчинах, перешедших к Прокофию Демидову вместе с заводами Невьянской части, находилось крестьян 3845 д. м. п. Всего, таким образом, приписных и крепостных было 9575 д. м. п.¹⁵ К Прокофию Демидову отошло также 79 приказчиков и служителей. В эту же часть переходили 6 домов: в Москве — каменный дом со службами и деревянные дома в Казани, Чебоксарах, Ярославле, Кунгуре и Тюмени.

Вторая часть наследства, Ревдинская, была отдана среднему брату Григорию; она состояла из 3 железных заводов на Урале, медных заводов, Тульского железного завода, соляных промыслов, кожевенного завода и пристани (см. табл. 30).

Таблица 30

Ревдинская часть Григория Демидова

Заводы и деревни	Число душ		
	приписных	крепостных	вместе
Ревдинский завод	81	837	918
Уткинский завод с дер. Волынской, с Курьинской пристанью и с Бисертской мельницей	533	233	766
Рождественский завод с дер. Пристаничной в Казанском уезде	17	279	296
Тульский завод	72	52	124
Суксунский в Кунгурском уезде	131	363	494
Бымовский » »	113	314	427
Ашапский » »	35	117	152
Шаквинский » »	16	166	182
Тисовский кожевенный завод	26	46	72
У Соли Камской «запустелый соляной промысел, купленный у гостя Филатова, и с угоды»	—	—	—
Итого	1024	2407	3431
Из этого числа переведены в 3-ю, Нижнетагильскую часть	4	13	17
За этой «выбылью» остается при заводах и деревнях	1020	2394	3414
Прибыло из Невьянской части приказчиков, служителей и разных мастеровых	37	53	95
Приписные Алтской и Краснополюской слобод	2612 [1]	—	2612
Всего заводских и в деревнях	3669	2452	6121

[1] Сюда вошли не все приписные крестьяне этих двух слобод, но часть отошла к Невьянскому и Нижнетагильскому заводам.

К той же Ревдинской части к Григорию Демидову отошли вотчины с крепостными крестьянами 3464 д. м. п. Общее число приписных и крепостных крестьян, отошедших к Григорию в Ревдинскую часть, было сле-

¹⁵ Вотчины Прокофия Демидова находились в Нижегородском уезде (с. Отары и др.— 1296 д. м. п.), в Царевосанчурском (500 д. м. п.), в Унженском (644 д. м. п.), в Ярославском (153 д. м. п.), в Казанском и Симбирском уездах.

дующим: крепостных в вотчинах — 3464 д. м. п., на заводах — 2452, итого — 5916; приписных — 3669, всего 9585 д. м. п.¹⁶ К ним следует прибавить не положенных в раздел переведенных его отцом к соликамским промыслам 214 душ; к нему перешло также 80 приказчиков и служителей. Григорий получил 10 дворов: каменный двор на погребах и со службами — в Москве, в Садовниках; в Москве же, на Балчуге, — палатку; двор с каменными палатами в Серпухове с ветхим при нем деревянным домом; каменный дом в Петербурге, на Фонтанке, и по деревянному двору в Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем, Казани, Кунгуре и при Ягошихинском заводе (Пермь).

Третья, Нижнетагильская часть, доставшаяся младшему сыну Никите, состояла из 5 уральских заводов, или, если считать Лайский завод за два, как это часто делалось, то из 6 заводов и пристани.

Таблица 31

Нижнетагильская часть Никиты Демидова

Заводы и деревни	Число душ		
	приписных	крепостных	вместе
Нижнетагильский завод с дер. Плешково . . .	1356	142	1498
Черноисточинский завод	406	64	470
Выйский завод с дер. Богульской	557	82	639
Висимо-Шайтанский завод с дер. Большой и Малой Галашками	231	20	251
Лайские заводы	57	97	154
Сулемская пристань (без людей)	—	—	—
Итого при заводах с деревнями . . .	2607	405	3012
Из этого числа выбыли купленные Григорием Демидовым [1]	15	—	15
Итого	2592	405	2997
Прибыло из Невьянской и Ревдинской частей приказчиков и мастеровых, а также из неположенных в оклад башкир, канониров и солдат	22	90	112
Приписные с. Покровского и др.	1050	—	1050
Всего при заводах и деревнях . . .	3664	495	4159

[1] Эти купленные крепостные поставлены в число приписных, что лишний раз свидетельствует о частом их смешении.

Младшему из братьев, Никите Демидову, были переданы вотчины с 5441 д. м. п. В этой третьей, Невьянской, части число крестьян со-

¹⁶ Вотчины Григория Демидова находились в Нижегородском уезде (с. Варганы и др. — 1561 д. м. п.), в Царевосанчурском уезде (с. Богородское — 502 д. м. п.), в Арзамасском у. (с. Саканы и др. — 537 д. м. п.), в Романовском, Тульском и Елецком уездах (889 д. м. п.).

ставляло: приписных — 3664 д. м. п., крепостных на заводах — 495, крепостных в вотчинах — 5441 д. м. п., итого приписных и крепостных — 9600 д. м. п.¹⁷ Он приобрел 8 домов, в том числе каменный дом в Петербурге, на Васильевском острове, деревянные дома в Твери, Ярославле, Нижнем, Казани, Тобольске, в Таре и Екатеринбурге. Мастера и приказчики из приписных крестьян передвигались владельцами из одной доли в другую наравне с крепостными, что указывает на далеко зашедший процесс закрепощения заводских рабочих, приводивший к частичному смешению обеих групп крестьян.¹⁸

Предприятие Акинфия Демидова ко времени раздела уже сократилось в своих размерах за счет отпадения перешедших в казну алтайских заводов; Тульский завод перестал действовать в 1755 г., соляные промыслы в Соликамске запустили. Теперь предприятие разделилось на три части, и дальнейшая судьба каждой из них оказалась впоследствии различной. Но даже те из демидовских заводов, что были проданы в чужие руки, продолжали работать попрежнему, обрастали новостройками и дали начало новым предприятиям. Несмотря на дробление, отдельные части прежнего огромного целого превратились в новые крупные предприятия.

2. ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН В РОМОДАНОВСКОЙ ВОЛОСТИ

В наследство Акинфия Демидова, вокруг которого шли страстные споры, входили уральские и нижегородские заводы, а также старый Тульский завод. Ряд заводов в центре страны находился в руках членов другой ветви демидовской семьи. Система эксплуатации крестьян на этих заводах и тесная связь крестьянства демидовских вотчин, находившихся в центре страны, с уральскими заводами прослеживаются по материалам о восстании крестьян Н. Н. Демидова в Калужском уезде.

К наиболее крупным крестьянским восстаниям XVIII в. относится восстание демидовских крестьян в 1752 г. в Ромодановской волости Калужского уезда. Причинами восстания явились эксплуатация крестьян на заводской работе, лишение земли в связи с переводом с оброка на барщину и исключительная жестокость владельцев. Изданные материалы об этих событиях дают возможность отчетливо представить методы насилия и крепостного гнета, при помощи которых и строилась крупная промышленность в XVIII в.

Ромодановская волость, расположенная под Калугой, на противоположной стороне Оки, состояла из 28 сел и деревень с населением 2268 ревизских д. м. п. В XVII в. она входила в состав дворцовых земель, в 1678 г. была пожалована Г. Ромодановскому, в начале XVIII в. принадлежала знаменитому «князю-кесарю» Ф. Ю. Ромодановскому, от которого перешла к графу М. Головкину и была куплена у него в 1739 г. Н. Н. Демидовым за 33 тыс. рублей.¹⁹ Ему же принадлежали Вы-

¹⁷ Вотчины Никиты Демидова находились в Нижегородском уезде (с. Фокино и др. — 1899 д. м. п.), в Царевосанчурском у. (1982 д. м. п.), в Ярославском, Арзамасском и Унженском уездах.

¹⁸ Сверх того, «не в зачет», по разделу к Никите переходило купленное для него еще отцом в Арзамасском уезде с. Трехсвятское с тремя деревнями и 232 д. м. п. Так же как и другие братья, он получил 79 приказчиков и служителей. Краткие сведения о разделе имения между тремя сыновьями помещены в кн. Г. С п а с к и й. Жизнеописание Ак. Н. Демидова, стр. 100—106.

¹⁹ Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. Изд. Академии Наук СССР. 1937 г., стр. 148, 152, 308.

ровский и Брынский железодельные и Дугненский чугунолитейный заводы, а также три завода на Урале.

Ромодановские крестьяне в своих челобитных на имя императрицы нарисовали выразительную картину полного разорения, вследствие эксплуатации их на заводской работе и на барской запашке. Приобретя Ромодановскую волость, Демидов занял крестьян, мужчин и женщин, на строительстве Выровского завода, «лето и зиму без упокою на работе мучил», и дети без присмотра матерей болели и умирали. В особенности крестьяне жаловались на насильственную отправку на заводы. По их словам, на уральские заводы было отправлено, «лишась своих домов», более 900 душ м. п., остальные «от великого до малого» работали на ближайших к с. Ромоданову заводах и на рудокопных работах, не получая «пропитания», и, «ежели не поблизости тех заводов состояли селы и деревни, то б все мы, крестьяне с женами и з детьми от той его тяжелой работы могли получить голодную смерть». Вместо оброка, вносившегося крестьянами прежним владельцам, Н. Н. Демидов завел барскую пашню. «А землю и луга с тех крестьян, удобные места, отобрал на себе и заставил пахать оставших в домах стариков, а у кого нет, бабы и девки на него пахут». Они заявляли, что владелец «сеял оною землю нашим крестьянским хлебом, несколько сот четвертей безденежно насильством». Они должны платить за отправленных на заводы крестьян подушную подать в сумме 1½ тысяч рублей. Идеализируя старину, крестьяне уверяли, что при прежних владельцах они имели по 10 лошадей и жили «во благополучии», а теперь их спасает лишь близость города Калуги, где они «от народного подаяния пропитание имеют», т. е. нищенствуют. Они жаловались, что работают, не имея праздничных дней.²⁰

Для того чтобы согнать значительную часть крестьян с земли и выслать их на заводы, владельцы применяли бесчеловечные меры. Не допуская подачи жалоб, Демидов отправил несколько человек на Дугненский завод «в поддомну, на руки и на ноги понобив тяжкие железы», одного крестьянина «заклав к плотине... уморил до смерти», другого «положа на железе, жег немилостиво при Брынском заводе». После первой попытки восстания, еще в 1741 г., до 200 чел. были посажены в тюрьмы и биты кнутом, а 2 крестьянина были повешены. Крестьяне жаловались, что, установив различные работы для всех «до сущего младенца», Демидов «многих крестьян бил и мучил» и «производил жестокое и мучительные пытки, подымая на стряски, вкладывая в ноги великие и притежелые бревна, а [в] петли ж руки и ноги». В результате «нестерпимого мучения и тяжких работ» более чем у 50 женщин были выкидыши. Крестьяне обвиняли Демидова в том, что он «запытал до смерти» 20 человек, кроме того, «от страха» покончило с собой, «удавилось и безвестно пропало» 12 человек. От мороза «без одежд, и от прегорькой работы и з голоду замерзло и померло» свыше 200 человек.

С течением времени «мучительство» на заводских работах усиливалось. «За малое какое в деле неизсправление от крайней нашей такой муки и слабости, бьет немилосердно кнутом и по тем ранам солит солью и кладет на разженое железа спинами и сажает между домен в зделанную там им, Демидовым, тюрьму, которое выкопана в земли и выкладена камнем в вышину болея 6-ти сажен, и, накладывая на руки и на ноги, також и на шею 8-ми пудов цепь, и так в той преисподней морит безвинно». Вопрос о бесчеловечной жестокости владельца при расследовании был властями замят, отмечалось, что крестьяне смешивали в своих челобитных правительственные меры при подавлении восстания, как казнь двоих крестьян

²⁰ Материалы по истории волнений, стр. 149—152, 197, 219—222, 291—292.

через повешение, с действиями самого заводчика и власти, указывали с его слов, что на его заводах рабочими получалась достаточная плата, как и на других мануфактурах.²¹ Но и сам владелец не отрицал переселения крестьян на уральские заводы, лишь уменьшая названную в челобитьях цифру с 900 д. м. п. до 700. Во всем этом ярко отразился процесс первоначального накопления, уже протекавший в недрах феодально-крепостного строя, с характерными явлениями частичного отрыва крестьян от земледелия, с широким применением женского и детского труда, с бесчеловечными мучениями, которыми загоняли зажиточных до того времени крестьян на заводскую каторгу.

Еще в 1741 г. ромодановские крестьяне проявили «непослушание» и «противности». Для усмирения их была послана воинская команда из 25 солдат во главе с поручиком. Но крестьяне вступили с ними в бой, «били смертно и у солдат ружье отбили». Тогда была послана новая «довольная» команда, сопротивление крестьян было подавлено, 2 крестьянина были повешены, 3 человека биты кнутом и сосланы в Сибирь на казенные заводы, множество крестьян наказано кнутом и плетью.²² Теперь, 11 лет спустя, события повторились, но в более грандиозных размерах. Толчком к восстанию 1752 г. послужила попытка Демидова увеличить перевод крестьян на заводскую работу. Весной 1752 г. в Ромоданово пришли один за другим два приказа итти всем на работу на Дугненский завод. Но крестьяне решительно отказались выполнить распоряжение владельца.

Староста Алексей Бурлаков сообщил нескольким крестьянам 1 апреля 1752 г., что «велено всех той волости крестьян выслать на Дугненской помещика их завод». В этот день в небольшой группе крестьян обсуждалась первая мысль «о непослушании и противности и возмущении», как сказано в следственных материалах. Круг привлеченных к обсуждению лиц вслед за тем расширился, и староста разослал по всем деревням «нарочных крестьян» с призывом собраться в село Ромоданово. На сходе староста объявил распоряжение Демидова выслать всех крестьян на завод, после этого было решено, что «они помещика своего, Демидова, слушать не будут и на работу не поедут», а будут просить об «отобрании» их в казну, чтобы им снова «быть дворцовыми». Предвидя, что это повлечет за собой посылку против них воинской силы, они постановили «тем командам не даватца и в том себя утвердить присягою». Была создана руководящая группа из 6—7 выборных крестьян вместе со старостой. Спустя несколько дней в церкви после обедни была проведена присяга, крестьяне целовали крест, «чтоб помещика их не слушать» и «друг за друга стоять». За год до этих событий крестьянам соседней Оболенской волости, также купленной Демидовым у кн. Репнина, удалось избавиться от перехода к заводчику, и они были переведены в состав дворцовых крестьян.²³ К ним отправились руководители ромодановских крестьян для совета и обсуждения вопроса о подаче челобитья императрице в Петербурге. Готовясь к неизбежному столкновению с войсками, ромодановские крестьяне проходили своеобразное военное обучение под руководством отставного солдата, учившего, как «им стоять против команд з дубинами шеренгами и наперед велел противиться бросанием каменьями, а потом дубинами и протчим дрекольем».

Полторы недели после начала событий, 10 апреля Н. Н. Демидов заявил в Калуге воеводе, что его Выровский завод остановлен и рабочие вышли из подчинения и что с других его заводов, Брынского и Дугненского, разбежались работавшие на них ромодановские крестьяне и при-

²¹ Там же, стр. 309.

²² Там же, стр. 156.

²³ С. Соловьев. История России, кн. V, стр. 686. Изд. «Обществ. Польза».

соединились к восставшим. Он высказал опасение, что они перешлют известие об этом своим землякам на его уральские заводы, и там также произойдет остановка заводов. Калужский воевода послал в Ромоданово чиновника, но его встретили 50 человек «с дубьем и с рогатины» и заявили, что «они помещику их в послушании быть не желают», и заставили его повернуть обратно. В Калугу прибыл для усмирения крестьян Рижский полк, и 15 мая команда с офицером сделала попытку переправиться через Оку и войти в мятежное село. Но как только солдаты высадились на берег, из села Ромоданова выбежали до 500 крестьян «с превеликой рогатиной» и заставили команду повернуть обратно.

Решительные события произошли 22 мая, когда 6 рот пеших и конных драгун переправились через Оку. В этот момент в с. Ромоданове ударили в набат и собралось свыше 1¹/₂ тысяч крестьян, «имея в руках всякое холодное оружие, яко жердье, колья, дубье, цепи, копыя и насаженные на деревья косы, а некоторые и ружье имели, и великие кучи камней накладено было». Не доходя до этого «мужицкого собрания», войска остановились, и был выслан офицер для увещания восставших. Но крестьяне его не слушали и требовали возвращения отряда за Оку. Тогда солдатам было приказано зарядить ружья «пыжами без пуль», и снова был послан офицер для переговоров. Но крестьяне, перекрестившись на церковь, взяли за свое самодельное оружие и, положив камни за пазуху, тронулись против войска, несмотря на ружейную стрельбу. Натиск восставших был так силен, что солдаты пришли в «великую конфузию», крестьяне разобрали многих драгун «по рукам», и в плен был захвачен командовавший отрядом полковник Олиц. Остальная часть команды бежала и переправилась обратно через реку. Тяжело ранены были 7 офицеров и 25 рядовых, в том числе подполковник, легко раненных было 188 рядовых и 9 офицеров. Крестьяне отбили у них 210 ружей, 10 пар пистолетов и 180 шпаг. Потери повстанцев составили 59 убитых и 49 раненых. Только две недели спустя, 4 июня, был отпущен крестьянами полковник Олиц. Его держали сперва в заводской тюрьме, затем посадили под караул в «хоромы» Демидова. Переписка воинских властей с Сенатом и сенатской московской конторой об этих событиях носит помету «секретно» или «секретном деле».

Воинские силы, направленные для усмирения, были увеличены, вдобавок к Рижскому полку подошел Киевский полк, и было приказано двинуть из Кашина к Калуге еще два полка. С прибытием Киевского полка был созван «воинский консилиум» из штаб-офицеров, на котором было признано, что наличных сил (1362 чел.) недостаточно для подавления восстания, и решено было ограничиться форпостами по обоим берегам Оки и расположить войска лагерем у с. Ромоданова, не приступая, однако, к атаке восставшего села. Однако на следующий день было получено предписание, излагающее «изустное» повеление Императрицы подавить восстание силой, жечь жилища крестьян, «палить по ним ис пушек и всею командою бить и разбирать по рукам всех без остатку».

11-го июня войска подошли к перевозу через Оку, но повстанцы на другой стороне реки, около 200 чел., стали с топорами на берегу, а в селе Ромоданове били в колокола и составилось «многолюдное собрание». Восставшие кричали: «Мы ее имп. величеству не противимся, да смерть себе от Демидова видим, а к нему, Демидову, в руки не идем». Когда паромы с солдатами отчалили от берега, то повстанцы обрубили канат. Одна рота, пользуясь шестами, достигла другого берега, но второй паром с солдатами снесло на мель. Войска стреляли по восставшим, но крестьяне под выстрелами продолжали стоять на берегу и командовавший бригадир не решился приступить к высадке солдат и ограничился отправкой в вос-

ставшее село капитана для увещания. Но крестьяне заявили ему, что «мы де все присягою себя утвердили, от усмирителей хотя всем помереть, а за Демидовым не быть».

19 июня два полка снова переправились через Оку. Были зажжены ближайšie к селу Ромоданову деревни, и войскам было приказано приступить к атаке. Тогда крестьяне, «видев свою гибель, ис того села вышли». Восстание было подавлено, более 200 чел. было схвачено, в том числе староста Алексей Бурлаков. Они показали на допросах, что в этот день собралось до 700 чел. восставших, но, когда войска переправились через Оку, то большинство разбежалось по деревням и лесам. Поиски бежавших, допросы и пытки продолжались в течение трех последующих месяцев. Всего было арестовано 674 чел., из них 8 человек были приговорены к смертной казни, которую Сенат заменил им ссылкой на Урал, где они должны были работать в кандалах на демидовских заводах, остальные были нещадно наказаны кнутом и плетью.

Вскоре демидовские крестьяне попытались возобновить восстание. На рудокопных работах было занято 300 человек, и в декабре 1752 г. Иван Зимин и еще несколько крестьян стали вновь убеждать, чтобы они «помещику их были паки противны и с тех рудокопных заводов с работы шли в Москву для прозбы, что им та работа тяшка». Крестьяне бросили работу, затем до 200 чел. возвратились, но, как доносил Н. Демидов в Сенат, были отобраны по человеку ото всех деревень, и затем 50 чел. и «пошли в свои Ромодановские деревни, видно де, что оные соглашаются в прежней свой бунт». Однако восстание было подавлено в самом зародыше, и трое рудокопов, признанных наиболее виновными, были наказаны кнутом и сосланы на заводскую работу на Урал.

Царистский характер крестьянского восстания отчетливо выявился в отправке ходоков в Петербург с челобитной. Трое из них были арестованы в столице, и найденная у них челобитная с перечислением «мучительств», причиненных крестьянам Демидовым, дошла, таким образом, до властей. Двое из них добрались до Царского села и, повидимому, сумели довести челобитную до сведения императрицы Елизаветы. В собрании Сената 23 июля 1752 г. А. Б. Бутурлин объявил повеление императрицы рассмотреть в Сенате челобитную ромодановских крестьян. Ходоки были допрошены, и они сообщили, что челобитная, составленная по приговору «всего миру», была переписана в 20 экземплярах и отправлена с несколькими крестьянами в Петербург. Один из ходоков, доставивших челобитную, умер в заключении, не дождавшись решения, другой, Осип Кириллов, в марте 1753 г. по приговору Сената, признавшего жалобы на Демидова ложными, был наказан кнутом.

Восстание крестьян в Ромодановской волости вскрывает со всей яркостью систему бесчеловечной эксплуатации с частичным отрывом крестьян от земледелия, насильственным переводом на заводы, не только ближайšie к ним, но даже на уральские заводы, что приводило к полному разорению крестьян. В разгоревшемся восстании крестьяне проявили подлинный героизм, но оказались бессильными перед организованной военной силой дворянского государства.

3. ДЕМИДОВСКИЕ ЗАВОДЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

Рост числа демидовских заводов, их удельный вес в русской металлургии, степень достигнутой концентрации, несмотря на раздел предприятий между различными семьями, и размещение заводов в последней трети XVIII в. — таковы вопросы, которые следует осветить для понимания истории демидовского хозяйства. Для этого можно воспользоваться ста-

тистическими ведомостями о горных заводах всей империи, периодически составлявшимися Берг-коллегией, как изданными, так и извлеченными из архивных материалов. Они позволяют составить общее и цельное представление о русской металлургии, о числе заводов и их продукции и неоднократно уже привлекались для этого исследователями. Для XVIII столетия мною использованы: ведомость заводов за 1766 и 1767 гг., опубликованная еще в XVIII в. М. Чулковым, ведомости 1782 г. и за 1790-е годы, напечатанные И. Германом.²⁴ К ним прибавились данные за 1770 г. из рукописи Крамаренкова, частью приведенные Ю. Гессеном в его «Истории горнорабочих СССР»,²⁵ а также статистические таблицы за 1777 г., напечатанные Н. Баклановым в приложении к исследованию о технике уральской металлургии в XVIII столетии.²⁶ Кроме того, мною изучено рукописное «Генеральное описание» горных заводов за 1797 г., составленное Берг-коллегией и хранящееся в Свердловском областном архивном управлении; оно частично было использовано Д. Кашинцевым.²⁷

При изучении этих обильных ведомственных материалов возникает вопрос о степени достоверности официальной статистики того времени. Не ставя перед собой большой и нелегкой задачи — проверить точность этих материалов в целом, можно подойти к освещению этого вопроса путем сопоставления цифр ведомственной статистики с отчетными данными заводской демидовской конторы, которая не имела основания скрывать от владельца истинное положение дел. В первой половине XVIII столетия, как было отмечено выше, Берг-коллегия настойчиво требовала от заводчиков представления отчетных данных для составления сводных ведомостей; вероятно, такого же происхождения и официальные ведомости второй половины XVIII в.

Ведомость, опубликованная М. Чулковым, показывает по Невьянскому заводу в 1767 г. выход 162 019 пуд. чугуна и чугунных припасов.²⁸ Демидовский приказчик Г. Махотин в рукописной «Книге мемориальной о заводском производстве» (на ней я остановлюсь ниже) приводит данные о выплавке этого же завода с 1 января 1767 г. по 17 февраля 1768 г., т. е. за тот же год и полтора месяца, — 170 877 пуд.,²⁹ что, если вычислить годовую продукцию, весьма приближается к цифре Чулкова.

Продукция Нижнетагильского завода по ведомости Берг-коллегии за 1777 г., опубликованной Баклановым, составила 577 600 пуд.³⁰ Заводские данные за этот год отсутствуют, но они имеются за предыдущий, 1776 г. и дают довольно близкую цифру — 532 тыс. пуд.³¹ В особенности следует отметить, что цифры из составленного Берг-коллегией и не опубликованного до сих пор «Генерального описания» в большинстве случаев совпадают с показаниями нижнетагильской конторы (табл. 32). Цифры за 1786 г. совпадают полностью, а расхождение их за 1795 г. связано с тем, что заводские данные представляют собой не отчетные цифры,

²⁴ М. Чу л к о в. Историческое описание российской коммерции, СПб., 1786, т. VI, кн. 2; И. Г е р м а н. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, 1797; Е г о ж е. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих, Екатеринбург, 1808.

²⁵ Ю. Г е с с е н. История горнорабочих СССР, М., 1926, т. I.

²⁶ Н. Б а к л а н о в. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, М.-Л., 1935, прилож. III.

²⁷ Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, М., 1939, т. I.

²⁸ М. Ч у л к о в. Цит. соч., т. VI, кн. 2, стр. 558—559.

²⁹ Свердл. обл. арх., ф. рукоп. муз., № 159, «Книга мемориальная о заводском производстве», стр. 137—138.

³⁰ Н. Б а к л а н о в. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале М.-Л., 1937, стр. 313.

³¹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 26, выписка московской конторы.

Т а б л и ц а 32

*Выплавка чугуна на Нижнетагильском
заводе (в пудах)*

Годы	По «Генеральному описанию» ³²	По заводским данным
1786	402 593	402 593 ³³
1795	358 483	329 000 ³⁴

а сметные предположения заводской конторы на год вперед; при таком условии приходится отметить их значительную близость. Цифры выплавки чугуна на Верхнесалдинском заводе Демидова также свидетельствуют о совпадении двух источников.

Т а б л и ц а 33

*Выплавка чугуна на Верхнесалдинском
заводе (в пудах)*

Годы	По «Генеральному описанию» ³⁵	По заводским данным ³⁶
1783	159 212	159 212
1784	175 532	175 532
1785	76 442	76 442
1786	Нет сведений	176 724
1787	35 912	161 971 (по 31/X)

Эти цифры совпадают, за исключением последнего, 1787 г., и показывают с несомненностью, что в основу ведомостей Берг-коллегии положены сведения, доставлявшиеся заводчиком. Наблюдающиеся отдельные расхождения свидетельствуют лишь, что правительственные органы не во всех случаях имели эти сведения.

Правительство также пользовалось ведомостями Берг-коллегии, не имея, повидимому, других данных и признавало ведомости «довольно вероятными». Во время первой русско-турецкой войны обсуждался вопрос о добавочном обложении горных заводов. В этих целях была составлена Д. Волковым и Г. Тепловым записка, вошедшая во «всеподданнейший» доклад 10 февраля 1769 г. Она основана на официальных статистических ведомостях, и приводимые в ней цифры приближаются к данным ведомости, напечатанной М. Чулковым. В записке приведен тот же итог, как и у этого автора, именно указано, что в ведомстве Берг-коллегии состоит частных железных заводов 111, из них домен — 89; выплавка меди показана в 187.8 тыс. пуд. Авторы записки указывают, что они исходят из официальных ведомостей, о которых весьма осторожно отмечено: «что касается до одних только фабрикантов и заводчиков, основание свое получили мы на

³² Свердл. обл. арх., ф. рукоп. муз., № 156, л. 75 сл., «Генеральное описание».

³³ Там же, ф. 102, д. № 46, рапорт нижнетагильской конторы.

³⁴ Там же, ф. 102, д. 64, л. 216.

³⁵ Там же, ф. рукоп. муз., № 156, л. 75.

³⁶ Там же, ф. 102, д. № 46, л. 587.

ведомостях, буде не совсем верных, то однако ж довольно вероятных в том токмо, что достояния фабрик и заводов принадлежит». ³⁷ Совпадение в отмеченных случаях официальных ведомостей с заводскими отчетными данными, а также использование правительством ведомостей Берг-коллегии дает основание для привлечения последних в научных целях. Наличие ряда ведомостей за каждое десятилетие до конца XVIII в. позволяет в некоторых отношениях взаимно проверять и дополнять их. Это относится к уяснению последовательного роста числа заводов Демидова. Если в какой-либо ведомости пропущен тот или иной завод, то он появляется в одной из последующих и, таким образом, не выйдет из поля зрения.

Заводы Демидовых и их

Заводчики	Число заводов	Произведено в 1766 г.			
		Чугун	Железо	Уклад	Сталь
Никита Акинф. Демидов	6	392 026	268 873	2066	151
Александр Григ. Демидов	7	121 505	48 045	35	—
Евдоким Ник. Демидов	4	344 904	222 245	—	216
Петр Демидов	3	127 795	123 834	1877	—
Никита Никит. Демидов	2	316 351	198 538	517	—
Алексей Демидов	2	137 354	97 628	—	—
Иван Демидов	2	188 144	127 926	—	—
Итого у 7 владельцев	26	1 628 079	1 087 087	4495	367
«Преждебывшие» заводы Демидова	8	252 885	253 121	1510	—
Всего	34	1 880 964	1 340 210	6005	367

[1] Подсчитано мною за 1766 и 1767 гг. по ведомости Берг-коллегии, опубли-

Ведомость Чулкова содержит перечень металлургических и металлообрабатывающих заводов с указанием цифр продукции за два года — 1766 и 1767 гг. Воспользуемся этими данными, чтобы представить общее число демидовских заводов и их распределение в этот момент (см. табл. 34). У всех Демидовых в 1766—1767 гг. значится 26 действующих заводов — чугуноплавильных, железных и медных;³⁸ они поделены между 7 владельцами. Из 26 заводов было не менее 7 доменных, остальные — молотовые и медные. Невьянский завод с пятью другими уже значится за Саввой Яковлевым в качестве «преждебывших» заводов Прокофия Демидова. По размерам производства наиболее мощным является предприятие Ни-

³⁷ Сб. РИО, т. X, стр. 365—377.

³⁸ Эта цифра, повидимому, не совсем точна: имеется некоторое расхождение между таблицами Чулкова и его текстом; так, в таблице не значится Выровский завод в Калужской губ., о котором упоминается в тексте, как принадлежащем Евдокиму Демидову («Описание российской коммерции», т. VI, ч. 2, стр. 632). Сверх 6 заводов Никиты Ак. Демидова за ним показан в тексте Давыдовский завод в Пермской губ., у г. Осы (там же, стр. 633). Возможно, что пропуск объясняется тем, что заводы эти бездействовали, как например, Давыдовский (Л ю б о м и р о в. Очерки металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, 1937, стр. 93—94). Прибавляя эти два завода, получим общее число демидовских заводов — 28.

киты Акинфиевича, которому принадлежал Нижнетагильский завод; эта группа заводов выплавляла 392—402 тыс. пуд. чугуна и давала 264—268 тыс. пуд. железа. Евдокиму Демидову, сыну Никиты Никитича, принадлежит следующая по мощности группа заводов, включающая 2 завода в центре страны и Авзяно-Петровские заводы.³⁹ К Александру Демидову перешла большая часть медных заводов (4), кроме того, он имел 3 железных. Не входят сюда Тульский завод и фокинские заводы на Волге (Нижнечугунский, Верхнечугунский и Корельский), к этому времени уже закрывшиеся (см. табл. 34).

Таблица 34

продукция в 1766—1767 гг. [1]

(в пудах)		Произведено в 1767 г. (в пудах)					
Медь	Прочие изделия	Чугун	Железо	Уклад	Сталь	Медь	Прочие изделия
322	246	402 077	264 463	1582	15	351	553
16 192	—	111 153	61 372	525	—	15 756	—
—	—	336 720	242 505	—	78	—	—
—	—	159 424	117 243	557	—	—	120
—	—	308 858	143 818	—	—	—	—
—	—	148 924	96 190	—	—	—	—
—	—	169 510	170 047	1050	—	—	12 801
16 514	246	1 636 696	1 095 638	3714	93	16 107	13 474
—	461	283 988	202 507	1377	—	—	1082
16 514	707	1 920 684	1 298 145	5090	93	16 107	14 556

кованной М. Чулковым («Описание российской коммерции», т. VI, кв. 2).

При сопоставлении продукции заводов Демидовых с данными по общерусскому выпуску можно приблизительно выяснить удельный вес их в стране в 1767 г. (см. табл. 35).

На всех заводах Демидовых выплавлялась в 1767 г. $\frac{1}{3}$ всего количества чугуна и выковывалась $\frac{1}{3}$ количества железа общеимперской продукции крупной промышленности; по укладу на их долю приходилась даже половина общего выпуска страны. Папротив, продукция меди и стали составляла на их заводах очень скромную долю.

Надо иметь в виду, что часть основанных Демидовыми заводов к этому

³⁹ Тульский завод прекратил работу в 1755 г. Нижегородские заводы (Нижне- и Верхнечугунский и Корельский) были закрыты в 60-х годах. Приведу список заводов по их владельцам: 1. Никиты Ак. Демидова: Нижнетагильский (доменный), Выйский, Черноисточинский, Лайский, Висимо-Шайтанский, Салдинский. 2. Александра Григорьевича Демидова: Уткинский (доменный), Суксунский (медный), Тисовский, Камбарский (железные), Бымовский (медный), Ашапский (медный), Шаквинский (медный). 3. Евдокима Никитича Демидова: Авзяно-Петровские (Верхний и Нижний) заводы (доменные), Дугненский (доменный, на р. Дугне, притоке Оки), Людиновский (поблизости от предыдущего). 4. Петра Григорьевича Демидова: Ревдинский (доменный), Бисертский и Рождественский. 5. Никиты Никит. Демидова: Кыштымский (доменный) и Каслинский. 6. Алексея Никитича Демидова: Есенковский (доменный) и Брынский — оба в Калужском уезде. 7. Ивана Никитича Демидова: Верхне- и Нижнесергиевские (доменные).

времени ушла в другие руки; это были 6 заводов Невьянской группы,⁴⁰ проданные Прокофием Демидовым Савве Яковлеву, и 2 завода Никиты Никитича (внука основателя предприятия) — Верхне- и Нижнешайтанские, перешедшие к Ефиму и Сергею Ширяевым. Эти 8 «преждебывших» демидовских заводов мы вправе прибавить к указанным выше. Тогда общее

Т а б л и ц а 35

Продукция и удельный вес заводов Демидовых в 1767 г. [1]

Распределение продукции	Чугун (тыс. пуд.)	Железо полосное (тыс. пуд.)	Уклад (пуд.)	Сталь (пуд.)	Медь (тыс. пуд.)
По 26 заводам Демидовых . .	1636.7	1095.6	3714	92.3	16.1
По Российской империи . .	4998.0	3264.1	6979	3810	192.4
Удельный вес заводов Демидовых (в %)	32.7	33.5	53.2	2.4	8.3

[1] По заводам Демидовых приведены мои подсчеты; общерусская продукция 1767 г. по чугуну, железу и меди на основании данных Чулкова подсчитана Д. Кашинцевым («История металлургии Урала», стр. 132), по укладу и стали заимствую подсчеты академика С. Струмилина («Черная металлургия», стр. 175).

число основанных Демидовыми или приобретенных ими заводов по ведомости 1767 г. возрастает до 34, а с тремя заводами на Алтае, перешедшими в казну, достигнет 37 заводов, и доля их продукции поднимается значительно выше. По 34 заводам, как принадлежащим Демидовым, так и отошедшим от них, производилось (по моим подсчетам) в 1767 г. (см. табл. 36): 38% всего чугуна, 44% железа и почти 75% уклада. Вспомним, что для 1731—1732 гг. можно было насчитать выплавку лишь около 550 тыс. пуд., а для конца 40-х годов, правда, по неполным данным, — 800 тыс. пудов чугуна (см. главу VII). Таким образом, несмотря на разделы, демидовские заводы к 1767 г. являлись весьма крупной частью металлопромышленности страны.

Т а б л и ц а 36

Производство заводов Демидовых в 1767 г.

Продукция	Количество	Отношение к общерус- ской продук- ции (в %)
Чугун (тыс. пуд.)	1920	38.5
Железо (тыс. пуд.)	1298	44.0
Уклад (пуд.)	5089	71.7

Давая столь значительную продукцию, демидовские заводы по своей численности составляли не более 20% общего числа металлургических и металлообрабатывающих заводов России (179 частных и казенных заводов в 1766—1767 гг.). Это значит, что они весьма превышали средние

⁴⁰ Невьянский, Верхнецейвинский, Верхнетагильский, Быгговский, Шуралинский и Шайтанский.

размеры тогдашних заводов, к их числу принадлежали тогда такие гиганты (по масштабам того времени), как Нижнетагильский, Кыштымский заводы и др. Выплавка чугуна по демидовским заводам показана в табл. 37.

Таблица 37

Выплавка чугуна в штыках [1] (в тыс. пудов)

Заводы	Г о д ы	
	1766	1767
Нижнетагильский	389.2	398.3
Кыштымский	297.7	254.3
Сергинские (Верхний и Нижний)	188.1	118.9
Дугненский	189.5	184.3
Авзяно-Петровские (Верхний и Нижний)	147.1	146.7
Есенковский	137.4	148.9
Уткинский	105.6	95.3
Ревдинский	103.5	132.5

[1] Без припасов, литых в формы и в песок.

Наряду с этими заводами Савве Яковлеву принадлежал старейший из демидовских заводов на Урале — Невьянский, давший в 1766 г. 133.5 тыс. пуд. чугуна, а в 1767 г. — 162 тыс. пуд. Насколько значительны эти цифры, видно из того, что в то время в стране имелось лишь 19 заводов с годовой производительностью свыше 100 тыс. пуд., в том числе в центре страны только два указанных здесь демидовских завода — Дугненский и Есенковский.⁴¹ Успехи металлургии выразились в укрупнении заводов. Продукция Нижнетагильского завода за истекшие три десятилетия удвоилась (в 1734 г. — 194 тыс. пуд. чугуна, в 1766 г. — 389 тыс. пуд.), Дугненский завод увеличил выпуск в 2¹/₂ раза (с 76.8 до 189 тыс. пуд.) и т. п. Сведомостью Чулкова почти совпадают по времени сведения рукописи Крамаренкова, относящиеся к 1770 г.; они приведены в книге Ю. Гессена по истории горнорабочих. К сожалению, эти данные ограничиваются лишь уральскими заводами. Из общего числа 124 уральских заводов Демидовым, по этим данным, принадлежало 29 заводов.⁴² На долю демидовских уральских заводов приходилась почти 1/5 всего числа домен на Урале (14 домен из общего числа 64) и свыше 1/4 числа молотов.

Более подробные сведения содержатся в списке уральских заводов, составленном в 1778 г. и опубликованном Н. Баклановым. В нем приводится деление заводов на цехи, а также указаны размеры производства за 1777 г., этот источник также относится только к уральской промышленности.⁴³

⁴¹ Д. К а ш и н ц е в. Цит. соч., стр. 33.

⁴² Ю. Г е с с е н. История горнорабочих в СССР, т. I, стр. 72—82; подсчитано мною; число заводов осталось без изменения после 1767 г. Из 26 учтенных тогда заводов здесь выпали Есенковский, Брынский и Дугненский, как находящиеся в центре страны, а два Кыштымских, Верхний и Нижний, прежде считавшиеся за один завод, также значатся как два.

⁴³ Н. Б а к л а н о в. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, М.-Л., 1937, прилож. III, стр. 310—323.

Сравнение этого списка с ведомостью, напечатанной у Чулкова и относящейся к 1766—1767 гг., показывает некоторые различия. Они заключаются в том, что у Бакланова отсутствуют заводы, находившиеся в центре страны, а к уральским демидовским заводам прибавились два новых: Висимо-Уткинский (1771 г.) и Узянский (1772 г.). Остальные изменения объясняются несколько иным характером учета: Лайский завод теперь рассматривается как два завода — Верхний и Нижний Лайские, и Кыштымский завод также учтен отдельно, как два — Верхний и Нижний Кыштымские заводы. Из общего числа 26 заводов в 1767 г. на Урал приходилось 23 завода; теперь, с прибавлением двух новых — Висимо-Уткинского и Узянского заводов и с отдельным учетом двойных Кыштымских и Лайских заводов, число их доведено до 27. На этих заводах было 16 домен, 440 горнов (в том числе 158 кузнечных), 178 молотов, действующих и запасных. Если же прибавить сюда заводы, принадлежавшие прежде Демидовым, но к этому моменту уже отошедшие от них, то общее число заводов возрастает до 35 (прибавятся 6 заводов Саввы Яковлева во главе с Невьянским и 2 завода, перешедшие к Ширяевым, — Нижний и Верхний Шайтанские), число домен составит 21, число молотов достигнет 247. Общая продукция чугуна составляла 1706.8 тыс. пуд., а с отошедшими заводами — 2140.5 тыс. пуд. Удельный вес продукции 27 демидовских заводов во всей продукции Урала (5257 тыс. пуд.) составлял 32.4%, а вместе с «преждебывшими» заводами — 40.7%.

Сведения за 1777 г. дают возможность отчасти представить организационную структуру заводов того времени и уяснить характер применявшегося разделения труда. Здесь содержатся данные об оборудовании и о «фабриках» каждого завода, соответствующих современным цехам. В XVIII столетии в наибольшей степени шагнуло вперед разделение труда в отношении выковки железа в молотовых и в мелком кузнечном деле. Вместо немногих мастерских, имевшихся на заводах XVII в., теперь появились новые цехи, или, по терминологии того времени, — «фабрики»; именно, из 9 видов железообрабатывающих цехов XVII столетия возникло в XVIII в. 32 цеха.⁴⁴ Таковы «фабрики» для плавки чугуна (т. е. домны), дляковки полосного и колотушечного железа, для производства дощатого железа, для резки и плющения железа, по производству проволоки, лудильная «фабрика» и т. п. На демидовских заводах всего более специализирована была ковка железа; особенно широко применялось разделение труда на Нижнетагильском заводе. Столь же сильно проведены были разделение труда и специализация между «фабриками» на Невьянском заводе.

Следует обратить внимание, что большое место занимало на заводах того времени производство инструментов, станков и молотов, необходимых для работы самих заводов. Производством молотов и их регулярной починкой и выработкой инструментов заняты специальные цехи, которые называются фабриками «для дела разных заводских инструментов кузнечных», а также «для дела якорей и починки молотов». Они занимают по численности второе место после цехов по ковке железа. Но «производство средств производства» на заводах того времени этим не ограничивалось: сюда надо прибавить производство мехов на «меховой фабрике», плотничное дело по устройству и починке плотин, выработку кирпича и канатов.⁴⁵

⁴⁴ Н. Бакланов. Цит. соч., стр. 160.

⁴⁵ Там же, стр. 151—153.

В этой связи надо напомнить то значение, которое имеет появление внутри мануфактуры особых мастерских или цехов по производству орудий, инструментов и машин для обслуживания данной мануфактуры.⁴⁶ В мануфактурном разделении труда Маркс видит постепенный переход к применению машин и в особенности подчеркивает выделение особых цехов, занятых производством инструментов: «Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время».⁴⁷

Таблица 38

Заводы Демидовых по «Генеральному описанию» 1797 г.

Владельцы заводов	Число заводов	Число «фабрик» при заводах							Итого «фабрик» [1]
		Домен	Молотовых	Янорных	Медеплавильных	Сплайсофенных	Гармажерских	Лесопильных	
Наследники Никиты Акинф. Демидова . . .	9	3	21	2	1	1	—	—	28
Александр Григ. Демидов	7	2	11	—	3	—	3	—	19
Гв. прапорщик Петр Евдок. Демидов	3	3	3	—	—	—	—	—	6
Ст. сов. Петр Григ. Демидов	3	1	7	—	—	—	—	—	8
Иван Евд. Демидов	2	1	4	—	—	—	—	1	6
Алексей Никит. Демидов	2	1	3	—	—	—	—	—	4
Никита Никит. Демидов	3	2	11	—	—	—	—	—	13
Всего у владельцев [2]	29	13	60	2	4	1	3	1	84

[1] Не вошли, очевидно, «меховые», «слесарные» и прочие «фабрики», следовательно, общее число их неполно.

[2] 1. Наследникам Никиты Акинф. Демидова принадлежали заводы: 1) Нижнетагильский (доменн.), 2) Черноисточинский, 3) Выйский, 4) Висимо-Шайтанский, 5) Нижнелайский, 6) Верхнелайский, 7) Нижнесалдинский (осн. 1760), 8) Висимо-Уткинский (1771), 9) Верхнесалдинский (доменн., осн. 1778). 2. Заводы Александра Григорьевича Демидова: 1) Уткинский (доменн.), 2) Тисовский, 3) Молебский (доменн.), 4) Камбарский (1767), 5) Суксунский (медный), 6) Ашапский (медный), 7) Бымовский (медный). 3. Гв. прапорщ. Петру Евдокимов. Демидову принадлежало три завода в центре: 1) Верхнедугненский (доменн., осн. 1715), 2) Людиновский (1758) и 3) Нижнедугненский (1796). 4. Петру Григ. Демидову принадлежали заводы: 1) Ревдинский (доменн.), 2) Бисертский, 3) Рождественский. 5. Ивану Евдок. Демидову: 1) Кагинский (1769), 2) Узянский (доменн., осн. 1777). 6. Алексею Никит. Демидову: 1) Есенковский (доменн.), 2) Брянский — в центре страны. 7. Никите Никитичу Демидову: 1) Каслинский (доменн.), 2) Верхнекыштымский (доменн.), 3) Нижнекыштымский.

⁴⁶ «Мануфактура, возникая в некоторых случаях сама из комбинации различных ремесел, может в свою очередь развиваться в комбинацию различных мануфактур. Так, например, в Англии крупные стеклоделательные предприятия сами изготавливают для себя огнеупорные плавильные горшки, так как от достоинства последних существенно зависит, насколько удачным или неудачным будет продукт. Мануфактура известного средства производства связана здесь с мануфактурой продукта». — К. М а р к с. Капитал, Партиздат, 1937 г., т. I, стр. 330.

⁴⁷ Там же, стр. 350.

Для 80-х годов XVIII столетия ценные сведения приводит Ив. Герман в «Сочинениях о сибирских рудниках и заводах». В них даны сведения о заводах, находящихся в Пермском наместничестве, т. е. по большей части уральских заводов за 1781 г. Этот год отличается огромными, можно сказать рекордными, цифрами продукции демидовских заводов. Ведомость содержит данные по 90 пермским заводам, в том числе по 20 казенным и 70 частным, с общей выплавкой чугуна в 4248.8 тыс. пуд. (по моим подсчетам).

В ведомости Германа имеются сведения о 24 демидовских заводах по Пермскому наместничеству против 23 заводов по тому же району в 60—70-х годах. Особенно следует отметить высокие цифры продукции чугуна и железа в 1782 г. В целом по 5 предприятиям Демидовых на 14 домнах выплавлено было 2 млн. пуд. чугуна против 1633.2 тыс. пуд. в 1777 г. по тем же предприятиям, т. е. прирост составлял 25%. В особенности высоко поднялась продукция чугуна у Н. А. Демидова в результате постройки Верхнесалдинского завода (до 686 тыс. пуд. против 575 тыс. пуд.) и у Никиты Ник. Демидова на Кыштымских и Каслинском заводах (612 тыс. пуд. против 402 тыс. пуд.). В целом приведенная цифра выплавки чугуна демидовских среднеуральских заводов (2 млн. пуд.) составляет половину продукции всех пермских заводов, как частных, так и казенных (4.25 млн. пуд.).⁴⁸

На 1786 г. по пермским заводам имеются такие же сведения, число демидовских заводов и число домен осталось тем же⁴⁹. Обращает вни-

Оборудование и численность рабочей силы на заводах Демидовых

Владельцы заводов	Число заводов	Домны	Производство железа		
			Горны действующие и запасные	Молоты	Ставки для резки, плющения и др.
Наследники Никиты Акинф. Демидова	9	6	118	60	4
Александр Демидов	7	2 ^[1]	37	26	—
Гв. прапорщ. Петр Евд. Демидов	3	4	Нет свед.	18	—
Ст. сов. Петр Григ. Демидов	3	2	49	32	2
Иван Евдок. Демидов	2	2	16	9	—
Алексей Никит. Демидов	2	—	Нет свед.	21	—
Никита Никит. Демидов	3	3	47	32	—
Итого	29	19	267	198	6

[1] У Александра Демидова имелось 2 домны на Уткинском заводе; кроме рика, но не отмечено наличие домны; не указана по этому заводу и выплавка данным Ив. Германа, на Молебском заводе значится 1 домна (см. ниже).

[1] Неполные сведения.

⁴⁸ И. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, СПб., 1797, стр. 224. Имеющиеся у того же автора отдельные сведения по Уфимскому наместничеству по 4 заводам Василия Демидова (Авзяно-Петровским — Нижнему и Верхнему, Узянскому и Кагинскому) не меняют значительно наших цифр; эти заводы дали в 1782 г. 84 746 пуд. чугуна и 56 тыс. пуд. железа и значительно подняли свою продукцию лишь позднее, к 1786 г.

⁴⁹ Там же, стр. 153.

мание понижение выплавки чугуна в 1786 г. против 1781 г. (до 1.5 вместо 2 млн. пуд.) при слабом сокращении продукции железа (1150 тыс. пуд. против 1280 тыс. пуд.). По Южному Уралу в 1786 г. наблюдается серьезный рост продукции на 4 заводах Вас. Демидова (206 тыс. пуд. чугуна и 127 тыс. пуд. железа). Прибавляя эти данные к только что приведенным цифрам, получим для всех демидовских уральских заводов чугуна 1707 тыс. пуд. и железа — 1275 тыс. пуд., что совпадает с выплавкой чугуна за 1777 г. (см. выше).

Для 90-х годов я воспользуюсь «Генеральным описанием» — обстоятельной рукописной ведомостью горного производства, составленной в Берг-коллегии в 1797 г. и находящейся в Свердловском областном архивном управлении.⁵⁰ В нем приведены данные о частных заводах, указано время сооружения завода, его местонахождение, количество цехов на каждом, число домен, печей, горнов и молотов, количество рабочих, как мастеровых и работных людей, так и приписных крестьян, указано, в каком расстоянии живут приписные от завода, сколько имеется рудников при заводе. В конце описания приведены сведения о продукции, именно о выплавке меди и чугуна с 1783 по 1796 г., т. е. за 14 лет. Но сведения о продукции даны далеко не по всем заводам и не за все годы, что не позволяет подсчитать общие цифры продукции за ряд лет. В заключительном отделе описания приводятся сведения о производстве воинских снарядов, ядер и бомб по некоторым заводам на 1788—1789 гг., но также неполные. В целом «Генеральное описание» является замечательным

Таблица 39

к 1797 г. (по данным «Генерального описания»)

Плавка меди		Рудники	Число людей		
Печи плавильные	Горны кричные и гармахерские		Собственных	Казенных	Приписных
4	—	20	7697	307	2210
18	18	13 [1]	4701	—	7861
—	—	3	1047	—	—
—	—	19	2844	—	2258
—	—	3 [2]	607	—	— [2]
—	—	Нет свед.	676	—	—
—	—	6	2554	—	10 911
22	18	64	20 126	307	23 240

ного, на Молебском заводе значится по «Генеральному описанию» доменная фабрика (может быть, в это время домна почему-либо не работала). Позднее, по

[2] Приписные показаны вместе с заводами, перешедшими к М. Губину—5184 д.

⁵⁰ Свердл. обл. арх., ф. рукоп. муз., № 156, папка 25. Рукопись представляет собой том размером в лист слоновой бумаги на 92 л. и имеет следующее название: «Генеральное описание о монетных дворах, литейных и всех горных заводах в ведении государственной Берг-коллегии состоящих, как казенных, так и партикулярных, с показанием, когда и где они построены, на каких землях, и при каких реках... и сколько, наконец, каждой завод имеет рудников, как действующих, так и не действующих. Сочинено в государственной Берг-коллегии июня — дня 1797 года».

Мощность предприятий Демидовых

Заводы Демидовых в 1795 г.	Выплавка чугуна (пуд.)	Бывшие заводы Демидовых	Выплавка чугуна (пуд.)
Нижнетагильский	358 483	Нельянский	290 719
Верхнесалдинский	187 172	Верхне-Авзяно-Петровский	80 403
Уткинский	208 540	Верхнетагильский	91 433
Верхнедугненьский	115 120	Верхнеивинский	58 468
Ревдинский	305 229		
Узянский	76 391		
Есенковский ^[1]	(17 393)		
Верхнекыштымский	208 363		
Каслинский	154 934		
Итого	1 631 625	Итого	429 620
		Всего	2 061 245

^[1] Сведения за 1793 г.

произведением официальной промышленной статистики конца XVIII в. и заслуживает опубликования полностью. Д. Кашинцев, обративший внимание на этот источник, к сожалению, ограничился лишь немногими сведениями, из него заимствованными.

Извлеченные мною из «Генерального описания» данные о демидовских заводах сведены в табл. 38 и 39; эти сведения особенно ценны тем, что говорят не только об Урале, но и о заводах центра, и после книги М. Чулкова являются наиболее полными сведениями о русской металлопромышленности XVIII в.

По данным «Генерального описания», к концу XVIII в. Демидовы разделились на 7 семейств, во владении которых состояло 29 заводов. Из

Уральские заводы Демидовых (по Гер

Владельцы заводов	Число заводов	Число «фабрик»	Домны	Медепла- вильные и гарма- херские печи	Горны крячые
Николай Демидов ^[1]	8 ^[2]	(15) ^[4]	6	4	88
Александр Демидов	7	31	3	14	35
Петр Григ. Демидов	3	11	2	—	40
Иван Евдок. Демидов	2	8	2	—	18
Никита Никит. Демидов	2 ^[3]	17	3	—	57
Итого у 5 владельцев	22	82	16	18	238

^[1] Наследник Н. А. Демидова (Нижнетагильский и др. заводы).

^[2] Верхне- и Нижнелайский заводы показаны как один.

^[3] Верхне- и Нижнекыштымский заводы у Германа считаются за один завод.

^[4] Очевидно, неполные сведения: в ведомости 1778 г. — 36 фабрик, в «Описании» 1797 г. — 28.

общего числа 5 заводов находились в Калужско-Тульском районе и принадлежали двум владельцам из семьи Демидовых. Всего имелось не менее 19 домен, из которых 6 входили в Нижнетагильскую группу заводов. У всех Демидовых было 20 тыс. душ крепостных заводских рабочих, 23.2 тыс. душ приписных крестьян; последнее число несколько уменьшено, так как по одному из предприятий число крестьян не показано отдельно, а соединено с заводом другого частного заводчика. Оборудование заводов и численность рабочей силы представлены в табл. 39.

Наряду с этими 29 заводами, находившимися в руках семерых Демидовых, к 1797 г. существовало еще не менее 12 заводов, основанных ими, но отошедших к этому времени к другим частным владельцам; сверх того продолжали работать основанные Акинфием Демидовым 3 завода на Алтае, перешедшие в казну. Мы не вправе совершенно исключить их из рассмотрения, тем более что в число их входит старейший из демидовских заводов — Невьянский. Общее число заводов, принадлежавших или лишь основанных Демидовыми, достигнет 41, а с тремя алтайскими заводами — 44. В «Генеральном описании» упомянуто всего 195 заводов, в том числе 33 казенных, включая монетные дворы, золотые и серебряные прииски, и 162 частных. Демидовские 29 заводов составляют 18% числа частных или около 15% всего числа заводов, а с присоединением бывших их заводов составят 25% числа частных заводов и более 20% всего числа заводов. Кроме того, 10—11 заводов, основанных Демидовыми или приобретенных ими в свое время, к этому моменту прекратили свое существование или бездействовали (Давыдовский, Азяш-Уфимский, Кухтурский, Тульский, Старогородищенский, Выровский и три волжских — Верхне- и Нижнечугунский и Корельский). Прибавив к 44 действующим заводам 10—11 закрывшихся заводов, получим общее число основанных или приобретенных в течение XVIII в. всеми Демидовыми заводов, которое составит, таким образом, 54—55 заводов.

Большая часть этих заводов, таким образом, продолжала действовать до конца столетия и перешла в следующий, XIX в. Мощность этих заводов можно представить до некоторой степени по следующим данным «Генерального описания» о выплавке чугуна за 1795 г. (табл. 40).

Таблица 41

ману) на рубеже XVIII — XIX вв.

Горны кузнеч- ные	Молоты [5]	Водяные колеса	Рудники		Число лошадей на заводах и рудниках	Мельницы	
			дейст- вующие	недейст- вующие		пильные	мучные
75	55	(9) [6]	11	8	183	5	1
54	34	93	109	731	260	6	5
38	25	64	21	34	47	3	—
12	5	28	5 [7]	—	100	2	2
24	35	—	16	20	720	2	—
203	154	—	162	—	1310	18	8

[5] Включая запасные молоты.

[6] Очевидно, неполные сведения.

[7] С Авзяно-Петровским заводом, перешедшим к Губину, — 69 рудников.

Но эти сведения неполны, так как в них отсутствуют Людиновский завод с продукцией в 1767 г. — 126.4 тыс. пуд., Шайтанский завод, перешедший к Ширяевым, с выплавкой 75 тыс. пуд., Молебский завод и др. С учетом этих заводов продукция основанных Демидовыми заводов повысится не менее чем до 2.3 млн. пуд. Общая выплавка чугуна в России в 1800 г. составляла около 10 млн. пуд.,⁵¹ следовательно, на долю демидовских заводов приходится немногим менее 1/4.

Имеется некоторая возможность дополнить эти данные и довести изложение до самого конца XVIII в. Для этого используем обильный материал, имеющийся в работе И. Германа «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих», изданной в 1808 г. и содержащей систематические цифровые данные с 1797 до 1800 г. Автор приводит подробное описание каждого завода, выполненное по одному и тому же плану, как бы в ответ на вопросы анкеты, что позволяет подытожить эти данные и представить их в сводном виде (табл. 41). Эти сведения охватывают, однако, только уральские заводы, без других районов, и, следовательно, из демидовских предприятий они не охватывают заводов, расположенных в Алексинском уезде и в Калужском районе. Из семи представителей семьи Демидовых, владеющих заводами, книга И. Германа касается пятерых и, таким образом, в отношении полноты интересующих нас предприятий значительно уступает «Генеральному описанию» 1797 г. Однако «Описание» Германа, ограничиваясь уральскими заводами, интересно подробностью картины устройства и оборудования каждого завода и включает ряд сведений, не имевшихся в материалах, использованных выше.

При сравнении с предыдущими данными следует учесть, что при том же числе заводов и домен на уральских заводах Демидовых Германом отмечается большее число «фабрик», т. е. цехов, хотя здесь имеет место значительный недоучет. Герман отмечает наличие на каждом заводе «меховой фабрики», т. е. цеха по производству мехов для дутья. Он указывает на значительный прогресс в дутье: вместо старых деревянных ящичных мехов на 7 заводах Александра Демидова уже отмечены цилиндрические меха. Увеличилось число горнов (238 кузнечных и 203 кричных против 220 у 5 владельцев в 1797 г.); число молотов, вероятно, оста-

Таблица 42

Продукция уральских заводов Демидовых по годам (в пудах)

Продукция	Г о д ы			
	1797	1798	1799	1800
Чугун	1 589 270	1 776 091	1 889 974	1 849 974
Железо	1 040 457	1 223 129	1 101 867	1 193 412
Медь (чистая)	19 585	16 685	17 563	18 035

лось прежним. Он приводит также сведения о числе водяных колес, хотя и не по всем заводам. Это позволяет приблизительно уяснить размер используемой водной энергии. Считая по 5—6 л. с. на водяное колесо,⁵²

⁵¹ Д. К а ш и н ц е в. Цит. соч., стр. 217.

⁵² В. Д а н и л е в с к и й. История гидросиловых установок России до XIX в., Госэнергоиздат, 1940, стр. 59.

получим на 3 заводах одного лишь П. Г. Демидова (64 колеса) около 300 л. с., на 7 заводах Ив. Демидова имелось 93 колеса, т. е. около 500 л. с. Обилие рудников на заводах Александра Демидова связано с большим числом уже выработанных и оставленных медных рудников.

Значительный интерес представляют сведения Германа о продукции демидовских заводов за последние годы XVIII в. Они дают картину устойчивости с некоторой тенденцией к повышению. По всем уральским заводам указанных 5 владельцев выплавка чугуна, железа и меди показана в табл. 42.

Согласно этим сведениям, выплавка чугуна по уральским демидовским заводам составляла 1.60—1.85 млн. пуд. и выковка железа — 1.0—1.2 млн. пуд. Вспомним, что в 1777 г., как показано выше, на уральских заводах Демидова выплавлялось 1.7 млн. пуд., столько же в 1786 г., и только в 1782 г. выплавка на заводах Среднего Урала была значительно выше, составив свыше 2 млн. пуд.; это максимальная цифра по нашим сведениям. В 1795 г., по данным «Генерального описания», использованного выше, уральские домы Демидовых давали 1.6 млн. пуд. чугуна, что согласуется и с приведенными только что цифрами, являющимися результатом наших подсчетов по данным Германа. В целом собранные сведения говорят о высоком уровне продукции начала 80-х годов XVIII столетия и некотором последующем понижении в 90-х годах.

Эти сведения показывают в самых общих чертах рост предприятий Демидовых. Они владели к концу века 29 заводами, а в целом ими были основаны или им принадлежали на протяжении XVIII столетия не менее 55 заводов. Эти сведения лишней раз свидетельствуют о неправильности той отрицательной оценки результатов развития русской промышленности, которую давали П. Милюков, а вслед за ним — М. Н. Покровский. Они утверждали, будто едва $\frac{1}{10}$ часть частных заводов, основанных при Петре I, «довлачила» до конца столетия. Предприятия Демидовых росли и успешно развивались, несмотря на отобрание в казну алтайских заводов и отход к Савве Яковлеву Невьянской части. Это наиболее крупные потери из демидовской собственности. Впоследствии Демидовы, повидимому, стремились не выпускать заводов из круга своей семьи, столь сильно разросшейся, продавая заводы родственникам.⁵³

Заводы Демидовых в XVIII столетии⁵⁴

(Даты основания и пуска в действие)

1. Тульский завод (в устье р. Тулицы) — 1696—1697 гг., чугуноплав. и железн., утвержден в собственность в 1701 г., перестал действовать в 1755 г.
2. Невьянский — 1699 г., чугуноплав., железн., перешел к С. Яковлеву в 1768 г.
3. Дугненский (Верхнедугненский) — 1707 г., чугуноплав. и железн.
4. Шуралинский — 1716 г., железн., перешел к С. Яковлеву в 1768 г.
5. Бынгровский — 1718 г., железн., перешел к С. Яковлеву в 1768 г.
6. Старогородищенский (на р. Тулице) — 1719 г., чугуноплав., железн., перестал действовать в 1768 г.

⁵³ Отметим некоторые случаи перехода заводов из рук в руки не по прямому наследованию, а в результате продажи. Камбарский железный завод, сооруженный в 1767 г. Павлом Демидовым, в том же году был продан им Александру Григорьевичу Демидову. Каслинский чугуноплавильный и железоделательный завод, построенный в 1752 г., принадлежал Никите Никитичу, но был им продан по духовному завещанию Петру Григ. Демидову. Построенные Евдокимом Демидовым в 1753 г. Кагинский и Узанский заводы затем достались по наследству в 1783 г. его детям — Ивану и Степану Евдокимовичам, из которых последний продал свою часть Ивану. См. И. Герман. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих, Екатеринбург, 1808, ч. 2, стр. 333.

⁵⁴ Не включены кожевенные, солеваренные и т. п. См. карту заводов.

7. Выйский — 1722 г., медн. и железн., перешел к С. Яковлеву в 1768 г.
8. Нижнелайский — 1722 г., железн.
9. Нижнетагильский — 1725 г., чугуноплав., железн. и медн.
10. Верхнетагильский — 1726 г., чугуноплав., железн., перешел к С. Яковлеву в 1768 г.
11. Черноисточинский — 1726 г., железн.
12. Шайтанский, сооружен по указу 1726 г., в действии с 1727 г., железный, перешел к С. Яковлеву в 1768 г.
13. Уткинский, построен в 1726 г. в действии с 1729 г., чугуноплав., железн.
14. Брынский — 1726 г., железн., перестал действовать к 1760 г.
15. Колывано-Воскресенский, построен по указу 1726 г., в действии с 1729 г., медн., перешел в 1747 г. в казну.
16. Алексинский в с. Сементинс Алексинского уезда, основан в 1726 г., железн.
17. Суксунский — 1729 г., медн.
18. Тисовский — 1730 г., лесопильный, с 1763 г.— железн.
19. Фокинский или Чугунский (в Нижегородской губ.)— 1730 г., железн., прекратился к 1760 г.
20. Верхнечугунский (в Нижегородской губ.)— 1730 г., железн., перестал действовать к 1760 г.
21. Корельский завод (в Нижегородской губ.)— 1730 г., железн., перестал действовать к 1760 г.
22. Ревдинский — 1731 г., чугуноплав., железн.
23. Нижнешайтанский — 1733 г., чугуноплав., железн., перешел к Ширяевым.
24. Давыдовский — купл. 1734 г., медн., перестал действовать к 1754 г.
25. Бымовский — 1736 г., медн.
26. Барнаульский — 1740 г., медн.
27. Рождественский — 1740 г., железн.
28. Шаквинский — в действии с 1740 г., медн., железн.
29. Выровский — 1740 г., железн., закрыт к 1780 г.
30. Верхнесергинский — сооружен по указу 1740 г., в действии с 1742 г., чугуноплав., железн., перешел к Губину в 1789 г.
31. Висимо-Шайтанский — сооружен по указу 1741 г., в действии с 1744 г., железн.
32. Верхнелайский — 1742 г., железн.
33. Верхнесергинский — в действии с 1744 г., железн., перешел к Губину.
34. Ашапский — сооружен по указу 1741 г., в действии с 1744 г., железн., медн.
35. Шульбинский (на Алтае) — 1744 г., медн., взят в казну в 1747 г.
36. Каслинский — 1752 г., чугуноплав., железн.
37. Людиновский — 1755 г., чугуноплав., железн.
38. Верхне-Авзяно-Петровский — 1755 г., чугуноплав., железн.⁵⁵
39. Нижне-Авзяно-Петровский — 1756 г., железн.⁵⁵
40. Верхнекыштымский — 1757 г., чугуноплав., железн.
41. Есенковский — 1758 г., чугуноплав., железн.
42. Верхнешайтанский — 1759 г., железн., перешел к Ширяевым.
43. Узяш-Уфимский (Азяш-Уфимский) — 1760 г.,⁵⁶ железн.
44. Нижнекыштымский — 1760 г., железн.
45. Нижнесалдинский — 1760 г., железн.
46. Бисертский — 1761 г., железн.
47. Камбарский — 1767 г., железн.
48. Верхнеивенский (Верхнейвинский) — 1767 г., чугуноплав., железн.
49. Кагинский — 1769 г., железн.
50. Кухтурский — 1770 г., чугуноплав., железн., перестал действовать в 1774 г.
51. Висимо-Уткинский — 1771 г., железн.
52. Узянский — 1777 г., чугунный, железн.
53. Верхнесалдинский — 1778 г., чугуноплав., железн.
54. Молебский — 1787 г., чугуноплав., железн.
55. Нижнедугненский — 1796 г., чугуноплав., железн.⁵⁷

⁵⁵ Основаны графом П. И. Шуваловым и в 1760 г. перешли к Евдокиму Демидову, а в 1798 г.— к М. Губину. См. «Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г.» под ред. М. Павлова, М.—Л., 1937, стр. 7—8.

⁵⁶ У Кашинцева дата основания 1770, перестал действовать в 1774 г. (указ. соч., стр. 252).

⁵⁷ Не включены в список упоминающиеся исследователями Буйский завод, о котором точные сведения отсутствуют, Ветлужский завод, вместо которого был основан Фокинский завод, а также не отмечен Синючихинский, о принадлежности которого Демидову также нет достаточно точных сведений.

На протяжении XVIII столетия Демидовым принадлежало не менее 55 перечисленных заводов; в числе их были 15 доменных и 9 медных, остальные — железоделательные; часть из них закрылась, некоторые перешли в другие руки или в казну, и в руках Демидовых к концу столетия оставалось, как сказано выше, 29 заводов. За первую половину столетия основано было 35 заводов, во вторую половину — 20. Выделяется строительной горячкой вторая четверть столетия и особенно 50-е годы. Напротив, конец столетия показывает явное понижение темпов строительства. Эта динамика отражает общую линию развития русской металлопромышленности за изучаемый период. Пятидесятые годы явились периодом «грюндерства» на Урале и временем завоевания русской металлургией мирового первенства; всего с 1752 по 1762 г. на Урале возникло 55 казенных и частных заводов.⁵⁸ Численность демидовских заводов увеличивалась следующим образом:

В годы	
1697—1725	возникло 9 заводов
1726—1730	» 12 »
1731—1740	» 8 »
1741—1750	» 6 »
1751—1760	» 10 »
1761—1770	» 4 завода
1771—1780	» 3 »
1781—1800	» 3 »

Итого . . . 55 заводов

Наиболее мощным из демидовских предприятий оказалось то, в которое вошла Нижнетагильская часть наследства Акинфия Демидова. После раздела наследства в 1757 г. его сын Никита получил 6 заводов (Нижнетагильский завод вместе с Черноисточинским, Выйский, Висимо-Шайтанский и два Лайских — Верхний и Нижний). К ним он вскоре прибавил Нижнесалдинский завод (1760). В 1778 г. у него уже имелось 8 заводов: прибавился Висимо-Уткинский завод, построенный в 1771 г., а в 1778 г. был построен девятый — Верхнесалдинский завод. В итоге этого нового строительства за ним в «Генеральном описании» 1797 г. уже значится 9 заводов (считая оба Лайских).

Среди заводов этой группы были два чугуноплавильных с 6 домнами; оба принадлежали к крупнейшим заводам того времени: Нижнетагильский выплавлял в 80—90-х годах по 300—400 тыс. пуд. чугуна в год, Верхнесалдинский показывал по годам резкие колебания, чаще всего оставаясь в пределах 150—175 тыс. пуд. в год. На заводах Н. А. Демидова в 1766 г. выплавлялось 392 тыс. пуд. чугуна, а к концу столетия выплавка достигла 734 тыс. пуд.; производство железа с 268 тыс. пуд. в 1766 г. выросло до 478 тыс. пуд. (по данным «Генерального описания»). Кроме того, у этого же заводчика выплавлялась сталь, уклад и, наконец, медь. На Нижнетагильском заводе выполнялись заказы военного ведомства для артиллерии и флота, производилось много ядер, бомб и дроби. Нижнетагильская группа заводов к концу столетия превысила по размерам производства все заводы, принадлежавшие к середине XVIII столетия Акинфию Демидову. Тем самым подтверждается указание Маркса, приведенное в начале настоящей главы, о разделе предприятия, когда «накопление становится средством нового накопления».

Эти заводы представляли собой в известной степени комбинат; они были связаны между собой производственным процессом, их географи-

⁵⁸ Д. К а ш и н ц е в. Цит. соч., стр. 113.

ческое размещение также обуславливалось взаимной производственной связью. Первоначально, входя в состав предприятия Акинфия Демидова, Нижнетагильская часть состояла в производственной связи с Невьянской частью, которая выделилась впоследствии в результате раздела наследства Акинфия между его сыновьями и последовавшей затем продажи Невьянской части другой уральской знаменитости, Савве Яковлеву. Пока они не были разъединены, у Акинфия оставалось 6 домен Невьянского и Нижнетагильского заводов, которые снабжали чугуном 7, а затем 8 железоделательных заводов.

Размещение заводов находилось в связи с местными природными условиями, прежде всего с водными ресурсами, обусловившими устройство плотин. Урал изобилует мелкими речками, достаточными на средний или мелкий завод, но рек, на которых можно было бы устроить плотину для работы крупного завода, здесь немного. На более крупных реках, на Нейве и Тагиле, были поставлены мощные доменные и молотовые заводы, а для перековки чугуна в железо приходилось выбирать мелкие речки.⁵⁹

Заводы шли лентой по р. Чусовой; в верхнем течении ее позднее других возник Висимо-Уткинский завод (1771 г.) для перековки избытков чугуна с Нижнетагильского завода. Последний при быстром росте выплавки чугуна требовал новых молотов, и таким дополнением к нему и должен был явиться этот железоделательный завод. Подобно Висимо-Шайтанскому заводу, Висимо-Уткинский завод был поставлен на пути движения продукции с Нижнего Тагила к Чусовой на Уткинскую пристань. Этим путем шло железо, и тем же путем двигался чугун для перековки его на новом заводе в железо.⁶⁰

На втором месте после Нижнетагильской группы следует поставить в конце XVIII столетия хозяйство Александра Григ. Демидова, внука Акинфия. Он имел 7 заводов, в том числе 2 доменных, 2 железоделательных и 3 медных. В его большом хозяйстве следует отделить заводы черной металлургии от медных. Из двух его доменных заводов Уткинский чугуноплавильный и вместе с тем молотовой завод был расположен в бассейне р. Чусовой на р. Средней Утке. Он снабжался рудой с той же знаменитой горы Высокой, как и Нижнетагильский завод. С ним был тесно связан Тисовский молотовой завод при р. Тисе, впадающей в р. Сылву в ее верховье. Положение завода определялось транспортными условиями: железо с Тисовского завода отправлялось по Сылве до Камы. Этот путь был короче, чем по р. Чусовой, от другого завода того же владельца — Уткинского завода. Но гужевая перевозка чугуна была невыгодна, и поэтому Тисовский завод позднее стал обслуживать не только Уткинский завод, перерабатывая его чугун, но главным образом был связан с Молебским доменным заводом, построенным на Сылве, выше него, откуда чугун и направлялся водным путем вниз по течению Сылвы. Для переработки уткинского чугуна в 1767 г. был выстроен молотовой завод на р. Камбарке у Камы, ниже Сарапула. Этот удаленный от своих домен железоделательный завод был расположен по пути следования уральской продукции внутрь России. Чугун отправлялся с Уткинского завода весной в судах вместе с караванами железа и шел по пути следования его до Камбарского завода, где чугун выгружался и шел на перековку.

Тот же Александр Демидов имел 3 медных завода: Суксунский, Ашпский и Бымовский. Первый из них, Суксунский, не имел своих рудников

⁵⁹ П. Г. Любомиров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, М.—Л., 1937, стр. 84.

⁶⁰ Там же, стр. 193.

и получал черную медь для очистки с Ашапского и Бымовского заводов. Он имел 12 медеплавильных печей, производил медную посуду и был расположен в 60 верстах от Бымовского завода с его медными рудниками. Суксунский завод был затем приспособлен для одновременной выковки железа из чугуна, доставлявшегося с Уткинского доменного завода, расположенного от него в 135 верстах. Это — «комбинат с плохим географическим размещением», как говорит П. Г. Любомиров.⁶¹ Александру Демидову принадлежал также Шаквинский завод, в конце столетия, вероятно, бездействовавший. Первоначально он получал медь с Бымовского завода, одно время был железоделательным, но не производил чугуна.⁶²

Брату Александра, Петру Демидову, в конце века принадлежали 3 завода, в том числе один из крупнейших чугуноплавильных заводов того времени — Ревдинский завод с 2 домнами; он давал 200—300 тыс. пуд. чугуна в год, уступая только Нижнетагильскому заводу. Ревдинский завод был расположен на р. Ревде при ее впадении в Чусовую. Он был не только доменным, но и железоделательным и снабжался рудой из Нижнего Тагила, с горы Высокой, от которой отстоял на 150 верст. Такой выбор места для завода при его постройке объясняется тем, что в Нижнем Тагиле нельзя было поставить еще один крупный завод, а перевозка руды гужом была выгоднее, чем перевозка чугуна и железа. Река Ревда была достаточна для снабжения завода энергией. Ревдинский завод не только производил чугун и часть его сам превращал в железо, но и снабжал чугуном два других завода того же владельца. С ним был связан Бисертский железный завод Петра Демидова, отстоявший от него на 50 верст и расположенный в верхнем течении р. Уфы, у ее притока р. Бисерти. Он не имел рудников, и его приписные крестьяне показываются вместе с Ревдинским заводом.⁶³ С тем же Ревдинским заводом был тесно связан Рождественский завод (1740), расположенный на р. Ножовке у Камы, близ г. Осы. С Ревдинского завода грузы должны были идти по Каме мимо Ножовки, и здесь часть чугуна выгружалась для дальнейшей переработки на Рождественском заводе. Таким образом, все 3 завода Петра Демидова составляли нечто целое, дополняя друг друга и образуя единый комбинат. Если местоположение первого из них, Ревдинского, диктовалось энергетическими, водными и сырьевыми ресурсами, то Рождественский завод связывался с ним благоприятными транспортными условиями по Каме, несмотря на большую удаленность Рождественского завода от домен Ревдинского завода.

Кроме указанных трех предприятий надо отметить, по данным «Генерального описания» 1797 г., заводы Никиты Никитича, племянника Акинфия и внука первого уральского заводчика. Он имел 3 завода, в том числе 2 доменных вместе с молотовыми (Каслинский и Верхнекыштымский) и один молотовой (Нижнекыштымский). Верхнекыштымский завод принадлежал к крупнейшим заводам с годовой выплавкой в 80—90-х годах в 200—285 тыс. пуд. чугуна. Эти 3 завода расположены на Южном Урале, далеко от вышеуказанных других демидовских заводов. Оба Кыштымских завода, из которых один был доменный, а другой — только молотовой, Герман рассматривает как один завод с 2 плотинами, 2 домнами и с молотовыми цехами.

⁶¹ Там же, стр. 91, 193—197; И. Герман. Цит. соч., ч. 2, стр. 50.

⁶² П. Г. Любомиров. Цит. соч., стр. 196.

⁶³ И. Герман. Цит. соч., ч. 2, стр. 117; П. Г. Любомиров. Цит. соч., стр. 88, 89—95.

На Южном Урале были расположены и заводы Ивана Евд. Демидова. Это были два завода в Оренбургской губернии, основанные на земле башкир позднее других демидовских заводов, — Кагинский (1769) железоделательный и Узьянский (1777) — чугунолитейный и железоделательный. Они были тесно связаны один с другим: домны Узьянского завода снабжали чугуном молотовой Кагинский завод. Узьянский завод был расположен по р. Белой, выше второго завода, и, следовательно, его чугун передавался в том же направлении, в каком шло и железо с того же Узьянского завода. Для этих заводов Любомиров отмечает «счастливое сочетание» близости рудников, судоходных рек и мощных лесных площадей близ заводов». ⁶⁴

Гвардии прапорщик Петр Евд. Демидов владел в 1797 г., к моменту составления «Генерального описания», также тремя заводами, но не на Урале, а в центре страны, поблизости от старого демидовского гнезда, в Калужской губернии. Это были: Верхнедугненский завод, основанный еще в 1707 г., Нижнедугненский, выстроенный в самом конце столетия (1796 г.), и Людиновский завод, все три — доменные (с 4 домнами) и железоделательные заводы. Водными путями служила Ока, а также Днепр и Десна.

Там же расположены были Брынский и Есенковский заводы, в конце столетия принадлежавшие Алексею Демидову. Первый из них, молотовой завод, первоначально получал чугун с Дугненского, но затем перешел на переработку чугуна с Есенковского, большого доменного и молотового завода. Брынские леса снабжали его в достаточном количестве топливом. Первоначально доставка чугуна с Дугненского завода шла по направлению движения готовой продукции, железа, как в ближайшие места, так и по Днепру и Десне. Брынский и Есенковский заводы ориентировались также и на сбыт в северном направлении — на доставку железа в Петербург, через Гжатскую пристань, до которой грузы шли сухим путем на протяжении 150 верст. ⁶⁵

Из «преждебывших» заводов Демидовых, отошедших в другие руки, кроме Невьянской части, находившейся в собственности Яковлевых, надо отметить также Сергинские заводы (Нижний и Верхний), принадлежавшие после Демидова заводчикам Ширяевым. Они были расположены на р. Серге, впадающей с севера в Уфу. Из них Нижнесергинский был доменным и молотовым, Верхнесергинский — только молотовым. При этом чугун должен был двигаться вверх по реке на молотовой завод, откуда железо вновь спускалось по воде вниз. Это объясняется стремлением наиболее выгодно использовать гидроэнергию для работы завода. Тем же заводчикам принадлежали Верхне- и Нижнешайтанские заводы. ⁶⁶

Размещение заводов диктовалось прежде всего наличием рек, удобных для устройства плотины. Существенное значение имели транспортные условия, и не только для наиболее удобной отправки готовой продукции к центру страны, к рынкам сбыта, — не менее важное значение судоходных рек заключалось в том, что они способствовали сочетанию доменного завода с железоделательными. Последние нередко располагались ниже домен по течению реки и в направлении к рынкам сбыта, чтобы чугун мог перевозиться с наименьшими издержками на железоделательный завод для выделки железа.

⁶⁴ П. Г. Любомиров. Цит. соч., стр. 181.

⁶⁵ Там же, стр. 133, 147.

⁶⁶ Там же, стр. 96; И. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, стр. 195—203; см. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, стр. 320.

Часть третья

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДЕМИДОВЫХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

ГЛАВА X

РУКОВОДСТВО И УПРАВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВОМ ДЕМИДОВЫХ

1. ЗАВОДЧИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

В течение почти всего XVIII столетия среди заводчиков Демидовых остается знакомый нам тип предпринимателя - крепостника, продолжающего строить заводы, покупать вотчины и угнетать крепостных. Вместе с тем отчетливо проявляются новые черты: заводчики входят в состав знати, и с процессом «одворянивания» появляются типичные для той эпохи расточители, тратившие огромные средства на празднества, дворцы, сады и великолепную обстановку.

Особенно жестокий режим установился на заводах и в вотчинах Никиты Никитича Демидова и его сына Евдокима. В его вотчине, в с. Ромодановском, Калужской губернии, вспыхнуло в 1752 г. упорное и длительное восстание. Крестьяне обвиняли Демидова в том, что он мучил «без упокою» взрослых и детей, заставляя их работать скованными в кандалах, запытал 20 человек и даже повесил двух крестьян.¹

Из сыновей Акинфия Демидова старший, Прокофий, прославился своим богатством, чудачествами, а также пожертвованиями на строительство Воспитательного дома. Он выстроил в Москве в 1756 г. великолепный дворец (в Нескучном) и разбил при нем ботанический сад, описанный тогда же академиком Палласом. Последний сообщает, что при устройстве сада и дома работали 700 человек, выравнивая в течение 2 лет высокий берег Москвы-реки.² Ему принадлежал также другой дом в Москве, на Басманной, обитый снаружи железом для безопасности от пожара. «Внутренняя отделка дома была великолепна и вполне соответствовала колоссальному богатству хозяина. Масса золота, серебра и самородных камней ослепляла глаза; на стенах, обитых штофом и бархатом, красовались редчайшие картины; зеркальные окна и лестницы были уставлены редкими растениями; мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала своей тончайшей, как кружево, резьбой».³ Прокофий

¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 149—150, 308 сл.

² П. Александров. Прошлое Нескучного сада. Историческая справка, изд. Сабашниковых, М. (1919). В этом дворце в Нескучном помещается в настоящее время Президиум Академии Наук СССР.

³ Шубинский. Русский чудак XVIII века. Исторические очерки и рассказы, изд. 4-е, СПб., 1903, стр. 327 сл.

Демидов продал в 1768 г. Невьянский и другие заводы Савве Яковлеву за огромную сумму в 800 тыс. руб.⁴ Мало сведений имеется о среднем из трех братьев — Григории Демидове (ум. 1761). Он успел построить два завода — Тисовский и Бисертский и таким путем расширил доставшуюся ему Ревдинскую часть. Сын его Павел учился сперва в Ревеле, затем в Геттингенском университете и во Фрейбурге.

Не походил ни на брата Прокофия, ни на племянника младший из трех сыновей Акинфия — Никита, которому отец хотел оставить все свои заводы. Это был заводчик-делец. Он не выделялся какими-либо особенностями, и эта ординарность делает его в своем роде не менее типичным, чем его старший брат, характерный представитель чудаков и самодуров того времени. Н. А. Демидов значительно расширил свое предприятие. К доставшимся ему 6 заводам он присоединил Нижнесалдинский (1760), Висимо-Уткинский (1771) и Верхнесалдинский доменный (1778). Впоследствии выпуск чугуна и железа на его заводах превышал продукцию всех заводов его отца до раздела наследства. Примером удачного ведения дел может служить поездка его для получения денег по знаменитому долгу Бирона, которому отец его Акинфий Демидов в годы всемогущества курляндского герцога при императрице Анне дал 50 тыс. руб. Весной 1765 г. Демидов выехал в Курляндию, в столицу герцогства Митаву. По дороге он останавливался в Нарве, Ревеле и Риге, сохранились его письма к родным и приказчикам, любопытные с бытовой стороны. С Бироном он заключил особое соглашение о постепенном погашении долга, и в июне 1766 г. поступил от герцога первый взнос в 10 тыс. руб.⁵ Н. А. Демидов жил большим барином в Москве или в своих подмосковных, часто наезжая в Петербург, и москвичи съезжались к нему осматривать дом и обширный сад.⁶ Он во множестве покупает картины и статуи, дорогую мебель, редкие растения. Из Петербурга его приказчик отправляет ему заказанный у ювелира бриллиантовый перстень, посылает иностранные вина, фрукты, устрицы, голландские сельди и пр. Приказчик справляется для него о привезенной на иностранном корабле арапке, покупает попугая и других заморских птиц, перевозка которых в Москву представляет большие трудности и служит предметом оживленной переписки. Его комиссионер по доставке всяких редкостей, голландец Фондершаф, летом 1766 г. пишет из Амстердама, что может купить молодого попугая, говорящего по-голландски, которого легко можно выучить и по-русски, и посылает двух птиц в медной клетке за 119 гульденов. По словам петербургского приказчика, это были американский ворон и «сонцовая» птица, похожая на зеленого попугая.

Н. А. Демидов регулярно получал из Петербурга все книжные новинки. Так, в феврале 1766 г. петербургская контора выслала ему в Москву 20 книг, в числе которых названы «Римская история», «Невинное упражнение», комедия «Недоверчивый», «Повесть о княжне Жеванне, королеве мексиканской», «Побочный сын короля наваррского», «Нравоучительные басни Федора Эмина», «Горестная любовь маркиза де Толедо». Наряду с этим посылались и серьезная литература: «Сокра-

⁴ Гос. библ. им. Ленина, рукоп. Панина, т. V, № 2. Письма разных особ, л. 322—324. Копия договора о продаже заводов П. Демидова и С. Яковлева с заметками о степени выполнения его. Прокофий Демидов продал 26 ноября 1768 г. 7 заводов (Невьянский, Бынгровский, Шуралинский, Верхнетагильский, Шульгинский, Верхнейвинский, Бынгровский кожевенный), леса по рекам Камбарке и Каме и 9 домов (в Лаишеве, Кунгуре, Тюмени, Чебоксарах, Казани, Нижнем, Ярославле, в Москве и Петербурге).

⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, № 4045, Черновые исходящие 1765 г., д. № 29.

⁶ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 14.

щение естественного права», «Житие славных в древности мужей», «Государь и министр», «Проповеди Феофановы».⁷ Пестрота этих книжных названий свидетельствует, что закупалось и высылалось в Москву почти все, что выходило в свет, без какого-либо отбора; впрочем, учебники посылались специально для Нижнего Тагила. Но можно все же выделить отдельные требования Демидова. Так, в январе 1776 г. приказчик, отвечая на запрос его относительно сатирических журналов Н. Новикова, писал, что еженедельных сочинений, подобных «Кошельку» или «Живописцу», «как по справке оказалось, ныне не выходит».⁸ В ноябре 1777 г. Демидову выслан был «Живописец», изданный в двух частях. Вместе с другими книгами в Москву отправлены «Вольтеровы разговоры».⁹ В 1770 г. из Петербурга высылался знаменитый сатирический журнал «Всякая всячина», редактировавшийся Екатериной II, а также был отправлен 12-й том «Трудов Вольно-Экономического общества».¹⁰ В другой раз приказчик обещает купить «новонапечатанные» книги, среди которых названо «Торгующее дворянство», как известно, переведенное с французского Фонвизиним. В январе 1767 г. Демидову высланы из Петербурга 4 экземпляра манифеста «О сочинении Уложения и о присылке депутатов».¹¹

В течение двух с половиной лет, в 1771—1773 гг., Демидов побывал за границей и объездил Германию, Голландию, Францию, Италию, посетил Швейцарию и Англию. Это путешествие (частью связанное с лечением жены)¹² описано в книге, изданной им много позднее (в 1786 г.) под названием «Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова... по иностранным государствам». Эта книга почти не привлекла внимания исследователей. О ней упоминает в работе по генеалогии Демидовых К. Головщиков, и в сборнике дневников и записок русских путешественников XVIII в., составленном К. В. Сивковым, приведен из нее один отрывок. В предисловии к сборнику автор признает дневник Демидова типичным описанием путешествия по Западной Европе веселящегося богатого русского туриста XVIII столетия.¹³ Однако эта забытая книга представляет более широкий интерес, в частности имеет значение для нашей темы.¹⁴

В Западной Европе он посещал русских посланников, встречался с путешествовавшими, как и он, Шуваловым, Разумовским, Строгановыми. Демидов представлялся римскому папе, был у медицинских светил, осматривал дворцы, картинные галереи и соборы. Он покупал картины, статуи, мебель и зеркала; французский художник Рослен писал портреты его и его жены; в Италии его сопровождал знаменитый русский скульптор Федот Шубин. Но за этим бытом развлекающегося богатого туриста проглядывает время от времени заводчик-металлург: он интересовался также заводами и мастерскими, довольно усердно их посещал и осматривал. В Голландии он любовался картинами Рубенса, но вместе с тем, как отме-

⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 29, л. 10—12.

⁸ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 25, л. 6 об.; № 23, л. 11 об.

⁹ Там же, д. № 25, л. 169.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4058.

¹¹ Там же, д. № 29, л. 76.

¹² Там же, д. № 29, л. 1 об., 2 об.

¹³ К. Головщиков. Род дворян Демидовых, стр. 138—139; К. В. Сивков. Путешествия русских людей за границу в XVIII в., М., 1914.

¹⁴ Полное заглавие книги: «Журнал путешествия его высокородия господина статского советника и ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 г. по возвращении в Россию ноября 22 дня 1773 года. Печатано в Москве, в типографии содержателя Ф. Гишпиуса, 1786 года» (с портретом Н. А. Демидова).

чено в «Журнале», Демидов и его спутники «ездили по фабрикам»; в Париже он усердно посещал ювелирные лавки и студии художников, но осматривал также фарфоровый завод и знаменитую фабрику гобеленов. В Лондоне он был в парламенте, сделал визиты некоторым английским аристократам и осматривал также английские заводы. Характеристика их, включенная в его «Журнал», является едва ли не самым ранним описанием на русском языке крупных предприятий вступившей в период промышленного переворота Англии. «Сего утра приехал в город Бриджман (т. е. в Бирмингам.— *Б. К.*), — читаем в дневнике Демидова, — где видел часть фабрик, в коих переделывают железо в сталь через прогревальные печи, куда полосы накладывают весом по семи тонов, а тона имеет в себе 60 пуд. наших, и держат их в печах шесть суток на сильном огне, потом столько же времени дают остынуть, и после уже в кузницах, полосы раскаля, пересекают в разные бруски, а еще делается сорт стали, ради бритв, которая уже из вышеупомянутых стальных полос, изломанных в куски, и в таких же горшках, в каких производят из красной через галмей, зеленую медь, 4 часа перетапливают, и с примешанием бело песка, поташа, толченого угля и малой части антимонии выливают в железные формы, а после вылитой тот кусок, нагревая в кузницах, делают бритвы, ланцеты и всякие острейшие инструменты. Неподалеку отсюда смотрели механические машины, которыми из разных железных струн плетут всякие каретные и верховые бичи; сия машина сама плетенье производит с малою помощью одного мальчишка, за две рукоятки поворачивающего».

Демидов отметил низкую производительность английских домен: «Потом сего ж дня прибыли на железные заводы и рудники, отстоящие от города в 3 и 6 милях, принадлежащие Накту Испунеру, оные заводы имеют одну малую домну четвероугольного вида. В сутошную засыпку руды полагается до 200 пудов, а выплавляется чугуна по малости в руде доброты в сутки ж до 70 пудов. Здесь также находятся резные и плющильные машины, кои по замысловатому своему изобретению стоят просмотра». Он осматривал близ Бирмингама знаменитое предприятие Болтона, который в скором будущем вместе с Уаттом станет первым фабрикантом паровых машин, а пока производил самые разнообразные металлические изделия. «А на возврате нашего приезда, — читаем в «Журнале» Демидова, — были на славнейшей фабрике господина Болтона, она подлинно заслуживает отменного пред прочими внимания. Ибо в одном только его партикулярном заводе делается всякая галантерея, также стальные пуговицы, шпажные эфесты, пряжки, часовые цепочки и разные вещи из томпака, меди и серебра и отправляются во все части Лондона».¹⁵ В «Журнале» довольно точно перечислен состав продукции этого заводчика, которого современники называли «первым мануфактуристом Англии».¹⁶

На обратном пути, будучи в Саксонии, центре горной промышленности, Демидов и его спутники посетили серебряные рудники во Фрейбурге, где они «видели столь славные и полезные рудники, приносящие курфюрсту доходу одного чистого серебра... до двух тысяч пуд.» Демидов спускался и в шахты.¹⁷ Эти страницы «Журнала» рисуют не только

¹⁵ «Журнал путешествия...», стр. 155.

¹⁶ П. Манту. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, ГИЗ, 1925, стр. 204, 241—242. Фабрика Болтона состояла из пяти корпусов, могла вмещать 600 рабочих и приводилась «в движение водой при помощи мощного колеса, в зависимости от которого работало много машин». Уатт стал компаньоном Болтона в 1774 г., спустя год после посещения Демидова.

¹⁷ «Журнал путешествия...», стр. 161.

развлекающегося в Западной Европе русского дворянина, но и заводчика, интересующегося горным делом и металлопромышленностью.

Путешествие Н. А. Демидова отразилось в переписке с московской и петербургской конторами, сохранившейся в архивных материалах. Эти письма являются любопытным дополнением к изданному дневнику путешествия. Большею частью в письмах он распоряжается относительно отдельных покупок и посылок за границу или пишет об отправке им из заграницы в Москву редких растений, мебели и картин. Приказчики в свою очередь шлют ему за границу донесения о ходе работ на заводах, о движении караванов с железом, о выполнении контрактов. Переписка эта не лишена драматизма. Отдельные мелкие поручения бытового порядка и неторопливое обсуждение хозяйственных вопросов прерываются внезапно разразившимся крупным политическим событием — чумным бунтом в Москве. А успокоительные донесения главной конторы о полном благополучии на заводах и в конторских делах нарушаются затем сообщениями о серьезных денежных затруднениях и о прекращении кредита.¹⁸

Московский приказчик Ив. Белоглазов 31 мая 1771 г. посылает Демидову за границу донесение, что все обстоит благополучно в его московских домах, в подмосковных вотчинах и на всех заводах и в караванах; такие же письма мирного и делового содержания направляются к владельцу и в последующее время. Но донесение 5 сентября 1771 г. начинается с упоминания о карантине; в письме рассказывается, «в каком горестном состоянии здешнее место погружено». Население из Москвы, как мы бы теперь сказали, спешно эвакуируется: «Наша Москва почти полупуста, ибо не только господа, но все купцы, которые полутче, совсем выехали, кто куда мог». Из демидовского дома все с семьями выехали в подмосковные, а те, кто должен был оставаться по делам службы в городе, отправили туда женщин и детей.

«Мертвые тела валяются по улицам» Москвы, родственники умерших забираются в карантин, а имущество предается огню. Демидовская контора принимает некоторые санитарные меры против чумы: по совету докторов закупается уксус, которым приказано натирать все тело, а главное, каждому дворовому выдается ежедневно по 3 рюмки водки, настоянной на чесноке и полыни. Все ворота в доме заперты и поставлен строгий караул с приказанием пропускать в дом и из дома только по «билетам», выданным конторой; у ворот горит огонь, которым окуривают каждого входящего. Учреждения и фабрики закрыты и, по словам приказчика, до 75 тысяч рабочих остаются праздными, запрещены всякие собрания в публичных местах, «одним словом, все погашено». В тот же день приказчик писал в петербургскую контору: «Мы живем между животом и смертью».

Две недели спустя, в донесении от 19 сентября московский приказчик описывает только что происходивший бунт. «Чума хотя еще продолжаетца, однако ж по наступившему холодному воздуху стала полегче, но между тем зделалось другое несчастье. 16-го и 17-го чисел сего месяца подлой народ, состоящий из всякого звания, а по большей части из фабричных, собравшись в чрезвычайном количестве, во-первых, пришед к Чудову монастырю и вломившись во оной, искали преосвященного Амвросия». Не найдя его, восставшие бросились в Донской монастырь, куда скрылся Амвросий, вывели его из монастыря и умертвили, а также искали генерал-губернатора П. Д. Еропкина.¹⁹

¹⁸ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 33.

¹⁹ Ср. П. А. Л е ф и р е н к о. Чумный бунт в Москве в 1771 году.— Вопросы истории, 1947, № 4.

В этом же донесении приказчик сообщает о жестокой расправе с восставшими. Московский губернатор собрал несколько команд с пушками и захватил в Кремле до 50 или 70 человек.²⁰ Затем «они опять к Кремлю приступали с отчаянною буйностью и просили, чтобы выданы были те их товарищи». Несмотря на увещания Еропкина, «они лезли на штыки без боязни». Войска стреляли по восставшим сперва холостыми зарядами из ружей и пушек и поверх их «для страху», но затем было «поступлено военною рукою и как у тех ворот, так и у других, всего в пяти местах побито их довольно, а числом подлинно неизвестно, и тем разогнаны». В ночь на 18 сентября восставшие хотели побить всех лекарей, но успели подойти несколько команд с артиллерией, после чего всё успокоилось. В письме отмечено, что вторичный приступ к Кремлю связан был с требованием восставших освободить их арестованных товарищей; на следующий день дело решено было артиллерийскими залпами. Эти сведения тем интереснее, что в опубликованном следственном материале об этом сказано очень кратко и бегло; власти явно не хотели останавливаться на подробностях бунта и уличных боев. В письме приказчика подчеркивается уличная борьба, участие в ней массы фабричных людей с закрытых фабрик, а также их упорство («лезли на штыки»), которое было сломлено только «военною рукою» в пяти местах города.²¹ Сведения демидовского приказчика подтверждаются частными письмами, сохранившимися в архиве Воронцовых, где также подчеркнута ожесточенность «сражений», происходивших в Москве между восставшими и войсками.²²

Известия о московской чуме довольно поздно достигли путешественников. Только 30 января 1772 г. в письме из Парижа Н. А. Демидов выразил приказчику свое удовольствие в связи с тем, что дом его «от напасти сохранен» и что «всеобщее в Москве несчастье» прекратилось. В последующих донесениях приказчиков из Москвы уже нет и отзвука происшедших событий; в них речь идет о благополучной и весьма успешной работе заводов.

Но в октябре 1772 г. Н. А. Демидов получил за границей другого рода сенсационное известие. Московская контора в подробном письме к владельцу сообщала, что главный покупатель англичанин Ригель отказывается платить за железо с момента отъезда Демидова за границу: «сколько ни отдавано ему было железа, за все он в противность контракту денег нам не давал, а хотя на нужные по заводским векселям платежи и давал, и то всегда с оговорками, что он дал вашему благородию кредит». Дело заключалось в непомерных тратах Демидова за границей, которые делались на средства, полученные через банк от Ригеля и Аткинса, покупателей демидовского железа, кредитовавших заграничное путешествие заводчика. За два с лишним года пребывания в Западной Европе Демидов истратил огромную сумму денег — 75 тыс. руб. Ригель прекратил в связи с этим уплату денег за железо и тем лишил заводскую администрацию необходимых денежных средств.

Пришлось выходить из затруднений путем крупных займов. Петербургский приказчик занял у заводчика Турчанинова 20 тыс. руб., а московская контора получила от другого заводчика — Походяшина — 60 тыс.

²⁰ В действительности арестовано было больше, до 300 чел.— См. «Архив кн. Воронцова», т. XVI, приложения.

²¹ А. З е р ц а л о в. О мятежах в городе Москве, М., 1890, стр. 370. В следственном материале только один раз кратко отмечено, что «дерзость» восставших заставила бригадира Мамонтова «сделать несколько выстрелов из пушек и истреблять злодеев мелким ружьем, коих человек до 100 и побито да взято под караул 249 человек, из коих несколько есть и раненых».

²² «Архив кн. Воронцова», т. XVI, стр. 450—469.

руб.; наконец, от двоюродного брата Евдокима Демидова было получено еще 50 тыс. руб. Значительность этих займов показывает степень расстройств, в какие были приведены дела в связи с отказом в кредите, вследствие чрезмерной расточительности владельца. Эти займы пришлось держать в строгом секрете, «не объявляя и не разглашая».

Заграничная жизнь Н. Демидова и после этого протекала попрежнему в переездах из одной столицы в другую, сопровождавшихся дорогими покупками для украшения московского дома. В последнем письме, посланном из Лондона 10 июля 1773 г., Демидов извещает петербургского приказчика об отъезде в Россию скульптора Федота Шубина и приказывает отвести скульптору «пкоец» в его доме, а также «небольшой сарайчик для его работы». Федот Шубин изваял мраморный бюст Демидова.

Автор известных воспоминаний А. Т. Болотов видел в последующие годы в московском демидовском доме в Немецкой слободе его собрание картин и любовался «американскими птичками колибри, из которых иные не более пчелы были величиною». О владельце этих редкостей Болотов говорит, что наряду с любезностью по отношению к гостю в знаменитом богаче «сквозь золото» видна была грубая «подлая природа».²³

Жизнь Демидовых к концу XVIII в. вошла в берега. Не надо было беспрестанно колесить из Тулы или Москвы на Урал и обратно; не надо сидеть в заводском горном гнезде и самому рыскать по уральским деревням, хватая непокорных крестьян, бить их нещадно и гнать на работы или понукать и бранить приказчиков и руководить каждым их шагом, как это делали первые владельцы. Никита Акинфиевич проявлял не меньшую суровость, но управлял заводами издали, из Москвы, без тревог и без шума. Сюда поступают к нему донесения и подробные отчеты из контор, к нему приезжают для доклада караванные служители, сопровождавшие его баржи с железом; он в курсе всех частных производств, коммерческих операций и договоров. Но управление и руководство явно бюрократизировались, делопроизводство в его главных конторах поставлено по образцу казенных учреждений. Он сравнительно редко подписывает множество подробных предписаний, инструкций, выходящих из его конторы, и почти никогда не пишет их сам. Он старается во все вникать и все решать, но приказчики в почтительных выражениях подсказывают и готовят каждое его распоряжение и, кажется, лишь делают вид, будто сам владелец, а не они, управляет на деле огромным предприятием.

При этой бюрократизации руководства оставалось сделать лишь шаг, чтобы отделить собственнические функции от непосредственного управления предприятием. Это было сделано уже к началу XIX в. представителем четвертого поколения Демидовых — Николаем Никитичем (1773—1828). Он остался после смерти отца 15-летним мальчиком, и делом управляли за него знатные опекуны А. В. Храповицкий и Н. Д. Дурново. Николай Демидов числился сержантом гвардейского Семеновского полка, но по дворянскому обычаю жил в родительском доме и «проходил науки». Всесильный Потемкин интересовался им и взял к себе адъютантом;²⁴ с ним он, вероятно, выехал в Яссы на мирный конгресс с турками. В царствование Павла имя молодого Николая Демидова мелькает в именных указах сумасбродного императора вместе с фамилиями придворной знати. Из камер-юнкеров Демидов очень скоро был пожалован камергером, тайным советником и затем гофмаршалом.²⁵

²³ А. Т. Болотов. Записки, СПб., 1872, т. III, стр. 818, 862, 1023—1024.

²⁴ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 50, л. 49 об.

²⁵ «Сенатский архив», СПб., 1888, т. I, стр. 49, 636, 660.

В какой мере изменились приемы хозяйствования в демидовской семье, свидетельствует положение дел в последние годы XVIII столетия, когда были произведены типичные для дворянства и знати того времени огромные траты на приданое сестрам, на потребительские цели, что привело к задолженности и стремлению поправить дела новыми долгами, залогом или продажей деревень. В 1795 г. было заложено или продано (О. Жеребцовой) с. Фокино с 14 деревнями за 326 тыс. руб.²⁶ В 1797 г. Николай Демидов просит о разрешении заложить три московских дома. Тягостное положение он объясняет тем, что выдал замуж двух своих сестер и дал им в приданое более 300 тыс. руб. деньгами и вотчинами, оцененными в 600 тыс. руб.; кроме того, он уплатил долги зятя в сумме 162 тыс. руб. В прошении, поданном тогда же в Берг-коллегию, он говорит, что заводы находятся под угрозой остановки за недостатком денежных средств, и просит выдать из банка 500 тыс. руб. под залог заводов.²⁷ В следующем году Демидов заложил Черноисточинский завод за 150 тыс. руб., а в 1800 г. предлагал банку заменить этот завод другим, Висимо-Уткинским, и намеревался заложить с. Прислон и дер. Притыкино в Калязинском уезде (188 д. м. п.). Все это весьма далеко от предприимчивости первых Демидовых, но зато совершенно соответствует дворянским нравам того времени. Наконец, уезжая за границу, Николай Демидов оставляет доверенность на управление своими заводами. Его хозяйственные дела поправились благодаря женитьбе на Строгановой. Впоследствии он стал русским посланником во Флоренции. С начала XIX в. Демидовы живут за границей, лишь получая огромные доходы со своих заводов и деревень. Непосредственное руководство предприятием перешло к управляющим, сильно отличавшимся от приказчиков XVIII в.

2. УПРАВЛЕНИЕ, КОНТОРЫ И ПРИКАЗЧИКИ

Сохранившийся от владельцев Нижнетагильской группы заводов архивный материал позволяет довольно глубоко охватить заводское хозяйство, как оно сложилось в XVIII столетии. Организация производства, сбыта и транспорта в этом крупном и сложном предприятии является вместе с тем показательной для хозяйства и других заводчиков того времени.

Организация управления с системой контор и значительным штатом сложилась постепенно, но не легко представить в подробностях управленческий аппарат, существовавший в первую половину столетия, при основателе дела комиссаре Никите Демидове и его сыне Акинфий. У них имелись доверенные люди на заводах, в столицах и в ряде городов; были и конторы, но предприятие действовало, повидимому, при непосредственном и повседневном руководстве самого владельца. Первые Демидовы жили сами на заводах, сначала в Туле, затем на Невьянском заводе и часто должны были наезжать в Москву, Петербург и в Тулу,

²⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4117. Копия купчей от июня 1795 г. на продажу камер-юнкеру А. А. Жеребцову с. Фокина с деревнями за 326,7 тыс. руб.; но в д. № 4139 содержатся расписки на получение в июне 1795 г. по закладной на с. Фокино с известной по политическим событиям 1801 г. О. И. Жеребцовой денег как части общей суммы долга — 253 тыс. руб.; через год, в июне 1796 г., также получена часть денег в счет этой закладной. А. Н. Радищев в своем «Дневнике путешествия из Сибири» сообщает интересные сведения о с. Фокине, где он ночевал на обратном пути из ссылки. Радищев говорит, что Жеребцова купила Фокинскую вотчину за 350 тыс. руб. Радищев. Сочинения, т. II, стр. 389—390. СПб., 1907, изд. Акинфиева, под ред. А. Бороздина.

²⁷ Там же, д. № 658, л. 1—10; д. № 4140 и 4136.

а оттуда снова отправлялись на Урал. Акинфий Демидов даже умер в дороге, на пути к своим уральским заводам. Его письма к заводским приказчикам полны деловых поручений, иногда мелкого характера, но всегда разнообразных, охватывающих как заводское производство, так и мелочи быта. Несдержанный, раздражительный и гневный тон этих писем показывает еще отсутствие каких-либо заученных, застывших канцелярских форм. В них отразились в непосредственной и грубой форме отношения между господином и крепостным: сила власти — с одной стороны и полное бесправие и подчиненность — с другой. Первые заводчики выступают в окружении своих родственников, как их ближайших помощников. Никита Демидов строит заводы вместе с сыновьями. Его сын Акинфий после смерти отца в свою очередь также считает необходимым действовать с сыновьями, и нежелание помогать ему со стороны двух старших сыновей является причиной острых конфликтов и жалоб и, наконец, лишения их части наследства. У Акинфия в качестве его наиболее доверенных приказчиков выступают родственники и свойственники: шурин Пальцев сидит в Туле, а зять Володимеров находится на ответственном посту в Петербурге, где продает огромные партии железа и выполняет поставки в казну.

Обе отмеченные черты, которые проступают в отрывочных демидовских «делах» за первую половину века, — непосредственное руководство со стороны владельца и стремление окружать себя многочисленной родней — хорошо выяснены исследователями хозяйственной жизни для предшествующего XVII столетия. В крупных торговых домах, как это выяснено С. В. Бахрушиным на примере торгов гостя Никитина, владелец также выступал в окружении многочисленной родни — сыновей, братьев, племянников и т. п. Непосредственное управление со стороны владельца отчетливо проявлялось в вотчине боярина Безобразова. Этот вотчинник стремился «руководить лично всем хозяйством до самых последних мелочей». ²⁸ У Безобразова отсутствовало какое-либо центральное учреждение: не было ни главного приказчика, ни конторы, он сам непосредственно сносился со своими крепостными приказчиками, стряпчими и старостами. Более сложным и организованным было хозяйство боярина Б. Морозова.

Хозяйство Демидова во второй половине столетия, сочетавшее заводы, вотчины, транспортные средства в виде волжских судов, конторы и лавки по сбыту железа, нуждалось в управленческом аппарате, уже далеком от прежнего непосредственного вотчинного управления. Структура управления теперь отличается стремлением к рационализации руководства и делопроизводства, наличием расчлененного, со своеобразной иерархической лестницей, административного аппарата, отделенного от владельца и действующего лишь под его контролем и общим руководством. Бюрократические формы могли быть заимствованы из практики правительственных учреждений, но, вероятно, в первую очередь стремление к рационализации управления диктовалось строем крупного производства, сложностью огромного заводского хозяйства, необходимостью связанного с составлением смет, расчетов и калькуляций.

Структура управленческого аппарата демидовского предприятия хорошо отразилась в многочисленных инструкциях, которыми регламентировалось управление и делопроизводство. Кроме этих инструкций, источником для изучения системы управления служит деловая переписка, в которой отразилась вся иерархия крепостных управителей и служащих

²⁸ С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае.— Труды Института истории, РАНИОН, М., 1926, сб. статей, вып. 1; А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М.-Л., 1929, стр. 50. См. также И. Забелин. Большой боярин в своем хозяйстве.— Вестн. Европы, 1871.

с разнообразием их обязанностей, подготовки и делового опыта. Управление и руководство осуществлялись посредством сети контор с приказчиками и служителями. Этот управленческий аппарат руководил производством, занимался продажей железа внутри страны и на экспорт, вел сложное финансовое хозяйство, управлял деревнями и вдобавок должен был заботиться о личном хозяйстве господина, выполняя его прихоти, вплоть до выписки попугаев из Америки, перевозки мебели или покупок ливрей лакеям.

Более ответственный персонал состоял из приказчиков, обычно крепостных, изредка наемных, или управляющих конторами, которым подчинялась многочисленная группа служителей и подьячих, крестьянских бурмистров и поверенных. В этом разветвленном аппарате можно различить следующие важнейшие его звенья: 1) главная домовая контора в Москве, руководившая всем предприятием; 2) главная нижнетагильская заводская контора, на которую возложено было руководство всеми заводами; ей подчинены были отдельные заводские конторы, она же ведала отправкой с Урала караванов с железом; 3) важнейшее значение имела петербургская домовая контора, ведавшая экспортными операциями по сбыту железа иностранным купцам; она же вместе с московской конторой вела ответственные сношения с центральными правительственными учреждениями, Берг-коллегией и Сенатом; 4) прочие городские конторы (в Ярославле, Твери и т. п.), занятые продажей железа на внутреннем рынке и отчасти сдачей железа по казенным поставкам; 5) вотчинные управители и конторы, ведавшие крепостными деревнями; нередко эти функции выполнялись приказчиками, стоявшими во главе городских контор. Наконец, управление деревнями основывалось на деятельности крестьянского мира с его выборными властями и коллективной ответственностью. Мир был в конечном счете исполнителем требований господина, а также посредником между крестьянской массой и владельцем с его конторами.

Главная заводская нижнетагильская контора имела большой штат. Во главе ее стояли три главных приказчика, которые совместно подписывали документы и сообща управляли заводами; один из них назывался первым и получал более высокий денежный оклад; его можно сравнить с позднейшим директором заводов. В подчинении приказчиков находились также конторские приказчики, или служители, подьячие, конторщики, писари, а на заводах, рудниках и куренях были надзиратели, смотрители и уставщики. Заводская главная контора, подобно казенным учреждениям, делилась на поветья. Их было четыре: заводское поветье, полицейское, приказное и поветье счетных дел. Персонал главной конторы состоял в 1763 г. из 30 человек, а на следующий год увеличен до 32 — в штат были прибавлены учитель и добавочный писарь. В «штате» нижнетагильского завода за 1763—1764 гг.,²⁹ откуда я заимствую эти сведения, значится также «учитель арифметики, геометрии и прочего»; при заводе была школа, в которую время от времени по распоряжению владельца посылались из Москвы или Петербурга книги и пособия. Нижнетагильская школа готовила конторский и технический персонал; в 1766 г. в ней было 30 учеников.

В оплате конторских служителей наблюдаются резкие различия — от 10—12 руб. в год писарю до 100 руб. расходчику, главные приказчики получали по «штату» до 150—200 руб. в год. Штаты нижнетагильской конторы представлены в табл. 43.

Весь штат главной заводской конторы состоял из 30 чел.; кроме того, конторский персонал имелся и на других заводах, подчинявшихся глав-

²⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 10, л. 2 об.—3.

Таблица 43
Персонал и оклады нижнетагильской главной заводской
конторы в 1763 г.

Должность	Число людей	Годовой оклад р., к.
Главные приказчики:		
первый	1	200.—
второй	1	150.—
третий	1	150.—
Конторщик	1	50.—
Заводское повытье:		
Подьячий	1	36.—
Помощник	1	30.—
Писарь	1	18.—
Полицейское повытье:		
Приказчик	1	27.—
Писарь	1	10.—
Приказное повытье:		
Подьячий	1	20.—
Писарь	1	12.—
Журналист	1	36.—
Расходчик	1	100.—
При нем подьячий	1	24.—
Подушного сбора приказчик	1	70.—
Повытье счетных дел:		
Приказчик	1	40.—
Подьячие:		
первый	1	36.—
второй	1	24.—
третий	1	12.—
четвертый	1	12.—
Конторские рассыльщики	2	13.50
Каморник конторский	1	15.—
Солдаты для охраны казны	7	10.07

ной конторе. Один приказчик находился постоянно в Екатеринбурге, сверх того для каравана предназначалось еще 4 приказчика, обязанных поочередно через год находиться на судах.

Структура главной заводской конторы не оставалась неизменной, и штат ее постепенно увеличивался. Об этом можно судить по «рописям» на уплату жалованья приказчикам и служителям, вероятно, более полным, чем «штат». По росписи 1787 г. во главе нижнетагильской конторы стоят 4 приказчика (вместо 3), при них имеются 2 конторщика (вместо 1); структура конторы также несколько изменилась: она делится на три отдела — заводское и приказное повытья и счетную экспедицию. Исчезло полицейское повытье, но в составе приказного повытья появилась должность «полицейщика», а также «уличные и частные смотрители» (3 чел.). Персонал конторы стал более многочисленным: в конторе сидели 28 чел. (без солдат). Кроме того, значился «запашик» при хлебных запасах, лавочный сиделец и подьячий при нем; при куренных делах по выжигу угля находился надзиратель и 3 помощника; при домнах — надзиратель и приказчик; при молотовых фабриках имелись надзиратели и т. д. Было 3 стряпчих в Екатеринбурге и в Перми, и на караваны были посланы от нижнетагильской конторы 9 чел., имелись «арифметической школы подмастерье», т. е. учитель, лекарь и др. Всего при главной заводской конторе состояло 85 чел. Кроме главной заводской конторы, при каждом заводе в 1787 г. также состоял приказчик и при нем расходчик и служители,

итого на других заводах было 56 чел. Всего в росписи приказчиков и служителей по Нижнетагильскому и другим заводам значится 141 чел.³⁰

По ведомости на уплату жалованья, составленной в январе 1799 г., нижнетагильский конторский персонал возрос уже до 167 чел. Число приказчиков теперь доведено до 5, во главе конторы и заводов стоит Прокофий Морозов с окладом 500 руб. в год, 4 остальных приказчика получают по 400 руб., имеются конторщик и бухгалтер; кроме них, есть особое лицо для «экстренных посылок и случайных препоручений». Как и прежде, контора делится на заводское повытье, приказное повытье, в котором значатся также «полицейщик» и квартальные смотрители, и счетную канцелярию. Но кроме того, выделена касса; «у казначейских дел» состояли приказчик и расходчик; помимо них были конторщики, тесно связанные с производством и находившиеся у молотовых фабрик, на куренях и т. п. Для обслуживания караванов к концу века было выделено 11 чел. (вместо 4 чел. в 1763 г. и 9 — в 1787 г.). Кроме того, имелось 2 стряпчих в Екатеринбурге и Перми, очевидно для сношения с горным начальством и губернской администрацией. Конторы на отдельных заводах также увеличились. При Нижнетагильском заводе по ведомости 1799 г. значится 86 приказчиков и служителей, на остальных заводах число их составляло 81. Всего, следовательно, на заводах в управленческом аппарате имелось 167 чел., на содержание которых расходовалось 15.4 тыс. руб. в год.³¹ Функции заводского аппарата не ограничивались хозяйством — производством, отправкой каравана и финансами. В условиях крепостного строя владелец и заменявшие его на месте контора и приказчики выполняли и публично-правовые функции: они чинили «суд и расправу».

В руководство нижнетагильским приказчикам была составлена особая инструкция, хорошо рисующая широкие и разнообразные функции главной заводской конторы. Важнейшая задача конторы — руководить производством на всех его стадиях: как заготовкой леса, угля, так и выплавкой чугуна, железа и изготовлением медных изделий; на нее возложена отправка каравана судов с Чусовской пристани. К этим основным задачам прибавлялся и ряд других, как, например, сбыт изделий на месте при заводах и снабжение рабочих продовольствием. Инструкция, состоящая из 41 пункта,³² подписана Н. Демидовым 1 ноября 1762 г. и направлена трем нижнетагильским приказчикам — Ив. Андрееву, М. Попову и Григорию Белому. Она начинается с предписания вести дела всем трем с общего согласия, действовать по указам, а в случае затруднений сообщать в московскую контору. Предписывается вести запись всех заводских дел, регистрировать приказы, поступавшие из главной конторы, хранить денежную казну, взыскивать долги. В отношении производства приказчики обязаны наблюдать за качеством железа, как основного вида продукции: оно не должно быть «сыро и толсто», но должно иметь определенную толщину и ширину (2¹/₂ дм. ширины, 1¹/₂ дм. толщины или, в крайнем случае, соответственно 3 и 3³/₄ дм.). При плавке чугуна и ковке железа надо избегать «сырого чугуна» и следить, чтобы выход железа составлял не менее 2²/₃ веса чугуна.

Много места отведено заготовке дров и выжигу угля при заводах, указаны недостатки существующей организации этого дела и предписаны меры для их устранения. Рубка дров и все операции по углежжению (клад-

³⁰ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 46, л. 252—255.

³¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 647, л. 66—72.

³² Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 20, л. 388—414.

ка куч, осыпка, дернение их и т. д.) выполнялись до того отдельными партиями приписных крестьян и заводских жителей под присмотром надзирателей, но при этом происходила «великая конфузия» и возникали «многие жалобы». Теперь желательнее, чтобы приказчики вели дело иначе: рекомендуется вызывать охотников, объявить крестьянам, «не пожелают ли они все то на себя брать». В инструкции предусматривается, что контора должна иметь дело с группой или артелью, берущей подряд на рубку леса и заготовку угля с ответственностью в порядке круговой поруки.

Возка железа к пристаням и отправка каравана также должны быть в центре внимания нижнетагильских приказчиков. Перевозка железа гужом до пристани на р. Чусовой должна быть организована также посредством вызова охотников с оплатой от $1\frac{1}{2}$ до 3 коп. с пуда в зависимости от расстояния отдельных заводов до пристаней. Наем рабочих на караваны производится для обслуживания сплава только по р. Чусовой, а далее следующие партии лоцманов и рабочих нанимаются в пути караванными приказчиками. Для их найма контора рассылает нарочных в начале весны по деревням и в соседние строгановские владения; при этом строго предписано принимать лишь имеющих паспорта, т. е. не беглых людей. Торговые функции приказчиков ограничиваются продажей заводской продукции на месте; они должны заботиться об успешении сбыта изделий, особенно медной посуды, местным жителям. В инструкции говорится о вотчинной юрисдикции заводской конторы. Только в случае крупных преступлений, убийства или кражи у посторонних виновные отсылаются в Екатеринбург, в остальных случаях суд производится дома. В той же инструкции устанавливается распорядок работы приказчиков. Первому из них — Ив. Андрееву жалованье увеличено до 500 руб. в год, второй и третий приказчики получают по 300 руб. в год. Повышение оклада сопровождается указанием «сверх того ничем не интересоваться и взятков не брать».

При смене главного приказчика в 1774 г. владелец называет его председателем: «по должности председателя яко главного командира неотменно надлежит смотреть на поступки товарищей». Вновь назначенному в этот момент первым приказчиком Григорию Белому, ввиду «обращения с посторонними людьми и с канцеляриями», Демидов приказывает «немедленно бороду сбрить и впредь с нею расстаться и притом носить немецкое платье».³³

В инструкции, несмотря на ее детальность, все же еще не полностью очерчены функции нижнетагильских приказчиков. Так, надо отметить задачи, которые возлагались не столько непосредственно на них, сколько на приказчика, находившегося в Екатеринбурге: это были прежде всего функции финансового порядка. При недостатке денег заводская контора производила займы под «ассигнации», т. е. письменные обязательства, или векселя. Деньгами снабжали демидовскую контору или отдельные богатые жители Нижнего Тагила и Екатеринбурга, или казна в лице Главного правления горных заводов, находившегося в Екатеринбурге. Условием займов обычно была уплата по ним в Москве или в Петербурге. Кроме переговоров, связанных с этими финансовыми операциями, приказчики должны были организовать перевозку денег, что было тогда нелегким делом. Так, для перевозки 20 тыс. руб. медной и серебряной монетой из Екатеринбурга в Нижний Тагил понадобился обоз, состоявший из 42 саней.³⁴

³³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 53, л. 50.

³⁴ Там же, д. № 43. Рапорт нижнетагильской конторы 17 января 1768 г.

Следует отметить не указанную в инструкции весьма важную функцию приказчиков — вести сношения с екатеринбургским горным начальством, вносить в казну подушную подать за крестьян и десятину за выплавленный чугун. Эти ответственные сношения с властями требовали много такта и ловкости и были весьма щекотливого свойства, так как приводили к систематическому подкупу их со стороны заводчика. Примером может служить дело о беглых крестьянах графа Мусина-Пушкина, оказавшихся на Нижнетагильском заводе. Среди них были старики 60—70 лет, бежавшие лет 40 назад. На заводе уже находились дети этих беглецов, когда Мусин-Пушкин возбудил дело об их возвращении (всего 29 чел. обою пола). Нижнетагильский приказчик советовал Демидову вместо возвращения беглых скупить этих крестьян у бывшего владельца, заплатив за них 500 руб. или несколько больше. Дело осложнялось тем, что Мусин-Пушкин назначен был в 1763 г. прокурором в Екатеринбург, в канцелярию Главного правления горных заводов, и в связи с этим Н. Демидов предписывал своим приказчикам быть в этом вопросе особенно осторожными.

По прибытии нового прокурора в Екатеринбург находившимся там демидовским приказчиком была поднесена ему «при подобающем поклоне хлеб-соль, которую оной граф принял от него приятно и обращался ласково». После ряда упреков со стороны нового прокурора и призывов к примирению со стороны демидовского приказчика дело кончилось тем, что составлена была купчая крепость на беглых крестьян, которые оставались у Демидова, а Мусин-Пушкин получил за них 4 тыс. руб.³⁵ Это, вероятно, была замаскированная взятка новому прокурору, совмещавшему в своем лице также истца по делу о беглых крестьянах: демидовские приказчики оценили беглецов в 500 руб., а помирились на 4 тыс. руб.

Другой пример. Год спустя, в 1764 г., через Нижнетагильский завод проезжал новый начальник казенного Гороблагодатского завода генерал-майор А. А. Ирман. По словам приказчика в его донесении в Москву, тот приехал «нечаянно», и они его «прилежно просили остановиться и откушать» в демидовском доме. При отъезде ему преподнесли хлеб-соль, «кою пожаловал, принял приятно» и он обещал продолжать «соседственную дружбу». Демидовские приказчики после этого приема провожали Ирмана до Лайских заводов, где генерал также «кушал чай, и после того по требованию ево посланы к нему из дому его высокородия на время два средних зеркала, да шесть стулов, також и протчими поделками служили». Результаты проявились очень скоро. С Гороблагодатским заводом у Демидова давно шел спор о покосах, и в ответ на просьбу запретить гороблагодатским крестьянам косить на спорной земле Ирман «приказал учинить по прошению» Демидова.³⁶

Вдали от заводчика тагильские приказчики чувствовали себя полновластными его представителями. В последние годы XVIII в. при малолетнем владельце Николае Демидове они особенно беспереборно злоупотребляли своей властью. В 1796 г. ему была подана жалоба на приказчиков от всего мирского общества Нижнетагильского завода. Рабочие добивались более высокой оплаты труда и указывали, что в

³⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 31, л. 97—113, 137—142, 145—146.

³⁶ Позднее, к 1819 г. относятся сведения об уплате при Нижнетагильском заводе к празднику пасхи исправнику 500 руб.; послано в екатеринбургский уездный суд в июле — 475 руб.; берг-инспектору А. Булгакову в августе дано 1500 руб., его правителю дел — 500 руб. и т. д., всего в этом году с апреля по сентябрь было роздано чиновникам 4240 руб. и с октября по декабрь еще 1608 р. 60 к.— ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4164.

их лишениях виновны приказчики «по неограниченной своей к взяткам алчности». Они обвиняли главного приказчика Морозова «в домогательствах к налогам» по отношению к рабочим и в том, что по его внушению капитан-исправник чинит со старообрядцев «неограниченный сбор денег». По примеру Морозова и остальные должностные лица — расходчики и надзиратели причиняют, по словам рабочих, «притиски» в отношении денег, и «тем бедным работникам есть сущее грабительство, разорение и семействам их настоящий голод».³⁷

Московская контора Демидова находилась в непосредственном ведении владельца, обычно жившего в Москве. Сюда, как в главную кассу, стекались денежные средства от продажи железа, отсюда затем они распределялись по заводам, караванам и конторам. В Москву направлялись рапорты, отчеты и донесения от многочисленных приказчиков из вотчин и контор, отсюда шли предписания, или, как они чаще назывались, «ордера». Московская контора посылала людей со специальными поручениями на Урал или в другие пункты; здесь производились расследования по проступкам и хищениям крепостных приказчиков, чинились суд и расправа по указаниям господина. Это был как бы штаб или подлинный центр, откуда шло руководство всем огромным предприятием и проводился всесторонний контроль. Сюда приезжали для отчета приказчики с мест, а также с караванов; в московскую контору являлись крепостные крестьяне из вотчин с жалобами и просьбами по общественным вопросам, по мирскому приговору или по личным делам.

Руководящее, центральное место, занимаемое московской конторой, так же как и ее структура, могут быть отчетливо выяснены на основании сохранившихся двух инструкций.³⁸ Первая из них, подписанная владельцем 21 января 1763 г., начинается указанием на широкие задачи, стоящие перед московской конторой. Последняя делилась на 4 повытья или экспедиции. Первое повытье ведало приходом и расходом денег по московскому демидовскому дому и по вотчинам. Второе повытье ведало «заводскими и городскими делами», т. е. наблюдало за уральскими заводами, вело с ними переписку или посылало туда служителей, а также руководило городскими приказчиками, находившимися в других городах. Третье повытье — стряпческое, мы бы назвали его юридическим: оно ведало судебными делами; приказчик, стоявший во главе его, должен был иметь Уложение и собирать все вышедшие указы. Четвертое — счетное повытье соответствовало нынешней бухгалтерии и контролю. С заводов и из других городов присылались в московскую контору отчеты и приходо-расходные книги для счета и проверки.

Владелец оставлял за собою надзор за финансами и общее руководство: «главный приход денег содержать буду я своею персоною», сказано в инструкции. Кроме того, владельцу должны были докладываться дела, не предусмотренные в инструкции: «сверх сего, что запотребно контора к пользу моей признает, не упуская времени докладывать мне, и я имею по тем докладам давать наставления».

Составление инструкции 1763 г. было связано с изменениями в составе руководящих лиц, — вместо уволенного приказчика назначен был другой: «быть конторщиком приказнику моему Ефтифею Матвееву». Кроме него, в это время было еще одно лицо, которое имело руководящее значение и стало выше его: это был обер-бергмейстер Клеопин, специалист горного дела. «По всем заводским, вотчинным и прочим делам резолюции полагать имеет обер-бергмейстер

³⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4136. Отрывки делопроизводства 1796 г.

³⁸ Там же, д. № 4031.

Клеопин с моего с ним разсуждения». На долю Матвеева приходилось непосредственное руководство конторским персоналом под общим надзором Клеопина; приказчик сравнивается при этом с секретарем в казенных учреждениях: «во всем том поступать ему, Матвееву, подобно тому как секретари исправляют». Очевидно, имеются в виду в качестве образца секретари в правительственных учреждениях. Надо вспомнить, что при губернаторе во главе губернской канцелярии в XVIII в. стоял секретарь, а в провинциальных канцеляриях — подьячий; секретарь имел чин 12 или 13-го ранга по петровской табели.³⁹ Имя Клеопина после этого вновь ненадолго появляется в демидовских документах почти 10 лет спустя, во время заграничного путешествия Н. Демидова. К нему обращаются приказчики за советом в отсутствие хозяина в экстренных случаях, но в текущих делах его имя не встречается. Вероятно, этот горный чиновник, живший в Петербурге, стоял далеко от повседневного управления и привлекался к делам лишь по отдельным вопросам.⁴⁰ Но это не новая фигура в демидовских делах: еще отец его Никифор Клеопин, числившийся берг-гешвореном, был послан в 1727 г. из Берг-коллегии к Акинфию Демидову «для строения и произведения Томских и Кузнецких заводов».⁴¹ Теперь и сын его, также горный чиновник, выполняет поручения Демидова.

Почти через год после этой инструкции (30 декабря 1763 г.) Демидов внес некоторые изменения в структуру управления и уточнил порядок работы конторы. О Клеопине уже ничего не говорится, но подчеркивается, что контора находится «под собственным смотрением» владельца. Общее руководство составляет род коллегии из трех приказчиков, из которых один главный, а двое других — его товарищи. Эта система управления свойственна не только данному предприятию; то же самое было у старшего брата Прокофия Демидова на Невьянском заводе. Она, повидимому, заимствована из практики правительственных учреждений и не только является отзвуком коллегиальности администрации XVIII столетия, но напоминает воевод «с товарищи» в XVII в.⁴² Подобно казенным учреждениям эта коллегиальность выражалась главным образом в совместных заседаниях в служебном присутствии. День в демидовской конторе начинался с заседания трех приказчиков. «Всякие присылаемые из казенных мест указы и запросы, также с заводов моих и изо всех моих вотчин и от городовых и караванных приказчиков доношения, ведомости и рапорты... распечатывать и рассматривать во оной моей конторе им, Матвееву, Шерлаимову и Белоглазову, вообще всем трем», говорится в инструкции. Все трое должны подписывать исходящие бумаги «от имени домово́й конторы» Демидова.

Главному приказчику Матвееву был установлен оклад: по первой инструкции — 200 руб., по второй — 240 руб. в год, что соответствовало окладу секретаря в воеводской канцелярии того времени, получавшего 200—225 руб.⁴³ Его товарищи получали по 150 руб.

К самому концу столетия относятся росписи должностных лиц и новые инструкции по московской и петербургской конторам. В 1796—1797 гг. штат московской конторы состоял из 13 чел., кроме того, при продаже железа в двух московских лавках находилось 4 чел. и 4 приказчика были в двух подмосковных имениях. При этом конторский обще-

³⁹ Ю. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины I, М., 1913, т. I, стр. 264—265.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 55. Запись 29 августа 1772 г.

⁴¹ Гос. библ. им. Ленина, отл. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 102—102 об.

⁴² Б. Черин. Областные учреждения России в XVII в., М., 1856, стр. 77.

⁴³ Ю. Готье. Цит. соч., т. I, стр. 297.

управленческий аппарат сливается с московской дворней, обслуживавшей семью владельца. По той же ведомости 1796—1797 гг. при московских домах значатся 13 «верховых» служителей, лакеи, садовники и даже скульптор, который занимается украшениями «грота», а также находится при конторских посылках. Кроме того, было 2 портных, кузнец, 3 ковюха, ученики — слесарные, портные и лекарский; значились также вдовы и девки, многочисленные мальчики и девочки, частью розданные на сторону в обучение; среди них имелись «музыкантские ученики», певчие и др.⁴⁴

Приказчики, или управляющие конторой, остаются во главе ее по долгу; эти должности находятся в руках немногих семей крепостных и переходят от отца к сыну. В документах демидовского архива на протяжении десятилетий встречаются в различных должностях в столицах и в провинции Шерлаимовы, Матвеевы, Белоглазовы, Зубриловы, Урвины. Это — опытные и грамотные люди, подготовленные для административных и канцелярских обязанностей.

Круг дел московской конторы и ее руководящее значение хорошо отразились в письмах московского приказчика Ивана Булгакова к Демидову во время его отъезда в Петербург. Переписка охватывает период от января до начала сентября 1759 г.⁴⁵ Так, в письме от 18 февраля 1759 г. приказчик останавливается на организации каравана с железом; для того, чтобы уяснить себе особенности «верхового хода» судов по Волге, он даже заставил приехавших караванных приказчиков «диспутоватца» в московской конторе. Он скептически относится к возможности замены обычных, зимующих в Твери караванов, однолетними, так как последние требуют в короткое время двойного числа работников и осуществимы лишь при высокой воде. В том же письме Булгаков обсуждает вопрос, сколько железа надо выгрузить и продать в отдельных городах на внутреннем рынке, в особенности в Москве, для которой он предлагает поднять намеченную цифру с 20 тыс. пудов до 30 тыс. п. Он вообще считает, что все выкованное железо (200 тыс. п.) надо делить поровну между внутренним рынком и экспортом (по 100 тыс. п.), и ссылается на благоприятные условия в связи с недавней отменой внутренних пошлин. В том же письме речь идет о необходимых изменениях в личном составе демидовских контор. Довольно подробно освещается положение в вотчинах, приказчик в этот момент вел переговоры о покупке с. Прислон на р. Дубне. Наконец, письмо заканчивается обсуждением финансовых дел, перевода денег за проданное железо из Ярославля в Москву, а также мелких дел, как покупка галунов на ливреи лакеям и т. п. Когда владелец находился дома, приказчик, разумеется, обсуждал с ним те же вопросы. Обеспечение всем необходимым каравана и его организация; распределение железа на поставки в казну, на продажу по городам и на экспорт; уплата по векселям; собирание денег от провинциальных контор; назначение окладов и наград конторскому персоналу; покупка новых деревень; взимание оброка с крестьян и требование от них работ; обращение в казенные учреждения и уплата подушной и десятины; наконец, мелкие личные поручения хозяина — таков круг вопросов, подлежавших ведению московской конторы и ее управляющего. Меньше всего здесь затрагиваются текущие производственные вопросы, которые, вероятно, решались на месте, в нижнетагильской главной конторе.

Функции петербургской конторы состояли прежде всего в обеспечении экспорта железа. Петербургские приказчики вели переговоры с мак-

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4081.

⁴⁵ Там же, д. № 4017. Донесения И. Булгакова 1759 г.

лерами и английскими купцами, находившимися в Петербурге, заключали с ними контракты, должны были находиться в курсе колебаний спроса на железо в Лондоне. Они принимали железо с караванов, разгружали его на пристани, складывали в подвалы демидовского дома или грузили его на английские корабли.

В петербургской конторе в 1768 г. состояли: приказчик Ипат Кононов, стряпчий, занятый сношениями с петербургскими казенными учреждениями, и служитель, который вел счетные дела и ведал складом железа. Кононов вел переговоры с иностранными купцами и маклерами, о чем самым подробным образом сообщалось в Москву; он получал 250 руб. в год. Кроме них, в петербургском демидовском доме на Васильевском острове находилось в то время 5 дворовых, дворник и 5 учеников, из которых один учился «арифметической науке».⁴⁶

В 1798 г. петербургская контора была реорганизована, и для нее, как и для московской конторы, были составлены подробные предписания и инструкции. Повидимому, это было связано с происходившим в то время переездом главной конторы из Москвы в Петербург. Внутренний распорядок изложен в этой инструкции несколько подробнее, чем в предыдущей. Подчеркивается коллегиальность управления, и в то же время проводится определенное разграничение дел. Круг дел, очерченных здесь, ясно показывает, что московская контора потеряла к этому времени свое руководящее значение, превратилась в местную контору, ведавшую московскими домами, «здешними» железными лавками и подмосковными вотчинами.

Несколько позднее было составлено особое «Положение» для регулирования работы петербургской конторы, относящееся, вероятно, к 1801 г. Контора в этот момент делится на пять частей с управляющими во главе. В «Положении» более подробно, чем в прежних инструкциях, указаны задачи в области бухгалтерии, особый параграф отведен составлению годового баланса. Кассир должен был представлять по окончании года для проверки все имеющиеся книги и документы.⁴⁷

Петербургская контора вела также сложные и хлопотливые дела в высших учреждениях, в коллегиях и в Сенате. Это требовало расходов на подношения и взятки. Всего выразительнее, может быть, рисуют эту сторону деятельности петербургских приказчиков два документа в виде особой записки или счетов на расходы по делу о снятии с Демидовых поставок в казну и многолетней задолженности по поставкам. Подкупались сенатские секретари, канцеляристы, чиновники Берг-коллегии и Адмиралтейства; самая крупная сумма была дана президенту Берг-коллегии.

Счет этот начинается 24 августа 1774 г., когда «при начатии дела» по Берг-коллегии камериру, у которого находилось дело о поставках, «на первый случай» дано было 50 руб., затем на угощение члена той же коллегии с секретарями израсходовано еще 25 руб. Вскоре после этого дано 25 руб. канцеляристу, исправлявшему должность секретаря при президенте коллегии Соймонове, секретарю дано 100 руб. В октябре, по окончании этого дела в коллегии, откуда оно пошло в Сенат, камериру вручено 55 руб. Тогда же дана одна из крупнейших взяток: сенатскому обер-секретарю Андреяну Васильеву дано «на вексель, который после протестован и хранится, — 1000 руб.». Вексель, повидимому, должен был замаскировать взятку, придав ей характер займа, но он имел, кроме того, и другое значение: при помощи векселя демидовская контора могла дер-

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 102, л. 61.

⁴⁷ Там же, д. № 4156. Положение о петербургской домово́й конторе.

жать чиновника в своих руках, всегда угрожая ему подать вексель ко взысканию.

Сенатскому секретарю Крамаренкову перепадало особенно часто: ему было дано 20 пуд. меди стоимостью 150 руб., 22 саж. дров, 50 досок теса, 200 бревен, переданы 2 барки, отвезено 20 пуд. железа, все это на 145 руб., кроме того, дано 100 руб. деньгами. Тот же Крамаренков «за покрытием льдом Невы-реки обедал и ночевал» в демидовском доме и на угощение его истрачено 25 руб. Примером крупного подношения является следующий случай. Сенатскому обер-прокурору Ив. Гавр. Резанову на новоселье куплены были столовые часы с курантами, две бочки вина, крупчатый пирог и две серебряные солонки. Все это обошлось в 312 р. 45 к. Но самая крупная сумма потребовалась для президента Берг-коллегии: «его превосходительству Михайле Федоровичу Соймонову» дано было 5 тыс. руб. Наконец, по решению в Сенате этого дела о поставках было дано секретарю 600 руб. и регистратору — 400 руб. Кроме того, много раз угощались чиновники; так, сенатскому секретарю на именины было отвезено 24 бутылки пива. В целом по делу о поставках было израсходовано 3086 руб., не считая крупнейшей взятки президенту коллегии.

Другое демидовское дело о пришлых крестьянах, обсуждавшееся в Сенате, также потребовало подношения сенатскому обер-секретарю 400 руб. По этому делу снова сделаны подарки президенту Берг-коллегии Соймонову, на этот раз железом на сумму 492 р. 60 к. и т. д. Наконец, по решению этого дела было отвезено сенатскому секретарю 500 руб. В 1784 г. к празднику пасхи отвезены напитки, табак и т. п. сенатским обер-секретарям, в мае устроено им угощение, на этот раз «с фамилиями», т. е. вместе с семьями. Постоянным был «приказный расход» по мелким делам, например, за получение копий с документов Берг-коллегии. В течение 10 лет, с 1774 по 1784 гг. только по крупным делам было израсходовано 14 280 р. 75 к.

Сохранились выразительные записки, по которым получались взятки. Вот записка от демидовского приказчика: «Государь мой Данила Яковлевич! О чем вы меня просили, оно с сим вручителем к вам и посылаю, о получении чего прошу на сем же письмеце меня уведомить. В протчем пребуду вам, государю моему, покорным и доброжелательным слугою. Василий Евсевьев». На том же листке другим почерком написано в ответ на подношение: «С чувствительною моею благодарностью получил, что и постараюсь возвратить, как и обещал, а во мне вы навсегда оставили благодарное сердце. Ваш всепокорнейший слуга Данила Яковлев». Здесь же находится не менее любопытный отрывок соглашения с крупными взяточниками: «Положили за дело об освобождении от казенных поставок дать обер-секретарю 600 руб., секретарю — 400 руб., повытчику — 300 руб.» и т. д.⁴⁸⁻⁴⁹

По делу о пришлых крестьянах, решенному в Сенате в благоприятном для Демидовых смысле, надо было отблагодарить ряд лиц. Этот расход на «акциденции», как называет приказчик взятки, в сумме 766 руб. он предлагает разложить на тех же крестьян, относительно которых шло дело, и на каждую душу мужского пола приходилось по 40 коп. За взятки должны были расплачиваться в конечном счете сами крестьяне.⁵⁰

Неудачи в спорных делах приказчики объясняли недостаточно щедрыми взятками. Одновременно с только что упомянутым делом о кре-

⁴⁸⁻⁴⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4030, л. 46—63 и д. № 125, л. 53—57.

⁵⁰ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 25, л. 146. Донесения петербургской конторы 1776—1777 гг.

стьянах осенью 1777 г. разбирались в Берг-коллегии спорное дело о лесах между Н. Демидовым и С. Яковлевым. Демидовский приказчик сообщал из Петербурга, что в коллегии препятствует в этом «господин Васильев», который прежде всегда оказывался благосклонным, но теперь Савва Яковлев «изрядным образом умаслил» его. Впрочем, и это дело в конце концов было решено в пользу Демидова: спорные леса были поделены поровну и был произведен дополнительный отвод к его Салдьяскому заводу, что должно было обеспечить завод топливом на 100 лет.⁵¹

Приказчикам петербургской конторы приходилось подавать прошения на имя императрицы и просить самых высокопоставленных лиц при дворе — Алексея Орлова, Безбородко, Олсуфьева и других. По делу о зачете десятины, уплачивавшейся с выплавки чугуна, которое разбиралось в Сенате в 1777 г., приказчик сообщал, что «Адам Васильевич⁵² не устоял». В связи с этим пришлось обращаться еще выше, и в донесениях из петербургской конторы читаем, что «на сих днях Евсеев [приказчик. — Б. К.] поедет в Сарское село и стараться будет о подаче просительного письма ее величеству, при чем имеет вручить его превосходительству Петру Васильевичу Завадовскому рекомендательное от его сиятельства графа Алексея Григорьевича⁵³ письмо». Тот же приказчик ездил еще раз в Царское село и просил «господина Безбородко» о докладе самой императрице дела о зачете десятины. Посредник при этих переговорах требует на раздачу нужным людям 500 червонцев.⁵⁴

Не удивительно, что приказчики, которые должны были производить эти подношения и «акциденции», сами не всегда оставались чистыми. В демидовской конторе не прекращались расследования по растратам того или иного приказчика или служителя. Остановлюсь на следственном материале о хищениях и растратах, обнаруженных в петербургской конторе в 1784 г. Дело сопровождалось арестами, заковыванием в кандалы, допросами с пытками и очными ставками, но все это происходило не в государственных учреждениях, а в демидовском доме, в Петербурге, и следствие велось по приказу Демидова его же людьми в порядке вотчинной крепостной юрисдикции владельца.⁵⁵

Обвиняемыми оказались приказчик Василий Зубрилов, возглавлявший петербургскую контору, и его помощник Данила Белоглазов, ведавший продажей железа с петербургского склада. Вина обоих сжато изложена в особом «экстракте», носившем характер обвинительного заключения. Зубрилов обвинялся в растрате в сумме 1802 руб. и, кроме того, в том, что открыл «видимую дорогу» к хищениям другому служителю — Белоглазову, с которым имел «торговую связку», т. е. совместно занимался в свою пользу торговыми операциями; в результате его действий в экспортных делах Демидову был причинен «немалый конфуз». Белоглазов растратил значительно более крупную сумму — 13 175 руб.

Дело начато было в мае 1784 г. Следствие вели два доверенных приказчика, присланных из Москвы. Разгневанный владелец отдал распоряжение допрашивать обоих виновных «с увещанием», добиваясь полного признания, а в случае упорного отрицания вины предписывалось применять телесное наказание и кандалы. Обращение к государственным органам рекомендовалось лишь в том случае, если долги растратчиков поведут к взысканию с посторонних лиц. Предписано

⁵¹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 25, л. 147, 159.

⁵² Сенатор А. В. Олсуфьев.

⁵³ Очевидно, речь идет об А. Г. Орлове.

⁵⁴ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 25, л. 123, 142 об., 152 об.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4030. «Следствие о проступках Зубрилова в Белоглазова».

было взять имущество обоих приказчиков, с тем чтобы по продаже его возместить растраченное. Зубрилов не позволил его опечатать и был отдан «под присмотр» других крепостных служителей, но бежал из-под караула, намереваясь явиться в Москву к Демидову для объяснения и оправдания.

На допросах в Москве Зубрилов отрицал за собой какую-либо вину. Он утверждал, что Белоглазов действовал независимо от него, что приходе-расходные книги велись им правильно. Для окончания следствия Демидов приказывал «препроводить Зубрилова обратно в Петербург скованного, за надежным караулом», чтобы учинить ему очную ставку с Белоглазовым. Спустя две недели Демидов писал, что открылась новая вина Зубрилова: он взял от иностранца Глена и утаил 988 руб. и самостоятельно покупал для себя железо у Портера, тогда как он «никому из служителей не разрешает никогда торгашества». Демидов требовал, чтобы виновного допросили «под жестоким наказанием». Зубрилов умудрился и на этот раз убежать.⁵⁶

В этом деле содержится любопытная опись имущества приказчиков, взятого «в секвестр» владельцем. У Зубрилова имелась мебель красного дерева; перечислены ломберный и круглый столы, кожаное канапе и т. п., у него же была господская лошадь, одноколка и дрожки. Имущество Белоглазова оказалось еще богаче. Мебель красного дерева, картины, разнообразная посуда рисуют быт крепостного приказчика в Петербурге, превратившегося в типичного петербургского жителя и далеко ушедшего от жизни приволжской деревни, откуда он вышел.⁵⁷

От столичных контор с их приказчиками, которых можно отнести к крепостной верхушке, к дворовой аристократии, перейдем к провинции, к местным демидовским конторам.

Приказчики, служители и дворники, состоявшие при конторах, домах и амбарах, имелись в Твери, в Ярославле, Нижнем, Казани, Лаишеве на Дубенской пристани и в с. Фокине — на Волге. В их задачу входили прежде всего продажа железа на местном рынке и прием его с каравана. Вместе с тем в этих пунктах, где останавливались и частично разгружались караваны, происходил наем рабочих или бурлаков на суда, производилось снабжение их всем необходимым и т. п. В демидовских домах останавливались приказчики, направлявшиеся с поручениями из Москвы на заводы или в другие пункты. Местные служители должны были снабжать дежьями караваны и регулярно высылать в Москву выручку от продажи железа. Они давали сведения о местном спросе, и московская контора по обсуждению с ними устанавливала цены на железо на местах и определяла количество его, назначенное для разгрузки в каждом из этих городов. Нередко на местах происходила сдача в казну «указного» железа, т. е. выполнение казенных поставок. На местных

⁵⁶ Другой служитель, замешанный в этом деле, — Белоглазов был передан властям, допрошен в уездном суде в Петербурге и, наконец, возвращен из уголовной палаты и управы благочиния Демидову; при этом палата не усмотрела в его поступках «воровства», а «признала то за мотовство и в наказание предала то на волю владельца». — Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 42, л. 65.

⁵⁷ Е. С. К о ц. Крепостная интеллигенция, Л., 1926. Автор отмечает (стр. 177), что «самым ранним и распространенным типом крепостного интеллигента был тип крепостного, толкового и способного, выполняющего различные, более или менее сложные функции по управлению вотчиной, умеющего ходить по судебным и административным учреждениям, вести тяжбы, наконец, благодаря своей грамотности, способного сообщить начатки знаний барским детям. Таких крепостных, являвшихся одновременно управляющими именьями, судебными ходатаями и дядьками, было в свое время очень много». Можно пожалеть, что автор не остановился более подробно на этой группе крепостной «интеллигенции».

приказчиках лежали финансовые задачи, уплата по векселям местным купцам или взимание с них долгов. Наконец, те же местные приказчики управляли ближайшими вотчинами или являлись передатчиками «господских повелений», направлявшихся в крепостные деревни. За 1766—1767 гг. сохранилась довольно полная и подробная переписка московской конторы с местными служителями в виде регулярных донесений с мест и распоряжений Демидова.⁵⁸

Тверь имела крупное значение, так как здесь зимовали караваны, с тем чтобы весной, перегрузя железо на более мелкие суда, продолжать путь до Петербурга. В Твери, расположенной на пути между двумя столицами, останавливался проезжавший из Москвы в Петербург или в обратном направлении сам владелец или его приказчики. Важнейшей задачей тверской конторы является обслуживание каравана. В январе 1766 г. из Петербурга на 35 подводах привезли пеньковые снасти и железные инструменты для отправки на караван. 4 апреля вскрылась Волга, и было приготовлено к отправке на восток «снастное» судно, отвозившее снасти, якоря и т. п. для снабжения будущего каравана. В августе в Тверь пришел «однолетний» караван, который должен был следовать до Петербурга без зимовки; с него была выгружена в Твери часть железа. В сентябре прибыл зимующий караван. Все железо с него разгружалось в Твери, а сопровождающие его люди были размещены в демидовском доме. Весной железо должно было перегружаться на другие суда для дальнейшего следования к Петербургу.

Тверской приказчик ведет финансовые операции. Взамен перевозки громоздкой медной, а также серебряной монеты в Твери уплачиваются деньги по векселям, присланным из московской конторы. Эти векселя зачастую не связаны с торговлей железом и являлись своего рода банковской операцией по переводу денег: московская или петербургская контора принимала деньги от какого-либо крупного тверского купца, находившегося в этот момент в столице, а тверская контора получала распоряжение уплатить по предъявлении векселя тому же купцу в Твери. Таким путем делали ненужной перевозку монеты в натуре; например, купцу Арефьеву было уплачено в Твери 2040 руб. взамен полученной такой же суммы в Петербурге. Тверской приказчик должен был сообщать сведения о местном спросе на железо и освещать положение дел у его конкурентов, других Демидовых, а также у Осокиных, Строгановых, имевших свои конторы и склады в Твери. У Демидова в Твери был каменный дом и строился второй; стройка была связана с хлопотами, заботами о материалах и «ухаживанием» за архитекторами. «15 апреля [1766 г.] при здешнем строении архитекторы капитан Обухов с поручиком Козаковым⁵⁹ и с ними два человека посторонних напросились ко мне на чай и обедали», — сообщает в Москву тверской приказчик.

В устье р. Дубны, впадающей в Волгу, останавливались демидовские суда с железом, предназначенным для отправки отсюда гужом в Москву. Это направление заменило прежнее — по Оке и Москве-реке до Коломны и Голутвина монастыря, — которым высылалось к Москве железо при Никите и Акинфий Демидовых в первой половине XVIII в.

При Дубенской пристани стояли амбары, где складывалось железо, а поблизости расположена была кашинская вотчина Демидова, состоявшая из с. Прислон и дер. Притыкино. На пристани служили в 1766—1767 гг. демидовский целовальник Петр Иевлев и писец Ларион Урвин,

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 101. Рапорты 1766 г.

⁵⁹ Козаков (будущий знаменитый водчий), по словам того же приказчика, «имеет присмотр при строении» Демидова в Твери.

последний был наиболее деятельным лицом с разнообразными функциями, среди которых важнейшими были прием судов с железом, разгрузка его и отправка при помощи кашинских крепостных крестьян в Москву. В декабре 1766 г. Урвин отправил 18 обозов с железом, в общей сложности свыше 800 подвод, в январе 1767 г. — 11 обозов (свыше 400 подвод), в феврале 6 обозов (200 подвод), в марте 3 обоза (65 подвод). Часть грузов перевозили крепостные крестьяне в порядке повинности, но большая часть обслуживалась наемными ямщиками, что называлось «вольной возкой» в отличие от «возки за оброк».⁶⁰ Перевозка этого груза требовала много усилий и труда от местных крестьян и приказчиков. Служитель Урвин наряду с приемом и отправкой железа должен был сноситься с крестьянами, со старостой и миром. Он ссорился и бранился со старостой и крестьянами с. Прислон, вмешивался в отбывание ими повинностей, состоявших в отвозе в Москву железа. Крестьяне жаловались на злоупотребления Урвина, указывая, что он брал взятки.

В той же книге донесений местных городских приказчиков содержится переписка ярославской конторы с московской.⁶¹ В ней, как в зеркале, отразился неторопливый быт русской провинции со всеми мелочами домашнего хозяйства, вплоть до еженедельного мытья полов в ярославском доме, покупки дров, свечей и большого запаса березовой лучины для освещения, с молебнами по праздникам, угощением чиновников и страхом перед местными грабителями, действовавшими поблизости от демидовского дома. В Ярославском уезде находились вотчины Н. А. Демидова (с Михайловское с деревнями), и ярославский приказчик обязан был собирать с крестьян оброк и вести все сношения с сельским миром. Важнейшим событием был приход каравана с железом. В июне приказчик передает сперва слух о приближении каравана: «слышно, что недалеко идет»; затем приезжают на лошадях два демидовских приказчика с каравана. Наконец, он может сообщить владельцу о благополучном прибытии каравана в Ярославль. С судов было принято 12 958 пуд. железа и даже 4 живых лебедя для отправки в Москву.

Часть поступившего железа предназначалась для казенных поставок. Ярославская провинциальная канцелярия получила от Адмиралтейств-коллегии предписание немедленно принять от всех Демидовых следующее с них в казну железо (6737 пуд.). Но приказчик долго не соглашался дать требуемую подписку, отговариваясь отсутствием распоряжения аосковской конторы. Выполнение поставок было отложено с марта до следующей осени и зимы; только в ноябре приказчик сообщил, что уже семь дней идет проба железа при приеме его в Адмиралтейство. Пришлось вручить 10 руб. производившему пробу подмастерью, так как железо при пробе «весьма стало много ломатца»; после взятки он стал испытывать слегка и признал все железо годным. Приказчик должен был одаривать и ярославские власти: полицмейстера, подъячих и сержантов. В демидовской вотчине, в Унженском уезде, дьячок с большой семьей пожелал перейти из духовного звания в крестьяне, на что требовалось разрешение местных духовных властей. Это было выгодной для Демидова сделкой, так как он получал новую семью крепостных, и притом бесплатно. В связи с этим приказчику было поручено выехать в Кострому, в консисторию. В Костроме было «поднесено в почесть преосвященному Дамаскину живой рыбы» на 5 р. 84 к., его секретарю дано деньгами 9 руб. и поднесена голова сахара; кроме того, одаривали деньгами и сахаром эконома, игумена, повытчика и т. д.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4035. Переписка по кашинской вотчине за 1767 г.

⁶¹ Там же, д. № 101. «Репорты» городских приказчиков 1766 г.

На того же приказчика возложено управление ярославской вотчиной и соби́рание с крестьян оброка. Он часто выезжает в с. Михайловское, собирает сход, объявляет предписания, полученные из московской конторы, и требует беспрекословного их выполнения. Так, в декабре 1765 г. на сходе он требовал, чтобы крестьяне уплатили за недостачу денег, или «начет», оказавшийся на крестьянине, выбранном миром состоять при продаже железа в Ярославле. В порядке круговой поруки мир должен был отвечать за убыток, нанесенный своим выборным. Сход, однако, решительно отказался от этой уплаты. Приказчик «морил их на сходе целую ночь», но крестьяне оставались стойкими и отвечали: «ежели де ты смеешь, бей де нас или мори на снегу, а взять де нам за него негде». Ярославский приказчик является посредником между московской конторой и крестьянским миром; через него поступают в Москву крестьянские пршения и идут в деревню распоряжения владельца.

В ином положении находился нижегородский служитель, крестьянин Иван Бухолов, при котором также состояли писец и дворник. Он назван выборным, следовательно, был поставлен к продаже железа крестьянским миром. Вместо твердого оклада он получал «попудное жалованье», по одной полущке ($\frac{1}{4}$ коп.) с пуда. Близ Нижнего расположены были демидовские вотчины — с. Фокино с деревнями. Но Бухолов должен был ограничиваться лишь простой пересылкой в Москву получавшихся из фокинской «земской избы» рапортов и отправкой туда получавшихся господских распоряжений. Фокинская контора управляла вотчиной независимо от нижегородского служителя. Основной задачей последнего были продажа железа и прием его с каравана.

В Казани происходила частичная уплата денег из казны за поставки железа. Через Казань ездили демидовские служители, направлявшиеся на уральские заводы с поручениями или возвращавшиеся оттуда в Москву. В подчинении у казанского служителя находился лаишевский дворник, обслуживавший в Лаишеве проходившие караваны. Продажа железа, содействие караванам, сношения с казанской адмиралтейской конторой по поводу казенных поставок, помощь проезжавшим через Казань демидовским служителям, наконец, сношения с ближайшей царевосанчурской вотчиной Демидова — таковы были функции казанской конторы.

В нижегородской вотчине, в с. Фокине, также производилась продажа железа, которой ведал выборный Михайла Коровин, принявший в январе 1766 г. от своего предшественника 2861 пуд железа; продажа на месте была невелика. К перечисленным пунктам продажи следует прибавить склады и лавки в Москве и Петербурге, а также на заводах в Нижнем Тагиле. Кроме того, у Ягошихинского завода (Пермь) останавливался демидовский караван, спускавшийся по р. Чусовой на Каму.

Таким образом, сеть контор, складов, домов и лавок Демидова охватывала обе столицы, Тверь, Ярославль, Дубенскую пристань, Нижний Новгород, с. Фокино, Казань, Лаишев, Ягошиху, т. е. состояла из 10 пунктов, не считая заводов. Центральное место в управленческом аппарате занимала Москва, а главная роль в экспорте железа принадлежала петербургской конторе. В остальных пунктах происходила продажа железа на местном рынке и оказывалось содействие каравану; конторы были расположены по волжским городам и пристаням. В функции контор входило отчасти и управление вотчинами.

На городских приказчиков, их помощников и служителей в вотчинах поступали многочисленные доносы за прогулы, хищения, растраты, пьянство и побеги. За этим следовали наказания — цепи, порка и ссылка.⁶²

⁶² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4058. Переписка московской и петербургской контор.

Управление вотчинами не всегда было тесно связано с конторой по продаже железа, как это было в Ярославле. В 50-х годах была даже сделана попытка выделить управление вотчинами под руководством особого лица. Об этом говорят контракт с управляющим и инструкция для управления деревнями, составленные в 1758 г.⁶³ Будущий управляющий — человек вольный, как он себя называет, «малороссийской породы, свободный человек Алексей Тимофеев сын Сокольников». Контракт заключен на 5 лет. Управляющий должен состоять главным приказчиком в вотчинах Демидова в Нижегородском, Арзамасском и Царевосанчурском уездах.

Центром управления вотчинами было нижегородское с. Фокино, где находилась демидовская контора, называвшаяся земской избой. Управляющий должен собирать сюда со всех вотчин отчеты о приходе и расходе денег, о посевах и урожае и, «сочиня общий репорт», отсылать его в Москву. В его руках находится надзор над состоявшими в вотчинах приказчиками и выборными земскими. Ему же поручены суд и расправа в случае нарушения его приказаний — «наказывать самому» и «между крестьян на суд и расправу чинить». Главному приказчику предписано жить в нижегородской вотчине, в с. Фокине, в господском доме. Главный приказчик должен объехать вотчины и переписать всех крестьян от мала до велика, с указанием оброка и размера пашни, которую они обрабатывают на себя и на помещика; при этом ему поручается выяснить, нельзя ли увеличить помещичью пашню, проверить, верно ли ведется запись прихода и расхода и т. п. На местах, в деревнях, также имеются власти, которые должны находиться в подчинении главного приказчика; они также перечислены в инструкции: «по помянутым моим вотчинам для правления оных имеютца в некоторых местах прикащики, бурмистры, старосты, выборные и земские дьячки, которых всех иметь тебе в своем же ведении». В качестве важнейшего дела в инструкции обращено внимание на межевание земель, при котором главный приказчик должен «неотменно» присутствовать. Главному приказчику вменяется в обязанность, не вмешиваясь в раскладку между крестьянами подушных по тяглам, следить за тем, чтобы богатые не отягощали бедных и маломощных; он должен также наблюдать, чтобы и другие расходы между крестьянами делались по их согласию и без отягощения. По прошествии года следует собирать мирские сходы и «миром считать старост и выборных», т. е. проверять денежные расходы. В инструкции предписано того из них, кто пропил деньги или совершил растрату, «высечь пред всем собранием».

Вотчинное управление основывалось на мирской крестьянской организации с крестьянским миром, старостами, бурмистрами и выборными. Сохранилась любопытная инструкция, предназначенная для руководства крестьянскими выборами. Она не имеет даты и подписей, но ее можно отнести к 1798—1801 гг. Трудно сказать, относится ли она к какой-либо одной из демидовских вотчин или должна была служить общим для всех руководством. В ней можно видеть не только выражение творчества демидовских приказчиков, но и отражение крестьянского векового обычая.⁶⁴

Инструкция начинается с предписания выбрать «самого лучшего поведения из крестьян 12 человек в правосудцы, которым должно судить во всех частях по совести и по чести, не щадя ни родства ни дружбы и никаких связей, и при них должен быть бурмистр». Далее о бурмистре сказано, что он «ничто иное как начальник всеобщего всего селения, которого

⁶³ Там же, д. № 4019.

⁶⁴ Там же, д. № 4156.

уважать и почитать, ибо он заменяет по честным его делам лице самого господина». Если же бурмистр превысит свою власть или будет вести себя «непорядочно», то правосудцам предоставляется право «призвать его в контору... сменить, и об оном меня [т. е. господина.—*В. К.*] репортовать и на место его тотчас выбрать другого».

Власть распорядительная и исполнительная принадлежит на село избранному сходом бурмистру, как начальнику и представителю господина, а 12 правосудцев контролируют его и в случае необходимости даже могут сместить его. Из дальнейшего текста инструкции узнаем, что, кроме того, имеется земский. Такое важное дело, как отдача очередных рекрут, должно совершаться «при правосудцах и бурмистре и земском». В вотчине имеются, кроме того, десятские, выполняющие полицейские обязанности. Десятский должен, между прочим, каждый вечер обойти дворы, выяснить, дома ли хозяин, предписано даже «осмотреть лошадей, не в поту ли они», и в таком случае узнать, куда он ночью ездил, и привести его «к правосудцам на суд».

Перед нами — органы крестьянского самоуправления: крестьянская мирская организация, поставленная на службу владельцу и по существу являющаяся очень древним институтом. Число правосудцев заставляет вспомнить 12 мужей Русской Правды, в которых одни комментаторы видят судей, другие — свидетелей. Бурмистр, земский, десятские и правосудцы напоминают также земские миры русского Севера с их выборными старостами, целовальниками и судейками.⁶⁵ Близкую организацию находим в XVII в. в вотчинах боярина Б. И. Морозова. В 1651 г. им был дан наказ приказчику по управлению нижегородской его вотчиной. Ему предписывалось «судить с старостою и с целовальники и с выборными крестьяны. А велеть крестьяном всею вотчиною, — пишет боярин, — к моим ко всем делам выбрать 10 человек, ково оне, крестьяня, выберут, крестьян добрых и разумных и правдивых...»⁶⁶ Статья демидовской инструкции о поджоге также напоминает Русскую Правду: «Если кто небрежением своим у себя зазжет дом или другое что, то такового вывести вон из селения, со всем семейством и вновь строиться не дозволять», сказано в инструкции.

Если высшей властью в инструкции признается воля господина, то внизу, на самом конце юридической лестницы, вслед за выборными властями, как их опора, появляется власть старшего в семье: «во всякой семье старшего уважать и почитать, ежели отца нет, то мать, дядю или брата большого». О барщинных повинностях прямо не говорится, но, повидимому, барщина разумеется в статье «О хлебопашестве», где предписывается производить работу «брат на брата». Оброки и все расходы собирают каждый месяц два правосудца и бурмистр: первые как представители самоуправления, мира, второй — как представитель господина.

Как было организовано управление на деле, можно видеть на примере калязинской вотчины, из переписки с властями с. Прислон. Здесь мы находим бурмистра и служителя, как представителей господина, хотя бурмистр избирался сельским сходом, и наряду с ними старосту, десятских и выборных в качестве представителей крестьянского мира. Кроме того, для экстренных поручений московская контора направляла туда кого-либо из своих служителей.

⁶⁵ Русская Правда. Академический список, статья 15; М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, М., 1909, т. I, гл. XII, XV, XVI.

⁶⁶ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», под ред. проф. А. И. Яковлева, изд. АН СССР, М.-Л., 1940, ч. 1, стр. 150.

Одним из самых бесчеловечных проявлений крепостного режима являлась принудительная женитьба крестьян по приказанию владельца. Одно «дело» из демидовского архива показывает, каким путем осуществлялась эта сторона жизни крепостных и как крестьяне при помощи мира старались избежать выполнения господских повелений. Этот случай привел в движение весь местный аппарат.⁶⁷ В январе 1779 г. в калязинскую вотчину был направлен из Москвы служитель Акинфий Любимов в связи с размежеванием земель с соседним помещиком. Вместе с тем Любимову было дано от конторы «рописание» девиц и вдов для «отдачи в замужество», а оставшихся, или «излишних», невест следовало сговорить за крестьян из подмосковного с. Петровского; для этого «излишние» невесты должны были быть высланы в Москву. За ослушание грозила ссылка всем семейством на сибирские заводы или отправка на фабрику в подмосковной. Любимову было предписано действовать «без всякой трусости» и о тех, кто будет «харлапанить» на сходе, сообщить в Москву. Исполнение этого распоряжения встретило ряд затруднений. Был собран сход, и часть девиц, уже прежде просватанных, действительно была сговорена; был составлен также список девочек и мальчиков моложе 15—16 лет, очевидно, в расчете на будущее, когда они «войдут в возраст». Староста и мирские люди дали подписку, что непокорные невесты будут тотчас же высланы в Москву. Две недели спустя Любимов сообщил, что из сговоренных перевенчаны только три пары. Один из женихов бежал, распродав свой скот. Тогда из московской конторы пришло новое распоряжение выслать непокорных отцов с дочерьми в Москву для применения к ним «других мер». Таким образом, для выполнения этого распоряжения посланный из московской конторы должен был привести в движение сельский сход со старостой и десятскими.

Мирское самоуправление существовало и на заводах. Его деятельность, обычно мало отражавшаяся в рапортах и переписке, проявлялась в исключительные моменты. Выше приводилась жалоба нижнетагильских заводских крестьян на притеснения и хищения заводских приказчиков. Еще ярче проявилось их самоуправление в бурных событиях, во время волнений и восстаний, как это было в знаменитых волнениях на Невьянском и Нижнетагильском заводах в 1762—1763 гг., когда на заводы приезжал кн. Вяземский и рабочие подавали ему жалобы и прошения. Рабочие имели свою земскую избу с выборными властями. Об этих событиях будет сказано ниже.

Подведем итоги. Демидовское хозяйство, его заводы, вотчины, караваны и лавки нуждались в довольно сложном и разветвленном управленческом аппарате. Во главе его стоит владелец, совмещающий в своем лице землевладельца, душевладельца и заводчика. Но хозяйство уже так сложно, что он только направляет свой аппарат, подписывая отдельные повеления, но большей частью «ордера» выпускаются от его имени за подписью приказчиков.

Важнейшее значение в качестве центра управления имели первоначально московская и главная заводская нижнетагильская конторы. Петербургские приказчики производят ответственные операции по «заморскому отпуску», в их руках сосредоточены переговоры с иностранными фирмами, а также сношения с высшими правительственными учреждениями, причем в каждом случае они должны свои действия согласовывать с московской конторой.

Следующее нижестоящее звено представляют городовые приказчики,

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4079. Судебное дело о межевании 1779 г.

находящиеся в пунктах по продаже железа, расположенных по волжско-камскому пути. Обслуживание проходивших по этому пути железных караванов является также их важнейшей задачей. Наконец, в деревнях имеются приказчики и бурмистры.

Управленческий аппарат достаточно расчленен, представляет собой определенную иерархическую лестницу. Стремление регламентировать управление огромным хозяйством выразилось в ряде инструкций для контор, московской и петербургской, для управляющих деревнями и т. д. Во главе демидовских контор — московской, петербургской и заводской в Нижнем Тагиле — стоят опытные крепостные администраторы. Они же осуществляют вотчинную юрисдикцию над такими же крепостными, ведут расследования, чинят суд и расправу.

В демидовских вотчинах и на заводах действуют мирские сходы с выборными органами, на обязанности которых лежит, на основе круговой поруки, отправка из своей среды рабочих на заводы и караваны, выделение выборных в пункты продажи железа. Мир выполняет требования господской конторы, — требования, связанные в конечном счете с производством и перевозкой железа. Новая управленческая организация, вызванная к жизни мануфактурой, переплеталась с исконным крестьянским миром.

Персонал контор, начиная с приказчиков и кончая писцами, дворниками и бурмистрами, состоял из крепостных. Крепостное право делало этот аппарат ненадежным, державшимся на принуждении, на голом насилии. Цепи, порка, ссылка на заводы являлись средствами поддержания дисциплины и повиновения, но они не могли предупредить частые побег, хищения и растраты со стороны служителей. Ни жестокой расправой, ни тщательно разработанными инструкциями нельзя было привить крепостным людям заботливость о господском интересе, внушить им страх и покорность. Крепостной строй, как червь, разъедал изнутри созданную эксплуататорской властью заводчика организацию управления.

ГЛАВА XI

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

1. ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ НЕВЬЯНСКОЙ ЧАСТИ

На заводах XVIII столетия происходили качественные изменения состава капитала, увеличивалась его постоянная часть (здания, оборудование, сырье). Металлопромышленность, так же как стекольная промышленность, лесопильни и т. п., требуют «с самого начала большей концентрации рабочих сил, с самого начала больше используют силы природы, требуют массового производства, равно как концентрации средств труда».¹ Та часть постоянного капитала, которая состоит из зданий, оборудования и инструментов, называется основным капиталом. Для характеристики основного капитала демидовских заводов можно привлечь интересный источник в виде неизданной «Книги мемориальной» Григория Махотина, находящейся в Свердловском областном архиве. Автор ее был крепостным приказчиком на Невьянском заводе, его можно сравнить с директором или главным инженером позднейшего времени. Книга содержит обширное описание зданий и оборудования 7 заводов, составлявших Невьянскую часть, с их денежной оценкой; в конце помещены договоры заводской конторы с крестьянскими артелями на рубку леса. Махотин писал свою книгу в 1767—1770 гг., вероятно, в связи с продажей этих заводов Прокофием Демидовым Савве Яковлеву; книга была «поднесена» им повому владельцу.² Это не только подробное описание заводов, но и трактат на конкретную экономическую тему. И заимствую из него сведения о стоимости заводских строений и оборудования.

Махотин перечисляет каждое строение и оценивает употребленные на строительство припасы и материалы по «истинным ценам», под которыми он понимает произведенные затраты. Оценка производилась по заводским ценам, по себестоимости. Имея дело со старыми строениями, нередко обветшалыми, Махотин учитывал также износ и в соответствии с этим снижал оценку против новой стройки. Невьянский завод был окружен острогом из бревен; стены были шириной $5\frac{1}{2}$ арш., длиною 295 саж. $1\frac{1}{2}$ арш.; в остроге было 7 деревянных башен на каменном фундаменте,

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 49.

² Свердл. обл. арх., рукоп. муз., № 159. «Книга мемориальная» на 152 листах или 304 нумерованных страницах; копия, сделанная в 1825 г. Рукопись частично использована в кн.: Д. К а ш и н ц е в. *История металлургии Урала, приложения*.

одна из башен служила церковной колокольней. В острог вели трое ворот, и в стенах было 40 мест для хранения «припасов». Крепость была уже «местами ветхая», и автор выражает ее стоимость сперва в ценах современных, как это было бы при новой стройке, и затем снижает полученную сумму на $\frac{1}{3}$ за счет износа. Махотин описывает также знаменитую Невьянскую каменную башню со шпилем вышиной 27 саж.; на башне находились английские часы с курантами, оцененные в 5 тыс. руб. еще при разделе наследства между братьями после смерти Акинфия Демидова; стоимость самой башни определена в 4207 руб. На господском дворе в Невьянске стояли три каменные палаты и каменные «связи», в них помещались заводская контора из 7 покоев, «апартаменты», кладовая, людские, конюшни, каретный сарай, «шваленная», погреб, бани и т. п.

Наибольший интерес представляет описание заводских построек и технических сооружений. Центральное место занимала плотина длиной 102 саж., шириной поверху 18 саж., вышиной 4 саж. 1 арш. Построенная «в давних годах», она не могла быть оценена по «истинной цене», и стоимость ее, определенная по примеру казенных строений по «плакатным» ценам, с некоторыми поправками, составляла сумму в 10 200 руб. В плотине имелись два ларевых прореза для прохода воды и «вешняшный проход». От плотины к различным цехам завода тянулись лари для протока воды к колесам; большой ларь вместе с поперечными ларями имели 168 $\frac{1}{2}$ саж. длины. По обе стороны плотины расположились «фабрики». В доменном корпусе имелись 2 домны: одна — знаменитая своей высотой в 19 арш., другая — 13 арш. Доменный корпус оценен в 8 тыс. руб. Здесь же помещались сарай для двух «рудобойных» молотов и 3 каменные палаты для рабочих.

Следующее место после домны принадлежало на заводе выплавке железа и его обработке. В описании значится «молотовая большекричная фабрика», длиной 40 саж. и шириной 6 саж. В этом обширном здании помещались 2 горна с 2 молотами, действующими при помощи воды. Здесь чугун переплавлялся в кричное железо, которое затем отжималось от шлака под молотом. Стоимость молотовой с оборудованием определена в 970 руб. Кроме того, имелись еще 3 молотовые фабрики, размещенные в обширном здании в 58 саж. длины и 8 саж. ширины, с 12 кричными горнами и 10 большекричными молотами; они оценены в крупную сумму — 5300 руб.

«Дощатая» фабрика с 4 горнами и 4 молотами была предназначена для выработки дощатого, или кровельного, железа. Затем была «плющильная и резная фабрика». Производство уклада соединялось в одной фабрике вместе с выработкой заводских тяжеловесных поделок — «пятников» для молотов и инструментов, для которых нужен был уклад. «Молотобойная» фабрика занята была выделкой молотов для завода. Кроме того, под одной крышей помещались 7 кузниц с 45 горнами, наковальнями и т. п.; здесь были ручные меха. Вообще на Невьянском заводе наряду с вододействующими колесами и мехами было много ручных мехов. В особом помещении находилась обжигальная печь для обжига полосного железа.

На Невьянском заводе были также цехи, где прежде выплавлялась медь и выделывались из нее колокола и медная посуда, но теперь это производство сократилось и, вероятно, было заменено выковкой железа. В качестве отдельных производств значится столярная и меховая фабрика для выделки воздуходувных мехов для завода, затем канатно-прядельный амбар с 2 прядельными станками, сарай с обжигальной печью для выделки. Все техническое оборудование состояло из 2 домен, 96 горнов и печей, 22 молотов и 10 станов.

Махотин описывает также рудничное хозяйство завода. Один рудник (Поперечный) находился в 8 верстах от завода; кроме того, к заводу отошла часть горы Высокой в Нижнем Тагиле. На рудниках стояли избы, кузницы для инструментов, большие весы и т. п. Кроме указанных фабрик, крепостных стен с башнями и господского двора, на Невьянском заводе были и другие сооружения и помещения, лишь частично связанные с производством. Здесь были пильная и мучная мельницы, амбары с навесами для хранения чугуна, оборудования и леса, а также сараи для телег и саней, конюшни, бани, сенные сараи, магазины для продажи изделий, продовольственные лавки на базаре, людские, множество помещений и служб господского двора, как, например, погреба, бани, огороды, колодцы, выкопанные рыбные сажалки, овчарни и даже сарай для «зверей — маралок». Отдельно перечислены пожарные насосы, багры и кади, набатные колокола, упомянуты многочисленные весы, среди которых имелись подымавшие до 200 и 300 пудов.

В описании Махотина перед нами проходит картина крупной мануфактуры, где руда идет с рудника на завод под рудобойные молоты, затем поступает в домны, откуда чугун уже переходит в кричные молотовые, где переплавляется в горнах и перековывается под молотами в железо, из которого затем выделяется полосное, дсщатое и другие сорта; часть железа идет на уклад и на заводские инструменты. Это та форма мануфактуры, которую Маркс назвал органической и считал законченной формой мануфактуры, производящей «продукты, которые пробегают связные фазы развития, последовательный ряд процессов».³ Вместе с тем Невьянский завод был также и «комбинированной мануфактурой», так как, кроме основного производства, на нем имелось производство мехов, молотов и инструментов, канатов и выделка кирпича для нужд завода.

Характерной особенностью Невьянского завода как крупной мануфактуры, отличной от ремесленной мастерской, является высокая стоимость его, т. е. значительные капитальные вложения. При этом в структуре его основного капитала особенно важную роль играют силовые установки, в данном случае плотины и производственные помещения и оборудование. Оценка, произведенная Махотиным, помогает показать это с большой ясностью. В табл. 44 приведены мои суммарные подсчеты стоимости заводских строений и оборудования Невьянского завода по данным, приведенным Махотиным. Общая стоимость его составляла 73,4 тыс. руб. При большом удельном весе господского двора, острога, сараев, магазинов и людских, составлявших 39.5% всего заводского имущества, весьма значительна, однако, роль гидросиловых установок и производственных зданий, на долю которых приходится почти две трети — 60.5% стоимости завода. При этом выделяются плотина и лари — 17.6% и домны — 10.8%.

Центральная роль плотины и ларей как гидросиловых установок выявилась бы еще ярче, если бы вместо описания цехов в порядке последовательных стадий производства следовать изложению Махотина, который описывает цехи Невьянского завода в порядке их размещения. Всего ближе к плотине он помещает такие виды производства, которые более всех нуждаются в воде, — пильную и хлебную мельницы, расположенные по правую сторону большого ларя, затем следует доменный корпус с 3 каменными палатами и доменным сараем, где помещаются 2 рудобойных молота, которые «действуют водою». Далее идут различные фабрики по обработке железа — дощатая, плющильная, молотовая, тоже близко

³ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, 1937, т. I, гл. XII, стр. 326.

Стоимость строений и оборудования Невьянского завода

Строения, оборудование и имущество	Стоимость	
	Руб.	% к итогу
Двор господский, острог и заводская контора	23 399	30.5
Плотина	10 200	13.8
Лари водяные	2856	3.8
Доменный корпус с домнами и рудобойными молотами	8000	10.8
Кричные мастерские (4)	6700	9.2
Молотовые фабрики и кузницы (18)	9219	12.6
Слесарная, меховая и столярная фабрики	225	0.3
Пильная и хлебная мельницы	950	1.3
Канально-прядильный сарай и т. п.	909	1.2
Строения и инструменты на рудниках	591	0.7
Пожарное оборудование	3424	4.6
Весы	1263	1.7
Магазины, амбары, бани, людские, сады, огороды и пр.	6687	9.0
Итого	73 423^[1]	100,0

[1] Мой итог несколько ниже приведенного Махотиным (73 598), у которого сумма не сходится со слагаемыми; мною учтены поправки на полях рукописи.

расположенные к большому ларю. Всего дальше от плотины размещены многочисленные кузницы с 45 горнами, о которых сказано, что они снабжены ручными мехами и, следовательно, не нуждаются в двигательной силе воды; затем — слесарная, меховая и столярная, не имеющие оборудования, которое нуждалось бы в водяных колесах.

Приведенные данные о стоимости и структуре основного капитала Невьянского завода в 1767 г. с большим удельным весом плотины, домен и молотовых фабрик отчетливо показывают, что металлзавод того времени был крупным промышленным заведением и в отличие от ремесленной мастерской требовал больших капитальных вложений в оборудование, производственные здания и силовые установки. В этом отношении мануфактура в известной мере приближалась к позднейшей фабрике, обнаруживая переходные черты.

Еще сильнее проявляются эти особенности на других заводах той же Невьянской части. Если на Невьянском заводе был велик удельный вес господского двора и множества других помещений, связанных с пребыванием здесь владельца и центрального управления, то на других его заводах роль производственных зданий и оборудования была еще выше, и еще большее значение имели плотина и лари.

В 7 верстах от Невьянска был расположен Бынгровский завод, основанный еще в 1718 г. Домны в нем не было, он получал чугун от невянских домен и занят был производством железа и его обработкой. Плотина этого завода отличалась своей длиной — 320 саж., т. е. была втрое больше, чем на Невьянском заводе. Вода здесь имелась в избытке; еще Гмелин писал, что излишек воды на этом заводе отводился в особый канал.⁴

⁴ I. G m e l i n. Reise durch Sibirien, 1752, Bd. IV, S. 415—416.

Махотин также отмечает канал, проведенный «в речку Бынгу для выпуску излишней воды по примеру с версту». Плотина в соответствии с ее размерами оценена в 12 тыс. руб., а лари — в 1940 руб.

На Бынговском заводе находилась большекричная молотовая на 4 горна и 2 молота; кроме того, имелось 6 молотовых фабрик, 1 дощатая фабрика для производства кровли и уклада. Всего на этих 8 фабриках было 40 горнов и 20 молотов. Затем имелась кузница с 10 кузнечными горнами, а также фабрика, где «прежде происходила плавка зеленой меди», очевидно, уже прекратившаяся. Из общей стоимости строений и оборудования 33 883 р. 89 к. на долю плотины и ларей приходится 13.9 тыс. руб., или 41%, а на долю молотовых, кузниц и бывшей фабрики для плавки меди — 15.3 тыс. руб., что составляет 45%. На Бынговском заводе имелся также деревянный господский дом, при нем — контора, конюшни, сарай и даже медный колокол в 18 пудов «для позыву рабочих»; но общая стоимость этих строений составляла всего 414 р. 50 к. Таким образом, в составе основного капитала здесь еще выше, чем на Невьянском заводе, удельный вес производственных зданий, в особенности плотины.

В 1½ верстах от Бынговского завода находился кожевенный завод «на речке Дальней Бынге». Особенности кожевенного производства приводили к использованию воды для химических процессов дубления, но здесь почти не было нужды в двигательной силе воды для водяных колес, как на металлургическом заводе. Плотина на кожевенном заводе обветшала; она была длиной 70 саж., шириной 8 саж., вышиной 2 саж. Ближе всего к ней стояла хлебная мельница с 2 жерновами. Рядом с мельницей находился амбар для толчения дуба, для чего нужна была двигательная сила воды. Вот и все, что связано было на кожевенном заводе с плотинной как с гидросиловой установкой. Кожевенное производство сосредоточено в двух избах: в одной стояло 4 чана для отзоливания кожи, в другой избе помещались 8 горнов для дубления кожи и печь для сушки дуба; кроме того, имелись сарай для варения сандала, изба для отделки кожи, сарай для хранения дуба и кожи, изба с мыловаренной печью и солодовая. Это тоже мануфактура с разделением труда по отдельным избам-мастерским. Но какая разница сравнительно с металлургическим заводом! Оборудование состояло лишь из чанов, печи и котла, главная ценность заключалась в самих постройках, впрочем, тоже недорогих, состоявших из деревянных изб. Отсутствие применения движущей силы воды приводило к тому, что была лишь небольшая плотина, оцененная всего в 900 руб., что составляет 29% весьма скромной суммы, в которую оценен весь кожевенный завод (3100 р. 69¾ к.). На производственные помещения с их примитивным оборудованием приходится только 449 руб., или 14%, а на мельницу и толчею для дуба — 300 руб. (9.8%). Остальное, целая треть (33%) стоимости завода, приходится на солодовую, амбары, скотный и птичий дворы, погреб, конюшни и т. п. Таким образом, 43% падает на строения и производства, не имеющие отношения к кожевенному делу.

В 5 верстах от Невьянского завода был построен в 1716 г. Шуралинский железный завод, также получавший чугун из Невьянска; он был расположен на р. Шурале, впадающей в Нейву. Выплавка железа происходила в 2 молотовых, заново построенных вместо прежних обветшалых; в них было 8 большекричных горнов и 4 молота, оцененных в сравнительно крупную сумму — 3018 руб. Наиболее дорогой частью Шуралинского завода была плотина, длиной 144 саж., вышиной 4 саж. и шириной 11 саж.; она вместе с ларем оценена Махотиным в 6300 руб., тогда как весь завод стоил 10 650 руб., т. е. плотина составляла более половины его стоимости, или 59.2%. На долю молотовых фабрик с их оборудованием

приходится 22.7%. Центральная роль плотины в основном капитале выясняется здесь еще ярче.

Эти два завода, Быньговский и Шуралинский, находившиеся в наибольшей близости от Невьянского, должны были переделывать в железо излишки чугуна с невянских домен. В другом положении был Верхнетагильский завод, также перешедший от Прокофия Демидова к Яковлеву. Он помещался в 22 верстах от Невьянска и был построен, как и предыдущий, еще Никитой Демидовым в 1718 г. Это был чугуноплавильный и железоделательный завод. Плотина Верхнетагильского завода, построенная «в давних годах», была длиной 90 саж., вышиной 4 саж. и 2 саж., а ширина составляла: по правую сторону вешняка — 27 саж., по левую — 17 саж. Плотина и лари, проводившие воду к фабрикам, стоили 8672 руб. При общей оценке строений и оборудования Верхнетагильского завода в 20 542 руб. на долю плотины и ларей приходится подавляющая часть — 42.2% всей стоимости завода. Две домы, из которых действовала только одна, высотой 11 арш., оценены в 3500 руб., что составляет 17% всей стоимости завода. 3 молотовые фабрики оценены в 3670 руб., или 17.6%. Паллас сообщает о производстве снарядов на этом заводе: на нем лили пули, бомбы, гранаты.⁵ Всего на Верхнетагильском заводе на долю домы и молотовых приходилось 40% стоимости завода.

Шайтанский железный завод, построенный в 1762 г., отстоял от Невьянского еще дальше: по зимней дороге — в 70 верстах, по летней — в 91 версте. Он находился при р. Чусовой, в устье р. Шайтанки, что придавало ему особое значение среди других демидовских заводов. По Чусовой отправляли на судах железо с демидовских заводов на запад, к центрам страны и к портам, поэтому при заводе была пристань (Курьинская пристань), где находились склады железа и стояли коломенки, на которые грузилось железо для дальнейшей его отправки. Шайтанский завод с пристанью был оценен в 12 870 руб. Плотина длиной 120 саж., вышиной 4 саж. и шириной 15 саж. оценена в 6 тыс. руб., ларь к ней — в 425 руб., что вместе составляет около 50%. Здесь были две пильные мельницы («для пилования бревен»), каждая о трех рамах, которые приводились в движение водой из особого ларя; обе мельницы оценены в крупную сумму — 1700 руб. (13%). Необходимость в двух лесопилках, очевидно, связана с тем, что при заводе было поставлено производство судов; там имелась особая площадка, на которой «заготовлялись», т. е. строились, коломенки, и стояли сараи для хранения судов и принадлежностей к ним. На Шайтанском заводе была одна молотовая, которая по стоимости уступала пильным мельницам. При своеобразии этого завода основное место в его стоимости остается за плотинной, а производственное значение его определяется в большей степени пильными мельницами и пристанью, чем железным заводом.

Верхненейвинский завод находился в 24 верстах от Невьянского завода. Он еще не был достроен к 1767 г., и для будущего доменного корпуса имелся только фундамент; две молотовые были еще в проекте, и для них был заготовлен строительный материал; даже плотина, хотя и выстроенная, нуждалась еще в дальнейших вложениях. Но завод, повидимому, уже действовал. В 1770 г. его осматривал Паллас, который называет его небольшим заводом, предназначенным «для умножения полосного железа». Он сообщает, что у владельцев имеется намерение

⁵ П. П а л л а с. Путешествие по разным местам Российского государства, СПб., 1786, ч. 2, кн. 1, стр. 235.

увеличить его и снабдить домной; следовательно, домна еще не была сооружена, хотя завод по сравнению с описанием Махотина был уже расширен.⁶

Верхнейвинский завод интересен устройством своей плотины. Он стоял на р. Нейве, пруд его соединялся с оз. Таватуй и вместе с ним образовал водную поверхность в 72 версты в окружности. Паллас говорит, что заводской пруд имеет «ужасную обширность» и соединен с озером. Плотина Верхнейвинского завода имела исключительную длину — 414 саж., а в ширину — 20—30 саж. Махотин указывает, что эта плотина построена «на великой длине, каковых мало в заводах и бывает». Она еще не была закончена, «в совершенстве землей не наполнена» и нуждалась для ее завершения в добавочном расходе в 2130 руб. Но и без того стоимость плотины исключительно высока и составляет 16 387 руб.; ларь к ней оценен в 775 руб. При оценке всего завода вместе с заготовленным строительным материалом в 22.5 тыс. руб. вложения в плотину и лари составляют свыше $\frac{3}{4}$, или 76.4%.

Доменный корпус состоял еще только из фундамента, но молотовая работала; кроме того, имелась еще одна молотовая, «к действию еще не готовая», и кузница с 4 ручными горнами, пильная мельница, меховая и столлярная и кирпичный сарай с печью для производства кирпича. На заводе было много строительных материалов, леса, досок, связей, строек, чугунных припасов, связного железа и кирпича, предназначенных для будущего строительства домны и молотовых и также оцененных в «Книге мемориальной».

Теперь можно подвести итоги. Произведенные мною подсчеты по всем заводам сведены в табл. 45 и позволяют с наибольшей ясностью и выпуклостью представить структуру заводского имущества или строение основного капитала в металлургии XVIII столетия. Итоги по всем 7 заводам дают картину всей Невьянской части, представляющей единое целое. В самом деле, домны, имевшиеся на 3 заводах, давали чугун для всех остальных заводов, и даже контора на Невьянском заводе обслуживала не только этот завод, но и все остальные.

Общие итоги показывают стоимость всех 7 заводов в 176.9 тыс. руб.; наибольший удельный вес по стоимости занимают плотины, которые вместе с водяными ларями составляют свыше $\frac{1}{3}$ основного капитала (37.5%). На долю доменного производства приходится 7%, но в отдельных заводах роль его повышается до 17% капитальных затрат. Доля молотовых фабрик составляет 9.8%, но вместе с кузницами выплавка железа требовала больше затрат, что объясняется значительным числом мастерских и множеством зданий; на их долю приходится 31%. Конторские помещения и господский двор с жильем, конюшнями, банями и садами составляют 14.5%, прочее оборудование и строение вместе с мельницами — 4%. Подавляющий удельный вес гидросиловых сооружений и производственных зданий с их оборудованием приближает демидовские мануфактуры к позднейшей крупной машинной индустрии.

Важнейшим значением воды в качестве двигательной силы, а также большим удельным весом плотины в основном капитале следует объяснить определяющую роль плотины при выборе места для основания завода. Махотин включил в свою «Книгу мемориальную» особую записку на эту тему. Он указывает природные условия, необходимые для

⁶ Там же, стр. 230. Паллас называет завод ошибочно Нижнейвинским, но в экземпляре книги Палласа библиотеки Нижнетагильского музея исправлено на «Верхнейвинский».

Заводы	Общая стоимость завода		В т о м					
			Плотины и лари		Доменный корпус (с оборудованием)		Молотовые с кричными горнами	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Невьянский	73 423 ^[1]	100	13 056	17.6	8000	10.8	6 700	9.2
Бынговский	33 883	100	13 940	41.0	—	—	1 856	5.5
Бынговский кожевенный	3 100	100	900	29.0	—	—	—	—
Шуралинский	10 650	100	6 300	59.0	—	—	3 018	28.3
Верхнетагильский	20 542	100	8 672	42.2	3503	17.0	3 670	17.8
Шайтанский с пристанью	12 879	100	6 425	50.0	—	—	—	—
Верхнейвинский	22 464	100	17 163	76.4	591	2.6	1 645	7.5
Итого	176 941	100	66 456	37.5	12 094	6.9	16 889	9.6

^[1] Исправлено вместо приведенной у Г. Махотина цифры «73 597» ввиду не-

^[2] Вместе с толчей для дуба.

^[3] Помещения, оборудование для кожевенного производства.

устройства плотины: мягкие, некаменистые берега реки, где можно вбивать сваи, определенная глубина воды (5—6¹/₂ саж.); кроме того, следует выяснять, имеются ли речки, впадающие в пруд и увеличивающие запасы воды, и т. п. Второе по значению место для выбора точки под завод занимает близость к лесу, т. е. обеспечение будущего завода топливом; на третьем месте стоит близость руды, так как руда выдерживает более дальние перевозки. Махотин говорит, что рудники могут отстоять не только на 20—30 верст, но даже на 50—70 верст от завода; медную руду можно возить даже за 100 верст.⁷ Он указывает также как на необходимое условие, что завод надо строить «в российских местах», и притом «не в самых пустых», чтобы можно было нанимать «охочих людей» и обеспечить рабочих продовольствием. Таким образом, выбор точки под завод определяется прежде всего удобством устройства плотины, т. е. соображениями гидроэнергетического порядка.

Приведенные данные интересны и в других отношениях. Мы видели, что при построении Невьянского завода петровское правительство вложило денежных средств 11.8 тыс. руб., и Никита Демидов в первые же годы затратил почти столько же — 11 тыс. руб., т. е. всего было израсходовано почти 23 тыс. руб. Вместе с рядом других возникших заводов Невьянская часть оценена в 60-х годах в 177 тыс. руб., ее стоимость увеличилась в 8 раз. Даже с учетом вероятных изменений в стоимости денег, следует признать, что основной капитал растет. Высокий удельный вес стоимости плотины, ларей и производственных помещений обуславливал, вероятно, сравнительно высокий органический состав капитала, что также сближает металлургию того времени с позднейшей крупной фабрикой или заводом.

⁷ Свердл. обл. арх., «Книга мемориальная», стр. 100; эта часть рукописи Махотина напечатана в приложении к кн.: Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала.

дова в 1767 г. (по описанию Мазотина)

ч и с л е

Прочие молотовые и кузницы		Пильные и хлебные мельницы		Меховая, сто- лярная и прочие подсобные производства		Господский дом, сад и т. п.		Прочие строения и оборудование (склады, пожар- ный инвентарь и т. д.)	
Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
9219	12.6	950	1.3	1134	1.5	23 399	31.9	10 965	15.0
13 479	40.0	1074	3.3	280	0.9	414	1.2	2840	8.3
—	—	300 [2]	9.7	449 [3]	14.5	259	8.4	1192	38.0
388	3.6	—	—	—	—	120	1.1	824	7.7
1072	5.2	300	1.5	150	0.7	585	2.8	2590	12.6
1615	12.6	1700	13.0	—	—	252	2.0	2887	22.4
350	1.5	815	3.5	144	0.6	696	3.1	1060	5.0
26 123	14.9	5139	2.9	2157	1.2	25 725	14.5	22 358	12.6

точности итогов в рукописи.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА НА НИЖНЕТАГИЛЬСКОМ ЗАВОДЕ

Нижнетагильский завод не сразу занял свое видное место; еще долгое время после его основания он уступал первенство Невьянскому заводу. Достаточно сравнить описание этих заводов у двух путешественников XVIII в. — И. Гмелина и П. Палласа, чтобы убедиться в этом. При посещении Урала в 1742 г. Гмелин наибольшее внимание уделяет Невьянскому заводу, где в то время была резиденция Акинфия Демидова, и лишь бегло описывает Нижнетагильский завод.

Паллас посетил Нижний Тагил 28 лет спустя, в 1770 г., и отвел ему значительно больше места, нежели Невьянскому. Он говорит о Нижнетагильском заводе: «Сей завод с окрестными достопамятностями пространнее, потому что он меж всеми частными сибирскими заводами совершеннее, порядочнее, важнее и прибыльнее железом, при том в нем находится и главное правление над всеми прочими стат. советнику Никите Ак. Демидову принадлежавшими заводами». Паллас указывает, что цветущее состояние Нижнетагильского завода связано с обилием воды в р. Тагиле: ниже завода река так глубока, что отсюда отпускают суда, груженные железом для Сибири; воды было бы достаточно и на более мощный завод. Здесь помещался каменный корпус с 4 домнами, которые выпускали до 500 пудов чугуна в сутки. Далее были расположены молотовые, плющильная, проволокодельная мастерская, в этот момент, впрочем, бездействовавшая. Паллас перечисляет на Нижнетагильском заводе 18 зданий производственного назначения: «все сии здания деревянные, построены в два ряда и в наилучшем состоянии», говорит он. На заводе еще не закончилось строительство, и намечались в этот момент дальнейшие улучшения; якорную кузницу он называет «нововыстроенной», а литейную — «новозаложенной»; все мехи из ручных должны стать вододействующими. Вместо

большого деревянного господского дома намечено выстроить новый, каменный.⁸ Это описание можно сопоставить с сохранившимися чертежами Нижнетагильского завода.

В начале 1768 г. Н. А. Демидов выразил нижнетагильским приказчикам свое «крайнее неудовольствие», вызванное дурным качеством железа, предназначенного на экспорт. Владелец потребовал решительного улучшения качества железа под угрозой наказания приказчиков и предписал в связи с этим ознакомиться с постановкой дела на Кыштымском и Каслинском заводах, принадлежавших его двоюродному брату Никите Ник. Демидову. Распоряжение это было тотчас же выполнено, и посланные представили описание и чертежи осмотренных заводов параллельно с описанием Нижнетагильского завода с рядом практических выводов о возможных улучшениях и с соответствующими планами заводов.⁹

План Нижнетагильского завода наглядно рисует перед нами расположение заводских зданий. От плотины *A* идет ларь *B* для спуска воды, с ответвлениями, по которым вода проходит на отдельные «фабрики», на колеса. У самой плотины, справа от ларя, помещены домны *C*. По левую сторону от ларя расположены одна за другой 3 молотовые фабрики, а одна молотовая, *D*, помещается напротив, по правую сторону. Кроме того, проектируется ниже моста новая молотовая для колотушечного железа *I*, далее — меднокотельная фабрика *F*; по правую сторону от ларя имеется старая молотодельная *S*; в которой в этот момент делалось также колотушечное, т. е. сортовое, железо. Еще ниже помещались мучная мельница *E* и кузницы *G*.¹⁰ В каждом помещении отмечены на чертеже колеса, молоты, горны и мехи.

В том же описании отмечено, что домны Нижнетагильского и Кыштымского заводов имеют 13 арш. высоты и почти не различаются по своей конструкции. Сохранившийся чертеж профиля Нижнетагильской домны подтверждает это указание. В домне «от горного дна до фурмы», как значится на чертеже, было 9 верш., «от формы до заплечиков и до литеры *d* значится 2¹/₄ арш., выше, от *d* до *C* — 1 арш., от *C* до *B* — 2 арш. 7 верш. и от *B* до *A* — 2 саж. 1¹/₂ арш.; таким образом, общая высота домны — 12³/₄ арш.

Укажем для сопоставления, что М. В. Ломоносов в своих «Первых основаниях металлургии»,¹¹ изданных почти в то же время (1763), приводит описание домны (с чертежами), которая значительно ниже, чем уральские домны, а именно 9 арш., что соответствовало обычной высоте домен в Западной Европе: так, в Швеции и во Франции домны достигали в это время 25 фут. (10¹/₂ арш.), в Германии — 21—24 фут. (9—10 арш.).¹²

Наши домны были значительно выше западноевропейских. Выплавка чугуна на Нижнетагильском заводе составляла 400—500 пуд. в сутки, на Кыштымском — 300—500 пуд. Воздуходувные мехи на Нижнетагильском заводе были длиной 9—9¹/₂ арш., вышиной (сзади) 2—2¹/₄ арш., шириной — 2 арш. 9 верш. и 3 арш., подъем мехов — 6 четв. Водяные

⁸ П. Паллас. Цит. соч., стр. 247—261; I. Gmelin. Reise durch Sibirien, Bd. IV, S. 410—414.

⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 34, л. 6—13 об., 275—285.

¹⁰ Этот план 1768 г. можно сопоставить с опубликованным планом Нижнетагильского завода 80-х годов. См. В. К а м е н с к и й. План-схема производственного процесса Нижнетагильского завода 80-х годов XVIII в.— Архив истории науки и техники, изд. АН СССР, М.-Л., 1933, вып. 1.

¹¹ М. В. Л о м о н о с о в. Первые основания металлургии, СПб., 1763, § 143, стр. 199.

¹² L. В е с к. Die Geschichte des Eisens, Braunschweig, 1895, Bd. III, S. 323, 356.

колеса для подъема мехов были $5\frac{1}{4}$ арш. вышины, имели по 24 «пера», тогда как на Кыштымском заводе колеса были выше — 6 арш.; та же разница наблюдалась и в молотовых: колеса на Нижнетагильском

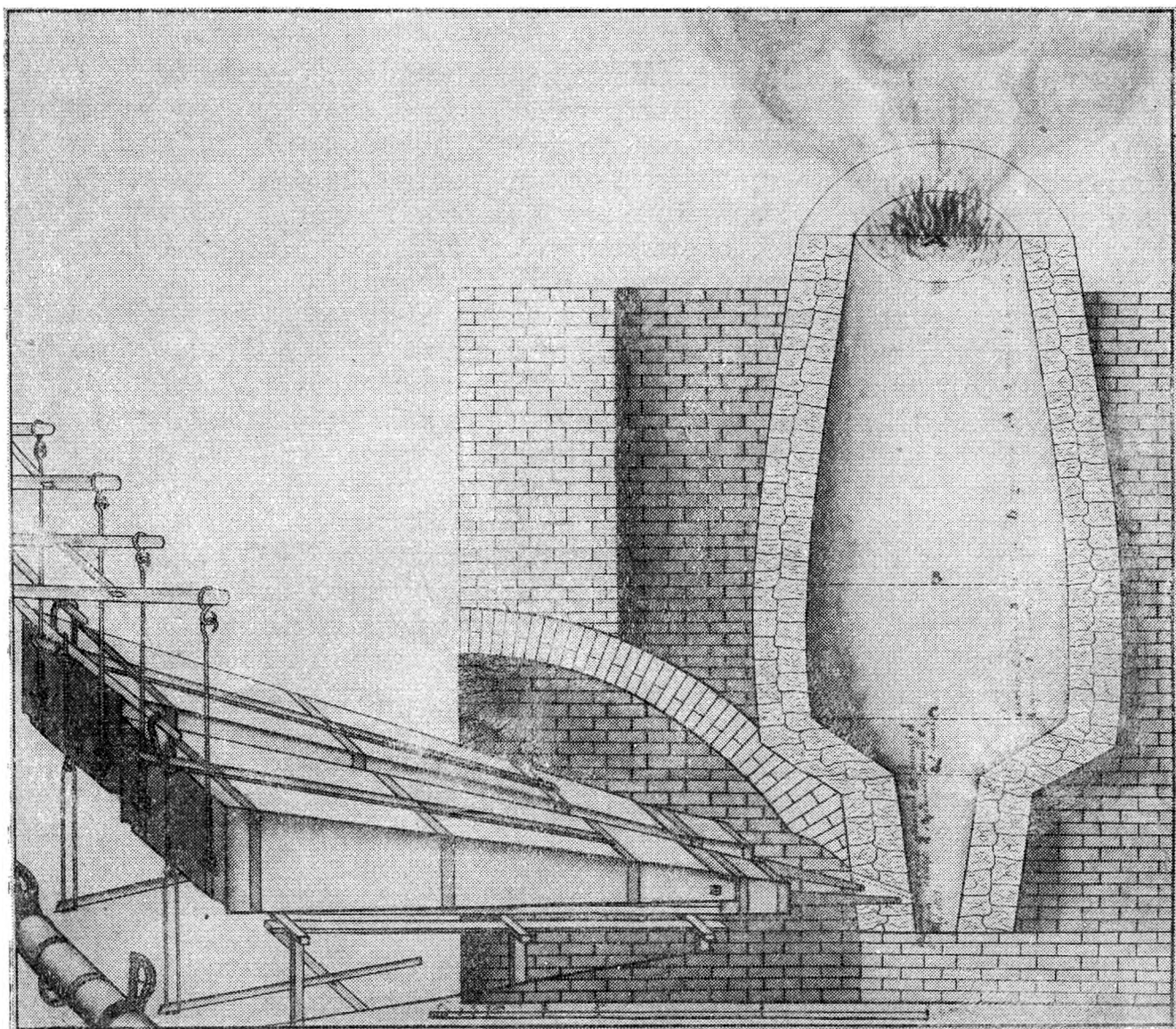

Рис. 2. Чертеж домны Нижнетагильского завода в 1768 г.

заводе были высотой 4 арш., на Кыштымском — 5 арш. Нижнетагильские приказчики считали необходимым и у себя по образцу Кыштымского завода увеличить размер водяных колес.

Для изучения производства на Нижнетагильском заводе имеется ценный источник в виде «штата» Нижнетагильского завода 1763—1764 гг., находящегося среди бумаг демидовской московской конторы.¹³ Его авторы, заводские приказчики, взяли за образец «штат» В. Н. Татищева, предназначенный для казенных уральских заводов. Но «штат» Нижнетагильского завода отличается большей полнотой и стоит ближе к жизни; он является не только сметой, но, повидимому, отражает в цифрах фактическое состояние производства на заводе. Академик С. Г. Струмилин, изучая «штаты» В. Геннина 1723 г. и В. Татищева 1737 г., отметил, что «к сожалению, мы не знаем, сколь точно выполнялись такие планы».¹⁴

¹³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 10.

¹⁴ С. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, М.-Л., 1935, стр. 147.

«Штат» Нижнетагильского завода содержит фактические данные, с которыми сопоставляются предполагаемые цифры или смета. Демидов двумя «ордерами», т. е. приказами главной конторы, 18 февраля и 17 августа 1763 г. распорядился «сделать заводской штат, применяясь к сделанному в Екатеринбурге в 737-м году о заводах казенных заводскому штату». Таким образом, демидовская контора прямо ссылается на «штат» В. Татищева. Московская контора торопила с этим делом и требовала высылки заводского штата «по первому зимнему пути» в том же 1763 г.; если же работа по его составлению должна была затянуться, то следовало присылать его по частям, по мере составления. Так и сделали его авторы: в первую очередь был послан в Москву «Штат Нижнетагильского завода», составленный в декабре 1763 г. Он представляет собой объемистую рукопись в 100 листов.¹⁵

При составлении «штата» имелось в виду: во-первых, дать представление о производстве, т. е. «о выплавке из домен чугуна и о выковке из него разных сортов железа и о переделе из одного железа в доски и другие сорта»; во-вторых, выяснить необходимое для каждой стадии производства число мастеровых и рабочих; в-третьих, указать необходимые суммы денег, а также потребные материалы и инструменты. Нижнетагильский штат содержит параллельные данные — фактические и сметные: 1) «по заводскому производству», являющиеся сведениями за 1763 г., 2) «напротив того с прибавлением оклада и платы по мнению здешней Нижнетагильской конторы», т. е. приведены сметные предположения с необходимыми поправками против фактических. При этом рядом с себестоимостью, или «истинной ценой», указана также прибыль «от каждого производства». «Штат» включает важнейшие сведения по всем цехам и стадиям производства, начиная с дровозаготовок и углежжения.

Сведения о цехах и видах производства свидетельствуют о далеко идущем разделении труда, о значительной дифференциации производства. Здесь перечислены 27 особых видов производства, или «ремесел», включая углежжение и добычу руды в рудниках. Привожу их в том же порядке, как они указаны в «штате»:

Плотинное и плотничное дело. Выплавка чугуна. Литье чугунных припасов в формы. Дело железных молотов (молотодельная фабрика). Дело из криц железа (молотовые фабрики). Дело дощатого железа (дощатая фабрика). Дело колотушечного железа (колотушка в молотовой фабрике). Дело укладки (укладная фабрика). Лужение дощатого железа (лудильная фабрика). Плющильное производство (плющильная и резная фабрика). Разное производство. Дело железных котлов. Дело сковород и жаровень. Дело железных ковшей. Дело якорей (якорная фабрика). Дело кузнечных наковален. Гроздевое дело. Меднокотельная и литейная фабрики. Дело из зеленой меди посуды. Литье колоколов. Приготовление угля. Добыча железной руды. Дело плотничных широких топоров. Дело узких дровосечных топоров. Дело железных куренных лопаток. Дело кирок широких и узких. Меховое дело (производство воздуходушных мехов).

В этом перечне приведены как отдельные «фабрики», в которых заняты по 100 рабочих и больше, так и производства, не требующие отдельного помещения, в которых были заняты по 2—3 рабочих. Н. Бакланов пришел к выводу, что вместо 9 цехов, имевшихся в металлопромышленности XVII в., теперь, в XVIII столетии, появилось 32 цеха. Это число немногим превышает наш перечень; по сравнению с ним на Нижнетагильском заводе отсутствовало в этот момент лишь стальное и проволочное

¹⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 10.

производства и выделка жести, значащиеся у Н. Бакланова; не было также канатного дела и судового, имевшегося у Демидова на другом заводе.

Задача составителей «штата» заключалась также в том, чтобы установить необходимые пропорции между отдельными «фабриками», или цехами: для обеспечения выплавки определенного количества чугуна нужно точно установленное количество дров, угля, руды, для чего потребно определенное число рабочих; в свою очередь это обуславливает следующую стадию — размер выплавки железа и изделий, а также число специалистов, чернорабочих, денежные средства и т. п. Установление этой пропорциональности является существенной стороной той рационализации производства, которая составляет характерную черту крупной промышленности не только на стадии фабричной индустрии, но и в ее мануфактурной форме. «Штат» Нижнетагильского завода должен был способствовать рационализации производства и определению норм и пропорций.

Начнем с анализа заготовки леса и приготовления угля.¹⁶ Количество потребного угля обусловлено наличием 3 действующих домен Нижнетагильского завода и потребностями его молотовых и прочих «фабрик»; кроме того, учитывались также 2 медноплавильные печи Выйского завода, 2 гармахерских горна и 5 его железоделательных молотовых, а также молоты двух Лайских заводов. Следовательно, дровозаготовки и выжиг угля рассчитан на 4 завода (если считать Лайский завод за два). Заготовлено 21 240 куб. саж. дров, считая полено мерою (с «востряком») в 7 четв., а саженную поленицу — в 14 арш. длины и 7 четв. в высоту: это — «косая круглая сажень». За вырубку кубической сажени дров уплачивалось по 30 коп. Заготовка дров занимала 708 чел. в течение 7 месяцев. У осмотра всего куренного производства состояли приказчик, уставщик, 3 помощника, 2 лесных смотрителя.

После работы дровосеков наступала очередь кучекладов, складывавших кучи из 20 саж. дров для выжига угля; над кладкой 1062 куч трудился 151 рабочий. Они также были заняты 7 месяцев, и на каждого приходилось по 7 куч, с платой по 1 р. 30 к. с кучи. В остатке от этого количества куч было 75 куч головни, на которые требовалось 11 рабочих с оплатой по 1 р. 60 к. с кучи; всего, следовательно, было 1137 куч. Весь этот расход составлял 2 тыс. руб.

К следующей операции — к осыпке куч привлекались приписные крестьяне в числе 942 чел., работавшие за подушный оклад; вместе с ними работало 195 заводских жителей, всего 1137 чел.; их труд оплачивался в среднем по 1 р. 10 к. с кучи, что в итоге составляло 1250 руб. Выход угля в среднем равнялся 56¹/₂ коробам из 20-саженной кучи; общий выход угля составил 60 тыс. коробов; за выжиг угля платили по 1 коп. с короба (600 руб.). Заключительная операция — разломка куч производилась теми же дровосеками и кучеосыпщиками; они получали за разломку отдельную плату, по 1 р. 20 к. с кучи (1364 руб.).

Кроме этих рабочих, а также служащих «у осмотра», при выжиге угля находились 16 руководящих мастеров, получавших также по 1 коп. с короба. Для разъезда по куреням имелось 6 лошадей, на корм и содержание которых полагалось по примеру казенных заводов по 12 р. 21 к. на каждую в год. К сбору угля по куреням привлекались подростки; оплата их труда неизвестна, но общий расход по этой статье составлял лишь 26 р. 70 к. Стоимость заготовки дров и выжига угля по моим подсчетам представлена в табл. 46.

¹⁶ Там же, л. 87—91 об.

Заготовка дров и приготовление угля
(21 240 саж. дров — 60 003 короба угля)

Рабочая сила и название работ	Число людей	Заработная плата (р., к.)	Итого (р., к.)
I. Рабочая сила			
а) Служащие («у осмотра»):			
Приказчик (в год)	1	50.—	50.—
Уставщик (в год)	1	36.—	36.—
Помощники (в год)	3	{ 20.— 20.— 18.— }	58.—
Лесные смотрители (в год)	2	{ 30.— 24.— }	54.—
б) Рабочие:			
1. Дровозаготовки (21 240 саж.) Дровосеки (3 мес. × 30 саж., плата за 1 саж.)	708	— .30	6372.—
2. Кладка куч (7 мес. × 1137 куч) Кучеклады (1062 кучи, по 7 куч на 1 чел., плата с кучи)	151	1.30	1880.60
Кучеклады на 75 куч головни (по 7 куч на 1 чел., плата с кучи)	11	1.60	120.—
3. Осыпка (1137 куч) Приписные крестьяне (912 чел.) и заводские «обыватели» (195 чел., плата с кучи) . . .	1137	1.10	1250.70
4. Выжиг угля (56½ короба с кучи, 60 003 короба) Те же приписные крестьяне и заводские «обыватели» (плата с короба)	—	— .01	600.03
5. Разломка (1137 куч) Ломщики — те же крестьяне и заводские «обыватели» (плата с кучи)	—	1.20	1364.40
6. Мастера при жжении угля (плата с короба)	16	— .01	600.30
7. Сбор угля по куреням Малолетки (плата в день)	—	—	26.70
II. Содержание 6 лошадей (для разездов по куреням) и корм для них (по 12 р. 21 к. в год)	—	—	73.26
Итого (I + II)	2030	—	11985.72
III. Кузница к угольному производству			
Кузнецы для дела новых и починки старых инструментов (250 дней, плата в день)	3	— .08	60.—
Кузнечные работники (250 дней, плата в день)	3	— .06	45.—
Кузнец с работником на ковку дровосечных топоров (700 шт.) и кирок (400 шт.) за топор за кирку	} 2	— .2½ — .03	} 29.50
Итого	8	—	134.50

Т а б л и ц а 46 (продолжение)

Рабочая сила и название работ	Число людей	Заработная плата (р., к.)	Итого (р., к.)
IV. Плетение углевозных коробов на 26 пуд. угля (700 шт.)			
Подрядчики (по 15 коп. с короба — 105 руб., короба служат 3 года, а на 1 год)	10	—	35.—
V. Материалы			
а) Покупные и подрядные припасы (ушаты для воды, ведра, решетки, точила, уголь к кузнице и содержание 4 пар кузнечных мехов)	—	—	141.12
б) Припасы заводского приготовления (лопаты, железо и уклад «на дело» новых топоров, кирок и на их починку)	—	—	152.97
Всего	2048	—	12 449.31
В среднем на 1 короб	—	—	—20 ³ / ₄

Себестоимость короба угля составляла, таким образом, 20³/₄ коп., общий расход на 60 тыс. коробов равнялся 12 449 р. 31 к. Это общее количество угля распределялось на 3 завода следующим образом: на Нижнетагильский завод шло 47 тыс. коробов, на Выйский — 9549, на Лайские заводы — 3454 короба.

К этому расходу (20³/₄ коп.) следует прибавить и перевозку угля на заводы и приемку; эти статьи расхода даны для одного Нижнетагильского завода (без Выйского и Лайского). Расстояние куреней от завода было неравное, но в среднем, по данным 1760 г., принято в 12 верст; перевозка обошлась в 1¹/₂ коп. с версты, т. е. 6 коп. на короб, сверх чего платилось за нагрузку по 1 коп. и за свалку по 1 коп., итого по 8 коп. за короб, а за 47 тыс. коробов — 3760 руб. Кроме того, «у приема угля к домнам» находились 3 приказчика, на жалованье которым расходовалось 74 руб.; всего издержки на перевозку составляли 3834 руб. В итоге общая себестоимость угля, направлявшегося на один Нижнетагильский завод (47 тыс. коробов), составляла вместе с перевозкой (9752 р. 50 к. + 3834 р.) — 13 686 р. 50 к., или 29 коп. за короб весом 26 пуд. Перевозкой были заняты все заводские жители в течение зимы.

Приведенные выше данные основаны на опыте истекших лет. Нижнетагильская заводская контора остановилась наряду с ними и на тех изменениях, которые, по ее мнению, были необходимы. Они касались, главным образом, оплаты служащих, состоявших «у осмотра», как приказчик, уставщик с помощниками и смотрители. Производственные расходы почти не изменились и с поправками заводской конторы должны были подняться только с 9752 р. 50 к. до 9870 руб., а себестоимость одного короба должна была составить 21 коп. Но зато заводская контора предлагала значительно поднять оплату за перевозку угля на завод. Заводские приказчики считали, что расстояние от куреней до завода «ныне и впредь на 10 лет» составит в среднем 16 верст вместо 12. Оплату за перевозку они предлагали поднять с 1¹/₂ коп. до 3¹/₄ коп. с версты, что составит 12 коп. вместо прежних 8 коп. за короб; оплата нагрузки и свалки оставалась прежней — по 1 коп., но рекомен-

довалось повысить оплату приказчикам. Это приводило в итоге к росту себестоимости до 35 коп. за короб.¹⁷ Эти расходы, фактические и сметные, представлены в табл. 47.

Таблица 47

Перевозка угля на Нижнетагильский завод

Статья расхода	«По заводскому производству»			По мнению заводской конторы		
	Число людей	Стоимость (р., к.)	Итого (р., к.)	Число людей	Стоимость (р., к.)	Итого (р., к.)
Себестоимость 47 000 коробов	—	— .20 ³ / ₄	9752.50	—	— .21	9870.—
Перевозка с куреней на завод (с короба) . . .	—	— .06	3760.— (по 8 коп.)	—	— .12	6580.— (по 14 коп.)
Нагрузка (с короба) . .	—	(12 вер. × 1/2 коп.)		—	(16 вер. × 3/4 коп.)	
Свалка (с короба) . . .	—	— .01		—	— .01	
Приемщиков по приему угля к домам	3	{ 30.— 24.— 20.— }	74.—	3	{ 36.— 30.— 24.— }	90.—
Всего:						
на 47 000 коробов . .	—	—	13 686.50	—	—	16 540.—
на 1 короб	—	— .29	—	—	— .35	—

Нормы Татищева академик Струмилин называет «очень жесткими»; вероятно, «штат» Нижнетагильского завода следует признать более отражающим фактическое состояние дела. Кроме того, надо отметить, что в Екатеринбургском заводе по «штату» Татищева из кучи выходило 64 короба соснового угля, а по «штату» Нижнетагильского завода — 56¹/₂ коробов; особенно велика разница по расходам на дровазаготовки и перевозку (табл. 48).

В калькуляции дровазаготовок и угля отсутствует стоимость сырья — леса; цена его ограничивалась, очевидно, затратами на заготовку и вывоз, т. е. отсутствует позднейшая попенная плата, или лесная рента. По «штату» Татищева за сажень дров платилось 20 коп., по «штату» Нижнетагильского завода — 30 коп.; перевозка на 10 верст, вместе с насыпкой и свалкой, в первом случае стоила 4 коп., во втором — 8 коп. В этих изменениях могли отразиться также общие изменения в ценах и стоимости денег. Следует признать реальными именно ставки и нормы Нижнетагильского завода, о чем свидетельствует совпадение в большинстве случаев с нормами Невьянского завода. О последних мы знаем из «Книги мемориальной» Г. Махотина, в которой приведено особое «Примечание о поведении куренного действия»¹⁸ и помещен договор с крестьянами на дровазаготовки.¹⁹ Махотин сообщает конкретные сведения о ходе заготовок. На

¹⁷ Короб Нижнетагильского завода, повидимому, отличался от короба по «штату» Татищева и равнялся 26 пуд. «Углевозный черемхорский короб» определен в «штате» Нижнетагильского завода следующим образом: «по дну длиной 3¹/₄, шириной ³/₄ арш., по верху длиной 3¹/₂ арш., шириной 1¹/₂, вышиной 1³/₄ арш.; угля в оное по весу насыпается из трех проб средней пропорции 26 пуд., а по казенному статусу 737 года при казенных заводах положено вывозить во объявленную меру коробом угля 30 пуд.»

¹⁸ Свердл. обл. арх., «Книга мемориальная», стр. 165 сл.

¹⁹ Напечатан в кн.: Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, стр. 243.

Расход на 1 кучу (20 куб. саж.)

Элементы работы	Екатеринбургский завод (1737 г.)	Нижнетагильский завод (1763 г.)
	Стоимость работ (р., к.)	
Заготовка дров	4.—	6.—
Выжиг угля		
Кладка	1.—	1.32
Дернение и осыпка	1.—	1.10
Угление угля	— .60	— .56 ¹ / ₂
Разломка	— .80	1.20
Итого	3.40	4.13 ¹ / ₂
Мастерам и накладные расходы	— .84	1.22 ¹ / ₂
Перевозка	2.56	4.52
Всего:		
на 1 кучу	10.80	15.93
на 1 корб	— .17	— .28 ¹ / ₂

На Невьянском заводе в рубке леса участвовало 560 чел., разделенных на 18 «статей» по 31 чел. Каждая статья работала на круговой поруче. Они должны были поставить 21 200 саж. (косая круглая сажень). Рубка леса производилась в течение 10 месяцев, с 1 февраля по 1 декабря. В отведенных для этого лесах были построены избышки с печью, отстоявшие друг от друга на 4 версты. Десятники должны были следить за порядком и наказывать батогами тех, кто отлучится с работы. К 1 ноября надсмотрщик со старостой и угольным мастером осматривали и должны были «опробовать» и записать, кто сколько вырубил, кто в среднем вырубил менее 30 саж., и «таковых ленивцев наказывать батогами». Кладка в кучи в Невьянске происходит с 1 января по 1 ноября, для этого употребляют сухие дрова летней порубки; работают 150 кучекладов, каждый (с 2 лошадьми) делает по 7—8 куч. Осыпка и дернение происходят в мае; осыпают навозной или «кучевой» землей по 20—30 возов.

Углежжение на Невьянском заводе производилось особыми работниками; их было 95 чел., на каждого приходилось 12 куч; работу начинали с июня. Следующая стадия, ломка угля, производилась 200 чел., на каждого приходилось по 5—6 куч; на разгребании каждой кучи работало двое. Затем уголь передавался возчикам, и его сваливали на заводской площади в груды по 6 арш. вышиной. На Невьянском заводе уже была устроена угольная печь, которая должна была заменить кучный способ углежжения. Махотин дает описание устроенной им угольной печи. Печь давала 200—300 корбов угля и, кроме того, значительное количество смолы. В какой мере угольная печь Махотина была техническим новшеством, видно из того, что печное углежжение стало применяться лишь во второй половине XIX столетия, а утвердилось только в XX столетии, когда вошла в употребление углевыжигательная печь Шварца, дающая высокий процент выхода древесного угля.²⁰

²⁰ Свердлов. обл. арх., «Книга мемориальная», стр. 122; С. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 70—71; Д. Кашинцев. Цит. соч., стр. 143.

Добыча руды для Нижнетагильского завода производилась с знаменитой горы Высокой. Высокогорский рудник посетил в 1742 г. академик Гмелин, который сообщает, что гора изрыта ямами с севера, запада и юга, и руда с нее поступает на Нижнетагильский и Невьянский заводы. «Работа на этих ямах идет так, как я еще не видел, — говорит Гмелин: — немногие взрослые рабочие ломают руду; большое число девочек и мальчиков от 8 до 12 лет собирают ее в кучи».²¹ Академик П. Паллас был на Нижнетагильском заводе в 1770 г. и отметил выгодное местоположение завода, в особенности в отношении снабжения рудой. «Гора сия, — говорит Паллас, — прорубленною через лес перспективною отстоит от пруда к западу только на две версты и состоит вся из чистейшего железняка». Паллас говорит также о применении детского труда: «до 400 детей собирали лежалую по верху горы и около нее руду. Собранную руду обжигают, накладывая в кучу по 400 пуд.; обжиг продолжается 40 дней, после чего руда остывает 10 недель, затем ее разбивают молотами».²²

Г. Махотин в своей «Книге мемориальной» поместил инструкцию невянской заводской конторы надзирателю над всеми заводскими рудниками и приводит договор невянской конторы с рудокопами, к сожалению, рисующий условия не на Высокогорском, а на другом руднике, называемом Поперечным.²³ Интересно, что руда добывалась при помощи пороха, хотя в литературе отмечено самое раннее упоминание о применении пороха на одном из уральских рудников лишь для 1808 г.²⁴

«Штат» Нижнетагильского завода дает отчетливую картину добычи руды. На три действующие домны требовалось 29 410 возов, в 30 пуд. каждый, или 882 300 пуд. железной руды, добывавшейся, как сказано, с горы Высокой. Она находится всего на расстоянии 2 верст и 50 саж. от завода, т. е. очень близко, чем, вероятно, объясняется большая нагрузка воза, в 30 пуд. вместо 20—25 пуд., обычных для уральских заводов, как свидетельствуют Лепехин и др. На рудниках употребляется порох для взрывных работ; об этом упоминается в «штате», и об этом же известно из других данных: так, в приходе-расходной книге по каравану судов с железом за 1758 г. значится, что демидовский приказчик получил в Твери 15 пуд. пороха в 5 бочках для погрузки на суда, отправляющиеся на сибирские заводы Никиты Ак. Демидова, и порох предназначался для бурения железных руд.²⁵ В «штате» Нижнетагильского завода отмечен раскол «на бурение твердых руд — пороху 5 пуд. 32³/₄ ф. ценою по 12 руб. пуд».²⁶

Добычей руды на Нижнетагильском заводе занимались, согласно «штату», 90 мужчин и 210 женщин и детей; эти данные подтверждают, таким образом, показания Гмелина и Палласа о применении в широких размерах детского труда. Кроме того, имелись уставщики, нарядчики, писарь и караульщики, всего 7 чел. Эти 300 рабочих обоего пола и разного возраста работали 6 летних месяцев. При этом не сказано об отпуске их на покос, но следует предполагать, что, подобно порядкам на Невьянском заводе, здесь также работали 5 месяцев, а месяц тратили на сенокос. Считая по 25 рабочих дней в месяц, общее число дней работы для 300 чел. составит 37 500 дней, что показывает при 882.3 тыс. пуд.

²¹ I. G m e l i n. Reise durch Sibirien, Bd. IV, S. 414.

²² П. П а л л а с. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 2, кн. 1, стр. 253—255.

²³ Этот договор напечатан в приложении к кн.: Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, стр. 240—242.

²⁴ С. С т р у м и л и н. Цит. соч., стр. 104.

²⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 16, рапорты.

²⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 10, л. 93.

Добыча железной руды с Высокогорского рудника в 1763 г.
(29 410 возов, или 882 300 пуд.)

Статьи расхода	Число людей	Заработная плата на 1 рабочего	Итого
		(руб.)	(р., к.)
I. Рабочая сила			
Уставщики (в год)	2	24	48.—
Нарядчики (в год)	2	20	38.—
		18	
Писарь (в год)	1	24	24.—
Караульщики (в год)	2	9	18.—
Работники на летние 6 мес. к добыче руды и вывозке на обжиг леса (90 мужчин и 210 женщин и подростков по разным ценам) .	300	—	1351.31 ¹ / ₂
«Вырубка леса на обжиг руды 1500 кряжей трехсаженных; урок—2 чел. по 3 дерева в день, а из 3-х дерев вырубается по 6 кряжей; подневная плата по 7 коп. на день»	—	—	35.—
«За рубку из привезенного леса дров в куренную меру 10 саж. к разжиганию по 30 коп. сажень»	—	—	3.—
Итого	—	—	1517.31 ¹ / ₂
Кузнец (кузница для выдела лопаток, починки кирок, топоров и т. п.) на 200 дней по 8 коп. за день	1	—	16.—
Работник при нем на 200 дней по 6 коп. . .	1	—	12.—
Всего	309	—	1545.31 ¹ / ₂
II. Материалы			
а) Покупные и подрядные припасы			
Порох на бурение твердых пород 5 п. 32 ¹ / ₄ ф.	—	—	69.82 ¹ / ₂
Пеньковые снасти	—	—	15.—
Деготь на смазку колес, 30 ведер по 6 коп. .	—	—	1.80
Точилы печерские, 24 пуда по 30 коп. . . .	—	—	7.20
30 саней дров по 25 коп.	—	—	7.50
Свечи сальные 20 ф.	—	—	—.65
Содержание тележных колес	—	—	6.—
Уголь на кузнечный гори, 20 коробов по 29 коп.	—	—	5.80
Содержание кузнечных ручных мехов, 1 пары	—	—	—.58
2 деревянных ведра и 2 черемховых решета .	—	—	—.12
б) Припасы заводского приготовления			
Лопатки железные 200 шт. по 10 ¹ / ₂ коп. = 20 р. 50 к. на 2 года, а на 1 год	—	—	10.25
Железа и уклада 27 пуд. на починку инструмента	—	—	16.40
Итого	—	—	141.12 ¹ / ₂

Таблица 49 (продолжение)

Статьи расхода	Число людей	Заработная плата на 1 рабочего	Итого (р., к.)
		(руб.)	
Содержание 13 лошадей при вывозке леса на рудник и отвозке пустой земли по 12 р. 21 к. в год, а на 6 мес.	—	—	77.76
Всего на 29 410 возов (882 300 пуд.), по 6 коп. с воза	—	—	1764.20
Привоз с рудника к домам руды по 3 коп. с воза в 30 пуд.	—	—	882.—
Всего (по 9 коп. с воза)	—	—	2646.20

руды среднюю производительность на 1 работника — $23\frac{1}{2}$ пуда. Это следует считать весьма высокой цифрой. Добыча руды под Тулой в XVII в. составляла при учете только подземных работников 25 пуд. руды в день, но при учете рытья колодцев, подъема пустой породы и т. п. на 100 пуд. сырой руды затрачивалось 8 дней работы, т. е. на 1 день — $12\frac{1}{2}$ пуд.; по «штату» Геннина 1723 г. — $13\frac{1}{2}$ пуд. сырой руды, а на 13 казенных заводах в 1797—1806 гг. в день добывалось в среднем $8\frac{1}{2}$ пуд. Таким образом, на Высокогорском руднике Нижнетагильского завода производительность труда была значительно выше обычной в то время на уральских рудниках. При этом следует учесть близость рудника к заводу, что обусловило пониженные транспортные расходы.²⁷⁻²⁸ Конечно, наряду с отличным качеством руды на знаменитой горе Высокой и близостью рудника к заводу важное значение для дешевизны руды имела широкая эксплуатация женского и детского труда. К сожалению, в «штате» 1763 г. сведения об оплате труда женщин и детей на руднике отсутствуют. Данные по добыче руды с Высокогорского рудника в 1763 г. представлены в табл. 49. Они показывают, что на рабочую силу затрачивалось 1545 руб., а на материалы только 141 руб.; значителен был расход на перевозку руды с рудника на завод (882 руб.).

Калькуляция чугуна по «штату» Нижнетагильского завода включает также оплату конторского персонала главной заводской конторы. Контора Нижнетагильского завода возглавлялась тремя приказчиками. Весь штат главной конторы, включая солдат, состоял из 30 чел., на содержание которых затрачивалось 1237 руб. в год. Кроме них были приказчики, нарядчики и смотрители, наблюдавшие за отдельными производствами — за добычей руды, заготовкой угля, выковкой железа и т. п. Расход на эту категорию служащих раскладывался на соответствующие производства, тогда как содержание главной конторы входило в себестоимость чугуна. Кроме оплаты труда, по конторе учитывался расход на бумагу, сальные свечи и на отопление. Плотинное дело обслуживалось плотинным мастером, подмастерьем и учеником; кроме них, на заводе было 32 плотника, большая часть которых работала только в летнее время (125 дней),

²⁷⁻²⁸ С. Струмилин. Цит. соч., стр. 98—101.

Смета доменного производства Нижнетагильского завода [1]
(3 домны, 428506 пуд. чугуна и чугунных изделий)

Статьи расхода	Количество (пуд.)	Цена (коп.)	Сумма (р., к.)
I. Материалы			
Руда железная (410 возов по 30 пуд., цена с воза)	882 300	9	2646.90
Уголь древесный (коробов)	30 000	29	8700.—
Песок	25 200	1/2	126.—
Горновой камень	4 349	4	173.96
Разные расходы (деготь, белая глина и т. д.)	—	—	190.73
Итого	—	—	11 837.59
	Число людей	Оплата 1 чел. (р., к.)	Сумма (р., к.)
II. Рабочая сила			
Надзиратель	1	30.—	30.—
Уставщик по 10 коп. в день (на 365 дн.)	1	—	36.50
Писарь у прихода и расхода чугуна	1	24.—	24.—
Рудный приемщик	1	30.—	30.—
Подмастерья (на 52 недели, плата за неделю) [2]	9 (+3 зап.)	—50	234.—
Литухи (то же)	9 (+3 зап.)	—40	187.20
Углесосы (то же)	12 (+6 зап.)	—40	249.60
Засыпки (то же)	6 (+3 зап.)	—40	124.80
Мусорщики (то же)	3 (+1 зап.)	—15	23.40
Те же мусорщики за выбор из «соку» чугуна	—	—	100.—
Печатальщики за литье в песок	2	—	41.38
Рудотолки (295 1/2 дн. без праздн., плата в день)	6	—07	124.11
Рудотаскальщики и нагребщики (295 1/2 дн.)	9 (+3 зап.)	—06	159.37
Поденщики у подвоза руды к домне (223 1/2 дня)	6	4—5—6 коп.	67.05
Караульщики и рабочие у пожарных машин	3	—	42.—
Прочие расходы (починка домны, содержание пожарных машин и т. п.)	—	—	23.—
Итого	88	—	1496.60
III. Конная тяга			
Содержание 12 лошадей у вывозки чугуна	—	—	146.52
Конюх к ним	1	24.—	24.—
Провоз 30 возов головней на лучину	—	—	1.80
Итого	1	—	172.33

[1] «По заводскому производству», т. е. фактическая.

[2] Расчет без запасных.

Таблица 50 (продолжение)

Статьи расхода	Число людей	Оплата 1 чел. (р. к.)	Сумма (р. к.)
IV. Контора и прочие расходы			
Главная заводская контора	30	—	1237.61
Бумага, сургуч, свечи, отопление кон- торы	—	—	45.—
Плотинное дело и т. п. (53 плотника, кузнецы, конюхи и др.—половина рас- хода на чугун)	—	—	575.16
Лесопильная мельница	11	—	274.92
Тележное дело (200 колес в год и по- чинка—половина расхода)	—	—	56.75
Прочие расходы (починка инструментов) .	—	—	138.68
Итого	—	—	2348.12
на 428 506 пуд	—	—	15 854.64 [3]
Всего на 1 пуд	—	— 3 ³ / ₄	—

[3] Мой итог (15 854 р. 64 к.) несколько ниже показанного в «штате» (15 922 р. 10 к.).

Расход на них делился между доменным производством и молотовыми. 10 поденщиков везли лес; имелось 28 лошадей и при них 5 конюхов. Этот расход лишь наполовину включен в калькуляцию чугуна. Лесопильная мельница обслуживалась «пиленным мастером» и тремя работниками; на лесопилке было 50 пил, работавших в три перемены, которые «с починкою простоять могут 5 лет», в «штате» учитывалась при этом амортизация, и в калькуляцию включалась лишь $\frac{1}{5}$ стоимости.

На Нижнетагильском заводе было 3 действующих домны, при которых состояли надзиратели, уставщик, писарь, рудный приемщик, подмастерья, «литухи», «рудотолки» и т. п. Весь этот производственный персонал (за исключением конторы, плотников и лесопилок) составлял 88 чел., на оплату которых (без конной тяги) тратилось 1496 руб. Выплавка чугуна из 3 домен составляла по «штату» 428.5 тыс. пуд., для чего требовалось 882 тыс. пуд. руды и 30 тыс. коробов угля. Руда, уголь и другие материалы стоили 11 837 руб. Все затраты составляли по «штату» в 1763 г. 15.9 тыс. руб., и себестоимость 1 пуда чугуна выражалась в $3\frac{3}{4}$ коп., а с поправками и изменениями, намеченными на следующий 1764 г., должна была составить 4 коп. за 1 пуд. Смета доменного производства представлена в табл. 50 (по моим подсчетам).

Эти данные показывают, что на долю сырья и материалов, оцененных по себестоимости, приходилось 74.9% себестоимости чугуна, а на живой труд — только 9.3%, и на оплату конторского труда, плотинного дела и лесопилки — 14.7—15.4%, т. е. труд и прочие расходы составили 24%. Фактические и сметные расходы по Нижнетагильскому заводу по выплавке чугуна представлены в табл. 51.

В среднем на 1 домну Нижнетагильского завода приходилось 29 производственных рабочих, 234 тыс. пуд. руды, 10 тыс. коробов угля (260 тыс. пуд.) и 142 835 $\frac{1}{3}$ пуд. чугуна, что составило бы суточную выплавку (из расчета на 295 дней) на 1 домну—484 пуда (или 391 п. из расчета 365 дней).²⁹ Это значительно выше обычной нормы уральских казенных

²⁹ В «штате» нет прямых указаний на время работы домны. Но персонал, не только надзиратели и уставщики, но также литухи, мастера и подмастерья и угленосы полу-

*Фактические и сметные расходы по Нижнетагильскому заводу
(доменное производство)*

Статьи расхода	«По заводскому производству»		По мнению заводской конторы	
	Стоимость		Стоимость	
	(р., к.)	%	(р., к.)	%
Материалы	11 837.59	74.9	13 644.29	74.2
Рабочая сила	1496.60	9.3	1700.47	9.2
Контора и пр.	2348.12	14.7	2825.71	15.4
Конная тяга	172.30	1.1	233.30	1.2
Всего	15 854.64	100 %	18 407.77	100,0

заводов по штатам 1737 г., когда среднесуточная выплавка должна была составлять 372 пуда.³⁰

Высокая продукция Нижнетагильского завода объясняется отчасти отличным качеством и дешевизной высокогорской руды и дешевизной угля, а также большим объемом домны. Это особенно наглядно проявляется при сравнении с Невьянским заводом. Г. Махотин приводит в своей «Книге мемориальной» расчет себестоимости чугуна: каждый пуд обходился в $11\frac{3}{8}$ коп., а без десятины — $7\frac{3}{8}$ коп. Только «двуфурменная» домна давала в Невьянске пониженную себестоимость — $5\frac{1}{2}$ коп. за 1 пуд чугуна. Богатство руды и близость Высокогорского рудника к Нижнетагильскому заводу обусловили пониженную себестоимость чугуна по сравнению с Невьянским заводом. «Однофурменная» домна на этом заводе имела 13 арш. вышины, а «двуфурменная» домна была исключительной по своим размерам: она имела 19 арш. высоты. Двуфурменная домна на Невьянском заводе за 1 год 1 мес. и 14 дней (с 8 декабря 1767 г. по 21 января 1769 г.) переработала 436.4 тыс. пуд. руды и выдала 247.9 тыс. пуд. чугуна. Это показывает, что суточная производительность составляла около 500 пуд. Между тем однофурменная домна почти за такой же срок (с 1 января 1767 г. по 17 февраля 1768 г.) переработала 306.2 тыс. пуд. руды и выдала 170 тыс. пуд. чугуна, или 410 пуд. в сутки, т. е. ее производительность была значительно ниже двуфурменной.³¹

До сих пор в приведенных расчетах даны были сведения о сырье, материалах и полупродукте. Перейдем теперь к основному производству, к выпуску готового продукта — железа, или к кричному производству. На Нижнетагильском заводе было 3 молотовых фабрики, в которых имелось 6 действующих молотов и 1 запасный. В молотовых работа шла 250 дней; остановки связаны были с «великим большеводьем», прекращалась работа и на время покоса. В нижнетагильские молотовые направлялся не весь чугун: значительная часть его поступала на другие заводы—

чают оплату из расчета 52 недели (по 40—50 коп. в неделю) или на 365 дней (надзиратель и уставщик), а о рудотолках сказано, что «плата оным в год за исключением праздников считается каждому рабочих дней 295 дней по 7 коп. на день». Считая, что домны должны были останавливаться на время покоса, рассчитываю среднесуточную выплавку, деля годовую продукцию на 295 дней.

³⁰ С. Струмилин. Цит. соч., стр. 168.

³¹ Свердлов. обл. арх., «Книга мемориальная», стр. 137—141.

Выйский, Черноисточинский и Лайский.³² Под 6 молотами Нижнетагильского завода выковывалось 67 226 пудов железа (по 11 204 пуда на молот), на что затрачивалось 100 тыс. пуд. чугуна. При каждом молоте было по 2 пары 5-аршинных мехов; всего, таким образом, имелось 12 пар мехов.

Расход на рабочую силу складывался следующим образом. На окладном, или годовом, жалованье состояли: надзиратель, уставщик, писарь и угольный приемщик; на этих работников расходовалось в год 146 руб. (от 12 до 70 руб. каждому). При ковке железа состояло 24 мастера, получавших сдельно по $2\frac{1}{2}$ коп. с пуда, а за тонкие полоски на плющение, за восьмигранное и подковное железо — по 4 коп. В среднем мастер зарабатывал по 71 р. $34\frac{1}{2}$ к., а все мастера — 1712 р. 28 к. Подмастерьев было также 24, они получали по $1\frac{1}{2}$ коп. с пуда, а за восьмигранное, подковное и т. п. по 2 коп. и в среднем по 45 р. $45\frac{1}{2}$ к.; всего оплата подмастерьев составляла 1018 р. 94 к. Кроме того, имелось 24 работника, получавших по 1 коп. с пуда железа; были также запасные мастера, подмастерья и работники, заменявшие их в «гулевые» дни, с поденной оплатой по 10—7 коп. в день. С учетом оплаты сторожей, караульщиков и половины расходов на плотинное дело и т. п. (другая половина входила в калькуляцию чугуна) расход на заработную плату составлял всего 4205 р. $64\frac{1}{4}$ к., а с кузнечными работниками и пр. — 4360 р. 64 к. Калькуляция производства железа представлена в табл. 52.

Себестоимость пуда железа составляла $17\frac{1}{2}$ коп., а по новым расчетам заводской конторы должна была составлять впредь $19\frac{1}{2}$ коп. При продажной заводской цене 50 к. за пуд эти данные обнаруживают исключительную прибыльность кричного производства.

Приведенные данные показывают расходы по оплате труда на Нижнетагильском заводе при производстве железа. На дровозаготовки и углежжение (на 47 тыс. коробов, которые употреблялись на месте), на оплату труда и перевозку было затрачено 13 684 р. 50 к.; при добыче руды вместе с перевозкой расход на труд составил 2505 р. 38 к.; в доменном производстве оплата труда, включая конторский персонал и конную тягу, равнялась 4017 р. 5 к., итого оплата труда по выплавке 428 тыс. пудов чугуна составила 20 206 р. 93 к. На Нижнетагильском заводе было использовано из этого количества менее $\frac{1}{4}$, т. е. только 100 тыс. пудов чугуна (23.3%); следовательно, затраты на труд составляли на эту часть чугуна 4647 руб. При выковке железа (в кричном производстве) к этой сумме прибавилась оплата труда — 4360 руб. Весь расход на труд, начиная с дровозаготовок и кончая выковкой железа (67 тыс. пуд.), составил, таким образом, 9007 руб. при продажной оценке железа в 33.6 тыс. руб.

Иная картина против кричного производства проявляется при металлообработке, где затраты на труд гораздо выше, что, повидимому, связано с ремесленным характером этих видов производства. Остановлюсь в качестве примера на данных «штата» Нижнетагильского завода по производству котлов, заслонов и подсвечников. Здесь особенно велик удельный вес расхода на рабочую силу. Котельных мастеров было 13 чел., они выработывали в год 685 п. 8 ф. мелких котлов, 109 п. 16 ф. заслонов и 959 подсвечников. На это потреблялось 1580 пуд. железа, которое подвергалось предварительной обработке, «пробивке» в дощатой фабрике, причем угар составлял 545 п. 30 ф. в виде обрезков; в дощатой мастерской этим были заняты 1 мастер и 2 подмастерья. Расход на оплату труда составлял основную часть себестоимости (табл. 53).

³² К сожалению, имеется лишь «штат» Нижнетагильского завода, а по остальным заводам, с ним связанным, подобные данные отсутствуют.

Кричное производство на Нижнетагильском заводе в 1763 г.
(3 молотовые, 6 молотов, 67 226 пуд. железа)

Статьи расхода	Количество	На единицу (руб., коп.)	Сумма (руб., коп.)
I. Материалы			
Чугун (пуд.)	100 000	—,03 ³ / ₄	3750.—
Уголь (коробов)	10 000	—,29	2900.—
Прочие припасы (деготь, клинья, решетка, дрова, известь и пр.)	—	—	211.60
Содержание 6 молотов и пр.	—	—	405.60
На кузницы	—	—	102.18
Слесарное дело	—	—	13.62
Итого	—	—	7383.—
II. Рабочая сила			
	Число людей	Заработная плата (руб., коп.)	Сумма (руб., коп.)
Надзиратель (в год)	1	70.—	70.—
Устащик (то же)	1	40.—	40.—
Писарь (то же)	1	12.—	12.—
Угольный приемщик	1	24.—	24.—
Молотовые мастера	24 (+6 зап.)	71.3 ¹ / ₂	1712.28
Подмастерья	24 (+8 зап.)	42.45	1018.94
Работники (по 1 коп. с пуда)	24 (+6 зап.)	28.01	672.26
Караульщики от пожара	4	9.—	36.—
Сторожа	3	15.—	45.—
Плотники и пр. (половина расхода на 53 рабочих)	26 ¹ / ₂ †	—	575.16
Кузнецы (в день)	2	—,09	45.—
Кузнечные работники (то же)	2	—,07	35.—
Слесарное дело (половина расхода на 10 мастеров и учеников)	(5)	—	75.—
Итого	118¹/₂	—	4360.64
Всего расхода	—	—	11 743.64
Прибыль	—	—	21 868.36
Итого по продажной цене (франко завод)	—	—,50	33 613.—

Котлы по заводской продажной цене расценивались по 1 р. 80 к. за пуд, заслоны — по 1 р. 60 к. за пуд и подсвечники — по 3 коп. Стоимость материалов составляла несколько меньше $\frac{1}{4}$ продажной цены; расход на оплату труда — около 40% и почти столько же приходилось на прибыль. Производство котлов, заслонов и подсвечников производилось 13 мастерами при 13 кузнечных горнах, при которых было 13 пар ручных мехов. Здесь отсутствуют те преимущества, которые имелись при доменном и кричном производствах: ни массового производства, ни использования в широких размерах химических процессов, ни применения

**Производство котлов, заслонов и пр.
на Нижнетагильском заводе**

Статья расхода	Стоимость (руб., коп.)
I. Материалы (железо, уклад, уголь, деготь и т. п.)	322.60 ¹ / ₂
II. Рабочая сила (мастер, подмастерья) . . .	541.25
Расход	863.85 ¹ / ₂
Прибыль	573.31 ¹ / ₂
Итого по продажным ценам	1437.17

движущей силы воды. Котельное дело на Нижнетагильском заводе являлось крупной мастерской с применением ручного труда при простых горнах с ручными мехами. Металлообработка, в данном случае выделка котлов и подсвечников, не давала особенно больших преимуществ по сравнению с ремеслом, и труд здесь был менее производителен, чем в доменном и кричном производствах.

Для изучения общей картины производства и производительности труда на Нижнетагильском заводе может представить интерес сохранившаяся в бумагах петербургской конторы записка под названием «Краткая экспликация о деле кричного и колотушечного железа». ³³ В тексте ее имеется указание на 1770 г., к которому она, очевидно, и относится. Автор ее неизвестен; может быть, им был один из приказчиков петербургской конторы, который в письме, сохранившемся в том же деле, писал о своем желании для пользы и выгоды хозяина решать задачи экономического порядка, что, по его словам, «походить будет на Вольное экономическое общество»; очевидно, он имел в виду объявлявшиеся Обществом задачи на премии по разрешению отдельных экономических проблем. Автор дает расчеты производства чугуна и железа, кричного и колотушечного, и намечает меры для расширения производства.

На основании его подробных данных можно представить затраты рабочего времени. Они показывают, что выковка 281 пуда железа под одним молотом обходится в 419 дней, что дает 1¹/₂ дня на 1 пуд (не считая конной тяги). В этом случае производительность труда на демидовских заводах значительно выше, чем обычная в то время в металлопромышленности, которая, по данным С. Струмилина, составляла 218 дней на 1 т, или 3.6 дня на 1 пуд. ³⁴ В расчете приказчика отсутствуют издержки на конторский персонал, а также на плотинное дело; кроме того, и сам автор указывал, что им приняты исключительно благоприятные условия выковки железа. Все же и с учетом необходимых поправок данные эти указывают на высокую выгодность производства.

Общие данные о всей возможной производственной мощности заводов Демидова (Нижнетагильской части) на основании «краткой экспликации» приведены в табл. 54.

³³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 14.

³⁴ С. Струмилин. Цит. соч., стр. 170.

Производственная мощность, расход и прибыль заводов Демидова (1770 г.)

Производство железа	Годовая продукция (пуд.)	Продажная цена за пуд (коп.)	Сумма (руб.)
Производственная мощность			
Железо сортовое под колотушечными молотами	100 000	90	90 000
Ординарное полосное железо	200 000	74	148 000
Итого	300 000	—	238 000
Расход и прибыль			
Заводские расходы	—	—	80 000
Отправка каравана до Петербурга	—	—	25 000
Попудный сбор с 450 000 пуд. чугуна (по 8 коп.)	—	—	36 000
Итого	—	—	141 000
Прибыль	—	—	97 000
Всего	—	—	238.000

Прибыль по этому расчету составляет около 70% расходов, а без налогов окажется немногим ниже 100%. Автор считает, что при достаточной воде в прудах выковка железа может быть доведена до 350 тыс. пуд. Для усиления производства он рекомендует сократить отпуск рабочих на сенокос, заменив отпуск деньгами, на которые рабочие смогут покупать сено, и предлагает освободить рабочих от рекрутских наборов, вместо чего рекомендует покупать рекрутов и отдавать их вместо мастеровых, а издержки заставить их отработать на заводе. В своей записке автор указывает на исключительную выгодность выделки железа, прибыль от которого он считает в 100% на денежные издержки, или рубль на рубль.

Эти подсчеты могут быть подтверждены одним официальным документом тех же лет, не привлекавшим внимания историков металлопромышленности. Имею в виду напечатанный в Полном собрании законов доклад горной комиссии о расширении казенных Гороблагодатского и других заводов, относящийся к 1766 г.³⁵⁻³⁷ Доклад включает записку генерала Ирмана, начальника уральских горных заводов, и заключение комиссии; здесь содержатся интересные сведения о размерах общерусской продукции, об отпуске за границу и ценах.³⁸ Ирман предлагает довести производство Гороблагодатского завода до 550 тыс. пуд. железа, считая, что это потребует ежегодного расхода в сумме 186 395 руб., что принесет прибыль в 281 069 руб. Комиссия пришла к более скромным выводам, считая, что Ирман исходил из преувеличенного представления о ценах на экспортное железо, она принимала

³⁵⁻³⁷ ПСЗ, т. XVII, № 12684.

³⁸ В 1764 г., согласно сведениям комиссии по казенным и партикулярным заводам, выковано 2 351 579 пуд. железа, в том числе с Гороблагодатского завода — 94 737 пуд. Весь экспорт в 1764 г. составил 1 492 312 пуда по цене 72 коп., а за казенное железо — 68¹/₂ коп.

их в 70 коп. с пуда (против 80 коп. у Ирмана). Комиссия исходила из цифры производства — 550 тыс. пуд. железа и принимала почти тот же ежегодный расход — 182.9 тыс. руб. В итоге отмечалось, что «имеет казна прибыли своей получить не меньше того ж расхода или еще несколько и более»; это значит, что прибыль ожидалась в 100% на ежегодные затраты. В основе высокой прибыльности уральских заводов лежали, как уже отмечалось, эксплуатация крепостного труда и присвоение природных богатств Урала, т. е. рента на рудники, исключительные по богатству руды³⁹, и лесная рента.

8. ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА

Историки хорошо знакомы со статистическими ведомостями второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в., составлявшимися правительственными учреждениями; они были использованы мною выше. Эта официальная ведомственная статистика дает перечень заводов с указанием объема продукции и числа рабочих за отдельные годы. Но совсем не отмечена в литературе другого рода отчетность — в виде текущей заводской статистики того времени, соответствующей новейшей текущей или конъюнктурной промышленной статистике. Отлично поставленная текущая отчетность демидовского предприятия должна представить значительный интерес и для истории русской статистики. Вместе с тем она дает богатый материал для понимания особенностей производства XVIII в., позволяет представить динамику продукции и выяснить колебания производства, связанные с сезонными, климатическими явлениями и конъюнктурными изменениями. Материал этот дает возможность глубже проникнуть в организацию крупного предприятия того времени. Это — «репорты», посылавшиеся каждые 2 недели из нижнетагильской главной заводской конторы в московскую домовую контору Демидова. На протяжении второй половины XVIII столетия постепенно был разработан стандартный круг сведений, посылавшихся в главную контору в Москву. Этот набор таблиц, сопровождавшихся кратким объяснительным текстом, постепенно расширялся, охватив все основные стороны жизни завода, или, точнее, группы заводов, входивших в данное предприятие.

В материалах конца 50-х и 60-х годов уже имеются указания на такого рода отчетность. После раздела наследства Акифия Демидова невьянская заводская контора присылала старшему его сыну Прокофию отчетные данные каждые 2 месяца.⁴⁰ По нижнетагильской конторе сохранились такие же отчеты; кроме них, имеются ежемесячные и двухнедельные рапорты от 1762 г., в которых содержатся краткие сведения о числе действующих домен, о количестве вывезенной с рудников руды, о заготовках дров и угля, о строительных работах на заводах и количестве вывезенного к пристаням железа.⁴¹ В ежемесячных рапортах за 1765 г. Нижнетагильская заводская контора давала более подробные сведения.⁴²

Несмотря на неполноту, рапорты 1759—1765 гг. интересны как наиболее ранние источники этого рода. В 70-х годах в рапортах приводятся таблицы по выплавке чугуна и «о деле железа», иногда добавляется таблица по сортам железа.⁴³ В 80—90-х годах XVIII в. рапорты превра-

³⁹ К. Маркс. Капитал, ГИЗ, 1930, т. III, ч. 2, гл. XLVI, стр. 254.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4018. Донесения невьянской конторы Прокофию Демидову.

⁴¹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 18, л. 1—19, 41 сл.

⁴² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4103. Рапорты Нижнетагильского завода 1766—1767 гг., л. 12 сл.

⁴³ Там же, д. № 38, л. 82, 146 сл. Двухнедельные рапорты за 1776—1777 гг.

щаются в весьма разработанную систему регулярной статистической отчетности, охватывающей все важнейшие стороны производства, отчетности финансы и др. Они высланы каждые 2 недели, или «седмицы», и содержали сведения по всем заводам Нижнетагильской группы. Ниже я воспользуюсь ими для характеристики годового производственного цикла.

Остановлюсь на показаниях рапортов за 1786—1787 гг. Отчетность начиналась с весны, т. е. велась по сельскохозяйственному году, с пасхи, что более или менее совпадало с навигацией и отправкой каравана с железом; но выплавка чугуна в отличие от железа считалась по календарному году, с января по декабрь.⁴⁴ В качестве примера приведу в табл. 55 сведения о выплавке чугуна за две недели — с 22 ноября по 6 декабря 1786 г. Этой зимой действовали все 4 домны Нижнетагильского завода, а также работала домна Салдинского завода.

Таблица 55

Выплавка чугуна с 22 ноября по 6 декабря 1786 г.

	Сыпи		Выплавка чугуна и вещей (пуд.)	Угару (пуд.)	По сложности	
	Угля (коробов и колош)	Руды и подрудка (пуд.)			Из 100 пуд. руды	Каждым коробом
При Нижнетагильском заводе:						
Из первой домны . .	446	11 055	6 516	4 539	58 п. 37 ф.	14 п. 24 ф.
Из второй » . .	447	11 239	5 777	5 462	51 » 16 »	14 » 36 »
Из третьей » . .	457	11 851	6 664	5 187	56 » 9 »	14 » 23 »
Из четвертой » . .	419	10 267	5 883	4 384	57 » 12 »	14 » 1 »
Итого . .	1 769	44 412	24 840	19 572	55 п. 37 ф.	14 п. 1 ф.
Из «соку» мелочи выбрано	—	—	433	—	—	—
А с начала года ген- варя с 1-го	23 474	593 575	350 145	243 430	58 п. 39 ф.	14 п. 36 ф.
При Верхнесалдинском заводе:						
Из одной домны . .	522	13 050	7 120	5 930	54 » 22 »	13 » 25 »
А с начала года . .	11 319	305 506	162 147	143 359	53 » 2 »	14 » 13 »
Итого с начала года . .	34 793	899 081	512 292	386 789	56 п. 39 ф.	14 п. 28 ф.

Выход чугуна составляет по всем 5 домнам 56—57% (56 п. 39 ф. из 100 пуд. руды), причем на каждый пуд чугуна выходило 1 п. 30 ф. руды и 1 п. 32 ф. угля (считая по 26 пуд. в коробе). В целом за весь 1786 г. на обоих доменных заводах было выплавлено 579.3 тыс. пуд. Это превышает всю выплавку на заводах Акинфия Демидова в 30-х годах (565 тыс. пуд.). Таким образом, в отношении Нижнетагильской части разделение наследства, или разукрупнение первоначального предприятия, не помешало его дальнейшему росту, и эта группа заводов усилилась за счет более

⁴⁴ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 46. Рапорты нижнетагильской заводской конторы, л. 32 сл.

полного использования тагильских домен и в особенности благодаря повсему Верхнесалдинскому заводу.

Часть года работали все 4 домны Нижнетагильского завода, с марта работают 2 или 3 домны, а в начале сентября действовала только 1 домна. Следует отметить прекращение выплавки на $1\frac{1}{2}$ месяца (с 18 июля по 28 августа) вследствие роспуска рабочих на покос и связанной с этим остановки завода.

В тех же рапортах имеется отдельная подробная таблица по выковке железа.⁴⁵ Колебания по неделям и месяцам по выковке железа объясняются различными причинами: имели значение перерывы в работе на рождество, крещение, масленицу и пасху, а также на время покоса, но важнейшую роль играли изменения в уровне воды в заводских прудах, вследствие чего не могло работать полное число молотов. К сожалению, последний фактор не может быть выявлен на основании рапортов 80-х годов, но в отчетах 90-х годов даются подробные сведения об уровне воды, т. е. учтено и снабжение заводов гидроэнергией.⁴⁶

Рапорты за хозяйственный год с 30 марта 1791 г. по 28 марта 1792 г. обнаруживают значительное улучшение и расширение текущей отчетности. Статистический материал сопровождается кратким текстом, из которого можно извлечь ценные сведения, в особенности об отдельных необычных случаях, имевших место на заводах. Отмечу также довольно быструю и бесперебойную доставку в это время рапортов в Москву; они поступали в московскую домовую контору спустя 3 недели, иногда даже скорее, задержки в отдельных случаях, вероятно, связаны с распутицей и т. п.

При некоторой неустойчивости и пониженном выпуске продукции в начале года данные за последующий период 1791/92 г. показывают весьма благоприятную картину. В эти годы на Нижнетагильском заводе весной и летом действовали 2 домны, а зимой — 3, и средняя выплавка составляла от 350 до 473 пуд. в сутки; эти цифры не расходятся с данными 80-х годов, приведенными выше. В 1791—92 г. в доменном производстве не было летнего перерыва, связанного с уходом рабочих на покос, и, таким образом, удалось достигнуть непрерывности в работе. Выплавка чугуна по 2 заводам показана в табл. 56.

Для кричного производства в рапортах приведены цифры выковки железа за каждую неделю с указанием числа работавших молотов и с итоговыми данными о производстве с начала года, а также даны сведения о наличных запасах железа и угля.

Разросшееся предприятие в это время состояло из 9 заводов. Из них на двух — Нижнетагильском и Верхнесалдинском — имелись домны и молотовые, а на остальных 7 были только молотовые. При этом чугун с двух доменных заводов обычно переходил на другие заводы. Из общего количества 401 900 пудов железа Нижнетагильский завод выделял лишь около 16% всей массы железа (65.5 тыс. пуд.), более 25% всего железа приходилось на Нижнесалдинский завод (112 тыс. пуд.), за которым следовал Черноисточинский (71.6 тыс. пуд.). Таким образом, выплавка чугуна была централизована, а производство железа, напротив, разбито между всеми заводами. Рапорты позволяют проследить выработку железа из месяца в месяц и выяснить характерные колебания производства. Эти данные за 1791—1792 гг. по всем 9 заводам⁴⁷ сведены в табл. 57.

⁴⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 46. Рапорты Нижнетагильской заводской конторы, л. 234—235.

⁴⁶ Рапорты за 1791—1792 гг. см. ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 229; отчеты за 1794—1795 гг. — Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 61; за 1799 г. — ЦГАДА, там же, д. № 660.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 229, л. 67.

Выплавка чугуна в 1791—1792 гг. (в пудах)

Даты	Нижнетагильский завод		Верхнесалдинский завод	
	Число домен	Производство чугуна	Число домен	Производство чугуна
1791 г. 30/III — 13/IV	2	12 930	1	7449
14/IV — 27/IV	2	13 665	1	7809
28/IV — 11/V	2	12 769	1	7189
12/V — 25/V	3	12 593	1	7101
26/V — 8/VI	2	11 507 ^[1]	1	7675
9/VI — 22/VI	2	10 772 ^[2]	1	6515
23/VI — 6/VII	2	9 925	1	6234
7/VII — 20/VII	2	10 008	1	7381
21/VII — 3/VIII	2	10 969	1	8019
4/VIII — 17/VIII	2	10 881	1	7851
18/VIII — 31/VIII	2	11 811	1	7835
3/IX — 14/IX	2	12 028	1	7824
15/IX — 28/IX	3	13 143	1	7737
29/IX — 12/X	3	16 520	1	7139
13/X — 26/X	3	13 353	1	7046
27/X — 9/XI	3	13 508	1	6948
10/XI — 23/XI	3	11 982	1	7032
24/XI — 7/XII	3	14 781	1	7252
8/XII — 21/XII	3	19 364	1	7304
22/XII — 31/XII	3	14 931	1	5138
1792 г. 1/I — 4/I	3	4 298	1	1482
5/I — 18/I	3	19 450	1	5488
19/I — 1/II	3	19 309	1	6294
2/II — 15/II	3	19 912	1	6998
16/II — 29/II	3	18 400	1	6371
1/III — 14/III	3	18 585	1	5420
15/III — 28/III	3	17 534	—	—

[¹] Сверх того 641 пуд чугуна из «сока» (шлака). [²] Сверх того 622 пуда чугуна из «сока».

Размах колебаний в течение года весьма значителен: от 13.7 тыс. пудов железа в неделю в мае — июне до 5.1—6.2 тыс. пуд. в январе — феврале. Молотовые «фабрики» лучше работают весной и осенью и хуже всего зимой. По кварталам хозяйственного года выработка железа распределяется следующим образом: I квартал (с 31 марта по 22 июня) — 111 850 пуд.; II квартал (на 28 сентября) — 81 113 пуд.; III квартал (на 4 января) — 121 923 пуда и IV квартал (на 28 марта) — 85 154 пуда. Низкая выработка II квартала (июль — сентябрь) объясняется обычным летним перерывом на 1½ месяца в связи с сенокосом; минимум производительности падает, таким образом, на январь — март, когда на один молот приходится не более 312 пуд. железа в неделю.

Для объяснения этой внутригодовой динамики продукции следует обратить внимание на другой показатель в табл. 59-60 на число работающих молотов. С апреля по сентябрь число их всего выше, составляя 44—41 молот, в октябре — декабре оно понижается до 39 молотов, а в январе — марте стоит на самом низком уровне, чаще всего оставаясь в пределах 28—25 действующих молотов. Рапорты 90-х годов помогают отчетливо

«О деле кричного железа»

Даты	За неделю		После караванного отпусна (пуд.) ^[1]
	Число молотов	Количество железа (пуд.)	
1791 г. 31/III — 6/IV	16	4 767	—
7/IV — 13/IV	19	3 058	7 826
21/IV — 27/IV	43	10 794	18 620
28/IV — 4/V	44	13 391	—
5/V — 8/V	44	6 856	38 867
12/V — 18/V	44	13 734	—
19/V — 25/V	44	8 907	61 509
26/V — 1/VI	44	13 766	—
2/VI — 8/VI	44	10 543	85 818
9/VI — 15/VI	44	13 361	—
16/VI — 22/VI	44	12 670	111 850
23/VI — 27/VI	44	6 867	—
30/VI — 6/VII	44	12 503	131 221
18/VIII — 24/VIII	43	12 415	—
25/VIII — 29/VIII	43	7 850	151 486
1/IX — 7/IX	44	13 044	—
9/IX — 14/IX	43	10 398	174 929
15/IX — 20/IX	41	9 506	—
23/IX — 28/IX	38	8 528	192 963
29/IX — 5/X	39	9 800	—
6/X — 12/X	38	11 492	214 256
13/X — 19/X	39	10 179	—
20/X — 26/X	39 ^{1/2}	11 344	235 779
27/X — 2/XI	39	10 619	—
3/XI — 8/XI	39 ^{1/2}	9 054	255 452
9/XI — 16/XI	37 ^{1/2}	10 159	—
17/XI — 23/XI	37	7 187	272 798
24/XI — 30/XI	35	8 228	—
1/XII — 6/XII	34	8 009	289 036
8/XII — 14/XII	32	8 191	—
15/XII — 21/XII	32	8 911	306 138
22/XII — 24/XII	30	3 489	—
1791— 29/XII — 4/I	28	7 259	316 886
1792 г. 5/I — 11/I	30	5 126	—
12/I — 19/I	30	8 156	330 169
20/I — 25/I	29	8 199	—
26/I — 1/II	28	8 230	346 598
2/II — 8/II	27	6 291	—
9/II — 12/II	27	5 001	357 890
16/II — 22/II	27	6 750	—
23/II — 29/II	25	7 365	372 016
1/III — 7/III	25	7 381	—
8/III — 14/III	27	8 447	387 844
15/III — 21/III	27	8 108	—
22/III — 28/III	26	6 017	401 970

[1] За 2 недели.

уяснить причины этих колебаний числа молотов и размеров продукции. Рапорты содержат таблицу «О состоянии в прудах воды», в которой приведены цифровые данные об уровне воды в прудах всех заводов, что свидетельствует о степени обеспечения их гидроэнергией (молоты приводились в движение водяными колесами).

В первом весеннем двухнедельном рапорте содержатся любопытные сведения об уровне воды в прудах по сравнению с необходимой нормой или «препорцией». В марте уровень воды в прудах очень низок: в нижнетагильском пруде он составляет 2 арш. $15\frac{1}{2}$ верш. против нормы в 7 арш. 4 верш., в выйском — 2 арш. вместо 6 арш.; в прудах 4 заводов уровень воды почти не превышает в это время 1 арш.; в висимо-шайтанском он равнялся 1 арш. 2 верш. против необходимых 7 арш. Но с начала апреля вода в прудах начинает быстро прибывать и к концу этого месяца достигает нормы. В рапорте за период с 13 по 27 апреля сказано, что «при вышепоказанных заводах воды в прудах содержится настоящая препорция». В дальнейших рапортах (после апреля) сведения об уровне воды не приводятся, так как ее достаточно. Но в июле, при обмелении прудов, этот показатель снова включается в таблицу. Июльские сведения показывают, что вода прибывает, но лишь на Лайских заводах соответствует нормальному уровню, а в остальных более или менее приближается к ней, нигде не достигая, однако, полной «препорции».

В августе вода в прудах сильно спала, и в Выйском и Лайских заводах убыль ее составляла более 1 арш. В первой половине сентября на 4 заводах вода снова на некоторое время прибыла, но в других прудах уровень ее продолжал падать. Теперь эта таблица не сходит со страниц рапортов, приобретая важное значение. Во второй половине сентября вода убывает во всех заводских прудах по 2—6 верш. каждые 2 недели и после короткого осеннего подъема в первой половине октября (вероятно, в связи с дождями) продолжает неизменно падать с конца октября в течение зимних месяцев, нередко и до конца марта. Наиболее благоприятным временем по уровню воды и, следовательно, по обеспечению заводов энергией была осень, а также весна. В самом благоприятном положении и по этому показателю, как и в других отношениях, находился Нижнетагильский завод, где уровень пруда был наиболее устойчивым, всего дольше сохраняя значительную глубину.

О влиянии этого фактора на производство можно судить по числу действующих молотов и по динамике продукции. В 1791/92 г. минимум числа работающих кричных молотов приходился на первые дни начала апреля, когда действовало только 16 молотов, что соответствует наиболее низкому уровню воды (на конец марта): так, на Нижнетагильском заводе вместо нормальных 7 арш. 4 верш. вода стояла в это время на уровне 2 арш. $15\frac{1}{2}$ верш. В апреле вода начала прибывать, и число действующих молотов составило 19, затем дало резкий скачок, достигнув во второй половине апреля 43 молотов по всем заводам и т. д.⁴⁸

Соответственно с этим происходят изменения в движении выработки железа. В табл. 58 содержится сводка данных об уровне воды из рапортов за 1791/92 г. по заводам в сопоставлении с итоговыми цифрами движения числа действующих кричных молотов.

⁴⁸ При оценке этих данных следует иметь в виду, что здесь приведено не все число молотов на заводах, а только действующих в кричном производстве. На Нижнетагильском заводе, например, сверх 6 кричных молотов имелось еще 2 молотодельных, т. е. служивших для выделки заводских молотов, 4 дощатых, 2 укладных, 2 колотушечных (молоты мелкого размера); кроме того, водной энергией приводились в движение плочильная машина, толчая для руды и т. д.

Заводы	«Настоящая» порция		1791 г.															
			30/III		13/IV		20/VII		3/VIII		17/VIII		31/VIII		14/IX		28/IX	
	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.
Нижнетагильский	7	4	2	15 ¹ / ₂	4	4	6	10	6	12	6	12	6	11	7	4	7	2
Выйский	6	—	2	—	2	6	5	15	5	15	6	—	4	12	3	10	3	—
Верхнелайский	5	12	1	12	1	1	5	4	5	11	5	12	4	3	2	4	1	14
Нижнелайский	5	12	2	14	2	9	4	12	5	12	5	12	5	2	4	8	4	3
Нижнесалдинский	7	—	2	3	2	12	5	12	6	4	7	—	6	8	6	6	6	—
Верхнесалдинский	6	—	1	5	2	6	5	10	5	14 ¹ / ₂	6	—	6	—	6	4	6	1 ¹ / ₂
Черноисточинский	4	8	1	2 ¹ / ₂	1	3	2	1 ¹ / ₂	2	4	2	6	2	4 ¹ / ₂	2	4	2	2
Висимо-Уткинский	6	—	1	6	2	2	6	—	6	—	6	—	5	15	6	—	6	—
Висимо-Шайтанский	7	—	1	2	1	7	7	—	7	—	7	—	6	1 ¹ / ₂	6	9	6	5
Число кричных молотов ^[1]	—		16		19		(44) ^[2]		—		43		43		43		38	

[1] Число молотов не может быть вполне точно сопоставлено с движением уровня даются еженедельно, а состояние воды — раз в 2 недели, притом с большим перерывом; на летний перерыв в работе завода, и цифра молотов приводится из рапорта на

В рапортах содержатся данные о движении наличных остатков железа и угля. Остатки железа после отправки каравана определялись главным образом размером производства. Запасы угля показывают иного рода сезонность. Максимального размера наличность угля достигала к началу апреля — 91.9 тыс. коробов и затем убывала в соответствии с ростом продукции железа; колеблясь в пределах 5—9 тыс. коробов за двухнедельный период, расход понижался в апреле даже до 2¹/₂ тыс. коробов угля, когда продукция железа и число действующих молотов доходили до минимума. К концу ноября наличный запас угля сокращался до наименьшей цифры — 15.2 тыс. коробов. С начала декабря начинался снова прирост угля, непрерывно продолжавшийся в январе — марте, и запасы угля вновь достигали крупных размеров (80 тыс. коробов). Очевидно, зимой происходила разломка куч и вывозка выжженного угля с куреней на заводы. Запасы угля представлены в табл. 59.

В зимние месяцы производилась также вывозка железа на пристани для будущего каравана, отправлявшегося весной к Петербургу. Сведения о перевозках с заводов к пристаням появляются в рапортах в начале декабря; перевозка заканчивалась к концу марта. Железо везли на две пристани на р. Чусовой: частью на Висимо-Уткинскую, а большую часть на Усть-Уткинскую пристань. По мере того как в рапортах увеличивались цифры вывезенного железа, в них давались также сведения о выкованном и приготовленном, но еще не отправленном с заводов железе и, наконец, сообщалось, сколько осталось еще вывезти. Таким образом, московская контора имела подробные и полные данные для суждения о степени подготовки к каравану. Так, перед отправкой каравана на 28 марта 1792 г. было подвезено за зиму 74.5 тыс. пуд. на Висимо-Уткинскую пристань и 270.9 тыс. пуд. — на Усть-Уткинскую; кроме того, оставалось к концу марта на Висимо-Уткинском заводе приготовленного

в прудах воды»

1791 г.										1792 г.													
12/X		26/X		9/XI		23/XI		7/XII		21/XII		4/I		18/I		1/II		15/II		29/II		14/III	
арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.	арш.	верш.
7	6	7	9	7	11	7	8	7	6	7	1	6	13	6	8	6	—	5	9	4	4	4	7
3	2	4	13	4	5	3	13	3	6	2	13	2	14	2	2	1	13	2	2	2	—	1	14
1	9	3	2	2	6	2	—	1	4	1	9	1	15	1	15	2	8	2	14	3	4	2	2
4	—	4	—	3	5	3	—	2	11	2	11	2	11	2	11	2	11	2	11	2	11	2	11
5	7	7	1	6	5	5	13	5	9	5	11	5	—	4	12	4	4	4	—	3	9	2	13
6	4 ^{1/2}	6	5	6	3	5	13	5	10	5	1 ^{1/2}	4	15 ^{1/2}	4	10	4	2	3	14	3	7	2	15
2	1 ^{3/4}	2	3 ^{1/2}	2	3 ^{1/4}	2	2 ^{1/4}	2	1 ^{1/2}	1	14	1	13	1	12	1	11	1	9 ^{1/2}	1	8 ^{1/2}	1	7 ^{1/2}
6	—	6	—	6	—	5	9	5	9	4	14	4	11	4	3	3	12	3	7	2	11	2	3
7	—	6	13	6	5	5	7	4	8	3	12	3	7	2	7	1	13	1	10	1	7	1	2
38		38 ^{1/2}		39 ^{1/2}		37		34		32		28		30		28		27		25		(26)	

воды, так как сведения приводятся в разных таблицах рапортов: цифры молотов даты того и другого показателя также не вполне совпадают. [2] 20 июля приходится 30 июня — 6 июля.

Таблица 59

Наличность угля (в коробах)

Даты	Число коробов	Даты	Число коробов
1791 г. 13/IV	91 921	1791 г. 8/XI	19 642
27/IV	88 562	23/XI	15 226
8/V	83 367	6/XII	18 676
25/V	76 146	21/XII	28 215
8/VI	69 962	1792 г. 4/I	35 098
22/VI	63 830	18/I	38 271
6/VII	58 398	1/II	51 833
24/VIII	48 770	12/II	60 045
14/IX	42 887	29/II	71 127
28/IX	37 525	14/III	79 276 ^{1/2}
12/X	31 534	28/III	80 088
26/X	25 881		

к отправке 27.7 тыс. пуд. железа. Надо представить себе движение множества обозов, подвозивших с заводов на пристань по зимнему пути на саях в общем итоге 373.2 тыс. пуд. железа за 4 зимних месяца.

Снабжение заводов продовольствием также нашло свое отражение в двухнедельных рапортах. В них сообщалось, сколько имелось в наличности на каждом заводе муки и сколько из этого было израсходовано за отчетные 2 недели. Большая часть шла на продажу заводским мастеровым и рабочим. Очень небольшое количество (около 150 пудов за 2 недели)

раздавалось неимущим бесплатно. Довольно значительное количество овса (около 250—500 пуд.) расходовалось на корм «господским лошадям».

Всего выше расход провианта осенью; усиление продажи начинается в августе; сбыт, все нарастая, достигает максимума в ноябре (3818 пуд. за 2 недели), затем довольно быстро похижается, и минимум наступает в январе (831 п. 26 ф.); после этого сбыт вновь нарастает, достигая второго максимума весной, в первой половине апреля (3391 п. 10 ф.), чтобы снова снизиться в июле (до 1098 пуд.). Таким образом, в движении продажи хлеба наблюдается обычная для сельскохозяйственных продуктов кривая с двумя подъемами и понижениями. Сбыт хлеба в целом за год составил 54 007 пуд. По сравнению с количеством проданного хлеба запасы его были огромны, равняясь двухлетней продаже. В марте запасы провианта составляли 115.4 тыс. пуд., а в конце декабря упали до 72.4 тыс. пуд. С декабря, т. е. с наступлением савного пути, происходило пополнение запасов хлеба путем закупки, которая составляла в начале 1.3—2.3 тыс. пуд. и постепенно возрастала, достигая 12 тыс. пуд. в последние 2 недели марта, перед распутицей.

В отчетах за 1791—1792 гг. имеются отдельные указания на цены продуктов; например, в октябре и в начале ноября 1791 г. сообщается, что «привозимая из слобод в Нижнетагильский завод ржаная мука в продаже состоит по 15 коп. за пуд»; из следующего рапорта, 2 недели спустя, узнаем, что цена ржаной муки снизилась до 13 коп., в начале декабря цена составляла 13—14 коп., в первой половине февраля — 14 коп.; во второй половине февраля цена поднимается до 15 коп., в марте — 16 коп.

Движение денежных средств показано в рапортах в отдельной таблице, где содержатся сведения о наличных деньгах, имеющихся в кассе главной нижнетагильской конторы, или в ее «кладовой», и на руках у «расходчиков». Полных сведений о денежных расходах за весь год в отчетах не имеется, но цифры денежных остатков могут быть сведены вместе за целый год (табл. 60).

Таблица 60

Денежные остатки в нижнетагильской кладовой и на заводах

Даты	Сумма (руб., коп.)	Даты	Сумма (руб., коп.)
1791 г. 13/IV	9 991.45	1791 г. 12/X	13 624.65
27/IV	8 441.—	26/X	15 746.18
11/V	7 815.—	9/XI	16 466.—
25/V	5 680.—	25/XI	16 966.49
8/VI	8 401.—	7/XII	17 185.75
22/VI	5 661.—	21/XII	11 747.37 ^{1/2}
6/VII	1 319.96	1792 г. 4/I	30 256.60
20/VII	20 876.—	18/I	26 293.—
3/VIII	18 218.60	1/II	35 489.50
17/VIII	16 145.50	15/II	24 033.98
31/VIII	13 382.42	29/II	13 842.25
14/IX	11 552.40	14/III	34 720.—
28/IX	13 774.56	28/III	21 493.50

В I квартале хозяйственного года (апрель — июнь) денежные остатки всего ниже, колеблясь в пределах от 9.9 до 11.3 тыс. руб. и достигая в июле 20.8 тыс. руб. Во II и III кварталах сумма остатков увеличивается, в особенности повышаясь с конца октября; наконец, в последнем квартале (январь — март) денежные остатки показывают наибольшие раз-

меры, повысившись до 21.5—35.5 тыс. руб. В этом движении денежной наличности, очевидно, отражалась общая торговая и хозяйственная конъюнктура. Железо доставлялось в пункты продажи в Петербург, Москву и другие города к концу лета и осенью, и денежные средства, вырученные от продажи, могли поступать на заводы также не ранее этого времени.

Для 1796 г. имеется смета потребных денежных средства на заводах; она показывает, что всего более требовалось денег в ноябре — декабре. Общий расход денег запроектирован главной заводской конторой в этот момент в 332 369 руб. В среднем необходимо было доставить на заводы по 20—25 тыс. руб. в месяц, но только на 2 месяца, ноябрь и декабрь, потребность в деньгах была вдвое больше, составляя 85 тыс. руб., или 42.5 тыс. руб. в месяц в среднем.⁴⁹ Наибольшая сумма денег, повидимому, затрачивалась на оплату заготовки дров и угля, на перевозку железа, закупку и перевозку продовольствия, что производилось по зимнему пути.

К каждому двухнедельному рапорту приложена особая вкладка или записка, содержащая в трех строках самые общие итоговые показатели производства: цифры выплавки чугуна, выковки железа и запасы угля. Сведения по этим трем показателям даны за всю истекшую часть года и приводятся в сопоставлении с тем же периодом предшествующего года. Таким образом, главная нижнетагильская заводская контора каждые 2 недели вместе с рапортом посылала в Москву итоговые и сравнимые данные за 2 года. В московской конторе приказчики и владелец, даже не вникая в содержание всех таблиц рапорта, при одном взгляде на вкладку могли получить достаточно отчетливое общее представление о работе предприятия. Приведем содержание одной из них, приложенной к рапорту 14 апреля 1791 г.

В 1790 г. апрель по 14-е число	В 1791 г. апреля по 13-е число
Выплавлено чугуна:	
257 163 пуда	159 864 пуда — менее на 97,299 пуд.
Выковано железа:	
11 855½ пуд.	7 826 пуд. — менее на 4029½ пуд.
Угля наливо:	
96 964 короба	91 921 короб. — менее на 5043 короба

Данные о выплавке чугуна приводились за календарный (январский) год; здесь перед нами выплавка с января по середину апреля 1791 г.; цифры по железу даны за время после отправления каравана, т. е. с 1 апреля. Эти данные обнаруживают, что выплавка чугуна по сравнению с предыдущим годом сократилась на 38%, выковка железа упала на 33%, запасы угля снизились на 5%. В последующие месяцы это отставание сократилось, и по чугуну годовые итоги на 1 января 1792 г. показали 543.3 тыс. пуд. против 565.9 тыс. пуд. за предыдущий год, т. е. понижение лишь на 4%, а в отношении выковки железа годовая продукция (на 30 марта 1792 г.) дала даже превышение на 10.5% против прошлого года; только запасы угля в течение всего отчетного года оставались пониженными. Конец хозяйственного года — его последний квартал показывает превышение по чугуну и железу против предыдущего года. Сводка всех имеющихся вкладок за 1791/92 г. дана в табл. 61.

⁴⁹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 64. «Ведомости и какое число за работы и прочие потребно в год денег».

Сравнительные данные по производству металлов и заготовке угля

Даты	Выплавка чугуна ¹ (пуд.)		Выковка железа (пуд.)		Угля налицо (пудобов)				
	1790/91 г.	1791/92 г.	Больше (+) или меньше (-)	1790/91 г.	1791/92 г.	Больше (+) или меньше (-)			
	1790/91 г.	1791/92 г.	Больше (+) или меньше (-)	1790/91 г.	1791/92 г.	Больше (+) или меньше (-)			
С 1/IV по 14/IV	257 163	159 864	- 97 299	11 855 ^{1/2}	7 826	- 4 029 ^{1/2}	91 921	96 964	5 043
по 26/IV	277 808	181 971	- 95 837	32 461	18 620	- 13 841	86 562	91 654	3 092
по 12/V	297 772	201 929	- 95 843	49 210 ^{1/2}	38 867 ^{1/2}	- 10 343	83 367	86 555	3 188
по 26/V	317 332	221 623	- 95 709	71 216 ^{1/2}	61 509	- 9 707 ^{1/2}	76 146	78 957	2 811
по 9/VI	337 357	241 446	- 95 911	95 745 ^{1/4}	85 818 ^{1/2}	- 9 926	69 962	72 728	2 766
по 23/VI	356 029	259 355	- 96 674	120 573 ^{1/2}	141 850	- 8 723 ^{1/2}	63 880	66 001	2 121
по 7/VII ^[1]	374 085	275 514	- 98 571	137 216	131 221	- 5 995	58 398	61 397	2 999
по 1/IX	446 810	350 269	- 96 541	162 120	151 486	- 10 634	48 770	50 537	1 767
по 15/IX	459 663	370 119	- 89 544	184 083 ^{3/4}	174 429	- 9 654 ^{3/4}	42 887	45 009	2 122
по 29/IX	472 357	390 999	- 81 358	204 021	192 963	- 11 058	37 525	40 398	2 873
по 13/X	484 849	414 658	- 70 191	223 553	214 256	- 9 297	31 534	35 333	3 799
по 27/X	495 029	435 057	- 59 972	240 434	235 779	- 4 655 ^{1/4}	25 881	31 660	5 779
по 10/XI	500 804	455 513	- 45 291	254 327	255 452	+ 1 125	19 642	26 638	7 016
по 24/XI	510 962	474 527	- 36 435	267 107	272 798	+ 5 691	15 226	23 616	8 390
по 8/XII	528 785	496 560	- 32 175	279 245 ^{1/2}	289 036	+ 9 790 ^{1/2}	18 676	26 638	7 962
по 22/XII	550 303	523 228	- 27 075	293 672	306 138	- 12 466	28 215	35 281	7 066
по 1/I (за весь год)	565 886 ^[2]	543 297 ^[2]	- 22 589	302 203 ^[2]	316 386 ^[2]	+ 14 683 ^{1/2}	35 098	44 460	9 362
по 19/I	27 540	30 318	+ 2 778	312 616	330 169	+ 17 503	38 271	53 347	15 076
по 2/II	49 052	56 321	+ 7 269	325 235	346 598 ^{1/2}	+ 21 363 ^{1/2}	51 833	72 352	20 519
по 16/II	69 081	83 231	+ 14 150	336 922	357 890 ^{1/2}	+ 20 968 ^{1/2}	60 045	91 100	31 055
по 2/III	90 824	108 002	+ 17 178	345 752	372 016 ^{3/4}	+ 26 264 ^{3/4}	71 127	99 038	27 911
по 16/III	141 033	132 007	+ 20 974	356 384 ^{1/2}	387 844 ^{3/4}	+ 31 460 ^{1/2}	79 276 ^{1/2}	106 480	27 203
по 30/III	139 485	149 541	+ 10 056	363 766 ^{1/2}	401 970 ^{3/4}	+ 38 204 ^{1/4}	80 088	94 778	14 690

[1] Пропуск в источнике. [2] За январский год. [3] С 1 апреля 1791 г. по 5 января 1792 г.

Эти общие показатели дают в известной мере благоприятные итоги; очевидно, заводское руководство сумело ликвидировать имевшееся в начале года отставание и изжить его к концу года. Таким образом, двухнедельные рапорты являются отличным зеркалом заводской жизни, и московская главная контора с получением их имела возможность принимать в каждый момент необходимые меры.

Демидовская администрация продолжала улучшать свою заводскую статистику. В последующие годы эти рапорты расширялись, и в них был включен ряд новых показателей, как, например, сведения о приходе и расходе угля по всем заводам, отдельные таблички о смене молотов и о случаях их остановки, о движении запасов железной руды и флюсового песка, о провинившихся и наказанных рабочих. В отчете приведена за 2 недели по всем числам суточная выплавка из каждой домны (кроме суммарного двухнедельного итога), а также приведены «седмичные репорты» по выковке железа на каждом молоте с указанием мастера и рабочих, или, как мы бы теперь сказали, по каждой бригаде. Наконец, общие итоговые вклады также обогатились новыми показателями. По объему эти рапорты в 2—3 раза превышают рассмотренные выше.

Общий объем производства в последние годы XVIII в. значительно расширился без увеличения числа заводов. Годовая выплавка чугуна составила в 1798 г. — 713 600 пуд., а в 1799 г. — 681 800 пуд.⁵⁰ Среднесуточная выплавка также поднялась, например, в октябре — ноябре (с 23 октября по 6 ноября 1799 г.) она составляла по Нижнетагильскому заводу 509 пуд., а по Верхнесалдинскому — 550 пуд. чугуна, тогда как в 1791/92 г. на тагильских домнах выплавлялось не более 470 пуд. в сутки.

Выход чугуна из руды также повысился и составил за 10 месяцев 1799 г. 68 пуд. из 100 пуд. руды, т. е. 68%, тогда как в 1791 г. он равнялся 56%. Вместе с тем сократился расход угля: одним коробом теперь выплавлялись 18 п. 5 ф. чугуна против прежних 14 пуд. В результате на 1 пуд чугуна расходовалось меньше руды и угля. Это объясняется тем, что на уральских заводах начали производить плавку чугуна с новыми цилиндрическими мехами. Имеются наблюдения шведского инженера Норберга, который 3½ года служил на уральских заводах и в своей книге о производстве чугуна в России приводит весьма выразительные данные об опытах плавки чугуна на Нижнетагильском заводе.

Опытная плавка производилась на Нижнетагильском заводе в течение недели (в марте 1794 г.) и дала следующие результаты (табл. 62).

Т а б л и ц а 62

Результаты опытной плавки на Нижнетагильском заводе

Д о м н ы	Загрузка руды (пуд.)	Выплавка чугуна (пуд.)	Средний выход чугуна	
			На 100 пуд. руды	На 60 куб. фут. угля
Домна № 1 «с малыми кубическими мехами»	5 000	3 103	62 п. 2 ф.	12 п. 16 ф.
Домна № 2 «с большими кубическими мехами»	4 957	3 306	66 » 27 »	13 » —
Домна № 4 «со старыми пирамидными мехами»	5 061	3 053	60 » 12 »	12 » 16 ф.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 660, л. 201 об. Рапорты нижнетагильской конторы

По словам Норберга, эти опыты были поставлены демидовским приказчиком П. Морозовым, и сведения о них заимствованы шведским инженером из «точнейших дневников», которые ведутся на всех русских заводах и служат основанием для улучшения производства. Опыты показали решительные преимущества новых мехов, при которых выход чугуна из руды повысился до 66% против 60% при старых мехов. Автор отмечает более высокую производительность русских домен по сравнению со шведскими и говорит, что в 1796 г. в Силезии была выстроена домна по русским образцам.⁵¹

Отмеченный по архивным материалам рост производительности уральских домен непосредственно связан с этой «революцией в дутье», как называет это изобретение тот же автор. О новых воздуходувных мехов упоминается в рапортах 1799 г. В сведениях о кричном производстве сказано, что на Нижнесалдинском заводе работа производится «на одногорках нового маниру мехов». Они действуют еще наряду с мехами «старого маниру». Насколько выковка железа с применением новых мехов оказалась более производительна, чем по старому способу, видно, например, из следующих данных 1799 г. за неделю⁵² (табл. 63):

Т а б л и ц а 63

*Сравнительные данные о выковке
железа*

Молоты	Выход железа (пуд.)	
	С мехами «нового маниру»	Со старыми мехами
№ 1	339 ¹ / ₂	312 ¹ / ₂
№ 2	382 ¹ / ₂	330
№ 4	420 ¹ / ₂	343

Особенно показательно сопоставление цифр 1799 г. с данными 1791/92 г. по кричному производству. Выше приведены были данные по месяцам о числе работающих молотов и выработке железа по всем заводам в 1791/92 г. (см. табл. 57); при делении на число молотов окажется, что на 1 молот приходится не более 312 пуд. в неделю, чаще — 297 и даже менее 200 пуд., тогда как ноябрьский рапорт 1799 г. показывает выработку за неделю 347—357 пуд. на молот.

В дополнение к прежним сведениям о расходе провианта в отчетах 1799 г. появляются регулярные данные о движении цен, что могло быть вызвано общим подъемом цен, неурожаями 90-х годов и падением в это время курса ассигнаций. Ржаная мука на Нижнетагильском заводе на 6 ноября 1799 г. стоила 30 коп. за 1 пуд против 13—15 коп. 8 лет назад; пшеничная мука стоила 65 коп., пшено — 1 р. 20 к., ячневая крупа — 80 коп., соль — 62 коп., свежая рыба — 1 руб. за 1 пуд. Как уже указывалось, число показателей в двухнедельных рапортах за 90-е годы увеличилось, причем по выпуску продукции, денежной наличности, запасам угля и провианту сообщались параллельные цифры за 2 года. Это позволяет выяснить значительные отклонения по годам, в осо-

⁵¹ N o r b e r g. Über die Produktion des Roheisens in Russland, Freiberg, 1805, приложение № 2 и стр. 31, 36—37 (перевод со шведского).

⁵² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 660, л. 165 об.

бенности в снабжении провиантом: запасы в 1799 г. большей частью вдвое выше прошлогодних, а в октябре, т. е. накануне закупки хлеба нового урожая, продовольственные остатки почти в 7 раз превышают прошлогодние. Это, очевидно, стоит в связи с колебаниями в урожаях 90-х годов, о чем свидетельствуют цены на хлеб; так, 1 пуд хлеба стоил: в июле 1798 г. — 72 коп., в 1799 г. — 35 и 40 коп.; в октябре 1798 г. — 47 и 50 коп., в отчетном году — 37 и 38 коп.

В этой тщательно разработанной и рационально поставленной заводской отчетности, именно в силу стремления к полноте и конкретности, раскрываются перед нами во всей ясности ужасающая эксплуатация и полное бесправие крепостных рабочих. В рапорты за последние годы XVIII столетия включена еще группа сведений, в каждом двухнедельном отчете имеется «записка о штрафованных заводских служителях и жителях». Не следует смешивать эти «штрафы» с денежным взысканием: здесь имеются в виду телесные наказания, тюрьма, цепь и кандалы, налагавшиеся в силу крепостнической вотчинной юрисдикции главной заводской конторой, а в отдельных случаях — по распоряжению самого владельца из Москвы или Петербурга.

Наиболее часто проступки квалифицируются как пьянство, лень, упущение в работе, непослушание, «малая зделка» или даже отлучка с работы, растраты, злоупотребления в конторской отчетности. Обычным наказанием было битье «вицами», т. е. розгами; за повторное пьянство следовало сажание на цепь, тюрьма, нередко применялось заковывание в кандалы с оставлением на работе или понижением по должности; к этому прибавлялось «выстрижение лба». Итоги этой кровавой крепостнической юстиции так же бесстрастно заносились в посылавшиеся в Москву рапорты, как и цифры выплавки чугуна и железа и добычи руды.

В марте и апреле 1799 г. было особенно много «штрафованных»: 5 марта расходчик и подьячий Нижнетагильского завода за упущение и злоупотребления в денежных делах «при собрании приказчиков и служителей наказаны вицами». Тогда же счетчик Алексеев за неправильную поверку прихода и расхода денег в течение месяца «выдержан при должности, скованный в ножных железах». Другой служитель Булавин вместе с «женками» Кургиной и Заложновой за недоставку руды к домнам и хищение денег наказаны вицами, а Булавин, кроме того, определен «в наивсегдашнюю поденную заводскую работу». «Провиантский запащик» за упущения в записях «выдержан в поддоменной мусорной работе» 2 месяца. Два служителя за «воровство» в денежных документах наказаны 17 марта вицами и в течение месяца «содержаны при должности, скованные в ножных железах». Конторский персонал, кроме порки и кандалов, наказывался переводом на самую тяжелую заводскую работу. В перечне наказанных за март—апрель значатся заводские рабочие, надзиратели и служители, всего 31 чел. Среди них — молотовый мастер, подмастерье, караульщик и поставщик дегтя, наказанные вицами «за пьянство и ослушание». Молотовый работник Семен Елисеев «за самовольную отлучку в посторонние селения» был наказан вицами «с выстрижением на лбу волос», плетельщик коробов Яков Ситников наказан вицами «за отбывательство от работы», двое углеставщиков «за отлучку от заводских работ» также перенесли вицы и «выстрижение лба» и т. д.

Такой же отчет о наказаниях рабочих и служителей дан в мае; на этот раз происходило массовое наказание: перечислены по фамилиям 42 рабочих с Висимо-Уткинского завода, которые наказаны вицами за самовольную отлучку «на здешних караванах до города Перми». Кроме того, были наказаны еще 17 чел., в числе их служитель Арефьев «за пьянство штрафован цепью на одни сутки», рабочий Лайского завода «за дерзкие

слова против надзирателя» наказан вицами с выстрижением лба, другие наказаны были за отлучку с работ, за продажу угля с куреня, «за леность к работе», а два кузнечных мастера перенесли сечение вицами «за самовольную наварку в господской кузнице для жителей топоров и неприлежность к работам».

В июле были штрафованы 24 чел., почти все они наказаны вицами и сверх того потерпели и другие наказания. В августе были наказаны 14 чел., в числе их находился конторщик Михаил Поздеев, подпись которого значится наряду с другими под каждым двухнедельным рапортом. За пьянство он был наказан за месяц 4 раза: скованный посажен в тюрьму сначала на 4 суток, затем на 3, на 2, наконец, в четвертый раз его держали в конторе в ножных кандалах 3 суток. Два месяца спустя в октябре тот же конторщик снова появляется в перечне штрафованных: на этот раз за пьянство и упущение в конторских делах он был высечен вицами, послан на 3 суток работать доменным угленосом и сутки пробыл скованным в тюрьме. Другой служитель Ал. Зубрилин за принос в контору вина также был «выдержан двой сутки в цепи».⁵³

Со страниц рапортов с аккуратно выполненными таблицами, заполненными тщательно выписанными цифрами, доносится голос жестоко замученных людей, топивших в вине свое горе и неволю. Они «отлучались» от тяжких работ или, не выдержав, раздражались «дерзкой» речью против ближайших своих мучителей. Порка, выстрижение лба, цепи, кандалы и заводская тюрьма назначались несчастным по простому распоряжению приказчиков или по велению владельца, без какого-либо контроля со стороны властей.

Данные, характеризующие ход производства за ряд лет, интересны в том отношении, что позволяют остановиться на вопросе, которого я касался в главе VII, когда говорил о крайней неравномерности и скачкообразности в движении производства. Для последней трети XVIII столетия, по данным демидовского предприятия в целом, приходится отметить некоторое изживание прежней крайней неравномерности в динамике производства (за счет постройки второго доменного завода — Верхнесалдинского). При всех колебаниях цифры этого времени обнаруживают более спокойное движение.

Общая выплавка чугуна на Нижнетагильском и Верхнесалдинском заводах (последний — с 1778 г.) развивалась следующим образом:⁵⁴

Годы	Годы
1772 484 701 пуд.	1787 579 317 пуд.
1773 544 824 »	1790 565 886 »
1774 538 888 »	1791 543 297 »
1775 475 433 »	1796 497 235 »
1776 532 032 »	1798 713 629 »
1779 563 911 »	1799 681 775 »
1786 457 197 »	

Снижение 1775 г. связано, вероятно, с восстанием Пугачева; кроме того, резкое сокращение продукции происходило в 1786 г. Снижение за 90-е

⁵³ В «Записках Историко-бытового отдела Гос. Русского музея», Л., 1932, т. II, напечатан «Журнал» о наказаниях рабочих Черноисточинского завода Демидова.

⁵⁴ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 26. «Выписка, učinенная в московской домовой конторе о выплавке чугуна» (за 1772—1776 гг.); там же, д. № 46 (за 1786 г.); ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 229 (за 1790—1791 гг.); там же, д. № 658, л. 11; там же, д. № 660 (за 1798—1799 гг.).

годы связано с расстройством дел во время опеки и первых лет управления Николая Демидова (см. главу XVII). С 1778 г. присоединяется домна только что выстроенного Верхнесалдинского завода. Значительный рост продукции наблюдается в самом конце столетия, что, повидимому, связано с техническим улучшением дутья. Выплавка чугуна на одном Верхнесалдинском заводе в 70—80-х годах протекала следующим образом: ⁵⁵

Годы	
1778 (с 6/X по 1/I 1779 г.)	10 073 пуд.
1779	162 690 »
1780	151 964 »
1781	163 944 »
1782	163 950 »
1783	159 212 »
1784	175 532 »
1785	76 442 »
1786	176 724 »
1787 (по 31/X)	161 971 »
1795	175 000 »
1799	204 318 »

Текущая заводская отчетность имела практическое значение, на основе ее демидовской администрацией принимались определенные меры. Главная домовая контора довольно живо реагировала на сокращение производства, и двухнедельные рапорты служили сигналом, указывающим на те или иные недостатки. В петербургской конторе получен был двухнедельный рапорт от 20 января 1799 г., из которого явствовало, что вследствие обмеления прудов остановлены были 22 молота и продукция железа уменьшилась против прошлогоднего за те же 2 недели на 2963 пуда. В ответ на это в нижнетагильскую заводскую контору было послано 28 февраля предписание владельца, чтобы с прибытием воды в прудах «всемерно стараться» восполнить происшедшую «в железе недоковку». При этом выражено пожелание, чтобы молоты действовали «всегда безостановочно», и с этой целью предписано призвать в контору плотинного мастера Степана Макарова и спросить его, «не изыщет ли он какого способа для безостановочного тех молотов действия, хотя и неполною препорцыею воды». Следующий рапорт, с 30 января по 6 февраля, принес сообщения о дальнейшем уменьшении выпуска железа и чугуна. Демидов высказал по этому поводу свое неудовольствие, и домовая контора сообщила в нижнетагильскую заводскую контору, что владелец «соизволил приказать наипострожайше подтвердить, дабы управляющие тою конторою о умножительной выковке железа и выплавке чугуна... имели наусерднейшее попечение». ⁵⁶

В настоящей главе я пытался изучить производство демидовских заводов на основе трех различных источников. Это прежде всего «Книга мемориальная» приказчика Григория Махотина, являющаяся техно-экономическим описанием заводов Невьянской части; она дала возможность представить наиболее отчетливо здания и оборудование, или основной капитал предприятия. Характерной особенностью основного капитала является высокий удельный вес производственных сооружений и прежде всего плотины и ларей как средства для снабжения заводов водной энергией. Здесь мануфактура приближается к позднейшей индустрии. Вторым источником, здесь изученным, явился «штат» Нижнетагильского завода 1763 г., составленный по примеру «штата» Татищева.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 38, л. 119 об.

⁵⁶ Там же, д. 647, л. 89—90 об., 192.

На основании этого источника удается с значительной полнотой восстановить организацию производства, определить себестоимость и установить исключительную прибыльность демидовского предприятия в 60-х годах, в период высокого мирового спроса на уральское железо. Третьим источником были двухнедельные статистические рапорты, присылавшиеся из нижнетагильской заводской конторы. Они показывают высокий уровень заводской статистики и позволяют изучить внутригодовые колебания производства, установить общее повышательное развитие предприятия и значение технических улучшений в виде новых воздуховодных мехов.

Все три источника вместе с тем свидетельствуют о настойчивом и успешном стремлении к рационализации, к строгому учету, к регулярной отчетности, посредством которой заводские конторы своевременно сигнализировали обо всем происходящем на заводах. Заводские приказчики сделали детальное описание заводов, разработали нормы расхода сырья, выхода продукции, использования рабочей силы и поставили с годами расширяющуюся текущую отчетность. Эта рационализация производства и руководства является также новой чертой, которая не проявлялась в такой мере в первой половине XVIII в.

ГЛАВА XII

РАБОЧИЕ ДЕМИДОВСКИХ ЗАВОДОВ

1. КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ И УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЫ

Заводы не были изолированными островками в хозяйственной жизни XVIII столетия, но были связаны со всеми сторонами ее — с сельским хозяйством, транспортом, торговлей и т. д. В настоящей главе я остановлюсь на составе рабочих и прежде всего на связях заводов с крепостной деревней. Крестьяне, как крепостные, так и государственные, являлись важнейшим источником пополнения рабочей силы заводов. Крепостные крестьяне из демидовских вотчин переводились на заводы на постоянную работу или должны были временно и периодически выезжать туда; они же работали на караванах судов с железом и, наконец, в порядке крепостной повинности перевозили гужом железо в Москву. Вотчины Демидова отстояли от заводов на тысячу верст и все же заводы и деревни составляли одно хозяйственное целое во главе с владельцем и его конторами. Крепостное крестьянство испытывало разнообразное воздействие со стороны крупного производства, в значительной мере потрясшего исконную русскую деревню внутри этого большого и сложного хозяйства.

Демидовская крепостная вотчина в результате этого процесса сделалась в хозяйственном отношении придатком к заводам. На этом следует остановиться подробнее, тем более, что в исторической литературе остается недостаточно раскрытой связь между деревней и «фабрикой» XVIII в. и не показано то воздействие, которое мануфактура оказала на крепостную деревню.

Еще в 1723 г. Никита Демидов сообщал в Берг-коллегию, что он купил в 1720 г. в Нижегородском уезде, в Барминской волости, треть с. Фокина. «Из той вотчины, — писал он, — перевел я на свои заводы крестьян дворов с 300 для размножения заводов».¹ Таким образом, Никита Демидов, только что купив вотчину в Нижегородском уезде, вывез из нее значительное число крестьян. В описи наследства его сына Акинфия отмечено использование крепостных из демидовских сел на заводах. Крестьяне принадлежавшего ему с. Румянина в Тульском уезде

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 627, л. 592—593. О том же свидетельствовал приказчик Никиты Демидова Ив. Переславцев 15 ноября 1723 г. в связи со спорным делом о беглых крестьянах Салтыкова, скрывавшихся у Демидова. Приказчик показал, что Демидов, купив с. Фокино, перевез в 1721 г. на сибирские заводы 300 семей (ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 31, л. 272).

(582 д. м. п.), как значится в кратком «экстракте» о вотчинах, пашут на помещика и «бывают при Тульских заводах в работах с заплатаю за заводскую работу денег». Из его ветлужской вотчины в Унженском уезде (1214 д. м. п.) крестьяне «посылаются из оных вотчин на сибирские заводы». О нижегородской вотчине (4778 д. м. п.) сказано, что с них берутся «на сибирские заводы в работу по 125 чел. в каждой год з заплатаю за заводскую работу против вольных заработных денег». Крестьяне царевосанчурской вотчины (3019 д. м. п.) «пашут на помещика пашню, исправляют вотчинную работу, дают столовые запасы, и кроме того посылают в Сибирь на Невьянские заводы в работу по 120 чел., на Сулемскую пристань в караван до Нижнего по 100 душ, да в Нижегородскую вотчину к зжению угля по 100, итого 320 чел. в год з заплатаю за заводскую работу против вольных заработных денег».²

Эти отрывочные и неполные указания свидетельствуют, что часть крестьян переселялась из вотчины на заводы или ежегодно высылалась в определенном числе на временную работу на заводы и пристани.

В середине века на уральских заводах мы встречаем переведенных из демидовских вотчин; так, например, в Суксунском заводе Акинфия Демидова, по сведениям, собиравшимся по сенатскому указу 1745 г., из общего числа 408 рабочих имелось 342 крепостных, взятых из вотчин Демидова.³ Относительно крестьян, отвлекаемых ежегодно на караваны, любопытные сведения дала вдова Акинфия Демидова; вскоре после его смерти была составлена по этому вопросу особая ведомость, и она заявила, что в 1744 г. «по определению помянутого мужа моего велено на Сулемскую пристань посылать в работу на железной караван из вотчин крестьян», из нижегородской вотчины (из 4 сел) посылалось 150 чел., из Арзамасского уезда — 70 чел., из галицких вотчин Унженского уезда — 60 чел., из царевосанчурских — 100 и из казанской вотчины — 40. Всего на караван было послано 420 чел. В заключение вдова Ак. Демидова отметила, что подобные отправки крепостных на караваны в том же размере продолжались и в последующие годы: «оние крестьяне с того 744-го году высылаютца и поныне по равному числу человек каждагодно».⁴ После раздела наследства Ак. Демидова между сыновьями к младшему из них Никите вместе с заводами отошли вотчины в Нижегородском, Арзамасском, Царевосанчурском уездах, а также в Унженском уезде (ветлужская вотчина); в них было 5441 крепостных д. м. п. К этому наследству Н. А. Демидов прибавил находившиеся у впадения р. Дубны в Волгу с. Прислон и дер. Притыкино, приобретенные в 1759 г. у знаменитых впоследствии братьев Орловых (142 д. м. п.) за 5680 руб.;⁵ в Нижегородском уезде им было приобретено полсела Огневский Майдан (вдобавок к уже имевшейся половине).⁶ Вотчины, за исключением, вероятно, двух подмосковных, являлись источником пополнения рабочей силы на заводах и караванах. Во второй половине столетия для этих вотчин владельца Нижнетагильского завода была составлена специальная инструкция, или «Учреждение» о караванах, где было установлено число крестьян, высылаемых ежегодно из деревень на суда.

О значительности этих отправок на караваны свидетельствует особое «расписание» 1762 г. По нижегородской, арзамасской и царевосанчурской

² ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 507.

³ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 437.

⁴ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 512—513.

⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 105, купчая 28 января 1759 г.

⁶ Там же, д. № 4017. Указания в письмах приказчика Булгакова, 1758 г.

вотчинам высылались к караванам 315 чел. из общего числа 3780 тяглых душ, т. е. 8.3%; они должны были быть высланы на Чусовские пристани к 1 марта. Но здесь не учтена кашинская вотчина, из которой обычно брали людей на караваны в Тверь.

О связях вотчин с заводами и караванами интересные по своей конкретности сведения имеются в переписке сельских старост и приказчиков с московской домовою конторой. Демидовские вотчины управлялись из земской избы, помещавшейся в нижегородском с. Фокино. Здесь находился приказчик Алексей Сокольников. Немногие сохранившиеся рапорты, посылавшиеся из фокинской земской избы в московскую контору в 1759 г., дают возможность представить до некоторой степени крестьянские повинности, в особенности по отношению к заводам.⁷

В рапортах фокинской избы указаны повинности крестьян в связи с недавним разделом демидовского наследства. Поблизости находился демидовский Чугунский завод, и крестьяне обязаны были на него работать. Часть этих повинностей носила характер бесплатной барщины, но за другие работы они получали плату. Ветлужская вотчина (в соседнем Галицком уезде) занята была рубкой дров для Чугунского завода; крестьяне должны были нарубить 1000 саж. дров, получая ничтожную плату по 12 коп. за 1 саж. Вотчина, расположенная в Царевосанчурском уезде Казанской губ., должна была заготовить на завод 2 тыс. саж. дров бесплатно. Крестьяне нижегородских сел Фокино и Варганы должны были работать на куренях по выжигу угля. Они складывали из заготовленных дров 150 куч, осыпали их землей, жгли уголь и ломали кучи, причем за 50 куч получали плату, а 100 куч делали бесплатно. Они же вывозили уголь с куреней на Чугунский завод. Эти повинности были связаны с заводами, но не с уральскими, а с нижегородскими, переделывавшими часть уральского чугуна в железо.⁸ То обстоятельство, что крестьяне получали пониженную оплату, а часть операций по выжигу угля выполняли бесплатно в качестве феодальной ренты, приводило к тому, что себестоимость короба угля на Чугунском заводе составляла $22\frac{1}{4}$ коп., тогда как при уплате крестьянам по уральским расценкам, по расчету конторы, короб обошелся бы в $34\frac{3}{4}$ коп.

Из обширного челобитья старосты с крестьянами нижегородской вотчины узнаем о повинностях, установленных в декабре 1758 г., вероятно, в связи с окончательным разделом демидовских вотчин и заводов.⁹ Крестьянские повинности состояли из денежного и отчасти натурального оброка. В общую сумму установленного оброка зачитывается и отправка крестьян на работы. Повеление владельца устанавливало оброк по 2 руб. с каждой ревизской души и, кроме того, налагало обязанность посылать на сплав сибирских караванов по человеку с каждых 20 душ. Остальные повинности, которые крестьяне обязаны были выполнять натурой или работой, зачитывались в оброк по установленным ценам; так, крестьяне должны были ставить по $\frac{1}{2}$ пуда пеньки с души для производства канатов, что им зачитывалось в оброк по 25 коп. за пуд; доставляли сено на содержание скота, по 2 пуда с души, по цене 5 коп. Работы также зачитывались в счет того же оброка по следующей расценке: работа человека с лошадыю ценилась летом по гривне, зимой — по 6 коп. за день; за воз соломы платили 20 коп., за 1 саж. однополенных дров — 20 коп.; за пряжу из своего льна — по 7 коп. за полумоток и т. п. Этими распоряжениями

⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4020 и 4028.

⁸ Там же, д. № 4020, л. 16. Копия рапортов фокинской земской избы 1759 г.

⁹ Там же, л. 40—43. Челобитье 22 марта 1759 г.

вводились новые порядки. Прежняя барская запашка целиком передается теперь крестьянам. Данные о повинностях по трем селам нижегородской вотчины сведены в табл. 64.

Таблица 64

Денежные и натуральные повинности

С е л а	Число ревизских душ	Оброк (по 2 руб. с души)	Поставка пеньки		Поставка сена		Число людей на караваны (по 1 чел. с 20 душ)
			Количество (пуд.)	Сумма (по 25 коп. за 1 пуд.) (руб., коп.)	Количество (пуд.)	Сумма (по 5 коп. за 1 пуд.) (руб., коп.)	
Фокино	637	1 274	318	79.67	1 274	62.70	32
Сомовка	390	782	195	48.87	782	39.10	20
Огневский Майдан (полсела) . . .	216	432	108	27.—	432	21.60	11

В том же крестьянском челобитье дана критика этих повинностей с точки зрения обременительности их для крестьянского хозяйства. Приведенные цифры еще не говорят о действительной тяжести повинностей для крестьян. Владелец имел дело лишь с «душой» мужского пола, на которую и рассчитывались денежные и натуральные повинности, но реальное значение в качестве плательщика имела рабочая сила взрослых работников, так как ни грудной младенец, ни дряхлый старик, хотя и числившиеся в ревизских сказках, не могли выработать и уплатить этого оброка. В этой системе раскладки демидовская контора точно следовала за исчислением казенных податей на ревизские души. В своей челобитной крестьяне показывают, что означали эти цифры на деле. Они отмечают прежде всего значительную убыль населения по сравнению с ревизией (с 1746 г.) и указывают, что престарелые, увечные и нищие составляют более 25% всего состава мужского населения. Они делают пересчет суммы оброка на «каждую наличную годную душу» и на двор или семью. В Фокине из 637 ревизских душ отдано в рекруты, умерло и выбыло 287 чел., т. е. 45%, а с учетом новорожденных имеется налицо 565 душ, или 88.6% числа ревизских душ. Наиболее показателен приведенный в челобитье расчет на взрослого годного работника и на крестьянский двор. Староста и крестьяне отмечают, что за престарелых, увечных и нищих оброк раскладывается на годных, в результате каждой «наличной годной душе» придется заплатить по 4 руб. в год. В челобитье указано, что на двор приходится по 4 годных души, или по 16 руб. оброка с двора. Кроме того, староста отмечает, что сверх подушных платятся еще рекрутские деньги и на мирские расходы, что составляет по 2 руб. с души, итого с оброком — 24 руб. в год со двора. Староста жалуется на то, что в течение трех лет хлеб не родился и поля не будут засеяны, и просит снизить оброк. Ответа на это челобитье нет, но из дел по другой вотчине, кашинской, мы знаем, что Демидов отказался по аналогичному прошению снизить оброк.

Значительную убыль населения в этих селах можно объяснить не только влиянием рекрутских наборов и смертностью, но и тем, что

крестьяне из этих вотчин давно уже вывозились на заводы на постоянное жительство.¹⁰

Следует отметить наличие хозяйственной дифференциации в демидовской приволжской деревне, глубокие хозяйственные различия в крестьянской среде. Фокинский староста ссылался на обилие нищих и увечных, неспособных внести оброк. Владелец, требуя перевода значительного числа крестьян, настаивал на отправке на заводы обедневших крестьян, которые не могут платить оброка и «для своего прокормления шатаются по другим местам»; следовательно, таких крестьян было немало. Староста подчеркивает эти имущественные различия: «крестьяне не все равны, иные семьянисты и богаты, а другие одиноки и бедны, и в таком недостатке, когда бедные у богатых на семена хлеб занимают, то принуждены бывают отдавать с немалым приростом и сверх того на них работать».

Переселяли на заводы не только деревенскую голытьбу, но и зажиточных, вероятно, в наказание за какую-либо вину или хищение. Переведенный из нижегородской вотчины Иван Мих. Шишара (или Шишарин) жаловался в главную заводскую нижегородскую контору, что старосты с выборными не позволяли ему продать перед отъездом его дом, хлеб, скот и «шкарб» под тем предлогом, что и после перевода мир должен будет платить подушные за него и его детей. Двор Ивана Шишары оценен им в 32 руб. У него имелись 3 лошади стоимостью 10 руб., 2 коровы дойных и 2 холостых — 10 руб., 25 овец ценою 7 р. 50 к., 8 больших свиней и 10 малых — 11 руб., 8 кур и 3 улья и т. п. Здесь же упомянут сельскохозяйственный инвентарь: 3 косы-литовки, два сошника с полицами, телега с колесами; один стан колес. Общая оценка, данная самим крестьянином своему двору, скотине, хлебу и инвентарю, составляет 197 р. 62 к. Кроме того, ему должен фокинский крестьянин Ив. Зубрилов 50 руб. Мы узнаем из его прошения, что Ив. Шишара состоял прежде в Нижнем «у железной продажи» и на нем значится записанный за ним долг 100 руб.¹¹ Брат этого крестьянина Козьма Шишара, также назначенный к переводу на заводы, в своем прошении рассказывает о причинах его переселения, которое носило характер ссылки. По его словам, его напрасно оговорили, будто он переправил вора через Волгу; кроме того, будучи у железной продажи, он совместно с другим крестьянином купил с демидовской коломенки 1000 пуд. железа для продажи его с надбавкой, за что был сдан скованным на работу на Чугунский завод в той же нижегородской вотчине. Он был освобожден после взятки, данной им жене приказчика Сокольникову, но приказчику взятка показалась мала, и он назначил его к переселению на уральский завод; у него трое детей и старики-родители. Он говорит, что «в те годы (т. е. при общем владении братьев Демидовых, до раздела) в вотчине его благородия лутчие мужики ни один без оговору не остался».

¹⁰ ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 437—438. В 1745 г. на Суксунском заводе было 342 купленных или переведенных из демидовских вотчин, в том числе из с. Фокина — 36 чел.

¹¹ Далее следует перечень одежды и тканей, запасов и т. п.: «12 холстов оляных [т. е. льняных] двойниковых — 12 руб., китайкою покрыты 2 шубника с пухом, да 2 шубника нагольные — 10 руб., кафтан китайский с подкладом (3 р. 25 к.); 2 китайки вишневые (2 р. 90 к.), пуху бобрового на 80 коп., чулки русские белые — 12 коп., 2 крашенины — 1 руб., 2 шапки курпеки, верхи красный да зеленый — 2 р. 20 к., 4 седла (3 р. 40 к.), фата красная белокромка большой руки, 2 сарафана китайских новых, 2 кокошника голевых с прозументами, 2 рубахи александрийских красных; штаны кожаные, 2 пояса шелковых. Посуды медной: братина, котел полоусный, ещдова, 2 горпка зеленой меди, 2 тарелки, 3 стакана оловянных, котел зеленый большой». — ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4020, л. 7.

Этот крестьянин, таким образом, сам причисляет себя к «лучшим», т. е. к богатой части деревни.

Итак, нижегородская вотчина Демидова состояла на оброке; вся земля была передана крестьянам, сверх того деревня обязана была доставлять рабочую силу для караванов и заводов: крестьяне переводились на постоянное жительство на заводы и часть деревни ежегодно должна была отправляться на сплав на караваны. На караваны, как уже указывалось, выделялось по человеку с каждых 20 ревизских душ, т. е. 5% ревизских душ мужского пола, однако от числа наличного населения это составит несколько большую долю. С трех сел следовало отправить на сплав 63 чел. при 1243 ревизских душах, или 1116 наличных. Крестьяне, наряженные на караваны, обычно распускались из Лаишева по домам, и от Лаишева приходилось нанимать вольных бурлаков. Поэтому Демидов запрашивал, нет ли среди его крестьян желающих работать на караване и дальше — до Казани, Нижнего или Рыбной слободы с такой же оплатой, как и вольнонаемные рабочие.

На переселении крестьян из вотчин на заводы настаивала главная заводская ниженетагильская контора в связи с недостатком рабочих рук. Извещая о ходе строительства нового Салдинского завода, приказчик писал Демидову из Нижнего Тагила в декабре 1759 г., что число рабочих сократилось вследствие частых рекрутских наборов, и просил выслать к марту 1760 г. на заводы до 1000 чел. Заводская контора обещала «самоохотным» переселенцам выдать деньги на постройку дворов, а также снабдить их лошадьми. В фокинскую земскую избу послано было из Москвы предписание назначить к переводу на заводы 500 чел. К переселению назначались крестьяне, лишенные своего хозяйства, и вообще бедняки.

Предписывалось объявить, не пожелает ли кто-либо перейти на сибирские заводы «собою», т. е. добровольно; им обещалась денежная помощь на обзаведение. Желавшие переселиться нашлись, они просили выдать им подъемные деньги, а также обратились за разрешением продать перед отъездом свои дворы и хлеб.¹² К переводу из нижегородской вотчины были назначены из бобылей, малотяглых крестьян и добровольцев 77 душ, кроме малолетних и стариков. К ним следует причислить 47 крестьян, посланных еще в предыдущем году «в годовую работу» на строительство Салдинского завода и оставленных там навечно. Были высланы также семьи оставшихся на заводе. От каждого села было назначено по два провожатых. На подъем выдано мужу с женой по 6 руб., престарелым — половина этой суммы, на детей — по 1 руб., провожатым — по 5 руб. и на необходимые нужды — 30 руб. Всего на подъем было выдано 488 руб.

Общее число переселенцев из нижегородской вотчины составляло 259 чел. обою пола и всех возрастов, включая в это число и оставленных на заводе, посланных туда в предыдущем году. Один из этих крестьян, Семен Песков, «при высылке бежал, зачем и жена не послана, а как сыскан будет, то вышлется впредь».¹³ Для набора переселенцев из других вотчин туда были посланы люди из фокинской избы и в помощь им из московской конторы приехали два служителя — Иван и Андрей Левицкие; первый направлялся в арзамасские деревни, второй — в ветлужскую вотчину. Общее число переселенцев по ветлужской вотчине составляло 607 д. м. п. и 647 д. ж. п., всего 1254 душ обою пола. Левицкий просил отложить отправку их до весны, так как среди них имелись малолетние и «безодежные». Для перевозки их на заводы

¹² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4020, л. 7.

¹³ Там же, д. № 4020. Рапорты фокинской земской избы, 1760 г.

надо послать из Фокина в устье р. Ветлуги 3 коломенки. Кроме того, из арзамасской вотчины в том же 1760 г. было отправлено на заводы 100 д. м. п.¹⁴

Если часть бедняков из демидовских вотчин могла прельститься возможностью получить деньги на подъем, а по прибытии на завод стать обладателем дома и лошади, то для зажиточных крестьян переселение означало разорение. Выше приведена опись хозяйства одного из таких «лучших мужиков» нижегородской вотчины Ив. Шишары. Он с братом были отправлены скованными на «снастном» струге, который ежегодно возил из Твери снасти, необходимые для будущего каравана с железом. В пути братья уговорили караванного приказчика определить их на снастном струге в работу; для этого пришлось их расковать, и они продолжали плыть без оков. Ив. Шишара вместе с тремя другими крестьянами-переселенцами в пути бежал. Крестьянин, который их расковал и невольно способствовал побегу, был отдан на Салдинский завод.¹⁵

Итак, демидовские вотчины тесно были связаны с заводами. В результате происходил или полный отрыв части крестьян от привычных сельских условий и переход в число заводских рабочих, или временный отход на работы на караваны или заводы. Отрыв от земледелия, переселение и отход происходили насильственно, в силу внеэкономического принуждения. Следует подчеркнуть наличие расслоения в крестьянской среде, чем пользовалась демидовская администрация, высылая на заводы обедневшую часть деревни, неспособную к несению тягла.

Служебное значение имела также кашинская вотчина, или, как она позже стала называться, — калязинская. Но роль этой вотчины — другая. Она должна была обслуживать не заводы, а транспорт, давать рабочих на караваны и обеспечить перевозку железа гужом с Волги от Дубенской пристани к Москве. Для выяснения повинностей кашинских крестьян имеются четыре книги рапортов и переписки московской конторы со старостой с. Прислон и демидовскими служителями, находившимися там же, на Дубенской пристани. Этот материал обнимает 1766/67 г. и 1778/79 г. В с. Прислон и дер. Притыкине было 130 д. м. п.¹⁶ Крестьяне были на оброке, установленном, так же как и в нижегородской вотчине, в размере 2 руб. с души.

Из жалоб крестьянского мира и демидовского приказчика друг на друга выясняется, что крестьяне в счет уплаты оброка, а также вольным наймом перевозят железо гужом в Москву, обязаны беречь барки на Дубенской пристани и отводить их в Тверь, чинить амбары и давать кроме того людей на караваны. Эти жалобы отражают внутреннюю борьбу не только между крестьянами и господской администрацией, но и внутри сельского мира. Эта борьба была также связана с классовым расслоением крестьянства и с борьбой за землю внутри сельской общины. В одной из своих жалоб староста обвинял служителя Урвина в том, что он на сходе «всякими скверными словами ругал» старосту и мирских людей и без вины бил их смертным боем. Староста хотел по жребию отобрать крестьян на караван и при этом, повидимому, намерен был послать бедняков, так как имеются, по его словам, такие, что «едва с нуждою и пропитание имеют». Но приказчик Урвин не допустил жеребьевки и послал, кого он хотел.

Но и староста стремился использовать свое положение в своих выгодах. Многосемейный крестьянин Иван Алексеев с 4 сыновьями получил от

¹⁴ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 20, л. 250.

¹⁵ Там же, л. 40—55.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4035. Переписка с кашинской вотчиной.

мира землю, перешедшую к нему после отправки в Тверь другого крестьянина дворником. Он вспахал эту землю, засеял под озимь и платил с нее подушные и другие поборы. Но ее отнял у него староста и засеял под яровое. Другой крестьянин Иов Иванов доносил, что после смерти его отца, 6 лет назад, треть его земли отнял его дядя, брат отца. «А хотя я, низжайший сирота, у старост ежегодно суда прошу на мирских сходах,— говорит Иванов,— и по бедности моей крестьяне оную землю во владение мне взять и велят, а оной Сергей Яковлев, надеясь на свое харлапанство и богатство, оной земли мне обратно не дает, от одного разорения не защищают и объявляют то, будто и их, старост, он, Сергей Яковлев, не слушает».¹⁷ Демидовская московская контора подошла к этому делу со своей точки зрения и приказала рассмотреть, платит ли проситель с тягла, т. е. несет ли он помещичьи и казенные повинности, и если он их платит, а землей владеет другой, то непременно следует вернуть ему землю. Это решение мотивируется указанием на порядки общинного землепользования: «Потому, что земля у вас не наследственное именье, но кто со сколько платит, столько земли и покосов и иметь должен». Земля в конце концов возвращена была просителю. Таким образом, богатый крестьянин мог отнять у бедняка землю и не слушался ни мира, ни старост, пока не вмешалась московская домовая контора. Примером богатого крестьянина ростовщика может служить Фрол Алексеев (из той же вотчины), который явился в московскую контору и объявил, что ему не отдают долгов 8 крестьян соседних деревень; так, один крестьянин ему должен 5 руб. и 10 четвериков ржи, 10 четвериков овса, на другом он считал долгу 1 р. 50 к., третий должен ему 6 четвериков ржи и т. д.

Повинности кашинской вотчины заключались в двухрублевом оброке, но вместо уплаты этого оброка крестьяне выполняли подводную повинность. Она определена была в размере перевозки 100 пуд. железа на каждую «душу» мужского пола. По наемным ценам 1766—1767 гг. вольные возчики брали за перевозку железа до Москвы по 2 коп. с пуда; таким образом, оплата 100 пудов соответствовала размеру оброка. Для выполнения повинности нужна была достаточная тягловая сила. Крестьянин Анисим Андреев в своем прошении (1 января 1767 г.) заявлял, что ему следует отвезти в Москву 200 пуд. железа, но он имеет лишь одну лошадь, и просит снять с него хотя бы половину «оброчного железа».

В качестве наемных возчиков выступали те же демидовские крепостные, но сверх оброчной повинности остальное они перевозили наймом. В той же книге переписки с кашинской вотчиной имеются документы по перевозке железа с Дубны в Москву с декабря 1766 г. по март 1767 г. Они включают 41 рапорт служителя, состоявшего при Дубенской пристани, и содержат перечисление поименно всех возчиков с указанием числа подвод и груза. В заключение на каждом рапорте имеется указание о приеме железа в Москве, в демидовском складе в Каретном ряду или на Мясницкой. Там вновь перевешивали железо, отмечали недовес или избыток против записанного в рапорте и уплачивали возчикам за провоз, если груз перевозился наймом.

О величине обозов, направлявшихся по зимнему пути с Дубны, можно судить по следующим примерам: 8 декабря 1766 г. было отправлено в Москву 38 саней с железом в счет оброка, на следующий день, 9-го,— 40 подвод оброчных и 2 подводы вольных, 10-го с Дубенской пристани выехало 36 подвод в порядке вольного найма и т. д. Данные о всех перевозках сведены в табл. 65.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4035, доношение 3 сентября 1767 г.

Перевозка железа гужом зимой 1766/67 г. с Дубенской пристани
в Москву

Крестьяне-возчики	Число крестьян-возчиков	Число подвод	Железо и пр.	Оплата (р., к.)
1766 г. Декабрь				
Оброчные	84	200	4 372 п. 6 ф.	—
Вольные	269	670	15 540 » 28 »	309.94
Итого	353	870	19 912 п. 34 ф.	—
1767 г. Январь				
Оброчные	80	192	4 223 п. 21 ф.	—
Вольные	92	207	4 767 » 31 »	95.35
Итого	172	399	8 991 п. 12 ф.	—
Февраль				
Оброчные	72	157	3 331 п. 32 ф.	—
Вольные	8	16	327 » 08 »	6.54
Итого	80	173	3 659 п. —	—
Март				
Оброчные	39	61	1 279 п. 13 ф.	—
Вольные	7	18	379 » 35 »	7.59
Итого	46	79	1 659 п. 08 ф.	—
Итого: Оброчные . .	275	610	13 206 п. 32 ф.	—
Вольные	376	911	21 015 » 22 »	419.42
Всего	651	1 521	34 222 п. 14 ф.	—

Зимой 1766/67 г. было перевезено с Дубенской пристани в Москву 34 222 пуда, в том числе 13 206 пудов оброчными крестьянами и 21 015 пудов наемными возчиками. Таким образом, бесплатно, путем оброка, было перевезено около 40%, а большая часть железа отправлена была наймом; на оплату 21 тыс. пуд. было истрачено 419 р. 42 к., т. е. платили по 2 коп. за пуд. Вольные возчики перевозили преимущественно в декабре и частью в январе, а перевозка в счет оброка затянулась до марта. Вполне понятно, что крестьяне стремились в первую очередь везти железо за деньги, откладывая бесплатную перевозку до распутицы, когда нельзя было нагрузить воз так полно, как зимой (15—17 пуд. против 21—25 пуд. на воз в зимнее время — по тем же данным). На следующий год было назначено перевезти с Дубенской пристани 43 тыс. пуд. железа и 9 тыс. пуд. овса, муки и других грузов. Только 13 тыс. пудов из них должны были перевозиться в счет

оброка, по 100 пуд. на каждого из 130 д. м. п., остальное перевозилось наймом.

В перевозках железа следует отметить еще одну сторону. В рапортах с Дубны весьма часты указания на наем возчиков самими крестьянами. Число таких наемщиков довольно велико; возможно, что речь идет не о замене того или иного крестьянина другим, а о наемных рабочих, нанимавшихся отдельными крестьянами-предпринимателями. «Наемщики» встречаются почти исключительно при вольной возке и очень редко при оброке, что также говорит за то, что были предприниматели, нанимавшие от себя крестьян с подводами. Приведу некоторые примеры:

- 1766 г. 11/XII «Бориса Филиппова наемщики» — 19 чел., 44 подводы;
- 12/XII «Михаила Васильева наемщики» — 20 чел., 39 подвод;
- 13/XII «Якова Михайлова наемщики» — 13 чел., 33 подводы;
- 17/XII «Назара Иванова наемщики» — 15 чел., 32 подводы.

Наемщики значатся в 18 случаях из общего числа 41 рапорта и достигают большого числа подвод. К сожалению, отсутствуют сведения, которые помогли бы более подробно представить крестьянский наем. Но если, как можно предполагать, мы встречаемся здесь с крестьянами-предпринимателями, занимавшимися извозом и нанимавшими множество крестьян, то это также является дополнительным указанием на расслоение деревни, на наличие в ней предпринимателей и наемных рабочих из крестьянства.

Следующая сохранившаяся книга переписки московской конторы с кашинской (калязинской) вотчиной относится к 1778 г., т. е. 12 лет спустя. Здесь можно видеть те же повинности — отправки на заводы, ежегодную посылку людей на караван, перевозку железа гужом к Москве. Некоторые отличия заключаются в том, что подводная повинность в счет оброка занимает еще меньшее место, чем прежде, и явно идет на убыль. К концу зимы в феврале 1779 г. в вотчину было послано предписание выделить 13 чел. на караван, отправляющийся в Петербург, и в 1778 г. была повышена наемная плата за подводы, направлявшиеся в Москву; это отразилось также на подводной повинности крестьян, выполнявшейся ими в счет оброка. Уже в январе дубенский служитель сообщает в Москву об отпуске железа с уплатой по 2¹/₂ коп. за провоз, но эта цена недостаточна: «по вышеписанной ряде к Москве того железа из вольных охотников ни одного человека не бывало». Он предлагает повысить плату вольным возчикам до 3 коп. с пуда. В июле 1778 г. потребовалось возможно скорее доставить в Москву до 600 пудов листового железа. Служитель и целовальник, состоявшие при Дубенской пристани, поехали в Рогачево, где наняли возчиков по 4 коп. В сентябре надо было привезти еще 4—5 тыс. пуд. железа, и опять служитель Васильев ездил в Рогачево, но возчики уже просили по 5 коп., а в распутицу даже настаивали на 6 коп. Тогда было решено обойтись своими крестьянами и указано, что «плата им выдана будет безобидная», т. е. крестьяне, выполняя требование владельца о перевозке железа, должны были получить денежную плату. Вместе с тем, из московской конторы пришло предупреждение о будущем изменении порядка выполнения крестьянских повинностей: предполагалось прекратить зачет оброка перевозкой железа, а оброк крестьяне должны были уплачивать деньгами.

От каравана, направлявшегося с Урала к Петербургу, было принято в 1778 г. на Дубне для отправки в Москву 77178 пудов железа, ящики с рудами и с «курьозными каменьями», пеньковые снасти и т. п.¹⁸

¹⁸ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 105.

Ход перевозок и их организация в 1778/79 г. отчетливо отразились в рапортах, посылавшихся с Дубны с каждым обозом. Они охватывают полностью осень и зиму этого года; в них перечислены возчики с указанием имени, фамилии и деревни, отмечено, наемные они или свои, сколько у них подвод, какое количество железа привезли и какая плата им выдана. Не приводя этих сведений по месяцам, дадим общий итог за время с августа 1778 г. по март 1779 г. (табл. 66).

Таблица 66

Перевозки железа в 1778/79 г. с Дубенской пристани в Москву

Возчики	Число крестьян	Число подвод	Количество железа
Свои	82	162	2 512 п. 26 ф.
Вольные	1 029	2 626	71 308 » 30 »
Всего	1 111	2 788	73 821 п. 16 ф.

Всего было отправлено с Дубенской пристани в Москву 73 821 пуд, что потребовало 2788 подвод. Однако демидовские крепостные, везшие в счет оброка, занимают среди возчиков ничтожное место: в порядке повинности перевезено лишь 2512 пуд., или 3.4% (против 40% в 1767 г.). За перевозку платили зимой по 2½—3 коп. и по 4—5 коп. с пуда осенью. Это было не чем иным, как ликвидацией системы выполнения перевозок посредством подводной повинности крепостных, как это и было предписано московской конторой, заявившей, что впредь крестьяне должны будут платить оброк деньгами. Это не было полной отменой обязательного подвоза железа к Москве, но из бесплатной повинности она превратилась теперь в оплачиваемую по обычным ценам наравне с наемными возчиками.

В связи с этим меняется терминология рапортов: исчезают прежние обозначения — «в оброк» или «оброчное железо», очевидно, зачет оброка уже не имеет места. Перевозка железа обошлась в этом году приблизительно в 1800 руб. вместо 400 руб. в 1767 г. Демидовские приказчики должны были обращаться к рогачевским крестьянам и конкурировать с другими нанимателями и вынуждены соглашаться на более высокую плату. Так, например, 21 января 1779 г. был отправлен груз железа на «вольных возчиках» с уплатой по 2½ коп. за пуд; среди этих возчиков значатся 30 крестьян дер. Притыкино с 76 подводами. Транспортировка железа из крепостной повинности превращается в наем, что требовало значительных денежных сумм. Транспортное хозяйство в виде перевозки гужом связывается все более с растущими рыночно-денежными отношениями.

В переписке следующего, 1779 г. по той же калязинской (б. кашинской) вотчине встречаем уплату оброка с вотчины в размере 400 руб. в год. Крестьяне выплачивают его деньгами, а не отработывают подводами.¹⁹ Но осенью вновь возникли затруднения с отправкой железа с Ду-

¹⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4079. Переписка по калязинской вотчине (7 июля 1779 г.).

бенской пристани в Москву. Бурмистр и служитель в вотчине сообщают в московскую контору, что возчики в Рогачеве не соглашаются везти железо и по 5 1/2 коп. с пуда. «А свои крестьяне з железом не едут, а хотят ехать все для продажи собственного своего овса». Это известие о нежелании демидовских крепостных везти железо и о дороговизне возчиков вызвало со стороны московской конторы предписание об отправке железа снова в порядке обязательной повинности своими крепостными. Надо было отправить 8 тыс. пудов. Из Москвы для проведения этого распоряжения был послан солдат, и было приказано, чтобы крестьяне по его приезду в вотчину «на подводы железо наклали и выехали неотменно чрез сутки».

Изученные материалы, даже при их неполноте, рисуют большие сдвиги, происходившие в деревне, вошедшей в общий хозяйственный комплекс с уральскими заводами. Вотчины переводились на оброк. Крупная промышленность предъявляла требования на рабочую силу, и с вотчин переселяли крестьян на жительство на заводы или они обязаны были временно отрываться от сельского хозяйства для строительства новых заводов. Обслуживание караванов также требовало ежегодной отправки крестьян из каждой вотчины. Гужевая перевозка железа с Дубенской пристани в Москву была повинностью крестьян кашинской вотчины; крестьяне отрывались и для продажи железа при демидовских конторах. Крепостная деревня была источником пополнения кадров заводских и караванных рабочих людей и служителей. Все это приводило к изменениям и сдвигам в жизни демидовских вотчин. На заводы отправляли бедняков, а принудительная отправка зажиточных крестьян применялась в качестве ссылки и приводила к их разорению. Гужевая перевозка производилась то в порядке крепостных повинностей, то посредством найма своих же крестьян за плату, она расширяла рыночно-денежные отношения в деревне. Влияние мануфактуры в XVIII столетии переплетается с крепостными отношениями, но и в этих условиях уральские домны оказывают мощное воздействие на далекую приволжскую крепостную деревню. Как источник пополнения рабочей силы для производства и транспорта демидовская вотчина была хозяйственным придатком заводов.

Другой характер имели подмосковные того же Н. А. Демидова: их назначением было обслуживание владельца, удовлетворение его личных потребностей, вкусов и прихотей. На организации и потребительской роли их стоит остановиться, чтобы еще яснее выявить по контрасту производственное значение приволжских вотчин.

Н. А. Демидову принадлежали две подмосковные — с. Сергиевское с деревнями в Кошелевом стане и с. Петровское вместе с с. Ильинским и деревнями в Верейской округе.²⁰ В с. Сергиевском в 1782 г. значатся лишь дворовые люди — 59 д. м. п. и 60 д. ж. п. Кроме того, Н. Демидову принадлежало расположенное по соседству с. Спасское (Никифорово тож), приобретенное им по частям в разное время; в нем было 108 д. м. п. и 117 д. ж. п.²¹ К с. Петровскому было куплено в 1795 г. с. Алабино и

²⁰ Село Петровское расположено на берегу Москвы-реки близ Угрешы, в 7 км от ст. Томилино, Московско-Казанской ж. д. В нем сохранился усадебный дом конца XVIII в. в два этажа: первый — каменный, второй — деревянный, с 4 портиками и большим круглым бельведером; имеются две каменные церкви: одна — 1685 г., другая — 1805 г. («Памятники усадебного искусства», ч. 1. Московский уезд, изд. Об-ва изуч. русск. усадеб, М., 1928, стр. 68). Село Сергиевское (Ошитково, Алмазово) находится в 8 км от ст. Щелково, Северной ж. д. Здесь остались лишь следы большой усадьбы XVIII в., дом и церковь относятся к началу XIX в. (Там же, стр. 7.)

²¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 110. Ревизские сказки 1782 г.

дер. Зверева.²² Около того же времени, в связи с залогом имения узнаем число крепостных в селах Петровском и Ильинском с деревнями; всего в 12 селениях этой подмосковной имелось 929 д. м. п. В этих вотчинах был конский завод, конюшни, скотный двор, зверинец, пруды, имелась господская запашка. Крестьяне были на барщине. Среди крестьян дер. Зверевой была богатая семья Бушуевых, которые купили у Демидова лес за 1640 руб. С другой стороны, сохранились жалобы 3 крестьян с. Петровского на крайнее малоземелье: на их земле был поставлен кирпичный сарай, и под рожь осталось на 9 братьев лишь 3 десятины; они просят или прибавить им земли, или переселить в другую деревню.²³

Сохранившиеся ранние документы о подмосковной начинаются с известий о поголовной порке всех крестьян. Демидовский приказчик сообщает 18 мая 1770 г. владельцу, находившемуся в Петербурге, что он ездил в с. Петровское, где собрал на сход всех крестьян, старосту и священника, зачитал им приказ владельца и допрашивал о зачинщиках подачи крестьянами прошения Демидову. Это прошение до нас не дошло, и содержание его остается неизвестным. Крестьяне единогласно отвечали, что они писали «обще всем миром». Приказчик добавляет: «За что, не обходя ни одного человека, все наказаны розгами».²⁴ Весной 1770 г. приказчик сообщает о начале работ на отстроенном кирпичном заводе, а также извещает, что уже посеяны овес, ячмень, лен и гречиха. «Новотягольным» крестьянам он роздал семена, и «ныне у крестьян земля вся осеменена, ни одной пустовой полосы не осталось». Крестьяне должны были «делать зверинец»; эту работу они выполняли в порядке барщинных повинностей безденежно (в отличие от заводской и каравашной работы, которая оплачивалась); по словам приказчика, плата «ни одной полушки никому не производитца».

Для установления повинностей новотягольных крестьян была собрана мирская сходка, на которой было решено, «чтоб им пашню господскую под рожь вспахать и посадить против других, им же дать их крестьянские покосы, как и другие довольствуютца, а в другие работы положили миром не требовать». В сентябре 1770 г. приказчик сообщает, что засеяно 25 десятин рожью, весь урожай собран и составил 112 четв. ржи, 30 четв. ячменя и 170 четв. овса, всего 312 четв. От владельца в октябре пришло предписание, когда будут окончены работы в зверинце, «вместо помочи за тот их труд, сваря две четверти пива и собрав их всех, за тот труд попоить». В ноябре приказчик сообщает, что зверинец «с крайним старанием» окончен, также сделана новая печь для обжига кирпича, и на пруду устроен новый спуск. В Петровском в это время было 17 лошадей, 2 буйвола, 12 коров, 13 телок, 8 бычков, 57 овец старых и 36 в приплоде. Десять лет спустя, в 1780 г. в Петровском было 34 лошади, 9 коров голландских и холмогорок, 5 телят, 2 вола, бык и бычок, 13 овец и коз, индейки, гуси, утки и куры, имелось 20 ульев с пчелами. В зверинце было 2 марала и 4 оленя. На кирпичном заводе за год было сделано 337 тыс. шт. кирпича.²⁵

По этим неполным и отрывочным сведениям можно отчасти представить хозяйство большой подмосковной вотчины, где крестьяне были на барщине и где наряду с господской запашкой и скотным двором значительное место занимают зверинец с маралами, птичник с павлинами и лебедями, пчель-

²² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4123.

²³ Там же, д. № 116.

²⁴ Там же, д. № 116. Донесение 18 мая 1770 г. Ильи Маслова к Н. А. Демидову.

²⁵ Там же, д. № 108, л. 7 об., 18, 81. Рапорты служителей в с. Петровском 1780 г.

ник, кирпичный завод. Подмосковная предназначена для увеселения господина и для снабжения его московской кухни индейками, утками, цыплятами и т. п. В этом отношении демидовская вотчина не отличалась от подмосковных других представителей знати того времени. Здесь почти не сказывалось влияние уральских заводов, столь ощутимое в приволжской демидовской деревне. Там можно было отметить отдельные элементы первоначального накопления, здесь господин лишь безмятежно потреблял часть своих богатств. Эта картина подмосковного хозяйства большого барина резко разнится от его приволжских вотчин, состоявших на оброке и обязанных поставлять рабочую силу на заводы и караваны. Эти два мира уживались под общим крепостным гнетом, давившим крестьян и одинаково гнавшим: одних — на работы в зверинце и на барскую запашку, других — на заводскую каторгу.

2. СОСТАВ ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

Вопрос о социальном составе рабочих на русских мануфактурах XVIII столетия был частично освещен весьма ценной публикацией Академии Наук СССР «Крепостная мануфактура», в четвертом выпуске которой разработаны сказки рабочих по переписям 1732—1740 гг. Эти данные охватывают рабочих на полотняных, шелковых, суконных и писчебумажных мануфактурах Москвы, Казани и Ярославля. Во вступительной статье к этим материалам академик С. И. Солнцев отметил разнообразие и пестроту источников, откуда черпались кадры крепостной мануфактуры. Первое место занимает крестьянство, затем идут посадские люди, солдатские дети, наконец, дети фабричных; незначительна доля помещичьих крестьян; большинство рабочих выходило из среды дворовых и монастырских крестьян. Значительная часть рабочих еще до поступления на фабрику оторвалась от дома; лишь треть их до фабрики жила при родителях, одна пятая — нищенствовала, прежде чем стать мастерами, а треть и раньше работала по найму. Большинство их, таким образом, уже давно лишено было собственных средств производства и собственного хозяйства.²⁶ Эта публикация охватила только рабочих центра. Интересно попытаться подойти к освещению той же проблемы в отношении рабочих важнейшей отрасли крупной промышленности — металлургии.

Состав и численность рабочих на демидовских заводах могут быть освещены по данным разнообразных статистических ведомостей, имеющих как в делах вотчинного архива, так и среди дел Берг-коллегии и Сената; имеется также довольно обильный материал сказок различных переписей.²⁷

Наиболее ранними (после сведений за 1702 г., использованных выше) из этих материалов являются данные ландратской переписи М. Воронцова-

²⁶ С. И. Солнцев. К вопросу о социальном составе рабочих на мануфактурах первой половины XVIII в., вступительная статья в кн.: «Крепостная мануфактура в России», изд. АН СССР, М.—Л., 1934, ч. 4. Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.

²⁷ Перечень переписей, охвативших демидовских рабочих в XVIII в., содержится в записке, составленной демидовской конторой в 1808 г. Приведу этот перечень, сохраняя ту же последовательность и нумерацию, какая дана в записке (ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4002): 1-я перепись — 1702 г. при отдаче Н. Демидову Невьянского завода; 2-я — ландратская перепись 1717 г.; 3-я — первая ревизия 1722 г.; 4-я — вторая ревизия 1747 г.; 5-я — перепись Толбузина 1732 г.; 6-я, 7-я и 8-я — в 1735 г. Булгакова, Шишкова и Мельникова; 9-я, 10-я и 11-я — в 1738 г. Юдина, Арцыбашева и Молокова; 12-я — перепись Гордеева 1760 г.; третья ревизия — 1763 г.; четвертая ревизия — 1782 г. и пятая ревизия — 1795 г.

Вельяминова 1717 г. Они находятся среди дел Берг-коллегии и включают как итоговые таблицы, так и сказки каждого рабочего. Согласно итоговой таблицы, на Невьянском и Шуралинском заводах в 1717 г. было 339 дворов, в которых находилось 970 д. м. п. и 971 д. ж. п.; здесь значатся дворы рабочих, а также дом Никиты Демидова («комиссарский»), дворы приказчиков, церковников, купцов и т. п. Данные переписи по 2 заводам Демидова представлены в табл. 67.

Таблица 67

Табель населения Невьянского и Шуралинского заводов в 1717 г.²⁸

Д в о р ы	Дво- ров и изб	В них людей		
		м. п.	ж. п.	Итого
Священников	1	3	2	5
Причетников	4	13	9	22
Комиссарский	1	12	10	22
Подьяческих	7	10	8	18
Беломестного казака	1	1	[3] [1]	[4] [1]
[Плоти]нных мастеров [1]	2	5	10	15
Доменных мастеров	3	7	6	13
Доменных подмастерьев	6	10	12	22
Поддоменных литухов	3	4	4	8
Молотовых мастеров	60	159	155	314
Молотовых подмастерьев	56	114	137	251
Дощатых мастеров	3	8	9	17
Ружейных мастеров	6	11	16	27
Серебрянников и кузнецов	5	9	9	18
Меховых мастеров и плотников	33	68	71	139
Судового кормщика	1	1	4	5
Купецких людей	5	11	10	21
Вдов их	14	5	22	27
Нищенских	16	21	28	49
Всяких работников	171	347	345	692
Гранатного мастера	1	2	4	6
Кирпичных мастеров	2	4	3	7
Мехового дела сушильня	1	8	—	8
Подворников	—	77	89	166
Примышев	—	—	5	5
Всего на заводе всяких чинов людей . .	399	910	971	1 881

[1] Рукопись таблицы порвана, и текст и цифры, восстановленные мною, поставлены в скобки.

Из 910 чел. мужского пола мастеровых, подмастерьев и т. п. квалифицированных рабочих было 401 чел., из них всего больше было молотовых мастеров и подмастерьев — 273 чел., затем «всяких работников», видимо, чернорабочих — 347, плотников и меховых мастеров — 68, доменных мастеров и рабочих — 21, ружейных мастеров — 11 и т. д.

Сказки ландратской переписи очень кратки по сравнению с последующими сказками, но их ценность заключается в том, что они в немногих словах рисуют одну за другой семьи первых уральских рабочих. Здесь были кузнецы, прибывшие из Тулы в первые годы основания завода, и

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 634 (1722—1726 гг.), л. 734—735.

крестьяне северных уездов, и приписные, перешедшие из уральских слобод на завод. Вот на выдержку некоторые из этих сказок: 1) «Во дворе Никита Аверкиев сын Тумаков, дватцати одного лета, у него жена Полагая Иванова дочь — дватцати, сын Иван — год; родом он Павловских железных заводов и тому семнатцать лет взят по указу на Фетковские заводы и работает в молотовой колотушке в мастерах из найму»; 2) «Во дворе Алексей Иванов Ушейных 30-ти лет, у него жена Елисавет Иванова дочь — 20-ти, дети Овдотья — 3-х, Фекла — году; родом Алексей Аяцкой слободы, которая приписана к Федковским железным заводам, и тому 3 годе живет на помянутом заводе и работает плотнишную работу из найму»; 3) «В ызбе Иван Савин сын Вяткин 50 лет, у него жена Дарья Парфенова дочь — 30, да подворник Исак Остафьев сын Ашканов — 35, холост, родом Иван вятчанин посадцкий человек и тому 10 лет без отпуску съехал на Фетковские заводы и работает в угольных мастерах; Исак родом Кунгурского уезду села Ординского крестьянин и тому 10 лет без отпуску съехал он на оные Фетковские заводы и работает всякую работу из найму».²⁹

Каждая сказка соответствует одной рабочей семье, включая также в отдельных случаях «подворников», повидимому, являвшихся квартирантами. Материал этот надо признать весьма ценным. Мною сделана попытка счетной обработки этого материала, результаты которой представлены ниже. Но прежде надо остановиться на некоторых терминах, постоянно в них встречающихся. Так, в сказках отмечено, что перечисленные лица работают «из найму». Какой смысл вкладывали писцы в этот термин, видно из того, что он применялся к крестьянам, к посадским и даже к своим демидовским крепостным, работающим на заводе. Но исключением являются те случаи, когда внесенное в сказки лицо занято торговлей или ремеслом и не связано с заводом. Так, о М. Сапожникове, 60 лет, посадском человеке из Верхотурья, сказано, что он «кормится от харчевого торгу»; другой, посадский из Венева, «кормится от палатного печенья»; третий, крестьянин Арамашевской слободы Лука Солюмов, кормится «рыболовной работой»; приписной крестьянин Аятской слободы Г. Сахаров, 80 лет, кормится «от конного художества», кунгурец Бессонов, 92 лет, — «от горшечного ремесла», монастырский крестьянин Г. Щеглов — «от портного мастерства». В сказках этих лиц отсутствует указание на работу «из найму»; они, очевидно, не связаны непосредственно с заводом, но обслуживают его население, продавая изготовляемые ими горшки и т. п. Напротив, отмечена работа «из найму» у молотовых мастеров, подмастерьев, угольных извозчиков, плотников и других заводских рабочих независимо от их происхождения. Крестьянин помещика Шипмарева Я. Чумачев, пришедший из Ржевского уезда, состоял на заводе молотовым мастером и обозначен работающим «из найму»; строгановские крестьяне тоже значатся как наемные люди, так же как и молотовый мастер, приписной из с. Покровского В. Чоглоков. Особенно любопытно, что собственные демидовские крепостные также работали «из найму». Так, тульские помещичьи крестьяне Г. Деявых и Ив. Сапожников, купленные Никитой Демидовым и привезенные им на завод, где первый работал «в россылках», а второй был молотовым работником, — оба отмечены как работающие «из найму». Таким образом, наемными назывались все, работающие на заводе и получающие заработную плату, независимо от того, были ли это оружейники, переведенные из тульской Оружейной слободы, или дворцовые крестьяне, беглые помещичьи крестьяне или собственные демидовские крепостные. Им противопоставлены люди, не связанные по работе с заво-

²⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 634 (1722—1726 гг.), л. 660, 698, 723.

дом: ремесленники, обслуживающие население, — горшечники, пекари, портные.

Другое постоянно встречающееся указание имеет в виду причину прихода рабочего на завод: различалось, прибыл ли он по «указу» или «без отпуску». «Взят по указу» означало, что рабочий происходит из тульских оружейников, которые были переведены правительством на уральские заводы. Но большая часть рабочих появилась здесь «без отпуску»; иногда указано более точно: «без помещичьего отпуску», «сшел» или «съехал без отпуску». В отдельных случаях отмечена причина, заставившая рабочего переменить место: «сшел без отпуску от хлебной скудости» или «от башкирской войны», т. е. во время башкирского восстания 1707—1708 гг. Обилие этих указаний показывает, что первое поколение уральских рабочих пополнялось беглыми из дворцовых и монастырских сел и помещичьих имений и посада, без разрешения владельца или мира, направлявшимися сюда для работы «из найму». Следует отметить, что такой важный признак, как социальное происхождение, или сословность, далеко не всегда отмечалось в нашем источнике; в ряде случаев указано, что рабочий является посадским человеком, церковным причетником или помещичьим крестьянином, но чаще всего такое обозначение отсутствует.

Перейдем к характеристике рабочей силы на Невьянском заводе в 1717 г. В таблицы вошли главы семей и работающие члены семей; число таких лиц равно 516 из общего населения Невьянского и Шуралинского заводов, составлявшего 1881 чел. обоюго пола. Разбивка по возрасту всего населения сделана в итоговой «табели» самими писцами:

До 5 лет	463 чел.	До 60 лет	103 чел.
» 10 »	214 »	» 70 »	74 »
» 15 »	114 »	» 80 »	26 »
» 20 »	113 »	» 90 »	7 »
» 30 »	279 »	» 100 »	1 »
» 40 »	273 »		
» 50 »	214 »		
		Итого обоих	
		полов	1881 чел.

Эти сведения показывают, что 42% общего числа приходилось на детей до 15 лет (791 чел.); люди рабочего возраста, старше 15 и до 50 лет, составляли 46.5% (879 чел.); число стариков незначительно, что характерно для переселенцев, обосновывавшихся на новых местах. Возрастной состав рабочих — глав семей и работающих членов семей был следующим:³⁰

До 20 лет	25 чел.	60—69 лет	49 чел.
20—29 »	58 »	70 лет и свыше	46 »
30—39 »	103 »	Неизвестно	5 »
40—49 »	138 »		
50—59 »	92 »	Итого	516 чел.

Преобладающим является возраст 30—59 лет, на который приходится свыше 60% общего числа (333 чел.).

Большой интерес представляют данные о времени прихода на завод. При основании завода, 17 лет назад, прибыло 39 чел., 16 лет назад, — 10 чел. и 15 лет назад — 33 чел. В годы башкирского восстания число рабочих увеличивалось слабо: 9 лет назад прибыло 34 чел., 8 лет назад — 17 чел.; затем приток новых рабочих снова возрастает,

³⁰ Подсчеты по сказкам произведены мною.

увеличиваясь за последние 10 лет. Прибытие на Невьянский завод рабочих в разные годы выражается следующими цифрами:

1—4 года назад	155 чел.
5—10 лет »	195 »
11—15 » »	77 »
16—17 » » и ранее	59 »
Неизвестно	30 »
<hr/>	
Итого	516 чел.

По месту выхода рабочих надо выделить выходцев из Тулы и подмосковных заводов; они составляли свыше одной пятой всего числа, столько же вышло из ближайших слобод и сел Верхотурского и Тобольского уездов, из остальных районов преобладают выходцы северных уездов и Приуралья — Соликамска, Кунгура, Вологды и др. Большое число выходцев из Тулы и заводов центра даже 17 лет после основания заводов особенно интересно, так как эти сведения подтверждают соображения, высказанные выше (см. главу III), о значительной роли рабочих и ремесленников центра в строительстве первых уральских заводов. Численность рабочих Невьянского завода по месту выхода (происхождению) видна из следующих цифр:

Тула и Тульский уезд [1]	61 чел.	Соль Вычегодская	7 чел.
Москва	8 »	Вологодский уезд	6 »
Подмосковные и др. заводы	49 »	Галицкий »	6 »
Верхотурский и Тобольский уезды	108 »	Уфимский »	6 »
Строгановские вотчины	37 »	Каргопольский, Кеврольский, Кайгородский, Олонецкий, Белозерский, Канский уезды	13 »
Приписные деревни	34 »	Ветлужский уезд	13 »
Кунгурский уезд	24 »	Нижний Новгород	3 »
Казанский »	21 »	Костромской уезд	3 »
Устюжский »	21 »	Симбирский »	2 »
Соликамский »	20 »	Воронежский, Ржевский и пр.	17 »
Важский »	17 »	Неизвестных мест	12 »
Тотьма	16 »		
Чердынский уезд	8 »		
Архангельский уезд	8 »		
Вятский уезд	7 »		
		Итого	516 чел.

[1] Вместе с Крапивенским уездом.

Таким образом, за первые 17 лет XVIII столетия поток рабочих на первый уральский завод шел из Тулы, Москвы, с подмосковных и других заводов (118 чел.), затем — из Приуралья и северных уездов и в меньшей степени из других районов.

По социальному признаку среди рабочих преобладали крестьяне, причем здесь так же, как это выяснено и в публикации в «Крепостной мануфактуре», отмечается преобладание дворцовых, государственных и монастырских крестьян. К помещичьим крестьянам можно отнести, главным образом, крестьян из строгановских вотчин; число других помещичьих крестьян вместе с демидовскими крепостными насчитывается лишь единицами; число посадских людей составляет 11% (61 чел.). В целом наблюдается значительная пестрота социального состава рабочих. Надо иметь в виду, что около половины сказок не содержат обозначения сословия; едва ли будет большой натяжкой отнесение этих рабочих к выходцам из крестьянства. С этой оговоркой, вносящей в наши цифры зна-

чительный элемент неточности и вероятности, состав рабочих может быть представлен следующим образом:

Крестьяне строгановских вотчин	37 чел.
Приписные	34 »
Монастырские	29 » ^[1]
Помещичьи и демидовские	12 »
Крестьяне Верхотурской и Тобольской слобод .	108 »
Посадские	61 »
Ремесленники Тулы и подмосковных	85 »
Бобыли и крестьяне (без точного обозначения) .	143 »
Церковные причетники	6 »
Стрелецкий сын	1 »
<hr/>	
Итого	516 чел.

[1] Включая 2 монастырских вкладчиков.

На долю помещичьих крестьян, включая в это число крестьян из строгановских вотчин и собственных демидовских людей, приходится немного — 49 чел., или 9.5%. Приписных к Невьянскому заводу среди мастеровых и работных людей было еще меньше — 34 чел., но приписные, повидимому, в большом количестве были заняты на подсобных работах, сечке дров, углежжении и др.; они не вошли в наши данные, как живущие в слободах и деревнях, а не при заводе. Наличие выходцев из других слобод — из посадских людей и в особенности из ремесленников Тулы и рабочих железных заводов центра делало состав рабочих особенно пестрым и своеобразным.

В 59 случаях отмечено, что рабочий «взят по указу»; это были преимущественно тульские оружейники и переведенные на Урал мастеровые с железных заводов центра. Но подавляющее большинство рабочих (308 чел.) явилось сюда «без отпуску». В первые годы был силен приток добровольцев, бежавших сюда без согласия вотчинников или властей; 13 человек пришли во время голода и неурожая.

Мастеровые Невьянского завода по профессиональному признаку делились следующим образом: наиболее значительная группа была занята в молотовых — 161 чел., включая мастеров, подмастерьев и работников; при домпах состоял 21 чел., при выделке дощатого железа — 6 чел.; имелись пушечный мастер, гранатный, бомбенный и ружейные мастера (всего 11 чел.); производство воздуходувных мехов обслуживали 3 мастера и 3 работника и т. д. Надо отметить 2 плотинных мастеров и большую группу плотников — 33 чел. При угольном деле состояло 6 мастеров, 48 рабочих при «уготовлении» угольных куч, и 11 чел. заняты были перевозкой угля; дровосеками обозначены 2 чел., однако надо помнить, что сечка дров, выжиг угля и перевозка возлагались на приписных крестьян, не вошедших в наши сведения (за исключением переведенных из деревни на завод); таким образом, сведения об этой группе особенно неполны. Кроме того, следует отметить значительную группу чернорабочих (78 чел.), занятых «всякой заводской работой» или «черной работой». На караванах с железом, направлявшихся к Макарьевской ярмарке, из состава мастеровых числилось в это время 12 чел. Конторский персонал представлен 6 подьячими. Кроме того, при заводе жили люди, не связанные непосредственно с заводским производством: торговцы продовольствием, портной, коновал и т. п., их было 7 чел.; наконец, 26 чел. «кормились в мире», т. е. нищенствовали.

Весьма значителен удельный вес наиболее квалифицированной и руководящей группы мастеров, их было 102 чел. различных специальностей.

Профессиональный состав рабочих Невьянского завода в 1717 г. представляется в следующем виде:

Молотовые мастера	71 чел.	Бронзики	2 чел.
Молотовые подмастерья	66 »	У котельного литья	1 »
Молотовые работники	24 »	Плотничные мастера	2 »
Доменные мастера	3 »	Плотники	33 »
Доменные подмастерья	7 »	Рудокопный мастер	1 »
Доменные литухи	3 »	Рудокопные работники	9 »
Доменные работники	4 »	Угольные мастера	6 »
Угольные «засыпки» при домне	4 »	Работники при угольных кучах	48 »
Дощатые мастера	2 »	Извозчики	11 »
Дощатые подмастерья	3 »	На судах	12 »
Дощатые работники	1 »	Подъячие	6 »
Пушечный мастер	1 »	Сторожа	7 »
Гранатный и бомбенный масте- ра	6 »	«Всякая работа»	78 »
Ружейные мастера	1 »	Дровосеки	2 »
Меховые мастера	3 »	Торговцы	7 »
Меховые работники	3 »	Нищие	26 »
Кузнечные мастера	2 »	Прочие	29 »
Кузнецы	8 »	Неизвестно	22 »

В заключение остановлюсь более внимательно на рабочих, переведенных из Тулы и с других железных заводов и составляющих весьма заметную группу мастеровых, особенно характерную для первых лет существования уральской промышленности; это были к тому же наиболее квалифицированные рабочие и руководящий персонал. Перешли к 1717 г. из центра на Невьянский завод:

Из Тулы	52 чел.	С Звенигородского и По- ротнинского заводов	7 чел.
Тульские крепостные Де- мидова	9 »	С Вепринского и Соломен- ского заводов	2 »
Из Москвы	8 »	Из Серпухова	1 »
С Сорокинского завода	23 »		
С Павловского завода	16 »		
		Итого	118 чел.

Половина всего числа перешедших из центра прибыла из Тулы и Тульского уезда; в большинстве случаев это были кузнецы и оружейники тульской казенной слободы, остальные вышли с железных заводов Воронина, Нарышкина и др.; общее число их (118) составляет 22.5% всего числа невянских мастеровых. Что это были наиболее квалифицированные рабочие, можно судить из того, что мастера, подмастерья и другие специалисты среди них составляли почти $\frac{3}{4}$ их числа (82 чел.), как это видно из следующих данных:

Молотовые мастера	40 чел.	Молотовые подмастерья	22 чел.
Доменные мастера	2 »	Поддоменные подмастерья	2 »
Ружейные мастера	4 »	Бронщик	1 »
Угольные мастера	4 »	Кузнецы	2 »
Гранатные и бомбенные ма- стера	2 »	Итого	27 чел.
Дощатый мастер	1 »		
Пушечный мастер	1 »	Прочие	36 чел.
Меховой мастер	1 »		
Итого	55 чел.	Всего	118 чел.

Насколько эта группа мастеровых была значительна, показывает сопоставление с общим числом наиболее квалифицированных мастеров и подмастерьев Невьянского завода. Всего мастеров на заводе было 102 чел.,

в том числе пришедших из Тулы, Москвы и с других заводов — 55, т. е. более половины. По времени прихода на Невьянский завод они относятся к наиболее старым кадрам завода, большая часть их пришла 9—10 лет назад и ранее. Однако из пришедших в первые годы по основании завода осталось к 1717 г. уже немного; одни умерли, другие, может быть, перешли на другие заводы. По времени прихода на Невьянский завод рабочие, перешедшие из Тулы и других городов и местностей, распределяются следующим образом:

1—8 лет назад	35 чел.	15 лет назад	13 чел.
9 » »	19 »	16 » »	1 »
10 » »	20 »	17 » »	16 »
11 » »	1 »	Ранее	4 »
12 » »	4 »	Неизвестно	1 »
13 » »	2 »		
14 » »	2 »		
		Итого	118 чел.

Из этих 118 рабочих лишь 35 чел., или $\frac{1}{3}$, были переведены «по указу», остальные $\frac{2}{3}$ пришли на Урал «без отпуску», т. е. добровольно, даже преодолевая, может быть, сопротивление местных властей, сбегав с прежних мест. Это указывает на известную притягательность уральских заводов на первых порах для мастеров и ремесленников центра.

Последующие переписи показывают изменения в составе рабочих. Характер этих изменений можно определить прежде всего как усиление крестьянского притока, преимущественно из Среднего Поволжья. Для характеристики рабочего состава последующего времени воспользуемся некоторыми данными из довольно обильного и разнообразного материала сказок и табелей, имеющих в нижнетагильском архиве и составленных около 1746—1748 гг. Приведу итоговые данные, показывающие состав рабочих Нижнетагильского завода к середине XVIII столетия: ³¹

Крепостные из демидовских вотчин	124 чел.
Пришлые: государственные и ясашные	189 »
Дворцовые	409 »
Синодальные, архиерейские и монастырские	125 »
Помещичьи	46 »
С других заводов, посадские и др.	56 »
Непомнящие родства	139 »
Незаконнорожденные	20 »
Итого	1 108 чел.
Родившиеся после ревизии	19 чел.
Явившиеся после ревизии	271 »
Прочие (из приписных и др.)	107 »
Всего	1 505 чел.

Эти сведения показывают, что в середине столетия крепостные из демидовских вотчин в составе рабочих Нижнетагильского завода были немногочисленны — 8.3% (124 чел.). Среди пришлых наибольшую часть составляли дворцовые и государственные крестьяне, на долю которых приходилось около 40% (598 чел.); помещичьих крестьян было немного, даже если присоединить к ним непомнящих родства, которые, вероятно, на деле являлись беглыми крестьянами, то их общее число составит 12%

³¹ Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 2, л. 163—164.

(185 чел.). Та же ведомость нижнетагильского архива показывает, что в указанное число (1505 чел.) входили 536 малолетних, составлявших $\frac{1}{3}$ общего числа, а также 363 куренных рабочих, 77 чел., состоявших «в разных заводских поденных работах», т. е. чернорабочих, и даже 162 чел., «ни в каких работах» не состоявших. Эти данные показывают большое количество необученных рабочих и малолетних на Нижнетагильском заводе, если только здесь не преобладают «обыватели» или вообще жители заводского поселка. Другой чертой, которую необходимо отметить, является значительное число старообрядцев среди демидовских рабочих: к расколу принадлежали 681 д. м. п. и 386 д. ж. п. Приведу некоторые из ревизских сказок рабочих Нижнетагильского завода: «Гаврило Иванов, 35 лет, родился Нижегородской губернии Керженской волости в лесах, а отец откуда бывал и какой человек неизвестно. На Нижно-Тагильской завод пришел в нынешнем 746 году, в расколе находится сроду, согласия Софонтьева. В нынешнюю ревизию для написания в подушной оклад и в раскол впервые явился в канцелярию генеральной ревизии и отдан при указе в Невьянскую заводскую кантору, а ис той канторы прислан на Нижно-Тагильской завод при ордере».³²

Рабочая сила Нижнетагильского завода в середине XVIII столетия наиболее значительно пополняется за счет притока крестьянства, в то время как пополнение из ремесленников и мастеровых других заводов сокращается или исчезает. Крестьянский приток направляется теперь не из северных уездов, а преимущественно из Поволжья; в особенности значительно число старообрядцев из Керженца Нижегородской губернии, переселившихся на уральские заводы. Эти явления обнаруживаются при детальном изучении сказок пришлых рабочих, находящихся в вотчинном демидовском архиве. Сказки эти относятся к 1759 г. и, в отличие от ревизских сказок, содержат довольно подробные сведения о каждой рабочей семье. Материал сказок является результатом обследования пришлых рабочих, которое производилось по указу екатеринбургского Главного правления горных заводов. Обследование должно было выяснить, «кто откуда родиной бывал и какой человек был», «записали в прежние переписи, когда пришел на завод» и т. п.³³ Сохранились копии сказок пришлых рабочих на заводах: Нижнетагильском, Черноисточинском, Висимо-Шайтанском, Лайском и в с. Покровском, всего 517 сказок. Мною изучены сказки пришлых рабочих Нижнетагильского завода, охватывающие 229 семейств. Произведенные подсчеты помогают уяснить изменения, происшедшие в составе рабочих по сравнению с изученными выше показаниями ландратской переписи. По месту

³² Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 2, л. 62. Другой пример: «Бурельщик Иван Петров сын Лаптев, 39 лет, родом Московской губернии Костромского уезду, Даниловской волости, села Даниловского, деревни Андриковой, дворцовой крестьянин. Оттуда сошел своею волею назад тому 25 лет и ходил по разным местам. На Нижно-Тагильской завод пришел в 730 году; подушной оклад впервых писан в 732 году в перепись полковника Толбузина при Нижно-Тагильском заводе, работает при том заводе рудным бурельщиком, плату получает по 8 коп. на день, сено заводчику ставит по 30 копек на год, плату получает за ставку и с вывозки против прочих. В расколе находится сроду, согласия Софонтьева, в том же расколе писан в 735 году в перепись шихтмистра Василия Старого и в 742 году при переписи подполковника Шишкова. Подушные деньги и за раскол оброку [платит] всего по 1 ру[блю] по 80 коп. на год, для платежа в казну и подушные в Нижно-Тагильскую заводскую кантору, а за раскол выборным, на что и отписи имеет. В нынешнюю ревизию в подушной оклад писан тем же расколом при Нижно-Тагильском заводе своим домом» (там же, л. 43).

³³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 15 «О пришлых на заводы». Результаты такого же обследования содержатся в Свердл. обл. арх., Дела Обер-бергамта, ф. 24, оп. 1, д. № 1622.

происхождения, или первоначального выхода, эти рабочие распределяются следующим образом:

Балахнинский уезд Нижегородской губ.	94 чел.
Нижегородская губ. (прочие уезды)	14 »
Казанская губ. (Сарапульский и др. уезды)	21 »
Костромской и Ярославский уезды	13 »
Московская губ.	22 »
Архангельский, Вологодский, Уфимский и Вятский уезды	21 »
Верхотурский, Сибирский и Кунгурский уезды	8 »
Родившиеся на заводах	19 »
Прочие районы и неизвестные места	17 »

Итого 229 чел.

Большая часть рабочих, как уже говорилось, пришла из Поволжья; Балахнинский уезд (главным образом Керженская волость) дал 41% общего числа. Большинство пришлых рабочих были дворцовыми и государственными крестьянами. Число помещичьих крестьян совсем незначительно, хотя в этом отношении сказкам всего менее можно доверять. Новостью является наличие взрослых рабочих, уже родившихся на заводах и являющихся потомственными уральскими рабочими. Социальный состав пришлых рабочих Нижнетагильского завода в 1759 г. рисуется в следующем виде:

Дворцовые крестьяне	129 чел.
Государственные и ясашные	31 »
Синодальные, архиерейские и монастырские	18 »
Помещичьи крестьяне	10 »
Родившиеся на заводах	16 »
Посадские и купцы	8 »
Приписные крестьяне	3 »
Прочие	14 »

Итого 229 чел.

Значительный интерес представляют данные о времени выхода пришлых рабочих с их прежних мест. Все они вышли давно, не ранее чем 15 лет назад; отсутствие приходов на завод за последние полтора десятка лет следует объяснить более строгими мерами правительства против приема беглых, а также, вероятно, закрепощением заводских рабочих; люди, ушедшие с прежних мест, очевидно, не желали оказаться на новом месте крепостными заводчика. Время выхода пришлых рабочих с своих первоначальных мест представлено в следующих цифрах:

1—14 лет назад	— чел.	31—32 года назад	11 чел.
15—16 » »	10 »	33—34 » »	5 »
17—18 » »	14 »	35—36 лет »	8 »
19—20 » »	22 »	37—38 » »	5 »
21—22 года »	12 »	39—40 » »	14 »
23—24 » »	11 »	Более 40 лет назад	13 »
25—26 лет »	32 »	Неизвестно	44 »
27—28 » »	8 »		
29—30 » »	20 »		

Итого 229 чел.

Максимум выходов приходится на время 26—25 лет назад, т. е. на 1734—1735 гг. Эти годы были временем неурожая и голода. В апреле голодного 1734 г. вышел указ, чтобы помещики и управляющие именьями кормили своих крестьян и по миру ходить не позволяли, но указы не имели надле-

жащего действия.³⁴ Уход крестьян также связан с неурожаями и голодовками, часты указания на уход с прежнего места «за хлебной скудостью»; таких случаев можно насчитать 58, т. е. 25%. О некоторых сказано, что до прихода на завод, «ходя по миру, кормился милостыней»; таких случаев было не менее 40, т. е. 18%. Кроме того, 24 чел., прежде чем притти на завод, «наймовались», т. е. работали по найму на волжских судах. Перед нами люди обедневшие, разорившиеся или нищенствовавшие до прихода на завод, как это видно и из того, что 56 чел. оказались круглыми сиротами; в 24 случаях выходу предшествовала смерть отца, часты указания на смерть матери или мужа. В таких случаях говорится, что пришедшие остались одни и были воспитаны чужими людьми и т. п.

Особенно показательны жизненные перипетии людей, не сразу перешедших с родины на завод, а до этого пытавшихся обосноваться в других местах. Многократные переходы с места на место отмечены в 44 случаях (т. е. 20%). Так, бывший мастер по сверлению пушек Иван Белой, 36 лет, родом из Юрьевецкого уезда Нижегородской губернии, «за хлебной скудостью сошел в возрасте 17 лет в Пыскорский монастырь, наймаясь в работу, ходил на соляных лодьях 3 года» и лишь затем направился на завод. Особенно часты переходы в «Висимские леса», где впоследствии возник Висимо-Уткинский завод Демидова. Чернорабочий Сальников, 32 лет, родом дворцовый крестьянин Балахнинского уезда, Керженской волости, потерял в детстве отца, его мать переселилась с ним 27 лет назад в Царевосанчурский уезд, откуда он пришел 15 лет назад на Нижнетагильский завод. У 60-летнего плотника Чарона не менее сложная биография: крепостной крестьянин из Пошехонья, переселился с родителями в Балахнинский уезд, Нижегородской губернии, а по смерти отца переехал с матерью в Казанскую губернию, в с. Березники, откуда 23 года назад пришел на Нижнетагильский завод. Рудотолчейщик Логин Колымагин, 41 года, синодальный крестьянин из Московской губернии, потерял мать, и 34 года назад отец «свел» его с родных мест, и они «шатались по разным российским городам 3 года, питались милостыней», затем пришли на Нижнетагильский завод, но отец 5 лет назад бежал с завода.

Итак, среди пришедших рабочих преобладает беднота. Судьба ее является полной противоположностью, например, многим крестьянам, бежавшим в XVII столетии из центральных районов страны на юг, к Дону. Туда нередко шли многосемейные и зажиточные крестьяне, побег которых от помещика носил характер хорошо подготовленного переселения: люди отправлялись со скотом, с возами, груженными хлебом и имуществом.³⁵ Для пришедших рабочих Нижнетагильского завода, наоборот, как указывалось, характерной является фигура обнищавшего крестьянина, сироты, гонимого лишениями с родины на завод.

По профессиональному составу пришедшие рабочие Нижнетагильского завода также сильно отличаются от первых пришельцев; даже много лет после прихода масса пришедших больше чем наполовину состояла из чернорабочих, дровосеков и т. п.; напротив, обученные рабочие, мастера и

³⁴ С. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. IV, стр. 1434—1435.

³⁵ А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в.— Историч. зап., 1945, № 16, стр. 58—64.

подмастерья насчитывались единицами. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Чернорабочие и на «всякой заводской работе» . . .	98 чел.
Дровосеки	43 »
Плотники	9 »
Каменщики	6 »
Кучеклады, кучеосыпщики и пр.	7 »
Молотовые мастера	4 »
Молотовые подмастерья	6 »
Приказчики и служители	4 »
Доменные подмастерья	2 »
Пильный мастер	1 »
Мастер «у дела молотов»	1 »
Рабочие «у толчения руды» и рудотаскатели у домны	3 »
Угленосы у домны	2 »
Ученики кузнечные и слесарные	2 »
За старостью не работают	5 »
Вдовы	15 »
Жены беглых рабочих	6 »
Прочие	20 »

И т о г о 234 чел. [1]

[1] Большое число (234 вместо 229) по сравнению с предыдущими выводами зависит от включения в отдельных случаях работающих членов семей.

Сведения о возрастном составе, может быть, недостаточны для широких выводов, ввиду небольшого числа вошедших в подсчет рабочих, а также потому, что здесь представлены преимущественно главы семей, а не другие, более молодые члены семейств. Среди этой группы рабочих преобладают 20- и 30-летние; число лиц, не достигших 40 лет, составляет среди пришлых рабочих 40% (92 чел. из 229). Число рабочих 40-летнего возраста и в особенности старше 50 лет резко снижается по сравнению с другими возрастными группами, что, может быть, стоит в связи с тяжестью работы и быстрой изнашиваемостью рабочих. По возрасту пришлые рабочие Нижнетагильского завода в 1759 г. распределяются следующим образом:

До 20 лет	1 чел.	60—69 лет	29 чел.
20—29 »	13 »	70 лет и выше	15 » [1]
30—39 »	79 »	Неизвестно	3 » [2]
40—49 »	54 »		
50—59 »	35 »		
		И т о г о	229 чел.

[1] Включены 2 вдовы. [2] Включена 1 вдова.

По сравнению с приведенными выше сведениями о рабочих 1717 г. теперь преобладает молодой возраст. Более равномерное распределение по возрастам и более старший возраст в 1717 г. по сравнению с 1759 г. следует объяснить большим числом в первые годы квалифицированных и руководящих кадров мастеров с длительным стажем.

Итак, формирование кадров заводских рабочих на Урале шло не только за счет местного уральского населения, но в значительной мере за счет переселения из других местностей. Вначале, при основании первых заводов, это были мастера Тулы и заводов центра, а также крестьяне северных районов, затем на смену им пришли крестьяне Поволжья, преимущественно из старообрядческих районов, в значительной мере уже разорив-

шиеся, из сирот, нищих и других слоев, потерявших связь с сельским хозяйством.

На уральских заводах эта масса рабочего люда постепенно прибиралась к рукам заводчиками и превращалась в крепостных.

Правительственные распоряжения, на основе которых происходило закрепощение заводских рабочих на Урале, начинаются вслед за выходом знаменитого указа 18 января 1721 г. о разрешении заводчикам покупать крестьян к фабрикам и заводам. В 1722 г. (15 марта) именным указом было предписано произвести перепись рабочих на заводах с указанием их происхождения, но при этом запрещалось отсылать беглых их прежним владельцам. Именным указом 18 июля того же 1722 г., во время персидской войны, было запрещено отдавать с заводов рабочих и учеников, хотя бы они были беглыми.³⁶ Указ этот мотивировался тем, что в фабриках «чинится остановка». В связи с этим 26 сентября 1722 г. к Никите Демидову был направлен из Берг-коллегии указ, в котором повторялось содержание прежних указов с запрещением выдавать кому бы то ни было беглых с фабрик и заводов до возвращения царя из похода: «А в которой фабрике есть чьи беглые люди, то их только велеть переписать». О производстве переписи были разосланы сенатские указы и распоряжения Берг-коллегии.³⁷ На уральских демидовских заводах перепись была произведена Солнцевым. В следующем году в связи с переписью было приказано, что если кто-либо из беглых, обученных там мастерству, будет необходим заводчику, то он имеет право удержать мастера у себя, уплатив помещику 50 руб. Это же правило было подтверждено плакатом 1724 г., согласно которому устанавливается обязательная уплата помещику 50 руб. за беглого мастера, обучившегося какому-либо мастерству на заводе.³⁸ В 1725 г. 20 апреля последовал сенатский указ о беглых людях, оказавшихся при переписи на сибирских заводах; уплату подушного сбора и даже помещичьего оброка предписывалось промышленникам производить путем вычета из заработка беглого рабочего.³⁹

В 1732 г. указом Сената 30 июня о подсудности горных заводов вновь учрежденному Обер-бергамту запрещалось принимать на заводы беспаспортных, а пришлых рабочих из монастырских, дворцовых и помещичьих крестьян предписывалось высылать на места прежнего их жительства; 10 ноября того же 1732 г. было приказано произвести на заводах новую перепись,⁴⁰ причем запрещалось отсылать с заводов беглых, впредь до нового указа, но предписывалось переписать их с разделением на пришедших до первой ревизии и после нее. Судьба их была решена именным указом 7 января 1736 г.⁴¹ «Не нужно было быть непременно беглым, чтобы попасть в число людей, навсегда прикрепленных к фабрике», говорит по поводу этого указа В. И. Семевский.⁴² Указ закреплял навсегда за фабриками всех людей, обученных какому-либо мастерству, с исключением их из подушного оклада на местах их прежнего жительства; они должны были оставаться на заводах вечно, и поэтому с тех пор стали называться «вечноотданными». Заводчики обязаны были заплатить за них прежним владельцам по определенной таксе: по 30 руб. за холостых и по 50 руб. за семью с детьми (мальчиками моложе

³⁶ ПСЗ, т. VI, № 3919 и 4055.

³⁷ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 66.

³⁸ ПСЗ, т. VII, № 4145 и 4533.

³⁹ Там же, т. VII, № 4699.

⁴⁰ Там же, т. VIII, № 6107 и 6255.

⁴¹ Там же, т. IX, № 6858.

⁴² В. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, СПб., 1881, т. I, стр. 400.

10—15 лет). Эти суммы уплачивались заводчиками через Сенат помещикам или крестьянским обществам. На фабриках должны были оставаться и непомнящие родства (так чаще всего называли себя беглые помещичьи крестьяне), пока не обнаружатся их владельцы. За непомнящих родства заводчики ничего не платили.

Резолюцией имп. Анны 12 ноября 1736 г. это же постановление было вновь подтверждено в отношении демидовских заводов. В ответ на прошение Акинфия Демидова этой резолюцией указывалось пришлым рабочим из государственных, дворцовых, синодальных и монастырских крестьян, обучившихся мастерству, «быть при его заводах вечно»; они должны были быть приписаны к казенным слободам, отведенным к его заводам; Демидов обязывался платить за них подушные, а вместо помещичьих крестьян должен был отдать их владельцам такое же число крестьян из своих вотчин.⁴³ Манифестом 16 ноября 1737 г. предписывалось произвести новую перепись мастеровых, выяснить срок их пребывания на заводах, но не отбирать их от заводчиков.⁴⁴ В следующем году было подтверждено постановление о вечноотданных людях. В именном указе 29 марта 1738 г., изданном также в ответ на челобитье Ак. Демидова, предписано «пришлым на его Демидова заводы синодальным, монастырским и государственным крестьянам», записанным в перепись Толбузина в 1732 г. на Урале и в 1735 г. — на томских его заводах, обученным мастерству, «быть при его заводах вечно и приписать к казенным слободам»; вместо помещичьих беглых крестьян он должен был возвратит других из своих же крепостных; впредь запрещалось принимать на заводы беглых и беспаспортных людей.⁴⁵ Тогда же было постановлено произвести вновь перепись с учетом раскольников, которые должны были платить двойную подать.⁴⁶ В 1743 и 1744 гг. повторялись в связи с новой ревизией запрещения принимать беглых и вместе с тем предписано оставлять на фабриках мастеровых, отданных заводчикам по прежним указам.⁴⁷ Из более позднего указа узнаем об одном существенном изменении в практике этих постановлений, и притом к ущербу для рабочих: решено было пришлых демидовских крестьян не причислять к казенным слободам, как это требовалось указами 1736 г., т. е. не считать приписными; они рассматривались наравне с крепостными, и было приказано их «из упомянутых казенных слобод выключить» и считать в подушном окладе вместе с его крепостными людьми.⁴⁸ В 1746 г. сенатским указом навсегда были оставлены на заводах непомнящие родства.⁴⁹

Большое значение имели указы 50-х годов. Именным указом 13 мая 1754 г. предписывалось оставлять на заводах тех, кто были прикреплены по прежним указам, но вновь пришедших следовало возвращать, хотя бы они и были обучены мастерству, с уплатой в пользу прежних владельцев 100 руб. за мужчину и 50 руб. за женщину; прием беглых после этого указа должен был караться штрафом в двойном размере (200 руб. за мужчину и 100 руб. за женщину). Наконец, 30 декабря 1755 г. последовал обширный сенатский указ,⁵⁰ в котором приведена численность пришлых

⁴³ И. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи, Екатеринбург, 1810, ч. 1, стр. 178—179.

⁴⁴ ПСЗ, т. X, № 7438.

⁴⁵ Там же, № 7548, 1738.

⁴⁶ Там же, № 7663.

⁴⁷ Там же, т. XI, № 8620 и 8836.

⁴⁸ Об этом говорится, между прочим, в указе 30 декабря 1755 г.— ПСЗ, т. XIV, № 10494.

⁴⁹ Этого указа нет в ПСЗ, но Семейский отмечает его по упоминанию в указе 30 декабря 1755 г. См. В. Семейский. Цит. соч., т. I, стр. 443.

⁵⁰ ПСЗ, т. XIV, № 10494; тот же указ в ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 17, л. 5 сл.

рабочих на частных и казенных заводах и изложены прежние указы. Вновь подтверждалось запрещение принимать беглых и в то же время разрешалось оставлять на заводах записанных в переписи с компенсацией помещиков и с платежом штрафов.

Сохранилась объемистая «роспись», сколько Н. А. Демидов должен был уплатить за пришлых из разных мест, находящихся при Нижнетагильском и других его заводах на основании указов 1736 и 1755 гг. В ней перечислено 629 д. м. п. (глав семьи) и вдов, за которых следовало к уплате 20 685 руб. Этот расчет сделан в полном соответствии с указами: например, за дворцовых крестьян Московской губернии, из с. Орехово-Зуева, за умершего А. К. Пирогова надо было уплатить 30 руб., за жену его, также умершую, пришлую из Керженского района Нижегородской губернии, — 5 руб., за ее беглого сына — 20 руб. и т. д.⁵¹

В связи с многочисленными указами о беглых и о закреплении их на заводах находится сложная номенклатура рабочих в табелях и ведомостях того времени. Во время волнений уральских рабочих в 1762 г. приехавший для усмирения кн. Вяземский разыграл роль крестьянского защитника; он провел различие между мастеровыми и работными людьми, записанными в перепись мастеровых 1722 г. (перепись Солнцева) и в последующие переписи, включая вторую ревизию. Первые были им признаны государственными крестьянами, приписными к заводам, так как, по его мнению, они никаким указом не были объявлены крепостными заводчиков. Напротив, пришлые люди, записанные в подушный оклад в последующие переписи, были признаны крепостными.⁵² Это облегчение, однако, распространялось на ничтожную часть мастеровых, так как лиц, записанных в 1722 г. и признанных в 1763 г. «государственными заводскими людьми», оказалось на Нижнетагильском заводе 67 чел., а вместе с Выйским, Черноисточинским и Висимо-Шайтанским заводами — 112.⁵³

Во второй половине XVIII столетия состав рабочих, или, точнее говоря, их номенклатура и классификация, упрощаются. При собирании Берг-коллегией сведений о численности заводских рабочих обычно отмечались указы и переписи, которыми они прикреплялись к заводам.⁵⁴ По сведениям 1747—1749 гг., по 12 заводам Ак. Демидова численность рабочих и крестьян и их состав были следующие:⁵⁵

1. Данных по указу 1703 г. Аятской и Краснопольской слобод и с. Покровского крестьян	3 630 чел. (26.7%)
2. «Мастеровых и работных людей по разным в прошлых годах переписям в окладных книгах написаны и в подушной оклад положены»	5 461 » (40.1%)
3. «Отданных от ревизии незаконнорожденных и не помнящих родства»	592 » (4.3%)
4. «Крепостных, кои переведены . . . ис покупных у разных помещиков»	3 248 » (24.0%)
5. Оставленных от ревизии из пришлых разных губерний до указу	675 » (4.9%)
Итого . . .	13 606 чел. (100%)

В этой ведомости перечислены указы 1703, 1736, 1768 гг. и отмечено, что за мастеровых и работных людей и оставленных до указа, а также за

⁵¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 31, л. 1—1 об.

⁵² ПСЗ, т. XV, № 11790, указ 9 апреля 1763 г.; ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 104, л. 47.

⁵³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 17, л. 14—16 (копия с заключения кн. Вяземского) и 17—20.

⁵⁴ Напр., в Делах Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 418 об., ведомость рабочих по 12 заводам Ак. Демидова с перечислением указов.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 70—70 об. и 243—247.

слободских крестьян (приписных) платится подушная по 70 и 40 коп., т. е. так же, как и за государственных крестьян, а за крепостных крестьян — только 70 коп. Если отвлечься от мелких подразделений, то всех заводских крестьян и рабочих можно разделить на три группы: 1) приписных крестьян (3630 чел.), 2) пришлых рабочих, записанных в переписи (6728 чел.), и 3) крепостных демидовских людей (3248 чел.). Общее число их составляло 13 606 чел.

Во второй половине столетия вместе с закрепощением номенклатура упрощается, и многочисленные группы рабочих сливаются в немногие разделы. В 1763 г. в ведомости, составленной накануне третьей ревизии, отмечены лишь три группы рабочих, частью различающихся размером подушного оклада: 1) «состоявших в 7-ми и 4-регривенном окладе, данных по указом мастеровых и работных людей, счисляющихся по определению господина кн. Вяземского государственными заводскими людьми»; 2) «в 7-ми и 4-регривенном окладе мастеровых же и работных людей, вечноотданных по указу и сверстанных с крепостными оногo г. Демидова людьми, кои к тому утверждению подлежат ныне в 7-мигривенный оклад»; 3) «в 7-мигривенном окладе крепостных оногo госп. Демидова крестьян». Первая группа — из прибывших до 1722 г. и приравненных кн. Вяземским к государственным крестьянам должна была платить подобно государственным по 1 р. 10 к. с души; вторая группа, куда вошло большинство пришлых крестьян, — по 70 коп. с души наравне с крепостными (это — «вечноотданные» по различным указам), и третья — купленные владельцем его собственные крепостные, которые платили по 70 коп.; наконец, имелось ничтожное число незаконнорожденных, а также не положенных в подушный оклад из башкирцев и солдат.⁵⁶

В ведомости за 1770 г., составленной в нижнетагильской заводской конторе, мы находим деление заводских рабочих на три группы: 1) государственных, 2) «сверстанных с крепостными» и 3) крепостных. Первая группа очень незначительна, вторая, очевидно, сложилась из крепостных и приписных рабочих, закрепощенных в силу ряда указов, а третья состоит из собственных или купленных демидовских крепостных. Так, при Нижнетагильском заводе в 1770 г. находилось следующее количество людей:⁵⁷

	Мужчин	Женщин
Государственных	127	113
«Сверстанных с крепостными» . .	1 352	1 303
Крепостных	1 027	929
Итого	2 506	2 345

Сюда не вошли приписные крестьяне, сверх того имелось небольшое число рабочих, не положенных в подушный оклад (солдатских детей и башкир) или положенных в подушный оклад в демидовских вотчинах, кашинской, арзамасской и др. Общее число рабочих и приписных крестьян на всех заводах Нижнетагильской группы составляло в это время 6916 д. м. п. и 6709 д. ж. п., итого 13 625 чел. обоего пола. Таким образом, стирались грани между отдельными группами рабочих, и подавляющее большинство их превращено было в крепостных Демидовых или в «сверстанных с крепостными».

В конце столетия из ведомостей и домовой переписки исчезает деление заводских рабочих на какие-либо группы (кроме выделения приписных крестьян), т. е. все они признаются крепостными. В ведомости, со-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 30, л. 550—550 об.

⁵⁷ Там же, д. № 112. Переписка Нижнетагильского завода с московской конторой 1770 г.

Сведения о рабочих на заводах Н. А. Демидова в 1795 г.

Возраст	З а в о д ы								
	Нижне-тагильский	Выйский	Лайские	Нижне-салдинский	Верхне-салдинский	Черносто-чинский	Висимо-Уткинский	Висимо-Шайтанский	Вместе
Малолетних до 15 лет	1 205	308	68	622	238	292	339	148	3 220
Взрослых 15—60 лет	1 809	471	153	804	278	505	410	198	4 628
Престарелых свыше 60 лет	194	57	8	89	10	45	23	17	443
Приказчиков, служителей и пр.	156	10	4	20	12	13	20	8	243
Итого	3 364	846	233	1 535	538	855	792	371	8 534

ставленной в заводской конторе по данным 5-й ревизии в 1795 г., приводятся сведения лишь в двух разрезах: по возрасту и по профессии. Данные из этой «ведомости об имеющихся при нижеозначенных заводах написанных в нынешнюю пятую ревизию людям»⁵⁸ приведены в табл. 68.

В той же ведомости содержатся ценные сведения о специальностях взрослых рабочих от 15 до 60 лет (4628 чел.), но прежде чем остановиться на них, используем более ранние данные о профессии рабочих.

Выше приведены были соответствующие данные за 1717 г. по Невьянскому заводу. Аналогичные сведения по Нижнетагильскому заводу,⁵⁹ относящиеся, вероятно, к 1747 г., содержатся в перечне, включающем данные о всем мужском населении при Нижнетагильском заводе.

«Звание людей»	«Звание людей»
При конторе: приказчик	Меховых: мастер
подьячих	подмастерье
служителей	Рудных: надзирателей
Доменных: подмастерьев	работников
работников	Известной мастер
Молотовых: мастеров	Каменщиков
подмастерьев	Находящихся в куренных работах:
работников	надзирателей
Плющильных: мастер	угольных мастеров
работник	дровосеков
Проволочных: мастер	кучекладов
подмастерье	кучеосыпщиков
работников	кучеломов
У сверления и отделки пушек:	В разных заводских поденных ра-
мастеров	ботах
слесарей	Коробников, бочкарей, колесников,
Кузнецов: мастеров	конопатчиков
работников	Струговой сплавщик
Фурмовых: мастер	Сторожей при фабриках
подмастерьев	Дворовых
работников	«Ни в каких работах»
Гармакерских мастеров	Всяких мастеров остальных
Плотничный мастер	Малолетних
Плотников	
Пильных: мастер	
подмастерье	
работников	
	Итого 1 505

⁵⁸ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 64, л. 518 об., 519.

⁵⁹ Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 2, л. 163—164.

В этом перечне следует выделить рабочих, занятых на самом производстве, в специальностях которых отразилось разделение труда на мануфактуре: это «частичный рабочий», занятый определенной, более или менее узкой работой — при домне, в молотовых, при плющении, в выработке проволоки, при гармахерских печах, т. е. при выплавке меди, и т. п. Если причислить сюда рабочих на производстве мехов, а также плотников и кузнецов, то общее число специализированных рабочих, занятых на производстве, составит 281 чел. Они делились на мастеров, подмастерьев и работников; первых было 79, вторых — 47, третьих — 104; вне этих подразделений было: слесарей — 2, плотников — 49. На угольных куренях также имелось 9 мастеров; кроме того, были известной мастер, каменщики и т. д. Число рабочих, занятых на самом производстве, в различных цехах, включая сюда не только квалифицированных специалистов, мастеров и подмастерьев, но и работников, было невелико по сравнению с огромным количеством людей, занятых на подсобных работах. Прежде всего надо отметить группу рабочих «в разных заводских поденных работах» (77 чел.), которых в сказках 1717 г. часто называют чернорабочими; на сечке дров и куренных работах состояло 363 чел., на рудных работах — 30. Всего, не считая малолетних, из которых число работающих нам неизвестно, на подсобных работах занято было 520 чел. против 290 чел. в цехах, в конторе и т. п. Здесь не перечислены приписные крестьяне, временно работающие на рубке леса и выжиге угля.

Перед нами вырисовываются характерные черты крупной промышленности в форме мануфактуры — специализация рабочих и разделение труда; при этом небольшое число квалифицированных рабочих сочетается с наличием значительной массы необученных работников. «Мануфактура в собственном смысле этого слова не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает кроме того иерархическую лестницу среди самих рабочих», говорит Маркс.⁶⁰ Другой особенностью является привлечение в несбывало до того широких размерах необученного труда: мануфактура создает «в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которых строго исключала ремесленная организация производства... Наряду с иерархическими степенями выступает простое деление на обученных и необученных».⁶¹

В связи с этим возросшим применением необученных рабочих стоит эксплуатация в огромной степени детского труда. Выше приводилось уже свидетельство Гмелина, относящееся к 1742 г. «На Невьянском заводе, — рассказывает Гмелин, — я видел мальчиков от 7 до 8 лет, которые делали чашки из латуни и всякую посуду из этого металла. Они оплачивались в меру своей работы, к которой они привыкают с ранних лет». Еще большее число малолетних работало на рудниках. Он сообщает, что гора Магнитная, с которой снабжались рудой Нижнетагильский и Невьянский заводы, вся изрыта ямами; «немногие взрослые рабочие ломают руду, большое число девочек и мальчиков от 8 до 12 лет собирают в кучи». Гмелин называет это «редким зрелищем».⁶² Паллас видел здесь же четверть века спустя до 400 работающих детей.

Для характеристики состава рабочих в конце столетия имеется, например, ведомость, составленная нижнетагильской заводской конторой; она содержит цифровые данные по 5-й ревизии по всем заводам, принадлежавшим Н. А. Демидову, а после — его сыну. В ней распре-

⁶⁰ К. Маркс. Капитал, Партиздат, 1937, т. I, гл. XII, стр. 342.

⁶¹ Там же, стр. 332.

⁶² I. G m e l i n. Reise durch Sibirien, Bd. IV, S. 412—414.

делено по производствам все взрослое мужское население (от 15 до 60 лет).⁶³

В 1795 г. из всего числа взрослых рабочих и обывателей нижнетагильской группы заводов (4628 чел.) были заняты на производстве в цехах 2146 чел., или 46.4%; несколько большее число, именно 2328 чел., или 50.3%, работали на рубке леса, по выжигу угля, выделке кирпича и на других работах подсобного характера, и 154 чел., или 3.3% взрослого мужского населения, не работало (больные и увечные). Разделение труда приводило к тому, что в доменном производстве состояло 112 чел., или 5% производственных рабочих; всего более рабочих было в кричном производстве (при ковке железа) — 691 чел., или почти 33% работающих в цехах; небольшие группы рабочих (по 28—58 чел.) были заняты пlyingем железа, расковкой дочатого железа и состояли «при деле уклада и стали». Значительное число рабочих занималось производством средств производства для своего завода; сюда относится выделка молотов и пятников к ним, плотничные работы (210 плотников, или 10%), изготовление воздуходувных мехов и т. п. На заводе 563 чел. состояло «в простых рабочих», т. е. более 26% производственных рабочих были чернорабочими. За вычетом их число обученных рабочих можно считать не более 1579 чел., или менее 33% всех взрослых. Эти данные, таким образом, свидетельствуют, что разделение труда сочеталось с применением в широких размерах необученных рабочих.⁶⁴

Число квалифицированных рабочих было еще меньше, так как в число людей, состоявших при домнах, в молотовых и в других цехах, вошли наряду с мастерами и подмастерьями также и рабочие. Об этом свидетельствует, например, сметная ведомость, относящаяся к тому же 1795 г.⁶⁵ При общем числе 2664 рабочих на Нижнетагильском заводе число мастеров составляло, по этим данным, 423 чел. (16%), подмастерьев — 312 чел. (11.7%); в итоге мастера и подмастерья, т. е. наиболее квалифицированные кадры, составляли немногим более четверти всего числа рабочих (27.7%). На сечку дров, углежжение и на перевозки всякого рода нужно было огромное количество рабочих, для чего сверх заводского населения при влекались приписные крестьяне.⁶⁶

⁶³ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 64, л. 518 об.

⁶⁴ В той же ведомости 1795 г. приведены данные о мелкой промышленности, выросшей вокруг крупных заводов, о знаменитом производстве лакировочных железных изделий (подносы и т. п.), сундучном и др.; вокруг тех же демидовских заводов группировалось 17 кузниц, 12 лакировочных «фабрик», 8 столярных, в которых производится «дело и оковка сундуков», 8 токарных, 3 мыловаренных, 9 «шваленных», 15 кожевенных и др., всего значится 85 заведений с общим числом 137 людей, т. е. это были мелкие кустари. При Нижнетагильском заводе, кроме того, был еще 141 ремесленник, «работающих по домам в жилых избах», в том числе сундучников, работающих на дому, было 38, лакировщиков и посудокрасильщиков — 7, «при деле подносов и прочей металлической посуды и слесарных вещей» — 73 и т. д. Таким образом, вокруг заводов образовались мелкие заведения в виде особых мастерских («фабрик»), а иногда работа производилась на дому (Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 64, л. 519 об.).

⁶⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 64, л. 215 сл.

⁶⁶ Эта же ведомость 1795 г. включает также цифры ожидаемой продукции на год, что в сопоставлении с числом рабочих позволяет представить производительность труда. В этих целях просуммируем по всем заводам нижнетагильской группы предполагаемую выплавку чугуна и выковку железа в 1795 г. и разделим эти цифры на число рабочих:

Число домен	5	
Число рабочих (при домне и рудобойном молоте)	125	
Выплавка чугуна в год	504	тыс. пуд.
То же на 1 домну	100	» »
Кричных мастеров	44	чел.
Рабочих в молотовых	692	»
Выковка железа в год	139 381	пуд.
То же на 1 молот	7 300	»
То же на 1 рабочего	4 600	»

О значительном числе рабочих различных возрастов и групп, занятых на углежжении, отчетливое представление дает «Книга мемориальная» Григория Махотина и «штат» Нижнетагильского завода, использованные в предыдущей главе. Мы видели, что на рубке леса и выжиге угля на Нижнетагильском заводе были заняты в 1764 г. 2030 рабочих. На Невьянском заводе, по данным Махотина, в рубке леса участвовало 560 чел., разделенных на 18 групп, или «статей», по 31 чел. в каждой. Рубка леса должна была начаться с 1 февраля, а к 1 ноября заготовленные дрова осматривались надсмотрщиком со старостой и угольным мастером. Каждый рабочий должен был вырубить не менее 30 саж., при невыполнении этой нормы предписывалось «ленивцев наказывать батогами». Перевозка производилась «при всех заводах к молотовым фабрикам мастерскими, подмастерскими и работническими детьми», а в случае простоев на заводе и самими заводскими рабочими.⁶⁷ С приписными крестьянами и с заводскими «обывателями», т. е. с крепостными, заключался заводской конторой договор на рубку леса и выжиг угля с указанием заработной платы, сроков и других условий. Образцы договоров напечатаны в приложении к книге Д. Капинцева «История металлургии Урала».⁶⁸

Подводя итоги, следует напомнить, что рабочие кадры первых демидовских заводов создались сложными путями. Перевод мастеров и ремесленников из Тулы, Москвы и с крупных заводов в начале века сочетался с крестьянской волной из Приуралья и северных уездов. Затем, во вторую четверть века, пришлые рабочие, по крайней мере на Нижнетагильском заводе, рекрутировались из Поволжья, в особенности из старообрядческих районов. Ко второй половине столетия на заводах имелись уже давно пришедшие кадры, сросшиеся с заводом, частью даже здесь родившиеся. Прежде чем притти на заводы, значительная часть из них испытала голод, неурожай, столь сильные в середине 30-х годов, нищенствовала или подолгу работала «из найму». Короче сказать, часть рабочих

Эти цифры производительности труда следует признать достаточно высокими. В 1767 г. в среднем по всей стране выплавка на 1 домну составляла 53 тыс. пуд., и только в первой половине XIX в. она составила 96—99 тыс. пуд. на домну; выплавка на 1 рабочего (4600 пуд.) близка к средней цифре по уральской металлургии до 1801 г. (4190 пуд.). Производство железа на заводах Н. А. Демидова составляло 7.3 тыс. пуд. на 1 молот, что превышало средние данные за 1767 г. (6.2 тыс. пуд.). См. С. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 175, 177, 182, 245.

⁶⁷ Свердл. обл. арх., «Книга мемориальная» Г. Махотина, л. 147—195.

⁶⁸ При изучении заводских кадров можно отметить отдельный случай приглашения на завод иностранного специалиста. Это был резчик по дереву, совмещавший с этим изобретательство, Осип Шталмеер. Его работа должна была состоять прежде всего в выполнении для нижнетагильской церкви резного иконостаса, кроме того, он обязывался согласно модели «для произведения в совершенное действие железотягольной в квадрат машины сделать в самой практике из чугуна или железа настоящую машину». Очевидно, речь идет о «машине» по выделке четвероугольного железа. В контракт включено было также обязательство произвести другие технические улучшения, которые могли бы служить «ко облегчению машин и для избежания большого употребления людства». Он говорит также о каких-то улучшениях по «подъему мехов и пропорции колес»; ему обещано уплатить за два года 1600 руб. Этот иностранец — резчик по дереву — является изобретателем какой-то машины по прокату железа и наряду с этим обещает внести улучшения в устройство воздуходушных мехов и водяных колес. В марте 1770 г. Шталмеер уже был в Нижнем Тагиле. В декабре того же 1770 г. Демидов запрашивает заводскую контору, как работает иноземец, и требует сообщить, есть ли от него толк. (ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 112, л. 159—160, л. 108, 275, 290 об., 326). Позднее тагильский изобретатель Егор Жепинский сделал новую катальную машину, которая оказалась «против прежней шталмеровоной способнее». В. В. Данилевский. Русская техника, Л., 1947, стр. 174. Этот же русский мастер сделал в 1777 г. «мелкопульный винтовочный ствол» и маленькую винтовочку, отосланные к владельцу в Москву. — ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 38. «Репорты Нижнетагильской конторы» 1777 г., л. 209.

уже до прихода на завод лишилась средств производства, своей земли или собственного угла.

Другая часть рабочих составила из крепостных Демидовых, переведенных из вотчин. Владельцы систематически переводили часть крестьян на заводы, выбирая для этого бедняков, бестягольных или наказываемой ссылкой на заводы провинившихся зажиточных крестьян. На заводскую работу крестьяне посылались и временно; кроме того, ежегодно из вотчин должно было отправляться определенное число крестьян для обслуживания караванов с железом. Гужевая перевозка железа с Дубенской пристани в Москву частично выполнялась в порядке повинности, но главным образом проводилась путем найма извозчиков из своих же крепостных крестьян. Эта эксплуатация вотчин в целях снабжения заводов рабочей силой, постоянной и временной, делала вотчины своеобразным придатком крупной мануфактуры. Демидовская администрация отрывала своих крестьян от земледелия, нередко предварительно разорив их, и превращала в заводских рабочих.

Характерными особенностями крупных уральских заводов являлось мануфактурное разделение труда и связанная с ним специализация рабочих, «иерархия рабочих сил» (Маркс). Наряду с этим здесь проявилась другая характерная черта крупного производства: мануфактура нуждалась в огромной массе необученного труда, который рекрутировался частью из тех же самых источников, включая малолетних. Но в значительной мере подсобные работы, как рубка дров, углежжение и перевозки, выполнялись приписными крестьянами. Отрыв от земледелия в связи с выполнением этих работ являлся для приписных временным и своеобразным принудительным «отходничеством».

Уральский рабочий овладел сложным мастерством доменщика, молотового мастера и т. д., поставил уральскую металлургию на большую для того времени техническую высоту. Правительство и заводчики стремились полностью закрепить рабочих; одновременно с этим происходила почти непрерывная героическая борьба крестьян и заводских рабочих против угнетателей.

ГЛАВА XIII

БОРЬБА УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ЗА СВОБОДУ

1. ВОССТАНИЯ НА УРАЛЕ В 60-Х ГОДАХ XVIII в.

Отдельные сведения, рисующие эксплуатацию рабочих на демидовских заводах, приводились в настоящей работе. Систематическое изучение условий труда, однако, требует обращения к иному источнику, именно к материалам заводских архивов, имеющихся в Нижнетагильском архиве. Это должно составить предмет нашего изучения во втором томе настоящего исследования.

Состав заводских рабочих пополнялся различными путями, но общим для них являлся отрыв людей от прежних условий крестьянского быта и ремесла. Пришлые рабочие, нередко гонимые на заводы разорением и голодом, в большинстве своем постепенно превратились в демидовских крепостных и по своему положению почти не отличались от крестьян, переведенных насильно из вотчин владельца. Приписные должны были работать временно, отработывая на заводах подушные деньги, но заводчики могли удерживать их у себя сверх того, сколько хотели, с уплатой им денег. Крепостной гнет на уральских заводах отразился в рассказах о множестве загубленных людей, о подземных тюрьмах на Невьянском заводе, где рабочие были затоплены, чтобы скрыть производившуюся Демидовым чеканку собственной монеты. В них отразились народные представления об ужасах заводской работы в крепостных условиях.

Подчеркивая закрепощение заводских рабочих, советские исследователи вместе с тем справедливо отметили новые черты, уже отличающие мастеровых и работных людей того времени от крепостного крестьянства. Так, анализируя волнения рабочих на заводах XVIII столетия, советские историки подметили в них особенности, не встречающиеся в типичных крестьянских восстаниях. В статье в сборнике «Московский Суконный двор» М. П. Вяткин указал на двойственность общественных отношений, складывавшихся на мануфактуре XVIII в., отметив, что в ней феодально-крепостнический строй сочетался уже с новыми отношениями. В отдельной справке о рабочем движении, забастовках и волнениях на Московском Суконном дворе следующим образом подведены итоги этим наблюдениям: «Крепостной рабочий уже в крепостную эпоху значительно отличался от крепостного крестьянина. Постоянная, непрерывная, упорная, настойчивая и согласованная борьба характеризует рабочие выступления в эпоху формирования крепостной мануфактуры». А. В. Предтеченский еще решительнее выступает против той характеристики возмущения

заводских рабочих XVIII столетия, которую давал народник В. Семевский, видевший в этих движениях только борьбу крестьянина, протестующего против превращения его в рабочего. Напротив, советский исследователь указывает на забастовки рабочих на мануфактурах того времени, на их некоторую организованность, на профессиональный характер выдвинутых требований, где речь шла не о возвращении к положению крестьянина, а о новых условиях труда, о повышении заработной платы и т. п. «Продолжительный рабочий стаж, отрыв от самостоятельного мелкого производства, объединение на крупных мануфактурах больших рабочих масс — все это создавало новый тип рабочего и меняло формы его борьбы».¹ В этой связи остановимся на некоторых проявлениях борьбы демидовских крестьян на Урале.

Из ряда волнений на заводах Урала я приведу сведения о волнениях на Невьянском и Нижнетагильском заводах в начале 60-х годов. Екатерина II писала в своих записках о начале своего царствования: «Россия только что вышла из обременительной войны... Финансы были истощены. Армии не было уплачено за 8 месяцев... Восстало около двухсот тысяч крестьян, частью работавших на заводах, частью принадлежавших монастырям».² В. Семевский остановился на этих бурных событиях, но сделал это в отношении заводских рабочих с чрезмерной беглостью, с большей полнотой описав лишь волнения приписных крестьян. В нашем распоряжении имеется иной, неиспользованный еще материал об этих волнениях. Донесения заводских контор своим владельцам, сохранившиеся в делах вотчинного архива, помогают восстановить довольно отчетливо основные черты событий. Невьянский завод принадлежал в 60-х годах Прокофию Демидову, и его заводские приказчики во главе с уже знакомым нам Григорием Махотиным рисуют в своем донесении (от 5 декабря 1762 г.) общую картину начавшихся волнений, широко захвативших Урал.³ Махотин упоминает о волнениях приписных на Кушвинском, Алапаевском, Сылвенском заводах, а также на заводах Воронцова, Гурьева, Ягужинского, Турчанинова, всех Демидовых. По словам приказчика, приписные крестьяне, «оставя положенные работы, все в дома свои самовольно уехали». Волновались не только приписные крестьяне, но и мастеровые и работные люди на заводах; они, «приняв такое ж крестьянское безрассудное легкомыслие, ото всех заводских работ отказались и не работают». На Невьянском и Нижнетагильском заводах волновались «вечноотданные», а также «бобыли, которые ис последних, а не первостатейные». По словам приказчика, «всегдашние у них собрания и советы происходят и в работы идут лениво». Он сообщал, что в Невьянске работают лишь молотовые мастера, возка угля почти прекратилась, в день возят 100—150 коробов угля вместо обычных 500—600 коробов; перевозка железа к пристани еще не начиналась. Невьянская заводская контора намерена просить о присылке из Екатеринбурга «к принуждении команды», т. е. воинской силы.

В следующем рапорте читаем о дальнейшем развертывании событий на Невьянском заводе. Рабочие создали свои организации в виде мирской избы и регулярных собраний рабочих. Мирская изба руководила всем движением и предъявила от имени всех работных людей требования заводской конторе. От сотских, десятских и всех мирских людей Невьянского завода 6 декабря 1762 г. было объявлено заводской конторе, что

¹ Московский Суконовый двор.—«Крепостная мануфактура», ч. V, 1934, стр. XVIII; «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», изд. АН СССР, М.-Л., 1937, предисловие А. В. Предтеченского, стр. XVIII.

² Записки имп. Екатерины II, стр. 583, СПб. 1907.

³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4018. Рапорты невянской заводской конторы.

один из здешних жителей, Маркел Молев, выбран старостой, так как он «человек доброй и неподозрительной»; выборные просили контору об освобождении его от работ, с тем чтобы на его месте был поставлен кто-либо иной, или даже соглашались «за него народом заработать». Три дня спустя после избрания нового старосты, 9 декабря из мирской избы от старосты и выборного было подано письменное требование прислать к ним прежних выборных, провинившихся перед миром, для взыскания с них денег. Сообщая об этом владельцу, демидовский приказчик замечает: «Итак уже у них, мирских людей, по вступлении в волнование учреждена мирская изба, которой до сего не бывало, и то, как видно, сделано ими для непотребных их собраней и зазыва чрез своих рассыльщиков других жителей для подписки к их непотребному согласию, а кто не идет, таковых страшат битьем, и слышно, что к их согласию человек до 300 подписались». В «мирские пищики» был определен рабочими токарь по меди Роман Олонцов. Когда за неявку на работу по точке посуды он по приказанию заводской конторы был взят под караул, то «от мирских людей из их собрания приходили в контору с выговором», требуя его освобождения и угрожая, что в противном случае «работы де заводские все запретят и никого не допустят». Контора вынуждена была освободить писца.

Мирская изба не только руководила движением, но имела административные и судебные функции: это была новая власть на заводе. В качестве примера «бесстрашного самоволия» приказчики приводили арест и наказание мирскими властями невьянского жителя Софрона Сапожникова за несогласие с ними. По словам приказчика, его «собранием захватили и утащили в свою учрежденную по своему своеволию мирскую избу, били, кто как умел и мог, бесчеловечно, и рубаху на нем изодрали и окровавили и недовольно того, заковав в конские железа, заперли в холодной подвал». В заключение приказчик замечает: «и, как слышно, из их компании приговаривают, что они де конторс неподсудны, а имеетца де у них мирская изба». Контора вынуждена была вести сношения с выборными мирскими властями, приказчики передавали повеления владельца новому старосте и принимали от него письменные требования рабочих. Не удивительно, что со стороны заводской конторы и чиновников неоднократно повторяется настойчивое требование роспуска мирской избы и прекращения рабочих собраний.

Мирская изба обратилась с заявлением и требованиями в заводскую контору. Рабочие называют себя в этом заявлении государственными приписными людьми; как увидим ниже, они решительно возражали против именованья их крепостными и стремились, чтобы их приравнили к приписным. «Здесь же де Невьянского завода из мирской избы государственные приписные староста и сотники и все мирские люди мастеровые и протчих работ, — сказано в этом заявлении, переписанном приказчиком в рапорте к владельцу, — требуют от здешней главной Невьянской заводской конторы, чтоб объявить в народ, как им работать при заводах вашего благородия. А при государственных де заводах и у протчих компанейщиков работают только за подушной оклад, а более с них работ в год не спрашивается, а и они де Невьянского заводу и Бынговского и протчих заводов государственные приписные мастеровые и других работ люди, все единогласны желают при здешних заводах работать за подушной оклад. А ежели де Невьянская заводская контора не соблаговолит, чтоб работать за подушной оклад, то де имеют просить об оном, где подлежит в присутственных местах, чтоб работать при здешнем заводе, как при казенных. А они де как мастеровые и всяких работ люди, ежели делается определение от главной Невьянской заводской канторы, что работать за подушной оклад, то имеют быть в том, чтоб никакой шатости не было в народе». В про-

тивном случае, при прежнем «принуждении и побоях», они «не желают быть в таких непорядочных работах». Этот документ, вышедший из среды самих рабочих, представляет значительный интерес. Настаивая на работе за подушный оклад, рабочие, повидимому, не отказывались и от остальной работы, но желали повышения ставок оплаты. Они изложили свои требования в 12 пунктах, до нас не дошедших. В передаче демидовского приказчика они жаловались на «отягощение против прежнего излишними работами» и на «малые платы».

На Шайтанском заводе (той же Невьянской части Прокофия Демидова) контора произвела перепись мастеровых, имеющих лошадей, для раскладки на них повинности по перевозке железа; у них было переписано 171 лошадь. Однако рабочие отказались выполнить распоряжение конторы по перевозкам. И на этом заводе «от мирского сотника Андрея Полозникова, от десятников и протчих мирских людей письменно декабря 14 числа объявлено, что де будучи они, сотник с товарищи, на мирском сходе, роскладки тому железу не приняли, для того, что за оную возку железа плата мала, а как де при Невьянском заводе мирские люди не приняли роскладки железной, и о чем стоят, так де и они, жители Шайтанского завода, в том же стоят».

Почти прекратились рубка леса, выжиг угля и его перевозка. Смотритель над дровосеками доносил в контору, что дровосеки отказываются работать за прежнюю оплату, считая, что подушный оклад они уже отработали, а полученные в задаток деньги они обещали отработать в будущем году. «И они де, здав дрова, без прибавки цены рубить не будут, и для того что де по силе указа они заработали, а за забранные деньги имеют заработать предбудущим летом. И на те его, Гаряева (смотрителя — Б. К.) речи многие дровосеки закричали, что де и топоры все ныне здадут и как все к канторе привалют, то де господам смотреть будет любо».

Рабочие представили свои требования не только заводской администрации, но и Дм. Вас. Волкову, состоявшему в этот момент оренбургским генерал-губернатором.⁴ Д. Волков принимал участие в переговорах с рабочими и даже давал им какие-то обещания: «Старосте с мирскими людьми неоднократно со увещанием о их безразсудном и вредном к разорению своему намерению выговаривая, чтоб они от того своего намерения отстали, советы и собрания разрушили; причем его превосходительство персонально несколько и обнадеживали».

Из Екатеринбурга была прислана воинская команда с капитаном Метлиным, но он оказался бессильным, так как «в явном непослупании» находилась третья часть рабочих, а может быть, и больше. По приказанию Д. Волкова и находившихся на заводе сыновей владельца, Акакия и Льва Прокофьевичей Демидовых, «вместо строгости обращаемся тихостью и порядочными уговорами». Приказчики заканчивают свой очередной рапорт от 20 декабря 1762 г. признанием полного своего бессилия: «И к тому приведению их по прежнему к послушанию и исправлению работ, сколько нашей возможности есть, стараемся, точию успеху мало, и что с ними делать уже недоумеваем, и как с ними обращаться, просим наставления», обращаются они к владельцу.

В ответ на требования забастовавших рабочих заводская контора по совету Д. Волкова и совместно с молодыми Демидовыми выработала какие-то определения, касающиеся увеличения платы за рубку дров и перевозку железа, которые и были посланы на «апробацию» Прокофию

⁴ С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, стр. 1482, 1489; В. Семеновский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, СПб., 1901, т. II, стр. 379.

Демидову вместе с «мнением» о прибавке платы за «куренные и другие работы». К началу февраля 1763 г. в Невьянске был получен ответ Прокофия Демидова, в котором, по словам приказчика, делались некоторые уступки или «награждения» рабочим.⁵ Но содержание его нам точно неизвестно. Ответ этот в копиях был выставлен в разных местах при заводе, однако рабочие остались недовольны «милостью» владельца.

После получения ответа Демидова приказчик в рапорте от 4 февраля 1762 г. говорит, что рабочие «забрали в свои головы работать по своей воле за один подушной оклад ... да хотя б какую милость изволили учинить, они не будут довольны, пока [не] усмирят или где прежде усмиривших увидят. И им довольно толковано, — продолжает приказчик, — что за подушной оклад велено зарабатывать слободским пашенным крестьяном, а не им, а что они отданы к заводам вечно, и быть равно с крепостными купленными крестьянами, то им очень противно. Причем и то они проговаривали, что в повелении вашем тож написано, нам де очень нелюбо называть крепостными, и вольна де с нами государыня». Таким образом, мастеровые и рабочие не признавали себя крепостными, какими считали их Демидовы; они желали ограничить свои обязательства перед заводом работой за подушный оклад и требовали повышения заработной платы.

На заводе побывал «член канцелярии» (т. е. екатеринбургского Главного правления горных заводов) А. Порецкий, который также «с ними много говорил и толковал, что они заводские крепостные и вечно отданные для всегдашних работ, а не как слободские приписные». Мирской староста подал в контору письменный рапорт и устно заявлял, что «миром сказать велели за деревянную рубку просить по сороку копеек за сажень, а за кладку и осыпку и разломы куч плата мала».

Рабочие с нетерпением ждали кн. Вяземского, надеясь на удовлетворение своих требований. По словам приказчика, они его «как свету ожидают, и тесности от него им не будет». Вяземскому, как известно, было поручено усмирение уральских крестьян, и Екатерина II снабдила его инструкцией и манифестом 6 декабря 1762 г. для объявления его горнозаводскому населению, где прежде всего предлагалось крестьянам «немедленно от сего безделья отстать» и прекратить «непослушание». Вяземский должен был заставить крестьян приступить к работе, а затем разобрать причины волнений.⁶ В результате его деятельности издан был именной указ 9 апреля 1763 г.; он имеется в копии также среди дел вотчинного демидовского архива.⁷ В этом указе признаются злоупотребления, происходившие при приписке к заводам, и отмечено, что крестьянам даже не остается времени для земледельческих работ, что расстояние от деревень до заводов, которое должны проходить крестьяне, чрезмерно велико, и т. п. Этим указом предписывалось, чтобы крестьяне впредь сами платили за себя подушные деньги, и в качестве образца предложены новые правила для работы на Ижевском и Воткинском казенных заводах, где установлены были новые ставки оплаты работы и разрешено крестьянам разбирать дела своим судом.⁸

В апрельском рапорте невянская заводская контора писала П. Демидову: «Из вечноотданных ваших крестьян явились к его сиятельству князю Вяземскому челобитчики, называя себя приписными крестьянами».

⁵ Прокофий Демидов писал на завод сыновьям в январе 1763 г., что рабочие «как проживутся, тогда работать охотно станут», но, впрочем, больше выражал надежды на предстоящий приезд кн. Вяземского. См. К. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых, приложение, стр. 17, а также Русский архив, 1873, № 11, стр. 2230 сл.

⁶ В. С е м е в с к и й. Цит. соч., т. II, стр. 351 сл.; сб. РИО, т. VII, стр. 188—196.

⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 104, л. 47—48 об.; ПСЗ, т. XV, № 11790.

⁸ В. С е м е в с к и й. Цит. соч., т. II, стр. 407.

Вероятно, Вяземский был тогда в Екатеринбурге. Состоявший при нем для усмирения крестьян гитенфервальтер Княгинкин доложил Вяземскому, что крестьяне «по сенатскому указу отданы к заводам вечно и велено их счислять с купленными крепостными крестьянами, почему его сиятельство таковыми их признал и довольно изволил увещевать, чтоб они все были помещику своему во всем послушны, а в противном случае угрожал их тяжким наказанием и велел то объявить всем и что от них никакого челобитья принято быть не может».

Вяземский еще не ознакомился на месте с грозным для заводчиков положением дела и признавал заводских рабочих крепостными.

Следующий, июньский рапорт передает дальнейший ход событий. 5 мая 1763 г. на заводе был получен из канцелярии Главного правления горных заводов указ с требованием приступить к работам. Рабочие вновь повторили свои требования, именно, в ответ «от них сказано, в работах де они находятся, да и впредь расположенные на них по заводским учреждениям работы исправлять будут только за один подушной оклад, и якобы платами недовольны». На других заводах также «от них сказано, в молотовых де фабриках и в протчих работах находятся, только якобы за те их работы плата выдается малая, не против государственных казенных крестьян, к тому же и дети их, мастерские, которые при них работают, временно отъемлемы бывают в кучную ломку». Следовательно, мастерские жаловались на низкую плату и на эксплуатацию детского труда, и приказчик делает вывод, что «как де при Невьянском, так и при других заводах те мастерские и работные люди остались в прежнем самоволии и непослушании и работают по одной своей воле, кто что хочет».

Согласно распоряжению владельца, в контору были призваны крестьянский староста и сотники; им было заявлено, «чтоб у них земской избы самоучрежденной отнюдь не было и чтоб объявили зачинщиков и вступили бы в работы». Они попрежнему отвечали, «что де по возможности работать не отрекаются только за один подушной оклад, не они одни Невьянского завода и протчих заводов в одном согласии [с ними состоят. — Б. К.]».

Вяземский прибыл на Невьянский завод с двумя эскадронами гренадер и драгун 23 июля 1763 г. Заводская контора представила ему от себя челобитную, в которой просила «восстановить рабочих в прежнем послушании» и уничтожить созданную ими земскую избу. Вяземский, изменив свое прежнее решение, постановил, что мастерские и работные люди, записанные в перепись Солнцева 1722 г., должны быть признаны государственными и работать только за подушный оклад. Порядок их работ должен был сообразоваться с новыми правилами, принятыми для Ижевского и Воткинского заводов. Эти правила «должны были устранить некоторые вопиющие злоупотребления» (Семевский); ими устанавливалась оплата за время, затраченное приписными крестьянами на проход из деревень к заводам, партии крестьян должны были сменяться каждые 4 месяца; им предоставлялась возможность решать дела своим судом; признавались выборные старосты и сотники.

Молотовые мастера Невьянского и Бынговского заводов, получавшие по 2 коп. с пуда выкованного железа, заявили Вяземскому, что «им та плата давана обидно», так как на казенных заводах платится по 3 коп. Вяземский приказал приказчикам «смириться с ними добровольно». Сперва договорились уплатить им по 3 коп. за истекшие 5 лет со времени раздела демидовского наследства, затем помирились на уплате общей суммой 500 руб. за прошлые годы; прибавили и оплату за сено, накошенное на господский скот: к прежним 4 коп. за копну было прибавлено еще 1¹/₂ коп., и крестьяне объявили, «что тем довольны и более ничего

против своего челобитья не ищут». Однако молотовых мастеров, записанных в перепись 1722 г. и теперь признанных приписными, оказалось всего 30 чел.; рабочих же, записанных в последующие переписи (1732 г. и др.), было большинство; они были признаны Вяземским демидовскими крепостными, и он не принял от них челобитья, считая, что владелец может поступать с ними по своему желанию.

Заводские приказчики должны были оправдываться перед господином в том, что часть заводских рабочих все же была признана Вяземским государственными крестьянами. Они указывали в свое оправдание, что представляли Вяземскому жалованные грамоты и именные указы 1736 и 1755 гг. и «растолковывали» их в том смысле, что рабочие являются «яко крепостными», но встретили отпор с его стороны. «И на то от его сиятельства со гневом прислан в контору приказ и требовано на написанных по переписи 722 году людей указного укрепления, почему их здешняя кантора называет крепостными». Новые попытки заводской конторы сослаться на жалованные грамоты и указы также остались безрезультатны: «На тот рапорт его сиятельство много гневался и з бранью проговаривал, что де означенные указы он рань нас, низжайших, знает и потому будто крепостными счислять не можно». Екатеринбургская канцелярия Главного правления заводов меняла свои представления; сначала дала справку о заводских рабочих как о крепостных, а затем признала их государственными. Вяземский заставил заводскую контору, не дожидаясь ответа Демидова, выплатить деньги мастерам за прошлые годы.⁹

Невьянская контора сообщала 4 сентября 1763 г. об обстоятельствах отъезда Вяземского. Когда он садился в карету и приказал при прощании, чтобы рабочие оставались в послушании, то «из заводских жителей один человек, пьяной Никита Серебрянник при том говорил, что недовольны, и за то ево приказал отдать под караул и, не остановясь, уехал на Тагил». Вяземский успел при отъезде распорядиться наказать выкрикнувшего о недовольстве рабочего «по 3 дня плетью нещадно». После его пребывания, по словам приказчика, рабочие «стали быть в послушании».

О волнениях на Нижнетагильском заводе, принадлежавшем младшему брату Прокофия — Никите Ак. Демидову, сохранились в домовой демидовской переписке более отрывочные и неполные сведения.¹⁰ Волнения начались здесь в ноябре 1762 г., и 26 ноября заводские приказчики донесли об этом властям в Верхотурье. Рабочие здесь также создали свои выборные органы в виде земской избы и также прекратили работы, считая себя не крепостными, а государственными. По словам приказчика, из «мастеровых и работных людей иные, не почувствуя того, что они к тем заводам вечноотданные по именным и из высокоправительствующего Сената указом и так крепкие, как крепостные ево высокородия крестьяне, по прельщению из них от возмутителей пришли в непослушание, паче ж и в злонравные поступки, и от того заводские самонужнейшие работы остановились».

Волнения происходили не только на Нижнетагильском заводе, но и в приписанном к нему с. Покровском. Приписные крестьяне хотели совсем избавиться от работ на заводе и мечтали о возвращении их Невьянскому богоявленскому монастырю, которому село принадлежало 60 лет назад, еще до пожалования Невьянского завода Никите Демидову. Для усмирения крестьян сибирские губернские власти послали воинскую команду с прапорщиком и воеводой. Вместе с демидовским приказчи-

⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4018. Рапорт невьянской конторы П. Демидову от 7 октября 1768 г.

¹⁰ Там же, д. № 4030. Обрывки делопроизводства 1761—1763 гг.

ком Ив. Михайловым они прибыли в с. Покровское, собрали старосту, сотских, десятских и до 200 крестьян и вручили старосте указ о послушании. В ответ на увещания крестьяне заявили, что работать по нарядам заводской конторы не будут и впредь на заводах Демидова «в работе быть не хотят, а желают быть по прежнему за Невьянским богоявленским монастырем или где милостивая государыня повелит». Они отказались также выдать крестьян, которых власти требовали к следствию. При сборах в обратный путь демидовский приказчик узнал, что крестьяне намерены были, поймав его, содержать под караулом, а прапорщика убить. Они запретили извозчику везти приказчика, и последний вынужден был нанять подводы и провожатых в Арамашевской слободе.

Крестьяне с. Покровского настаивали на полном разрыве с заводом; они считали, что были приписаны к заводу только на время жизни первого владельца, «туленина» Никиты Демидова, и только к одному Невьянскому заводу, но не желали служить его внуку на Нижнетагильском заводе. События в с. Покровском вылились в восстание. Крестьяне вооружились пиками и напали на демидовских приказчиков как на ближайших своих притеснителей. Эти события изложены подробно и красочно в донесении приказчика Мирона Попова, посланного вновь из нижнетагильской заводской конторы с тем же прапорщиком Дуреевым и приказчиком Ив. Михайловым «для увещания от упорства». Они везли с собой именной указ 3 июля 1762 г. В этом указе говорилось, что некоторые крестьяне «отложились от должного помещикам своим повиновения», и выражена уверенность в раскаянии крестьян. Вместе с тем в нем императрица заявляла: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном их повиновении содержать».¹¹

23 декабря посланные конторой приехали в с. Покровское, где были собраны до 400 крестьян со старостой. В мирской избе был оглашен указ императрицы, и прибывшие власти уговаривали их стать на работу и обещали прощение. Но крестьяне «увещания не приняли» и заявили, что «под ведением Демидова» быть не желают и заводских работ за подушный оклад выполнять не будут.

После безуспешных уговоров со стороны приехавших события приняли бурный оборот. Вот как описывает их демидовский приказчик: «Крестьяне, собравшись подобно якобы против неприятелей з дубинами, а во многих видимы были посажены в концах вострые железца, закричали необычным и преужасным криком, что «держи Ивана Михайлова», от которого их необычного крику и шумства я, убоявшись, едва из избы на улицу выбежав. А прикащика Михайлова захватя с вышеименованным прапорщиком, коего сшибли с ног на лавку, кричали, что ему до их дела нет; всем зборищем в той их избе били и проломали голову и топтали ногами смертно, что, услышав я тех крестьян великое шумство и драку, с улицы старших людей уговоря, чтоб от того своеволия и драки престали. И потому по приходе моем со старшими людьми в мирскую избу от битья унялись, но точию при том кричали, чтоб прикащика Михайлова держать под караулом».

Крестьяне обвиняли приказчика в том, что по его доносу была прислана воинская команда. Когда, наконец, Михайлова отпустили, то вышли из мирской избы до 20 крестьян с дубинами и хотели взять его «хватом», били и говорили, что будут держать его под караулом. Крестьяне соглашались отпустить его, если будет дана подписка в том, что будут освобождены находившиеся под арестом в Екатеринбурге трое крестьян, «первые зачинщики и возмутители». Подписку дали, и приказчик

¹¹ ПСЗ, т. XVI, № 11595.

был ими отпущен. На закате того же дня они уехали из восстановленного села.

Два с лишним месяца спустя, 3 марта 1763 г., нижнетагильская заводская контора писала Н. Демидову, что крестьяне все еще «содержат себя во всем здешней конторе непослушными». Их снова уговаривали приступить к работе и выехать весной на пристань к стругам, но крестьяне отказались и заявили письменно, что «впредь до получения на прозбу их резолюции ни в какие заводские работы следовать не имеют». Заводская контора писала владельцу, что остается только ждать прибытия кн. Вяземского.

Не только приписные крестьяне, но и «записанные по разным переписям», т. е. заводские рабочие, по словам приказчика, «употребляют сумазбродное их предприятие, что должны они работать за один подушной оклад, а сверх того работать из воли». На Нижнетагильском заводе дело дошло даже до попытки со стороны администрации пустить в ход пушки против рабочих. В июне 1763 г. была сделана попытка захватить руководителя рабочих Салеутина и отправить его в Екатеринбург, к Вяземскому. Но когда он «взят был в контору, то нижнетагильские жители и прилучившиеся села Покровского крестьяне, собравшись многолюдством, пришли к канторе и требовали объявленного Салеутина об отпуске и приступали с криком и угрозами. И видя тот нижнетагильские приказчики необычайной их наглой наступ, принуждены нашлись с ними обращаться обороною, выката несколько пушек и с ружьями стали тех людей не допускать. Но оные жители, устремясь с камнями, пушки и ружья отняли и увезли во учрежденную ими самовольно земскую избу, а из служителей многих избили смертно. А приказчики едва укрытца могли, запершись в канторе». На Нижнетагильском заводе, таким образом, также события вылились в открытое восстание. Дело закончилось тем, что «первозачинщики» были взяты в Екатеринбург. Двое из них, Салеутин и Крюков, были наказаны кнутом и сосланы на Колывано-Воскресенский завод, другие 13 человек были биты плетью и батогами 3 дня и затем отправлены домой.

После посещения Невьянского завода кн. Вяземский выехал на Нижнетагильский завод, пробыл здесь до 12 августа 1763 г. и также объявил государственными крестьянами тех, кто был записан в перепись 1722 г.¹²

Наши материалы не дают возможности точно установить, в какой мере изменилось положение демидовских рабочих после усмирения волнений. Новейший историк горнозаводских рабочих приходит к выводу, что достижения их согласно введенным в качестве образца правилам, принятым для Ижевского и Воткинского заводов, были ничтожны: «Ценой кровавых волнений все горнозаводское крестьянство купило лишь одно право, а именно получать заработок на руки». Заработная плата оставалась на прежнем уровне.¹³

В изложенных бурных событиях на Невьянском и Нижнетагильском заводах обращает внимание настойчивость и известная организованность заводских рабочих. Они создали свое управление в виде мирской избы и собраний рабочих и заставили заводскую контору и владельца считаться с этими выборными рабочими органами. Рабочие приостановили работы и предъявили довольно четкие требования, соглашаясь работать в порядке повинности за подушный оклад, а сверх того соглашались работать «из воли»; они требовали повышения заработной платы. Эти заявления отли-

¹² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4018, из рапортов невянской заводской конторы от 5 августа и 4 сентября 1763 г.

¹³ Ю. Г е с с е н. История горнорабочих СССР, М., 1926, т. I, стр. 122—123.

чались от требований приписных крестьян, которые, в противоположность заводским рабочим, старались совершенно порвать связь с заводом и отказывались от выполнения работ; они стремились отложиться от завода, рассматривали наложенные на них обязательства как незаконные, которые должны прекратиться. Конечно, в этих волнениях остается свойственная крестьянским восстаниям в эпоху феодализма стихийность и царистский характер, выразившийся в ожидании крестьянами Вяземского, посланного Екатериной II.

Уральские крестьяне подняли мощное восстание и заставили своих врагов считаться с ними. Они не только умели пользоваться копьями в борьбе за свои права, но применяли и мирные средства, когда представлялась к тому возможность. Для изучения политической активности приписных крестьян имеет значение участие демидовских приписных немного лет спустя в выборах в екатерининскую Комиссию для составления проекта Уложения 1767 г. В нижнетагильском архиве имеется дело о выборе депутата в знаменитую законодательную комиссию.¹⁴

В нижнетагильской заводской конторе был получен 12 февраля 1767 г. из Tobольска указ сибирской губернской канцелярии, в котором говорилось о предстоящем учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения. К указу были приложены печатный манифест Екатерины II от 14 декабря 1766 г. о созыве комиссии, указ Сенату о порядке выбора депутатов от правительственных учреждений, положение «откуда депутатов прислать в силу манифеста» и «обряд выбора», т. е. все основные акты, определявшие выборы депутатов и организацию Комиссии.¹⁵ В присланном на завод указе сибирский генерал-губернатор Денис Чичерин сообщал, что «выборы голов и депутатов поручены госп. генерал-майору Гороблагодатских и Камских заводов главному командиру Ирману»; избранный депутат должен быть непременно прислан к 1 мая 1767 г. в Tobольск.

Выборы происходили 1 марта в Аятской слободе, приписанной к Ревдинскому заводу; две недели спустя, 14 марта, избирали поверенного крестьяне Краснопольской слободы, приписанной к Уткинскому заводу, и только 27 марта выбирали крестьяне с. Покровского, приписные Нижнетагильского завода. Промедление с выборами в с. Покровском, повидимому, связано было с тем, что заводская контора ждала разъяснений относительно организации выборов на заводах от «главного командира» горных казенных заводов генерала Ирмана. Надо вспомнить, что выборы в Комиссию от государственных крестьян были трехстепенными: сначала выбирали поверенных от погоста, затем они собирались в уездном городе для выборов поверенного от уезда, и наконец, уездные поверенные избирали из своей среды депутата от провинций. Страна делилась на губернии, провинции и уезды, Сибирская губерния имела своим центром Tobольск и разделялась на две провинции: Tobольскую и Енисейскую. Средний Урал входил в Верхотурский уезд,¹⁶ но горные заводы, как известно, в административном отношении подчинялись Екатеринбург, что должно было вносить неясность в организацию выборов в Комиссию. Генерал Ирман 10 марта направил в Нижний Тагил указ с разъяснениями сибирского генерал-губернатора, который писал, что завод следует «почитать за уезд» и выборы уездных поверенных «чинить при тех заводах, к которым те государственные крестьяне приписаны».

¹⁴ Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 96 «О выборе голов и депутатов для сочинения проекта нового Уложения».

¹⁵ ПСЗ, т. XVII, № 12801.

¹⁶ Ю. Г о т ь е. История областного управления, т. I, стр. 124.

Ирман извещал заводскую контору, что крестьяне с. Покровского, Аятской и Краснопольской слобод должны «со оных слобод, также с каждого села или погоста выбрать поверенных в немедленном времени». Для выборов уездного поверенного они должны быть собраны не позднее 30 марта в нижнетагильскую заводскую контору. Выборы на заводе должны были происходить в присутствии первого приказчика. Уездный поверенный, в действительности избиравшийся от крестьян данного завода или группы заводов, должен быть послан к 20 апреля «неотложно» в Екатеринбург в судную и земскую контору, где избирался «провинциальный» депутат.

Аятская и Краснопольская слободы приписаны были к Ревдинскому заводу, принадлежавшему Петру Демидову, и к Уткинскому заводу Александра Демидова и до раздела входили вместе с Нижнетагильским заводом их дяди Н. А. Демидова в единое предприятие Акинфия Демидова. Они и образовали один избирательный округ с центром на Нижнетагильском заводе.

Заводская контора получила эти разъяснения 15 марта, и только после этого, на следующий же день, 16 марта, из нижнетагильской конторы были направлены копии указов о выборах в с. Покровское мирскому старосте с сотниками и с «лучшими мирскими людьми». Ссылаясь на распоряжение Ирмана, заводская контора предлагала по выбору поверенного прислать его в «здесьнюю контору» не позднее 30 марта для выборов уездного поверенного. На другие заводы Н. А. Демидова — Черноисточинский и Салдинский — также были посланы указы из Нижнего Тагила, но, вероятно, только для сведения, так как там выборов не происходило.

В Москве владелец, повидимому, был обеспокоен выборами на заводах, и московская контора прислала в Нижний Тагил повеление получить от генерала Ирмана отзыв относительно выбора депутата. Характер ожидаемого «отзыва» остается неясным, но это не мог быть официальный запрос Ирмана, так как демидовский служитель пытался выполнить это предписание через «надежных людей»; он не имел успеха, а у самого Ирмана «спросить сам собою смелость не возымел».

Как происходили выборы поверенных, видно, например, из протокола, составленного в Краснопольской слободе, приписанной к Уткинскому заводу Петра Демидова. Здесь 14 марта 1767 г. «государственные» крестьяне, мирской староста Василий Микулаевых, сотник Павел Самегин, Никита Пудов и старшие крестьяне» (переименовано 32 чел.)¹⁷ «со всего общего мирского согласия приговору выбрали между собою той же слободы деревни Бродовой крестьянина Григория Степанова сына Бусыгина». Он удовлетворял требованиям, предъявляемым законом: «1-е, действительно дом и землю в той слободе имеет, 2-е, женатого, имеющего детей, 3-е, в наказаниях, подозрениях и ябедах и явных пороках не бывалого, 4-е, но доброго и не зазорного поведения, 5-е, не моложе 30-ти лет». Избиратели крестьяне писали, что поручили ему их «нужды и недостатки письменно отдать уездному поверенному, дабы сей представить может, где надлежит». В Аятской слободе, приписанной к Ревдинскому заводу, 1 марта мирской староста, 3 сотника и рядовые старшие крестьяне в числе 39 чел. выбрали крестьянина Анисима Панкратьева, удовлетворявшего тем же требованиям. Наконец, 27 марта приписные к Нижнетагильскому заводу крестьяне с. Покровского с деревнями выбрали Федора Кротова.

¹⁷ Согласно «Учреждению, учиненному на Ижевском и Воткинском заводах», приписные крестьяне должны были делиться на сотни и выбирать ежегодно сотника, выборного старосту и писчика. См. Ю. Г е с с е н. История горнорабочих СССР, т. I, стр. 120.

Выборы уездного поверенного происходили в нижнетагильской заводской конторе. В них участвовало трое: Бусыгин, Кротов и Зверев.¹⁸ Последний и был выбран уездным поверенным «для присылки к выбору провинциального депутата», и ему выдано было «поверенное письмо».

В Екатеринбурге собирались 9 уездных поверенных от приписных крестьян казенных и частных заводов: Екатеринбургского, Каменского, от Верхисетского завода гр. Р. Л. Воронцова, заводов С. Яковлева, Полевского и Северского заводов Турчанинова, Нижнетагильского завода Демидова, Гороблагодатского казенного завода, от Уткинской пристани и золотых промыслов.¹⁹

Депутатом в Комиссию по Уложению избран был Федор Ермаков, крестьянин Лялинской слободы, и 20 апреля ему был дан наказ. Об избрании его депутатом «уездные поверенные Афанасий Патанин с товарищи, всего восемь человек, доношением объявили, выбран де ими здесь в Екатеринбурге в провинциальные депутаты ... в комиссию о сочинении проекта нового Уложения из своей братьи Лялинской слободы ис крестьян Федор Ермаков, которому де препоручили о всех крестьянских нуждах и недостатках письменно за приложением рук». Для проезда депутата в Тобольск и оттуда до Москвы ему было дано каждым из уездных поверенных по 3 руб., всего 24 руб. с просьбой эти деньги вернуть им.

Ф. Ермакову был дан наказ от приписных крестьян казенных и частных заводов. Наказы от целой провинции или от уезда были редким явлением, обычно они писались от имени погостных или уездных поверенных.²⁰ Наказ очень краток, он состоит из 3 пунктов; в первом из них указан размер крестьянского подушного оклада, составлявшего вместе с накладными 1 р. 73 $\frac{1}{2}$ к. с души. Во втором пункте речь идет о том, что крестьяне обязаны отработать подушные за умерших, престарелых, больных, малолетних, беглых и сосланных на поселение. Между тем на заводе работают лишь пригодные к физическому труду люди, каждому из которых приходится отрабатывать за 1—3 души. В отведенное для этого («указное») время многие из них не смогут этого сделать и вынуждены нанимать за себя людей по дорогой цене. По сравнению с другими государственными крестьянами это составляет для них «несносное отягощение». Затем они жалуются на низкую оплату по плакату (1724 г.), а за некоторые работы, как выжиг угля, они получают даже ниже плакатных ставок. Они заявляют, что ходят из домов на заводы по 100—200 верст и за «проходные дни» никакой платы не получают. Наконец, в наказе отмечено повышение подушного оклада на 60 коп. с государственных крестьян, т. е. с 1 р. 10 к. до 1 р. 70 к., что произошло в 1761 г. Поэтому «за несостоянием сработать за весь полный оклад приходили мы многие во всеконечное разорение и нищету», писали крестьяне. В заключение они поручали своему депутату просить в Комиссии по Уложению о повышении ставок платы за заводские работы, об оплате «прохожих дней» и о том, чтобы они отрабатывали на заводах подушный оклад только за годных работников, а за малолетних и других вносились бы крестьянами подушные одними деньгами.²¹

Эти пожелания встречаются почти во всех наказах приписных крестьян, как общие наболевшие места. Но ряд наказов отличался большей подроб-

¹⁸ Неясно, почему участвовал в выборах Зверев, о котором в протоколах первичных выборов ничего не говорится, но отсутствовал Панкратьев, выбранный от Аятской слободы; он в действительности и участвовал в Екатеринбурге в избрании провинциального депутата.

¹⁹ Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 96, л. 54 об.

²⁰ Сб. РИО, т. СХV; «Материалы Екатерининской комиссии», т. X, СПб., 1903. Предисловие В. Сергеевича, стр. III.

²¹ См. наказ в приложении к настоящей работе.

ностью и содержал добавочные требования. В качестве примера укажу, что депутат от приписных крестьян Пермской провинции Федор Полежаев получил наказы как от пергичных, так и от уездных избирателей, где имеются конкретные и подробные указания, рисующие местные условия, и вместе с тем встречаем те же требования, что и в Екатеринбургском наказе. Немногие опубликованные наказы приписных производят впечатление хорошо обдуманного и тщательно и конкретно изложенных донесений об их нуждах. Они проникнуты сознанием большого значения выборов и связывают с Комиссией выполнение своих ожиданий. Когда крестьяне «дождались и выслушали» манифест, то, по их словам, «веляя радости исполнились».²²

Федор Ермаков, вероятно, понимал недостаточность одного этого краткого наказа и принял меры для получения дополнительных пожеланий своих избирателей, но на пути его стало неожиданное препятствие: он был лишен по приказанию Екатерины II своего депутатского звания. К сожалению, обстоятельства этого редкого случая остаются не вполне выясненными. Более подробно, чем другие историки, хотя также недостаточно, остановился на этом А. Флоровский. Он приводит Ф. Ермакова как пример того, что некоторые депутаты переоценивали значение своего звания и превышали свои полномочия. Ермакову поставили в вину, во-первых, то, что будто бы он вмешивался в распределение работ между приписными крестьянами; он предлагал в особом «приказе» уездным поверенным собрать сход и составить перечень нужд и обид в дополнение к наказу и заявлял: «Ежели кто в заводских работах ослушен будет, то они должны сотникам и старостам чинить вспоможение, а при том же вас, депутатов, от заводских работ мирским людям напрасно не накладывать излишно, чтоб завсегда были в зимних работах, а других прочих заводских работ, подвод и мирских поборов не спрашивать, затем, что они, депутаты, завсегда во всякое время будут спрашиваны». Вторым проступком Ермакова являлся сбор денег с крестьян в свою пользу, до получения депутатского жалованья; этот сбор, однако, производился с ведома генерала Ирмана. Юстиц-коллегия считала, что «приказы» Ермакова давались им «не из хитрости», а клонились «к единому попечению о крестьянах». Екатерина II, распорядившись лишить его депутатского звания, принимала во внимание первую его вину, именно его «приказы». Тот же исследователь отмечает необоснованность этого распоряжения, по его словам, императрица «не во всех случаях так оценивала подобные поступки депутатов».²³

В сенатском указе, основанном на указе Екатерины II от 22 августа 1768 г. о лишении Ермакова депутатского звания, сказано, что он собирал с крестьян на свое содержание по 3 коп. с души и посылал от себя «письменные приказы, вмешиваясь тем некоторым образом в распределение заводских работ». При этом предписывалось взыскать с него эти деньги в том случае, «когда сами крестьяне оных требовать будут». Он должен был возвра-

²² Сб. РИО, т. СХV, стр. 264—301, 280, 285. В. Семейский (цит. соч., т. II, стр. 435) говорит о 80 наказах и доверенностях от приписных крестьян, изученных им в архивных делах Екатерининской комиссии, и отмечает, что в числе их имеется «множество доверенностей от крестьян Екатеринбургского ведомства», но они остаются до сих пор неизданными.

²³ Сб. РИО, т. XXII, стр. 48. На заседании 30/IV 1768 г. было объявлено требование ген.-прокурора А. А. Вяземского прислать депутата Ф. Ермакова в Сенат для ответа в том, что он своими «приказами не только собирал на содержание свое с крестьян по 3 коп., но и в распоряжение заводских работ мешался». А. В. Флоровский. Состав законодательной комиссии 1767—1774 гг., Одесса, 1915, стр. 572. См. также: А. Филиппов. Депутаты Екатерининской комиссии и Сенат.— Журн. мин. юстиции, 1910, сентябрь, стр. 29—30.

тить золотой депутатский знак, а также Большой Наказ и получить паспорт для проезда домой. После этого предписано было генералу Ирману собрать «слободских и сельских преждевыбранных поверенных» и выбрать вновь к 20 ноября 1768 г. уездного поверенного и провинциального депутата. На место Ермакова был послан в Екатеринбург другой поверенный, упоминавшийся выше Зверев. Девять «преждевыбранных уездных поверенных» собрались снова в Екатеринбурге 12 декабря 1768 г. и произвели новые выборы в присутствии поручика Порецкого. Вместо Ермакова был послан депутатом в Комиссию крестьянин Краснопольской слободы Афанасий Потанин. Ему также «на первый случай для пропитания» было дано на дорогу до Петербурга по 1 р. 20 к. от каждого уездного поверенного, и затем эти деньги также собирались с крестьян. Последнее обстоятельство лишний раз указывает, что не сбор денег был основной виной Ермакова.

Можно высказать предположение, что здесь сыграло свою роль не только вмешательство в распределение заводских работ, тем более, что, по признанию Юстиц-коллегии, оно делалось им «не из хитрости». Наряду с этим не менее серьезной виной могло явиться собрание дополнительных сведений о крестьянских нуждах. На основании архивных данных А. Флоровский отметил, что Ермаков предлагал уездным поверенным собирать сход и составить в дополнение к данному ему наказу перечень нужд и обид приписных. Чрезмерная краткость Екатеринбургского наказа, в особенности по сравнению с обширными наказами соседних Кунгурского и Соликамского уездов,²⁴ могла побуждать депутата к продолжению собрания и обсуждения крестьянских требований.

Вслед за выборами депутатов, в середине 1767 г. на Урале вновь поднимается волна крестьянских волнений, что побудило правительство даже послать кунгурского депутата с успокоительной миссией.²⁵ В этих условиях собрания крестьян, обсуждение и выработка пожеланий и т. п. могли представиться политически опасными и нежелательными. Этим, вероятно, и объясняется расправа с Ермаковым. Трудно согласиться с тем, будто здесь проявилось преувеличенное сознание своей роли или переоценка депутатского звания, свойственные «малопросвещенной среде» крестьянства, как считает А. Флоровский. Вместе с тем эти обстоятельства, связанные с лишением уральского депутата его звания, так же как и посылка на заводы другого депутата в целях увещания крестьян свидетельствуют о политической активности приписных крестьян.

Волнения на демидовских заводах в 60-х годах также показывают, что заводские рабочие уже срослись с заводом, они предъявляют к владельцу требования повышения оплаты, признания их государственными крестьянами, а не демидовскими крепостными. Они хотят ограничить свои обязательные отношения с заводчиком лишь работой за подушный оклад, соглашаясь сверх того работать «из воли», т. е. в порядке вольного договора. Они сумели создать свою организацию в виде мирской избы со старостой и выборными и общими собраниями, получившую в разгар событий власть и влияние на заводах. Правительство послало кн. Вяземского усмирять восстания на Урале, и тот должен был хотя бы в небольшой мере пойти на уступки. Приписные Нижнетагильского завода настаивали на полном освобождении от приписки. Они показали свою сознательность и активность во время выборов в Комиссию по Уложению. Вместе с тем они не оторвались еще от крестьянства, что ярко обнаружилось в событиях крестьянской войны 1773—1774 гг. на Урале.

²⁴ Сб. РИО, т. СХV.

²⁵ В. Семевский. Цит. соч., т. II, стр. 429.

2. ВОССТАНИЕ ПУГАЧЕВА И УРАЛЬСКИЕ РАБОЧИЕ

Рабочие и крестьяне Урала приняли широкое участие в восстании Пугачева. Для освещения крестьянской войны 1773—1774 гг. основными источниками являются следственные материалы, допросы участников восстания, доклады начальников правительственных войск и в особенности манифесты Пугачева и донесения его подчиненных. В демидовском архивном фонде сохранились иного рода документы: переписка заводских приказчиков, относящаяся ко времени восстания, приказы властей, направлявшиеся к заводской администрации, а также постановления и челобитья крестьянского мира. Эти документы, за исключением челобитий, исходят от врагов крестьянства, в них повстанцы названы «злодеями». Но вместе с тем документы живо рисуют отдельные эпизоды и помогают представить характерные особенности крестьянской войны в условиях горнозаводского района.

Восстание Пугачева началось в сентябре 1773 г. на р. Яике и в первые же месяцы охватило Башкирию и Приуралье. На Среднем Урале действовал пугачевский атаман И. Н. Белобородов, уроженец Кунгурского уезда. Повстанческие отряды, сформированные им, направлялись отсюда на восток, в насыщенный заводами край. В январе 1774 г. Белобородов занял Билимбаевский завод, затем захватил принадлежавший Ширяеву Шайтанский завод, ставший базой, откуда распространялось восстание; захвачен был и Уткинский завод Александра Демидова. Повстанцы угрожали нижнетагильской группе заводов Н. А. Демидова, а также Невьянскому заводу, принадлежавшему в это время С. Яковлеву. Екатеринбург очутился вскоре в кольце восстания. Полковник В. Ф. Бибииков, начальник Главного правления горных заводов, на первых порах растерялся и собирался покинуть город, выведя из него всех «благородных» — дворян и чиновников, но затем он стал формировать карательные отряды и рассылать их в окрестности города и по заводам для борьбы с повстанцами. На помощь ему шел с запада, от Кунгура, правительственный отряд секунд-майора Д. Гагриина, постепенно вытеснявший восставших из заводов и вступивший в середине марта в Екатеринбург.²⁶ Под Челябинском действовал атаман Грязнов, и в городе вспыхнуло восстание, подавленное генералом И. Деколонгом. Бибииков обратился к нему 12 января 1774 г. с просьбой о помощи для защиты Екатеринбурга. Деколонг двинулся на помощь к нему в обход города, восточнее его, на Шадринск и Далматов.²⁷ Заводская контора в Нижнем Тагиле превратилась в организационный центр, в своего рода штаб по борьбе с восстанием на подчиненных ей заводах Н. Демидова и в ближайшем районе. Заводская контора руководилась распоряжениями полковника Бибиикова, направлявшимися из Екатеринбурга. Демидовская администрация действовала заодно с правительственными войсками, мобилизовала крестьян в отряды казаков, во главе которых становились сержанты и заводские служители, снабжала эти отряды пушками, порохом и т. п. Однако усилия властей и заводской администрации наталкивались на сопротивление широкой массы мастеровых и крестьян, сочувствовавших восставшим, не желавших выступить против них и нередко прямо переходивших на сторону Пугачева.

²⁶ «Пугачевщина», изд. Центрархива, 1929, т. II, стр. 325—335; М. Мартынов. Пугачевский атаман Иван Белобородов на Урале.— Историч. журн., 1943, № 5—6, стр. 33—36; Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, СПб., 1884, т. II, стр. 340. Н. Чупин указывает, что Белобородов занял 9 заводов. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып. I. Пермь. 1882.

²⁷ А. Дмитриев-Мамонов. Пугачевский бунт в Зауралье и в Сибири, СПб., 1908, стр. 69—71.

Наши материалы относятся к моменту наивысшего подъема восстания на Среднем Урале — к февралю и отчасти к марту 1774 г. Для борьбы с восставшими нижнетагильская заводская контора мобилизовала на своих заводах и деревнях значительные вооруженные силы. Вокруг Нижнетагильского завода были сделаны завалы, расставлены караулы, в деревни и ближайшие заводы отправлены вооруженные отряды, по дорогам посланы разведчики. По ликвидации восстания, осенью того же года был сделан общий подсчет, согласно которому для отражения повстанцев главная заводская контора направила 883 вооруженных и 82 верховых, а также 20 лыжников; многие из заводских жителей ставили вместо себя наемщиков за плату. На содержание этих отрядов было истрачено из заводских средств, а также из мирских сумм 11 321 руб.

Повстанцы наступали на Уткинский завод, и администрация завода принимала меры к его защите. Завод был окружен «городом», т. е. укреплен, и защищался отрядом во главе с сержантом Курловым. Поблизости, в дер. Галашки стоял вооруженный отряд, сформированный нижнетагильской заводской конторой и возглавлявшийся демидовским служителем. Последний переписывался с Уткинским заводом, рассылал разведчиков и собранные сведения отсылал в Нижний Тагил. Они сохранились среди бумаг нижнетагильской заводской конторы.²⁸ С Уткинского завода власти пытались вести активные действия против наступавшего Белобородова. Оттуда писали, что «из заводского городу на поражение злодея по наступам его отправили при команде самого сержанта 100 человек и две пушки». Донося об этом 1 февраля 1774 г. в Екатеринбург, сержант Курлов просил полковника Бибикова прислать на завод ружья и порох. Эти известия привез в Галашки «самовидец тамошних смятений и слышатель всех происхождений», который и был отослан отсюда для доклада в Нижний Тагил. Вслед за тем в Галашки прибыл посланный с Шайтанского завода на Невьянский; он рассказал, что с Уткинского завода «все жители, оставя... женского полу и малых ребят, высланы на поражение злодея, и слух де происходит стрельба, и Шайтанскому заводу состоит уже крайняя опасность». В то же время проехал через деревню посланный из Екатеринбурга от Бибикова на Уткинский завод и сообщил, что полковник приказал «еще в прибавок з заводов людей с ружьями требовать». Наконец, сержант Курлов с Уткинского завода потребовал от демидовского служителя, чтобы он со всем отрядом шел к нему на помощь. Пришло известие, что «идет большое сражение и злодеев большое число и крайняя опасность». Но отряд, расположенный в дер. Галашки, для своего выступления ждал приказа от нижнетагильской конторы; из отряда писали, что у них «построение батарей и завалов очень хорошо и место к безопасности, кажется, надежное», недостает лишь пороху; служитель просит также доставить 10 ружей (фузей), кремни к ним, 30 рогатин, подсумки и т. п.

Приближение крестьянской войны к этому району вызвало ряд приказов Бибикова, направлявшихся в Нижний Тагил. 1 февраля 1774 г. он писал в нижнетагильскую контору, что «злодейская толпа» уже овладела Чусовской слободой и пытается ворваться в Уткинский завод. Он предписывает нижнетагильской заводской конторе во всем содействовать находившемуся на Уткинском заводе сержанту Курлову. 3 февраля он приказывает выслать на помощь к нему вооруженных людей с Нижнетагильского завода. Опасность нарастала столь быстро, что уже на следующий день, 4 февраля, он снова шлет приказ в Нижний Тагил помогать

²⁸ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 37, л. 59—270.

также Невьянскому заводу С. Яковлева в случае угрозы со стороны восставших.

«Баталия» у Уткинского завода, как писали оттуда, началась 3 февраля и закончилась на первых порах успешно для правительственной стороны, «победой и одолением» врагов. Но это был мимолетный успех. Учитывая серьезность положения, нижнетагильская контора обратилась за помощью, кроме Екатеринбурга, и к гороблагодатскому горному начальству, расположенному дальше от района событий, и извещала о «жестоком сражении». С своей стороны, нижнетагильские приказчики спешно отправили 4 февраля в 12 часов ночи порох и оружие для своего отряда, расположенного в дер. Галашки. Они приказали половину отряда «с огненными оружием и одною пушкою» направить на помощь к Уткинскому заводу и следовать туда «с крайним поспешением и осторожностью».

Однако отряд демидовских заводских крестьян отказался выполнить полученное приказание. Тревожное донесение об этом носит помету «секретно». Сначала служители и пушкарки согласно приказу кинули жребий и разделились пополам. Затем был собран отряд, и сперва десятникам, а потом и остальным «конвойщикам» объявили о приказе половине их идти на подкрепление к Уткинскому заводу против повстанцев. Отряд отказался выступить, ссылаясь на опасность и указывая, что «готовы идти все, а половинное число малолюдством погублены будут». Тогда снова «им в довольном увещавании было говорено и присланные к нам ордера чтены, что повелевается только на Уткинский завод послать половину, а там на Утке насланных из других мест людей и оружия и пушек довольно». Но увещания не подействовали, «они, напротив того, еще единогласно сказали, что они готовы указного повеления слушать и за отечество до последней крови капли стараться, точию все, а не половина, и чтоб с ними был для предводительства ими из главных командиров хотя один».

Они выступили в поход, хотя и с большим опозданием, но известие о возобновлении сражения под Уткинским заводом снова привело к остановке. «Наши сто человек, посланные из Галашек, остановились в пути», писал начальник отряда. Они встретили в дороге служителя Невьянского завода, сообщившего об окружении повстанцами Уткинского завода и убеждавшего вернуться обратно в деревню. Составили совет, послали еще за пушкой, и только новая встреча с верховым татаринном, заявившим, что Шайтанский завод Яковлева еще не занят, побудил отряд продолжать путь. Они дошли до Шайтанского завода и там узнали, что повстанцы отступили несколько в сторону от Уткинского завода и дорога туда еще свободна, хотя на ней и «учинен завал». Отряд вошел после этого в Уткинский завод.

«Мы теперь в огне,— писал начальник правительственного отряда с Уткинского завода, упрекая нижнетагильскую контору в бездействии. — Што вы, батюшки, делаете, я не знаю, пожалуйста людством и подкрепите. Худо наше дело...»

Сражение под Уткинским заводом продолжалось несколько дней. Полковник Бибииков придавал ему большое значение и требовал помощи от нижнетагильской конторы, «ибо целость Уткинска [завода] защищает и Нижнетагильские заводы». Бои сопровождались распространением повстанцами манифеста Пугачева и закончились полной победой восставших.

В сохранившихся донесениях приведены интересные подробности этих сражений. 6 февраля из невянской конторы дали знать в Нижний Тагил, что «злодейская партия помянутой Уткинской завод атаковала и лежащая с Шайтанского в Уткинской завод дорога тою злодейскою

партией занята, и слышно де в том Уткинском заводе и около оногo пре-великая пушечная и ружейная стрельба». Повстанческие войска подступали также к Билимбасвскому заводу, опасность угрожала Невьянскому заводу, и приказчики его просили о присылке вооруженных людей с пушками и оружием. Однако нижнетагильская контора отказала в помощи, указав, что опасность ближе к Нижнему Тагилу, чем к Невьянску. С Уткинского завода сержант Курлов также требовал отправки к нему дополнительно 200 вооруженных людей и грозил жаловаться в Екатеринбург. Из Нижнего Тагила отвечали, что в боях уже участвуют посланные заводской конторой 250 человек. О боях под Уткинским заводом им доносили: «... 6-го числа часа за три пред светом неприятели со стороны от Курьи на Уткинской завод зделали нападение и весь тот день даже до самых сумерек были с нашими заводскими под командою сержанта в сражении. А пред самым вечером неприятели, видя в себе неустроенность и урон, отступили в первое место к Курье».

Три дня спустя бои возобновились. «От неприятелей мы при здешнем заводе сего 9-го числа... с полуночи находимся в осаде и весь дeнь происходило сильное сражение,— писали вечером после боя с завода.— Однако по власти всемогущего бога еще теперь в целости, только пороху у нас мало, пожалуйста, батюшки, как можно, хотя до двух пуд сюда в скорости пришлите... а неприятели расположились у города ночевать».

«Дайте руку помощи! Пришлите как скоро можно еще до пуда [пороха]. Злодеи учинили... свой под заводом лагерь. А теперь наши учиняют наступ. Батюшки, помилуйте... теперь ума у меня больше нет»,— взывал в тот же день 9 февраля с Уткинского завода другой демидовский служитель.

Восставшие применяли свои приемы. Двигаясь к Уткинскому заводу, отряд повстанцев вел «пред собою из мелкой чащи и усыпая снегом вал, и к самому заводу приблизился, обвалил себя большим валом и зделался к бою готовым». Со стороны завода на эти приготовления отвечали пушечной пальбой. На другой день нижнетагильская контора обратилась в Екатеринбург к Бибикову с просьбой прислать порох для Уткинского и Нижнетагильского заводов и при этом доносила, подытоживая полученные известия, что Уткинский завод «многочисленною [толпой] из русских и башкирцов атакован и с полуночи на 9-е число происходит с пресильным наступлением жестокое сражение». На следующий день, 10 февраля сражение продолжалось. Повстанцы делали «ко атаке разные покушения, то выездом в коннице на пруд, то по учрежденной от нас батарее в Вятской улице, а иногда под башню и частью наступом к городской стене».

Интересно сообщение о попытке повстанцев вызвать переход гарнизона Уткинского завода на сторону Пугачева. С этой целью распространялся указ Пугачева с обещанием «вольности», т. е. освобождения крестьян.

Утром 11 февраля из лагеря повстанцев, отстоявшего не более чем на ружейный выстрел от завода, выступил «один татарин», крича о желании вести переговоры. Им был поднесен на шесте «лист», который был снят подъехавшими с завода людьми. В нем, по неуклюжим, но выразительным словам демидовского приказчика, «заключен положенный российский титул принятием имя покойного императора Петра третьего и потом [заключены] разноослепленные к прелести бесковарного и малоосмысленного людства вольности».²⁹ В ответ на манифест Пугачева из осажденного

²⁹ Ср., например, наиболее распространенный из указов Пугачева от 2 декабря 1773 г., начинающийся словами: «Божиею милостию мы, Петр III, император...»;

Уткинского завода была послана копия с манифеста Екатерины II от 29 ноября 1773 г., содержащего угрозы вернуться к повиновению. Повстанцы не оставили его без ответа, и «против одного вынесли вторичной лист умножаемой более того еще прелести». Пугачевский манифест по распоряжению сержанта, возглавлявшего правительственный отряд на заводе, был «предан огню».

Тогда осаждающие пошли на приступ. «Около 9 часов пополудни во всех своих силах вдруг сделали нападение во все утвержденные против них места, сперва в ста трех [т. е. отрядом в 300 чел.— *Б. К.*], спустя конницею на пруд отобранными самыми наездниками, чтоб ворватца тем прудом у плотины к канторе, во-вторых, против стоявшей нашей от него главной батареи по Вятской улице, в-третьих, против городской башни, в-четвертых, к городской стене в преумноженной силе с превеликим криком и визгом. И первая от своего места со уроном обращена в бег, и по такой на нее злости за прудом дворы зажгли; второй — сержантом Курловым ис трех пушек столь сильной удар двинут, что злодеи принуждены были оставить свою батарею. Но теми ж с пруда злодеями по неосторожности обывателей со огородов ворота были незаперты,³⁰ вломясь чрез дворы в улицу, сержанта Курлова с ымеющею при нем у трех пушках командою окружили с тылу». Сержант был убит, и команда его взята в плен. Число повстанцев, как доносил приказчик со слов пленных, достигало 5 тыс. чел.;³¹ гарнизон завода состоял из 1 тыс. чел. Повстанцы могли восполнять потери «в своих шеренгах» свежими силами, несмотря на большой урон. Завод был занят повстанческой армией.

Крестьянская война расширялась. Занятие повстанцами Уткинского завода произвело огромное впечатление на крестьян. Под влиянием этого успеха заводское население отказывалось выполнять приказы военного начальства, выходило из повиновения заводской администрации и готово было перейти на сторону Пугачева. Полковник Бибиков приказал нижнетагильской заводской конторе выделить дополнительно 300 вооруженных людей при 2 пушках. Это распоряжение мотивировалось тем, что Уткинский завод защищал от наступления армии Пугачева также и Нижнетагильский завод. Главная заводская контора, получив этот приказ 11 февраля, разверстала это число мобилизованных между подчиненными ей демидовскими заводами, но в ответ стали приходить в Нижний Тагил донесения о неповиновении. При этом рабочие выступали нередко организованно через мирские органы. Рассмотрим эти донесения с мест.

«От мирского старосты Егора Куклина с сотники и мирскими людьми» Нижнетагильского завода через день, 13 февраля, поступил рапорт, что ввиду занятия повстанцами Уткинского завода «люди не согласились» выступить и решили оставаться в Нижнем Тагиле при заводе. Они объясняли свой отказ также и тем, что «и так у нас разослано сот до осми человек».

На Салдинском заводе волнения начались еще накануне получения этого распоряжения, при первых вестях о занятии восставшими Уткинского завода. С Салдинского завода бежали приказчик и расходчик, и оставшийся на заводе конторщик сообщал: «Здешнего завода жители поутру на базаре по дошедшим в уши их вестям многими толпами

в нем сказано: «всякою вольностию отеческой вас жалуем». В указе от 1 декабря 1773 г. Пугачев жаловал «землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и прочими угодыями, также вольностию». — «Пугачевщина», т. I, стр. 36, 37.

³⁰ Эта «неосторожность», можно полагать, не была случайной, и порога, может быть, намеренно были открыты сторонниками Пугачева из числа гарнизона.

³¹ Ниже привожу сведения из донесения владельца в Берг-коллегию, где указано, что осаждающих было 4 тыс. чел.

собравшись и более ни о чем не говорили, как только о побитии известными злодеями всех находящихся в Уткинском заводе людей. И для того уже они давать в канвой людей не будут и хотят остатца для охранения здешнего завода». Уговоры демидовского подьячего, увещавшего их на базаре и в конторе не причислять себя к «бунтовщикам», остались безрезультатны: «На что они почти единственно сказали, что желают умереть в своем заводе, а более назначенные к посылке имеют большее упорство и проговаривают, когда де отсюд приказчик и расходчик уехали, то они более их повиноваться никому не обязаны». Письмо оканчивается просьбой к нижнетагильским приказчикам приехать на Салдинский завод «для унятия показанного начинающегося самовольства».

На следующий день (14 февраля) из Салдинского завода пришло новое донесение об отказе рабочих выполнить приказание выслать 54 чел. для нового отряда против восставших (в счет 300 чел.). Они «с того Салдинского завода не пошли, а хотя по первому ордеру и высланы были, но точию з дороги обратно во означенной Салдинской завод возвратились».

На Черноисточинском заводе было получено 12 февраля распоряжение нижнетагильской главной конторы остановить молотовые и запереть мастерские, а всех людей собрать, вооружить и быть готовыми к отпору. Двое верховых, посланных на разведку, сообщили о взятии Уткинского завода. Тогда заводские жители «явились ослушны» и отказались выполнять работы по завалу дороги, ведущей к заводу. Только после «увещания» они завалили дорогу, но, приехав домой, хотели ее снова «разрубить», т. е. очистить. Когда пришел на Черноисточинский завод приказ дать в новый отряд с этого завода 33 чел., оказалось, что «здешняя контора к тому наряду приступить за упорством людства не в силах».

Эпизод с завалом в новом донесении приказчика изложен более подробно: «Наряжны были из жителей часть людей с произведением за ту работу поденной платы для невозможного злодеям к Черноисточинскому заводу прохода к завалу лежащей к Висимошайтанскому заводу дороги, которые, собравшись, просили с меня росписки, с тем якобы они опасаютца, чтоб им не принять за тот завал от злодеев наказания. И взяли нас на тот завал с расходчиком Алексеем Поповым, которые несколько дорогу завалили, с полверсты или более, и, приехав на завод, обратно хотели ехать, оную разрубить». Донесение об этом заканчивается указанием на решительный отказ от мобилизации: «И требуемых людей без согласия протчих заводов людства они не дают». Представляет интерес эта ссылка на рабочих других демидовских заводов. Не исключена вероятность сношений между ними, хотя прямых сведений об этом не имеется.

На Выйском заводе староста с мирскими людьми также не согласились дать требуемое пополнение в правительственные отряды под тем предлогом, что вследствие «малого числа» они могут попасть в плен к восставшим.

На Висимо-Шайтанском заводе жители начали присоединяться к восстанию. Узнав об исходе боев за Уткинский завод, они стали «в подданство злодейской толпы склонны и зачинают чинить бунт». Донося об этом в Нижний Тагил, здешние конторские служители сообщали, что сами они находятся под караулом рабочих, намеревающихся выдать их пугачевцам («в отдачу злодею»). Они просили главную заводскую контору выручить их «из видимой гибели». Письмо, посланное из-под караула, имеет надпись: «Переслать в скорости». Гнев рабочих, таким образом, направлялся на демидовскую крепостную администрацию, в которой они справедливо усматривали верных исполнителей воли владельца и своих непосредственных угнетателей. Однако главная контора в Нижнем

Тагиле оказалась бессильной чем-либо помочь арестованным рабочими служителям. Она ограничилась предписанием сделать жителям «благопристойное увещание, чтобы исполняли волю божью и присягу».

Тесная связь событий на демидовских заводах с победой Белобородова на Уткинском заводе отмечена в донесении нижнетагильской главной конторы полковнику Бибикову от 14 февраля. Приказчики должны были признать, что приказ полковника о составлении нового охранного отряда из 300 чел. не мог быть выполнен, так как после взятия повстанцами Уткинского завода люди «от робости» отказываются идти даже на караулы на дороги. Не надеясь на рабочих, контора просит о присылке «в таком крайнем и опасном случае» военной команды.³²

На сторону Пугачева склонялось не только заводское население, но и крестьяне ближайших сел, готовившиеся встретить его хлебом-солью. Вот что писали в главную контору из Салдинского завода 14 февраля: «В приписное к Нижнетагильскому заводу село Покровское приезжали три татарина и три казака со увещанием. И по общему де покровских крестьян приговору согласились охотно, ежели известная злодейская шайка к ним приедет, то встретить их с святым образом, хлебом и солью и повиноваться, тож и в Ильинской слободе учинено». Следует отметить, что в этом случае, как и в ряде других, татары, башкиры и русские крестьяне выступали в полном единении.

Из того же с. Покровского три недели спустя (5 марта) пришел в Нижний Тагил рапорт «из мирской земской избы от мирского старосты Василья Пономарева с сотники и с мирскими людьми»; в нем было сказано, что в с. Покровском все обстоит благополучно и нападений повстанцев нет. Спокойствие настало, повидимому, в связи с затуханием военных действий и отступлением Белобородова из этого района, а также в связи с тем, что из Екатеринбургa прислан сержант, ставший во главе отряда «выборных» казаков, конных и пеших, которые держат «для закрытия и осторожности как при селе, так и отъезжие дневные и ночные недреманные караулы и бекеты».

То же самое происходило и в других соседних заводах и деревнях. Староста Глинской слободы писал 8 марта в Невьянский завод, принадлежавший С. Яковлеву, о слабости караулов и заявлял, что «имеется великая опасность от пугачевской шатости от слобод Белоярской, Новопышминской, чрез село Покровское к новостроющемуся Режевскому заводу». Имелось опасение, как бы «злодейская Пугачева партия незапно от вышеупомянутых слобод по дорогам к Режевскому не напали и не пожгли б тот завод». Невьянская заводская контора на следующий день, 9 марта, выслала в слободу «команду с пушкой и оружием». Десятого марта в с. Покровское также «от стороны Невьянского завода отправлена в пристойном числе команда». Таким образом, «спокойствие» поддерживалось вооруженными отрядами. Вместе с тем гороблагодатское горное начальство принимало меры для охраны более северного района, послав туда команду с пушкой.³³

К району восстания приближался правительственный отряд секунд-майора Гагрина. Уткинский завод был вновь отбит, и попытки повстанцев при помощи укреплений из срубленных деревьев и завалов вокруг завода вернуть его не удалось.³⁴ С Уткинского завода писали 9 марта в Нижний Тагил, что завод «был злодеями овладен, но... от того ига свободен и очищен, однако еще мы в великой опасности от народных развратов».

³² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 37, л. 144.

³³ Там же, д. № 4070, л. 20. Указы нижнетагильской конторы за 1774 г.

³⁴ М. Мартынов. Цит. соч., стр. 36.

Нижнетагильская главная контора приступила к сокращению караванов по дорогам и к частичному возвращению людей на завод, а также к сбору розданного оружия. 17 марта было послано на Висимо-Шайтанский завод предписание вернуть «пушки с припасами и снарядами и со всеми имеющимися при них пушкарями». С завода были отосланы две пушки, медная и чугунная, снаряды и 28 ружей; при этом с завода сообщили, что «опасности уже не стало».

Таким образом, хотя заводы Н. А. Демидова не были заняты восставшими, но победы Пугачева и его атаманов имели большое революционизирующее значение. Повстанцы несли с собой манифесты «о вольности». Заводские жители и крестьяне отказывались идти в правительственные отряды и готовились встретить с хлебом-солью приближавшиеся повстанческие войска. В отдельных случаях арестовывались приказчики. Последние действовали заодно с военными властями, организуя вооруженные отряды для усмирения восстания. Каждый завод представлял собой крепость с вооруженной охраной, которая руководилась и контролировалась из центра, из Екатеринбурга. Дворянское правительство, кроме того, сумело стянуть сюда значительные военные силы со стороны, это обусловило перевес на стороне правительства.

В этих событиях вместе с тем отчетливо выявился стихийный и ограниченный характер крестьянских восстаний в эпоху феодализма. Отказывавшиеся повиноваться и восставшие заводы и деревни оставались несвязанными между собой и были усмирены при первой крупной неудаче повстанческих войск. Они нуждались в революционном руководстве со стороны другого класса, еще отсутствовавшего. Рабочие мануфактур в XVIII столетии, проявляя переходные черты, еще не были революционным фабрично-заводским пролетариатом.

В Петербурге владельцы уральских заводов ловили известия о грозных событиях, и среди бумаг московской и петербургской демидовских контор сохранились копии с официальных донесений о военных действиях под Оренбургом и на Урале усмирителей восстания генералов И. Деколлонга, П. Потемкина, кн. П. Голицына, кн. Ф. Щербатова и полковника В. Бибикова. Заводчики стремились использовать события для нажима на правительство и просили о снятии с них за время остановки заводов десятины и казенных поставок. Петр Демидов (племянник Н. А. Демидова) объявил в Берг-коллегии 31 января 1774 г. донесение с принадлежавшего ему Ревдинского завода, что «усилившимися там злодейскими башкирскими и других народов партиями» захвачены и опустошены ближайшие к нему заводы — Шайтанский завод Сергея Ширяева, Билимбаевский — Лазаревых, Сергинский — Ивана Ширяева. По его словам, та же «злодейская партия для такого ж зла отправлялась на ево Ревдинский завод, почему, слыша столь превеликой страх и усилие злодеев, с ево заводов Ревдинского и Бисертского, оставя все заводское правление в покровительство одному только божию провидению, прикащики, служители и частью мастеровые люди принуждены выехать в Екатеринбург, а остальные ж мастеровые и работные, кои разобраны в разъезд для осторожности, а другие спасать себя бегством, по лесам рассеялись...» Эти заводы были заняты пугачевскими отрядами.

Другой из Демидовых, Александр, подал в Берг-коллегию 10 февраля рапорт о захвате повстанцами пяти его пермских заводов. В его распоряжении тогда еще оставался Уткинский завод, но и он был остановлен в связи с «рассылкой в разные места мастеровых и работных людей». Позднее он сообщил о дальнейших событиях, что «злодейская до четырех тысяч человек умножившаяся толпа с военными орудиями, преодолев превосходством своих сил», завладела 11 февраля его Уткинским заводом.

Он также просил о снятии с него поставок железа, якорей и военных припасов. Заводчик Сергей Ширяев сообщал полученное им из Екатеринбурга от 31 января известие, что принадлежавший ему Шайтанский завод занят повстанцами, но наибольший вред принесла ему воинская команда, действовавшая против повстанцев и сжегшая завод «до основания», причем были уничтожены материалы, деньги, а также «конторские письменные и прочие дела». Хотя нижнетагильская группа заводов Н. А. Демидова не была занята войсками Пугачева, он также заявил в Адмиралтейство и в Берг-коллегию о невозможности выполнить казенные поставки из-за остановки его заводов в связи с рассылкой рабочих на караулы и в правительственные отряды.³⁵

Заводчики принимали меры для подавления восстания вооруженной силой и вместе с тем стремились ослабить ненависть рабочих и внести разложение в их ряды. В этом отношении показательно распоряжение Н. А. Демидова, посланное 21 марта 1774 г. из Петербурга, где он в то время находился. Он требовал от нижнетагильской конторы по случаю «несчастливых приключений», как он называл грандиозное восстание, доказать «особливо свою добрую услугу». Заводская контора должна была своевременно отправить от пристани караван с железом и обеспечить людей продовольствием, «дабы они оставались при возможных своих спокойствиях». Он предписывал увещевать рабочих от участия в восстании и составить из них отряды для отпора повстанцам, но главную надежду возлагал не на них, а на военную силу: «А между тем, собрав всех заводских жителей, — наставлял владелец нижнетагильских приказчиков, — объявить и почаству делать справедливые увещания, толкуя всем отнюдь не верить бунтовщицким от поганого изверга пугачевского разглашениям». Необходимо «все к вооружению способности исправить», вооружить людей для отпора, сделать новое оружие, устроить палисады и рогатки, расставить часовых и производить «всевозможную недремлющую осторожность». Отвращая от «унылости», он, однако, надеется главным образом на «ожидаемые легулярные войска».

Не довольствуясь этим, Демидов запрещает приказчикам «своевольничать» и даже разрешает присылать к нему «мирское справедливое изъяснение за общими руками» с жалобами рабочих на «отягощения». Он предписывает широко объявить об этом и, «собрав из лутчих от каждого мастерства по человеку или по два, сие прочесть». В этом послании он старается уверить, что никогда не желал «умножить свои доходы от прискорбного жителям утеснения».

Крестьянская война частично захватила вотчины Н. А. Демидова. Посланные еще до начала восстания для работы на уральских заводах крестьяне его приволжской Фокинской вотчины были задержаны там под предлогом, что события не позволяют прислать вместо них новую партию. В случае их побегов с заводов домой было предписано годных отдать в рекруты, а негодных сослать на поселение. В феврале последовало новое распоряжение — оставить их на заводах на будущее лето, а относительно бежавших домой отменялось предыдущее предписание о сдаче беглых в рекруты. Все усиливавшийся размах восстания, очевидно, заставил владельца отказаться от этих репрессивных мер. Фокинская контора в марте 1774 г. доносила, что местные власти потребовали дать людей, вооруженных и с амуницией, для отпора «появившихся около Оренбурга разбойника Пугачева партей».³⁶

³⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 123, л. 25—27 об., приказные дела 1774 г.; из постановления Берг-коллегии в марте 1774 г., л. 81; д. № 4071, л. 3.

³⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 53, л. 51—52, 69, 79—80.

Пугачев переправился через Волгу 17 июля 1774 г. после сражения под Казанью, и вслед за тем пламя восстания охватило все Поволжье. Отряды повстанцев рассеялись, по словам нижегородского губернатора, по Курмышскому, Ядринскому, Алаторскому, Нижегородскому и Арзамасскому уездам, и крестьяне были приведены «в великое возмущение и неповиновение своим помещикам и начальникам». В районе фокинской демидовской вотчины действовал пугачевский полковник Аристов. Поблизости, в с. Воротынце, принадлежавшем графу Головину, крестьяне встретили Аристова хлебом-солью, захватили полотняную фабрику и повесили управителя.³⁷

Тревожные известия побудили Н. Демидова, находившегося в Петербурге, отправить в фокинскую контору предписание: «Небезызвестно мне, что злодейские изверги Пугачева партии показываютца близ нижегородских моих вотчин и ложными своими увещаниями многих крестьян склоняют на свою сторону». Он приказывал ловить «подговорщиков» и передавать их воинским командам. Повстанческий полковник Аристов был схвачен унтер-офицером нижегородского батальона в с. Фокине.³⁸ Это событие было отмечено в письме Демидова к фокинскому приказчику 10 сентября 1774 г., которое должно было способствовать приведению крестьян в полную покорность. Главный участник захвата Аристова был отпущен на волю, другие избавлены на три года от несения оброка. Об этой «милости» владельца оповещались все демидовские вотчины, о ней должны были читать на сходах. Священникам в вотчинах предписывалось разъяснять прихожанам самозванство Пугачева, указывать, что он с его «дьявольскими помощниками не иное что, как отчаянная слепота, а не самомалейшая вероятность». Эти меры владельца были связаны со страхом перед разраставшимся восстанием.

Сведения о событиях в приволжских демидовских вотчинах отрывочны и неполны, но они свидетельствуют о колебаниях крестьян и об ограниченности крестьянского восстания.

Как отражение восстания следует отметить, что в октябре 1774 г. Н. Демидов распорядился о пересмотре оплаты поденным работным людям на заводах: дровосеки должны были получать по 7 коп. за день, подростки — по 6 коп.; заработная плата женщинам устанавливалась тоже в 6 коп.; оплату труда малолетних должна была пересмотреть самостоятельно нижнетагильская заводская контора.³⁹ Насколько новая оплата оставалась ничтожной, видно из того, что она далеко отставала даже от тех размеров, какие были установлены правительством по манифесту 21 мая 1779 г. (конному работнику летом 20 коп. в день, пешему 10 коп., зимой конному 12 коп., пешему 8 коп.).

Заводчики стремились использовать открывшиеся после восстания возможности для давления на правительство в собственных выгодах. В разгар восстания Демидовы вместе с другими заводчиками просили о временном снятии с них десятины и казенных поставок. Они распорядились тщательно собирать сведения о всех убытках, причиненных им во время восстания. Еще в марте 1774 г. Н. Демидов предлагал нижнетагильской конторе «с начала начавшихся там замешательств по самой день окончания оных зделать верное счисление, полагая действительной расход, потерянное время остановкою заводов, взятое на пристани, отлучением немалого числа людей и сколько из оных пропало невозвратно, и другие убытки». В июне он вновь требовал немедленной присылки пол-

³⁷ «Пугачевщина», ГИЗ, 1929, т. II, стр. 304, 360—362.

³⁸ Там же, стр. 359.

³⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 53, л. 134.

ных сведений как об «уроне» в людях, так и об убытках от остановки заводов и т. п.⁴⁰ Демидовские приказчики проявили исключительную бесцеремонность в исчислении убытков, превосходя даже других заводчиков: «За отлучение мастеровых и работных людей и от остановки фабрик и за неприготовление угля — железа недоделано и впредь от недостатка угля и остановок недоделается и от того недополучится 63 447 р. 41¹/₄ к.». Кроме того, за убитых в сражениях 10 чел. Демидов требовал уплаты по 250 руб. за каждого, т. е. 2500 руб. Даже горное начальство в Екатеринбурге не сочло возможным принять эти сведения. Однако нажим на правительство дал свои результаты. В демидовском архиве сохранилось дело об освидетельствовании казенных и частных заводов для подсчета убытков после восстания. В нем перечислены 25 заводов Демидовых. Всего сильнее восстание охватило заводы южного Урала. Авзянопетровские заводы были сожжены «без остатку», Азяш-Уфимский завод «стоит пуст» и т. д. Заводы среднего Урала простояли несколько месяцев. Следует отметить, что и на них повстанцы уничтожали долговые документы рабочих. В 1775 г. заводчикам был открыт кредит для восстановления заводов,⁴¹ а манифестом 21 мая 1779 г. с них были сняты навсегда казенные поставки. Пока велись на местах подсчеты и демидовская контора готовила рапорты об убытках, заводчик жадно ловил все известия о разгроме крестьянской войны. В демидовском архиве вместе с донесениями усмирителей восстания имеется также письмо генерала Павла Потемкина от 23 сентября 1774 г. в Екатеринбург к полковнику В. Ф. Бибикову с известием о поимке Пугачева. Как известно, Пугачев был связан своими сообщниками после поражения, нанесенного ему генералом Михельсоном, выдан властям в Яицком городке и 10 января 1775 г. казнен в Москве.⁴² Великая крестьянская война закончилась.

Крепостные мастеровые и работные люди уральских заводов принимали в ней участие наряду с крестьянами. Но они еще не были пролетариатом. «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др., — говорит товарищ Сталин. — Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета...» «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг».⁴³

⁴⁰ Там же, л. 82, 100.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, № 368; Д. К а ш'и п ц е в. Цит. соч., стр. 156, 160.

⁴² За два дня до казни Пугачева Прокофий Демидов обратился с благодарственным письмом к усмирителю восстания генералу Михельсону. В письме отмечено, что в Москве многие крепостные люди ожидали прихода Пугачева. — Русск. архив, 1873, № 11, стр. 2234.

⁴³ И. С т а л и н. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, ОГИЗ, 1938, стр. 8—9.

ГЛАВА XIV

«ЖЕЛЕЗНЫЕ КАРАВАНЫ»

1. КАРАВАНЫ ДЕМИДОВЫХ в 1745—1763 гг.

Перевозка железа с Урала на запад, к Петербургу и к Москве, по водным путям была в XVIII столетии грандиозным делом, для которого нужны были многочисленные суда, склады в важнейших пунктах, хорошо сложенный аппарат, требовались тщательная подготовка и труд многих сотен и даже тысяч людей; наконец, нужны были значительные денежные средства. Наличие рабочих в пути по Волге и ее притокам и мобилизация необходимых довольно крупных денежных средств на расходы по караванам судов с железом являлись предпосылками успешности перевозок. Необходимость перевозить на большое расстояние огромную массу железа, меди и изделий из них заставила приспособить тогдашние виды транспорта, водный и гужевой, и развивала их до чрезвычайных размеров.

Путь начинался от пристаней на р. Чусовой, где грузились суда; далее караваны спускались по Каме к Волге, поднимались при помощи бурлаков до Твери и отсюда по р. Тверце и Вышневолоцкому каналу направлялись к Новгороду и затем к Петербургу. Несколько судов от этого каравана отделялись по направлению к Москве — и следовали по Оке до Коломны или шли по Волге и останавливались в верховьях Волги, в устье ее притока Дубны. По месту назначения различали петербургский и московский караваны. Часть судов разгружалась в пути — в Казани, Нижнем, Твери и т. п. Караван судов иногда проходил свой путь в одну навигацию, но чаще всего транспортировка занимала около полутора лет. В последнем случае суда отплывали с чусовских пристаней ранней весной, в апреле, и подходили осенью к Твери, где зимовали. Железо на зимовку разгружалось; суда вновь двигались в путь следующей весной и к концу второго лета или осенью приходили к Петербургу. Это были «зимние» караваны в отличие от так называемых «однолетних», совершавших путь в одну навигацию. Когда они приближались к конечной цели, к столице, на другом конце этого великого водного пути новый караван судов уже спускался по р. Чусовой и Каме к волжским просторам. Одновременно в пути, на разных концах его, находились разные караваны.

Возглавлявшие караван приказчики с пути посылали в Москву «репорты» и вели подробные записи. Сохранившиеся отчеты, караванные книги, прихода-расходные записи помогают восстановить весь путь караванов и организацию дела с значительной полнотой. Из имеющихся архивных материалов интересно в этом отношении уже использованное

выше дело о наследстве Акинфия Демидова, в котором содержится описание его последнего каравана, а также караванов последующих трех лет. Когда в 1745 г. после смерти Акинфия Демидова президент Берг-коллегии получил предписание произвести опись заводов, вотчин и другого его имущества, была составлена также «ведомость о следующем в пути... Ак. Демидова сибирском железном и протчих припасов караване».¹ В караване, стоявшем в этот момент на зимовке, в 47 стругах находилось 323.5 тыс. пуд. железа и других припасов; большая часть из них (29 стругов) шла в Петербург, остальные — в Москву, Ригу, Ярославль и Тверь. Грузоподъемность стругов составляла в среднем 7.1 тыс. пуд., повышаясь в отдельных случаях до 8 тыс. пуд.

Но эти данные не вполне точно передают положение дела, так как опись застала караван уже на зимовке в Твери и частью в Коломне, после долгого пути по Чусовой, Каме, Волге и Оке. Между тем часть судов не доходила до Твери и Коломны, так как определенное количество железа на нескольких стругах предназначалось в Нижний, Казань, Кострому и другие города; некоторые суда разбивались в пути и груз тонул, что особенно часто случалось на р. Чусовой. Наконец, с Урала в составе каравана отправлялось не только железо, но и чугун для демидовских молотовых заводов, расположенных на Каме и Волге, где он переплавлялся в железо. Значительный интерес поэтому представляют иные, более полные сведения, сохранившиеся в том же архивном деле о наследстве Акинфия Демидова, но относящиеся к следующей после его смерти навигации 1746 г. (табл. 69).

Таблица 69

Состав каравана 1746 г.

Пункты назначения	Число стругов	Вес груза	Сумма (руб., коп.)
Петербург	23	118 509 п. 31 ф.	73 684.35
Москва	5	30 450 » 18 »	19 489.31
Тверь	5	35 313 » — »	19 512.93
Ярославль	5	28 598 » 25 »	12 487.99
Кострома и Норское	1	7 898 » 33 »	4 171.30
Белев	1	6 014 » 11 »	2 546.87
Тула	5	38 763 » 39 »	8 266.55
Симбирск	1	7 174 » 28 »	3 383.65
Макарьевская ярмарка	1	9 333 » 13 »	13 519.77
Казань «на вышепомянутых стругах»	—	4 027 » 10 »	2 769.70
Соль Камская	1	4 572 » 11 »	2 097.57
Тобольск, Тара, Тюмень	1	4 879 » 27 »	2 518.03
Рождественский завод	4	28 451 » 16 »	1 808.10
Чугунский нижегородский завод	7	45 495 » 37 »	12 301.20
Суксунский, Ашапский, Бымовский заводы	2	4 044 » 25 »	1 303.61
В с е г о	62	373 528 п. 4 ф.	179 860.66

Эти данные показывают, что в 1746 г. отправлено было 62 струга и притом не только по Волге и далее — на Петербург и в Москву, но железо посылалось и в Симбирск, а также в Тулу и Белев (т. е. в сторону от волжского пути); сверх того оно шло на восток — в Сибирь, к Тобольску,

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 399, 403 об.— 405.

и на север — в Соликамск. Из общего количества 373 тыс. пудов на сумму 179.9 тыс. руб. следует, однако, исключить штыковой чугуны, который не шел на рынок, а являлся сырьем для передела в железо на демидовских заводах: с этой целью чугуны направлялись в Тулу, на Чугунский завод в Нижегородской губернии на Волге (у с. Фокина) и на Рождественский завод на Каме. Всего на эти 3 завода для передела в железо отправлялся огромный груз — 96.8 тыс. пуд. штыкового чугуна, что составляло 25% всего каравана (373.5 тыс. пуд.). Однако при низкой стоимости чугуна (6 коп. пуд) этот груз составляет в ценностном выражении лишь 5808 руб., или 3% общей суммы (179.9 тыс. руб.). Если исключить эту часть каравана, составлявшую, вероятно, 14—15 коломенок, то за вычетом чугуна общий груз каравана 1746 г. (276.3 тыс. пуд.) оказывается на 14% меньше каравана 1745 г. (323.5 тыс. пуд.). Особенно сильно сократился отпуск железа в Петербург (118.5 тыс. пуд. против 205.8 тыс. пуд. в предшествующем году).

О караване следующего, 1747 г. имеются еще более подробные данные, интересные тем, что в них выделен груз, идущий на казенные поставки и на вольную продажу, а также содержатся ценные сведения о рабочих людях, взятых на караваны из демидовских крепостных.²

В этом караване на 62 стругах было отправлено 414.9 тыс. пуд. Как и в предыдущем случае, отпущен был на 9 стругах и 2 «стружках» полупродукт — чугуны на Рождественский завод (на Каме), на нижегородский Чугунский завод (у с. Фокина), а также отправлено для заводских нужд железо и другие изделия на медные уральские заводы и на строившийся тогда Шульбинский завод на Алтае. Это составит 72.9 тыс. пуд., за исключением которых окажется готовых изделий на продажу и казенные поставки 342 тыс. пуд., что близко к данным 1745 г. (323.5 тыс. пуд. без чугуна). Из железа, отправленного в Петербург, часть предназначалась для сдачи в казну — в Адмиралтейство и в гофинтендантскую контору — 61.2 тыс. пуд.; на вольную продажу шло 159 тыс. пуд. из общего числа 220.2 тыс. пуд., направленных в Петербург. На стругах, отправлявшихся в Москву, имелись-mortиры и гаубицы весом в 3663 пуда и бомбы и ядра — 2698 пуд., что, однако, составляет лишь 13% всего московского груза (48.5 тыс. пуд.).

Кроме Москвы и Петербурга, железо и другие изделия шли в приволжские города — в Тверь, Ярославль, Казань и на Макарьевскую ярмарку, т. е. сбыт приурочивался к водному пути. В сторону от волжского водного пути — в Алексин направлялся один струг; небольшое количество чугунных изделий шло к Соли Камской. Наконец, как и в предыдущем году, с Нижнетагильского завода были отправлены 2 «малых стружка» в Сибирь — в Тобольск и Тюмень.

Обслуживание каравана рабочей силой частично происходило за счет демидовских крепостных, но еще большее число бурлаков нанималось из вольного люда на пристанях Волги и Камы. В 1744 г. по распоряжению Акинфия Демидова была установлена ежегодная отправка крестьян на пристани: из нижегородских вотчин (из сел Фокина, Варган, Юркина и Выпокова) — 150 чел., из арзамасских — 70 чел.; отправлялись крестьяне также из галицких, царевосанчурской и казанской вотчин; всего из вотчин было послано 420 чел. Крестьянам было приказано работать на караване в пути от Сулемской пристани до Лаишева и затем до Нижнего, «а от Нижнего, ежели кто доле итти в работе не похочет, отпускается обратно в вотчины». Оплата крепостным устанавливалась в том же размере, как и вольным; как увидим далее, это правило осуществлялось и впредь.

² ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 486—492, 512—513.

Сложная организация каравана и его долгий и трудный путь по великому водному пути могут быть отчетливо изучены по материалам вотчинного демидовского архива после раздела 1757 г. Надо иметь в виду, что после раздела демидовского хозяйства на три части вместо одного каравана отправлялись три, принадлежавшие трем владельцам. Произошли и другие изменения; так, были закрыты нижегородские заводы и старый Тульский завод, в силу чего отпала необходимость везти чугун с Урала к Нижнему и в Тулу для передела его там в железо.

Сохранились рапорты и денежные отчеты, связанные с перевозкой железа, и притом за весьма ранние годы — за 1758—1759 и 1762—1763 гг. В первой из этих книг начальные записи ³ связаны еще с разделом наследства Акинфия Демидова между тремя его сыновьями. Делили суда-коломенки, струги и лодки, железо, находившееся на складах по городам и в пути, а также дома и дворы, где находились провинциальные конторы, и денежную наличность на местах. Дошедшая до нас переписка относится к части младшего из братьев — Никиты Акинфиевича и касается первого его каравана после раздела.

Рапорты приказчиков с каравана прежде всего вводят в обстановку Твери — важного пункта в движении судов, где происходила зимовка каравана. Для понимания этих рапортов надо помнить, что одновременно могли находиться в пути два каравана: один из них заканчивал свой путь, другой начинал его. В Твери происходит подготовка к отправке с Урала нового каравана; сюда, в Тверь, съезжаются приказчики как для работы в тверской конторе, так и для отправки с судами и снастью обратно на Урал. Жизнь на пристани оживает весной. Приказчик Иван Левицкий, находившийся в Твери, получил во время зимовки каравана в феврале 1758 г. приказ от московской домовой конторы принять после раздела демидовского наследства треть железных и чугунных припасов, а также струги и барки. 26 марта 1758 г. приказчик Левицкий сообщает из Твери Демидову: «от судов наших господских лед сломали». Железо, предназначенное для продажи, остается в Твери, и сбыт его поручен демидовскому крестьянину Барышникову, вызванному для этого из ярославской вотчины в качестве приказчика. Другая часть железа, оставшегося от раздела и предназначенного для поставки в Адмиралтейство, а также якоря, всего 4.5 тыс. пуд., были погружены 10 апреля в одно судно и отправлены по р. Тверце к Петербургу. Этот струг двигался с большими затруднениями. Из-за мелководья застряли в 55 верстах от Твери, не доходя 5 верст до Торжка, и здесь пробыли от 18 апреля до 2 мая.

Тем временем в Твери заняты были подготовкой нового каравана. Отсюда надо было перегонять на восток порожние суда, возвращавшиеся на Урал, для будущего каравана; это были 13 прошлогодних старых коломенок и барок с 5 липовыми дощаниками и лодками-однодеревками. Из Москвы приехали двое служителей, чтобы сопровождать пустые суда, и получили 15 пуд. пороха в 5 бочках для доставки их на заводы, где порох нужен был для бурения руды. Тотчас после раздела наследства, 9 марта, из Твери выехали на подводах в Москву приказчик Гаврила Соловьев и расходчик, ведавший денежной частью.⁴ Они привезли в Москву 9 тыс. руб. из тверского наследства, которые сдали в московскую демидовскую контору, и 12 марта выехали из столицы на Урал, взяв с собой солдата «для лучшего в пути проезда»; на путевые рас-

³ Свердл. обл. арх., ф. 102, л. 16. Рапорты о продаже железа и о движении караванов в 1758—1759 гг.

⁴ В использованной книге копий рапорты и письма переписаны не в хронологическом порядке; здесь использованы документы, помещенные на л. 1—14 и затем на л. 43—44, 52—60 об.

ходы они получили 100 руб. 19 марта Соловьев был уже в Казани, где принял от здешних приказчиков вырученные от продажи железа 5 тыс. руб.

Вернувшись на Урал, оба приказчика вновь отправились с новым караваном обратно на запад. Путь этого каравана можно проследить по всех подробностях. На Каме, на Васильевом Лугу, приказчики приняли доставшиеся по разделу их хозяину 16 стругов, груженных 108 580 пуд. железа и назначенных для следования «в российские города». Для работы по сплаву железных караванов еще в феврале 1758 г. были вызваны крестьяне из демидовских вотчин; так, из сел Фокина и Сомова Нижегородской губернии были высланы 31 чел., из царевосанчурской вотчины 66 чел. и т. д. Общее число демидовских крепостных, высланных из деревень, — 209 чел., все же не может пойти в сравнение с тем огромным количеством людей, которых приходилось нанимать на суда в качестве лоцманов, коноводов и т. п. Помимо того, необходимо было нанимать большое количество волжских бурлаков, заключать с ними договоры, давать им задатки; вместе с тем приходилось опасаться, что эта волжская вольница покинет суда в случае недовольства «рядой» или из-за недостатка продовольствия. Знакомясь с организацией демидовских караванов, надо отметить сочетание труда крепостных с значительным числом вольных рабочих людей. Наем последних требовал крупных денежных средств, преимущественно доставлявшихся местными конторами, которые выручали их от продажи железа.

Проследим долгий путь каравана 1758 г. Караван из 16 стругов 5 мая отвалил от Васильева Луга и пошел по Каме. 9 мая прибыли на Рождественскую пристань, т. е. к Рождественскому заводу, ниже г. Осы, где приняли еще струг с полосным железом (7.6 тыс. пуд.) и свыше 360 пуд. канатов. Всего на 17 стругах находилось 116.2 тыс. пуд. железа, чугуновых припасов и якорей.

Ниже Елабуги, возле с. Свинные Горы, 16 мая было куплено 18 лодок, по 60 коп. за лодку; 20 мая прибыли в Лаишев, где задержались на целую неделю. Из Лаишева приказчики отправили подробный рапорт в Москву. В нем было сказано, что с Васильева Луга до Лаишева суда находились в «путном шествии» 15 дней (с 5 по 20 мая). Длительность пути они объясняли тем, что «в плову» было весьма трудно, и подчеркивали, что, несмотря на трудности, «выплыли все струга благополучно».

В Лаишове приказчики были заняты наймом рабочих людей на суда. Они писали, что в Лаишове «с рабочими людьми ряда еще не кончилась, понеже народ еще цену весьма повышает». Лаишев можно назвать крупным пунктом по найму рабочей силы на суда. Еще швед Страленберг, попавший в плен во время Северной войны и вернувшийся домой из Сибири в 20-х годах, сообщает интересные данные о Лаишове. Это «маленький город в Казанской губернии, расположенный на р. Каме в 30 верстах от впадения ее в Волгу. Здесь, в этом месте, пристают ежегодно суда с солью на их пути из Перми, потому что тут нанимаются рабочие, которые тянут и доставляют эти суда вверх по Волге и в Нижний Новгород. Туда собираются поэтому свыше 2000 крестьян, предоставляющих себя в наем».⁵ Почти то же сообщают в своих географических словарях Ф. Полунин (1773 г.) и затем Щекатов, указывая, что в Лаишове пристают пермские соляные суда и что здесь нанимают работников, чтобы тянуть бечевой вверх по Волге.⁶ Щекатов добавляет к этому, что в июне «здесь бывает

⁵ P h. S t r a l e n b e r g. Das Nord und Östliche Teil von Europa und Asia. Цит. по кн. «Материалы по истории крестьянской промышленности», 1935, стр. LI.

⁶ Ф. П о л у н и н. Географический лексикон, М., 1773, стр. 160.

для приезжающих на барочных караванах работных людей ярмарка, на которой торг производится тутошними купцами и мещанами в своих лавках продажею вриезжающим с верховья Камы на барках с железом работным людям разных съестных припасов».⁷

От Лаишева караван отвалил спустя неделю по прибытии, 27 мая, еще до рассвета, «во всяком благополучии». Три дня шли Камой и Волгой до с. Услон, расположенного против Казани. Здесь стояли два дня (30 и 31 мая), покупали «харчи и хлеб» для работных людей и затем отправились далее. В Казани приказчики производили раздел демидовского двора на три части между наследниками и разгрузили из каравана одно судно, на котором находилось 6.9 тыс. пуд. железа, уклада, чугунных гирь, якорей, ведер и т. п. В Казани караванные приказчики получили от местного приказчика за проданное прежде железо 750 руб. и употребили их на задатки рабочим. 11 июня суда прибыли в принадлежащее Демидову с. Фокино Нижегородской губернии. Из 16 судов здесь оставили одну коломенку с 7 тыс. пуд. полосного железа для продажи его на Макарьевской ярмарке. В Нижний прибыли 19 июня в составе 15 судов, после разгрузки в Казани и в Фокине. 21 июня в Нижний приехал служитель, посланный из Москвы от Демидова с расписанием, сколько надо выгрузить железа в разных городах и по каким ценам его продавать. При этом, в изменение первоначальных намерений, было приказано железо для Москвы везти не Окой, а вверх по Волге, до Твери. В Нижнем удачно продали часть железа, и местный приказчик принял с каравана 7 тыс. пудов полосного железа. Продажа железа с каравана в городах шла успешно. В Казани, в с. Фокине и в Нижнем предполагалось к продаже по 6 тыс. пуд., а «отдавано сверх приказанного по 1000 пуд.», писали приказчики. Из Нижнего отвалили 23 и 24 июня на 14 стругах и лишь 10 июля пришли в Ярославль. Здесь разгрузили железо с двух коломенок и отдали его определенному для продажи железа демидовскому крестьянину Филиппу Иванову. После этого 13 июля прибыли в Рыбную слободу (Рыбинск) на 12 судах.

В Рыбинске происходила «ряда» с лоцманами и работными людьми на дальнейшее следование. Они требовали повышения платы («ряда высоко стоит»), так как их было мало, и почти все ушли на другие купеческие суда; подрядили до Твери лоцманов с оплатой по 6 р. 80 к., коноводов по 6 р. 30 к., носовщиков по 4 руб. Каждую барку должны были тянуть по 9 лошадей в тяге. Сюда пригнали старые барки для перегрузки железа при прохождении в верховьях Волги и по каналу, и от Рыбинска караван отвалил 31 июля уже в составе 20 судов.

В письме караванных приказчиков в Москву содержится просьба обеспечить им содействие зятя Демидова Ив. Мих. Сердюкова, владельца Вышневолоцкого канала,⁸ так как в р. Тверце «стоит много купеческих барок и они мимо себя не пропускают». Только 16 августа суда прибыли в Тверь, т. е. переход от Рыбинска до Твери занял свыше 2 недель. Но приказчики считают этот срок очень малым и ставят себе в заслугу, что «дошли до города Твери весьма скоро».

Еще 13 августа 4 судна были оставлены в устье Дубны со служителем Иваном Лагуновым для отправки отсюда железа в Москву гужом. Оставив часть судов в Твери и на р. Дубне, остальной караван 24 августа отправился вверх по р. Тверце. Лоцманы и коноводы были наняты в Твери до Вышнего Волочка, а водоливы и носовщики — до Петербурга. Сохранился

⁷ Щ е к а т о в. Словарь географический, М., 1904, т. III, стр. 1064.

⁸ Вышневолоцкий канал являлся собственностью Сердюкова и был выкуплен казной у его наследников за 170 тыс. руб.— ПСЗ, т. XIX, указ 19 декабря 1774 г.

в копии договор караванных приказчиков с лоцманами, заключенный в августе 1758 г. Лоцманы договорились: «Нам вести из Твери до Вышнего Волочка по Тверце реке коломенки и барки с погруженным в них разных сортов железом грузом по 10 вершков каждая, а коней дать в тягу по 10-ти лошадей под каждую. А рядом взяли по 30 по 9 рублей с каждого судна на лосмана с коноводами. И итти нам по Тверце реке со всяким поспешением и напрасного простою отнюдь нигде не чинить... А будучи в пути по Тверце реке, с камней сымать и на косах и в порогах подыматца обще и друг другу помогать... И кто из нас с сего договору волею божею умрет или збежит из нас, кормщиков, или кони у кого весьма плохи будут или увечны явятца, то нам, кормщикам, вместо таковых беглецов и умерших кормщиков и коней нанимать от себя и своим коштом». Плата вносится в три приема: в Твери лоцманы и коноводы получали задаток по 15 руб. на каждое судно, в Торжке доплачивалось еще 10 руб., и остаток вносился в Вышнем Волочке. Под договором значатся фамилии 14 лоцманов, это были все тверские посадские люди, из них двое были грамотны и могли сами подписаться.

Караван из 18 стругов прибыл в Вышний Волочек 7 сентября. Здесь он уменьшился на два судна, так как одна барка была отпущена со снастями обратно в Тверь, а другая за ветхостью разломана. В Вышнем Волочке договорились с новой партией работных людей. Железный караван из 16 судов вышел из Вышнего Волочка 12 сентября и «по Мсте-реке через Ношкинские, Басутинские и Боровицкие пороги до устья Цвольной реки плыли благополучно». В порогах большую помощь каравану оказал зять Демидова И. М. Сердюков, владелец канала, сын знаменитого его строителя. Благодаря его ходатайству у местных властей караван не был там задержан, и на суда определили «самых знатных и добрых» лоцманов. За это пришлось отнести начальнику «презент 10 рублей».

Дальнейший путь был особенно трудным. «Не доплыв до Новгорода, над озером Ильменем от божией воли за погодою стояли семеры сутки», — пишут приказчики в своем очередном рапорте. В Новгород прибыли только 29 сентября и на следующий день, 30 сентября, перегрузились из 16 судов на 12. Здесь было учинена «разделка», т. е. расчет с лоцманами и работными людьми, и были подряжены новые — до Петербурга. Из Новгорода вышли 1 октября.

Только две недели спустя приказчики могли сообщить Демидову радостную весть о конце путешествия. «Поздравляю ваше благородие премилостивого государя нашего со счастливым прибытием вашего благородия каравана в Санкт-Петербург, которой в 12 судах во всяком благополучии октября 14 числа по утру 8 часу [прибыл]». Через день после прибытия в Петербург, 16 октября, начали сдавать полосное железо английским купцам «Томасу Арбутноту с товарищи», а также выгружать на частный двор и в палаты Демидовых. Продажа и сдача железа заняла почти месяц и была закончена 13 ноября. Английским купцам (Арбутноту и Риберу) было продано 50 тыс. пуд. ординарного железа. Оставшееся от продажи железа было выгружено в демидовский дом на Васильевском острове.

При Дубенской пристани были оставлены 4 судна на зимовку; отсюда железо гужом перевозилось зимой в Москву. Свыше 14 тыс. пудов железа выгрузили на берег на земле помещика Грязнова, где была выстроена изба, и для караула остались два водолива и служители.

В декабре приказчик выслал из Петербурга в Москву тщательно составленный «экстракт» о приходе и расходе железа и припасов на караване. Всего было вывезено с Урала 116.5 тыс. пуд.; подавляющая масса груза, т. е. 108.5 тыс. пуд., приходилась на полосное железо; небольшую часть

составляло дощатое черное железо — 2.2 тыс. пуд., и различные изделия, как то: мелкие котлы (340 пуд.), блинные сковороды (104 пуд.), якоря (196 пуд.), чугунные котлы для варки пищи, таганы, печные выюшки и т. п. Около 44% этого груза было доставлено в Петербург и почти целиком продано английским купцам, остальное (более половины, или 56%) осталось в крупнейших городах и пунктах Поволжья, а также в Москве.⁹ Этот петербургский караван был «однолетним», т. е. прошел путь с Урала до Балтийского моря за одну навигацию в течение 6 месяцев. Длительные остановки, выгрузка железа для продажи в городах Поволжья, где караван снабжался деньгами, работными людьми и снастью, выделение особого маленького каравана к р. Дубне для Москвы довольно отчетливо отразились в нашем источнике.

Приходо-расходные книги караванных приказчиков позволяют с еще большей конкретностью, нежели рапорты, показать организацию зимующего каравана. Записывая по дням приход и расход, караванные приказчики отмечали пункты остановок, где занимались лоцманы и рабочие, перегружались суда, продавались ставшие ненужными лодки и т. п. Наиболее ранняя книга сохранилась от 1762—1763 гг. Передвижение каравана заняло более года и сопровождалось зимовкой в Твери и на р. Дубне.¹⁰ Во главе каравана стоял караванный приказчик Михаил Загурский, расходчиком, т. е. казначеем, был Влас Чеусов; упомянуты подьячий и трое слугителей. Они получали жалованье, и кроме того, в пути им выплачивались «хәрчевые деньги» по 1 руб. в месяц каждому. Записи начинаются с 14 апреля 1762 г., когда еще шла подготовка каравана к отплытию. В этот день при Нижнетагильском заводе было куплено 2 турецких котла для варки каши на караване; на другой день, 15 апреля, приказчики получили на расходы из главной заводской конторы 500 руб. Точная дата отплытия в записях отсутствует; скорее всего, отъехали от пристани 21 апреля 1762 г. Караван состоял из 14 судов. Одна коломенка разбилась в пути, и далее плыли лишь 13 стругов.

На караване было 11 сплавщиков. Наемные вольные люди работали наряду с крепостными. В смысле оплаты между ними не было разницы; в данном случае крепостные получали по 4 руб. — даже больше вольных, получавших по 3 р. 50 к. Кроме того, было 13 водоливов, очевидно, по одному на каждый струг,¹¹ и 200 чел. «вытных», которые были взяты, вероятно, из демидовских вотчин; из них 105 чел. нанимались до Лаишева; всего на караване при его отплытии было около 300 чел. вместе с приказчиками и слугителями.

Первый перегон кончался в Васильевом Лугу, где надо было рассчитываться с людьми за сплав по Чусовой и частью нанимать новых до Лаишева. В Васильев Луг пришли 25 апреля; отсюда послали человека в Ягошихинскую пристань (Пермь) к находившемуся там демидовскому дворнику с распоряжением, или «ордером», на получение якорей для

⁹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 16, л. 99; повидимому, в этом караване было только продажное железо, без казенных поставок.

¹⁰ Там же, д. № 19, приходо-расходная книга за 1762 г.

¹¹ Водоливом в XIX в. назывался на Волге начальник артели бурлаков; «ему доверялся груз, состоявший на его ответственности, у него хранились документы рабочих и деньги на харчи бурлаков, он должен был сверх того быть плотником, чтобы делать на судне какие понадобятся починки». — «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под ред. В. Семенова, изд. Девриена, СПб., 1900, т. VI, стр. 272. В XIX в. среди волжских бурлаков различали следующие категории: «старший из них, следящий, чтобы груз не подмок, — водолив; управляющий судном — лоцман; передовой в лямке — шишка; идущие в хвосте и обязанные освобождать бечеву, когда она зацепляется за куст или дерево, — косные». — Ю. Г е с с е н. Бурлаки в первой половине XIX в. — Архив истории труда, 1921, кн. 2, стр. 26.

каравана. 6 мая пристали к с. Свинные Горы в устье р. Вятки. Здесь было куплено 13 лодок-однодеревок, по одной на струг. 9 мая пришли в Лаишев, где задержались на 11 дней. В Лаишеве надо было сменить значительную часть людей. Из прежнего состава продолжали и далее плыть на судах 13 водоливов. Сверх того были приняты 13 лодманов для «справления на кормах стругов до Рыбновольской слободы» (Рыбинск). В Лаишеве подряжено на караван 280 работных людей; все они были наняты на «верховой ход», т. е. вверх по Волге до Рыбинска.¹²

Из Лаишева служитель Гаврила Бойцов ездил в Казань «для взятъ дел», а также для закупки пеньковой бечевы на «верховой ход», т. е. для организации тяги судов бурлаками вверх по Волге; запаслись также салными свечами и писчей бумагой, купили 3 тыс. скоб для лодок, 84 пуда лык и канатов, топоры, лубья и рогожи. Из Казани привезли свинцовой дроби и пороху «для береженья в проезде с казной от воровских людей»; это означало, что предстоящий путь по Волге не был безопасен от разбойников. Лаишевскому воеводе вместе с его командой было дано «в почестъ» 1 р. 60 к. Перед выходом на Волгу, как видим, проводилась тщательная и длительная подготовка.

Из Лаишева отошли, вероятно, 21 мая и уже 24-го были в Верхнем Услопе, близ Казани; здесь снова происходил досмотр паспортов, и дано «в почестъ» 2 р. 50 к. Это будет повторяться на Волге весьма часто; так, 28 мая у дер. Сундырской¹³ было уплачено также «в почестъ» офицеру за пропуск коломенок, 29 мая были в Чебоксарах, где происходил снова досмотр паспортов; 14 июня происходил досмотр в Нижнем; проехали Плес, также с досмотром, а 29 июня проезжали Кострому.

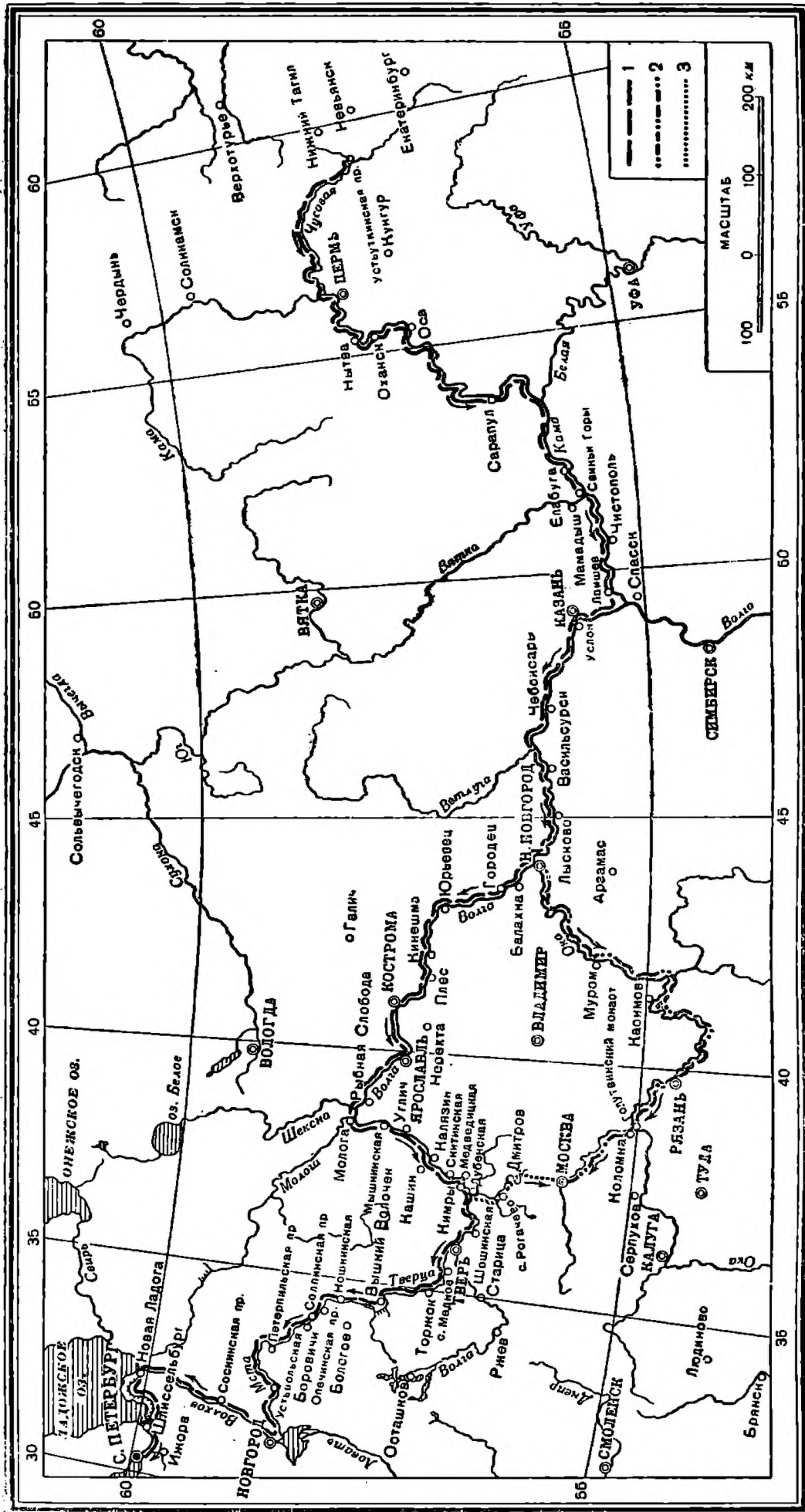
В Рыбинске задержались почти на 3 месяца (с конца июня по конец сентября). Караванный приказчик с расходчиком ездили оттуда в Ярославль на лошадях за деньгами. Караванный М. Загурский ездил также в Моложскую слободу для покупки барок, скоб, бечевы, закупили также паклю и дранье для конопаченья и лощения старых стругов. Было куплено 15 барок, в том числе 5 барок «белозерского дела». 12 сентября происходила «ряда» с лодманами, сопровождавшаяся покупкой вина.¹⁴ В Рыбинске происходила перегрузка на суда меньшей вместимости, приспособленные для перехода Вышневолоцкого канала. Теперь в караване стало уже 30 судов.

Отставшая коломенка, разбившаяся на р. Чусовой, нагнала караван в Рыбинске. На этом струге находились два водолива, лодман и 22 работных человека. «Утопный» струг потребовал расхода за «кованье крюков для таскания из воды железа»; на прокормление работных людей, занятых выгрузкой железа с затонувшего струга, пришлось привезти 16 пуд. ржаной муки с Висимо-Шайтанского завода, и на месте было куплено

¹² «Когда судно идет вниз по реке, тогда бурлаков на нем бывает немного: на самой большой расшиве человек 15; но зато, когда оно идет вверх по течению, на судне бывает до ста человек бурлаков. Вообще принято рассчитывать так, что на каждую тысячу пудов груза, отправляемого «вверх», приходится по три с половиной бурлака». См. Н е б о л ь с и н. Бурлаки.— Журн. мин. вн. дел, 1852, ч. 37, стр. 191. Повидимому, тот же расчет был и в XVIII в., так как большей частью один струг поднимал при отплытии с Чусовой по 7.5 тыс. пуд. Тот же расчет, по три работника на 1000 пуд. от Нижнего до Рыбинска, приведен в «Учреждении о судоходстве относительно системы вод реки Волги чрез Вышневолоцкие каналы» с указом 29 января 1810 г., стр. 13, § 17.

¹³ Впоследствии с. Сундырь, Казанской губернии, Чебоксарского уезда; с 1856 г. переименовано в Мариинский посад. См. П. С е м е н о в. Географическо-статистический словарь, 1866, т. III, стр. 175.

¹⁴ Описание «ряды» в XIX в. с длительными спорами с нанимателем об условиях, кончавшейся угощением вином, см.: Н е б о л ь с и н. Цит. соч., стр. 200—202; Ш у б и н. Волга и волжское судоходство, М., 1927, стр. 263—270.

Путь железных караванов.
 1. Путь по Волге. 2. Путь водной к Москве (Ока — Москва-река). 3. Гужевой путь к Москве

еще 17 пуд. Выгрузка заняла целый месяц, на судно приезжал слугитель «для понуждения» работных людей. «Битое» судно сплавили к Ягошихинскому заводу (Пермь). В Свиных Горах были куплены на струг 2 лодки-однодеревки, в Лаишеве произведен досмотр людей на этом судне. Слугитель, сопровождавший отставшую коломенку, ездил из Лаишева в Казань «для взятия дел» и купил там пеньковые бечевы для «верхового ходу» и сальные свечи. В Верхнем Услоне, Чебоксарах и Васильсурске суда также подвергались досмотру. В Ширмакше коломенки пришлось перетаскивать через мель; здесь же было дано 1 руб. офицеру при лесных судах за пропуск коломенок мимо судов; то же самое пришлось сделать в Кинешме и в Костроме.

Караван в составе 30 судов прибыл 28 сентября в Углич и в Твери был 14 октября; здесь приказчики рассчитывались с работными людьми, лоцманами, водоливами и коноводами. В Твери караван зимовал. Путь с Урала до Твери занял полгода, с середины апреля до половины октября. В октябре были заняты выгрузкой железа в новостроящийся в Твери демидовский дом, а выгруженные суда были отведены вверх по р. Тверце.

Среди расходов, произведенных в Твери, значится также уплата «за дело ножных желез», т. е. кандалов. Дальше увидим, что жизнь на караване была далеко не спокойной, и караванные приказчики применяли крутые меры в виде ареста и заковывания в кандалы. Из Твери 4 приказчика во главе с караванным М. Загурским ездили в ноябре в Москву, откуда Загурский возвратился к каравану только к 1 марта. В Твери пришлось платить за охрану 21 коломенки и барки; уплачено было за посылку рапортов в Москву, куплена писчая бумага, сальные свечи и сургуч. В феврале закупили 24 пуда пакли на пробивку стругов, 150 ведер, а также липовые лопаты для огребания стругов от снега; купили 21 тыс. барочных скоб, чинили лагуны¹⁵ под дощатое железо и т. п. 3 апреля окололи лед у судов, вымели из 22 судов снег и лед и отлили воду. Половодье на Волге причинило немало хлопот, и в апреле записано: «Во время шествия льду коломенки и барки льдом на берег надвинуло и по прошествии льда за снимку з берегу 7-ми судов отдано работным людям 10 р. 20 к.». Пришлось 8 барок и коломенок чинить «от повреждения во время весны шествия льду».

Зимовка в Твери длилась 6 месяцев, с середины октября по апрель. Здесь произвели «ряду» с лоцманами. Караван состоял теперь из 20 судов; было нанято 20 лоцманов, 100 пар коноводов до Вышнего Волочка, и 41 водолив подрядились итти до Петербурга. Караванные приказчики 14 апреля выехали вперед на лошадях в с. Медное для подготовки всего необходимого для каравана; вероятно, тогда же караван двинулся из Твери в дальнейший путь. Караван проходил 17 апреля с. Медное,¹⁶ 23 апреля — Торжок и 1 мая — с. Вытороповское. Во всех этих пунктах за пропуск судов «сквозь мосты» давали «в почесть» местным властям. Из с. Вытороповского приказчик с подъячим выехали вперед на лошадях в Вышний Волочек для найма на караван работных людей. 3 мая караван был в Вышнем Волочке, где задержался, вероятно, до 15 мая.

В Вышнем Волочке начинается знаменитый канал, построенный при Петре Великом. Надо было внести сборы, связанные с прохождением судов через канал; в местной таможене уплатили также за «обмеривание» коломенок, за прописку лоцманов и внесли «посаженные» деньги (всего 35 руб.). В день прихода в Вышний Волочек уплатили сержанту «в Нижнем

¹⁵ Лагуна — бочка, кадь.

¹⁶ Село Медное, Новоторжского уезда, Тверской губернии, на р. Тверце.

слизье за пропуск каравана в канаву», а при отъезде — за пропуск «из канаву в Нижний слиз». Проход по каналу и далее через Боровицкие пороги был настолько труден, что лодманы менялись здесь на коротких расстояниях и сверх договорной платы получали добавочно в благодарность за «благополучный сплав» по 1 руб. Лодманы менялись на перегонах от Вышнего Волочка до Ношкинской пристани, отсюда — до Басутинской пристани, где были наняты 20 новых лодманов, которые вели караван через Боровицкие пороги. 17 мая проходили Ношкинскую пристань,¹⁷ 19-го были в Басутинской пристани,¹⁸ 20-го — в Рядке. Везде уплачивали в почесть капитану, майору или даже полковнику с сержантами, подъячим и сотским. В Рядке взимали попудный сбор, по $\frac{1}{2}$ коп. с 10 пуд.; в караване оказалось 90 тыс. пудов груза, следовательно, барки были небольшие, в среднем вместимостью по 4.5 тыс. пуд. Одна барка разбилась на пороге Жадиных, ее перегружали в купленную в Рядке новую, и на этой работе были заняты 40 чел. Из Рядка расходчик с подъячими выехал с каравана на лошадях в Потерпелицы с деньгами и паспортами «для разделки работных людей». На пути от Рядка на каждом судне находились, кроме лодмана (всех лодманов было 20 чел.), концевые (всех 60 чел.) и «прибавочные»; каждое судно обслуживали 35 чел., а всего на судах было 700 чел.

22 мая прошли Боровицкие пороги и пришли в Потерпелицы. Каждому лодману было выдано за благополучный сплав по 2 р. 50 к. 24 мая прошли Усть-Цвольную. Караван состоял теперь из 19 судов, так как разбитое в порогах судно отстало. 26 мая проходили «сквозь мост» в с. Бронницах, 27-го были в Новгороде, где снова имели дело с полицмейстером (уплачено 9 р. 50 к.), подъячим и сержантом с командой и откуда отправили рапорты в Москву (см. карту пути караванов). К этому моменту караван сократился до 16 судов.

Трудности прохождения судов через Вышневолоцкую систему были отмечены в литературе XVIII и начала XIX вв. Канал и его устройство привлекли внимание А. Н. Радищева. В своей знаменитой книге (1790), в главе «Вышний Волочек» Радищев говорит: «Никогда не проезжал я сего нового города, чтобы не посмотреть здешних шлюзов. Не мало увеселительным было для меня зрелищем вышеволоцкой канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными, и приуготовляющимися к прохождению сквозь слиз для дальнейшего плавания до Петербурга».¹⁹ По описанию Ф. Полунина (1773), Вышневолоцкий канал имеет в длину 3 версты, обладает 2 шлюзами, и «сие место бывает весной весьма многолюдно по причине проходящих в С.-Петербург с хлебом и прочими российскими продуктами барок, коих числом до 2000 в год проходит и на содержание одного канала платятся пошлины».²⁰ О Боровицких порогах

¹⁷ Деревня Ношкино с пристанью — на правом берегу р. Мсты, в 42 верстах от Вышнего Волочка. В середине XIX в. здесь «останавливаются все суда, идущие из В. Волочка для найма рабочих и лодманов на сплав через пороги». — П. Семенов. Географо-статистический словарь, т. III, стр. 561.

¹⁸ Село Басутино с пристанью на р. Мсте. «Близ села пороги, известные под именем Басутинских. Их два: Чернец и Жадины». — П. Семенов. Цит. соч., т. I, стр. 218.

¹⁹ А. Радищев. Полное собр. соч., изд. АН СССР, М.—Л., 1938, т. I. Путешествие из Петербурга в Москву, стр. 323. В своем «Дневнике путешествия из Сибири» (1797) Радищев записал сделанный на караване путь по Каме и Волге до Нижнего. А. Н. Радищев. Сочинения, т. II, СПб. 1907.

²⁰ Ф. Полунин. Географический лексикон, стр. 65—66. См. также: М. Чулков. Описание российской коммерции, М., 1781, т. VI, ч. 1, стр. 407—411; Д. Кафтырев. Описание водяных сообщений между С.-Петербургом и разными российскими губерниями, СПб., 1829, стр. 37, 40—41.

в любопытном описании «внутреннего водоходства» Бахтурина сказано, что пороги «сверх причиняемого затруднения и даже нередко вреда судоходству сея системы — будут служить всегдашнею препоною желаемому возврату судов к местам, где оные грузились».²¹ Щекатов также описывает: «Боровицкие славные пороги, находящиеся на реке Мсте в Новгородской губ., простирающиеся верст на 30; однако плавание на них через посредство искусных лоцманов и по расчищении камней ныне безопасно производится».²²

В Новгороде демидовские приказчики наняли лоцманов до Петербурга, а также 113 рабочих людей, до конца пути, однако в дальнейшем пути надо было вновь брать лоцманов и рабочих. В Малом Волхове 31 мая проходили сквозь мост; 2 июня прошли Ладожские пороги, где подьячий снова прописывал в книги лоцманов, а сержант с командой обмеривал суда. Прохождение Ладожских порогов потребовало новых 16 лоцманов, которым было особо уплачено «за благополучный сплав», и кроме того на каждом судне было по 3 прибавочных рабочих людей. 4 июня караван проходил сквозь шлюз в Новой Ладоге. При шлюзах находились капитан с 2 подьячими, шлюзвахтер и капрал с солдатами, все они получили «в почесть». В Ладоге для тяги судов по каналу купили бечевы, каждая по 500 саж. длиной; по Ладожскому каналу миновали мост в Дубне. Но не так благополучно обстояло дело далее; в Кабане ²³ проходили подъемный мост, и «за повреждение моста от оплошности лоцмана» пришлось заплатить 2 р. 50 к. сержанту с солдатами. По каналу отмечено 25 караулов с часовыми, которым роздано 1 р. 50 к.; канал, как известно, имел на протяжении 104 верст 25 шлюзов.²⁴

9 июня пришли в «Слюзенбург» (так выразительно переделали название города Шлиссельбурга), у которого кончается Ладожский канал. Здесь караван был пропущен «сквозь подъемного моста во двор». После уплаты шлюзвахтеру, полицмейстеру, капралу и подьячему прошли шлюзами в Неву. На следующий день, 10 июня, были на Ижоре (в 35 верстах от столицы). Точной даты прихода в Петербург нет, но это событие отмечено следующей записью: «По прибытии в Санкт-Петербург по просьбе лоцманов и коренных водоливов дано им, 56 человекам, на калачи» (1 р. 50 к.).

Насколько труден был путь от Вышнего Волочка до Петербурга по каналу и через пороги, видно из того, что «не доходя Новгорода, одно судно разбилось у порога, называемого Хопревиком, в 70 верстах от Потерпелицы». Приказчик поехал на подводе покупать новую барку и уплатил подрядчику «на битое судно» 115 руб., вероятно, включая плату за перегрузку железа. Это судно продолжало после этого путь через Новгород и Волхов, догоняя караван, но неудачи его еще не закончились. «Пониже Соснинской пристани на Опочек навалило погодою барку, которую сво-

²¹ «Краткое описание внутреннего Российской империи водоходства..., изданное, при департаменте водяных коммуникаций, соч. секретарем Бахтуриным», СПб., 1802, стр. 25.

²² Щекатов. Географический словарь Российского государства, М., 1801, т. I. См. также: Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, Пермь, 1804, ч. 1, стр. 116, где приведен порядок смены лоцманов и бурлаков; в этой работе дано сжатое и точное описание сплава караванов с железом с р. Чусовой до Петербурга.

²³ Вероятно, имеются в виду впадающие в Ладожский канал реки Дубна и Кабана. См. П. Семенов. Географо-статистический словарь, т. III, стр. 6.

²⁴ Ф. Полунин. Географический лексикон, стр. 159—160; Щекатов. Словарь географический, т. III, стр. 1058. См. также: Н. Озерецковский. Обзорение мест от Санкт-Петербурга до Старой Русы и на обратном пути, СПб., 1808, стр. 102. Озерецковский сообщает, что по Ладожскому каналу суда тянут бечевой и при этом «на барках людей бывает от 10 до 12 человек; из десятих семеро сходочные, два коренные и один кормщик; сходочные тянут барку, коренные выливают из нее воду и караулят, кормщик правит».

ими работными людьми никоими мерами снять не могли». Пришлось нанять людей, чтобы снять судно. Эта слишком широкая барка не могла пройти в Ладоге в шлюзах, и пришлось заплатит «за изломку ворот» и за протаскивание ее «сквозь слюз». В «Шлюшине» (Шлиссельбурге) барка была пропущена в шлюз, но далее не могла пройти, и пришлось, отодрав доски, вытаскивать ее силами солдат. Затем, также при содействии солдат, ее вытаскивали вперед на Неву.²⁵ Аварии в этих местах были часты. Современник отметил, что «последние два судам в ходу по Вышневолоцкой коммуникации препятствия суть Волховские пороги и устье Ладогского канала при Неве, где иногда суда противным ветром удерживаемы бывают до двух недель».²⁶

Караван 1762—1763 гг. закончил свой путь в июне 1763 г. Разгрузка его в Петербурге затянулась. Под 11 июля имеется запись о заключении договора на выгрузку судов, происходившую поблизости от дома Демидова: «В Санкт-Петербурге на Васильевском острове против его высокородия дому на пристани в амбары за выгрузку из 13-ти судов железа ряда — с каждого судна по 4 р. по 50 к. Никите Кандратьеву с товарищи — 58 р. 50 к.». Тогда же производился расчет с водоливами за работу по отливанию воды из барок и за охрану железа. Среди них отмечены не только вольные люди, но и 7 человек заводских и вотчинных крестьян, из которых 4 водолива были отпущены домой. После расчета с рабочими и выдачи жалованья и харчевых денег на руках у приказчиков еще оставалось 540 руб. Наконец, 19 августа расходчик Влас Чеусов с подьячим выехали для отчета на двух подводах в Москву.²⁷

Путь с Урала от пристани на р. Чусовой до Петербурга занял 14 месяцев, а вместе с разгрузкой железа на Васильевском острове даже 17 месяцев (с середины апреля 1762 г. по август 1763 г.), в том числе на зимовку каравана в Твери ушло 6 месяцев.²⁸ Всего труднее был путь по Чусовой и от Вышневолоцкого канала до Петербурга, т. е. самое начало и конец пути. На быстрой горной уральской реке всегда была опасность разбить

²⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 19, л. 21—21 об.

²⁶ «Краткое описание внутреннего Российской империи водохозяйства...», стр. 7. Из последующих данных отмечу, например, что в 1798 г. на Неве выше с. Ижоры затонуло демидовское судно. Петербургская контора Демидова заключила договор с 6 крестьянами. Они обязались поднять из воды все затонувшее железо и обыскать при этом дно реки около судна вверх по Неве и по сторонам на 5 саж. и ниже судна до 20 саж. и «сколько найдется железа, стоячего или лежащего, все стараться вытаскивать же». Контора Демидова должна была выдать им необходимые для работы инструменты: «храпы, крючья, блоки, бревна на козлы и доски на выноску». Им обещали уплатить по 4 1/2 коп. с каждой вынутой из воды полосы и сверх того отдать в собственность затонувшее судно. Выполнение договора, включая перевозку железа в столицу, потребовало много времени: контракт был подписан 10 ноября 1798 г., и только 7 апреля 1799 г. был закончен денежный расчет «за таскание из воды железа и за перевозку оного в Питербур»; всего было уплачено 411 руб.— ЦГАДА, ф. Демидовых. Контракты 1789—1818 гг.

²⁷ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 19, л. 22—22 об.

²⁸ Календарь каравана 1762—1763 гг. (составлен мною; в прямые скобки ставлю предположительные даты): 1762 г. 21 апреля — отплыли от Усть-Уткинской пристани; 25 апреля — Васильев Луг; 6 мая — с. Свинные Горы у устья р. Вятки; 13-го — Лаишев; отошли отсюда [21-го]; 24-го — Верхний Услон; 29-го — Чебоксары; 5 июня — Васильсурск; 14-го — Нижний; 23-го — Плес; 25-го — Кострома; 29-го — Рыбная слобода; отсюда отплыли [26—27 сентября]; 28-го — Углич; 1 октября — Никольская слобода; 14-го — Тверь, здесь зимовали. Отплыли из Твери 1763 г. [около 15 апреля]; 17-го — с. Медное; 23-го — Торжок; 1 мая — с. Вытороповское; 3-го — Вышний Волочек; 17-го — Ношкинская пристань; 19-го — Басутино; 20-го — Рядок; 22-го — Боровицкие пороги; 26-го — с. Бронницы; 27-го — Новгород; 2 июня — Ладожские пороги; 4-го — Новая Ладога; 9-го — Шлиссельбург; 10-го — с. Ижоры; [около 15 июня] 1763 г. — Петербург; 19 августа — отъезд караванного расходчика для отчета в Москву.

барку; меньшая опасность подстерегала на мелких порожистых реках, как Мста и Волхов, и в узких каналах.

Железные караваны требовали огромного количества людей и значительных денежных средств. Наем рабочих на караван происходил несколько раз в пути, и число нанимаемых менялось в зависимости от количества судов и трудности пути. В 1762 г. от пристани на Чусовой отошли 14 стругов, каждый, вероятно, вместимостью около 7.5 тыс. пуд., а в Твери уже меньшее количество железа перегружено было на 20 судов вдвое меньшей грузоподъемности. На судах находились и крепостные из демидовских вотчин и в еще большем количестве вольные работные люди. В качестве крупных пунктов, где происходила «ряда», выделяются Лаишев, Рыбинск, Тверь и Вышний Волочек — настоящие рынки рабочей силы. Это особенно важно отметить, так как в первые годы XVIII в., когда отправлялись первые караваны с продукцией Каменского и Невьянского заводов, еще остро чувствовался недостаток рабочих для обслуживания судов. А в 60-х годах при отбытии с пристани на Чусовой наняты частью до Васильева Луга, частью до Лаишева, вероятно, около 300 чел. В Лаишеве вновь взяты на 13 судов 13 лодманов, 13 водолизов и 280 работных людей на «верховой ход», т. е. вверх по Волге. В Рыбинске люди меняются, и снова приходится рядиться до Твери. На этом перегоне на караване было 26 лодманов, 55 носовщиков, занятых отливанием воды, и три партии коноводов, всего 112 пар, и т. д. Нанятых лодманов, водолизов и бурлаков на всем протяжении этого каравана можно насчитать около 2.5 тыс. чел.

На оплату их труда требовались значительные средства. Так, на пути от Лаишева до Рыбинска было уплачено 13 лодманам по 17 р. 50 к. каждому, водоливам (13 чел.) и работным людям (280 чел.) по 7 р. 30 к., всего 2044 руб. Общая сумма расходов на караван составляла 12 391 р. 86 к.²⁹

Пользуясь приведенными данными о числе нанятых в пути рабочих и времени прохождения каравана, несмотря на их возможную неполноту, можно приблизительно вычислить трудовые затраты на караван 1762—1763 гг. Они выразятся для пути от уральских пристаней до зимовки в Твери в 20.9 тыс. человекодней и от Твери до Петербурга — в 14 тыс. человекодней. Количество железа, отгруженного с Урала,

²⁹ Приведу в систематическом виде сведения из этой караванной книги о числе нанятых на каждом перегоне людей, их заработной плате и общей сумме расходов. Здесь же указываю число дней прохождения судов.

Нанятые люди по перегонам	Число людей	Заработная плата (руб., коп.)	
		На 1 чел.	Всего
От Усть-Уткинской и Висимо-Шайтанской пристаней до Васильева Луга (5 дней):			
Сплавщик	1	5.—	} 46.— (48?)
Товарищи сплавщика	10	3.50	
Крепостные	2	4.—	
Учешки	2	1.—	2.—
Присадочные	156	1.20	187.—
Присадочные с Висимо-Шайтанской пристани	13	1.20	15.60
Прибавочные	4	— .20	— .80
2. От Усть-Уткинской и Висимо-Шайтанской пристаней до Лаишева (23 дня):			
Водоливы	13	2.10	27.30
Выттые	105	2.10	220.50
Вольные	6	1.50	9.—
Крепостные	7	1.—	7.—

нам неизвестно, но в Петербург после обычной разгрузки части железа в приволжских городах (Нижем, Казани и др.) пришло, вероятно, 90 тыс. пудов и можно предполагать, что было отгружено с заводов около 115—125 тыс. пуд. Следовательно, на каждую 1 тыс. пуд. в пути до Твери был затрачен 181 человекодень и от Твери до Петербурга — 155, всего 336 человекодней, что составит на 1 пуд железа 0.3 человекодня.³⁰

Нанятые люди по перегонам	Число людей	Заработная плата (руб., коп.)	
		На 1 чел.	Всего
3. От Лаишева до Рыбновольской слободы (Рыбинска) (39 дней):			
Водоливы (за отливание поды и паравул в Лаишеве, за 11 суток по 5 коп.)	13	—	7.15
Водоливы	13	7.30	94.90
Лоцманы	13	17.50	227.50
Работные люди	280	7.30	2044.—
4. От Рыбновольской слободы до Твери (20 дней):			
Водоливы	13	4.25	57.50
Водолив до Углича	1	2.25	
Лоцманы	5	7.—	35.—
Лоцманы	4	7.50	31.—
Лоцманы	16	10.—	160.—
Коноводы (пар)	4 1/2	6.—	281.—
Коноводы (пар)	72	9.—	648.—
Посовщики	55	4.25	233.—
5. От Твери до Вышнего Волочка (13 дней):			
Лоцманы	20	10.—	200.—
Коноводы (пар)	100	8.—	800.—
Водоливы	41	9.50	389.50
6. От Вышнего Волочка до Ношкинской пристани (14 дней):			
Лоцманы	20	3.—	60.—
Коноводы (пар)	20	3.50	70.—
Сходошные (до Новгорода)	240	2.10	480.—(504?)
7. От Ношкинской пристани до Басутинской пристани (2 дня):			
Лоцманы	20	—50	10.—
Прибавочные	100	—45	72.—
8. От Басутинской пристани до Рядка (1 день):			
Лоцманы	20	—55	11.—
Концевые	20	—50	10.—
Прибавочные	100	—40	40.—
9. От Рядка до Потерпильской пристани (2 дня):			
Лоцманы	20	2.25	45.—
Концевые	60	1.—	60.—
10. От Потерпильской пристани до Новгорода (5 дней):			
Лоцманы	20	5.—	100.—
Работные люди	700	—30	210.—
11. От Новгорода до Петербурга (20 дней)			
Лоцманы	16	3.—	48.—
Сходошные	113	1.70	192.10
12. Через Ладожские пороги (5 дней):			
Лоцманы	16	—40	6.40
Прибавочные	48	—15	7.20

³⁰ 1) От Усть-Уткинской пристани до Васильева Луга — $187 \times 5 = 935$ человекодней; 2) Усть-Уткинская пристань — Лаишев — $131 \times 23 = 3013$; 3) Лаишев — Рыбинск — $306 \times 39 = 11\ 934$; 4) Рыбинск — Тверь $210 \times 20 = 4200$; и того Усть-Уткинская пристань — Тверь — 20 882 человекодня; 5) Тверь — Вышний Волочек — $161 \times 19 = 3059$; 6) Вышний Волочек — Ношкинская пристань — $280 \times 14 = 3920$; 7) Ношкинская пристань — Басутино — $180 \times 2 = 360$; 8) Басутино — Рядок — $140 \times 10 = 1400$; 9) Рядок — Потерпелицы — $80 \times 2 = 160$; 10) Потерпелицы — Новгород — $720 \times 5 = 3600$; 11) Новгород — Петербург — $129 \times 20 = 2580$; 12) Ладожский канал — $56 \times 5 = 270$; и того Тверь — Петербург — 13 999 человекодней. Всего Усть-Уткинская пристань — Петербург — 34 881 человекодень.

Откуда брались денежные средства, видно из той же приходо-расходной караванной книги 1762—1763 гг. В нижнетагильской конторе при отъезде было получено лишь 500 руб., остальные средства поступали в пути из демидовских контор в крупнейших волжских городах, где средства получались от продажи на местах железа в предшествующее время. Месяц спустя после отправки этого каравана, 24 мая, в Казани было получено от местных приказчиков за проданное железо 1800 руб., в с. Фокипе было принято 1180 руб., в Нижнем — 2751 р. 17 к. и в Ярославле — 1700 руб. В Твери во время зимовки было получено от тверского приказчика за проданное железо 1 тыс. руб. В марте следующего года, перед отправкой каравана из Твери в дальнейший путь, когда надо было рядиться с лоцманами и бурлаками, из московской домовой конторы было прислано в Тверь караванным приказчикам еще 3 тыс. руб. Мелкие суммы притекали в караванную кассу от различных операций; так, в Рыбинске продали 86 шестов с оковами, в Твери — 5 лодок, в Новгороде — 3 барки за 78 руб. и т. д. Таким образом, финансирование караванов прежде всего было связано со сбытом железа в крупнейших пунктах этого грандиозного водного пути.

Жизнь на караванах протекала далеко не спокойно и не мирно. Споры между приказчиками, ссоры и дразги, нередко приводившие к дракам, многочисленные конфликты, связанные с наймом огромного количества рабочих, наконец, частые злоупотребления — разбирались по окончании каравана в демидовской конторе в Петербурге или в Москве, где происходили следствие, суд и расправа по караванным делам и проступкам.

В декабре 1762 г. служитель Семен Гаврилов подал «рабское прошение» Демидову с доносом на караванных приказчиков Перезолова, Масленикова и Левицкого. По его словам, первый из них держал на каждой коломенке по 20 работных людей, а в книгах записывал, будто их было по 21. Когда вотчинные демидовские крестьяне стали проситься с каравана по домам и вместо себя нанимали вольных людей, то приказчик отпускал их только за взятки, получая по 40—50 коп. с каждого; брал он взятки и с тех людей, которых крестьяне ставили вместо себя. Приказчики в Лаишеве погрузили на караван до 700 пуд. хлеба, не сообщая о том в своих рапортах в господскую контору. Приказчик обвинялся также в пьянстве и драке. По этой жалобе допрашивали приказчиков в домовой конторе. Перезолов отрицал все возведенные на него обвинения и объяснял донос Гаврилова его желанием прикрыть свои собственные вины. Приказчик в свою очередь обвинял его в том, что тот сам бил его.³¹ Неизвестно, чем кончилось это дело, но оно показывает, какого рода злоупотребления и ссоры происходили на караванах.

Трудности транспортировки железа вызвали составление в декабре 1765 г. обширной инструкции по устройству и содержанию караванов; она рассылалась из московской конторы в нижнетагильскую заводскую и во все другие конторы. Инструкция носит название «Учреждение об отправлении впредь караванов».³² Из этой записки узнаем, что средние издержки на перевозку железа составляли в то время около 9 коп. с пуда. В ней говорится о злоупотреблениях, наиболее часто происходивших на караванах, и предписываются меры для их устранения. Записка свидетельствует также, что караваны с зимовкой обходились дешевле, чем однолетние, совершавшие весь путь в одну навигацию, что объяснялось не-

³¹ Спердл. обл. арх., ф. 102, д. № 17, л. 30—36 об. Дела следственные караванных приказчиков.

³² Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 129, л. 64—73, предписания Демидова 1766 г.; то же см. ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4036.

обходимостью в последнем случае нанимать в короткое время двойное количество рабочих для прохождения судов.

«Учреждение» начинается с указания на ряд недостатков в организации караванов. Отмечены прежде всего хищения и незаконные продажи в пути и слабость надзора за водоливами и служителями. В качестве недостатка указывается, что караванный приказчик с расходчиком и подъячим обычно находятся на одном судне, называемом «казенным», что служители и водоливы часто меняются в пути. Недостатком признается и то, что в водоливы определяются часто посторонние крестьяне, а не свои, т. е. не демидовские крепостные. Не всегда на судах ставят караулы по ночам, между тем, по свидетельству одного из караванных приказчиков, к нему неоднократно в пути от Рыбинска до Петербурга «по ночам для покражи воры подъезжали».

Для устранения этого в инструкции предлагается ряд тщательно разработанных и подробно изложенных мероприятий. Они сводятся прежде всего, так сказать, к устранению обезлички и к установлению более точной ответственности каждого приказчика, служителя и водолива, затем к строго определенному порядку зимовки каравана и перегрузки в пути. При погрузке и перевозке предлагается не смешивать железо, предназначенное в разные пункты, но следует грузить его в струги стопами под номерами, обозначая на дощечках назначение: в Казань, Нижний, Ярославль и т. д. Перевешивание должно происходить в присутствии отдатчиков от заводов и приемщиков от каравана, с точной записью в книги количества и веса. Водоливы и служители должны быть прикреплены к определенным стругам, каждому служителю достается по три струга, по жребью. На случай аварии на Чусовой предлагается иметь запасных служителей, которые должны оставаться для выгрузки поврежденного судна. Водоливы должны получать точно определенную плату — по 1 руб. в месяц и по пуду ржаной муки. Задача караванного приказчика состоит в том, чтобы иметь «главное смотрение» за всем. Служителями и водоливами должны быть надежные люди, не пьяницы и не моты; следует пересмотреть их состав и оставить только «комплект годных». В пути служители должны находиться неотлучно на своих судах, по ночам иметь караул и не отлучаться от стругов; ленивых рабочих следует публично наказывать с извещением в домовую контору; весы и гири необходимо проверять и запечатывать. По городам железо на продажу должно сдаваться местным приказчикам с точной записью сданного по количеству и весу. При перегрузке «в прибавочные» суда в Рыбинске запрещается смешивать железо с разных судов и от различных служителей. На добавочные суда предписывается назначать в качестве водоливов крестьян из ближайшей ярославской вотчины Демидова и из кашинской вотчины. Этим крепостным крестьянам производится оплата наравне с вольными работниками. Запрещается смешивать железо, идущее в Петербург и Москву, но следует грузить его в особые струги.

Петербургский караван должен зимовать в Твери, где для «складки» железа будет выстроен особый сарай. При разгрузке железо должно складываться в стопы подобно кирпичу; его закрывают тесом и обозначают, за каким служителем оно числится. Караванные приказчики проверяют наличность железа по книгам. Вместо многочисленного штата, остающегося на зимовку, приказано оставлять в Твери не более 5 человек, остальные отпускаются обратно до Казани. В Петербурге не следует задерживаться с приемкой железа, его надо выгрузить на пристани и складывать под демидовским домом. По окончании каравана приказчик обязан представить в домовую контору ведомость о всей наличности железа и выслать шнуровые расходные книги. Запрещается приказчикам

«самовольно и по прихотям своим» продавать железо или давать его кому-либо в долг. «Учреждение» о караванах заканчивается требованием Демидова во всем поступать «наблюдая мою пользу», и если будет поступлено лучше предписанного или «еще полезнее», то за это обещано «верным слугам» награждение. Особенная, «отличная» награда ожидает того, кто добьется сокращения расходов на караван с 9 до 8 коп. на пуд или еще большего снижения.

Эта инструкция отчетливо рисует организационные трудности караванов. Демидов стремится улучшить дело тем, чтобы назначать приказчиками, служителями и водоливами постоянно одних и тех же «своих», т. е. крепостных людей; остальные, повидимому, попрежнему были из наемных вольных бурлаков. Вместе с тем предписывается более сторогая отчетность и прикрепление к каждому из ответственных лиц определенной партии железа; имеется в виду удешевление стоимости каравана. Транспортные издержки являлись весьма важной составной частью цены на железо.

«Учреждение» о караванах не осталось на бумаге: разосланное по всем конторам, оно являлось руководством для приказчиков. Это явствует, например, из того, что ярославский приказчик, получив его в 1766 г., тотчас же распорядился о вызове из ярославской вотчины 15 водоливов к будущему каравану, как это предписывалось «Учреждением».³³ Об этом же свидетельствуют и данные о последующих караванах.

2. КАРАВАНЫ 1770—1774 гг.

Стремление упорядочить и рационализировать сложное дело перевозки железа, отчетливо выраженное в демидовской инструкции, принесло свои плоды, и можно отметить в дальнейшем некоторые изменения в организации караванов. В караванах 70-х годов при отправлении судов с уральских пристаней в караванной накладной книге приводится перечень стругов, и каждое судно записано за определенным водоливом, названным по имени и фамилии; при этом отмечено, сколько на его струге находится железа, и указано, за кем из иностранных купцов оно законтрактовано или в адрес какого учреждения и в какой город направляется. Таким образом, каждый водолив отвечал за свой точно обозначенный груз, как это и требовалось инструкцией.

Второй чертой, характерной для караванов 70-х годов, является то, что в практику прочно входит отпуск ежегодно двух караванов. Один из них — однолетний, который должен был совершить весь путь в одну навигацию, не разгружая железо на продажу по городам в пути. Другой — ординарный, обыкновенный, или зимующий, разгружал часть железа в приволжских городах и оставался на зимовку в Твери и только на следующий год приходил в северную столицу. Однолетний караван требовал быстрой мобилизации крупных денежных средств на короткий срок его прохождения, необходимых на оплату лоцманов и бурлаков, тогда как для зимующего каравана этот расход растягивался на продолжительный срок.

Материалы этого времени позволяют также познакомиться с весьма важными звеньями в организации водного транспорта, именно с отправкой на Урал снастного судна и вербовкой бурлаков на суда, производившейся на р. Вятке и в других местах. Снастным судном называлось ежегодно отправлявшееся из Твери вниз по Волге и далее по Каме судно с запасом бечевы, инструментов, пороха и других «снастей», необходимых для снаряжения будущего железного каравана или предназначенных для заводов.

³³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 102.

К 1770 г. относится любопытное следственное дело о хищениях, разбиравшееся в нижнетагильской заводской конторе. Речь шла о демидовских служителях, плывших на снастном судне.³⁴ Это были Ф. Борисов, приехавший для этого из Петербурга в Тверь, служитель Яков Захаров с женой, подрядчик Ст. Назаров и отправленные по распоряжению владельца в ссылку на заводы демидовские служители Ив. Белый и Сергей Зыков, виновные, главным образом, в пьянстве и разгуле; с ними были также работные люди.

Плыли не спеша; весь путь от Твери до Перми занял 5 месяцев. Оставив у Ягошихи (Перми) снастное судно, Борисов выехал на подводах со своими спутниками в Нижний Тагил. Дело началось после прибытия на место и представления Борисовым денежного отчета в нижнетагильскую контору. Заводские приказчики писали, что ими произведено следствие, ввиду «разных сумнительств об излишне показанных в расход» деньгах. Вопрос о растрате осложнился тем, что в пути на снастное судно напали грабители, и приказчик при отчете присчитал растроченную им сумму к покраденным разбойниками деньгам, чтобы скрыть хищение. Это приключение также представляет интерес как весьма характерное явление тогдашнего быта.

Нападение разбойников на снастное судно произошло на Каме, в глухих, почти безлюдных местах. Оно описано по свежим следам в заявлении, или «извете», сделанном потерпевшими в ближайшей, повидимому, земской избе оханской вотчины Коллегии экономии: «Сего августа 21 числа в полдень... повыше села Беляевского и деревни Ашапу, а пониже деревни Казанки на снастное вышепомянутое господина Демидова судно нагребли сверху в лотке восемь человек со огненным оружием и напали на нас нижайших и перевязали, а потом били леньками и жгли огнем нещадно и при том отняли у нас, Борисова с товарищи, господских денег 180 рублей, а при том у меня, Борисова, взяли шкарбу и протчего, полукафтаные сукна василькова, цена рубль, сапоги козловые, цена 1 рубль 20 к., две шапки круглые красного вишневого сукна, цена 2 р. 45 к., пороху один пуд 20 фунтов, меду, патоки один пуд...» Далее перечислены пограбленные кафтан сермяжного сукна, коты, шляпа и пистолет, принадлежавшие подрядчику Ст. Назарову, и «разный шкарб и пожитки» ссыльных служителей.

В этом году разбойники нападали на суда не только на Каме; еще раньше произошло такое же нападение при отправлении демидовских караванов с пристани на р. Чусовой. Об этом говорится в рапорте нижнетагильской заводской конторы, который не имеет даты, но предположительно может быть отнесен к 1770 г. «...После отправления с Чусовской Устьюткинской пристани однолетних 13-ти стругов,— говорится в рапорте,— того ж числа на оную пристань приплыли сверху реки Чусовой в лотке разбойников человек до двенадцати и, прибежав в дом его высокородия с ружьями, ножами и рогатинами, ис тех ружей стреляли и устрашивали убитьем и притом у бывших тогда при оной пристани дожидющихся с Висимо-Шайтанской пристани стругов прикащика Алексея Иванова с товарищи ограбили господских медных денег 54 рубля 57 копеек, разных вещей и запасу на 20 рублей 11 коп... всего на 100 руб. 73 к.». Те же разбойники ограбили также однолетний караван на р. Чусовой, захватив у караванного приказчика и расходчика 120 руб.³⁵ О поимке разбойников, может быть, тех же самых, свидетельствует имеющееся в том же деле наставление из Верхотурского комиссарства, выданное в февра-

³⁴ Там же, д. № 112, л. 209—214.

³⁵ Там же, л. 127—130.

ле 1770 г., «верхотурскому сыну боярскому», который был послан секретно для поимки «разбойнической партии» атамана Рябова из 7 человек.³⁶

К концу того же 1770 г. относятся рапорты из главной заводской ниже-тагильской конторы о вербовке рабочих для железного каравана, отправляемого будущей весной. Вербовка производилась заранее зимой, для чего были посланы в Вятскую провинцию трое служителей с солдатом. Они выехали 11 ноября 1770 г. и на раздачу задатков должны были получить в фокинской земской избе 5 тыс. руб. О ходе выполнения этого сложного поручения они известили месяц спустя московскую контору. За этот срок они успели побывать в демидовских вотчинах — в с. Фокине на Волге и в царевосанчурской вотчине, подрядили фокинских лопманов и выдали им задатков на 217 руб. После этого они переехали в Хлынов (Вятку), где была заключена «ряда» с лопманами и работными людьми. Лопманы были наняты от Лаишева по 19 р. 50 к. (вероятно, до Твери или Рыбинска), а работные люди были подряжены на караваны с Висимо-Шайтанской пристани на р. Чусовой на весь путь до Рыбинска по 11 руб. и 5 пуд. ржаной муки каждому; «а те, кто поедут с Устьюткинской пристани, получают несколько менее» — по 10 р. 50 к. и по 4 пуда муки на человека. В рапорте, к сожалению, не указано число нанятых людей. Приказчики, занятые вербовкой лопманов и бурлаков, отмечают при этом трудности, возникшие в связи с происходившим в то время рекрутским набором: «как окончится собрание полного комплекта, познать нельзя, ибо здесь людство от рекрутского набора находится во смятении».³⁷ Часть лопманов и бурлаков после «ряды» уже в феврале двигалась в путь к пристаням Камы на Осу, Сарапул и др.

Работные люди нанимались в декабре 1770 г. из расчета, что караван будет состоять из 38 стругов. Весной 1771 г. с чусовских пристаней действительно отправились два каравана из 38 стругов.³⁸ Весной следующего, 1772 г. с чусовских пристаней отплыли — однолетний караван из 14 стругов и обыкновенный в составе 27 стругов.³⁹ Однолетний караван шел с грузом в 105 332 пуда железа и военных припасов. Еще до окончания на Чусовской пристани погрузки железа на караваны произошло исключительное по смелости нападение разбойников на суда и на пристань. При этом три струга с железом потонули: «На 19 число апреля в ночи во время нападения на пристанскую контору разбойниками, отрубя канаты, отпущены [эти суда] на погибель, которые в реке Чусовой и потонули». Для выгрузки потонувшего железа были оставлены особые служители, а недогруженное железо было перенесено на другое судно, вошедшее в состав того же однолетнего каравана.

На протяжении ряда лет можно отметить рост караванов Демидова: в 1758 г. отправлено 16 стругов с грузом в 108 тыс. пуд. железа, в 1762 г. — 14 стругов с 116 тыс. пуд., в 1770 г. — 34 струга с 254 тыс. пуд., в 1771 г. — 38 стругов с 283.3 тыс. пуд., в 1772 г. — 41 струг с 303 тыс. пуд. и в 1773 г. — 45 стругов с общим грузом в 340.9 тыс. пуд.

Караваны, отправленные с Урала весной 1773 г. в составе 45 стругов, представляют значительный интерес. Несмотря на то, что были отправлены два каравана — однолетний и зимующий, им обоим пришлось зазимовать в Твери из-за мелководья. От этих караванов сохранилось большое число

³⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 112, л. 359.

³⁷ Там же, л. 221 и 249.

³⁸ Там же, д. № 121. Караванные книги 1771—1774 гг.

³⁹ Там же. Раскладная книга 27 апреля 1772 г.

рапортов, позволяющих не только представить весь их ход, но и число нанятых в пути лодманов и бурлаков.⁴⁹

Однолетний караван состоял из 16 судов, на которых было погружено 121 445 пуд. железа и военных снарядов. Он отплыл 15 апреля; в ту же ночь одно судно разбилось на Чусовой. Путь по Чусовой и Каме занял 2 недели, и 28 апреля караван пришел в Лаишев, а 9 мая был в Услоне (под Казанью). В пути на Волге приказчик однолетнего каравана получал необходимые ему для расходов деньги из местных демидовских контор, а также из Москвы и Петербурга. Так, в Казани ему было выдано 1760 руб., в фокинской земской избе — 800 руб.; эти деньги ушли на расчет с работными людьми и на уплату задатков вновь нанятым. Из Нижнего он писал 1 июня, что на «разделку» с рабочими в Рыбинске ему нужны будут 1500 руб. и затем до Петербурга потребуется еще «не малая» сумма. В ответ он получил извещение, что в Ярославль ему послано 3 тыс. руб. банковскими ассигнациями, которые он должен разменять на медные деньги. При этом ему писали, что он может не торопиться, так как в Петербурге имеется много наличного железа, а «в запродаже самое небольшое число». Вверх по Волге караван уже шел в 31 барке и суда загружены были лишь на 10—12 вершков.

Караванный приказчик получил в Твери 2 тыс. руб., но просил сверх того выслать ему в Вышний Волочек еще 4 тыс. руб.; он подробно обосновал свои требования, указывая количество нужных в пути лодманов и работных людей от Твери до Вышнего Волочка и далее — до Новгорода и Петербурга. Но этому каравану действительно не пришлось торопиться, и проделать свой путь, как это предполагалось, ему не удалось. Маловодье заставило караван стать на зимовку и превратиться из однолетнего также в зимующий, оставшись на зимовку повыше Торжка, у дер. Городок. Железо было выгружено на берег, суда поставлены в удобные места, и для караула оставались 2 крепостных и 3 наемных людей.

Обыкновенный караван состоял из 29 стругов и отошел от пристани на Чусовой, вероятно, несколько позднее, чем однолетний, а именно 20 апреля (этим числом помечена накладная книга караванов 1773 г.) и 5 мая прибыл в Лаишев. Здесь были взяты на суда «вятские задаточные работники для верхового по Волге ходу»; это были те рабочие, которые подрадились еще зимой и получили задатки, с тем чтобы весной притти в Лаишев. Этот караван останавливался в пути для разгрузки железа, в Казани было отдано 7.3 тыс. пуд., в с. Фокине — 2.2, в Нижнем — 4.3, в Ярославле оставлено на продажу 5 тыс. пуд. и там же для казенных поставок отдано 10.5 тыс. пуд.; для Москвы взяли 40 тыс. пуд. в продажу и 4 тыс. пуд. для артиллерийского ведомства, в Тверь завезли 3.7 тыс. пуд.

Зимовка в Твери в 1773 г. была трудной. В связи с маловодьем множество судов скопилось в Вышнем Волочке и на р. Тверце, где стояли караваны: Евдокима Демидова — 28 барок, Никиты Никитича Демидова — 59 барок, казенных судов — 32; караваны Твердышева и Н. А. Демидова — 80 барок. Было много караванов, груженных дубом и провиантом. На Волге скопилось, по словам приказчика, 570 судов; суда входили в Тверцу и при разгрузке стояли сплошь на протяжении 3 верст. Для разгрузки каравана на зимовку приказчик заключил договор с 5 крестьянами «с товарищи». Железо было выгружено на дворы Демидовых, сложено в стопы и «досками огорожено и сверху покрыто», а барки были поставлены на р. Тверце в удобные места.

⁴⁹ Там же. Накладная книга 20 апреля 1773 г.

От обыкновенного каравана в пути отделились 9 судов с военными припасами; может быть, предполагалось, что они выполнят весь путь в одно лето. Из-за мелководья и этот караван не продвинулся далеко от Твери. В конце сентября 1773 г. приказчик с этих судов доносил, что они стоят в 40 верстах выше Твери, в пороге Осинках, и что он надеется до зимы пройти до Вышнего Волочка. Но еще месяц спустя суда отстояли от него на 45 верст, так как в Вышнем Волочке происходил «вторичный запор воде», и приказчик намеревался выгрузиться на зиму в 80 верстах от Твери.

Таким образом, все три каравана — однолетний, обыкновенный и караван с военными припасами — остались на зимовку. В январе следующего, 1774 г. приказчик обыкновенного каравана писал, что с приближением весны все думают о «ряде» с лоцманами, и в связи с этим просил о высылке ему 4500 руб. Ему нужно было 28 водоливов, и он просил выслать к 1 марта «бывалых и проворных» людей для околки льда вокруг судов. К 28 февраля приказчик провел «обзадачивание» лоцманов, т. е. подрядился с ними на дальнейший путь и выдал задатки. 4 апреля приказчик обыкновенного каравана сообщал, что «ныне приспеваает время отправлению ис Твери каравану», и просил разрешить ему взять 1 тыс. руб. из тверской конторы. Первым тронулся в путь однолетний караван; тогда же, 13 апреля 1774 г., двинулся караван с военными припасами, через два дня вслед за ним вышел из Твери обыкновенный караван.

Но теперь плаванье нарушалось весенним «большеводьем». Однолетний караван должен был вскоре остановиться: «недоплыв до Рятку в 3-х верстах... за большеводьем остановлены», — писал караванный приказчик; пришлось платить «простойные деньги» работным людям. Этот караван простоял с 18 по 28 апреля, когда суда «через Боровицкие пороги пущены и з божьею помощью 23 судна выплыли благополучно, а двадцать четвертое разбито и постановлено в селе Ровном». Здесь договорились с местным купцом о доставке потопленной барки в Новгород. Наконец, 18 мая прибыли в Петербург.

Караван с военными припасами, зазимовавший в 80 верстах выше Твери, перегрузился на 6 судов вместо 9 и благополучно спустился 6 мая через Боровицкие пороги. В Петербург прибыли 25 мая.

Ординарный, или зимующий, караван из 16 судов прибыл в Вышний Волочек 16 мая, где приказчик произвел расчет с работными людьми. Здесь пришлось надолго задержаться. «А из Волочка за коплением во Мсту воды скорого выпуска караванам быть неуловительно», — писал он. В конце мая приказчик опять просит денег; сверх полученных прежде 3503 руб. требуется еще 2600 руб., так как из-за маловодья скопилось много барок, и поэтому дешевой «ряды» не будет. Караван прибыл в Петербург 13 июля.

Трудности пути и сложность организации каравана приводили к стремлению снять с себя все эти хлопоты и переложить их на подрядчиков. В качестве примера укажу, что в 1775 г. был заключен контракт с купцом Моложского посада Як. Ив. Масленниковым на перевозку в следующем году железа в Петербург. Масленников должен был принять в Рыбинске с каравана от приказчиков Демидова от 100 до 200 тыс. пуд. железа и погрузить в свои суда своими работными людьми и немедленно, не задерживаясь более 4 дней, отправиться далее. Демидов должен был уплатить ему по 8 $\frac{1}{2}$ коп. с пуда в три приема — в Рыбинске, в Твери и в Петербурге. На его стругах должны находиться демидовские служители, чтобы «рапортовать» своему господину о ходе каравана, а также «и для безсомнительства, чтоб то железо не было подменено или продано». В Петербурге демидовские приказчики должны были принять у подряд-

чика все железо без задержки, не далее 2 недель. В договоре предусматривалась возможность аварии, за которую также отвечал подрядчик: «Ежели паче чаяния в пути в порогах сильным ветром или быстрою воды разобьет барки о камень или иным каким образом, в таком случае железо из воды вынимать и, в другие струга погрузя, на место поставить мне, Масленникову, своим же коштом»; он же уплачивал Демидову убыток за потопленное железо. Интересно, что этим договором оговаривалась желательность сделать весь путь без зимовки, в одно лето. Договор этот был выполнен в точности. Масленников принял 100 тыс. пудов полосного железа от караванных приказчиков Демидова 10 июля 1776 г. и доставил его год спустя, 20 июля 1777 г. в Петербург. Таким образом, и этот караван задержался на зимовку и пришел в столицу лишь через год после приема его подрядчиком в Рыбинске.⁴¹

Из приведенных в этой главе данных можно заключить, во-первых, о широком использовании не только крепостного, но и наемного труда для обслуживания караванов, а во-вторых, о необходимости мобилизации для перевозок крупных денежных средств. Большая доля в цене железа падала на транспортные расходы. Караван 1762—1763 гг. обошелся Демидову в 12 391 руб. В Петербург было привезено 90 тыс. пуд., кроме оставленного в приволжских городах. В «Учреждении» о караванах, составленном Н. Демидовым, фактический расход на транспорт определен в размере в среднем до 9 коп. на пуд железа.

Роль транспортных расходов можно осветить на основании довольно большого материала Сената и Берг-коллегии конца 40-х годов, которым я воспользовался выше в другом разрезе. Для 1744 г. при этом были собраны подробные сведения о себестоимости, транспортных расходах и прибыли; приведу из этих данных несколько примеров, ограничившись основным продуктом — полосным железом. Его себестоимость на Нижнетагильском заводе составляла $25\frac{1}{8}$ коп., провозные издержки до Москвы равнялись $8\frac{1}{4}$ коп., продажная московская цена была 52 коп. Следовательно, доля транспортных издержек в цене железа составляла 16%, а по отношению к заводской себестоимости они составляли даже 32.8%, или одну треть. Всего ниже была доля транспортных расходов в цене товара в пунктах, лежащих на Средней Волге (Казань), но по мере удаления от Урала и приближения к столицам значение транспортных издержек стремительно возрастало, как это видно из табл. 70.⁴²

Таблица 70
Провоз полосного железа, его себестоимость и цена в 1744 г.

Пункты назначения	Расход на провоз			Продажная цена	Провоз в %	
	с Невьянского завода	с Нижнетагильского завода	Себестоимость 1 пуда железа с Нижнетагильского завода		к себестоимости Нижнетагильского завода	к продажной цене
	(в копейках за 1 пуд)					
Казань	$3\frac{3}{4}$	$2\frac{3}{4}$	$27\frac{7}{8}$	50	9.8	5.5
Нижний Новгород	$4\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$30\frac{5}{8}$	50	11.4	7.0
Ярославль	$6\frac{1}{4}$	$5\frac{1}{4}$	$31\frac{5}{8}$	50	16.6	10.5
Тверь	$7\frac{1}{2}$	$6\frac{1}{2}$	$28\frac{5}{8}$	55	22.7	11.8
Москва	$9\frac{1}{4}$	$8\frac{1}{4}$	$33\frac{3}{8}$	52	24.1	16.0
Петербург	$12\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{2}$	$36\frac{5}{8}$	60	31.6	19.0

⁴¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. 6/№, 1789—1818 гг. Контракты на перевозку железа, л. 20—21 об.

⁴² ЦГАДА, Дела Сената по Берг-коллегии, д. № 8/1510, л. 410—416.

Несколько позднее Берг-коллегия после долгих усилий получила от Демидовых в 1751 г. сведения о себестоимости, расходах на провоз и о ценах. Приведу из этого материала сведения о полосном железе.⁴³ Они также показывают, что от Урала до Казани и Макарьевской ярмарки провоз составлял сравнительно небольшой расход, но далее на запад расходы по перевозке железа в Москву, Тулу и т. д. сильно возрастали (табл. 71).

Таблица 71
Расходы по перевозке железа

Пункты назначения	Продажная цена	Стоимость провоза
	(в копейках за 1 пуд)	
Тобольск	50	1 ³ / ₄
Соль Камская	40	4 ¹ / ₈
Нижний Новгород . .	50	4 ⁵ / ₃₂
Макарьевская ярмарка	50	5 ²⁰ / ₃₂
Казань	50	3 ² / ₃₂
Ярославль	52	5 ¹¹ / ₃₂
Тверь	55	7 ²² / ₃₂
Москва	52	9 ¹⁹ / ₃₂
Тула	52	9 ⁹ / ₃₂

Караванные приказчики в своих отчетах также иногда приводят сведения о транспортных расходах. Осенью 1773 г. приказчик, сопровождавший караван, во время его зимовки сообщает по требованию петербургской конторы следующие сведения: караван его вез 113 888 пуд. железа, и на провоз его было израсходовано до Рыбинска 6424 р. 37 к., или 5⁵/₈ коп. на 1 пуд; от Рыбинска до Твери — 2078 р. 16 к., или 1³/₄ коп.; от Твери до зимовья у дер. Городок — 3763 р. 61 к., или 3¹/₄ коп. на 1 пуд. Всего до зимовки было израсходовано в пути 12.3 тыс. руб., или 10⁷/₈ коп. на 1 пуд. По приезде в Петербург в июне 1774 г. тот же приказчик писал, что им израсходовано в пути от Городенской пристани до столицы 5627 руб. Следовательно, всего он затратил около 17 893 руб., что составляет в расчете на 1 пуд — 15.7 коп.

Другой караван за те же 1773—1774 гг. израсходовал на провоз следующие суммы с учетом разгрузки железа в пути: до Казани довезено 7306 п. 5 ф. железа, израсходовано 160 р. 60 к., или 2³/₁₆ коп. на 1 пуд; до Рыбинска⁴⁴ — 211 032 п. 38 ф., израсходовано 10 626 р. 58 к., или 5¹/₁₆ коп.; от Рыбинска до Твери — 86 344 п. 30 ф., истрачено 2964 р. 45 к., или 3⁷/₁₇ коп., от Твери до Петербурга — 81 835 п. 5 ф., истрачено 5852 р. 12 к., или 7⁷/₈ коп. на 1 пуд. Этот зимующий караван израсходовал 20 731 руб., но с учетом разгрузки части железа в пути провоз до Петербурга для той части, которая была завезена в столицу, обошелся в ту же сумму, как и в предыдущем случае, т. е. 15⁵/₈ коп. за пуд.⁴⁵ В главе VI приведена калькуляция за 1770 г., где расход на перевозку железа принят в 15 коп. с пуда, а продажная цена в Петербурге — 73 коп. при заводской себестоимости 31 коп. Это значит, что транспортные издержки составляли 1/5 продажной цены. Приведенные данные указывают на огромную роль транспортных расходов в металлопромышленности.

⁴³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 251—253.

⁴⁴ С разгрузкой в с. Фокине, Нижнем, Ярославле.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 121. Накладная книга каравана 1773 г.

Подводя итоги, следует сказать, что перевозка железа с Урала к центру страны и к портам потребовала создания большого аппарата, состоявшего не только из крепостных, но и из вольнонаемных рабочих, на оплату которых необходимы были крупные денежные средства; удельный вес транспортных издержек в цене весьма значителен.

Железные караваны приводили к мобилизации большого числа рабочих, связаны были с образованием рынка труда, приводили к найму множества вольных рабочих людей, с которыми заключалась «ряда» на будущий сезон; караваны требовали также ежегодного отхода крепостных крестьян из каждой демидовской вотчины. Караваны пуждались в значительных денежных средствах, которые собирались из всех контор, прежде всего от продажи железа в приволжских городах, а также доставлялись из московской и петербургской контор. Короче сказать, концентрация денежных средств и наличие достаточно подвижной рабочей силы, наемной и крепостной, неизбежно были связаны с железными караванами.

ГЛАВА XV

КАЗЕННЫЕ ПОСТАВКИ И ПРОДАЖА ЖЕЛЕЗА НА ВОЛЬНЫЙ РЫНОК

1. КАЗЕННЫЕ ПОСТАВКИ ДЕМИДОВЫХ

Уральская промышленность имеет большие исторические заслуги по снабжению армии и флота пушками, снарядами и железом. Первые уральские заводы строились в связи с Северной войной прежде всего для удовлетворения военных нужд. Но с течением времени возросшая русская металлопромышленность смогла не только обслуживать оборонные потребности, но и направлять значительную часть своей продукции на внутренний рынок и на экспорт.

Для понимания промышленного развития страны в XVIII столетии важно уяснить роль казенных поставок и соотношение их с вольным рынком. В какой мере распространенной была «обязанная мануфактура», подобная, например, Московскому Суконному двору, продукция которого почти полностью поступала в казну на обмундирование армии? Можно ли перенести на металлопромышленность и на предприятия Демидовых представление об исключительной роли казенного спроса для крупной промышленности? Московский Суконный двор был основан при Петре I в качестве казенного предприятия и затем передан компании купца Щеголина, которая обязана была поставлять сукно в Мундирную канцелярию. Только остаток, именно то, что не будет принято казной, компания имела право «купечеству в ряды продавать». Сдача в казну производилась по установленной цене (по себестоимости с прибавлением 10%), а продажа сукна купцам совершалась «повольною ценою». На деле почти вся продукция этой крупнейшей суконной мануфактуры сдавалась в казну. Например, в 1757 г. весь сбыт Московского Суконного двора составлял 150 645 арш. сукна и 36 504 арш. караеи; из них в казну было поставлено 149 389 арш. сукна и 34 979 арш. караеи, и лишь ничтожный остаток попал в вольную продажу.¹

Иначе, повидимому, было положение дел в металлопромышленности. История демидовского предприятия не подтверждает мнения об основной определяющей роли казенных поставок, по крайней мере, в послепетровское время. Мощное развитие русской металлургии приводило к тому, что и казенные заводы могли часть своей продукции продавать на экспорт, а Демидовы, обязанные поставлять в казну снаряды и железо, вместе с тем могли большую часть своей продукции продавать на внутреннем

¹ «Крепостная мануфактура», ч. 5. Московский Суконный двор, стр. 3 и табл. 43 на стр. 243.

вольном рынке или отпускать на экспорт. Их обязательства (в послепетровский период) перед казной по своему удельному весу в продукции их не могут идти в сравнение с только что приведенными данными по суконной мануфактуре Щеголина. Источниками для выяснения обязательств Демидовых перед казной прежде всего являются направленные к ним правительственные указы, которыми устанавливался размер и условия казенных поставок; эти вопросы освещаются также материалами вотчинного архива.

Поставки железа, орудий и снарядов в казну, как это указывалось выше, сопровождают предприятие Демидовых с его первых шагов. В указе 1702 г. о передаче Никите Демидову Невьянского завода сказано, что он берет на себя обязательство лить воинские припасы «для всяких... великого государя расходов». Именным указом Петра Великого 19 января 1705 г. Демидов обязан был поставлять в казну только прутковое железо и военные снаряды и было запрещено на его заводах отливать пушки. Позднее ему то передавались заказы на пушки, то снова запрещалась их отливка. Демидовские заводы состояли в ведении Приказа артиллерии, и согласно этому указу ему предписано было никуда «окроме артиллерии того сибирского железа не отпускать».² Впрочем, это постановление не выполнялось, и впоследствии главная доля его поставок шла не в артиллерийское ведомство, а на флот, в Адмиралтейство.

До 1718 г. не было, однако, установлено определенного количества поставок, они должны были выполняться по отдельным каждый раз царским «указам повелительным», и при этом также оговаривалось право Демидова продавать «остаточное железо» на вольном рынке.³

Из письма Апраксина к Кикину 28 мая 1714 г. узнаем, что Петр Великий напоминал ему о подряде пушек, которые взялся поставлять Демидов; ему следовало поручить отлить на пробу 18-, 12- и 8-фунтовые пушки «сколько возможно».⁴ В 1715 г. Никита Демидов поставил крупное количество железа в Петербургское адмиралтейство — 77 500 пуд., и по именному указу 14 апреля 1715 г. ему было поручено поставлять по выданному ему образцам полосное и восьмигранное железо. В 1716 г. он поставил в казну 40 628 пуд.⁵ В 1719 г., 5 января, Адмиралтейств-коллегия постановила уплатить ему за поставленные пушки и балласт,⁶ при этом Демидову вновь запрещалось лить пушки «без подтвердительного указа».⁷ Уже в это время Демидов должен был поставлять железо и пушки не только в артиллерию, но и в Адмиралтейство, на вновь заведенный флот.

Размеры демидовских поставок были, наконец, точно определены именным указом Петра Великого 5 июля 1718 г. В этот день, «будучи в адмиралтейской военной канцелярии», царь распорядился, чтобы «впредь повсягодно» Демидов ставил в Адмиралтейство 40 тыс. полос обручного железа весом в 10 тыс. пуд., четверогранного 600 пуд., восьмигранного 15 200 пуд., полосного пушечного 500 пуд., итого 26 300 пуд. Сверх того Демидов обязан был сдавать еще пушечного полосного железа по 14 400 пуд. и восьмигранного (определенных номеров, длины и толщиной в

² Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 33—33 об. Указы, относящиеся до железных заводов Демидова.

³ Указ 1713 г. Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693 и Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 2, л. 5 об.; в кратком изложении см. Ш и ш о н к о. Пермская летопись, V период, ч. 3, стр. 5—6.

⁴ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1873, т. III, стр. 523.

⁵ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 448.

⁶ Балласт — тяжелый груз, располагавшийся в трюме судна для придания ему устойчивости; делался из чугунных плит.

⁷ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1875, т. IV, стр. 372.

$1\frac{1}{2}$ дм.) — 7 тыс. пуд. Общий размер ежегодных поставок установлен был в 47 700 пудов железа на сумму 28 270 руб.⁸ Эта цифра подтверждается, например, тем, что в июле 1725 г. в пути у Демидова находилось предназначенного для Адмиралтейства 100 тыс. пудов железа в счет поставок за 2 года (указ 2 июля Адмиралтейств-коллегии). Эта цифра поставок (47 700 пуд.) в Адмиралтейство останется обязательной для Демидовых до отмены обязательных поставок с частных заводчиков по манифесту 1779 г.

Установление точных размеров поставок в Адмиралтейство не избавляло Демидова от других поставок, в особенности в артиллерийское ведомство, нуждавшееся не только в пушках, но и в снарядах и в железе для оковки пушечных колес и т. п. Но поставки для артиллерии, кажется, никогда не были установлены в какой-либо раз навсегда данной цифре. В 1719 г., 23 мая, Демидову было поручено поставить железо «на оковку пушечных и мартирных станов, роспусков, передков, скорострельных ящиков»; он должен был сдать в артиллерию 1600 пудов круглого железа и 600 пудов полосного, всего 7600 пуд.⁹ Таким образом, размер поставок в артиллерийское ведомство был много меньше, чем в Адмиралтейство.

Наряду с поставками железа в артиллерию и Адмиралтейство Н. Демидов должен был выполнять другие отдельные поручения, например, поставлять железные трубы для фонтанов в царских садах и дворцах. В 1721 г. Демидов поставил 31 074 пуда железных труб и сверх того должен был еще доставить трубы для Петергофа, Стрельны и в Ревель. В течение 4 последующих лет (1722—1725) Никита Демидов поставил в казну 81 300 пуд. труб на сумму 40 650 руб.¹⁰ В 1728 г. был подтвержден не дошедший до нас более ранний указ о выработке на Тульском его заводе 4867 шт. железных лопаток и 50 тыс. шт. гвоздей к ним; каждая лопата весила 4 фунта, и, следовательно, общий вес продукции не был особенно крупным. В указе говорилось, что те «лопатки к военному случаю весьма потребны и без них пробыть невозможно». Таким образом, Демидов должен был поставлять в казну 47 700 пуд. железа для Адмиралтейства и значительно меньшее количество, менее чем вдвое, в артиллерийское ведомство снарядами и железом и, кроме того, выполнять время от времени отдельные иные наряды.

Скоро обнаружилось, что установленная для Демидова ежегодная цифра поставок превышает в мирных условиях потребности Адмиралтейства; не следует при этом забывать одновременного роста казенных заводов. В 1725 г. был выработан определенный порядок для поставок: должен быть подписан с Демидовым контракт с приложением «ординарных росписей» по количеству и сортам железа, и тогда же (указом 23 октября 1725 г.) цифра поставок на следующий, 1726 г. была снижена до 40 600 пуд. железа (вместо 47,7 тыс. пуд.).¹¹ В 1726 г. происходит дальнейшее снижение поставок; по приговору Адмиралтейства велено было учинить с Демидовым «ординарии» на поставку в год 34 500 пуд. железа, а на 2 следующих года (1728—1729) Адмиралтейство даже целиком отказалось от демидовского железа. Было предписано в эти годы от Демидова «ничего не принимать и ему не заготовлять». На 1731 г. предложено было поставить снова 34 500 пуд., а остальную продукцию ему разрешено было «в повольную продажу делать и продавать».¹² Эта сниженная цифра довольно

⁸ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1875, т. V, стр. 360; тот же указ см. в Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 52.

⁹ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 56—56 об.

¹⁰ Там же, л. 61—63 об., 84 об.

¹¹ Там же, л. 74—57.

¹² Там же, л. 110—112 об.

прочно вошла в обиход, и на 1733—1734 г. Адмиралтейство затребовало от Демидова поставок по той же пониженной норме (34 500 пуд. железа в год).¹³ Только в 1737 г. вновь было поставлено 47 700 пуд., и сверх того было затребовано железо, не доставленное за предыдущие 2 года (1735—1736). Нередко, как можно видеть, поставки выполнялись сразу за несколько лет. В 1739 г. были выполнены поставки за 3 истекших года и на будущий 1740 г., что составило в целом огромное количество: всего было принято от Демидова в казну за указанные 4 года сразу 166 265 пуд. на 100 195 руб.¹⁴

Одновременно с понижением за отдельные годы поставок происходит сокращение претензий казны и в отношении меди. Демидов должен был сдавать половину всей выплавляемой меди со своих заводов в казну, а в привилегии на строительство Выйского медного завода обещано, когда завод «размножится», снизить отчисления до $\frac{1}{3}$ продукции. Но, повидимому, вскоре острая нужда в меди была изжита, так как уже в 1727 г. Геннин разрешил Демидову продать на сторону «охочим людям» меди в два приема 859 пуд. В 1728 г. отчисление десятины натурой с выплавки меди было заменено уплатой деньгами, и притом отмечено, что меди имеется достаточно: «плавка не в скудость, но в умножение происходит». Монетная контора в этот момент «в меди нужды не имеет», и Демидову разрешается продавать медь «повольною ценою».¹⁵

Надо отметить появление нового вида поставок для Архангельского порта. В 1733 г. был заключен контракт на поставку к Архангельску в следующем году 6 тыс. пудов железа,¹⁶ и с этого времени ведут свое начало почти постоянные поставки на север. В 1737 г. к Архангельску было поставлено 15 605 пуд., в 1740 г.— 21 940 пуд., в 1742 г.— 11 700 пуд.¹⁷

Наряду с этим появляется новый вид поставок в виде якорей, занявших заметное место в демидовских обязательствах; с производством их было связано немало новых забот. В журналах Адмиралтейств-коллегии сказано, что уже в 1718 г. Демидов должен был поставлять Адмиралтейству якоря.¹⁸ Точные сведения об этом идут с 30-х годов. В 1732 г. Адмиралтейств-коллегия постановила договориться с Демидовым о «деле якорей» для экспедиции Беринга, но договор, вероятно, не был заключен.¹⁹ Постановлением Адмиралтейств-коллегии 1736 г. Демидову поручают делать якоря, «когда и сколько потребуется для флота», т. е. постоянной нормы поставок не было установлено.²⁰ В этот момент Акинфий Демидов сам заявлял о своем желании поставлять якоря и конкурировал с казенным заводом. Это следует подчеркнуть, так как два десятилетия спустя у его сыновей отношение к казенным поставкам совершенно изменится.

О размерах этих поставок можно судить по следующим данным. В 1739 г. было поставлено в казну 207 якорей и 280 дрегов (мелкие якоря) общим весом 5357 пуд.²¹ Демидовский приказчик сообщал Адмиралтейству, что

¹³ Там же, л. 143. Указ 11 декабря 1732 г.

¹⁴ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 94—96 об.

¹⁵ Там же, ф. муз., № 6693, л. 119. Указ 14 июня 1728 г.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 115, л. 208.

¹⁷ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 159, 172—174.

¹⁸ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1881, т. VIII, стр. 242. Почти полвека спустя в сенатском решении 1782 г. снова имеется то же указание, но выраженное неопределенно, с некоторым сомнением: «а что касается до дела разных препорций якорей, то будто оные деланы и ставлены были с заводов Демидова еще с 1718 г.» (ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 115, л. 208).

¹⁹ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1879, т. VII, стр. 387.

²⁰ Там же, т. VIII, стр. 255.

²¹ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 32—33 об.

с 1736 г. было велено сделать 1421 якорь, из которых к 1741 г. было сделано 1169. В том же 1741 г. Адмиралтейство вновь поручило Демидову сделать 358 якорей весом 5422 пуд.²²

Наряду с поставками в Адмиралтейство Демидов должен был поставлять железо и в артиллерийское ведомство и сдавать артиллерийские снаряды. Бомбы, ядра и гранаты делались как на Урале, так и на Тульском заводе Демидова, где за 3 года (1728—1730) было отлито и перевезено в Москву 27 575 пудов снарядов.²³ В мае 1740 г. за подписью Миниха из Главной канцелярии артиллерии было направлено распоряжение сделать на Тульском заводе Демидова 2 тыс. бомб, но приказчик его доносил, что на Тульском заводе имеется только одна домна и завод не обеспечен углем в достаточном количестве, поэтому решено было требовать от Демидова лишь 500 бомб.²⁴ В петербургский арсенал в 1740 г. Ак. Демидов доставил снаряды и железо; это были большей частью 18-фунтовые, а также 24-, 12- и 3-фунтовые ядра, всего 13 278 ядер, весом 3929 пудов и картечь, гранаты и бомбы в 6786 пуд. Вместе с снарядами поступило в арсенал также и железо.²⁵ В 1741 г. Главная канцелярия артиллерии потребовала от Демидова железо на оковку лафетов — «к самонужнейшему исправлению полевой, осадной и гарнизонной артиллерии».²⁶ Поставки растянулись на 3 года (1742—1744) и составили в целом по 26 207 пуд. в год.²⁷

Артиллерийские снаряды поставлялись также во флот. Адмиралтейств-коллегия в ноябре 1741 г. была озабочена снабжением артиллерийскими орудиями вновь строящихся в Архангельске четырех военных кораблей, каждый из которых должен был иметь по 66 пушек. Для двух из этих кораблей пушки и снаряды должны были быть отлиты на заводах Демидова к лету 1743 г. Демидов должен был поставить следующее количество пушек и снарядов (табл. 72):²⁸

Таблица

Поставка пушек и снарядов

Калибр	Пушки	Ядра	Книпели
24-фунтовые . . .	52	2860	780
12-фунтовые . . .	48	2640	720
6-фунтовые . . .	32	1760	480

²² Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., собр. Ундольского, № 848, л. 296 об.—297. Интересно отметить, что одновременно с этим Адмиралтейств-коллегия постановила сделать через газеты вызов желающих, «не может ли кто дешевле в поставке взять». В 1739 г. дважды (6 апреля и 4 июля) «в газеты де-сианс академии сообщено... не сыщутся ли к поставке оного [железа.— Б. К.] другие дешевле», чем Демидов. Желающих не оказалось.— «Материалы по истории русского флота», т. VIII, стр. 262—263, 450.

²³ Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 168.

²⁴ Там же, собр. Ундольского, № 848, л. 51—52 об.

²⁵ Там же, л. 29—30 об. Тульские оружейники работали на железе с демидовских заводов. Оружейная канцелярия запрашивала в 1740 г. Ак. Демидова, может ли он «для тульского ружейного дела» продать от 25 до 30 тыс. пуд. полосного и резного железа (первое по 50 коп., второе по 60 коп. за пуд); при этом отмечалось, что лучшее железо, по свидетельству оружейников, поступает к ним от Акинфия Демидова и его брата Никиты.

²⁶ Там же, л. 71, квитанция 28 августа 1740 г. в приеме снарядов в арсенал.

²⁷ Там же, л. 280—286 об.

²⁸ О том же см. «Материалы по истории русского флота», т. IX.

Эти данные из указов и постановлений коллегий и на основании квитанций на получение Демидовым денег за поставки не дают все же цельной и полной картины. Они помогают уяснить, что Демидовы обязаны были производить регулярные ежегодные поставки в Адмиралтейство в пределах 47 700 пуд. железа, но часто поставки снижались против этой цифры; они снабжали Адмиралтейство также якорями, снарядами и по временам — пушками. Меньшее значение имели скромные по количеству поставки в артиллерийское ведомство железа и артиллерийских снарядов, не носившие, вероятно, постоянного, регулярного характера.

Имеются сводные цифровые данные о фактических поставках Демидовых в Адмиралтейство за первую половину XVIII столетия; они содержатся в материалах, собиравшихся в связи с разделом наследства Акинфия Демидова между тремя его сыновьями. Это — две ведомости о выполненных Демидовым поставках в Адмиралтейство: одна охватывает период 1715—1733 гг., другая — 1734—1747 гг.²⁹ Эти данные сведены в табл. 73.

Таблица 73

Поставки Демидова в Адмиралтейство за 1715—1733 гг.

Годы	В Петербургское адмиралтейство		В Казанское и Астраханское адмиралтейство	
	Количество (пуд.)	Сумма (руб.)	Количество (пуд.)	Сумма (руб.)
1715	} 40628	18945	—	—
1716			—	—
1717			—	—
1718	} 73805	40428	—	—
1719			1000	600
1720			—	—
1721			—	—
1722			—	—
1723	70571	43909	2000	1300
1724	46332	29843	—	—
1725	—	—	1450	838
1726	49434	30797	4200	2100
1727	51084	29841	700	620
1728	57523	34095	4950	2086
1729	—	—	5275	2224
1730	—	—	2000	1055
1731	—	—	7250	3749
1732	27516	16872	—	—
1733	—	—	5700	2908
	28800	17728	6300	3262

За 1715—1733 гг. в Петербургское адмиралтейство было сдано Демидовым 557.8 тыс. пуд. железа, в Казань и Астрахань поставлено 40.8 тыс. пуд., итого 598.6 тыс. пудов общей стоимостью 347.8 тыс. руб.

За те же годы производились отдельные поставки в Адмиралтейство: железо для якорного дела было поставлено к Ладоге, кроме того в Тверь, в Кронштадт и Петербург. Наряду с железом Демидов поставлял регулярно в отдельные годы пушки и якоря.³⁰

²⁹ ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 447—458.

³⁰ В 1721 г.—22 пушки (2458 пуд.), в 1727 г.—128 легких пушек (14 275 пуд.), в том же году 9 гарнизонных пушек (780 пуд.), в 1728 г.—15 гарнизонных пушек (1046 пуд.), итого 174 пушки (18 559 пуд.).

Вместе с этими поставками общий итог поднимается, и за 18 лет (1715—1733) было всего поставлено железа, пушек и якорей 666.2 тыс. пуд. на сумму 401.7 тыс. руб. При этом подавляющее количество всех поставок (около 90%) состояло из железа разных сортов; напротив, пушки и якоря составляли в то время небольшую величину и появляются среди поставок не часто.

В другой ведомости из тех же документов по разделу наследства Акинфия Демидова содержатся сведения о фактических поставках за последующие годы (1734—1746); эти данные сведены в табл. 74.

Таблица 74

Поставки в Адмиралтейство за 1734—1747 гг.

Годы	В Петербургское адмиралтейство		В Казань, Тверь и др. города	
	Количество (пуд.)	Сумма (руб.)	Количество (пуд.)	Сумма (руб.)
1734	28200	17311	3985	2048
1735	44214	26565	1850	1013
1736	7266	4672		
1737				
1738	144084 и 27062	86589 и 16704	22182 ^[1]	13413
1739				
1740	—	—	—	—
1741	32691	19976	—	—
1742	6832	4251	—	—
1743	11717	6664	—	—
1744	14451	8238	—	—
1745	—	—	14055	7305
1746	7335	4548	—	—
1747	40786	25522	—	—
Итого . .	364638	221040	42072	23779

[1] Вместе с отпуском в Брянск и Тавров.

За 1734—1747 гг. поставлено было Демидовым в Адмиралтейство в Петербург, Казань и другие пункты 406.7 тыс. пуд. железа на 244.8 тыс. руб. Но этим, как и прежде, поставки Демидова не ограничивались. В 1735 и 1739 гг. в Петербург он поставил крышечное железо, листовую медь «ко убиванию» адмиралтейского шпиля; в значительно большем количестве, чем в предыдущие годы, велись поставки якорей: за эти годы (1739—1747) было сдано 1744 якоря весом 22 825 пуд. Поставки пушек и снарядов в 30—40-х годах также увеличились. В 1742 г. с Демидовым был заключен договор на поставку к Архангельску пушек для строившихся кораблей; всего было сдано 413 чугунных пушек и к ним ядра и книпели. К Архангельску Демидов должен был поставлять также железо, сведения о котором за эти годы выделены в нашем источнике отдельно. Прибавив добавочные поставки, получим общее количество поставок за 1734—1747 гг.—555.1 тыс. пуд. В тех же ведомостях приведен общий, более полный итог всех поставок в Адмиралтейство первых двух Демидовых — Никиты и его сына Акинфия — как в Петербург, так и в Архангельск, Казань и другие пункты. За 33 года (1715—1747) ими сдано всего 1 238 735 пуд. на сумму 746 500 руб. Это составит в среднем по 40 тыс. пуд. на 23 тыс. руб. в год; конечно, это лишь средняя цифра, так как име-

лись «пустые» годы, когда поставок не было; это итог только по Адмиралтейству, и в него, следовательно, не вошли поставки артиллерийскому ведомству, но, как выше было отмечено, они не играли большой роли и не были постоянными; не вошли сюда и другие экстренные подряды, но это не может поднять цифру поставок в отдельные годы более чем на несколько тысяч пудов или на один-два десятка тысяч. Таким образом, объем казенных поставок был невелик. В 30-х годах, по сведениям, представленным Ак. Демидовым, выплавка чугуна с его заводов составляла 565 тыс. пуд., или 376.8 тыс. пуд. железа, в 1751—1752 гг. среднегодовой выпуск железа на всех заводах его сыновей определен был в 492 тыс. пуд. (см. главу VII). Среднегодовая цифра поставок в Адмиралтейство 40 тыс. пуд. железа, пупек и снарядов составляет лишь 11% первой и 8% второй из цифр его продукции железа. Если даже повысить цифру поставок за счет поставок в артиллерию до 50—60 тыс. пуд., то это составит 10—16% т. е. сравнительно небольшую величину.

Для того чтобы более конкретно и полно представить роль казенных поставок, остановлюсь на отдельных сведениях о составе и назначении груза железа, отправляемого на демидовских караванах с уральских пристаней. Общая отгрузка в 1747 г. с уральских пристаней составила 414 919 пуд. железа и других изделий. Но в эту общую цифру отгрузок включен чугун, отправленный на Рождественский и Чугунский демидовские заводы для передела, а также железо для заводских надобностей, что составляло 72.9 тыс. пуд. Исключив это количество, получим цифры железа, предназначенного на продажу и на казенные поставки, — 342 тыс. пуд. Казенные поставки составляли 67.6 тыс. пуд., что равняется 19.7%, или около $\frac{1}{5}$ всего отправленного на караване железа (342 тыс. пуд.). Состав этих казенных поставок был следующим: в Петербург, в Адмиралтейство шло железо — 46.6 тыс. пуд.; туда же, в гофинтендантскую контору — 14.6 тыс. пуд.; в Москву, Ригу, Кронштадт и другие города шли мортиры, гаубицы, ядра — 6.4 тыс. пуд., всего 67.6 тыс. пуд. Этот караван может служить примером крупных поставок, тем более, что сюда вошли экстренного характера поставки, как кровельное железо для гофинтендантской конторы. Сведения за следующие после этого каравана годы показывают значительно меньшие цифры поставок. Среднегодовые цифры за 1748—1750 гг., представленные Демидовыми в Берг-коллегию, свидетельствуют, что из 378.9 тыс. пуд. железа на казенные поставки в Петербургское адмиралтейство, а также в Архангельск и в Казань было отправлено 17.9 тыс. пуд. в год, или менее 5%.³¹ Приведенные данные свидетельствуют о сравнительно небольшой доле казенных поставок в демидовском сбыте. Удельный вес их составляет не более $\frac{1}{5}$ в общем сбыте и не идет ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в суконной промышленности.

Тяжесть обязательств по казенным поставкам заключалась не столько в большой доле их в общем количестве продукции, сколько прежде всего в низких казенных ценах. Никита Демидов побивал своих конкурентов сниженными ценами. В петровское время цены по поставкам не оставались неизменными: они не только не стояли в это время на одном уровне, но были различными при поставках в разные ведомства, в Адмиралтейство и в артиллерию.

При передаче Невьянского завода Никите Демидову 4 марта 1702 г. были установлены цены на месте производства, т. е. без стоимости провоза (железо связанное и прутковое — 35 коп. и т. д.). К ним была установлена прибавка за провоз, именно: до Москвы — 10 денег (5 коп.) за

³¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, д. № 978, лл. 240—242.

пуд, при поставках в Тверь — 2 алт. (6 коп.) и т. д. В результате цена прутowego железа провозом до Москвы составила 40 коп., кровельного — 85 коп. В декабре 1713 г. сенатским указом вновь были установлены цены при поставках Демидова в артиллерию; он обещал снизить цены против Меллера и брался поставить в артиллерию железо по 14 алт. за пуд. с провозом, т. е. по 42 коп.

Цены при поставках в артиллерию и Адмиралтейство расходились. Полтора года спустя указом 14 апреля 1715 г. были установлены при сдаче в Адмиралтейство цены в следующем размере: на полосное железо — 15 алт. за пуд, т. е. 45 коп., а за восьмигранное железо толщиной в 1, $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дюйма — по 16 алт. 4 деньги (50 коп.) и за уклад назначено было по 1 руб. за пуд с провозом до Петербурга. В 1718 г. 5 августа именованным указом установлены были нормы поставок в Адмиралтейство (47.7 тыс. пуд.) на год и вновь назначены цены, которые по отдельным сортам сопроваждались прибавкой.

Прибавка, сделанная в 1718 г. для Адмиралтейства, составляла по сравнению с ценами 1715 г. на полосное железо (№ 19—24) и восьмигранное железо (№ 16) 3 алт. 2 деньги (10 коп.), и цена повышалась до 55 коп. против 45 и до 60 коп. против 55; на полосное железо № 17—18 цена была поднята на 10 денег (5 коп.), т. е. до 50 коп. против 45 по прежнему указу. Это двукратное повышение цен для демидовских поставок в Адмиралтейство привело к их отрыву от цены, которая была установлена для артиллерии и удержалась на прежнем уровне (42 коп., по указу 1713 г.).

Эти цены очень скоро стали представляться Демидову невыгодными и убыточными.³² В 1719—1720 гг. обнаружилось недовыполнение Демидовым обязательных поставок: вместо 95.4 тыс. пуд. за 3 года он сдал 73.8 тыс. пуд., т. е. меньше на 21.6 тыс. пуд. От Демидова потребовали объяснений, и он отвечал, что цены для него убыточны и что он выполнял наряд Адмиралтейства, не взирая на трудности и даже несмотря на «некоторый немалый себе убыток». Необходимость повышения цен Демидов объяснял дороговизной рабочей силы в связи с запретом принимать беглых и т. п. Следует напомнить, что в петровское царствование наблюдался рост дороговизны. Покупательную силу рубля петровской эпохи В. Ключевский определял (по хлебным ценам) равной 9 руб. конца XIX в., тогда как во второй половине XVII столетия рубль соответствовал 17—15 $\frac{1}{2}$ новейшим золотым рублям. Это значит, что цены поднялись почти вдвое.³³ Об этом свидетельствуют также и современники,³⁴ как, например, экономист и публицист И. Посошков. Последний в «Книге о скудости и богатстве», написанной в 1724 г., отмечает рост цен на заграничные товары в 2 с лишним раза, на некоторые товары даже в 3 раза, в чем он видит злой умысел иностранных купцов.³⁵

Заявление Демидова имело успех, и в 1720 г. он добился пересмотра цен на его железо в сторону их повышения. Адмиралтейств-коллегия постановила, ввиду тонкости обручного железа и вообще вследствие дороговизны рабочих рук, «к прежним ценам прибавить». В результате этих изменений минимальная цена на ординарное полосное и четверогранное железо поднялась с 45 до 50 коп. и на тонкие сорта до 60 коп.; за железные фонтанные трубы в 1722 г. было уплачено Демидову по

³² Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693, л. 52—53.

³³ В. К л ю ч е в с к и й. Русский рубль.— «Опыты и исследования», 1-й сб. статей, изд. 2-е, б/г., стр. 203; С. С т р у м и л и н. Оплата труда в России.— Плановое хозяйство, 1930, № 4.

³⁴ П. М и л ю к о в. Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого, изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 152 сл.

³⁵ И. П о с о ш к о в. Книга о скудости и богатстве, М., 1937, стр. 202.

50 коп. В 1728 г. снова происходит пересмотр цен на железо, поставленное Демидовым в казну. Повышение составляло теперь по 5 коп. на рубль, т. е. 5% на четверогранное толщиной ниже $1\frac{1}{2}$ дм и на полосное толщиной $\frac{1}{3}$ дм. Кроме того, была установлена общая прибавка в размере десятинного сбора: «Сверх того на все на оное [железо] для платежа в Берг-коллегию десятины по 2 коп. на пуд, а более того им никакой прибавки не требовать». В результате этого повышения цен поставки на 1731 г. были выполнены по следующим ценам: четверогранное — по 52 и 54 коп., восьмигранное по 62 коп., полосное в зависимости от сорта по 52 коп., 62 и 65 коп. за пуд, обручное — по 87 коп. и т. д.³⁶

Таким образом, Демидов сумел добиться дважды повышения цен по казенным поставкам в 1720 и 1728 гг., и эти же цены остаются в 30—40-х годах с некоторыми лишь изменениями, вызванными расстоянием и стоимостью провоза. На железо, привезенное караваном 1747 г., относительно которого выше приведены цифры казенных поставок, цены оставались теми же: на полосное (шириной 4—6 дм, толщиной $\frac{1}{2}$ —3 дм) — 52 коп. за пуд, на четверогранное (толщиной $\frac{1}{2}$ дм) — $54\frac{1}{2}$ коп. и т. д. Казенные цены 1747 г. не изменились по сравнению с 1728 г. В 1730—1740-х годах они не отклонялись и от рыночных цен; в том же караване 1747 г. направлявшееся в вольную продажу железо (157.1 тыс. пуд.) оценено в среднем в 60 коп. Цены колеблются лишь по городам в зависимости от расстояния от заводов и условий перевозки; полосное железо в Москву завозилось Демидовым по цене 52 коп. за пуд для вольной продажи.

Много позже, в 1771—1772 гг., возник вопрос, по каким ценам должна оплачивать Оружейная канцелярия железо в случае передачи казенным заводам нарядов, не выполненных частными заводчиками. В этой связи в Берг-коллегии был составлен «экстракт» о ценах, уплачиваемых Демидовым. Рассмотрение его показывает, что в основе сохранялись цены петровских указов, вплоть до различия в оплате заказов артиллерийского ведомства и Адмиралтейства. Но последнее, хотя и было важнейшим потребителем демидовского железа, все же вынуждено было внести некоторые, хотя и небольшие, поправки. Основные этапы этой исторически сложившейся пестрой шкалы цен были следующие: 1) в «экстракте» прежде всего отмечено, что по первому указу 4 марта 1702 г. за прутовое и связное железо Н. Демидову платилось по 35 коп. (без провоза); 2) по указу 3 декабря 1713 г. Демидов должен был поставлять железо в артиллерию по 42 коп. за пуд; 3) для Адмиралтейства и артиллерии указом 12 марта 1715 г. установлена была цена по 45 коп.; 4) с 1718 г. (5 июля) Демидов должен был получать за поставленное в Адмиралтейство полосное железо 50 коп. и, наконец, 5) в 1765 г., когда сенатским указом 6 августа было разрешено передавать наряды Адмиралтейства на казенные заводы, вместо частных, то на запрос о ценах оно ответило, что Демидовым платится по указам 1715 и 1718 гг., но с надбавкой, что составляет 52 коп. за пуд полосного железа. Приложенная к этому «экстракту» таблица цен обнаруживает, что к ценам 1715—1718 гг. делались некоторые прибавки не только в 1728 г., но и до того, в 1726 г., в 2 коп. за пуд, о чем у нас нет других сведений. В результате этих постановлений за восьмигранное железо всех размеров на основании «именных указов и коллежских определений выдавать велено ... по 62 коп. за пуд», за четверогранное в $\frac{1}{2}$ дм и в 1 дм уплачивалось по $54\frac{1}{2}$ коп., а более толстое шло по 52 коп. и т. д.³⁷

Расхождение между рыночными и указными, или между ценами по-

³⁶ ЦГАД — сархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 451—453.

³⁷ Там же, ф. Демидовых, д. № 114. Приказные дела 1772 г.

ставок Демидовых и других заводчиков, постепенно увеличивалось по мере роста рыночных цен. В одном из многочисленных прошений Демидовых по этому поводу содержатся интересные данные. Прошение было подано в Берг-коллегию в 1773 г., и в нем Демидовы жалуются,³⁸ что из Адмиралтейства за сорта, по которым «по меньшей мере получать следует рубль одна копейка с половиною, выдается им только 65¹/₂ коп., а за якори уже одна только третья доля». По военным снарядам разрыв цен был еще больше. За снаряды, поставляемые с заводов центра («з ближайших замосковных заводов»), заводчикам уплачивалось по 70 коп. за пуд и сверх того набавлялось 10% с цены, а Демидовы получали по 20 коп.; за дробь другим заводчикам платили 1 р. 12 к. за пуд, а им только 40 коп.; за ручные гранаты уплачивалось соответственно 1 р. 73³/₄ к. и 65 коп. за пуд. В общем недоплата по снарядам составляла, по расчетам Демидовых, 52¹/₄ коп. на каждый пуд, притом без учета разницы в провозе. Наконец, в том же прошении Демидовы и Яковлев указывают, что казенные цены за поставки в артиллерию еще ниже, чем установленные для Демидовых цены по Адмиралтейству, именно артиллерийское ведомство платит им по 42 коп. за пуд железа, что на 23 коп. ниже адмиралтейской цены.³⁹

Рыночная цена на железо варьировалась прежде всего в зависимости от его толщины: чем тоньше было железо, тем оно стоило дороже; известные отклонения обуславливались шириной. Полосное железо — широкое, хотя и не особенно тонкое, ценилось дороже других сортов. Этих различий не знала указная цена, и Адмиралтейство платило в 2—3 раза дешевле и без должного учета толщины, ширины и других особенностей различных сортов. В реестре также отмечено особенно сильное расхождение с ценами при поставках в артиллерийское ведомство, которое платило по 42 коп., в то время как Адмиралтейство за те же сорта платило по 62 коп., а вольная цена была 82—85 коп. за пуд.

Первые Демидовы — комиссар Никита и его сын Акинфий начали с предложения выполнять казенные поставки по сниженным ценам, затем они сумели добиться некоторого повышения казенных цен в соответствии с рынком. Но положение изменилось к середине столетия. При разделе наследства между тремя сыновьями Акинфия Демидова они представили особую записку под названием «Изъяснение о поставках» (подана ранее 1757 г.). Она была вызвана необходимостью определить долю наследников в обязательных поставках. Демидовы напоминают в этой записке, что с 1728 г. цены по поставкам остались без изменений, и теперь, как они заявляют, «в поставке того железа несут они, Демидовы, крайнюю тягость». Они недовольны казенными ценами, которые «установлены в давних годах», тогда как с того времени хлеб и другие продукты вздорожали в 2—3 раза, и во столько же раз поднялась заработная плата рабочим; за них надо платить подушные деньги и ставить рекрутов и лошадей, от чего они были свободны в первые годы по основании заводов. Леса вокруг заводов за вырубкой «отдалели», и уголь и строительный лес обходятся дороже. Демидовы просят, чтобы обязанность поставок в казну была распределена равномерно между всеми заводчиками.⁴⁰ Эти жалобы были полны лицемерия, так как заводчики умалчивали об огромных прибылях с вольной продажи железа.

³⁸ Наследники Акинфия Демидова — его сын Н. А. Демидов, внуки Петр и Александр Григорьевичи и Савва Яковлев, купивший Невьянский завод у Прокофия Демидова.

³⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 125, л. 1—7 сл.

⁴⁰ Там же, Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 258 об.

Это «изъяснение» не имело успеха.⁴¹ Трое сыновей Акинфия Демидова продолжали поставлять в казну железо в том же количестве, как и отец. Но теперь, в соответствии с равным разделом между ними заводов и деревень, обязательства перед казной были распределены между ними тоже поровну, т. е. на три части.

После «изъяснения», поданного правительству в связи с разделом, Демидовы в 1759 г. подали прошение такого же содержания в Адмиралтейств-коллегию. Последняя отвечала на эти прошения также отказом и снова подтвердила обязательность поставок по указным ценам, «не чиня ни малейших отговорок» и не требуя прибавки цен.⁴² Средний брат Григорий в 1760 г. вновь подал прошение, в котором утверждал, что в петровских указах их деду 1713 и 1715 гг. нет ни слова о неизменности и впредь тех же цен и обязательств: «а чтоб те припасы по тем ценам детям и наследникам ево ставить вечно, в том никогда и нигде обязательства его не было». Он просил снять с Демидовых обязательные поставки и распределить их между всеми заводчиками сообразно числу молотов. О том же просил младший из братьев Никита в аналогичном прошении в августе 1761 г., где перечислял свои новые обязательства: Оружейная канцелярия требовала 20 тыс. пудов уклада на шпаги, 200 пуд. и 2 тыс. листов листового железа.⁴³ Он просит о равномерном распределении поставок на всех частных заводчиков. В январе 1763 г. тот же Никита Демидов подает вновь прошение в Сенат, в котором просит рассмотреть, должны ли Демидовы одни «такие тягости несть». Он желает, чтобы поставки были заменены подрядом или разложены на всех заводчиков поровну, и просит «цены уставить по нынешнему времени и по сортам железа».⁴⁴

Прошения эти не достигли цели; Сенат также отвечал на них отказом, и в 1765 г. подтвердил, что Демидовы и впредь обязаны выполнять казенные поставки «безоговорочно» и по старым ценам.⁴⁵ Но челобитья Демидовых побуждали к обсуждению в Берг-коллегии вопроса о возможности замены обязательных поставок другой формой, на чем я остановлюсь ниже.

Согласно условиям раздела наследства Акинфия Демидова казенные поставки, как указывалось, делились поровну между тремя его сыновьями. Когда же Невьянская часть была продана Прокофием Демидовым Савве Яковлеву, то к нему вместе с заводами перешло обязательство поставлять в казну соответствующую треть общего количества поставок. За смертью Григория Демидова, владельца Ревдинской части, такое же обязательство перешло к его сыновьям Александру и Петру. Те же прежние цифры обязательных поставок делились на три равные доли. Берг-коллегия или Адмиралтейство и другие учреждения давали общую цифру поставок на год и тут же распределяли наряды на каждую треть. Во второй половине 50-х годов Демидовы попрежнему поставляют железо в Адмиралтейство и в артиллерию — в Петербург, Москву, в Казань и в другие пункты и, кроме того, выполняют экстренные поставки. Данные по всем трем частям за 1756—1760 гг. сведены в табл. 75:⁴⁶

⁴¹ Об отказе узнаем из прошения Григория Демидова 1760 г. — ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4027, л. 24—30.

⁴² Там же, д. № 77, л. 17—20, 89, 119—126.

⁴³ Свердл. обл. арх., ф. 102, л. № 20, л. 46—48.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4027, л. 18—28.

⁴⁵ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1883, т. X, стр. 627; т. XI, стр. 232.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 115, л. 12—13.

Поставки Демидовых за 1756—1760 гг. (в пудах)

Годы	В Петербургское адмиралтейство	В артиллерийское ведомство в Петербурге	В Московский арсенал	в Кавань	В с. Дешкино	В канцелярию строений в Петербурге
1756	—	10 000	—	—	—	—
1757	11 700	10 000	7000	2000	2000	—
1758	20 710	10 000	7000	2000	2000	7500
1759	16 800	—	7000	2000	2000	—
1760	—	—	15000	—	—	—

Сложив эти цифры, получим, что на 1757 г. Демидовы должны были поставить как в Адмиралтейство, так и в артиллерию 31.7 тыс. пуд. железа, на 1758 г.—49.2, на 1759 г.—42.8. Кроме того, в 1758 г. они должны были сдать в казну 30 тыс. солдатских «водоносных» фляжек из белого луженого железа.⁴⁷

С завоеванием берегов Черного моря на уральскую промышленность возложено было снабжение Черноморского флота и береговых укреплений на Черном море артиллерийскими снарядами, якорями и железом. Строительство флота на Азовском море началось после двух резолюций Екатерины II, данных в ноябре 1768 г. о Донской экспедиции, и возглавлялось адмиралом Сенявиным. В 1770 г. было отстроено 11 судов по 8—16 пушек на каждом, и приказано было строить 2 фрегата. С 1775 г. возникает Днепровская флотилия; суда строились в днепровском лимане, а в 1778 г. в Херсоне устраивается корабельная верфь.⁴⁸ Еще в 1766 г. Берг-коллегия и Адмиралтейство считали необходимым сделать 1358 якорей весом 39 123 пуд.⁴⁹ Эти поставки были поручены Демидовым.

Поставки якорей были трудным делом. Нижнетагильская заводская контора представила в 1780 г. счет на сделанные якоря весом 5191 пуд; среди них было 3 тяжеловесных якоря общим весом 1038 пуд. и 12 якорей весом 1592 пуда. Перевозка их с завода на пристань обошлась заводчику 500 руб., так как «вожены оныя были в распутное внешнее время с неописанною маетностью, закладывая для одного якоря по 40 и более лошадей».⁵⁰

Интересное указание на военные поставки Демидовых для знаменитой экспедиции русского флота в Средиземном море сохранилось в протоколе Адмиралтейств-коллегии, имеющемся в копии в вотчинных демидовских бумагах. В феврале 1771 г. Адмиралтейство постановило, что кроме обычных поставок Демидовых «сверх де того ныне еще потребно на наличные и вновь строящиеся корабли фрегаты, галеры и другия суда и для находящихся в Средиземном море трех эскард всего числом ядер, бомб и бранкуглей 108 060, дроби 3419, да сверх того некоторое число на все морские крепости».⁵¹ В тех же документах указаны поставки в артиллерию за тот же 1771 г.; они интересны также в том отношении, что

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 115. л. 15 об.

⁴⁸ «Материалы по истории русского флота», СПб., 1877, т. VI. Возобновление флотилии на Дону, стр. 259, 337, 689 и др.

⁴⁹ Там же, СПб., 1886, т. XI, стр. 451—453, 455, 473; т. XII, стр. 70; ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 104, л. 19—21.

⁵⁰ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 29.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 113.

лишний раз показывают сравнительно небольшой размер поставок этого рода, по крайней мере в весовом отношении. Канцелярия артиллерии и фортификации потребовала 3 июня 1771 г. от Н. А. Демидова поставить в Белев и в Тверь для полевой и полковой артиллерии ядра и бомбы общим весом 5207 п. 11 ф. От его племянников, т. е. от Ревдинской части, было затребовано столько же; кроме того, следовало поставить гранаты: от Нижнетагильской части — 7610 шт. и от Ревдинской части — 11 629 шт. Тогда же Демидовы и Яковлев, т. е. все три части, поставили в артиллерию в Петербург 5 тыс. пудов полосного железа. Поставки в артиллерию на каждую часть, таким образом, могли составить снарядами и железом не более 7 тыс. пуд.

Для второй половины века более цельные общие данные о поставках Демидовых можно извлечь из материалов по отправлению железа в караванах. Весной 1771 г. с пристаней на р. Чусовой было отправлено с Нижнетагильского и других заводов Н. А. Демидова 38 стругов двумя караванами. Суммируя сведения об этих караванах, получим общий груз, отправленный с чусовских пристаней Н. А. Демидовым, в 283.3 тыс. пуд. В состав этого груза входило 36.9 тыс. пуд. железа и военных снарядов. По отношению ко всем отгрузкам 1771 г. (283.3 тыс. пуд.) это составит 13%.⁵² В караванах следующего 1772 г. казенные поставки равнялись 37.5 тыс. пуд., что в общей массе погрузок этого года (303.9 тыс. пуд.) составляло 12.4%, т. е. почти столько же, сколько и в предыдущем году. В 1773 г. доля поставок Н. Демидова осталась почти той же, что и в предыдущем году, хотя количественно поставки увеличились. На этот раз в 45 стругах в двух караванах 1773 г., однолетнем и обыкновенном, было погружено 339.7 тыс. пуд., в том числе 52.8 тыс. пуд. в счет казенных поставок, что составляет 15.5%. Таким образом, за 3 года (1771—1773) в караванах было отгружено в артиллерию и в Адмиралтейство в счет казенных поставок 13—15.5% общего количества.

К этому же времени относится попытка московской демидовской конторы подсчитать весь объем поставок с момента возникновения предприятия, т. е. более чем за 70 лет. Очевидно, это было связано с новыми попытками со стороны Демидовых освободиться от поставок или сделать условия их более выгодными. В октябре 1774 г. московская контора посылает Н. А. Демидову, находившемуся в Петербурге, экстракт о казенных поставках за огромный период — с 1701 по 1773 г. Но московские приказчики сообщают, что экстракт составлен «из тех справок, кои здесь отыскатца могли, единственно для одного примера», и при этом прибавляют, что «о других частях — с раздела, то-есть с 758 по 773 год, известности нет, что в поставке от них было». Это значит, что в конторе не имелось полных данных, а со времени раздела, т. е. с 1758 г., имелись цифры лишь о поставках с одной трети, именно Нижнетагильской части Н. А. Демидова.⁵³

Поставки в Адмиралтейство за весь этот период 1701—1773 гг. составили 1.95 млн. пуд., в артиллерию значительно меньше — 1.35 млн. пуд.; в Тулу на ружейное производство — 127 620 пуд., что вместе с поставками на придворное ведомство и в другие места составляло 241.9 тыс. пуд. Общее количество поставок (по неполным данным, в особенности после

⁵² Там же, д. № 121. Караванная книга 1771—1774 гг. «Книга раскладная по караванам 1771 г.». Имеющиеся здесь же данные о привозе в Петербург и сдаче железа позволяют проверить эти сведения; они указывают даже несколько меньшую сдачу в Адмиралтейство с однолетнего каравана, именно 16.6 тыс. пуд. железа вместо 17.7 тыс. пуд., отгруженных с завода.

⁵³ Там же, д. № 107, рапорт 14 октября 1774 г. «Экстракт сколько с 1701 по 1775 год от дворян Демидовых в казну разных медных, железных и чугунных припасов по указам поставлено и что против партикулярной продажи и против же поставок от заводчиков Меллеров и господ Нарышкиных в казну уступал».

1757 г.) равнялось 3.5 млн. пуд. на сумму 1189.1 тыс. руб. Интересно отметить, что демидовские приказчики подсчитали также прибыль, полученную казной вследствие низких казенных цен. «Против продажных цен в казну уступы» составили 826.9 тыс. руб. Это значит, что по продажным ценам (впрочем, не имеется сведений, по каким ценам велся расчет) все это количество железа стоило бы 2 млн. руб. и «уступка», или прибыль казны, составила 41%. Демидовская контора не дала разбивки по годам, что лишает нас возможности отделить более ранний период, охватывающий первые 56—57 лет, за которые имевшиеся в конторе сведения охватывали все предприятия. За весь период в 73 года среднегодовые поставки, по этим неточным данным, составляли 48.3 тыс. пуд.

В обширном деле, связанном со спорами Демидовых о поставках и относящемся к началу 80-х годов, содержатся произведенные в Берг-коллегии подсчеты демидовских поставок за 1763—1779 гг.⁵⁴ Было подсчитано, что Демидовы поставили в Адмиралтейство за этот период 337.7 тыс. пуд., сверх того 196.9 тыс. пуд. железа в Архангельск и 26.7 тыс. пуд. в Петербург (табл. 76).

Таблица 76

Поставки в Адмиралтейство за 1763—1779 гг.

Годы	Железо		Якоря в Петербургское адмиралтейство (пуды)
	В Петербургское адмиралтейство (пуды)	В Ярославль и Архангельскому порту (пуды)	
1763	—	6851	} Поставок не было
1764	29280	—	
1765	18431	2231	
1766	11030	—	
1767	1378	23306	
1768	22579	—	
1769	16580	—	
1770	19077	13652	
1771	38311	22127	
1772	14158	6239	
1773	18605	11192	
1774	31041	24876	
1775	—	—	
1776	31539	—	2940
1777	22904	13896	2513
1778	45860	32175	4595
1779	17001	40365	2042
Итого	337774	196910	26757

Сверх того Казанскому адмиралтейству было поставлено в 1779 г. 1026 пуд. якорей и к Царицынской переволоке доставлено было для Донской и Днепровской экспедиций 31 503 пуд. железа.

В итоге общее количество поставок в Адмиралтейство за 1763—1779 гг. составило 594.9 тыс. пуд.⁵⁵ Кроме того, за этот же период было поставлено в артиллерию 80 тыс. пуд.; эти данные показывают, что поставки артиллерийскому ведомству за этот период были

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 115, Дела по Сенату, Берг- и Адмиралтейств-коллегии при нарядах железа, л. 98—100.

⁵⁵ В ведомости Берг-коллегии — 597 846 п.: 36 ф., мой итог — 594.9 тыс. пуд.

небольшими.⁵⁶ Таким образом, общий итог поставок с трех предприятий (Н. Демидов, его племянники и Яковлев) за 17 лет составляет по Адмиралтейству и артиллерии 677 тыс. пуд. В среднем за год это равняется 39.8 тыс. пуд., т. е. значительно ниже установленной с петровских времен нормы по адмиралтейству (47.7); это обстоятельство и было выдвинуто адмиралтейством для обоснования новых требований к Демидовым в счет недоимки.

Но и независимо от задолженности по поставкам, требования казны значительно повысились. Демидовы и Яковлев представляли жалобы на излишнее отягощение их поставками. Они указывали, что они обязаны поставлять лишь 47.7 тыс. пуд., «но в прошлом 1779 году наложено на них, Демидовых, сверх данных по Адмиралтейству и артиллерии годовых нарядов для Днепровской экспедиции тяжеловесных якорей, воинских снарядов и баласта вообще 100 000, по Архангелогородскому порту железа 22 000, да в Калугу прошедших годов недопоставки... 53 723, а всего того налога за годовую препорцию и составляет более 200 000 пуд.»⁵⁷ За время пугачевского восстания поставки не взимались и были отсрочены, но теперь эта недопоставка была включена в обязательства Демидовых и Яковлева. В общей сложности они должны были поставить 200 тыс. пудов, или на каждую третью часть по 66.6 тыс. пуд.; это были чрезвычайные по своим размерам поставки. Рост их был вызван следующими особыми обстоятельствами.

Демидовы просили в 1775 г. освободить их от поставок в связи с пугачевским восстанием. Они писали, что на Урале «остановились действием все их заводы по случаю бывшего злодейского возмущения, одни — за разорением и сожжением, а другие по причине употребления мастеровых и работных людей в разные места для отражения сих злодейских партий».⁵⁸ Берг-коллегия пошла им навстречу, постановила не требовать на этот год поставок и «взять терпение», т. е. отсрочила их выполнение.

Но вскоре положение изменилось, и казна предъявила к ним, как мы видели, повышенные требования. Это было связано с невыполнением на казенных заводах заказов Адмиралтейства. В феврале 1776 г. обнаружился недостаток в Адмиралтействе наличного железа; недоставало 11.4 тыс. пуд., и не было возможности получить это железо с казенных заводов. Решено было затребовать его с Демидовых. Именно в связи с этим вспомнили, что Демидовы не выполняли норму поставок в течение ряда предшествующих лет. Оказалось, что недоимок с 1768 по 1775 гг. накопилось в количестве 156 112 пуд. железа и 462 шт. «лапного» железа (на якоря). Железо это не было своевременно затребовано казной, когда в нем не было особой нужды, но с того времени склады Адмиралтейства (магазины) «истощились по великому исправлению и приготовлению кораблей по случаю войны». Берг-коллегия затребовала от Демидовых 12 тыс. пудов в счет недоимки для удовлетворения возникшей «великой нужды» в железе для флота; за невыполнение им угрожали наложением ареста на их железо, назначенное к отправке за границу. Впредь Демидовы и Яковлев обязаны были полностью поставлять в казну ежегодно 47.7 тыс. пуд. железа.

Споры Демидовых с Берг-коллегией и Адмиралтейством затянулись до выхода манифеста 1779 г. об освобождении заводчиков от обязательных поставок. Как раз в эти годы (1774—1779), как было указано в главе X, Демидовы затратили крупные суммы на подкупы чиновников коллегий

⁵⁶ Это несколько противоречит приведенным данным демидовской конторы.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 125, л. 49—49 об.

⁵⁸ Там же, д. № 115, л. 208—209.

и Сената, начиная от канцеляристов до президента Берг-коллегии, стремясь к благоприятному решению дела о поставках. Эти усилия и затраченные на взятки средства принесли им свои плоды.

Прежде чем перейти к манифесту 1779 г. и его значению для демидовского предприятия, задержусь на некоторых материалах, которые помогают до некоторой степени уяснить подготовку этого манифеста. Жалобы Демидовых на тяжесть поставок и их ходатайства об избавлении от них встречали неизменно отрицательный ответ. Но вместе с тем в правительственных кругах, может быть, в связи с этим, уже давно обсуждался вопрос о замене обязательных поставок другими способами, которые могли бы удовлетворить потребность казны в железе, снарядах, якорях и т. п. Материалы, имеющиеся в демидовском архивном фонде, показывают, что президент Берг-коллегии Шлаттер (автор известного трактата по горному делу) подал еще в 1760 г., 25 декабря, в Сенат представление, где он возражал против раздачи казенных заводов в частные руки. Он предлагал при этом освободить частных заводчиков от обязательных поставок железа, но зато обложить их добавочным сбором в размере по 100 руб. за каждый молот, имеющийся на их заводах, а остальных заводчиков (не обязанных поставками) — по 50 руб. с молота. Частные домны должны быть также обложены сбором по 50 и 100 руб. (последняя сумма с обязанных поставками). Спустя полгода, 11 июля 1761 г., Шлаттер внес новое предложение, которое заключалось в том, чтобы после осуществления предложенных им мер казна принимала у частных заводчиков их изделия по продажным ценам, причем она должна была производить эти покупки непосредственно, без участия Берг-коллегии.

Через 3 года после этого предложения, в 1764 г., 2 ноября, Берг-коллегия заявила, что теперь нужны уже иные меры. При этом предложено было три способа, из которых третий признается «для казны прибыточнее всех прочих». Он заключался в том, что Адмиралтейство, артиллерийское ведомство и Оружейная канцелярия должны получать железо, снаряды и изделия по прежним ценам, но только с казенных заводов. Но разницу против продажных, т. е. рыночных, цен они должны получить с заводчиков, получивших в свои руки казенные заводы с приписными крестьянами. Исходя из определенного количества поставок (95 108 пуд.), Берг-коллегия вычислила, что для этого следует добавочно взимать с каждого пуда чугуна у частных заводчиков по $1\frac{3}{8}$ коп. В несколько ином виде, без освобождения от поставок, это предложение было применено в постановлении Сената 18 июля 1765 г., которым подтверждалось обязательство Демидовых производить поставки в два места — Адмиралтейство и в артиллерию; другие заводчики должны были снабжать Оружейную канцелярию, дворцовое строительство и т. п. Но если бы заводчики не захотели поставлять железо в натуре, то Берг-коллегия должна была получать железо с казенных заводов, уплачивая им по тем ценам, какие получают Демидовы. «Но чтоб казна против заморского отпуска в железе убытку несть не могла», разница между этими ценами и продажными экспортными ценами раскладывается на этих заводчиков.

В 1774 г. сенатор Соймонов предлагал ряд мер, в результате которых возможно было бы освободить частных заводчиков от поставок. Поставки должны быть, по его мнению, переданы на казенные заводы определенных районов, именно, железо и якоря должны делать казенные камские заводы, а поставки в Петербургский, Архангельский и Ревельский порты и поставки в артиллерию снарядов должны быть поручены олонеким заводам, а для Черного моря — Липецкому и Боринскому заводам. Однако он полагал, что следует возместить казенным заводам убытки от этих поставок, взамен которых они могли бы сбывать свою продукцию

на экспорт. Поэтому разница в ценах по поставкам и экспорту должна быть разложена на всех частных заводчиков, имеющих приписных крестьян, в размере по 1 коп. с пуда выплавляемого чугуна. Если же потребуется сделать заказ на частных заводах, то им следует платить по себестоимости с прибавлением 10% и с уплатой стоимости провоза.

В «Экстракте, учиненном из дел, производившихся в Сенате» по вопросу о поставках,⁵⁹ откуда я заимствовал эти предложения, вслед за ним приведен ряд челобитий Демидовых, поданных ими в Сенат, вероятно, после 1774 г. и около 1780 г. В первом из них Демидовы жалуются на низкие цены по поставкам, сопоставляют их с рыночными ценами, указывают на разрыв казенных цен Адмиралтейства и артиллерийского ведомства и т. д. Они отмечают резкое, почти вдвое, повышение поставок и просят или сложить с них совсем обязательные поставки, или разложить их на всех заводчиков. Здесь же приведен расчет поставок на все три части предприятия Демидовых, сделанный, вероятно, сенатскими чиновниками или в Берг-коллегии, по которому в Петербургское адмиралтейство и к Архангельску следует поставить 74 тыс. пуд., в артиллерию — 16 тыс. пуд. и в Оружейную канцелярию — 20 тыс. пуд., итого 110 тыс. пуд. Кроме того, в «разные казенные места» на 1772—1773 гг. в среднем на год должно сдать в Петербурге 26 тыс. пуд. и в Москве 14 тыс. пуд. Общая сумма поставок составляет по этому расчету 150 тыс. пуд.⁶⁰ Последние из упомянутых поставок (26 и 14 тыс. пуд.) в разные казенные места имеют временный характер, лишь на данные годы. Из остальной суммы поставки в Оружейную канцелярию, судя по приведенному на предыдущей странице постановлению 1765 г., выполнялись не Демидовыми, а другими заводчиками. Следовательно, на долю Демидовых и Яковлева в качестве нормы поставок приходится 90 тыс. пудов, предназначенных на флот и в артиллерию, если не считать экстренных требований. Эти данные также подтверждают, что в эти годы требования артиллерии намного уступали запросам Адмиралтейства. Поставки каждой части прежде единого демидовского предприятия составляют лишь треть этого количества.

После ознакомления с этими проектами и челобитьями становится отчетливее значение манифеста 21 мая 1779 г. Вызванный стремлением правительства успокоить заводских крестьян после пугачевского восстания, манифест еще в большей степени шел навстречу давним стремлениям заводчиков, в особенности Демидовых, избавиться от обязательных поставок. Он является в известной степени дальнейшим развитием и осуществлением изложенных выше донесений, проектов и отдельных мероприятий. Манифест 1779 г. говорит прежде всего об изменениях в повинностях приписных крестьян по отношению к горным заводам и в особенности о повышении их оплаты. С этой стороны манифест изучен В. И. Семевским в работе по истории крестьянства, а в новейшее время — историком горнорабочих Ю. И. Гессеном. Меньше внимания привлекала другая сторона манифеста — обращенная к заводчикам, а именно, провозглашение в нем отмены обязательных казенных поставок; на этом, впрочем, остановился новейший исследователь истории уральской промышленности Д. Кашинцев.⁶¹

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 115, л. 8 об.— 46 сл.

⁶⁰ Там же, л. 47.

⁶¹ В. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, СПб., 1901, т. II, стр. 507; Ю. Гессен. История горнорабочих СССР, М., 1926, т. I, стр. 148—149; Д. Кашинцев. История металлургии Урала, М.—Л., 1939, т. I, стр. 165—166.

Манифест 1779 г. начинается с указания на заботу правительства о приписных крестьянах. Екатерина II подчеркивает: «Мы ныне внимание наше обращаем на крестьян, из ведомства казенного к заводам приписанных». ⁶² В нем точно перечислены работы, которые обязаны выполнять приписные: это — рубка леса, разломка угольных куч, возка угля из куреней, возка руды, песка и флюсов на заводы и починка плотины в случае повреждения ее пожаром или наводнением. Запрещается принуждать приписных крестьян к другим работам. Таким образом, крестьяне избавлены были от кладки куч и жжения угля. К рубке дров разрешено наряжать крестьян из более отдаленных от заводов деревень, и они могут быть использованы лишь в течение срока от 15 февраля до 20 апреля. Вывозка угля и руды должна быть поручена приписным ближайших к заводу деревень в течение зимы (от установления первого зимнего пути до конца его). Оплата труда приписных по манифесту повышена «вдвое против старого плаката», а именно, в летнее время конному работнику установлена заработная плата 20 коп. в день, пешему 10 коп., а зимой — конному 12, пешему 8 коп. Крестьяне обязаны работать только в течение времени, необходимого для уплаты подушной, именно пока не выработают по 1 р. 70 к. с души муж. пола. За эту сумму (1 р. 70 к.) они должны, например, поставить $3\frac{7}{9}$ саж. дров вместо прежних 7 саж., так как оплата установлена в 45 коп. за сажень; плата за провоз увеличена до 1 коп. с версты зимой и 1—2 коп. летом против прежней $\frac{1}{2}$ коп. В общем по манифесту ставки были повышены вдвое лишь по сравнению с «плакатом» 1724 г., который, очевидно, и назван «старым». Но еще в 1769 г., 27 мая, сенатским указом ставки были подняты против петровского плаката и установлены тогда в следующем размере: в летнее время пешему работнику по 6 коп., конному по 12 коп., в зимнее время пешему по 5 коп., конному по 8 коп.; была также установлена плата за проход к заводам по 3 коп. на день. ⁶³

Благоприятные для крестьян стороны манифеста были на деле ликвидированы 4 года спустя в связи с повышением подушной и оброка с государственных крестьян и общим подъемом цен. Эти меры, однако, затрагивали интересы заводчиков, повышая вначале расходы на оплату труда. В компенсацию за это манифест 1779 г. предоставлял весьма существенную льготу, а именно, освобождал от принудительных поставок в казну железа, снарядов и других изделий. Правительство само указывало в манифесте на ничтожный характер повышения оплаты приписных крестьян, отметив, что по сравнению с огромными прибылями («прибытками») железозаводчиков оно не будет для них «ни мало отяготительным» (п. 8).

Согласно манифесту 1779 г. поставки снарядов должны были выполняться лишь на казенных заводах, притом в порядке, предложенном в одном из проектов: для Петербургского, Ревельского и Архангельского портов и для артиллерии — на казенных олонецких заводах, а для Черного моря и украинской линии — на казенных Липецком и других заводах. Железо и якоря должны поступать лишь с казенных уральских заводов. Только в случае войны или при необходимости укрепить границы, при «крайней надобности», разрешается по манифесту требовать поставок от частных заводчиков. Но в таком случае устанавливается выгодный для них порядок оплаты: сверх себестоимости им гарантируется прибыль в 10% и оплата расходов по провозу (п. 11).

⁶² ПСЗ, т. XX, № 14878, указ 21 мая 1779 г.

⁶³ Там же, т. XVIII, № 13303, указ 27 мая 1763 г. В том же указе приведены старые ставки 1724 г.: летом пешему 5 коп., конному 10 коп., а зимой пешему 4 коп., конному 6 коп. в день.

Основными поставщиками были Демидовы и Яковлев, они и должны были выиграть от этого мероприятия. К началу следующего после манифеста года относится ряд указаний на то, что Демидовы настаивают на применении к ним новых условий, а казна столь же настойчиво на первых порах стремится продолжить получение с них поставок под видом взимания недоимок за прошедшие годы. Берг-коллегия затребовала 31 января 1780 г. от Н. А. Демидова сдать Адмиралтейству недопоставленные за время с 1768 по 1775 г. 102 718 пуд. железа и, кроме того, железо, предназначенное для днепровской и донской флотилий и Архангельска.

Демидовы в ответ на это обратились с челобитьем в Сенат и просили в соответствии с «новым учреждением» возложить поставки на казенные заводы или распределить их между всеми частными заводчиками, имеющими приписных крестьян. Если же поставки будут оставлены на них, то оплата, по их мнению, должна происходить согласно манифесту. Сенат поручил рассмотреть демидовское прошение Берг-коллегии. Полтора года спустя последняя представила свое мнение, на этот раз вполне благоприятное для Демидовых.

Но пока рассматривались эти жалобы, к Демидовым и Яковлеву продолжали предъявлять новые требования. Адмиралтейство требовало обеспечить железом строящиеся корабли: к весне 1781 г. в Петербурге должен был быть отстроен 74-пушечный корабль и достроен «бомбардирский» корабль, в Кронштадте велено снабдить два корабля. Адмиралтейство указывало на задолженность в поставках и требовало с Демидовых за текущий 1780 г. 33.3 тыс. пуд., с Яковлева — 20.6 тыс. пуд. В январе 1781 г. Адмиралтейств-коллегия снова указывала на недоставку железа Демидовыми и в особенности Яковлевым и угрожала изъятием железа с их караванов. Это вновь вызвало отпор со стороны Демидовых, обратившихся с жалобой в Берг-коллегию. Оказывается, Адмиралтейств-коллегия требовала от них по недоимкам за огромный промежуток времени с 1734 по 1774 гг. По новым подсчетам, Демидовыми и Яковлевым было поставлено за это время следующее количество (табл. 77):

Т а б л и ц а 77

Поставки за 1734—1780 гг. (в пудах)

Годы	Размер обязательных поставок	Выполнение поставок
1734—1767	1621800	969647
1768—1773	286200	237409
1774—1780	286200	236599
Итого . . .	2194200	1443655

За 47 лет (1734—1780) следовало поставить 2.19 млн. пуд., а поставлено было 1.44 млн. пуд. и недопоставлено 750.5 тыс. пуд.; кроме того, в недоимке числилось 10.5 тыс. пуд. балласта. Адмиралтейство разделило эту задолженность на две части. До 1768 г., по его расчетам, недоимка составляла 652.1 тыс. пуд., но об этом Адмиралтейств-коллегия «представляет себе впредь к рассмотрению», т. е. пока не требует ее погашения. Зато

остальное недопоставленное железо в 98.4 тыс. пуд. коллегия взыскивала теперь же с Демидовых и Яковлева.⁶⁴

В своем прошении в Сенат после изложения указов, определявших их обязательства с петровского времени, заводчики заявляли, что они выполнили бы накопившуюся на них недоимку по Адмиралтейству, если бы этому не помешало неожиданное новое поручение в 1778 г. по снабжению Днепровской экспедиции «великим числом» тяжеловесных якорей, снарядов и балласта, всего до 100 тыс. пуд. Этот «налог» они считали противоречащим прежним указам. Наконец, ссылаясь на манифест 1779 г., они снова просили о передаче этих поставок на казенные заводы или об уравнении их между всеми заводчиками с оплатой согласно манифесту. Берг-коллегия в своем представлении в Сенат отметила, что демидовские недоимки за 1768—1774 гг. частью образовались в связи с остановкой заводов во время восстания Пугачева; с другой стороны, она напоминала, что Адмиралтейство прежде не требовало этой недоимки и, следовательно, «надобность в железе миновалась». Затем Берг-коллегия указывала на освобождение заводчиков от обязательных поставок по манифесту 1779 г. и поэтому рекомендовала снять с Демидовых и Яковлева их старую задолженность.

Это благоприятное для заводчиков мнение нашло полную поддержку в Сенате, где оно рассматривалось в декабре 1781 г. и в январе 1782 г. Согласившись с мнением Берг-коллегии о сложении с заводчиков недоимок, Сенат, однако, счел невозможным взять на себя окончательное решение дела и передал его на «всемилоостивейшее благоволение императрицы». К сожалению, конец этого дела не сохранился; повидимому, Демидовы добились своего, хотя формального окончательного решения дела не было еще в 1784 г., когда Демидовы вновь просили о снятии с них недоимок, ссылаясь на свое прошение, поданное в 1782 г.⁶⁵

Как умели Демидовы добиваться благоприятного для себя решения в спорных случаях, показывает другое дело, возникшее в 1782 г. Пермская казенная палата, ввиду невыполнения казенными заводами нарядов для строившихся 100-пушечных кораблей, переложила недостающее количество железа на частных заводчиков. Раскладка произведена была в соответствии с числом приписных крестьян. В отношении Демидовых и Яковлева эта мера мотивировалась их старыми недоимками. Демидовы выполнили часть этих новых поставок, но вместе с тем обратились с жалобой в Сенат, считая меры, принятые пермской казенной палатой, незаконными. Сенат стал на сторону заводчиков и затребовал от пермского губернатора и пермской казенной палаты соответствующих объяснений.

За 1790 г. имеется подробная роспись поставленных Демидовыми в Петербург и в Казань артиллерийских снарядов и железа; из этого дела можно судить, что казна платила им в строгом соответствии с манифестом 1779 г.⁶⁶

Подведем некоторые итоги. Поставки в казну имели важнейшее значение для основателя предприятия комиссара Никиты Демидова, добивавшегося преимущественного права на казенные поставки в ущерб другим заводчикам. Был установлен размер обязательных поставок в 47.7 тыс. пуд. для Адмиралтейства, но задание это в последующее время нередко не выполняется, и казна, повидимому, довольствуется продукцией ка-

⁶⁴ Берг-коллегия представляла в 1781 г. задолженность Демидовых и Яковлева Адмиралтейству в следующем размере: за 1734—1767 гг.— 652 153 п. 13 ф., за 1768—1774 гг.— 48 791 п. 20 ф. и за 1779—1780 гг.— 43 600 п. 20 ф.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 104, л. 66—67 об.

⁶⁶ Свердлов. обл. арх., ф. 102, д. № 52, л. 32—33 об.

зенных заводов. Кроме Адмиралтейства, однако, Демидовы обязаны были поставлять железо и снаряды в артиллерию, в дворцовое ведомство и др.

Количественно обязательные поставки занимали довольно скромное место в сбыте Демидовых, по крайней мере во второй половине столетия. Когда предприятие Акинфия Демидова разделилось между тремя наследниками, то между ними была поделена и указанная выше норма поставок. Между тем каждая из трех частей, в частности Нижнетагильская часть Н. А. Демидова, продолжала расширяться. Обязательные поставки в казну составляли 13—15%, не превышая в отдельных случаях 20% сбыта; только перед отменой обязательных поставок требования казны сильно повысились. Этот вывод следует особенно подчеркнуть, если вспомнить, что в такой области, как суконная промышленность, дело обстояло иначе, например, как компания Щеголипа, работала на армию.

Но казенные поставки были тягостны в других отношениях: они требовали в отдельных случаях организации на заводах нового производства или расширения прежнего; в особенности недовольны были заводчики низкими казенными ценами. Первый из Демидовых, петровский комиссар, стремился к получению казенных заказов и сам снизил цены, конкурируя на первых порах со знатными и привилегированными заводчиками того времени. Впоследствии он добился повышения цен по поставкам, но с 1728 г. казенные цены почти не менялись и даже различались в зависимости от ведомства: при поставках железа в артиллерию платили меньше, чем при поставках в Адмиралтейство. Во второй половине столетия казенные цены оставались на прежнем уровне, тогда как рыночные значительно поднялись. Это побуждало Демидовых настойчиво добиваться снятия с них обязательств по поставкам. Между тем военные обстоятельства и завоевание черноморских портов приводило к увеличению в отдельных случаях в 60—70-х годах требований правительства к Демидовым, что в свою очередь побуждало их еще настойчивее стремиться к полному освобождению от поставок. Это было достигнуто по манифесту 1779 г.

Уральский рабочий, уральская металлопромышленность имеют огромные исторические заслуги по обеспечению металлом, снарядами и артиллерией армии и флота. Быстрый и сильный рост промышленности привел к тому, что заводчики должны были сдавать в казну лишь скромную часть своей продукции. В связи с этим внимательного рассмотрения требует продажа на вольном рынке как внутреннем, так и внешнем.

Но прежде отмечу одну существенную сторону дела. Выше, в главе VI, прослежена мною успешная борьба первых Демидовых за льготы и привилегии. Это была борьба за освобождение от мелочного контроля и надзора со стороны правительственных органов. Привилегированные заводчики старались избавиться от подсудности и вмешательства воевод, освободились от постоя войск, от надзора за производством со стороны шихтмейстеров и т. п. В добавление к этому в настоящей главе показано, как наследники Акинфия Демидова упорно добивались снятия с них обязательных поставок в казну. Правительство долгое время отказывало как в освобождении их от поставок, так и в повышении казенных цен. Но восстание крестьян на Урале под руководством Пугачева заставило бросить приписным крестьянам подачку в виде повышения «платкатных» ставок за труд, а заводчиков компенсировать освобождением от обязательных поставок по манифесту 1779 г. В результате Демидовы могли более свободно и с большей выгодой распоряжаться сбытом продукции своих заводов. Тем самым был сделан еще шаг в сближении мануфактуры XVIII в. с предприятием, действующим в условиях свободных рыночных отношений.

2. СБЫТ ЖЕЛЕЗА НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ

Для выяснения количества и удельного веса продажи на внутреннем рынке можно воспользоваться сведениями о составе караванов, которые частично уже приводились выше. В 1747 г. из огромного каравана Демидова из 62 стругов за исключением чугуна и железа, направленных на свои же заводы для передела и на заводские нужды, остальной груз составлял 342 тыс. пуд. На казенные поставки предназначено было 67.6 тыс. пуд. В Петербург (за исключением казенных поставок) пошло 159 тыс. пуд., или 46%. Остальное поступало на внутренний рынок и продавалось в ряде городов — в Москве, Твери, Ярославле, Алексине, на Макарьевской ярмарке, в Чебоксарах, Нижнем, шло в Соль Камскую (Соликамск) и в сибирские города — Тобольск и Тюмень; это составляло 115.3 тыс. пуд. на внутреннюю торговлю, или $\frac{1}{3}$ отгруженного железа. Из отдельных городов наибольшее значение имели: Москва (42.1 тыс. пуд.), Тверь (62.1 тыс. пуд.), Ярославль и Макарьевская ярмарка.

Такую же картину широкого территориального охвата показывают сведения, доставленные демидовской конторой в Берг-коллегию за следующие 3 года. Не буду приводить этих данных целиком. Продажа производилась в 15 пунктах (исключаем из пунктов продажи Соликамск, куда железо завозилось не на продажу, а на соляные промыслы Григория Демидова, и Архангельск, куда шли казенные поставки). Среднегодовые данные за 3 года (1748—1750) представляются в следующем виде:

На вольную продажу	122820 пуд.
В Адмиралтейство	17920 »
В Петербург (экспорт и местная продажа)	238250 »

Итого . . 378990 пуд.

На внутренний рынок (без Петербурга), по этим данным, шло 122 тыс. пуд., или также около $\frac{1}{3}$ (32.4%), в Адмиралтейство — 17.9 тыс. пуд., или 4.8%, и в Петербург — 238 тыс. пуд., или $\frac{2}{3}$ общего количества (62.8%).

С разделом предприятия Демидова на три части со второй половины столетия положение изменилось в том отношении, что закрылись Чугунский и Тульский заводы, взяты были в казну алтайские заводы, исчез сбыт в сибирские города Тобольск и Тюмень, возросло значение экспорта в демидовском сбыте. Но внутренний рынок занимает значительное место.

К 60-м годам относятся данные об отправленном с заводов железе и его назначении, составленные, вероятно, в нижнетагильской заводской конторе.

Эти сведения показывают особенно высокие цифры отпуска на внутренний рынок, даже более высокие, чем экспорт.

Если даже признать эти годы исключительными по структуре отпуска, все же эти данные подтверждают полную возможность размещения на внутреннем рынке значительного количества железа. Приведу общий итог отгрузок на караванах Н. А. Демидова (табл. 78):⁶⁷

⁶⁷ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 21, л. 166.

Отправка железа на караванах (в пудах)

Пункты назначения	Г о д ы		
	1763	1764	1765
По городам внутри России	117418	109340	73013
В Петербургский порт для продажи за границу . . .	91309	49598	121370
В Петербург (в казну и для Воскресенского монастыря)	1669	1640	3541
В Адмиралтейство	1773	4625	1984
В Архангелогородский порт	—	10807	113
Итого	212169	176010	200021

Отпуск на внутренний рынок по этим данным в 1763—1765 гг. составлял от 73 до 117.4 тыс. пуд., превышая в течение 2 лет отпуск за границу.⁶⁸

В 1771 г. было перевезено 283 тыс. пуд. железа и других изделий, из которых 36.9 тыс. пуд. предназначены были на казенные поставки в Адмиралтейство и артиллерию, и почти столько же (36.7 тыс. пуд.) шло на вольный рынок. Остальное, т. е. подавляющая масса (210 тыс. пуд.), направлено было в Петербург как на экспорт, так и для продажи в самой столице; хотя в этом случае сведения о продаже на вольном внутреннем рынке неполны, все же они почти равны цифре казенных поставок.⁶⁹

Караваны 1773 г. доставили еще большее количество железа. Эти сведения показывают, даже по неполным данным, значительный перевес вольного рынка над казенными поставками.⁷⁰

В 1773 г. для продажи в приволжских городах назначено было 19.1 тыс. пуд. и в Москву на продажу было завезено 40 тыс. пуд., всего (без Петербурга) на внутренний рынок предназначалось 59.1 тыс. пуд., что составляет 17.4% общего количества. На казенные поставки в Петербургское адмиралтейство, в Москву, в артиллерию, и к Архангельскому порту было направлено 52.3 тыс. пуд., или 15.3%, т. е. немногим меньше, чем на вольный рынок; остальное — 228.6 тыс. пуд., или 67%, привезено было в Петербург и предназначалось на экспорт и на сбыт на внутреннем петербургском рынке. Эти сведения показывают уже перевес экспорта, но вместе с тем, несмотря на неполноту, свидетельствуют, что и внутренний вольный рынок занимал значительное место.

Можно говорить о наличии прочного спроса на уральское железо на внутреннем рынке; оно закупалось у крупнейших заводчиков местными купцами, а также кузнецами. Для того чтобы показать это с большей конкретностью, я воспользуюсь донесениями местных демидовских приказчиков, занятых продажей железа. Сохранились рапорты, присылавшиеся из ряда городов за 1766 г.; они дают возможность с значительной

⁶⁸ Малый размер казенных поставок в отгрузках 1763 и в 1765 гг. частично подтверждается сведениями о поставках, подсчитанными в Берг-коллегии и приведенными выше (см. стр. 438); полного совпадения между отгрузками в караваны и данными о поставках не должно быть, так как в казну могло идти железо, оставшееся от предыдущих лет.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 121. Караванные книги за 1771—1772 гг.

⁷⁰ Там же, данные за 1773 г.

подробностью представить условия сбыта на внутреннем рынке.⁷¹ В конце этой книги рапортов имеются сводные ведомости, составленные уже в московской домовой конторе на основании ежемесячных донесений с мест. С этих данных удобно начинать характеристику местного рынка. Привожу цифры в весовом выражении и здесь же даю итоговые цифры сбыта в денежной оценке (табл. 79).

Таблица 79

Сбыт железа на внутреннем рынке за 1766 г. (в пудах)

Города	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
Москва	5082	6070	2626	1472	1189	1066	918
Тверь	1423	1508	127	66	360	356	315
Ярославль	333	28	61	5	—	—	383
Нижний Новгород	954	140	188	238	123	196	1036
Казань	130	165	130	—	—	446	259
Петербург	160	565	1458	53	4039	1550	1097
Итого	8082	8476	4590	1834	5711	3614	4008

(продолжение)

Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего	Сумма (руб.)
375	2640	2010	1822	2566	27836	20902
307	166	50	170	424	5272	3481
718	447	200	636	7062	9873	6102
744	2175	1120	645	1131	8690	5863
75	109	161	138	722	2335	1394
780	289	— ^[1]	— ^[1]	— ^[1]	939	10012
2999	5826	3541	3411	11905	63997	47754

[1] «По отъезде [приказчика] Никитина репортов не прислано».

Эти данные не совсем полны, так как за последние 3 месяца (октябрь — декабрь) сведения из петербургской конторы не были присланы; это тем досаднее, что на эти месяцы обычно приходятся крупные цифры сбыта. Табл. 79, таким образом, несколько преуменьшает действительные размеры продажи на внутреннем рынке. По этим неполным данным, было продано в 1766 г. почти 64 тыс. пуд. железа на сумму 47.8 тыс. руб. При этом свыше $\frac{1}{3}$ всей продажи в весовом выражении приходилось на Москву (27.8 тыс. пуд.), а в ценностном отношении московская продажа занимает 43%. Максимум сбыта обнаруживается в зимние месяцы (декабрь — февраль) и снижение его летом, когда запасы железа иссякали, а новое пополнение с каравана приходило лишь во второй половине лета и осенью. В связи с движением каравана по Волге продажа железа начинала усиливаться в Казани уже в июне, в Нижнем — в июле, в Ярославле — с августа.

В «репортах» городских приказчиков давались ежемесячные сведения о продаже железа, о поступлении его и остатках, о вырученных деньгах и их движении. Московская контора запрашивала от местных приказ-

⁷¹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 101. Донесения городских контор 1766 г.

чиков сведения о спросе, об изменениях в ценах, о возможном их повышении и т. п.

В Твери при продаже железа в 1766 г. состояли трое — приказчик Сергей Зыков, писец и два дворника. В январе 1766 г. московская контора запрашивала приказчика относительно цен на тверском рынке в связи с предполагавшимся повышением цены на демидовское железо: «будут ли на него охотники, и по чему у других заводчиков продаецца». В своем ответе Зыков весьма осторожен в оценке спроса, но сообщает много конкретных данных, свидетельствующих в целом о значительных размерах продажи не только из демидовской конторы, но и уряда других заводчиков на тверском рынке. Спрос был преимущественно на полосное железо, а другие сорта приказчик сбывал, так сказать, в порядке принудительного ассортимента в том случае, когда покупка производилась на медные деньги, которые шли дешевле, чем серебро (за размен меди на серебро платили по 1—2%).

Тверской приказчик приводит любопытные сведения о сбыте в Твери у других крупных заводчиков, которые в отличие от Демидова оказывают покупателям кредит. «Здесьние купцы, — пишет Зыков, — у других заводчиков покупают в долги полосное железо стаями, а именно Осокина — 5000 пуд. по 58 коп., деньги — год, князя Голицина 5000 пуд. по 62 к., деньги — год же, Твердышева — 3500 пуд. по 60 к. пуд, деньги — год же; Иван Перфильев Мосолов, слышел я стороною, продал Арефьеву 2500 пуд. по 52 к., денег половина, а другая пождать. Оное железо те купцы волною ценою продают, как случитца 63, 64 и 65 к.». Из этого донесения узнаем, что четыре перечисленных крупнейших заводчика продали в Твери 16 тыс. пудов железа по 52—58—62 коп. местным купцам, которые в свою очередь перепродали его по 63—65 коп. за пуд. При этом они оказывали годовой кредит или на всю сумму, или с уплатой половины наличными. Следует прибавить еще сбыт со стороны других Демидовых: «Господина Никиты Никитича Демидова здесь караван зазимовал до 60 000 пуд, он изволил продать здесьним купцам своего железа — полосное 12 000 пуд. по 70 коп., листовое аршинное железо он же продавал по 1 р. 80 к. за пуд, деньги в год же». Далее приказчик упоминает о продаже железа А. С. Строганова — 2 тыс. пудов. Вместе с четырьмя перечисленными выше заводчиками и с оборотом дяди Демидова это составит довольно значительное количество — 30 тыс. пудов. Сюда не вошли торговые операции тверской конторы Н. А. Демидова, оборот которой в 1766 г. составил 3.4 тыс. пудов. Но, вероятно, в Твери продавали железо и его племянники и его старший брат Прокофий, и, следовательно, общие цифры сбыта заводского железа в Твери превышают подсчитанные нами 33.4 тыс. пудов. Покупателями были местные кузнецы и купцы; последние перепродавали его партиями помельче, с надбавкой в цене. Таким образом, Тверь была довольно заметным рынком железа. Наличие значительного предложения со стороны многих заводчиков и конкуренция между ними мешали им поднимать цены.

Демидовский приказчик поэтому довольно скептически относится к предложению повысить цены на железо. «За теми случаи, — продолжает он, — и мне на свое железо, как цену выше положить, познать не можно, будут ли оное брать и сколько числом в год распродать можно». Тверской приказчик приходит к выводу о возможности некоторого повышения цены только на самое ходовое полосное железо, «и то разве по 2 коп. на пуд, а станут ли брать, не знаю». Несмотря на такую характеристику рыночной конъюнктуры в Твери, которая должна бы вызвать весьма осторожное отношение к вопросу о повышении цены, московская демидовская контора смотрела на дело иначе. В начале марта из Москвы

было послано предписание тверскому приказчику продавать пополам полосное и связное железо; цена на первое назначалась по 70 коп. за пуд (вместо прежней 65 коп.), на второе по — 66 коп. Надо заметить, что столь высокая для этих лет цена, как 70 коп. за пуд, действительно установилась в Твери. Это видно из слов самого Зыкова. Оправдываясь от обвинения во взяточничестве и в продаже в свою пользу железа, приказчик говорил, что Никита Никит. Демидов продал здешним купцам до 13 тыс. пуд. железа по 70 коп., а местные купцы повезли его в Ригу и в Ревель. Это сообщение интересно не только указанием на цену, но и как свидетельство, что тверские купцы, не ограничиваясь местной торговлей, везли железо к портам. Усиленный спрос вызывало также городское строительство. В мае 1766 г. приказчик сообщал, что «состоявший при строении здешнего города» подполковник просит продать ему до 1 тыс. листов луженого железа для соборной колокольни.

Караван с Урала пришел в Тверь в сентябре, и здесь было отгружено 7000 пуд., что вместе с остатками составило 10.5 тыс. пуд. наличного железа. Всего за год Зыков продал 5272¹/₂ пуд. на сумму 3481 р. Наибольший сбыт приходится на январь и февраль, наименьший — на октябрь. Колебания сбыта по месяцам (см. табл. 79), очевидно, связаны не только с сезонностью спроса, но еще более с временем прибытия каравана осенью, с разгрузкой его и с исчерпанием запасов железа к весне и лету.

В Ярославле демидовская контора занята была не только продажей железа, но также управлением ярославской вотчиной, куда для сбора оброка и для других дел должен был часто выезжать приказчик. В Ярославле, кроме того, происходил прием Адмиралтейством железа по казенным поставкам для Архангельского порта. Местный ярославский спрос был еще выше, чем в Твери; за 1766 г. в Ярославле из демидовской конторы было продано 9874 пуда железа, притом в течение одного только декабря — 7 тыс. пуд. Еще в декабре 1765 г. из московской конторы пришло в Ярославль предписание о ценах; приказано было продавать косы-«литовки» по 25 коп. за штуку, а обручное железо велено было отправить с будущим караваном в Петербург или поставить его в казну, в архангелогородское Адмиралтейство. Ярославский приказчик Иван Сажин в январе 1766 г. в ответ писал, что косы-литовки не в спросе, так как «в здешней стороне манеру такого нет, чтоб большими косить». Обручное железо, которое, по его словам, здесь не покупают, он намеревался отправить в Петербург для сдачи в Адмиралтейство. Из Москвы в Ярославль пришло также предписание поднять цену и продавать полосное и связное железо по 65 коп.⁷² Приказчику запрещалось повышать цену сверх того «для своей корысти», предписывалось также продавать на наличные, а «в долги не отпускать».

Освещая ожидаемый спрос в Ярославле, Сажин сообщал в Москву (в августе 1766 г.), что впредь требуется на год полосного железа — 15 тыс. пуд. и более, связного — 1 тыс. пуд., шинного до 500 пуд. и т. д. Он указывает, что у Прокофия Демидова имеется в Ярославле 49 тыс. пуд. железа, у Турчанинова — 4 тыс. пуд., у Баташева и Собакина — 14 тыс. пуд., у Воронцова в Костроме — 14 тыс. пуд. Цены на железо стоят не выше 60 коп. «Купцы к нам не ездят, — пишет приказчик, — сказывают, что дома довольно; ярославские купцы накупили железа по 55 коп. пуд, и ныне купцы, услышав новую цену [65 коп.], отъезжать

⁷² В черновом отпуске первоначально было написано «63 коп.», но затем зачеркнуто и поставлено «65 коп. за пуд»; очевидно, в московской конторе колебались в назначении новой цены.

стали» и в этом году не разберут всего поставленного железа. Запасы у крупнейших заводчиков в Ярославле еще выше, чем в Твери, но как и там, налицо конкуренция между ними, не позволяющая чрезмерно повышать цены. Спустя 1½ месяца (1 октября 1766 г.) Сажин сообщает, что по вновь установленной цене покупают очень мало, и «купцы все отстали». Новая цена была слишком высока, и через 2 недели пришло из Москвы разрешение продавать полосное железо по 60 коп. Такова, очевидно, была цена, установившаяся на ярославском рынке.

С демидовского каравана отгрузили в Ярославле в августе 1766 г. 12 958 пудов продажного полосного железа. За год (1766) Сажин продал здесь 9874 пуда, т. е. значительно меньше, чем он предполагал, судя по его письму, впрочем, содержащему расчет на следующий год (на 15 тыс. пуд.). Но и эта продажа выше, чем в Твери или в каком-либо ином городе, кроме столиц. Выручка от продажи железа позволяла ярославской конторе щедро снабжать деньгами караванных приказчиков для найма работных людей и лоцманов; в июле Сажин выдал им 900 руб. и, кроме того, не раз платил по распоряжению из Москвы ярославским купцам по «ас-сигнациям» вместо полученных с них в Москве денег.

Ярославль, как уже сказано, был пунктом, где разгружалось железо, предназначенное для казенных поставок в Архангельск. В марте 1766 г. из Адмиралтейств-коллегии поступило в ярославскую провинциальную канцелярию требование немедленно принять от заводчиков железо для Архангельского порта. Характерно для отношения к поставкам, что демидовский приказчик долго отказывался дать подписку в исполнении этого распоряжения. Согласно этому указу из Адмиралтейства со всех трех частей наследства Демидовых следовало принять в Ярославле 28 450 пуд., в том числе с Н. А. Демидова лишь 6737 пуд., т. е. значительно меньше, чем был его сбыт на местном рынке. Из Москвы распорядились сдать железо присланному из Адмиралтейства офицеру, а его самого «хотя чем и одарить». В ноябре происходил осмотр железа присланным из Адмиралтейской коллегии кузнечным подмастерьем, которому пришлось дать 10 руб., так как «весьма стало много ломатца», и только после взятки он «все в годности освидетельствовал».

Переписка ярославского приказчика с московской конторой свидетельствует о довольно крупном значении Ярославля как рынка железа, куда подвозилось весьма значительное количество крупнейшими металлозаводчиками, конкурировавшими между собою. Ничего похожего на монополию даже таких заводчиков, как Демидовы, к тому же выступавших каждый самостоятельно, мы здесь не видим. Вместо этого наблюдается игра рынка, конкуренция и в результате ее установление рыночной цены.

Продажа железа в Нижнем Новгороде несколько уступала ярославскому обороту и составила за 1766 г. 8690 пуд. Продажей железа здесь ведал в это время демидовский крестьянин Иван Бухалов, получавший вместо оклада «попудное жалованье» по ¼ коп. с каждого проданного пуда железа. Как и в другие конторы, и в Нижний в январе 1766 г. пришло требование сообщить, «по каким ценам можно какое железо в продажи производить», будет ли «довольно охотников» и каковы цены у других заводчиков. Бухалов отвечал, что преимущественный спрос имеется на полосное длинное железо, которого, он полагал, можно продать значительное количество — 20 тыс. пудов и даже более. Осбыте других заводчиков он сообщает: «А продается у Прокофья Акинфиевича по 56 коп. пуд, только в продаже было мало, а ныне за неимением в протчих местах довольно також». У других Демидовых «продается по 54 коп. пуд, и сходит в год тысячь по 9-ти, а у протчих не по положенной цене, но по торгу». В марте московская контора известила его о повышении цены на железо для Нижнего до 58 коп.

Продажа железа в демидовской вотчине в с. Фокине на Волге к 1766 г. стала замирать, вероятно, в связи с закрытием Чугунского завода. Здесь состоялся «у продажи железа» крестьянский выборный из демидовской вотчины Михайла Коровин. Несмотря на наличие железа, продано было за март лишь 41 п. 28¹/₂ ф., за апрель — 69 п. 33 ф. В связи с этим было приказано вывозить отсюда железо, на московский караван было отгружено 1011 п., на другом судне отправлено еще 868 п. и в Нижний отпущено 514 п.

В Казани продажа железа была невелика, составив за 1766 г. всего 2333 пудов. На запрос о ценах и состоянии рынка казанский приказчик Алексей Белоглазов отвечал, что можно прибавить по 2 коп. на пуд. В Казани продавали железо пятеро Демидовых, об условиях которых приказчик сообщил следующее: у Прокофия цена на полосное железо 54 коп., и он продает мало; у племянников Павла и Петра Демидовых цена 50 коп., продают по 1 коломенке в год и более; у Никиты Никитича выходит по 2—3 тыс. пудов в год по 53—52—51 коп. за пуд, «но токмо за ту цену оно отдает в долги», замечает Белоглазов. Иван Демидов сбывает по 3—4 тыс. пудов в год по 50 коп. за пуд. Приказчик считает допустимым поднять цену на 2 коп., принимая во внимание удобное расположение демидовского склада поблизости от пристани, «близ реки Казанки и в летнее время за близостию того дома бес перевозки из других анабаров берут и грузят не по большому числу в суда и лотки...». Белоглазов, как и другие приказчики, обязан был сообщать местные цены на хлеб и другие продукты; так, например, по его данным, в декабре рожь старая стоила 1 р. 90 к. за четверть, новая — 1 р. 60 к.; пшеница — 1 р. 90 к. — 2 руб.; ржаная мука — 2 руб. за четверть и т. д.

Обзор оборотов провинциальных демидовских контор дает основание говорить о довольно оживленном оптовом рынке железа. Его покупали кузнецы и, главным образом, местные купцы, перепродававшие железо небольшими партиями. Спрос был достаточно велик; на местах конкурировали крупнейшие заводчики в лице нескольких Демидовых, а также Твердышев, Собакин, Строганов и др. В связи с этим находится разнообразие условий сбыта: одни продавали в кредит, другие — только наличными, что приводило к различию в ценах. В донесениях демидовских приказчиков проходят картины достаточно оживленного внутреннего вольного рынка со всеми его характерными особенностями. Приказчики Демидова должны извещать его московскую контору о колебаниях цен и спроса; они пристально следят за сбытом своих конкурентов и сообщают также о ценах на хлеб на местном рынке, короче говоря, они обязаны знать рыночную конъюнктуру и уметь использовать ее в своих коммерческих операциях.

В книге ежемесячных рапортов приказчиков, к сожалению, лишь отрывочно и неполно представлена продажа железа в обеих столицах. В Москве у Н. А. Демидова было три пункта сбыта железа: в Каретном ряду занималась лавка, железо продавалось в собственном доме Демидова на Мясницкой и, кроме того, отпускалось из демидовской лавки на Балчуге. В доме на Мясницкой продажей железа ведал служитель Василий Красильников. В октябре 1766 г. у него было в наличии большое количество железа — 58 883 пуда и за истекшие месяцы года было отпущено 52 832 пуда на сумму 45 914 руб. Насколько оживленно проходил сбыт, видно из того, что на 1 декабря значится в остатке лишь 8496 пуд. железа и 36¹/₂ пуд. чугунных изделий. В Москве за 1766 г. всего было продано 27.8 тыс. пуд. (см. табл. 79), т. е. значительно меньше, чем было отпущено из Мясницкого дома; объяснить эту разницу можно неполнотой источника или тем, что часть железа могла расходоваться на собственные нужды демидовских контор.

Довского хозяйства по московским домам и в его подмосковных, и некоторая часть завезенного в Москву железа могла идти в счет казенных поставок. Как и провинциальным приказчикам, Красильникову предписывается продажная цена, которая была установлена в 68 коп. за железо шириной $2\frac{1}{2}$ и толщиной $1\frac{1}{2}$ дм; плющильное железо он должен был продавать по 75 коп. Но затем последовало новое распоряжение о снижении этих цен до 66 коп. за пуд полосного железа.

В другой демидовской лавке, в Каретном ряду, находился приказчик Иван Супонин. Имеется лишь один его рапорт за декабрь 1766 г.; из него можно заключить, что обороты этой лавки были меньше, чем на Мясницкой. На 1 декабря 1766 г. в ней был остаток $978\frac{1}{2}$ пуд., и за месяц поступило из привезенного с Дубенской пристани 5260 пуд. полосного железа; за декабрь было продано 660 пуд. Часть железа в Москве расходилась на нужды собственного хозяйства, часть также дарилась или продавалась представителям администрации и сановникам. Так, по распоряжению Демидова (21 ноября 1766 г.) следует отпустить «в дом его сиятельства князя Якова Петровича Шаховского полосного железа по 60 к. за пуд».⁷³ Наряду с этим предписано отпустить в слободской дом Демидова на покрытие оранжерей 400 листов железа.

К этим отрывочным сведениям о московской продаже можно добавить данные о перевозках железа с Дубенской пристани, где разгружались суда с железом для Москвы. Демидовские крестьяне из ближайшей кашинской вотчины (с. Прислон и дер. Притыкино), находившейся в устье р. Дубны, обязаны были возить на своих лошадях железо с Дубны к Москве. Зимой 1766/67 г. с начала декабря по начало марта по санному пути был отправлен 41 обоз с железом; всего было привезено 34 010 п. 30 ф. железа.⁷⁴

В Петербурге демидовская контора занята была преимущественно отпуском на экспорт. Внутренняя продажа была невелика; лишь изредка железо покупалось крупными партиями местными петербургскими купцами, но чаще оно продавалось по мелочам — торговцам в ряды и кузнецам или же в дома петербургской знати. Железом также давались взятки чиновникам, что называлось «дать в презент». Наконец, железо отпускалось на свои нужды — на ремонт дома, на починку кареты и на подковы для лошадей. Отпуск железа большими партиями в десятки тысяч пудов иностранным купцам на экспорт производился с пристанского склада; мелкая продажа велась из кладовой при демидовском доме на Васильевском острове. В рапортах, посылавшихся из петербургской конторы в Москву, после обстоятельного рассказа о переговорах с иностранными маклерами или англичанами-экспортерами сообщается также об отдельных наиболее крупных сделках с русскими купцами. Так, в книге рапортов из петербургской конторы за 1766 г. в майском донесении читаем, что «на сих днях Кукину сидельцу Григорью Дмитриеву имеющееся здесь связное железо с 3000 пуд. продано по 80 к. пуди денег получено от него 1000 рублей». В следующем же майском рапорте снова отмечено: «Кукину запровано связное железо майя 4 дня и в задаток получено 1000 рублей вскоре, а оного [железа] еще не принимал и по сие число, токмо уговор был, как приемом и отдачею месяца далее не продолжать, а при начатии дела

⁷³ Я. П. Шаховской — сенатор, один из лучших администраторов елизаветинского царствования, автор известных мемуаров, из которых видно, что он вышел в отставку в апреле того же 1766 г. и с тех пор жил зимой в Москве, а летом — в своей подмосковной деревне. См. «Записки кн. Якова Петровича Шаховского», изд. «Русской старины», СПб., 1872, стр. XVII и 205.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4035. Документы по кашинской вотчине; итог подсчитан мною.

приемом того железа взят будет вексель». В декабре того же 1766 г. приказчик писал, что следует получить за проданное в Гостиный двор железо 2250 руб.⁷⁵

О мелких продажах в этих рапортах не говорится, но подробные сведения о них содержатся в приходо-расходных книгах, куда записывалось поступление денег даже за несколько пудов железа. В книге петербургской конторы за 1768 г. наряду с подробной записью прихода и расхода денег и движения железа имеется также особый «экстракт», подытоживавший, вероятно, только местную продажу петербургским купцам, исключая сделки на экспорт. Это — «Экстракт сортов железа, употребленного в продажу и в сдачу и под расписки без денег служителем Алексеем Никитиным». Эти сведения показывают следующее движение наличных остатков железа и продажу в Петербурге за 1768 г. (табл. 80).⁷⁶

Т а б л и ц а 80

Сбыт железа в Петербурге за 1768 г. (в пудах)

Месяцы	Прием и остаток	Сбыт
Январь 1768 г.	9779	75
Февраль	—	22
Март	—	1271
Апрель	8410	2145
Май	6265	2171
Июнь	4049	870
Июль	3179	181
Август	2999	24
Сентябрь	2974	767
Октябрь	2208	106
Ноябрь	2103	2
Декабрь	2100	182
Январь 1769 г.	1918	—
Итого	—	7816

Общая цифра продажи железа за 1768 г. (7.8 тыс. пуд.) несколько меньше, чем приведенные выше (см. табл. 79) данные по петербургской продаже за 9 месяцев 1766 г. (9.9 тыс. пуд.). Еще в 1764 г. в рапортах петербургской конторы встречаем указание на необходимость усилить сбыт демидовского железа местным кузнецам, причем сообщалось, что для мелочной продажи надо иметь в Петербурге 8535 пуд. Таким образом, местная продажа в Петербурге уступает по размерам продаже в Москве.

Книга петербургской конторы за 1770 г., носящая название «Приход денег и расход железу», содержит записи в течение года всех сделок, продаж, полученных векселей, денег и т. п. За весь 1770 г. петербургская контора, по моим подсчетам, получила от покупателей, включая авансы и т. п., весьма значительную сумму — 219.8 тыс. руб. Особенности петербургской продажи сразу станут ясными, если выделить из этой суммы доход от продажи иностранным купцам, который составил 190.2 тыс. руб., или 86% общей суммы. Остальная часть доходов была весьма пестрой; здесь значатся: денежный остаток от прошлого года в сумме 8686 руб.;

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 29, л. 21 об., 92—92 об.

⁷⁶ Там же, д. № 102.

получение от курляндского герцога в уплату старого долга — 11 950 руб.; поступление за казенные поставки из Адмиралтейства и артиллерии — 4569 руб., наконец, продажа на местном петербургском рынке — 4347 руб., причем было продано 6.7 тыс. пуд. железа.

Остановлюсь на отдельных группах местных покупателей в Петербурге в 1770 г. Продажа торговцам из Железного ряда была наиболее устойчивой, повторявшейся из месяца в месяц; они покупали небольшими порциями по 10—40 пуд. Интересными многими случаями продажи или подарков железом представителям петербургской знати или высшей администрации; такого рода выдачи, обычно безденежные, производились по приказу самого Демидова, если он был в Петербурге, или по записке петербургского приказчика. Так, в феврале 1770 г. по приказу Демидова «графине Анне Карловне Воронцовой отпущено черного аршинного железа 600 листов весом 144 п. 20 ф.— безденежно»; или: «продано его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Разумовскому» 300 листов черного железа весом 40 пуд. за 72 руб.; «продано Адама Васильевича Алсуфьева человеку» 30 п. 30 ф. за 24 р. 60 к. и поверенному графа Андрея Петр. Шувалова — 97 п. 30 ф. за 80 р. 16 к. По распоряжению конторы железо выдавалось чиновникам петербургских учреждений в качестве взятки; так, по записке приказчика отпущено адмиралтейскому секретарю 10 пуд., в другой раз адмиралтейскому советнику выдано 3 пуда железа и т. п.

Некоторые изменения наметились на петербургском рынке к концу века, как об этом можно судить по данным за 1800 г.⁷⁷ Возросло общее количество проданного железа; сделки становятся крупнее; исчезла мелочная продажа по несколько пудов, наиболее частый размер продажи — по 100—200 пуд.; в связи с этим сократилось число покупателей и совсем не значится выдачи железа в качестве взяток чиновникам. В 1800 г. надо выделить две крупные сделки, заключенные в Петербурге с тульским купцом Баташевым на 10 тыс. пуд. и калужским «именитым гражданином» М. С. Глуховым — на 8.8 тыс. пуд. Остальные 21 покупатель, в числе которых было 10 купцов и мещан, 2 каретника, 1 тележник и 2 кузнеца, за этот год закупили 9.3 тыс. пуд. Из сановного круга можно отметить в качестве покупателей демидовского железа за этот год только графа И. П. Салтыкова, домоправитель которого закупил 355 п. 16 ф. Общее количество проданного в Петербурге железа за 1800 г. как на экспорт, так и на местный рынок составило 237 197 пуд. (не считая запродаанных еще в прошлом году 10 тыс. пуд.), в том числе русские потребители закупили 28 125 пуд., что составляет 12%.

Итак, сбыт Демидовых на вольном внутреннем рынке производился в обеих столицах и в ряде городов Поволжья по пути следования караванов. Демидовские конторы должны были считаться с рыночной конъюнктурой и конкурировать с другими заводчиками. Покупателями были местные купцы и ремесленники, а также дворянство. Продажа Демидовых на внутреннем рынке превышала размер казенных поставок, но уступала во второй половине столетия продаже на экспорт.

⁷⁷ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 75.

ГЛАВА XVI

«ЗАМОРСКИЙ ОТПУСК»

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПОРТА ЖЕЛЕЗА

Рост русского вывоза железа представляет замечательное явление, тем более, что основным покупателем уральского железа была Англия, металлургия которой в XVIII столетии, до того как проявились результаты промышленного переворота, находилась в застое вследствие недостатка лесов и вызванного этим острого дефицита древесного топлива. В 1770 г. английская промышленность дала 32 тыс. т чугуна, в 1780 г.— 40 тыс. т, тогда как общерусская продукция в 1767 г. составляла 82 тыс. т чугуна, или 54 тыс. т железа, т. е. была в $2\frac{1}{2}$ раза выше английской. Только в конце столетия, в новых условиях, созданных промышленной революцией, английская металлургия делает скачок, но еще и в 1800 г. она не достигла уровня России по выплавке чугуна (в России — 163.4 тыс. т, в Англии — 156 тыс. т). В первой половине века Англия должна была удовлетворять $\frac{4}{5}$ своей потребности в железе за счет импорта.¹ Почти половина всей русской продукции и около $\frac{2}{3}$ уральского железа шли на экспорт; только в самом конце столетия обнаруживаются первые признаки снижения русского экспорта. О среднегодовом вывозе железа из России в половине XVIII и в начале XIX вв. дают представление следующие цифры:²

Годы	
1749	579 тыс. пуд.
1758—1760	798 » »
1778—1780	1968 » »
1790—1792	2582 » »
1802—1804	2210 » »

Рост русского экспорта железа заставил потесниться Швецию на английском рынке, и Россия заняла первое место в снабжении Англии железом, как это видно из табл. 81.³

В русском экспорте железа сбыт в Англию составлял важнейшую часть. Так, например, из 2329.8 тыс. пуд. железа, вывезенных в 1796 г. из Петербурга за границу, 1837.6 тыс. пуд., т. е. 80%, направлялось

¹ L. В е с к. Die Geschichte des Eisens, Bd. III, S. 1079; Д. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, стр. 132, 216.

² С. С т р у м и л и н. Черная металлургия в России и в СССР, стр. 174;

³ L. В е с к. Op. cit., Bd. III, S. 1085.

Ввоз железа в Англию (в центнерах)

Годы	Страны-экспортеры			Всего
	Россия	Швеция и Норвегия	Прочие страны	
1732	32820	81910	8610	123350
1755	101802	198080	13800	312960
1786	289640	200820	2900	493420
1793	366620	230030	2400	599050
1799	234410	196410	60220	501040

в Англию (из Архангельска в том же году вывезено 152 тыс. пуд., из них 104 тыс. пуд. в Англию). В 1797 г. доля Англии в русском экспорте железа поднялась еще выше (из Петербурга всего вывезено 1857.7 тыс. пуд., в том числе в Англию 1579 тыс. пуд.), составив 85%.⁴ Это делает особенно интересным освещение экспортных операций Демидовых, которые торговали почти исключительно с англичанами. Документы петербургской конторы Демидова дают ценный и конкретный материал по русско-английской торговле железом.

Для выяснения размеров экспорта, или, как он обычно называется в документах того времени, — «заморского отпуска» демидовского предприятия воспользуемся наиболее ранними сведениями о составе караванов, частично уже приводившимися выше. К зиме 1745 г., когда скончался Акинфий Демидов, очередной караван с железом шел на зимовку в Тверь. На 47 судах было 323 545 пуд. железа, из них для Петербурга предназначено было 205 784 пуда и для Риги — 14 142 пуда.⁵

Едва ли мы ошибемся, если примем, что подавляющая часть железа, шедшего в Петербург и Ригу (219.9 тыс. пуд.), поступала на экспорт. Об этом свидетельствует заключенный в декабре 1745 г. контракт с английским купцом Вульфом на 200 тыс. пуд. полосного железа, а если «более во оном караване явится, — все без остатку», с обязательством «кроме его, Вульфа, оное железо никому не продавать».⁶ Железо было продано по 56 коп. за пуд, и вперед было внесено 70 тыс. руб., т. е. $\frac{2}{3}$ всей суммы. Таким образом, из общего количества железа, привезенного караваном 1745—1746 гг. (323.5 тыс. пуд.), на экспорт следовало 62%, а с отпуском в Ригу несколько больше. Для 1746 г. известен состав каравана, отправленного с чудовских пристаней. В общий груз входило не только железо, предназначенное для продажи, но и чугун и железо, отправлявшиеся для передела на другие демидовские заводы. Как указывалось выше, с этим караваном было отправлено 373 528 пуд., в том числе 106 тыс. пуд. чугуна и железа, шедших на заводы, и 267.5 тыс. пуд. железа, направлявшегося на рынок и для сдачи в казну. Из общего груза в Петербург было отправлено 118.5 тыс. пуд. железа, в том числе «казанного», т. е. предназначенного для казны, лишь 4.1 тыс. пуд. Таким образом, на вольную продажу в Петербург было послано 114.1 тыс. пуд.⁷ Нам неизвестно количество железа, шедшего на мелочную продажу в Петербурге, но оно было, как это показано выше, невелико. На

⁴ Ibid., S. 1150.

⁵ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95, ч. 1, л. 399.

⁶ Там же, л. 401.

⁷ Там же, л. 438.

этот раз отгрузки на экспорт были вдвое ниже, чем в предыдущем году. В 1747 г. с уральских пристаней было отгружено 414.9 тыс. пуд. железа, в том числе чугуна и железа, отправленные на свои же заводы, составляли 72.9 тыс. пуд. Из остальных 342 тыс. пуд. в Петербург на вольную продажу (за вычетом казенных поставок) направлялось 159 тыс. пуд., что составляет 45% общего количества. Согласно сведениям, полученным от Демидовых Берг-коллегией за 1748—1750 гг., среднегодовой сбыт железа за эти 3 года составил 378.9 тыс. пуд. В это число входил сбыт в Петербурге — 238.3 тыс. пуд. (включая экспорт и местную продажу), что составит 62.8% общего количества.⁸

Приведенные данные лишь приблизительно отражают размеры экспорта, так как включают также и местную продажу, имевшую, впрочем, в Петербурге ничтожное значение по сравнению с экспортом. Кроме того, следует иметь в виду, что эти цифры показывают лишь отгрузки, а не сбыт в собственном смысле слова; на месте могли быть еще остатки, за счет которых действительная продажа на экспорт могла повышаться, или, напротив, часть привезенного железа могла перейти на следующий год. Эти цифры вместе с тем показывают значительные колебания экспорта как по абсолютным цифрам, так и по удельному весу его в общем количестве. Отгрузки в Петербург для вольной продажи за отдельные годы были следующие:

Годы	
1745 219.9 тыс. пуд.
1746 114.1 » »
1747 159.0 » »
1748—1750 (среднее за год)	. . . 238.3 » »

После раздела наследства Ак. Демидова между тремя его сыновьями, т. е. во второй половине столетия, не имеется сведений о сбыте всех демидовских наследников, и в дальнейшем изложении будут приведены сведения только по сбыту продукции Нижнетагильского и других заводов, принадлежавших Н. А. Демидову и затем его сыну. В главе XI я указал на сохранившиеся письма московского приказчика, относящиеся к 1759 г.; в одном из них намечен проект распределения железа на год. Он предполагал, что общий выпуск железа (с заводов Нижнетагильской части) составит 200 тыс. пуд., из которых половину, т. е. 100 тыс., следовало направить на экспорт. Для 60-х годов имеются заводские данные об отпуске железа с заводов и о распределении его по назначению, подсчитанные в заводской конторе на основании контрактов с иностранцами, присылавшихся для выполнения. Эти сведения, подобно предыдущим, показывают значительные колебания; отпуск с заводов на продажу в Петербург составлял в 1763 г. 91.3 тыс. пуд., в 1764 г. — 49.6 и в 1765 г. — 121.4 тыс. пуд. Но колебания эти могли выровняться на месте, в Петербурге, за счет запасов. Надо помнить, что железо, отгруженное с пристаней на Урале, достигало столицы только на следующий год. Имеются сведения, что, несмотря на резкое падение отгрузок в 1764 г., это не сказалось в такой же степени на объеме демидовского экспорта: сохранились сведения о продаже английским купцам в Петербурге в 1764 г. — 98 тыс. пуд. железа, а в 1765 г. даже 111.3 тыс. пуд.,⁹ что составляет около половины продукции Нижнетагильской части за эти годы.

Для 70-х годов выше также приводились данные по составу караванов, поэтому ограничусь лишь итоговыми данными. В 1771 г. два каравана,

⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. № 978, л. 240 сл.

⁹ Свердлов. обл. арх., ф. 102, д. № 21, л. 166, 177, 257.

зимующий и однолетний, перевезли с Урала 283 тыс. пуд., из которых в Петербург, за вычетом казенных поставок, направлялось 209 тыс. пуд., или 74%. В 1773 г. также на двух караванах было отправлено 340 тыс. пуд. железа, из которого в Петербург на экспорт и вольную продажу пошло 224.4 тыс. пуд., или 66%. Это обнаруживает значительное повышение доли Петербурга по сравнению с данными 60-х годов.

В 1787 г. в двух караванах Н. А. Демидова, отправленных с Урала на 43 стругах, было 325.7 тыс. пуд. железа. Приведу для этого года сведения о назначении железа, так как эти данные не были использованы мною выше, причем суммирую цифры обоих караванов.¹⁰ Пункты назначения были следующие:

Петербург	169 633 пуд.
Москва (до Дубны по Волге, Оке и Москве-реке) . .	109 086 »
Казань	15 433 »
с. Фокино (Нижегородской губ).	1 200 »
Нижний Новгород	9 648 »
Ярославль	14 960 »
Тверь	5 776 »

Итого 325 736 пуд.

Как видно из этих данных, в Петербург было отправлено в 1787 г. 169.6 тыс. пуд., или 52% общего количества отгруженного с чузовских пристаней железа (325.7 тыс. пуд.). Железо, отправленное в Петербург на однолетнем караване (100 тыс. пуд.), могло притти к порту в том же 1787 г. Остальная часть (69.6 тыс. пуд.), отправленная на обыкновенном караване с неизбежной зимовкой в Твери, могла поступить в столицу лишь в 1788 г. Таким образом, отгрузки одного и того же года с уральских заводов делились на месте сбыта между двумя годами.

Как это железо затем продавалось в Петербурге, можно видеть из донесений и отчетов петербургской конторы, где приводятся сведения о наличных остатках, о запородах на экспорт и о сдаче на иностранные корабли. В течение 1787 г. вместе с остатками от предыдущего года поступило в распоряжение петербургской конторы Н. А. Демидова 190.2 тыс. пуд. железа. Запродажи на этот год составили 98.7 тыс. пуд. и сверх того следовало сдать недоданного за предшествующий год 42.2 тыс. пуд. Всего подлежало к сдаче 140.9 тыс. пуд., а в действительности за 1787 г. было сдано экспортерам 115.2 тыс. пуд., и, кроме того, мелочная продажа на месте составила 9.3 тыс. пуд. В результате — остатки к концу года составили 65.5 тыс. пуд. В 1788 г. на караванах было доставлено в Петербург 144.3 тыс. пуд., что вместе с остатком от предыдущего года (65.5 тыс. пуд.) составило 209.8 тыс. пуд. Надлежало сдать иностранцам как по контрактам этого года, так и по оставшимся запродажам прошлых лет 120.1 тыс. пуд.; в действительности было сдано 103.4 тыс. пуд., и за вычетом мелочной продажи в Петербурге осталось к концу 1788 г. в наличии железа 80 тыс. пуд. В 1789 г. поступило с караванов в Петербург 229.5 тыс. пуд., что вместе с остатком от прошлого года (80 тыс. пуд.) составляло уже 309.5 тыс. пуд. Подлежало к сдаче по контрактам на этот год 273 тыс. пуд., было сдано иностранцам 212 тыс. пуд.¹¹ Следует отметить, что это были годы Русско-турецкой войны.

Для конца столетия приведу сведения, не вполне сопоставимые с предыдущими цифрами; это данные о запродажах вместо фактически

¹⁰ Там же, д. № 46, л. 198.

¹¹ Там же, д. № 47, л. 4—6; д. № 50, л. 5 сл.; д. № 52, л. 3—5.

сданного покупателям железа. На 1 марта 1795 г. по ведомости петербургской конторы запродажи на текущий год составили 212.1 тыс. пуд., в том числе для местной продажи—1.6 тыс. пуд. Но эта цифра законтрактованного железа не может быть признана полной, так как запродажи не были еще закончены, к тому же обычно не все контракты на текущий год выполнялись и часть их переходила на следующий год.¹² На 1799 г. предполагено было отправить с заводов 401 тыс. пуд. (в 1787 г. было отправлено 325 тыс. пуд.), но из них в Петербург должно было идти только 118.6 тыс. пуд.; сверх того к Дубенской пристани направлялось 124 тыс. пуд.; отсюда железо шло в Москву, но иногда, как это было, например, в 1795 г., часть его с Дубны направлялась также в Петербург.¹³ Для тех же лет отмечу роспись отпуска железа за время с 5 ноября 1798 г. по 9 октября 1799 г., за эти 11 месяцев было отпущено в Петербурге 200.9 тыс. пуд.¹⁴

В 1800 г. продано было по договорам 247.2 тыс. пуд. как на внешний рынок, так и для местных петербургских потребителей. Запродажи иностранцам составили 213 тыс. пуд., а поступления железа в Петербург в 1800 г. вместе с остатками от прошлого года равнялись 225 тыс. пуд.¹⁵ Эти цифры, не всегда полные и не вполне сопоставимые, позволяют дать лишь приблизительную картину экспорта. Поступление и сбыт железа в Петербурге характеризуются следующими цифрами:

Годы	Годы
1764 . . . 98.0 тыс. пуд.	1788 103.4 тыс. пуд
1765 . . . 111.3 » »	1789 212.3 » »
1771 . . . 209.8 » »	1795 (212.1) » »
1773 . . . 224.4 » »	1798—1799 . . . (137.4) » »
1787 . . . 115.2 » »	1800 (213.0) » »

Колебания в цифрах частью связаны с недоучетом, частью — с колебаниями производства. Существенное значение имели также изменения спроса и разнообразные условия сбыта в Петербурге, в конечном счете отражавшие конъюнктуру европейского или, если можно применить это выражение для XVIII столетия, тогдашнего мирового рынка. В подробных донесениях петербургских приказчиков в Москву перед нами открывается напряженная борьба на петербургском рынке, игра цен на бирже, конкуренция и столкновения различных требований русских заводчиков и иностранных купцов.

Об организации экспорта демидовского железа в первой половине столетия, к сожалению, имеются лишь недостаточные и отрывочные сведения. Но для второй половины века, или вернее, для последней трети его, сохранилась за ряд лет подробная переписка петербургской и московской демидовских контор, в которой хорошо отразились переговоры с иностранцами, а также имеются контракты с экспортерами. Покупателями железа были иностранцы, проживавшие в Петербурге; число их невелико: большую часть железа покупали 4—6 иностранных контор, или компаний, но к концу века число покупателей постепенно увеличивается, преимущественно за счет второстепенных купцов и мелких сделок.

В 60-х годах крупнейшими покупателями железа у Н. А. Демидова были англичане Судерланд, Ригель и Торнтон. Судерланд в 1764 г. один и совместно с англичанами Дингли и Ватсоном закупил у Н. А. Демидова 85 тыс. пуд. железа; английская компания Торнтон, Риттер и Келли за-

¹² Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 63, л. 9.

¹³ Там же, д. № 68, л. 27—29.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых. Контракты 1789—1818 гг., д. 6/№, л. 37 об.— 38 об.

¹⁵ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 75, л. 1 об., 37.

купила столько же (85 тыс. пуд.).¹⁶ Для 1766 г. имеются неполные данные, охватывающие сдачу на корабли в Петербурге 43.2 тыс. пуд. Это количество было продано английским купцам Аткинсу, Ригелю и Бурнету, затем Дингли, Ватсону и Судерланду и английской компании Торнтон, Риттер и Келли; кроме них, небольшие партии железа в 2—3 тыс. пуд., иногда даже по 100—500 пуд., закупили другие английские купцы, а также голландцы, гамбургцы, любекские купцы, двое итальянцев, один француз.¹⁷ Англичане появляются в демидовских документах то в одиночку (Ригель, Судерланд), то выступают в компании.

Сведения о покупателях-экспортерах можно извлечь также, например, из «Книги прихода и расхода железа» в Петербурге за 1770 г. В ней отмечены денежные поступления как по контрактам в счет будущей сдачи железа, так и по продаже его мелкими партиями; записи идут по месяцам и числам и охватывают круглый год. Подсчет разбросанных в этой книге цифровых данных по сделкам с иностранцами показывает, что основным покупателем был англичанин Ригель, который один или совместно с Аткинсом и Дюзбери в течение года заплатил за купленное железо 154 тыс. руб. из общей суммы 189.2 тыс. руб., полученной от иностранцев за этот год.¹⁸ Даже от Судерланда, одного из главнейших покупателей в 60-х годах, на этот раз было получено в уплату за железо в 1770 г. лишь 4165 руб. Большая роль в демидовском экспорте английского купца Ригеля в начале 70-х годов подтверждается также приведенными выше сведениями, относящимися к заграничному путешествию Демидова. Отказ Ригеля и Аткинса продолжить Демидову кредит по причине его чрезмерных расходов за границей и задержка ими уплаты за железо привели дело в расстройство, и демидовская контора должна была выходить из затруднения крупными займами, в общей сумме составлявшими 130 тыс. руб.

Покупатели демидовского железа торговали не только этим товаром, но закупали на экспорт также лен, пеньку, смолу и пр. Так, в 1764 г. компания Судерланда закупила у казны ремень; другой англичанин (Дингли Гомм) взял на откуп лесной торг в Архангельской губернии.¹⁹ В 1788 г. по годовым ведомостям, составленным в петербургской конторе Демидова, сбыт железа в Петербурге охватил следующий круг покупателей (см. табл. 82).²⁰

В течение 1788—1789 гг. выступают почти одни и те же покупатели, можно отметить лишь некоторые иные их сочетания; так, в 1788 г. покупают вместе Судерланд и Бок, а в следующем году — Судерланд, Броун и Ригель, причем последний выступает также в компании с Аткинсом. Хотя покупателями были 12—13 фирм, но определяющее значение в качестве крупнейших покупателей имеют 3—4 из них. В 1789 г. это — компания Томсона, которая должна была получить 53.8 тыс. пуд., Судерланд и Бок — 87.6 тыс. пуд., и т. д. В этот же список включен и русский купец Яков Мешков, купивший 2400 пуд. Для более позднего времени можно указать продажу 25.7 тыс. пуд. железа в 1799 г. тульскому купцу Баташеву, перепродававшему часть его иностранцам.²¹

К 1800 г. относится «Настольный журнал» запродаж, произведенных в Петербурге как русским, так и иностранным купцам; в него включены также копии контрактов. За 1800 г. были совершены сделки с 16

¹⁶ Там же, д. № 23, л. 24, 26.

¹⁷ Там же, д. № 21, л. 292.

¹⁸ Там же, л. 249—259. «Приход денег и расход железу 1770» (подсчет произведен мною).

¹⁹ Н. Ф и р с о в. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование имп. Екатерины II, Казань, 1902, стр. 198—199, 202, 203.

²⁰ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 50, л. 5; д. № 52, л. 3—6.

²¹ ЦГАДА, ф. Демидовых. Контракты 1789—1818 гг., д. 6/№, л. 37 об.

Сбыт железа Н. А. Демидова в Петербурге в 1788 г. [1]

Покупатели	Количество (пуд.)	Сумма (руб.)
Яков Мешков	2400	3120
Гиль, Казалет и комп.	20945	26229
Джордж Скугель » »	16260	20388
Томсон, Питерс, Бонар и комп.	12520	15870
Торнтон, Келли и комп.	20000	25400
Портер и комп.	6300	8001
Судерланд и Бок	19085	19100 ^[2]
Джордж Фоуль	945	1229
Рос, Парис, Вар и комп.	4410	5733
Келли, Прескот » »	1890	2457
Тимофей Рекс » »	500	650
Кул Смали » »	1587	2222
Форстер » »	630	945
Аткинс, Ригель » »	18590	— ^[2]
Итого	126052	131344 ^[2]

[1] Без мелочной продажи в Петербурге. [2] Часть денег за это железо была получена от покупателей в предшествующие годы.

иностранными компаниями или отдельными купцами. Контракты заключались при посредстве маклеров, но последние выступают, кроме того, в двух случаях и как покупатели обычно мелких партий железа. Всего в этом году было заключено сделок с иностранцами на 213.9 тыс. пуд. железа на сумму 533.9 тыс. руб. При этом компанией Парис, Вар и Гарвей был подписан через маклера Ригеля самый крупный контракт на 195 тыс. руб. (80 тыс. пуд.).²² Данные по контрактам, заключенным с иностранными купцами в 1800 г., сведены в табл. 83.

И в 1800 г. основное значение из 16 контор и купцов имели не более 7. Все они обозначены в контрактах как купцы, проживающие в Петербурге; большинство из них были англичане, за исключением португальцев Велью и Мендоза и итальянцев Ливио.

Наиболее ранний из встретившихся мне контрактов с иностранцами относится к ноябрю 1759 г.; это копия с договора следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, договорился с английскими купцами господами Динглием, Ротоном и Шардом в том, что составить и отдать мне им в Санкт-Петербурге в мае месяце будущего тысяча семьсот шестидесятого году с собственных моих заводов с железа сибирского полосного пятнадцать тысяч семьсот двенадцать пуд ценою по осмидесят копеек за пуд; за которое железо мною от них Динглия, Ротона и Шарда денег одиннадцать тысяч четыреста рублей принято, а достальные принять по поставке железа, а внутренние пошлины платить мне, в чем во уверение сие договорное письмо им дал в Санкт-Петербурге ноября 4 дня 1759 года. На подлинном подписано: Никита Демидов».²³ Договор, составленный в

²² Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 75. Книга петербургской домовой конторы, настольный журнал о железе на 1800 г.

²³ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4015. Речь идет о так наз. «внутренних» пошлинах, установленных в 13% и взимающихся с внешнеторгового оборота после закрытия внутренних таможен в 1754 г.

Контракты на железо, заключенные с иностранными купцами в 1800 г. [1]

Покупатели	Количество (пуд.)	Сумма (руб.)
Парис, Вар, Гарвей и комп.	{ 80000	196000
	{ 6525	16335
Портер, Броун, Вильсон и комп.	30000	73500
Томсон, Питерс, Бонар » »	20000	49000
Тимофей Рекс	14234	34985
Вильям Глен и комп.	{ 10000	24500
	{ 5750	14087
Осип Эгерс	11340	28350
Роберт Аульд	3150	7875
Вильям Джонс и комп.	6500	16250
Торнтон, Смали » »	10080	25200
Крамер и комп.	945	2362
Бонди и Тендели	630	1575
Бонди, Шлите и Дели	630	1575
Велью и Мендоза	4000	10000
Братья Ливьо	9000	22000
Лауниц (маклер)	100	250
Томас Машлегер (маклер)	80	20
Итого	213964	5311

[1] Ряд отдельных сделок, заключенных одной и той же конторой, мною суммирован.

ноябре, предусматривает выполнение его через полгода, в мае; в нем указано количество железа (15.7 тыс. пуд.), установлены сорт и цена (по 80 коп.). Большая часть денег выплачена при заключении договора в качестве задатка, а именно, из следуемых 12 тыс. руб. уже уплачено 11.4 тыс. руб.

Другой пример извлекаю из переписки московской домовой конторы с нижнетагильской заводской конторой за 1770 г. Из Москвы послали на завод реестр сортам железа согласно договору с английскими купцами, к реестру приложена была копия контракта. В отличие от предыдущего договора, этот контракт рассчитан на более длительный срок — выполнение его растягивалось на два следующих года, 1771 и 1772, вероятно, потому, что сделка касалась большого количества железа — 150 тыс. пудов. Привожу начало контракта: «1770-го года февраля 8 дня мы, нижеподписавшиеся, английские купцы Аткинс, Ригель и Дюзбери заключили сей контракт с господином ст. сов. Н. А. Демидовым в том, что на будущие 1771 и 1772 годы зделать ему, господину Демидову, на своих собственных сибирских заводах (именуемые трехбратные) под клеймом соболя и поставленных пяти литер ССНАД разных сортов железа по разным же договорным ценам по приложенному при сем реестру ... по 75 000 пуд. на год, всего ж в два года 150 000 пуд...»

Этот контракт заключен на крупную денежную сумму и значительное количество железа, притом на продолжительный срок. В нем тщательно разработаны все условия, предусмотрены сорта железа и время поставок, приуроченное к периодам навигации и к приходу караванов (июнь — август). Покупщики должны принять железо в короткий срок, не более чем в 2 месяца. Плата вносится в три срока: при заключении договора — задаток в сумме 10 тыс. руб., следующий взнос — по прибытии каравана

и последний — по приеме железа, но не позднее чем через 2 месяца, и притом серебром, а не медной монетой.

Прежде чем подписать крупный контракт с иностранными купцами, нередко запрашивалось мнение нижнетагильской конторы; так, в том же 1770 г., 14 апреля, Н. Демидов писал: «При сем прилагаетца данная от надежной английской конторы Питерса и Томсена о деле сортового железа записка, по которой желают они заключить контракт на пять лет и получать на каждой не только по объявленному в той записке весовому числу, но и вдвое, есть-ли сделать можно». В связи с этим заводская контора должна была известить «пообстоятельнее», не причинит ли новый контракт убытка и можно ли выполнить его без ущерба для других контрактов, «чтоб не набрать на себя больше обещаний, нежели окурратно исполнить можно». Заводская контора принимала деятельное участие в обсуждении контрактов. В данном случае по поводу заказа Питерса и Томсона заводские приказчики указывали, что они заняты выполнением двух крупных контрактов: для Ригеля и Фонзантена — на 81.24 тыс. пуд. и Рекса — на 50 тыс. пуд. и что новый заказ может быть выполнен только за счет сокращения предыдущих сделок.²⁴

Сверх заключенного уже контракта нередко подписывался со старыми покупателями дополнительный договор на добавочное количество железа. В декабре 1770 г. Демидов писал в заводскую контору: «На сих днях мною заключен договор, чтоб в будущем 771 году обще с сортаментом, делающимся для Аткинса и Ригеля еще им же поставить широкополосного железа шириною в $4\frac{1}{2}$ д., толщиной $\frac{5}{8}$ д. — 5000 пуд., той же ширины толщиной в $\frac{6}{8}$ д. — 5000 пуд., итого 10 000 пуд., ценою по 80 коп. пуд., которое по получении сего немедленно и делать». С теми же иностранцами ведутся переговоры о новом договоре, сверх уже подписанных.²⁵ Высокий спрос со стороны иностранцев привел в данном случае к расширению уже заключенного договора, и Демидов ввиду выгоды цен идет навстречу покупателям.

В контрактах более поздних, сохранившихся от 1789—1790 гг., имеются некоторые подробности, отличающие их от предыдущих образцов тем, что в них предусмотрена возможность запоздания демидовских караванов. Если железо придет в Петербург, когда навигация на Балтийском море уже будет закончена, то последний платеж откладывается до навигации следующего года.²⁶ В использованный выше «Настольный журнал о железе» 1800 г., который велся в петербургской конторе, включены копии со многих контрактов. Они интересны в двух отношениях. Почти все купцы обозначены в них как живущие в Петербурге; это значит, что они постоянно проживали здесь, а не наезжали лишь на время для коммерческих сделок. Обычно контракты начинаются после указания даты следующими словами: «Мы, нижеподписавшиеся, агглинские купцы, живущие в Петербурге, Томсон, Питерс, Бонар и компания, заключили сие условие...»

Другой особенностью контрактов этого года является указание в них на то, что сделка заключена при посредстве маклера, о чем в прежних договорах не всегда упоминалось, хотя они также заключались при содействии маклеров. В одном контракте, например, сказано, что «агглинские купцы, живущие здесь, в Петербурге, Парис, Вар, Гарвей и компания заключили сие условие... и на основании маклера Ричарда Ригеля от сего числа маклерской записки...» и т. д. В книге 1800 г. перечислены

²⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 112, л. 133—134.

²⁵ Там же, л. 279—281, 290—291, 353.

²⁶ Там же, д. б/№. Контракты на перевозку железа и других материалов 1789—1818 гг.

маклеры: русский маклер Дмитрий Губарев, Ричард Ригель, Томас Машлегер, Тимофей Рекс и др.²⁷ Демидовский приказчик встречался с маклером, принимая его у себя, и вел с ним долгие переговоры; маклеры получали определенное вознаграждение, или куртаж, обычно $\frac{1}{2}\%$ от суммы сделки. Демидовская контора заботится, чтобы маклер был доволен и содействовал заключению наиболее выгодных сделок. Маклеры являлись также источником сведений об изменениях спроса за границей, о колебаниях рыночной конъюнктуры в Лондоне и т. п.

Для лучшего понимания торговых операций Демидова с иностранными купцами следует хотя бы вкратце остановиться на организации русско-английской торговли в этот период. В нашей исторической литературе изучена начальная история торговых сношений России и Англии, но совершенно не освещена эта тема в отношении XVIII столетия.

«Русская компания», основанная англичанами в XVI столетии и получившая от Ивана Грозного широкие привилегии, стала хиреть к середине XVII в., в особенности в связи с враждебной позицией, занятой русским правительством во время английской революции. В 1669 г. компания была англичанами преобразована или заменена новой.²⁸ Она объединяла всех английских купцов, торгующих с Россией, доступ в нее был значительно облегчен, и каждый из членов мог торговать самостоятельно. К концу XVIII столетия число членов ее сильно возросло. Внутренняя структура ее центрального управления оставалась, однако, прежней; компания управлялась советом из 24 членов, ежегодно весной созывалось общее собрание; во главе компании стоял губернатор, или президент. Руководящую роль в «Русской компании» играл узкий круг из 12 крупных и влиятельных торговых и банкирских фирм Лондона, заинтересованных в торговле с Россией, притом большей частью находившихся в родственных отношениях между собой. Эта кучка заправила всеми делами и держала в своих руках половину всего экспорта из России в Англию. Они были тесно связаны с руководящими кругами лондонского Сити. Среди них прежде всего следует назвать банкира Торнтона, державшего в своих руках финансовые связи с Россией. Глава этого торгового и банкирского дома Джон Торнтон был одним из директоров Английского банка; его сыновья принадлежали к влиятельным членам парламента. Президент, или губернатор, «Русской компании» Эдуард Форстер одновременно занимал пост президента лондонской биржи.

В Петербурге находились конторы этих крупных английских торговцев и банкиров и их комиссионеров. Британское правительство получило в XVIII столетии весьма существенные льготы по коммерческим трактатам с Россией в 1734 и 1766 гг.: право англичан судиться в Коммерц-коллегии; привилегии платить пошлины не «ефимками», а русской валютой (считая по 1 р. 25 к. за «ефимок»), что приводило на деле к снижению пошлины на 10—14% против других иностранцев; дома англичан были освобождены от воинского постоя.²⁹

Английские купцы покупали в России корабельные товары, к которым прежде всего следует отнести лен, коноплию, канаты, а также лес и железо. Они оказывали кредит при заключении контрактов в виде крупных авансов или задатков, что имело значение для Демидовых при медленности оборота того времени и постоянной нужде в крупных денежных

²⁷ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 75. Книга петербургской конторы 1800 г., л. 10, 12, 13 об. и др.

²⁸ И н н а Л ю б и м е н к о. История торговых сношений России с Англией, Юрьев, 1912.

²⁹ М а р т е н с. Собрание трактатов и конвенций, СПб., 1892; О с т р о у х о в. Англо-русский договор 1734 г., СПб., 1914, т. IX (X).

средствах для заводского производства и караванов. В первой половине XVIII столетия английский консул сам вел крупную торговлю, но впоследствии консулы ограничивались лишь содействием англо-русской торговле и также находились под влиянием заправил «Русской компании». Имена крупнейших контрагентов Демидова мелькают также в дипломатической переписке XVIII столетия. В секретных делешах английского посла из Петербурга в Лондон встречаем упоминания о Судерланде и Торнтоне, через банкирские конторы которых выплачивались или переводились личные средства сановников.³⁰ Русский посол в Лондоне граф С. Р. Воронцов в своих письмах на родину упоминает о том же Торнтоне как директоре Английского банка, занятом к тому же участием во многих компаниях. Те же торговые дома известны нам и по деловой переписке демидовской конторы, а также по переписке Воронцовых.³¹

Тех же демидовских покупателей можно встретить в перечне купцов, торгующих в Петербурге, опубликованном в работе Одди о европейской торговле (1805). Этот список включает 218 купцов, иностранцев и русских, которые вели в Петербурге экспортные и импортные операции в 1804 г. Иностранцы купцы, с которыми вели дела демидовские приказчики и сведения о которых приводит этот автор, занимались торговлей не только железом, но и другими товарами.³²

Согласно данным, приведенным Одди, весь вывоз из Петербурга составлял в 1804 г. 29.2 млн. руб., а ввоз — 21.1 млн. руб., в том числе железа вывозилось в 1798 г. 2.6 млн. пуд., но к 1801 г. экспорт русского железа падает до 1.4 млн. пуд.³³ В сопоставлении с этими общими цифрами особенно выделяются такие демидовские покупатели, как компания Томсона и Бонара, экспортировавшая на 3.6 млн. руб., что составляет 12.4% всего русского экспорта из Петербурга; Торнтоны, участники трех компаний, торговали в России с суммой вывоза в 1.7 млн. руб., 932 и 228.9 тыс. руб.; компании Глен и бр. Ливии вывозили на 811—839 тыс. руб., компания Портера и Бонара — более чем на 500 тыс. руб. каждый и т. д. При этом в оборотах иностранных фирм первостепенное значение имел не ввоз, а вывоз из России. Внешнеторговый баланс русско-английской торговли был выгоден России.

2. «ЗАМОРСКИЙ ОТПУСК» ПО ДОНЕСЕНИЯМ ДЕМИДОВСКИХ ПРИКАЗЧИКОВ

Продажа железа иностранным фирмам является основным содержанием деловой переписки петербургской конторы и владельца. Демидовский приказчик в Петербурге бывал на бирже, сообщал сведения о спросе на железо в Англии, учитывал возможные колебания цен, должен был лавировать и выжидать наиболее удобный момент, чтобы удачно заключить выгодную сделку. Петербургская контора была в курсе крупнейших международных событий, как, например, война американских колоний за независимость, и старалась взвесить возможные их последствия на рынке железа. Приказчик связан в своей деятельности с западноевропейским рынком. В письмах в Москву он сообщает слухи о ценах и спросе в Англии и Швеции, о кредитоспособности того или иного иностранного купца, о задержке кораблей в Балтийском море. Весной он дожидается вскрытия Невы, начала навигации и прихода первых иностранных

³⁰ Сб. РИО, т. СХ, стр. 11, 55, 249.

³¹ «Архив гр. Воронцова», т. IХ, кн. 2, стр. 70, 148, 156, 187, 403, 467 и др.

³² O d d y. European commerce, London, 1805, p. 130—131.

³³ I b i d., p. 121, 122.

кораблей в Петербургский порт, чтобы тотчас же известить об этом московскую контору.

Это — одна сторона жизни петербургской конторы, обращенная к западу, к передовым капиталистическим странам — Англии и Голландии. Наряду с этим демидовская контора тесно была связана с феодально-чиновничьим кругом столицы. В переписке мелькают указания на обращения к влиятельным сановникам, в Сенат и коллегии и даже говорится о поездках в Царское Село для подачи прошений императрице. Вместе с тем петербургские приказчики составляли часть демидовской дворни и прочными нитями были связаны с крепостной приволжской деревней и с уральскими заводами. Из их дописаний мы узнаем, кто из дворовых в демидовском петербургском доме был горьким пьяницей, кто провинился и был наказан телесно и т. п. В переписке тщательно обсуждается ежегодная покупка рекрут, приводятся рыночные цены на крепостных людей, говорится о приезде из деревни крепостных, вытребованных на должность лакеев или отданных в ученье, о приходе караванов, которые сопровождают крепостные приказчики и грузчики, и т. п. Это — другая, столь же важная, можно сказать, коренная сторона жизни петербургской конторы, прочно связывавшая ее со всем феодально-крепостным строем.

Деловая переписка за 1764 г. начинается рапортом петербургского приказчика Ипата Кононова от 6 января, в котором он извещает московскую контору о том, что принялся за составление контракта на 85 тыс. пудов железа, проданного Рибопьеру; неделю спустя он пишет о переговорах с Судерландом об уплате Демидову золотой монетой; в следующем рапорте от 15 января читаем, что как Рибопьер, так и Судерланд «известие из Англии имеют, что полосное нашего высокородия железо противу прежних лет не так чистою отделкою и добротою стало делатца, а Гурьева де железо весьма похваляют». Заграничные отзывы о качестве железа отсылались в нижнетагильскую заводскую контору. В другом обширном письме приказчик сообщает любопытные подробности о продаже железа и расчетах с иностранцами. Английские купцы закупают в Петербурге не только железо, но и другие товары, что создавало при расчете некоторые затруднения. Судерланд прислал в демидовскую контору своего приказчика с векселем на 10 тыс. руб. вместо наличных, и Кононов поясняет: «А Судерланд денег за тем здесь не дал, что он купил великое множество холста и хрящу,⁹⁴ а трасировки для задатков на оной скоро б учинить не мог».

Петербургская контора заключила контракт с Рибопьером на 85 тыс. пудов полосного железа, в это время находившегося на зимующем караване в Твери. Условия сделки были следующие: в середине февраля, т. е. после заключения договора, должны быть уплачены 5 тыс. руб. деньгами или векселем, что вместе с внесенными раньше составит задаток 20 тыс. руб.; в мае будут внесены еще 5 тыс. руб., а последний взнос — по отпуске железа, не позднее сентября. Судерланду уже продано 75 тыс. пуд., за которые получено 20 тыс. руб., а остальные — к августу. Таким образом, два иноземца — Рибопьер и Судерланд закупили вместе 160 тыс. пудов на одинаковых условиях в отношении сроков уплаты. К весне приказчик может подвести уже некоторые итоги кампании по запорядке железа. Он пишет (1 апреля): «Буде за проданное полосное железо 170 000 пуд., которое, если отдана будет, то по сие число получено денег здесь задаточных 4500 руб., а достальных причтетца взять более 50 000 руб.».

В апреле происходит погрузка железа на иностранные корабли по заключенным уже контрактам. Векселя, переданные англичанами в

⁹⁴ Хрящ — толстый, грубый холст.

уплату за железо, Ипат Кононов пересылает в Москву для получения по ним денег.

О ходе погрузок приказчик извещает московскую контору каждую неделю («ежеседмично») с указанием, сколько отпущено и сколько имеется налицо, «лежит на пристане и на судах» и какое количество находится «в каменных погребах». По требованию Сената приказчик объявил об имеющемся количестве железа: иностранцам было продано 170 тыс. пуд., в том числе прошлогоднего, а также доставленного нынешним караваном железа 95.4 тыс. пуд., и налицо осталось 74.6 тыс. пуд. для продажи за границу; кроме того, некоторое количество оставлено для внутренней продажи и на казенные поставки для Адмиралтейства. В рапорте 2 августа приказчик сообщает, что «сего числа еще пришел от Торнтонга галиот принимать железо». В сентябре прибыл однолетний караван с 20.3 тыс. пуд. железа; в сентябре же получен последний взнос от Торнтонга за проданные ему 84.1 тыс. пудов железа, всего 58 881 руб., и счет с ним закончен; Судерланду сдано 85 тыс. пудов, и счет с ним закончен в начале октября.

С ноября начинаются переговоры о поставках на следующий год. Приказчик отмечает новых покупателей: «С голландским купцом господином товарищем Бландова говорил о поставке широкополосного и 8 сортов железа 8535 п.». Завязываются новые переговоры: «На сих днях дана записка от господина Ригеля, чтоб по 10 000 пуд. в три года заключить с ним контракт [на] сортовое железо, четырехгранное и полосное». Приказчик назначает цену 90 коп. за пуд, а покупатель соглашается лишь на 80 коп. В рапорте от 11 ноября 1764 г. вновь обсуждаются условия будущих контрактов. В том же донесении сказано, что контора Фауля сообщила из Лондона об изменении сортамента и обещает выслать новый список, так как прежние сорта теперь не в спросе. Неделю спустя приказчик пишет, что «одна английская контора желает... получить железа будущего лета до 1000 пуд или более или менее и послать в Лондон, чтобы опробовали со шведским. И если де оное атестовано будет, что не хуже шведского окажется, и чтоб уже оно из Швеции не брать... при сем прилагает записку 25-ти сортам, а договор такой учинить на 10 лет». Это известие указывает на повышенный спрос за границей на русское железо, которое успешно конкурирует со шведским. В следующем рапорте 23 ноября снова читаем о высокой конъюнктуре: «Сего числа от маклера Прескота был ответ на данной мною ему записке сортовому железу». Маклер дает за сортовое железо по 80 коп. или 4—3 копейками больше, а за полосное по 70—72 коп. Демидовский приказчик считает возможным поднять цену: «Токмо я объявил полосное ординарное 80 к., а сортовое по 90 к. пуд, потому что еще есть время для содержания цены оному. После того приехал сам Судерланд, и я по вышеписанному поступал, и торгует все на чистые деньги». Наконец, в начале декабря заключены первые крупные сделки: продано 57.9 тыс. п. Ригелю, который принимает все это железо пополам с Судерландом.

Таким образом, переговоры с покупателями происходят зимой, оформляются к навигации, железо доставляется на караванах летом и осенью, и тогда заканчиваются денежные расчеты с покупателями. Донесения из Петербурга за 1764 г. показывают наличие высокого спроса, который держался до конца года; цены держались высокие, появились новые покупатели.

Не так гладко и легко протекал «заморский отпуск» в 1766 г., от которого также сохранилась подробная переписка петербургской конторы с московской. В этом году приходилось биться за цены, следить за своими конкурентами и выжидать. Тон петербургского приказчика меняется: он часто жалуется на качество железа и на затруднения, связанные с тре-

бованием владельца согласовывать каждый раз условия контрактов с московской конторой. Сбыт за этот трудный год непохож на предшествующий и вместе с тем в еще большей степени показывает рыночную стихию с игрой цен и конкуренцией.³⁵

В переписке петербургской конторы с Москвой отчетливо выявляются два сезона запродажи и заключения контрактов — весна и поздняя осень и зима. В апреле 1766 г. по распоряжению владельца петербургская контора отпустила в Амстердам голландскому купцу Фондершафу на его корабле 2 тыс. пудов железа на пробу. Купец считал продажу русского железа выгодным делом и утверждал, что в прошлом году было отправлено из Петербурга в Голландию до 100 тыс. пудов железа. Проба была удачна, хотя и не привела на первых порах к крупным сделкам. Летом приказчик сообщил, что купец просит прислать в Амстердам еще 1 тыс. пуд. В апреле Ипат Кононов писал в Москву о состоянии спроса и о ценах: «О железе настоящей цены еще нет, по 80 к. взять неуповательно, а по 75 к. надежду иметь можно, и она цена состоитца ль, точно уверить нельзя ж». Он сообщает, что демидовская цена объявлена им на бирже и что надо пока занимать выжидательную позицию, так как «дело происходить имеет исподволь». В начале мая он пишет, что «по сие число железо никто еще не торговал в отпуск за море», и в следующем письме спешит ответить на запрос Демидова, «какая последняя здесь при порте цена железу состоять будет». Он дает характеристику состояния рынка в горячее время прихода иностранных кораблей, когда цены сильно колеблются и надо быстро на месте решать дело. Приказчик предлагает назначить определенную цену, но пока держать ее в секрете и просит ввиду прибытия кораблей предоставить ему возможность закончить сделки, не списываясь с Москвой. «А не благоволено ль будет, — пишет он, — назначить такую цену, чтоб не прежде людей и не после, а какая цена будет, и чтобы не открыть в публику, ибо англичанин Глен уже говорил, будто его высокородие [Демидов] изволит писать к маклеру, который ему и письмо бутто казал, чтоб продать полосное железо все по 72 к. пуд». Слух о цене на демидовское железо уже распространился, и приказчик рекомендует действовать осторожно.

Из последующих рапортов узнаем, что цены на железо стали повышаться. В июне петербургская контора сообщала, что «полосного железа Брумберг торговал 5000 пуд и давал по 78 к., а денги чтоб заплатить через два месяца». Кононов с раздражением говорит об ухудшившемся качестве демидовского плющильного железа: «Ныне ж на бирже не обинуясь говорят, что железо его высокородия всех хуже». Он рекомендует в связи с этим улучшить производство, сделать поисправнее «машину» для плющения железа и т. п. Спрос на железо оставался слабым, и только 27 июня он сообщает о продаже небольшой партии железа в 2000 пудов по 78 к., и при этом прибавляет, что «никто не покупает, а по 75 к. и то малыми стайками брать бы стали на готовые денги». Для оценки рынка имеет значение также состояние спроса на другие товары, и приказчик сообщает: «Пеньки здесь покупается в год более миллиона, а ныне не куплено 50 000 пуд.». В середине июля он сообщает новые цены, которые дают иностранцы, уже более высокие, чем прежде, но он держится выжидательно и пока продает лишь мелкими партиями.

Свои усилия по продаже железа в этих трудных условиях приказчик выражает следующими словами: «И всеми силами ныне имеющееся железо сбыть с рук желается, но еще не так сильно приступают, однако хотя б помаленку да не обходили».

³⁵ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 29. «Репорты в московскую контору» 1766 г.

Приказчик озабочен плохим качеством демидовского железа и даже высылает в Москву образцы изделий конкурентов для сравнения с демидовскими. Он пишет в середине августа: «При сем посылается литок жести Баташева, которой, кажетца, не ис жесткой руды делан... Великая в том есть прискорбность, что самоцветущие его высокородия заводы до совершенного художества по сие время достигнуть не могли». В следующем, августовском, рапорте он замечает: «О железе хорошего объявить ничего не можно, кроме, что покупают которое подешевле». В середине сентября приказчик сообщает, что французский купец Ремборт дал 37 образцов железа, спрашивает «последнюю цену и буде заспособно ему покажется, то более 30 000 пуд каждой год брать обещает; притом говорил, что в Руан, а из него и в протчие места полосного и других сортов из Швеции и России до 400 000 берется...»

С наступлением зимнего сезона заключения контрактов объявлено маклеру Сулиму о предоставлении ему куртажа «по денге с пуда» (т. е. по $\frac{1}{2}$ коп.), что он «принял на себя с великим радением». Приказчик ловит известия о состоянии производства и спроса за границей и спешит сообщить их в Москву. «Слух носится, что за неимением лесов в Швеции две трети железных заводов уничтожено, то надобно думать, что и здесь расходу быть должно, а при первом случае без прижимки не миновать, а притом и в Англии без запасу не бывает».³⁶ Вместе с тем петербургский приказчик рекомендует новые, более льготные для покупателей условия с рассрочкой уплаты: «Мое мнение,— пишет он,— иметь терпение один год с принятием трети денег наперед, а на последние подалее сроки поставить, то б железа в продаже больше было и денги всегда в одно время получаемы были, а железо на руках не оставалось».

В ноябре иностранные купцы уже делают заявки на будущие контракты, но цены остаются на низком уровне. Из рапорта от 6 ноября узнаем, что маклер «сказывал, что за железо за 75 000 пуд. по 70 коп. давать начинают, денег треть наперед, а другую в мае месяце, а последние по приеме в августе». На другой день приказчик сообщает: «Сего числа призывал меня Прескот и объявил, что агличаня купить железо хотят, сколько есть (то объявлено до 85 000 пуд) и дают де по 70 коп., а может де согласятся по 72 коп.». Однако переговоры сильно затянулись, и в следующем, ноябрьском, донесении Кононов пишет, что «о железе еще ничего к лутчему не последовало, а так скоро и не можно». В конце ноября английские фирмы уже соглашались на более высокую цену (т. е. на 75 коп.), на которой и настаивала демидовская контора. Петербургский приказчик сообщает: «А сегодня Прескот со мною говорил, что по 75 коп. здесь за 100 000 или более, с получением трети денег наперед... А торгуют на 6 аглинских контор».

Трудность сбыта побуждает приказчика обращать внимание на невыгодность продажи лишь немногим иностранным фирмам; он рекомендует продавать часть железа мелкими партиями, что возможно сделать по более выгодным ценам, для этого следует, по его мнению, передвинуть в Петербург часть железа, предназначенного для продажи по другим городам, что дало бы дополнительную выручку.

Переговоры о контрактах продолжались в декабре, приказчик считает полезным выжидать и надеется на скорое повышение цен; он пишет, что в море стоят во льдах корабли с пенькой и железом, и передает слухи о некотором повышении цен у других заводчиков. Переговоры с маклерами сопровождаются выяснением спроса в Англии и в Голландии, и Кононов высказывает предположение, что в январе,

³⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 29, л. 83 об.— 84. Рапорт 31 октября 1766 г.

наконец, можно будет приступить к заключению контрактов. «Вчерашнего вечера был у меня Прескот,— сообщает приказчик 12 декабря,— и между прочим объявил, что еще больше 75 к. не дадут за железо. При том же я видел письма из Лондона и Амстердама, что походу нет на железо». Маклеру обещано «безубыточное» вознаграждение за выгодную («сходную») продажу, тем более что он получает «куртаж» с обеих сторон. «Итак, положено до января по прошествии праздников³⁷ зачинать дело». К середине декабря положение выясняется, и приказчик настаивает на объявлении окончательных условий. «Третьяго дня были обще Прескот и Сулим³⁸ у меня,— рассказывает приказчик в своем рапорте 14 декабря,— но Прескот требует последней цены, а 75 к. с охотою дает. А при том сказывал, что на бирже разглашают, будто его высокородие в Москве 6300 пуд изволил продать по 74 к. пуд, а здесь цена объявляется по 78 к.». Из Москвы уже выслано в петербургскую контору «верующее письмо», т. е. доверенность на заключение контрактов, но приказчик медлит, боясь упустить последнюю возможность продать по более выгодной цене.

Настал новый 1767 год. Петербургский приказчик 2 января высылает четыре экземпляра только что выпедшего «Манифеста о сочинении Уложения», т. е. о выборах депутатов в знаменитую Комиссию по Уложению. По поводу цен он сообщает: «О железе к лутчему ничево нет, а только Прескот сказал, что будет еще хуже, а Сулим сомневается, чтоб получить и по 75 к. за пуд. Однако по условию с ним время упустить не должно». В январе 1767 г., наконец, были подписаны контракты с 6 фирмами, но цифры запродаж были невелики. Риттер, Торнтон и Келли закупили 10 тыс. пудов, компания Томсона—30 тыс. пудов и т. д.; всего было продано 105.4 тыс. пудов на 79.1 тыс. руб. В конце января к этому прибавилась еще сделка на 13.3 тыс. пудов восьмигранного и четырехгранного железа по 82 коп. и др., всего на 16.2 тыс. руб. Эти цифры подтверждают картину вялости рынка.

Трудные и долгие переговоры, не приведшие к большому успеху, наглядно показывают условия торга с иностранцами. Приходилось торговаться, лавировать и выжидать, но все сводилось в конце концов к заключению контрактов с немногими, в данном случае с 6, фирмами. Вполне понятным становится возникшее у приказчика предложение иметь некоторый резерв железа, хотя бы 30 тыс. пудов, чтобы помимо этих крупнейших фирм продавать мелкими партиями, но на более выгодных условиях. В донесениях из Петербурга вскрывается картина крупных оборотов, рассчитанных на европейский, для того времени — мировой спрос. Демидовская контора учитывала спрос в Лондоне и Амстердаме, конкуренцию между русскими заводчиками и вела упорную борьбу с английскими купцами за цены.

Представляют интерес донесения 10 лет спустя, за 1776—1777 гг., свидетельствующие о связях русского рынка с мировым и учете таких крупнейших политических событий, как война за независимость американских колоний. В марте 1776 г. петербургский приказчик в своем рапорте в Москву советует поспешить с запродажей железа, «ибо ныне торг весьма сумнителен, что будет ли, в разсуждении продолжающегося у агличан с американцами несогласия, довольно кораблей или нет, неизвестно, да и сами агличане говорят об них разно».³⁹ С большим вниманием он относится к известиям о движении иностранных кораблей к Петербургу с приближением навигации. В апреле 1776 г. он пишет

³⁷ Т. е. после рождества.

³⁸ Прескот и Сулим — маклеры.

³⁹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 25, л. 26.

из Петербурга: «Слышно, что кораблей в Балтийское море вступило довольно и сюда бы уже были, ежели бы не препятствовал лед, которым по ту сторону Кронштадта рейда покрыта».

В мае прибыл в Петербург караван с железом, якорями и военными «припасами». В письмах приказчика речь идет о запродаже 150 тыс. пудов железа, но спрос со стороны иностранцев остается слабым, что объясняется американскими событиями. В августе 1776 г. он также говорит о вялости рынка и сообщает, что «причиною тому полагают те несогласия, которые у агличан с американскими селениями происходят».⁴⁰ В письме (23 февраля 1777 г.) Никиты Никит. Демидова также говорится об американской революции, передаются слухи об успехах англичан и об ожидаемой в связи с этим перемене на рынке.⁴¹ Положение действительно изменилось к лучшему в 1777 г. В середине марта у Н. А. Демидова было уже продано около 300 тыс. пудов по 81 коп. за пуд—«то изрядно», как он выразился по этому поводу. Петербургский приказчик сообщает о крупнейших запродажах: «Четыре или пять дней назад тому эха прошла, что Собакин продал своего железа пятьсот тысяч пуд. Но вчера и севодни на бирже проговаривали, что напрасно, а только Ригель дал ему записку и просил его, чтоб он уступил ему железа по тем ценам, какия состоятца его железу 150 тыс. пуд.»⁴² В мае приказчик извещает, что «получены такие цены, которые заводские гораздо превосходят, да едва ли когда оно так высокими ценами продавано было»; в том же письме он сообщает об очистке рейда по ту сторону Кронштадта и о приходе 50 иностранных кораблей.⁴³

Спустя еще 10 лет в донесениях петербургской конторы за 1788 и 1789 гг. находим интересный пример высокой рыночной конъюнктуры и отличного использования ее русскими заводчиками.⁴⁴ Весной 1788 г. спрос еще недостаточно определился, контора опасалась возможного снижения цен и поэтому назначила невыгодную для этих лет цену на сортовое железо по 1 р. 30 к. за пуд. Но англичане давали лишь по 1 р. 27 к. и только за отдельные тонкие сорта — по 1 р. 45 к. Однако к зиме 1788 г. обнаружилась повышательная тенденция, и Н. А. Демидовым было продано 25 тыс. пудов полосного железа по 1 р. 33 к., т. е. выше весенней цены. В ноябре петербургская контора, пользуясь повышением спроса, подняла цены до 1 р. 35 к.⁴⁵

1789 год тоже отличался высоким спросом со стороны иностранцев, и русские заводчики использовали высокую конъюнктуру. В начале 1789 г. контора нуждалась в деньгах для взноса в казну десятины (24 376 руб.), однако считала невыгодным просить на это деньги раньше времени у своих покупателей — иностранцев, чтобы не пошатнуть свои позиции в ответственный момент переговоров о новых контрактах.⁴⁶

В середине марта наступает время сделок с иностранцами; контора запрашивает Москву о количестве железа, предназначенного на экспорт, и сообщает, что «на бирже выходила пропозиция⁴⁷ к заторжке полосного ординарного железа 100 000 пуд».⁴⁸

Получив затем разрешение начать переговоры, петербургская контора сумела очень удачно запродать англичанам железо по цене 1 р. 50 к. вместо

⁴⁰ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 25, л. 33, 36.

⁴¹ Там же, д. № 26, л. 15, 17, 18—19.

⁴² Там же, д. № 25, л. 113 об.

⁴³ Там же, л. 120 об.

⁴⁴ Там же, д. № 47.

⁴⁵ Там же, л. 58.

⁴⁶ Там же, д. № 50, л. 13.

⁴⁷ Пропозиция — предложение.

⁴⁸ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 50, л. 19 об.

намечавшейся по 1 р. 45 к. за пуд. «Вчерашнего числа на бирже и удалось всю партию того железа продать неожиданною ценою, а именно по рублю по пятидесяти копеек за пуд», сообщает приказчик.

В апреле контора извещает, что железо, идущее на однолетнем караване, уже продано двум английским фирмам и что одна из них платит частью векселем, частью деньгами — до 10 тыс. руб. Из 125 756 пуд. железа, находящегося на караване, было, таким образом, продано уже 100 тыс. пудов, остальное также продано и притом «кажется все на довольно выгодную ценою, а именно по 1 р. 50 к. за пуд». Далее контора извещает, что покупатели спрашивают еще 60 тыс. пуд. полосного железа.

Приказчик интересуется состоянием морских путей и 27 апреля сообщает, что «Нева-река, хоша на прошедшей неделе вскрылась, но однако взморье еще не очистилось и за тем грузки железа по сие число не было». В начале июля пришел с Дубенской пристани демидовский караван с железом на 14 барках, и началась погрузка с него на корабли: «От караванных железо принимается успешно, так что с одних барок прямо на корабли, а з других выгружая на пристань».⁴⁹ Приказчика беспокоит банкротство трех иностранных контор, о чем он сообщает в московскую контору, чтобы та могла «взять должную предосторожность». Но продажа продолжает идти вполне удачно, и он пишет: «у нас все железо как настоящее, так и будущее продано». В декабре приказчик извещает о выгодной продаже 4 английским фирмам 60 тыс. пудов полосного ординарного железа: «Третьего дня на разные английские конторы продано, кажется, наивесьма выгодною ценою», именно по 1 р. 63 к. за пуд.⁵⁰ Если вспомнить, что в начале года московская контора считала хорошей ценою 1 р. 45 к., то станут ясными коммерческие достижения этого года. Что это была высокая цена, можно видеть из того, что в следующем, 1790 г., иностранные купцы настойчиво старались снизить ее. Демидовский приказчик придерживается по отношению к англичанам выжидательной тактики, считая, что с приближением навигации они будут нуждаться в металле и согласятся тогда на предложенные им цены.

В рапортах петербургской конторы, как в зеркале, отражаются характерные противоречия эпохи. Крепостные коммерсанты ведут переговоры с иностранными купцами и маклерами, встречаются с ними на бирже и на дому. Их деятельность протекает в условиях европейского рынка, так как русское железо заняло первое место в мировой торговле. Наряду с этим в переписке демидовских контор на каждом шагу напоминают о себе характерные черты крепостного строя. Приказчики, умело осуществляющие коммерческие операции, сами являются крепостными, и Демидовы жестоко расправляются со своими провинившимися или только подозреваемыми в хищениях подневольными служащими. Они являются частью многочисленной дворни и наряду со сделками с иностранцами выполняют такие задания, как ежегодная покупка рекрут, и пути крепостного гнета тянутся к ним в Петербург из московского дома Демидова, из его крепостных вотчин и заводов.

Подведем итоги наблюдениям, сделанным в предыдущей и в настоящей главах. Сбыт Демидовых состоит из трех частей — казенных поставок, продажи на внутреннем вольном рынке и экспортных операций. Количественно наибольшая доля приходится на экспорт, — обычно не менее половины всего железа, а чаще больше половины продукции продается иностранцам; на втором месте стоит продажа на внутреннем вольном

⁴⁹ Там же, л. 39 и 44 об.

⁵⁰ Там же, л. 63 об.

рынке, охватывающая Москву, Петербург и города Поволжья; наименьшую по количеству долю составляют казенные поставки (13—20%).

Уральские заводские крестьяне и рабочие, уральская промышленность выполнили славную службу, снабжая армию и флот металлом, снарядами и орудиями. Поставки в Адмиралтейство и в артиллерийское ведомство, выгодные для первых заводовладельцев, становятся затем тягостными для жадных до наживы крепостников-предпринимателей в силу того, что казенные цены остановились на уровне 20-х годов XVIII столетия, тогда как рыночные цены значительно превысили «указные» петровские цены. Это побуждало заводчиков настойчиво добиваться с конца 50-х годов снятия с них казенных поставок. Освобождение частных заводчиков от обязательных поставок было осуществлено после восстания Пугачева указом 21 мая 1779 г. С этого времени сбыт Демидовых по своей структуре упростился. В случае необходимости в казенных поставках в военное время они осуществлялись с учетом себестоимости, расходов на транспорт и с обеспечением 10% прибыли. Коммерческие операции внутри страны совершались в условиях вольного рынка, и Демидовы сталкивались с другими заводчиками в качестве своих конкурентов. Эта коммерческая деятельность протекала в условиях, близких к позднейшим буржуазным товарно-денежным отношениям. В борьбе против казенных поставок и за повышение цен заводчики проявили те же черты алчных эксплуататоров, как и в заводском хозяйстве.

Интереснейшей страницей в истории русской торговли является обширный сбыт в XVIII столетии железа за границу. Демидовы вели торговлю с небольшим числом крупных иностранных торговых контор, находившихся в Петербурге, используя изменчивую конъюнктуру тогдашнего мирового рынка.

ГЛАВА XVII

БЮДЖЕТ ДЕМИДОВА

В исторической литературе имеются лишь скудные сведения о бюджете крупного крепостного хозяйства в XVIII—XIX вв. Можно отметить данные о бюджете Шереметевых, Юсуповых, а также отрывочные сведения о расходах Куракиных.¹ Несмотря на неполноту, эти материалы позволяют отметить некоторые характерные общие черты. Наиболее ранний из известных бюджетов—бюджет Шереметевых—относится к 1798 г. К этому времени состояние Н. П. Шереметева составляло 800 тыс. десятин в разных частях страны, дома в обеих столицах и в других городах, 200 тыс. крепостных (обоего пола), множество драгоценностей и т. п. Крестьяне в шереметевских вотчинах были на оброке, что избавляло владельца от расходов на сельское хозяйство, за исключением издержек на управление. По словам исследователя, «обратный ток средств от барина в деревню» был ничтожен, ограничиваясь пожертвованиями пострадавшим от пожаров крестьянам и т. п. Зато огромные траты производились на содержание двора, доходившей до тысячи человек, среди которых были не только крепостные дворовые, но и наемные иностранцы и русские — учителя, музыканты, садовники, жокеи и пр. Бюджет Шереметева был «типичным личным бюджетом барина, имеющего огромные потребности в силу положения в обществе и навыков к роскоши. Производительных затрат в бюджете мы не находим, забот об усилении питающей барина базы — незаметно. В результате ни с чем несообразных трат является годовой дефицит, предрешающий обремененность доходных поступлений будущего года».² Общая сумма прихода Н. П. Шереметева в 1798 г. равнялась 632,2 тыс. руб.; основными доходными статьями являлись оброк и доход от вотчин — 437,5 тыс. руб. (69,2%), а также от реализации продукции сельского хозяйства — 156,2 тыс. руб. (24%). Расходы значительно превышали приход и составили в этом году 692,9 тыс. руб.; важнейшей частью их были текущие личные расходы — 240,1 тыс. руб. (34,6%), наиболее крупной после них статьей была оплата долгов — 200,9 тыс. руб. (29%). Долги были так велики, что не покрывались платежами за данный год. Общая задолженность Н. П. Шереметева составляла около 2 млн. руб.

¹ В. Станюкович. Бюджет Шереметевых (1798—1910), Управление музеем Главнауки НКП, М., 1927; К. В. Сивков. Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX в.— «Исторические записки» АН СССР, 1940, т. IX; «Усадьба начала XIX в.» — Красный архив, 1936, № 5 (78); А. Н. Насонов. Юсуповские вотчины в XIX веке. «Доклады» Академии Наук СССР, 1926.

² В. Станюкович. Цит. соч., стр. 9—10.

В бюджете Н. Б. Юсупова наряду со сходными чертами имелись и существенные различия. Он проживал огромные суммы и вместе с тем пытался заводить фабрики и брал на себя поставки в казну, но в особенности в широких размерах пользовался кредитом, закладывая земли и крепостных. Наряду с резко выраженным потребительским характером его бюджет включает и расходы на производственные цели и отражает более сложный состав хозяйства. Первый из сохранившихся юсуповских бюджетов также относится к 1798 г. Собственного помещичьего хозяйства почти не велось. Юсупов имел 12 тыс. душ м. п., состоявших на оброке, но кроме того у него были суконные и шелковая фабрики, и он поставлял с большой выгодой сукно в казну. Приход за 1798 г. составил 99 724 руб. Расходные статьи юсуповского бюджета в 1798 г. были следующие. Больше половины падает на личные расходы владельца, которые составили 62 800 руб. (63%), расходы «по дому», т. е. на жалованье дворовым, включая канцелярию и разные издержки, равнялись 6986 руб. (7%). Фабрики поглощали из центрального бюджета значительную сумму — 26 982 руб. (27%); эти деньги шли на покупку шерсти, красок, материалов и т. п. С начала XIX в. одним из важнейших источников доходов Юсупова становятся кредитные операции, связанные с залогом имений; полученные средства идут главным образом на покупку подмосковной и т. п. затраты. Задолженность и получение новых займов являются характерной чертой его хозяйства, как и бюджета Шереметевых.

Бюджет Куракина в 20-х годах XIX в. составлял около 600 тыс. руб. ассигнациями, или 200 тыс. руб. серебром. На оплату вотчинной администрации, на стол и содержание дома тратилось 191 тыс. руб., на уплату долгов и т. п. расходовалось около 350 тыс. руб. О характере долгов можно судить из того, что он платил по долгам зятя, державшего откуп, — 500 тыс. руб., уплатил долги сына — также 500 тыс. руб., дочь получила от отца «в награду» 300 тыс. руб., другой дочери ежегодно выплачивалось по 60 тыс. руб. Вложения в хозяйство состояли из строительства домов и редких затрат на семена для крестьян во время неурожая.³

В свете этих данных становятся яснее основные черты бюджета демидовского хозяйства. Сводные данные, рисующие бюджет Демидова, относятся к 1790-м годам; это — составленные в московской домовой конторе «ведомости о годовом приходе з заводов и вотчин и расходе денег московской конторы» (1791 г.).⁴ Составление их, вероятно, связано с общим ухудшением дела после смерти Н. А. Демидова (1787 г.). Сыну его Николаю было только 15 лет, и делом управляли высокопоставленные опекуны А. В. Храповицкий и Н. Д. Дурново; с 1791 г. к управлению приступает также молодой владелец, но пока еще совместно с опекунами. Две сестры его были выданы замуж с приданным вотчинами, а также деньгами по 100 тыс. руб. каждой. Из вотчин остались в демидовском владении, судя по ведомости 1791 г., лишь нижегородская с с. Фокиным, калязинская и обе подмосковные — с. Петровское с деревнями и с. Сергиевское-Ошитково, также с деревнями, но отсутствуют прежние арзамасская и ветлужская вотчины. Вотчины состояли на оброке по 3 руб. с души; с нижегородских сел (2632 души) поступило 7896 руб., с калязинской вотчины (169 душ) — 507 руб., с подмосковных деревень взималось больше: с. Петровское с деревнями (446 душ) платило 1500 руб., с дер. Звереве поступало 1 тыс. руб. и 100 саж. дров, оцененных в 400 руб. Весь оброк с вотчин равнялся 34 034 руб., что составляло в общем бюджете скромную долю. Основной доход давали не вотчины, а заводы.

³ «Усадьба начала XIX в.» — Красный архив, 1936, № 5 (78), стр. 251 сл.

⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4106, ведомости годовые.

В 1791 г. следовало получить за проданное железо 549 981 руб. Вместе с оброком с вотчин, доходом с домов (в Москве и Петербурге), сдававшихся в наем, общий доход за год составил 567 тыс. руб.

Привожу данные из этой ведомости в сжатом виде по важнейшим статьям (табл. 84).

Т а б л и ц а 84

Доход Н. Н. Демидова в 1791 г.

Статья дохода	Количество (пуд.)	Сумма (руб. коп.)
1. Продажа железа в Нижнем Тагиле	6878	15843.28
2. Продажа железа, отправленного на караванах 1791 г.:		
в Перми	163	388.25
в Казани	7684	10773.52
в с. Фокине	2500	3325.—
в Нижнем Новгороде	28037	40174.57
в Ярославле	23100	33520.53
в Москве: а) железо, доставленное с каравана . .	48348	80107.06
б) из сложенного в Дубенской пристани	32543	49093.48
3. За железо, назначенное к поставке весной 1792 г.:		
в Петербург [1]	53357	85708.35
в Тверь	3218	4827.24
4. Железо, отправленное в Петербург в однолетнем караване и зимовавшее в Новгороде и др.	144771	225290.70
Итого за железо, отправленное в караванах (п. п. 2—4)	343721	533208.70
5. Железо, употребленное на заводах	17461	—
6. Железо, отпущенное на строительство судов	380	203.21
7. Остаток на заводах [2]	2010	726.32
Всего за железо (п. п. 1—7)	370450	549981.51
8. Доход с вотчин	—	13034.10
9. Доход с домов и мызы	—	3990.64
Всего доход от продажи железа, с вотчин и домов	—	567006.25

[1] Из этого количества запродано 50 тыс. пуд. полосного железа и 5327 пуд. оцены примерно по 1 р. 70 к. [2] Из остатка железа на заводах на 1 апреля 1791 г. (12 140 п. 30 ф.) исключен остаток железа на 1 апреля 1790 г. (10 130 п. 17 ф.), записанный в прошлогоднюю ведомость.

Эти сведения показывают также, что доход в виде феодальной ренты с вотчин (оброк) составлял ничтожную сумму — 13 тыс. руб., или 2.3% всего дохода; остальное приходится на продажу железа, т. е. на доход от заводского производства.

Расходная часть демидовского бюджета состояла главным образом из издержек заводского производства и транспортных расходов; этим демидовский бюджет также отличается от приведенных выше бюджетов. По 9 заводам производственные расходы за время с 1 апреля 1790 г. по 1 апреля 1791 г. составили 178 520 руб., что равнялось 31.4% всего бюджета. Вместе с оплатой провоза от заводов к пристаням (14 689 руб.) это

составляло 193.2 тыс. руб., или 34% бюджета. Но в эту сумму включена также оплата десятины с домен в сумме 18 938 руб., которую следовало бы выделить в особую статью уплаты налогов. Производственные расходы в наибольшей доле приходятся на два доменных и железных завода — Нижнетагильский и Верхнесалдинский, на них падает 117 тыс. руб.

Следующее место по удельному весу занимают расходы на караваны. В 1791 г. на отправку караванов было издержано 88 401 руб. — 15% всего бюджета, или 29% от расходов без прибыли. В том числе расходы по караванам до зимовки составляли 71.3 тыс. руб., а отправка железа с зимовки до Петербурга потребовала еще 13.8 тыс. руб. Надо отметить также расходы на снасти и судовые припасы (3.6 и 3.3 тыс. руб.). На содержание контор и домов было истрачено 14 336 руб., это можно назвать расходами по управлению; среди них наибольшая доля падает на жалованье приказчикам и служителям; сюда включен также «приказный расход», под которым разумели оплату чиновников, т. е. взятки; этот расход по московской конторе составил 925 руб., а по петербургской — 515 руб. Следует отметить довольно значительный расход на покупку провианта на заводах, что вместе с другими мелкими издержками составило 16 554 руб. Но эти издержки не включены в заводскую себестоимость («на зделку железа не причислено») и в общую сумму расходов не вошли, так как хлеб приобретался для продажи мастеровым и работным людям. Обращает внимание отсутствие расходов на вотчины и сельское хозяйство. При оброчной системе, очевидно, вложения в сельское хозяйство были не нужны, и к вотчинам имеют отношение лишь расходы на фокинскую земскую контору, на жалованье бурмистру, служителям и дворовым.

Все расходы за год равнялись 301 121 руб., в том числе заводские расходы — 193.2 тыс. руб., или 64%; сюда входят налоги (десятина) — 18.9 тыс. руб., или 3.3%, расходы на караваны — 88.4 тыс. руб., или 29%, на конторы и дома — 14.3 тыс. руб., т. е. 4.7% от этой суммы.⁵ Прибыль составила 265 тыс. руб., или, точнее, 262 372 руб., следовательно, в общей сумме бюджета (567 тыс. руб.) издержки составляли 53%, а прибыль — 47%. Расходы за 1791 г. представлены в табл. 85.

Прибыль 265 тыс. руб. составляет 47% всего бюджета; огромность этого чистого дохода показывает размах крепостнической эксплуатации, высокая прибыль досталась за счет крови, пота и слез крепостных. Благодаря этим доходам велось строительство новых заводов и покупались вотчины. Никита Ак. Демидов выстроил три новых завода — один доменный, Верхнесалдинский, и два железных. Отношение прибыли к остальной части расходов (301 тыс. руб.) показывает норму прибыли, равную 88%.

После смерти Никиты Ак. его сын Николай и опекуны последнего тратили эту прибыль только на потребительские цели. Подробные, но неполные сведения о личных расходах Николая Демидова относятся к 1791 г.; от этого года имеется по московской домовой конторе «Книга главного прихода и расхода». Особая выписка из нее приложена к только что разобранной ведомости. Приход составлял по Москве за 1791 г. 310 457 руб., расход — 307 102 руб., остаток к концу года — 3354 руб.⁶ Таким образом, почти $\frac{3}{5}$ всего демидовского бюджета проходило через московскую контору. Здесь приведены подробные итоги по отдельным статьям расхода, в том числе по личным расходам Демидова. В доходе обращают внима-

⁵ Уплата податей, очевидно, включена в заводской расход.

⁶ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 54, л. 9 и 33 об. Книга московской домовой конторы главного прихода и расхода.

Расход Н. Н. Демидова в 1791 г.

Статьи расхода	Сумма (руб. коп.)	% к итогу
1. «Заводское содержание»:		
Заводы: Нижнетагильский [1]	80815.72	—
Выйский	6113.37	—
Лайский	5714.13	—
Нижнесалдинский	21295.06	—
Верхнесалдинский [2]	37131.27	—
Черноисточинский	11617.83	—
Висимо-Уткинский	10089.38	—
Висимо-Шайтанский	5740.40	—
Итого	178520.16	31.4
2. Отвоз на пристани и др.		
Итого заводские расходы [3]	193209.61	34.0
3. Поставка снастей, пакли и струговых припасов	3579.22	0.6
4. Отправка караванов:		
москворецкого каравана	11838.20	—
городового (обыкновенного или зимующего)	22762.79	—
петербургского однолегнего	36713.17	—
Доставка с зимовки [4] и с Дубенской пристани [5] в Петербург	13793.90	—
Покупка снастей для караванов	3293.50	—
Итого отправка караванов	88401.56	15.6
5. Привоз железа с Дубенской пристани до Москвы	1595.21	0.3
6. Содержание контор, домов и вотчинных правлений	14336.03	2.6
Всего расходов	301121.64	53.1
Прибыль	265884.61 [6]	46.9
Всего	567006.25	100.0

[1] В том числе в казну десятинных денег — 13971 р. 56 к. [2] В том числе десятинных денег — 4966 р. 80 к. [3] сверх того не вошли в заводской расход затраты на покупку провианта для продажи мастеровым и работным людям 16544 р.

63 $\frac{1}{4}$ к. [4] В Петербург 144758 пуд. по 4 коп. с пуда — 5790 р. 35 к. [5] В Петербург 53337 пуд. — 8003 р. 55 к. [6] За исключением оставшихся от 1790 г. — 3512 р. 33 к. прибыль составляет 262 372 р. 27 к.

ние крупные цифры продажи железа в Москве (171.3 тыс. руб.); следующее место в качестве источника пополнения бюджета занимают займы (52 тыс. руб.). Значительные остатки на начало года объясняются тем, что в кассу поступили деньги, хранившиеся в железном сундуке со смерти отца⁷ (табл. 86).

⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4106.

Приход по московской домовой конторе в 1791 г.

Статья прихода	Сумма (руб. коп.)
1. Остатки от прошлого 1790 г.	26091.57
2. Займы под векселя Николая Демидова	52000.—
3. Поступления из петербургской конторы	13872.20
4. Поступления от продажи железа (из Твери, Ярославля и Нижнего)	35679.30
5. Продажа железа в Москве	171330.99
6. Продажа железа отдельным лицам	2028.81
7. С вощин	4372.46
8. Наемная плата с домов	1554.80
9. Поступления от караванных приказчиков	2419.70
10. Прочий приход (от продажи лошадей и пр.)	1057.93
Итого	310457.76

В данных о расходах по московской конторе приведены довольно подробные сведения о тратах самого владельца. Здесь значатся расходы Николая Демидова при отъезде его в Яссы в 1791 г.⁸ В длинном списке расходов, связанных с отъездом, отмечена уплата за лисью шубу — 700 руб., за разный пушной товар—440 р. 50 к.; за сукна и бархат — 799 р. 45 к., по векселям—1900 руб.; за аксельбанты и темляки—641 руб.; за табакерку — 620 руб., за каменья — 100 руб., за бархат — 238 р. 32 к.; за «походный домик» и штабную палатку, кухню, конюшню и людскую палатку, которые, очевидно, брались с собой, было заплачено 1250 руб., каретнику за починку экипажей, за фуры и кибитки — 864 р. 50 к.; верховая арабская лошадь с турецким седлом обошлась в 350 руб.; за конские уборы заплачено было 1380 р. 60 к.; кроме того, было куплено 30 крестьянских лошадей; наконец, с отъездом связаны покупки вина и фруктов; всего было затрачено в Москве 19 554 руб., но это составляло только часть личных расходов Николая Демидова; вместе с другими тратами личные расходы его равнялись 48 859 руб. Кроме того, ежедневные расходы по московскому дому, или «мелочный» расход, составили за год 60 413 руб. В счет уплаты за купленный у графа Бутурлина дом внесено было 13 993 руб. Затем надо отметить уплату опекунам за «труды по опекунству», которая должна была составить 5% с прибыли предыдущего года; прибыль за 1790 г. равнялась 258 тыс. руб., за опекунские «труды» следовало уплатить 12 904 руб.; по московской конторе одному из опекунов была уплачена половина этой суммы (6452 руб.). Более значительные суммы были выданы сестрам, старшая была замужем за Д. Н. Дурново, вторая — за С. Л. Львовым.⁹ Каждая из них получила вотчины и деньги согласно завещанию отца. В ведомости значится, что первой следует уплатить 100 тыс. руб., второй — 25 тыс. руб.; в отчетном году сестрам выплачена лишь небольшая часть этих денег и причитающийся им доход с вотчин.

⁸ Николай Демидов, вероятно, отправился на Ясский конгресс как адъютант Г. Потемкина: последний выехал из Петербурга в Яссы для мирных переговоров с турками 24 июля 1791 г. — Сб. РИО, т. XXIX, стр. 121.

⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4100. «Рядная», или «зговорная», Е. Н. Демидовой 1790 г.

Расходы на производственные нужды московской конторы выразились в переводе на заводы 74 517 руб. и на караваны — 25 528 руб.; остальные суммы шли через петербургскую контору и отчасти поступали из доходов других городских контор.

Таким образом, немногим менее 200 тыс. руб. расходовалось московской домовою конторой на личные потребности владельца и его семьи; кроме того, часть личных расходов оплачивалась петербургскою конторой. Повидимому, вся прибыль расходовалась в этом году непроизводителью, т. е. шла на потребительские цели. В этих непомерных тратах и в большой задолженности проявляется частичная близость демидовского бюджета в конце века к бюджетам крупнейших вотчинников, как Шереметевы и Юсуповы. Расходы по московской конторе представлены в табл. 87.

Т а б л и ц а 87

Расходы по московской домовою конторе в 1791 г.

Статьи расхода	Сумма (руб. коп).
1. Опекуну (за «труды по опекунству»)	6452.40
2. Личные расходы Николая Демидова (на отъезд в Яссы и др.)	48859.—
3. Покупка дома	13993.55
4. «Мелочный» расход при доме ¹	60413.65
5. Сестрам по завещанию отца и в счет дохода с отошедших к ним вотчин	44663.94
6. Содержание приходской церкви	3485.—
7. Перевод денег на заводы	74517.—
8. Отправка караванов	25528.74
9. Покупка рекрут (10 чел.)	6200.—
10. Уплата по займам и проценты	8075.55
11. Уплата по займам, сделанным служителями на местах	13913.95
12. Остаток на конец года	3354.77
Итого	310457.76

Сведения о движении железа и денег по петербургской конторе также подтверждают приведенные выше итоговые цифры всего демидовского бюджета. За 1787 г. была составлена в петербургской конторе краткая ведомость «всему годовому капиталу ... обращению». За 1787 г. было отпущено иностранным конторам 115 254 пудов железа, мелочная продажа составила 9341 пудов, оставалось отпустить иностранцам 25 709 пуд.; денег было получено 134 352 руб.¹⁰ Баланс петербургской конторы составил 219 тыс. руб., что вместе с только что приведенным бюджетом московской конторы (310.4 тыс. руб.) подтверждает правильность общего бюджета (за 1791 г. 567 тыс. руб.), приведенного выше.

Расход по петербургской конторе обозначен очень кратко: по векселям покойного владельца Никиты Ак. Демидова (ум. 1787 г.) и ассигнациям московской и нижнетагильской контор, на жалованье служителям и пр. уплачено 147 913 руб., в остатке к концу года было 71 097 руб. Петербургская контора подобно московской переводила деньги на Нижнетагильский завод на производственные нужды посредством оплаты заводских векселей.

Почти в тех же суммах выразился бюджет петербургской конторы в 1788 г.: поступило в приход 211 829 руб., в том числе от английских контор 131.3 тыс. руб., от мелочной продажи 4.9 тыс. руб., остаток от

¹⁰ Спердл. обл. арх., ф. 102, д. № 47, л. 4—6.

прошлого года составил 71.1 тыс. руб. Расход выразился в переводе денег на заводы и в московскую контору и на уплату жалованья служителям, всего в сумме 179.754 руб., остаток на конец года составлял 32.1 тыс. руб.¹¹ Но в 1789 г. бюджет петербургской конторы сразу увеличивается до 377 164 руб. в связи с крупными запородами железа на экспорт; от англичан было получено 331.9 тыс. руб.; расход в 1789 г. составил 312.3 тыс. руб., остаток на конец года—64.9 тыс. руб.¹²

Приходо-расходные данные по нижнетагильской конторе показывают, что за 1790 г. содержание заводов обошлось 299 548 руб. при поступлениях 339 955 руб.¹³ Эти суммы значительно превышают приведенные выше цифры расхода на заводское содержание за 1791 г. (193 тыс. руб.). Можно думать, что снабжение заводов деньгами с 1791 г. действительно ухудшилось. Об этом свидетельствует приходо-расходная книга нижнетагильской заводской конторы за следующий год; за время с 1 апреля 1792 г. по 1 апреля 1793 г. на заводах в приходе значится 208 744 руб., в расходе—205 104 руб., в остатке к концу года — 3640 руб.¹⁴ Таким образом, налицо ухудшение дел, сокращение поступления денег на заводы, связанное, очевидно, с огромными тратами личного характера при опеке. Что потребности заводов в денежных средствах были значительно выше, можно видеть из подробной сметы потребных для заводов денежных средств, составленной нижнетагильской заводской конторой на 1795 г., где предусматривается необходимость для всех заводов 332.4 тыс. руб.,¹⁵ если только разница не объясняется поступлениями от местной продажи на Урале.

В последующие годы денежные дела Николая Демидова не только не улучшились, но сумма долгов еще более увеличивалась. К 1794 г. относится несколько записок с подсчетами его доходов и долгов. Общая сумма долгов по обоим конторам, московской и петербургской, составляла 818.1 тыс. руб., из которых было уплачено 302.2 тыс. руб. и предстояло уплатить вместе с процентами и долгами, которым еще не настал срок, 661.6 тыс. руб. Среди них значится долг сестре Демидова, которой следовало выплатить 100 тыс. руб.; на постройку корабля следовало внести в Адмиралтейство 50 тыс. руб.; за десятину — 24.7 тыс. руб.; за строящийся в Гатчине дом — 8 тыс. руб.; имеются крупные долги отдельным лицам без обозначения цели: 50 тыс. руб. одному, 41 тыс. другому, затем портному 3.5 тыс. руб., каретнику—6.1 тыс. руб., актрисе Сюзете — 4 тыс. руб., «разным людям» за провизию — 11 тыс. руб., и т. п. В записке, приложенной к этому длинному счету долгов, отмечено, что на содержание владельца было решено тратить 128 тыс. руб., но затем эта сумма была повышена до 150 тыс. руб. в год; свадьба его потребовала экстренно 50 тыс. руб. Вместе с заводами и караванами общая потребность была подсчитана в 1329 тыс. руб., и в результате петербургская контора рекомендовала приступить к продаже нижегородской вотчины, полагая получить за нее 268 тыс. руб.¹⁶

Дошедшая до нас отчетная ведомость за 1794 г. показывает высокую цифру бюджета благодаря несколько более крупным размерам производства за предшествующий (1793) год, когда выковка железа вместе с оставшимся на заводах от прошлого года составляла 429.4 тыс. пуд.

¹¹ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 50, л. 6 об.— 7.

¹² Там же, д. № 52, л. 6.

¹³ Там же, д. № 62. Книга главного прихода и расхода за 1790 г.; итог подсчитан мною.

¹⁴ Там же, д. № 55.

¹⁵ Там же, д. № 64, л. 215 сл.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4112.

Доход за 1794 г. составил 642 265 руб. На заводской расход пошло 35% этой суммы (226.9 тыс. руб.); весь расход, включая отправку караванов и содержание контор, составлял 409 тыс. руб. Прибыль равнялась в 1794 г. 232.90 тыс. руб., или 36% бюджета.¹⁷ К сожалению, сведения о распределении прибыли отсутствуют.

Значительный интерес представляет другой документ, содержащий расчет ожидаемых доходов и расходов на 1795 г. В общем этот расчет подтверждает типичность приведенных выше цифр и в особенности близок к цифрам за 1791 г. Это краткая записка всему «обращению», составленная петербургской конторой.¹⁸ Ожидаемый расход за 1795 г. составляет 595.8 тыс. руб.: выковка железа принята в 382 тыс. пуд. Общая сумма расходов, считая и уплату долгов, составляет 1435.6 тыс. руб. (табл. 88).

Таблица 88

Предполагаемый доход на 1795 г.

Статьи прихода	Сумма (руб. коп.)
1. Продажа железа:	
в Москве — 91 815 пуд.	157777.10
в Петербурге — 331 587 пуд.	253580.25 ^[1]
в Казани — 15 246 пуд.	22047.72
в Нижнем Новгороде — 22 963 пуд.	33296.26
в Ярославле 15 212 пуд.	22057.28
2. Собственный фонд владельца — 30 000 пуд.	45000.—
3. Оброк с вотчин	20000.—
4. Наличность в петербургской конторе	28000.—
5. К получению с иностранных контор	14000.—
Итого . . .	595765.91

[1] Исключены полученные вперед 78 000 руб.

Расходы делятся на три группы: к первой группе относятся «нетерпящие долги», в число которых входит уплата десятины за 1793 г. — 18 321 р., уплата по векселю (25 тыс. руб.), расчет с работными людьми по приходе каравана в Петербург; во вторую группу входит содержание заводов в течение первых трех месяцев (январь — март), на что требуется 175 тыс. руб. и оплата опекунам, эти необходимые расходы составляют в сумме 239 821 тыс. руб. Вместе с другими неотложными расходами они поглощают весь доход 1795 г. Третьей группой являются долги по векселям Н. Демидова, выданным в Петербурге — 200 тыс. руб., в московской конторе — на 177 450 руб., проценты на них (по 10% в год); в Адмиралтейство на постройку корабля — 100 тыс. руб.; уплата по заводским векселям и др., всего по этой группе 598 583 руб.

Соединив все три группы платежей и долгов, петербургская контора подсчитала общую необходимую сумму 1435.8 тыс. руб., между тем доходы будущего 1795 г. определены были в 595 765 руб.: «Итак, по сему балансу из суммы доходов выходит на расплату долгов недостатку — 840 083 руб.

¹⁷ Там же, д. № 4120.

¹⁸ Там же, д. № 4113.

В качестве главной меры оздоровления демидовского бюджета петербургская контора рекомендовала решительное сокращение личных расходов и в качестве примера указывает на личные расходы отца владельца — Никиты Ак. Демидова. К записке приложен утвержденный последним «штат» на содержание петербургского дома в 1774 г.¹⁹ В целом годовой расход равнялся 26 880 руб. Эта сумма составляет расход за 1774 г. по петербургскому дому, когда в нем жил владелец; помимо того были расходы (хотя и в меньшем размере) по московскому дому и подмосковным, не считая экстренных расходов; вспомним, что во время заграничного путешествия в 1770—1771 гг. Демидов за 2 года истратил 75 тыс. руб. За истекшие с того времени 20 лет, т. е. к 1795 г., цены поднялись не менее чем вдвое. Петербургские приказчики, сообщая «штат» Никиты Демидова его сыну, значительно повышают цифры личных расходов последнего, рекомендуя ему ограничиться 80 тыс. руб. в год. Они составили примерный расчет расходов, при которых заводы были бы обеспечены необходимыми средствами и оставались бы значительные суммы для уплаты долгов.

Годовой доход, или, вернее, прибыль, после удовлетворения нужд заводов и караванов определена ими в размере 270 тыс. руб. Этот доход петербургская контора предлагала распределить следующим образом: на содержание домов и контор с находящимися при них людьми — 39 444 руб., на содержание владельца — 80 тыс. руб., из остальной суммы в 150 тыс. руб. — половину, т. е. 75 тыс. руб., следовало, по мнению конторы, оставить в запас на случай необходимости «в поддержание цены железу», чтобы не приходилось прибегать к займу для заводских потребностей; другие 75 тыс. руб. рекомендовалось употреблять ежегодно на уплату долгов. При таком распределении денег долги могли бы быть уплачены в течение 8 или 9 лет.²⁰ Эти сведения показывают, какие огромные средства должны были оставаться при некотором упорядочении личных расходов.

Эти предположения не были осуществлены, и действительный расход за 1795 г. показывает дальнейшее ухудшение. Общая цифра бюджета снизилась до 514.2 тыс. руб. в связи с сокращением продукции (340.8 тыс. пуд.). На заводской расход потрачена половина этой суммы, и с учетом расхода на караваны и содержание домов и контор, прибыль составила только 16.4% бюджета, дойдя до 84.8 тыс. руб.; против предыдущего года прибыль снизилась почти на две трети (в 1794 г. — 232.7 тыс. руб.).²¹ Расход за 1795 г. приведен в табл. 89.

Демидов и его опекуны не последовали здравым советам конторы, и расточительство продолжалось. Николай Демидов, камергер двора наследника в. кн. Александра Павловича, в 1797 г. подает два прошения —

¹⁹ В этом «штате» 1774 г. перечислены дворовые с указанием должностей и жалованья. В петербургском доме состояло 46 дворовых, в числе их значатся: дворецкий, камердинер, казначей с помощником, 2 парикмахера, содержатель серебра, кондитер, 8 ливрейных служителей — швейцар, арап, 4 гайдука, 4 лакея; при кухне: главный кухмистер — француз (получающий 300 руб. в год), второй кухмистер — «свой», т. е. крепостной, 2 его помощника, 2 работника; кучер; портной с 2 учениками; при погребе — «купор-немец», ключник; 2 истопника; при жене Демидова был свой штат: «мамзель-француженка», кормилицы при двух детях, прачки и т. д. Жалованье, расход на пищу и платье этим 46 чел. определены в сумме 3794 руб. Далее подробно перечислены все другие расходы; на покупку «харчевых продуктов» — по 15 руб. в день, итого 5475 руб., не считая сельдей, апельсинов, лимонов, уксуса и т. п., хлеба и муки (216 пуд.), сахара (24 пуда), чая и кофе; на вина тратилось по 6 руб. в день, или 2190 руб. в год, и т. д. В конюшне было 7 лошадей, содержание которых обходилось в 1200 руб.

²⁰ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4113.

²¹ Там же, д. № 4120.

Расход за 1795 г.

Статьи расхода	Сумма (руб. коп.)
Заводской расход	261125.55
Отправка караванов	94805.03
Содержание контор и домов	73002.07
Прочие расходы	496.45
Итого	429429.10
Прибыль	84806.51
Всего	514235.61

первое о разрешении заложить три его московских дома и второе об отсрочке недоимок по десятинному сбору на 5 лет и о выдаче ему ссуды в $1\frac{1}{2}$ млн. руб. Тяжелое состояние дела объясняется семейными обстоятельствами (приданое сестрам 300 тыс. руб. и вотчинам на 600 тыс. руб., уплата долгов зятя — 162 тыс. руб.), а также ростом цен в связи с неурожаем, что требует крупных средств на покупку хлеба рабочим; расход на караваны за последние 10 лет также увеличился почти втрое; эти сведения говорят об общих хозяйственных затруднениях в 90-х годах XVIII столетия.

В этом прошении дается общая характеристика всего предприятия и приведены его финансовые итоги. На 9 заводах имеется 5 домен, 45 молотов; крепостных и приписных 10 279 душ. Заводы могут производить при обеспечении их материалами 600 тыс. пуд. чугуна, из которых выковывается 405 тыс. пуд. железа. Продажная цена составляет 2 руб. за пуд (цены возросли против 1791 г., когда средняя цена была 1 р. 50 к.— 1 р. 55 к.), и указанное количество железа может быть продано за 810 тыс. руб. Эта вырученная за железо сумма может быть распределена следующим образом:²²

Заводской расход	350 000 руб.
Отправка караванов	130 000 »
Уплата десятины	48 000 »
Итого	528 000 руб.
Прибыль	282 000 руб.
Всего	810.000 руб.

По сравнению с бюджетом 1791 г., приведенным выше, общий рост объясняется как более высокой продукцией железа, так и повышением цен; но прибыль вычислена довольно скромно, и к тому же указано, что она может быть получена лишь в $1\frac{1}{2}$ года; при этом необходимо иметь в наличности до $1\frac{1}{2}$ млн. руб., «дабы усилить заводы во всех частях так,

²² ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 658, л. 11.

как должно». Здесь же, на полях черновика прошения, указаны для сопоставления фактические данные за 1796 г.: выплавлено чугуна лишь 497 235 пуд., железа выковано 313 225 пуд., т. е. менее на 87 775 пуд., чем позволяет производственная мощность, и денежная выручка составила только 175 500 руб., т. е. значительно ниже, чем прибыль 1719—1792 гг. Причиной этой разницы является «неполное действие, бывшее по необходимости, за неимением капитала». Женитьба Н. Демидова на Строгановой, повидимому, помогла выйти из этих затруднений.

В 90-х годах XVIII столетия общая хозяйственная конъюнктура в стране значительно отличалась от предшествующего периода. В истории Нижнетагильского и других связанных с ним заводов также происходят, как мы видели, после смерти Никиты Ак. Демидова значительные изменения, что побуждает отнести рассмотрение этого периода к следующему тому настоящего исследования.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы. Отличительной чертой крупной мануфактуры XVIII столетия, даже обеспеченной крепостным трудом, является необходимость отпуска значительных денежных средств на заводы и на перевозку продукции; так, свыше половины всего бюджета демидовского предприятия приходится на «заводское содержание» и на караваны; денежные средства должны возвращаться обратно на производство, даже если отсутствует стройка на заводах и нет других капитальных вложений. Эта черта отличает демидовский бюджет от бюджета крупных крепостных хозяйств, известных до сих пор в литературе, не нуждавшихся в значительных вложениях. Затем следует отметить огромную прибыль демидовского предприятия как результат феодально-крепостнической эксплуатации. Ничтожная феодальная рента с вотчин и почти полное отсутствие расходов на них подчеркивают предпринимательский характер предприятия. Но по мере «одворянивания» Демидовых растут траты непроизводительного характера, и личные расходы в 90-х годах поглощают всю прибыль, заставляя прибегать к займам. В задолженности и непомерных личных расходах в 90-х годах следует усматривать черты сходства с типичным для того времени бюджетом крупного крепостного хозяйства.

В заключение настоящей главы остановлюсь на системе кредитования этого крупного предприятия. Деньги на заводы и в конторы и оттуда в Москву и Петербург переводились большей частью не в натуре, а путем выдачи векселей и уплаты по ним на месте. В Петербурге в уплату от экспортеров получались векселя, которые контора посылала в Москву, где московская домовая контора получала по ним деньги. Так, например, 8 апреля 1764 г. петербургский приказчик пишет владельцу в Москву: «Взял вексель для переводу на нынешней почте от господ Риттера, Торнтонна и Келин на 3000 руб., каковой приложен при сем... чтоб получить вашему высокородию от господина Тамеса по объявлению в 8 дней».²³ Роль кредитных учреждений выполняли государственные учреждения на местах, как, например, губернская или уездная канцелярии, комиссариат, Главное правление горных заводов, монетная экспедиция и др. Они снабжали заводскую контору наличными средствами, получая векселя, по которым демидовские конторы в столицах уплачивали деньги наличными. Это освобождало заводчика, а также казенные учреждения от пересылки громоздкой медной и серебряной монеты на большие расстояния. Но целые обозы, груженные монетой, все же приходилось отправлять из Екатеринбурга, откуда получались крупные суммы, на заводы в Нижний Тагил.

²³ Свердл. обл. арх., ф. 102, д. № 23, л. 20.

В перечне долгов Николая Демидова, составленном в 1794 г. петербургской конторой, засчитан долг в Главный кривкомиссариат по трем векселям — двум казанским и одному заводскому на общую сумму 45 тыс. руб. и сверх того также по заводским векселям на 54 тыс. руб. Крупные займы совершались у частных лиц; так, демидовская контора была должна по векселям В. В. Энгельгардту 41 500 руб. Этот заем был заключен 15 января 1793 г. на 1½ года, срок платежа минул 16 июля 1794 г., но долг еще не был уплачен.²⁴

Краткосрочные займы заводская контора получала у местных купцов или у заводских жителей и богатых крестьян, которым выдавались «ассигнации», выполнявшие роль векселей. В одной из книг векселей и ассигнаций, выданных нижнетагильской конторой (за 1770—1775 гг.), имеются 53 документа, из них 5 векселей на крупные суммы.²⁵ Векселя и «ассигнации» переходили нередко через несколько рук, прежде чем дойти до московской конторы, и на обороте их имеются соответствующие надписи о переводе.

Эти векселя и ассигнации выданы были на сумму 111 372 руб., в числе их 5 наиболее крупных займов на 73 тыс. руб. были сделаны в Екатеринбурге в правительственных учреждениях. Заводская нижнетагильская контора получила 21 января 1770 г. из екатеринбургской монетной экспедиции 5 тыс. руб. на содержание заводов. На эту сумму был выдан вексель за подписями заводских приказчиков, с поручением московской домовой конторе внести эти деньги в Москве в «экспедицию передела медной монеты». Месяц спустя, 22 февраля 1770 г., в московской конторе за отлучкой из Москвы владельца приказчик Иван Белоглазов сделал на обороте этого векселя помету, что он «приемлет» этот платеж, и три дня спустя деньги были внесены в московскую монетную экспедицию. В следующем году, 1 марта 1771 г., заводская контора заняла в Екатеринбурге 30 тыс. руб. с тем, чтобы уплатить их Берг-коллегии в ее московской конторе; тем же порядком эта сумма была внесена демидовскими приказчиками в Москве 22 апреля в московскую рентерею.

Частные лица могли ссужать заводскую контору меньшими суммами. В том же деле находится 48 «ассигнаций» на займы, заключенные в Нижнем Тагиле заводской конторой, причем кредиторами выступают в 38 случаях местные люди, нижнетагильские или невьянские заводские жители, а иногда демидовские крепостные. В 5 случаях займы делались у московских купцов, находившихся в этот момент на Урале, остальные займы произведены у тульского и челябинского купцов и демидовских крестьян. Но суммы этих займов невелики, преобладают «ассигнации» на 300—500 руб., хотя имеются и более крупные займы — на 1 тыс. руб. и выше. Уральские кредиторы пишут на обороте «ассигнации» об уплате занятых у них денег в Москве другому купцу, которому они были должны; иногда обязательства при различных сделках переходили из рук в руки. Так, Андрей Рябинин дал заводской конторе 25 ноября 1770 г. 500 руб. и 2 недели спустя он же сделал на обороте «ассигнации» надпись, чтобы занятые деньги были уплачены московскому 1-й гильдии купцу А. Орлову.

Крупное промышленное предприятие посредством кредитных операций было тесно связано с торговым и денежным оборотом страны, с правительственными учреждениями и частными лицами; вместе с тем заводы способствовали расширению товарно-денежных отношений.

²⁴ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4112.

²⁵ Там же, д. № 4056. «Ассигнации» 1770—1772 гг. (здесь же «ассигнации» и за 1775 г.).

ГЛАВА XVIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В. И. Ленин отметил, что Урал представляет «оригинальный строй промышленности. В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право». «Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма».¹ Возникновение и развитие этих особенностей являлось предметом нашего изучения.

Одно из важнейших петровских преобразований, создание крупной промышленности, в том числе уральской металлургии, имело свои предпосылки, их надо видеть в развитии ремесла как в центре страны, так и на Урале и в немногочисленных еще крупных заводах XVII века. Уральские заводы первоначально строились и велись «по-московски», сюда переводились мастера, переносился опыт Москвы и Тулы, но уральские заводы быстро обогнали подмосковные мануфактуры.

Эти наблюдения помогают осветить давний спор о том, возникла ли русская крупная промышленность лишь в силу мероприятий государственной власти или она выросла в результате частной инициативы; первый путь рассматривался как искусственный и насильственный, второй признавался естественным. Изученные материалы позволяют поставить вопрос несколько иначе. Государственное руководство было неизменной чертой экономической политики того времени, эпохи меркантилизма как у нас, так и в Западной Европе. Но уральские заводы не явились простой пересадкой на Урал западноевропейской техники и организации, — они выросли из предшествующей стадии развития русских мануфактур и ремесла. Если позволительно обобщить эти наблюдения, то можно сказать, что экономические преобразования Петра Великого, создание крупной уральской промышленности, явились таким же крупным этапом на пути дальнейшего развития уже заложенных в предшествующей русской жизни начал, как и другие петровские преобразования. Правительство Петра и здесь строило из имевшегося в стране накопленного народом материала, а не переносило готовое и чужое с Запада.

В тесной связи с этим выводом должен быть рассмотрен и вопрос о возникновении предприятия Демидова. Основатель его — петровский комиссар Никита Демидов — не был кузнецом-чернорабочим, как это рисовали большей частью его биографы; он принадлежал к богатой верхушке тульских оружейников. В тульской Оружейной слободе уже про-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 424.

исходило классовое расслоение, ремесло переживало переход к следующей стадии — к мануфактуре, и богатые тульские оружейники скупали продукцию ремесленников или нанимали обедневших и лишенных средств производства кузнецов. Никита Демидов строит под Тулой свой первый завод, и еще задолго до передачи ему Невьянского завода уже предполагалось привлечение его к строительству заводов на Урале. Получив в свои руки Невьянский завод, Демидов переносит туда опыт тульских оружейников и усиленным темпом продолжает перевод мастеров из центра на Урал. Из Тулы «промысел переходит на Урал и в Сибирь».²

Пожалование Демидову уральского завода явилось началом настойчивой борьбы за новые пожалования и расширение его привилегий. Они носили феодально-крепостнический характер, к демидовским заводам приписывались государственные крестьяне, заводчики закрепощали «пришлых» людей, покупали вотчины и крепостных. Невьянский завод был отдан ему под условием поставок в казну железа, снарядов и оружия по сниженным ценам, с рассрочкой на 5 лет уплаты стоимости завода. С другой стороны, Демидовы стремились освободиться от государственной опеки. Настойчивые усилия и достижения Демидовых в отношении их прав и привилегий дали им, несмотря на обязательства перед казной, некоторую свободу в производстве и сбыте и в эксплуатации рабочих, избавляли их в известной мере от стеснительной опеки и надзора, которые так характерны для промышленной политики того времени.

Изученный разнообразный неизданный материал дает возможность представить ход расширения предприятия Демидова за первую половину XVIII столетия. К 1702 г. у Никиты Демидова имелось 2 завода — один под Тулой, другой на Урале; к 1720 г. было 6 заводов — 3 в центре (Тульский, Старогородищенский, Дугненский) и 3 на Урале (Невьянский, Шуралинский и Бынгровский). После этого строительство новых заводов идет быстрыми темпами, и в 1736 г. у всех Демидовых имелось 22, а к 1750 г. 34 завода. Основная часть их принадлежала Акинфию Демидову. В предприятии Акинфия Демидова, энергичного и алчного эксплуататора, была достигнута исключительная для мануфактурного периода концентрация производства. У него было 22 завода, железных и медных, сверх того 3 медных завода на Алтае (взятых затем в казну). В вотчинах Ак. Демидова, разбросанных в 10 уездах, было 210 сел и деревень; в вотчинах и на заводах было крепостных и приписных людей 32.6 тыс. душ м. п. и сверх того на алтайских заводах было 5.6 тыс. душ. Раздел демидовского хозяйства на три части в 1757 г. не остановил дальнейшего роста разделившихся предприятий, хотя судьба их была различной. Концентрация средств производства и накопление в свою очередь «становится средством нового накопления... от первоначальных капиталов отрываются отпрыски и начинают функционировать, как новые самостоятельные капиталы», говорит Маркс.³ В конце столетия по неизданному «Генеральному описанию» горных заводов 1797 г. у семерых Демидовых имелось 29 доменных, железных и медных заводов. К этому времени часть основанных Демидовыми заводов перешла к другим владельцам, 3 алтайских завода были взяты в казну, а часть принадлежавших Демидовым заводов прекратила свое существование. Общее число основанных или принадлежавших Демидовым заводов в течение XVIII столетия составляет не менее 55.

Уральская промышленность во второй половине XVIII столетия —

² В. И. Л е п и н. Соч., изд. 4-е, т. 3, стр. 371.

³ К. М а р к с. Капитал, Партиздат, 1937, т. I, стр. 588.

мировая кузница, производящая железо не только на русский, но и на общеевропейский рынок. Швеция и Англия в отношении продукции железа были оставлены Россией далеко позади, и Англия стала усердным покупателем русского железа, пока промышленный переворот не изменил положения, но последствия его сказались лишь к началу XIX столетия.

Управление заводами и вотчинами Демидова во второй половине XVIII в. регламентировалось обширными инструкциями, и делопроизводство в его конторах было поставлено по образцу казенных учреждений. Управленческий аппарат действует, однако, самостоятельно, не нуждаясь в непосредственном вмешательстве во все детали со стороны владельца, который сохраняет за собой общее наблюдение и контроль. В центре аппарата находится московская домовая контора; на месте руководство заводами осуществляется нижнетагильской заводской конторой; сбыт железа внутри страны и содействие караванам судов лежат на местных конторах в приволжских городах; продажа железа на экспорт является задачей петербургской конторы. Крепостные приказчики и служители заполняют конторы, руководят производством, ведут коммерческие и финансовые операции и сносятся с правительственными учреждениями. Отношения с чиновничеством поддерживаются регулярными взятками, достигавшими в отдельных случаях весьма крупных цифр. На самом низу управленческой лестницы, в вотчинах и отчасти на заводах, в качестве основы находился крестьянский мир с его выборными органами. Мануфактура привела к созданию рационально построенного, разветвленного и централизованного аппарата. Но крепостное право делало этот аппарат ненадежным, державшимся жестокой расправой над крепостными служителями.

Организация производства на уральских заводах характеризуется весьма важными особенностями. Горная промышленность требовала крупных сооружений, множества зданий и устройства дорогостоящей плотины с системой водяных колес. Уральские заводы могут служить иллюстрацией к словам Маркса, что «такие отрасли производства, как стекольные фабрики, металлообрабатывающие заводы, лесопильни и т. д.», требуют с самого начала большой концентрации рабочих сил и концентрации средств труда и не могут работать цеховым способом».⁴

В составленной демидовским приказчиком Махотиным «Книге мемориальной о заводском производстве» дана отчетливая картина организации крупной мануфактуры. Здесь царит разделение труда; завод состоит из группы тесно связанных между собою «фабрик», или цехов. Оценка заводов, произведенная Махотиным, показывает большой удельный вес производственных сооружений и оборудования, прежде всего плотины и ларей, т. е. гидроэнергетических установок. «Вододействующие» заводы уже требовали значительных капитальных вложений. Стремление к рационализации производства, к определению норм выработки и установлению пропорции между различными стадиями производственного процесса выразилось в составлении «штата» Нижнетагильского завода.

Рабочие кадры демидовских заводов пополнялись из различных источников. В начале XVIII в. сюда шли вольные или беглые крестьяне и ремесленники. Крепостное население демидовских вотчин обязано было поставлять постоянных и временных рабочих на заводы. К переселению назначались бестягольные крестьяне, деревенская беднота. Кроме того, крестьяне посылались на временные работы на заводы, в караваны и на гужевые перевозки. Вотчины служили заводам, были их хозяйственным

⁴ «Из неопубликованных рукописей К. Маркса». — Пролетарская революция, 1939, № 3, стр. 183.

придатком; вместе с тем крепостная деревня сама испытывала сильнейшее воздействие со стороны заводов, выразившееся в принудительном отходе, в переселениях, в росте имущественного неравенства.

Крепостной рабочий является подлинным героем и создателем уральской металлургии. Наряду с крепостными в состав заводских рабочих входили «пришлые», среди которых выделяется группа ремесленников и мастеров заводов центра и Тулы, составивших ядро квалифицированных рабочих. Во второй четверти XVIII столетия усиливается приток крестьян, в особенности из Поволжья; их пригнали на завод нужда, разорение, неурожай; многие из них работали по найму, прежде чем притти на заводы, долго скитались, давно оторвались от земли или ремесла. В силу ряда указов они превращались в «вечно-отданных», закрепощались заводчиками. Характерным следует признать применение в широких размерах труда необученных рабочих — приписных крестьян, а также женщин и детей. Уральские крестьяне героически боролись против феодально-крепостного гнета. Во время волнений на Урале в 1762—1763 гг. рабочие требовали, чтобы их приравнили к государственным крестьянам, работавшим на заводе за подушный оклад, предъявляли свои профессиональные требования. Заводские крестьяне широко участвовали в восстании Пугачева, стихийный, антифеодальный и вместе с тем царистский характер которого показателен для крестьянских восстаний в эпоху феодализма.

Караваны судов с железом отправлялись с пристаней на р. Чусовой, спускались по Каме, далее шли Волгой до Твери, где должны были зимовать, чтобы следующей весной вновь двинуться по рекам и каналам до Петербурга. Весь путь проходили почти в 1½ года. Караваны нуждались в организации контор на своем пути, в огромной массе рабочих; они приводили к образованию рынка труда, так как крепостных людей было недостаточно и надо было прибегать к найму вольных рабочих, с которыми заранее заключалась «ряда» на будущий сезон; в пути приходилось также нанимать вольных бурлаков. Для караванов нужны были значительные денежные средства; транспортные расходы составляли при доставке железа в столицы около 15—20% его цены. Таким образом, концентрация значительных денежных средств и наличие достаточно подвижной рабочей силы как из своих крепостных, так и вольнонаемных являлись необходимыми условиями транспортировки огромных масс железа.

Следует подчеркнуть также особенности сбыта железа, именно преобладающее значение вольного рынка, внутреннего и внешнего, и весьма скромную роль казенного спроса. Казенные поставки Демидовых в Адмиралтейство в послепетровское время составляли 13—15%, редко 20% их продукции. Но казенные поставки тяготили заводчиков низкими «указными» ценами, и заводчики усиленно добивались освобождения их от обязательных поставок. Отмена обязательных поставок по манифесту 1779 г. дала заводчикам свободу распоряжаться своей продукцией. На долю внутреннего рынка еще в 40—50-х годах приходилось около 1/3 всего сбыта. Донесения городских приказчиков из Твери, Ярославля и других пунктов показывают, что на местном рынке выступали все крупнейшие уральские заводчики, размещавшие большое количество железа. Конкуренция между ними и различные условия кредитования покупателей приводили к игре цен, к невозможности одностороннего повышения цены и к другим явлениям, характерным для вольного рынка.

Россия, занявшая в XVIII в. первое место в мире по производству черного металла, снабжала им Западную Европу. «Заморский отпуск» железа направлялся преимущественно в Англию, металлопромышленность которой стояла еще на низком уровне. Около 2/3 сбыта Демидова во второй половине века шло на экспорт. Железо продавалось крупным

иностранным конторам, находившимся в Петербурге. Петербургская контора с ее приказчиками крепко прикована к своему крепостному хозяйству, но, с другой стороны, она связана также с широким международным оборотом, с купечеством капиталистических стран того времени.

Бюджет демидовского предприятия отличается от бюджета крупных крепостных хозяйств (Шереметева, Юсупова, Куракина) тем, что доход Демидова поступал от заводов, от реализации железа, а не из вотчинного хозяйства. В расходной части основная роль принадлежала затратам на «заводское содержание»; производственное назначение значительной части расходов Демидова отличает его бюджет от исключительно потребительского характера бюджета крупной крепостной оброчной вотчины, обходившейся почти без каких-либо вложений в хозяйство. Огромная прибыль, превышавшая 45% бюджета, являлась результатом жесточайшей эксплуатации крепостного труда. Она давала возможность заводчику строить новые заводы и прикупать деревни. Однако в конце века появляются и в этом хозяйстве характерные для дворянства расточительство и задолженность.

Обозревая основные сделанные выводы и наблюдения, надо выделить новые черты, связанные с развитием мануфактуры, с первоначальным накоплением. Упорное стремление заводчика избавиться от опеки и контроля со стороны власти, получить полноту собственности на заводы и свободу распоряжения продукцией; большой удельный вес производственных сооружений в основном капитале, необходимость значительных капитальных вложений; разветвленный и централизованный аппарат управления, проникнутый стремлением к рационализации производства; пополнение состава заводских рабочих за счет разоренных и лишенных собственных средств производства крестьян; преобладание вольного рынка и экспорта в сбыте продукции; производственный характер бюджета — это новые черты, которые можно рассматривать как капиталистические элементы внутри крепостного хозяйства.

Наряду с этим хозяйство Демидовых характеризуется крепостническими методами эксплуатации трудящихся и к концу столетия обнаруживает признаки «одворянивания».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы

*1701 г., января 18. Указ Н. Демидову о бессрочном владении его
Тульским заводом*

От в. г. ц. и в. к. Петра Алексеевича [титул] на Тулу стольнику нашему и всеводе Ивану Артемьевичу Игнатьеву. В нынешнем 1701-м году генваря в 2 день пожаловали мы, великой государь, по имянному нашему в. г. указу туленина оружейного железных припасов мастера Никиту Демидова за ево знатную службу, что он построил новые железные заводы своими деньгами и проторми бе[з] споможенья и дачи дворцовых крестьян, как преж сего давали к таким же заводам в разных местех и в городех иноземцом, и что он при иноземцах, которым многие дворцовые крестьяне к заводам даны, у железа и у всяких воинских железных припасов цены убавил, велели ему, Никите, и жене ево и детям тульскими железными ево заводы, которые ему даны на двадцать лет вместо денежного жалованья, владеть впрок бессрочно, и где может приискать к тому своему железному заводу какой угодной у вотчинников земли или крестьян, и ему, Никите, покупать вольно для того железного дела, чтоб всегда множилась. И когда из ыных государств не привезут, чтоб скудости на воинские припасы и недостатку не было; и на те земли и на крестьян имать купчие, и те купчие записывать в Пушкарском приказе.

А старую свою плотину на тех заводах повысить ему и прибавить и привести к Ямской горе свободно; и буде тем повышением к Ямской горе у них земли в потоке сколько явитца, и тсе землю ныне ж измерять в десятины до начатия того плотинного дела. А сколько угожей ямской земли в потоке явитца, и за ту их потопленную землю дать им, ямщиком, из стрелецких оброчных или не оброчных порозжих земель, чтоб их в том не оскорбить, а за всякую потопленную угожей пашенной огородной или покосной десятины ис тех стрелецких земель, и где им податнее и сами похотят, по полторы десятины безоброчно; и буде в оброке та им стрелецкая даная земля была, и тот оброк снять и впредь с них, ямщиков, не имать, а владеть им тою землею вместо тех своих потопленных ямских земель.

Да к тем же ево Никитиным заводам указали мы, великой государь, отдать ему, Никите, в Тульском уезде в Щегловской засеке земли в длину на пять верст, а поперек по старым граням, какова та засека поперечником есть, и около земляного валу две поляны, артебы,¹ да против пустоши Долбиловки на речке Медведке поляна да против села Богоявленского у сечи меж кустов поляна становая на речке Бешки да поляна возле речки Бежки с приполянки да по сухой речки Бежке поляна, и по обе стороны сенокосные полянки, которые прилегли к той оброчной полянки, да против Старого Городища и ямские слободы безоброчные поляны и з болотом, что под Ямскою слободою, и те поляны порознь и засеку, по которое урочище к тем железным заводам в указные в пять верст отмерено будет отмежевать вокруг. И на той засечной земли запустить ему, Никите, попрежнему лес рость, где пристойно, в которых местех наперед сего засечной лес был, опричь сенокосных полян и болота, что под Ямскою слободою. А на тужное время для литья наших в. г. всяких железных полковых припасов на угольное зжение тот лес в той своей округе, а не в ыных местех вольно ему, Никите, сечь со адну сторону половину, а другую половину старого лесу беречь для всякого опасения от приходу неприятельских людей. А как та первая высеченая половина молодым лесом заростет, и ему и другую половину засеченого лесу сечь вольно ж, а первую высеченую половину запустить в лесную ж поросль или укрепить в тех своих дачах вместо лесной поросли такими ж крепостми, чтоб в незапные приходы в тех местех неприятели ворватца не могли, и смотреть накрепко, чтоб посторонние люди того лесу не секли и дорог и стежек ни ис которых сел и деревень не прокладывали.

И теми вышеписанными оброчными полянками и засечною землею ему, Никите, и жене ево и детям и наследником владеть безоброчно и оброк из оклада выложить.

Да ему ж, Никите, в тех своих дачах и в Молиновой засеки железные руды приискывать и, буде прищет, и тое руду ему, Никите, копать и на завод свой возить невозбранно ж, а кроме ево, Никиты, в тех ево дачах и в Малиновой засеке железной руды иным никому не копать и в оброк не отдавать, а Малиновой засеке порухи никакой не чинить. Да ему ж, Никите, в заповедных засеках, которые ведомы в Пушкарском приказе, приискывать руд и рек, которые места пристойны к строению железных заводов и в иных местех, и буде где прищет угожие места, и о тех местах ему тогда бить челом нам, в. г., а без нашего в. г. указу и без досмотру Пушкарского приказа вновь заводов не заводить. И о том на Тулу послать к тебе нашу в. г. грамоту.

А в Пушкарском приказе по докладным выпискам и по чертежам прошлых лет написано: Засека Тульская мерою 64 версты 506 сажен, в той засеке пятеры ворот, в том числе Щегловая засека, мерою та засека в длину от речки от Тулицы до Корто-сеневаские засеки с рускою сторону деветнатцать верст, а по другую сторону адинатцать верст, а поперек та засека неровны, версты по три и по четыре и по пяти и по шти. Да в Пушкарском же приказе по спискам з дозорных засечных книг дозору воеводы князь Петра Щетинина 159-го году за приписью дьяка Артемья Волкова написана Щегловская засека от Упы реки против Старого Городища от Тулки речки и Тренки по Тулке вверх от сторон ото рву по нижнюю проезжею башню лесу и болота, что под Ямскою слободою, 850 сажен, да по приходной книге нынешняго 1701-го году на Туле около Земляного валу сенокосных покосов в разных местех меж кустов 3 десятины отданы в оброк ему ж, Никите, на 1700 год и впредь на 10 лет; оброчных денег взято на прошлой 1700 год 31 алтын 4 денги. По сухой реке Бешке сенных покосов полдесятины отданы в оброк на прошлой 1700 год Ивану Игнатьеву, оброку взято 11 алтын, две поляны артебы по мере десятины в оброке за Семеновым крестьянином Извольского за Максимком Краснобаевым, оброку 20 алтын...¹

И как к тебе ся наша в. г. грамота придет, и ты б о мере и о межеванье вышеписанной засечной земли и засечных же сенокосных оброчных, также и необрочных полян, что против Старого Городища и против Ямские слободы за болотом, к тульским железным заводам туленина Никиты Демидова и о мере и о даче тульским ямщиком стрелецкой земли, сколько у них, ямщиков, повышением на тех железных заводах плотины явитца в потоке земли, взяв у них, ямщиков, списки за руками, в которых местех и урочищах в отмен той их потопленной взятой земли и стрелецких вышеписанных земель взять они похотят, и по тем ямским и о всем учинить по вышеписанному ямскому в. г. указу, как писано в сей нашей в. г. грамоте выше сего. И для того межеваного дела и для указыванья старые засечные черты и земли и лесу взять с собою тутошних Щегловской засеки засечных помесных и приписных сторожей и тутошних окольных всяких чинов людей и сторожилов. И по которое место и урочище тое засечные земли в указное число в 5 верст ему, Никите, к тем заводам отмерено и отмежевано будет, и поскольку в котором месте в той округе засеки верст или сажен попереки так же и вышеписанных и против Ямской слободы оброчных и безоброчных полян и болота и что явитца в потоке папшенной и непашенной земли и огородов и иных каких угодей ямских земель, и сколько им, ямщиком, и в которых урочищах вместо тое затопленные земли и и[з] стрелецких оброчных или из необрочных земель отмерено и отмежевано будет и кому имяны, и тому всему учинить мерные и межевые книги с подлинною ведомостью и с очисткою, и к тем книгам велел тем людям, которые с тобою на мере и на межеванье будут, руки приложить и учинить всему чертеж, и на том чертеже подписать подлинно со всякою ж ведомостью, да о том к нам в. г. писал и те межевые книги и чертеж за своею рукою прислал к Москве и велел подать в Пушкарском приказе генералу нашему фелцейхмейстеру царевичю Александру Арчиловичю с товарищи. Писан на Москве, лета 1701-го году, генваря в 18 день. У подлинной великого государя грамоте припись дьяка Никиты Полунина. Справа подьячего Лариона Докукина.

ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 4003, л. 9 об. — л. 11. То же. Гос. библ. им. Ленина, отд. рукоп., ф. муз., № 6693. Сборник указов, относящихся до железных заводов г. Демидова с 1701—1737 гг., л. 1—5.

¹ Опускаю описание оброчных земель.

Вотчины Акинфия Демидова в 1745—1757 гг.

(число душ мужск. пола)

В Нижегородском уезде				
с. Фокино	697	1304	с. Успенское	28
с. Сомовка	391		д. Выполаева	65
полсела Огневский Майдан	216		д. Погодина	38
с. Юркино	83	266	д. Охоткина	48
д. Черемисская	183		д. Лышнова	25
с. Высокое	87		д. Кудеярова	28
д. Прокошевка	31	329	д. Полянки Онаньина	14
д. Крутец	46		д. Сосновка	37
д. Оботурова	103		д. Писарина	34
д. Слопинец	62	1504	д. Горина	12
с. Варганы	302		д. Малая Серкова	30
с. Покровский Майдан	323		д. Большая Серкова	39
д. Оселки	279	57	поч. Костин	10
д. Белозериха	281		д. Голендухина	38
д. Корнуша	294		д. Левканурская	60
Першинский починок	24	1296	Новопоселенный поч. Васильевский	29
сельцо Синцово	36		д. Овсянкова	73
д. Покровка	21		д. Денисова	51
д. Отары	135	304	д. Потанина	29
д. Осинки	307		д. Федорова	26
д. Молвяшка	235		поч. Бабушкин	20
с. Быховка	364	502	д. Рыбина	22
с. Осташиха	217		д. Санникова	23
слоб. Злобина	14		д. Займище	20
Першинский починок ³	24		с. Никольское, Галицкое тож	58
			д. Ягутова	82
			д. Кондакова	17
			д. Антонова	17
			д. Крутогорская	43
			поч. Татаринцов	7
			д. Лукониха	34
			д. Турья	24
			д. Лиса	22
			с. Богородское, Ихта тож	78
			поч. Дорофеев	8
			поч. Букин	15
			поч. Буров	36
			д. Скородумы	26
			д. Козина	8
			д. Дружинина	43
			д. Голодянка	2
			с. Предтеченское, Сметанино тож	147
			д. Шутова	33
			поч. Колотов	27
			д. Кочючаева	3
			д. Овчинкина	13
			д. Заозерская	42
			д. Гусева	10
			д. Булдыгина	11
			Присуду с. Богородского (Ихты):	
			поч. Мельников	15
			д. Подсевалова	47
			д. Леонтьева	18

³ Ошибочно назван дважды.

Присуду с. Николаевского:

д. Дуплиха	17	}	319
д. Семкина	20		
д. Зубцовка	55		
д. Антипина	72		
д. Выпадовка	3		
д. Верхопольская	10		
поч. Ермолин	10		
д. Шишелова	68		
д. Исакова	64		
поч. Семенов	10		
поч. Аристов	72	}	101
д. Горбуновка	19		

В Ярославском уезде

с. Михайловское	20	}	260		
д. Санникова	25				
д. Перепечина	54				
д. Котлова	34				
д. Яковцева	66				
д. Кочкурода	21				
д. Ескина	32				
д. Анафьина	8				
д. Ягроболы	153			}	153

В Арзамасском уезде

д. Теплый стан	132	}	655		
с. Гремячее	356				
д. Липовка	167				
с. Саканы	331				
д. Туртанка	206			}	537
с. Тресвятское	125				
д. Спаская	19			}	232
д. Ломовка	88				

В Унженском уезде

Присуду сел Воздвиженского и Никольского:

д. Таланкина	41	}	592
поч. Белевский	29		
д. Хлыщевка	17		
д. Погоская	20		
д. Высокая	39		
д. Калпачиха	26		
д. Заболотье	24		
д. Григорькова	19		
д. Гарцы	27		
д. Крутая	9		
д. Средняя	15		
д. Сергеевица	58	}	46
поч. Николаевский	1		
д. Горки	31		
д. Ивашевская	15		
д. Боровая	22		
поч. Вшивков	8		
д. Ивакина	18		
д. Морошкина	61		
д. Кулачиха	21		
д. Ерыкалиха	21		
д. Реутиха	14		
д. Слепенкова	10		
д. Талица	29	}	46
д. Пешанки	17		
д. Большая и Малая Мулин- ка	46	}	14
д. Княжево, Копня, Борисово, Верховино	14		

с. Троицкое	23	}	644
д. Коленова	9		
д. Корюшина	38		
д. Крючиха	19		
д. Ляпунова	18		
д. Латышева	22		
д. Ялтынина	19		
д. Большая Островалка	13		
д. Тарасова	14		
д. Фокино	13		
д. Сукипо	20		
д. Подосениха	28		
д. Ряпниха	25		
д. Малая Карасиха	23		
д. Большая Карасиха	7		
д. Подахина	21	}	59
д. Задворная	3		
д. Булдакова	15		
с. Богородское	15		
д. Згудалова	10		
д. Андреянова	28		
д. Коркотина	25		
д. Скугориха	32		
д. Заболтаиха	38		
д. Антониха	19		
д. Бочкариха	23		
д. Меркушиха	21		
д. Замешаиха	14		
д. Валиха	14		
д. Агапитиха	4		
д. Плontiцина	30		
д. Глазуниха	14		
д. Подушкина	27		

В Романовском уезде

сельцо Мухино	9	}	59
д. Зиновка	19		
д. Ломакова	3		
д. Шелепино	28		

В Тульском и Елецком уездах

с. Куракино	568	}	830
д. Варипаева	13		
с. Высокое	11		
с. Аверкиевское	59		
с. Веригина	57		
д. Морева	59		
д. Курулова	13		
д. Сухая Каменка	50		

В Каза ском уезде

с. Архангельское	44	}	1259
с. Богоявленское	16		
с. Алексеевское	615		
с. Успенское (Лебяжье тож)	329		
д. Колубордея	248		
д. Гусиха	7		

В Симбирском уезде

д. Демидовка	18	18
------------------------	----	----

Итого — 13 039

ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XI, д. № 95. Дело о разделе братьев Демидовых, л. 308—320.

III

1767 г. Наказ провинциальному депутату в Комиссию по составлению проекта нового Уложения Федору Ермакову от приписных крестьян Екатеринбургского ведомства

1767 года апреля 20 дня Екатеринбургского ведомства ис приписных к разным казенным и партикулярным заводам слобод в силе именного е. и. в. состоявшегося декабря 14 числа 1766 года повеления о сочинении проекта нового уложения и приложенного при том обряда выбранные уездные поверенные Афонасей Потанин, Василей Костин, Анисим Панкратов, Никулай Андреев, Игнатей Семеновиков, Иван Шубин, Никита Федоровых, Василей Баганов, всего восемь человек по доверенности нам каждому всего уезду от всех живущих в слободах, селех и деревнях крестьян выбранному нами провинциальному депутату Лялинской слободы из крестьян Федору Ермакову, будучи ему в Москве в комиссии о сочинении проекта нового уложения, вверяем мы чинить доклад о всех наших общих нуждах и недостатках по нижеследующим пунктам.

1

Состоим мы все приписные ко всем казенным и партикулярным заводам крестьяне с прочими всего государства крестьяны в силе указов единственно в одном подушном окладе по одному рублю по семьдесят копеек да с тех денег накладных по две копейки с рубля, итого по одному рублю по семьдесят по три с половиною копейки.

2

А за тот подушной оклад по указом и заводским учреждениям располагаемся мы все крестьяне в разные заводские работы сработать до одной копейки без изъятия, как за умерших, престарелых, больных, малолетних, беглых и сосланных по разным делам в ссылку на поселение в Сибирь, за которых случаетца во описных оных слободах годному одному заработать за негодных за одну, за две и за три души. Которые работы многие из нас, крестьян, в указное время (кроме как наймом за малоимением свободных дорогами ценами) отправить ни в один год не могут, отчего мы против прочих государственных, не состоящих при заводах крестьян имеем несносное отягощение.

3

А за те нам заводские работы как при казенных, так и партикулярных заводах от заводских кантор чинят зачет по плакату, а за некоторые работы, то есть за зжение кучь в уголь и тому подобные, зачет чинится и менее. А для отправления оных заводских работ ходим мы на заводы из домов своих расстоянием в передней путь по сту и по двести верст, за которые проходные дни платы никакой нам ни зачитаетца, от которых заводских работ с начала прибавочного шестигривенного окладу за несостоянием сработать за весь полный оклад приходим мы многие во всеконечное раззрение и нищету.

Того ради тебе, депутату Ермакову, в комиссии о сочинении проекта нового уложения просить: 1-е, дабы милостивым оной комиссии рассмотрением повелено было нам, всем приписным к казенным и партикулярным заводам крестьянам, за отправляемые нами при тех заводах разные заводские работы по рассмотрению зачету прибавить, также и за прохожие дни положить зачет по законам; 2-е, заводские ж работы при всех как казенных и партикулярных заводах за подушной оклад, чтоб единственно работать из нас одним только годным в работу, а с прочих вышеписанных крестьян больных и малолетних и выбылых взыскивать оклад (не зарабатывая за них) одними деньгами. О чем о всем мы, уездные поверенные, по себе Ермакову просить верим, в том и подписуемся.

Нижнетагильск. арх., ф. 13, д. № 96. О выборе голов и депутатов для сочинения проекта нового Уложения, л. 52—52 об.

1771 г. О чумном бунте в Москве. Из «репортов» московской конторы к Н. А. Демидову, находящемуся за границей.⁴

1. 1771 г., сентября 5. «...При заводах же апреля с 1, августа по 1-е числа, то есть в треть года, сделано разных сортов железа 130 206 пуд. 30 фунтов, и того ж времени молотовые мастера по частям были отпущены в сенокос и сена поставлены зеленые; сделанные по соизволению вашего высокородия для образцов и посылки в Англию всех сортов железю, сего месяца 1 числа сюда привезено, а в Петербург отпрavitца на сих днях, хотя в разсуждени карантинюв и не за нискую цену с тем малым Данилою Михайловым, которой со оным же железом из Фокина прислан для отсылки ево в Питербург в казну по особливому вашего высокородия повелению. ... По вышеписанному повелению две девочки, одна десяти, а другая одиннадцати лет сыскались в Сергиевском⁵ и ныне находятся при здешнем доме, а чтоб они не были праздно и не могли баловатца, то на первой случай учатца Тимофея повара у жены делать бахрому, а шить золотом и плесть блонды отдать ныне некому, да никто, опасаясь нынешнего несчастливого времени, не берут. А остальные три девочки возмутца из Фокина, каковые там есть из сирот... А при том здешняя контора не могла преминовать, чтоб вашему высокородию милостивейшему государю не донести, в каком горестная состоянии здешнее место погружено, хотя умолчать и требовала благопристойность.

Однако приемлем дерзновение коротко изъяснить, что ныне Москва почти, полупуста, ибо не только господа, но все купцы, которые полутче, совсем выехали, кто куда мог, почему и из дому вашего высокородия люди многие семьями вывезены в подмосковные, а остались одни те, кои только нужными должностями обязаны, но и из них у некоторых жены с детьми отправлены. А чтоб и оставшие здесь не могли подвергнуты быть тому несчастному жребию, что мертвые тела валяютца по улицам, то в домах вашего высокородия содержитца чистота, и в надежде вашего высокородия на отеческое милосердие здешняя контора не жалеет покупать всем людям по предписаниям докторов уксус простой и четырех разбойников, ладон, и доставать ис подмосковных межжевельник и протча, что только сему злу может препятствовать. И так благодаря всевышняго господа бога и прославляя щастье вашего высокородия, в домах вашего высокородия состоит все благополучно, кроме одного умершего портного Деркина, о котором вашему высокородию было уже и донесено, коего жена и теща, хотя в карантине были и взяты, но, выдержав оной, освобождены. А только одна повивальная постороннего дому бабка, которая в то время у них была и с ними в тот карантин взята, умерла в особом однакож карантине. Здешняя ж контора, избегая всех могущих быть бедствиюв, что где сия смертоносная коса ни посетит, точию уже в домах реткие, сколь бы их ни было, остаютца, а хотя кто и останется, те берутца в карантин, а имене, в чем бы оно ни было, предается огню, не оставила взять еще другие осторожности: 1) всякая пища для людей заготовлена и дается в доме, для того, чтобы люди никто и никуда со двора не ходили; все ворота заперты, а у одних, где ходить, строгой караул, и кроме самой необходимой нужды, и то с билетом конторским, сойти никому с двора не велено, а кто и спуститца, тем приказывается, чтоб сперва довольно натирались уксусом, имели б с собою канфару и, будучи б вне дому, ни с кем сообщения, ни малого осязания не имели; а напоследок, как скоро в дом войдет, так должен окуриватца огнем, которой для того содержитца у тех же ворот; 2) как во всей Москве сделана от учрежденной на то комиссии и московской полиции осторожность и не только присудственные места, но казенные и портикулярные фабрики все на сей случай заперты, а на всех фабриках, слышно, людей до семидесяти пяти тысяч человек, и ныне все праздны и всякие публичные места, где народу бывает собраний, запрещени, и одним словом все погашено, а как оная опасность сперва зачала спирепствовать по большей части в простом народе, то со оным сообщением иметь не велено. И за тем в доме вашего высокородия все работы остановлены, и из Сергиевского вотчинные работники отпущены в дома в последнем числе минувшаго августа, за тем, что здешним людям в разсуждени квартир было не без тесноты, да и запасенного тамо провианта было б недостаточно. А особливо бы люди были безопасны, потому что от здешних выходцов многие подмосковные деревни заражены и до крайности доведены. А только из тех работников оставлена при здешнем доме для караулу 12 человек, которые, сверх того, что оной караул содержат, и другие работы исправляют. А чтоб и они не могли ослабевать, то даецца им каждому настоеннаго простова вина чесноком и полынью в день по три рюмки. А как выше донесено, что все работы оста-

⁴ «Репорты» здесь приведены не полностью, так как значительная часть их посвящена деловым вопросам о размерах заводского производства и т. п.

⁵ Подмосковная Н. А. Демидова.

новлены, но юстовы ученики лепление производят, а он, Юст, от казенной работы хотя и уволен, только гадить боится, и ежели упоминаемое нещастие продолжитца, то в отделеке заллы надлежащаго успеху быть не уповательно...

2. 1771 г., сентября 19... Чума, хотя еще продолжается, однако ж по наступившему холодному воздуху стала полегче, но между тем сделалось другое нещастие. 16-го, 17-го чисел сего месяца подлой народ, состоящей из всякаго звания, а по большей части из фабричных, собравшись в чрезвычайном количестве, во первых пришел к Чудову монастырю и, вломившись во оной, искали преосвященного Амвросия. Но как его тут не нашли, и он, сведав о том, скрылся в Донской монастырь, те не только имение его, но и ...разграбили и опустошили⁶ и разных купцов, которые под Чудовым монастырем погребы имели, напитки, почитая его преосвященного, выщипли. И некоторые, изрубя бочки, выпустили и сделали состоящей в многих тысячах убыток. А потом сведали и об нем, архерее, что он в Донском монастыре, в самое то время бросились туда и, нашед, вывели из монастыря, предали мученической смерти, а один карантин распустили, а потом сыскивали и Петра Дмитриевича Еропкина. Причитая первому в вину, будто бы он хотел снять с Варварских ворот образ богоматери, где, много сходясь народу, молились, и для других притчин, которые ему причитали,⁷ а второму, чтоб отменены были карантинны и мертвых бы погребать по прежнему у церквей, а не в поле.⁸ Но между тем здешней губернатор Иван Иванович успел собрать несколько команд с пушками и тех бунтующих в Кремле захватить, которых, слышно, и захвачено до 50 или 70 человек, и как⁹ они опять к Кремлю приступали с отчаянною буйностью и просили, чтобы выданы были те их товарищи и Петр Дмитриевич, которые были увещеваемы. Но как они лезли на штыки без боязни, в таком случае, слышно, приказано было выстрелить из ружей и пушек холостыми зарядами, а иными для страху поверх. Но видя, что не унимаютца, то уже поступлено военною рукою и как у тех ворот, так и других всем в пяти местах побито их довольно, а числом еще подлинно неизвестно, и тем разогнаны. А в ночь на 18 число хотели они побить всех лекарей, отчего и все московские жители приведены были в страх, однако по щастью и еще несколько успели подбежать команды также с артиллериею, почему уже сия шайка на сей день не только нигде не показывается, но и спокойна.¹⁰

ЦГАДА, ф. Демидовых, д. № 33 и 34. Черновики донесений московской домовою конторы, л. 109—114 об.

У

Статистическая заводская отчетность.

Двухнедельные «репорты» нижнетагильской конторы. 1791 г.

Р е п о р т

Покойного господина статского советника и кавалера Никиты Акинфиевича в Московскую домовую контору из Нижнетагильской главной заводской конторы¹¹

Заводы покойного господина Никиты Акинфиевича по благодати всемогущаго бога состоят благополучно, а сколько при оных марта с 30-го апреля по 13-е ч. сего года, то есть в две недели, чугуна и литейных припасов выплавлено, железа кричного и уклада сделано, також о правянте, о воде и о наличных деньгах — записки при сем; заводские работы исправлялись старательно.

Апреля 14 дня 1791-го года. Прикащик Григорий Белой. Прикащик Семен Семенов. Прикащик Семен Бредякин. Прикащик Прокофей Морозов. Канторщик Мирон Хотев. Подьячей Михайла Поздеев.¹²

⁶ Зачеркнуто: «не только ево напитки».

⁷ На полях зачеркнуто: «и что архерею столько напитков иметь не надлежало, в самом деле не ведая того, что они были не ево, а, как выше извещено, частных людей».

⁸ Зачеркнуто: «что ныне в Москве все стало дорого, а причиною тому... припасов нужных».

⁹ Зачеркнуто: «уже теми и другими подоспевшими командами захвачены кремлевские ворота».

¹⁰ Зачеркнуто: «А между тем взяла крайнюю осторожность и определены для истребления таких зборищ команды, а чем кончитца — неизвестно, а впредь что последовать может — неизвестно».

¹¹ Помета сверху листа: «Получен 14 мая 1791 году, записав, предложить».

¹² По листам повторены те же подписи.

Записки марта с 30-го, апреля по 13-е ч. 1791 года

О выплавке чугуна

	Сыпи		Выплавлено чугуна и вещей	Угару	По сложности	
	угля коробов и колош	руды и подрудна пудов			из ста пудов руды	каждым коробом
При Нижнотагильском заводе						
из первой	} домен	434	8978	5893	3085	65 п. 25 ф. 13 п. 23 ф.
второй		485	10946	7037	3909	64—11— 14—20—
Итого		919	19924	12930	6994	64—35— 12—39—
А с начала года генваря с 1-го		10205	222868	139417	83451	62—22— 13—28—
При Верхнесалдинском						
из одной { в две недели	{ а с начала году	499	11833	7449	4384	63—1 — 14—37—
домни {		1839	33197	20447	12750	61—23— 11— 4—
Всего		12044	256065	159864	96201	62—10— 13—10—

О деле кричного железа

	Марта с 31-го апреля по 6-е		Апреля с 7-го по 13-е ч.		С начала после отпуски на каравана	Осталоого от караванного отпуски	Из оноого в расходе	В наличности	
								Железа с оставшим от отпуски в караван	Угля коробов
	Мол[отов]	пу[ды] ф.	Мол[отов]	пу[ды] ф.					
При Нижнотагильском	4	1095—20	5	694—	1789—20	6441—10	57—	8173—30	22916
При оном же заводе в действии молотодельных 2 и укладной 1 молот									
Нижнесалдинском	3	931—	8	1203—	2153—	1173—	138—	3188—	17116
Верхнесалдинском	2	581—	2	372	953—	884—	9—	1828—	15990
Черноисточинском	2	589—	—	—	589—	324—	17—	895—20	14145
Висимоуткинском	1	326—20	1	203—20	530—	612—	—	1142—	7655
Висимошайтанском	1	300—	—	—	300—	363—	—	663—	3953
Выйском	1	329—	2	346—	675—	255—	9—	921—	7926

Продолжение

	Марта с 31-го апреля по 6-е		Апреля с 7-го по 13-е ч.		С начала после от- пуска ка- равана	Осталось от кара- ванного отпуска	Из одного в расходе	В наличности	
	Мол[о- тов]	пу[ды] ф.	Мол[о- тов]	пу[ды] ф.				Железа с остав- шим от отпуска в нараван	Угля коро- бов
Верхнелай- ском	1	302—20	—	—	302—20	} 228—	23—20	1041—	5220
Нижнелайском	1	313—	1	221—	534				
Итого . .	16	4767—20	19	3058—20	7826—	10280—10	254—	17852—10	91921
А порознь объ- явленного железа по- лосного обык- новенного .		—	—	—	7269—20	—	—	—	—
На заводскую надобность .		—	—	—	21—20	—	—	—	—
Несходного . .		—	—	—	535—	—	—	—	—
Итого вы- шепоказанное число	—	—	—	—	7826—	—	—	—	—
При Нижно- тагильском заводе укла- ду сделано .	—	—	—	42—10	42—10	12—20	7—20	47—10	—

В 1790 году [1]
апреля на 14 число:

В 1791 году [1]
апреля на 13 число:

Выплавлено чугуна:

257163 пу[дов] 159864 пуд., менее 97299 пуд.

Выковано железа:

11855½ пу[дов] 7826 пуд., менее 4029½ пуд.

Угля налице:

96964 кор[оба]. 91921 ко[роба], менее 5043 кор.

О состоянии в прудах воды

	Препорция содержится в полностью в прудах воды		Марта по 30 ч. состояло		С 30-го апреля по 13-е ч. в две недели			Затем апреля по 13-е ч. имеется	
	арш.	верш.	арш.	верш.	прибыли		убыли	арш.	верш.
					арш.	верш.			
При Нижнотагильском	7	4	2	15½	1	4½	—	4	4
Быйском	6	—	2	—	—	6	—	2	6
Лайских: верхнем . . .	5	12	1	12	—	—	11	1	1
нижнем	5	12	2	14	—	—	5	2	9
Нижнесалдинском . . .	7	—	2	3	—	9	—	2	12
Верхнесалдинском . . .	6	—	1	5	1	1	—	2	6
Черноисточинском . . .	4	8	1	2½	—	½	—	1	3
Висимоуткинском . . .	6	—	1	6	—	12	—	2	2
Висимошайтанском . . .	7	—	1	2	—	5	—	1	7

[1] Вкладка на отдельном листке.

О п р а в и а н т е

	Марга в 30-е ч. всту- пившего имелось	И с т о г о в р а с х о д е					Затем апре- ля по 13-е ч. в остат- ке
		В продаже заводским мастеро- вым и ра- ботным людям	Во упот- реблении на корм господ- ских ло- шадей	В роздаче неимущим беднеж- но	Во упот- реблении при доме господ- ском	Итого	
	пу[ды] ф.	пу[ды] ф.	пу[ды] ф.	пу[ды] ф.	пу[ды] ф.	пу[ды] ф.	пу[ды] ф.
При Нижно- тагильском .	51645—20	—	58—	24—	6—20	88—20	51557—
Нижнесалдин- ском	18099—	168—	58—30	—	—	226—30	17872—10
Верхнесалдин- ском	6884—10	229—30	56—20	—	—	286—10	6598—
Черносточин- ском	10901—10	354—	—	—	—	354—	10547—10
Висимоуткин- ском	25022—	2360—	60—30	—	—	2420—30	22601—10
Висимошайтан- ском	2837—19	—	15—	—	—	15—	2822—19
И т о г о . .	115389—19	3111—30	249—	24—	6—20	3391—10	111998—9

Под смотрением Нижнотагильской конторы в кладовой и у расходчиков денег апреля в 13-е ч. налично вступило:

	Рубли	коп.
При Нижнотагильском {		
в кладовой	9080—	
у расходчика	200—	
При прочих заводах у расходчиков же:		
Нижнесалдинском	25—	
Верхнесалдинском	15—	
Черносточинском	150—	
Висимоуткинском	365—	
Висимошайтанском	156—	45

9991—45

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абрамов Афанасий 77, 91
 Абрамов Н. 72
 Акема Филимон, заводчик 21, 24, 25, 32, 97
 Акин, заводчик 23
 Александр Арчилович, царевич 496
 Александр Павлович, в. князь, 485
 Александров П., историк 267
 Алексеев, служитель 335
 Алексеев Иван, крестьянин 346
 Алексеев С., мастер 127
 Алексеев Фрол, крестьянин, 346
 Алексей Михайлович, царь 25
 Алефиренко П. К., историк, 271
 Ананьин Леонтий, кузнец 40
 Андреев А. И., историк 4, 53, 125
 Андреев Анисим, крестьянин 346
 Андреев Иван, приказчик 278, 279
 Андреев Никулей, крестьянин 499
 Анна, императрица 168, 174—176, 178, 185, 193, 234, 237, 268, 364
 Антуфьев Демид 83
 Антуфьев Никита см. Демидов Никита
 Анучин, солдат 184
 Апраксин П. 167, 425
 Апраксин Ф., граф 158, 167
 Арефьев, купец 288, 449
 Аристов Н. 24, 184
 Арсеньев М., стольник 84
 Астраханцев Иван, приказчик 128, 140
 Аткинс, купец 272, 461, 465
 Афонасьев Микита, приказчик 135
- Бабинов Максим, крестьянин 144
 Бакиш Дмитрий, мастер 113
 Бакланов Н. 12, 14, 27, 28, 30, 77, 101, 186, 246, 251, 252, 264, 307
 Бакланова Н. А. 26, 68
 Бантыш-Каменский 15
 Бармин Ивашко, кузнец 49
 Баташев Иван, заводчик 85, 170, 450, 455, 461.
 Баташев Степан, мастер 4, 87, 100, 103
 Баур Кашпар, мастер 65
 Бахрушин С. В. 39, 42, 45, 275
- Бахтурин 410
 Беер А., мастер 179
 Безбородко А. А. 286
 Безобразов А. И., боярин 275
 Белобородов И. Н., атаман 387, 388, 393
 Белов В. 9, 10, 81, 149
 Белоглазов Иван, приказчик 271, 282, 452, 487
 Белоглазовы 283, 286, 287
 Белоцерковский Г., историк 37
 Белый Григорий, приказчик 278, 279, 501
 Белый Иван, мастер 362
 Беляев Яков, мастер 69, 104, 113, 127
 Бестужев-Рюмин А. 177
 Бибиков В. Ф. полк. 387, 390, 394, 397
 Бибиков Михаил 56, 58, 64—68, 72—78, 105, 154, 387—390, 393
 Бирон 168, 174, 175, 180, 268
 Богословский М. М., академик 80, 84, 292
 Богоявленский С. К., историк 28, 52
 Болотников Иван 288
 Болотов А. Т. 238, 273
 Болтон, заводчик 270
 Борин, заводчик 24, 161
 Бородин Иван, крестьянин 144, 145
 Бранденбург Н., историк 88, 89, 97, 159, 160
 Брант 172
 Бредякин Семен 501
 Брюс Я. В. 168
 Булавин 335
 Булгаков Иван, приказчик 283
 Бурлаков Алексей, крестьянин 243, 245
 Бурнет, купец 461
 Бусыгин Григорий, крестьянин 383, 384
 Бутенант Андрей, заводчик 22, 24, 69
 Бутенин, заводчик 29
 Бутурлин А. Б., граф 237, 238, 245, 490
 Бухолов Иван, крестьянин 290, 451
- Ваганов Василий, крестьянин
 Вальдер Яков, переводчик 113
 Васильев Андреян, сенатский обер-секретарь 284
 Ватсон, купец 461
 Веселков Ефтифий, бурмистр 146
 Вейдемейер 15
 Вигилист 53

¹ Указатели составлены В. Р. Швейковской.

- Викулин Семен 69, 73—76, 99, 105, 106, 111
Виниус А. А. думный дьяк Сиб. приказа 20, 43, 52—56, 58, 64, 73, 75, 77, 78, 84, 85, 90, 91, 99, 101, 110, 112, 114—117, 120—122, 127—129, 131, 133, 135, 141, 144, 147
Витцен Николай, амстердамский бургомистр 56
Вихорко Иван, кузнец 49
Владимиров Родион, кузнец 37
Волков Артемий 496
Волков Д. В., оренбургский губернатор 247
Володимиров Федор, приказчик 170
Воронин Владимир, заводчик 23, 25, 26, 59, 61, 68, 113
Воронцов, купец 450
Воронцов С. Р., посол, граф 272, 466
Вяземский, князь 381, 385
Вяткин М. П., историк 153, 373
- Гаврилов Семен 24**
Гагрин Д. 387
Гайсинович 36
Гайлусгрин Андрей, мастер 26
Гамель И., академик 24, 82, 84—85, 89, 103
Геннин В., инженер 8, 11, 14, 157, 164, 165, 168, 169, 171, 173, 183, 186, 187, 191, 192, 306, 314, 427
Герман И. 14, 153, 156, 161, 164, 165, 173, 176, 187, 246, 254, 255, 258, 259, 263, 264, 280, 321, 382, 383, 385, 386
Гессен Ю. И., историк 14, 242, 246, 248, 251, 381, 405, 441
Георги 15
Гилев Иван, крестьянин 159
Глебовы, помещики 35, 70
Глен, купец 287
Гмелин И., академик 15, 214—216, 298, 303, 369
Глухов М. С. 455
Гсгин Козьма, крестьянин 41
Голиков И., историк 8, 15, 161
Голицын П., князь 394, 449
Головин Ф. А., граф 95, 96, 158, 167
Головкин М., граф 241
Головщиков К. 15, 82, 85, 163, 164, 166, 187, 214, 236, 269
Гордеев Константин 199
Гордон Патрик, генерал 84
Готье Ю. В., академик 282, 382
Гроций Гуго 53
Грязнов, атаман 387
Губарев Дмитрий, маклер 465
Губин М., заводчик 255, 257, 260
- Данилевский В. В., историк 12, 371
Данилов М., заводчик 169, 236
Дегиляр Мишка, мастер 31
Деколонг И., ген. 387, 394
Дементьев Ф., мастер 59, 60, 62, 63, 66, 75
Демидов Акакий Прокофьевич 376
Демидов Акинфий 15, 16, 19, 100, 103, 111, 125, 126, 130, 133, 134, 136, 137, 139—141, 144, 154, 164, 166, 168, 169—172, 174—180, 183—188, 190—193, 195, 198, 199—201, 203—207, 209, 210, 213, 214, 217—219, 222, 223, 225, 226, 228—230, 232—237, 241, 249, 257, 261, 263, 267, 268, 274, 275, 282, 288, 296, 303, 322, 339, 340, 364, 366, 383, 399, 401, 427—431, 434, 435, 445, 458, 489
Демидов Александр Григорьевич 248, 249, 253, 256, 259, 262, 263, 383, 387, 394, 435
Демидов Алексей Никитович 248, 249, 253, 258, 263, 264
Демидов Василий 254
Демидов Григорий Акинфович 142, 166, 167, 170, 184, 187, 201, 222, 225, 234, 235, 237, 238, 240, 248, 256, 268, 435
Демидов Евдоким Никитович 209, 249, 267, 273, 420
Демидов Иван Евдокимович 198, 240, 248, 253, 256, 264, 452
Демидов Лев Прокофьевич 376
Демидов Никита 7, 15, 16, 18, 19, 23, 38, 43, 45, 46, 48, 51, 55, 60, 70, 77, 82—84, 86—96, 98, 100, 101, 103, 107, 109—111, 117—129, 133—138, 140—145, 147, 153, 154, 156—163, 165, 166, 171, 180, 184, 212, 213, 216, 236, 240, 274, 275, 280, 282—285, 300, 302, 330, 353, 364, 425, 426, 428, 430, 431, 434, 439, 444, 446, 452, 464, 488, 489, 492, 495
Демидов Никита Акинфиевич 154, 225, 235, 248, 249, 254, 261, 268—273, 278, 289, 291, 303, 304, 312, 323, 340, 350, 366, 367, 370, 371, 379—381, 383, 401, 420, 435, 443, 445, 451, 457, 472, 476, 478, 481, 484
Демидов Никита Никитич 85, 115, 142, 160, 167, 170—173, 184, 186, 187, 191, 192, 198, 207—210, 213, 218—220, 238, 241—245, 248, 249, 253, 254, 256, 259, 263, 267, 304, 337, 420, 449, 452, 472
Демидов Николай Никитич 256, 273, 274, 280, 337, 476, 478, 480, 484—486
Демидов Павел Григорьевич 267, 452
Демидов Петр Григорьевич 248, 249, 253, 256, 259, 263, 283, 394, 435, 452
Демидов Петр Евдокимович 253, 264
Демидов Прокофий Акинфиевич 229, 230, 234, 235, 238, 248, 259, 267, 268, 282, 295, 302, 322, 374, 376, 377, 435, 450, 452
Демидов Семен Евтифьевич 85
Демидовы 424, 427, 452, 453, 467
Депре Эрик, мастер 59, 61—63, 73, 88, 113
Деревнин Гаврила, подьячий 104, 106, 138, 139
Де Родес 97
Дивьер Антон, генерал 167
Дингли, купец 460, 461
Дмитриев А., историк 47
Дмитриев Григорий, сиделец 453
Дмитриев-Мамонов А., 387
Доброклонский М. 53
Добролюбов Н. А. 79
Довнар-Запольский М. В., историк 36
Докукин Ларион, подьячий 496
Дубровин Н. 387
Дурново Н. Д. 272, 476, 480
Дюзбери, купец 461

- Евсевьев Василий, приказчик 285, 286
 Евсеев Марк, кузнец 85
 Екатерина I 161, 164
 Екатерина II 161, 164, 168, 269, 374, 377, 382, 391, 436, 442
 Елагин С. И., историк 88
 Елизавета, императрица 168, 178, 179, 218, 223, 237, 245
 Елисеев Семен, мастер 335
 Емельянов Кузька, мастер 31
 Емельянов Стенька, мастер 31
 Ермаков Федор, крестьянин 384—386, 499
 Еропкин П. Д. 271, 501
- Жартов Роберт, мастер 128, 139**
 Жеребцова О. 274
 Жуков Яков, крестьянин 114
- Забелин И. Е., историк 275
 Завадовский П. В. 286
 Заозерская Е. И., историк 13, 183
 Здор Артемий, мастер 61
 Зерцалов А. Н., историк 272
 Зетилов Кирилл, купец 40
 Зетилов Ф., купец 41
 Зимин Иван, крестьянин 245
 Злотников М. Ф., историк 146
 Зотов Никита 59
 Зубков, пушкарь 104
 Зубов А. 191, 193, 194, 200
 Зубрилин А., приказчик 336
 Зубрилов Иван, крестьянин 343
 Зубриловы 283, 286, 287
 Зыков Сергей, приказчик 448, 450
 Зябловский Е. Ф. 9
- Иван Грозный 465**
 Иванов Вилим, мастер 31
 Иванов Гусей, мастер 31
 Иванов Иван, мастер 127
 Иванов Пашка, мастер 69
 Игнатъев И. А., стольник
 Иевлев Петр, крестьянин 288
 Избрант Елизар, заводчик 23, 24, 27, 70, 71
 Испунер Накт 270
- Казанцев Федор, мастер 165**
 Калитин Алексей, воевода 54, 112, 121, 125, 127, 134, 136, 138, 141, 146, 188
 Каменский В. 304
 Капустин Гр., канцелярист 174
 Карл II 52
 Карнович Е., историк 82
 Кауфман И. 232
 Кафенгауз Б. Б. 47, 85
 Кафтырев Д. 409
 Кашин В., историк 37
 Кашинцев Д., историк 12, 16, 24, 60, 62, 81, 190, 196, 246, 250, 256, 261, 295, 302, 371, 441
 Келли, купец 460, 461, 471, 484
 Кельдерман Т. 68
 Кеппен А. 9
 Кикин 425
 Кильбургер 39, 43
 Киприянов Семен 26, 68
 Кирилов И., обер-секретарь Сената 8, 14, 182, 183
- Клементьев Демид, см. Антуфьев Демид
 Клеопин Никифор 281, 282
 Ключевский В. О. 7, 10, 80, 432
 Козаков М., архитектор 288
 Козлов Козьма, воевода 54, 66, 73, 77, 94, 110, 116, 121
 Колмогор Богдашка, кузнец 49
 Колокольников Елизар 61
 Кононов Ипат, приказчик 284, 467—469, 471
 Копаев Савка, мастер 51
 Коровин Михайла, крестьянин 452
 Корсак А. 9
 Косов 164
 Костин Василий, крестьянин 499
 Коц Е. С. 287
 Кочин Микишка, крестьянин 51
 Кошкин Никита, купец 40
 Кошкины, купцы 39
 Крамаренков В., сенатский секретарь 14, 246, 251, 285
 Красильников Василий, приказчик 236, 452
 Крашенинников С. Ф., академик 214
 Кронгиорт 132
 Кротов Федор, крестьянин 383
 Крюков, крестьянин 381
 Ксенофонов Емельян, приказчик 103, 104, 106, 128, 144
 Кудрявцев, крестьянин 214
 Кудрявцев Н., воевода
 Кулишер И. М., историк 11
 Куракин Б. И., князь 52, 475, 476, 492
 Курбатов Алексей 102
 Курлов, сержант 388, 391
 Курц Б., историк 39
- Лавринов Ян, мастер 28**
 Лазаревы, заводчики 394
 Лаппо-Данилевский А. С., историк 53
 Левенфельд Христофор, приказчик 128
 Левицкий Иван, приказчик 344, 401, 414,
 Ленин В. И. 3, 7, 37, 86, 109, 145, 153, 218, 488, 489
 Леонтьев, мастер 236
 Лепехин И. И., академик 8, 15, 312
 Линзия Ян, мастер 130
 Ломоносов М. В. 8, 304
 Лоренц Михайло, мастер 65
 Львов Л. С. 490
 Львов С. 274
 Любавский М. К. 28
 Любименко И. И. 465
 Любимов Акинфий, приказчик 293
 Любомиров П. Г., историк 11, 12, 24, 35, 84, 186, 248, 262—264
 Лященко П. И., историк 13, 85
- Мавродин В. В., историк 27, 30, 77, 100**
 Макаров Алексей, кабинет-секретарь 169
 Макаров Степан 336
 Манту П., историк 270
 Марков Лукьян, приказчик 170
 Маркс К. 7, 27, 86, 109, 233, 234, 253, 295, 297, 369, 372, 489, 490
 Марселис Петр, заводчик 21—26, 28, 29, 31, 33, 34, 73, 97
 Мартенс 465
 Мартынов М. Н., историк 96, 190, 393
 Масленников, приказчик 414
 Масленников Як. Ив., купец 421

- Матвеев Евтифий, приказчик 281, 282, 283
 Махотин Григорий, приказчик 246, 295, 296, 299, 301, 302, 310, 312, 337, 371, 374, 490
 Машлегер Томас, купец 465
 Меллер Анна, заводчик 22
 Меллер Вахромей, заводчик 58, 60, 67, 69, 88, 97, 128, 432
 Меншиков А. Д. 52
 Мешков Яков, купец 461
 Микулаевых Василий, крестьянин 383
 Миллер Г., историограф 154, 191, 214
 Миллер Иоганн 56, 90, 93
 Милославский И. Д., боярин 23, 24, 31, 32, 38
 Милюков П. Н. 10, 80, 149, 259, 432
 Миних 168, 178, 428
 Михаил Федорович, царь 49
 Михайлов Данило 500
 Михайлов Иван, приказчик 380
 Михельсон, генерал 397
 Молодой Федор, заводчик 155
 Морозов Б. И., боярин 20, 21, 23, 24, 38, 275, 281, 292
 Морозов П. 334, 501
 Мосолов Исая, кузнец 84
 Мосолов Максим, кузнец 84
 Мосолов Т., заводчик 85, 236, 449
 Мураков Иван, приказчик 170
 Мусин-Пушкин, граф 280
- Нарышкин Л. К. 21—25, 28, 38, 54, 59, 61, 67, 73, 90, 93, 97, 124
 Насонов А. Н. 475
 Небольсин 406
 Нечаев М. 160
 Новоселов Леонтий, кузнец 51, 58
 Новосельский А. А., историк 275, 362
 Норберг, инженер 15, 333, 334
- О**бразцов С. 40
 Обухов, капитан 288
 Огарков В. 82
 Одди 466
 Озерецковский Н., академик 410
 Оксенов Д., мастер 113
 Олиц, полковник 244
 Олонцов Роман, мастер 375
 Олсуфьев А. В., сенатор 286
 Орехов Никита, кузнец 84
 Орлов Г., граф 286, 340, 487
 Осип Кирилов, крестьянин 245
 Осокины, заводчики 288, 449
 Остерман А., кабинет-министр 174
- Павел I** 273
 Павлов Гаврила, кузнец 69
 Павлов Петр, мастер 69, 72, 73, 75, 78, 104, 119
 Павлов-Сильванский Н. П., историк 117
 Павлов Петрушка, мастер 66
 Пажитнов К. А., историк 11, 13
 Паллас, академик 8, 15, 267, 300, 301, 303, 304, 312, 369
 Пальцев Семен, приказчик 170, 275
 Панкратов Анисим 499
 Панкурст Вилим, мастер 128, 139
 Пантелеев Никита, мастер 103
 Пахомов С., мастер 113, 115
- Перезолов, приказчик 414
 Переславцев, купец 236
 Песков Семен, крестьянин 344
 Петр I 34, 41, 44, 46, 50, 52, 56, 58, 59, 77, 79—82, 84, 88, 89, 91, 94, 96, 98, 102, 132, 158, 161, 162, 164, 163, 188, 216, 236, 259, 424, 425, 488, 495
 Петр III 376, 390
 Петров Козьма, воевода 99
 Петров Павел, мастер 106
 Петров С., мастер 66
 Петров Сенька, мастер 76
 Петров Степан, мастер 61
 Петцольд А. 50
 Печерский Тихон 146
 Пигелев Авдей, крестьянин 146
 Пиленок Михаил 72
 Пиленок Никифор, мастер 27, 70, 71, 79, 87, 115, 128, 130, 143
 Питерс, купец 464
 Пичета В. И., академик 4
 Плеханов Г. В. 11
 Плохой Т., кузнец 236
 Поздеев Михаил, конторщик 336, 501
 Покровский М. Н., историк 10, 259
 Полежаев Федор, крестьянин 385
 Ползунов И. И. 12
 Полуниин Никита 496
 Полуниин Ф. 402, 409, 410
 Попов М., приказчик 278, 380
 Попов Н. А., историк 9, 15, 164, 165, 174
 Портер, купец 287
 Посошков И. Т. 85, 97, 117
 Посошков Николай 85
 Потанин Афонасий 499
 Потемкин Г. А., князь 273, 480
 Потемкин П., ген. 394
 Походяшин, заводчик 272
 Предтеченский А. В., историк 13, 374
 Прескот, купец 471
 Протасьев Д. М., воевода 54, 55, 57, 58
 Пугачев Е. И. 387, 390, 391, 393—395, 397, 474
 Пудов Никита, крестьянин 383
 Пушкин А. С. 232
 Пятой Архипко, крестьянин 51
- Радищев А. 274, 409
 Разин Степан 288
 Разумовский, граф 269
 Резанов И. Г., обер-прокурор 285
 Резанов Семен, чиновник 130, 131, 135
 Рембрандт 53
 Ремизов Леонтий 125
 Ремизов Семен 125, 126
 Репнин, князь 243
 Рибопьер, купец 467
 Ригель, купец 272, 460, 461, 464, 465, 472
 Риттер, купец 460, 461, 471, 486
 Родес, см. Д. Родес
 Рожков В. 9, 16, 156, 164—166, 170, 174, 179
 Ромодановский Г., князь 241
 Ромодановский Ф. Ю., князь 52, 84, 142, 241
 Рослен, художник 269
 Рубенс, художник 269
 Рубинштейн Н. Л., историк 13
 Рюмин, заводчик 161
 Рябинин Андрей, купец 487

- Рябов И. 16
- Савельев Меркушка, мастер
- Садовников Григорий 94
- Сажин Иван, приказчик 450
- Салеутин, крестьянин 381
- Салманов Иван 65
- Салтыков, граф 455
- Салтыков Федор 116
- Самегин Павел, крестьянин 383
- Сахаров И. 37, 84
- Свешников Симка, плотник 69
- Селин Михаил, крестьянин 112
- Семевский В. И., историк 7, 9, 147, 374, 376, 377, 441
- Семенников Игнатий, выборный уездный поверенный 499
- Семенов П. 406, 409, 410
- Семиков Семен 501
- Сергеев, мастер 101
- Сергеевич В., историк 384
- Сердюков И. М. 235, 236
- Сивков К. В., историк 4, 269
- Сигов С., историк 12
- Синбирцев Максим, крестьянин 145
- Синявин Ульян 167
- Ситников Яков, крестьянин 335
- Скоробогатов Максим, крестьянин 145
- Скурихин В., подьячий 127
- Смирнов И. И., историк 27, 30, 77, 101
- Смышляев Д. 188
- Собакин, купец 450, 452
- Соймонов М. Ф., президент Берг-коллегии 284, 285, 440
- Соколовский И., историк 16, 154
- Сокольников, крестьянин 343
- Сокольников Алексей, приказчик 341
- Солнцев С. И., академик 352
- Соловьев С. М., историк 7, 52, 79, 175, 243, 362, 376
- Солымов Лука, крестьянин 354
- Спасский Г., историк 15, 241
- Сталин И. В. 7, 148, 149, 397
- Станкеев Иван, служилый человек 130, 131
- Станюкович В. 475
- Стельс, заводчик 97, 128
- Стержнев Г., подьячий 74
- Стрешнев, воевода 50
- Строганов А. С. 449, 452
- Строганова 484
- Строгановы 269, 274, 288
- Струмилин С. Г., академик 3, 12, 13, 33, 192, 250, 305, 311, 314, 317, 320, 371, 432
- Судерланд, купец 460, 461, 466, 467
- Сулим, маклер 470, 471
- Супонин Иван, приказчик 453
- Тарле Е. В., академик 10, 11
- Татишев В. Н. 9, 164—166, 172—175, 177, 188, 191, 193, 305, 310, 337
- Твердышев, заводчик 420, 449, 452
- Текутьев Иван 146
- Теплов Г. 247
- Томазий 53
- Томилов, президент Берг-коллегии 218, 223, 229, 230
- Томсен, купец 464
- Торнтон, купец 460, 461, 465—467, 471, 486
- Трегубов Степан, мастер 100, 103
- Туган-Барановский М. 10, 85
- Тумаков Аверкий, мастер 61, 76
- Тумашев Дмитрий, мастер 50
- Тумашевы 50
- Турчанинов, заводчик 272, 450
- Уатт Д. 270
- Удинцов 153
- Уравнов Иван, мастер 113
- Урвин Ларион, приказчик 288, 289, 345
- Урвины, крестьяне 283
- Фадеев Яков, мастер 61, 63, 66, 75, 87, 112
- Федоров Петр 102, 103
- Федоровых Никита, крестьянин 499
- Филиппов А., историк 385
- Фирсов Н. Н., историк 175, 461
- Флеровский (Берви В. В.) 9
- Флоровский А. В., историк 385, 386
- Фондершаф, купец 268, 469
- Фонвизин Д. И. 269
- Фонзантен, купец 464
- Форстер Эдуард, купец 465
- Харитонов Петр, мастер 103, 113
- Хатуверх Карлус, мастер 104
- Хотев Мирон 501
- Храповицкий А. В. 273, 476
- Хрущевы 96
- Чаадаев 54
- Черепанов Василий, казак 145
- Черкасов И., барон 219
- Черкасский А. М., князь 54, 174
- Черкасский П. М., князь 54
- Черкасский М. Я., князь 54, 64—68, 77, 78, 94, 104, 125, 126, 130, 131
- Чечулин Н. Д., историк 10, 11
- Чичерин Б. Н. 282
- Чулков М. 8, 14, 246—248, 251, 256
- Чумачев Я., крестьянин 354
- Чупин Н., историк 188, 387
- Шевкунов Фрол, крестьянин 146
- Шафиров П. П., барон, 82, 174
- Шаховской Я. П., князь 453
- Шемберг, барон 168, 175
- Шепелев М. А., воевода 167
- Шереметев Н. П., граф 132, 475, 476, 492
- Шерлаимов, приказчик 282, 283
- Ширяев Ефим, заводчик 249, 258
- Ширяев Сергей, заводчик 249, 258, 394
- Ширяевы, заводчики 258, 264
- Шишара Иван, крестьянин 343, 345
- Шишара Козьма, крестьянин 343
- Шишонко 15, 48, 82, 86, 123, 141, 145, 155, 156, 159, 162, 164
- Шталмеер Осип 371
- Шубин Григорий 135
- Шубин Иван 499
- Шубин 406
- Шубин Федот, скульптор 269, 273
- Шубинский С. Н., историк 267
- Шувалов П. И., граф. 260, 269

Шеголин, купец 424, 425, 445
Шекатов 403, 410
Щербатов Ф. князь 394

Энгельгард В. В. 487
Энгельс Ф. 7

Юнцен Матис, мастер 27
Юрлов Дмитрий, мастер 113
Юрлов Тимофей, мастер 113
Юсупов Н. Б., князь 475, 476, 492

Яковлев А. И., историк 292
Яковлев Ермола, мастер 61, 64—66, 113,
114

Яковлев Савва, заводчик 230, 248, 251,
252, 259, 262, 264, 268, 286, 295, 435,
437, 438, 441, 443, 444

Яковлев Сергей, крестьянин 346
Янвер Иван, мастер 59, 61, 63, 73, 88,
113

Яцунский В. К., историк 4

Beck L. 304, 456, 457
Gmelin I. 15, 214—216, 298, 312, 369
Heckscher. E. 97
Herman B. 15
Norberg. 15, 334
Oddy. 466
Stralenberg. P. 402

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ И ЗАВОДОВ

- Администрация демидовская 80, 111, 147, 278, 294, 306, 333, 345, 372, 376, 387, 391
 Адмиралтейство 210, 284, 289, 395, 401, 425—432, 434, 436—445, 447, 450, 451, 455, 468, 474, 482, 491
 Амбары, см. Цехи
 Аппарат управленческий 490
 Аппаратура медеплавильная 193
 Арсенал петербургский 428
 Артели крестьянские 295
 Артиллерия 104, 110, 121, 130, 131, 261, 425, 426, 428—432, 436—442, 445, 447, 455, 474
 Архивы 17, 18, 182, 196, 231, 255, 352, 337, 382, 387, 401, 424
 Асбест 166, 215

 Барщина, барская запашка 224, 241, 341, 342, 351
 Беглые крестьяне, см. Крестьяне беглые
 Берг-коллегия 14, 16, 18, 94, 154, 166—170, 175, 177—179, 182—188, 190, 193, 196, 198, 200, 203, 207, 208, 210—213, 246—248, 253, 255, 274, 282, 284, 339, 352, 353, 364, 394, 399, 421, 431, 433—435, 439—444, 458, 487
 Боярская дума 80
 Бургомистры 18
 Бурлаки 8, 288
 Бурмистры 291, 292, 294
 Бюджет демидовский 457—486, 492

 Варницы соляные 171, 234, 235
 Векселя 283, 288, 486
 Вертельни, сверлильные мастерские 26, 76, 78, 100, 101, 105, 110, 118, 119, 138
 Верфи корабельные 436
 Взятки 18, 284, 285, 478
 Водные пути 8, 58
 Война крестьянская, см. Восстание Пугачева
 Война русско-турецкая 247
 Война Северная 43, 44, 78, 424
 Войска повстанческие 390, 394
 Войска Пугачева 395
 Военные поставки, см. Поставки казенные, военные

 Волнения крестьян 148, 198—200, 241, 244, 245, 267, 293, 373, 374, 380, 382, 386, 491
 Волнения рабочих людей 18, 214, 292, 366, 373, 374, 376, 379
 Волости приписные 97
 Волостные крестьяне, см. Крестьяне крепостные
 Восстание башкирское 158, 355
 Восстание Пугачева 8, 336, 386—388, 391, 396, 439, 441, 444, 445, 491
 Вотчины демидовские 18, 96, 223, 225, 227, 229, 233—235, 237, 238, 241, 292, 294, 339—341, 345, 350, 352, 367, 372, 400, 423, 476, 489, 495
 Вотчины строгановские 118, 356
 Выжиг угля 118, 278, 341, 357, 370, 371

 Главное правление горных заводов 193, 280
 Горнорабочие 11, 251
 Государственные крестьяне, см. Крестьяне государственные
 Грамоты жалованные 18, 23, 97
 Грамоты отдельные 238

 Дворы крестьянские 124, 353
 Делопроизводство 275
 Денежная рента, см. Рента денежная
 Деревни демидовские 13, 46, 47, 123, 124, 214, 228, 237, 239, 356, 489, 490
 Десятина 198, 280, 283, 427, 485
 Десятские 292
 Детский труд 312, 314, 369
 Договоры 18, 30
 Домны 25, 26, 33, 34, 43, 44, 62, 64, 66, 68, 73—76, 79, 87, 88, 97, 100, 101, 106, 107, 110, 112, 115, 117, 128, 136, 138, 139, 159, 169, 123, 184, 191, 193, 194, 196—200, 208, 213, 215, 216, 219, 220, 247, 252, 254, 255, 257—259, 262—264, 270, 297, 300, 301, 303, 305, 315—318, 322—325, 333, 334, 357, 369, 370, 428, 440
 Железные караваны, см. Караваны железные

- Железо 8, 12, 14, 18, 26, 33—44, 49—52, 63, 66, 67, 71, 76—78, 83, 86, 87, 91, 102, 106, 109, 111—143, 148, 155, 156, 161, 166, 170, 185, 192, 193, 195, 200, 201, 208, 215, 229, 259, 270, 272, 276, 279, 281—289, 293, 298, 300, 304, 307, 316, 321, 322, 328, 331, 337, 338, 341—350, 371, 398, 401, 405, 410, 414, 416, 419, 421—432, 435, 439, 442—455, 458, 460, 471, 474, 477, 480—492
- Женский труд 314
- Жесть 41
- Забастовки 198, 373, 374
- Заваршики 32
- Завод Авзяно-Петровский Верхний 249, 251, 254, 256, 260
- Завод Авзяно-Петровский Нижний 249, 251, 254, 257, 260
- Завод Азяш-Уфимский 257, 260
- Завод Алапаевский 57, 127, 134, 136, 138, 140, 142, 145, 157, 165, 374
- Завод Алексинский 21, 25, 107, 158
- Завод Ашапский 186, 202, 205—207, 220, 239, 249, 253, 258, 260, 263, 399
- Завод Барнаульский 186, 207, 221, 260
- Завод Баташова (Тульский) 184
- Завод Билимбаевский 172, 387, 390, 394
- Завод Бисертский 249, 253, 260, 268, 394
- Завод Борина 24, 33
- Завод Бородниковский 23
- Завод Брезгинский 25
- Завод Брынский 186, 209, 242, 243, 249, 253, 260, 264
- Завод Буйский 187
- Завод Бымовский 127, 157, 186, 199, 202, 205—207, 220, 239, 249, 253, 258, 260, 262, 263, 399
- Завод Быньговский 178, 182, 183, 186, 187, 192, 201, 202, 215, 216, 219, 238, 249, 259, 268, 298, 300, 302, 375, 378, 489
- Завод Ведменский 23, 27, 30, 33, 107
- Завод Вепринский 23, 24, 31, 32, 73, 107, 358
- Завод Веглужский, см. Завод Фокин-ский
- Завод Висимо-Уткинский 17, 252, 253, 261, 262, 268, 274, 328, 335, 362, 479, 503, 504
- Завод Висимо-Шайтанский 17, 185, 201, 202, 219, 240, 249, 259—262, 328, 360, 366, 392, 394, 408, 479, 502, 503
- Завод Воронина 147, 358
- Завод Воронцова 374, 384
- Завод Воткинский 377, 378, 381
- Завод Выйский 17, 157, 186, 189, 190, 191, 192, 199—203, 215, 219, 227, 240, 249, 253, 258, 259, 261, 262, 309, 318, 327, 328, 366, 392, 479, 482, 502, 503
- Завод Выровский 186, 209, 242, 243, 249, 257, 260
- Завод Гороблагодатский 113, 200, 280, 321, 382, 384
- Завод Гурьева 374
- Завод Давыдовский 187, 249, 257, 260
- Завод Дугненский Верхний 167, 186, 187, 189, 190, 196, 197, 199, 209, 242, 243, 249, 251, 253, 256, 259, 264, 489
- Завод Дугненский Нижний 253, 260, 264
- Завод Екатеринбургский 156, 214, 310, 384
- Завод Елтинский 23, 73
- Завод Есенковский 249, 251, 252, 256, 260, 264
- Завод Звенигородский 358
- Завод Ивенский Верхний, см. Завод Нейвинский Верхний
- Завод Ижевский 377, 378, 381
- Завод Избранта 72, 100, 147
- Завод Исетский 69
- Завод Истенский 23, 67, 73, 78, 92
- Завод Кагинский 253, 254, 260, 263
- Завод Камбарский 249, 253, 259, 260, 262
- Завод Каменский 24, 26, 35, 49—55, 69—71, 75, 76, 78, 79, 100, 101, 103, 104, 112—115, 121, 123, 127—130, 133—135, 139, 142, 144, 146—148, 155, 165, 195, 384, 412
- Завод Каслинский 249, 253, 256, 259, 260, 263, 304
- Завод Кольвано-Воскресенский 158, 174, 177, 179, 186, 192, 199, 207, 214—216, 221, 222, 260, 381
- Завод Корельский 187, 202, 238, 249, 257, 260
- Завод Красноборский 50, 81
- Завод Кухтурский 257, 260
- Завод Кушвинский 374
- Завод Кыштымский Верхний 249, 252—254, 256, 260, 263
- Завод Кыштымский Нижний 252—254, 256, 260, 263
- Завод Лайский (Лайские) 17, 179, 180, 186, 201—203, 215, 240, 249, 252, 262, 280, 309, 318, 327, 336, 360, 479
- Завод Лайский Верхний 219, 253, 256, 260, 261, 328, 503
- Завод Лайский Нижний 219, 253, 256, 260, 261, 503
- Завод Липецкий 442
- Завод Людиновский 249, 253, 258, 260, 264
- Завод Молебский 253, 255, 258, 260, 262
- Завод Невьянский 15, 18, 20, 26, 43, 45, 46, 48, 51—55, 60—69, 72, 73, 75—78, 86—90, 91, 93—117, 120—142, 144, 146, 148, 149, 153—168, 180—195, 200—207, 210—215, 219, 224, 229, 230, 232, 238, 246, 248, 249, 251, 252, 256, 257, 259, 262, 268, 274, 282, 295—303, 310—312, 317, 340, 353—380, 387, 388—390, 412, 422, 425, 431, 489
- Завод Нейвинский Верхний 229, 249, 256, 260, 268, 300, 301, 302
- Завод Нижнетагильский 15, 16, 58, 67, 176, 180, 183, 186, 189, 191—194, 200—203, 210—213, 216, 219, 240—246, 249, 251—253, 256, 257, 260—264, 278, 280, 303, 305—320, 323—325, 327, 328, 330, 333—337, 340, 354, 359, 360—372, 381—386, 388, 393, 405, 421, 422, 437, 438, 478, 481, 482, 501, 502, 503, 504
- Завод Ницинский 24, 50, 81
- Завод Обушковский 23, 25
- Завод Павловский 23—26, 33, 60—62, 68, 112, 113, 358

- Завод Полевской 384
 Завод Поротовский 23, 25, 27, 28, 32, 84, 358
 Завод Пыскорский 24, 50
 Завод Ревдинский 169, 171, 172, 183, 186, 191, 192, 194, 196, 198, 200—203, 213, 219, 239, 249, 251, 253, 256, 260, 263, 382, 383, 394
 Завод Режевский 391
 Завод Рождественский 187, 202, 213, 214, 220, 239, 249, 253, 260, 263, 399, 402, 431
 Завод Салдинский Верхний 247, 253, 254, 256, 260, 261, 268, 324, 325, 328, 336, 337, 344, 345, 383, 391, 392, 393, 478 502, 503, 504
 Завод Салдинский Нижний 249, 253, 260, 261, 268, 323, 324, 328, 334, 489, 502, 503, 504
 Завод Сергинский Верхний 186, 208, 249, 251, 260, 264
 Завод Сергинский Нижний 186, 196, 198, 208, 209, 249, 251—260, 264, 394
 Завод Соломенский 23, 59, 61, 67, 73, 358
 Завод Сорокинский 358
 Завод Старогородищенский 167, 187, 189, 257, 259, 489
 Завод Суксунский 157, 186, 192, 202, 204—206, 216, 220, 239, 253, 258, 260, 262, 263, 340, 399
 Завод Сылвенский 374
 Завод Тагильский Верхний 176, 182, 186, 189, 190—194, 200—203, 215, 216, 219, 238, 249, 256, 260, 300, 302
 Завод Ташинский 182
 Завод Тисовский 187, 239, 253, 260, 262, 268
 Завод Тулицкий Верхний 23, 24, 33
 Завод Тулицкий Нижний 23
 Завод Угодский 23—25, 28, 32, 33, 60, 66, 67, 69, 92
 Завод Узянский 252—254, 256, 260, 264
 Завод Уктусский 140, 142, 143, 156
 Завод Уткинский 183, 186, 191—194, 196, 198, 200—203, 219, 239, 251—253, 256, 260, 262, 263, 382, 383, 387—390, 392—394
 Завод Узяш-Уфимский, см. Завод Азяш-Уфимский
 Завод Федьковский, см. Завод Невьянский
 Завод Фокинский 187, 207, 214—249, 260, 261
 Завод Ченцовский 23, 27, 30, 32
 Завод Черноисточинский 17, 186, 192, 201—203, 215, 219, 240, 249, 253, 260—262, 274, 318, 324, 328, 360, 366, 383, 392, 479, 502, 503
 Завод Чугунский Верхний 187, 202, 226, 238, 241, 243, 249, 257, 260, 343, 399, 400, 431, 452
 Завод Чугунский Нижний 187, 202, 238, 249, 257
 Завод Шайтанский Верхний 172, 186, 191, 192, 196, 198, 201—203, 208, 209, 213, 214, 219, 238, 249, 252, 258, 260, 264, 300, 302, 376, 387, 388, 389, 390, 394
 Завод Шайтанский Нижний 249, 252, 260, 264, 264
 Завод Шаквинский 186, 202, 204—207, 220, 239, 260, 249, 263
 Завод Шапошникова 184
 Завод Шульбинский 186, 207, 221, 222, 260, 400
 Завод Шуралинский 186, 187, 201, 202, 215, 216, 219, 238, 249, 259, 262, 299, 300, 302, 353, 355, 489
 Завод Ягошихинский 207, 229, 240, 290, 408
 Заводские крестьяне, см. Крестьяне заводские
 Заводчики 43, 97, 98, 184, 264, 434, 440, 444, 445, 449, 460, 491
 Заводы 81, 98, 106, 116, 125, 126, 195, 199, 200, 214, 264, 301, 486
 Заводы Алтайские 168, 174, 179, 186, 219, 221—223, 241, 257
 Заводы казенные 51, 94, 174, 182, 185, 195, 199—201, 204, 213, 257, 261, 365, 384, 424, 425, 440, 442, 443, 445
 Заводы кирпичные 106
 Заводы кожевенные 216, 219, 220, 229, 238, 260, 299
 Заводы красочные 184
 Заводы Марселиса 107
 Заводы Меллера 88, 147, 184
 Заводы Мосолова 184
 Заводы Нарышкина 62, 107, 147, 184, 358
 Заводы Рюмина 184
 Заводы серебряные 184
 Заводы серные 184
 Заводы Строгановых 184
 Заводы томские 282
 Заводы тульские 20, 21, 25, 33, 35, 43, 50, 51, 60, 77, 79, 84, 87—90, 92, 95, 96, 100, 104, 107, 111, 112, 128, 129, 133, 147, 149, 158, 161, 182, 186—190, 196, 197, 199, 202, 203, 207—209, 213, 216, 219, 224, 225, 238, 239, 241, 249, 257, 259, 340, 401, 428, 489, 496
 Заводы Турчанинова 374, 384
 Заводы частные 182—185, 200, 213, 255, 261, 365, 384
 Заводы чугунолитейные 48, 186
 Заводы Ягужинского 374
 Заводы Яковлева 384
 Заготовка дров 29, 278, 322, 331
 «Заморский отпуск» 468
 Заработная плата 11, 30, 32, 57, 58, 60, 61, 87, 88, 90, 108, 110, 112, 116, 117, 120, 128, 144, 155, 173, 318, 354, 374, 377, 381, 442
 Земли башкирские 223
 Золото 174, 179, 222, 232, 257, 384
 Имущество демидовское 219
 Интеллигенция крепостная 283
 Казаки 32
 Казенные заводы, см. Заводы казенные
 Казенные крестьяне, см. Крестьяне казенные
 Казенные поставки, см. Поставки казенные, военные

- Казна государственная 109, 443, 445
 Казна демидовская 278, 280
 Канатное дело 307
 Канцелярии губернские 284, 486
 Канцелярии уездные 486
 Канцелярия мундирная 424
 Канцелярия оружейная 433, 435, 440, 441
 Капитализм торговый 10, 81
 Караваны железные 131, 225, 228, 230, 277—288, 290, 293, 328, 331, 335, 339—341, 345, 348—350, 357, 372, 395, 400, 402, 403, 409, 414, 416, 418, 419, 421, 423, 431, 437, 446—448, 450, 452, 457, 458, 463, 467, 472, 473, 478, 479, 481, 483, 485, 486, 490, 491
 Карательные отряды 387
 Кассы караванные 414
 Кирпичные заводы, см. Заводы кирпичные
 Классовая дифференциация 83, 488
 Книги караванные 18
 Книги писцовые 34, 37
 Кожевенные заводы, см. Заводы кожевенные
 Колонизация крестьянская 46, 47
 Комиссия законодательная 7, 384—386
 Коммерц-коллегия 465
 Конкуренция торговая 97, 98
 Контора гофинтендантская 431
 Конторы 419, 423, 427, 449, 478, 492
 Конторы демидовские 8, 18, 103, 196, 213, 271—279, 281—285, 287, 290, 292, 294, 305, 306, 309, 312, 316, 320, 322, 324, 328, 338, 341, 343, 344, 346, 348, 349, 360, 369, 374, 379—395, 401, 414, 418, 419, 423, 436, 438, 447—469, 476—483, 485—487, 490, 492
 Конторщики 276, 278, 282, 283, 357, 392
 Контракты торговые 464, 470
 Корабли военные 428
 Кремль 272
 Крепостные крестьяне, см. Крестьяне крепостные
 Крестьяне 32, 45, 94—96, 97, 107, 109, 111, 117—132, 141, 143, 145, 146, 156, 167, 173, 176, 180, 203, 205, 213, 217, 225, 228, 237, 238, 242—244, 245, 273, 280, 285, 291, 310, 341, 357, 359, 362, 364, 365, 374, 377, 381, 387, 487, 499
 Крестьяне «вечно-отданные» 180, 217, 364, 365, 491
 Крестьяне государственные 90, 109, 175, 180, 207, 251, 339, 359, 382
 Крестьяне дворцовые 243, 359, 361, 364, 366
 Крестьяне заводские 29, 30, 292, 441, 491
 Крестьяне казенные 8, 255
 Крестьяне крепостные 8, 32, 44, 70, 89, 90, 95, 166, 175, 180, 204, 205, 214, 228, 234, 241, 251, 257, 262, 281, 289, 339, 340, 349, 351, 355—359, 361—367, 371, 373, 379, 402, 412, 416, 423, 453, 476, 489, 491
 Крестьяне монастырские 8, 35, 47, 51, 70, 71, 123, 125, 129, 137, 175, 180, 356, 357, 359, 364
 Крестьяне приписные 8, 9, 18, 29, 30, 32, 44, 48, 89, 95, 121, 122, 124, 138, 139, 141, 144, 146, 148, 154, 165, 185, 198, 204—208, 214, 228, 234, 238, 251, 255, 262, 263, 279, 302, 308, 367, 369—372, 378—386, 440, 442—445, 489, 490, 491
 Крестьянские волнения, см. Волнения крестьян
 Крестьянские повинности, см. Повинности крестьян
 Кузнецы 82, 85, 102, 103, 106, 108, 110, 114, 123, 126, 129, 130, 138, 147, 283, 308, 358, 449, 452, 489
 Кузницы 28, 29, 32, 34—38, 49, 50, 51, 61, 64, 65, 67, 74, 79, 81, 82, 121, 127, 220, 222
 Купечество 39, 85, 97, 454, 460
 Ландратская перепись 353
 Леса 29, 48, 79, 90, 95, 107, 118, 121, 134, 136, 141, 163, 168, 169, 175, 180, 185, 203, 209, 226, 230, 264, 268, 278, 286, 307
 Лесопильни 295
 Магистраты 80
 Манифест 1779 г. 397, 440—445, 491
 Манифесты Пугачева 387, 389, 390, 391
 Мануфактуры 9, 11—14, 20, 26, 27, 34, 35, 38, 43, 70, 71, 78—81, 84, 103, 105, 109, 124, 138, 140, 144, 145, 149, 153, 181, 241, 243, 254, 294, 297, 298, 307, 337, 339, 350, 352, 368—374, 394, 424, 425, 445, 486, 490, 492
 Мануфактур-коллегия 237, 253
 Мастера 27, 31—35, 48, 51, 55, 61, 62, 63, 65—79, 85—90, 91, 100—107, 109, 110, 116, 120, 123, 126, 129, 134, 139, 140, 141, 147, 155, 174, 200, 241, 307, 308, 311, 314, 318, 333, 335, 336, 357, 359, 362, 363, 368—371, 488, 489
 Мастерские молотовые 31, 73, 76, 88, 105—107, 110, 111, 115, 118, 119, 138, 141, 159, 168, 169, 183, 187, 198—200, 215, 216, 219, 220, 248, 297—304, 316, 317, 325, 357, 369, 370, 392
 Материалы строительные 221
 Медь 12, 39—43, 98, 121, 135, 155, 158, 170, 176, 177, 189, 192, 205, 206, 211, 215, 216, 221, 247, 249, 255—263, 270, 296, 299, 369, 427
 Мельницы 46, 71, 96, 225, 297, 299, 303, 304
 Меркантилизм 80, 81
 Металлопромышленность 20, 256, 271, 295, 321, 424
 Металлургия 8, 14, 29, 32, 33, 78, 81, 160, 246, 261, 372, 424, 456, 486, 492
 Металлы благородные 168
 Мирское самоуправление, мир, мирская изба 292, 375, 384
 Монастыри 47—48, 79
 Монастырские крестьяне, см. Крестьяне монастырские
 Монетное дело 206, 257
 Наказы крестьян 384, 385
 Наместничество Пермское 254
 Наместничество Уфимское 254
 Наследство демидовское 341
 Оброк крестьянский 224—227, 241, 242, 289, 291, 341, 345, 364, 424, 477

- Округа военные 80
 Олово 41, 221
 Опекa правительственная 489
 Оплата труда 32, 88
 Оружейники 36, 70, 83, 85, 88, 98, 103, 114, 127—129, 135, 355, 358
 Отчетность конторская 335, 338, 367
- Палата оружейная** 84, 87, 102, 103
 Первоначальное накопление 81, 109, 243, 352, 492
 Перепись мастеровых 376
 Печи сыродутные 50
 Плавильное дело 31, 255
 Плотины 26, 29, 43, 46, 50, 56, 57, 61, 62, 66, 68, 72, 73, 75, 77, 89, 105—107, 113, 114, 136—139, 141, 179, 180, 196, 198, 199, 208, 215, 220, 252, 262—264, 296, 298, 299, 304, 314, 316, 320, 337, 490
 Повинности крестьян 29, 90, 95, 123, 175, 178, 180, 223, 292, 341, 342, 346, 348, 349, 351, 376
 Повытья 276, 277, 278, 281
 Подати 120, 177, 242, 280, 342
 Подмастерья 27, 32, 61—63, 69, 73, 74, 76, 78, 107, 109, 112, 113, 127, 147, 174, 277, 289, 314, 318, 319, 335, 353, 357, 358, 362, 368, 370, 451
 Поставки казенные, военные 8, 18, 22, 29, 33, 34, 38, 84, 90, 92, 96, 97, 126, 138, 154, 162, 168, 170, 177, 181, 235, 275, 283, 288, 289, 395, 400, 424—429, 431, 433—447, 452, 473, 476, 489, 491
 Постой войск 170, 445
 Привилегии Демидовых 44, 89, 90, 93, 94, 96, 97, 148, 155, 162, 170, 171, 180, 181, 188, 216, 445
 Привилегии заводчиков 38, 445
 Приказчики 18, 46, 66, 104—114, 118, 143, 170—185, 193, 207, 210, 212, 215, 229, 238, 240, 268—286, 294, 295, 304, 305, 309, 320, 322, 335, 338, 341, 345, 351, 368, 374, 376, 380, 382, 388, 393, 395, 398, 401, 403, 408, 414, 419, 421, 422, 427, 438, 447, 455, 460, 464, 466, 468, 472, 478, 484, 490
 Приписные крестьяне, см. Крестьяне приписные
 Приписные села, см. Села приписные
 Производительность труда 116, 314, 320
 Промыслы крестьянские 12, 34, 50, 80, 81, 149
 Промыслы кустарные 51, 147
 Промыслы соляные 187, 238, 241
 Промышленность 9—13, 133, 148, 241, 249, 251, 339, 350, 370, 424, 439, 445, 474, 488, 489
 Промышленность горная 16, 182, 490
 Промышленность мелкая 370
 Промышленность стекольная 295
 Прошения крестьянские 290
 Пушкарки 36
 Пушкарский приказ 69, 104, 495, 496
 Пушки 33, 78, 87—89, 92, 93, 98—101, 104, 105, 107, 111—113, 115—117, 119, 120, 122—125, 129, 130—137, 142, 148, 155, 159, 195, 219, 222, 424, 425, 428—430
- Работные люди** 204, 241, 357, 403, 419
 Работы строительные 109
 Рабочая сила, рабочие 8—11, 29—32, 38, 43, 44, 51, 69, 74—83, 86, 104, 107, 112—120, 122, 126, 131, 139, 141, 147, 149, 166, 173, 180, 185, 193, 203, 207, 213—219, 225, 230, 252, 257, 279, 281, 292, 294, 302, 306, 308, 314—322, 324, 329, 333, 338—340, 342, 345, 350, 352, 354—362, 366—374, 376, 378, 382, 386, 387, 391—395, 402, 423, 490, 491
 Разведчики в пугачевском восстании 388
 Разделение труда 8, 43, 70, 71, 216, 252, 369, 370
 Рапорты 323, 324, 327—329, 331, 333—335, 338, 454, 501
 Рекруты 83, 473
 Ремесла 34, 38, 80, 81, 84, 105, 147, 149, 320, 373, 486, 488
 Рента денежная 226, 322
 Рента феодальная 341
 Рудник Высокогорский 312—314, 317
 Рудник Поперечный 193, 297, 312
 Рудники 29, 30, 79, 164, 172, 193, 206, 214, 221, 222, 254, 255, 259, 263, 264, 270, 276, 296, 297, 302, 312, 314
 Рудокопы 30
 Руды 22, 34, 35, 49—51, 55, 56, 58, 65, 68, 75, 77, 79, 86, 89, 90, 93, 99, 106—116, 118, 121, 127, 140, 147, 163, 169, 172, 174, 179, 184, 192, 193, 214, 215, 221, 230, 302, 307, 312, 314—318, 322, 327, 333, 369, 496
 Рынок внешний 445
 Рынок внутренний 33, 264, 424, 445—448, 451, 473, 474
- Самоуправление крестьянское 292
 Сбыт железа 461, 490
 Свинец 39, 41, 221
 Селитра 120
 Сельское хозяйство 339, 350, 363, 478
 Сенат 80, 177—179, 182, 185, 235, 237, 244, 245, 284, 286, 343, 352, 364, 374, 379, 382, 421, 435, 440, 441, 443, 444, 467
 Серебро 127, 174, 177, 179, 232, 270
 Сибирский приказ 36, 41—43, 54, 55, 57, 59—61, 64, 69—73, 77, 78, 87, 90, 91, 93—96, 98—101, 104, 131—138, 140, 142, 144, 146, 154, 155, 180
 Скупщики 34, 37
 Слесарное дело 319
 Смотрители 276
 Собрания рабочих 381
 Содержание заводов 479, 482, 484—486
 Содержание контор 483
 Сталь 39, 41, 88, 98, 114, 115, 117, 120, 121, 142, 143, 249, 261, 270, 323
 Старообрядцы 177, 360
 Старосты 18, 84, 291, 292, 311, 341, 342, 343
 Статистика промышленная 183, 322, 323, 333, 338
 Стрельцы 32
 Стряпчие 277, 278
 Суконный двор 424
- Таможенные пошлины 161, 171, 174, 180

- Таможни 40, 42
Транспорт 7, 109, 213, 221, 275, 339
Транспорт водный 225, 417, 424
Транспортные издержки, расходы 185, 211, 314, 416, 421, 422, 423, 477, 491
- Уголь 62, 279, 307, 317, 322, 323, 324, 328, 331
Указы петровские 435
Указы сенатские 364, 365
Управление вотчинное 291
Уставщики 276
Учителя 276, 277
- Фабрики «дошчатые» 296
Фабрики меховые 296
Фабрики полотняные 220
Фабрики столярные 296, 298
Феодальная рента, см. Рента феодальная
Финансовое хозяйство 276, 278, 281, 288
Флот 261, 428, 436, 439, 474
Флотилия Днепровская 436, 438, 439, 443
- Цветные металлы 38
Цены казенные 438, 445
Цены на железо 40, 42, 185, 288, 433, 434, 440, 450
Цены на хлеб 40, 335
Цены по поставкам 431—434, 472
Цены рыночные 441, 451
- Цеха («фабрики») 26, 27, 28, 43, 106, 193, 200, 214, 251, 258, 297, 370
- Чугун 12, 14, 26, 34, 44, 76, 77, 107, 112, 113, 116, 117, 120, 124, 129, 135, 136, 139, 166—169, 183—185, 189, 190, 198, 200, 209, 211, 225, 246—255, 258, 259, 262, 264, 268, 270, 278—280, 286, 297—300, 303—307, 314, 319, 320, 323, 324, 331—370, 399, 400, 456, 486, 502
Чугунолитейные заводы, см. Заводы чугунолитейные
Чумный бунт 271, 272, 500
- Шихтмейстеры 173, 445
Школы 276
- Экспедиция Беринга 427
Экспедиция Донская 436, 438, 443
Эксплоатация крестьян 94, 241, 478
Эксплоатация рабочих 109, 322, 335, 373
Экспорт 18, 185, 200, 210, 276, 283, 290, 304, 424, 425, 447, 453, 456, 457, 458, 460, 461, 465, 472, 490, 491
- Юрисдикция вотчинная 122, 180, 279, 294, 335
Юстиц-коллегия 236
- Ямской приказ 112
Ярмарка Макарьевская 70, 211, 357, 399, 400, 403, 423, 446

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

- Аверкиевское с. 498
 Агапитиха д., Унженск. у. 458
 Азов 55, 103
 Алабино с. 351.
 Алапаиха р. 35, 58.
 Алей р. 168.
 Алексеевское с. Казанск. у. 498.
 Алексеиха поч. Царевосанчурск. у. 497
 Алексин г. 446
 Алексинский у. 23, 25, 34, 107, 186, 187, 258
 Алтай 220, 250
 Америка 276, 471—472
 Амстердам 268, 469, 471
 Ананьина д. 498
 Англия 253, 269, 270, 456, 457, 465—467, 470, 471, 489, 491, 500
 Андреянова д., Унженск. у. 498
 Аникин поч., Царево-санчурск. у. 497
 Антипина д. 498
 Антониха д., Унженск. у. 498
 Антонова д., Царево-санчурск. у. 497
 Арамашевская слоб. 75, 108, 109, 354, 380
 Арамилевская слоб. 35, 45—47, 63, 112, 114, 140, 159
 Арзамас г. 171
 Арзамасская вотчина 224, 341, 367
 Арзамасский у. 223, 241, 291, 340
 Аристов поч. 498
 Архангелогородская губ. 223, 461
 Архангельск г., порт 33, 39, 61, 140, 178, 210, 427, 428, 430, 438, 440—443, 447, 450, 451, 457, 461
 Архангельский у. 356, 361
 Архангельское с., Казанск. у. 498
 Астрахань г. 33, 91, 93, 159, 210, 429
 Ашап д. 417
 Ашап р. 223
 Аятская слоб. 45, 51, 58, 63, 108, 118—121, 123, 137, 145, 204, 239, 354, 382, 383

 Бабушкин поч., Царевосанчурск. у. 497
 Багарятская слоб. 35, 114, 159
 Балахнинский у. 360—362
 Балтийское море 405, 464, 466
 Барминская вол. 339
 Барнаул г. 214
 Барнаулка р. 207
 Басутино с. 409
 Басутинская пристань 409
 Башкирия 125, 387
 Белавка 225
 Белая р. 23, 25, 207, 264
 Белев г. 159, 399, 437
 Белое море 35
 Беловский поч., Унженск. у. 498
 Белозериха, д., Нижегородск. у. 497
 Белозерский у. 356
 Белоомут с. 135
 Белослудская слоб. 108
 Белоярская слоб. 108, 391
 Белый колодец р. 24
 Беляевское с. 417
 Березовка д. 223
 Бешка р. 496
 Билимбаиха р. 172
 Бисертская вол. 203
 Бисерть р. 263
 Богородское, Ихта, с. Царевосанчурск. у. 497, 498
 Богоявленский монастырь 35, 47, 48, 51, 123
 Богоявленское с., Казанск. у. 124, 495, 499
 Богульская д. 240
 Борисово д., Унженск. у. 498
 Боркина д., Царевосанчурск. у. 497
 Боровая д., Унженск. у. 498
 Боровской у. 23
 Бочкариха д., Унженск. у. 498
 Бродовая д. 383
 Бронницы с. 143
 Брынь р. 186
 Брянск г. 35, 430
 Буй р. 187
 Букин поч., Царевосанчурск. у. 497
 Булдакова д., Унженск. у. 498
 Булдыгина ф., Царевосанчурск. у. 498
 Буров поч., Царевосанчурск. у. 495
 Быма р. 155, 183
 Бынга р. 299
 Бьрма р. 155

 Вага, р. 24, 136, 200
 Важский у. 356
 Валиха д., Унженск. у. 498
 Варганы с., Нижегород. у. 341, 497
 Вардушина д., Царевосанчурск. у. 497
 Варипаева д. 498

- Василь г. 225
 Васильсурск г. 408
 Великий Устюг г. 225
 Великое с. 34
 Венинская г. 168
 Вепрея р. 23
 Верейский у. 23, 28
 Веригина с. 498
 Верхний Услон 407, 408
 Верховино д., Унженск. у. 498
 Верхопольская д. 498
 Верхотурский у. 46—51, 56, 74, 78, 90, 93, 118, 125, 130, 138, 203, 356, 361, 382
 Верхотурье г. 46, 47, 49, 54, 55, 57, 65, 66, 69, 72—75, 77, 90, 94, 99, 101, 103, 110, 112, 113, 125, 129, 130, 140, 141, 143, 146, 147, 171, 354
 Ветлуга р. 225
 Ветлужская вотчина 166, 169, 341, 344
 Ветлужский у. 356
 Висимо-Уткинская пристань 328
 Висимо-Шайтанская пристань 418
 Воздвиженское с. 225
 Волга р. 45, 46, 95, 120, 136, 159, 163, 166, 169, 178, 207, 225, 228, 249, 288, 340, 343, 345, 395, 398—400, 402, 403, 407, 412, 419, 420, 448, 452, 459, 491
 Вологда г. 28, 35, 46, 356
 Вологодский у. 356, 361
 Волхов р. 410, 412
 Волчья гора 112, 166, 171
 Вора р. 23, 71
 Воронеж г. 52, 88
 Воронеж р. 24, 30, 41
 Воронежская губ. 223
 Воронежский у. 356
 Ворохова д., Царевосанчурск. у. 497
 Воскресенские горы, 214
 Воскресенский монастырь 447
 Вшивков поч., Унженск. у. 498
 Выпадовка д. 498
 Выполаева д., Царевосанчурск. у.
 Вырка р. 186
 Высокая гора 193, 262, 263, 297, 312, 314
 Высокая д., Унженск. у. 498
 Высокое с. 498
 Вытороповское с. 408
 Вышгородская волость 28
 Вышневолоцкий канал 235, 403, 407, 409, 411
 Вышний Волочок г. 403, 404, 408, 409, 410, 412, 419, 420
 Вяя р. 51, 58, 60, 165
 Въезжая д., Царевосанчурск. у. 497
 Вятка г. 225
 Вятка р. 407, 416
 Вятский у. 356, 361
 Галашка Большая д. 240, 388, 389
 Галашка Малая д. 240
 Галицкий у. 166, 169, 223, 235, 341, 356
 Галич г. 34, 225
 Гарцы д., Унженск. у. 498
 Германия 269, 304
 Горки д., Унженск. у. 498
 Гжатская пристань 264
 Глазуниха д., Унженск. у. 498
 Глинская слобода 391
 Глухов г. 35
 Голендухина д., Царевосанчурск. у. 497
 Голландия 269, 467, 469, 471
 Голодянка д., Царевосанчурск. у. 497
 Голутвин монастырь 229, 288
 Горбуновка д. 498
 Гусева д., Царевосанчурск. у. 497
 Городенская пристань 422
 Городок д. 419, 422
 Гремячее с. 498
 Гродно г. 52
 Гусева д., Царевосанчурск. у. 497
 Гусиха д., Казанск. у. 499
 Далматов монастырь 24, 34, 46, 48, 49, 50, 64, 79, 123, 387
 Дедиловский у. 21, 30, 223, 224, 225
 Демидовка д., Симбирск. у. 499
 Денисова д., Царевосанчурск. у. 497
 Десна р. 264
 Дон р. 33, 362
 Донской монастырь 271
 Дорофеев поч., Царевосанчурск. у. 497
 Дружинина д., Царевосанчурск. у. 497
 Дубенская пристань на р. Дубне 18, 287, 288, 290, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 372, 404, 452, 460, 473, 477, 479
 Дубна р. 288, 340, 346, 348, 349, 398, 405, 460
 Дугна р. 23, 158, 249
 Дуплиха д. 498
 Дурандин поч., Царевосанчурск. у. 497
 Дурова д., Царевосанчурск. у. 497
 Екатеринбург г. 46, 172, 185, 193, 206, 207, 214, 229, 241, 259, 276—280, 306, 374, 376, 377, 380, 382—386, 388—390, 393, 486, 487
 Елабуга г. 131, 402
 Елец г. 30, 35
 Елецкий у. 223, 224
 Ермолин поч. 498
 Ерыкалиха д., Унженск. у. 498
 Ескина д. 498
 Железянка р. 24, 48
 Заболтье д., Унженск. у. 498
 Заболтиха д., Унженск. у. 498
 Задворная д., Унженск. у. 498
 Займище д., Царевосанчурск. у. 497
 Замешаиха д., Унженск. у. 498
 Заозерская д., Царевосанчурск. у. 498
 Звенигородский у. 23, 68, 112
 Зверево д. 351
 Згудалова д., Унженск. у. 498
 Зиновка д., Романовск. у. 498
 Злобина слоб., Нижегородск. у. 497
 Зубцовка д. 498
 Ивакина д., Унженск. у. 498
 Ивашевская д., Унженск. у. 498
 Измайлово с. 33
 Ильинская слоб. 391
 Ильинский острог 207
 Ильинское с. 350, 351
 Ильмень-озеро 404
 Ингрия 132
 Ирбитская слоб. 46, 65, 108, 171
 Иртыш р. 175
 Исакова д. 498

- Исеть р. 46, 48, 115
 Истра р. 23, 25
 Истья р. 23
 Италия 269
 Ицкое Устье с. 236
 Ишимский у. 169
- Ж**абана р. 410
 Казанка р. 452
 Казанская вотчина 340
 Казанская губ. 223, 235, 340, 341, 402
 Казанский у. 46, 184, 188, 219, 223, 224, 356, 360
 Казань 18, 46, 58, 101, 131, 143, 161, 163, 169, 171, 210, 212, 229, 235, 238, 240, 241, 268, 287, 290, 344, 352, 396, 398, 399, 400, 402, 407, 414, 416, 420, 421—423, 429—431, 435, 444, 452, 459, 477, 483
 Кайгородок 46
 Кайгородский у. 356
 Калпачиха д., Унженск. у. 498
 Калуга г. 34, 39, 186, 241—244, 439
 Калужская губ. 249, 264, 267
 Калужский у. 249, 258
 Калязинская вотчина см. Кашинская вотчина
 Калязинский у. 274
 Кама р. 45, 95, 120, 126, 131, 136, 210, 213, 223, 225, 228, 236, 262, 263, 268, 398, 399, 402, 403, 417—419, 491
 Камбарка р. 262, 268
 Каменка Сухая д. 498
 Каменка р. 48, 64
 Каменная д., Царевосанчурск. у. 497
 Каменская слоб. 64, 114, 159
 Камышловская слоб. 108, 114
 Камчатка 214
 Канский у. 356
 Карасиха Большая д., Унженского у. 498
 Каргопольский у. 356
 Карельский р-н 35
 Касимов г. 46, 131
 Кашин г. 244
 Кашинская вотчина 288, 292, 341—343, 345, 346, 349, 350, 367, 453
 Кашира г. 73
 Каширский у. 23, 107
 Кеврольский у. 356
 Керенская вол. 360, 361
 Керженец г. 360, 366
 Киев г. 33, 35, 159
 Кижский погост 22, 29
 Кизляр г. 163
 Кинешма г. 34, 408
 Кистенка пустошь 96
 Китай 275
 Княжево д., Унженск. у. 498
 Кобаки д. 57
 Кобылина д., Царевосанчурск. у. 497
 Кожухово с. 142, 143
 Козина д., Царевосанчурск. у. 497
 Козьмодемьянск г. 46, 131
 Козьмодемьянский у. 223
 Коломенский у. 229
 Коломенское с. 33, 65, 159
 Коломна г. 130, 131, 142, 159, 288, 399
 Колотов поч., Царевосанчурск. у. 497
 Колубордея д., Казанск. у. 499
 Колчеданский острог 35, 48
- Колчеданская слоб. 114
 Колывань с. 215
 Кондакова д., Царевосанчурск. у. 497
 Копня д., Унженского у. 498
 Копорский р-н 35
 Копорье г. 132
 Копотки с. 143
 Корелина д., Царевосанчурск. у. 497
 Корелка р. 225
 Коркотина д., Унженск. у. 498
 Кортосеневские засеки 496
 Корюшина д., Унженск. у. 498
 Костин поч., Царевосанчурск. у. 497
 Кострома г. 34, 229, 240, 289, 399, 407, 408
 Костромской у. 34, 356, 360
 Котлова д. 498
 Которосля р. 34
 Кочекуроода д. 498
 Кочючева д., Царевосанчурск. у. 498
 Крапивенский у. 34, 96, 224, 356
 Краснопольская слоб. 51, 55, 57, 63, 108, 118—121, 123, 137, 145, 204, 238, 382, 383
 Красноярская слоб., 108
 Красовка д., Царевосанчурск. у. 497
 Кронштадт 429, 431, 443, 472
 Крутая д., Унженск. у. 498
 Крутогорская д., Царевосанчурск. у. 497
 Крючиха д., Унженск. у. 498
 Кудеярова д., Царевосанчурск. у. 497
 Кузнецк г. 35
 Кузнецкий у. 127, 168, 186, 207, 222
 Кулачиха д., Унженск. у. 498
 Кунара д. 238
 Кунгур 125, 144, 146, 148, 162, 171, 183, 205, 214, 229, 238, 240, 268, 356, 387
 Кунгурская заимка 124
 Кунгурский у. 46, 126, 127, 135, 146, 155—157, 169, 189, 205, 220, 223, 239, 356, 361, 386, 387
 Курляндия 268
 Курьинская пристань 159, 165, 238, 300
 Курья д. 125
 Корнуша д., Нижегородск. у. 497
 Крутец д., Нижегородск. у. 497
 Куракино с., Тульск. у. 498
 Курулова д. 498
- Л**адожский канал 410
 Ладожское озеро 163, 410, 411, 429
 Лаишев г. 130—133, 171, 229, 268, 288, 290, 344, 400, 402, 403, 408, 412, 414, 418—420
 Лайя р. 215
 Латышева д., Унженск. у. 498
 Левканурская д., Царевосанчурск. у. 497
 Левкин поч., Царевосанчурск. у. 497
 Леонтьева д. 498
 Лижемский погост 24
 Липовка д. 498
 Лиса д., Царевосанчурск. у. 497
 Лобаново с., Царевосанчурск. у. 497
 Локтевка р. 214
 Ломовка д., Арзамасск. у. 498
 Лондон 270, 273, 274, 465—467, 488
 Лукониха д., Царевосанчурск. у. 497
 Лысково с. 34
 Лышнова д., Царевосанчурск. у. 497
 Любецкий стан 23, 25
 Лялинская слоб. 384, 499
 Ляпунова д., Унженск. у. 498

- И агнитная гора 66, 99, 369
 Маймогубская вол. 24
 Малиновая засека 89, 496
 Малоярославецкий у. 23, 69, 235
 Малый Ярославец 23, 73
 Медведка р. 495
 Медное с. 408
 Мельников поч. 498
 Меркушиха д., Унженск. у. 498
 Мещанская слоб. 28, 36, 130
 Мещовский у. 186
 Митава г. 268
 Михайловское с. 289, 498
 Мокша р. 35
 Молвяшка д., Нижегородск. у. 497
 Молога р. 35
 Моложский посад 420
 Морева д. 498
 Морошкина д., Унженск. у. 498
 Москва г. 8, 22, 33—43, 46—57, 60—62, 65—79, 84—88, 90, 98, 99, 101—107, 110—112, 116, 120, 122, 123, 125, 127—131, 134—140, 142, 146, 159, 171, 174, 206—218, 229, 267—274, 276, 279, 281, 284, 286, 288—293, 306, 322, 324, 331, 335, 339, 345—350, 352, 356, 358, 371, 372, 382, 383, 398—401, 405, 414, 416, 419—423, 428, 431, 432, 435, 441, 446—450, 451—454, 459, 460, 466, 469, 470—474, 477, 478, 480, 483, 486—488, 496, 499, 500
 Москва р. 135, 143, 229, 238, 267, 288, 402, 459
 Московская губ. 223, 360, 366
 Мостовая р. 46
 Мста р. 404, 410, 412
 Мулинка Малая д., Унженск. у. 498
 Мурзинская слоб. 118, 120, 127, 144
 Муром г. 46, 131
 Мухино с., Романовск. у. 498
 Мягково с. 143

 Нарва г. 52, 78, 268
 Нева р. 285, 411, 466, 472
 Невьянск г. 179, 188, 214, 216, 296, 298—300, 311, 317, 377, 390
 Невьянская слоб. 45, 47—49, 51, 55, 57, 63, 108, 109, 118, 120
 Невьянский монастырь 35, 48, 124, 379, 380
 Невьянский острог 49
 Неглинная р. 23, 28
 Нежин г. 33
 Нейва р. 35, 45, 50, 56—58, 63, 93, 127, 188, 215, 262, 299, 301
 Нерчинск г. 127
 Нижегородская вотчина 224, 340, 341, 343, 344
 Нижегородская губ. 136, 223, 260, 340, 360, 366, 400
 Нижегородский у. 34, 95, 96, 169, 187, 223, 225, 235, 238, 241, 291, 339, 340, 341, 497
 Нижний Новгород 46, 58, 61, 91, 93, 130, 131, 159, 163, 171, 212, 225, 229, 240, 241, 268, 288, 290, 340, 344, 356, 398, 399, 402, 414, 419, 420, 422, 423, 446, 448, 451, 459, 476, 480, 483
 Нижний Тагил 16, 188, 215, 232, 263, 269, 279, 290, 294, 297, 303, 344, 382, 383, 388—393, 486
 Николаевский поч., Унженск. у. 498
 Никольский монастырь 48
 Никольское с. 225
 Никольское Галицкое с., Царевосанчурск. у. 497
 Ница р. 24, 49, 50
 Ницинская слобода 108
 Ницинский у. 125
 Новгород 28, 35, 39—41, 43, 171, 398, 404, 409, 410, 414
 Новое с. 143
 Новопоселенный (Васильевский) пог., Царевосанчурск. у. 497
 Новопышминская слоб. 108, 391
 Ножовка р. 187, 263
 Ношкинская пристань 409

 Обаимова д., Царевосанчурск. у. 497
 Оболенская вол. 243
 Оболенский у. 23
 Оботурова д., Нижегородск. у. 497
 Обь р. 175, 207
 Овчинникова д., Царевосанчурск. у. 498
 Овсянкова д., Царевосанчурск. у. 497
 Огневка р. 225
 Огневский майдан с. 225, 340, 342
 Ока р. 46, 130, 135, 143, 153, 228, 241, 244, 245, 264, 288, 398, 399, 403, 459
 Олонец 35, 39
 Олонецкий у. 24, 29, 35, 40, 356
 Онежское озеро 24
 Оплатика д., Царевосанчурск. у. 497
 Оренбург г. 175, 185
 Оренбургская губ. 208, 264
 Орехово-Зуево 366
 Оружейная, казенная, кузнечная слобода в Туле 36—38, 83, 84, 102, 103, 170, 354, 358, 488
 Оса г. 131, 187, 249, 263, 402, 418
 Оселки д., Нижегородск. у. 497
 Осинский у. 223
 Осинка д., Нижегородск. у. 497
 Осиповка д., Царевосанчурск. у. 497
 Осташиха с., Нижегородск. у. 497
 Осташков г. 39
 Островалка Большая, д. Унженск. у. 498
 Отары д., Нижегородск. у. 497
 Охоткина д., Царевосанчурск. у. 497

 Павдинская д. 46
 Павловское с. 23, 68
 Павшино с. 82, 83
 Париж 270, 272
 Переяславль Залесский 33, 46
 Переяславль Рязанский 46, 131, 135
 Перепечины д. 498
 Перлово д. 34
Пермская губ. 249
 Пермь г. 171, 229, 277, 278, 335, 402, 405
 Першинский поч., Нижегородск. у. 497
 Петербург 8, 53, 132, 159, 160, 163, 168, 174, 175, 179, 201, 209, 210—213, 221, 229, 235, 240, 241, 243, 245, 264, 268, 269, 274, 276, 282, 283, 288, 290, 328, 331, 335, 348, 349, 386, 394, 395, 398, 399, 404, 408, 410, 412, 416—422, 429—431, 435—444, 446—448, 453—461,

- 464, 468, 470—477, 478, 486, 491, 492, 500
- Петергоф 426
- Петровское с. 292, 350, 351
- Пешанки д., Унженск. у. 498
- Писарина д., Царевосанчурск. у. 497
- Плешкова д., Царевосанчурск. у. 497
- Плontiцина д., Унженск. у. 498
- Погодина д., Царевосанчурск. у. 497
- Погоская д., Унженск. у. 498
- Подахина д., Унженск. у. 498
- Подосениха д., Унженск. у. 498
- Подсевалова д. 498
- Подушкина д., Унженск. у. 498
- Покровский майдан, Нижегородск. у. 497
- Покровское с. 48, 118, 122—125, 188, 204, 354, 360, 379, 381—383, 393
- Полевая р. 114, 140
- Полянка Волкова д., Царевосанчурск. у. 497
- Полянка Онаньина д., Царевосанчурск. у. 497
- Понарьина д. 96
- Потанина д., Царевосанчурск. у. 497
- Предтеченка — Сметанино с., Царевосанчурск. у. 497
- Преображенское с. 146
- Прислон с. 274, 288, 292, 340, 345, 453
- Притыкино д. 274, 288, 340, 345, 453
- Прокошевка д., Нижегородск. у. 497
- Протва р. 23
- Псков г. 28, 35, 39, 41, 43
- Пыскорский монастырь 362
- Пышма заимка 124, 125
- Пьянкова д., Царевосанчурск. у. 497
- Рассошная д. 238
- Ревда р. 112, 166, 171, 172, 263
- Ревель г. 268, 426, 440, 442, 450
- Реж р. 45—47, 56
- Реутиха д., Унженск. уезда 498
- Ржев г. 39, 40
- Ржевский у. 354, 356
- Рига г. 171, 268, 399, 431, 450, 457
- Ровное с. 420
- Рогачево 346, 350
- Романов г. 24
- Романовский у. 223, 224, 498
- Ромодановская вол. 186, 241, 242
- Ромодановское с. 242—245, 267
- Россия 103, 109, 456, 465, 466, 470, 491
- Ростов г. 39, 98
- Ростовский у. 34
- Руан г. 470
- Румянино с. 223, 340
- Рыбина д., Царевосанчурск. у. 497
- Рыбинск г. 407, 412, 414, 419, 421—423
- Рыбная слоб. 160, 344
- Ряпиха д., Унженск. у. 498
- Саканы с. 223
- Саксония 270
- Саншикова д., Царевосанчурск. у. 497 498
- Сарапул г. 131, 262, 413
- Сарапульский у. 360
- Саратов г. 171
- Свердловск г. 255
- Семенов поч. 498
- Семипалатинск г. 214
- Семкина д. 498
- Серга р. 186, 208, 264
- Сергач г. 225
- Сергеевица д., Унженск. у. 498
- Сергеевское с. 350
- Серкова Большая д., Царевосанчурск. у. 497
- Серковка Малая д., Царевосанчурск. у. 440
- Серпухов г. 30, 34, 35, 229, 240, 358
- Сибирская губ. 222, 235, 382
- Силезия 334
- Симбирск г. 399
- Симбирский у. 223, 356, 449
- Симонов монастырь 143
- Скородумы д., Царевосанчурск. у. 497
- Скугориха д., Унженск. у. 498
- Слепенкова д., Унженск. у. 498
- Слопинец д., Нижегородск. у. 497
- Смоленск г. 33, 159
- Смоленский у. 65
- Смородинка р. 172
- Соль Вычегодская г. 35, 46, 356
- Соль-Камская 24, 46, 57, 61, 171, 187, 235, 239, 241, 356, 399, 400, 423, 446
- Соликамский у. 356, 386
- Соловецкий монастырь 24, 34
- Соловский у. 223
- Соломенская вол. 21, 28, 29, 60, 124
- Сомово с. 225, 342, 402
- Сосновка д., Царевосанчурск. у. 497
- Спасская д. 498
- Средиземное море 436
- Средняя д., Унженск. у. 498
- Средняя Цепка р. 262
- Старое Городище 89, 495, 496
- Старогородищенский стан 96
- Степанов поч., Царевосанчурск. у. 497
- Стрельна 426
- Суздаль г. 128
- Суздальский у. 35, 71
- Сукино д., Унженск. у. 498
- Суксун р. 126
- Сулемская пристань на р. Чусовой 225, 340
- Сундырская д. 407
- Сылва р. 183, 207, 262
- Таватуй озеро 301
- Таволги д. 238
- Тагил р. 51, 55, 56, 58, 60, 66, 93, 118, 188, 215, 262, 303
- Тагильская слоб. 108
- Таланкина д., Унженск. у. 498
- Талица д., Унженск. у. 498
- Тамакульская слоб. 108
- Тара г. 229, 240, 399
- Тарасова д., Унженск. у. 498
- Татаринов поч., Царевосанчурск. у. 491
- Темников г. 35
- Тверца р. 398, 401, 403, 404, 408, 420
- Тверь г. 18, 34, 39, 91, 93, 94, 159, 160, 171, 212, 213, 229, 240, 241, 276, 287, 288, 290, 312, 341, 345, 346, 398—400, 403, 408, 412, 416, 417, 419—423, 430, 432, 437, 446, 448—451, 459, 467, 477, 480, 491
- Тиса р. 187, 262
- Тихвин г. 39, 41

- Тихвинский у. 35
Тобольск г. 35, 48, 49, 54, 55, 57, 58, 64—66, 68—72, 74, 75, 78, 87, 94, 98, 102, 104, 110, 112, 113, 115, 121, 126, 128, 130—133, 140, 146, 155, 171, 210, 215, 229, 241, 382, 384, 399, 400, 423, 446
Тобольский у. 46, 48, 64, 74, 78, 118, 123, 125, 146, 356
Томск г. 49, 186
Томский у. 168, 207, 235
Торгувинский острог 146
Торжок г. 401, 404, 408, 419
Тотьма г. 46, 356
Трехсвятское с. 241, 498
Троицкое с., Унженск. у. 498
Тула г. 34, 35, 37, 38, 46, 73, 82, 83—88, 90, 96, 98, 100, 103, 110, 118, 122, 135, 136, 142, 145, 167, 170, 171, 210, 218, 228, 229, 231, 236, 273—275, 314, 353, 356, 358, 359, 363, 371, 423, 488, 489, 495, 496
Тулица р. 23, 88, 89, 187, 219, 259
Тулка р. 496
Тульская засека 496
Тульский у. 34, 89, 96, 223, 225, 340, 356, 358, 495
Турка р. 155
Туртанка д. 498
Турья д., Царевосанчурск. у. 497
Тюмень г. 45, 229, 238, 268, 399, 400, 446
- Углич г. 34, 39, 408
Угодка р. 23
Угра р. 159
Угрешский монастырь 143
Уктус р. 114, 115, 140
Улома 35
Унженский у. 241, 223—225, 289, 340
Упа р. 23, 496
Услон с. 403, 419
Успенское (Лебяжье), Казанск. у. 499
Успенское, с. Царевосанчурск. у. 497
Устюг Великий 35, 46
Устюжна Железопольская 28, 35, 40, 49
Устюжский у. 346
Усть-Уткинская пристань 328
Утка р. 45, 46, 159, 168, 172
Уткинская пристань 262, 384
Уткинская слоб. 45, 57, 118, 130
Утускова д., Царевосанчурск. у. 497
Уфа р. 208, 263, 264
Уфимский у. 46, 112, 125, 186, 208, 223, 356, 361
- Федорова д., Царевосанчурск. у. 497
Федьковка д. 55, 57, 63, 238
Финский залив 35
Флоренция 274
Фокино д., Унженск. у. 498
Фокино с. 18, 95, 96, 136, 169, 178, 187, 219, 233, 224, 225, 274, 288, 290, 291, 339, 341—343, 345, 400, 402, 403, 414, 418, 420, 452, 459, 477, 500
Франция 269, 304
- Хлышевка д., Унженск. у. 498
Царевосанчурская вотчина 223, 340, 341, 402, 418
- Царевосанчурский у. 223, 224, 235, 291, 341, 362
Царицын г. 91, 93, 171
Царское Село 245, 286, 467
Цвольная р. 404
Чарош р. 168, 214
Чебоксары г. 171, 229, 238, 268, 407, 408, 446
Челябинск г. 387
Чердынский у. 50, 356
Чердынь г. 50
Черемисская д., Нижегородск. у. 497
Чернигов г. 33, 35
Черное море 435, 440, 442
Черноишимская д. 238
Черный Исток р. 168
Чугунка р. 169, 225
Чудов монастырь 98, 271
Чусовая р. 45, 46, 57, 58, 91, 95, 112, 116, 118, 120, 121, 130, 131, 134—138, 140, 162, 171, 172, 188, 207, 208, 223, 262, 263, 290, 300, 328, 398, 399, 405, 407, 411, 412, 415, 418—420
Чусовская вол. 165
Чусовская пристань 278, 279, 341, 419, 437, 491
Чусовская слоб. 108, 118, 125, 131, 134, 145, 159, 388
- Шадринск г. 387
Шайтанка р. 168, 172, 186, 208, 300
Шацкая провинция 184
Швейцария 269
Швеция 75, 304, 466, 468, 470, 489
Шексна р. 35
Шелепино д., Романовск. у. 498
Шишевка Большая д., Царевосанчурск. у. 497
Шишевка Малая д., Царевосанчурск. у. 497
Шиселова д. 498
Шишимская д. 238
Шлиссельбург 411
Шунгской погост 24
Шурал р. 215, 299
Шутова д., Царевосанчурск. у. 497
Шуя г. 128
Щегловская засека 89, 90, 495
- Юркино с., Нижегородск. у. 497
Юрьевецкий у. 362
- Ягошиха 290
Ягошихинская пристань см. Пермь
Ягроболы д. 498
Ягутова д., Царевосанчурск. у. 497
Яик р. 147, 387
Яковцева д. 498
Якутск г. 214
Ялтынина д., Унженск. у. 498
Ямбург г. 132
Ямская слобода 89, 495, 496
Ярославль г. 18, 34, 46, 82, 91, 94, 129, 171, 210, 212, 229, 235, 238, 240, 241, 268, 276, 287, 289, 290, 352, 399, 400, 403, 415, 419, 420, 422, 423, 438, 446, 448, 450, 451, 459, 477, 480, 483, 491
Ярославская вотчина 401, 416
Ярославский у. 223, 241, 289, 360
Яссы г. 273, 480, 481

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.	3.
----------------------	----

Часть I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ

Глава I. Задачи исследования и источники	7
1. Задачи исследования	7
2. Источники	14
Глава II. Русская металлопромышленность и рынок металлов к концу XVII в.	20
1. Мануфактура и ремесло в русской металлопромышленности в конце XVII в.	20
2. Некоторые данные о рынке металлов в конце XVII и начале XVIII вв.	38
Глава III. Строительство первых уральских заводов	45
1. Общие условия строительства первых заводов на Урале	45
2. Возникновение Невьянского и Каменского заводов	55
Глава IV. Возникновение предприятия Демидовых	82
1. Никита Демидов и его первые привилегии	82
2. Передача Невьянского завода Никите Демидову	99
Глава V. Первые заводы на Урале и начало уральской артиллерии	110
1. Поездка думного дьяка А. А. Виниуса в Сибирь и новые приобретения Никиты Демидова	110
2. Первая уральская артиллерия и доставка ее в Москву	129
3. Уральские заводы в 1703—1707 гг. и крестьянские восстания	135

Часть II

РАЗВИТИЕ ДЕМИДОВСКИХ ЗАВОДОВ В ТЕЧЕНИЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Глава VI. Заводы и расширение привилегий Демидовых в первой половине XVIII в.	153
1. Привилегии и обязательства Демидова в первой четверти XVIII в.	153
2. Привилегии Демидова во второй четверти XVIII в.	167
Глава VII. Демидовские заводы в первой половине XVIII в.	182
1. Заводы Демидовых во второй четверти XVIII в.	182
2. Общие статистические показатели по демидовским заводам в 20—40-х годах XVIII в.	188
Глава VIII. Заводы Акипфия Демидова в середине XVIII в	218
1. Заводы и вотчины.	218
2. Движимое имущество. Итоги.	231

Глава IX. Заводы Демидовых и их размещение во второй половине XVIII в.	234
1. Раздел предприятия Акинфия Демидова	234
2. Восстание крестьян в Ромодановской волости	241
3. Демидовские заводы в последней трети XVIII в.	245

Часть III

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДЕМИДОВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Глава X. Руководство и управление хозяйством Демидовых	267
1. Заводчики второй половины XVIII в.	267
2. Управление. Конторы и приказчики	274
Глава XI. Организация производства	295
1. Основной капитал Невьянской части	295
2. Организация производства на Нижнетагильском заводе	303
3. Динамика производства	322
Глава XII. Рабочие демидовских заводов	339
1. Крепостная деревня и уральские заводы	339
2. Состав заводских рабочих	352
Глава XIII. Борьба уральских рабочих и крестьян за свободу	373
1. Восстания на Урале в 60-х годах XVIII в.	373
2. Восстание Пугачева и уральские рабочие	387
Глава XIV. «Железные караваны»	398
1. Караваны Демидовых в 1745—1763 гг.	398
2. Караваны 1770—1774-х гг.	416
Глава XV. Казенные поставки и продажа железа на вольный рынок	424
1. Казенные поставки Демидовых	424
2. Сбыт железа на внутреннем рынке	446
Глава XVI. «Заморский отпуск»	456
1. Организация экспорта железа	456
2. «Заморский отпуск» по донесениям демидовских приказчиков	466
Глава XVII. Бюджет Демидова	475
Глава XVIII. Заключение.	488

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы	493
Указатель именной	505
Указатель предметный и заводов	511
Указатель географический	517

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*
 Редактор издательства В. К. Яцунский. Технический редактор Е. Н. Симкина
 Корректор Н. И. Морозов. Переплет художника Г. М. Рифтина
 *

РИСО АН СССР № 3255. А-12395. Издат. № 1872. Тип. заказ № 2284. Подп. и печ. 20/X 1949 г.
 Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 32³/₄+2 вклейки. Уч.-издат. 46,25. Тираж 4000. Цена в переплете
 40 руб.

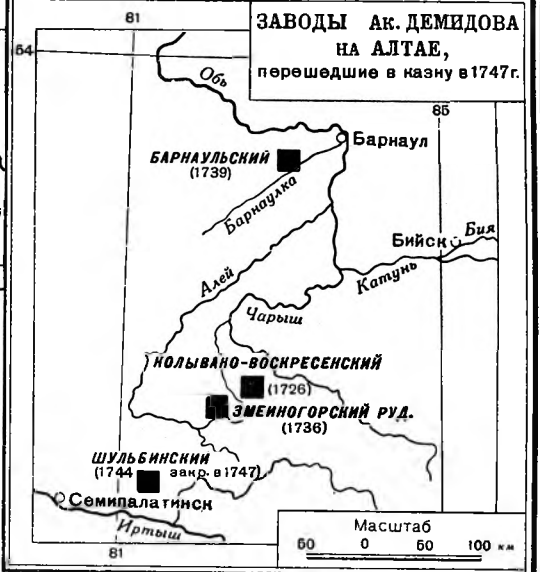
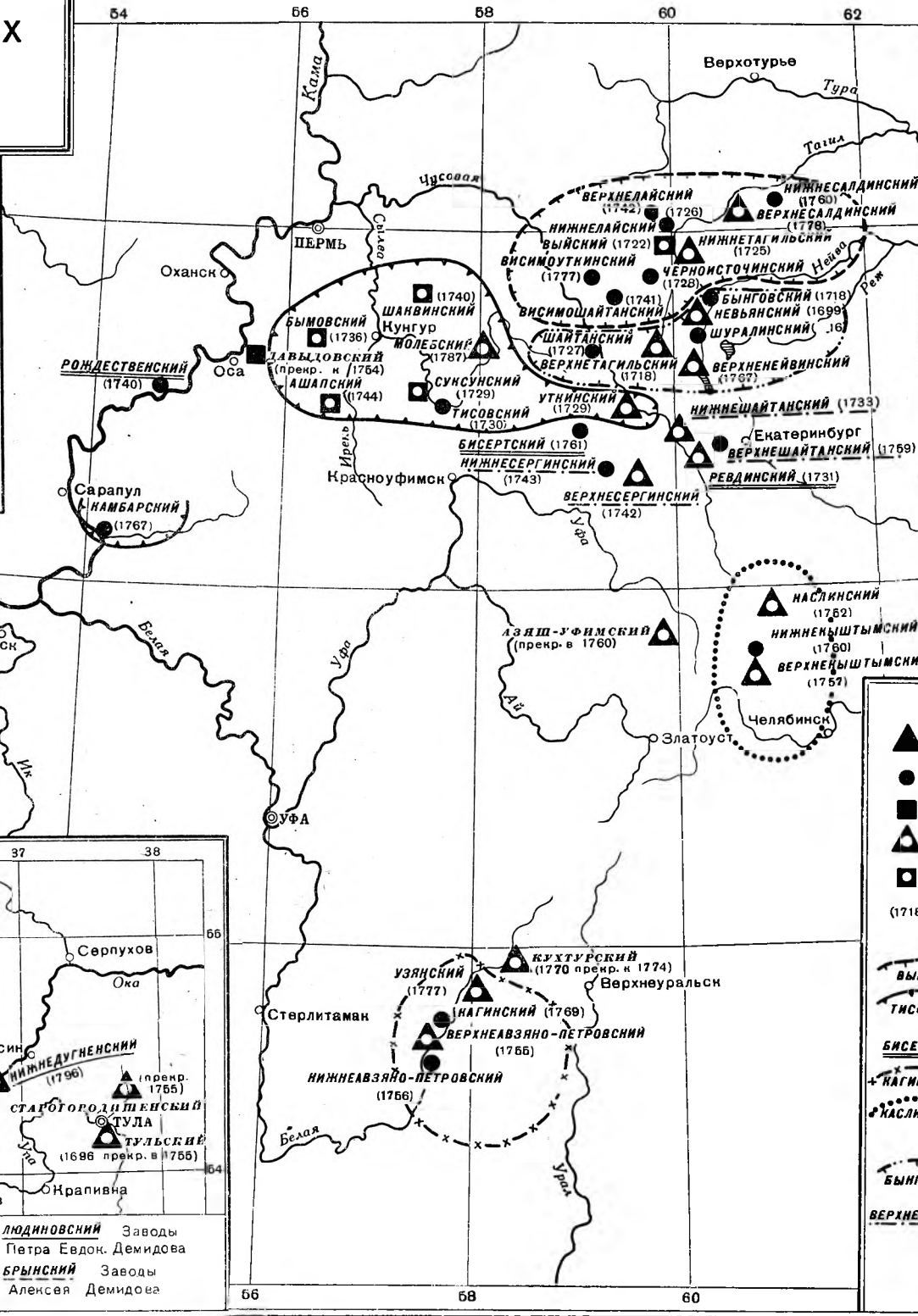
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

О п е ч а т к и

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
47	10 сл.	в XVIII в.	в XVII в.
208	16 св.	80-е годы	30-е годы
325	5 сл.	в табл. 59 60	в табл. 57
326	5 св.	железа (пуд.)	железа (пуд.) ^[1]
326	6 св.	отпуска (пуд.) ^[1]	отпуска (пуд.)
377	8 св.	1762 г.	1763 г.
379	2 сл.	1768 г.	1763 г.
403	3 св.	врезжающим	приезжающим
495	9 сл.	тужное	цужное

Б. В. Кафенгауз.

ЗАВОДЫ ДЕМИДОВЫХ В XVIII В. ЗАВОДЫ НА УРАЛЕ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

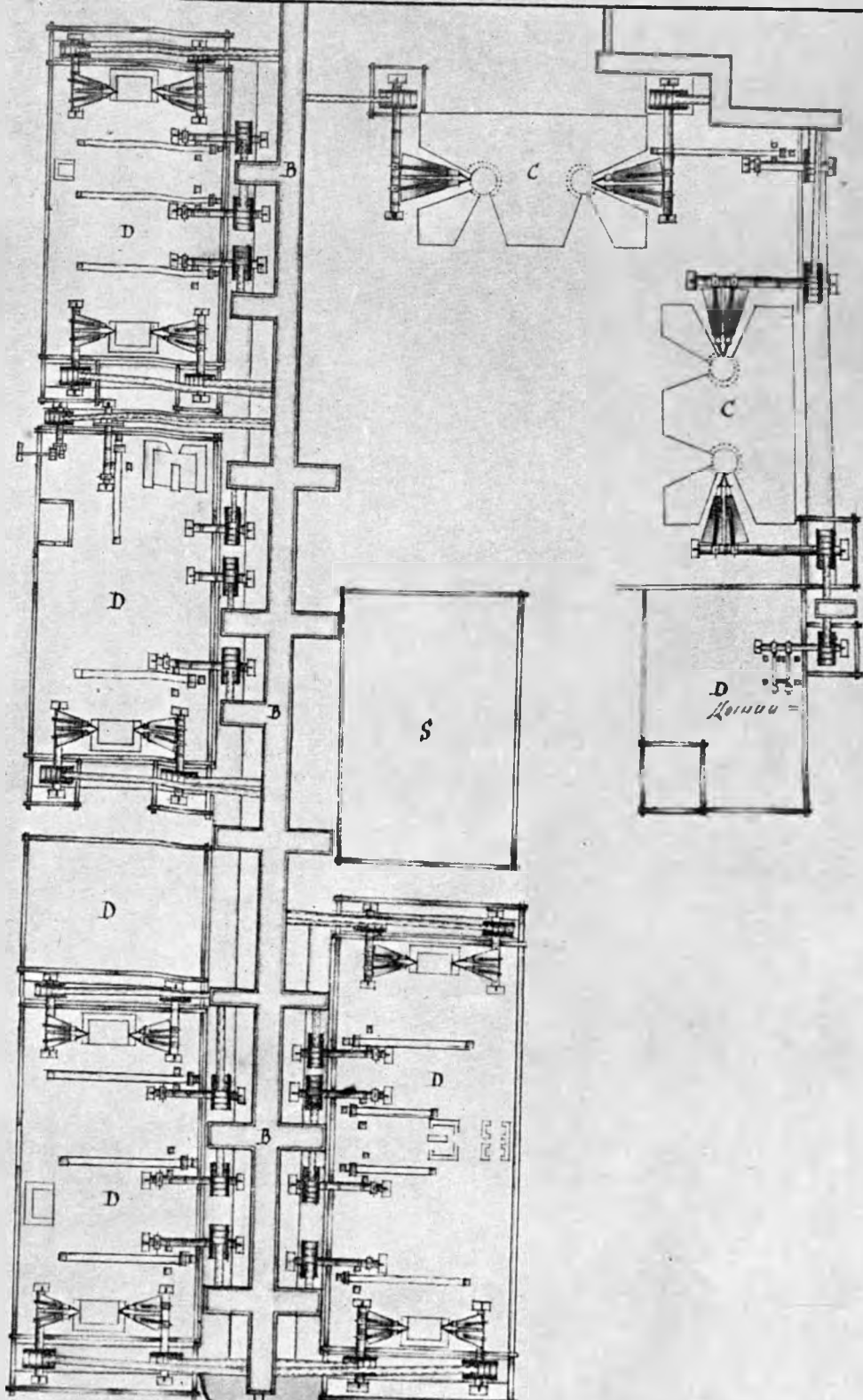
- ▲ Чугуноплавильные заводы
- железоделательные заводы
- Медеплавильные заводы
- ▲ Чугуноплавильные и железоделательные заводы
- Медеплавильные и железоделательные заводы

(1718) Даты основания заводов

Заводы Демидовых к концу XVIII в.

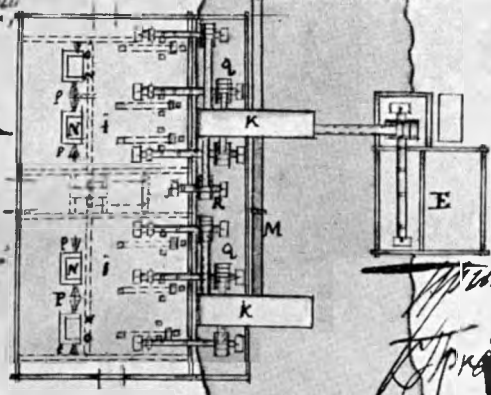
- ВЫИСКИЙ Никиты Акинфиевича Демидова и его наследников
- ТИСОВСКИЙ Александра Григ. Демидова
- БИСЕРТСКИЙ Петра Григ. Демидова
- НАГИНСКИЙ Ивана Демидова и М. Губина
- НАСЛИНСКИЙ Никиты Никитовича Демидова «Преждебывшие» заводы Демидовых, перешедшие к другим владельцам
- БЫНГОВСКИЙ Перешедшие к Савве Яковлеву
- ВЕРХЕСЕРГИНСКИЙ Ширяевых

МАСШТАБ
30 0 30 60 90 120 150 км

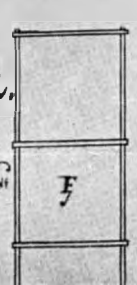
Томск.
 Нижнетагильского завода фабричного типа
 надъ исслежд. надъ фабрикой по производству
 фабрике опилокъ разбития надъ фабрикой
 построены фабрикой, знаменитъ мнѣ по плану
 Филиппо,

- А. Едита плотинки.
- В. Ларь шестиваловъ.
- С. Домна.
- Д. Пряды построеныя молотковой фабрики.
- Е. Мелкая шпинетная.
- Ф. Мелкошпунтовая фабрика.
- Г. Прядильня.
- И. Станокъ фабричный при рѣш. тѣхн. моды.
- І. Фабрика надъ фабрикой шпунтовой фабрики.
- К. Прядильня.
- Л. Прядильня при производствѣ тѣхн. рѣш. тѣхн. шпунтовой фабрики.
- М. Прядильня шпунтовой фабрики.
- Н. Прядильня тѣхн.
- О. Прядильня тѣхн.
- Р. Зубы зубчатые шпунта.
- Q. Прядильня шпунтовой фабрики.
- А. Прядильня шпунтовой фабрики.
- С. Прядильня шпунтовой фабрики.

Handwritten signature and notes in cursive script, likely belonging to the architect or engineer.

Масштабъ 20 футовъ 3 дюйма
 1 2 3 4 5 10 15 20 футовъ

Исполнено въ 1892 году, архитекторъ Филиппо

Рис. 1. План Нижнетагильского завода.

Б. Б.
КАФЕНГАУЗ

ИСТОРИЯ
ХОЗЯЙСТВА
ДЕМИДОВЫХ
В XVIII-XIX ВВ.

I